

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ДРЕВНОСТИ ЕВРАЗИИ:

ОТ РАННЕЙ БРОНЗЫ

ДО РАННЕГО

СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

ПАМЯТИ В.С. ОЛЬХОВСКОГО

Сборник статей

Москва
2005

УДК 902/904
ББК 63.3
Д73

Редакционная коллегия:
В.И.Гуляев (главный редактор),
С.Б.Вальчак, С.В.Кузьминых (составители),
Н.В.Лопатин, С.В.Ольховский, А.В.Энговатова

Рецензенты:
В.Г.Петренко, В.Ю.Малашев

*Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии РАН*

Д73 **Древности** Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти Валерия Сергеевича Ольховского. Сб. статей / Гл. ред. В.И.Гуляев. – М.: Институт археологии РАН, 2005. – 590 с., илл.

ISBN 5-94375-033-9

Сборник, посвященный памяти В.С.Ольховского, включает статьи, в которых обсуждаются актуальные проблемы археологии Евразии широкого хронологического диапазона – от раннего бронзового века до средневековья.

УДК 902/904
ББК 63.3

ISBN 5-94375-033-9

© Институт археологии РАН, 2005
© Редакционная коллегия, 2005
© Авторы статей, 2005

СОДЕРЖАНИЕ

От редакторов и составителей.....	5
<i>В.И.Гуляев (Москва)</i> . Человек и наука (общие проблемы скифской археологии и <i>В.С.Ольховский</i>).....	7
<i>С.Н.Савенко (Кисловодск)</i> . <i>В.С.Ольховский</i> – научные и личные контакты.....	10
<i>В.П.Буров (Москва)</i> . Памяти друга.....	15
<i>Е.А.Савостина (Москва)</i> . Валерий Ольховский. Последнее лето.....	18

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ В.С.ОЛЬХОВСКОГО

<u><i>В.С.Ольховский</i></u> . Монументальная скульптура Крыма V–III вв. до н.э.....	21
<u><i>В.С.Ольховский</i></u> . Скифская монументальная скульптура (к проблеме достоверности источника).....	30

АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ

<i>Л.И.Авилова (Москва)</i> . Божественный плотник.....	40
<i>Ю.Г.Коваль, В.Ф.Клименко (Донецк, Енакиево)</i> . Комплекс кремневых изделий из погребения 13, кургана III у г.Лисичанска.....	46
<i>Н.И.Шишлина (Москва)</i> . Головные уборы эпохи бронзы Северо-Западного Прикаспия.....	50
<i>В.В.Цимиданов (Донецк)</i> . Доно-волжская абашевская культура и памятники покровского типа: к проблеме соотношения.....	66
<i>С.Н.Корневский (Москва)</i> . Металлическая посуда майкопско-новосвободненской общности.....	82
<i>С.В.Демиденко (Москва)</i> . К вопросу о происхождении клепаных «киммерийских» котлов Северного Причерноморья.....	93
<i>А.М.Новичихин (Анапа)</i> . Бронзовое антропоморфное навершие из окрестностей станции Гостагаевской.....	104

АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

<i>И.Н.Медведская (Санкт-Петербург)</i> . Сиалк В и Хасанлу IV: вопросы хронологии.....	107
<i>А.В.Энговатова, И.А.Сапрыкина (Москва)</i> . Хронология раннего периода Москворецкой группы памятников дьяковской культуры по данным радиоуглеродного анализа.....	127
<i>С.Б.Вальчак (Москва)</i> . Классификация, вопросы происхождения, развития и хронологии некоторых кинжалов и мечей предскифского периода.....	138
<i>А.Ю.Алексеев (Санкт-Петербург)</i> . Предскифское зеркало из Саркела.....	161
<i>В.Р.Эрлих (Москва)</i> . К дискуссии о месте и времени появления предскифских колесниц.....	167
<i>С.В.Махортых (Киев)</i> . Черногоровские древности Северо-Восточного Причерноморья.....	183
<i>А.Ю.Скаков, В.Р.Эрлих (Москва)</i> . О хронологии «киммерийских» и раннескифских древностей.....	201
<i>S.Reinhold (Берлин)</i> . Warriors of the Caucasian Late Bronze and Early Iron Ages.....	228
<i>А.А.Тшикин, П.К.Дашиковский (Барнаул)</i> . Этнокультурная ситуация на Алтае в скифскую эпоху.....	248
<i>А.А.Чижевский (Казань)</i> . Ананьинские (постмаклашеевские) стелы IX–VI вв. до н.э.....	268

<i>Л.С.Марсадолов (Санкт-Петербург)</i> . «Оленные» камни из посёлка Аржан в центре Азии	301
<i>Н.А.Гаврилюк, В.П.Белозор (Киев)</i> . Каменное изваяние с курганного поля Солохи.....	312
<i>Т.М.Кузнецова, С.В.Кузнецов (Москва)</i> . Курганы скифского времени у пос. Днепрорудный и с. Большая Белозерка (краткий очерк)	317
<i>Ю.В.Болтрик, Е.Е.Фиалко (Киев)</i> . Находки из южной части Трахтемировского городища.....	333
<i>С.Б.Бурков, В.Е.Маслов (Назрань, Москва)</i> . Исследования могильника «Орджоникидзевский» в Чечне	356
<i>В.А.Скарбовенко (Самара)</i> . Погребальный комплекс эпохи раннего железа в кургане 5 могильника Берёзки I	382
<i>Е.В.Переводчикова, К.Б.Фирсов (Москва)</i> . К реконструкции убора коней из кургана Козёл	394
<i>Е.Е.Фиалко (Киев)</i> . О назначении золотых «конусов» из скифского кургана Огуз	407
<i>Ю.Б.Полидович, Г.Н.Вольная (Донецк, Владикавказ)</i> . Образ зайца в скифском искусстве.....	415
<i>С.Ю.Гуцалов (Челябинск)</i> . Волчье племя (к семантике образа волка в искусстве древних кочевников Южного Урала).....	437
<i>А.В.Пьянков (Краснодар)</i> . Бронзовый зооморфный наконечник ножен акинака из фондов Краснодарского музея-заповедника	448
<i>Е.И.Савченко (Москва)</i> . Украшения населения скифского времени на Среднем Дону	451
<i>А.П.Мошинский (Москва)</i> . Аксессуары костюма населения горной Дигории в VII-IV вв. до н.э.	490
<i>А.Ю.Скаков, Д.А.Сташенков (Москва, Самара)</i> . Новый позднекобанский комплекс из горной Чечни.....	504
<i>Т.А.Габуев (Москва)</i> . Две катакомбы сарматского времени у ст.Черноярская в Северной Осетии.....	510

АРХЕОЛОГИЯ АНТИЧНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

<i>Н.В.Тарасова (Москва)</i> . Об одной группе височных подвесок раннего железного века из Северного Причерноморья.....	515
<i>И.А.Сапрыкина (Москва)</i> . Производственный ювелирный комплекс Троицкого городища дьяковской культуры.....	521
<i>С.А.Скорый (Киев)</i> . Античная керамическая посуда из большого Рыжановского кургана	535
<i>А.А.Мальшев (Москва)</i> . Граффити на керамических сосудах как исторический источник (на материалах юго-восточной периферии Боспора VI в. до н.э. – III в. н.э.)	547
<i>А.А.Завойкин (Москва)</i> . Две любопытные особенности культа «богини, сидящей на троне».....	563
<i>И.М.Безрученко, Д.С.Бжания, Ю.В.Горлов (Москва, Сухум)</i> . Раскопки раннехристианской базилики в г.Сухуме в 2001–2002 гг.....	568
<i>Н.В.Лопатин, А.В.Яковлев (Москва)</i> . Комплекс каменных надгробий из Смоленского Подвинья и проблема идентификации славянских языческих изваяний.....	575
<i>В.П.Буров (Москва)</i> . Курганно-жальничный могильник конца XIII – XVI вв. Поддубье-2 на Валдае	581
Список сокращений.....	588

**ОТ РЕДАКТОРА И СОСТАВИТЕЛЕЙ:
О СОДЕРЖАНИИ СБОРНИКА «ДРЕВНОСТИ ЕВРАЗИИ: ОТ РАННЕЙ
БРОНЗЫ ДО РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ.
ПАМЯТИ ВАЛЕРИЯ СЕРГЕЕВИЧА ОЛЬХОВСКОГО»**

Сборник научных статей «Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья» посвящен памяти известного археолога доктора исторических наук Валерия Сергеевича Ольховского. В сборнике публикуются статьи исследователей, представляющих Российскую Академию наук, научные центры, университеты, музеи Москвы, Санкт-Петербурга, Киева и других городов России, Украины и Германии. Представленные в авторской редакции статьи тематически разделены на четыре группы.

Сборник открывается блоком статей, написанных коллегами и друзьями В.С.Ольховского. **В.И.Гуляев** наметил основные направления научных поисков В.С.Ольховского и охарактеризовал его вклад в разработку актуальных проблем отечественной скифологии. **С.Н.Савенко**, **В.А.Буров** и **Е.А.Савостина** поделились воспоминаниями о некоторых памятных эпизодах жизни и научной деятельности В.С.Ольховского: от дней студенческих до трагического лета 2002 года. Завершается раздел двумя неопубликованными статьями исследователя. Они посвящены изучению монументальной скульптуры скифского времени и отражают ряд методических подходов к исследованию этой категории археологических источников. Обе статьи подготовлены к печати С.В.Ольховским и С.Б.Вальчаком.

Во второй раздел вошли работы, касающиеся различных проблем археологии бронзового века. В статье **Л.И.Авиловой** рассматриваются причины помещения в могилы царей и членов царских семей Ура плотницких орудий из драгоценных металлов, явно не предназначенных для практического употребления. Автор пришла к выводу о сакрализации процесса труда, считая её существенной чертой идеологии раннеклассовых обществ. **Ю.Г.Коваль** и **В.Ф.Клименко** публикуют уникальный комплекс погребения мастера древнейшей культуры, специализировавшегося на кремнеобработке. Украшения из погребальных памятников Северо-Западного Прикаспия эпохи ранней и средней бронзы явились для **Н.И.Шишлиной** источником реконст-

рукций головных уборов из различных материалов. **В.В.Цимиданов** на примере памятников покровского типа и доно-волжской абашевской культуры обращается к проблеме соотношения древностей, переходных от среднего к позднему бронзовому веку. Формы металлической посуды майкопско-новосвободненской общности и способы её изготовления рассматриваются **С.Н.Кореневским**. Отмечена особая роль Кавказа в формировании некоторых типов металлической посуды раннебронзового времени. **С.В.Демиденко** исследует вопросы происхождения, технологии изготовления и хронологии бронзовых клёпаных котлов Северного Причерноморья эпох поздней бронзы – начала раннего железа. Автор пришел к интересным выводам о различной хронологической позиции котлов некоторых форм, о роли Микенской Греции и местной традиции в разные периоды существования этой категории сосудов. **А.М.Новичихин** знакомит нас с редким экземпляром бронзового антропоморфного навершия эпохи поздней бронзы, найденного у станицы Гостагаевской в Краснодарском крае, и предполагает, что это миниатюрное навершие ритуального жезла.

В третий – наиболее обширный – раздел сборника включены статьи и заметки по археологии эпохи раннего железа. Они образуют три блока. В первом – статьи о хронологии погребальных и поселенческих памятников Евразии предскифского и раннескифского времени, во втором – статьи о каменных антропоморфных изваяниях (некоторые из них были заказаны В.С.Ольховским для сборника о стелах раннего железного века, который он намеревался издать), в третьем – статьи о памятниках и интересных материалах скифской и сарматской эпох.

И.Н.Медведская обратилась к новым аспектам проблемы хронологического соотношения ближневосточных памятников Сиалк В и Хасанлу IV. Анализ основан на детальном изучении деталей конской упряжи. **С.Б.Вальчак** предложил классификацию предскифских кинжалов и мечей с рукоятями прямоугольного сечения. Автором приведена их полная сводка,

рассмотрены вопросы происхождения, развития и хронологии этой категории оружия. **А.Ю.Алексеев** публикует находки редких зеркал предскифского времени. Проблема места и времени появления колесниц предскифского периода обсуждается **В.Р.Эрлихом**. Эта статья является продолжением дискуссии о хронологии памятников начала раннего железного века. Публикация предскифских – черноговорских – комплексов Северо-Восточного Причерноморья осуществлена **С.В.Махортых**. Приоритет «короткой» хронологии предскифских и раннескифских древностей юга Восточной Европы на широком фоне центральноевропейских, закавказских и переднеазиатских параллелей отстаивается в исследовании **А.Ю.Скакова** и **В.Р.Эрлиха**. Статья **А.В.Энговатовой** и **И.А.Сапрыкиной** посвящена хронологии раннего периода Москворецкой группы памятников дьяковской культуры, основанной прежде всего на данных радиоуглеродного анализа. Обобщающая характеристика социальных групп внутри сословия воинов в конце бронзового – начале раннего железного веков в Центральном Предкавказье дана в статье **С.Райнхольд**. К реконструкции этнокультурной ситуации на Алтае в скифское время обратились **А.А.Тишкин** и **П.К.Дашковский**. Отмечаются черты сходства и отличия в погребально-поминальной практике раннескифского и пазырыкского времени.

Каменные антропоморфные стелы – одно из основных направлений исследований **В.С.Ольховского**. Как он неоднократно признавался, это было и его хобби, только научное. С этими интересами **В.С.Ольховского** связан целый блок статей сборника. Работа **А.А.Чижевского** об изваяниях раннеананьинской (постмаклашевской) культуры была инициирована самим Валерием Сергеевичем после знакомства с диссертационным исследованием казанского ученого. В настоящее время это наиболее полный свод стел Волго-Камья начала эпохи раннего железа. **Л.С.Марсадалов** вновь обратился к «оленным» камням из поселка Аржан в Туве, а **Н.А.Гаврилюк** и **В.П.Белозор** – к изваянию с курганного поля Солохи.

Третий блок статей этого раздела открывается публикацией **Т.М.Кузнецовой** и **С.В.Кузнецова**, посвященной материалам из курганных групп скифского времени у

пос.Днепрорудный и с.Большая Белозерка в Запорожской области. С недавними находками с Трахтемировского городища знакомят нас **Ю.В.Болтрик** и **Е.Е.Фиалко**. Материалы раскопок прошлых лет в Чечне, Северной Осетии и в Самарской области нашли отражение в работах **С.Б.Буркова** и **В.Е.Маслова**, **Т.А.Габуева**, **В.А.Скарбовенко**. Реконструкции конского убора из кургана Козёл предложены **Е.В.Переводчиковой** и **К.Б.Фирсовым**. Они основаны на детальном анализе сохранившихся металлических частей. Как детали конской упряжи рассматривает **Е.Е.Фиалко** золотые «конусы» из курганов скифской аристократии. Зооморфному искусству и публикации разнообразных категорий украшений скифо-сарматского времени посвящены исследования **Ю.Б.Полидовича** и **Г.Н.Вольной**, **С.Ю.Гуцалова**, **Е.И.Савченко**, **А.В.Пьянкова**, **А.П.Мошинского**, **А.Ю.Скакова** и **Д.А.Сташенкова**.

В заключительном разделе сборника объединены статьи, посвященные памятникам археологии античности и средневековья. **Н.В.Тарасова** предложила классификацию одной из групп височных подвесок Северного Причерноморья. Средневековый производственный ювелирный комплекс Троицкого городища вводится в научный оборот **И.А.Сапрыкиной**. К характеристике античной керамической посуды из Большого Рыжановского кургана обратился **С.А.Скорый**. Возможности граффити как исторического источника (на примере боспорских сосудов) раскрываются в статье **А.А.Мальшева**. Особенностям культа «богини, сидящей на троне» посвящена статья **А.А.Завойкина**. С результатами недавних раскопок развалин раннехристианской базилики в Сухуме знакомят нас **И.М.Безрученко**, **Д.С.Бжания** и **Ю.В.Горлов**. Проблема идентификации славянских языческих изваяний (на примере каменных антропоморфных надгробий раннего средневековья из Смоленского Подвинья) рассматривается **Н.В.Лопатиным** и **А.В.Яковлевым**. Характеристика курганно-жальничного могильника XIII–XVI вв. на Валдае дана в статье **В.А.Бурова**.

Издание сборника было бы невозможно без помощи начальника Подмосковной экспедиции ИА РАН **Энговатовой А.В.**, в полевых исследованиях которой в течение многих лет принимал участие **В.С.Ольховский**.

ЧЕЛОВЕК И НАУКА (ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ СКИФСКОЙ АРХЕОЛОГИИ И В.С.ОЛЬХОВСКИЙ)

Несмотря на то, что первые раскопки скифских курганов начались еще в XVIII веке (Мельгуновский, или Литой курган в Приднепровье в 1763 г.) и, таким образом, возраст скифской археологии составляет уже свыше 250 лет, в отечественном скифоведении остается еще очень много нерешенных проблем.

К их числу относятся, например, и такие важные вопросы, как происхождение скифов и их культуры, уровень развития скифского общества и наличие в нем государства, этнокультурная карта скифских и соседних племен (локальные варианты скифской культуры в степи и лесостепи Северного Причерноморья) и, наконец, причины и время гибели Скифии. За прошедшие два с половиной века археологи исследовали тысячи скифских курганов и десятки скифских городищ и поселений на огромной территории между Дунаем на западе и Доном на востоке (границы так называемой «Европейской Скифии»). Наука располагает также немалой информацией о скифах, содержащейся в трудах античных (греческих и римских) и древневосточных авторов. Как известно, сами скифы письменности не имели и поэтому приходится пользоваться теми сведениями, которые сообщают о них соседние, более развитые народы.

И тем не менее, несмотря на такое обилие археологических и исторических источников, решение даже основных проблем скифоведения продвигается с большим трудом или вообще стоит на месте.

Отечественные исследователи неоднократно пытались найти пути и возможности для достижения видимого прогресса в названных, «темных», вопросах, но без особого успеха. Достаточно сказать, что только в советский период было проведено три крупных всесоюзных конференции по проблемам скифо-сарматской археологии (Москва, 1952, 1967, 1972) и одно совещание по спорным вопросам скифоведения в редакции журнала «Народы Азии и Африки» (1980 г.). Эта хорошая тради-

ция была продолжена в 1999 г., когда по случаю 100-летия со дня рождения крупнейшего российского скифолога Б.Н.Гракова в Москве была вновь проведена большая конференция на тему «Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.», где помимо российских исследователей присутствовала представительная делегация ученых Украины.

И все-таки, даже учитывая все достижения скифоведения последних десятилетий, особых поводов для безудержного оптимизма у нас пока нет.

В этой связи стоит, видимо, еще раз задуматься о месте каждого отечественного скифолога¹ в решении тех огромных задач, которые остаются еще в скифской археологии. Мне представляется, что здесь будет весьма уместно вспомнить о том большом вкладе, который внес в скифоведение недавно ушедший от нас В.С.Ольховский.

Исследования последних лет убедительно доказали (особенно результаты работы конференции 1999 г. в Москве «Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.»), что наибольший успех в решении сложнейших вопросов реконструкции событий далекого прошлого (в том числе и скифского) выпадает на долю тех археологов, которые применяют комплексный подход к источникам. Причем здесь речь идет не только о соединении сведений письменных документов с данными археологии (что в разной степени делалось всегда или почти всегда), но и о широком применении в археологических изысканиях возможностей естественных наук – антропологии, палеозоологии, палеоботаники, почвоведения, палеогеографии, аэрофотосъемки, космического зондирования и др.).

Именно по такому перспективному направлению и шел всегда в своей работе В.С.Ольховский. Я не буду останавливаться на его многочисленных статьях, заметках и этюдах, по-

¹ А их в России сейчас вряд ли наберется более нескольких десятков человек.

священных самым разным вопросам скифоведения, а укажу лишь две главных темы, которыми он занимался практически всю свою жизнь: это, во-первых, поминально-погребальная обрядность населения степной Скифии в VII–III вв. до н.э., а во-вторых, монументальная скульптура кочевников Евразии (от Казахстана до Дуная) в скифскую эпоху.

Остановимся на первой из этих тем. Обще-признанно, что погребальные памятники вследствие большой потенциальной и реальной информативности являются одним из основных видов источников. Их раскопки ведутся уже многие годы. «При этом исследователями была продемонстрирована принципиальная возможность использования погребальных памятников для изучения и реконструкции различных сфер жизнедеятельности палеообществ – экономической, социальной, идеологической и других...» (Ольховский В.С., 1999, с.114). Однако и здесь остается еще много неясного, особенно в отношении теоретическо-методического подхода и терминологии. Не секрет, что и по сей день многие археологи считают чуть ли не синонимами понятия «погребение» и «погребальный обряд».

Поэтому неслучайно, что за эту сложную проблему взялся еще в 80-е годы прошлого века и В.С.Ольховский. Он изложил результаты своих исследований в серии статей и в специальной монографии (Ольховский В.С., 1986; 1991; 1999). Суть его выводов можно кратко свести к следующим положениям.

«Погребальный обряд (ритуал) – это совокупность ритуально-практических действий, осуществляемых при подготовке практических действий, осуществляемых при подготовке и совершении захоронения в соответствии с религиозно-идеологическими нормами. Основу обряда составляют погребальные обычаи – общепринятые способы и нормы обращения с умершими, ряд представлений и правил, предписывающих стиль поведения в конкретной ситуации. Обряд – явление более сложное по форме, содержанию и структуре – является совокупностью идеологической (система религиозных представлений, норм и предписаний, регламентирующих процесс захоронения) и практической (система ритуально-практических действий, осуществляемых при захоронении умершего) сфер. Идеологическая сфера есть содержание обряда, а практическая – его форма, реальные действия.

Идеологическая сфера обряда расчленяется на два уровня: семантический и процессуальный. Первый характеризует религиозно-идеологическое содержание и значимость предписаний процессуального уровня; это – религиозная сердцевина обряда. Второй представляет собой «систему предписаний» (устных или письменных), регламентирующих процесс захоронения, перечень действий, которые необходимо осуществить в определенной последовательности.

Практическая (реальная) функция (цель) погребального обряда – захоронение умершего, избавление общества от умершего посредством реализации определенных религиозных предписаний, направленных на создание погребального памятника, а его религиозная (иллюзорная) цель – обеспечение условий для надлежащего перехода умершего или его души в иной мир, сохранение «равновесия» между миром живых и миром мертвых совершением ряда операций. Погребальный памятник – это специально оформленное реальное или символическое место захоронения человека или животного, вещественный результат погребального обряда. Археологическому исследованию подвергаются, естественно, остатки памятника.

Изучение погребений, данные этнографии свидетельствуют о тесной связи погребальных обрядов с поминальными. Поминальный обряд – действия, совершаемые в течение определенного времени после захоронения с прощально-мемориальной целью. Он, как и погребальный, имеет свою практическую и религиозно-идеологическую сферы. Взаимосвязь погребального и поминального обрядов требует их совокупного изучения и обозначена понятием «погребально-поминальная обрядность» (Ольховский В.С., 1991, с.4,5).

Рассмотрение В.С.Ольховским большой выборки скифских погребальных памятников VII–III вв. до н.э. степного Причерноморья позволило выявить этносоциальные, территориально-экологические и хронологические различия между ними, реконструировать процесс захоронения – практическую сферу погребально-поминальной обрядности.

Работы В.И.Абаева, Ж.Дюмезиля, Д.С.Раевского, С.С.Бессоновой и других лингвистов и религиоведов позволили выявить у скифов Северного Причерноморья развитую религиозно-мифологическую систему и в определенной степени реконструировать ее. Изучение скиф-

ской ономастики, торевтики и других памятников изобразительного искусства, анализ письменных источников показали наличие в этой системе мощного индоиранского пласта. Выявление же в скифской ритуалистике индоарийского субстрата (О.Н.Трубачев, Л.А.Лелеков, Б.А.Литвинский и др.), а также ряда индоевропейских (евроазиатских) мотивов и элементов, в азиатском шаманизме доживающих почти до современности, значительно расширило поисковые возможности исследователей скифской религиозно-мифологической системы. Надо ли особо говорить, что в связи с этим большое значение имели изыскания В.С.Ольховского по анализу погребальных скифских комплексов VII–III вв. до н.э. Массовость и, как правило, хорошая документированность погребальных комплексов делают их весьма перспективным источником в изучении не только материальной, но и духовной культуры скифов.

Другим важным направлением в работах В.С.Ольховского явилось исследование памятников древнего монументального искусства (каменных стел) евразийских кочевников VII–III вв. до н.э. – как собственно скифов, так и некоторых их восточных соседей (Арало-Каспийский регион на территории Казахстана). Он не только написал ряд статей на эту тему, но и выпустил в свет (совместно с Г.Л.Евдокимовым) в 1994 году сводный каталог монументальных скифских изваяний степного Причерноморья, Крыма и Северного Кавказа – всего там описано свыше 150 стел и баз к ним (Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л., 1994). В результате удалось изучить территориально-хронологическое распределение монументов, технологию их изготовления, морфологию, иконографию и семантику.

Более десяти лет (1989–2000 гг.), работая в необычайно трудных, почти экстремальных,

условиях, В.С.Ольховский исследовал ранее неизвестные очаги древнего монументального искусства евразийских кочевников на плато Устюрт (Восточный Прикаспий): знаменитые ритуальные комплексы со святилищами, курганами и стелами типа Байте. Итогом этих масштабных и углубленных исследований явилась докторская диссертация «Монументальная скульптура населения западной части Евразийских степей эпохи раннего железа как исторический источник», блестяще защищенная в 2001 г.

Сегодня известно около 180 каменных антропоморфных изваяний скифского времени на территории Северо-Западного Причерноморья, Северного Приазовья, Крыма и Северного Кавказа. Они представляют собой вырубленные из гранита, известняка или песчаника сидящие и стоящие фигуры, близкие к натуральной величине. Все подобные скульптуры изображают мужчину-воина с оружием. Как правило, они связаны с мужскими захоронениями в кургане. Семантика изваяний вполне очевидна – это прежде всего образ героя, прародителя и подателя плодородия.

Главная версия в истолковании семантики изображений на стелах – героизированный умерший скиф, поскольку при определенной примитивности все скульптуры имеют индивидуальные черты, ни одна не повторяет другую. Скорее всего, на каждой стеле изображена реально существовавшая конкретная личность. Все эти общие положения и идеи были доказаны и обоснованы Валерием Сергеевичем на огромном фактическом материале. И, таким образом, в решение этих, весьма значимых проблем скифской археологии на долгие годы внесен весомый научный вклад. Скифская археология еще долго будет ощущать на себе невосполнимость понесенной утраты. В.С.Ольховский ушел от нас в самом расцвете своих творческих способностей – ему не было еще и 50 лет.

Библиография

Ольховский В.С., 1986. Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий // СА. № 1.

Ольховский В.С., 1991. Погребально-поминальная обрядность населения

степной Скифии (VII–III вв. до н.э.). М.

Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л., 1994. Скифские изваяния VII–III вв. до н.э. М.

В.С.ОЛЬХОВСКИЙ – НАУЧНЫЕ И ЛИЧНЫЕ КОНТАКТЫ

Впервые с Валерием Сергеевичем Ольховским мне довелось встретиться в 1976 году на XXII всесоюзной археологической студенческой конференции (ВАСК) в Москве. Я тогда был студентом 1-го курса исторического факультета Чечено-Ингушского госуниверситета им. Л.Н.Толстого. Мне посчастливилось пройти региональный отборочный тур (РАСК) в Краснодаре и получить право на участие во всесоюзном форуме с докладом об этнокультурных связях кобанского населения Среднего Притеречья и Пятигорья в скифское время. ВАСКи были тогда высшим археологическим студенческим собранием страны. Они с 1955 г. ежегодно проходили на базе МГУ им. М.В.Ломоносова (Виноградов В.Б., Куза А.В., 1960, с.75–79). С начала 1970-х годов проводились и предварительные региональные отборочные конференции – РАСКи.

Валерий Сергеевич накануне XXII ВАСКа закончил исторический факультет Московского университета по кафедре археологии и был оставлен в аспирантуре как способный молодой ученый. Он же входил в руководство оргкомитета XXII всесоюзной конференции. В связи с тем, что он работал над кандидатской диссертацией по теме: «Погребальные обряды населения степной Скифии (VII–III вв. до н.э.)» – научные интересы нас сблизили. Он был очень контактен, общителен, приветлив, по-доброму открыт для нас – только начинающих свой путь в науку. Запомнилась его реакция на наше уважительное обращение «Валерий Сергеевич». Несколько сконфузившись он предложил нам называть себя «просто Валера».

Со второго курса научные руководители переориентировали меня на раннеаланскую и раннесредневековую проблематику. Довелось мне бывать и на последующих ВАСКах, в том числе и на XXV в 1979 г. – кажется, последнем. В те годы я не помню непосредственных контактов с В.С.Ольховским. В руководстве московского оргкомитета тогда более активной стала И.А.Аржанцева – ныне кандидат истори-

ческих наук, заведующая сектором этноархеологии Института этнологии и антропологии РАН. Однако я со вниманием относился к появившимся уже научным публикациям Ольховского по типологии и интерпретации скифского погребального обряда, особенно захоронений в катакомбах (Ольховский В.С., 1977, с.108–128). Они были особенно важны для меня во время работы над дипломом по проблемам реконструкции социальной структуры на материалах погребальных памятников второй половины I тысячелетия н.э. Центрального Предкавказья, среди которых катакомбный тип погребальных сооружений являлся преобладающим.

Новое усиление связей с Валерием Сергеевичем пришлось на середину 1980 гг. Тогда я – аспирант кафедры всеобщей истории ЧИГУ, а с 1986 г. научный сотрудник НИСа и ответственный исполнитель хоздоговорных работ археологической лаборатории университета – часто бывал в Москве. В Институте Археологии РАН и встречался с председателем Совета молодых ученых, получал полезные советы и практическую помощь. Тесно сблизало нас и то обстоятельство, что Валерий Сергеевич напряженно работал над теоретическими вопросами изучения погребальной обрядности – проблематикой, которая была связана и с моими научными интересами. Статья В.С.Ольховского в первом номере «Советской археологии» за 1986 г. о системе понятий в сфере погребально-поминальной обрядности (Ольховский В.С., 1986, с.65–76) стала явлением в отечественной «погребальной археологии», активно развивающейся с рубежа 1960–1970-х годов.

Следует иметь в виду, что сам сложноставной термин «погребально-поминальная обрядность» был введен и обоснован исследователем. Проанализировав работы предшественников: Г.С.Лебедева, В.Ф.Генинга, В.А.Борзунова, А.Д.Грач, В.А.Коренько, В.М.Массона, Н.Б.Леонова, Ю.А.Смирнова, Г.А.Максименкова, В.Я.Кияшко и некоторых

других, В.С.Ольховский привел обобщенную характеристику теоретических недостатков советской науки того периода. Среди них были указаны: 1) отсутствие единого понимания терминов системы погребально-поминальной обрядности, характера их взаимосвязи, трактовка их либо как процесса, либо как явления (факта); 2) распространенность понимания погребального обряда как сложной системы – совокупности ряда элементов (фаз, компонентов, уровней, классов, признаков, информационных каналов, частей); 3) недостаточность разработанности структуры погребального обряда; 4) почти полное отсутствие теоретических разработок вопросов соотношения понятий «погребение», «погребальный обряд», «погребальный культ», «погребальные обычаи и традиции», а иногда и отождествление их. Исходя из существовавшей ситуации, ученый сформулировал задачи своего исследования, состоящие в стремлении: дать определения понятиям, связанным с погребальной практикой, установить их соотношение, разработать схему структуры погребального обряда. Указанные задачи были решены В.С.Ольховским в статье, содержащей авторские определения «погребального культа», «погребально-поминальных обычаев», «погребального обряда», «погребения». На основе теоретических построений и логических умозаключений Валерий Сергеевич предложил сложную, но достаточно стройную схему соотносимости понятий, связанных с погребальной практикой. Было проработано и археологическое содержание структуры погребений, погребальных систем и могильников.

Для интерпретационного уровня существенный интерес представляли положения работы о содержании традиции как совокупности материальных и духовных элементов социально-культурного наследия, передающихся из поколения в поколение, а также сам процесс передачи наследия; об относительной консервативности погребальной обрядности. Но особенно важны суждения о факторах, воздействующих на существование и эволюцию погребальной обрядности. Ученый выделил 9 таких факторов: 1) экономический – зависимость обряда от общего уровня экономического развития общества и типа хозяйства; 2) экологический – зависимость обряда от условий среды обитания этниче-

ской общности; 3) общего религиозно-мифологического фона (представления о месте человека в «этом» и «том» мире, догмат о святости земли, общая религиозная концепция); 4) этно-традиционный; 5) физиологический (биологический) – зависимость обряда от пола и возраста; 6) индивидуальности – зависимость черт обряда от личных качеств умершего, его авторитета; 7) социальный – отражение в обряде социального положения, общественных связей, влияния социальных систем; 8) обстоятельств и места смерти; 9) внешних влияний. В.С.Ольховский признавал значимость и возможное преобладание, активно разрабатываемого тогда в отечественной литературе, социального фактора. Но он подчеркивал, что на обрядность оказывают одновременное комплексное воздействие сразу несколько факторов, причем для каждой этнической общности набор этих факторов и характер их соотношения может быть особым.

Данная работа В.С.Ольховского в значительной степени определила выделение специального теоретического раздела по классификации элементов погребальной обрядности и их археологического выражения в моей диссертации по социальной интерпретации данных катакомбных погребений X–XII вв. н.э. Центрального Предкавказья (Савенко С.Н., 1989). В процессе работы над темой я обратил внимание на некоторые недочеты и слабые места в построениях Валерия Сергеевича. Так, например, исследователь полагал, что «погребение» состоит из трех элементов: 1) погребальное сооружение, 2) останки погребенного, 3) погребальный инвентарь; «погребальный комплекс включает»: 4) намогильное сооружение и следы ритуальных действий. «Погребальная группа» просто соотносится с метаструктурой погребального комплекса без раскрытия ее содержания. Эта схема была одной из самых развернутых из числа опубликованных в тот период. Однако в ней не были учтены внутримогильные конструкции и иные материальные остатки микродеталей способа погребения, которые однозначно не могут быть включены ни в один из названных В.С.Ольховским элементов. Следуя логике ученого, необходимо предполагать связь со структурой погребения отдельных намогильных сооружений, следов иных ритуальных действий, материальных

остатков поминальных действий. Таким образом, в развернутом виде материальные остатки погребения (погребально-поминального действия) могут состоять не из трех, а из пяти элементов: 1) погребальное сооружение, 2) останки погребенного, 3) микродетали способа погребения, 4) погребальный инвентарь, 5) материальные остатки поминальных действий. Валерий Сергеевич никак не оговорил специфику коллективных, особенно последовательных, захоронений в одном погребальном сооружении. Для этого требуется более четкое разведение понятий «погребение» и «погребальный комплекс», определение сложного и многоуровневого содержания последнего термина. Чувствуется, что ученый при разработке его структурно-понятийной системы явно уделял преимущественное внимание курганным памятникам, которые, конечно, не исчерпывают всего многообразия археологически фиксируемых погребальных объектов. Ряд исследователей полагали, что В.С.Ольховский не смог полностью преодолеть совмещения понятий «погребальный обряд» и «погребальный памятник», существенное различие которых отстаивал (Генинг В.Ф. и др., 1990, с.36). Но все сказанное и другие частности ни в коей мере не умаляют общей научной значимости данной работы. Она послужила основой для дальнейших теоретических исследований и дискуссионных пассажей В.С.Ольховского (Ольховский В.С., 1993, с.78–93; 1995, с.85–98; 1997, с.159–167), повлияла на обобщающие труды других авторов в сфере «погребальной археологии».

В завершении данного сюжета следует подчеркнуть, что Валерий Сергеевич сохранял особый интерес к проблематике «погребальной археологии» до последнего времени. Это выразилось в пристальном внимании к новым публикациям в данной области. Я благодарен ему и за то, что, являясь ответственным секретарем редакции журнала «Российская археология», содействовал выходу в свет наших совместных с английским археологом Г.Харке статей о проблемах исследования древних погребений в европейской и американской археологии (Харке Г., Савенко С.Н., 2000а, с.217–226; 2000б, с.212–220).

В конце 1980-х годов В.С.Ольховский серьезно занялся изучением предскифской и скифской монументальной скульптуры –

оленных камней и изваяний (Ольховский В.С., 1989, с.48–62; 1990, с.113–123 и другие). Для нас – археологов Кавминвод и Ставрополя – было особенно важным то, что в поле зрения ученого попали и образцы из нашего региона, в частности столбообразные антропоморфные стелы из Кисловодского музея. Первая из них поступила в Кисловодск в конце 1960-х – годов еще в тот период, когда Кисловодский музей являлся народным. Этим обстоятельством объясняется то, что важный экспонат не был соответствующим образом оформлен и поэтому в фондах не сохранилось необходимой учетной документации. Отсутствие сведений о происхождении стелы отмечалось в первой научной публикации экспоната, осуществленной В.Г.Петренко в 1986 г. (1986, с.159–161). Она предположила, что изваяние «скорее всего, происходит из окрестностей города (Кисловодска – С.С.)». В.С.Ольховский не ограничился этой публикацией и провел непосредственное изучение стелы в Кисловодском музее. В то время я являлся директором этого музея и оказал содействие исследователю. Заслугой В.С.Ольховского было то, что он уточнил общий вид, некоторые детали и размеры стелы, которая в действительности имела удлиненное, зауженное к концу завершение и общую длину не 180, а 260 см. Результаты более детального изучения изваяния были впервые опубликованы в совместной с Г.Л.Евдокимовым монографии о скифских изваяниях VII–III вв. до н.э. (Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л., 1994, с.38,150, илл.86,158).

Сейчас можно внести еще некоторые корректировки в представления об обстоятельствах находки и внешнем виде рассматриваемого изваяния. В передаточной коллекционной описи археологических коллекций музея начала 1970-х гг. ошибочная интерпретация стелы как «половецкой каменной бабы» сопровождалась указанием на то, что она происходит из района Пятигорска. На это же происхождение изваяния указывает и один из членов Кисловодской археологической секции Н.Н.Михайлова – С.Н.Пьянков, занимавшийся в ней с начала 1960-х годов. Правда, более точных данных он также припомнить не смог. По мнению ставропольского археолога, бывшего сотрудника и директора Кисловодского музея Я.Б.Березина, изваяние

сделано из бештаунита, который распространен в окрестностях Пятигорска и отсутствует в Кисловодской котловине. Анализируя форму стелы, В.С.Ольховский посчитал, что она имеет заостренное нижнее окончание. В действительности нижний край более заovalен.

Кроме первого кисловодского изваяния В.С.Ольховский впервые опубликовал и второе, значительно меньшее по размеру и примитивное по форме (Ольховский В.С., 1998, с.29,30). Ученый изучил скульптуру в музее во время работы на его базе XXI «Крупновских чтений». В публикации были приведены и данные об условиях ее нахождения. Мы можем уточнить некоторые детали и в связи с этим артефактом. Курган, с которого происходит изваяние, находился на улице Белинского в Кисловодске возле участка, переданного по строительству жилого дома ГПТУ № 29. В трудное с экономической точки зрения время дом долго не строился, и курган, потревоженный различными видами хозяйственной деятельности, в основном сохранялся. В 1995 г. он был поставлен на государственный учет и охрану. Но в ходе развешивания работ в 1998 г. существенно пострадал. Была снесена примерно половина насыпи высотой около 1,5 м и диаметром 20–24 м. Было разрушено несколько погребений эпохи средней бронзы и в центральной верхней части кургана прямоугольная выкладка из крупных обработанных столбообразных плит длиной в среднем около 1,5 м. и размерами в сечении 20–35 см. По всей вероятности, выкладка была связана с указанным изваянием и представляла собой часть конструкции скифского ритуального комплекса. Единичные объекты подобного рода, без сохранившихся изваяний, встречались в окрестностях Кисловодска.

По факту разрушения велось длительное разбирательство между органами охраны памятников города и строительной организацией. Результатом явилось то, что остатки кургана были отгорожены бетонной стеной, в ходе устройства которой, к сожалению, было утрачено большинство плит выкладки, кроме тех, которые могли быть засыпаны землей.

Возможно, при доследовании оставшейся части кургана удастся, хотя бы частично, уточнить картину.

В.С.Ольховский изучал также другие, относительно редкие кавминводские (из района станиц Боргустанской и Бекешевской) изваяния скифского времени и подобные памятники Ставрополя (Ставропольские, Александровские, Воровсколеское). Результаты долгих и напряженных усилий исследователя в сфере изучения монументальной скульптуры степей Евразии эпохи раннего железа были изложены, в частности, в статье об идее антропоморфности изваяний в мемориальном сборнике посвященном памяти Б.Н.Гракова (Ольховский В.С., 2000, с.220–230), в которой также фигурируют кисловодские изваяния.

Одной из последних обстоятельных работ В.С.Ольховского была обобщающая статья о тамгах, в которой привлекаются и анализируются кабардинские, абазинские и иные разновидности тамгообразных знаков, связанных и с районом Кавминвод и других районов Предкавказья (Ольховский В.С., 2001, с.100–109). Исследователи функциональной и смысловой нагрузки древних и традиционных знаков вряд ли теперь обойдутся без использования этой интересной разработки...

Весть о неожиданной скоростижной смерти Валерия Сергеевича в поле в августе 2002 г. тяжелым несчастьем прокатилась по экспедициям и научным учреждениям Северного Кавказа, Южной Сибири, Украины и Крыма, Казахстана – по всем районам, где в разные годы он работал. Тяжело переживали утрату кавказоведы и археологи различных научных направлений Москвы, Санкт-Петербурга, других центральных российских городов. Не остались безучастными и специалисты из стран дальнего зарубежья, знавшие В.С.Ольховского лично или по его работам. Скорбели о трагической утрате и мы – сотрудники комплексной экспедиции, работавшей на городище «Горное эхо» в Кисловодске. Ушел из жизни еще достаточно молодой, перспективный ученый, организатор, руководитель, добрый и душевный товарищ.

Использованная литература

Виноградов В.Б., Куза А.В., 1960. «Всесоюзные студенческие археологические конферен-

ции» за 1955–1960 гг. // Вестник Московского университета. Исторические науки. № 3. М.

- Ольховский В.С., 1977. Скифские катакомбы Северного Причерноморья // СА. № 4.
- Ольховский В.С., 1986. Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий // СА. № 1.
- Савенко С.Н., 1989. Характеристика социального развития аланского общества по материалам катакомбных могильников X–XII вв. н.э. Автореф. дис... канд. ист. наук. М.
- Ольховский В.С., 1989. Оленные камни (к семантике образа) // СА. № 1.
- Ольховский В.С., 1990. О северокавказских стелах эпохи раннего железа // СА. № 3
- Петренко В.Г., 1986. О юго-восточной границе распространения скифских каменных изваяний // Новое в археологии Северного Кавказа. М.
- Ольховский В.С., 1993. Погребальная обрядность (содержание и структура) // РА. № 1.
- Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л., 1994. Скифские изваяния VII–III вв. до н.э. М.
- Ольховский В.С., 1995. Погребальная обрядность и социологические реконструкции // РА. № 2.
- Ольховский В.С., 1997. Обычай и обряд как формы традиции // РА. № 2.
- Ольховский В.С., 1998. К изучению скифской культуры Северного Кавказа // ИАА. Вып.4. М.–Армавир.
- Ольховский В.С., 2000. Идея антропоморфности в монументальной скульптуре степной Евразии эпохи раннего железа // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. М.
- Ольховский В.С., 2001. Тамга (к функции знака) // ИАА. Вып.7. М.–Армавир.
- Генинг В.Ф., Бунатян Е.П., Пустовалов С.Ж., Рычков Н.А., 1990. Формализовано-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников). Киев.
- Харке Г., Савенко С.Н., 2000а. Проблемы исследования древних погребений в западно-европейской археологии // РА. № 1.
- Харке Г., Савенко С.Н., 2000б. Проблемы исследования древних погребений в американской археологии // РА. № 2.

21.02.1994 г.

ПАМЯТИ ДРУГА

С Валерием Ольховским я познакомился в 1970 г. на 1-м курсе Исторического факультета МГУ. Тогда состоялось открытие нового здания гуманитарного корпуса на Ленинских горах. На нашем курсе оказалось много замечательных симпатичных талантливых ребят из разных городов, честно прошедших по конкурсу. Этому способствовало печальное для родителей несостоявшихся «блатников» обстоятельство: приказом по министерству наш выпуск целиком предназначался для школ (к нашему счастью, впоследствии этот приказ удалось отменить и устроить свободное распределение).

Валерий приехал из Армавира. Как медалист он был зачислен сразу после сдачи одного единственного экзамена по истории СССР. Среднего роста, худощавый, жилистый, наполненный энергией, нацеленный на учебу. Некоторые однокурсники называли его даже занудой, хотя сам Валерий в ответ отпускал схожее определение – «сухарь». Производивший впечатление на многих огромный аппетит Ольховского, который находился в противоречии с его худобой, породил среди однокурсников множество колких острот. Но так уж шло восполнение его организмом огромных затрат энергии.

Валерий учился в соседней 5-й группе, жил в общежитии, потому мы в то время были знакомы лишь мельком. Однако летом 1971 г., после окончания первого курса, нас, будущих археологов, соединила археологическая практика, которая прошла в Гнездово в экспедиции проф. Даниила Антоновича Авдусина. Раскоп на Гнездовском селище вела аспирант Тамара Анатольевна Пушкина. Мы все работали на лопате. Я много фотографировал. В объектив фотоаппарата попал и Валерий. Однажды в раскопе нашлась современная массивная железная цепь. Одним концом ее обмотали шею Ольховского, а другим – руку с лопатой. Тем самым Валерий должен был продемонстрировать свою любовь к археологии, прикованность навеки к основному орудью археолога. Шутка на деле обернулась пророческой: всю свою жизнь Валерий отдал преданному служению любимой науке.

В экспедиции мы, будущие археологи, больше узнали друг о друге. Валерий родился в семье офицера на Чукотке. Жизнь его прошла в военных гарнизонах. Последнее место расквартирования было Ставрополе. Мальчишкой он вертелся среди солдат, разбираал, собирал оружие. Любимым занятием был сбор отстрелянных гильз. Страшный непоседа, он вечно куда-то залезал, откуда-то падал. На теле были многочисленные шрамы. Однажды он с другом решил совершить дальнейшее плавание. Тайно соорудили плот, запаслись водой, провизией и поплыли по реке. Плот развалился, натолкнувшись на камни, кое-как выплыли...

Гнездовская экспедиция выполнила роль решета, отсеявшего случайных романтических личностей, первоначально изъявивших желание стать археологами. И на кафедре археологии из 30 человек оказались «гнездовцы» Валерий Ольховский, Александр Гей, Владимир Буров, Владимир Дукельский, Сергей Кан, Иван Крутина, Валерий Перхавко, Евгений Яровой, Людмила Авилова, Людмила Конькова, Любовь Орловская, Ольга Панасюк, Елена Савостина.

Ольховский был студентом-трудолюбивым. Он не позволял себе расслабиться, всегда тщательно готовился к занятиям, экзаменам. Рано, если не раньше всех, приходил в аудиторию на лекцию и до начала что-нибудь читал. У меня сохранился снимок университетской аудитории, сделанный с улицы. Мы тогда собрались на автобусную экскурсию в Ростов Великий. Зимнее полутемное утро. Пустое освещенное посещение, ряды скамей и одинокая фигурка Ольховского в знакомом синем свитере, склонившаяся над книгой. Тогда он не смог поехать с нами по каким-то обстоятельствам. А вообще он любил поездки, походы. Вспоминается наш поход в Иосифо-Волоколамский монастырь от станции «Шаховская» Рижской ж.д. На одном из отрезков пути мы не на шутку встревожились за него. Остановился газик, водитель пожалел нас и предложил подбросить тяжелые рюкзаки до села. С вещами уехал Ольховский. Но в большом селе мы не могли его сразу найти, пока

кто-то из местных жителей не указал: «Ваш товарищ вон там под деревом лежит?». Сердце у нас ёкнуло. Под деревом действительно лежал Валерий, но на рюкзаках и довольно улыбался.

Много времени Валерий отдавал работе в комсомоле. Вот этого я не понимал, считая пустой тратой времени, о чем неоднократно ему и говорил. Валерий не соглашался. Ему нравилось работать с людьми, быть всегда в окружении людей, быть им нужным. На старших курсах он увлекся фотографией, много снимал, щедро раздавая снимки.

Валерий любил афоризмы, которые коллекционировал, а порой и сам придумывал. К месту мог бросить едкую фразу. Не нравилось, когда девушки курили (сам он некурящий). По этому поводу он ворчал, будучи в данном вопросе теоретиком: «Целовать курящую женщину, все равно что целовать пепельницу». Любимой шуточной фразой была «У, змея!». Она адресовалась человеку, который мог вызвать у него одобрение или восхищение (впоследствии так он отозвался о студентке 1-го курса Елене Гагариной, у которой он принимал экзамен по археологии и поставил оценку «отлично»).

В начале лета 1974 г., после окончания 4-го курса, нас по линии военной кафедры направили на учебные сборы в лагерь под г.Ковров Владимирской области. Там в течение месяца пришлось жить в палаточном городке, расположенном в живописном сосновом лесу. Некоторым нашим однокурсникам эти сборы дались с трудом. Трудно было после комфортной Москвы привыкать к армейской жизни, раннему подъему, иногда бессмысленным построениям, армейскому питанию, выполнять порой противоречивые распоряжения начальства. Надо сказать, что Валерий сборы выдержал легко. Здесь явно сказались его знание армии изнутри с детских лет, проживание в военном городке.

В Ковровских лагерях проявилась одержимость Валерия к знанию. Он не хотел терять время даром, и в свободную минуту не только вечером после занятий, но и днем его можно было видеть сидящим у палатки с книгой по истории античной литературы. Мне было трудно представить, как вообще что-то можно было усвоить из книги в обстановке лагеря, особенно после занятий по военному делу. Да и вокруг было много сюжетов и персонажей, вышедших скорее из сатирической литературы, нежели античной. Так, к приезду начальства был дан приказ белить сосны, чтобы они красиво смот-

релись. И сосны в бору мы действительно белили! Прямо сюжет для картины «Утро в сосновом лесу». А история с развеской полотенцев во время проверки, когда по мере приближения какого-то высокого чина прибегали поочередно сержант, старшина, капитан и заставляли складывать развешенные на перекладинах в палатке полотенца то вдвое, то четверо, затем пополам. Наконец, последний офицер раздраженно приказал и вовсе убрать «эти портянки». Когда вспоминаю Ковровские лагеря, то почему-то в памяти всплывает именно эпизод с чтением книги Ольховским у шатровой брезентовой палатки. Валерий умел в нужный момент концентрироваться и переключать внимание, заниматься в любой обстановке.

На истфаке его увлекла тема погребального обряда скифов, над которой он работал с большим интересом. Его сосед по общежитию Иван Солонкин по этому поводу сокрушался: «У Ольховского рисунки одних скелетов, покойников. Тоска!». Дипломную работу у Ирины Владимировны Яценко Валерий защитил с отличием. Ни у кого не было сомнения, что его оставят в аспирантуре.

Во время учебы в аспирантуре была написана и издана первая статья Валерия. Правда, не обошлось без курьеза. Валерий уезжал в экспедицию, не успевая прочитать верстку, и попросил это сделать меня. В помещении журнала «Советская археология» я застал разъяренную Лидию Марковну – заведующую редакцией. Верстка статьи Ольховского была вся исчеркана красными чернилами. Лидия Марковна почти летала по комнате. Столько ошибок! Но когда я ознакомился с текстом, то понял, что Валера здесь ни при чем. Там были явные опечатки. Слово, обозначающее направление света, «запад» никак не давалось то ли машинистке, то ли наборщику. Оно было заменено на слово «запах». Отсюда возникло множество перлов, например: «Погребение ориентировано головой на запах и на запах с отклонением». Пришлось настоять, чтобы подняли оригинал статьи. Там, естественно, оказалось все абсолютно верно. Ольховский был реабилитирован.

Во время учебы в аспирантуре Валерий женился. Я был у него на свадьбе свидетелем. А потом пригодилась и детская кроватка, которая, как эстафетная палочка или почетный кубок, переходила от одной студенческой супружеской пары к другой. В этой кроватке выросли пятеро или шестеро наших ребяташек.

Однажды, будучи у Валерия в гостях, я живо представил, каким он был в детстве. Пока мы беседовали, его пятилетний сын Сергей, дабы продемонстрировать свои возможности, встал на стул, с него вступил на тумбочку, а затем залез на телевизор. Его остановили в последний момент, уже готового к прыжку. А жена Ольховского Лена в связи с этим рассказала такой случай. Летом она повезла маленького Сережу в Армавир к родственникам Валерия. На вокзале пока они здоровались, делились новостями, Сергей успел залезть высоко на ограду. Тетя Валерия всплеснула руками и умиленно ностальгически произнесла: «Узнаю маленького Валерика!».

Валерий был бесконечно предан археологии. Он стал прекрасным полевым исследователем. Каждое лето в экспедиции, вел раскопки курганов железного века и эпохи бронзы. Поиск, открытия, многочисленные научные статьи. Он был надежным человеком. К нему можно было обратиться за помощью по любому вопросу, зная, что отказа не будет. Поэтому, когда в редакции журнала «Советская археология» оставившая должность ответственного секретаря Валентина Ивановна Козенкова стала искать замену, я предложил кандидатуру Валерия Ольховского. Другого человека со столь глубочайшим чувством ответственности за порученное дело в институте, мне казалось, просто нет. Не хочу никого обижать, но это так. И действительно, Валерий оказался на месте, проработав в редакции свыше 10 лет.

При этом он продолжал ездить в экспедиции. Но в отличие от многих других его экспедиции в Казахстане были полуэкстремальные, а иногда просто экстремальные. Один раз они заблудились в бесконечных песках. Чудом вышли к селению, могли погибнуть. Или посадка после завершения работ на полузаброшенном разъезде в поезд, который проходил раз в неделю. Продуктов нет, деньги кончились. Поезд пришел, но все двери вагонов наглухо закрыты. Поезд трогается. Колошматят по вагону, кричат. Появляется заспанный проводник. Уже на ходу бросают в вагон вещи и запрыгивают в тамбур. На Устюрте в течение нескольких сезонов он добыл, именно добыл, интереснейшие материалы

о культовых памятниках второй половины I тыс. до н.э. Без преувеличения можно сказать, что он совершил научный подвиг. Все это требовало огромного напряжения сил. А здесь еще гайдаровский экономический эксперимент на живых людях. Нам, всем сотрудникам академических институтов, пришлось выживать в прямом смысле этого слова. Думаю, даже уверен, что одну из причин раннего ухода Валеры нужно искать в том времени. С его слов я знаю, чтобы заработать деньги для семьи, ведь у него двое детей, он брался за любую работу, от сторожа до рабочего магазина и грузчика. Но при этом ответственно исполнял свою основную работу в институте. Работал на полнейший износ. Все это потом ему «аукнулось»...

Последние годы я виделся с Валерием редко, только во время коротких визитов в редакцию журнала «Российская археология». Он всегда был занят. На столе – включенный компьютер, статьи, верстки, Армавирский сборник. Поговорить невозможно, всегда у него люди: кто-то приходил, уходил, звонил, что-то спрашивал. Иногда держался за сердце. Глядя на этот сумасшедший темп жизни, пытался Валерия образумить. Он отшучивался: «Все там скоро будем!».

Свою смерть он «накликал»: видимо, что-то чувствовал. В середине 1990-х годов, когда ему стали говорить, что пора «остепениться» и докторскую диссертацию защитить. Вечно занятый Валерий однажды на подобное предложение (это было при мне) проворчал: «Вы смерти моей хотите?». Он прекрасно понимал, что в жизни ученого это важный рубеж, преодоление которого связано с огромным напряжением сил. А для Ольховского, вечно занятого, вечно кому-то помогающего, это должно было стать сверхнапряжением. Но докторскую диссертацию он все же защитил, блестяще, в 2001 году. Все мы радовались его успеху в науке.

Последний раз я видел Валерия Ольховского незадолго до своего отъезда в экспедицию в июне 2002 года. Узнал, что он собирается в Причерноморье на раскопки. А потом эта ужасная весть... Валерия не стало. Валерий Ольховский перетрутился, сгорел, отдав всего себя без остатка любимой науке.

8 декабря 2003 г. (В.А.Буров)

ВАЛЕРИЙ ОЛЬХОВСКИЙ. ПОСЛЕДНЕЕ ЛЕТО

Так получилось, что все это произошло в нашей экспедиции. Последней его экспедиции. Она образовалась в какой-то степени случайно. И даже планировалась им как некий передых в казахстанской текучке и постоянной гонке – вечном его беге куда-то. Он подумывал вернуться в Причерноморье, к родным здешним скифам. Постепенно осваивать район. Замахнуться на более стабильную программу по изучению курганов Таманского полуострова, которые грабятся сейчас с невероятной силой. И эти курганы на горе Круглая не были исключением. Задачей его отряда было исследовать и спасти то, что можно было спасти.

Перед тем сезоном был еще один – 2001 года, мы копали тогда два весьма скромных поселения в окрестностях станицы Тамань. Ольховский перед тем только закончил докторскую и потому слезно просил, чтобы его не мучили археологией, а доверили бы нормальную работу по организации лагеря и обеспечения его жизни. Ему доверили, и все он делал, как хотел. Жили мы в красивом месте, по таманским меркам в лесу (в гуще редких засохших акаций), к тому же полным цветов (типа развесистых колючек). Ездили на оранжевой машине (которая съела бензина на стоимость себя новой).

Со студенческих времен нам не приходилось бывать вместе в экспедиции, поэтому было очень интересно наблюдать его уже взрослым, с повадками отеческой заботы (до сих пор это ограничивалось командировками – кто с ним ездил, тот помнит, сколько нужно было съесть кусков колбасы, нарезанной сантиметрами – или сантиметров колбасы, чтобы начать трудовой день). Отраднo было видеть, как по вечерам, лишь только стемнеет, он выходил с маленьким, но сильным фонариком, светил им под навесы, за тенты, в палатки, пересчитывая личный состав, загоняя заблудших граждан в стойло разными шутками и прибаутками. Примечательно, что ни разу не случилось между ними того, чего можно было бы опасаться в таких случаях. Ни один гражданин не ответил

на его призыв непониманием, а мирно шел и копил силы перед ночным бдением, когда уже можно будет выйти, не таясь, побрести на берег залива и вволю там наораться, имитируя пение. И что же наставник? Не подумайте, что он скрывался из глаз к этому времени. Наоборот, он как раз переставал деятельно бегать и укладывался отдохнуть на стоявшей под тентом скамейке (такой узкой, что Виктор Николаевич Пилипко каждый раз воспринимал это с восхищением, как аттракцион – сам он на ней и сидеть не решался), мимо которой вся наша орда как раз и проходила. Невозможно было получить ответ на возникшие в связи с этим вопросы. Но кажется, в этом были две основные составляющие характера Валеры: деятельность и миролюбивость.

Миролюбивость здорово спасала его в наши студенческие времена, когда не по годам развившаяся первая черта завела его на путь ранней партийности и активизма (не всегда поощрявшегося студенчеством обыкновенным). Наше шипение и многочисленные подковыки по этому поводу он сносил терпеливо. Хотя, конечно, тихо жаловался кому-нибудь и нередко припоминал мне впоследствии. Между тем в студенческую пору, особенно на первых курсах, он старался как-то отличиться, выделиться, и в этом своем стремлении был равен только другому персонажу – Валере Перхавко. С ним у него было что-то вроде соревнования, родственного греческому агону. Учились они один лучше другого, да так усердно, что когда в общежитии гасили свет, отправлялись в туалетную комнату (в одну и ту же, по причине того, что оба мальчики), и бродили там вокруг умывальников, оглашая окрестности звуками латинских слов и выражений, пока кто-нибудь не сдавался.

С них же начиналось и утро в нашей первой экспедиции – в Гнездове, где мы жили в школе и спали на полу спортзала. Еще затемно за окном раздавалось пыхтение: то Ольховский и Перхавко выходили на зарядку. Народ вылезал

из теплых спальников, чтобы на это посмотреть. Хихикали. Но что происходило за окном – не помню: мой спальник застегивался на булавку с помощью Любы Орловской, и пока она по моей просьбе его «отшпиливала», агонисты, отбиваясь от шуточек, переходили к водным процедурам.

Люба Орловская и Таня Гайкова жили, как и он, в общежитии. С этими барышнями складывались разные отношения: дружелюбно-шипучие с Любкой (помню ее угрожающий рефрен: «У-у-у, Ольховский!»), почти «родительские» с Татьяной, смешливой и хозяйственной (каждый Новый год полкурса поедало ее классические блюда: сельдь под шубой и Парамона с Савродимом, «кабанчиков», ежегодно вырастающих в Донецкой области). С Татьяной связан один из первых известных мне подвигов Ольховского, совершенных уже после университета. Подзуженный нами, он почти добровольно отправился к ее малоактивному знакомому для переговоров о судьбе нашей подруги (на Украину, между прочим). Сейчас уже плохо помню, что там было – кажется, он долго кого-то ждал, терпеливо сидел, потом его не за того приняли, потом за того, за что (как он рассказывал) было и выпито немало. Татьяну мы тогда не женили, но что-то новое открылось в характере нашего товарища. Наверное, это свойство приходит на помощь, не задумываясь (в том-то случае вообще никто не думал, но речь, понятно, не только об этом). И верность общим студенческим корням, которая не могла не вызвать ответного чувства.

Когда мы летели с ним и Сашей Лопатиным из Анапы... Когда мы везли его из Анапы. И раньше, когда подбирали то, что на археологическом жаргоне называется «состав инвентаря», было легко внутренне с ним говорить («Ну, нравится тебе это? А это – пойдет?»). Продолжалась обстановка экспедиции, длился архетип студенческого братства. Где всё с усмешкой, с подковыкой, все по фамилиям. Где это порождало такую простоту – родственную, сестринскую, а вместе с тем глубокую и не осознаваемую – до поры.

Когда мы его забирали, в Анапе, помню мысль, что волосы его промыты морской водой. И так теперь и будет. Глаз не отрывался от руки, знакомой и совсем обыкновенной (один вопрос все время: «Как это?»). Все казалось

еще не завершенным, весь ужас не осознавался и всеми ребятами, кто стоял вокруг. И тогда местная рабочая попросила нас выйти (зачем это? – что она собирается?..), и мужчины разошлись по разным сторонам крыльца, промаргивая то, что вдруг застлало глаза.

Был ливень. Машина МЧС, подхалтуривающая в свободное от ЧС время. Аэропорт, багажное отделение и не вписывающиеся габариты груза. Смена аэропорта прибытия – и перемена билетов сопровождения. Потому что ему бы хотелось, ему было бы надежно – быть с нами в этот его полет.

Экспедиция 2002 г. готовилась заранее. Собирались разнообразные сведения очевидцев разграбления этой курганной группы. Выяснялись дипломатические и финансовые возможности. Велись переговоры с организациями Краснодара. Была даже куплена другая машина – синяя (хотела сказать «новая», но все-таки лучше – «другая»). Забота о ней, как и прежде, возлагалась на безотказного родственника жены – Лены Ольховской (которая и сама, спасибо ей, благородно сносила эти приобретения). Выезд в поле курганного отряда намечался на конец июня, в мае же надо было съездить на место и посмотреть на то, что мы собрались раскапывать. Так мы оказались в районе Тамани, бродя у Лысой горы. Колючки ее на некоторое время раскрылись настоящими цветами, которые я собирала в букет (нас пригласили в музейные гости по случаю Дня музеев), Ольховский же меня осуждал.

Слово за слово – вышли на общие темы. Одна из них была связана с недавними событиями – его защитой и новой должностью в Институте. Мое неосторожное замечание (дескать, ну что ты, все же хорошо!) вызвало яростный монолог. Произнесенный на фоне степи, где часть слов уносилась ветром, а единственный слушатель отстоял на приличном расстоянии, он производил впечатление.

Трудно передать этот монолог словами (хотя я запомнила их с большой степенью достоверности). Это было выражение какого-то подспудного бунта, чувства протеста, – он еще не «самореализовался», еще не выработал всего того, что в нем было заложено. Он давал оценки своей работе – тому, что рассматривал как главное, его теоретическим построениям («Это единственное, что от меня останется»... Но надо их еще довести до ума).

Не только теперь, в свете последующих событий, но и тогда, в мирной весенней степи, его слова и состояние не показались случайными. Будто на той горе воздух опьянял, как в дельфийской расщелине. И Валера, как Пифия, сам себе предрекал будущее. Он будто чувствовал некие границы его. И протестовал.

Экспедиция начиналась на явном спаде. Ощущалась какая-то всеобщая измотанность, ничего не клеилось – их отряд даже выехал в срок, но с дороги вернулся (вот и не верь в приметы). Выехали 22 июня – впереди было время, полное работы в условиях, при сравнении с казахской пустыней оцененных в пользу Казахстана. Впереди была жара и горячее море над курганом. Тучи мошки, при которых комары казались милыми и желанными (они кусали в разные смены). Были поиски воды, организация лагеря, хлопоты по хозяйству, в которых он никогда не обходился без фанатизма.

Были дожди, грозы, смерч над заливом. Сырая земля – и маломощный бульдозер (добычей которого мы так гордились вначале). День рождения сына. Купание в заливе. Был приветственный взмах рукой – последний, который запомнили купающиеся неподалеку девчонки...

Короче, впереди был еще месяц жизни.

Отдельным материком в ней, куда он всегда был обращен, где был серьезен и ответственен (хотя, подозреваю, здесь уже не был особенно хозяйственным), был дом, его семья. И до сих пор их дом определяет атмосфера любви ко всем и всему, что его наполняет. Жену свою он боготворил (и хвастался: «Какая у меня жена! Красавица!»), детей («Сергея и Ксаночка») обожал, приставляя и к своему делу. Коты их очеловечились настолько, что старшенький (вредный, но добрый) научился спать под одеялом (все семейство, мы наблюдали, благоговейно выстраивалось подле).

Его мама, живущая на перепутье его археологических дорог. Так похожи на нее сыновья – такие разные.

Об ушедшем человеке думается, может быть, чаще, чем о живом. Сказывается удивление перед свершившимся фактом и некоторое чувство вины (может, надо было этот сезон пропустить). Но раз уж так случилось, хотелось бы запомнить его живым. Не таким, каким он мог бы предстать в официальном или сугубо научном плане, а таким, каким был – в том числе и в свое последнее лето. А он был – со всеми своими особенностями, достоинствами, характерными недостатками – просто человеком.

Тем и интересен.

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ В.С.ОЛЬХОВСКОГО

В.С.Ольховский

МОНУМЕНТАЛЬНАЯ СКУЛЬПТУРА КРЫМА V–III ВВ. ДО Н.Э.

К наиболее выразительным проявлениям художественной культуры скифов Крыма относится монументальная скульптура. Выявленные в причерноморских и северокавказских степях около 130 лет назад каменные изваяния, заметно отличающиеся от многочисленных половецких «каменных баб», были, однако, связаны со скифами А.А.Миллером (1925), И.В.Фабрициус (1929), Т.С.Пассек и Б.А.Латыниным (1929) лишь значительно позднее. На территории Крыма скифские изваяния впервые обнаружил Л.А.Моисеев в 1929 г. в ходе его разведок в окрестностях пос. Ак-Мечеть (ныне Черноморское).

В течение последующих десятилетий количество скифских изваяний, выявленных преимущественно в степной зоне от Румынии до Кавказа и датируемых VII – нач. III вв. до н.э., заметно возросло. При этом, помимо собственно изваяний, стали известны и их базы – укрепляющие элементы в виде каменной плиты со сквозным отверстием либо комбинации из нескольких плит, также образующих отверстие в центральной части конструкции. Уложенные горизонтально цельные или составные плиты-базы поддерживали изваяния, нижняя часть которых помещалась в отверстие плиты, в вертикальном положении.

Из известных к настоящему времени 164 скифских изваяний и 19 баз к ним в Крыму обнаружено 29 изваяний и 6 баз (рис.1). Сопоставление крымских памятников с основной массой скифских скульптур из Причерноморья и Предкавказья свидетельствует об их определенном своеобразии, что позволяет рассматривать их в рамках особой – крымской – группы скифских изваяний (Шульц П.Н., 1967, с.226; Ольховский В.С., 1990).

В частности, весьма специфическим является территориально-хронологическое распределение крымских скульптур, датирование которых осуществляется по комплексу внешних

(сопутствующих) и «внутренних» (присутствующих) признаков. При этом сопутствующими признаками являются поддающиеся датировке элементы погребальных или культовых комплексов, в состав которых входит изваяние, а присутствующими – определенные морфолого-иконографические особенности скульптур и изображенные на них артефакты; последнее предполагает, что древние ваятели воспроизводили на памятниках реальные и современные им предметы вооружения, украшения и т.д.

Хотя территория предгорного и степного Крыма в археологическом отношении неплохо изучена, скифские изваяния распределяются по ней крайне неравномерно, образуя ясно выраженные скопления. Подавляющее большинство изваяний и баз к ним обнаружено в Северо-Западном Крыму, где зафиксировано 28 памятников (80%); еще четыре изваяния, обнаруженные «в степном Крыму» в ходе экспедиционных работ А.А.Щепинского (Ольховский В.С., 1997), не имеют определенной топографической привязки. Из Присивашья происходят лишь два изваяния (села Надежда, Вишневка – рис.2,1), с Керченского полуострова – одно (с.Семеновка). Отметим, что два изваяния, недавно обнаруженные на территории Скалистинского курганного могильника в окрестностях Нимфея (Зинько Е.А., 1999; Scholl T., Zin'ko V., 1999, p.120,121), лишены характерных морфолого-иконографических особенностей, позволяющих безоговорочно относить их к числу скифских и тем более датировать VI–V вв. до н.э. Заслуживает внимания и факт полного отсутствия памятников скифской скульптуры конца VII – нач. III вв. до н.э. в крымских предгорьях, в том числе и в округе Херсонеса. Концентрация же подобных памятников между оз.Сасык и оз.Донузлав, а также на Тарханкутском п-ве, в непосредственной близости от Керчинитиды, Калос-Лимена и других населенных

Рис. 1. Скифские изваяния V – нач. III вв. до н.э. в Крыму: 1 – Вишневка; 2 – Котовское; 3 – Кировское; 4 – Черноморское; 5 – Красносельское; 6 – Кульчукский могильник; 7 – Беляус; 8 – Крыловка; 9 – Приветное; 10 – Штормовое; 11 – Ромашкино; 12 – Колоски; 13 – Суворовское; 14 – Чайка

пунктов дальней хоры Херсонеса, подчеркивает роль эллинских поселений прибрежной степной полосы как «центров притяжения» кочевого скифского населения в рассматриваемый период.

Материалом, из которого изготовлены скифские изваяния Крыма, во всех известных случаях служил местный неогеновый известняк-ракушечник, составляющий материковую основу значительной части полуострова и нередко выходящий осадочными пластами (в особенности на склонах балок и древних речных долин) на современную поверхность. Механические свойства известняков, в первую очередь относительная мягкость, обеспечивали простоту их добычи и обработки. Следы древних каменных вырубков и простейших каменоломен, к сожалению, трудно поддающиеся датировке, зафиксированы во многих районах Северо-Западного Крыма – в непосредственной близости от курганных групп у сел Приветное, Крыловка, пгт.Штормовое и т.д. Очевидно, значительное количество камня требовалось не только для изготовления изваяний, но и для создания погребальных сооружений, надгробных и ограждающих конструкций (каменных ящиков и склепов, крепид, закладов и т.д.). Умение же скифов добывать и обрабатывать

камень сомнений не вызывает, как и наличие в ремесленном инструментарии универсальных и специализированных каменотесных орудий, в археологических материалах представленных, однако, крайне скудно. Судя по сохранившимся на изваяниях и их базах следам, основным инструментом обработки каменной заготовки являлась небольшая металлическая кирка-тесло с поперечным лезвием шириной 2–4 см и удлиненной деревянной рукоятью.

Определенное представление о приемах вырубки из скального массива прямоугольных заготовок-блоков дают результаты обследования каменоломни IV–III вв. до н.э. в окрестностях эллинского городища Чайка у Евпатории (Яценко И.В., 1987). Разметка скальной площадки на прямоугольные участки, разделенные глубокими канавками, использование металлических или деревянных клиньев позволяло выламывать каменные блоки площадью до 2×1 м и толщиной 0,2–0,35 м, что вполне соответствует средним параметрам изваяний.

Результаты изучения сохранившихся памятников монументальной скульптуры свидетельствуют о хорошем знании скифскими мастерами-каменотесами свойств камня, использованного для его обработки таких технологических

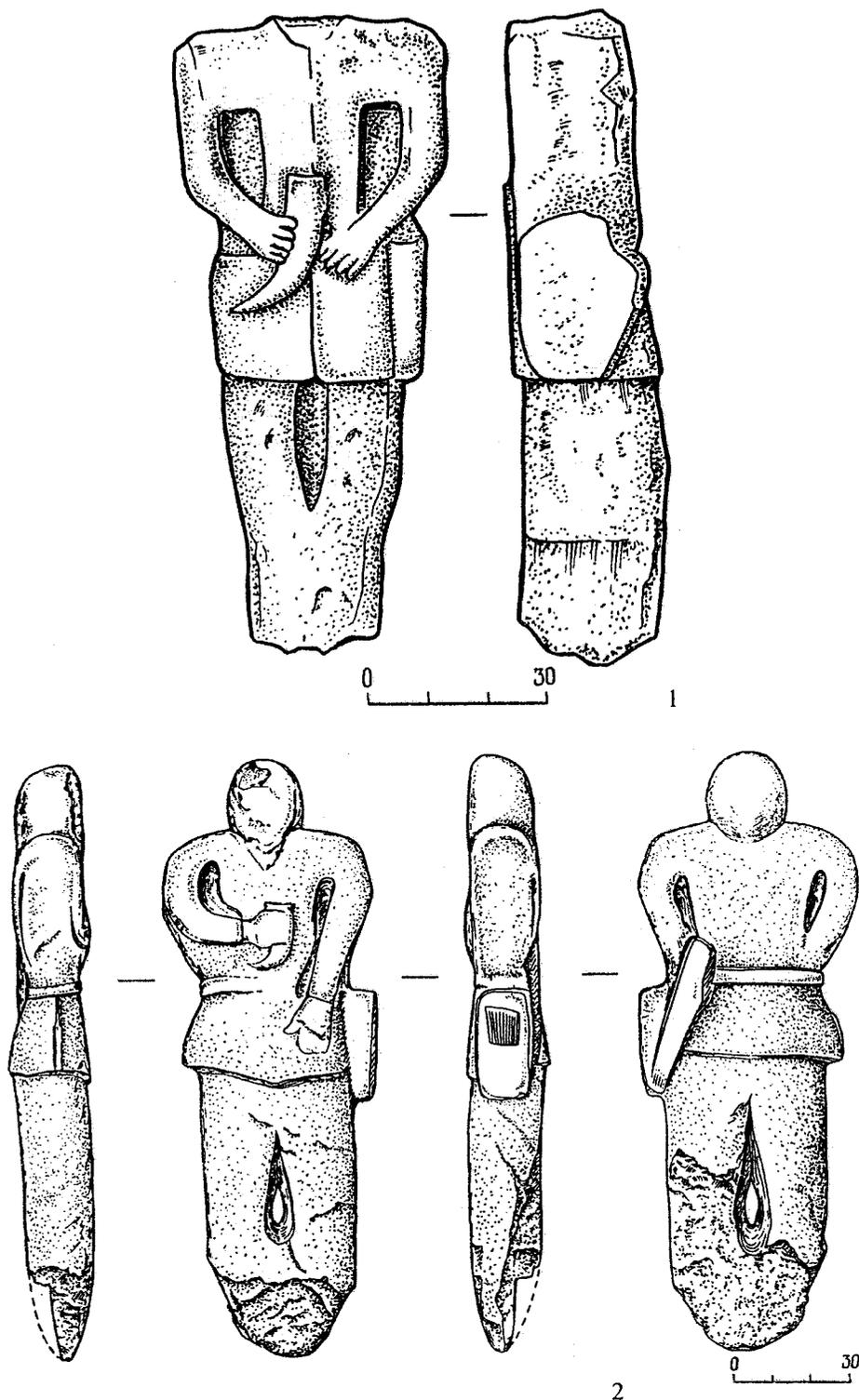

Рис. 2. Скифские изваяния V–IV вв. до н.э.: 1 – Вишневка; 2 – Колоски, к.1

приемов как скалывание, подтеска, пиление, шлифовка, гравировка, сверление и окраска. Сочетание указанных приемов позволяло скифским ваятелям создавать весьма выразительные произведения, соответствовавшие оп-

ределенному изобразительному канону и несомненно несшие большую идеологическую (религиозно-мифологическую) нагрузку. Однако в рамках заданной изобразительной схемы скифским скульпторам все же удавалось не только

варьировать (до определенных пределов) воплощаемый образ, но и проявлять собственную творческую индивидуальность («почерк»).

Подавляющее большинство скифских изваяний, в том числе все, найденные в Крыму, является памятниками антропоморфными, с разной степенью полноты воплощающими человеческую фигуру. Этим памятники скифской скульптуры резко отличаются от хронологически предшествующих им стел, создателями которых обычно считаются киммерийцы. В Крыму, как и вне его, находки подобных стел очень редки; явное сходство их с оленными камнями подтверждает мнение об их подчеркнутой фалломорфности, фаллоидности (Ольховский В.С., 1989а). Вместе с тем, накопленные к настоящему времени материалы позволяют ставить вопрос и о возможной генетической связи киммерийской и раннескифской скульптуры как на морфологическом, так и на семантическом уровнях (Белозор В.П., 1986, с.11; Ольховский В.С., 1994).

По своей архитектонике и поперечному сечению бесспорно скифские изваяния относятся к пяти морфологическим группам: антропоморфным столбам, антропоморфным плитам, статуарным рельефам, плоским и круглым скульптурам. Территориально-хронологический анализ распределения указанных групп позволил заключить, что наиболее ранние изваяния морфологически относятся к антропоморфным столбам, антропоморфным плитам и плоским скульптурам, продолжая существовать и в более позднее время (Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л., 1994, с.49, табл.6). Круглая скульптура и статуарные рельефы в целом не характерны для скифского искусства, они изредка встречаются среди памятников IV–III вв. до н.э.

Подчеркнем, что все морфологические группы изваяний, воспроизводя человеческую фигуру, иконографически реализуют ее в двух основных позах – фигура стоящая и сидящая, которые по степени реального их воплощения могут относиться к четырем вариантам: полная фигура, полуфигура (детализованная до пояса), бюст (детализованная до плеч) и силуэт (воспроизведен лишь абрис фигуры). Иконография изваяний, включающая также набор изображений антропоморфных черт и различных атрибутов, как и морфология, демонстрирует территориально-хронологическое своеобразие в рамках и крымского локального варианта скифской скульптуры, и скифской скульптуры в целом.

Так, скифские изваяния, которые определенно можно было бы датировать VII и VI вв. до н.э., в Крыму до сих пор не отмечены, что, однако, не исключает возможности их обнаружения в будущем. Памятники же V в. до н.э. известны, но в сравнительно небольшом количестве; это изваяния из курганов у с.Надежда и с.Котовское, кургана № 1 у с.Колоски (рис.2,2) (Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л., 1994, илл.53,56,65) и № 1 из «степного Крыма» (Ольховский В.С., 1997, с.33). Все изваяния этого времени являются плоскими скульптурами, воспроизводящими стоящую мужскую фигуру целиком или детализирующими ее до пояса. Их морфологической особенностью является монолитность, минимальная расчлененность объема скульптуры, что свойственно и большинству скифских изваяний Причерноморья и Предкавказья того же времени. Абрис фигуры весьма близок очертаниям блоказаготовки, из которого вырублено изваяние. Четким полукругом обозначена голова, выступами – плечи, согнутые в локтях руки показаны плотно прижатыми к туловищу, ноги моделированы обобщенно и разделены вертикальной ложбиной, изредка с небольшим просветом, без анатомических подробностей. Для набора антропоморфных элементов характерно отсутствие такого раннего признака как подковообразные усы, крайняя редкость изображений фалла, скульптурная проработка кистей рук с обозначением пальцев. Как и на подавляющем большинстве раннескифских изваяний других регионов, антропоморфный персонаж показан «обнаженным» (обозначена мускулатура груди), но наряду с этим появляется и явное воспроизведение верхней одежды – скифского кафтана, подол которого спереди имеет форму тупого угла вершиной вниз. Набор изображаемых на изваяниях предметов небогат: гривна, пояс, лук в горите (подвешен к поясу на левом боку), ритон (показан прижатым к груди правой кистью руки), иногда оселок и меч. В целом же скульптуры этого времени морфологически и иконографически весьма близки синхронным им скифским памятникам более северных степных районов Причерноморья и Приазовья.

Изваяния IV – нач. III вв. до н.э. в Крыму, преимущественно западном, более многочисленны. Этим же временем датируются и все шесть известных укрепляющих элементов – баз изваяний. Как правило, база представляет собой уплощенную грубообработанную плиту неправильной (подпрямоугольной, многоугольной,

овальной) формы со сглаженной верхней гранью площадью до 1,75×1,3 м и толщиной до 0,3 м. В центре базы проделывалось овальное или прямоугольное сквозное отверстие. Помещение основания памятника в отверстие, форма и параметры которого соответствовали сечению нижней части изваяния, позволяло надежно закреплять его в вертикальном положении. Иногда использовались и базы, составленные из нескольких плит с дуговидными вырезами в их кромке, в совокупности образующих отверстие в центральной части всей конструкции.

Большинство скифских изваяний этого времени относится к плоским скульптурам, также воспроизводящим стоящую мужскую фигуру. Однако в одном случае (с.Суворовское, к.11) персонаж показан сидящим в седле; в пользу подобной трактовки позы свидетельствует разведенность моделированных глубоким рельефом бедер, изображение передней (?) и задней луки седла (рис.3,1). Отметим, что в сходной позиции – «оседлавшими» нечто, напоминающее гладко отесанный вертикальный столб, «сидящими» на его вершине – представлены мужские персонажи раннескифских (VII–VI вв. до н.э.) изваяний из северокавказского и причерноморского регионов (Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л., 1994, с.54). Очевидно, к IV в. до н.э. подобная иконографическая схема почти утратила свою популярность.

Набор морфологических вариаций скифских изваяний Крыма в рассматриваемое время увеличивается. Помимо господствующих плоских скульптур, появляются антропоморфные плиты, на Северном Кавказе известные по крайней мере с VI до н.э., очень редкие статуарные рельефы и круглая скульптура. Так, на двух из трех выявленных антропоморфных плит (Крыловка, к.4; Колоски, к.13 – рис.3,2) при явной геометризованности абриса лишь голова обозначена полуovalом, выступающим над уровнем плеч, конечности не обозначены, а низ оформлен в виде шипа, предназначенного для помещения в отверстие плиты-базы. Лишь на одной антропоморфной плите гравировкой обозначены руки (Суворовское, к.13, п.2).

Единственный известный статуарный рельеф, явно рассчитанный не на круговое, а на фронтальное восприятие, происходит из окрестностей греко-скифского городища Чайка (рис.4,1). Тыльная плоская грань его не несет изображений, а антропоморфные элементы переданы высоким рельефом только на передней

подпрямоугольной грани, создающей «фон» почти для всей фигуры, исключая голову. Типологически сходные памятники неизвестны в северопричерноморских степях, но в небольшом количестве выявлены на Северном Кавказе (Преградная, Беспутка).

Специфически крымской является небольшая группа круглых скульптур (Крыловка, к.1 и к.12; Черноморское, № 2; Приветное, к.2 – рис.4,2; из степного Крыма, № 4). Выполненные весьма тщательно и с соблюдением пропорций, они заметно отличаются от основной массы скифских изваяний своим реализмом в изображении и антропоморфных черт, и предметов экипировки. По своему художественному уровню данные произведения вполне сопоставимы, например, с боспорской эллинистической скульптурой, что с большой долей вероятности позволяет предположить изготовление их либо скифскими ваятелями, обучавшимися у эллинских скульпторов, либо эллинскими мастерами, работавшими по заказу скифов (Ольховский В.С., 1990, с.101). Об этом же свидетельствуют и следы использования в оформлении изваяний иных материалов. Так, на лицевой поверхности горита изваяния № 4 из степного Крыма с помощью штифтов явно была закреплена металлическая или костяная декоративная пластина, что перекликается с хорошо известным эллинам приемом изготовления хрисозлефантинных статуй (Ольховский В.С., 1997, с.36,37). Факт же существования в Крыму (в частности, на Боспоре) специализированных эллинских мастерских по изготовлению надгробных рельефов и скульптур сомнений не вызывает (Матковская Т.А., 1984).

Иконографически большинство изваяний рассмотренных морфологических групп детализирует фигуру целиком, реже – до пояса (полуфигуры). К бюстам, основным признаком которых является отсутствие изображений конечностей (рук и ног) персонажа, можно отнести не более трех изваяний, к силуэтам – всего одно (последние заметно чаще встречаются среди скифских антропоморфов в степном Причерноморье и совершенно отсутствуют на Северном Кавказе).

Хотя практически все найденные в Крыму скифские изваяния в той или иной степени повреждены, набор представленных на них антропоморфных черт весьма близок «общескифскому». На уплощенном овале лица гравировкой и низким рельефом показаны миндалевидные глаза, слитый с надбровными дугами удлинённый

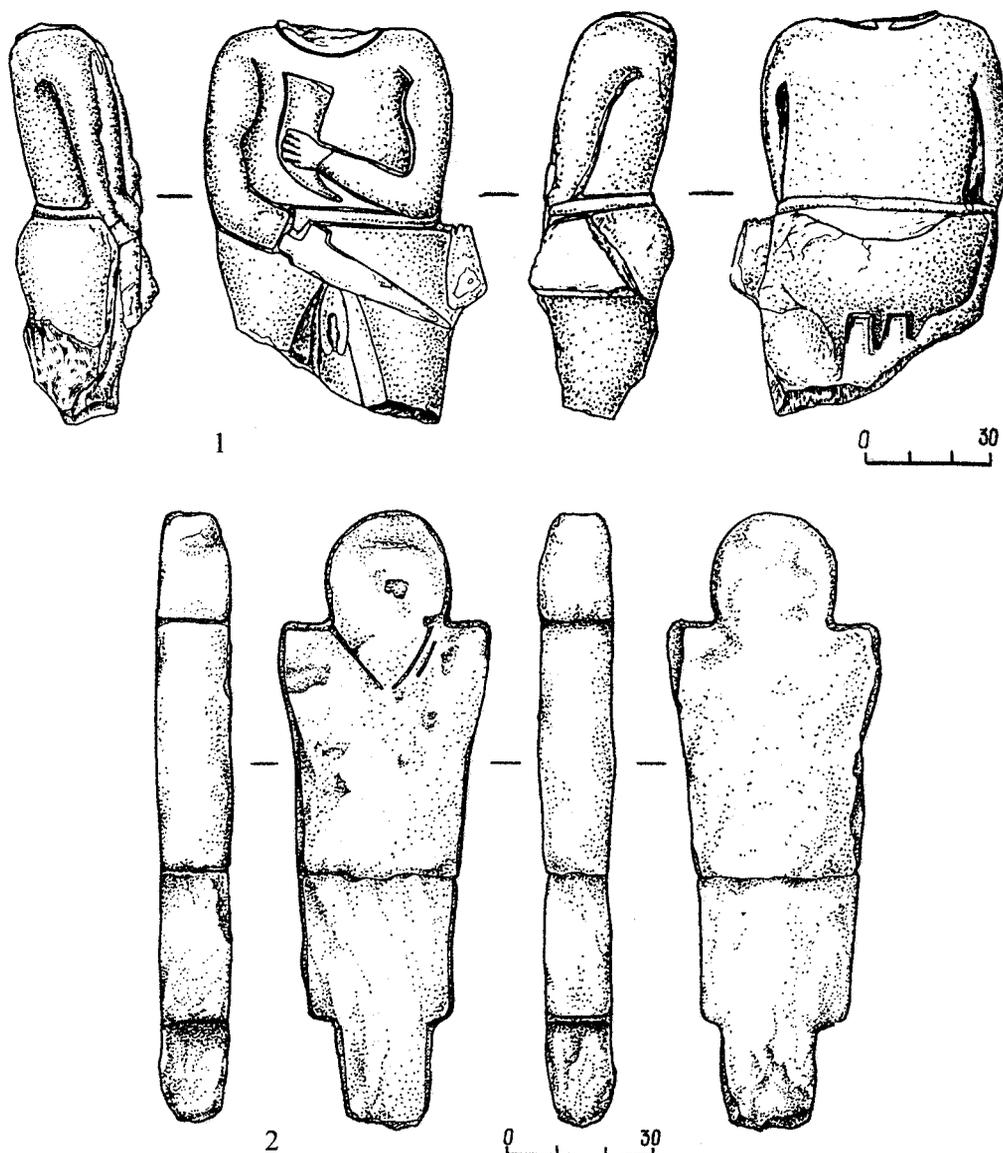

Рис. 3. Скифские изваяния V–IV вв. до н.э.: 1 – Суворовское, к. 11; 2 – Колоски, к. 13

прямой нос, небольшой рот; усы и борода отсутствуют, в области висков изредка полуовалами показаны уши. Прическа определенно моделирована лишь на одном изваянии (Колоски, к. 10, изв. № 2); она укороченная – волосы показаны почти горизонтально подрезанными на уровне плеч (к сожалению, в некоторых случаях изображение прически трудно отличить от изображения затылочной части шлема).

В отличие от более ранних памятников, на многих изваяниях рассматриваемого периода моделирована шея, что делает их менее массивными и более реалистичными, приближая к эллинистическим скульптурам. Кроме того, для изваяний IV в. до н.э. характерен прием устройства сквозных просветов у предплечий и

бедер, отмеченный у всех круглых и многих плоских скульптур. Подобный прием, впервые фиксируемый на крымских изваяниях 2-й половины или конца V в. до н.э., почти не известен в скифской скульптуре Причерноморья и Приазовья, но изредка отмечается на изваяниях с Северного Кавказа.

На всех крымских изваяниях руки персонажа показаны, как правило, согнутыми в локте: правая – под прямым углом и прижатой к груди, левая – слегка согнутой либо почти прямой и прижатой кистью к левой части живота. Ноги персонажа, в том случае, когда они показаны, моделированы обычно обобщенно, геометризованно; более реалистично, с рельефным воспроизведением бедер, голеней и даже ягодич они

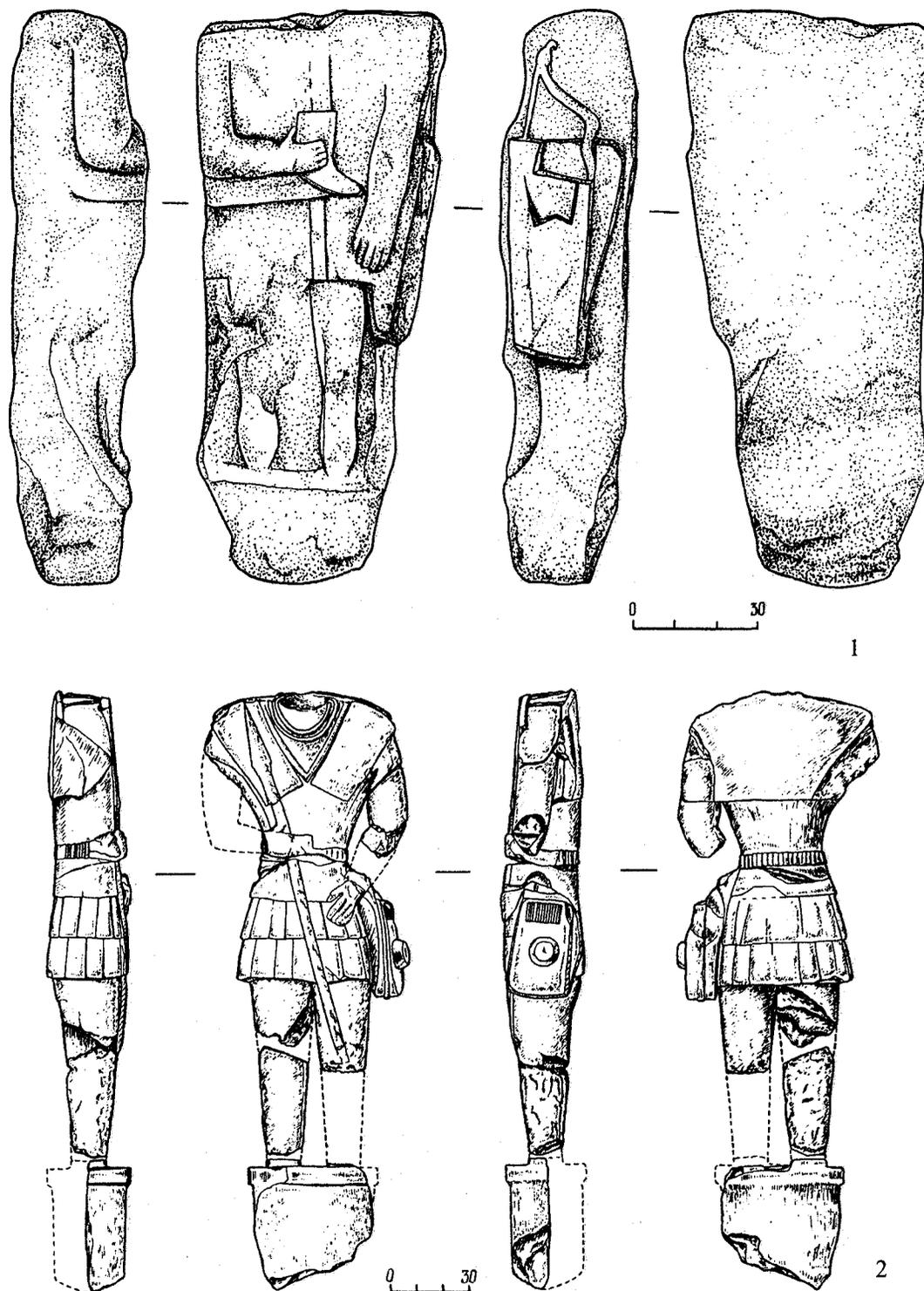

Рис. 4. Скифские изваяния и базы к ним IV – нач. III вв. до н.э.: 1 – Чайка; 2 – Приветное, к.2

представлены редко и исключительно на круглых скульптурах; ступни же ног воспроизведены только на статуарном рельефе, найденном неподалеку от городища Чайка. В целом же рельефная или скульптурная моделировка ног весьма характерна для скифских изваяний Кры-

ма, что резко отличает их от синхронных памятников других регионов.

К иконографическим особенностям скифских скульптур из Крыма относится почти полное отсутствие изображений мышц груди, лопаток и позвоночного столба.

К элементам, явно заимствованным из эллинской монументальной скульптуры, относятся довольно редкие бордюры, гладкие рельефные фризы или «полочки» в месте перехода ног в основание (пьедестал) изваяния (рис.4,2).

Набор предметов, изображаемых на изваяниях IV – нач. III вв. до н.э., включает одежду, оружие, доспех, бытовые предметы, символы власти. Так, в отличие от антропоморфов более северных степных районов, на крымских изваяниях нередко воспроизводился традиционный скифский кафтан, хорошо известный по памятникам греко-скифской торевтики и легко опознаваемый по треугольному вырезу в верхней части груди и характерному подолу на уровне бедер персонажа. Гораздо более редки изображения головных уборов типа башлыка; штаны воспроизведены лишь на одной круглой скульптуре. Не менее половины изваяний несут изображение пояса в виде гладкой рельефной полосы; в одном случае (Приветное, к.2) показан явно боевой пояс с нашитыми вертикально металлическим чешуйками. Из предметов вооружения на изваяниях часто изображался горит с вложенным в него луком. Лицевая сторона горитов при этом иногда имеет «окошко», в котором видны древки стрел, либо украшена умбоном усеченно-конической формы. Уникальным для скифской скульптуры является изображение лука, вынутого их горита и прижатого к груди левой рукой персонажа (Черноморское, № 2). Не менее пяти раз встречены изображения полусферических шлемов, в одном случае, возможно, с нащечниками. Особенно интересен изображенный на двух изваяниях сложный доспех, включающий большую наспинную пластину, пару прямоугольных нагрудных пластин и усиленную наборной (в натуре, очевидно, металлической) броней нижнюю часть кафтана (Черноморское № 2; Приветное, к.2). Данный защитный комплект, весьма напоминающий доспех одного из трех воинов, изображенных на гребне из кургана Солоха, имеет несомненно эллинское происхождение. Данный факт, а также наличие иных явно «нескифских» признаков свидетельствуют об изготовлении двух указанных изваяний эллинскими мастерами, возможно, даже одним и тем же скульптором. Из других предметов вооружения отметим уникальное изображение копья на круглой скульптуре из к.2 у с.Приветное, а также редкость воспроизведений мечей, обычных для скифских изваяний других регионов. Так, помимо короткого акинака на изваянии V в. до н.э. из кургана у с.Надежда, мечи представлены лишь на трех ан-

тропоморфах IV – нач. III вв. до н.э., но типологически они отличаются от классических акинаков и показаны необычно – в руке воина.

Весьма распространенным атрибутом, показываемым на изваяниях обычно в правой, реже левой руке персонажа, является ритон – предмет, несомненно, сакрально значимый и неоднократно находимый в составе инвентарей богатейших скифских погребений. Столь же часто на изваяниях воспроизводилась одно- либо многовитковая шейная гривна, знак высокого социального ранга. Из бытовых предметов на изваяниях иногда подвешенными к поясу справа изображали оселки.

Морфолого-иконографические особенности изваяний, в том числе изображаемые атрибуты, несомненно, определялись семантикой памятников, а изучение условий их обнаружения позволяет выявить практическое назначение антропоморфов. Так, подавляющее большинство изваяний и все базы к ним найдены на курганах, возле них, в курганной насыпи, в кольцевом ровике, на или в каменной крепиде, что свидетельствует о первоначальной их установке на вершине кургана. Ни в одном случае зафиксировать изваяние в месте его первоначальной установки не удалось; при этом имеющиеся данные позволяют предполагать разрушение памятников спустя относительно короткое время после их установки. Неоднократные случаи обнаружения изваяний в грабительских воронках свидетельствуют о «свержении» антропоморфов, выполнявших функцию надгробий, во время ограбления захоронений современниками погребенных. Обнаружение же в к.10 у с.Колоски сразу двух иконографически близких изваяний, установленных, очевидно, над двумя выявленными под насыпью скифскими захоронениями, заставляет обратить внимание на вывод Д.С.Раевского о кратковременности «срока действия» изваяний (Раевский Д.С., 1983, с.56), по истечении которого памятники полностью или в значительной степени утрачивали свою сакральность, переставали почитаться и могли переиспользоваться, например, в качестве строительного материала. Так, часть стенки каменного ящика скифского погребения в к.13 у с.Суворовское была сооружена из изваяния – антропоморфной плиты. Таким же образом переиспользовались и антропоморфные плиты в северокавказском Галайтинском могильнике (Багаев М.Х., 1981). Интересен и факт преднамеренного «захоронения» обломков изваяний в жертвенных ямах курганов I и 12 у с.Крыловка (Колотухин В.О., Ольховский

В.С., 1989, с.66,67). Подобное же бережное отношение к фрагментам изваяний зафиксировано и на Ставрополье, в комплексе балки Беспутки (Белинский А.Б., Ольховский В.С., 1996, с.60).

Таким образом, имеющиеся данные подтверждают прямую связь скифских изваяний с погребальными комплексами, а также их практическую функцию как надгробных мемориальных знаков. При этом, однако, семантика (религиозно-мифологическое значение) их остается предметом дискуссий. Так, скифские изваяния считают изображениями героизированных предков, прародителя и подателя плодородия, Колаксия, Арея, Таргитая или Гойтосира, самого погребенного, а также космическим символом мироздания, воплощением некоей субстанции (типа «Ка» в древнеегипетской религии), тотемными знаками, символами вечной воинской славы и т.д. (Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л., 1994, с.13,14). Наиболее перспективной представляется трактовка изваяний как сложного и многозначного

символа, в антропоморфной форме воплощающего идею структурированного мироздания, его центрального элемента («оси мира»), олицетворением которого выступал реальный умерший, наделяемый чертами легендарного первопредка, столпа социума, гаранта его стабильности, связующего звена между «тем» и «этим» мирами.

При очевидной генетической связи скифских изваяний Крыма с общескифской традицией монументальной скульптуры рельефно выступает и их своеобразие, отразившее как их связь со скифской скульптурой Северного Кавказа, так и несомненное глубокое эллинское влияние. При этом процесс упрощения и деградации скифских изваяний, фиксируемый на памятниках северопричерноморских степей, для памятников Крыма был не столь заметен и очевиден. Кроме того, в отличие от других регионов восточноевропейских степей, в Крыму традиция создания антропоморфных изваяний сохранялась и в позднескифское время.

Литература

- Багаев М.Х., 1981. Новые каменные изваяния скифского времени из Чечено-Ингушетии // Памятники эпохи раннего железа и средневековья Чечено-Ингушетии. Грозный.
- Белинский А.Б., Ольховский В.С., 1996. Комплекс скифских изваяний со Ставрополья // ИАА. Вып.2. Армавир—М.
- Белозор В.П., 1986. Скифские каменные изваяния VII—IV вв. до н.э. // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Киев.
- Зинько Е.А., 1999. Сакральная скульптура с сельской округи Нимфея // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. СПб.
- Колотухін В.О., Ольховський В.С., 1989. Скіфські статуї крилівської курганної групи // Археологія. № 3. Київ.
- Матковская Т.А., 1984. Мастерские надгробного рельефа Европейской части Боспора // Проблемы истории и археологии Восточного Крыма. Керчь.
- Миллер А.А., 1925. Новый источник к изучению связи Скифии с Кавказом // ИРАИМК. Т.IV. Л.
- Ольховский В.С., 1989. Скифские антропоморфы Северо-Западного Крыма (находки последних лет) // УЗ КИПЦДСВ. М.
- Ольховский В.С., 1989а. Оленные камни (к семантике образа) // СА. № 1.
- Ольховский В.С., 1990. Скифские изваяния Крыма // Проблемы скифо-сарматской археологии. М.
- Ольховский В.С., 1994. К проблеме генезиса скифской монументальной скульптуры // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тез. докладов международной конференции. Запорожье.
- Ольховский В.С., 1997. Скифские изваяния из Крымского краеведческого музея // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып.1. Симферополь.
- Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л., 1994. Скифские изваяния VII—III вв. до н.э. М.
- Раевский Д.С., 1983. Скифские каменные изваяния в системе религиозно-мифологических представлений ираноязычных народов евразийских степей // Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. М.
- Шульц П.Н., 1967. Скифские изваяния Причерноморья // Античное общество. М.
- Яценко И.В., 1987. Исследования на западной окраине Евпатории // АО—1985 г. М.
- Fabritius I., 1929. «Tzarewa mohila» // ESA. IV. Helsinki.
- Passek T., Latynine B.A., 1929. Sur la question des «kamennye baby» // ESA. IV. Helsinki.
- Scholl T., Zin'ko V., 1999. Archaeological Map of Nymphaion (Crimea). Warsaw.

СКИФСКАЯ МОНУМЕНТАЛЬНАЯ СКУЛЬПТУРА (К ПРОБЛЕМЕ ДОСТОВЕРНОСТИ ИСТОЧНИКА)

Археологические исследования, проводившиеся в разных регионах Старого и Нового Света, определенно показали, что памятники древнего изобразительного искусства (скульптура, мелкая пластика, глиптика и т.д.) являются чрезвычайно важным, хотя и сложным для изучения историческим источником. Ценность подобных памятников определяется в первую очередь их аутентичностью, что предполагает этнографическую достоверность изображаемых древними ваятелями и художниками реалий. Есть все основания полагать, что подобный «реализм деталей» соблюдался даже в случае изображения фантастических персонажей. С этой точки зрения несомненный интерес представляет монументальная скульптура скифов Северного Причерноморья и Предкавказья.

Со времени идентификации данной категории памятников А.А.Миллером (1925), который первым определенно связал некоторые образцы древней каменной скульптуры со скифами, и до середины 1970-х годов антропоморфные изваяния («каменные бабы») признавались ярким, но малопопулярным направлением изобразительного искусства скифов: к тому времени было известно лишь около 50 каменных скульптур, датируемых, как правило, в рамках V–III вв. до н.э. (Шульц П.Н., 1967; 1976). Однако открытие в последующие 25 лет еще не менее чем 120 бесспорно скифских изваяний, часть из которых была зафиксирована *in situ*, привлекло к данному феномену особое внимание скифологов (Белозор В.П., 1986; Ляшко С.М., Фридман М.И., 1987; Ольховский В.С., 1990; Ольховский В.С., Ложкин М.Н., 1992; Петренко В.Г., 1986; и др.). При этом было определенно подтверждено наличие в скифском изобразительном искусстве устойчивого «антропоморфного» направления, существовавшего параллельно с господствующим «зооморфным» направлением («звериный стиль»). Публикация достаточно информативной сводки всех известных к 1994 г. скифских изваяний (Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л., 1994) сти-

мулировала появление работ, рассматривающих проблемы генезиса и семантики скифской антропоморфной скульптуры, религиозно-мифологических представлений и миграций скифов, происхождения скифской археологической культуры (Юматов К.В., 1998; Ковалев А.А., 1998; Kovalev A., 1998; и др.).

С позиции источниковедческого анализа любое, в том числе скифское, изваяние следует рассматривать как замкнутую информационную систему, состоящую из структурных элементов, объединенных в несколько «информационных блоков» (Ольховский В.С., 1987). Подобные «блоки», разумеется, являются вспомогательными рабочими инструментами исследователя, помогающими разобраться в структуре памятника, упорядочить его элементы с целью максимально объективного их анализа (создатели древних скульптур, без сомнения, не воспринимали свои произведения подобным образом). Так, имеющиеся на изваянии изображения неантропоморфных деталей образуют блок «предметный репертуар», включающий изображения предметов одежды, обуви, быта и хозяйственной деятельности, вооружения и доспеха, украшений и инсигний власти, а также культовых предметов и орнаментов. В данной статье рассматривается проблема достоверности изображений предметно-репертуарного блока, адекватности или неадекватности изображенных предметов их реальным прототипам; семантика изваяний при этом не затрагивается.

Рассмотрение всей совокупности выявленных скифских изваяний (Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л., 1994, с.61–76) позволило заключить, что количественный и «качественный» состав изображаемых на изваяниях предметов в определенной степени зависел от хронологической позиции памятника: таких изображений меньше на ранних (VII–VI вв. до н.э.) и поздних (середины IV – III вв. до н.э.) памятниках. Данное наблюдение является верным, однако, как общая тенденция при наличии исключений,

что связано, вероятно, со сложностью и гетерогенностью процесса формирования антропоморфного канона скифского искусства. Наибольшее разнообразие изображений предметного репертуара отмечается для памятников конца VI – начала IV вв. до н.э. Изваяния этого периода максимально «условно реалистичны» и в плане иконографии, что позволяет считать изваяния этого времени вершиной «антропоморфного» направления в монументальном искусстве скифов.

О том, что скифские скульпторы воспроизводили на изваяниях реальные и бытующие в данной этнокультурной среде, то есть синхронные им, вещи, косвенно свидетельствует типологическое разнообразие изображенных предметов, к примеру, мечей. Крайне маловероятно, что подобное разнообразие является результатом творческой фантазии ваятелей; оно вполне соответствует факту сосуществования в скифской этнокультурной среде сразу нескольких типов и вариантов мечей (Мелюкова А.И., 1964). В целом ряде случаев изображения мечей выполнены очень тщательно и натуралистично, что позволяет сопоставлять их с реальными экземплярами из погребальных комплексов и на этом основании датировать изваяния. Более того, имеющиеся данные позволяют контатировать типологическое развитие представленных на изваяниях мечей (Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л., 1994, с.75, табл.18), направление которого вполне совпадает с эволюцией реального клинкового оружия скифов. При этом несомненный интерес представляют «этнографические» черты и детали, которые отражают особенности конструкции, способы подвески и ношения предметов вооружения, специфические для разных групп кочевого населения Скифии, но не фиксируемые в ходе археологических раскопок из-за разрушения органических материалов.

Так, к широко использовавшемуся скифами клинковому оружию относятся мечи и кинжалы, как правило, различаемые только размерами. На изваяниях же обычно воспроизведены только мечи-акинаки, хотя известны три случая совместного изображения меча и кинжала (рис.1,1;3,1). В целом же изображения клинкового оружия являются почти обязательными элементами набора воспроизведенных на изваяниях VII–V вв. до н.э. предметов; позже (IV–III вв. до н.э.) они встречаются значительно реже – приблизительно на 10% памятников

(Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л., 1994, с.73). Как отмечалось, в подавляющем большинстве случаев изображенные мечи копируют типичные скифские акинаки с брусковидным, когтевидным или уплощенно-овальным навершием и почковидным, бабочковидным или сердцевидным перекрестием (рис.1–3). В виде исключения фиксируются мечи с кольцевидным навершием, брусковидным перекрестием, более характерные для восточной части евразийских степей.

Судя по имеющимся иконографическим данным, на протяжении всего периода существования скифской монументальной скульптуры использовались два способа подвески клинкового оружия. Первый, несомненно, более ранний, предусматривал подвеску меча или кинжала к поясу на правом боку воина, на уровне бедра. При этом меч прикреплялся к поясу посредством ремешка, пропущенного через отверстие в оконечности крыловидной лопасти ножен. Так как лопасть крепилась к ножнам (у их устья) асимметрично, меч висел не вертикально, а с некоторым отклонением от вертикали, что соответствует реальным изображениям (рис.1,1). Однако на некоторых памятниках меч показан на правом бедре в вертикальном положении и в ножнах без лопасти (рис.3,1). Очевидно, в данном случае использовалась ременная петля, охватывавшая устье ножен, концы которой (всего два) привязывались к поясному ремню. Только такая система подвески обеспечивала строгую вертикальность клинка меча. Судя по типам изображенных в подобном положении мечей, «правосторонняя» подвеска была обычной для скифов приблизительно до середины VI в. до н.э.; позже она встречается редко и только в тех случаях, когда комплект представленной на изваянии паноплии включал и меч, и кинжал. Заслуживает внимания и следующий факт: правосторонняя вертикальная подвеска применялась прежде всего для длинных и массивных мечей, хотя иногда использовалась и для коротких акинаков. Кроме того, скифы, судя по имеющимся данным, не использовали дополнительный ремешок, охватывающий бедро воина выше колена и проходящий над или через бутероль ножен. Подобный вариант подвески, представленный на персепольских рельефах и хорошо известный сарматам, не годился для длинных клинков, подвешиваемых на правом боку.

Начиная со 2-й половины VI в. до н.э. (но не позже рубежа VI–V вв. до н.э.) входит в употребление новый способ подвески клинкового

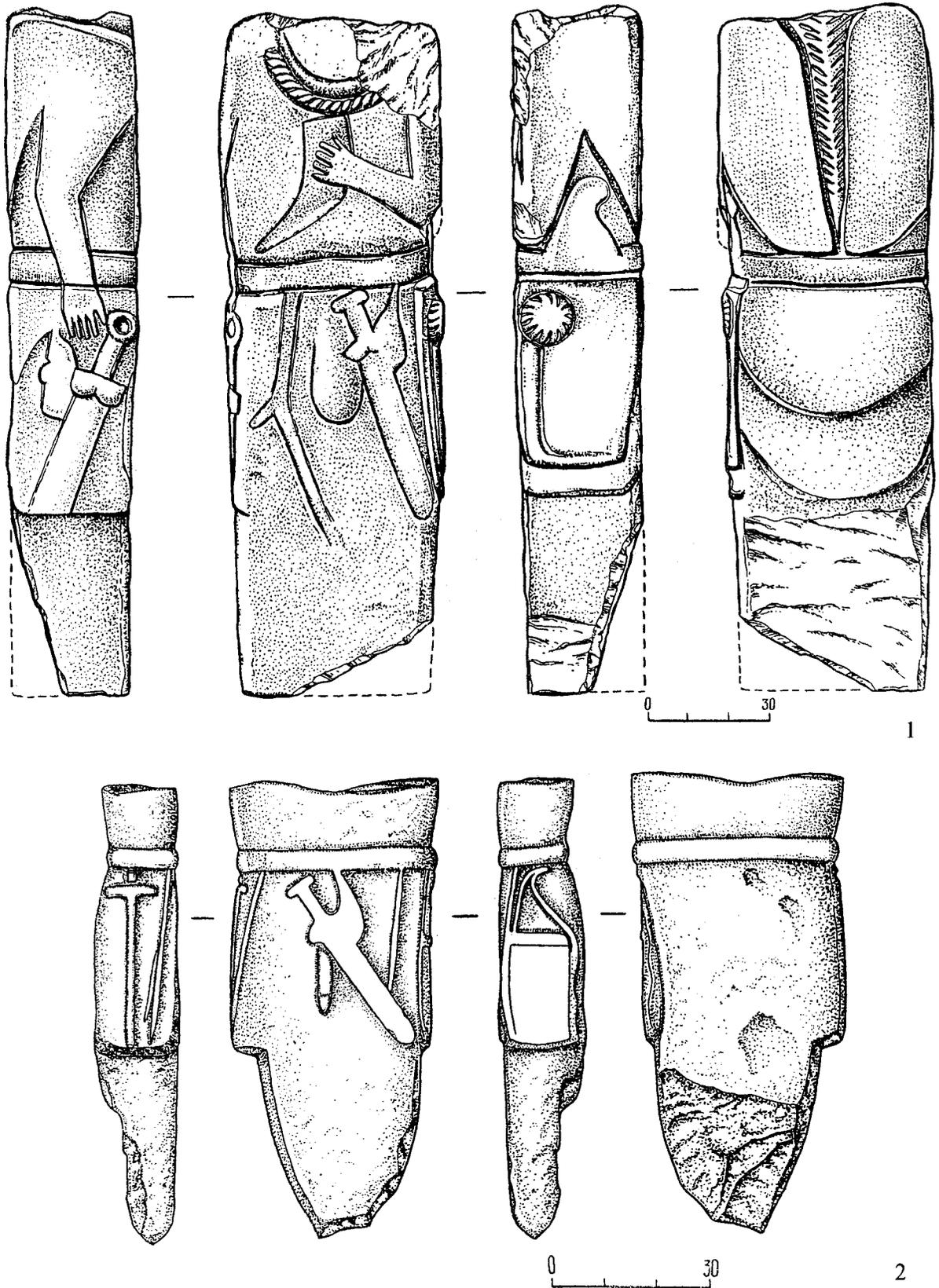

Рис. 1. Скифские изваяния: 1 – Кировоградский музей; 2 – Мариуполь

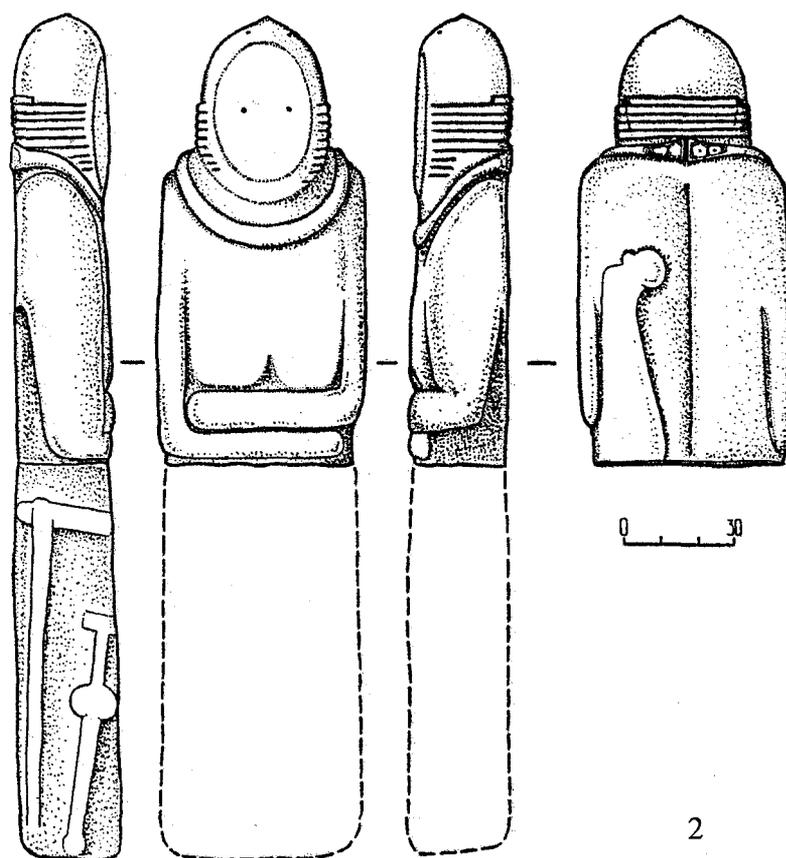
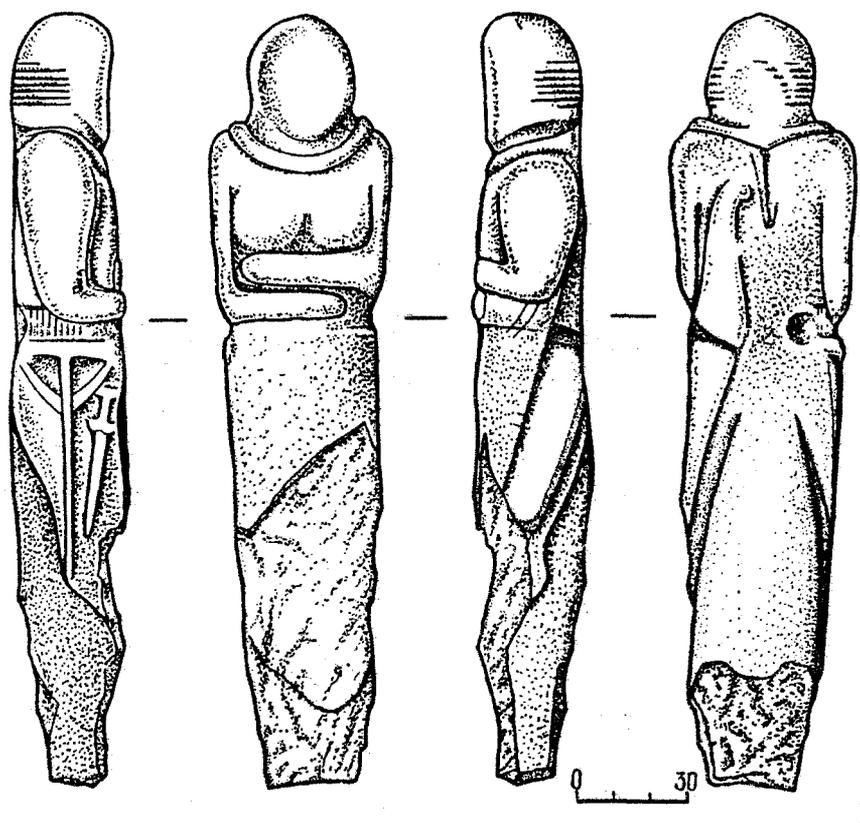

Рис. 2. Скифские изваяния: 1 – Зеленчук Мостовой; 2 – Ставропольский музей

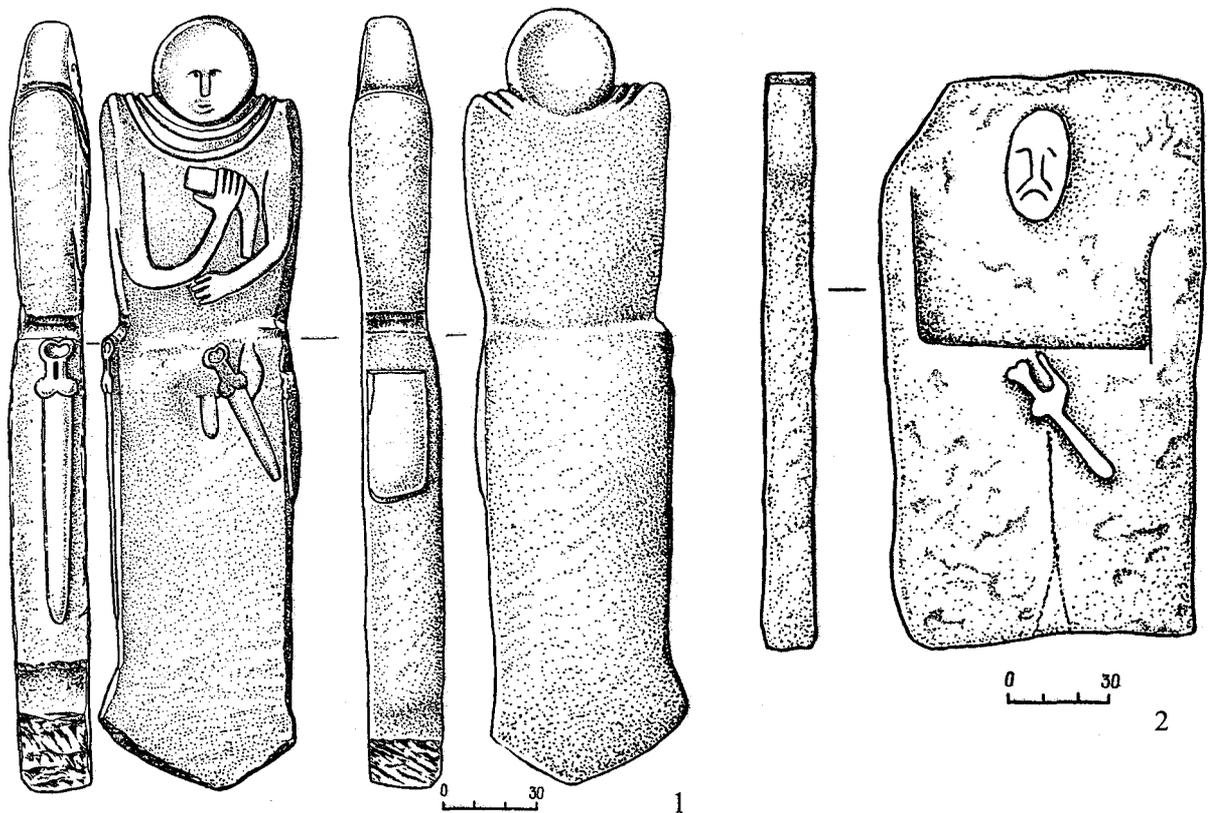

Рис. 3. Скифские изваяния: 1 – Медерово; 2 – Галайты, № 1/1962

оружия – к поясу воина спереди, в области живота. Для этого в большинстве случаев использовался ремешок, один конец которого продевался в отверстие в верхней части лопасти ножен, а другой – крепился к поясу петлей или через специальное отверстие (в ряде случаев ремешки подвески на изваянии не изображены, но характер положения меча несомненно свидетельствует об их применении). При этом лопасть ножен всегда оказывалась сверху (часто примыкая к нижней кромке пояса), а ось клинка – под заметным углом относительно вертикальной оси всей фигуры (рис.1;3,1,2). Отметим, что в данном случае острие меча оказывалось направленным к левому бедру, а его рукоять удобно располагалась в непосредственной близости от правой кисти воина. Судя по изображению на изваянии V до н.э. из окрестностей г. Мариуполя, для усиления подвески изредка применялся дополнительный ремешок, соединявший пояс с нижним концом ножен (рис.1,2).

Данная система подвески оказалась очень удобной прежде всего для всадников, чем, вероятно, объясняется ее широкое распростране-

ние в кочевой среде и в некоторых оседлых обществах, широко использовавших лошадь для верховой езды. Так, среди горцев Северного Кавказа подобная «центральная» схема подвески кинжала дожила практически до современности, а наиболее раннее ее воспроизведение отмечено на антропоморфных плитах галайтинской группы, относящихся к середине – 2-й половине VI в. до н.э. (рис.3,2).

«Центральная» подвеска предполагает размещение клинка ниже пояса, что и наблюдается почти на всех изваяниях. Лишь в единичных случаях рукоять и перекрестие меча изображаются в менее естественной позиции – выше пояса; при этом создается впечатление, что меч показан «заткнутым» за пояс, что теоретически возможно, но вряд ли удобно в боевых условиях (рис.5,1).

О реальности зафиксированных на изваяниях способов ношения мечей и кинжалов свидетельствуют и археологические данные. Так, размещение акинаков в области пояса погребенных острием к левому колену весьма характерно именно для захоронений V в. до н.э., хотя иногда встречается и позже (Ольховский В.С.,

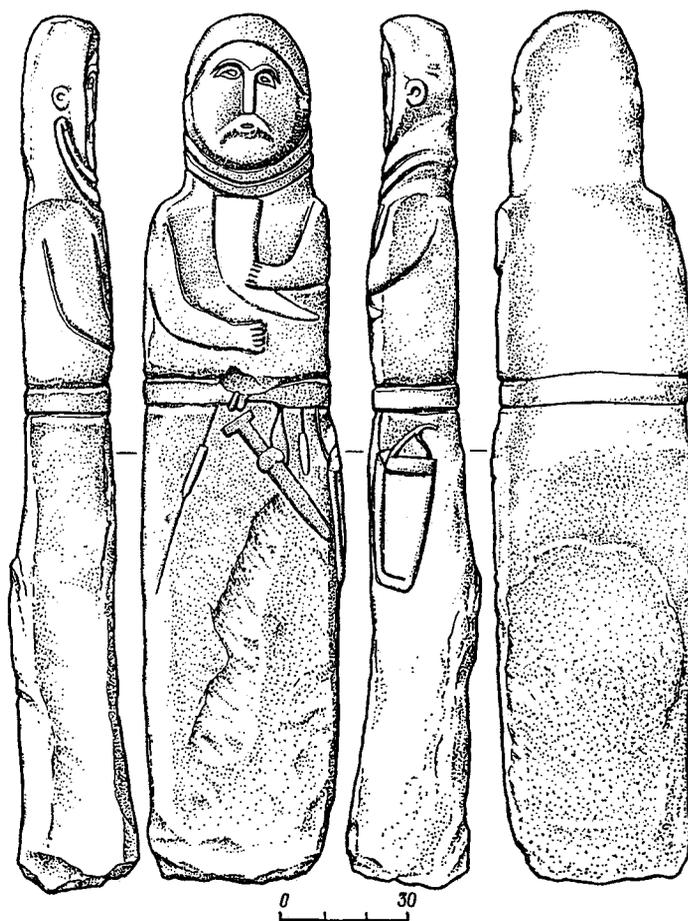
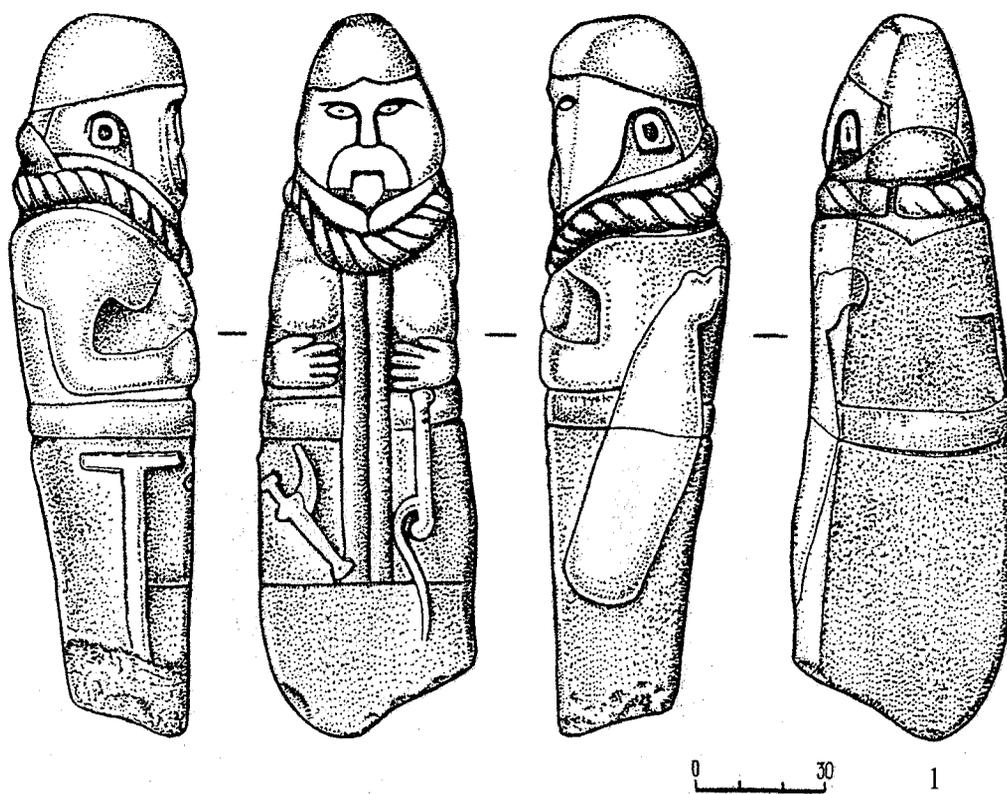

Рис. 4. Скифские изваяния: 1 – Ольховчик; 2 – Эрделевка

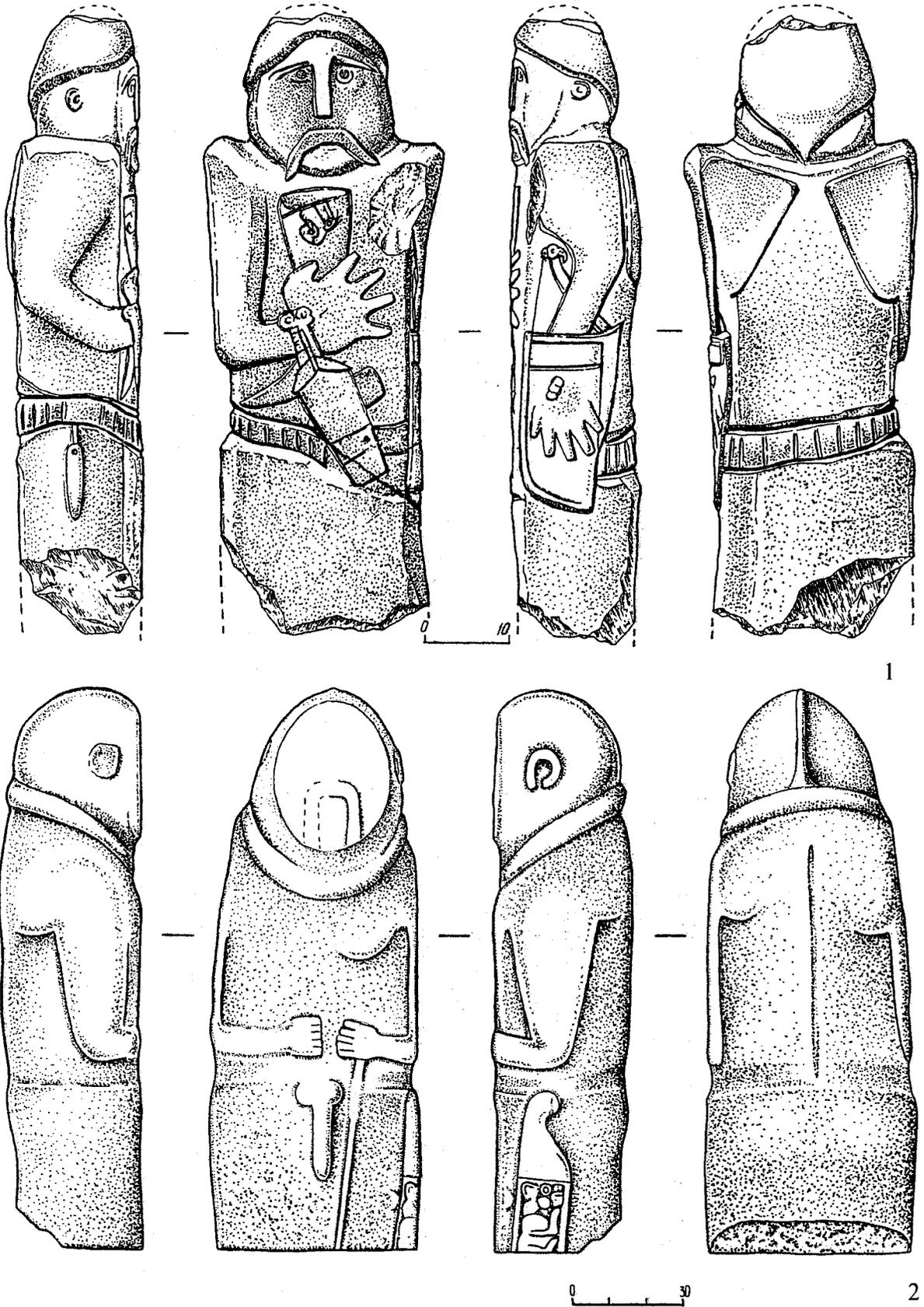

Рис. 5. Скифские изваяния: 1 – Терновка; 2 – Манычская

1991, с.79); размещение меча вдоль правого бедра также отмечено в захоронениях VI–IV вв. до н.э.

«Этнографичность» изображений мечей подчеркивает еще одна деталь: лопасти некоторых ножен имеют контур, явно свидетельствующий об их оформлении в зверином стиле, что находит полное соответствие в археологических материалах. Так, лопасть меча кировоградского изваяния имеет очертания птичьей головы с крупным выделенным глазом (рис.1,1); она весьма напоминает оформление лопасти вотивного меча из Меджидии (Берчу Д., 1958).

Горит – комбинированный футляр для лука и запаса стрел – является характернейшим и широко распространенным элементом скифского комплекса вооружения, что вполне согласуется с частотой встречаемости изображений горита на изваяниях: хотя многие памятники фрагментированы и сохранились не полностью, от 42 до 62% их несли изображения горита (Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л., 1994, с.73). Так как реальные гориты, изготавливавшиеся из легко разрушаемых органических материалов (кожи, дерева, войлока), в ходе раскопок обнаруживаются крайне редко и обычно в виде обломков, изображения на предметах торевтики и особенно на изваяниях являются ценным источником для реконструкции внешнего вида и способов ношения горитов. Во всех известных случаях горит (обычно с луком) изображен на левой грани изваяния, на левом бедре антропоморфного персонажа. Без сомнения, горит подвешивался к боевому поясу (на изваяниях показан ниже пояса) либо закреплялся на нем (изображение горита закрывает пояс). Проследить, каким именно образом это делалось, удастся крайне редко: изображение лицевой грани горита обычно перекрывает пояс, скрывая способ крепления. Однако на изваяниях из Мариуполя (рис.1,2), Эрделевки (рис.4,2), Малых Гирл и Нововасильевки отчетливо виден ремешок, идущий от угла или верхней кромки горита к поясу. Вероятно, горит обычно крепился к поясу с помощью одного, реже – двух ремешков (последний вариант обеспечивал более надежное соединение с поясом). При этом не исключено, что ремешок мог заменяться специальной металлической деталью, одними концом жестко прикрепленной к гориту, а другим – подвижно – к поясу. Отметим, что в случае использования «одно-

ремешковой» подвески горит висел на поясе наклонно: его длинная ось не совпадала с условной вертикальной осью стоящей фигуры воина; применение двух ремешков обеспечивало параллельность указанных осей. На изваяниях встречаются обе вариации расположения горита – и наклонная, и вертикальная.

Гориты, изображенные на изваяниях, различаются между собой в деталях, но относятся к двум основным типам: с лопастью (для помещения деревянной кибити лука) и без нее (Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л., 1994, с.74, табл.17). Изображения безлопастных горитов характерны для памятников VII–VI вв. до н.э. Они отличаются простотой формы, а нередко и довольно большими размерами (рис.4,1). В двух случаях верхние крышки таких горитов несут рельефно-гравированные изображения животных: на изваянии из станицы Манычской – это изображение припавшей к земле пантеры (рис.5,2), на памятнике из Восточной Грузии (рис.6) – оленя в «летучем галопе» (жертвенной позе? В предыдущих публикациях данного памятника дана ошибочная прорисовка: вместо оленя изображен заяц (Чхаидзе М.Г., 1991; Дашевская О.Д., Лордкипанидзе Г.А., 1995; здесь дается прорисовка автора). Легко заметить, что, исходя из пропорций горита, размеры таких изображений должны быть существенными – до 30–40 см в длину. И сюжетно, и по размерам данные изображения вполне соответствуют широко известным крупным золотым пластинам – келермесской пантере, костромскому и куль-обскому оленям, которые обычно тракуются как нащитные бляхи. Фиксация воспроизведенных подобных пластин на изваяниях позволяет со значительной долей вероятности признать некоторые (но не все) реальные крупные золотые пластины украшениями лицевой стороны горита, а не щита (Ольховский В.С., 1989). Не исключено, что подобным же образом использовались крупные золотые пластины, изображающие оленей, из Зельдхаломпусты, Тапиосентмартон (Скорый С.А., 1984, с.90) и др.

Для горитов конца VI – 1-й половины IV вв. до н.э., судя по их изображениям на изваяниях, характерны умбоны в виде усеченного конуса или полусферы, прикрепляемые к лицевой крышке горита (рис.1,1). Обнаружение подобного предмета на горите в погребении V в. до н.э. в Крыму (Андрух С.И., 1988, с.166) подтвердило точность отражения скифскими скульпторами конструкции реальных горитов.

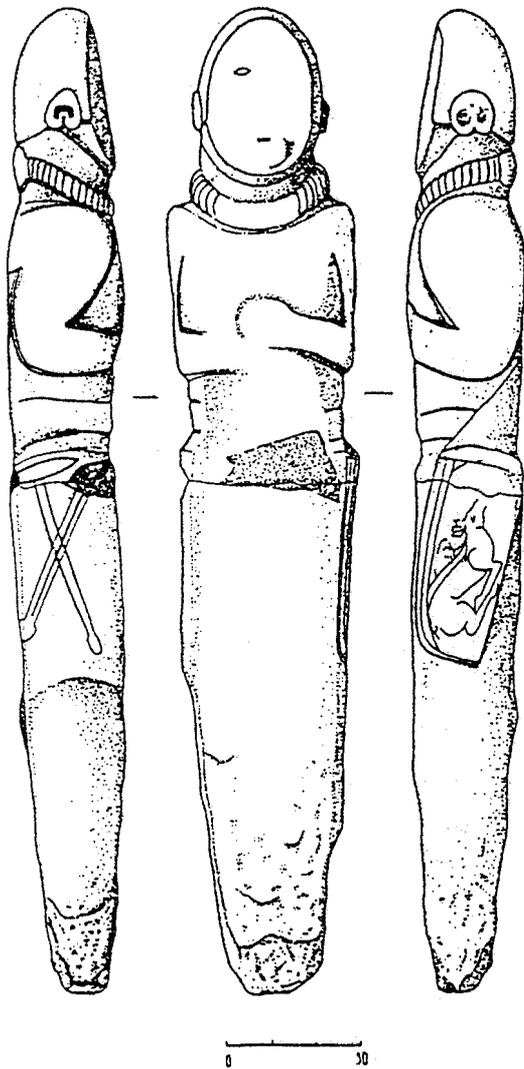

Рис. 6. Скифское изваяние из Зеиани (Восточная Грузия)

Боевые топоры, клевцы и секиры – оружие ударного действия – были хорошо известны скифам, что находит подтверждение не только в археологических материалах из погребальных комплексов (Мелюкова А.И., 1964), но и в изображениях на предметах торевтики и каменных изваяниях. Топоры и секиры довольно часто изображаются на изваяниях VI–V вв. до н.э. (Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л., 1994, с.72), но позже встречаемость этого воинского атрибута резко уменьшается, что, вероятно, связано с дальнейшей эволюцией панοπлии и военного искусства скифов, приведшей к падению популярности боевого топора и превращению копья в основное, наряду с акинаком, оружие ближнего боя (данное наблюдение вполне подтверждается статистическими дан-

ными о высокой частоте встречаемости копий именно в скифских погребениях V и IV вв. до н.э. (Ольховский В.С., 1991, с.69,109).

На изваяниях боевые топоры и секиры изображаются всегда на правом боку антропоморфа рукоятью вниз. При этом их боек (лезвие) направлено вперед, а обушок – назад относительно воспроизведенной в камне человеческой фигуры (отметим, что на «киммерийских» изваяниях европейского региона топоры всегда изображаются бойком назад). Как правило, металлическая часть (боек) топоров-секир изображена ниже пояса (рис.1,2;4,1;6), иногда – прямо на поясе и очень редко – выше его. Вероятно, в реальности скифы использовали все три способа ношения топоров, но наиболее реалистичным и популярным следует признать первый, когда топор подвешивался к поясу с помощью ремешка или ременной портупей, располагаясь ниже его. Ремешок, соединяющий проух бойка с поясом и находящийся на одной оси с рукоятью, изображен на изваянии из Мариуполя (рис.1,2). Более сложная портупейная система представлена на изваянии из хут.Зеленчук Мостовой на Северном Кавказе (рис.2,1), где рукоять топора, очевидно, изображена продетой в кожаную петлю, парой растяжек прикрепленную к поясу. Такая подвеска обеспечивала надежность и подвижность крепления топора, быстроту его извлечения. Судя по характерному завершению рукояти клевца, представленного на изваянии из Зеиани (рис.6), по крайней мере в некоторых случаях концы рукоятей топоров/клевцов имели металлические цилиндрические оковки, напоминающие втоки (подтоки) копий.

Отметим, что представленное на изваяниях рубящее (помимо мечей и кинжалов) оружие типологически разнообразно, что вполне соответствует представлениям о наличии в наборе скифского оружия ряда разновидностей боевых топоров, секир, топоров-молотков, клевцов (Мелюкова А.И., 1964, табл.21). При этом, в случае подвески к поясу и топора, и меча последний обязательно располагается правее первого, ближе к лицевой грани памятника (рис.2,1;4,1).

Ярким свидетельством реалистичности воспроизведенных на изваяниях предметов панοπлии являются изображения шлемов так называемого «кубанского» типа (Галанина Л.К., 1985). Отличительными особенностями реальных бронзовых экземпляров таких наголовий является полусферическая литая форма с арковидным ли-

цевым вырезом и клювовидным выступом над переносицей, литая петля на макушке купола и (как правило) рельефный валик, соединяющий петлю с клювовидным выступом. К настоящему времени известно пять (рис.2,1,2;5,2) скифских изваяний VII–VI вв. до н.э. с подобными изображениями (Бокий Н.М., Ольховский В.С., 1994, с.159), причем почти все они происходят с Северного Кавказа, где обнаружено и большинство реальных экземпляров «кубанских» шлемов.

Приведенные примеры убедительно подтверждают предположение об этнографической точности, соблюдаемой скифскими скульпторами при изображении на изваяниях предметов

вооружения. Вряд ли можно сомневаться, что столь же реалистично они отражали и другие элементы материальной культуры и воинской экипировки: шейные гривны (рис.2;3,1), плети, ритоны, пояса, оселки (рис.4;5,1). Однако отметим, что к середине IV в. до н.э. общий уровень мастерства скифских каменотесов снижается; изваяния этого времени заметно уступают в художественной выразительности более ранним скульптурам. Тем не менее, монументальная скульптура, без сомнения, остается ценнейшим, а главное – достоверным источником, существенно дополняющим данные письменной традиции и археологии о скифах и их культуре.

Литература

- Андрух С.И., 1988. Погребение раннескифского воина в Присивашье // СА. № 1.
- Белозор В.П., 1986. Скифские каменные изваяния VII–IV вв. до н.э. // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Киев.
- Берчу Д., 1958. Фрако-скифский меч-эмблема из Меджидии (Добруджа) // Dacia. II.
- Бокий Н.М., Ольховский В.С., 1994. Раннескифский курган на днепровском правобережье // РА. № 2.
- Галанина Л.К., 1985. Шлемы кубанского типа (вопросы хронологии и происхождения) // Культурное наследие Востока. Л.
- Дашевская О.Д., Лордкипанидзе Г.А., 1995. Скифское изваяние из Восточной Грузии // Историко-археологический альманах (Армавирского краеведческого музея). Вып.1. Армавир–М.
- Ковалев А.А., 1998. Каменные изваяния Черного Иртыша (еще раз о джунгарской прародине скифов) // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. СПб.
- Ляшко С.М., Фридман М.И., 1987. Скифська антропоморфна скульптура Нижнього Подніпров'я // Археологія. Вип.60.
- Мелюкова А.И., 1964. Вооружение скифов // САИ. Вып.Д1-4. М.
- Миллер А.А., 1925. Новый источник к изучению связи Скифии с Кавказом // ИРАИМК. Т.IV. Л.
- Ольховский В.С., 1987. О методике источниковедческого анализа антропоморфных изваяний // Социально-экономическое развитие древних обществ и археология. М.
- Ольховский В.С., 1989. Скифский горит (по изображениям на антропоморфных изваяниях) //
- Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти академика М.И.Ростовцева (Ленинград, 14–17 марта 1989 г.). Новочеркасск.
- Ольховский В.С., 1990. Скифские изваяния Крыма // Проблемы скифо-сарматской археологии. М.
- Ольховский В.С., 1991. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н.э.). М.
- Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л., 1994. Скифские изваяния VII–III вв. до н.э. М.
- Ольховский В.С., Ложкин М.Н., 1992. К истории монументального искусства древнего населения Северного Кавказа // РА. № 3.
- Петренко В.Г., 1986. О юго-восточной границе распространения скифских каменных изваяний // Новое в археологии Северного Кавказа. М.
- Скорый С.А., 1984. Доспех скифского типа в Средней Европе // Вооружение скифов и сарматов. Киев.
- Шульц П.Н., 1967. Скифские изваяния Причерноморья // Античное общество. М.
- Шульц П.Н., 1976. Скифские изваяния // Художественная культура и археология античного мира. М.
- Чахидзе М.Г., 1991. Каменное изваяние из Зейанских земель. Тбилиси (на груз. яз.).
- Юматов В.К., 1998. Отражение индоевропейской эпической формулы «неувядающей славы» в каменных изваяниях степной Евразии // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. СПб.
- Kovalev A., 1998. Überlegungen zur Herkunft der Skythen aufgrund archaologischer Daten // Eurasia Antiqua. Bd.4.

АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ

Л.И.Авилова

БОЖЕСТВЕННЫЙ ПЛОТНИК¹

Аще не Господь созиждет дом,
Всеу трудишася зиждушии;
Аще не Господь сохранит град,
Всеу бде стерегий.

Пс. 126, 1.

При исследовании состава погребального инвентаря Царского некрополя Ура обращает на себя внимание специфическая группа орудий, встречающихся в могилах, принадлежавших лицам наиболее высокого социального ранга — царям и членам царской семьи. Автор раскопок, Леонард Вулли, датировал эти погребения додинастической эпохой (Woolley L., 1934). В настоящее время датировка царских погребений Раннединастическим III (первая половина III тыс. до н.э.) является общепринятой (Nissen H.J., 1966, с.111–118; Lloyd S., 1978, с.118).

Поясню, о каких орудиях идет речь. В состав инвентаря п.580, принадлежавшего ребенку и известного как «погребение принцессы», входит парадное оружие (золотой кинжал U 9361 и копье из электра U 9122, медно-бронзовый втульчатый топор). Кроме того, имеется целый набор плотницких орудий. Это прежде всего золотое втульчатое тесло U 9339, два золотых долота U 9130, U 9131 (Wolley L., 1934, табл.165,229) и одно бронзовое, а также бронзовая пила U 9138.

В могиле 800 (погребение царицы Шубад/Пу-аби) также представлен обширный набор плотницких инструментов. Это несколько бронзовых пил и одна золотая U 10428, пять золотых долот U 10429–10433, относящихся к двум разным типам, бронзовые сверло и втульчатое тесло (Wolley L., 1934, табл.158b).

В захоронении Мескаламдуга (п.755) также наряду с оружием из золота и электра (кинжал, втульчатые топоры) найдена бронзовая пила.

Отмечу, что сочетание драгоценных царских регалий с плотницким инструментарием наблюдается не только в Месопотамии эпохи бронзы: в «кладе Приама» из слоев Трои II–III наряду с двумя золотым диадемами, драгоценными украшениями и пр. присутствует бронзовая пила (Schmidt E., 1902, SS 6157).

В составе инвентаря нецарских погребений Ура иногда встречаются медно-бронзовые долота, тесла плоские и втульчатые, но в этих случаях речь не идет о наборах инструментов, тем более изготовленных из драгоценного металла.

Попытаемся ответить на вопрос: почему среди оружия, украшений и символов власти шумеры помещали в могилы царей и членов царской семьи наборы плотницких орудий? Если изготовление царских регалий и парадного оружия из золота кажется вполне логичным, то неясно, какой смысл могли иметь ремесленные орудия из драгоценного металла, явно не предназначенные для практического употребления.

Благодаря дошедшим до нас шумерским и аккадским текстам мифологического содержания мы имеем возможность провести параллели между археологическими, изобразительными и литературными материалами с целью выяснения семантики тех или иных предметов.

В шумеро-вавилонской мифологии яркое выражение получила тема преодоления первоначального хаоса, создания упорядоченной, организованной вселенной, в том числе и человека творцом-демиургом (в этой роли выступают боги Энлиль и Энки). В мифе об Энки и Нинмах необходимость создания человека из

¹ Работа проведена при поддержке РФФИ, проект 01-06-80336.

Рис. 1. Фрагмент статуи Гудеа, правителя Лагаша (XXII в. до н.э.) (диорит). На плите – план возведенного им храма

глины вызвана тем, чтобы он трудился на богов: обрабатывал землю, пас скот, кормил богов жертвенной пищей. Роли Энки как устроителя, насадившего цивилизацию и порядок на земле Шумера, посвящен обширный шумерский текст этиологического характера «Энки и мировой порядок». Бог мудрости Энки дает людям основы цивилизации, законы жизни человечества («ме»). Среди этих основополагающих понятий перечислена власть богов, власть царя, царский трон, знаки царской власти, жрецеские должности, мир, правосудие, оружие, искусство обработки дерева, искусство обработки металла, ремесло строителя и пр. Более того, Энки сам закладывает фундамент, делает форму для сырцового кирпича и строит дома, хлева и овчарни. Он «определяет судьбу» городам Шумера (Крамер С., 1965, с.120–123).

Ту же функцию организации вселенной наряду с богами несут и многочисленные культурные герои. Так, богу Энлилу приписывалось создание зерна и изобретение колеса, герою Энмеркару – изобретение письменности, а герою Гильгамеш положил начало градостроению.

Шумерские боги не только символизировали творящие силы природы, они одновременно яв-

лялись покровителями определенных местных общин. Соединение этих идей проявлялось в слиянии представлений о власти военного вождя, а затем царя, с функциями верховного жреца.

Лидера месопотамского города-государства периодов Джемдет Наср и Раннединастического (рубеж IV–III тыс. и первая половина III тыс. до н.э.) (нома, по выражению И.М.Дьяконова) можно обозначить термином вождь-жрец, в соответствии с его основными общественными функциями. Он контролировал сбор сельскохозяйственных продуктов, предназначавшихся для поддержания культа богов и строительство храмов, нес ответственность за функционирование ирригационных систем, обеспечивавших изобилие сельскохозяйственной продукции и накопление ресурсов для обмена, участвовал в организации ремесленной деятельности, также во многом концентрировавшейся вокруг храма. В случае военных конфликтов он мог играть роль военного предводителя. Все это углубляло дифференциацию общины и требовало идеологического осмысления власти вождя как божественного установления, направленного на существование и процветание общины (Антонова Е.В., 1998, с.142, сл.).

При этом чрезвычайно важен строительный аспект деятельности царя, он считается столь же важным, как защита от врагов и обеспечение процветания народа. Так, до нас дошли строительные надписи правителя Лагаша Гудеа (XXII в. до н.э.), где описано обновление главного храма покровителя города бога Нингирсу (Jaskobsen Th., 1987, с.408). Более того, сохранилась статуя Гудеа, где он представлен в роли архитектора: правитель держит на коленях плиту с четко и геометрически правильно изображенным планом храма (рис.1).

Возникновение городов и формирование государств в древней Месопотамии теснейшим образом связано между собой. В этом процессе ключевую роль играли храмы; они были не только собственно центрами отправления культа местного божества, но и важнейшими элементами городов как административных и хозяйственных центров. В соответствии с древней шумерской исторической традицией, создание храмов предшествовало образованию городов (История древнего Востока, 1983, с.110,111). Именно храмы вели учет и контроль сельскохозяйственного и ремесленного производства, здесь происходило накопление и перераспределение продуктов с целью обмена. Они были центрами обучения грамоте и хранилищами знаний.

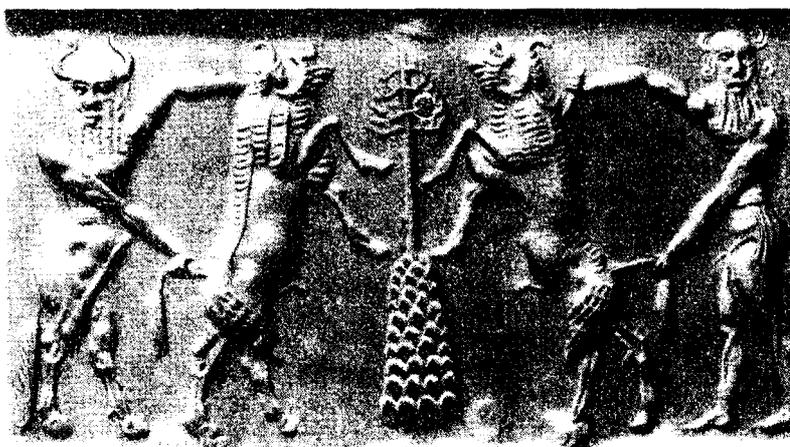

Рис. 2. Оттиск цилиндрической печати аккадской эпохи (вторая половина III тыс. до н.э.). Изображение иллюстрирует текст о добыче кедров в горной стране «Гильгамеш и гора бессмертных»

Судя по литературным текстам III тыс. до н.э., важнейшее место в организации обмена также принадлежало храмам, они же были и потребителями привозных строительных и поделочных материалов. Необходимо принимать во внимание, что в бедной ресурсами Южной Месопотамии камень строительный и поделочный, металлы, дерево – все доставлялось в обмен на сельскохозяйственную продукцию. Достаточно сложная архитектура храмов – свидетельство появления и совершенствования многих видов профессиональной и ремесленной деятельности. В связи с храмовым строительством возникает постоянная потребность в зодчих, строителях, специалистах по обработке камня, дерева и металлов.

Откуда и какое дерево доставлялось в Месопотамию – специальный вопрос. Ранние сведения текстов III тыс. до н.э., относящихся к правлению Гудеа и Ур-Нанше указывают на горы Ливана, Амана и г.Хеврон как источники древесины, в более поздних упоминаются также районы восточного Тавра и Загра (Moorey P.R.S., 1994, с.350,351). Этот же автор достаточно подробно рассматривает сведения о породах дерева, доставлявшихся в Месопотамию, и деталях построек, на сооружение которых оно употреблялось: перекрытия, связи стен, колонны, двери, внутреннее убранство (Moorey P.R.S., 1994, с.355–361).

Высокий статус правителя/царя имел четко выраженные внешние признаки – одежда в виде длинной юбки с широким поясом, высокий головной убор или прическа (парик), регалии – посох, булава, оружие – копье. Все это отражено в богатом изобразительном материале цилиндрических печатей и согласуется с археологиче-

скими материалами Царского некрополя Ура и некрополя Киша. Здесь погребения лиц высоких социальных рангов содержат изделия из меди-бронзы (оружие, сосуды, зеркала), изделия из драгоценных металлов (украшения, диадемы), сосуды и цилиндрические печати из камня и пр.

Из сказанного очевидно, что строительство, прежде всего сооружение храмов считалось в древней Месопотамии Раннединастического периода важнейшей сферой деятельности обожествляемого правителя, вождя-жреца, направленной на укрепление мирового порядка.

Приведу некоторые сведения из шумерского и аккадского текстов эпоса о Гильгамеше и некоторых других литературных произведений этого времени (III–II тыс. до н.э.). Гильгамеш – мифологический персонаж, его реальным прототипом был один из царей I династии Урука (I половина III тыс. до н.э.). В этих повествованиях важным мотивом поступков героя является строительство, добыча и обработка дерева. Так, миф «Гильгамеш и гора бессмертных» представляет собой рассказ о путешествии героя в сопровождении дружины в горную страну с целью привезти в Урук священные кедровые деревья, охраняемые чудовищным персонажем Хуавой. При этом царь Гильгамеш мотивирует поход героическим желанием «возвысить свое имя». Герою удается добыть семь кедров и убить чудовище:

«Он сам вырвал с корнем первое дерево,
Сыны города, его спутники,
Обрубили ветви, закрепили веревки,
Отнесли его к подножию горы».

(Крамер С., 1965, с.213,214).

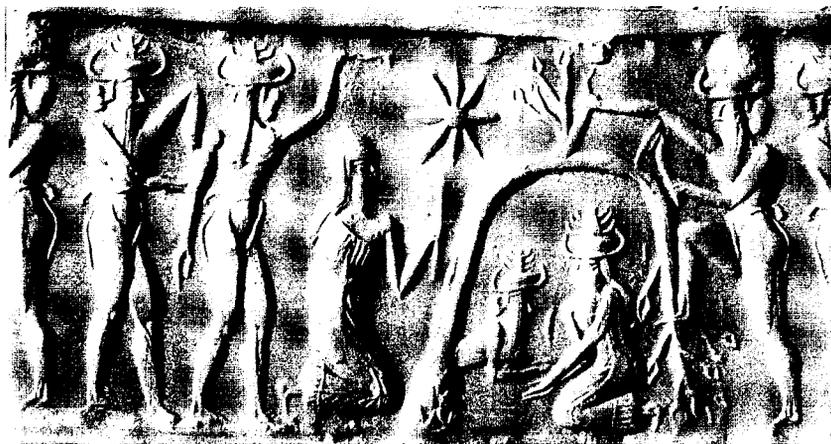

Рис. 3. Оттиск цилиндрической печати аккадской эпохи (вторая половина III тыс. до н.э.). Изображение иллюстрирует текст об обработке Гильгамешем дерева «хулуппу»

Перед нами – достаточно подробное описание заготовки строевого леса. Эпизод из повествования изображен на цилиндрической печати, где в центре композиции помещен растущий на высокой горе кедр (рис.2). Помещение данного сюжета на печати – инсигнии власти – свидетельствует о его значительности, важности для понимания образа героя (и для владельца печати).

Повествование «Гильгамеш, Энкиду и подземный мир» также содержит сведения о ценном дереве и изготовлении из него различных предметов. В саду богини Инанны росло чудесное дерево хулуппу, из которого богиня задумала сделать себе ложе и кресло. Однако в дереве поселились змея и исполинская птица. Вняв жалобам богини, Гильгамеш убивает змею, изгоняет птицу, а из дерева делает «пукку» и «микку» (скорее всего, барабан и палочки) (Крамер С., 1965, с.228,229). Сцена из этого текста также изображена на цилиндрической печати, причем в руке Гильгамеша показано орудие с коленчатой рукоятью, которым он обрубавет ветви с поваленного дерева (рис.3). Изображения божеств и звезды (детерминатива бога) призваны придать изображаемому сюжету космический, вселенский масштаб.

Текст «Энмеркар и правитель Аратты» посвящен строительству храма, причем в качестве строителя выступает правитель города. Текст живо повествует об обмене между героем, правителем Урука Энмеркаром и властелином расположенной на севере за горными хребтами страны, богатой золотом, серебром и камнем. Основная причина запутанного конфликта – необходимость постройки в священном городе Эриду храма для бога воды Энки. Царь Энмеркар обращается с мольбой к богине Инанне:

«О сестра моя Инанна! Сделай так, чтобы жители Аратты
Искусно выделывали золото и серебро для Урука,
Чтобы они приносили благородный лазурит,
Извлеченный из скал...».

В обмен на строительный и поделочный материал царь посылает в Аратту караван вьючных животных, нагруженных зерном, радостно встречаемый в горной стране.

Затем требование к жителям Аратты излагается от имени богини Инанны:

«Пусть жители Аратты
Принесут со своих высот горные камни
И построят для меня большой храм, большое святилище, ...
Когда добудут золото из руды,
Когда добудут серебро из пыли, ...
Укрепят вьюки на горных ослах».
(Крамер С., 1965, с.32–40).

Сцена строительства ступенчатого храма-зиккурата также имеется на цилиндрической печати (рис.4). Снова подчеркнем, что факт помещения этой сцены на знаке власти, каким являлась печать, не дает основания считать ее простой «зарисовкой с натуры», наоборот, он усиливает сакральный характер изображения, подчеркивает связь процесса строительства с религиозным и властным аспектом жизни города.

Еще одна священная обязанность в строительной деятельности царя-жреца – сооружение городских укреплений. Не случайно в аккадской версии эпоса о Гильгамеше («О все видавшем»)

Рис. 4. Прорисовка изображения на цилиндрической печати раннединастической эпохи (первая половина III тыс. до н.э.). Изображена сцена строительства храма-зиккурата

его герой, царь Урук, потрясенный мыслью о неизбежности смерти и утративший добытую ценой огромных трудов траву вечной молодости, возвращается в Урук, где находит утешение при виде построенной им городской стены (Эпос о Гильгамеше, 1961).

Итак, строительная деятельность правителей Месопотамии Раннединастического и последующих периодов, прежде всего сооружение и украшение храмов обосновывается как важнейшая функция царя-жреца по поддержанию жизни города и миропорядка в целом. Понятно, что ремесленные орудия, предназначенные для исполнения царем (и членами царской семьи) божественных функций могли изготавливаться из того же драгоценного металла, что и высшие символы царской власти – оружие, диадемы, украшения, и пр. и включаться в круг таких символов. Это тем более очевидно, что личность царя обожествлялась: ему приписывалось происхождение от бога или богини, сам он после смерти мог становиться местным божеством-героем (как в случае с Гильгамешем).

Традиционно высокий, философски осмысляемый как божественный, статус строительной деятельности получает воплощение и в значительно более поздние эпохи.

По-гречески *δημιουργός* (демиург) означает ремесленника, художника, творца в широком смысле, включая прорицателя, а в переносном смысле – бога-творца. Кроме того, в дорических государствах этот термин обозначал верховного правителя (Вейсман А.Д., 1991, с.298,299). Русский язык также зафиксировал

моральный аспект термина «строить» – «здать», с высшим значением творчества, «созидания».

В библейской традиции образ Премудрости Божией понимается как воплощение созидательной, мироустроительной божественной воли. Она характеризуется как «художница» (Притч, 8, 27–31), строительница мира, демиургический аспект божества. Она создает мир как плотник или каменщик строит дом, следуя законам божественного ремесла. При этом понятие дома – одно из базовых в библейской традиции, это упорядоченная вселенная, противопоставленная хаосу (Притч, 9, 1).

В библейской традиции строительство храма – основная задача и великое деяние премудрого царя Соломона. Оно описано подробнейшим образом, включая доставку кедров из Ливана (3 Цар. 5, 6; 2 Пар. 3–5). Знаменательно, что особое внимание уделяется материалу, из которого изготавливались инструменты для строительства храма, в частности, существовал запрет на использование железных орудий: «Ни молота, ни тесла, ни всякого другого железного орудия не было слышно в храме при строении его» (3 Цар. 6, 7).

Значительное развитие образ Софии – Премудрости Божией получил на Руси, где три крупнейших собора XI в., названные в честь константинопольского собора, были посвящены св. Софии как покровительнице крещения народа. В XV–XVI вв. складывается иконографический облик Софии: она предстает в виде ангела с огненным ликом, в царском облачении (далматик, бармы, венец), олицетворяющего «софийный», т.е. просветленный, устроенный

по божественным законам космос (Мифы народов мира, 1991, с.465,466).

Стоит обратить внимание и на то, что в соответствии с евангельской традицией Иосиф Обручник, юридический отец и воспитатель Христа, был плотником. Греческое слово τέκτων (Матф. 13, 55) обозначает строителя вообще (плотника, каменщика), художника, мастера (Вейсман А.Д., 1991, с.1233). С одной стороны, это рисует Иосифа как бедного ремесленника: Мария приносит в храм двух голубок – жертва, определенная для бедняков (Лев. 12, 7–8), но, с другой стороны, плотником (строительным) ремеслом занят прямой потомок царского дома Давида (Матф. 1, 1–16), и оно считается соответствующим его царскому происхождению.

Сакрализация труда путем изготовления символических (нефункциональных) реплик

орудий из драгоценных материалов – существенная черта идеологии раннеклассовых обществ. В этом смысле этика обожествления труда как служения высшим силам не является изобретением протестантизма (Антонова Е.В., 1998, с.164). В архаическом обществе единство мировоззрения обеспечивалось мифологическим восприятием любых явлений, в том числе повседневных, утилитарных действий. Понятия «утилитарного», и «неутилитарного», «иррационального» в приложении к доклассовым общественным структурам вообще не могут быть четко разграничены, ср. высказывание А.Хокарта: «Храмы столь же утилитарны, сколь дамбы и каналы, поскольку они необходимы для благополучия; дамбы и каналы столь же ритуальны, сколь храмы, поскольку они – часть той же социальной системы поисков благосостояния» (цит. по: Антонова Е.В., 1998, с.179).

Литература

Антонова Е.В., 1998. Месопотамия на пути к первым государствам. М.

Вейсман А.Д., 1991. Греческо-русский словарь. М.

История древнего Востока, 1983. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч.1. Месопотамия. Ред. И.М.Дьяконов. М.

Крамер С., 1965. История начинается в Шумере. М.

Мифы народов мира, 1991. Т.2. М.

Эпос о Гильгамеше («О все видавшем»), 1961. Пер. И.М.Дьяконова. М.–Л.

Jackobsen Th., 1987. The harps that once ... Sumerian poetry in translation. New Haven.

Lloyd S., 1978. The archaeology of Mesopotamia. London.

Moorey P.R.S., 1994. Ancient Mesopotamian materials and industries. The archaeological evidence. Oxford.

Nissen H.J., 1966. Zur Datierung des Königsfriedhofes von der Ur unter besonderer Berücksichtigung der Stratigraphie der Privatgräber. Bonn.

Schmidt E., 1902. Heinrich Schliemann's Sammlungen trojanischer Altertümer. Berlin.

Woolley C.L., 1934. The Royal Cemetery. Ur Excavations. Vol. II. London.

КОМПЛЕКС КРЕМНЕВЫХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ 13, КУРГАНА III У Г.ЛИСИЧАНСКА

В полевом сезоне 1975 г. Енакиевской археологической экспедицией «Эврика» под руководством В.Ф.Клименко проводились охранные раскопки курганов III, IV, входивших в группу из четырех насыпей. Курганный могильник размещался на территории строившегося тогда Лисичанского нефтеперерабатывающего завода (водораздел правого берега р.Северский Донец). Первым по величине в указанном могильнике являлся к.III. Диаметр кургана составлял 56 м. Высота насыпи – 5 м. В кургане исследовано 15 погребений: 3 древнеямных, 8 катоконбных, одно культуры многоваликовой керамики, 2 срубных и одно позднекочевническое (Клименко В.Ф., 1997, с.6–30).

В настоящей работе мы хотим остановиться на п.13 древнеямного времени. Неординарность комплекса заключается в высоком содержании продуктов расщепления кремня и изделий из них, которые, к тому же, составляют основную категорию погребального инвентаря.

Погребение 13 впускное (рис.1,1). Находилось на расстоянии 8,2 м к югу от центра кургана на глубине 5,4 м. В профиле центральной бровки прослежен выкид из погребальной камеры и торцы деревянных плах перекрытия могилы. Плахи обожжены снизу, лежали по направлению юго-запад – северо-восток. Под плахами в материке выявилась яма прямоугольной формы с закругленными углами, размером 1,45×0,8 м. Она вытянута с востока на запад. В черноземной засыпке найдены древесные угли и куски деревянного перекрытия. Скелет взрослого человека лежал на спине, головой на запад. Правая рука согнута в локте, кисть – у левого плеча. Левая рука согнута в локте, кисть – у правой части таза. Ноги согнуты в тазобедренных суставах и в коленях. Под скелетом остатки подстилки в виде коричневого тлена. Ноги посыпаны красной охрой. Под затылком погребенного группируются кусочки песчаника и кварцита, 15 кремневых отщепов, обломок кремня с негативами единичных снятий, кость животного (Клименко В.Ф., 1997, с.22).

Ввиду общности закономерностей расщепления изотропных пород в дальнейшем при деталь-

ном анализе кремневых находок мы будем пользоваться понятийно-терминологическим аппаратом, принятым в археологии каменного века.

По своим физическим характеристикам, кремень из п.13 распадается на две разновидности – матовый серый непрозрачный в сколе и качественный коричнево-серый, стекловидный, с пятнами отдельных белесых грубозернистых включений.

Кремневое сырье непосредственно не связано с коренными выходами. Особенности сохранности указывают на то, что кремневые отдельности длительное время находились в переотложенном состоянии. Темный цвет, ноздреватость и окатанность (до люстра) первичной корки – признаки типичные для аллювиального кремня, встречающегося на левом пойменном берегу р.Северский Донец. Примечательно то, что для исследуемой территории наиболее активное использование сырья подобного качества в большинстве случаев соответствует различным периодам эпохи бронзы.

Комплекс кремневых находок включает в себя нуклевидное изделие на обломке конкреции подпрямоугольной формы, уплощенных пропорций, с негативами двух разнонаправленных снятий (рис.1,2); скобель на массивном отщепе, у которого на одном из продольных краев оббивкой небрежно сформированы выемчатые рабочие участки (рис.1,3). Отдельную группу образует серия отщепов различных размеров и конфигураций (всего 14 экземпляров). С этой частью кремневого комплекса связаны особенно интересные наблюдения.

Абсолютное большинство сколов этой серии (12 экз.) относится к категории первичных и полупервичных, т.е. их поверхность в той или иной степени сохранила остатки первичной (желвачной) корки. Сколы массивные, средних размеров (от 3 до 5 см) с широкими остаточными отбивными площадками, отчего многие из них в профиле имеют характерное клиновидное сечение. Многочисленные кольцевые трещины на поверхности остаточных отбивных площадок (следствие «холостых» ударов), а также отсутст-

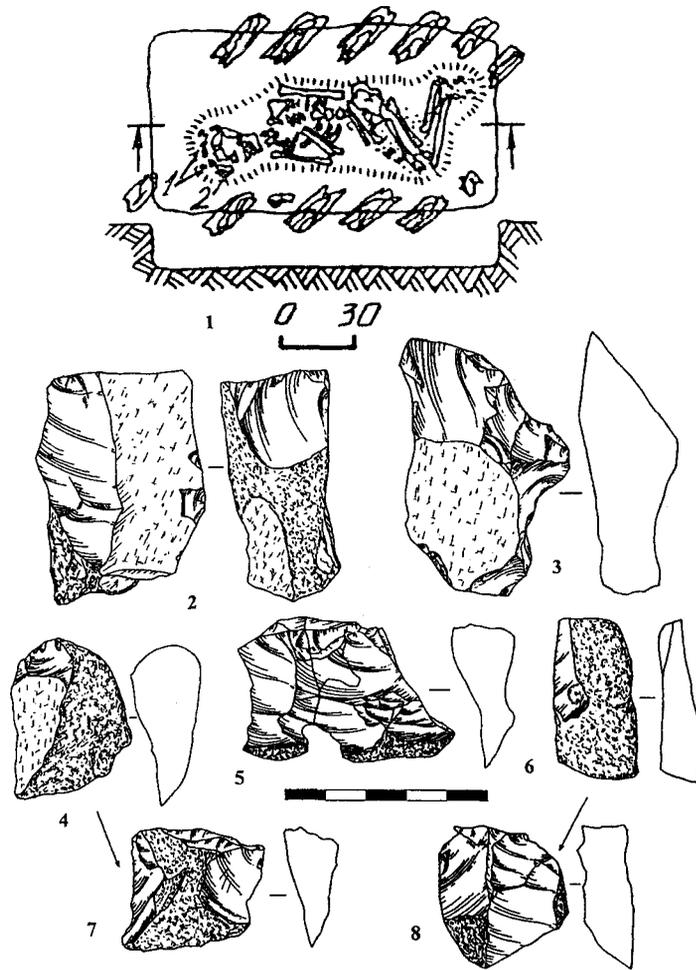

Рис. 1. 1 – план п.13 к.Ш у г.Лисичанск (по В.Ф.Клименко); 2–8 – кремневые изделия из погребения

вие так называемой «губы» на участке площадки, примыкающей к ударному бугорку, указывают на то, что расщепление осуществлялось отбойником жесткого типа. Чаще всего в этом качестве использовались кремневые конкреции соответствующей формы, хотя не исключается применение иных, близких по твердости пород камня.

Еще два отщепа – вторичные мелкие (до 3 см) без первичной корки.

На компактность этой группы сколов автор раскопок обратил внимание еще на этапе полевого исследования. Их объединял ряд общих черт. В первую очередь – идентичный состав сырья. Это описанный выше кремль второй разновидности. Кроме того, в отдельных случаях достаточно ясно просматривалось соответствие контуров внешнего края и негативов огранки отдельных сколов, дополнявшееся наличием на поверхностях рудиментов однородных по составу и очертаниям включений грубозернистого вещества.

В результате этих наблюдений была предпринята успешная попытка совместить часть сколов между собой. В итоге удалось реконструировать несколько аппликаций с различным количеством элементов. Часть из них позже была нами незначительно дополнена.

Наиболее объемный (по количеству совместившихся предметов) складень состоит из пяти сколов, которые практически полностью восстанавливают первичную поверхность одной из боковых сторон подпрямоугольной в плане, уплотненной кремневой конкреции (рис.2,1). Легко «читаемая» последовательность производившихся снятий демонстрирует упорядоченный, системный характер расщепления. Обработка поверхности велась практически по всему периметру заготовки. Подобный способ отделки, хорошо укладывается в рамки начальных этапов изготовления бифасиальной преформы. Это подтверждает и анализ еще двух аппликаций, состоящих из простых парных связей. Безусловно, это сколы,

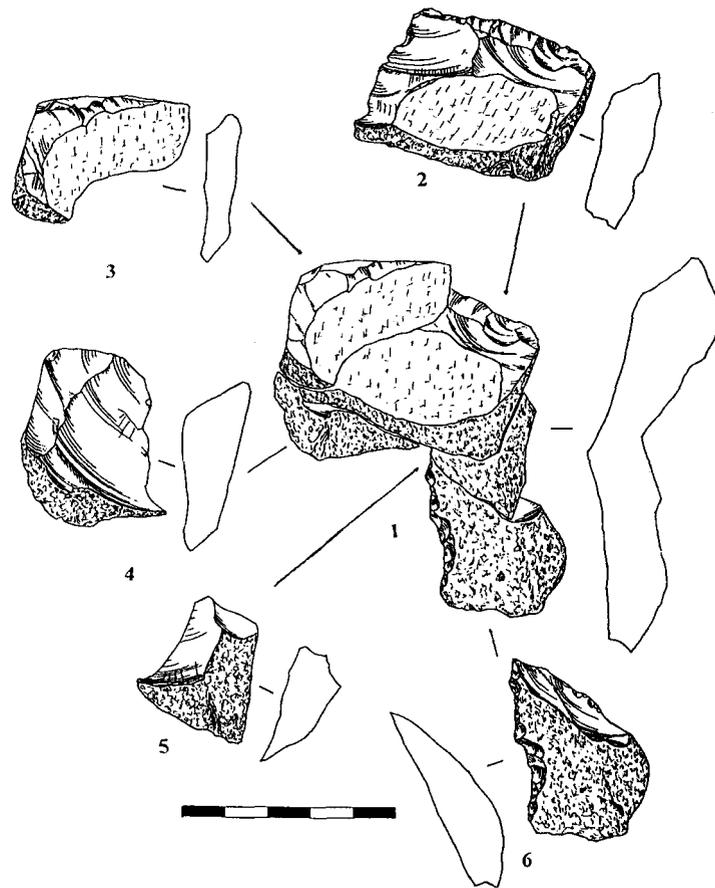

Рис. 2. Ремонт апплицирующихся сколов из п.13 к.Ш у г.Лисичанск

связанные с обработкой противоположащей плоскости заготовки (рис.1,4,7,6,8). Совершенно очевидно, что какая-то часть сколов отсутствует, так же как и сама «черновая» заготовка какого-то двустороннего орудия.

В настоящем случае мы имеем дело не с хаотичным дроблением, а с результатом целенаправленного раскалывания, диагностирующего начальные этапы технологии производства двусторонних орудий. В соответствии с этим находится и сама изначальная форма конкреции, явно намеренно отобранная с учетом естественной удобной морфологии, сводившей к минимуму трудозатраты по ее обработке.

Бифасиальная техника, а в контексте традиции кремнеобработки ямного времени – техника «тонкого бифаса» (соотношение толщины изделия к его ширине не менее чем 1/5), ориентированная на преимущественное производство различных типов двусторонне обработанных орудий, на этом культурно-хронологическом отрезке является основной. Как известно, начало затухания предшествующей, великолепной техно-

логии изготовления крупных пластин посредством усиленного отжима и в целом призматической техники прослеживается уже на Дереевском этапе среднестоговской энеолитической культуры (Телегин Д.Я., 1985, с.318).

В этой связи хотелось бы обратить внимание на часто встречающееся, некорректное с точки зрения технологической стадильности, использование номенклатурных определений при описании кремневых собраний, относящихся к различным периодам бронзового века. Например, неоднократно выделяемые среди ямных и катакомбных кремней пластины. А это в свою очередь сколы, отвечающие четким технико-типологическим параметрам, соответствующие двум различным технологиям, базирующимся на двух принципиально отличных техниках скола – «ударной» и «отжимной». Точно так же спорно упоминание резцов – изделий с вполне определенным технико-морфологическим габитусом. В контексте бронзового века речь может идти только о резцах, выделенных на основе функционального анализа. Исключением могут быть лишь те комплексы, где

явно засвидетельствованы случаи повторного использования орудий предшествующих эпох.

Абсолютное большинство кремней из п.13 не имеет явных следов вторичной обработки. Кроме двух предметов: описанного экземпляра, скобелевидного орудия на массивном сколе (рис.1,3) и выразительного образца остря-проколки на первичном отщепе подтреугольной формы. Один из продольных краев орудия имеет следы тщательной проработки крутой, моделирующей ретушью, другой край несет следы частичной подправки, подчеркивающей острие. Изделие непосредственно апплицируется в складень (рис.2,б).

Погребения ямной культуры, в составе которых присутствуют статистически выраженные комплексы кремневых находок, традиционно относят к памятникам, свидетельствующим о прижизненной профессиональной ориентации погребенного (Марина З.П., 1995, с.63–67; Берестнев С.И., 1990, с.110–112; Клименко В.Ф., 2001, с.387,388).

З.П.Марина, на основе анализа основных типов изделий, входящих в производственные погребальные комплексы ямной культуры Левобережья Днепра на ее развитом и позднем этапах, выделяет в качестве основных две отрасли производственной деятельности – кожевенную и деревообрабатывающую. В меньшей степени выражена специализация в иных сферах, таких как обработка кости и кремня (Марина З.П., 1995, с.63,74).

Специфика инвентарного набора п.13, как нам кажется, не позволяет дать однозначную оценку производственной специализации умершего.

Пользуясь предложенной Ю.А.Смирновым схемой диагностики профессиональной принадлежности погребенного по сочетанию техноло-

гически связанных элементов определенного производственного комплекса, рассматриваемое захоронение, с определенной долей вероятности, можно интерпретировать как погребение мастера, специализировавшегося на кремнеобработке (Смирнов Ю.А., 1987, с.170). В данном случае мы имеем парную связь типа «сырье + полуфабрикат». Аналогия второму элементу предполагается нами по данным ремонтажа, где апплицированные сколы – это производственные отходы, возникшие при изготовлении полуфабриката какой то разновидности бифасиального орудия.

Тем не менее нельзя исключать возможность соединения нескольких направлений профессиональной деятельности одним лицом. В погребении присутствуют тщательно оформленное острие-проколка и скобелевидное изделие. При этом следует отметить, что в данном контексте технико-морфологическая атрибуция далеко не всегда имеет определяющее значение. Так, одной из характерных особенностей кремневого инвентаря ямной культуры является частое несоответствие между типологией и функцией изделий (Иванова С.В., 2001, с.85). В качестве более или менее близкой аналогии рассматриваемому комплексу можно привести погребение древнеямного времени мастера по изготовлению наконечников стрел у с.Копани, Красноградского р-на, Харьковской обл. Здесь тип связи выглядит как сочетание: сырье (компактное скопление отщепов) + готовая продукция (наконечник стрелы) (Берестнев С.И., 1990, с.111).

Поэтому очевидно, что использование не традиционных для археологии бронзового века методов (таких как ремонтаж) может быть весьма эффективным.

Литература

Берестнев С.И., 1990. Новые погребения эпохи бронзы с производственным инвентарем в лесостепи Левобережной Украины // Охорона і дослідження пам'яток археології Полтавщини. Полтава.

Иванова С.В., 2001. Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса.

Клименко В.Ф., 1997. Курганные древности Северского Донца. Енакиево.

Клименко В.Ф., 2001. Производственный комплекс из погребения ямной культуры у г.Лисичанска // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара.

Марина З.П., 1995. Ямные погребения Левобережья Днепра с производственным инвентарем // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск.

Смирнов Ю.А., 1983. Погребения мастеров-изготовителей древков и кремневых наконечников стрел // Древности Дона (материалы работ Донской экспедиции). М.

Телегин Д.Я., 1985. Среднепалеолитическая культура и памятники новодонилковского типа в Поднепровье и степном Левобережье Украины // Археология Украинской ССР. Т.1. Киев.

ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИКАСПИЯ¹

Введение. Среди традиционных элементов одежды головной убор занимает особое место. Этнографические и исторические источники указывают на его значимую роль при переходе из одной социальной половозрастной группы в другую. Он часто выступает как деталь этнической одежды или погребального убранства (Материальная культура..., 1989, с.103–106).

Для изготовления головных уборов могли использовать органические материалы – кожа, ткань, войлок, шкуры, растения. Они, как правило, не сохраняются в могилах. Поэтому столь важны как редкие находки отдельных деталей, так и украшения этой части одежды, происходящие из степных курганов эпохи бронзы. Их анализ позволяет предложить реконструкцию нескольких типов таких уборов, выявить вероятные различия женского, мужского и детского костюма, а также попытаться связать те или иные типы головного убора с несколькими культурными традициями эпохи бронзы.

Исследователи описывали разнообразные украшения одежды хвалынского энеолитического (Агапов С.А. и др., 1990, с.59), новотитовского (Гей А.Н., 2000), северокавказского (Корневский С.Н., 1990), раннекатакомбного (Братченко С.Н., 2001) населения эпохи бронзы. Коллекция древностей Северо-Западного Прикаспия позволяет вернуться к рассмотрению этой темы с учетом новых материалов.

Для небольшого исследования была взята выборка из 104 погребений из курганных могильников ямной, северокавказской, раннекатакомбной и предкавказской катакомбной культур, расположенных на территории Калмыцких степей, в низовьях Волги, в долине Западного Маныча (Ростовская область)².

¹ Работа частично выполнена при содействии фонда Wenner-Gren.

² Большинство материалов хранится в Государственном Историческом музее. Использованы материалы раскопок И.В.Синицына, У.Э.Эрдниева, В.П.Шилова, Э.А.Федоровой-Давыдовой, Г.А.Федорова-Давыдова, автора статьи и других. Приношу огромную благодар-

Источниковая база. Проанализированные украшения сделаны из металла, кости и раковины. В работе особое значение придавалось конкретному расположению всех деталей убора в погребении, а точнее – в районе черепа умершего³, учитывались поло-возрастные определения⁴. Использовалась *условная рабочая типологическая схема*, в основу которой были положены материал, из которого изготовлены украшения – отдел; способ крепления – группа; общая форма предмета – тип и морфологические варианты – подтип (вариации формы и размеров, тип сечения и т.д.).

ОТДЕЛ 1: УКРАШЕНИЯ ИЗ МЕТАЛЛА (бронза, сурьма, серебро, золото)

Группа 1: подвески

1 тип – подвеска в несколько оборотов; подтипы выделены на основании количества оборотов (для подтипа 1а также учитывались вариации размеров и форма конца): 1а – в 1,5 оборота; 1а' – диаметр ~1–1,2 см, 1а'' – диаметр ~1,5–2,5 см, концы утолщены; 1б – в 2; 1в – в 2,5; 1г – в 3 оборота;

2 тип – подвеска в виде несомкнутого кольца с утонченными, иногда раскованными концами; подтипы выделены на основании вариаций размеров: 2а – диаметр ~2–2,5 см (рис.1,6), 2б – диаметр ~1,3–1,5 см (рис.1,3,5);

ность В.В.Дворниченко и М.В.Адреевой за разрешение использовать материалы своих раскопок, а также художнице Светлане Богаченко, при участии которой выполнена реконструкция предложенных типов головных уборов.

³ В данной работе использованы только комплексы, где украшения найдены вокруг черепов погребенных. Такие же типы украшений могут локализоваться и в других местах, однако анализ этих ситуаций выходит за рамки данного исследования.

⁴ Половозрастные определения А.А.Хохлова, А.В.Шевченко, Л.А.Бембеевой, Г.П.Романовой. Там, где определения не известны, указывалось только: взрослый – ребенок – подросток.

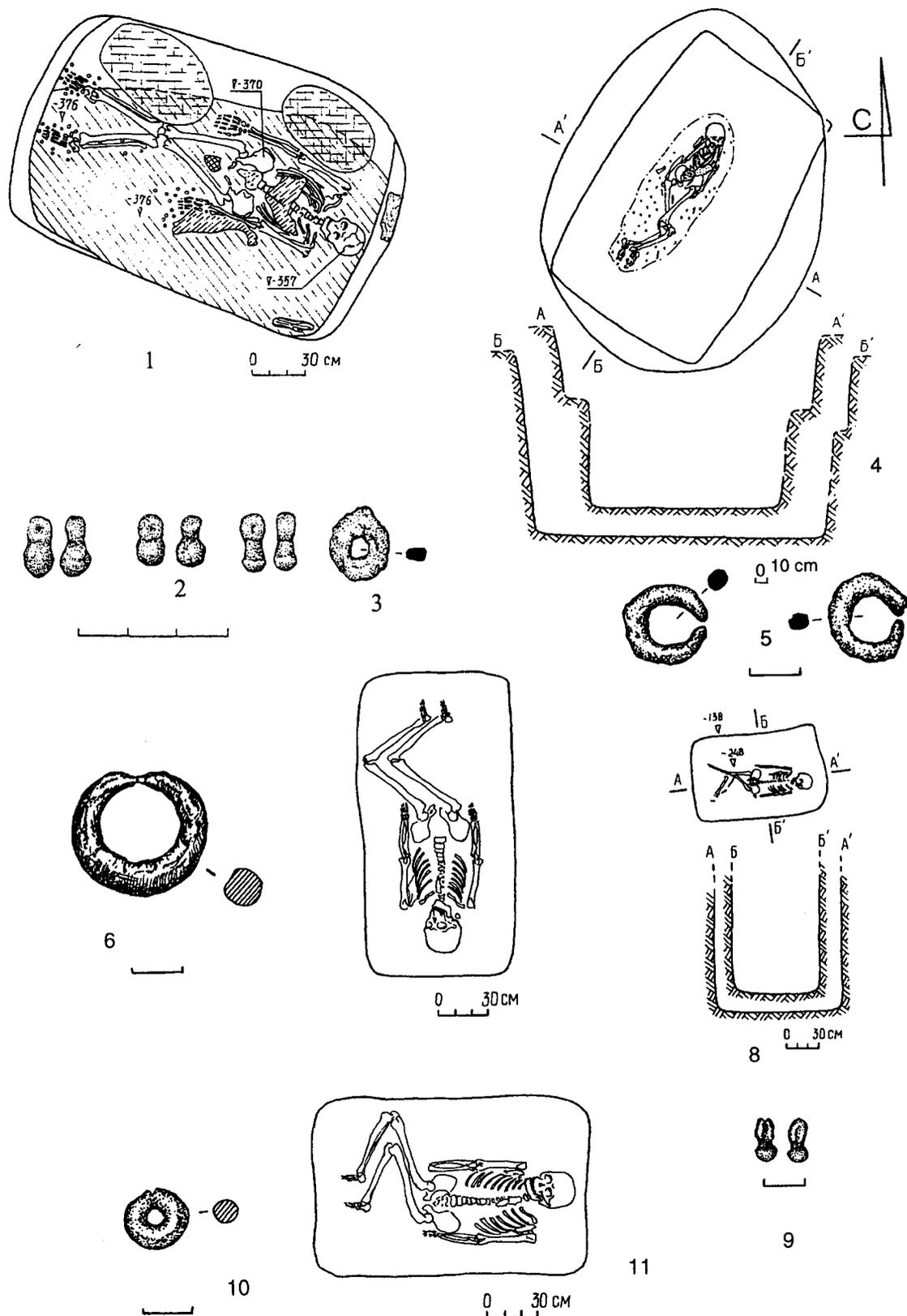

Рис. 1. Головные украшения погребений ямной культуры. 1-3 – Манджикины-1, к.14, п.12; 4,5 – Канал-Волга-Чограй-56, к.13, п.9; 6,7 – Восточный Маныч, Левый берег, гр.1, р-ки 1966 г., к.43, п.18; 8,9 – Чограй VIII, к.29, п.2; 10,11 – Восточный Маныч, Левый берег, гр.1, р-ки 1966 г., к.10, п.3. 2,6,9 – бронза; 3,10 – сурьма; 5 – серебро

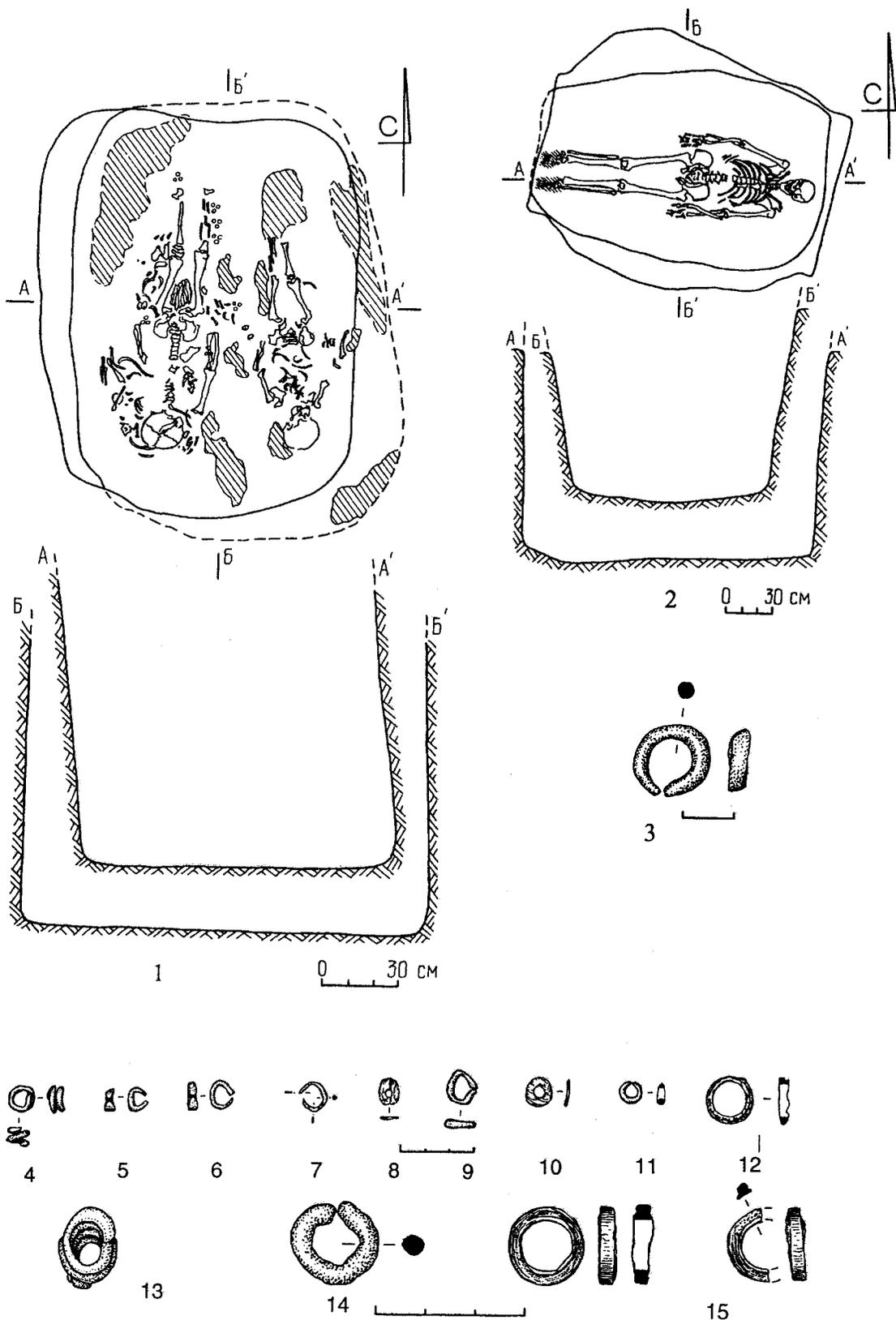

Рис. 2. Головные украшения северокавказских погребений. 1 (1 – головные украшения); 4,5,6–12 – Му-Шарет-1, к.6, п.4; 2,3 – Чограй IX, к.9, п.3; 13 – Восточный Маньч, Левый берег, гр.1, р-ки 1966 г., к.24, п.3; 14 – Восточный Маньч, Правый берег, р-ки 1965 г., к.26, п.5; 15 – Зунда-Толга-3, к.1,п.11. 3,9 – серебро; 4–7,11–14 – бронза; 15 – кость

3 тип – подвеска в виде кольца, подтип 1а – сечение стержня округлое;

4 тип – стержневидная «шнуровая» подвеска со сквозным петлевидным отверстием в верхней части; подтипы выделены на основании вариаций формы: подтип 4а – заканчивается шариком или сегментом (рис.1,2,9), подтип 4б – концевой край «оборван» (рис.3,10), подтип 4в – подвеска в виде согнутой пластины с отверстием в верхней части, имитация шнура включена в орнамент пластины (рис.3,4);

5 тип: фигурные, представлены только одной подвеской (рис.4,5) в виде змеи, кусающей свой хвост⁵.

Группа 2: бусы

6 тип – бусы шаровидной формы со сквозным отверстием;

7 тип – бусы бочонковидной формы со сквозным отверстием;

8 тип – бусы цилиндрической формы со сквозным отверстием (рис.3,2).

Группа 3: медальоны

9 тип – медальон округлый с петелькой для подвешивания.

Группа 4: пуговицы

10 тип – пуговица.

ОТДЕЛ 2: УКРАШЕНИЯ ИЗ РАКОВИНЫ

Группа 1: подвески

11 тип – подвеска плоская круглая с центральным сквозным отверстием (рис.2,8,10);

12 тип – раковина с просверленным отверстием в верхней части.

ОТДЕЛ 3: УКРАШЕНИЯ ИЗ КОСТИ

Группа 1: кольца

13 тип – кольцо костяное округлое (рис.2,15).

ОТДЕЛ 4: УКРАШЕНИЯ ИЗ КАМНЯ

(гешир, агат, сердолик)

Группа 1: бусы

14 тип – бусины цилиндрической формы со сквозным отверстием;

15 тип – бусины конической формы со сквозным отверстием.

ОТДЕЛ 5: УКРАШЕНИЯ ИЗ ДЕРЕВА

Группа 1: пуговицы

16 тип – пуговица грибовидной формы (рис.3,7).

ОТДЕЛ 6: УКРАШЕНИЯ ИЗ ФАЯНСА

Группа 1: бусы

17 тип – цилиндрические бусы-пронизи со сквозным отверстием: 17а – удлиненные, 17б – короткие рубленные;

18 тип – округлые бусы со сквозным отверстием;

19 тип – дисковидные.

ОТДЕЛ 5: УКРАШЕНИЯ ИЗ ЖЕМЧУГА

Группа 1: бусы

20 тип – жемчужины со сквозным отверстием.

Таким образом, всего выделено 20 условных типов⁶.

АНАЛИЗ МАТЕРИАЛА

Следующей частью работы стало распределение материала по культурам и его анализ.

Ямная культурная традиция (рис.1). Украшения, которые мы связываем с головными уборами, в погребениях ямной культуры встречаются редко: на 630 учтенных комплексов они найдены только в 23 (таблица 1). Все они – металлические. Преобладают изделия из бронзы, сурьмяные и серебряные встречены реже и только один раз – золотые украшения. Самый распространенный тип – небольшие височные подвески в 1,5 и более оборотов (1 тип), в виде несомкнутых колец (массивные и маленьких размеров) 2 типа (рис.1,3,5,6,10), реже встречаются шнуровые подвески 4 типа (рис.1,2,9). Практически все они располагались у височных костей черепа слева, намного реже – справа и на лобной кости. Иногда украшения образуют пару и лежат у височных костей справа и слева. Иногда пару образуют украшения 1 и 2 типов. Встречено сочетание подвесок 4 (справа,

⁵ Раскопки В.П.Шилова, опубликовано (Шишлина Н.И., 1998)

⁶ В условной типологической схеме используется сквозная нумерация условных типов.

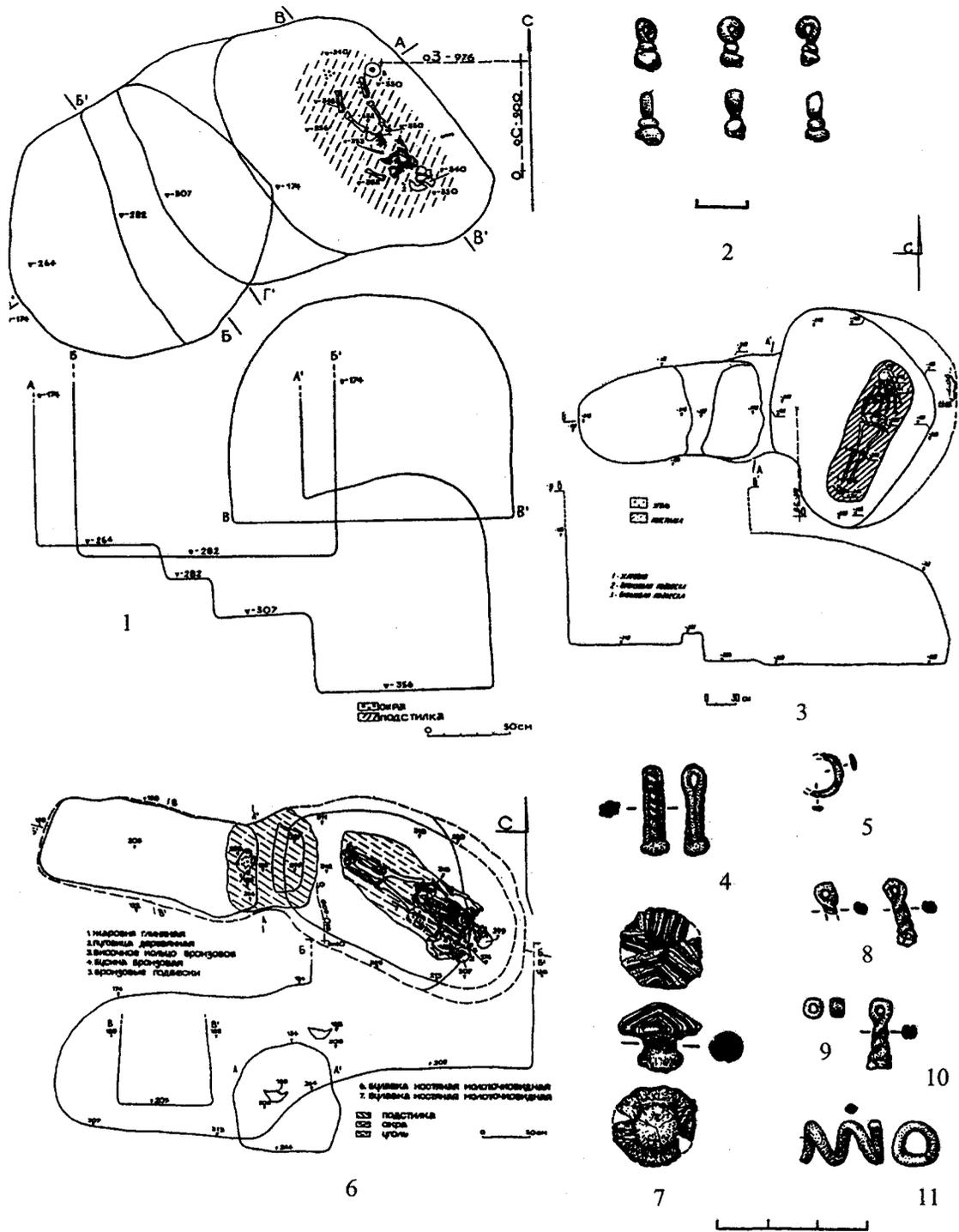

Рис. 3. Головные украшения раннекатакомбных погребений. 1 (2 – головные украшения), 2 – Манджикины-2, к.11, п.7; 3 (2,3 – головные украшения), 4,5 – Манджикины-2, к.37, п.1; 6 (2-5 – головные украшения), 7-10 – Манджикины-2, к.42, п.1. 2,4,5,8,9 – бронза; 7 – дерево; 10 – сурьма

слева, под черепом) и 2 (под черепом) типов; в одном из погребений на лобной части черепа умершего лежали четыре шнуровые подвески 4 типа. Особый интерес представляют остатки головного убора из ямного п.1 к.1 могильника

Кривая Лука-15, состоящего из разнообразных бусин, бисера, пуговицы (Дворниченко В.В. и др., 1976).

Распределение типов головных украшений по могильникам выявило, что височные подвески в

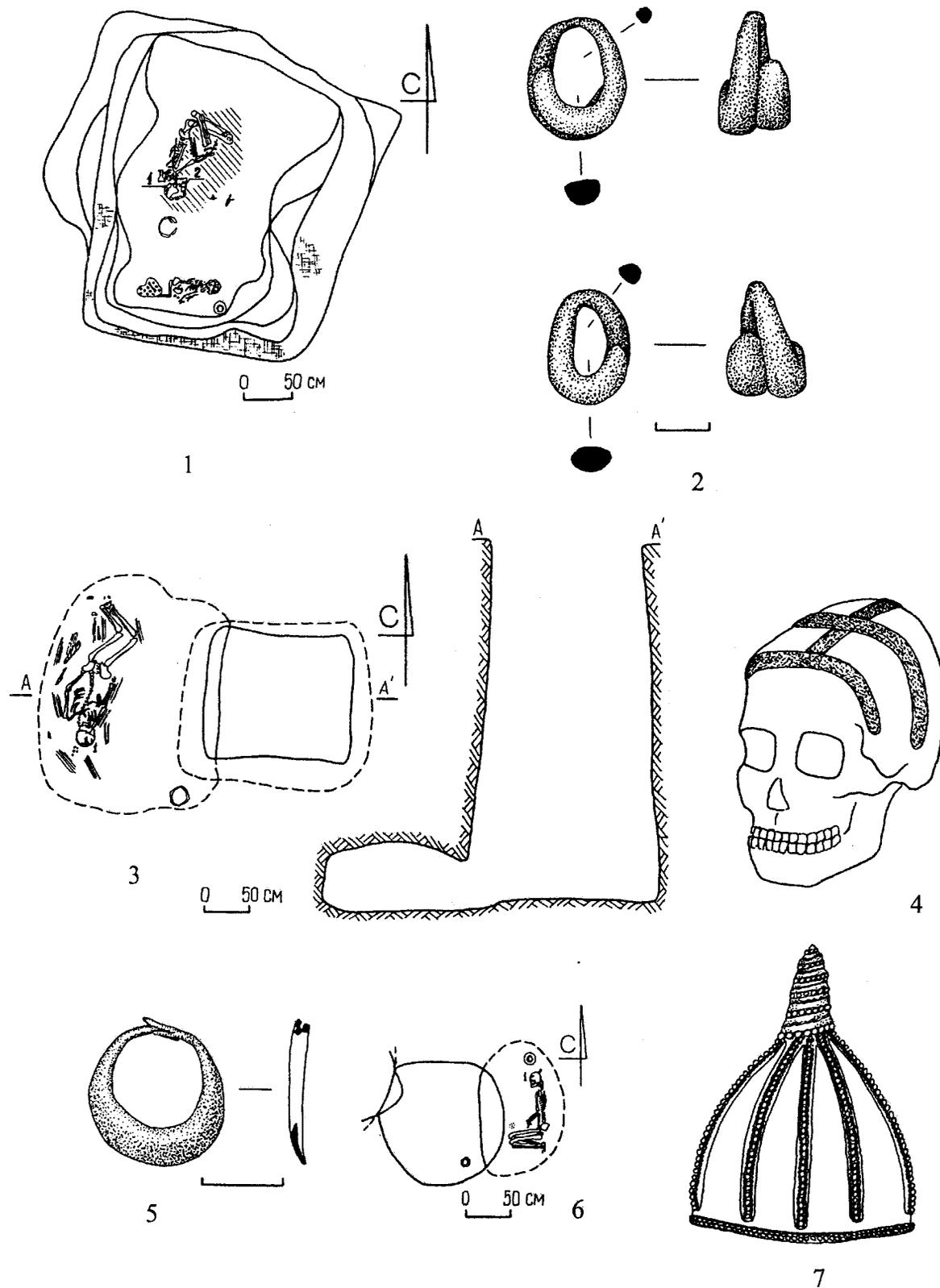

Рис. 4. Головные украшения и уборы катакомбной культуры. 1 (1,2 – подвески), 2 – Зунда-Толга-1, к.10, п.2 ; 3 (1 – фр-ты головного убора), 4 (по: Э.А.Федорова-Давыдова, А.А.Горбенко, 1974) – Шахаевский I, к.4, п.35; 5 – Ергени, к.11, п.1; 6 (1 – фр-ты головного убора), 7 (реконструкция головного убора выполнена О.В.Орфинской) – Шахаевский I, к.4, п.32. 2 – бронза; 5 – золото

Таблица 1. Головные украшения из погребений ямной культуры

Памятник, погребение	Тип	Кол-во	Материал	Расположение	Возраст, пол
<i>Кумо-Манычская впадина</i>					
ВМЛБ165:29/3	1г	1	сурьма	у черепа – слева	Взрослый
ВМЛБ165:13/9	1а'	1	сурьма	у черепа – слева	Взрослый
ВМЛБ165:13/10	1а'	1	бронза	у черепа – слева	Взрослый
ВМЛБ165:18/8	1а' 16	1 1	бронза	у черепа – слева и справа	Взрослый (женщина?)
ВМЛБ165:26/8	1а'	1	сурьма	у черепа – слева	Взрослый
ВМЛБ166:10/3	2б	1	сурьма	у черепа – слева	Взрослый
ВМЛБ166:43/18	2а	1	бронза	у черепа – справа	Взрослый
ВМЛБ166:12/9	2а	1	бронза	у черепа – слева	Взрослый
Чограйский V:5/2	7	7	бронза	в черепе, у левого предплечья	Взрослый
Чограйский VIII:5/4	4г	2	бронза	у черепа	Взрослый
<i>Север Ставропольской возвышенности</i>					
Чограй VIII:29/2	4а	2	бронза	у черепа – справа	Ребенок 3–4 лет
Чограй VIII:31/3	6	1	бронза	в районе нижней челюсти (со лба?)	Женщина 30–40 лет
<i>Средние Ергени</i>					
Лола II:8/8	1а''	1	бронза	у черепа – справа	Взрослый
Три Брата I:9/3	1а'	2	серебро	у черепа – слева	Взрослый
Хар-Зуха I:2/3	1а'	1	серебро	под черепом	Женщина 18–20 лет
<i>Южные Ергени</i>					
Манджикины-1:14/12	2б 4а	1 3	сурьма бронза	у черепа – слева и справа, под черепом	Мужчина, 17–25 лет
Манджикины-2:11/2	2б	1	сурьма	у черепа – слева	Мужчина 35–40 лет
Манджикины-2:11/3	4а	1	бронза	на ребрах слева (слева у черепа?)	Женщина 45–60 лет
Му-Шарет-I:8/1	2б	1	сурьма	на лобной кости	Взрослый?
Улан-Зуха:1/1	2б	1	бронза	под правой стороной черепа	Взрослый
Шупта I:1/2	4а	4	бронза	на лобной кости	Женщина 20–30 лет
<i>Сарпинская низменность</i>					
Кривая Лука-9:1/18	1б	1	золото	под черепом	Ребенок
Кривая Лука-15:1/1	10 14, 15 17а, 17б	1 всего 10	серебро агат фаянс	у черепа – слева и справа, под черепом	Женщина
<i>Западная часть Прикаспийской низменности</i>					
Канал Волга-Чограй 56:13/9	2б	2	бронза	справа и слева у плеча (первоначально, вероятно, у черепа – справа и слева)	Мужчина
Цаган-Усн V:1/4	2б	1?	бронза	во рту (на лбу?)	Взрослый
Яшкуль III:11/5	1а'	1	бронза	у черепа – слева?	Взрослый

Примечания к таблицам 1–4:

ВМЛБ165 – Восточный Маныч, Левый берег, группа I, раскопки 1965 г.; ВМЛБ165 – Восточный Маныч, Левый берег, группа II, раскопки 1965 г.; ВМЛБ166 – Восточный Маныч, Левый берег, группа I, раскопки 1966 г.; ВМЛБ166 – Восточный Маныч, Левый берег, группа II, раскопки 1966 г.; ВМЛБ166 – Восточный Маныч, Левый берег, группа III, раскопки 1966 г.; ВМЛБ167 – Восточный Маныч, Правый берег, раскопки 1967 г. В числителе указан номер кургана, в знаменателе – номер погребения. М-ки Чограйский и Чограй – это разные памятники.

Таблица 2. Головные украшения из погребений северокавказской культуры

Памятник, погребение	Тип	Кол-во	Материал	Расположение	Возраст, пол
<i>Кумо-Манычская впадина</i>					
ВМЛБ165:21/12	1а'	2	сурьма	у черепа – слева и справа	Взрослый
ВМЛБ165:18/5	1а'	1	бронза	у черепа – слева	Взрослый
ВМЛБ165:33/7	4а	3	бронза	у черепа – слева	Взрослый
ВМЛБ166:24/3	1в	1	бронза	у черепа – справа	Взрослый
ВМЛБ166:18/8	4а	1	бронза	под головой	Ребенок
ВМПБ67:13/2	2а	1	бронза	у черепа – слева	Взрослый
ВМПБ65:26/5	2б	1	сурьма	у черепа – слева	Взрослый
Зунда-Толга-3:1/11	6 13	1 10	бронза кость	у черепа – слева и справа, за черепом	Женщина, 14–15 лет
<i>Север Ставропольской возвышенности</i>					
Чограй VIII:9/2	1а' 6	2 2	бронза	у черепа – слева (бусы) и справа (2 подвески)	Ребенок 3–4 лет
Чограй IX:5/7	2б	1	серебро	у левого плеча (вероятно, у левого виска)	Мужчина (Adultus)
Чограй IX:9/3	2ба	2	серебро	в отвале	Мужчина (Adultus-maturus)
<i>Средние Ергени</i>					
Кермен-Толга:37/5	1а 12	2 2	бронза раковина	у черепа – слева и справа	Взрослый
Три Брата:6/2	2б	1	бронза	в районе черепа	Ребенок
<i>Южные Ергени</i>					
Му-Шарет-1:4/6	1а 2б 3а 11	1 4 1 2?	бронза; сурьма, бронза, серебро?; бронза; раковина	у черепа – слева и справа, под черепом	Ребенок 6–8 лет
<i>Западная часть Прикаспийской низменности</i>					
Цаган-Усн-3:1/4	2б	1	серебро	у черепа – слева	Мужчина 45 лет
Яшкуль 1:1/5	2б	1	серебро	среди костей черепа	Ребенок

несколько оборотов (тип 1) и кольца с несомкнутыми концами (тип 2) характерны для ямных погребений Кумо-Манычской впадины, Средних Ергеней, Сарпинской и Прикаспийской низменностей. Шнуровые подвески 4 типа встречены в курганах Ставропольской возвышенности, Южных Ергеней и Кумо-Манычской впадины, но не известны на Средних Ергенях и в Прикаспийской низменности.

Практически все проанализированные ямные комплексы – это погребения взрослых, погребения детей – единичны. Определение пола погребенного показало, что головные украшения встречены как в женских, так и в мужских захоронениях.

Северокавказская культурная традиция в Северо-Западном Прикаспии объединяет по-

гребения в узких четырехугольных ямах, редко с заплечиками, с положением скелетов на спине вытянуто⁷ (рис.2,1,2). Из 140 захоронений этой группы головные украшения найдены в 15 (таблица 2). За исключением двух подвесок, все они сделаны из металла, причем преобладают бронзовые, довольно часто встречены серебряные, реже – сурьмяные. Почти в половине комплексов найдены маленьких размеров височные подвески в несколько оборотов (рис.2,4,13). Они могли образовывать пару и располагаться у височных костей черепа. Однако встречены и одиночные, расположенные и

⁷ II группа по классификации В.А.Сафронова (1974).

Таблица 3. Головные украшения раннекатакомбной культуры

Памятник, погребение	Тип	Кол-во	Материал	Расположение	Возраст, пол
<i>Кумо-Маньчская впадина</i>					
ВМЛБ165:36/3	4а	5	бронза	на височной кости	Взрослый
ВМЛБ165:13/11	1а'	2	бронза, сурьма	у черепа – слева и справа	Взрослый
ВМЛБ165:18/8	1а', 1б	2	бронза	у черепа – слева и справа	Взрослый
ВМЛБ165:25/2	1а'	1	сурьма	около черепа	Ребенок
ВМПБ67:26/2	4а	1	бронза	около черепа	Ребенок
ВМПБ67:26/4	4а	2	бронза	около черепа	Взрослый
Чограйский VI:1/9	4а	3	бронза	в районе черепа	Ребенок
Чограйский VIII:3/3	4а, 6	3 2	бронза	у черепа – слева	Ребенок 12–13 лет
<i>Ставропольская возвышенность</i>					
Чограй IX:9/12	2б	1	серебро	под черепом	Подросток
<i>Средние Ергени</i>					
Лола I:4/5	4а	2	бронза	у черепа – слева и справа	Ребенок
<i>Южные Ергени</i>					
Манджикины 2:11/6	4а	1	бронза	у черепа – слева	Ребенок
Манджикины 2:11/7	4а	3	бронза	у черепа – слева	Ребенок
Манджикины 2:37/1	4в 2б	1 1	бронза	в районе черепа	Ребенок 7–9 лет
Манджикины 2:37/4	4в	1	бронза	в правой глазнице	Ребенок 7–8 лет
Манджикины 2:42/1	1в	1	бронза	у черепа – справа; под черепом, у нижней челюсти	Ребенок 1–1,5 года
	4б	3	"		
	8	1	"		
	1б	1	дерево		
Манджикины 2:54/6	7	1	бронза	у черепа – справа	Женщина 25–35 лет
<i>Западная часть Прикаспийской низменности</i>					
Цаган-Усн-III:5/5	4а	1	бронза	у головы	Взрослый
Цаган-Усн-IV:1/4	2б	1	серебро	у черепа – слева	Взрослый

справа, и слева. В 7 погребениях известны массивные и мелкие подвески 2 типа (рис.2, 3, 5–7, 9, 11, 14). Они часто сделаны из серебра, могли быть парными или одиночными. Иногда входили в целые наборы головных украшений. Шнуровые подвески, костяные кольца (рис.2, 15) и раковинные бусы (рис.2, 8, 10) редки.

Остановимся на украшениях головного убора из погребения могильника Му-Шарет-1: 4/6 (рис.2, 1, 4–12). На лобной кости лежало бронзовое кольцо-подвеска с несомкнутыми концами, у левой височной кости – бронзовое кольцо в 2,5 оборота, слева от черепа – плоские перламутровые бусины, под головой – серебряная (сурьмяная?) подвеска в виде несомкнутого кольца с утонченными краями, справа от черепа – плоские перламутровые

бусины, у правой височной кости – бронзовая подвеска-кольцо.

Максимальное многообразие типов головных украшений происходит из северокавказских погребений Кумо-Маньчской впадины, преобладающий тип в других районах – кольцо с несомкнутыми концами.

В отличие от ямной в этой группе увеличивается доля детских погребений с головными украшениями. Был определен пол для взрослых погребенных: головные подвески и бусы встречены как в мужских, так и женских могилах. Трижды в погребениях, где определен пол погребенного как мужской, встречен один и тот же тип украшений – серебряное височное кольцо с несомкнутыми концами, и оно всегда расположено справа.

Раннекатакомбная группа⁸ (рис.3) в Северо-Западном Прикаспии не так многочисленна (134 погребения), и украшения найдены в 18. Самый распространенный тип – шнуровые бронзовые подвески 4б типа (12 погребений) (рис.3,2,4, 8,10), намного реже известны височные кольца с несомкнутыми краями 2 типа (2) и многовитковые подвески 1 типа (рис.3,11) (4). В основном все украшения – бронзовые. В одном погребении найдены сурьмяные, в другом – серебряные подвески. Дважды в районе черепов найдены бронзовые бусины (рис.3,9) (таблица 3).

Выделим набор головных украшений детского скелета в могильнике Манджикины-2 (к.42, п.1): справа у черепа найдена деревянная пуговица-застежка; рядом лежала бронзовая витая подвеска 4 типа; под нижней челюстью – бронзовая бусина, чуть ниже – еще две витые бронзовые подвески 4 типа, третья, такая же, подвеска располагалась под черепом.

Для некоторых могильников типичны украшения определенных типов: так, серебряные округлые подвески с несомкнутыми краями типа 2 известны только в Чограе IX и Цаган-Усне, а шнуровые подвески 4 типа характерны для могильников Манджикины-2, Восточный Маньч, Правый берег, р-ки 1967 г., Чограйский. В целом, распределение типов украшений показало, что они в основном встречены в раннекатакомбных погребениях южной части Северо-Западного Прикаспия. И в отличие от предыдущих групп головные украшения наиболее типичны для детских погребений.

Наконец последняя группа характеризует головные украшения *катакомбной культуры*. На более чем 1000 погребений украшения вокруг черепа были найдены примерно в 40 (таблица 4). Чаще всего встречено бронзовое массивное височное кольцо в 1,5 оборота (реже – многовитковое) с утолщенными концами 1а'' типа (рис.4,2). Как правило, кольца составляли пару и располагались с двух сторон у височных костей черепа (рис.4,1). Там, где найдено по одному, мы предполагаем, что первоначально колец могло быть все-таки два. Такие украшения в основном встречены во взрослых захоронениях, причем парные, скорее всего, характерны только для женщин. В могильнике Чограй IX (к.9, п.2) золотое височное кольцо пары не имело и располагалось справа у черепа

мужчины. Отсутствовала пара и у аналогичного серебряного кольца в 1,5 оборота, найденного у черепа взрослого (мужского?) скелета в п.4 к.1 могильника Эвдык. Интересен комплекс из Бичкин-Булука: у одного из умерших (женщина? подросток?) за черепом лежала пара серебряных серег в 1,5 оборота, одиночная серебряная серьга с несомкнутыми концами обнаружена на ребрах мужского? скелета (вероятно, была нашита на повязку слева, позже была смещена). Намного реже такие подвески сопровождали детей и подростков.

Украшения более ранних типов, также сделанные из сурьмы и характерные для предыдущих групп, встречаются крайне редко: это шнуровые подвески 4 типа, бронзовые бусы, кольца с несомкнутыми концами.

Обнаружены и сложные конструкции головных украшений и уборов. Вокруг головы взрослой женщины в п.5 к.9 м-ка Чограй IX располагались сердоликовые бусины; костяные кольца, бронзовые медальоны и бусы обрамляли череп ребенка в п.3 к.4 м-ка Лола I; уникальная подвеска в виде змеи, кусающей свой хвост (рис.4,5) найдена за черепом женского скелета в могильнике Ергени (к.11, п.1).

В рамках небольшой статьи мы также решили использовать материалы из могильника Шахаевский I, расположенного в Ростовской области: в двух катакомбных погребениях были найдены остатки деталей головных уборов. В п.32 к.4 был обнаружен «на лбу венчик из четырех рядов белых пастовых бус, нашитых на кожаную основу, здесь же располагались медные бусы, не прикрепленные к коже. За головой обнаружена вторая часть головного убора. Она представляла собой деревянный конус, обтянутый кожей и обвитый нитками медных бус и перевитыми полосками кожи. Под черепом сохранилась часть головного убора в виде бус, нашитых на тканную основу» (рис.4,6:1,7) (Федорова-Давыдова Э.А., Горбенко А.А., 1974, с.101). В п.35 «на черепе находился головной убор, от которого сохранились полоски войлока, в следующем порядке лежавшие на голове: одна полоса шла от лба, через теменную часть к затылку, две другие положены поперек ее на лбу» (рис.4,3:1,4) (Федорова-Давыдова Э.А., Горбенко А.А., 1974, с.103).

Распределение типов украшений по могильникам примерно одинаковое. Отметим только, что ранние типы подвесок встречены только на юге региона.

⁸ Раннекатакомбная группа определена по: Шишлина Н.И., 1992.

Таблица 4. Головные украшения катакомбной культуры

Памятник, погребение	Тип	Кол-во	Материал	Расположение	Возраст, пол
<i>Кумо-Манычская впадина</i>					
ВМЛБ165:4/2	1a''	1	бронза	у черепа – слева	Взрослый
ВМЛБ165:25/6	1a''	1	бронза	у черепа – слева	Взрослый
ВМЛБ165:42/6	?	1	раковина	у черепа – справа	Ребенок
ВМЛБ165:50/4	1a''	2	бронза	у черепа – слева и справа	Взрослый
ВМЛБ165:52/2	1a''	1	бронза	у черепа – слева	Взрослый
ВМЛБ165:54/5	1a''	2	бронза	у черепа – слева и справа	Взрослый
ВМЛБ166:30/3	1a''	1	бронза	в черепе	Взрослый
ВМЛБ166:67/2	4a	3	бронза	у левого плеча	Взрослый
ВМЛБ166:5/3	1a''	1	бронза	у черепа – справа	Ребенок
ВМЛБ166:16/9	1a''	2	сурьма	у черепа – слева и справа	Взрослый
ВМЛБ166:20/3	1a''	1	бронза	у черепа – справа	Взрослый
ВМЛБ166:24/6	1a''	1	бронза	у черепа – слева	Взрослый
ВМЛБ166:29/9	1a''	2	бронза	у черепа – слева и справа	Взрослый
ВМЛБ166:31/13	1a''	2	бронза	у черепа – слева и справа	Взрослый
ВМПБ67:5/11	1a''	1	бронза	у черепа – справа	Взрослый
ВМПБ67:10/12	4, 6	?	бронза	у черепа – справа	Взрослый
Зунда-Толга 1:1/9	1a''	2	бронза	у черепа – слева и справа	Взрослый
Зунда-Толга 1:2/4	1a'' 6	2 1	бронза	у черепа – слева и справа, у правой височной кости – бусина	Подросток
Зунда-Толга 1:9/2	1a''	2	бронза	у черепа – слева и справа	Ребенок
Зунда-Толга 1:10/2	1a''	2	бронза	у черепа – слева и справа	Женщина 50–60 лет
Зунда-Толга 1:10/3	8	2	бронза	у нижней челюсти	Мужчина 30–35 лет
Тюльпан: 1/1	1a''	2?	бронза	у черепа – слева	Взрослый
Чограйский VIII:2/4	1a''	1	бронза	у черепа – справа	Взрослый
Чограйский VIII:5/3	1a''	1	бронза	у черепа – слева	Взрослый
<i>Север Ставропольской возвышенности</i>					
Чограй VIII:12/6	1a' 6	1 2	бронза	за затылком	Ребенок 8–9 лет
Чограй IX:5/5	1a''	1	золото	у черепа – справа	Мужчина
Чограй IX:9/5	14	4	сердолик	в районе лба, за черепом, у правого плеча	Женщина (Adultus)
<i>Средние Ергени</i>					
Архара:2/5	1a''	2	бронза	у черепа – слева и справа	Взрослый
Архара:31/1	1a	1	серебро?	у черепа – слева	Взрослый
Бичкин-Булак:6/4	1a 26	2 1	серебро	на груди; за черепом	Мужчина? Женщина?
Ергени:5/5	1a'	1	сурьма	у черепа	Женщина
Ергени:11/1	5	1	золото	у черепа	Женщина
Лола I:4/3	6 9 13	1 2 15	бронза бронза кость	все вокруг головы	Ребенок
Элистинский:8/6	1a'	1	золото	у черепа	Взрослый
<i>Южные Ергени</i>					
Манджикины 2:16/2	4	1	бронза	у черепа – слева	Ребенок
Манджикины 2:16/3	6	3	бронза	под черепом	Ребенок

Таблица 4. Головные украшения катакомбной культуры (окончание)

Памятник, погребение	Тип	Кол-во	Материал	Расположение	Возраст, пол
<i>Сарпинская низменность</i>					
Кривая Лука-8:2/18	1a''	2	бронза	у черепа – слева и справа	Взрослый
Кривая Лука-16:1/19	1a''	1	бронза	под черепом	Взрослый
Эвдык:1/4	1a''	1	серебро	у черепа	Взрослый
<i>Западная часть Прикаспийской низменности</i>					
Цаган-Усн III:3/5	14	2	гешир	в районе черепа	Взрослый
Цаган-Усн III:4/5	4a	3	бронза	в районе черепа	Взрослый
Канал Волга-Чограй 56:8/13	6	1	бронза	в глазницах	Взрослый
Канал Волга-Чограй 56:9/8	1a''	1	серебро	на лобных костях	Взрослый
<i>Ростовская обл.</i>					
Шахаевский I:4/32	8,6,7, 20	много	бронза, фаянс, стекло, жемчуг	все на черепе	Взрослый

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА И РЕКОНСТРУКЦИИ

Таким образом, анализ украшений, обнаруженных вокруг головы умерших, позволил нам высказать предположение, что головные уборы были частью погребальной одежды носителей ямной, северокавказской, катакомбной культур Северо-Западного Прикаспия. Выделено три типа. Рассмотрим предложенные реконструкции и распределение их по культурным группам.

Простой шнур или узкая плетеная тесьма с бронзовыми височными украшениями (разновитковые кольца, кольца с несомкнутыми концами, шнуровые подвески) (рис.5,1,2).

Мы предполагаем, что волосы могли подвязываться простым витым шнуром или узкой тесьмой, отпечатки которой часто встречаются на керамике основных культур эпохи бронзы региона. Такие шнуры могли быть кожаными, волосяными, сделаны из жил животных, а также из растительных нитей. Шерстяные нити и шнуры идентифицированы нами пока только для катакомбной культуры (Орфинская О.В. и др., 1999). Украшения могли либо продеваться в шнур, либо нанизываться или крепиться с помощью узла и располагались по бокам. Об этом определенно свидетельствует их локализация в районе височных костей черепа. Высказывались предположения, что височные

кольца вплетались и в косы (Гей А.Н., 2000, с.159). Однако половозрастные определения для изучаемой степной выборки показали, что такие украшения часто встречены у мужчин. Кроме того, трудно представить, как шнуровые и височные многовитковые подвески могли вплетаться в волосы. Скорее всего, они все-таки прикреплялись или продевались в шнур.

Видимо, существовало несколько типов таких повязок. Для носителей ямной культуры, скорее всего, были характерны шнуры с многовитковыми подвесками, часто сделанными из сурьмы, а также с массивными и более мелкими кольцами с несомкнутыми концами. Последние встречены как одиночные украшения степного мужского головного убора.

Височные кольца часто встречаются в новотиторовской культуре Прикубанья. Типичны парные подвески, но известны и погребения с 6–10 экземплярами (Гей А.Н., 2000, с.159). Аналогичные подвески встречены в погребениях северокавказского населения эпохи средней бронзы (Кореневский С.Н., 1990), у многочисленных катакомбных групп (Гей А.Н., 2000; Братченко С.Н., 2001).

В середине III тыс. до н.э., в начале эпохи средней бронзы, когда в Северо-Западном Прикаспии появляются носители новых культур (Шишлина Н.И., 1992), такие головные шнуры-повязки носят, в основном, представители культурных традиций Северного Кавказа эпохи рубежа ранней и средней бронзы, где

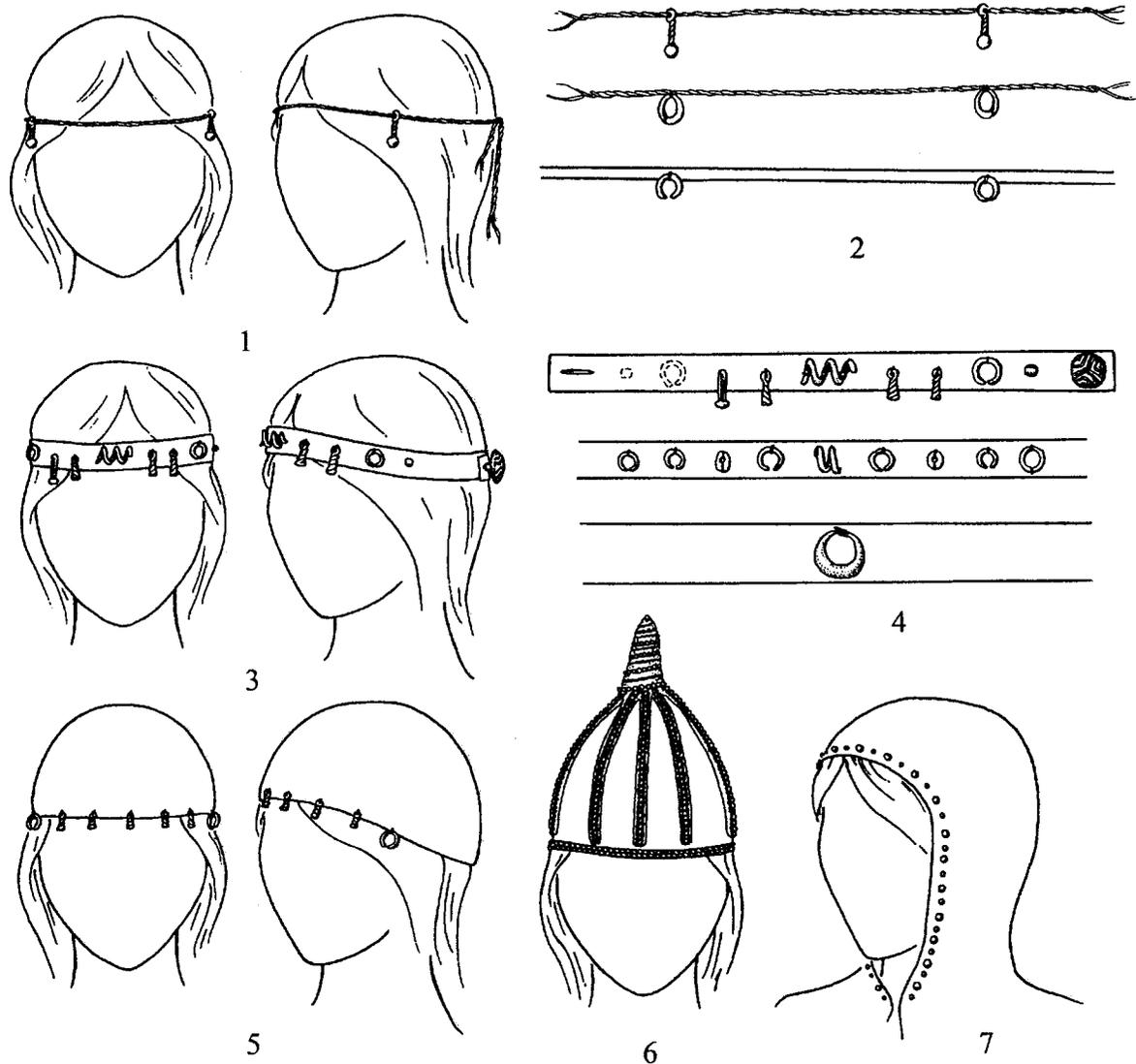

Рис. 5. Реконструкция основных типов головных уборов. 1 – шнур или узкая тесьма с украшениями; 2 – налобная повязка; 3 – шапка с головными украшениями; 4 – головной убор в виде шапки с шишаком; 5 – капюшон с украшениями по краю

головные уборы на протяжении всей второй половины III тысячелетия украшались бронзовыми височными кольцами в 1,5 оборота, реже кольцами с несомкнутыми концами (Корневский С.Н., 1990, с.56), и другими типами бронзовых украшений (Марковин В.И., 1960).

Отметим, что, вероятно, повязки с серебряными кольцами с несомкнутыми концами в Северо-Западном Прикаспии носили только мужчины.

Представители степной раннекатакомбной группы такие шнуры украшали бронзовыми шнуровыми подвесками, и ими чаще повязывали волосы детей и подростков. Намного реже похожие головные уборы встречены у представителей катакомбного населения.

Налобная повязка (рис.5,3,4). Основой такой повязки могла быть широкая тесьма. Степные жители вполне могли изготавливать плетеные или тканые широкие и узкие ленты (Орфинская О.В. и др., 1999) или делать их из кожи, жил или войлока (мог. Шахаевский).

На черепе ямного скелета взрослого человека 30–45 лет из п.4 к.1 могильника Му-Шарет лежал широкий фрагмент текстиля (повязки?). На лобной кости черепа ребенка из п.140 к.1 могильника Останний в Прикубанье (новотиторовская культура) сохранился охристый отпечаток в виде «узкой полосы, от которой под углом в обе стороны отходят поперечные отростки, напоминающие листья», а в

п.157 (тоже детский скелет) – след тонкой нитки, некогда окрашенной охрой (Гей А.Н., 2000, с.74–76, рис.24,3). А.Н.Гей полагает, что это отпечатки ленты, венчика или оторочки головного убора, нити которых были окрашены охрой. Использование охры и редкого минерала монтроидита для окраски древнего текстиля идентифицировано нами для текстильных фрагментов майкопской культуры (Шишлина Н.И. и др., 2002).

Расположение определенных типов подвесок в ряд вокруг черепов позволяет предположить, что налобные повязки украшались. Они могли натягиваться на голову или застегиваться сзади: головной убор с застежкой в виде деревянной пуговицы и украшавшими его бронзовыми подвесками был, скорее всего, надет на голову умершего ребенка в раннекатакомбном п.1 к.42 могильника Манджикины-2.

Налобные повязки чаще всего расшивались бронзовыми, сурьмяными, реже серебряными подвесками и бусинами, иногда располагавшимися по всей длине. У черепов некоторых скелетов новотиторовской культуры с «венчиками-лентами» найдены серебряные височные кольца, например, в п.140 к.1 из могильника Останний справа и слева от черепа лежали серебряные кольца – массивное в полтора оборота и с несомкнутыми концами (Гей А.Н., 2001, с.74). Вероятно, одиночные (не парные) многовитковые подвески и кольца с несомкнутыми концами также могли нашиваться на тесьму.

Предположим, что такой головной убор впервые появился в северокавказской культурной среде (к примеру, новотиторовской) эпохи рубежа ранней и средней бронзы; и здесь использовался и детьми, и мужчинами, и женщинами (Гей А.Н., 2000: половозрастные определения для погребений с венчиками: ребенок 2 лет±8 месяцев, ребенок 5 лет±6 месяцев, мужчина 20–25 лет, женщина 25–35 лет). Позднее он распространяется в степи только в среде пришлого раннекатакомбного населения и характеризует, в основном, погребальное убранство детей (раннекатакомбные, северокавказские комплексы).

Мужской головной убор (шнур? повязка?) с единичными подвесками с кольцами в один оборот с несомкнутыми концами типичен для населения Центрального Предкавказья этого же времени. Женский украшался двумя-тремя

парами подвесок, а детский – от двух до шести (Корневский С.Н., 1990, с.73,82).

В степной катакомбной, более консервативной среде, где существовали иные обрядовые традиции, вполне вероятно, парные бронзовые височные кольца нашивались только на женские налобные повязки. В редких случаях, где определен пол и возраст, такие кольца найдены у черепов женщин продуктивного или старческого возраста. Это позволяет нам предположить, что налобные повязки носили только женщины, уже способные к деторождению. Единичные катакомбные погребения мужчин представлены головными украшениями, сделанными из золота и серебра. Такие одиночные подвески могли нашиваться на налобные повязки.

Сравним эту традицию с предшествующей новотиторовской: парные кольца встречены в каждом восьмом захоронении, причем, большинство украшений сделано из серебра (Гей А.Н., 2000, с.159).

Уникальная подвеска в виде золотой змеи найдена за черепом женского скелета к.11 п.1 могильника Ергени: возможно символ змеи также украшал налобную повязку.

Расположение части подвесок и бус в глазницах черепа позволяет нам высказать осторожное предположение, что некоторые налобные повязки закрывали «глаза» умершего, выполняя в некотором роде роль погребальной маски. В захоронениях все они могли быть и «погребальными венчиками».

Шапки (Рис.5,5,6). Вполне возможно, что многие из описанных выше украшений, являлись орнаментальными деталями основания шапочек.

Детали шапок встречены очень редко.

В.В.Дворниченко описывает шапочку на голове женщины в ямном п.1 к.1 могильника Кривая Лука-15. Она была сделана из кожаных ремешков, скорее всего, нашитых на тканную основу (сохранились петли). Мелкий бисер и кольца украшали повязку с боков, возможно, они покрывали и центральную часть. Сбоку находилась и серебряная пуговица-застежка, сзади – украшение в виде полукольца с двумя ушками по концам, в которые проде́ты две низки бус: белые фаянсовые, агатовая (Дворниченко В.В. и др., 1976).

Возможно, что головные украшения погребенного в могильнике Му-Шарет-1 к.6 п.4 – это детали не налобной повязки, а основания ша-

почки. Хотя в пользу налобной повязки свидетельствует, полагаем, застежка в виде пуговицы.

Два головных убора в виде шапок были зафиксированы в могильнике Шахаевский. В п.35 к.4 сохранились войлочные детали без украшений, лежащие крест-на-крест. Основание «шапки» могло быть кожаным или тканым (рис.4,4).

Анализ п.32 позволил предложить реконструкцию сложного головного убора в виде шапки, созданной на основе каркаса из деревянных прутьев, покрытого сшитой шерстяной тесьмой с нашитыми бронзовыми, фаянсовыми, стеклянными бусами и жемчугом. Верх головного убора венчает «шишак» – конус, обшитый кожей, тесьмой и бусами (рис.4,7,5,6) (Орфинская и др., 2003).

Иногда детали убранства расположены вокруг лицевой части черепа, поэтому можно также предположить, что подвески и бусы украшали край *капюшона* (рис.5,7): такой тип верхнего головного убора мог быть характерен для детского костюма раннекатакомбного времени.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, анализ головных украшений и редких сохранившихся деталей позволил высказать предположение, что головной убор был частью погребального костюма жителей степи эпохи бронзы. Возможно, голова умершего закрывалась покрывалом, головным убором, но украшения последнего встречены в незначительном количестве погребений. Обработанный материал малочислен, как и половозрастные определения. Однако можно выделить три основных типа головных уборов – шнур-повязка, налобная повязка и шапка. По мере распространения в изучаемой экологической нише носителей разных культур меняются и типы головных украшений, которые могли быть деталями всех трех основных уборов.

Если в ямной культуре преобладала традиция головных украшений для взрослого населения (шнуры-повязки, шапка была надета на голову умершей при родах женщины в Кривой Луке), то постепенно, с приходом населения с юга (традиции Северного Кавказа раннего этапа средней бронзы), расширенный головной убор в виде налобной повязки становится типичен

либо для мужчин (встречены и золотые, и серебряные украшения), либо для детей, скорее всего – не достигших возраста инициации (младенцы, ранний детский возраст до 9–10 лет). В парных погребениях взрослого и ребенка (женщины и ребенка; мужчины и ребенка) головной убор с украшениями, как правило, надет на детскую голову. Возможно, именно тогда появился и капюшон. Вероятно, такая одежда не была характерна для носителей ямной культуры, но постепенно распространяется в среде катакомбного населения, где преобладали налобные повязки (для взрослого женского и мужского населения), редко волосы детей могли подвязываться шнурами с подвесками ранних типов, украшавшие также и детские налобные повязки и капюшоны.

Для убранства головы часто использовали разнообразные бронзовые подвески, серебряные и золотые встречены редко. Возможно, это объясняется и другой причиной: аналогичные серебряные украшения головных уборов характерны для представителей новотиторовского населения Северного Кавказа (уже упоминавшиеся 74%) и представителей других кавказских культур, но в степи были распространены редко. Часто использовались в погребальном обряде, скорее всего, чтобы подчеркнуть особый статус умершего или его «этническую» принадлежность не к автохтонному, а пришлому, северокавказскому населению.

Сохранились и шапки, которые были известны с ямного времени. Возможно, что на голову многих умерших могли одевать простую войлочную или вязаную шапочку. Скорее всего, сложный инкрустированный многочисленными бусами головной убор с навершием-шишаком из Шахаевского могильника является уникальным.

Полагаю, что все погребальные головные уборы, может быть и не столь богато украшенные, являлись частью и повседневной одежды.

Выводы, высказанные в этой работе, пока предварительные. Расширение источниковой базы, точная фиксация местонахождения украшений, половозрастные определения, проведение специальных исследований по идентификации органических материалов позволит в будущем уточнить многие высказанные положения, остановиться более подробно на идентификации этнических традиций в одежде степного населения.

Литература

- Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И., 1990. Хвалынский энеолитический могильник. Саратов.
- Братченко С.Н., 2001. Донецька катакомбна культура раннього етапу. Луганськ.
- Гей А.Н., 2000. Новотиторовская культура. М.
- Дворниченко В.В., Куйбышев А.В., Малиновская Н.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1976. Отчет о раскопках курганов в Черноярском районе Астраханской области в зоне I очереди строительства Астрахано-Калмыцкой рисовой оросительной системы в 1975 г. // Архив ИА РАН, Р-1, 5250.
- Корневский С.Н., 1990. Памятники населения бронзового века Центрального Предкавказья. М.
- Марковин В.И., 1960. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н.э.) // МИА. № 93. М.
- Материальная культура. Свод этнографических понятий и терминов. 1989. М.
- Орфинская О.В., Голиков В.П., Шишлина Н.И., 1999. Комплексное экспериментальное исследование текстильных изделий эпохи бронзы Евразийских степей // Текстиль эпохи бронзы Евразийских степей. ТрГИМ. Вып.109. М.
- Орфинская О.В., Шишлина Н.И., Голиков В.П., 2003. Головной убор из катакомбного погребения из в могильнике Шахаевский 1 на реке Маныч // Вопросы археологии Поволжья. Вып.3. Самара.
- Сафронов В.А., 1974. Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа // Вопросы охраны, классификации и использования археологических памятников. Сообщения. Вып. VII. М.
- Федорова-Давыдова Э.А., Горбенко А.А., 1974. Раскопки Шахаевской курганной группы в 1971 году // Археологические памятники Нижнего Подонья. М.
- Шишлина Н.И., 1992. Ранний этап средней бронзы Калмыкии. Автореф. дис... канд. ист. наук. М.
- Шишлина Н.И., 1998. О змее в мифологических представлениях степных кочевников эпохи бронзы // Археологический сборник. ТрГИМ. Вып.96.М.
- Шишлина Н.И., Орфинская О.В., Голиков В.П., 2002. Текстиль эпохи бронзы Северного Кавказа: проблема происхождения // Степи Евразии в древности в средневековье. СПб.

ДОНО-ВОЛЖСКАЯ АБАШЕВСКАЯ КУЛЬТУРА И ПАМЯТНИКИ ПОКРОВСКОГО ТИПА: К ПРОБЛЕМЕ СООТНОШЕНИЯ

Со второй половины 1980-х гг. наблюдается необычайный всплеск интереса к предсрубным памятникам степи и лесостепи Восточной Европы. Предсрубное время (по терминологии В.В.Отрощенко (2001, с.43) – переходный период от среднего к позднему бронзовому веку) было довольно бурным. Это – эпоха миграций и динамичных процессов культурной трансформации, обусловивших яркость археологических памятников, их синкретизм, проявляющийся в причудливом, порой – феерическом сочетании разнокультурных элементов в пределах одного комплекса или группы синхронных памятников одной территории. Поэтому попытки осмыслить культуругенетические процессы, протекавшие на юге Восточной Европы в переходный период, дают толчок к острым дискуссиям. Одним из «камней преткновения» являлись (и продолжают являться) памятники Среднего Подонья, Волго-Донского междуречья и Поволжья, демонстрирующие в керамике абашевские черты. Наличие этих черт порождало у многих авторов иллюзию культурной монолитности на всей очерченной территории. С другой стороны, различия в погребальном обряде и инвентаре, демонстрируемые комплексами с «абашевской» керамикой Волго-Донского региона, побуждали других исследователей выделять в пределах данной территории самостоятельные культурные группы. Таких групп в настоящее время можно назвать две.

Первая из них – так называемая «**доно-волжская абашевская культура**» (ДВАК), основной ареал которой – Среднее и частично Верхнее Подонье в пределах Воронежской, Липецкой и Тамбовской областей России (Пряхин А.Д., Халиков А.Х., 1987, карта 23). Первоначально исследователи применительно к данным памятникам употребляли формулировку «абашевская культура Среднего Дона» (Либеров П.Д., 1964, с.111; Чередниченко М.М., 1972, с.20). Позднее А.Д.Пряхин стал использовать термин «доно-волжская абашевская культура» (Пряхин А.Д., 1977, с.8). В ходе

бурных дискуссий 1990-х годов некоторые исследователи весьма скептически высказались по поводу правомерности выделения такой культуры. Но, как справедливо отметил В.В.Отрощенко, существует «яркий территориально очерченный массив памятников» с определенными чертами в керамике и погребальном обряде, и потому рассматривать ДВАК в качестве особой археологической культуры все-таки возможно (Отрощенко В.В., 1998, с.52).

Вторая культурная группа – **памятники покровского типа (ППТ)** или, как считают некоторые исследователи, **покровская культура**. В данной работе мы будем употреблять первый термин, но лишь в силу привычки, а не потому, что отказываем упомянутой группе памятников в статусе археологической культуры. Классические из ППТ сосредоточены на территории северной части Нижнего Поволжья (как на левобережье, так и на правобережье) примерно до широты Волгограда на юге, а также – в верховьях р.Медведица (Малов Н.М., 1986, рис.2; Мыськов Е.П., 1991, с.160). Вместе с тем некоторые авторы предлагали выделять ППТ и за пределами данного региона – в Приуралье (Малов Н.М., 1992, с.130; Кузьмина О.В., 1995), Среднем Поволжье (Халиков А.Х., 1989, с.68,69; Малов Н.М., 1992, с.130; Кузьмина О.В., 1995), на Среднем Дону (Халиков А.Х., 1989, с.74; Синюк А.Т., 1991; Малов Н.М., 1992, с.130), Нижнем Дону (Шарафутдинова Э.С., 1995), Северском Донце (Литвиненко Р.А., 1991) и даже в Приазовье (Самар В.А., 1998). Такое чрезмерное расширение покровского ареала в немалой степени вызвано несколькими причинами:

1. Критерии выделения ППТ расплывчаты. У разных авторов они зачастую разнятся. В итоге один и тот же комплекс может получать разную культурную интерпретацию. Например, известное захоронение со щитковыми псалями из Староюрьево А.Д.Пряхин и Ю.П.Матвеев отнесли к ДВАК (Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П.,

1988, с.123), а Н.М.Малов – к ППТ (Малов Н.М., 1992, с.130);

2. Для данного периода характерен «культурный космополитизм» (Бочкарев В.С., 1982, с.20). В этой ситуации не вполне ясно, что из проявлений погребальной обрядности и инвентаря является надкультурным, а что отражает специфику именно ППТ;

3. До сих пор никем не произведен исчерпывающий анализ керамики ППТ. А потому во многих случаях бывает затруднительно сказать, является ли данный сосуд принадлежащим к ППТ или, например, к ДВАК. Соответственно, и комплекс с этим сосудом может интерпретироваться по-разному.

В итоге исследователи, относя к ППТ тот или иной памятник, руководствуются порой чисто субъективными соображениями. Впрочем, то же нередко случается и при выделении памятников ДВАК.

Отметим, что в настоящее время наряду с подходом, признающим культурную самостоятельность ППТ, есть и другие точки зрения. Так, многие авторы включают ППТ в срубную культуру (Кочерженко О.В., Слонов В.Н., 1991, с.17; Юдин А.И. и др., 1996, с.132–134; Дремов И.И., 1997а, с.156; Пятых, 2000а, с.16,17). А В.В.Отрощенко выделил «покровскую срубную культуру». К ней он отнес, помимо собственно срубных памятников, и те, которые другие исследователи трактуют как ППТ, в частности – захоронения эпонимного могильника (Отрощенко В.В., 1994, с.152; 2002, с.15–17).

Итак, налицо два массива памятников. Ядро первого – на Среднем Дону, ядро второго – в северной части Нижнего Поволжья. Что касается лесостепной части Волго-Донского междуречья, то здесь провести границу между ареалами ДВАК и ППТ очень трудно. Например, сложно однозначно ответить на вопрос: к какому из двух массивов следует относить «абашевские» памятники бассейна р.Хопер (Хреков А.А., 1985). Но проблемы подобного рода неизбежно возникают во многих случаях, когда соседствуют две культуры. Такова, например, и ситуация на стыке территорий срубной и андроновской общностей. Н.Л.Членова показала, что наличие четких границ между культурами, как и сплошных культурных территорий, для эпохи бронзы вообще едва ли возможно (Членова Н.Л., 1981). Но в случае с ДВАК и ППТ куда более дискуссионными, чем вопрос о культурной атрибуции конкретных комплексов, являются два других вопроса:

Каково культурное соотношение двух массивов?

Каково их хронологическое соотношение?

Написано об этом немало. Интересно, что дискуссия о культурном соотношении ДВАК и ППТ развивалась в духе гегелевской триады: «тезис – антитезис – синтез». Как известно, в соответствии с этой формулой, рисующей диалектичность процесса познания, тезис – это некоторое исходное теоретическое положение. Антитезис – отрицание данного положения, выдвигание противоположной мысли. Синтез – отрицание антитезиса и выдвигание качественно нового утверждения, которое в чем-то возвращается к первоначальной идее, но в обновленном варианте. Происходит как бы «примирение» тезиса и антитезиса. При этом новое утверждение имеет принципиально новое содержание. Впрочем, в соответствии с диалектическим законом отрицания отрицания, синтез не есть истина в последней инстанции. А в археологии это не есть окончание дискуссии, ибо данное утверждение, в свою очередь, нередко отрицается новым. В случае с ППТ можно видеть, как взгляды на них часто менялись. У нас нет возможности подробно останавливаться на историографии. Да в этом, как нам кажется, и нет необходимости, учитывая наличие серии работ, где история изучения данной проблематики в той или иной степени находила освещение (Качалова Н.К., 1976, с.5,11; Малов Н.М., 1986; Мерперт Н.Я., Шилов В.П., 1989, с.31,32; Сагайдак В.И., 1989; Халиков А.Х., 1989, с.66; Беседин В.И., 1996; Отрощенко В.В., 2001, с.136–139 и др.). Поэтому, не вдаваясь в детали, остановимся лишь на наиболее важных вехах осмысления ППТ.

ТЕЗИС

Выкристаллизовался тезис не сразу. Предыстория его выдвигания такова. В 1920-е годы П.С.Рыков выделил на севере Нижнего Поволжья хвалыинскую культуру. В стадию С этой культуры попали погребения из курганов 7, 8, 12, 14, 15, 16 и 19 Покровского могильника (Рыков П.С., 1927, с.14,15, табл.IV), которые в дальнейшем рассматривались многими авторами в связи с абашевскими древностями. Взгляды П.С.Рыкова на хвалыинскую культуру и ее соотношение со срубной с течением времени менялись, но не изменялось представление о том, что в Нижнем Поволжье существуют памятники

поздней бронзы, синхронные срубным, но отличающиеся от них (Сагайдак В.И., 1989, с.33–39). В частности, П.С.Рыков отмечал присутствие в погребениях хвалынской культуры стадий С и Д керамики, которая не встречается в срубной культуре (Рыков П.С., 1927, с.82). Вместе с тем исследователь подчеркивал наличие в хвалыньских памятниках элементов соседних культур, в том числе «сейминской». Указывал автор и на сходство хвалынской культуры с памятниками Чувашии (Рыков П.С., 1936, с.44). Не исключено, что имелись в виду абашевские древности.

В послевоенное время надолго возобладала точка зрения, согласно которой все памятники поздней бронзы Нижнего Поволжья следует относить к срубной культуре. Такой, например, была позиция О.А.Кривцовой-Граковой. Погребения Покровского могильника рассматривались ею как наиболее выразительные для первого периода срубной культуры (Кривцова-Гракова О.А., 1955, с.9,18). Памятником срубной культуры Покровский могильник считали Н.Я.Мерперт (1962, с.18) и некоторые другие авторы. Вместе с тем исследователи стали отмечать наличие в памятниках Нижнего Поволжья, и прежде всего – в ряде погребений Покровского могильника, абашевских черт (Сальников К.В., 1957, с.132–135; Синицын И.В., 1959, с.193; Ефименко П.П., Третьяков П.Н., 1961, с.91,92; Мерперт Н.Я., 1961, с.155). При этом нарастала тенденция подчеркивать отличие нижеволжских памятников с абашевскими чертами от памятников срубной культуры. Поначалу исследователи трактовали интересующие нас комплексы как результат контактов срубных и абашевских племен (Ефименко П.П., Третьяков П.Н., 1961, с.91) или как следствие ассимиляции абашевцев, продвинувшихся в регион, занятый срубниками (Сальников К.В., 1957, с.134,135). Такая точка зрения существовала очень долго. Н.К.Качалова, проанализировав погребения Нижнего Поволжья с «абашевскими элементами», сделала вывод, что включать их в срубную культуру нет оснований. По мнению исследовательницы, эти памятники являются смешанными. Они возникли в ходе миграции абашевских племен из Приуралья на Средний Дон через Поволжье. Автор подчеркивал, что в истории срубников Нижней Волги это население «не сыграло никакой роли» (Качалова Н.К., 1976, с.12).

Но к моменту появления упомянутой работы уже существовала и другая точка зрения на ин-

тересующие нас памятники. Первым, насколько нам известно, ее сформулировал П.Д.Либеров. Он попытался рассмотреть некоторые комплексы из Поволжья как погребения абашевцев, продвинувшихся сюда из Волго-Окского междуречья. По мнению автора, данные памятники «не были поняты исследователями и определялись как памятники катакомбной или срубной культур». В качестве примера были названы некоторые погребения, исследованные К.Ф.Смирновым у с.Быково, которые автор раскопок относил к срубной культуре (Либеров П.Д., 1964, с.147–149). Вот так прозвучал тезис, согласно которому в Нижнем Поволжье следует выделять не просто смешанные памятники, но памятники абашевской культуры. В монографии П.Д.Либерова не фигурируют в качестве абашевских погребения Покровского могильника, но позже некоторые из них автор отнес и к абашевской культуре (Либеров П.Д., 1977, с.53). Как видим, исследователь в интерпретации нижеволжских захоронений с абашевскими чертами пошел дальше своих предшественников.

Проблема культурной атрибуции интересующих нас нижеволжских погребений долгое время разрабатывалась А.Д.Пряхиным. Сопоставив абашевские комплексы Среднего Подонья и погребения с абашевскими чертами Нижнего Поволжья, исследователь предложил их рассматривать в рамках единой культуры (Пряхин А.Д., 1971, с.196). Автор выделил самостоятельную ДВАК, в которую стал включать не только памятники Среднего Дона, но и многие комплексы Волго-Донского междуречья, а также Поволжья. Представления А.Д.Пряхина претерпевали изменения. Если сначала в поисках памятников ДВАК он основное внимание уделял смежным с Подоньем районам Правобережья Волги, а в Заволжье выделял лишь единичные позднеабашевские захоронения и большую серию синкретических памятников, отражающих «влияние на срубные древности абашевских традиций» (Пряхин А.Д., 1977, с.30–37), то позднее широкая полоса территории Заволжья оказалась включенной в ареал ДВАК (Пряхин А.Д., Халиков А.Х., 1987, карта 23). Синкретизм Покровского могильника стал трактоваться как следствие распространения на территорию абашевского населения срубников (Пряхин А.Д., Халиков А.Х., 1987, с.131). В еще более поздней работе говорится о присутствии в Покровском могильнике «пласта поздних доно-волжских абашевских захоронений» без

упоминания их синкретичности (Пряхин А.Д., 1995, с.9). К ДВАК (ее позднему этапу) были отнесены и погребения Нижнего Поволжья, где выявлены щитковые псалии (Пряхин А.Д., Беседин В.И., 1998, с.31). В итоге тезис принял окончательный вид: **памятники Нижнего Поволжья с абашевскими чертами должны рассматриваться в рамках ДВАК.**

АНТИТЕЗИС

В 1980–90-е годы ряд авторов обосновывал точку зрения, в соответствии с которой памятники Нижнего Поволжья с абашевскими чертами являются самостоятельной культурной группой, и их не следует смешивать с ДВАК. В частности, А.Х.Халиков счел возможным говорить о существовании своеобразного «покровско-абашевского, если не покровско-абашевско-синташтинского этапа» в развитии культур Поволжья и Приуралья (Халиков А.Х., 1989, с.66,67). Он подчеркнул, что отождествлять ППТ с абашевскими памятниками Подонья неправомерно (Халиков А.Х., 1989, с.73,74). Идея самостоятельности ППТ наиболее детально разрабатывалась в работах Н.М.Малова и О.В.Кузьминой. Первый из этих авторов рассматривал ППТ сначала как «гибридные памятники», возникшие вследствие «срубно-абашевского взаимодействия» (Малов Н.М., 1986, с.34). Позднее, обобщив данные о погребениях «покровского типа с абашевскими элементами» (Малов Н.М., 1989, с.82), исследователь отметил, что данные комплексы демонстрируют преобладание срубной погребальной традиции, а абашевские элементы представлены в них слабо. При этом не отрицалось некоторое воздействие абашевцев на срубную культуру, присутствие в «родоплеменной верхушке» срубного общества «выходцев из абашевской среды» (Малов Н.М., 1989, с.96). Затем исследователь выделил покровскую культуру, которая в пределах абашевских древностей должна, по его мнению, рассматриваться как самостоятельное явление, и скептически отнесся к попыткам включать ее в рамки как ДВАК, так и срубной культуры (Малов Н.М., 1991). Более того, Н.М.Малов начал расширять ареал покровской культуры и присоединять к ней многие памятники, которые другие авторы относили к ДВАК (Малов Н.М., 1992, с.130). Рассматривая происхождение покровской культуры, исследователь отметил, что решающую роль в этих процессах сыграли не абашевские, а позднеполтав-

кинские, позднекатакомбные и вольские племена (Малов Н.М., 1992, с.132). Идея о том, что к ППТ следует отнести и некоторые памятники Среднего Подонья что называется «носились в воздухе». Одновременно с Н.М.Маловым и А.Т.Синюк стал включать в ППТ «престижные погребения» Среднего Дона (Введенка, Кондрашовка, Богоявленское и проч.) (Синюк А.Т., 1991, с.47). А взгляды Н.М.Малова еще раз трансформировались: автор отнес памятники покровской культуры к срубной культурно-исторической области (Малов Н.М., 1994), и на том колебания его, похоже, прекратились.

Подход О.В.Кузьминой тоже не отличался постоянством. Она детально обосновала правомерность выделения самостоятельной покровской культуры, связав ее генезис с абашевскими памятниками Волго-Уралья, прежде всего – с баланбашскими (Кузьмина О.В., 1995, с.48–50). Но вместе с тем исследовательница одно время подчеркивала, что покровские памятники не считает срубными (Протоколы..., 1995, с.93). С таким взглядом мы можем согласиться, но не согласны с тем, что к покровской культуре О.В.Кузьмина отнесла ряд комплексов, которые более правомерно рассматривать в рамках срубной культуры (Житников В.Г., Цимиданов В.В., 1999, с.135,136). В дальнейшем, однако, О.В.Кузьмина назвала покровскую культуру раннесрубной (2000, с.97). Итак, суть антитезиса в том, что **ППТ следует рассматривать либо как самостоятельное культурное явление, либо как одну из линий развития срубной культуры, но – не включать в ДВАК.**

СИНТЕЗ

Антитезис не остался без ответа. Ряд авторов начал отстаивать гипотезу, согласно которой ППТ смешивать с ДВАК не следует, но можно генетически вывести из нее. Эта идея не возникла на пустом месте. Возможность участия абашевского компонента в сложении срубной культуры первым, насколько нам известно, допустил Н.Н.Чердниченко (1973, с.35). В дальнейшем и другие исследователи разрабатывали эту гипотезу (см., например: Пятых Г.Г., 1983а, с.83–89; Мерперт Н.Я. и др., 1985, с.19–21). При этом Г.Г.Пятых предположил, что «абашевцы» продвинулись в Поволжье из лесостепного Подонья и Волго-Донского междуречья (Пятых Г.Г., 1983а, с.83,86,87), а другие авторы еще долго избегали конкретизировать, носители какой аба-

шевской культуры были компонентом срубного культууроге́неза (Мерперт Н.Я. и др., 1985, с.19–21; Качалова Н.К., Васильев И.Б., 1989, с.216,217; Отрошенко В.В., 1990, с.111). Но даже и Г.Г.Пятых, пыгавшийся показать близость погребального обряда срубной культуры к обряду ДВАК (Пятых Г.Г., 1983а, с.86,89), отметил, что срубная культура Поволжья формировалась на местной подоснове (Пятых Г.Г., 1983а, с.87,89). Некоторые воронежские исследователи много внимания уделяли обоснованию идеи о перерастании ДВАК в срубную культуру, но сначала — лишь применительно к Среднему Подонью и Волго-Донскому междуречью. Срубные памятники Поволжья из ДВАК до поры до времени ими не выводились (Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., 1988, с.144; Матвеев Ю.П., 1991). В.В.Отрошенко поддержал «воронежскую» гипотезу, но внес в нее новый момент. Если воронежские авторы не писали о том, что появление ППТ в Заволжье — следствие миграции носителей уже сложившейся срубной культуры, то В.В.Отрошенко это сделал. Как отмечает автор, выделяемая им покровская срубная культура (ПСК), к которой, напомним, автор относит и погребения Покровского могильника, сформировалась в Доно-Волжском лесостепном междуречье на основе ДВАК, а потом ее ареал расширился на восток вплоть до нынешней Оренбургской области (Отрошенко В.В., 2002, с.15). При этом «военизированное население», двигавшееся с запада, пересекло Волгу в районе нынешних Саратова и Покровска (Отрошенко, 1997, с.72). Таким образом, по этой концепции, ПСК первого периода (то, что мы рассматриваем как ППТ) появляется в Поволжье уже в сложившемся виде и местных корней здесь не имеет. С точки зрения гегелевской триады это и есть синтез, поскольку в подходе В.В.Отрошенко наблюдается возврат к старой идее о продвижении донского населения в Нижнее Поволжье, но вместе с тем поволжские памятники с абашевскими чертами в рамках ДВАК уже не рассматриваются. Итак, новое положение (синтез) заключается в том, что **ППТ не являются частью ДВАК, но предстают как наследники ее.**

АНТИСИНТЕЗ

Отметим сразу, что термина «антисинтез» у Гегеля нет. Но в нашей ситуации введение данного термина вполне уместно.

В.В.Отрошенко констатировал, что гипотеза о перерастании ДВАК в срубную культуру «не

вызвала особой реакции специалистов». Исследователь объясняет это тем, что «нелегко отказаться от предшествующей гипотезы О.А.Кривцовой-Граковой о заволжском происхождении срубной культуры, которая 50 лет воспринималась в качестве аксиомы» (Отрошенко В.В., 2001, с.138). Как нам представляется, дело тут вовсе не в консерватизме авторов, слишком свыкшихся с гипотезой о поволжской прародине срубников, а в недостаточной обоснованности идеи о решающей роли ДВАК в генезисе срубной культуры. Какие же аргументы существуют в защиту данной гипотезы?

Один из аргументов заключается в том, что в Заволжье, как отмечает В.В.Отрошенко, поселений первого периода ПСК (т.е. ППТ) крайне мало, в отличие от Среднего Подонья и Доно-Волжского междуречья. Результаты подсчетов, пишет автор, «приводят нас к однозначному выводу, что распространение покровской срубной культуры происходило с запада на восток» (Отрошенко В.В., 1997, с.72). Предложенный исследователем метод прослеживания направления миграций достаточно интересен. Но его нельзя абсолютизировать. Даже если результаты подсчетов В.В.Отрошенко дают реальную картину (а не демонстрируют, например, неравномерность изученности разных регионов или сложности разграничения поселений ДВАК и ППТ в Подонье и Доно-Волжском междуречье), делать из них однозначный вывод о направлении миграций едва ли стоит. Это видно из следующей параллели (ее подсказал нам Ю.Б.Полидович). В Степном Поднепровье скифских памятников во много раз больше, чем в Донбассе и Северо-Восточном Приазовье. Но следует ли из этого делать вывод, что распространение скифов происходило с запада на восток? Конечно же, нет! Этот пример показывает, что в случае с ситуацией, которую рисует В.В.Отрошенко применительно к выделяемой им ПСК, неодинаковое количество памятников в разных регионах территории одной культуры может быть порождено самыми разнообразными причинами (различия в экологии, экономике, исторической ситуации и т.п.), и не обязательно оно отражает направление миграций. Таким образом, упомянутый аргумент исследователя не бесспорен.

Другой (основной) аргумент в пользу происхождения ПСК от ДВАК заключается в том, что материалы Среднего Дона показывают пе-

рерастание ДВАК в ПСК. Ни в одном другом регионе проследить процесс становления ПСК, отмечает В.В.Отрощенко, не удастся (Отрощенко В.В., 2001, с.139; 2002, с.14). Ярче же всего процесс перерастания демонстрируют, пишет автор, материалы Подклетненского могильника, Воронежская обл. (Отрощенко В.В., 2001, с.139). Воронежские исследователи выделяют три этапа в функционировании могильника:

а) ранний, для которого характерно погребение умерших вытянуто на спине, головой на юго-восток;

б) средний, когда при сохранении традиций предшествующего этапа происходит смена ориентации на северную и северо-восточную;

в) поздний, с преобладанием северной и северо-восточной ориентации погребений (Пряхин А.Д., Беседин В.И., 1996а, с.39–42; 1996б, с.7,8). На третьем этапе в погребениях появляются прототипы срубных остросереберных сосудов (Пряхин А.Д., Беседин В.И., 1996б, с.8). Поздний пласт захоронений могильника, по мнению А.Д.Пряхина, «... в известной степени... открывает пласт памятников покровского типа» (Пряхин А.Д., 1996, с.4).

В.В.Отрощенко, обращаясь к материалам Подклетненского могильника, пишет, что «изменения в погребальном ритуале (переход к северной ориентации) произошли раньше, чем модернизация керамического комплекса» (Отрощенко, 2001, с.140). Этот момент, действительно, очень интересен. Правда, не совсем понятно, почему данный факт «несомненно доказывает генезис ПСК от ДВАК» (Отрощенко В.В., 2001, с.140). Сравнивая обрядовые и стратиграфические группы Подклетненского могильника с погребениями Покровского могильника, В.В.Отрощенко отмечает, что соответствия последнему можно найти во втором и третьем стратиграфических горизонтах Подклетненского. Начало этого процесса на Волге не прослеживается (Отрощенко В.В., 2001, с.140). Это утверждение находится в некотором противоречии с тем, что автор пишет в другой главе той же работы. Там отмечается, что (и с этим, как нам кажется, стоит согласиться) первые три обрядовые группы, выделяемые исследователями Подклетненского могильника и представляющие ранний и средний этапы памятника, являются синхронными. Хронологически разграничивать их нет серьезных оснований (Отрощенко В.В., 2001, с.71). То есть

получается, что в могильнике – лишь два горизонта, и уже ранние погребения находят соответствие в Покровском могильнике. Но что тогда считать «началом процесса», который не прослеживается на Волге?

Проблема нижней даты ДВАК на Среднем Дону до сих пор остается дискуссионной (Литвиненко Р.А., 1996, с.15; Отрощенко В.В., 2001, с.72–74). Но даже если ранние памятники ДВАК, предшествующие времени щитковых псалиев, и существуют, из них невозможно вывести погребальный обряд ППТ. Его можно было бы вывести из обряда ДВАК эпохи так называемых «воинов-колесничих». Именно в этот период часть комплексов ДВАК демонстрирует ориентацию погребенных на север и скорченность их на левом боку в позе адорации. Такие погребения, считает Ю.П.Матвеев, предшествуют на Среднем Дону покровским (Матвеев Ю.П., 1996, с.10). Применительно к Среднему Дону это, похоже, действительно так, во всяком случае, – если опираться на материалы Подклетненского могильника, где комплексы ППТ появляются в позднем пласте (Матвеев Ю.П., 1994, с.41). Средний же пласт погребений могильника – время щитковых псалиев (Пряхин А.Д., 1996, с.4). Но следует ли из этого хронологический приоритет погребений ДВАК со скорченными костяками и северной ориентацией перед ППТ Нижней Волги? То, что на Среднем Дону ППТ следуют за ДВАК (далее мы перефразируем замечание Р.А.Литвиненко (1996, с.14), сделанное, правда, по другому поводу, но демонстрирующее очень важный в методическом плане момент, может свидетельствовать не столько о более позднем по сравнению с ДВАК возрасте ППТ, сколько о времени появления ППТ в Среднем Подонье.

Вопрос о хронологическом соотношении ППТ Нижнего Поволжья и ДВАК не прост. На этот счет существуют разные точки зрения. Не имея возможности остановиться на историографии проблемы, заострим внимание на некоторых ключевых ее аспектах. Выделив ПСК, В.В.Отрощенко назвал Покровский могильник эталонным памятником ее первого периода (Отрощенко, 2002, с.15). Тем самым могильник был отнесен ко времени более позднему, чем культуры переходного периода, к которым исследователь относит Синташту, ДВАК и некоторые другие (Отрощенко В.В., 2001, с.79). Однако на территории Нижнего Поволжья в

ареале ППТ обнаружена серия погребений со щитковыми псалиями. Их поволжские археологи относят к ППТ или срубной культуре. Это захоронения – 1/21 из Бородаевки II (Калмыцкая Гора) (Памятники..., 1993, табл.1, № 79), 1/2 Старицкого (Памятники..., 1993, табл.1, № 326), 1/1 Сторожевки (Кочерженко О.В., 1996), 3/2 Березовки (Дремов И.И., 1997а, с.147–149), 2/1 (Юдин А.И. и др., 1996, с.126), 4/1 (Матюхин А.Д., 1998) Большой Дмитриевки (Золотая Гора), 2/4 Краснополя (Синицын И.В., 1959, с.156,157) и некоторые другие комплексы. Картографирование находок псалий Восточной Европы, предпринятое А.Д.Пряхиным и В.И.Бесединым (1998, рис.1), очень наглядно продемонстрировало наличие двух компактных массивов. Один – на Среднем Дону, другой – в северной части Нижнего Поволжья. Первый из них имеет протяженность примерно 250 км по линии север–юг и около 220 – по линии запад–восток. Соответствующие параметры второго – около 130×120 км. Массивы разделяет пространство примерно в 220 км, где погребения с псалиями не выявлены, хотя погребальные комплексы этого же времени хорошо известны. Два отмеченных массива могут быть интерпретированы как два потестарных центра предсрубного времени с «нейтральной полосой» между ними, а вернее – территорией череполосного сосуществования выходцев из обоих центров. Дискретность распространения комплексов с псалиями – один из аргументов в пользу того, что погребения предсрубного времени Доно-Волжского региона не следует объединять в один культурный массив. В данной связи интересно и наблюдение авторов карты, что орнаментация псалий Нижней Волги имеет свои особенности по сравнению со среднедонскими находками (Пряхин А.Д., Беседин В.И., 1997, с.81). По времени оба массива погребений с псалиями следует признать синхронными, ибо на современном этапе изучения щитковых псалий до сих пор никому не удалось надежно доказать хронологический приоритет какого-то из их типов (впрочем, и выделение типов производится разными исследователями по-разному). Попытка построить типологический ряд, в котором щитковые псалии Нижнего Поволжья оказываются более поздними, чем среднедонские (Пряхин А.Д., Беседин В.И., 1997, рис.), не представляется нам удачной. Мы полагаем, более правы те авторы, которые пришли к мысли, что «основываться

на типологических признаках псалий как на хронологических индикаторах... пока нельзя» (Гончарова Ю.В., 1999, с.341).

Но здесь возникает вопрос: каково хронологическое соотношение нижеволжских погребений со щитковыми псалиями и погребений Покровского могильника? В последнем псалие не обнаружено, что затрудняет также и выяснение хронологической позиции комплексов данного могильника относительно разных этапов ДВАК. Ключ к ответу на этот вопрос, как нам представляется, дает погребение 3/2 из Березовки, Саратовской обл. (Дремов И.И., 1997а, с.147–149). Выявленный в комплексе псалий был, к сожалению, фрагментирован, но такие конструктивные особенности его, как круглая форма щитка и наличие 4 шипов, позволяют сопоставить березовскую находку со староюрьевскими псалиями. Сходство настолько велико, что говорить о более поздней дате погребения из Березовки, по сравнению с погребением из Староюрьево, не представляется возможным. Но комплекс из Березовки по многим признакам обнаруживает поразительное сходство с комплексом к.7 Покровского могильника (Памятники..., 1993, табл.1, № 153, 154):

1) оба кургана содержали по два погребения, причем одно из них выделялось и размерами погребального сооружения, и большим разнообразием, престижностью инвентаря. В частности, в к.7 Покровского могильника п.3 совершенно в яме размером 4,0×2,56 м, а п.2 – в яме размером 2,16×1,44 м. В к.3 из Березовки размеры ям погребений 2 и 1 – 4,1×2,5 м и 2,35×1,6 м соответственно. Очевидно, в обоих случаях мы имеем дело с парами «доминант–спутник»;

2) могильные ямы п.2 из Березовки и п.3 из Покровска по размерам почти идентичны. Одинакова ориентация умерших (север – северо-запад в обоих случаях);

3) во многом тождествен набор инвентаря в погребениях «доминантов». Оба захоронения содержали сосуды (причем – очень близкой формы), копь (близкого типа), деревянные чаши с металлическими накладками, костяные «пронижи» (правда, в Березовке они, в отличие от Покровска, орнаментированы), бронзовые шилья, бронзовые ножи без перекрестия (почти тождественной формы).

Эти поразительные совпадения достаточно однозначно свидетельствуют в пользу того, что погребения к.7 из Покровска относятся ко вре-

мени щитковых псалиев. В то же время, погребения курганов 3 из Березовки и 7 из Покровска соответствуют представлениям о классических погребениях ППТ. Для последних характерны прямоугольные ямы, положение умерших на левом боку, их слабая скорченность, ориентация головой в северный сектор. Кисти рук обычно поднесены к лицу. Часто костяки смещены к западной стенке ямы (Мыськов Е.П., 1991, с.157). Последнее мы видим в березовских погребениях. Что касается захоронений из к.7 Покровского могильника, то данных об этом у нас нет. Таким образом, в период существования на Среднем Дону погребений ДВАК со щитковыми псалиями покровский погребальный обряд мы обнаруживаем уже в устоявшемся виде. Словом, ППТ Нижнего Поволжья (точнее, раннюю их группу) следует синхронизировать не с поздним пластом захоронений Подклетненского могильника, а со средним (если верна трехэтапная периодизация данного памятника), ибо именно средний пласт соответствует времени захоронений со щитковыми псалиями.

В отличие от погребального обряда ППТ, обряд ДВАК более разнообразен. На это уже обращали внимание многие исследователи (Моисеев Н.Б., 1996б, с.52,53 и др.). С проблемой «смазанности» картины погребального обряда ДВАК в свое время столкнулся А.Д.Пряхин. Поэтому он предложил считать абашевскими погребения с положением умершего на спине, скорченные же относить к синкретическим абашевско-срубным (Пряхин А.Д., 1977, с.9). Позже, когда выяснилось, что срубная культура является более поздней по времени, чем ДВАК, появление в последних погребений со скорченными на боку умершими воронежские авторы стали объяснять как «саморазвитие на этапе перехода в новое качество, обусловленное глубинными изменениями в укладе и воззрениях» (Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., 1988, с.134) и как проявление «перерастания» абашевцев в срубников.

Погребальный обряд ДВАК демонстрирует в основном два варианта ингумаций:

- 1) положение умерших вытянуто на спине;
- 2) положение умерших скорченно на боку.

Если верна трехэтапная периодизация Подклетненского могильника, то можно допустить хронологический приоритет первого варианта. Впрочем, в большинстве погребений могильника костяки не сохранились (Пряхин А.Д.,

Беседин В.И., 1996а, с.35). Поэтому нет никакой уверенности в том, что для всех захоронений раннего этапа была характерна именно ингумация вытянуто на спине, а для всех погребений среднего – скорченно на боку. Но в любом случае в течение определенного временного интервала оба варианта позы погребенных сосуществовали. Об этом свидетельствуют прежде всего погребения со щитковыми псалиями. Для них характерно и положение умерших на спине: Введенка, 1/2 (Синюк А.Т., Килейников В.В., 1976, с.163–165), Власовка, 16/4 (Синюк А.Т., Погорелов В.И., 1993, с.14–19), Филатовка, п.1 (Синюк А.Т., Козмирчук И.А., 1995, с.46,47), и скорченно на боку: Софьино, 4/1 (Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., 1988, с.113–115), Кондрашкинский курган, п.1 (Пряхин А.Д. и др., 1989, с.4–6), Богоявленский, п.3 (Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., 1991, с.263–265), Пичаево, 1/1 (Моисеев Н.Б., Ефимов К.Ю., 1995). Еще в 6 случаях костяки в могилах отсутствовали (кенотафы?): Староюрьево, 2/1 (Пряхин А.Д., 1972, с.235), Селезни I, 1/2 (Моисеев Н.Б., 1996а), II, 1/1–4 (Пряхин А.Д., 2000, с.80–84). В данной связи интересны материалы Филатовского кургана. Здесь погребение ДВАК № 1 демонстрирует положение умершего вытянуто на спине (Синюк А.Т., Козмирчук И.А., 1995, с.46,47). Погребение 4 со скорченным на боку положением умершего (Синюк А.Т., Козмирчук И.А., 1995, с.48) стратиграфически является более поздним (Синюк А.Т., Козмирчук И.А., 1995, с.41). Однако в обоих комплексах были аналогичные типы костяных пряжек и «лопаточек», что позволяет допускать хронологическое единство погребений (Синюк А.Т., Козмирчук И.А., 1995, с.48). Показательны и материалы кургана, исследованного у с.Богоявленское. Здесь было два синхронных погребения ДВАК, причем в одном умерший лежал скорченно на боку, а в другом – на спине со слегка согнутыми ногами (Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., 1991, с.262–264). Итак, различие поз умерших в захоронениях ДВАК со щитковыми псалиями свидетельствует о том, что в этот период погребальный обряд культуры не был унифицированным. Не унифицирован он и по другим показателям (ориентировка могильных ям, погребенных) (табл.1). А вот погребения ППТ с псалиями демонстрируют несколько большее обрядовое единство (табл.1). Правда, ориентировка умерших и могильных ям «гуляет» и здесь. Но широтная или близкая к ней не зафиксированы

Таблица 1. Погребения со щитковыми псалями ДВАК и ППТ (некоторые обрядовые проявления)

Комплексы	Обрядовые проявления			
	Число погребенных в могиле	Ориентация могильной ямы	Ориентация погребенных	Поза погребенных
Погребения ДВАК				
Богоявленский, п.3	1	СВ-ЮЗ	СВ	Скорчен на левом боку
Введенка, 1/2	2	ВСВ-ЗЮЗ	ВСВ ВСВ	Вытянут на спине Вытянут на спине
Власовка, 16/4	1	В-З	В	Вытянут на спине
Кондрашкинский, п.1	1	СВ-ЮЗ	СВ	Скорчен на левом боку
Пичаево, 1/1	1	ССВ-ЮЮЗ	ССВ	Скорчен на левом боку
Селезни I, 1/2	Кенотаф (?)	С-Ю	-	-
Селезни II, 1/1	Кенотаф (?)	В-З	-	-
Селезни II, 1/2	Кенотаф (?)	ВЮВ-ЗСЗ	-	-
Селезни II, 1/3	Кенотаф (?)	В-З	-	-
Селезни II, 1/4	Кенотаф (?)	В-З	-	-
Софьино, 4/1	1	СВ-ЮЗ	СВ	Скорчен на левом боку
Староюрьево, 2/1	Кенотаф (?)	?	-	-
Филатовка, п.1	4	ССВ-ЮЮЗ	С ССВ ЮЮЗ ЮЮЗ	Вытянут на спине Вытянут на спине Вытянут на спине Вытянут на спине
Филатовка, п.3	2	В-З	? ?	? ?
Погребения ППТ				
Березовка, 3/2	1	ССЗ-ЮЮВ	ССЗ	Скорчен на левом боку
Большая Дмитриевка, 4/1	1	СВ-ЮЗ	СВ	Скорчен на левом боку
Бородаевка II, 1/21	1	СВ-ЮЗ	СВ	Скорчен на левом боку
Краснополье, 2/4	1	ССВ-ЮЮЗ	ССВ	Скорчен на левом боку
Старицкое, 1/2	1	Круглая яма	-	Сидячее положение
Сторожевка, 1/1	1	СВ-ЮЗ	ЮЗ	Скорчен на левом боку

ни разу. Не встречено и положение погребенных на спине. В ДВАК, напротив, эти проявления обрядности представлены достаточно хорошо. И если мы допустим, что появление ППТ в Нижнем Поволжье – следствие миграции носителей ДВАК в период щитковых псалий, то станет совершенно непонятно, почему в ППТ два упомянутых обрядовых проявления не получили распространения. Кроме того, классический погребальный обряд нижневолжских ППТ неправомерно выводить из ДВАК уже потому, что древнейшие покровские погребения со скорченными на боку костяками, ориентированными в северный сектор, по времени не являются более поздними, чем погребения ДВАК с соответствующими чертами. Но тогда на каком основании можно допускать решающую роль ДВАК в генезисе ППТ?

Определенное сходство между ППТ Нижней Волги и ДВАК, побуждающее некоторых авто-

ров выводить первую культуру из второй, прослеживается на проявлениях погребального обряда, которые являются общими не только для данных культур, но и для других переходного периода. Это прежде всего – скорченность на боку в позе адорации. Ю.П.Матвеев склонен считать, что эта черта погребального обряда ППТ – наследие ДВАК (Матвеев Ю.П., 1996, с.10). Но укладывание умершего в такой позе демонстрируют и многие погребения Синташты, Поталовки, поздней КМК. Независимо от того, искать ли истоки этого обычая в культурах катакомбного мира (Пятых Г.Г., 1983б, с.114,115), или в Синташты (Цимиданов В.В., 1992, с.8), стоит отметить, что в переходный период данный обрядовый элемент не является культурным индикатором. К таковым не могут быть причислены и многие категории погребального инвентаря: псалии, булавы, кремневые стрелы, бронзовые

копья, ножи и т.д. Все это, по удачному выражению В.В.Отрощенко, – фон, на котором проявлялось своеобразие конкретных культур (Отрощенко В.В., 1998, с.53). Столь же мало оснований возводить к ДВАК, как это делает Ю.П.Матвеев, крупные могильные ямы, мощные деревянные перекрытия, размещение на них тризн и инвентаря (Матвеев Ю.П., 1996, с.10). Эти признаки в самой ДВАК демонстрируют погребения времени щитковых псалиев, но данные признаки мы найдем и в ранних ППТ, Синташте, Потаповке. Снова перед нами надкультурное явление.

Что касается керамики, то сопоставление сосудов ДВАК и ППТ до сих пор еще не было объектом специального исследования. Однако на существенные различия керамики ППТ и ДВАК уже указывали некоторые авторы (Отрощенко В.В., 1998, с.53). Отмечалось и то, что характерные особенности сосудов ППТ (колоколовидность, примесь раковины, грубые расчесы, ребро на внутренней стороне венчика) находят параллели не только в абашевской керамике. Аналогичная посуда присутствует в синташтинской и петровской культурах (Юдин А.И. и др., 1996, с.132). Она может иметь и катакомбные прототипы (Рогудеев В.В., 1998). Еще один возможный исток «абашевских элементов» керамики ППТ – традиции населения, оставившего памятники вольско-лбищевского типа. Керамика этих памятников содержит примесь раковины, а некоторые сосуды покрыты упорядоченной штриховкой, имеют желобки и ребро на внутренней стороне венчика (Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., 2000, с.66,69). Из отмеченного следует, что определенное сходство керамики ДВАК и ППТ не может быть бесспорным аргументом в пользу генетической преемственности между культурами.

Уникальность ППТ, в отличие от ДВАК, Потаповки и Синташты, заключается в том, что они существовали на протяжении двух совершенно разных периодов, которые, как показал В.С.Бочкарев, символизируются Турбинским и Сейминским могильниками. Срубная культура относится ко второму из данных периодов, а первый представлен «абашевской и петровской» культурами (Бочкарев В.С., 1986, с.109). По современной терминологии, это – абашевские культуры (в том числе – ДВАК), Синташта, Потаповка. Щитковые псалии, выявленные в некоторых погребениях ППТ, позволяют часть комплексов данной культуры также относить к досейминскому времени. Для этого есть и другие

основания. Так, к ППТ относится погребение 11/2 могильника Барановка I в Волгоградской обл., где обнаружен бронзовый топор (Сергацков И.В., 1992, рис.2,4). Этот топор по своим параметрам близок к топорам Турбинского могильника (разряд Т-2: Черных Е.Н., Кузьминых С.В., 1989, с.125,128) и отличен от топоров Сеймы и срубной культуры (разряд Т-4: Черных Е.Н., Кузьминых С.В., 1989, с.128). В погребении к.7 из Кочетного Саратовской обл. обнаружен серп, типологически близкий серпам-стругам петровской и абашевской культур (Юдин А.И., 1992, с.57). В захоронении 2/1 из Сторожевки Саратовской обл. найдены «бородавчатые» бусы (Кочерженко О.В., 1996, рис.1,10,11), находящиеся аналогии в Синташте (Генинг В.Ф. и др., 1992, рис.82,1;88,1 и др.). Таковы лишь некоторые аргументы в пользу того, что ППТ возникают как вполне сложившаяся культура с устоявшимся погребальным обрядом уже в турбинское время. Но эта культура продолжает существовать в сейминское время. Ряд авторов уже приводил аргументы в пользу того, что ППТ могут синхронизироваться и со сложившейся срубной культурой (Кочерженко О.В., Слонов В.Н., 1991; Мыськов Е.П., 1991, с.161,162; Юдин А.И., 1996, с.46–48; Изотова М.А., 1999; Отрощенко В.В., 2001, с.125–127 и др.). То есть ППТ своим ранним этапом принадлежат досрубному времени, а поздним – уже срубному. По этой причине термин «покровская срубная культура», предложенный В.В.Отрощенко и уже успевший получить поддержку у некоторых исследователей (Пряхин А.Д., 1996, с.5; Бровендер Ю.М., 2000, с.5; Братченко С.Н., Гершкович Я.П., 2003, с.274 и др.), не кажется нам корректным, ибо, используя его, мы тем самым удрежняем время возникновения срубной культуры и относим ее начальный этап к переходному периоду. А это противоречит утверждению самого В.В.Отрощенко, согласно которому срубная культура относится уже к эпохе поздней бронзы (Отрощенко В.В., 2001, с.113).

О роли ДВАК в процессах сложения срубной культуры пишет и Г.Г.Пятых. Однако его концепция, в отличие от концепции В.В.Отрощенко, не предполагает, что из Подонья на Волгу мигрировали носители сложившейся срубной культуры. По мнению Г.Г.Пятых, формирование срубной культурной области произошло «на основе абашевской, воронежской и катакомбных культур, в том числе и катакомбных образований Заволжья» (Пятых Г.Г., 2000б, с.43). Оно было следствием «одного из древнейших

Великих переселений народов». Во главе мигрирующих стояли носители донских культур (Пятых Г.Г., 2000а, с.22). Данные миграции происходили с запада на восток. Это, по мнению автора, «очевидно благодаря ярко выраженному присутствию как в раннесрубных, так и в раннеалакульских памятниках абашевских и катакомбных элементов» (Пятых Г.Г., 2000а, с.19). Кое в чем с исследователем стоит согласиться. Действительно, археологические материалы фиксируют продвижение в Нижнее Поволжье с запада носителей катакомбных культур (Филипченко В.В., 1994; Юдин А.И. и др., 1996, с.127,128; Дремов И.И., 1997, с.57,58). Интересно, что памятников какой-либо другой культуры, которая непосредственно предшествовала бы ППТ, «вклиниваясь» между ними и катакомбным массивом, в Нижневожском Левобережье до сих пор выделить не удалось. Поэтому, на наш взгляд, правы исследователи, которые, как и Г.Г.Пятых, в качестве одного из компонентов сложения ППТ и срубной культуры Нижнего Поволжья называют позднекатакомбный (Малов Н.М., 1992, с.132; Филипченко В.В., 1994; Дремов И.И., 1996; Юдин А.И. и др., 1996, с.130,131). Очевидно, в Нижнем Поволжье катакомбники существовали более длительное время, чем на территориях к западу от Волги. В частности, на Среднем Дону доживания катакомбной культуры до начала эпохи щитковых псалиев не наблюдается. Материалы к.1 у пос.Хохольский и к.3 Павловского могильника фиксируют следование за погребениями среднедонской катакомбной культуры захоронений воронежской культуры (Пряхин А.Д., Беседин В.И., 1988, с.93). Вместе с тем, в Филатовском кургане воронежское погребение является стратиграфически более ранним, чем комплексы с псалиями (Синюк А.Т., Козмирчук И.А., 1995, с.41). Отсюда видно, что производить совместные походы на восток т.н. «воины-колесничие» ДВАК и катакомбники не могли, ибо жили в разное время. Но допустим, что наиболее ранние памятники ДВАК Среднего Дона все-таки синхронны катакомбной культуре (Пряхин А.Д., Беседин В.И., 1996а, с.49), что, впрочем, вызывает резонные возражения (Литвиненко Р.А., 1996, с.15). Тогда, однако, мы столкнемся с двумя существенными моментами. Во-первых, для погребального обряда ранних захоронений ДВАК Среднего Дона характерны, как отмечалось выше, юго-восточная ориентировка погребенных и положение их на спине. На Нижней

Волге таких погребений нет. Следовательно, даже если население ранней ДВАК и участвовало в катакомбных миграциях на восток, оно никак не повлияло на погребальную обрядность заволжских племен. Во-вторых, судя по материалам Подклетненского могильника, в период ранних погребений ДВАК данное общество не было милитаризированным. Оружие в погребениях отсутствует (Пряхин А.Д., Беседин В.И., 1996а, рис.3). Поэтому трактовать раннее общество ДВАК как «продвинувшееся по пути военной демократии, приспособленное к экспансии и заинтересованное в ней» (Пятых Г.Г., 2001а, с.20) не стоит. Такая характеристика, возможно, верна применительно к ДВАК времени щитковых псалиев, когда на Среднем Дону распространились воинские погребения, но тогда этому населению на востоке уже могли противостоять потаповцы и ранние покровцы. Обилие вооружения, псалиев и изделий из металла в захоронениях потаповского типа (Кузнецов П.Ф., Семенова А.П., 2000, с.125) фиксирует высокий экономический и военный потенциал потаповского населения. Не менее выразительны в данной связи находки из погребений покровского типа (Малов Н.М., 1989, с.90,91). Показательным является и такой факт. Из ППТ происходят 6 бронзовых копий (Малов Н.М., 1999, с.241). Что касается ДВАК, то здесь копьё найдено в п.1 Кондрашкинского кургана. Не исключено, что к ДВАК относится и копьё из к.5 у с.Мазурки (Чередниченко М.М., 1977, с.11). Правда, курган был разрушен, и наше допущение невозможно проверить. Но в любом случае копий из погребений покровского типа значительно больше, чем из комплексов ДВАК. А это косвенно свидетельствует о более высоком военном потенциале покровского населения. Масштабы его военной мощи видны и из того, что с активностью покровцев связана гибель Ливенцовской крепости (Шарафутдинова Э.С., 1995, с.104). Таким образом, «Великое переселение народов начала поздней бронзы» (Пятых Г.Г., 2000а, с.9) вряд ли могло происходить с запада на восток.

По мнению Г.Г.Пятых, одним из аргументов в пользу участия катакомбников и абашевцев в срубном культуругенезе является наличие в катакомбных и абашевских материалах прототипов как форм, так и орнаментации срубной керамики. При этом автор ссылается на результаты проведенного им анализа сосудов из раннесрубных памятников (Пятых Г.Г., 1990, с.114, 115). Правда, он не уточняет, какие именно катакомб-

ные и какие именно абашевские культуры демонстрируют искомые прототипы. А этот момент, во всяком случае – применительно к абашевским древностям, очень важен. Если прототипы имеются только в ДВАК, это – одно, а если их дают средневолжские или уральские абашевские памятники, – совсем другое. В последнем случае абашевские элементы в срубной керамике вовсе не свидетельствуют в пользу миграции именно из Подонья. К сожалению, автор так и не опубликовал результаты своего интересного анализа. А между тем в последние годы появились и другие исследования подобного рода. В частности, по мнению О.Д.Мочалова, срубные керамические формы и орнамент могут быть выведены из керамики памятников потаповского типа (Мочалов О.Д., 1997). Таким образом, на современном этапе изученности проблемы ни катакомбные, ни абашевские черты в срубной и покровской керамике не являются аргументом при реконструкции направлений миграций.

Признавая роль катакомбной подосновы в сложении ППТ, отметим, что продвижение катакомбников в Поволжье происходило задолго до того, как сложилась срубная общность. Между катакомбными памятниками Поволжья и памятниками срубной культурно-исторической общности лежит пласт культур эпохи щитковых псалиев. В силу этого считать, что именно катакомбные миграции привели к сложению срубной общности, сыграв роль консолидирующего и нивелирующего фактора, не стоит. Более приемлемой мы считаем точку зрения В.В.Рогудеева. Этот автор также уделяет много внимания поиску катакомбного наследия в срубной культуре. Однако он признает, что передача этого «наследия» срубникам происходила не непосредственно от катакомбникам, а через памятники, «переходные от катакомбной общности к срубной», а именно – ППТ, КМК и др. (Рогудеев В.В., 2000, с.89).

Подведем итог. Гипотеза о происхождении ППТ от ДВАК, несомненно, имеет право на существование. Но пока она не подкреплена весомыми аргументами. Вместе с тем остается про-

блема присутствия в ППТ керамики с «абашевскими» чертами. Является ли это присутствие следствием влияния на поволжское население уральских абашевцев (Качалова Н.К., 1976, с.12), или «северных племен» (Кочерженко О.В., Слонов В.Н., 1991), или донских абашевцев? А может быть данная керамика – результат влияния Синташты, где абашевские элементы представлены уже в «переработанном» виде, или она – проявление катакомбного наследия, или эта керамика восходит к керамическим традициям памятников вольско-лбищевского типа? Ответа на вопросы все еще нет. Но ведь только керамика и позволяет говорить о роли «абашевцев» в покровском культурогенезе. Кто были эти «абашевцы», все еще неясно. Во всяком случае, как мы намеревались показать, найти их к западу от Поволжья едва ли удастся. Нуждается в дальнейшей разработке и еще одна проблема – происхождение ППТ Среднего Дона. Некоторые исследователи выводят их из ДВАК. Возможно, следование памятников ППТ за памятниками ДВАК в Среднем Подонье действительно демонстрирует перерастание одной культуры в другую. Но отметим, что с тезисом о перерастании не очень согласуются материалы Подклетненского могильника. Погребения IV группы, которые, по А.Д.Пряхину и В.И.Беседину, «фиксируя поздний этап абашевских древностей, в своей основе открывают уже пласт памятников срубной культурно-исторической общности» (Пряхин А.Д., Беседин В.И., 1996а, с.50), сильно отличаются от предшествующих во времени захоронений и по обряду, и по керамике (Пряхин А.Д., Беседин В.И., 1996а, табл. на с.40, рис.3–7). Кроме того, ППТ на Нижней Волги сложились раньше, чем на Среднем Дону, и поэтому нельзя исключать того, что в Среднем Подонье они появились в результате миграции населения с Волги, оборвавшей развитие ДВАК. Как мы полагаем, следует тщательно сопоставить керамику ППТ Среднего Дона с керамикой ДВАК и, с другой стороны, с керамикой ППТ Нижней Волги. Лишь после такого сопоставления проблема происхождения ППТ Среднего Подонья, возможно, прояснится.

Литература

Беседин В.И., 1996. Историографический комментарий к покровской проблеме // Доно-донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы Восточноевропейской степи и лесостепи. Вып.2. Воронеж.

Бочкарев В.С., 1982. Развитие общества и прогресс вооружения (по материалам поры поздней бронзы юга Восточной Европы) // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван.

Бочкарев В.С., 1986. К вопросу о хронологическом соотношении Сейминского и Турбинского могильников // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск.

Братченко С.Н., Гершкович Я.П., 2003. Бахмутовская курганная группа // Материалы и исследования по археологии Восточной Украины. № 1. Луганск.

Бровендер Ю.М., 2000. Поселення зрубної спільності в середній течії Сіверського Дінця. Автореф. дис... канд. іст. наук. Київ.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., 2000. Памятники вольско-лбищевского типа // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В., 1992. Синташта. Т.1. Челябинск.

Гончарова Ю.В., 1999. Некоторые аспекты интерпретации погребений с дисковидными псалиями в степной и лесостепной зонах Евразии // *Stratum plus*. № 2.

Дремов И.И., 1996. О хронологической неразрывности погребений катакомбной и срубной культур в Степном Поволжье // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век). Ч.1. Донецк.

Дремов И.И., 1997а. Материалы из курганов у с.Березовка Энгельсовского района и некоторые вопросы социокультурных реконструкций эпохи поздней бронзы // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Вып.2. Саратов.

Дремов И.И., 1997б. Смена и преемственность культурных традиций на рубеже средней и поздней бронзы в степном Поволжье // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Ч.2. Саратов.

Ефименко П.П., Третьяков П.Н., 1961. Абашевская культура в Поволжье // МИА. № 97.

Житников В.Г., Циміданов В.В., 1999. Поховання зрубної спільності з булавами // Археологія. № 1.

Изотова М.А., 1999. Этносоциальные аспекты проблемы соотношения покровских и срубных древностей юга лесостепной и севера степной зон // Матеріали міжнародної археологічної конференції «Етнічна історія та культура населення степу та лісостепу Євразії (від кам'яного віку по ранне середньовіччя)». Дніпропетровськ.

Качалова Н.К., 1976. Абашевские элементы в срубной культуре Нижнего Поволжья // АС-ГЭ. № 17.

Качалова Н.К., Васильев И.Б., 1989. О некоторых проблемах эпохи бронзы Поволжья // СА. № 2.

Кочерженко О.В., 1996. Курган эпохи поздней бронзы у пос.Сторожевка // Охрана и исследование памятников археологии в Саратовской области в 1995 году. Саратов.

Кочерженко О.В., Слонов В.Н., 1991. О соотношении покровских и раннесрубных памятников Нижневолжского Правобережья (по материалам курганных могильников) // Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы Волго-Уралья. Саратов.

Кривцова-Гракова О.А., 1955. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА. № 46.

Кузнецов П.Ф., Семенова А.П., 2000. Памятники потаповского типа // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара.

Кузьмина О.В., 1995. Соотношение абашевской и покровской культур // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолит-бронзы Средней и Восточной Европы. Ч.II. СПб.

Кузьмина О.В., 2000. Абашевская культура в Самарском Поволжье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара.

Либеров П.Д., 1964. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М.

Либеров П.Д., 1977. О хронологии абашевской культуры // СА. № 2.

Литвиненко Р.А., 1991. Памятники покровского типа в бассейне Северского Донца // Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы Волго-Уралья. Саратов.

Литвиненко Р.А., 1996. Некоторые замечания по поводу хронологии Доно-волжской абашевской культуры // Абашевская культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы степи и лесостепи. Тамбов.

Малов Н.М., 1986. Историография вопроса о срубно-абашевском взаимодействии в Нижнем Поволжье // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов.

Малов Н.М., 1989. Погребальные памятники покровского типа в Нижнем Поволжье // Археология восточноевропейской степи. Саратов.

Малов Н.М., 1991. О выделении покровской культуры // Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы Волго-Уралья. Саратов.

Малов Н.М., 1992. Погребения покровского типа степной и лесостепной Евразии // Теория

и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны. Липецк.

Малов Н.М., 1994. Культурные типы памятников срубной культурно-исторической области (концептуальные основы) // Срубная культурно-историческая область. Саратов.

Малов Н.М., 1999. Копья – знаки архаических лидеров покровской археологической культуры // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н.э. Челябинск–Аркаим.

Матвеев Ю.П., 1991. Поздний этап доно-волжской абашевской культуры и генезис срубной культуры в Доно-Волжском междуречье // Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы Волго-Уралья. Саратов.

Матвеев Ю.П., 1994. Покровский горизонт в системе абашевских и срубных древностей Доно-Волжского междуречья // Срубная культурно-историческая область. Саратов.

Матвеев Ю.П., 1996. Доно-волжская абашевская культура и сложение срубной общности // Абашевская культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы степи и лесостепи. Тамбов.

Матюхин А.Д., 1998. Погребение с псалиями из Саратовского правобережья // Древности Волго-Донских степей. Вып.6. Волгоград.

Мерперт Н.Я., 1961. Абашевская культура Северной Чувашии // МИА. № 97.

Мерперт Н.Я., 1962. Срубная культура Южной Чувашии // МИА. № 111.

Мерперт Н.Я., Качалова Н.К., Васильев И.Б., 1985. О формировании срубных племен Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев.

Мерперт Н.Я., Шилов В.П., 1989. Бронзовый век Поволжья: исследования П.С.Рыкова и современное состояние проблемы // Археология восточноевропейской степи. Саратов.

Моисеев Н.Б., 1996а. Новые находки дисковидных псалий в бассейне р.Челновой // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век). Ч.1. Донецк.

Моисеев Н.Б., 1996б. Раскопки курганов эпохи бронзы на территории Тамбовской области // Абашевская культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы степи и лесостепи. Тамбов.

Моисеев Н.Б., Ефимов К.Ю., 1995. Пичаевский курган // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). Самара.

Мочалов О.Д., 1997. Потаповская керамика и проблема формирования срубной культуры Волго-Уральской лесостепи // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Саратов.

Мыськов Е.П., 1991. К проблеме периодизации памятников срубной культуры Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья // РА. № 4.

Отрощенко В.В., 1990. О возможности участия полтавкинских и катакомбных племен в сложении срубной культуры // СА. № 1.

Отрощенко В.В., 1994. О двух линиях развития культур племен срубной общности // Тезисы докладов международной конференции «Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья». Т.II. Запорожье.

Отрощенко В.В., 1997. К вопросу о покровской срубной культуре // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Саратов.

Отрощенко В.В., 1998. К вопросу о Доно-Волжской абашевской культуре // Доно-Волжский регион в эпоху средней и поздней бронзы. Вып.II. Воронеж.

Отрощенко В.В., 2001. Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення). Київ.

Отрощенко В.В., 2002. Історія племен зрубної спільності Автореф. дис... докт. іст. наук. Київ.

Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье, 1993 // САИ. Вып.В1-10. Саратов.

Протоколы заседаний конференции «Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита–бронзы Средней и Восточной Европы», 1995 // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита–бронзы Средней и Восточной Европы. Ч.II. СПб.

Пряхин А.Д., 1971. Абашевская культура в Подонье. Воронеж.

Пряхин А.Д., 1972. Курганы поздней бронзы у с.Староюрьево // СА. № 3.

Пряхин А.Д., 1977. Погребальные абашевские памятники. Воронеж.

Пряхин А.Д., 1995. Доно-донецкая степь и лесостепь в эпоху бронзы // Эпоха бронзы доно-донецкого региона. Луганск.

Пряхин А.Д., 1996. Некоторые проблемы изучения абашевской культурно-исторической общности на современном этапе // Абашевская

культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы степи и лесостепи. Тамбов.

Пряхин А.Д., 2000. К оценке престижных захоронений Волго-Донской абашевской культуры кургана Селезни-2 // Археология, этнография и антропология Евразии. № 1.

Пряхин А.Д., Беседин В.И., 1988. Воронежская культура средней бронзы // Археологические памятники Поднепровья в системе древностей Восточной Европы. Днепр-петровск.

Пряхин А.Д., Беседин В.И., 1996а. К оценке абашевских погребений Подклетненского могильника // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып.5. Рязань.

Пряхин А.Д., Беседин В.И., 1996б. Подклетненский могильник в системе древностей абашевской общности // Доно-донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы Восточно-европейской степи и лесостепи. Воронеж.

Пряхин А.Д., Беседин В.И., 1997. Хронологическая и культурная интерпретация дисковидных псалиев с шипами из Нижнего Поволжья // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Саратов.

Пряхин А.Д., Беседин В.И., 1998. Конская узда периода средней бронзы в восточно-европейской лесостепи и степи // РА. № 3.

Пряхин А.Д., Беседин В.И., Левых Г.А., Матвеев Ю.П., 1989. Кондрашкинский курган. Воронеж.

Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., 1988. Курганы эпохи бронзы Побитюжья. Воронеж.

Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., 1991. Курган у с.Богоявленское // СА. № 1.

Пряхин А.Д., Халиков А.Х., 1987. Абашевская культура // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.

Пятых Г.Г., 1983а. К проблеме сложения срубной культуры в Поволжье // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев.

Пятых Г.Г., 1983б. Общие компоненты сложения алакульской культуры и срубной культуры Поволжья // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.

Пятых Г.Г., 1990. К дискуссии по происхождению срубной культуры // СА. № 1.

Пятых Г.Г., 2000а. К проблеме основ, механизмов и факторов сложения срубной культуры // РА. № 4.

Пятых Г.Г., 2000б. Проблема формирования срубной культурно-исторической области // Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы Евразийской степи и лесостепи. Воронеж.

Рогудеев В.В., 1998. К вопросу об «абашоидных» комплексах Нижнего Дона // Проблемы археологии юго-восточной Европы. Ростов-на-Дону.

Рогудеев В.В., 2000. Элитарные погребения катакомбной культуры и проблема катакомбного наследия в срубной культуре // Археологические записки. Вып.1. Ростов-на-Дону.

Рыков П.С., 1927. К вопросу о культурах бронзовой эпохи в Нижнем Поволжье // Известия Нижне-Волжского института краеведения. Т.2. Саратов.

Рыков П.С., 1936. Очерки по истории Нижнего Поволжья (по археологическим материалам). Саратов.

Сагайдак В.И., 1989. Хвалынская культура в исследованиях П.С.Рыкова // Археология восточноевропейской степи. Саратов.

Сальников К.В., 1957. Очерки древней истории Южного Урала. М.

Самар В.А., 1998. Верхняя хронологическая граница КМК и покровская культура Северного Приазовья // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК). Запорожье.

Сергацков И.В., 1992. Погребения эпохи бронзы I Барановского могильника // Древности Волго-Донских степей. Волгоград.

Синицын И.В., 1959. Археологические исследования Заволжского отряда // МИА. № 60.

Синюк А.Т., 1991. О соотношении памятников покровского типа и доно-волжской абашевской культуры // Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы Волго-Уралья. Саратов.

Синюк А.Т., Килейников В.В., 1976. Курган у села Введенки на Дону // СА. № 1.

Синюк А.Т., Козмирчук И.А., 1995. Некоторые аспекты изучения абашевской культуры в бассейне Дона // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). Самара.

Синюк А.Т., Погорелов В.И., 1993. Курган № 16 Власовского могильника // Погребальные памятники эпохи бронзы лесостепной Евразии. Уфа.

Филипченко В.В., 1994. Погребения финала эпохи средней бронзы северных районов Ниж-

неволжского Правобережья // Срубная культурно-историческая область. Саратов.

Халиков А.Х., 1989. Поволжье в покровское время // Археология восточноевропейской степи. Саратов.

Хреков А.А., 1985. Абашевские памятники в бассейне р.Хопра // Археологические памятники на Европейской территории СССР. Воронеж, 1985.

Цимиданов В.В., 1992. Две группы погребений середины II тыс. до н.э. в Волго-Донском регионе // Материалы археологического семинара. Вып.1. Донецк.

Чередниченко М.М., 1972. Питание хронологии абашевской культуры Среднего Дона // Археология. № 6.

Чередниченко Н.Н., 1973. История срубных племен Подонья (XV–IX вв. до н.э.). Автореф. дис... канд. ист. наук. Киев.

Чередниченко М.М., 1977. Хронология срубной культуры Північного Причорномор'я // Археология. № 22.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В., 1989. Древняя металлургия Северной Евразии. М.

Членова Н.Л., 1981. Распространение и пути связей древних культур Восточной Европы, Казахстана, Сибири и Средней Азии в эпоху поздней бронзы // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. М.

Шарафутдинова Э.С., 1995. Начальный этап эпохи поздней бронзы в Нижнем Подонье и на Северском Донце // Донские древности. Вып.4. Азов.

Юдин А.И., 1992. Срубные кенотафы у с.Кочетного // Древности Волго-Донских степей. Вып.2. Волгоград.

Юдин А.И., 1996. О типах памятников срубной культуры Нижнего Поволжья на этапе ее формирования // Абашевская культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы степи и лесостепи. Тамбов.

Юдин А.И., Матюхин А.Д., Захариков А.П., Касанкин Г.И., 1996. Раннесрубные курганные могильники Золотая Гора и Кочетное и проблемы формирования срубной культуры Нижнего Поволжья // Охрана и исследование памятников археологии в Саратовской области в 1995 году. Саратов.

МЕТАЛЛИЧЕСКАЯ ПОСУДА МАЙКОПСКО-НОВОСВОБОДНЕНСКОЙ ОБЩНОСТИ

Металлическая посуда впервые появляется на Кавказе в эпоху раннего бронзового века. В целом этот период датируется на основании калиброванных дат ^{14}C от первой трети IV тысячелетия до н.э. до начала III тысячелетия до н.э. (Корневский С.Н., 1993; 2001) и соответствует урукскому периоду в Месопотамии.

О металлической посуде в эпоху раннего бронзового века мы мало что знаем из памятников куро-аракской культуры, времени Квацхелеби Е-С. Зато в погребальных комплексах майкопско-новосвободненской общности (МНО) в Предкавказье она известна в количестве около сорока экземпляров

В целом изучение майкопской металлической посуды связано с тремя направлениями. Первое из них – это традиционный типологический метод археологии, второй путь изучения посвящен исследованию технологии. Третье направление сопряжено с иллюстрацией той роли, которую могла играть металлическая посуда в сообществе племен МНО, отражая его определенную ступень технического и социального развития.

ТИПОЛОГИЯ МЕТАЛЛИЧЕСКОЙ ПОСУДЫ

В настоящее время известно 16 комплексов с майкопской металлической посудой, в которых зафиксировано более 40 упомянутых выше изделий. Точное их количество подсчитать сложно, так как часть сосудов обнаружена во фрагментах. Подавляющее большинство сосудов сделано из бронзы. Примерно: 13 – из серебра и 2 – из золота. Список комплексов с металлической посудой майкопцев таков.

1. Майкопский курган – два золотых сосуда, кубок и миска (рис.1,2,7), два серебряных кубка с гравировкой (рис.1,24,25), восемь небольших сосудов разных форм из серебра (рис.1,3–6,8–10,14), серебряный кубок с золотой накладкой на основании горловины (рис.1,1), серебряный сосуд с золотыми ушками (рис.1,12) Бронзовая

посуда, включая целые формы и их обломки (рис.1,15–18,21–23)¹.

2. Старомышастовский клад – серебряный сосуд с крышкой (рис.1,20). 3. Погребение 70 к.1 около с.Заманкул (рис.1,19) (Корневский С.Н., Ростунов В.Л., 2002). 4. Иноземцевский курган, основное погребение – три сосуда из бронзы с горизонтальными швами (рис.2,1–3). 5. Бронзовый сосуд – подпрямоугольное блюдо, основное погребение к.1 1-й курганный группы у с.Кишпек (рис.2,4), 6. Бронзовый сосуд – дисковидное блюдо (?) – могильник Чегем 1, к.5, п.3 (рис.2,5). 7. Бронзовый сосуд – Бамутский могильник, к.6, основное погребение (рис.2,10). 8. Бронзовый сосуд – Бамутский могильник, к.14, основное погребение (рис.2,6), 9. Бронзовый сосуд – Кишпекская 2-я группа, к.1, п.1 (Кишпекская гробница) (рис.2,8). 10. Бронзовый сосуд – курган у Автозаправки в г.Кисловодске, разрушенный комплекс (рис.2,7) (Корневский С.Н., 1988а). 11. Бронзовый сосуд – Нальчикская гробница (рис.2,9). 12. Бронзовый сосуд – аул Кубина, к.1 п.6 (рис.2,11). 13. Накладка на горло сосуда из золота (рис.3,1) и бронзовый сосуд (рис.3,2) – могильник Клады, к.11, жертвенник. 14. Бронзовые сосуды – могильник Клады, к.31, п.5 (рис.3,3–7). 15. Бронзовые сосуды – могильник Клады, к.27 (к.1, р-ки 1898 г.) (рис.3,8–12). 16. Два бронзовых сосуда – ст.Ярославская (Мунчаев Р.М., 1975, с.253).

Майкопская посуда из металла разнообразна морфологически. Находки, которые можно

¹ Наиболее полная публикация металлической посуды Майкопского кургана связана с ОАК за 1897–1898 гг., (ОАК, 1900; 1901), работой Р.М.Мунчаева 1975 г. (Мунчаев Р.М., 1975) и Ю.Ю.Пиотровского (Пиотровский Ю.Ю., 1998). Металлическая посуда МНО также опубликована (Биджиев Х.Х., 1980; Корневский С.Н., 1988а; Корневский С.Н., Петренко В.Г., 1982; Корневский С.Н., Ростунов В.Л., 2002; Чеченов И.М., 1973; 1984; Rezerkin A.D., 2000).

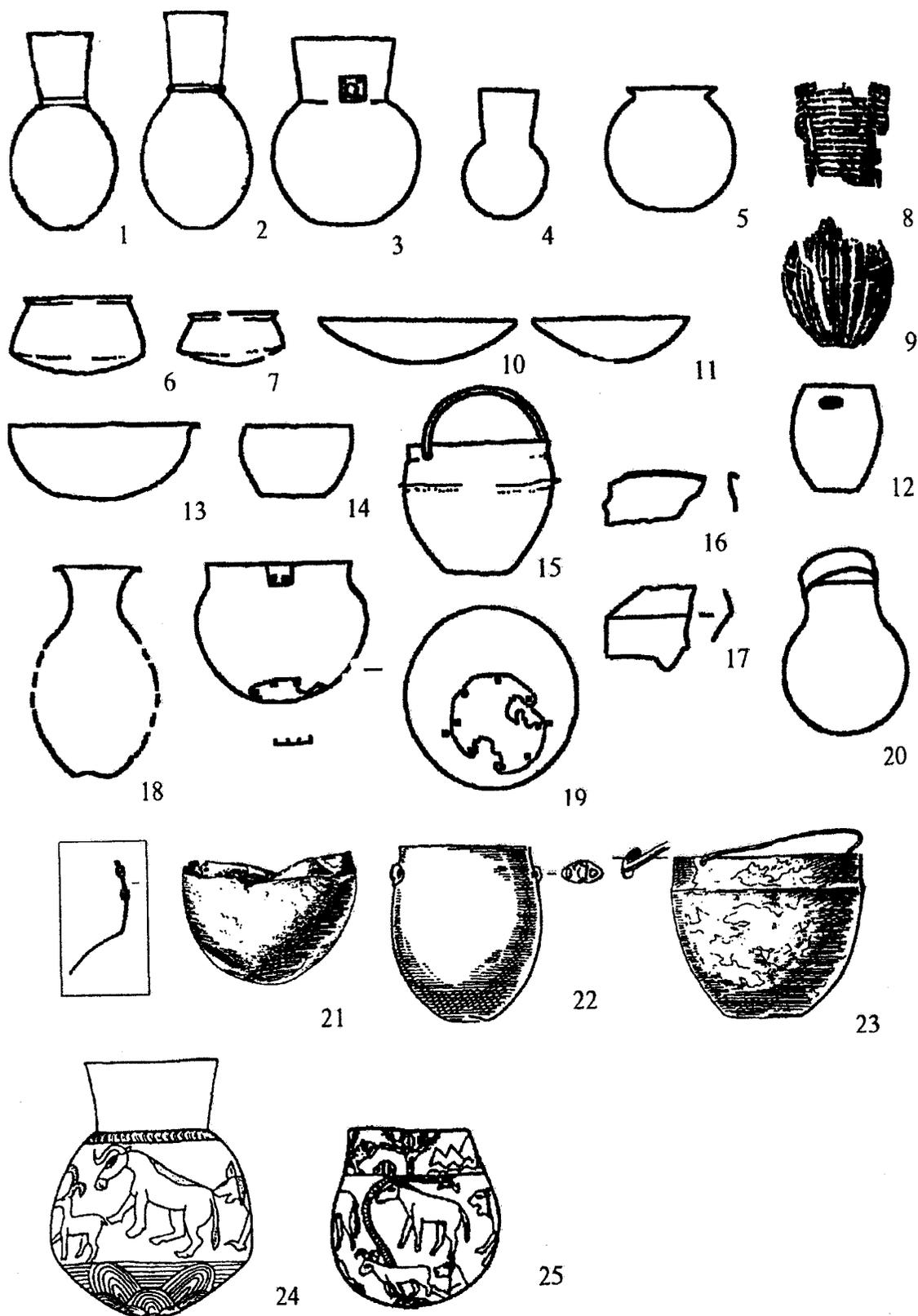

Рис. 1. Металлическая посуда галюгаевско-серегинского варианта майкопско-новосвободненской общности. 1-18,21,24-25 - Майкопский курган; 19 - п.70 в к.1 у с.Заманкул; 20 - Старомышастовский клад (21-23 - рисунки сосудов Майкопского кургана по Ю.Ю.Пиотровскому). Серебро - 1,3-6,8-10,12-14,20,24,25. Золото - 2,7. Бронза - 11,15-17,21-23

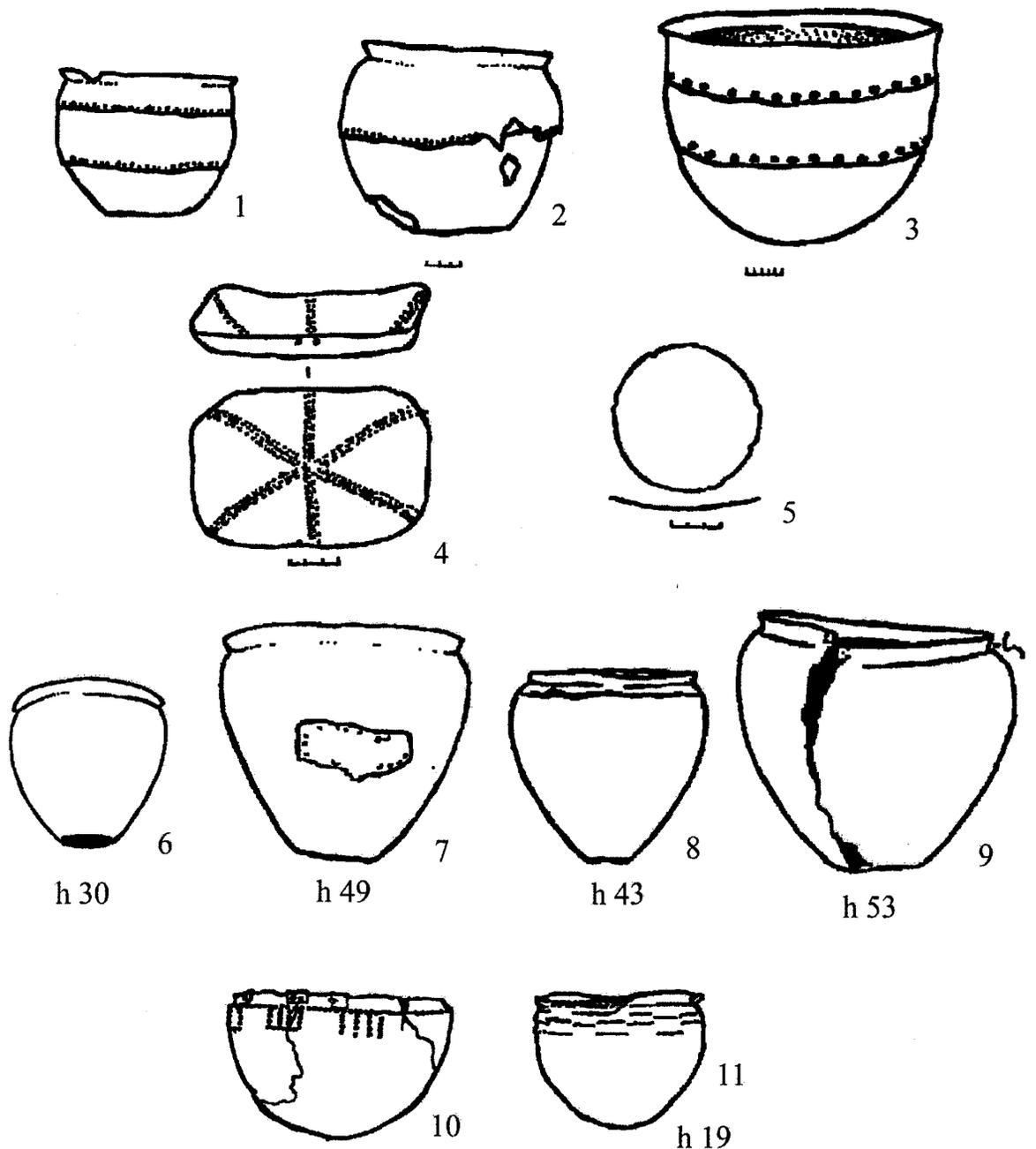

Рис. 2. Бронзовая посуда из погребений долинского варианта майкопско-новосвободненской общности и кургана у аула Кубина. 1–3 – Иноземцевский курган, основное п.; 4 – с.Кишпек 1 курганная группа, к.1, основное п.; 5 – с.Чегем 1, п.3 к.5; 6 – Бамут, к.14, основное п.; 7 – курган у Автозаправки, г.Кисловодск; 8 – Кишпек, 2 группа, к.1, п.1, гробница; 9 – Нальчикская гробница; 10 – Бамут, к.6, основное п.; 11 – п.6 к1 у аула Кубина. h – высота сосуда в см. Бронза.

объединить в группы по сходным признакам горла и тулова, немногочисленны. Многие формы находят аналогии в керамике.

Группа М1. Кубки с трубовидным горлом (рис.4,1,2,3,4?). Все найдены в Майкопском кургане. Обломки одного сосуда имеют рифление.

Группа М2. Кубки с высоким или средним по величине горлом, шаровидным туловом (рис.4,5–7); Майкопский курган, Старомышастовский клад.

Группа М3. Миски реберчатые, Майкопский курган (рис.4,14,15).

Группа М4. Миски круглодонные неглубокие, Майкопский курган (рис.4,17–19).

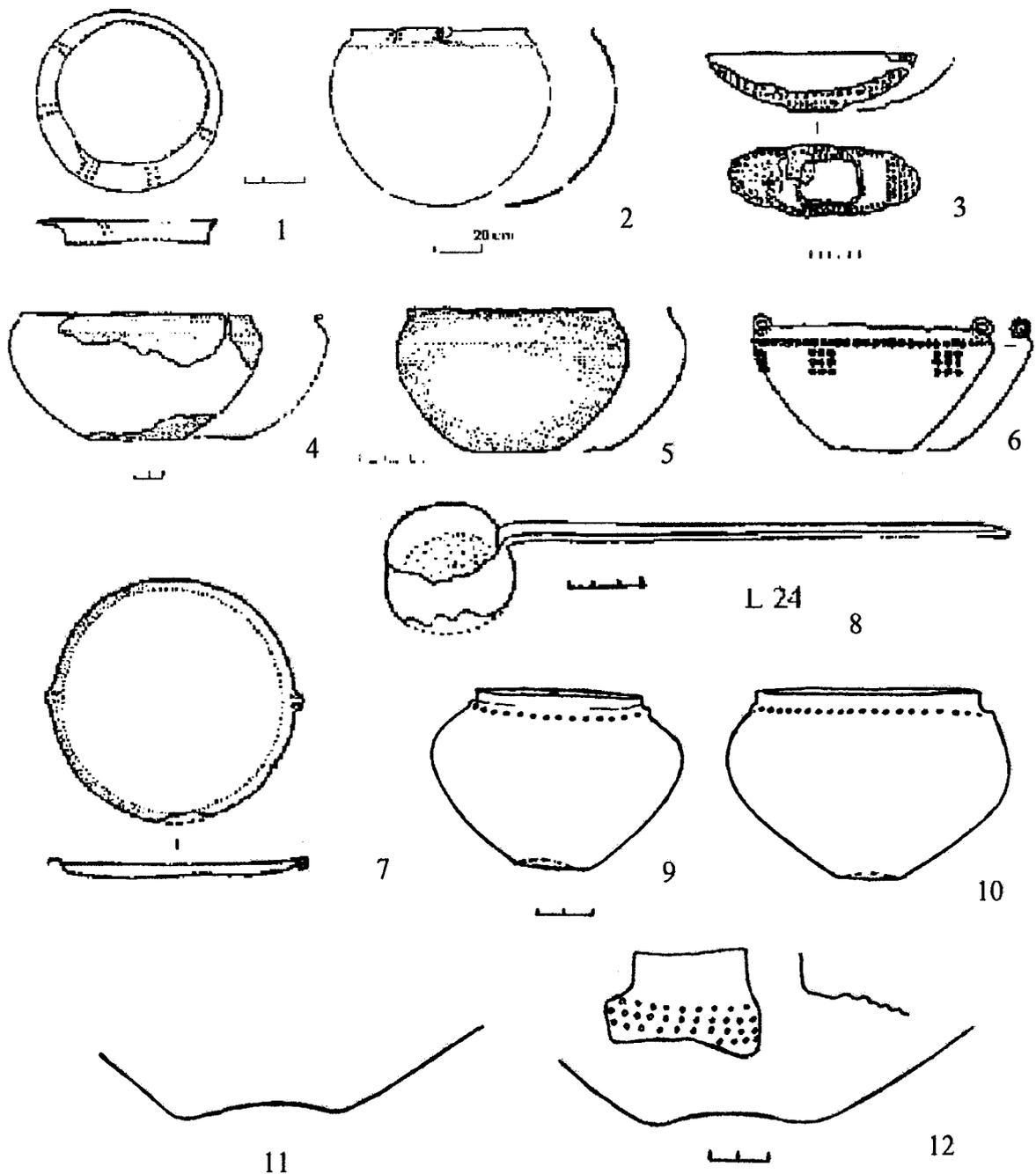

Рис. 3. Металлическая посуда новосвободненского варианта. 1,2 –могильник Клады, к.11, жертвенник; 3–7 – Клады, к.31, п.5; 8–12 – ст.Новосвободная, к.1 (по А.Д.Резепкину, Т.Б.Поповой). 1 – золото, 2–12 – бронза

Группа М5. Небольшие сосуды с плоским дном и невысоким венчиком, с уступом у его основания. Новосвободненские гробницы (рис.4,20–24). Формы из металла этой группы прямых аналогий в керамике не имеют. Высота таких сосудинок небольшая – 5–9 см.

Группа М6. Котлы со сферическим корпусом, округлым дном (рис.4,31–34). Майкопский

курган; Клады, к.11, жертвенник; Бамут, к.6; аул Кубина, к.1, п.6. Котлы с округлым дном близки формам майкопских чанов, но мельче их и имеют иное строение венчика. Размеры котлов группы М6 колеблются от 19 до 30 см.

Группа М7. Котлы крупные, с грушевидным туловом и с плоским дном: Бамутский могильник к.14, курган у Автозаправки в г.Кисловодске,

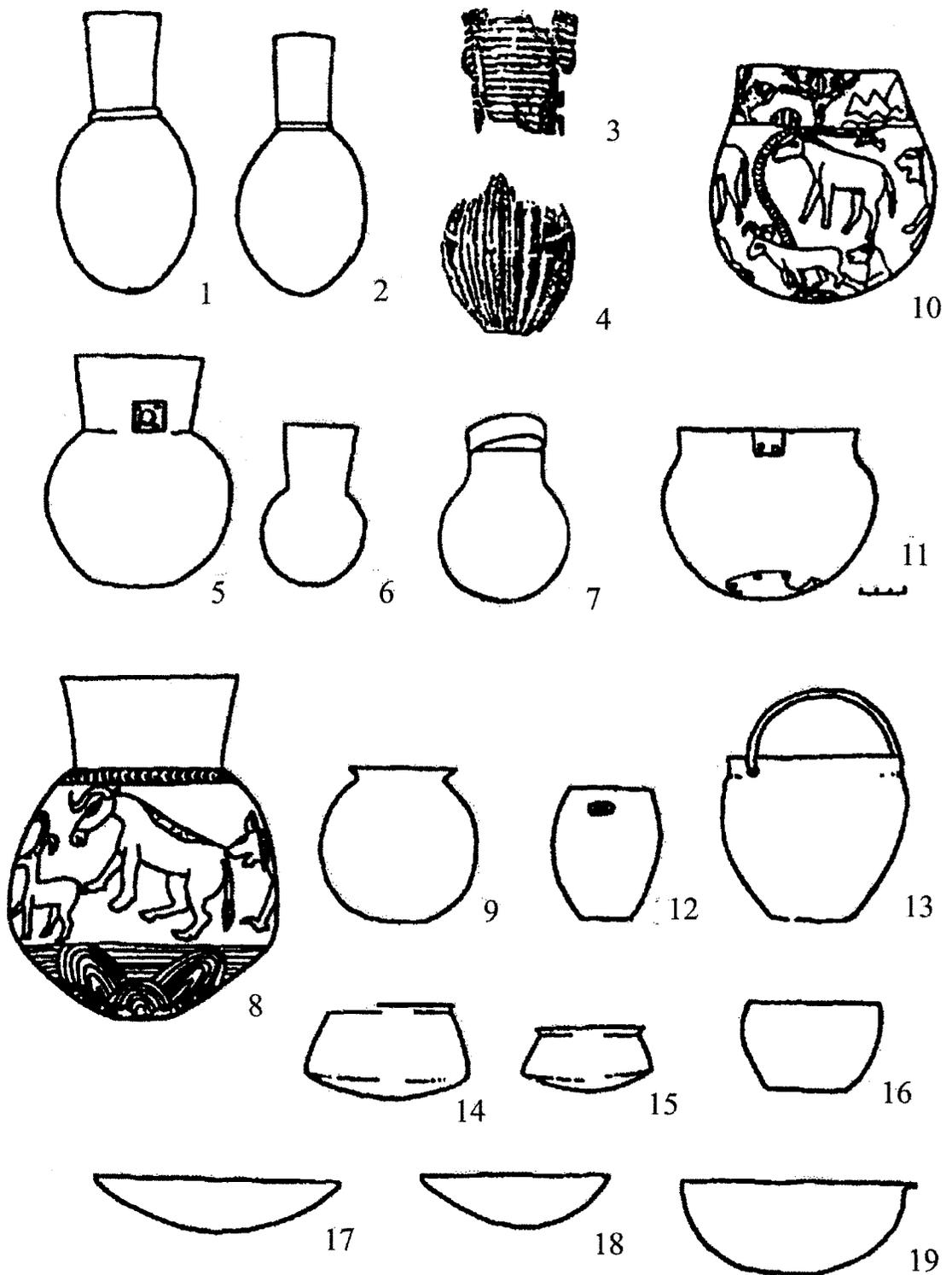

Рис. 4, начало. 1–19 – морфология майкопской металлической посуды. 1–3 – группа М1; 4 – возможно, группа М1; 5–7 – группа М2; 8–13, 16 – одиночные формы; 14, 15 – группа М3; 17–19 – группа М4

Кишпекская гробница, Нальчикская гробница (рис. 4, 35–38). Размеры плоскодонных котлов очень значительны – от 30 см до 53 см в высоту.

Группа М8 (рис. 4, 40–42). Сосуды со сферическим корпусом, плоским дном и с горизонтальными швами известны по трем находкам

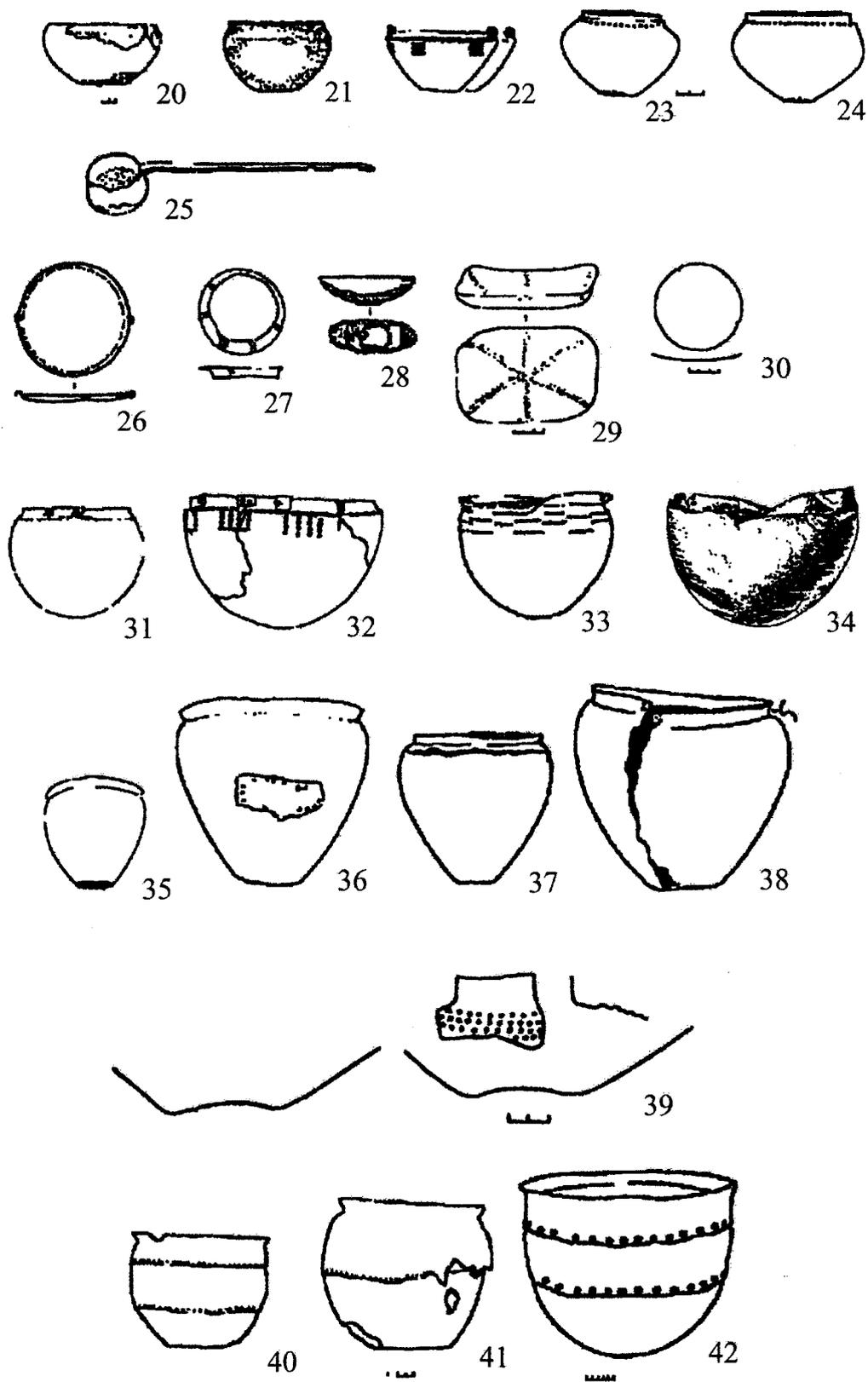

Рис. 4, продолжение. 20–42 – морфология майкопской металлической посуды. 20–24 – группа М5; 25–30 – одиночные формы; 31–34 – группа М6; 35–38 – группа М7; 39 – форма проблематична; 40–42 – группа М8

из Иноземцевского кургана. Одна из них сближается с котлами группы М6.

ОДИНОЧНЫЕ ФОРМЫ

Их список таков. Кубок с высоким горлом и реберчатым туловом (рис.4,8) – Майкопский курган. Горшок с шаровидным горлом, остро-рельефно отогнутым венчиком (рис.4,9) – Майкопский курган. Горшок с округлым, нешаровидным туловом, слабо отогнутым венчиком (рис.4,10), Майкопский курган. Горшок полуоткрытой формы со слабо отогнутым венчиком, п.1/70 кургана (рис.4,11) у с.Заманкул. Этот сосуд имеет радиокарбонную дату: ГИН-8034 – ВР 4820±70, ВС cal. 3640–3500.

Стакановидный сосуд (рис.1,12,22) – Майкопский курган. *Ведерко* (рис.1,15,23) – Майкопский курган. *Плоскодонная миска* (рис.1,14) – Майкопский курган. *Черпак*, длиной 31 см, из гробницы 1 у ст.Новосвободной, р-ки 1898 года (рис.4,25), *блюдо с бортиком* диаметром около 6 см (рис.4,26). *Ковчезек с поддоном*, длиной около 7 см (рис.4,28), из п.5 к.31 урочища Клады.

Корытце подпрямоугольной формы с пунсонным орнаментом, длиной 15 см из п.1 к.1 1-й группы у с.Кишпек (рис.4,29). *Диск* диаметром около 8 см (рис.4,30) из п.3 к.5 м-ка Чегем 1. *Обломки крупных бронзовых сосудов* из гробницы 1 к.1 у ст.Новосвободной (рис.4,39). Вероятно, они напоминают сосуды новосвободненского варианта МНО с высокой шейкой и плоским дном (рис.5,12).

За пределами основного ареала майкопских племен металлическая посуда встречается редко. Особо следует отметить находку бронзового котла из п.23 к.4 могильника Эвдык в Калмыкии (Шилов В.П., Багаутдинов Р.С., 1998, с.171, рис.6,10). Он изготовлен из двух составных частей, соединенных заклепками, так же как котлы Иноземцевского кургана. Последнее захоронение связано с сидячим костяком и не относится непосредственно к племенам майкопско-новосвободненской общности.

СПОСОБЫ ИЗГОТОВЛЕНИЯ МАЙКОПСКОЙ МЕТАЛЛИЧЕСКОЙ ПОСУДЫ

Обилие находок металлической посуды в комплексах МНО, отсутствие данных о широком производстве таких предметов на сопредельных территориях позволяет связать изго-

товление сосудов из бронзы и благородных металлов с майкопскими мастерами. Более того, еще ранее было обращено внимание на то, что формы практически всех типов майкопской металлической посуды имеют аналоги среди майкопской керамики (Кореневский С.Н., 1988) (рис.5). Это подчеркивает тот факт, что сосуды из металла не представляли из себя сверхоригинальных по облику предметов для майкопцев. Они создавались в их среде и приспособлялись под конкретные цели населения.

Майкопская металлическая посуда с туловом без единого шва стала вершиной технического совершенства знаний о металлообработке того времени. Майкопцы даже первыми изобрели настоящее металлическое ведро, применяли блюда, чаши и кубки. Но конкретные способы изготовления майкопской металлической посуды еще во многом не ясны.

Поражает высочайшее искусство майкопских медников производить сосуды с толщиной листа до 1 мм независимо от размера (например, огромный котел из Нальчикской гробницы). Котлы из кургана у с.Иноземцево были сделаны из точно подогнанных частей, соединенных заклепками. Скорее всего, здесь использовался некий шаблон-болванка. Но, как правило, майкопская металлическая посуда не имеет швов на тулове.

Металлическая посуда подвергалась ремонту или доработке, если во время ее изготовления получался брак. Мы видим заплаты на заклепках, поставленные на котел из кургана у Автозаправки, заманкульский сосуд. Огромный котел из Нальчикской гробницы вообще дал трещину и его стягивали заклепками по венчику.

В целом по технологии производства, особенностям формы сосудов металлическую посуду майкопцев можно разделить на сложную и простую. Сложная посуда имеет закрытые или полужакрытые формы. Таковы почти все сосуды из Майкопского кургана (рис.1,1–9,12,15), многие сосуды новосвободненских гробниц (рис.3,2–6,8–10), заманкульский из п.70 к.1 (рис.1,19), разнообразные котлы (рис.4,11,16,27) и простые формы металлической посуды можно отнести изготовленное выколоткой, блюдо с ушками, накладку – горловину на некую основу, ковчезек, корытце, диск (рис.4,26–30). В последнем случае нет уверенности, что перед нами именно посуда, а не предмет для каких-либо иных целей.

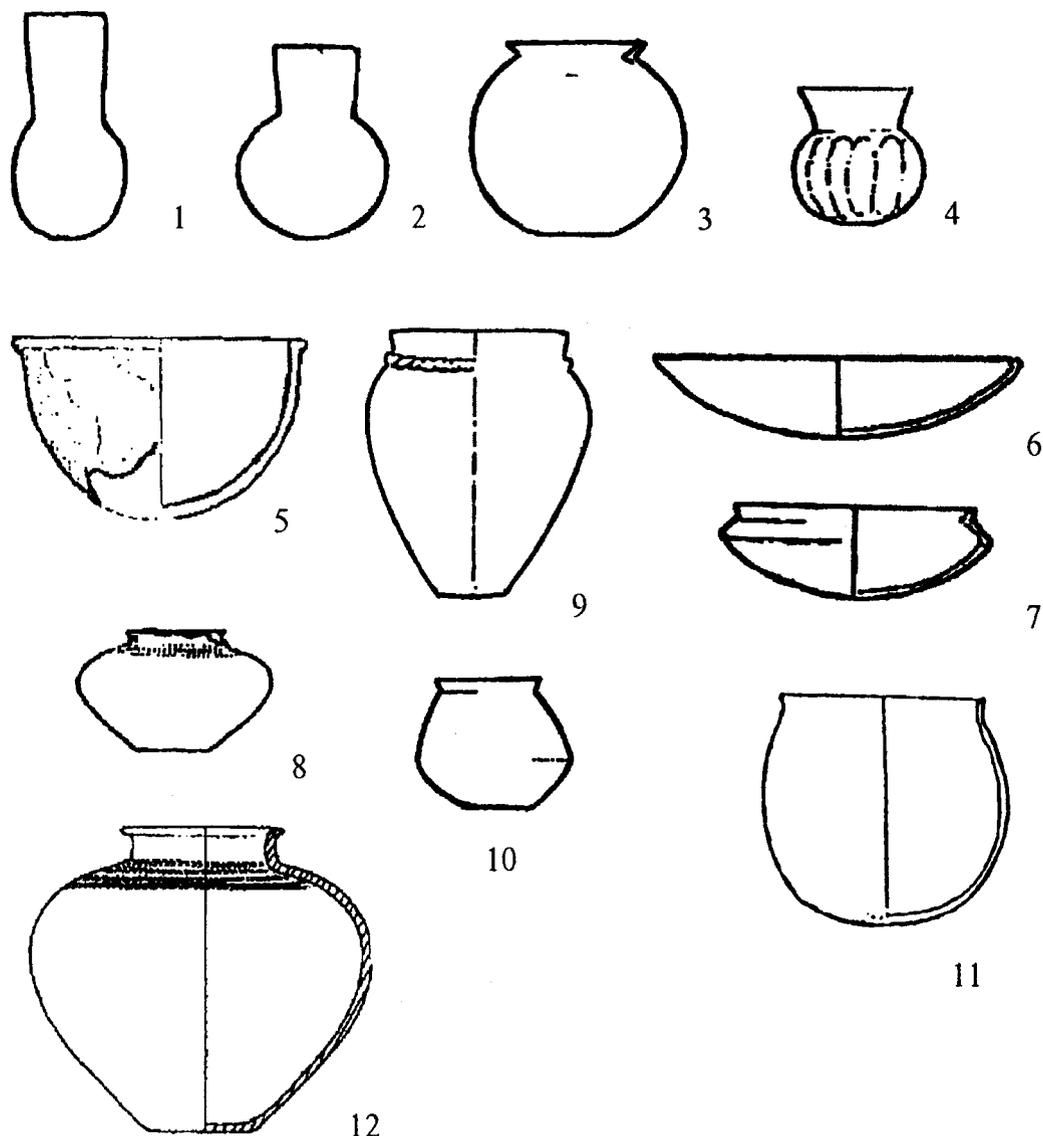

Рис. 5. Примерные аналогии майкопской металлической посуде в керамике. 1,2,4 – кубки с высоким горлом, рифлением; 3 – сосуд с шаровидным туловом и рельефно отогнутым венчиком; 5 – котел с круглым дном; 6 – миска с округлым дном; 7 – миска реберчатая; 8 – плоскодонный небольшой сосуд; 9 – крупный плоскодонный сосуд, вытянутых верх пропорций, напоминающий большие майкопские котлы; 10 – сосуд с ребром; 11 – лепной сосуд с круглым дном; 12 – плоскодонный сосуд, вероятно, близкий по форме крупным разрушенным сосудам из новосвободненской гробницы

МЕТАЛЛИЧЕСКАЯ ПОСУДА И ВАРИАНТЫ МАЙКОПСКО- НОВОСВОБОДНЕНСКОЙ ОБЩНОСТИ

В настоящей статье под вариантами МНО мы подразумеваем ее деление по типам круговой посуды из глины, изложенное пока в тезисном варианте (Корневский С.Н., 1996). С памятниками галлогаевско-серегинского варианта (или памятниками раннемайкопской группы, по А.А.Иесену) связаны находки в Майкопском

кургане, п.70 к.1 у с.Заманкул и Старомыша-стовский клад (рис.1). Все эти вещи является главным образом небольшими сосудиками с объемами до 0,5 или 1 л жидкости. Набор Майкопского кургана даже напоминает целый сервиз: высокогорлые кубки, разные миски и плошки, ведро. Но в состав этого набора входит и круглодонный котел (рис.1,21).

Металлическая посуда долинского варианта на Терекке отмечена в 8 комплексах: Иноземцевский курган, Нальчикская гробница, курган у Автоза-

правки, Кишпек 2, к.1, п.1; Бамут, к.14, основное погребение, к.6, п.9; Чегем 1, к.5, п.3; Кишпек 1, к.1, п.1 (рис.2); представлена только крупными сосудами с округлым туловом уплощенным дном (рис.2,1,2) или шаровидно-грушевидным туловом (рис.2,6–9). Три сосуда близки котлу Майкопского кургана (Иноземцево, Бамут, к.6, осн. погр.) (рис.2,1,2,10). К этой же группе посуды тяготеет и котел из кургана аула Кубина (рис.2,11).

Металлическая посуда новосвободненского варианта (рис.3) зафиксирована в к.1 (р-ки 1898 г.), п.5 к.31, жертвеннике к.11 могильника Клады. Она явно отлична от посуды долинского варианта. В новосвободненских комплексах обнаружены не столько котлы, сколько небольшие чаши с плоским дном (рис.3,4–6,8,9), черпак, а также «ковчежек», блюдо и золотая накладка на сосуд. Один круглодонный котел из жертвенника к.11 в урочище Клады (рис.3,2) близок по форме котлу Майкопского кургана. Крупные формы металлической посуды из новосвободненских гробниц известны пока только по обломкам (рис.3,11,12).

Таким образом, можно прийти к выводу, что производство металлической посуды было известно племенам галюгаевско-серегинского, долинского и новосвободненского вариантов МНО. Надо полагать, оно шло как в бассейне р.Терек, так и в Закубанье. Наиболее широко распространенной формой стал круглодонный котел, напоминающий по форме майкопский чан (группа М6). Этот тип посуды знали племена всех трех упомянутых выше вариантов.

СОЦИАЛЬНАЯ И КУЛЬТОВАЯ РОЛЬ МАЙКОПСКОЙ ПОСУДЫ

Майкопско-новосвободненская общность по меркам развития своего технического потенциала, на основании которого шло изготовление ее металлической посуды, явно входит в список наиболее развитых культур первобытности. К последним культурам, например, можно отнести круг племен предгосударственного периода Месопотамии и Ирана. Даже спустя века и тысячелетия секреты изготовления металлической посуды без швов с толщиной листа до 1 мм знали далеко не все народы, уже достигшие порога государственности.

Погребения, в которых найдены металлические сосуды майкопских племен, относятся к одним из самых богатых комплексов, несмотря на частичное, порой, разрушение некоторых из них. Таковы захоронения в Майкопском кургане, п.70

к.1 у с.Заманкул, курганах у пос.Иноземцево и в г.Нальчике (в гробнице), в п.1, к.1 2-й Кишпекской группы (в гробнице). В погребениях 9 к.6, осн. погр. к.14 у с.Бамут, п.6 к.1 у аула Кубина, в к.1, п.5 к.31, к.11 (в жертвеннике) у ст.Новосвободной (в урочище Клады), п.3 к.5 у с.Чегем 1, п.1 к.1 1-й Кишпекской группы. Металлическая посуда упомянута была и в разрушенной гробнице у ст.Ярославской

Помимо металлических сосудов в них встречено золото, бронзовое оружие, инструменты деревообработки, нередко сакральные вещи. Не будет преувеличением рассматривать их как захоронения лидеров или племенной элиты майкопских племен, символика заупокойного инвентаря которых подчеркивала их связь с военно-охотничьей областью, престижным ремеслом деревообработки, нередко с культовой сферой.

Сама по себе металлическая бронзовая посуда по данным этнологии даже в недавнем прошлом была очень дорогой утварью (Шиллинг Е.М., 1949). Имевшая к ней доступ родоплеменная знать видела в таких вещах показатель высокого социального престижа.

Среди разных форм майкопской посуды легко различить небольшие сосуды и крупные котлообразные формы. Следовательно, она предназначалась как для индивидуального использования, так и больших трапез. Более того, ее побочной функцией могло быть хранение драгоценных изделий (пример Старомышастовского клада).

Помещение майкопской металлической посуды в комплексы племенной знати явно подчеркивало выдающуюся роль пира (пироторжества) и его устроителя в обществе майкопских племен.

Историческая этнология и мифология разных народов хорошо зафиксировали подобные ситуации. Так, согласно работе Ю.А.Семенова, пироторжества – неперенный атрибут престижной экономики в процессе выделения зажиточной прослойки общества и ее лидеров. Именно устройство пира могла дать высокий престиж его хозяину, а щедрость во время этой церемонии рассматривалась как высшая добродетель (Семенов Ю.А., 1993, с.295,465,466). С другой стороны, весьма престижен был пир, сопровождающий похороны и поминки (Семенов Ю.А., 1993, с.481–524). Способность вождя устроить пир для своих сородичей нередко было одним из необходимых его качеств.

Символика котла или посуды для пира была многообразна. Так, в ирландском эпосе воспева-

ется огромный котел Дагда – «хорошего» бога, который одновременно был богом войны, изобилия и щедрости. Его волшебный котел утолял голод каждого. В мифологии кельтов (ирландцев) котел также был источником знания и возрождения жизни (Котерелл А., 1996, с.112,121,127).

Поэтому погребения с металлической посудой племен МНО можно рассматривать как захоронения лидеров – «устроителей трапез», для которых погребальная практика подчеркивала особую значимость дорогой трапезной посуды. Но нельзя упускать из виду, что металлическая посуда могла иметь и более широкую символику, связанную с культами возрождения.

Предполагалось ли, что эти лидеры будут вновь использовать ее и устраивать пиры в потустороннем мире – однозначно утверждать не придется. Будь так, в могилы вряд ли бы ставили дырявую посуду. Кроме того, как был устроен мир мертвых в мифологии племен майкопско-новосвободненской общности, мы совсем не знаем.

В более молодую эпоху на Кавказе металлическая посуда входит в состав комплексов самых роскошных могил эпохи конца средней бронзы Закавказья (триалетская культура). Еще через столетия ее престиж используется при похоронах знати скифов, сармат, кельтов, этрусков и иных племен и народов, стоящих на поздней фазе предгосударственного периода.

Однако особенность комплексов майкопской культуры по сравнению с могилами знати более молодого времени заключается в том, что вместе с металлической посудой в майкопских захоронениях фиксируются инструменты деревообработки. Эти вещи как бы акцентируют еще большую престижную роль трудового процесса для лидера. Последняя символика явно не характерна для комплексов поздней фазы предгосударственного периода. Поэтому ступень общественного развития племен МНО может быть сопоставлена с ранней фазой предгосударственного периода.

Более того, возможно предположить и еще одно важное явление в общественной жизни майкопских племен, связанное с металлической посудой. Достаточно вспомнить, что сосуды из благородных металлов могли иметь не только высокую престижную роль, но и обладать особой религиозной символикой, учитывая тесную магическую связь золота с культами солнца, а серебра, например, с культами Луны (Жюльен Н., 1999, с.147,359). Без них вряд ли обходились торжественные церемонии, если принять во

внимание магические сцены на майкопских кубках и несколько поздние примеры из комплексов культуры Триалети блестящей поры (Джапаридзе О.М., Кушнарева 1994).

Поэтому закономерна постановка вопроса, не является ли майкопская посуда из металла индикатором становления в среде племен МНО прослойки жрецов, для которых металлический драгоценный сосуд был важным атрибутом культовой церемонии. По крайней мере, такая ассоциация вполне уместна при учете развития культуры Месопотамии и Ирана.

Племена МНО исчезли, не оставив многих секретов своих производств, в том числе и искусства изготавливать металлическую посуду. Новым очагом высокой культуры, знавшей изготовление сосудов из металла, стала блестящая культура Триалети. Найденные в ее комплексах кубки с изображениями вновь безусловно свидетельствуют о их связи с самыми высшими слоями власти и культовой сферой.

Но если в культовых сценах на майкопских кубках мы видим священные шествия зверей, то на сосудах из Триалети и Карашамба (Кушнарева К.Х., 1994, с.100, табл.32) в процессиях и церемониях доминирующую роль начали играть люди, их земные дела и битвы, а так же правитель на троне. Динамика сюжетов закономерна. Кубки из Триалети и Карашамба отражают уже позднюю фазу предгосударственного периода, на которую вступили племена Южного Кавказа в первой половине, середине II тысячелетия до н.э.

Еще не так давно, когда памятники раннего бронзового века Кавказа датировались первой половиной III тысячелетия до н.э., высокий уровень развития металлообработки майкопско-новосвободненской общности в Предкавказье объяснялся за счет влияний, идущих из Передней Азии времени эпохи ранних династий Шумера.

Заметное удревнение хронологии майкопско-новосвободненской общности до времени раннего урукского периода делает такое объяснение неудовлетворительным. Дело в том, что в Передней Азии металлическая посуда из бронзы и золота плохо прослеживается до поздней фазы Урукского периода. В Северо-Западном Иране она отмечена в слое Тепе-Гиссара ШВ времени эпохи Джемдет-Насра. В Месопотамии в основном её находят, начиная с погребений кладбища в Уре того же времени. Это в основном сосуды из свинца и несложные изделия из меди, о чем уже писалось ранее. (Корневский С.Н., 1988, с.90).

Такое обстоятельство еще раз подчеркивает феноменальный характер майкопской культуры и ее технологий даже по меркам развития техники в Передней Азии протописьменного периода. Оно позволяет рассматривать

Кавказ в эпоху урукского периода, как мощный центр образования типов вещей в рамках становления культур северной зоны урукских миграций, прямо или косвенно достигших Предкавказья.

Литература

Биджиев Х.Х., 1980. Большой курган у аула Кубина в Карачаево-Черкесии // Северный Кавказ в древности и в средние века. М.

Джапаридзе О.М., 1994. Триалетская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.

Жюльен Н., 1999. Словарь символов.

Кореневский С.Н., 1988. К вопросу о месте производства металлических вещей Майкопского кургана // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп.

Кореневский С.Н., 1988а. Два погребения майкопской культуры из Кисловодска // КСИА. Вып.193.

Кореневский С.Н., 1996. К вопросу о локальных различиях и внутренней типологии Майкопско-Новосвободненской общности с учетом данных ее поселений // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н.э. Л.

Кореневский С.Н., Петренко В.Г., 1982. Курган майкопской культуры у поселка Иноземцево // СА. № 2.

Кореневский С.Н., Ростунов В.Л., 2002. Новые данные о «больших» майкопских курганах в республике Северная Осетия – Алания // Тезисы докладов «XXII Крупновских чтений». Ессентуки-Кисловодск.

Кореневский С.Н., Ростунов В.Л., 2004. Большие курганы майкопской культуры у с.Заманкул в Северной Осетии // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. М.

Котерелл А., 1996. Кельтская мифология // Мифология, энциклопедический словарь.

Кушнарева К.Х., 1994. Памятники триалетской культуры на территории Южного Закавказья // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.

Мизиев И.М., Бетров Р.Ж., Нагоев А.Х., 1973. Археологические раскопки 1972 года в Кабардино-Балкарии. Нальчик.

Мунчаев Р.М., 1975. Кавказ на заре бронзового века. М.

ОАК, 1900. ОАК за 1897 год. СПб.

ОАК, 1901. ОАК за 1898 год. СПб.

Пиотровский Ю.Ю., 1998. Майкопская культура // Шлиман, Петербург, Троя. СПб. (каталог выставки).

Попова Т.Б., 1963. Дольмены станицы Новосвободной // Тр.ГИМ. Вып. XXVII.

Семенов Ю.Ю., 1993. Экономическая этнология. М.

Чеченов И.М., 1973. Нальчикская подкурганная гробница. Нальчик.

Чеченов И.М., 1984. Вторые курганные группы у селений Кишпек и Чегем II // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик.

Шилов В.П., Багаутдинов Р.С., 1998. Погребения энеолита-ранней бронзы могильника Эвдык // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара.

Rezepkin A.D., 2000. Das frühbronzezeitlich Graberfeld von Klady und die Majkop-Kultur in Nordwestkaukasien // Archäologie in Eurasien, band 10. Veriag Marie Leindorf: Rahden/Westf.

Источники иллюстраций

Рис. 1.

1–20 – по С.Н. Кореневскому, 1988 (1–7, 10–19 – рисунки с оригиналов С.Н. Кореневского);

21–23 – по Ю.Ю. Пиотровскому, 1998;

24, 25 – по Р.М. Мунчаеву, 1975.

Рис. 2.

1–3 – по С.Н. Кореневскому, В.Г. Петренко, 1982 (рисунки с оригинала С.Н. Кореневского);

4, 5 – по И.М. Мизиеву, Р.Ж. Бетрову, А.Х. Нагоеву, 1973;

6, 10 – по Р.М. Мунчаеву, 1975;

7 – по С.Н. Кореневскому, 1988 (рисунок с оригинала С.Н. Кореневского);

8, 9 – по И.М. Чеченову, 1973, 1984;

11 – по Х.Х. Биджиеву, 1980 (7, 8, 9, 11 – рисунки с оригиналов С.Н. Кореневского).

Рис. 3.

1–7 – по А.Д. Резепкину;

8–12 – по Т.Б. Поповой, 1963.

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ КЛЕПАНЫХ «КИММЕРИЙСКИХ» КОТЛОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

В данной статье мне хотелось бы остановиться на некоторых вопросах, связанных с проблемами происхождения, датировки и классификации так называемых «киммерийских» котлов. Этот термин был впервые употреблен В.А.Городцовым в 1928 году для обозначения небольшой группы металлических сосудов, обнаруженных в степях Северного Причерноморья (рис.1), главной особенностью которых является способ изготовления – все сосуды изготовлены из отдельных листов металла, соединенных между собой заклепками. Исследователь на основании сходства форм тулова котлов и глиняных сосудов позднего этапа срубной культуры, предположил их местное происхождение и связал с легендарными киммерийцами (Городцов В.А., 1928, с.246–259).

Вслед за В.А.Городцовым практически все исследователи рассматривали данную группу сосудов как нечто целое и сходились во мнении, что клепаные котлы генетически восходят к глиняным сосудам срубной культуры, а также склонялись к мысли, что они появляются, возможно, уже в конце эпохи бронзы (Кривцова-Гракова О.А., 1955, с.133; Крупнов Е.И., 1958, с.191; 1960, с.128–130; Бочкарьов В.С., 1972, с.68; Leskov А.М., 1981, S.52; Terenozkin А.И., 1962, S.272–277; Тереножкин А.И., 1976, с.163,164; 1982, с.218–223). Вероятно, наибольшее обоснование данная точка зрения получила в работах О.А.Кривцовой-Граковой. Причем в качестве основных аргументов она называла не только схожесть форм котлов и глиняных сосудов, но и обращала внимание на тождество ленточного способа лепки глиняных сосудов срубной культуры и способа скрепления металлических пластин клепаных котлов (Кривцова-Гракова О.А., 1955, с.133). Кроме того, подчеркивался факт наличия у глиняных сосудов поддонов, которые, по мнению исследовательницы, появляются под влиянием клепаных котлов. В заключение клепаные котлы рассматривались как прототипы литых котлов эпохи раннего железного века (Кривцова-

Гракова О.А., 1955, с.64, рис.10,10). Исследователи расходились лишь во мнении о датировке данной группы сосудов. Попытка В.Б.Антоновича связать клепаные котлы с итальяскими и дунайскими бронзовыми вазами V периода бронзового века и отнести их появление в Восточной Европе к эпохе гальштата В/С (Antoniewicz W., 1958, p.71) вызвала обоснованную критику со стороны А.И.Тереножкина, считавшего, что все клепаные котлы относятся к срубной культуре и датируются XII–IX вв. до н.э. (Terenozkin А.И., 1962, S.272–277). В то же время Б.А.Шрамко предполагал, что «киммерийские» котлы не могут быть древнее клепаных кавказских ситул VIII в. до н.э. (Петриченко О.М. и др., 1970, с.67). Наиболее полно рассмотревший группу «киммерийских» котлов В.С.Бочкарев также пришел к выводу, что они датируются VIII–VII вв. до н.э. Основанием для такой датировки послужили: во-первых, форма тулова и поддона некоторых клепанных котлов, аналогичные формам тулова и поддона самых ранних литых котлов VIII–VII вв. до н.э.; во-вторых, невозможность связать данную группу котлов ни с одним из производственных металлургических центров, существовавших в Восточной Европе в более раннее время; в-третьих, орнамент на некоторых клепаных котлах в виде зигзага, спирали, треугольников, заштрихованных косой сеткой, находящий себе аналогии в чернолощеной лесостепной керамике Украины, в Жаботине, в кобанской культуре Северного Кавказа и во Фракии VIII–VII вв. до н.э. (Бочкарьов В.С., 1972, с.63–68). Однако точная датировка данной группы изделий была затруднена тем, что все экземпляры являлись случайными находками. Не внесла ясности в данную проблему и находка клепаного котла в п.2 к.4 Суворовского могильника в Ставрополье. Само погребение на основе ряда аналогий было датировано автором раскопок XIV–XIII вв. до н.э. (Нечитайло А.Л., 1975, с.52–58). Это позволило одним исследователям без всяких сомнений отнести всю группу клепаных котлов к середине II тыс. до н.э. (Тереножкин А.И.,

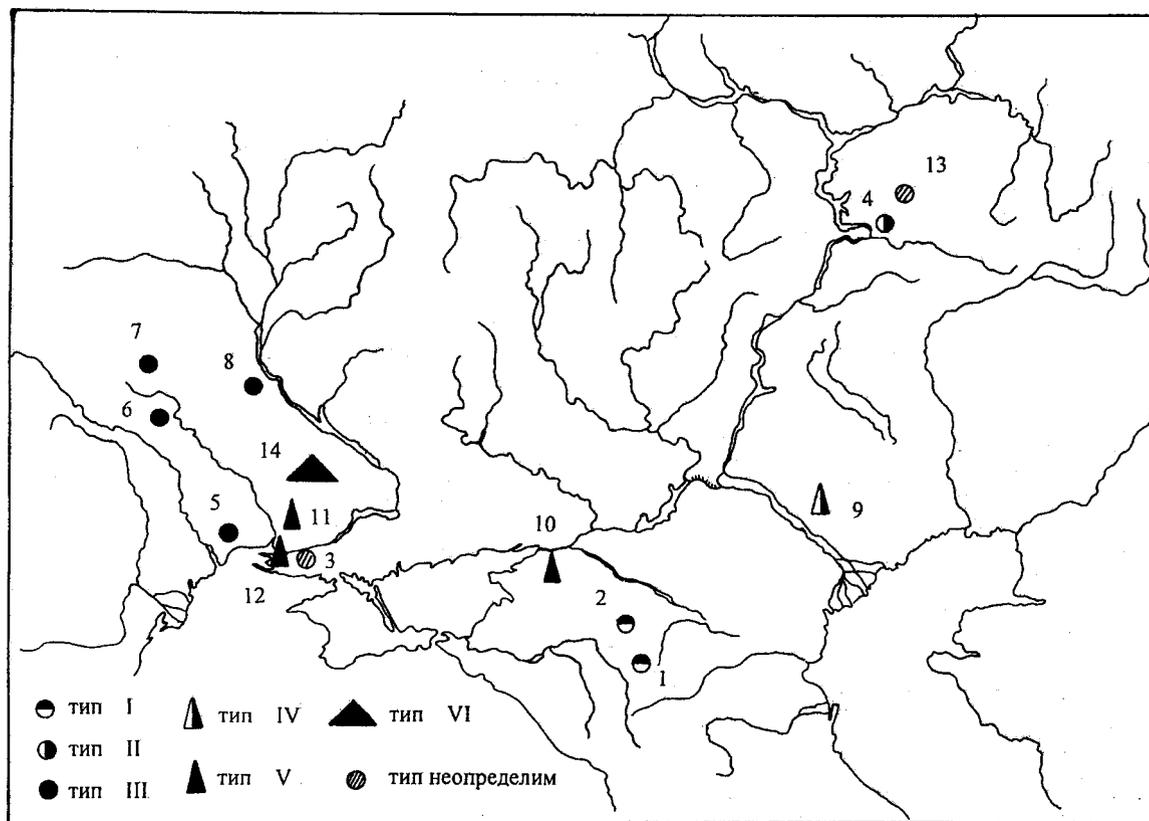

Рис. 1. Местонахождения клепаных котлов Северного Причерноморья: 1 – могильник Суворовский, к.4 п.2, Ставропольский край, Россия; 2 – курган у ст.Старо-Михайловка, Ставропольский край, Россия; 3 – с.Михайловка, Херсонская обл., Украина; 4 – с.Домашки, Самарская губ., Россия; 5 – Одесская обл., Украина; 6 – Подолье, Украина; 7 – с.Антонины, Волынская губ., Украина; 8 – Таращанский, Киевская обл., Украина; 9 – с.Лапас, Астраханская обл., Россия; 10 – пос.Ивановский, Ростовская обл., Россия; 11 – Дикий Сад, г.Николаев, Украина; 12 – Ягорлыцкий залив, Украина; 13 – д.Булгар, Башкирия, Россия; 14 – с.Новопапавловка, Кировоградская обл., Украина

1976, с.163,164), но вызвало безапелляционную критику других, утверждавших, что данное погребение не может быть древнее VIII–VII вв. до н.э., поскольку в нем обнаружен «киммерийский» котел (Членова Н.Л., 1978, с.135). В одной из последних работ, которую с оговорками можно рассматривать в качестве своеобразного итога по проблемам изучения «киммерийских» котлов, А.И.Тереножкин, еще раз рассмотревший инвентарь п.2 к.4 Суворовского могильника, пришел к выводу, что оно должно датироваться XV–XIV вв. до н.э.; среди клепаных сосудов есть и более древние, и более поздние; по своему происхождению они, без сомнения, связаны с глиняными сосудами срубной культуры, но по-прежнему их верхняя дата не выходит за рамки X в. до н.э. Аргументы же В.С.Бочкарева и А.М.Лескова о схожести форм тулова некоторых клепаных котлов и первых литых котлов

VIII–VII вв. до н.э. были признаны исследователем как несостоятельные (Тереножкин В.С., 1982, с.218–223). Однако дальнейшего развития дискуссия о происхождении и датировке клепаных котлов не получила.

На мой взгляд, исследователи при изучении данной группы металлических изделий упустили ряд существенных моментов, что и привело к необходимости написания данной статьи.

Обратимся прежде всего к точке зрения О.А.Кривцовой-Граковой. Аргумент о тождестве ленточных способов лепки глиняных сосудов срубной культуры и способов скрепления металлических пластин клепаных котлов вряд ли можно принять во внимание, поскольку, во-первых, они изготавливались из различного сырья, с использованием различных технологий обработки и соединения самих пластин, во-вторых, данный способ изготовления глиняных

сосудов известен во всем мире со времен неолита и с обработкой металла не имеет ничего общего. Аргумент о наличии у глиняных сосудов и клепаных котлов поддонов также не выдерживает критики. В качестве доказательства данного положения О.А.Кривцова-Гракова приводит в пример только один (!) глиняный сосуд с территории степной Украины, а отсутствие подобных сосудов в Поволжье объясняет недостаточной степенью изученности данного региона. Но все дело в том, что у сосудов срубной культуры в отличие от сосудов соседней андроновской культуры поддонов практически не бывает, и уже одно это могло бы насторожить исследователя. Да и за последние 45 лет количество срубных сосудов с поддонами практически не увеличилось (Памятники срубной культуры, 1993). На территории же существования андроновской культуры отсутствуют клепаные котлы. Наконец, как было показано Е.Е.Кузьминой, глиняные сосуды на поддонах андроновской, срубной и других культур эпохи поздней бронзы Западного Казахстана появляются как имитация привозных южносреднеазиатских кубков и ваз, сделанных на гончарном круге, что подтверждается не только формой этих сосудов, но и техникой изготовления (Кузьмина Е.Е., 1974, с.16–24). Все это, на мой взгляд, свидетельствует об отсутствии какой бы то ни было прочной связи между клепаными котлами и глиняными сосудами срубной культуры.

Основным же недочетом работ как А.И.Тереножкина, так и В.С.Бочкарева, в которых наиболее полно аргументируются противоположные точки зрения на определение датировки клепаных котлов, явилось, на мой взгляд, стремление исследователей рассматривать данную группу металлических изделий в качестве единого целого. Каждый исследователь в зависимости от своих аргументов датировал всю группу либо более ранним временем, либо более поздним. Но никто не обратил внимания на тот факт, что при общем сходстве форм часть клепаных котлов не имеет воронковидного поддона. Однако, как показывают статистические исследования, признак «наличие или отсутствие поддона» в сочетании с признаком «форма тулова» являются важнейшими при определении типа сосуда (Демиденко С.В., 1997, с.120–159).

Существующая в настоящее время классификация В.С.Бочкарева интересна, но не совсем безупречна с методической точки зрения

(Бочкарьов В.С., 1972, с.63–68). Интересна прежде всего тем, что исследователь использовал при классификации технологические признаки и выделил два основных способа крепления кованых пластин, из которых составлялось тулово сосудов: А – первый «обруч» вставляется во второй, второй – в третий, третий – в четвертый и т.д.; Б – второй «обруч» вставляется и в первый, и в третий, а далее – как в первом способе. Однако сосуды, не укладываемые по своим техническим параметрам в предложенную схему, В.С.Бочкарев объединяет в отдельную группу котлов «с отклонениями от нормы», причем автор не объясняет что же, собственно говоря, является нормой в изготовлении данной категории изделий. Кроме того, не учитываются такие технологические моменты, как способ крепления и изготовления ручек и поддонов котлов. С другой стороны, исследователь все клепаные котлы по форме тулова делит на 4 группы: 1 – тюльпановидные; 2 – горшковидные; 3 – круглодонные с уступчатым горлом; 4 – яйцевидные. В результате котлы одинаковые по форме попадают в различные технологические группы. Объяснения этому факту автор также не дает. Не учитываются и такие морфологические параметры изделий, как форма ручек, наличие и форма поддонов, орнамент. Таким образом, несмотря на достаточно четко выделенные две технологические группы и четыре морфологические, в целом мы имеем классификацию котлов без четкой внутренней структуры, в которой смешаны технологические и морфологические признаки, причем лишь частично характеризующие данную категорию изделий.

Мною уже предлагалось разделить клепаные «киммерийские» котлы на две группы: сосуды без поддонов и на поддонах (Демиденко С.В., 2003, с.45–52), но представляется необходимым остановиться на типологии данных изделий несколько подробнее. Признаки, характеризующие особенности технологии изготовления, в предлагаемой классификации не учитываются. В соответствии с методикой, разработанной для савромато-сарматских котлов VI в. до н.э. – III в. н.э. **ТИП** сосуда определяется сочетанием признаков, описывающих форму тулова и форму поддона; **ВАРИАНТ** – сочетанием признаков, описывающих форму тулова, форму ручек; **ПОДВАРИАНТ** – наличием орнамента на тулове котла (Демиденко С.В., 1997, с.120–159). В археологической литературе имеются сведения

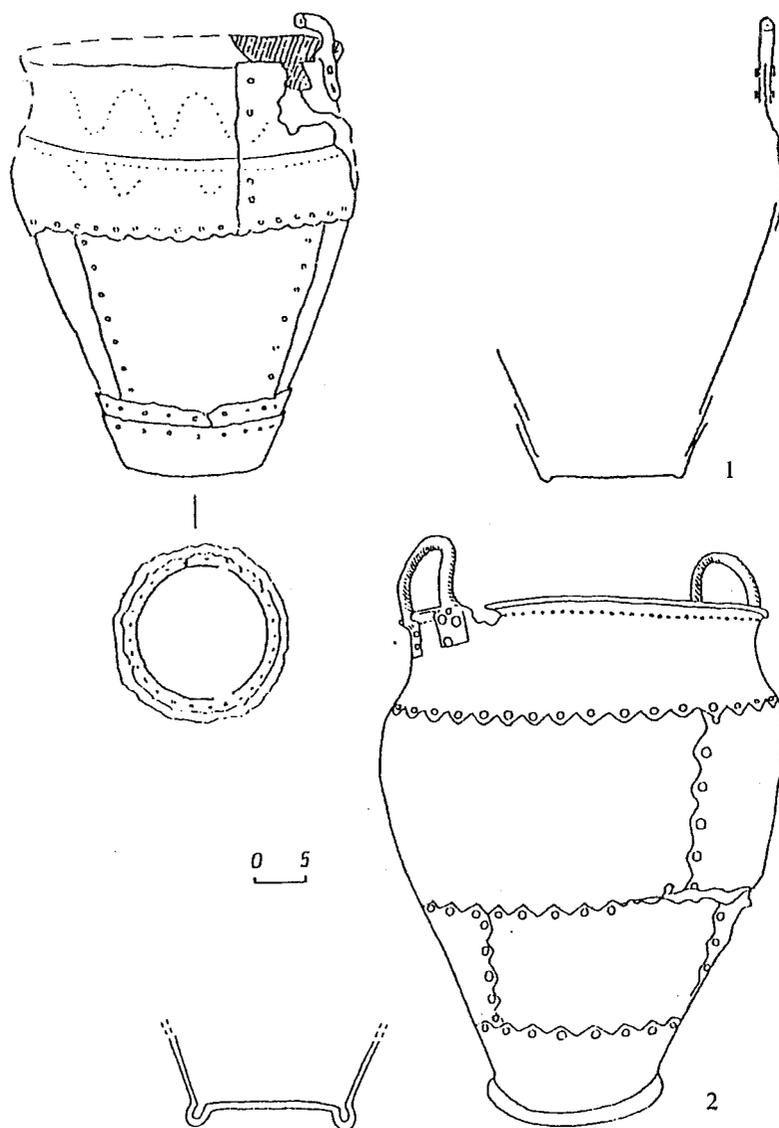

Рис. 2. Клепаные котлы без поддонов: 1 – котел из к.4 п.2 Суворовского могильника, Ставропольский край (по Нечитайло А.Л., 1975); 2 – котел из насыпи разрушенного кургана у с.Старо-Михайловки, Ставропольский край (по Минаевой Т.М., 1966)

о 20–21 клепаном котле (Тереножкин А.И., 1982, с.220). Мною в работе были использованы только 14 экземпляров, о которых удалось собрать более подробную информацию.

Тип I – котлы, имеющие приземистую яйцевидную форму тулова с широким плоским дном, по краю которого проходит кольцевой выступ. Максимальный диаметр расположен в верхней трети сосуда. Венчик отогнут наружу. Поддон отсутствует.

Вариант 1 – характеризуется 2 вертикальными петлевидными ручками.

Подвариант А – орнамент в виде точечной волнистой линии расположен на горловине

сосуда. Вторая точечная горизонтальная линия, от которой опускаются вниз равнобедренные треугольники, проходит по плечикам сосуда.

К нему относится котел из п.2 к.4 Суворовского могильника в Ставропольском крае (Россия) (рис.2,1).

Подвариант Б – орнамент в виде горизонтальной точечной линии расположен под венчиком сосуда.

К нему относится котел из разрушенного кургана у с.Старо-Михайловки Ставропольского края (Россия) (рис.2,2).

В археологической литературе известен еще один клепаный котел без поддона. Это сосуд,

Рис. 3. Клепаный котел из с. Михайловка, Херсонской обл. (по Makarenko N., 1930)

обнаруженный у д. Михайловка Скадковского р-на Херсонской области (рис.3). По форме тулова (бочонковидное) он мог бы быть выделен в отдельный тип, однако отсутствие подробных данных о нем, и в частности сведений о наличии или отсутствии ручек, не позволяет использовать его в классификации.

Тип II – котлы, имеющие форму тулова в виде усеченного конуса, максимальный диаметр расположен в верхней трети. Округлые плечики переходят в широкую низкую горловину со слегка отогнутым наружу венчиком. Поддон воронковидный.

Вариант 1 – характеризуется 2 вертикальными петлевидными ручками.

Подвариант А – орнамент, расположен на горловине и плечиках котла. Представлен в виде косых овальных вдавлений, под которыми находятся округлые выпуклости. Под ними в месте перехода горловины в плечики проходит рельефная горизонтальная прямая линия. Ниже, на плечиках сосуда, расположен рельефный зигзаг.

К нему относится котел, найденный у с. Домашки Самарской губернии (Россия) (рис.6,1).

Тип III – котлы, имеющие яйцевидную форму тулова, немного вытянутую по вертикальной оси, максимальный диаметр расположен в верхней трети. Округлые плечики плавно переходят в широкую и высокую горловину с

отогнутым наружу венчиком. Поддон воронковидный.

Вариант 1 – характеризуется 2 вертикальными петлевидными ручками.

Подвариант А – орнамент представлен в виде двух параллельных рядов округлых вдавлений. Один ряд расположен непосредственно под венчиком сосуда, второй – в месте перехода плечиков в горловину.

К нему относится котел, обнаруженный в Одесской области (Украина) (рис.6,6).

Вариант 2 – характеризуется 2 вертикальными кольцевидными ручками.

Подвариант А – орнамент представлен в виде двух поясов, один из которых расположен под венчиком сосуда, другой – на плечиках. Первый пояс представлен в виде параллельных горизонтальных точечных линий, ниже которых проходит змеевидная линия. Второй пояс представлен в виде пяти полос, отделенных друг от друга горизонтальными точечными линиями. Верхняя полоса представляет собой ряд коротких вертикальных зигзагообразных линий, изогнутых под прямым углом. Ниже расположен ряд концентрических кругов, выполенных точками. Под ними изображена зигзагообразная лента с заштрихованными треугольниками, направленными вершинами друг к другу. Еще ниже располагается ряд концентрических кругов аналогичных второй полосе. Самая

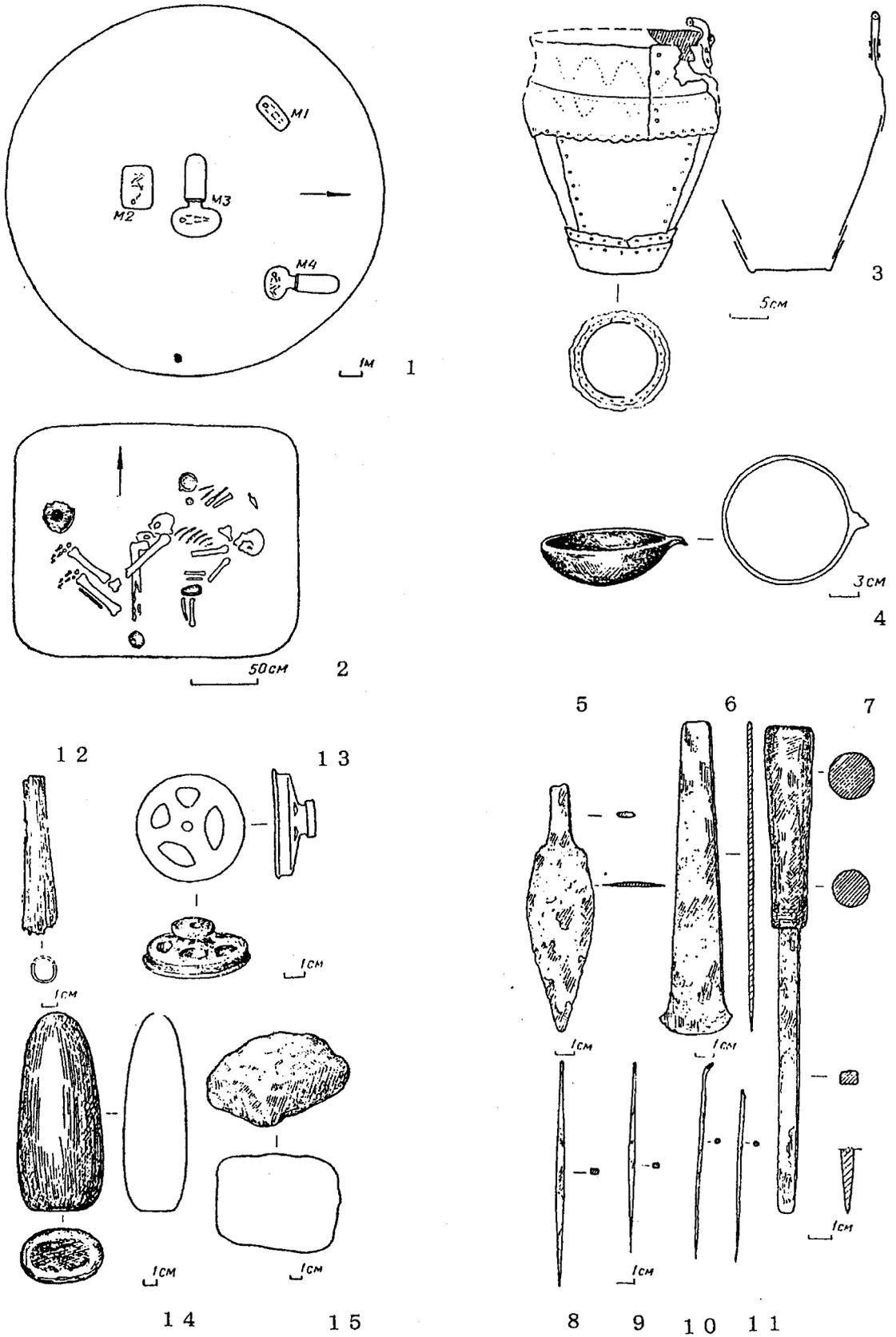

Рис. 4. Инвентарь п.2 к.4 Суворовского могильника (по Нечитайло А.Л., 1975)

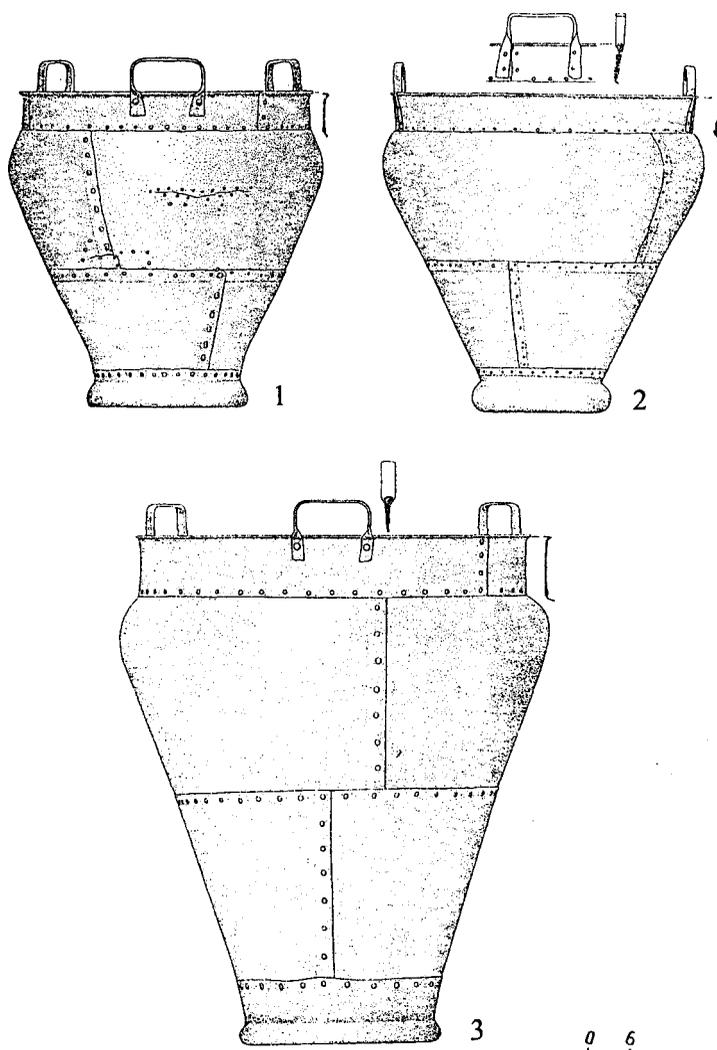

Рис. 5. Клепаные котлы из шахтовых гробниц Микен (по Matthäus H., 1980): 1 – шахтовая гробница III; 2 – шахтовая гробница IV; 3 – шахтовая гробница E

нижняя полоса представлена спиралью, пустое пространство вокруг которой заполнено косыми чертами (рис.7,2,3).

К данному варианту относится котел, обнаруженный на территории Подолья (Украина) (рис.6,4;7,1).

Подвариант Б – без орнамента. К нему относятся экземпляры, найденные у с.Антонины Волынской губернии (Украина) (рис.6,2) и у колхоза Тарашанский Киевской области (Украина) (рис.6,7).

Тип IV – котлы, имеющие бокаловидное тулово. Поддон воронковидный.

Вариант 1 – характеризуется 2 вертикальными кольцевидными ручками.

Подвариант А – без орнамента. К нему относится котел, обнаруженный у с.Лапас, Астраханской области (Россия) (рис.6,3).

Тип V – котлы, имеющие полусферическое тулово и воронковидный поддон.

Вариант 1 – характеризуется 2 вертикальными кольцевидными ручками.

Подвариант А – без орнамента. К нему относятся котел, обнаруженный у пос.Ивановского Ростовской области (Россия) (рис.6,9); котел из Дикого Сада, г.Николаев (Украина) (рис.6,8); котел, обнаруженный на берегу Ягорлыцкого залива Черного моря (Украина) (рис.7,4).

Возможно, к одному из типов II–V относится часть тулова котла с воронковидным поддоном, обнаруженная в деревне Булгар (Башкирия) (рис.7,5). Однако отсутствие верхней половины сосуда не позволяет использовать его в классификации.

Тип VI – котлы, имеющие полусферическое тулово. Поддон отсутствует.

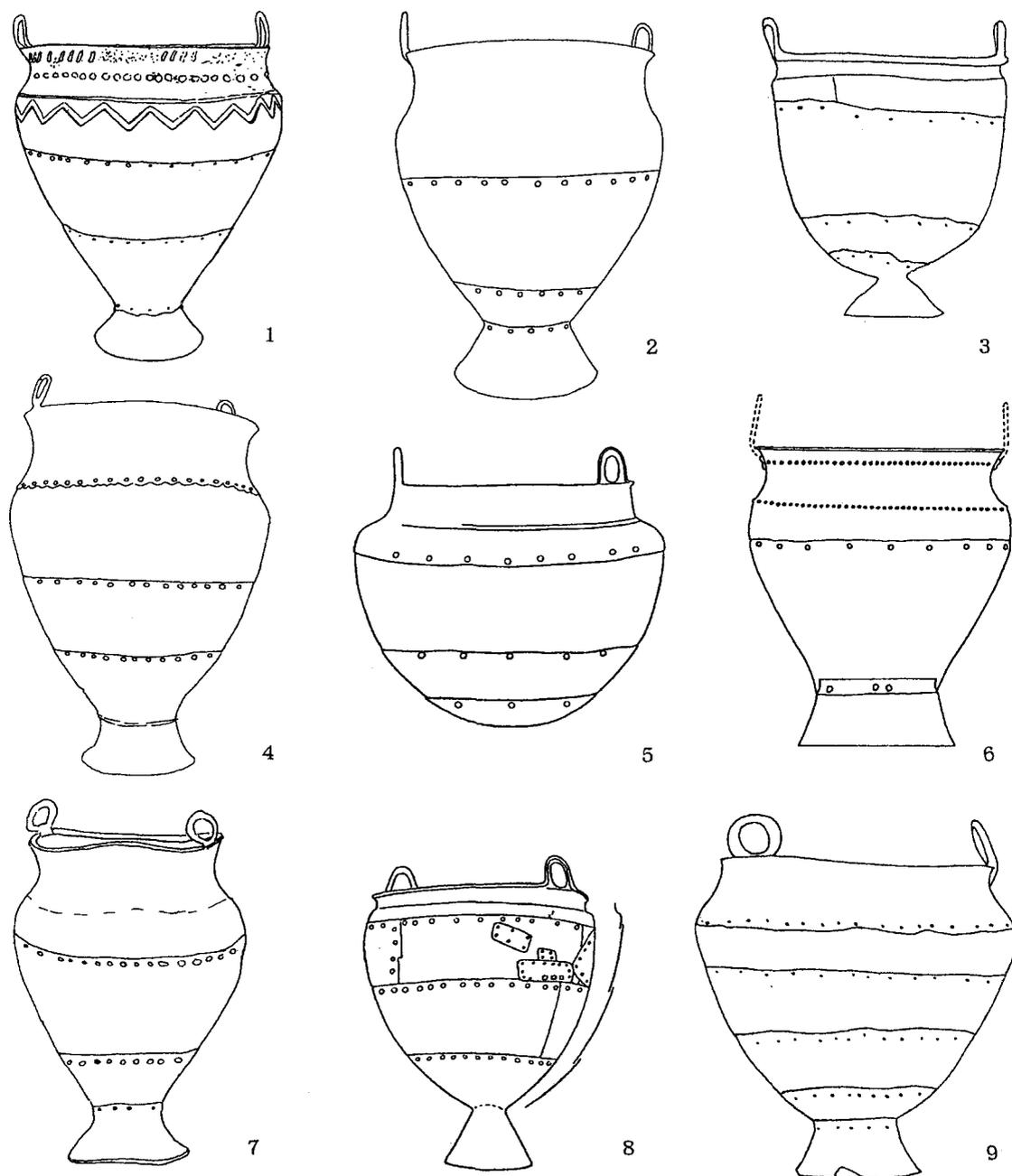

Рис. 6. Клепанные котлы на поддонах: 1 – с. Домашки (по Antoniewicz V., 1934); 2 – с. Антонины (по Antoniewicz V., 1934); 3 – с. Лапас (по Филипченко В.А., 1962); 4 – Подолье (по Antoniewicz V., 1934); 5 – с. Новопавловка (по Кривцовой-Граковой О.А., 1955); 6 – Одесская область (по Terenozkin A.I., 1962); 7 – Таращанский (по Antoniewicz V., 1934); 8 – Дикий Сад (по Кривцовой-Граковой О.А., 1955); 9 – с. Ивановское (по Раеву Б.А., 1979)

Вариант 1 – характеризуется 2 вертикальными кольцевидными ручками.

Подвариант А – без орнамента. К нему относится котел обнаруженный у с. Новопавловка Кировоградской области (Украина) (рис. 6, 5).

Остановимся прежде всего на котлах первого типа. Как уже отмечалось выше, их характерной

особенностью является отсутствие воронковидного поддона. В комплексе с котлом из к. 4 п. 2 Суворовского могильника были найдены бронзовые литая чашка, нож, тесло, долото, два четырехгранных шила, три иглы, некоторые костяные и каменные предметы (рис. 4). Как отмечали исследователи, аналогии бронзовой чашке

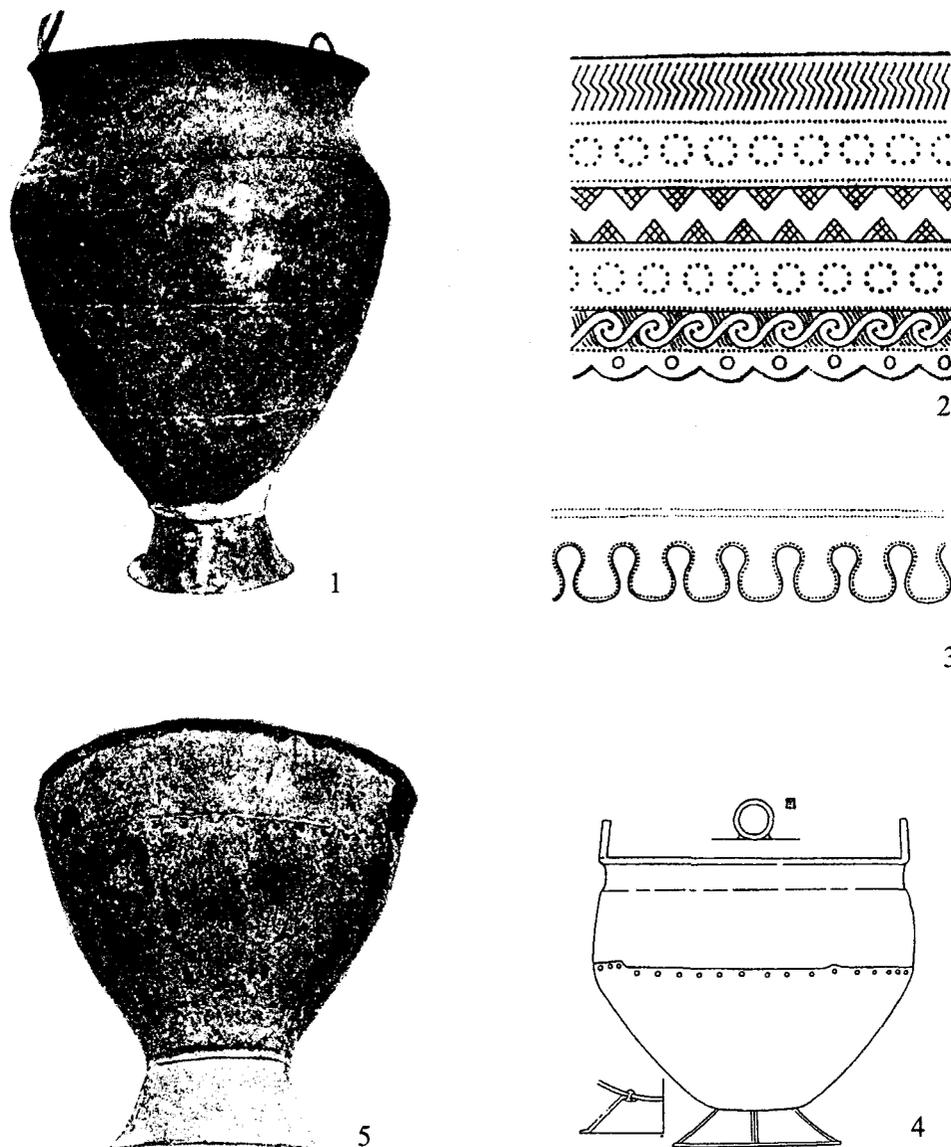

Рис. 7. Клепаные котлы на поддонах: 1–3 – Подолье (по Antoniewicz V., 1958); 4 – Ягорлыцкий залив (по Тереножкину А.И., 1982); 5 – д.Булгар (по Членовой Н.Л., 1978)

и бронзовому теслу обнаружены в Усть-Гайвинском могильнике на Урале и датируются концом XV – XIV вв. до н.э. (Нечитайло А.Л., 1975, с.52–58; Тереножкин А.И., 1982, с.221). Котлы полностью аналогичные экземплярам из Суворовского и Старо-Михайловки в степях Северного Причерноморья отсутствуют. Нет их и на соседних территориях. В частности кавказские сосуды данного периода времени, несмотря на схожесть в технике изготовления (они также склепаны из отдельных листов металла), имеют другую форму тулова, а также отличаются по форме и системе крепления ручек и дна (Крупнов Е.И., 1952; Техов Б.В., 1977; 1980; 1981; 1985). В то же время практически тождествен-

ные ставропольским котлам сосуды, как по морфологическим, так и по технологическим признакам, мы находим в шахтовых гробницах Микен, датируемых 1575–1500 гг. до н.э. (Matthäus H., 1980, Taff.22–23,80). Назовем здесь, в частности, котлы из шахтовых гробниц Ш (рис.5,1), IV (рис.5,2) и из шахтовой гробницы Е (рис.5,3). Они также изготовлены из металлических листов, соединенных между собой заклепками. Все экземпляры имеют выделенное профилированное кольцевидное плоское дно. Тулово котлов вытянуто по вертикальной оси. Максимальный диаметр располагается в верхней трети тулова. Ручки приклепаны к верхнему краю венчика котла. Причем совпадает и сам

способ их крепления. Прокованные концы металлического стержня ручки разрезаются на две части. Эти части с двух сторон охватывают венчик котла и приклепываются к нему заклепками.

Однако наблюдаются и некоторые различия. В частности, некоторые котлы из шахтовых гробниц Микен имеют по три ручки (рис.5,1,3). Котлы из Ставрополя имеют только по две ручки. Сами ручки отличаются по форме: ручки микенских сосудов – подпрямоугольные, ручки ставропольских котлов – петлевидные. Стержень ручек микенских котлов предварительно полностью проковывался, приобретая в сечении подпрямоугольную форму. Стержень ручек ставропольских котлов проковывался только на концах, сохраняя в средней части округлую форму сечения. У микенских котлов полностью отсутствует орнамент. Края металлических пластин микенских котлов обрезаны ровно. Края металлических пластин котла из с.Старо-Михайловка, так же как и края одной из пластин котла из могильника Суворовский, обрезаны в форме зигзага. В целом можно отметить более совершенное качество изготовления микенских котлов по сравнению с экземплярами со Ставрополя.

Таким образом, учитывая и несомненное сходство, и различие микенских и ставропольских экземпляров, можно с большой долей вероятности предположить, что ставропольские котлы являются непосредственными копиями микенских металлических сосудов, и их дата вполне укладывается в рамки конца XVI – XIV вв. до н.э.

Котлы типов II–V имеют воронковидный поддон. Их связь с сосудами типа I очевидна. Однако если более детально рассмотреть морфологические и технологические особенности изделий, то необходимо отметить, что котлам I типа наиболее близки экземпляры типов II и III. В частности, котел из с.Домашки (рис.6,1) (тип II), котлы из с.Антонины (рис.6,2), с Подолья (рис.6,4), Одесской области (рис.6,6) и к.Тарашанский (рис.6,7) (тип III) имеют практически тождественную форму тулова, как и ставропольские котлы. Ручки котла из с.Домашки (тип II) приклепаны аналогичным способом, что и ручки котлов I типа. Способ крепления ручек котлов типа III несколько отличается (основания ручек не охватывают венчик с двух сторон), однако они также приклепаны с внешней стороны сосуда. Кроме того, край одного из металлических листов котла с Подолья (тип III) обрезан зигзагом, как и края листов котла из с.Старо-Михайловка (тип I). Экземпляры типов IV и V,

за исключением техники изготовления корпуса котла из нескольких склепанных полос, с сосудами типа I не имеют практически ничего общего. Но с сосудами типов II и III их объединяет наличие поддона. Основные же отличия наблюдаются в форме тулова и в способе изготовления ручек. Так, котел IV типа имеет бокаловидное тулово. Котлы типа V имеют полусферическую форму тулова. Кроме того, ручки котлов из с.Лапас (рис.6,3) (тип IV), из Дикого Сада (рис.6,8) и из Ягорлыцкого залива (рис.7,4) (тип V) отлиты вместе с верхним листом металла непосредственно на венчике. Несколько своеобразно изготовление ручек котла из пос.Ивановского (тип V) (рис.6,9). Они прилиты на венчик сосуда, т.е. и в данном случае при изготовлении ручек техника клепки не применяется. Экземплярам типа V довольно близок котел типа VI из с.Новопавловка (рис.6,5). Он также имеет полусферическую форму тулова и его ручки отлиты вместе с верхним листом металла, но у него отсутствует поддон. Именно котлы из с.Лапас, Дикого Сада, пос.Ивановского, из Ягорлыцкого залива и из Новопавловки имеют наибольшее внешнее сходство с ранними цельнолитыми котлами VIII – начала VII вв. до н.э., что и было отмечено В.С.Бочкаревым.

Таким образом, клепаные котлы Северного Причерноморья делятся на шесть типов, общая дата которых ограничивается рамками конца XVI – начала VII вв. до н.э. Котлы типа I наиболее древние и датируются в пределах конца XVI – XIV вв. до н.э. Котлы типов II–VI более поздние. Среди них выделяются сосуды типов IV–VI, несомненно копирующие первые литые экземпляры VIII – начала VII вв. до н.э. Сосуды типов II и III в хронологическом отношении занимают, возможно, какое-то промежуточное положение между котлами типа I и экземплярами типов IV–VI. Однако абсолютно точно датировать их пока не представляется возможным. Было бы заманчиво предположить, что и воронковидный поддон появляется у всех котлов в результате влияния литых экземпляров. Но данный вопрос требует более детального исследования. Поэтому для сосудов типов II и III пока остается наиболее вероятной общая дата XIV – начало VII вв. до н.э. Тем не менее по своему происхождению все они связаны с клепаными сосудами крито-микенской цивилизации, в частности с сосудами из шахтовых гробниц Микен (1575–1500 гг. до н.э.), и поэтому термин «киммерийские» вряд ли подходит к данной группе клепаных котлов

Северного Причерноморья. Возможно, уже в конце XVI в. до н.э. образцы данной посуды или технология их изготовления попадают из Микенской Греции в Северное Причерноморье, где и начинается их производство местными мастерами, сохраняющееся без особых изменений до начала эпохи раннего железа. В VIII – нач. VII вв. до н.э. в данном регионе появляется новое население, принесшее с собой не только новые формы изделий, но и новый метод изготовления крупных металлических сосудов – метод литья. Местные ремесленники пытаются копировать

не только форму литых котлов, но и вносят изменения в привычную технологию. В частности, ручки начинают отливаться вместе с верхним листом металла сосуда. Данный факт в свою очередь можно рассматривать как еще одно свидетельство того, что население Северного Причерноморья не исчезает в IX в. до н.э., а на протяжении VIII – начала VII вв. до н.э. продолжает сосуществовать с пришельцами, перенимая знания и опыт в таком своеобразном ремесленном производстве, как изготовление металлических сосудов.

Литература

- Бочкарьов В.С., 1972. Киммерійські казани // Археологія. Вип.5.
- Городцов В.А., 1928. К вопросу о киммерийской культуре // Тр. секции археологии РАНИОН. Т.II. М.
- Демиденко С.В., 1997. Типология котлов савромато-сарматского времени с территории Нижнего Поволжья, Подонья и Северного Кавказа // Древности Евразии. М.
- Демиденко С.В., 2003. О клепаных котлах Северного Причерноморья // *Cultura Antiqua*. Volume 55. N 9. Kyoto (на японском языке).
- Кривцова-Гракова О.А., 1955. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА. № 46.
- Крупнов Е.И., 1952. Жемталинский клад // Тр. ГИМ. Памятники культуры. Вып.IV.
- Крупнов Е.И., 1958. Киммерийцы на Северном Кавказе // МИА. № 68.
- Крупнов Е.И., 1960. Древняя история Северного Кавказа. М.
- Кузьмина Е.Е., 1974. Кубкообразные сосуды Казахстана эпохи поздней бронзы // В глубь веков. Алма-Ата.
- Минаева Т.М., 1966. Нова знахідка киммерійського часу // Археологія. Т.XX.
- Нечитайло А.Л., 1975. Про одно з найдавніших киммерійських поховань // Археологія. Вип.15.
- Памятники срубной культуры, 1993. САИ. Саратов.
- Петриченко О.М., Шрамко Б.А., Солнцев Л.О., Фомін Л.Д., 1970. Походження і техника лиття бронзових казанів раннього залізного віку // Нариси з історії природознавства і техніки. Вип.12.
- Раев Б.А., 1979. Каталог археологических коллекций Музея истории донского казачества. Новочеркасск.
- Смирнов К.Ф., 1964. Савроматы. М.
- Тереножкин А.И., 1976. Киммерийцы. Киев.
- Тереножкин А.И., 1982. Ягорлыкский котел // СА. № 2.
- Техов Б.В., 1977. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н.э. М.
- Техов Б.В., 1980. Тлийский могильник. Т.I. Тбилиси.
- Техов Б.В., 1981. Тлийский могильник. Т.II. Тбилиси.
- Техов Б.В., 1985. Тлийский могильник. Т.III. Тбилиси.
- Филипченко В.А., 1962. Бронзовые котлы Астраханского музея // СА. № 1.
- Членова Н.Л., 1978. «Киммерийский» котел из Башкирии // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.
- Шрамко Б.А., 1965. Хозяйство лесостепных племен Восточной Европы в скифскую эпоху. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Киев.
- Antoniewicz V., 1934. Vase en bronze de Volhynie // ESA. T.IX.
- Antoniewicz W., 1958. Les chaudières præscythiques en bronze // *Archaeologia Polona*. T.I.
- Leskov A.M., 1981. Jung- und spätbronzezeitliche Depotfunde im nördlichen Schwarzmeergebiet I (Depot mit einheimischen Formen) // PBF. Abteilung XX. 5. Band. München.
- Makarenko N., 1930. La civilisation des Scythes et Hallstatt // ESA. T.V.
- Matthäus H., 1980. Die Bronzegefäße der kretisch-mykenischen Kultur // PBF. Abteilung II. 1. Band. München.
- Terenzkin A.I., 1962. Der Bronzekessel des Odessaer Museums // *Mitteilungen der anthropologischen Gesellschaft in Wien*. XCII.Band (92). Wien.

БРОНЗОВОЕ АНТРОПОМОРФНОЕ НАВЕРШИЕ ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ СТАНИЦЫ ГОСТАГАЕВСКОЙ

Находка, о которой речь пойдет ниже, была известна В.С.Ольховскому по фотографии. Валерий Сергеевич, с неизменным интересом относившийся к любым древним антропоморфным изображениям, высказывал пожелание, чтобы она была по-возможности скорее опубликована. Настоящая заметка – скромная дань памяти моего наставника.

В 1987 г. сотрудниками Анапского археологического музея был проведен осмотр территории дачных кооперативов «Черемушки» и «Здоровье», создающихся близ станицы Гостагаевской Анапского района Краснодарского края.

В числе зафиксированных археологических объектов – небольшой зольный холм, из которого при плантажной вспашке были вывернуты массивные необработанные глыбы камня-дикаря. На холме найдены обломки лепной керамики, кремневый отщеп со следами пребывания в огне, фрагменты медного колечка и бронзовое навершие в виде головы человека.

Навершие представляет собой литое скульптурное изображение головы человека на длинной шее. Лицо круглое, с массивной нижней челюстью, большим полуоткрытым ртом, широким носом, глубокими глазными впадинами. На темени – овальный валик, изображающий головной убор или, скорее, прическу. Затылок массивный, уши большие полукруглые. Шея, служащая втулкой навершия, имеет два выреза, прямоугольный с прорезью спереди и ромбовидный сзади. При расчистке навершия от покрывавшей его патины, выяснилось, что внутри головка полая и заполнена обожженной глиной – остатками основы восковой модели, по которой отливалось изделие. Высота навершия – 5 см, диаметр втулки – 1,5 см (рис.1).

Описанная головка относится к кругу кавказско-ближневосточно-средиземноморской антропоморфной бронзовой пластики II – первой половины I тысячелетий до н.э. (Марко-

вин В.И., 1986). Отдельные изображения голов в ней довольно редки. В сводку В.И.Марковина включено пять подобных изображений и несущих их предметов: голова идола из с.Нар, аналогичная ей находка из Моллаисакли, подвеска из Тлийского могильника, псалий из Куртана, булавка из Нор-Баязета (Марковин В.И., 1986, рис.17,9). К указанному перечню можно добавить колесовидный псалий с шестью личинами из Кобанского могильника (Доманский Я.В., 1984, рис.182–184).

Судя по круглой втулке, головка надевалась на какой-то цилиндрический предмет. Вероятнее всего, она служила навершием посоха или жезла. Металлические втульчатые навершия, нередко украшенные фигурками людей и животных, достаточно широко представлены в древностях Кавказа конца II – первой половины I тысячелетия до н.э. (Доманский Я.В., 1984, с.63,64, рис.169–175; Техов Б.В., 1977, с.152–156, рис.108).

В связи с предполагаемым назначением гостагаевской головки хотелось бы обратить внимание на упомянутую уже бронзовую булавку из Нор-Баязета (Есян С.А., 1980, с.40, табл.58,4). По форме она очень напоминает посох с гофрированной рукоятью и навершием в виде человеческой головы, подобным публикуемому.

Традиция придавать булавкам форму каких-либо конкретных предметов и орудий была распространена у многих народов древности. Изображения разной формы топоров, булав, жезлов, посохов являлись символами воинского и жреческого могущества, наделялись функциями оберегов (Никитина Н.М., 1999, с.219,220). Ту же роль, видимо, играли миниатюрные модели подобных предметов, выполненные в форме булавок.

Так, на Кавказе известны бронзовые булавки конца II – первой половины I тысячелетия до н.э., изображающие в миниатюре топоры (Крупнов Е.И., 1960, рис.9,1; Техов Б.В., 1977,

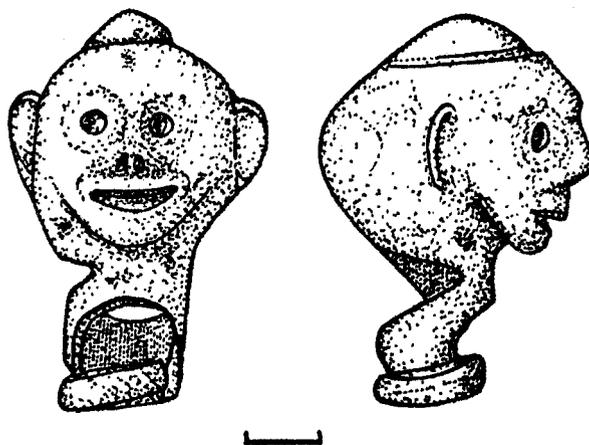

Рис. 1 Бронзовое навершие из окрестностей станицы Гостагаевской

с.39–41, рис.43,44; Козенкова В.И., 1982, с.57,58, табл.XXXV,6; Доманский Я.В., 1984, с.58,59, рис.59,60, табл.XIII,XIV). К тому же времени относятся булавки с так называемыми пятишишечными навершиями (Крупнов Е.И., 1960, рис.9,2; Техов Б.В., 1977, с.41–43, рис.45; Доманский Я.В., 1984, рис.69), которые напоминают насаженные на древко каменные и бронзовые боевые булавы с четырьмя выступами по бокам (Техов Б.В., 1977, с.26–32,110–113, рис.35,90; Доманский Я.В., 1984, с.54, рис.31, 32; Козенкова В.И., 1995, с.78,79, табл.XXI, 6–8).

В предкавказских погребениях II тысячелетия до н.э. нередко находки бронзовых изогнутых булавок, получивших у археологов название посоховидных (Кореневский С.Н., 1990, рис.5,37,38;7,3;8,19;11,7;42,46–50; Державин В.Л., 1991, рис.5,12,13;7,5–11; Трифонов В.А., 1991, рис.19,11–13;20,11,12). По мнению В.Я.Кияшко, эти булавки представляют собой сильно уменьшенные ритуальные жезлы – «калмус», изображения которых известны на древневосточных печатях, а реальные находки – в степных курганах юга Восточной Европы (Кияшко В.Я., 1992, с.44, рис.9,8–12).

Если наше предположение верно, и булавка из Нор-Баязета действительно является изображением посоха с антропоморфным навершием, аналогичным публикуемому, то посохи, увенчанные человеческой головкой, были достаточно широко распространены на Кавказе, раз уж они послужили основой для

создания их миниатюрных копий в качестве булавок. Большинство из них, вероятнее всего, были цельнодеревянными, и лишь немногие могли иметь металлическое навершие.

Не исключено, что некоторые кавказские булавки, увенчанные фигурками людей и животных или же целыми композициями из них (Крупнов Е.И., 1960, рис.9,8; Доманский Я.В., 1984, рис.61–66; Доманский Я., Пиотровский Ю., 1984, с.36, рис.2), также изображают посохи или ритуальные жезлы, так как сходные изображения имеются на бронзовых втульчатых навершиях (Доманский Я.В., 1984, рис.169–175). Головка одной из кавказских булавок (Доманский Я., Пиотровский Ю., 1984, рис.2, крайняя слева) поразительно напоминает навершия штандартов из скифских курганов VII–VI вв. до н.э., открытых в Предкавказье (Переводчикова Е.В., 1980, рис.3,9,10; Петренко В.Г., 1989, табл.87,48,49). Интересно в этой связи также отмеченное Е.Е.Кузьминой «полное технологическое, композиционное и стилистическое сходство» навершия с двумя всадниками из Дагестана с фигуркой всадника, венчающей кобанскую булавку из коллекции Венского музея (Кузьмина Е.Е., 1973, с.181).

Нор-баязетскую находку С.А.Есяян датирует началом I тысячелетия до н.э. (Есяян С.А., 1980, с.40). К тому же примерно времени следует, очевидно, относить и бронзовую головку из окрестностей станицы Гостагаевской.

Литература

- Державин В.Л., 1991. Степное Ставрополье в эпоху ранней и средней бронзы. М.
- Доманский Я.В., 1984. Древняя художественная бронза Кавказа. М.
- Доманский Я., Пиотровский Ю., 1984. Археологический комплекс бронзовых вещей из Дагестана // СГЭ. Вып. XLIX.
- Есян С.А., 1980. Скульптура древней Армении. Ереван.
- Кияшко В.Я., 1992. К вопросу о молоточковидных булавах // Донские древности. Вып. I. Азов.
- Козенкова В.И., 1982. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант // САИ. Вып. В2-5.
- Козенкова В.И., 1995. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры. Западный вариант // САИ. Вып. В2-5.
- Корневский С.Н., 1990. Памятники населения бронзового века Центрального Предкавказья. М.
- Крупнов Е.И., 1960. Древняя история Северного Кавказа. М.
- Кузьмина Е.Е., 1973. Навершие со всадниками из Дагестана // СА. № 2.
- Марковин В.И., 1986. Культовая пластика Кавказа // Новое в археологии Северного Кавказа. М.
- Никитина Н.М., 1999. Ритуальные молоты-топоры из троянскогоклада L (К вопросу о датировке данного археологического комплекса) // ВДИ. № 2.
- Переводчикова Е.В., 1980. Типология и эволюция скифских наверший // СА. № 2.
- Петренко В.Г., 1989. Скифы на Северном Кавказе // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.
- Техов Б.В., 1977. Центральный Кавказ в XIV-X вв. до н.э. М.
- Трифонов В.А., 1991. Степное Прикубанье в эпоху энеолита – средней бронзы // Древние культуры Прикубанья. Л.

АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

И.Н.Медведская

СИАЛК В И ХАСАНЛУ IV: ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ

Материалы Сиалка В и Хасанлу IV используются во всех работах, касающихся хронологии и развития конской узды, времени и направленности культурных контактов евразийского и передневозосточного регионов в период РСК.

За 10 лет, прошедших со времени начала дискуссии по хронологии скифской архаики, появилось много новых материалов, их новых интерпретаций и новых концепций. Вряд ли возможно обсудить всё накопленное за это время. Однако не лишним будет уточнить и дополнить ряд моих прежних положений, которые не всегда точно интерпретируются в исследованиях последнего времени и предложить новые аспекты старой проблемы – хронологии Сиалка В и Хасанлу IV.

СИАЛК В

Предметы конской узды из могильника Сиалк В постоянно привлекаются для определения хронологии памятников РСК и культурно-политического взаимодействия кавказского и иранского регионов. Выделенный В.Р.Эрлихом в северокавказских памятниках «сиалковский» тип стержневидных псалиев в конечном счете лег в основу омоложения Сиалка В (Эрлих В.Р., 1994, с.66–68). Недавно «сиалковский» тип псалиев был определен в узде, обнаруженной в Хасанлу IV (Погребова М.Н., 2001, с.326–329). А.И.Иванчик настаивает на удревнении Сиалка В, основываясь на сходстве элементов конского убора с уздечным комплексом Хасанлу IV, который датируется им вслед за американскими исследователями X–IX в. до н.э. (Иванчик А.И., 2001, с.168,278).

Прежде всего, необходимо подчеркнуть морфологические различия псалиев Сиалка В, Северного Кавказа и Хасанлу IV (рис.1). В последнем преобладают псалии, у которых один

конец имеет круглое, другой – прямоугольное сечение, центральная часть стержня утолщена и имеет зубчатую форму, образованную соединением трех расширений вокруг круглых отверстий. Концы псалиев длинные, каждый из них равен по длине площадке с отверстиями (рис.1,2). Именно выделенная таким образом центральная часть псалия отличает псалии Хасанлу от сиалковских. У последних каждое круглое (не угловатое) расширение вокруг отверстия раздвинуто по стержню псалия, площадки нет. Концы сиалковских псалиев короткие (рис.1,3). Учитывая общую тенденцию развития стержневидных псалиев, которое заключается в постепенном смещении отверстий к центру стержня, следует считать псалии из Хасанлу типологически более поздним вариантом. Хотя псалии из обоих памятников относятся к одному времени, но это совстречаемость раннего и позднего типов. Выделять в Хасанлу IV «сиалковский» тип псалиев нет оснований.

В.Р.Эрлих выделил в Закубанье «сиалковский» тип псалиев (III б), которые встречаются на Северном Кавказе вместе со стремечковидными удилами (тип III-2). Поскольку такие удила неизвестны в комплексах, надежно датированных VIII в. до н.э., это дает ему основание датировать Сиалк В концом VIII – первой половиной VII вв. до н.э. (Эрлих В.Р., 1991, с.40,41; 1994, с.67,68). Такую датировку, по его мнению, подтверждает «сиалковский», тип обойм-пронизей из I Ульского кургана 1909 г. и морфологически близкий псалий из п.27 Келермесского могильника (Эрлих В.Р., 1994, с.67,68). Отсутствие морфологического сходства между сиалковскими обоймами с припаянными скобами и ульскими цельнолитыми пронизьями уже было отмечено (Медведская И.Н., 2001). Не исключено, что ульские пронизии относятся к другому (местному) типу пронизей.

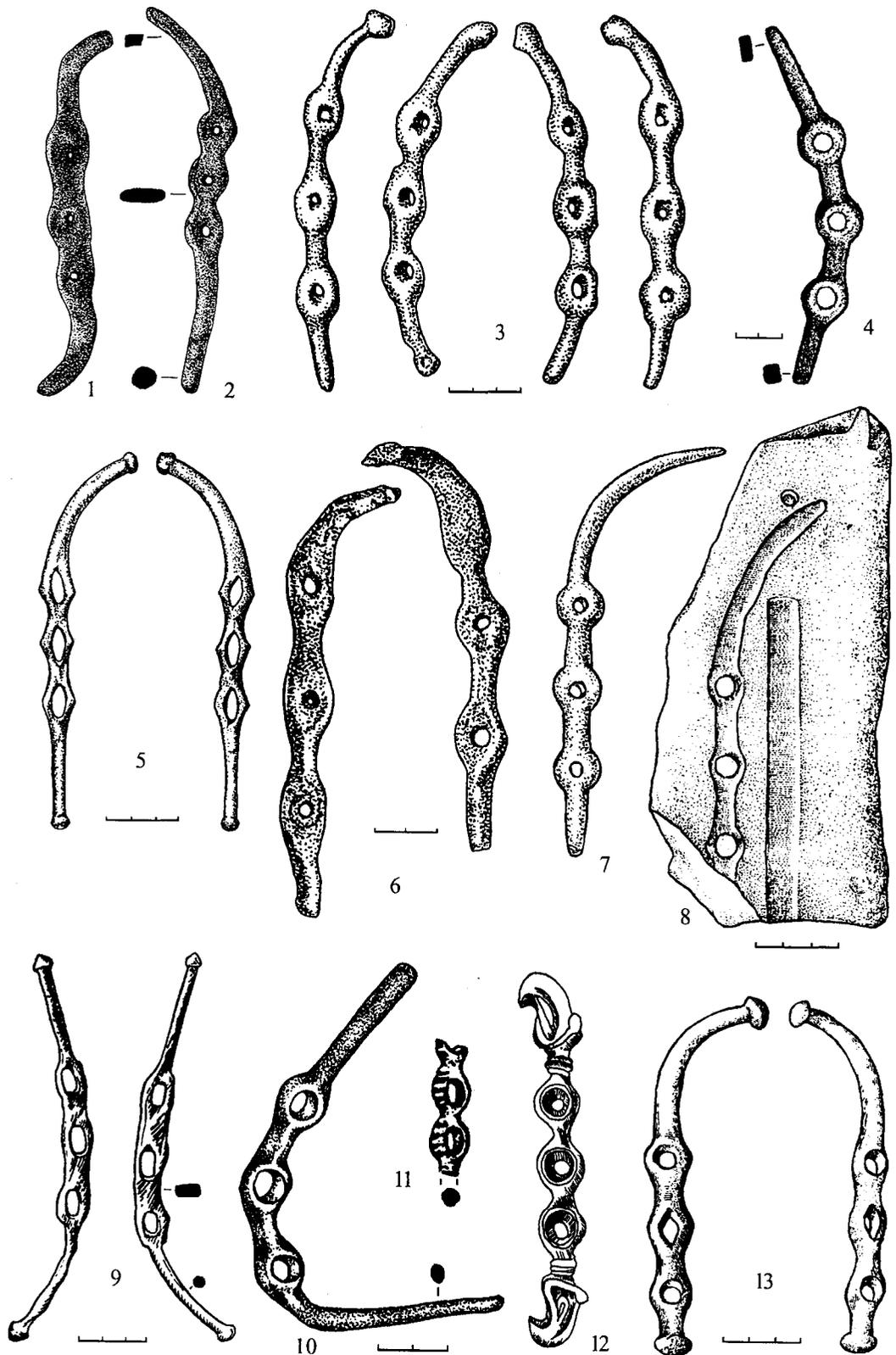

Рис. 1. Бронзовые псалии. 1,2 – Хасанлу IVB; 3 – Сиалк В, п.15 (Иран); 4 – случайная находка (Восточная Анатолия); 5 – Малый курган; 6 – Мингечаур, к.П; 7 – Шамхорский могильник (Азербайджан); 8 – Дальверзин тепе (матрица, Фергана); 9 – Келермесс, п.27 (железо); 10 – хут.Дукмасов; 11 – устье р.Псекупс; 12 – Кубанский могильник, п.39 (Северный Кавказ); 13 – Сакар-чага 6, п.23 (Приаралье)

Во всяком случае, в могильнике у аула Сержень-Юрт найдена близкая по форме пронизь с подквадратным щитком (п.39), которая датируется IX в. до н.э. (Козенкова В.И., 2002, с.97,128, табл.VI, табл.27). Келермесский железный псалий, судя по наличию подпрямоугольной площадки с тремя (правда, прямоугольными, а не круглыми) отверстиями и длинными концами, скорее можно сопоставить с типичными псалиями из Хасанлу IV и псалиями начала VII в. из Малого кургана в Мильско-Карабахской степи. Последние также имеют угловатые расширения вокруг сближенных овальных отверстий и длинные концы. Фрагмент псалия из района р.Псекупс имеет предельно сближенные отверстия, утолщения возле которых имеют горизонтальное рифление. Все эти псалии типологически сближаются с псалиями из Хасанлу IV (рис.1,2,5,9,11).

Среди перечисленных В.Р.Эрлихом «сиалковских» псалиев преобладают экземпляры с одним или двумя длинными концами или достаточно сближенными между собой отверстиями. Это относится к псалию из хут.Дукмасова с двумя длинными и загнутыми (специально?) концами и псалию из Кубанского могильника (п.39) с зооморфными окончаниями, «полные аналогии» которому не известны (Эрлих В.Р., 1994, с.66), (рис.1,10,12).

Оба псалия из Сакар-Чага 6, к.23, имеют верхний длинный конец с шишечкой, «нижний конец отсутствует, завершение в виде грибовидной шляпки посажено непосредственно на окончание стержня-основы псалия». Центральное отверстие обоих псалиев ромбовидное (Яблонский Л.Т., 1991, с.81, рис.11,1,2), (рис.1,13). Приведенное описание относится к эльтонскому типу псалия (Красная Деревня), который выделяется на среднечерногоровском этапе (Дубовская О.Р., Подобед В.А., 1996, с.107, рис.2) и подходит для псалия из Сакар-Чага 6. Датируется эльтонский тип псалиев VIII в. до н.э. (Вальчак С.Б. и др., 1996, с.37–39).

Пожалуй, наиболее близким к сиалковскому является псалий из Дальверзина (фрагмент матрицы). Их сближает один, но главный, признак – раздвинутые круглые отверстия, утолщения возле которых не изменяют форму/толщину стержня. Правда, сохранившийся конец дальверзинского псалия – длинный. В этой связи примечательны псалии из могильников Шамхор (Азербайджан) и Тепе Гиян (п.3): один конец длинный, другой – короткий.

Но главный признак – раздвинутые отверстия – сближает их с сиалковскими, дальверзинским и, по-видимому, с мингечаурскими экземплярами. Предположительно именно такую форму можно считать вариантом сиалковских псалиев (рис.1,7,8).

У псалиев, которые В.Р.Эрлих отнес к «сиалковскому» типу, этот главный признак отсутствует. Не исключено, что некорректность предложенных сопоставлений может восходить к неверному изображению А.И.Тереножкиным псалия из п.15 могильника Сиалк В (Тереножкин А.И., 1971, с.76, рис.3,9). Изображенный здесь псалий имеет один очень длинный конец вместо двух равно коротких, неточен рисунок центральной части – главный признак сиалковских псалиев отсутствует.

Итак, рассмотренные В.Р.Эрлихом псалии не могут называться «сиалковским» типом и не могут влиять на датировку могильника Сиалк В.

В Хасанлу IV «сиалковский» тип псалиев отсутствует. Однако он найден в Восточной Анатолии, что может указывать на западные связи культуры Сиалка (рис.1,4).

Датировка могильника Сиалк В основывается не только на принадлежностях конской сбруи. Пожалуй, более важным датирующим признаком этого комплекса является расписная керамика. Расписной стиль керамики обнаруживает структурное единство с греческим геометрическим стилем вазописи. Классический геометрический стиль вазовой живописи, созданный афинскими керамистами, развивался мастерами Аттики в течение 900–700 гг. до н.э. Аттика оказала огромное влияние на остальные керамические центры как материковой Греции, так островной и малоазийской. Наибольшего влияния аттическая школа достигает в VIII в. до н.э., но к концу века ее влияние ослабевает; становятся независимыми керамические школы других центров. Особенно усиливается влияние Коринфа, керамический стиль которого будет ведущим в VII в. до н.э.

Аттическая вазопись геометрического стиля в своем окончательном виде формируется к 760 г. Именно к этому времени окончательно сложились четыре составляющих элемента стиля: геометрический орнамент, силуэтная техника для изображения людей и животных, система метоп и триглифов, заполнительный орнамент. Их анализ позволяет настаивать на том, что расписной стиль Сиалка В, равно как и фригийский стиль, мог сложиться и существовать

только в пределах второй половины VIII в. до н.э. Геометрический стиль на рубеже VIII–VII вв. до н.э. сменился ориентализирующим стилем, который явился полной противоположностью геометрическому стилю.

Необходимо подчеркнуть, что сиалковская роспись, равно как и фригийская, обнаруживают сходство не отдельных элементов аттической формулы вазаписи (хотя иногда сходство этих элементов абсолютно), а их системное сочетание. Но при структурном единстве все три керамические школы стилистически различны, общим является подход к изобразительности (Medvedskaya I.N., 1986, p.89–120). Именно в VIII в. до н.э. геополитическая ситуация благоприятствовала проникновению на Иранское плато культурных импульсов с запада, о чем ниже.

Таким образом, расписная керамика Сиалка В не позволяет датировать его IX в. до н.э., конская упряжь дает основания для его датировки VIII в., а отсутствие конской узды РСК 2 очевидно исключает VII в. до н.э.

ХАСАНЛУ IV

Хасанлу IV первоначально датировался исследователями X–IX вв. до н.э. Позднее нижняя дата на основании датировок по C^{14} стала углубляться до 1150 гг. до н.э. Но гибель города постоянно связывается с урартским завоеванием приурмийского района в конце IX в. до н.э. Надо сказать, что в 1960-е годы у исследователей и не было иного выбора в поисках виновников полного разрушения города. После походов в район западного и южного побережий Урмии ассирийских царей Салманасара III и Шамши-Адада V в IX в., которые не смогли завоевать этот район, приурмийские земли были завоеваны урартами, которые владели этими землями около 100 лет (Medvedskaya I., 2000, p.435–438).

Между тем, маршрут похода Саргона в 714 г. вплоть до 1980-х годов локализовался исследователями с восточной стороны озера Урмия, и следовательно ассирийцы не могли разрушить этот город. Других походов ассирийцев в северо-западный Иран больше не было. Таким образом, с начала исследований в Хасанлу система датировок археологического материала была построена на единственно возможной дате разрушения города в конце IX в. до н.э. И даже в тех случаях, когда приводимые авторами ана-

логии находкам из Хасанлу IV ограничивались VIII и даже VII вв. до н.э., такие находки в Хасанлу IV датировались IX в. до н.э. Теперь, однако, маршрут Саргона в приурмийской зоне пересмотрен и локализуется вдоль южного и западного его берегов (литературу см.: Медведская И.Н., 1989, с.102–116).

Я предложила включить в период существования Хасанлу IV помимо IX в. также и VIII в. до н.э., основываясь на серии вещей, датировка которых исключала IX в., а также на ряде признаков в ассирийской изобразительности VIII в. до н.э., которые отсутствовали на изображениях IX в. до н.э. Так работают многие, в том числе и исследователи Хасанлу, но именно «мой метод» вызвал резкие возражения А.И.Иванчика, который настаивает на прежней дате Хасанлу IV – X–IX вв. до н.э. Его «уточнения» по поводу того, что сохранившиеся ассирийские рельефы относятся только к 70–40 гг. IX в. до н.э. и ко 2-й половине VIII в. (Иванчик А.И., 2001, с.263; что, впрочем, отмечалось и мною в статье 1988 г.), во-первых, неточны, во-вторых, никак им не анализируются.

Между тем имеющиеся материалы могут предполагать более полную картину развития экипировки колесницы и коня в Ассирии. Дело в том, что А.И.Иванчик упустил из виду и более ранние изображения, которые свидетельствуют о длительном бытовании одних и тех же элементов экипировки коня и колесницы в Ассирии. Так, эллиптический щит существовал, по крайней мере, уже при Тикульте-Нинурте II (890–884) (Madhloom T.A., 1970, p.12, pl.I,2). Еще более важным является изображение на Белом Обелиске, в надписи на котором упомянут царь Ашшур-нацир-апал. Сходство с изобразительностью времени Ашшур-нацир-апала II давало возможность ряду исследователей датировать этот памятник IX в. до н.э. Но анализ надписи, иконография дают основание все-таки датировать этот памятник временем Ашшур-нацир-апала I (1050–1032) (Madhloom T.A., 1970, p.10,11, pl.I,1; Reade S.F., 1975, p.129–150). Это, в свою очередь, позволяет полагать, что, в частности, ассирийская колесница с XI по IX вв. до н.э. включительно не претерпела конструктивных и декоративных изменений (колесницы Ашшур-нацир-апала II и Салманасара III (858–824), судя по рельефам, не различаются) (Madhloom T.A., 1970, p.12–17).

Начиная с Шамши-Адада V (823–811) и до времени Тиглатпаласара III (744–727) мас-

штабная изобразительность отсутствует, в конце IX в. до н.э. Ассирия вступила в полосу упадка. Но вряд ли находясь в состоянии кризиса, Ассирия приступила к модернизации армии: конницы и колесницы, в частности. Реорганизовал армию уже Тиглатпаласар III в период нового подъема страны. Но судя по тому, что, например, эллиптический щит изредка еще встречается на рельефах его времени, можно думать, что старый тип колесницы, существовавший с XI в., ее убранство и экипировка еще использовались в первой половине VIII в. до н.э., обеспечивая тем самым преемственность рельефных изображений. И в этой связи интересна опубликованная М. Мэллованом резная панель из слоновой кости из Нимруда. Хотя в изображениях преобладают черты IX в. до н.э., но имеются новшества, характерные для времени Тиглатпаласара III (форма кузова с поднятой спинкой, орнаментированные стенки кузова и отсутствие на них перекрещенных горитов; имеются изменения в экипировке воинов). Не исключено, что время изготовления панели непосредственно предшествует правлению Тиглатпаласара III (Mallowan M.E.L., 1966 p.279–282, fig.262,263; Madhloom T.A., 1970, p.17).

Таким образом, о столетней лакуне в ассирийском иконографическом материале говорить не приходится, и в исследованиях специалистов это и не делается.

«Вторым существенным недостатком метода И.Н.Медведской является автоматический перенос выводов, сделанных на основании ассирийских рельефов, изображающих ассирийских всадников и колесничих, на урартов и маннеев» (Иванчик А.И., 2001, с.263). Впервые, не следует приписывать мне собственные заблуждения. Ни о каких маннеях в районе Хасанлу в IX–VIII вв. до н.э. не может быть и речи. В IX в. юго-западное побережье Урмии, где находится Хасанлу, входило в страну Ида, бывшей частью Внутреннего Замуа, и которое граничило со страной Гильзан, локализуемой вдоль западного берега озера. Манну ассирийцы называли отдельно от перечисленных стран, к востоку от Внутреннего Замуа. В конце IX в. до н.э. Гильзан и часть Внутреннего Замуа, включая страну Ида, были завоеваны урартами и переименованы. «Этот район был стратегически важным для урартов. Сохранив его население и ресурсы они быстро превратили его в плацдарм, необходимый им для завоевания Манны и других соседней с ней стран»

(Medvedskaya I., 1988, p.11; 2000, p.435–438). Маннеи проникли сюда только после 714 г., и в начале VII в. уже фиксируются здесь ассирийскими источниками (Медведская И.Н., 1989, с.113; Medvedskaya I., 1997, p.203,204).

Во-вторых, о каком «переносе выводов» идет речь? Если изображения некоторых реалий, обнаруженных в Хасанлу, зафиксированы на ассирийских рельефах только VIII, а не IX в. до н.э., то естественно было усомниться в их датировке IX в. и предложить для них VIII в. до н.э. Однако это само по себе вовсе не исключает IX в. до н.э. из датировки Хасанлу IV. Рассматривая параллельно эволюцию урартского конского защитного доспеха, я подчеркивала более активное его развитие урартами и приоритет военной реформы Сардури II (760–7230) (Дьяконов И.М., Медведская И.Н., 1987, с.207,208; Medvedskaya I., 1988, p.5).

Примером этого может, в частности, служить поиск оптимальной формы защитного приспособления для головы коня. Громоздкие налобники Т-образной формы, трапециевидной и более сложных форм¹ закрывали главным образом лоб коня и крепились широким краем к налобному ремню, как это можно видеть на скульптурной голове коня из Зинджирли (Medvedskaya I., 1988, fig.1.2). Трапециевидные налобники известны уже в конце IX в. (надписи Ишпуини 20–10-е гг. IX в.) и, очевидно, использовались до VII в. до н.э. (Seidl U., 1991, p.79,80, № 66, 48, 51, 52). Судя по широкому распространению костяных трапециевидных налобников с изображением божества, можно думать, что изначально такие налобники были, скорее, оберегами, чем защитным приспособлением (Mallowan M.E.L., 1966, fig.458,549). Урартские бронзовые налобники первоначально также имели изображение божества (рис.5,6). Т-образные пластины с довольно длинной наносной частью уже в большей степени были защитным доспехом коня. Они датируются временем от Ишпуини до Сардури II (Seidl U., 1991, № 38, 39, 70). Известно лишь одно изображение божества на них. В Хасанлу IV оба вида налобников отсутствуют.

Трапециевидные пластины VIII–VII вв. – наносники – крепились широким краем вниз, о

¹ Налобники сложной формы IX в. (Medvedskaya I., 1988, fig.3,1) У.Зайдль рассматривает теперь в качестве приспособления для защиты левой руки лучника (Seidl U., 1991a, p.116).

чем свидетельствуют изображения на них, а также изогнутость широкого нижнего края, который лежал на узком храпе коня (рис.5,1–5,7). Возможно, что именно урартские Т-образные налобники лежали в основе появления трапециевидных наносников. В Хасанлу IV найден такой наносник с обломанным верхним концом, аналогии которому издатели видели в памятниках конца VIII–VII вв. до н.э. (Schauensee M. de, Dyson R., 1983, p.63,64, fig.6) (рис.5,2). Примечательно, что в этом комплекте были найдены также роговые трехдырчатые псалии (рис.2,5), датировка которых исключает IX в. до н.э., о чем ниже².

Из Хасанлу IV происходит также оригинальный конский шлем. В упряжке колесничного коня находилась двучастная, соединенная шарнирами пластина, также закрывавшая всю морду коня. Аналогии шарнирным пластинам известны на Кипре (Саламис) и датируются VII в. до н.э.³

Остановившись на развитии урартского конского доспеха, который, помимо узды, представлен в Хасанлу IV, я тем самым показала, что в городе, после его завоевания урартами, присутствовало конское снаряжение, которое могло использоваться и урартами в VIII в. до н.э. Если же А.И.Иванчик настаивает на гибели Хасанлу IV в конце IX в. до н.э. под ударами урартов, то можно ли говорить об урартском приоритете в Урмийской зоне уже в IX в.

² А.И.Иванчик, однако, не отличает налобники трапециевидной формы от наносников. Поэтому, приводимый им «яркий пример» некорректности «применяемого И.Н.Медведской метода», когда она использует ассирийскую изобразительность для датировки Хасанлу IV, вместо того, чтобы обращаться к реалиям, – обернулся конфузом. Приводимые им два налобника (а не наносника) с надписями Ишлуини для доказательства применения урартами наносников, типа, найденного в Хасанлу IV уже в последней четверти IX в. до н.э., не имеют отношения к проблеме датировки Хасанлу IV (Иванчик А.И., 2001, с.264, рис.129). Замечу, что в статье 1988 г. я приводила рисунок аналогичного трапециевидного налобника и подчеркивала их предшествование наносникам (Medvedskaya I., 1988, p.2–7, fig.2,4).

³ Вместе с ними в гробнице 3 обнаружены также два конских нагрудника, близких по форме нагруднику из Хасанлу. Хотя они близки нагрудникам, изображенным на ассирийских рельефах IX в., но в VIII в. их изображения уже не известны, и можно думать, что в самой Ассирии они уже вышли из употребления в VIII в. до н.э. (Karageorghis V., 1967, p.53,58, pl.CXXXVIII,111,22).

до н.э., что следовало бы из приводимых им примеров. Логичны ли предположения, что жители города, находившиеся под сильным ассирийским влиянием в IX в. до н.э. и погибшие во время штурма его урартами, хранили в своих конюшнях передовое по тем временам урартское конское снаряжение? По-видимому, влияние урартской военной мысли могло сказаться только после включения приурмийской зоны в состав Урарту, в течение VIII в. до н.э.

На самом же деле А.И.Иванчик достиг бы большего успеха в деле исключения VIII в. до н.э. из датировки Хасанлу IV, если бы смог объяснить те противоречия, которые возникли у О.Мускареллы в связи с изучением резной слоновой кости из Хасанлу IV. Здесь выделено четыре группы изделий: ассирийского (5%), северосирийского (21%), иранского (2%) и местного (т.е. сделанного в Хасанлу – 72%) происхождения. Их различают стиль изображения, сюжеты, уровень мастерства. Только на местной кости имеются батальные сцены. Ассирийские костяные изделия – это царские фигуры в канонической позе, крылатые фигуры богов, сфинксы, рогатые копытные в геральдической позе у древа жизни и т.п.

О. Мускарелла неоднократно подчеркивает, что местные косторезы не копировали ассирийской кости, тогда как влияние северосирийской школы очевидно в изделиях местных резчиков (Muscarella O.W., 1980, p.167,168,222). Это влияние обнаруживается в изображениях коней в статичной позе – все ноги на земле, в отличие от ассирийской экспрессивной манеры изображения коней с поднятыми передними ногами (Muscarella O.W., 1980, p.162,168); обнаженного врага под копытами коней (Muscarella O.W., 1980, p.168) – в IX в. до н.э. ассирийцы изображали поверженного врага одетым⁴; в орнаменте гильош (плетенка) с центральными углублениями (Muscarella O.W., 1980, p.168), особого типа льва и прочее (Muscarella O.W., 1980, p.211).

⁴ В VIII в. до н.э. известны единичные изображения обнаженного врага под копытами коней на рельефах Тиглатпаласара III и Саргона II (Winter I.S., 1983, p.25, fig.14a; Barnett R.D., Falkner M., 1962, pl.XLIII). Сказалось ли в этом широкое влияние северосирийского искусства или это стало общей чертой древневосточного искусства в VIII в. до н.э., в данном случае неважно. Важно, что обнаженная фигура поверженного врага – признак VIII в. до н.э.

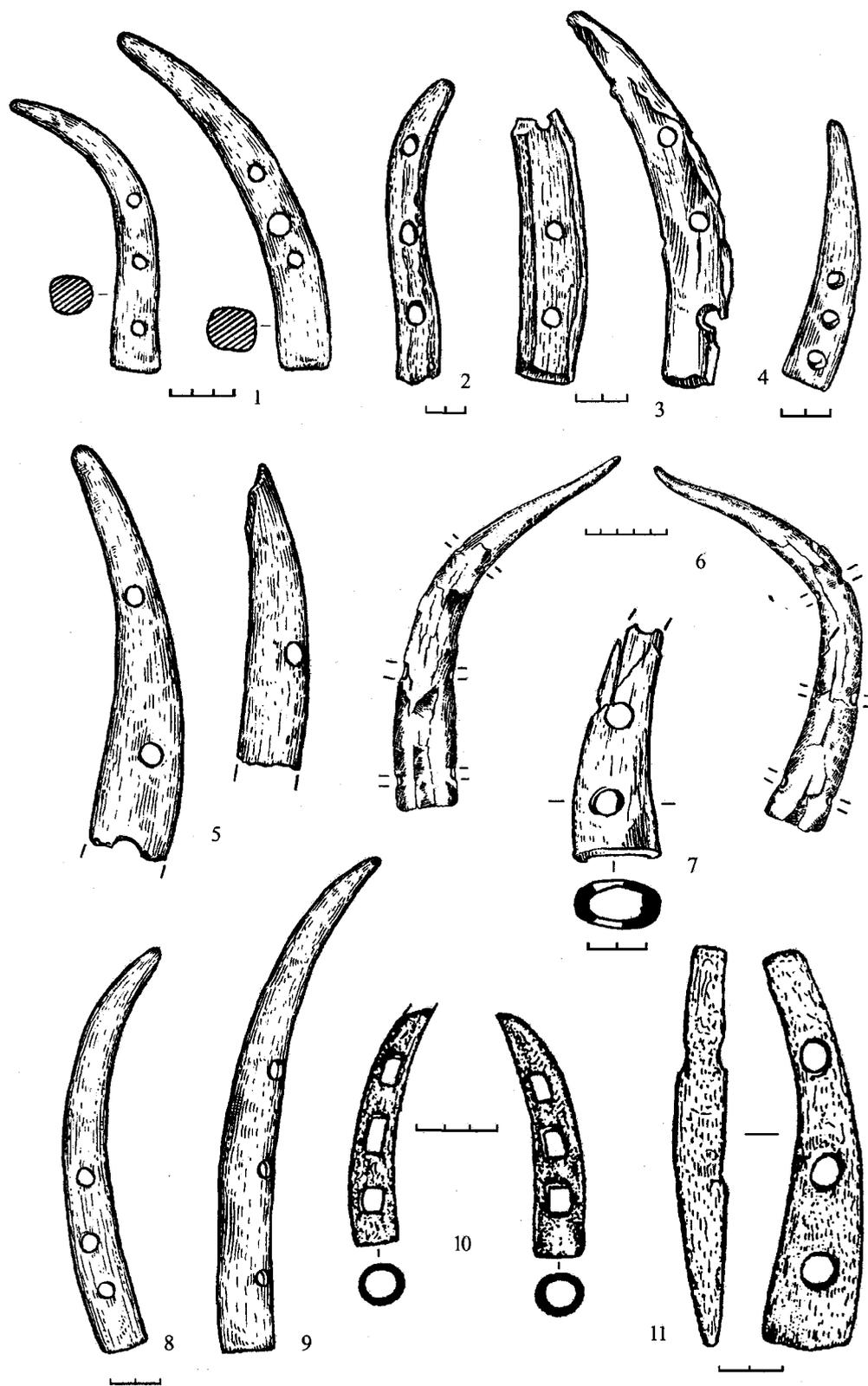

Рис. 2. Роговые и костяные псалии VIII–VII вв. до н.э. 1 – Чавуш тепе (Турция); 2 – Эрибуни; 3 – Кармир-Блур (кость ?); 4 – Ркинис-Кало (п.27) (Закавказье); 5 – Хасанлу IV В (Иран); 6 – Уйгарак, к.47 (Приаралье); 7 – Днестровка – Лука (Поднестровье); 8 – Константиновка, к.2 (кость, Запорожье); 9 – Тасмола V, к.2 (Казахстан); 10, 11 – Фарс/Клады, погребения 31 и 9 (Северный Кавказ)

Добавлю такую важную деталь, отмеченную, но не прокомментированную О.Мускареллой, как колесницы с колесной осью под центром кузова. Это так называемый хеттский тип, тогда как в Ассирии и Урарту использовался египетский тип колесницы с осью колеса, смещенной к задку кузова. Кузов колесниц изображенных на местной кости, не прямоугольный, как у ассирийской колесницы, а расширяющийся кверху. М.Мэллован считал этот признак характерным как раз для сирийской колесницы (Mallowan M.E.L., 1966, p.538). Неизвестна в ассирийской и урартской изобразительности и обувь с загнутым носком, имеющаяся на местной кости.

О.Мускарелла отмечает отсутствие на местной кости некоторых признаков, характерных для ассирийских рельефов IX в. до н.э. Это блинкеры и эллиптические щиты, соединяющие кузов с концом дышла, отсутствие копья у задней стенки кузова, нет перекрещенных колчанов на боковой стенке (Muscarella O.W., 1980, p.162). Сходство с рельефами IX в., помимо общей схемы (т.е. самих батальных сцен), наблюдается только в изображении колеса с шестью спицами и двух коней. Обнаженного врага на рельефах нет, за исключением изображения на бронзовых Балаватских воротах. На местной кости изображены колокольчики – деталь, которая не известна на рельефах IX в. до н.э. и появляется только на рельефах Ашшурбанапала (VII в.) (Muscarella O.W., 1980, p.167). В Хасанлу найдены и сами колокольчики (см. прим. 6).

В результате своих наблюдений О.Мускарелла делает вывод, что «огромные нетранспортабельные каменные рельефы в Ассирии скорее, чем малое искусство ассирийской кости, играли решающую роль как источник для вдохновения и были приняты местными мастерами» в Хасанлу. Базируется этот вывод на том, что батальные сцены с колесницами, кавалерией, солдатами и осадой городов, созданные для прославления царей, были главной чертой именно ассирийских рельефов (Muscarella O.W., 1980, p.210). Однако в другом месте, говоря о таких сценах на местной кости, он отмечает, что они принадлежат обширному репертуару, существующему на Западе, в частности, в северосирийском и ассирийском искусстве (Muscarella O.W., 1980, p.166).

Эти противоречия порождены априорной датировкой гибели Хасанлу IV в конце IX в. до

н.э. Наблюдения О.Мускареллы, обнаруживающие различия в изображениях на ассирийских рельефах IX в. и на местной резной кости Хасанлу, не анализируются и зачеркиваются аксиомой, что в IX в. до н.э. культурное и политическое влияние Ассирии было столь сильным, что непосредственное влияние другой культуры исключается. На вопрос: кто мог действовать как агент перемещения северосирийских изделий и идей в Иран, ответ автора: только Ассирия могла выполнить эту роль, ибо в это время только она имела монопольное право на торговлю с Ираном (Muscarella O.W., 1980, p.213).

Предположим, что это так и оставим в стороне конкретные различия в изобразительности. Если Ассирия монополизировала торговлю, то, следовательно, ей было невыгодно, чтобы северосирийские товары вытесняли ассирийские. Но как же оценить в таком случае соотношение северосирийской и ассирийской кости в Хасанлу – 4,2 к 1 (21% и 5%)? Или аксиома неверна, или эта ситуация не IX в. до н.э. Поскольку А.И.Иванчик не искал ответа на этот вопрос, то мой ответ прежний. Такое соотношение стало возможным позднее, когда Ассирия вступила в период длительного упадка. Но следствием ее агрессии в IX в. до н.э. стала перегруппировка и консолидация оппозиционных сил. Мелкие сирийские царства образовали две коалиции – Северный и Южный союзы. Произошло сближение Урарту с позднехеттскими царствами. Урарту, по существу, встало во главе Северосирийской – Малоазийской коалиции. Доступ Ассирии к сырьевым источникам на западе был перекрыт. Урарту включилось в транзитную торговлю и стало главным формирующим фактором культурного взаимодействия со странами западной коалиции. Эта ситуация изменилась только в 743 г. до н.э. после того, как ассирийцы захватили Арпад – центр Северосирийского союза (Medvedskaya I., 1991, p.75,76).

В результате благоприятной политико-экономической ситуации конца IX – первой половины VIII вв. до н.э. и широкого импорта северосирийских товаров именно в VIII в. начало сказываться влияние этого искусства. Высокий уровень мастерства северосирийской школы в этих благоприятных условиях стимулировал создание местных школ косторезов в Греции, Этрурии, Фригии, Урарту. В конце IX в. до н.э. все западное и юго-западное побережье оз. Урмия в Иране

вошло в состав Урарту. Таким образом, местный косторезный центр в Хасанлу IV мог возникнуть в условиях урартского политического господства и широкого распространения культуры сирийско-малоазийских царств только в первой половине VIII в. до н.э.⁵

Влияние северосирийского искусства «переступило» ареал урартской культуры и сказало в Приурмийском районе, в Хасанлу, как в прямом импорте изделий из резной кости, так и в создании здесь местной школы косторезного искусства. Очевидно, что здесь работали приезжие мастера: иначе не объяснить изображение колесницы, отличной от урартской, орнамента гильош, обуви с загнутым носком, обнаженного врага. В реальности и в изобразительности VIII в. до н.э. появились детали, которые определенно отсутствовали в IX в.: это колокольчики⁶ и кисть на ошейнике коня, кисть-науз⁷, ременная тяга вместо эллиптического щита⁸, наносный ремень⁹.

⁵ После 743 г. до н.э. в искусстве Северной Сирии исчезают все оригинальные черты, заменяясь ассирийской изобразительностью (Madhloom T.A., 1970, p.26,29–32).

⁶ В Хасанлу IV найдено два бронзовых колокольчика с прямыми стенками, тремя треугольными прорезями и железным языком. Они отличаются от приводимых А.И.Иванчиком колокольчиков с надписями Менуа (810–781) и Аргишти (781–766), но вполне могли относиться к урартским изделиям VIII в. до н.э. (Иванчик А.И., 2001, с.264, рис.107; Schauensee M. de, Dyson R., 1983, p.72, fig.19d). На ассирийских рельефах изображения колокольчиков появляются только в VII в. до н.э.

⁷ А.И.Иванчик полагает, что кисть-науз, скорее всего, была неизвестна ассирийцам (Иванчик А.И., 2001, с.275), а у копейщика она вообще необязательна. Это неверно. На рельефах можно видеть, что и лучники, и копейщики сидят на одинаково экипированных конях, у всех одинаково затянутый науз (в этом случае – кисть на плече коня) (Barnett R.D., Falkner M., 1962, pl.83). Незатянутая кисть-науз свободно висит под подбородком коня на поводе (Ковалевская В.Б., 1977, с.91), как, очевидно, и на упомянутом фрагменте кости из Хасанлу (Medvedskaya I., 1988, fig.5,6). В любом случае, колокольчики, кисти-наузы, ошейники с одной большой кистью на шее не известны в изобразительности IX в. до н.э. Тогда кисти подвешивались на нагрудниках и висели, таким образом, значительно ниже, чем это изображено на пластинке из Хасанлу. А.И.Иванчик также не понимает, почему фигура копейщика из Хасанлу «может служить для доказательства поздней датировки Хасанлу» (Иванчик А.И., 2001,

Итак, с урартским политическим господством в приурмийском районе в VIII в. до н.э. можно связывать становление школы резьбы по кости, изобразительность которой испытала влияние северосирийских мастеров. Преобладание импорта северосирийских изделий над ассирийскими возможно было именно в первой половине VIII в., в период политического и экономического упадка Ассирии. Только в составе урартского государства в приурмийском районе в VIII в. могли сказаться (раньше, чем в Ассирии) результаты поиска оптимальных форм конского доспеха и конского снаряжения, проходившие по-видимому, в рамках военной реформы Сардури II. Конская узда из Хасанлу обнаруживает определенную близость с урартской и может свидетельствовать об определенных изменениях, произошедших на протяжении VIII в. до н.э. в экипировке урартского коня. Важное значение в этой связи имеют удила с разъемными псалиями и плетеными звеньями и роговые трехдырчатые псалии.

с.272). Она может служить для этой цели потому, что если в IX в. до н.э. всадник сидел, слегка откинувшись назад, коленями упираясь в холку коня, когда согнутые ноги образовывали острый угол, то на изображениях VIII–VII вв. до н.э. всадник сидит прямо или чуть нагнувшись вперед, ноги свободно свисают – угол между бедром и голенью тупой.

⁸ Важно не то, что эллиптический щит еще встречается на рельефах Тиглатпаласара III – правда, форма его меняется: верхний край прямой, нижний имеет угол (Medvedskaya I., 1988, tab.1), а в том, что ременная тяга отсутствует на рельефах от Тукульти-Нинурти I до Салманасара III. Так что и это замечание А.И.Иванчика, повторенное за мной, не имеет отношения к датировке кости. Примечательно, что А.И.Иванчик, утверждая, что «отсутствие щита» (следовательно, наличие ременной тяги) встречается на изображениях колесниц эпохи Ашшур-нацир-апала, ссылается на моих оппонентов, которые отмечают, что такой эллиптический щит отсутствует на изображениях колесниц в Северной Сирии и в Урарту (Иванчик А.И., 2001, с.266, прим.9). Что, как раз, и согласуется с моими выводами.

⁹ Ассирийские рельефы VIII–VII вв. до н.э. дают основание предполагать одновременное (а следовательно, взаимосвязанное) появление в этом регионе носовых ремней и наносников. Но раз появившись, этот ремень мог применяться и без наносников, как и кисть-науз не убиралась, если конем управлял копейщик. Я не уверена, что костяные пластины XIII–XII вв. до н.э. имеют отношение к проблеме датировки Хасанлу IV (Иванчик А.И., 2001, с.266, прим.13, рис.130).

В цитадели Хасанлу IV В найдено 42 пары однокольчатых удил, представляющих евразийскую конструкцию соединения удил и псалиев¹⁰. Из них по одним данным 24, по другим – 22 бронзовых и 18 железных удил (Schauensee M. de, Dyson R., 1983, p.68; Muscarella, 1988, p.64). Из бронзовых удил – 13 с плетеными, 2 – с витыми, 2 – с гладкими грызлами. Опубликовано также звено удил с крупным внешним кольцом и гладким стержнем (Muscarella O.W., 1988, p.64, № 93). Остальные удила не описаны. С бронзовыми удилами использовались только бронзовые псалии.

Из 18 железных удил, по крайней мере, 11 были с гладкими звеньями, 2 пары с перекрученными стержнями. С железными удилами применялись все обнаруженные роговые псалии, в одном случае – бронзовые и «единично» – железные псалии.

В Хасанлу найдено всего 4 пары удил с напущенными подвижными псалиями. Судя по набору найденных *in situ* деталей, такие удила служили для запряжки колесничных коней. Среди этого набора была шарнирная пластина, о которой говорилось выше в связи с наносниками (Schauensee M. de, 1989, p.42,43, fig.9a,v;10). Кроме того, найдены уникальные удила с цельнолитыми псалиями (Schauensee M. de, Dyson R., 1983, p.68, fig.14; Иванчик А.И., 2001, рис.80,5).

Всего найдено 15 бронзовых псалиев. Наиболее типичными были псалии с уплощенной зубчатой площадкой и длинными концами, каждый из которых равен длине площадки (Schauensee M. de, Dyson R., 1983, p.68, fig.13). Среди остальных имеются S-видные (Muscarella O.W., 1989, p.65, № 94).

Плетеные удила с кольчатými окончаниями заслуживают особого внимания ввиду их полного отсутствия на Северном Кавказе и в евразийских степях. А.А.Иессен, рассматривая единственные найденные на Северном Кавказе плетеные удила с напущенными псалиями как

импорт с территории Древнего Востока, описал их изготовление: «удила скручены из бронзового откованного прута, первое звено сгибалось надвое, в месте сгиба оставлялась петля, а дальше стержень удил сплетался из двух прутьев, после этого на него насаживался псалий, а свободные концы закручивались в кольцо» (Иессен А.А., 1953, с.94). А.А.Иессен описал способ изготовления удил, которые были широко распространены в Италии в VIII в. до н.э. (На ВЗ-С) и откуда этот экземпляр и попал на Северный Кавказ (рис.4,9) (Hase F.-W. von., 1969, Taf.9,87,90,94). У плетеных удил внутренние петли всегда «глухие», тогда как свободные концы могли быть закручены в многослойное кольцо или на дополнительном кольце (как на итальянских удилах), или замкнуты в петлю, а концы стержней закручены на стержне (как на удилах из Луристана и Ашшура: рис.4,1,3).

У плетеных удил с разъемными псалиями первоначально формировались внешнее и внутреннее кольца, происходило соединение обоих звеньев и свободные концы прута закручивались у основания колец (рис.3,2–13). Итальянские удила сохраняли тот же способ закрутки концов прута на внешнем дополнительном кольце (рис.3,15).

Вариантом такой строгости удил являются удила с витыми стержнями. Оба звена, отлитые в форме замкнутых овалов, затем перекручивались (рис.3,1,14,16,17). На таких удилах не видны концы закрепленных прутьев, а на внешних кольцах имеются литники. Такие удила известны в Западной Европе в период На ВЗ-С. И хотя здесь смена одночастных удил двучастными произошла не без влияния более восточных культур, эта форма строгости удил восходит к витым одночастным удилам из Западной Европы периода На В2, восточноевропейское влияние исключается из-за отсутствия там витых удил. Восточной границей распространения таких удил, согласно С.Болквиллу, была Богемия (Balkwill C.J., 1973, p.443,444, fig.2,3).

В силу ряда причин взаимовлияние в производстве строгих удил между Европой и Италией, согласно С.Болквиллу, было минимальным. Важным моментом была разница в размерах коней двух регионов, что затрудняло импорт узды. Хронологический приоритет Западной Европы в изготовлении витых удил позволяет ему считать, что именно в районе Верхнего Рейна

¹⁰ Примечательно, что большая часть уздечек находилась в конюшнях, где она хранилась на полках или висела на крюках, или выносилась во время пожара, вспыхнувшего во время штурма. Там они и были найдены: или возле тел погибших людей, или погребенными под рухнувшими перекрытиями помещений. Хотя в цитадели найдено 9 скелетов коней, узды на них не было (Schauensee M. de, 1989, p.37 f.), что свидетельствует о внезапности штурма.

Рис. 3. Бронзовые плетеные удила. 1-3 – Хасанлу IVB (Иран); 4 – случайная находка (Северный Иран); 5 – Шамхорский могильник; 6 – Мингечаур к.П.; 7 – Калакент, п.47; 8 – Малый курган (Азербайджан); 9-12 – музейные коллекции; 13 – Норшун тепе (Турция); 14 – Кармир-Блур (Закавказье); 15 – Болонья (Италия); 16, 17 – Центральная Европа

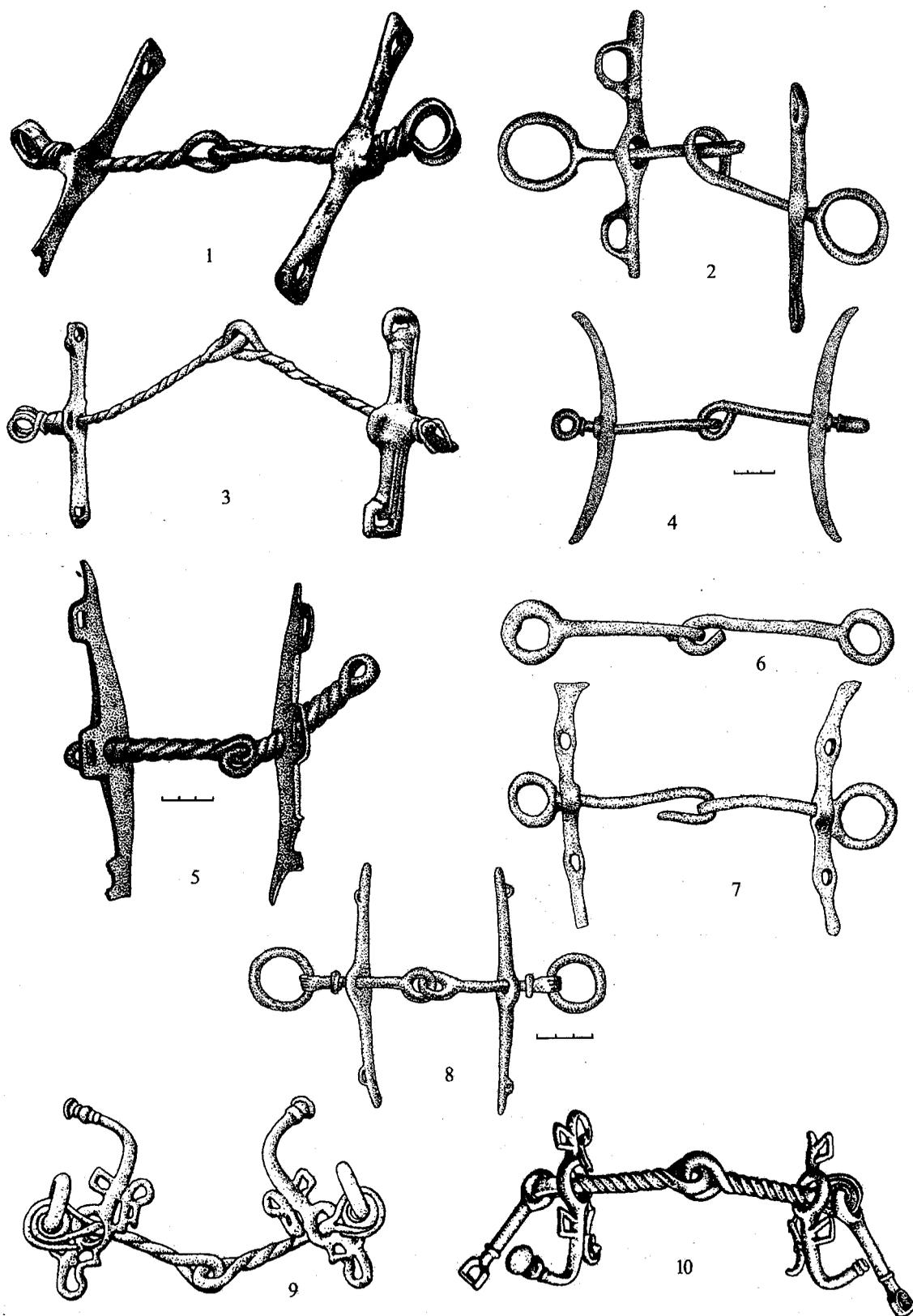

Рис. 4. Бронзовые удила с напускными псалями. 1 – случайная находка (Луристан); 2 – Хасанлу IVB (Иран); 3 – Ашшур (Месопотамия); 4 – удила с надписью царя Менуа (Турция); 5 – Саламис (Кипр); 6,7 – Мелаани II (Закавказье); 8 – Сиалк В, п.74; 9 – В.Кобан (Закавказье); 10 – Болонья (Италия)

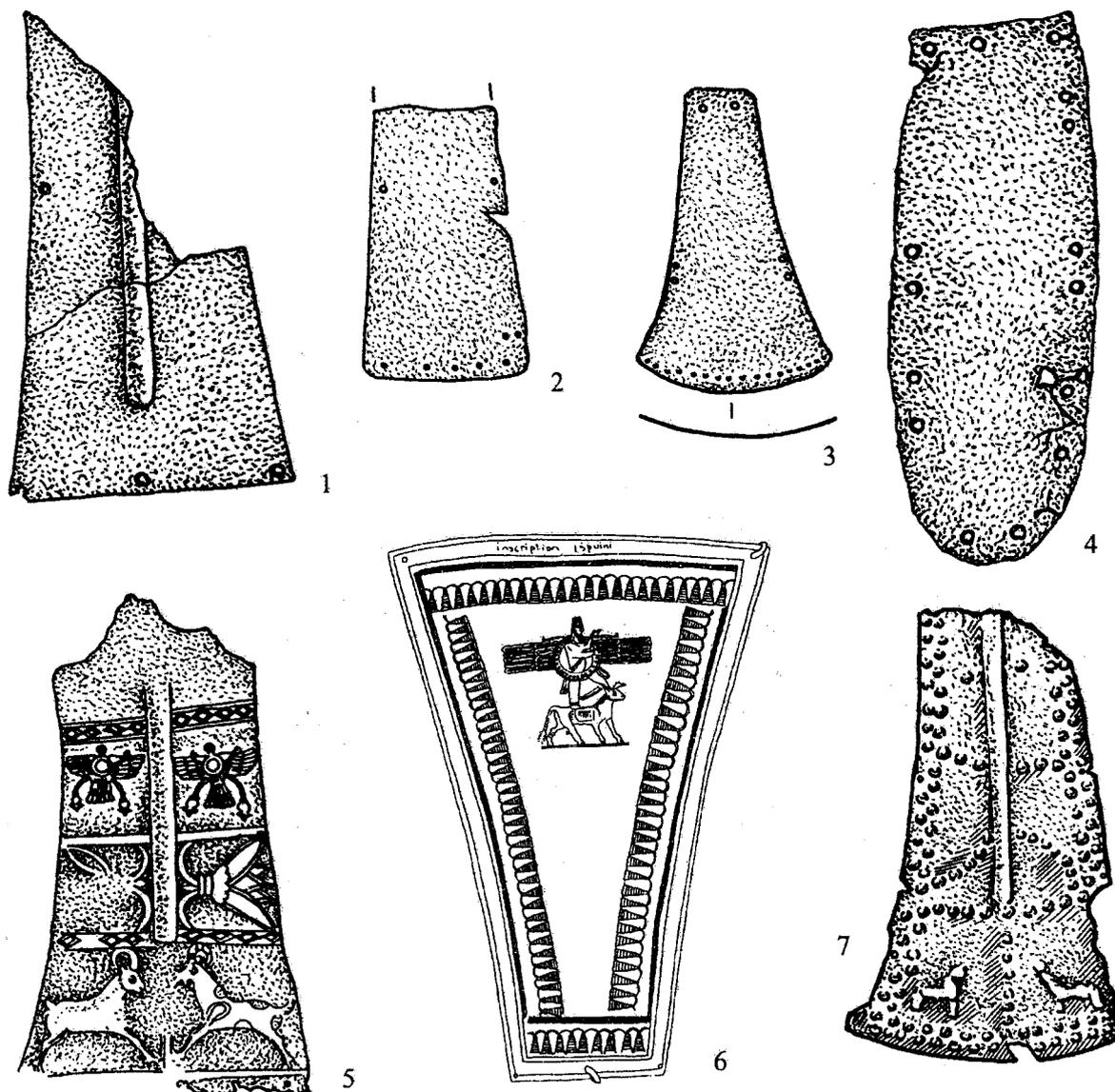

Рис. 5. Наносники VIII–VII вв. до н.э. 1 – Кармир-Блур; 2 – Хасанлу IVB; 3 – Бабаджан тепе; 4 – Келермесс (Северный Кавказ); 5 – Зивие (Иран); 6 – налобник с надписью царя Ишпуини (IX в. до н.э.); 7 – Малый курган (Закавказье)

и Швейцарии зародилась эта форма строгих удил и отсюда активно внедрялась вместе с иными видами удил в другие культурные зоны Западной Европы (Balkwill С.Л., 1973, р.439,440).

С.Болквилл очевидно не делает различия между плетеными и витыми удилами. Между тем, первые преобладали в Италии (VIII в.), и судя по некоторым другим находкам (Микены XIII в., Афины IX в., Кипр VII в. и др.), приоритет в их производстве был за Средиземноморским ареалом. Это, впрочем, лишь усиливает предположение С.Болквилла о самостоя-

тельности двух традиций изготовления строгих удил в двух регионах.

В ареале урартской культуры плетеные и витые удила использовались в VIII–VII вв. в равной мере (рис.3,9–14), что мы наблюдаем и в Хасанлу IV (рис.3,1–3). В Урарту встречаются витые удила и с жестко скрепленными псалиями: биметаллические удила с железными звеньями и надписью Сардури II и бронзовые удила (Алтынтепе, гробница 3) времени Аргишти II (714–685) (Иванчик А.И., 2001, рис.87,5;100). Достаточно близкие аналогии им имеются в Западной Европе (На В3). Здесь из-

вестны и одночастные витые удила с цельнолитыми псалиями, что не исключает их предшествование или экспериментирование (Balkwill C.J., 1973, p.431, No 24–25; Иванчик А.И., 2001, рис.93,4,5).

Итак, учитывая более раннее, чем на Древнем Востоке, появление витых и плетеных удил в Европе и Средиземноморье и их независимое региональное развитие, а также последующее бытование обеих разновидностей этих удил в ареале урартской культуры, можно предположить, что при определенных условиях обе формы проникли сюда через Малую Азию ближе к середине VIII в. до н.э. Вместе с этими удилами на восток могли проникнуть и архаические пронизи для перекрестных ремней оголовья (Hase F.-W. von., 1969, Naf.20,254a,b; Медведская И.Н., 1983, рис.3,15–24). В Хасанлу IV известна одна такая пронизь (не опубликована)¹¹.

Как уже было отмечено, в это время в результате ослабления Ассирии наступает относительная стабилизация военно-политической обстановки, укрепляются и расширяются культурные контакты. Причем, если до конца IX в. поток товаров шел только с З на В, то с этого времени начались взаимные связи (лит-ру см.: Muscarella O.W., 1978, p.61f.). Но тем не менее влияние, например, греческого геометрического стиля вазописи сказалось не только во Фригии, но и в Иране (см. выше). Об этом же свидетельствуют и рассмотренные удила.

В этих новых условиях и могла происходить предполагаемая военная реформа Сардури II. Необходимость в большей строгости удил, очевидно, была вызвана возросшей ролью конницы в ходе военной реформы. Следует отметить, что во второй половине VIII в. удила с напускными подвижными псалиями и гладкими звеньями, которые, по-видимому, использовались в основном для колесничных коней, становятся малочисленными и в VII в. выходят из употребления (Медведская И.Н., 1983, с.59–63). Не исключено, что это было обусловлено уменьшением роли колесницы в армии. В Хасанлу IV такие удила связаны только с колесничной упряжью (рис.4,2).

Упомянутые удила с гладкими стержнями заслуживают внимания и в связи с пересмотром А.И.Иванчиком общепринятого представ-

ления об изначальном различии способов соединения удил и псалиев в евразийском и древневосточно-средиземноморском регионах (см. например: Иессен А.А., 1953, с.94; Littayer M.A., 1969, p.297). Для доказательства возникновения на Древнем Востоке однокольчатых удил с разъемными псалиями уже в конце II тыс. и последующего независимого их существования А.И.Иванчик привлекает новые, с его точки зрения, материалы Закавказья, которые по незнанию специалисты до сих пор не учитывали (Иванчик А.И., 2001, с.137,158 сл.). Однако поспешность в подобных выводах не совсем уместна. Рассмотрим приведенные им удила.

В Бешташени 13 две пары однотипных удил с замкнутыми внутренними кольцами имели в комплекте 4 крюка и пару роговых псалиев. А.И.Иванчик ссылается только на табл.XLVI в публикации Б.А.Куфтина, на которой представлено фото отдельных элементов узды из этого погребения (Иванчик А.И., 2001, с.160, рис.78,15–19). Однако на фотографии погребения видно, что *in situ* роговые псалии находились на стержнях удил (Куфтин Б.А., 1941, табл.XLIII). Способ крепления псалиев на стержнях неясен, отверстия на них на фото не видны. Как будто бы имеются подпрямоугольные вырезы в центре псалия, что может говорить о том, что псалий накладывался на стержень удил и каким-то образом закреплялся. Но псалии не могли быть напущены на стержни удил, как например, на таккилисинских удилах. Аналогичные удила с такими же крюками, но без псалиев, найдены в могильнике Трели (Тбилиси). Не исключено, что это были в определенном смысле экспериментальные образцы использования органических псалиев, закрепленных на стержнях удил, но замкнутые внутренние петли и отсутствие дополнительных отверстий сделали их неудобными в использовании. Кроме того, А.И.Иванчик не привел убедительного опровержения более поздней даты для этих комплексов, предложенной Ю.Н.Вороновым и Л.Н.Панцхавой. Корректировка дат проводилась в результате пересмотра хронологии материалов колхидско-кобанской группы (Панцхава Л.Н., 1975, с.23–30; Воронов Ю.Н., 1980, с.203 сл.).

Удила из Артика 433 имеют D-образные окончания и круглые шайбы на стержнях (Иванчик А.И., 2001, с.160, рис.75,4,5). Такие шайбы для упора напущенных псалиев извест-

¹¹ Она найдена вне связи с уздечкой (письмо М.Шауензи от 10 июня 2002 г.).

ны на удилах из Приаралья, что отмечено автором, и его описание удила из Артика 433 соответствует описанию удила именно с напускными псалиями. В этом случае псалий очевидно из органического материала – находился между внешним окончанием и шайбой. Вариантом таких круглых упоров/шайб для напускных псалиев могут служить урартские удила, но у них шайба соединена с внешним кольцом (Иванчик А.И., 2001, рис.87,1,3,4).

Если рассмотренные удила бесспорно относятся к древневосточной традиции соединения удила с псалиями, то для доказательства того, что и другие однокольчатые удила, перечисленные А.И.Иванчиком, первоначально имели напускные псалии, нужны дополнительные критерии. Ими могут стать способ соединения стержней удила и размеры ротовой (рабочей) части удила.

Расчеты средней длины рабочей части удила, проведенные С.Б.Вальчаком, показали, что удила черноморовского времени имели длину 10,4 см, а новочеркасские – 11,6 см. Причем, разница в 1,2 см используется как одно из возможных доказательств изменения породы лошади на новочеркасском этапе (Вальчак С.Б., 1995, с.44–47). В аржанском комплексе рабочая часть 45 бронзовых удила колебалась от 11,8 до примерно 13 см¹². В Швейцарии и Германии в это время эта длина составляла в среднем 9,5–10 см, а в Италии 12 см, исключения здесь единичны (Balkwill C.J., 1973, p.439,440). Максимальные размеры ротовой части современных удила достигают 15,24 см (Littayer M.A., 1969, p.295).

Все древневосточные удила с гладкими стержнями и напускными подвижными псалиями имели незамкнутые внутренние петли. Это обусловлено тем, что соединение звеньев происходило вручную путемковки, после того как псалии были надеты на стержни (Иванчик А.И., 2001, рис.73,7–10;74,1,2,5;87,1–3;88,12,14

и т.д.). Исключение составляет один тип «луристанских» удила с «рукой», держащей внешнее кольцо (рис.4,8), но и этот тип иногда имеет незамкнутые петли (Иванчик А.И., 2001, рис.74,3,4). Все бронзовые удила с разъемными псалиями имеют внутреннее «глухое» соединение, редкое исключение – бешташенские удила.

Учитывая способ соединения звеньев и размеры ротовой части удила, рассмотрим остальные однокольчатые удила, предложенные А.И.Иванчиком для доказательства своей гипотезы.

В могильнике Калакент найдены удила представляющие обе традиции соединения удила и псалиев. Удила с напускными псалиями имеют длину ротовой части 9,5 см (п.49) и 10,5 см (п.9) (Nagel W., Strommenger E., 1985, Taf.13,23). Удила из п.112, которые А.И.Иванчик относит к евразийской традиции, имеют длину ротовой части 15,2 и 15,5 см (Idem, Taf.46,1,2; Иванчик А.И., 2001, рис.71,1,2). Уже эта разница в размерах ставит под сомнение существование в одно время и в одном месте коней столь разной величины, превышавшей средние габариты коней той эпохи. Это позволяет предполагать наличие напускных псалиев из органических материалов или утраченных бронзовых (из-за плохо загнутых стержней). В таком случае размер рабочей части удила приблизился бы к 10–11 см. Вероятность этого подтверждается, во-первых, наличием незамкнутых внутренних петель, и, во-вторых, наличием в этом могильнике плетеных удила с разъемными псалиями (п.47). Размер их ротовой части около 12 см. Это также делает маловероятным большие размеры удила из п.112.

Незамкнутые внутренние петли удила из святилища Мелаани II, большие размеры их рабочей части – от 13 до 15,9 см – и совпадение общих размеров с удилами, у которых сохранились напускные псалии (рис.4,6,7), предполагает, что все они первоначально также имели напущенные псалии. Кстати, в святилище найдены отдельные псалии, аналогичные напущенным (Иванчик А.И., 2001, рис.89,10,11). Тоже самое относится к однокольчатым удилам с незамкнутыми петлями из Садахло, размер рабочей части которых 17 см. Из двух однотипных удила из могильника Так-Килиси лишь на одних сохранились обломки напускных роговых псалиев (п.67, размеры неизвестны), длина других (п.10) более 13 см, что предполагает

¹² Рабочая длина удила: 11,8–11,9 см – 2 экз., 12–12,9 см – 16 экз., 13–13,7 – 16 экз., 14–14,6 см – 9 экз., 15–15,3 см – 2 экз. Однако удила длиной от 13 до 15,3 см коррелировались с деревянными псалиями, обернутыми кожей, специальное крепление которых занимало часть стержней. Это уменьшало их рабочую часть до 2 см. Благодарю Н.А.Боковенко, ознакомившего меня с материалами своей диссертации «Начальный этап культуры ранних кочевников Саяно-Алтая (по материалам конского снаряжения)». Л., 1986, с.118 и приложение.

утраченные напускные роговые псалии (Куфтин Б.А., 1941, с.223, табл. XXXI,2; XXXIV,2). Относительно удил из Артика 79 сказать что-либо трудно: размеры неизвестны, оба звена, судя по рисунку, не соединены между собой, так как обе петли плотно замкнуты на стержнях (Иванчик А.И., 2001, рис.65,5).

Однокольчатые удила с плетеными и витыми грызлами из Хасанлу IV имеют длину рабочей части около 10,5 (рис.3,1,3) и 12 см (рис.3,2), цельнолитые удила – около 11 см (Иванчик А.И., 2001, рис.80,5).

Конечно, необходимы уточненные размеры таких удил. Во всяком случае, пока можно отметить, что доводы А.И.Иванчика в пользу раннего и независимого появления в Закавказье способа разъемного соединения удил и псалиев недостаточны. Выборочные примеры скорее говорят в пользу того, что эти однокольчатые удила имели напускные псалии из органических материалов, а в некоторых случаях бронзовые псалии были утрачены из-за плохого сцепления внутренних петель. Кроме того, необходимы дополнительные исследования в связи с вероятностью одновременного использования разных пород коней, пони и т.п. для колесниц и всадников (Littauer M.A., 1971, p.24 ff.), и, следовательно, возможное колебание размеров узды. Было ли связано в действительности широкое появление на Древнем Востоке евразийской конструкции узды с активным внедрением конницы и существовала ли жесткая взаимосвязь между колесничными конями и удилами с напускными псалиями?

Роговые псалии имеют три круглых раздвинутых отверстия в одной плоскости. Они дают дополнительное основание датировать VIII в. до н.э. конскую узду из Хасанлу IV (рис.2,5). Дело в том, что изменение расположения отверстий на костяных и роговых псалиях произошло в IX в. до н.э., когда отверстия стали располагать в одной плоскости псалия; в предшествующее время крайние отверстия располагались перпендикулярно по отношению к центральному отверстию. Однако в IX в. форма отверстий была овальной, восьмерковидной и подпрямоугольной (литературу см.: Кашуба М.Т., 2000, с.325). В первой половине VIII в., после рубежа IX–VIII вв. появляются псалии с круглыми отверстиями, но они еще сосуществуют с прежними видами отверстий на псалиях. Так, в могильнике Фарс/Клады, в погребениях 9 и 11, которые относятся к ранней хронологиче-

ской группе (первая половина – 3-я четверть VIII в. до н.э.), найдены роговые псалии соответственно с круглыми и прямоугольно-квадратными отверстиями (Лесков А.М., Эрлих В.Р., 1999, с.68,71, рис.11,5;26,12) (рис.2,10,11). В Поднепровье еще в начале VIII в. существуют псалии с некруглыми отверстиями (Кашуба М.Т., 2000, с.344–346, рис. XXXIX). Самым ранним здесь считается роговой псалий с круглыми отверстиями из Днестровки-Лука (Смирнова Г.И., 1982, с.44–49, рис.12,14). В настоящее время Г.И.Смирнова относит инвентарь жилища, в котором был найден псалий, ко времени предшествующему финальному этапу позднего черноморья (совпадающего по времени с РСК 1)¹³. Следовательно, этот псалий может датироваться первой половиной – серединой VIII в. до н.э. (рис.2,7). Такие псалии известны здесь и позднее (Крушельницкая Л.И., 1971, с.125, рис.4,13). На Чустском поселении в Фергане найдены обломки костяных псалиев с круглыми и овальными отверстиями. Последняя предложенная датировка поселения – конец IX/первая половина VIII в. – VII в. до н.э. включительно (Рузанов В.Д., 1999, с.48).

Роговые псалии из Хасанлу наиболее близки урартским и закавказским экземплярам с круглыми отверстиями: из Эребуни (VIII в.), Кармир-Блура и Чавуш-тепе (VII в.) (Есаян, С.А., Погребова М.Н., 1985, рис. XVI, XVII, XVIII), из Ркинис-Кало (VIII–VII в.) (Кобаидзе Л.Н., 1978, с.78, табл. XLVI, 432) (рис.2,1–4). По-видимому, особенностью псалиев VIII в. является расположение отверстий практически по всей длине рога, тогда как в VII в., как правило, отверстия сближаются между собой.

Отмечая преобладание в Хасанлу IV евразийского типа конструкции узды, не приходится говорить о том, что она была принесена сюда непосредственно кочевниками. Намечившаяся за последние 10 лет тенденция выделения псалиев «сиалковского» типа служит разным целям. М.Н.Погребова, например, полагает, что бронзовые псалии из Сиалка В и Хасанлу IV, которые она тоже называет «сиалковсим» типом и которые устойчиво сочетаются с витыми (т.е. плетеными – И.М.) удилами, маркируют первое появление киммерийских отрядов в Восточном Закавказье и Иране (Погребова М.Н., 2001, с.328,329). В подтверждение этой гипотезы автор ссылается на мою работу 1983 г.

¹³ Устное сообщение Г.И.Смирновой.

Но, во-первых, я предполагала пути проникновения только для одноколычатых удил с гладкими стержнями и архаических пронизей для перекрестных ремней оголовья. Вопрос происхождения и путей проникновения трехдырчатых псалиев оставался, да и остается, открытым (Медведская И.Н., 1983, с.68). Во-вторых, мое предположение о характере проникновения этих предметов в Иран через Северный Кавказ было, по-видимому, нечетко сформулировано и поэтому неверно истолковано. Я отмечала, что конская узда, которую исследователи тогда связывали с киммерийцами и скифами (т.е. стремчовидные и двуколычатые удила) неизвестны в Иране (Медведская И.Н., 1983, с.73). Я предполагала тогда южноевропейское происхождение одноколычатых бронзовых и железных удил в культурах фракийского галыштата и сопредельных территорий и исключала их северокавказское происхождение. Северный Кавказ рассматривался как промежуточная территория продвижения этих удил из Европы в Иран. Существенным доводом в пользу этого может служить отсутствие на Северном Кавказе в VIII в. до н.э. железных удил и архаических пронизей для перекрестных ремней оголовья. Но продвижение этих элементов узды на юг в Иран я не связывала с киммерийцами ни тогда, ни теперь. Хотя, очевидно, неудачным было обозначение перемещения этих предметов в составе фракийских отрядов. Движение этих элементов узды в первой половине VIII в. не совпадало ни по времени, ни по направлению, ни по сути с движением культуры номадов в последней четверти VIII в. до н.э. через Северный Кавказ на юг. Первое, по характеристике В.И.Козенковой, было «культурным обменом», второе – движением боевых отрядов всадников. Однако путь через Кавказ не был единственным. Через Малую Азию в VIII в. осуществлялись активные контакты Урарту и соседних стран с Европой и Средиземноморьем, результаты которых были рассмотрены выше. Возможно путь через Кавказ активизируется чуть позднее.

Но в Иране нет вещей маркирующих первое появление здесь киммерийских отрядов в VIII в. до н.э.; нет признаков культуры новочеркасского этапа, которая теперь часто называется киммерийской, нет и признаков РСК 1, которая, по сути, была киммерийско-скифской культурой.

Нет никаких оснований предполагать, что в VIII в. киммерийцы могли проникнуть вглубь

Ирана, в Кашан, где находится могильник Силк В. Не могли быть киммерийцы и среди осажденных в 714 г. защитников Хасанлу, урартского тогда еще владения (узда, найденная в конюшнях, принадлежала защитникам города). В это время киммерийцы еще не стали союзниками урартов, это случилось позднее. В 714 г. Саргон прошел значительную часть территории Северо-Западного Ирана. Он был в Манне, где повлиял на ее внутривластные дела, он разгромил урартский плацдарм в приурмийской зоне, который был создан урартами для завоевания Манны, Мидии и других стран региона. Но Саргон ни разу не упомянул киммерийцев. Он знал об их действиях на северных границах Урарту, где урартский царь потерпел поражение (и Саргон неслучайно поэтому предпринял поход именно в это время). Поскольку его разведчики доносили ему о взаимодействии урартов и киммерийцев, следовательно, последние его интересовали. И он не мог не упомянуть киммерийцев, если бы они находились на тех территориях, где проходили его войска. Киммерийцы и скифы проникли на приурмийские и более южные территории не ранее VII в. до н.э.

Однако, определяя VIII в. как время существования Хасанлу IV в составе Урарту, я не только не исключала IX в. из его датировки, но и подчеркивала, что все главные здания города были построены именно в IX в. до н.э. Они не были разрушены: фиксируются лишь ремонты и незначительные перестройки после пожаров, связанных с захватом города урартами. Этот период обозначается как IVC. Город быстро восстановился и многие ценные и священные предметы продолжали храниться в храмах и сокровищницах Хасанлу IVB. Именно они датируются IX в. и значительно более ранним временем, и именно их выносили оборонявшие город люди во время штурма 714 г. до н.э. (ср.: Погребова М.Н., 2001, с.326, прим.5).

Что касается отмечаемого М.Н.Погребовой «отсутствия» в Хасанлу IVB урартского культурного влияния, которое, по мнению некоторых исследователей, должно было бы быть в условиях урартского господства в VIII в., то следует подчеркнуть следующее. Обилие признаков влияния урартской культуры не является необходимым условием для доказательства жизни города в VIII в. Урарты строили многочисленные крепости на вновь завоеванных землях, где и сосредотачивалась, напри-

мер, диагностическая урартская керамика. Можно говорить о постепенном нарастании урартских признаков в керамике VIII в., о распространении моды, исходившей от «господ», живших в этих крепостях (Kroll S., 1976, S.172,174). Но необязательно искать эту керамику у местного населения вскоре после прихода сюда урартов. Качественные изменения могли сказаться и сказались позднее, уже после изгнания отсюда урартов (Medvedskaya I., 1989, p.439–446).

Вместе с тем рассмотренная узда из Хасанлу IV В позволяет говорить о ее урартском

происхождении. В рамках военной реформы Сардури II новые типы узды могли достаточно быстро распространиться на территории царства. Это как будто и наблюдается в Хасанлу IV В. Отсутствие здесь характерных признаков урартской узды конца IX в. – первой половины VIII в. (налобники, блинкеры, преобладание удил с напускными псалями) подтверждает время предполагаемой военной реформы – не ранее середины VIII в. до н.э. А все рассмотренные выше факты позволяют настаивать на датировке Хасанлу IV в пределах IX–VIII вв. и его гибели в 714 г. до н.э.

Литература

Вальчак С.Б., 1995. Удила предскифского периода и киммерийские лошади Восточной Европы // Древности. Харьков.

Вальчак С.Б., Мамонтов В.И., Сазонов А.А., 1996. Ранние памятники черногоровского этапа в Восточной Европе: происхождение и хронология // Историко-археологический альманах. Вып.2. Армавир–Москва.

Воронов Ю.Н., 1980. О хронологических связях киммерийско-скифской и колхидской культур // Скифия и Кавказ. Киев.

Дубовская О.Р., Подобед В.А., 1996. Об одном типе украшений черногоровского времени // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит-бронзовый век). Материалы конференции. Ч.II. Донецк.

Дьяконов И.М., Медведская И.Н., 1987. Урартское государство в новом освещении // ВДИ. № 3.

Есаян С.А., Погребова М.Н., 1985. Скифские памятники Закавказья. М.

Иванчик А.И., 2001. Киммерийцы и скифы // Степные народы Евразии. Т.II. М.

Иессен А.А., 1953. К вопросу о памятниках VIII–VII вв. до н.э. на юге Европейской части СССР (Новочеркасский клад 1939 г.) // СА. Вып.XVIII.

Кашуба М.Т., 2000. Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом // Stratum plus. № 3. СПб., Кишинев, Одесса, Бухарест.

Кобаидзе Л.Н., 1978. Археологические памятники Иорского ущелья II. Могильник Ркинис-Кало. Тбилиси.

Куфтин Б.А., 1941. Археологические раскопки в Триалети. I. Опыт периодизации памятников. Тбилиси.

Ковалевская В.Б., 1977. Конь и всадник. М.

Козенкова В.И., 2002. У истоков горского менталитета. Могильник эпохи поздней бронзы – раннего железа у аула Сержень-Юрт, Чечня // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. III. М.

Крушельницкая Л.И., 1971. Памятники скифского времени на Верхнем Поднестровье // Проблемы скифской археологии. Москва.

Лесков А.М., Эрлих В.Р., 1999. Могильник Фарс/Клады. М.

Медведская И.Н., 1983. Конский убор из могильника Сиалк В // Iranica Antiqua. Vol. XVIII.

Медведская И.Н., 1989. К уточнению маршрута Саргона в 714 г. до н.э. // ВДИ. № 2.

Медведская И.Н., 2001. Некоторые итоги археологического изучения Днестро-Сиретского междуречья // Stratum plus. № 3. СПб.–Кишинев–Одесса–Бухарест (в печати).

Панцхава Л.Н., 1975. К истории художественного ремесла колхидской и кобанской культур. Автореф. дис... канд. ист. наук. Тбилиси.

Погребова М.Н., 2001. Закавказье и киммерийцы ассирийских текстов конца VIII в. до н.э. // Древние цивилизации Евразии. История и культура. М.

Рузанов В.Д., 1999. Новые данные о датировке Дальверзина и Чуста // Новое о древнем и средневековом Кыргызстане. Вып.2. Бишкек.

Смирнова Г.И., 1982. Закрытые предскифские комплексы у с.Днестровка-Лука // Древние памятники культуры на территории СССР. Л.

Эрлих В.Р., 1991. Бронзовые уздечные наборы и проблема хронологии предскифского и

раннескифского времени Закубанья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М.

Эрлих В.Р., 1994. У истоков раннескифского комплекса. М.

Яблонский Л.Т., 1991. Проблема формирования культуры саков южного Приаралья // СА. № 1.

Balkwill E.J., 1973. The Earliest Horse-bits of Western Europe // PPS. Vol.39.

Barnett R.D., Falkner M., 1962. The Sculptures of Aššur-nasir-apli II, Tiglath-pileser III, Esarhaddon from the Central and the South-West Palaces at Nimrud. London.

Hase F.-W. von, 1969. Die Trensен der Früheisenzeit in Italien // Prähistorische Bronzenfunde XVI. Bd.1. München.

Karageorghis V., 1967. Excavations in the Necropolis of Salamis // Salamis. Vol.3. Nicosia.

Kroll S., 1976. Keramik Urartäischer Festungen in Iran // Archaeologische Mitteilungen aus Iran. Ergänzungsband 2. Berlin

Littayer M.A., 1969. Bits and Pieces // Antiquity. Vol.43, N 172.

Littayer M.A., 1971. The Figured Evidence for a Small Pony in the Ancient Near East // Iraq. Vol.33, pt.1.

Madhloom T.A., 1970. The Chronology of Neo-Assyrian Art. London.

Mallowan M.E.L., 1966. Numrud and its Remains. Vols. I,II. London.

Medvedskaya I.N., 1986. A Study on the Chronological Parallels between the Greek Geometric Style and Sialk B Painted Pottery // Iranica Antiqua. Vol.XXI.

Medvedskaya I., 1988. Who Destroyed Hasanlu? // Iran. Vol.XXVI.

Medvedskaya I., 1989. The End of Urartian Presence in the Region of Lake Urmia // Archaeologia Iranica et Orientalis. Miscellanea in Honorem L. Vanden Berghe. Vol.I. Gent.

Medvedskaya I.N., 1991. Once More on the Destruction of Hasanlu IV: Problems of Dating // Iranica Antiqua. Vol.XXVI.

Medvedskaya I., 1997. The Localization of Hubuška // S.Parpoba and R.M.Whithing (eds.), Assyria 1995. Helsinki.

Medvedskaya I., 2000. Zamua, Inner Zamua and Mazamua // Variatio Delectat. Iran und der Westen. Gedenkschrift für Peter Calmeyer (AOAT Bd. 272). Münster.

Muscarella O.W., 1978. Urartian Bells and Samos // JANES. Vol.10.

Muscarella O.W., 1980. The Catalogue of Ivories from Hasanlu, Iran // University Museum Monograph 40. Hasanlu Special Studies. Vol.II. The University Museum, University of Pennsylvania. Philadelphia.

Muscarella O.W., 1988. Bronze and Iron. Ancient Near Eastern Artifacts in the Metropolitan Museum of Art. New York.

Nagel W., Strommenger E., 1985. Kalakent Früheisenzeitliche Grabfunde aus dem transkaukasischen Gebiet von Kirovabad/Jelisavetopol // Berliner Beiträge zur Vor-und Frühgeschichte N. F. 4. Berlin.

Reade S.F., 1975. Aššurnasirpal I and the White Obelisk // Iraq 37, 2. 129–150.

Schauensee M. de, Dyson R., 1983. Hasanlu Horse Trappings and Assyrian Reliefs // Essays on Near Eastern Art and Archaeology in Honor of C.K.Wilkinson. New York.

Schauensee M. de, 1989. Horse Gear from Hasanlu // Expedition. Vol.31, № 2–3.

Seidl U., 1991. Horse Trappings // Urartu. A Metalworking Center in the First Millennium B.C.E. Catalog of Exhibition. Jerusalem.

Seidl U., 1991a. Arm Guards (?) // Ibid.

Winter I.S., 1983. The Program of the Throneroom of Assurnasirpal II // Essays on Near Eastern Art and Archaeology in Honor of C.K.Wilkinson. New York.

Источники иллюстраций

Рис. 1.

- 1 – Muscarella O.W., 1988, p.65, № 94;
- 2 – Schauensee M.de, Dyson R., 1983, fig.13;
- 3 – Ghirshman R., 1939. Fouilles de Sialk près de Kashan, pl.LVI;
- 4 – Yildirim R., 1987. Urartäische Trensен // Türk Tarih Kurumu. Bell.200, рис.21;
- 5 – Иессен А.А., 1965. Из исторического прошлого Мильско-Карабахской степи // МИА. № 125, с.27, рис.10;

- 6 – Асланов Г.М. и др., 1959. Древний Мингечаур. Баку, табл.XXXIX, 1,3;
- 7 – Асланов Г.М., 1989. Шамхорский могильник // ПМКА, рис.14;
- 8 – Кузьмина Е.Е., 1966. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии // САИ. Вып.В4–9, табл.XV,40;
- 9 – Галанина Л.К., 1985. К проблеме взаимоотношений скифов с меотами // СА. № 3, с.160, рис.4,4,5;

- 10 – Эрлих В.Р., 1991, рис.6;
 11 – Эрлих В.Р., 1994, табл.32,3;
 12 – Анфимов Н.В., 1971. Сложение меотской культуры и ее связи со степными культурами Северного Причерноморья // Проблемы скифской археологии. М., с.175, рис.4,3;
 13 – Яблонский Л.Т., 1991, с.81, рис.11,1,2.

Рис. 2.

- 1 – Erzen A., 1978. Çavuştepe I, p.56, fig.42;
 2,3 – Есаян С.А., Погребова М.Н., 1985. Скифские памятники Закавказья, с.96,97, табл.XVI,7;XVII,5,6;
 4 – Кобаидзе Л.Н., 1978, с.78, табл.XLVI, 432;
 5 – Schauensee M. de, 1989. p.40, фото 6;
 6 – Вишневская О.А., 1973. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э. // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т.VIII, табл.XV, 7,8;
 7 – Смирнова Г.И., 1972, рис.12,14;
 8 – Либеров П.Д., 1951. Курганы у села Константиновки // КСИИМК. Вып.XXXVII, с.142, рис.45b;
 9 – Кадырбаев М.К., 1966. Памятники тасмолинской культуры // Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, с.326, рис.19,3;
 10,11 – Лесков А.М., Эрлих В.Р., 1999. с.68,71, рис.11,5;26,12.

Рис. 3.

- 1,3 – Schauensee M. de, Dyson R., 1983, p.68, fig.11,12 (12 – полевой рисунок О.Мускареллы);
 2 – Muscarella O.W., 1988, p.65, № 92;

- 4 – Waele É. de., 1982. Bronzes de Luristan et d'Amlash. Ancienne Coll. Godard. Louvain – La-Neuve, p.68, fig.50, № 73;
 5 – Асланов Г.М., 1989. Шамхорский могильник // ПМКА, рис.14;
 6 – Асланов Г.М. и др., 1959. Древний Мингечаур. Баку, табл.XXXIX,2;
 7 – Nagel W., Strommenger E., 1985, Taf.19;
 8 – Иессен А.А., 1965. Из исторического прошлого Мильско-Карабахской степи // МИА. № 125, с.27, рис.10;
 9–12 – Yildirim R., 1987. Urartäische Trensen // Türk Tarih Kurumu. Bell.200, рис.42–44;
 13 – Hauptmann H., 1983. Neue Funde eurasischer Steppennomaden in Kleinasien // Beiträge zur Altertumskunde Kleinasien. Festschrift Kurt Bittel. Bd.I. Mainz. Abb.4,6;
 14 – Medvedskaya I., 1988, fig.4,2;
 15 – Hase F.-W. von, 1969. Taf.20,225.

Рис. 4.

- 1 – Waele É. de., 1982. Bronzes de Luristan et d'Amlash. Ancienne Coll. Godard. Louvain – La-Neuve, p.68, fig.50, № 74;
 2 – Иванчик А.И., 2001, рис.74,2;
 3 – Littauer M.A., Crouwel J.H., 1979. Wheeled Vehicles and Ridden Animals in the Ancient Near East. Leiden – Köln, fig.66;
 4 – Иванчик А.И., 2001, рис.87,4;
 5 – Иванчик А.И., 2001, рис.67,1;
 6,7 – Иванчик А.И., 2001, рис.89,17,19;
 8 – Иванчик А.И., 2001, рис.74,3;
 9,10 – Hase F.-W. von, 1969. Taf.9,87,90.

Рис. 5.

- 1–5,7 – Medvedskaya I., 1988, fig.4,1–6;
 6 – Иванчик А.И., 2001, рис.129.

ХРОНОЛОГИЯ РАННЕГО ПЕРИОДА МОСКВОРЕЦКОЙ ГРУППЫ ПАМЯТНИКОВ ДЬЯКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПО ДАННЫМ РАДИОУГЛЕРОДНОГО АНАЛИЗА

История изучения дьяковской культуры насчитывает уже более 100 лет. Однако хронология культуры в целом, и Москворецкого варианта в частности, где расположены ее классические памятники, до сих пор вызывает много вопросов. Значительное количество радиоуглеродных дат, полученных в последние два десятилетия, позволяет существенно уточнить хронологию раннего периода Москворецкого варианта и всей дьяковской культуры. Выход в свет значительных работ по этому направлению совпадает с существенными прорывами в развитии радиоуглеродного метода, давшими возможность уменьшить погрешности результатов.

Метод радиоуглеродного датирования является относительно новым в исследовании хронологии дьяковской культуры. Всего для памятников, расположенных в бассейне Москвы-реки, получено 139 радиоуглеродных дат, причем 80% из них приходится на городища Дьяково и Настасьино¹ (Кренке Н.А., 2004; Энговатова А.В., 2004; Александровский А.Л. и др., 1998; Сыроватко А.С. и др., 2002). В последнее время широкое распространение получили различные калибровочные программы для перевода радиоуглеродных дат в календарные, учитывающие корректировочный коэффициент периода полураспада радиоуглерода У.Либби. Однако не всегда и калиброванные даты соответствуют археологическим датировкам, подтвержденным другими источниками. Например, расхождение в некалиброванных и калиброванных датах отмечено на хорошо изученных материалах скифской культуры (Impact of the Environment..., 2004). Это заставляет задуматься и о корректном привлечении радиоуглеродного метода к работе

над хронологией дьяковских памятников, поскольку для I тыс. до н.э. вещи часто имеют более точную датировку. Вместе с тем, калиброванные даты, подтвержденные археологическими датировками, позволяют, на наш взгляд, увереннее оперировать ими для более четкого определения хронологии разных этапов культуры.

В этой связи интересно сопоставить серии радиоуглеродных дат, полученные при раскопках городищ Настасьино и Дьяково, хорошо датированных традиционными археологическими методами, для того чтобы сравнить и скорректировать их. Оба памятника расположены в бассейне Москвы-реки. Это эталонные памятники культуры, с надежной стратиграфией для ее раннего этапа и представительным вещевым материалом. Кроме того, из слоя и объектов городищ Настасьино и Дьяково происходят большие серии радиоуглеродных дат (Энговатова А.В., 2004; Кренке Н.А., 2004).

Для калибровки было использовано 87 радиоуглеродных дат, происходящих из слоя и объектов раннего этапа существования памятников москворецкого варианта дьяковской культуры (табл.1). Помимо серии радиоуглеродных дат из слоя и жилых построек городищ Настасьино и Дьяково, имеются опубликованные результаты радиоуглеродного датирования насыпей валов еще на нескольких памятников москворецкого варианта дьяковской культуры (Луковня-2, Коробово, Троицкое, Протопопово), позволяющие определить время их сооружения. Основными материалами, используемыми для радиоуглеродного анализа, служили уголь, зола и органика из заполнения остатков стен. При сооружении построек на дьяковских поселениях использовались не только деревянные бревна или жерди, но и органический материал, применявшийся, судя по всему, для внутренней теплоизоляции. При анализе радиоуглеродных дат, полученных из таких образцов, взятых из заполнения «канавок» построек, следует учитывать возможность удревнения результата.

¹ Радиоуглеродные даты получены в Лаборатории археологических технологий ИИМК РАН под руководством Г.И.Зайцевой и лабораторией Геологического института РАН под руководством Л.Д.Сулержицкого. Авторы выражают им свою глубокую признательность.

Таблица 1. Серии радиоуглеродных дат из памятников москворецкого варианта дьяковской культуры

Памятник	Количество дат	Публикация
<i>Настасьино</i>	48	Энговатова А.В., 2004
<i>Дьяково</i>	27	Кренке Н.А., 2004
<i>Коробово</i>	5	Александровский А.Л. и др., 1998
<i>Луковня-2</i>	4	
<i>Троицкое</i>	2	
<i>Протопопово</i>	1	Сыроватко А.С. и др., 2002

Это связано с возможным использованием при сооружении построек дерна, имеющего, естественно, более ранний возраст.

Калибровочным программам и процедурам калибровки посвящено значительное количество специальной литературы. Калибровка серий радиоуглеродных дат городищ Настасьино и Дьяково проводилась с помощью программы OxCal², признанной на данный момент наиболее универсальной рабочей системой с надежным разрешением калибровочной кривой. Диапазоны датировок определялись в пределах одной или двух сигм (68.2% и 95.4% probability). Так как 6.28% уровень вероятности дает более узкий временной интервал «радиоуглеродной смерти» образца, он и был использован в данном случае. Низкий порог вероятности восполняется калибровкой не единичных дат, что может привести к существенной ошибке, а калибровкой их серий, что повышает степень надежности полученного результата. При калибровке мы получаем интервал, в который с наибольшей вероятностью происходило определенное событие. Прямым продолжением этой методики является операция комбинирования (Combine), при которой интервалы калиброванных датировок не механическим образом складываются (операция суммирования – Summary), а происходит перерасчет для группы дат суммы вероятностей по специальным математическим формулам. В качестве основной методики использовалась опция Combine (комбинирование групп дат)³ ка-

либровочной программы OxCal. Методическая сложность применения операции Combine состоит в корректности отбора радиоуглеродных дат для комбинирования – археологически они должны быть сопоставимы, т.е. происходить из одного комплекса (слоя, объекта, погребения).

При обработке радиоуглеродных дат, происходящих из разных памятников, возникает проблема корректности сопоставления комбинированных дат. Поэтому представляется уместным первоначально анализировать даты в рамках отдельных комплексов внутри каждого из городищ, а затем уже проводить их сравнение. Для этого отбирались группы дат, происходящие из одного комплекса – слоя или постройки.

Слой раннего железного века на городище Настасьино представлен напластованиями, относящимися только к раннему этапу дьяковской культуры. За исключением верхнего пахотного слоя, стратиграфия памятника в общем ненарушена, что позволяет довольно четко выделить три разных периода его существования (Энговатова А.В., 2004, с.148–152). Наиболее древним горизонтом является юго-восточный участок площадки, ко второму относится ее центральный участок, в том числе под насыпью вала, и к последнему горизонту – центральный участок городища.

Хорошо стратифицированными, мощными напластованиями раннего дьяковского времени отличается и Дьяково городище, где для этого этапа выделено также три периода функционирования поселения (Кренке Н.А., 1988). Они соотносятся со следующими стратиграфическими горизонтами: первый – залегает на глубине от -360 см до материка, второй – на глубине -310...-360 см и третий – на глубине -260...-310 см (Кренке Н.А., 1987).

Таким образом, на обоих памятниках выделяется по *три горизонта*, содержащих одни и те

² Программа Оксфордской изотопной лаборатории; Version 3.9, версия 2003 г. Разработчик – Б.Рамзи. В программе используется атмосферная дата по: Stuiver, 1998.

³ Математические принципы расчета приведены в описании к калибровочной программе. Адрес в интернете: http://www.rlaha.ox.ac.uk/oxcal/math_ca.htm. Благодарим Г.И.Зайцеву за консультации.

Таблица 2. Радиоуглеродные даты из объектов городища Настасьино

№	Комплекс			Шифр	Материал	Радиоуглеродная дата	Калиброванная дата (вероятность)	
	Объект	Кв.	Гл.				68,2%	95,4%
1	Постройка 6	Д-1	-147, пл. 8б	Le-6030	почва	2470±70	-670 -510 (38.6%) -770 -680 (22.2%) -440 -410 (4.4%) -470 -410 (3.0%)	-790 -400
2	Постройка 11	И-9	-165, пл. 7б	Le-6031	уголь	2380±50	-540 -390 (63.1%) -760 -720 (5.1%)	-600 -370 (72.2%) -770 -610 (23.2%)
3	Постройка 10	Д-Е-7-8	-106... -111, пл. 8а	Le-6032а	уголь с почвой	2630±100	-920 -750 (46.8%) -650 -540 (17.1%) -690 -660 (4.3%)	-1000 -400
4		Д-Е-7-8	-106... -111, пл. 8а	Le-6030б*	уголь с почвой	2570±70	-690 -540 (42.8%) -820 -750 (25.4%)	-840 -480 (90.6%) -470 -410 (4.8%)
5	Слой под насыпью вала	3-22	-134	Le-6035	уголь из ямы	2130±35	-210 -90	-240 -40 (83.8%) -360 -290 (11.6%)

* Результат получен при использовании горячей гуминовой кислоты.

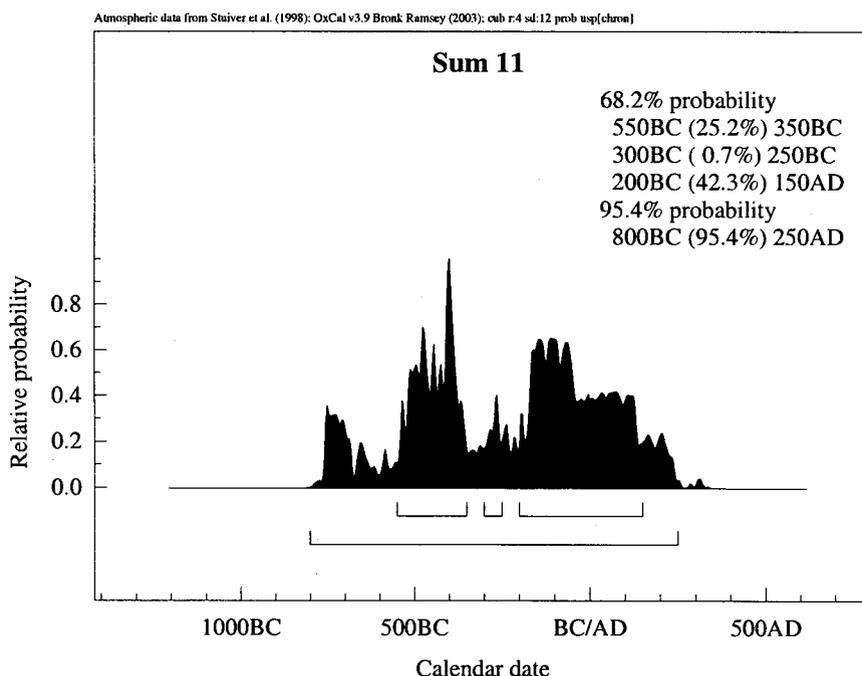

Рис. 1. Периоды существования построек 11а и 11 на центральном участке площадки городища Настасьино

же представительные категории вещевого материала⁴. В первую очередь, это изделия из кости: проколки, остря, долота, струги, «орудия для плетения» и костяные ножи с горбатой спинкой. Особой категорией являются костя-

⁴ В рамках данной публикации керамический материал не привлекался; он требует специального исследования.

ные наконечники стрел, представленные в слоях городищ Настасьино и Дьяково одношипными, одношипными со скосом, удлинненными без шипов с подтреугольным пером, с лопаточкой на конце, втульчатыми пулевидными и некоторыми другими типами (Кренке Н.А., 1980; 1982; 1983; 1987; Энговатова А.В., 2000–2001). Характерными находками для коллекций раннего этапа дьяковской культуры являются изделия

Таблица 3. Список комбинированных дат первого горизонта городища Настасьино (результаты калибровки приведены в публикации: Энгватова А.В., 2004, табл.1)

Постройка	Шифр	Радиоуглеродная дата	Комбинированная дата
1	Le-5799a	2370±80	2480±74 BP
	Le-5799b	3030±190	
2	Le-5798	2800±200	2422±85 BP
	Le-5804	3250±200	
	Gin-10530	1970±110	
3	Le-5803	2500±30	2483±29 BP
	Gin-10536	2190±120	
7	Le-5800a	3300±250	2564±55 BP
	Le-58006	2750±150	
	Le-5807	2220±100	
	Gin-10537	2620±120	
	Gin-10535	2630±140	
	Gin-10532	2630±150	
9	Le-5796	2560±50	2589±44 BP
	Le-5805	2740±100	
	Le-5806	2200±300	

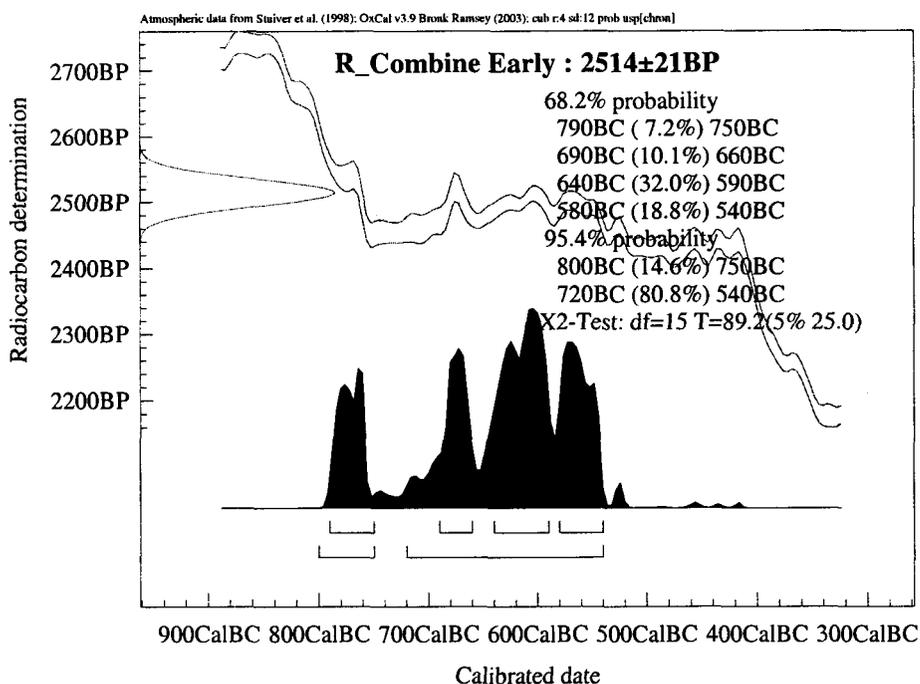

Рис. 2. Интервал комбинированных дат нижнего горизонта городища Настасьино (постройки 1, 2, 3, 7, 9 на юго-восточном участке площадки городища)

из глины: бусины шаровидной или уплощенно-овальной формы, колоколовидные подвески, зооморфные фигурки, грузики дьякова типа конической формы.

Важно, что для каждого из горизонтов городищ Дьяково и Настасьино получены серии, включающие не менее четырех радиоуглерод-

ных дат. Необходимо отметить, что калибровались только те радиоуглеродные даты, которые не подвергались сомнению авторами раскопок (Кренке Н.А., 2004; Энгватова А.В., 2004).

На городище Настасьино выделено несколько этапов освоения жилой площадки, характеризующих разные стратиграфические горизонты.

Таблица 4. Список комбинированных дат второго горизонта городища Настасьино (результаты калибровки приведены в публикации: Энговатова А.В., 2004, табл.1)

Постройка	Шифр	Радиоуглеродная дата	Комбинированная дата
4	Gin-10524	2390±150	2140±20
	Le-5897	2235±20	
5	Le-5899	2460±80	
6	Gin-10525	2240±70	2152±42
	Gin-10519	1920±90	
	Le-5886	2190±65	
11a	Le-5891	2340±60	2332±54
	Le-5885	2300±120	

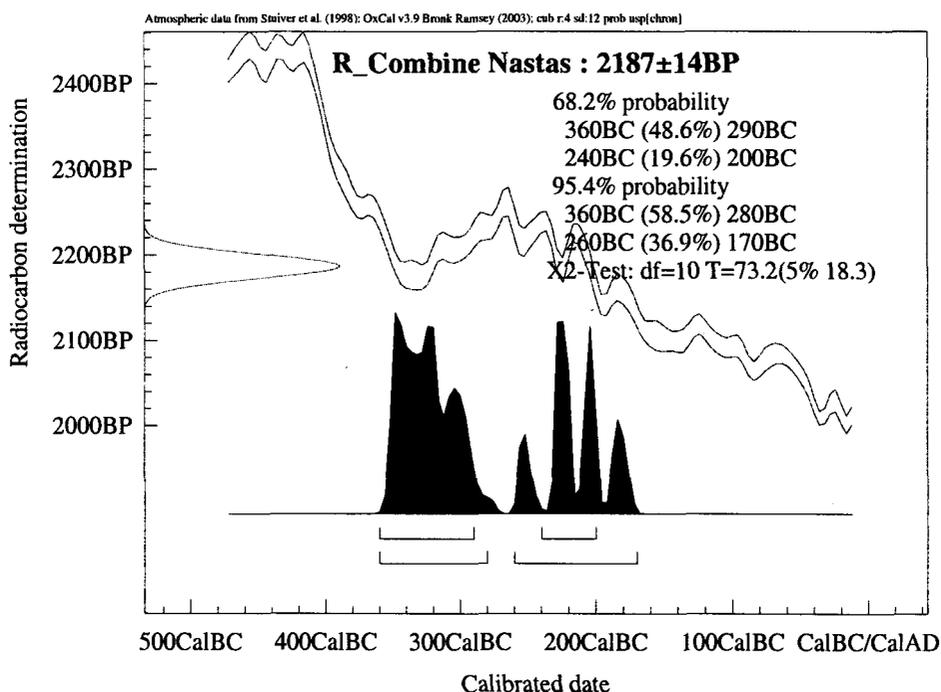

Рис. 3. Интервал комбинированных дат второго горизонта городища Настасьино (постройки 4, 5, 6 под насыпью вала и постройка 11a в центральной части площадки городища)

Здесь необходимо рассмотреть отдельно серию радиоуглеродных дат, происходящих из постройки 11. Основное количество дат указывает на II–I вв. до н.э. как на наиболее вероятное время сооружения этой постройки (Энговатова А.В., 2004, с.151). В серии выделяются даты, характеризующие более ранний период существования постройки – уже в IV в. до н.э. (табл.2, рис.1). Стратиграфически более ранняя постройка выделяется не на всей площади. Сопоставление археологического материала с этого участка и группы ранних дат позволяет достоверно выделить более раннюю постройку IV в. до н.э. (по-

стройка 11a), в период II–I вв. до н.э. перекрытую сооружением 11.

Комбинирование серии дат из комплекса построек 1, 2, 3, 7, 9 нижнего горизонта городища Настасьино (Энговатова А.В., 2004, с.146,147) относит время освоения юго-восточного участка площадки к 690–540 гг. до н.э. (табл.3, рис.2). Интервал второго горизонта, представленного постройками 4, 5, 6 под валом и постройкой 11a в центральной части площадки, составляет 360–200 гг. до н.э. (табл.4, рис.3). Интервал третьего горизонта, характеризующегося такими сооружениями на городище, как насыпь вала и постройками 10 и 11 в центральной части

Таблица 5. Список комбинированных дат третьего горизонта городища Настасьино (результаты калибровки приведены в публикации: Энговатова А.В., 2004, табл.1)

Постройка	Шифр	Радиоуглеродная дата	Комбинированная дата
10	Le-5802b	2680±180	2057±13
	Le-5802a	2150±90	
	Le-5895a	2630±180	
	Le-5895b	2260±60	
	Le-5892	1980±35	
	Le-5889	2050±25	
	Le-5881	2150±80	
	Le-5883	1980±25	
11	Le-5890	3640±370	2055±25
	Le-5893	1900±60	
	Le-5882	2020±65	
	Le-5884	2100±30	

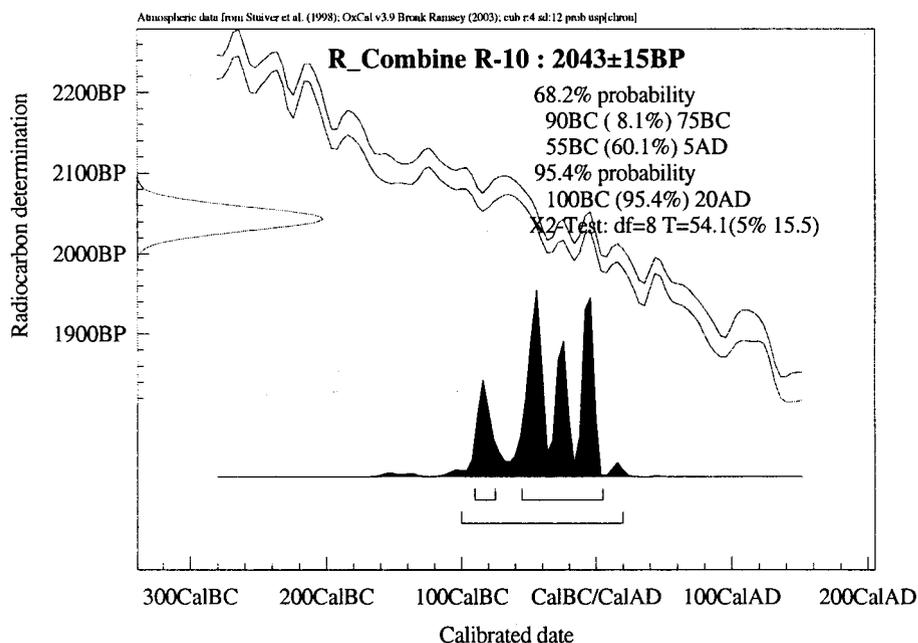

Рис. 4. Интервал комбинированных дат третьего горизонта городища Настасьино

площадки, составляет 175 г. до н.э. – 5 г. н.э. (табл.5, рис.4).

Комбинирование групп калиброванных дат Дьякова городища по отдельным стратиграфическим горизонтам указывает на следующие, наиболее вероятные хронологические периоды их существования. Наиболее вероятным интервалом дат нижнего слоя, соответствующего первому стратиграфическому горизонту, является отрезок в 520–400 гг. до н.э. (табл.6, рис.5). Интервал второго стратиграфического горизонта, культурного слоя на глубине от -360 до -310 см, составляет 360–170 гг. до н.э.

(табл.7, рис.6). Интервал третьего стратиграфического горизонта – слоя на глубине от -310 до -260 см, отделенного от нижележащего слоя стерильной песчаной прослойкой, составляет 20–115 гг. н.э. (табл.8, рис.7).

Эти данные (табл.9) необходимо теперь сопоставить с данными, полученными археологическим методом. Прежде всего, следует отметить значительное расхождение между археологическими датировками и комбинированными калиброванными датами для первого горизонта. Согласно археологическим материалам первый период отнесен к IX–VIII – V–IV вв. до н.э.

Таблица 6. Список радиоуглеродных дат первого горизонта Дьякова городища, вошедших в выборку

	Объект	Дата	Sum probabilities	
			68.2%	95.4%
1	Gin-3910	2390±70	-550 -390 (50.3) -760 -680 (17.9)	-800 -350
2	Gin-3913	2510±60	-720 -520 (57.8) -790 -750 (10.4)	-800 -480 (87.4) -470 -410 (8.0)
3	Gin-2790	2550±60	-690 -540 (47.9) -810 -750 (20.3)	-830 -480 (91.3) -470 -410 (4.1)
4	Gin-3912	2630±110	-920 -750 (43.3) -690 -540 (24.9)	-1000 -400
5	Gin-4021	2240±50	-320 -230 (44.0) -390 -350 (17.6) -220 -200 (6.7)	-400 -170
6	Gin-3188	2260±100	-410 -170	-550 0 (91.1) -800 -600(4.3)
7	Gin-2781	2290±130	-550 -150 (65.4) -800 -700 (2.8)	-800 0
8	Gin-2797	2390±100	-560 -380 (42.5) -760 -680 (17.5) -670 -630 (5.9) -600 -570 (2.3)	-800 -200

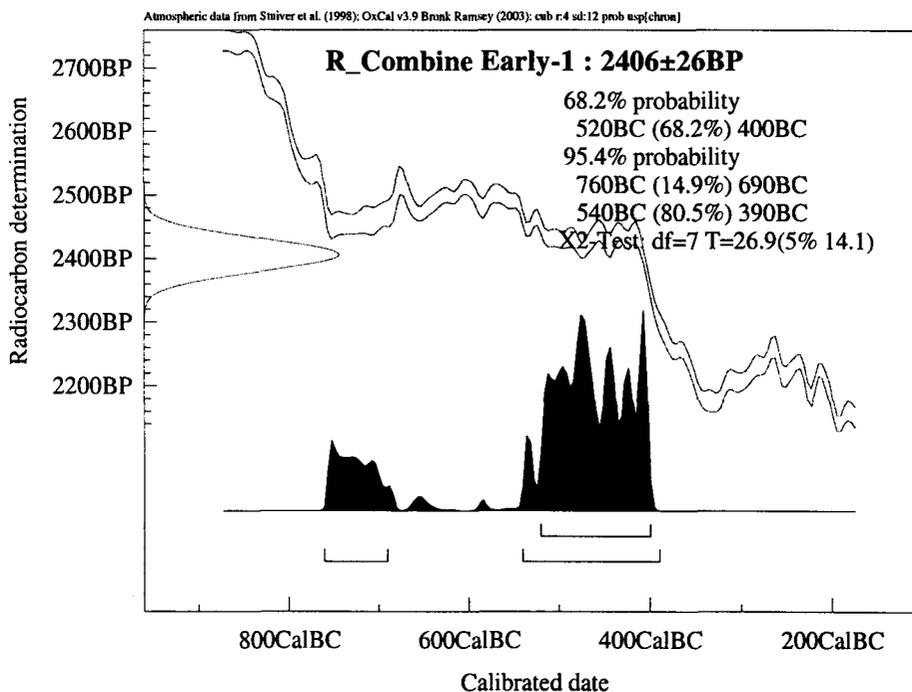

Рис. 5. Интервал комбинированных дат нижнего горизонта городища Дьяково

(Кренке Н.А., 2004, с.182; Энговатова А.В., 2004, с.150), т.е. существенно удревнен по сравнению с радиоуглеродной датировкой. Это расхождение наблюдается как для Дьякова городища, так и для Настасьино. Соответственно, датировка первого хронологического периода

москворецкого варианта дьяковских памятников остается дискуссионной.

Для второго и третьего горизонтов отмечается хорошая корреляция между калиброванными датами и археологическими, хотя последние вполне закономерно дают более широкие

Таблица 7. Список радиоуглеродных дат второго горизонта Дьякова городища, вошедших в выборку

	Объект	Даты	Sum probabilities	
			68.2%	95.4%
1	Gin-5114	1970±70	-50 0 (59.6) 100 130 (8.6)	-120 220 (92.4) -170 -130 (3.0)
2	Gin-2788a	2120±100	-240 -40 (51.4) -360 -290 (13.9) -10 0 (1.8) -30 -20 (1.1)	-390 70
3	Gin-2788б	2070±180	-260 90 (55.0) -360 -270 (11.3) 100 120 (1.9)	-600 400
4	Gin-3906	2140±110	-260 -40 (51.2) -360 -280 (17.0)	-400 80
5	Gin-2800	2230±35	-320 -200 (56.9) -380 -350 (11.3)	-390 -200
6	Gin-2792	2230±50	-320 -200 (53.8) -380 -340 (14.4)	-400 -170

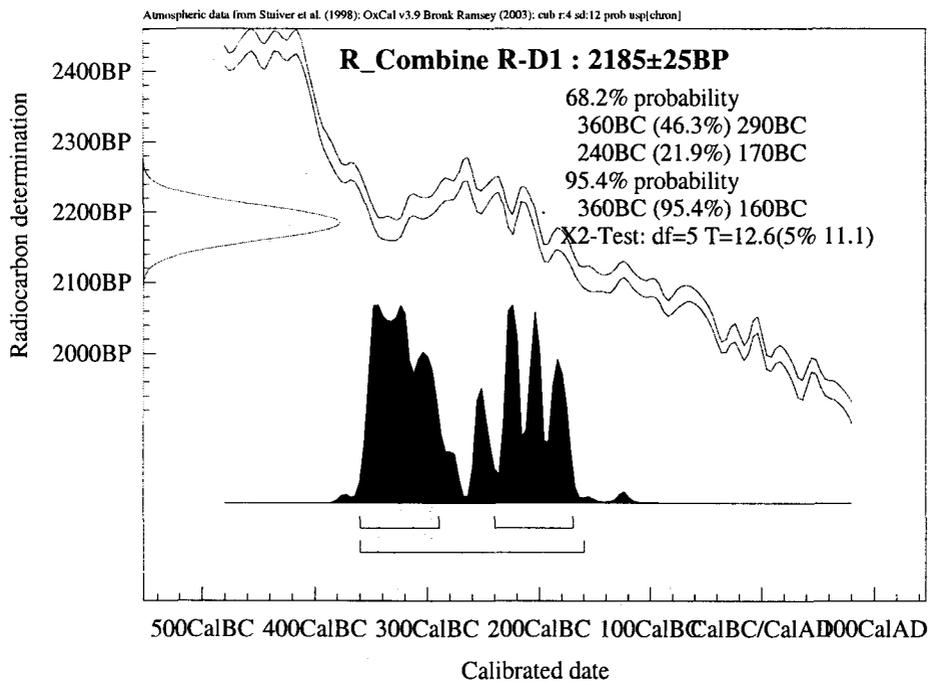

Рис. 6. Интервал комбинированных дат второго горизонта городища Дьяково

хронологические диапазоны. Так, *второй горизонт* археологически датируется в пределах V–II вв. до н.э. для Дьякова городища (Кренке Н.А., 2004, с.182) и в пределах IV–III вв. до н.э. – рубежа эр для городища Настасьино. Основной категорией находок здесь являются изделия из кости, прежде всего, ножи с горбатой спинкой, четырехзубые «орудия для плетения», ланцетовидные наконечники стрел. Глиняные изделия представлены, в основном, грузиками дьякова

типа ранних форм. Изделия из черного и цветного металла немногочисленны и их состав беден и практически нет датирующих предметов.

Для раннего этапа характерно практически полное отсутствие хорошо датированных импортов. Синие глазчатые бусины, традиционно рассматриваемые как античный импорт, не имеют надежной датировки. Данное обстоятельство находится в противоречии с широким распространением предметов импорта в коллекциях

Таблица 8. Список радиоуглеродных дат третьего горизонта Дьякова городища, вошедших в выборку

	Объект	Даты	Sum probabilities	
			68.2%	95.4%
1	Gin-3908	1830±70	260 (58.0) 110 (5.3) 300 320 (4.9)	390 (94.3) 20 40 (1.1)
2	Gin-3915	1970±40	80 (61.1) -20 -10 (4.3) -40 -30 (2.8)	-50 130
3	Gin-3198	1970±60	-50 90 (62.5) 100 120 (5.7)	-120 140 (90.9) -160 -130 (1.3) 180 (1.7) 190 220 (1.4)
4	Gin-2779	2180±250	-550 150	-900 400

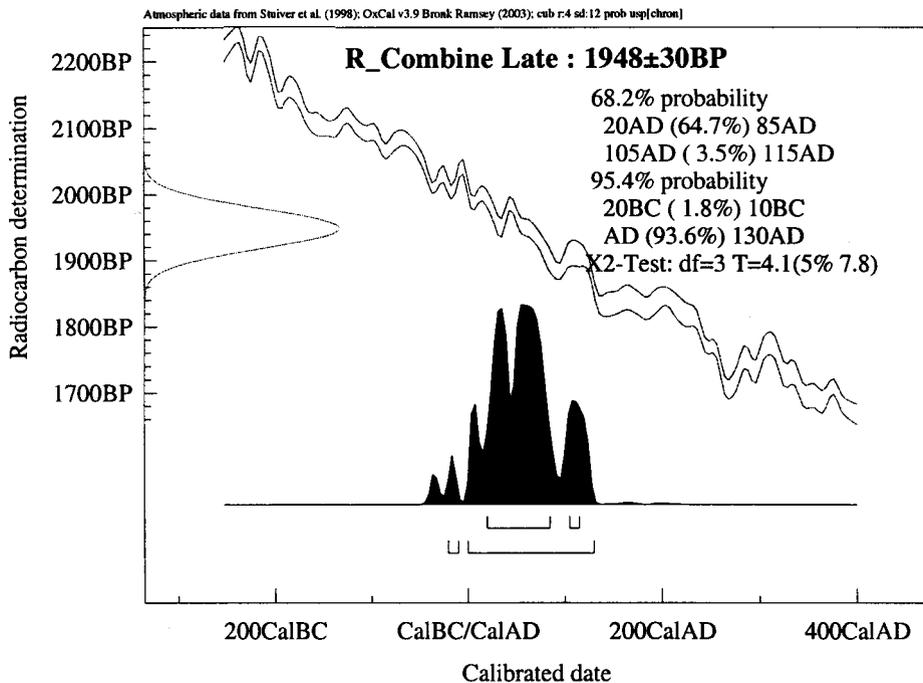

Рис. 7. Интервал комбинированных дат третьего горизонта городища Дьяково

культур, расположенных на прилегающих территориях. На синхронность второго периода дьяковской культуры с изменениями в материальной сфере, происходящими в более южных районах, указывают серии радиоуглеродных дат из погребений курганов Солоха и Чертомлык, относящих время их существования к 430–420 – 300–290 гг. до н.э. (Зайцева Г.И. и др., 1997).

К этому же периоду относится и сооружение насыпей валов на Дьяковском городище (V–IV в. до н.э.) и на городище Луковня-2 (IV–II вв. до н.э.), причем время постройки вала на Луковне-2 совпадает с очередной досыпкой вала в Дьяково.

Сопоставление результатов комбинирования дат с археологическим материалом, датированным традиционными методами, указывает на более широкую датировку и *третьего горизонта* обоих памятников – от II вв. до н.э. по I–II вв. н.э. Характерными находками этого горизонта становятся ювелирные украшения из цветного металла – классические умбоновидные подвески, разнообразные бляшки прямоугольной формы с зубчиками или ровным краем, пронизки разных вариантов, фигурные бляшки-накладки. Традиционно датируемые II в. до н.э. – IV в. н.э. (Смирнов К.А., 1970) или II–V вв. н.э. (Дубынин А.Ф., 1974), умбоновидные

Таблица 9. Сопоставимость хронологических периодов по радиоуглеродным и археологическим датировкам

периоды	Дьяково		Настасьино	
	Комбинированная дата	Археологическая дата	Комбинированная дата	Археологическая дата
I	520–400 гг. до н.э.	IX–VI вв. до н.э.	690–540 г. до н.э.	VIII – V–IV вв. до н.э.
II	360–170 гг. до н.э.	V–II вв. до н.э.	360–200 гг. до н.э.	V–IV – III вв. до н.э.
III	20–115 гг. н.э.	II в. до н.э. – I–II вв. н.э.	175 г. до н.э. – 5 г. н.э.	II–I вв. до н.э. – I–II вв. н.э.

подвески представлены двумя вариантами: на городище Настасьино это украшения раннего типа (крепление дужки к центру щитка), тогда как на Дьяковском городище отмечен только их развитый тип (крепление дужки к краю щитка). Это позволяет наметить время появления этой категории украшений на дьяковских городищах и выявить территориальные особенности в употреблении разных вариантов умбововидных подвесок.

К третьему периоду относится появление костяных наконечников стрел удлинённых пропорций, металлических наконечников стрел, глиняных грузиков дьякова типа развитых форм. Верхняя граница этого периода определена по наличию железных наконечников двушипных стрел андреевского круга древностей середины I – начала II вв. н.э. в слое городища Настасьино (Гришаков В.В., 2002).

Не исключено, что это период расцвета дьяковской культуры – в это время сооружается сложная фортификационная система (насыпь вала и ров) на городище Настасьино в период с 175 по 110 гг. до н.э. К рубежу эр, по данным комбинирования серий дат, можно отнести возникновение насыпей валов на городищах Коробово и Троицкое.

Таким образом, для раннего этапа московско-рецкого варианта дьяковской культуры выделяются следующие периоды:

1. **ранний период**, по радиоуглеродным датам относящийся к периоду 690–540 –

520–400 гг. до н.э., а по археологическим данным датирующийся в пределах IX–VIII – V–IV вв. до н.э.;

2. **средний период**, по радиоуглеродному методу датируется в интервале 360–170 гг. до н.э., археологически – в рамках V – III–II вв. до н.э.;

3. **развитый период**, по радиоуглеродным датам относится к интервалу 175 г. до н.э. – 115 г. н.э., по артефактам – II в. до н.э. – серединой I – началом II вв. н.э.

Таким образом, применение метода комбинирования калиброванных дат и его сопоставление с традиционными археологическими датировками, позволяет строже подойти к решению вопросов хронологии дьяковской культуры в целом и резко сузить интервал ее раннего этапа. Это тем более отраднее, что в материалах названного этапа пока отсутствует хорошо датированный импорт.

Стоит обратить внимание на определенные хронологические расхождения между данными, полученными при калибровании радиоуглеродных дат, и традиционными представлениями о хронологии раннего периода дьяковской культуры. Примечательно, что расхождение в радиоуглеродных и археологических датировках второго и третьего периодов не столь значительно. Логический вывод – необходимо откорректировать датировку раннего периода дьяковской культуры.

Литература

Александровский А.Л., Кренке Н.А., Спиридонова Е.А., Янишевский Б.Е., 1998. Изучение валов и погребенных под ними почв на дьяковских городищах Троицкое, Луковня-2 и Коробово в Подмоскowie // Тверской археологический сборник. Вып.3. Тверь.

Дубынин А.Ф., 1974. Щербинское городище // Дьяковская культура. М.

Гришаков В.В., 2002. Наконечники стрел Андреевского кургана в контексте проблемы формирования памятника // Поволжье и сопредельные территории в средние века. Труды ГИМ. Вып.135. М.

Зайцева Г.И., Поснерг Й., Алексеев А.Ю., Дергачев В.А., Семенов А.А., 1997. Радиоуглеродные даты ключевых памятников Евро-

пейской Скифии // Радиоуглерод и археология. Вып.2. СПб.

Кренке Н.А., 1980. Отчет об исследованиях Дьякова городища // Архив ИА РАН. Р-1. № 7663.

Кренке Н.А., 1982. Отчет об археологических работах, проводившихся на территории охранной зоны заповедника «Коломенское». Часть 2 // Архив ИА РАН. Р-1. № 8926.

Кренке Н.А., 1983. Отчет об археологических работах, проводившихся на территории охранной зоны заповедника «Коломенское». Часть 2 // Архив ИА РАН. Р-1. № 9804.

Кренке Н.А., 1987. Культура населения бассейна Москвы-реки в железном веке и раннем средневековье // Автореф. дис... канд. ист. наук. М.

Кренке Н.А., 1988. Периодизация дьяковских памятников бассейна Москвы-реки // КСИА. Вып.194. М.

Кренке Н.А., 2004. Дьяково городище: методы исследований (по материалам раскопок 1981–1987 гг.) // Восточная Европа в Средневековье. М.

Смирнов К.А., 1970. Части костюма и украшения, найденные на Троицком городище // Древнее поселение в Подмосковье. МИА. Вып.156. М.

Сыроватко А.С., Спиридонова Е.А., 2002. Применение палинологического анализа для стратификации Протопоповского городища // Тверской археологический сборник. Вып.5. Тверь.

Энговатова А.В., 2000. Отчет об археологических раскопках городища Настасьино в Коломенском районе Московской области в 1999 г. // Временное хранение ОПИ ИА РАН.

Энговатова А.В., 2001. Отчет об археологических раскопках городища Настасьино в Коломенском районе Московской области в 2000 г. // Временное хранение ОПИ ИА РАН.

Энговатова А.В., 2004. Хронология городища Настасьино по данным радиоуглеродного анализа // Археология Подмосковья. М.

Impact of the Environment on Human Migration in Eurasia. NATO Science Series. 2004.

Stuiver and van der Plicht, 1998. Calibration Issue // Radiocarbon. 40 (3).

КЛАССИФИКАЦИЯ, ВОПРОСЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ, РАЗВИТИЯ И ХРОНОЛОГИИ НЕКОТОРЫХ КИНЖАЛОВ И МЕЧЕЙ ПРЕДСКИФСКОГО ПЕРИОДА

Клинковое оружие, составной частью которого являются кинжалы и мечи, было одной из самых распространённых категорий вооружения в период поздней бронзы и в раннем железном веке. Биметаллические, реже полностью бронзовые или железные кинжалы и мечи, являются характерным для предскифского периода видом клинкового колюще-режущего и колюще-рубящего оружия. Одна из ярких и многочисленных разновидностей этого оружия неоднократно привлекала внимание исследователей и получила наименование «кинжалы кабардино-пятигорского» (Крупнов Е.И., 1960), «северокавказского» (Анфимов Н.В., 1965) или «киммерийского» типа (Членова Н.Л., 1975; Шрамко Б.А., 1984). Кроме того, эти изделия были названы «биметаллическими кинжалами с крестовидной рукоятью – БМК КР» (Дударев С.Л., 1983; 1991; 1999).

Несмотря на достаточно большой географический ареал, для этих кинжалов и мечей вполне приемлемо, на мой взгляд, оставить наименование «северокавказские», как наиболее отвечающее территориальным обстоятельствам бытования этого вида вооружения в рассматриваемый хронологический период. «Северокавказские» кинжалы и мечи являются одной из основ построения относительных и абсолютных хронологических схем для памятников предскифского периода на юге Восточной Европы. В данной статье собрана информация о 62 кинжалах и мечах с полностью сохранившимися или фрагментированными эфесами, найденных на территории Восточной и Центральной (Средней) Европы (Вальчак С.Б., 2003а, с.12–14; 2003б, с.187–248)¹. Учтены и сведения о некоторых неопубликованных находках из раскопок на Се-

верном Кавказе и в Волго-Камье (Белинский А.Б., 1991; Сазонов А.А., 1991; 1994; Чижевский А.А., 2002). Подавляющее большинство находок неоднократно публиковались и хорошо известны специалистам по предскифскому вооружению.

ВОПРОСЫ ТЕРМИНОЛОГИИ

В археологии употребляются различные названия одних и тех же частей клинкового оружия. В предлагаемой статье археологические термины согласованы с современной терминологией исследователей холодного оружия (Попенко В.Н., 1996; Пучков С.Г., 1994).

Среди рассматриваемых находок имеются экземпляры как с длинными клинками (мечи), так и с короткими (кинжалы). **Клинком** называется боевая часть оружия, точнее – его полоса. В свою очередь, **полоса** является основной деталью клинкового оружия. Она состоит из двух основных частей – клинка и хвостовика. Клинок предназначен для нанесения повреждений; на хвостовике различными способами крепится рукоять (Попенко В.Н., 1996, с.122–124, 276). В археологии **хвостовик** часто именуется **черенком/черешком**, эти термины будут употребляться как равнозначные. Клинки кинжалов и мечей предскифского времени были всегда прямые и обоюдоострые, с отчетливо выраженным острием. В подавляющем большинстве случаев клинки изготавливались из железа и плохо сохранились до наших дней, что лишает нас возможности сравнивать все известные целые и фрагментированные клинки по морфологическим признакам.

Значительно лучше сохраняются эфесы, изготовленные из металла. Именно эта составная часть клинкового оружия является наиболее информативной для сравнительного анализа. **Эфесом** называются детали клинкового оружия, объединяющие рукоять и все приспособ-

¹ Исследование проводилось в 1992–2003 гг. при финансовой поддержке Центрально-Европейского университета (грант RSS/HESP № 418/1995) и РГНФ (гранты № 00-01-00160а, № 01-01-38002а/Ю).

ления, которые служат для защиты руки (Попенко В.Н., 1996, с.464). В археологии понятие «рукоять» часто неоправданно заменяло понятие «эфес». **Рукоятка** или рукоять – часть оружия, служащая для его удержания и удобства действий оружием (Попенко В.Н., с.306). Данная деталь оружия в археологии иногда именуется «держак» (Дударев С.Л., 1999, с.95). **Гарда** или **ограничитель**, обычно именуемые в археологии «перекрестьем», призваны предохранять руку от соскальзывания на клинок, защищать ее от удара и препятствовать «погружению рукояти в тело противника» (Попенко В.Н., 1996, с.51,57,193,237,306,464). Для большинства рассматриваемых в этой работе изделий форма гарды может быть определена как **крестовина** (Тереножкин А.И., 1976, с.110; Попенко В.Н., 1996, с.158,193). **Головка** – деталь, которой заканчивается рукоять клинкового оружия, обычно именуемая в археологической литературе «навершием» или «шляпкой». Эта деталь иногда служит для более прочного крепления самой рукояти и препятствует выскальзыванию оружия из руки (Попенко В.Н., 1996, с.57), а также может служить противосом клинку (Пучков С.Г., 1994, с.27).

По функции эфес любой формы предназначен для удержания оружия и защиты руки воина от травмы. При ношении оружия эфес возвышался над устьем ножен и являлся наиболее обозреваемой частью меча или кинжала. Форме составных частей эфеса и его декору всегда уделялось особое внимание, поскольку он являлся предметом гордости владельца. Вот поэтому они и наиболее информативны для археологических интерпретаций, как типологических, так и хронологических. Понятие «эфес» применяется в основном для длинноклинкового оружия (мечей). Идентичность конструкции этой детали оружия в предскифское время как у мечей, так и у кинжалов, а также частое отсутствие сведений о размерах клинка, позволяет употреблять этот термин для каждого из этих видов оружия.

В процессе накопления материала типологическое осмысление рассматриваемой категории находок носило преимущественно описательный характер. Многими исследователями выделялись признаки, которые позволяли отличать рассматриваемые кинжалы и мечи (точнее, их эфесы) от целого ряда других подобных находок. Значимость тех или иных признаков в классификациях различных исследователей

существенно отличается. Одновременно с осмыслением материала проводилась и его первичная систематизация (Крупнов Е.И., 1960; Мелюкова А.И., 1964; Анфимов Н.В., 1965; Козенкова В.И., 1975; Членова Н.Л., 1975; Тереножкин А.И., 1976). Увеличение находок такого рода оружия позволило исследователям в 1980–1990-х гг. создать несколько типологических и хронологических схем. Для построения типологий использовались как морфологические, так и метрические признаки. Ведущую роль играли отличительные особенности конструкции и декоративного оформления эфесов (Виноградов В.Б., 1973; Тереножкин А.И., 1973; Котович В.Г., 1978; Козенкова В.И., 1975; 1982, с.19,20; 1995, с.43–47,52–58; Шрамко Б.А., 1984; Дударев С.Л., 1983, с.17–20; 1991, с.40–46; 1999, с.94–112). Этими же исследователями были предложены и основные концепции развития предскифских мечей и кинжалов.

Наиболее продуктивным мне представляется дальнейшее развитие типологических признаков и общей типологической схемы, предложенных В.И.Козенковой (Козенкова В.И., 1995, с.45–47, рис.5). В этой статье классификация основана на разработках В.И.Козенковой, но применяется иная компоновка классификационной схемы и иерархия значимых признаков.

КЛАССИФИКАЦИЯ ЭФЕСОВ

Предлагаемая классификация базируется на том разнообразии форм, которое дают нам составные части эфесов «северокавказских» кинжалов и мечей. Здесь предпринимается попытка построения открытой классификации, рассчитанной не только на возможное появление новых, ещё неучтённых форм, но и на применение принципов её построения для других видов колюще-рубящего и колюще-режущего оружия, отличающегося от «северокавказского».

Отдел. Анализируемые эфесы мечей и кинжалов разделены на отделы по форме сечения рукояти. К **первому** отделу отнесены эфесы с рукоятями округлого сечения (круглого, овального). Ко **второму** отделу – подпрямоугольного сечения (прямоугольные, квадратные, двутавровые и подобные, вписывающиеся в прямоугольник).

Подотдел. Каждый из отделов разделен на **подотделы** по конструкции эфеса. К **первому** подотделу отнесены эфесы с гардой, ко **второму** – эфесы без гарды.

ВАРИАНТЫ

		1	2	3
ПОДВАРИАНТЫ	1			
	2			
	3			

Рис. 1. Варианты и подварианты форм гард «северокавказских» кинжалов и мечей

Группа. Эфесы каждого из отделов и подотделов подразделяются на группы. Признаком для выделения групп послужил основной мотив конструкции рукояти и её рельефной ornamentации, в большинстве случаев тесно связанной с её конструкцией.

У изделий 2-го отдела известны **четыре группы**: 1) с однорядно-кольчатой конструкцией (орнаментом в виде одного ряда колец с отверстиями в рукояти); 2) с двухрядно-кольчатой конструкцией (орнаментом в виде двух рядов рельефных колец или окружностей); 3) с трёхрядно-кольчатой конструкцией (орнаментом в виде трёх рядов рельефных колец или окружностей); 4) с гладкой поверхностью рукояти (без рельефного и прорезного орнамента).

Тип. Группы включают в себя типы, определяемые по деталям исполнения той или иной конструкции (орнаментального мотива). Чаще всего признак этот является сложным, допускающим некоторое различие в исполнении деталей ornamentации и формы рукояти. Наблюдаемые различия объясняются индивидуальностью (штучностью) каждого изделия.

Представляется, что такой признак, как форма головки (навершия) эфеса для рассматриваемой совокупности малоинформативен. В

подавляющем большинстве случаев головка имеет усечённо-шаровидную, полуэллипсоидную, уплощенно-эллипсоидную или какую-либо подобную форму. В плане (вид сверху) форма головки часто близка сечению рукояти.

Подтип. Каждый из типов 1-го подотдела может быть разделен на подтипы по длине гарды. Для **первого** подтипа характерны эфесы с длинной гардой, размер которой превышает половину общей длины всего эфеса, включая саму гарду, рукоять и головку. **Второй** подтип объединяет изделия с короткой гардой, длина которой составляет не более половины длины эфеса. Для эфесов 2-го подотдела, гард не имеющих, подтипы могут быть выделены по конструктивным особенностям **пяты** клинка, то есть места соединения рукояти и клинка.

Варианты каждого из подтипов определяются по форме гарды. Значимыми признаками здесь являются наличие или отсутствие изгиба к клинку у ее верхней и нижней сторон (граней). Представляется возможным выделить три варианта гард: 1) прямая; 2) изогнутая к клинку сверху и снизу; 3) прямая сверху и изогнутая к клинку снизу. Особенности изгиба верхней и нижней граней гард позволяют разделить каждый из вариантов на три **подварианта** (рис.1). Определения форм в некоторой степени услов-

ны, так как каждый из эфесов индивидуален в деталях исполнения.

НАХОДКИ КИНЖАЛОВ И МЕЧЕЙ с эфесами 2-го отдела 1-го подотдела

Эфесы группы 1

Тип 1. Эфесы этого типа характеризуются однорядно-кольчатой конструкцией рукояти. Их объединяет и наличие сквозных круглых отверстий внутри рельефных колец трапециевидных и треугольных отверстий под навершием и вокруг колец. За редким исключением, характерным признаком этого типа является и короткая гарда (подтип 2) с двумя отверстиями (по одному в каждом из крыльев гарды). Эти отверстия, по всей вероятности, восходят к формам тех эфесов бронзового века, в которых они служили для соединения клинка и эфеса при помощи заклёпок (Членова Н.Л., 1975, с.79). В предскифское время отверстия в крыльях гарды могли использоваться для крепления **темляка**, одевавшегося в бою на запястье и служившего для более надёжного удержания оружия (Попенко В.Н., 1996, с.361). Версия об использовании этих отверстий для подвешивания кинжала к поясу опирается на довольно схематичные изображения на «киммерийских стелах» (Дударев С.Л., 1999, с.103). Она представляется менее вероятной, поскольку никакие портупейные крепления в рассматриваемых археологических комплексах не зафиксированы, а продевание пояса в петлю темляка не позволяло бы быстро привести кинжал в боевое положение. Чтобы снять кинжал и свободно манипулировать им, воину пришлось бы развязать или расстегнуть пояс, что вряд ли уместно при начале боя. Обычно приспособления для подвешивания к поясу или портупее располагаются на ножнах.

В Восточной Европе известно 6 экземпляров 1-го типа. Кинжал с однорядно-кольчатой ornamentацией рукояти найден во всадническом п.70 мог.Сержень-Юрт в Чечне (рис.2,4). Треугольные прорезы вокруг колец были инкрустированы железом. Клинок и эфес бронзовые, сечение рукояти «почти квадратное» (Козенкова В.И., 1982, с.20, табл.ХІV,9). Биметаллический кинжал из разрушенного п.28 мог.1 у Кисловодской мебельной фабрики (Рунич А.П., 1971, с.5, рис.7,1–7; Виноградов В.Б. и др., 1980, с.188, рис.3,5–11) также имеет однорядно-кольчатую ornamentацию рукояти, сквозные отверстия под

головкой-навершием и опущенные к острию крылья гарды, в каждом из которых сделано по одному отверстию (Козенкова В.И., 1975, с.95–97, рис.1,В1; 1995, с.56, табл.ХІ,1) (рис.2,5).

Аналогичным образом оформлен эфес цельнобронзового кинжала из разрушенного погребения мог.Псекупский 1 в Адыгее (Ловпаче Н.Г., 1985, с.20, табл.ХV,1). Помимо отверстий в каждом из крыльев гарды, в её середине расположены ещё два, которые могли служить для соединения эфеса и клинка с помощью заклёпок (рис.2,2). Такое соединение клинка и эфеса восходит к упоминавшейся традиции эпохи бронзы. Сходны с описанными выше и эфесы ещё одного биметаллического кинжала с длинной гардой (подтип 1) из мог.Псекупский 1 (Ловпаче Н.Г., 1985, табл.ХV,3), а также кинжала с короткой гардой (подтип 2) – случайной находки у станицы Змейской в Северной Осетии (Козенкова В.И., 1975, с.92, рис.1,А2), имеющий отверстие лишь в одной из лопастей (рис.2,6).

Несколько иной вид у эфесов **второго типа**. Их рукояти имеют отверстия только внутри рельефных колец и отчётливо выраженные закраины на рукояти, так что сечение её приобретает «двутаvormость». Гарды этих изделий обычно длинные (подтип 1) и, за редким исключением, не имеют отверстий в крыльях. В Восточной Европе известно 7 экземпляров. Три экземпляра такого оружия происходят из Кисловодска. Это эфесы биметаллического меча (?) из п.6 мог.1 у Кисловодской мебельной фабрики (рис.2,3) и случайная находка у Кольцагоры (Рунич А.П., 1958, с.25, рис.83; Крупнов Е.И., 1960, табл.ХХХV,5; Козенкова В.И., 1995, с.57,58, сноска 192, табл.ХІІ,1,2), а также цельнобронзовый кинжал из разрушенного погребения мог.Клин-Яр 1983 года (Андреева М.В., Козенкова В.И., 1986, рис.1,1; Козенкова В.И., 1995, с.57, табл.ХІІ,4). Эфесы имели длинные гарды, причём у клин-ярского экземпляра одно из крыльев было с отверстием (рис.2,1).

Короткие гарды (подтип 2) известны у эфесов из: разрушенного погребения у села Заюково в Кабардино-Балкарии, имеющего по отверстию в каждом из крыльев (Козенкова В.И., 1995, с.57,58, табл.ХІІ,3), случайных находок у хут.Безпламиновского и села Навки в Поволжье, без отверстий в гарде (Тереножкин А.И., 1976, с.52,53, № 51, рис.20,3). Уникален цельножелезный кинжал с гардой неясной формы – сл.н. на Псекупском 1-м мог. (Терехова Н.Н., Эрлих В.Р., 2000, рис.2; Эрлих В.Р., 2002а, рис.3,27).

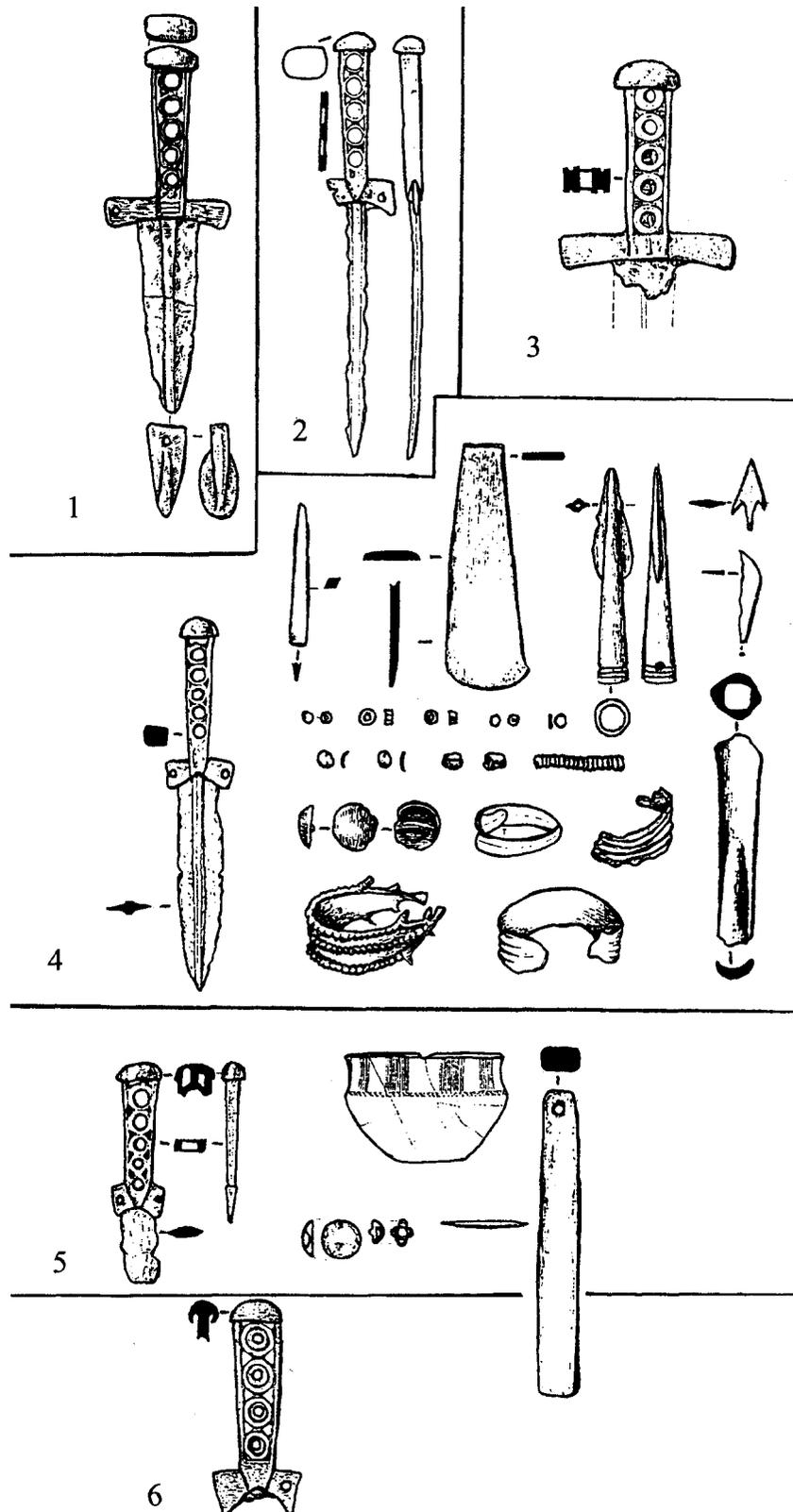

Рис. 2. Находки кинжалов и мечей с однорядно-кольчатым оформлением рукояти: 1 – Клинь-Яр, разрушенное погребение 1983 г.; 2 – Псекупский 1 мог., разрушенное погребение; 3 – Кисловодская мебельная ф-ка, мог.1, п.6; 4 – Сержень-Юрт, п.70; 5 – Мебельная ф-ка, мог.1, п.28; 6 – Змейская, сл.нах.; (1,3 – Козенкова, 1995; 2 – рис. Н.С.Сурвилло; 4 – Kozenkova, 1992; 5 – Рунич, 1971, Козенкова, 1995; 6 – Козенкова, 1975)

Бронзовые **наконечники ножен** с весловидным гребнем (рис.2,1) в первой группе встречаются с кинжалом 1-го типа из мог.Псекупский 1 (Ловпаче Н.Г., 1985, табл.XV,3), а также с кинжалами 2-го типа из разрушенного погребения мог.Клин-Яр 1983 г. (Козенкова В.И., 1995, с.57, табл.XII,4) и мог.Заюково (Козенкова В.И., 1995, с.65, табл.XII,3).

Полная или частичная синхронность мечей и кинжалов этих двух типов подтверждается не только общей однорядно-кольчатой конструкцией рукоятей (признак первой группы), но и наличием у некоторых экземпляров одного типа признаков, свойственных другому. Например, для первого типа изделий почти не характерны длинные гарды (подтип 1), гарды без отверстий или с отверстием в одном из крыльев. Исключениями являются эфесы из Змейской (рис.2,6) и Псекупского 1-го мог. Для второго типа менее характерны короткие гарды (Заюково, Навки) и гарды с отверстиями (Заюково, Клин-Яр III).

Сходные мечи и кинжалы из Средней Европы (Гамув, Штрамберг, Матра) могли быть либо импортом, либо подражаниями восточно-европейским образцам (Тереножкин А.И., 1976, с.120–121, рис.74,2,4,7; Chochorowski J., 1993, s.115–117, rys.12,2).

В конструкции рукоятей у эфесов с длинными гардами всегда присутствуют пять рельефных колец с отверстиями, вне зависимости от принадлежности к тому или иному типу. Рукояти эфесов с короткими гардами насчитывают от трёх до пяти колец. Из-за плохой сохранности железных клинков часто не удаётся установить принадлежность эфеса мечу или кинжалу. Тем не менее создаётся впечатление, что длинные гарды были более свойственны длинноклинковому оружию – мечу. Форма гард у эфесов 1-го типа относится к вариантам с изогнутыми к клинку верхней и нижней гранями (варианты 2.1 и 2.3), а также с прямой верхней и изогнутой нижней гранями (варианты 3.1 и 3.3). Для эфесов 2-го типа наиболее характерны варианты 2.1 и 3.1, но встречаются и другие. Среднеевропейские экземпляры, похоже, имеют гарды 1-го варианта. Различия в размерах гард внутри группы позволяют сравнивать рассматриваемые экземпляры с известными формами оружия 1-го отдела, имеющими округлую в сечении рукоять. У эфесов с длинными гардами (подтип 1) обоих отделов преобладают формы первого варианта и варианта

2.1, изредка встречен вариант 3.1. Эфесы с короткими гардами у обоих отделов чаще имеют гарды второго и третьего вариантов, первый вариант довольно редок, а гарды варианта 3.2 для них вообще не характерны. Заметно сходство некоторых характерных признаков у изделий каждого из отделов, но сходство это неабсолютное.

Клинковое оружие с однорядно-кольчатой конструкцией рукояти (группы 1) было широко распространено на территории Северного Кавказа. Реже встречаются подобные изделия в Поволжье и Средней Европе. Лишь недавно стала известна подобная находка и на Украине.

Эфесы 2-й группы

Бронзовые и биметаллические кинжалы и мечи 2-й группы имеют двухрядно-кольчатую конструкцию рукоятей. Чаще всего встречаются эфесы с короткой гардой (подтип 2). Количество рельефных колец или окружностей в каждом ряду варьирует от пяти до десяти. По деталям орнамента эфесов можно выделить пять типов изделий рассматриваемой группы.

К первому типу относятся литые эфесы с двумя рядами отверстий внутри рельефных колец, разделенных вертикальным пояском (7 экземпляров). Наиболее известны: цельнобронзовый кинжал из п.26 мог.1 у Кисловодской мебельной фабрики (Рунич А.П., 1971, с.5, рис.6,5; Виноградов В.Б. и др., 1980, рис.3,17; Козенкова В.И., 1995, табл.XI,2) (рис.3,2), находка биметаллического кинжала у села Благодарного на р.Уруп (Анфимов Н.В., 1965, с.196, рис.1,1; Козенкова В.И., 1995, табл.XI,3) (рис.3,4) и бронзового с Псекупского поселения 1 (Ловпаче Н.Г., Дитлер П.А., 1988, с.110, табл.XXI,8). Кроме того, цельнобронзовый кинжал с подобной орнаментацией рукояти найден случайно близ деревни Татарское Бурнашево в Волго-Камье (Халиков А.Х., 1977, с.160,161, рис.59,7; Тереножкин А.И., 1976, с.117, рис.71,4; Кузьминых С.В., 1983, табл.LIII,1). Похожее оформление рукояти отмечено у биметаллического кинжала из п.55 Старшего Ахмыловского мог. (Халиков А.Х., 1977, с.40,165, рис.16,9;61,1; Патрушев В.С., Халиков А.Х., 1982, с.13, табл.8,1м). Заслуживает внимания и единственная находка биметаллического кинжала 1-го типа в Средней Европе. Вместе с бронзовым уздечным набором и другими предметами вооружения он был найден в разрушенном погребении к.1 близ г.Печ-Якобхедь (Pécs-Jakabhegy) в

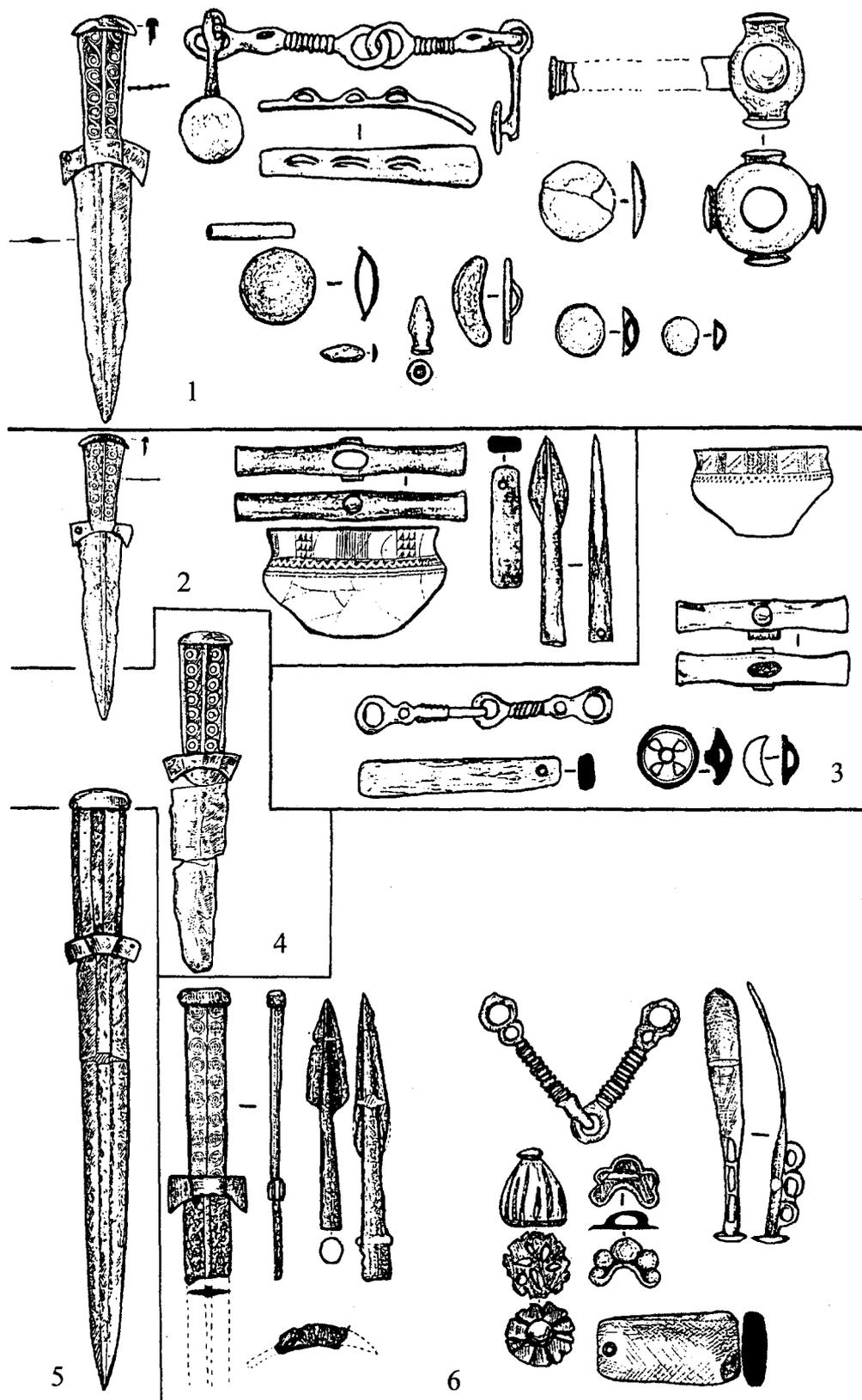

Рис. 3. Находки кинжалов и мечей с двухрядно-кольчатый оформлением рукояти: 1-3 – Кисловодская мебельная ф-ка, мог.1, погребения 15,26,17; 4 – Благодарное, сл.нах.; 5 – Ст.Ахмыловский, п.26; 6 – Кочипэ, п.33; (1 – Рунич, 1959, Козенкова, 1995; 2 – Рунич, 1971, Козенкова, 1995; 3 – Рунич, 1970; 4 – Козенкова, 1995; 5 – Патрушев, Халиков, 1982; 6 – Ловпаче, 1986, Дударев, 1999)

Венгрии (Иессен А.А., 1953, с.75, рис.16; Тереножкин А.И., 1976, с.121, рис.74,5; Chochorowski J., 1993, s.117,118, rys.12,3).

Гарды кинжалов 1-го типа имеют отверстия в одном из крыльев (3 экз.). Иногда отверстия отсутствуют (2 экз.) или встречаются в обоих крыльях гарды (2 экз.). Форма гарды у этих эфесов часто соответствует вариантам с изогнутой или прямой верхней и дуговидно изогнутой нижней гранью (варианты 2.1 и 3.1). Один раз встречена гарда с прямой верхней и нижней гранью (вариант 1.3) (рис.1). В Восточной Европе кинжалы с эфесами рассматриваемого типа встречены в бассейне Кубани, Кисловодской котловине и Волго-Камье.

Заметно отличается от предыдущего **2-й тип** кинжалов. У цельнобронзовых и биметаллических кинжалов этого типа каждый ряд на рукояти состоял из трёх пар колец с отверстиями, соединённых S-образными рельефными спиралью. Ряды спиралей разделены вертикальным рельефным пояском, часто рукояти расширяются кверху. Из опубликованных известны цельнобронзовый кинжал из всаднического п.15 мог.1 у Кисловодской мебельной фабрики (Рунич А.П., 1959, с.10,11, табл.Х,29; XI,1-3; Виноградов В.Б. и др., 1980, с.185,188, рис.2,10-12; Козенкова В.И., 1995, табл.ХI,2) (рис.3,1) и биметаллический кинжал из находок у станицы Абадзехской в Краснодарском крае (Анфимов Н.В., 1965, с.196,197, рис.1,2). Гарды всех экземпляров соответствовали формам с изогнутой верхней гранью (вариант 2.1) и имели отверстие в одном из крыльев. По соотношению длины гарды и общей длины эфеса кинжалы относятся к первому подтипу. Значительная длина гарды здесь обусловлена довольно большой шириной рукояти, так как гарда не может быть меньше, чем рукоять.

Третий тип представляют собой биметаллические кинжалы с железными клинками из п.26 мог.Сержень-Юрт (Козенкова В.И., 1982, табл.ХIV,11; Kozenkova V.I., 1992, Taf.20,6) и разрушенного погребения на мог.Псекупский 1 (Ловпаче Н.Г., 1985, табл.ХV,2). Из бронзы у них отлита гарда с одним отверстием, прилегающая к ней нижняя часть рукояти с рельефными поперечными поясками, орнаментальные пластины с кольцами и головка-навершие. Прорезные бронзовые кольчатые пластины рукояти зажаты между центральным и боковыми железными прутами, образуя ажурную биметаллическую конструкцию со многими отвер-

стиями. Впечатление «парадности» такого эфеса достигалось не только ажурностью рукояти, но и игрой света на деталях из различных металлов (Козенкова В.И., 2002, с.87). Гарды эфесов 3-го типа относятся к вариантам 1.1 и 2.1. Необходимо отметить, что биметаллические эфесы этих кинжалов также имеют длинную гарду (подтип 1). Примечательно, что местонахождения этих редких, но очень близких по технологии изготовления изделий находятся в удалённых друг от друга частях Северного Кавказа.

Четвертый тип эфесов характеризуется рукоятью с двумя рядами концентрических окружностей разделённых вертикальным пояском. Исходная конструктивная составляющая здесь полностью исчезает и приобретает исключительно орнаментальный характер. Такой орнамент встречен на рукояти цельнобронзового кинжала из разрушенного погребения на мог.Кочипэ и биметаллического меча из п.33 этого же могильника (Ловпаче Н.Г., 1986, с.31,60,61,73, табл.ХХIII,4;LX,1; Дударев С.Л., 1999, рис.92,1). В этом погребении меч был найден в составе набора вооружения воина-всадника и уздечного комплекта (рис.3,6). На сегодняшний день, это единственный из достоверно известных экземпляров длинноклинкового оружия с двухрядно-кольчатой орнаментацией рукояти, чаще встречаются кинжалы. Гарды этих эфесов короткие (подтип 2), не имеют отверстий и относятся к вариантам 3.1 и 3.2. Оружие этого типа встречено только в районе Майкопа.

К пятому типу кинжалов с эфесами 2-й группы являются экземпляры с железными клинком и рукоятью, бронзовыми гардой и навершием. Ряды пуансонных углублений на двух бронзовых накладках имитируют двухрядно-кольчатую конструкцию. Изредка вокруг пуансонных углублений имеются гравированные окружности. Известно 7 подобных изделий. Такие кинжалы характерны для Волго-Камского региона. Они найдены в погребениях 26 (рис.3,5), 36,67 и 124 мог.Старший Ахмыловский и п.1 Полянского II мог. (Халиков А.Х., 1977, с.34-38,75,166, рис.12,3;13,1;15,2; 34,4;61,3; Патрушев В.С., Халиков А.Х., 1982, с.11,12,14,21, табл.3,5a;5,3z;10,1k;22,1z; Кузьминых С.В., 1983, табл.LIV,2,4;LIX,6; Халикова Е.А., 1967, с.127, табл.III,4). Несколько отличный по конструкции эфес был найден в окрестностях Кисловодска (Козенкова В.И., 1995,

с.56,57, табл.ХI,8). По мнению исследователей, он также произведен в Волго-Камье (Дударев С.Л., 1999, с.109,110, рис.26,4). Для эфесов 5-го типа характерны гарды с одним отверстием, дуговидно изогнутой верхней и нижней гранью, реже с прямой верхней и дуговидно изогнутой нижней гранью (варианты 2.1 и 3.1) (рис.1). По всей видимости, кинжалы рассматриваемой разновидности являются наиболее поздней и узкорегionalной модификацией изделий 2-й группы (Дударев С.Л., 1999).

Эфесы второй группы с длинными гардами находят близкое соответствие форм с длинными гардами группы 1. Как правило, это гарды первого варианта и варианта 2.1. Длинная гарда у изделий 2-й группы во многом объясняется не только преемственностью с группой 1, но и шириной рукояти кинжала, которая существенно больше, чем у эфесов группы 1 при практически одинаковой длине рукояти. У экземпляров с короткими гардами также наблюдается смещение приоритета в сторону форм третьего варианта. Стабильной формой остаётся вариант 2.1, доля которого увеличивается.

Эфесы 3-й группы

Биметаллические кинжалы и мечи этой группы отличаются трёхрядно-кольчатой конструкцией рукоятей, практически полностью превращённой в орнаментальный мотив. Все известные экземпляры имеют короткие гарды (подтип 2) с одним отверстием или без отверстий. Количество колец (окружностей) чаще всего достигает десяти и более единиц в каждом ряду и существенно отличается на прорисовках в публикациях различных исследователей.

Тип 1 характеризуется орнаментом из рельефных окружностей с углублением в центре. Обычно этот орнамент нанесён на бронзовые накладные пластины, покрывающие железную рукоять. Гарды и головки-навершия эфесов отлиты из бронзы. На сегодняшний день найдено 7 подобных экземпляров.

Кинжал рассматриваемого типа был обнаружен во всадническом п.26 мог.Берёзовский 1. Рисунки приписываемого к этому погребению кинжала у исследователей существенно отличаются (Рунич А.П., 1966, с.11,12, рис.15,4–6; Козенкова В.И., 1995, табл.ХI,5;ХХIХ,7–9), не исключено, что один из кинжалов относится к иному погребению в окрестностях Кисловодска (рис.4,2). Похожий кинжал найден во всадническом п.20 мог.Клин-Яр III (Березин Я.Б.,

1987, с.16,17, рис.91,1;92,1–3; Дударев С.Л., 1991, табл.24) (рис.4,4). В недостоверном п.1 мог.Султангорский 1 подобный кинжал, по всей вероятности, был найден вместе с двумя уздечными комплектами (Рунич А.П., 1964, с.1,2, рис.1,6–8; Виноградов В.Б. и др., 1980, с.191–193, рис.5,1–10; Козенкова В.И., 1995, с.56,57, сноска 190, табл.ХI,7). Эфес султангорского кинжала имеет различное оформление каждой из сторон рукояти – богато украшена только одна из них (рис.4,5). К рассматриваемому типу относится и эфес из всаднического п.43 мог.1 у Кисловодской мебельной фабрики (Рунич А.П., 1971, с.8, рис.12,14,15; Виноградов В.Б. и др., 1980, с.191, рис.3,31,37; Козенкова В.И., 1995, с.56, табл.ХI,6;ХХV,4). Оформление каждой из сторон рукояти индивидуально. Наличие на одной из сторон орнамента из двух рядов окружностей, разделенных по вертикали железным хвостовиком (черенком), сближает его с изделиями 2-й группы (рис.4,6). Кроме того, известны ещё два эфеса из случайных находок: 1947 года на мог.Берёзовский 1 (Иессен А.А., 1950, с.44, рис.34; Иессен А.А., 1953, с.75, рис.17; Крупнов Е.И., 1960, табл.ХХХV,1; Козенкова В.И., 1995, с.56, табл.ХI,4) (рис.4,3) и 1959 г. на мог.Кубанский (Анфимов Н.В., 1965, с.197, рис.1,3). Как видно из изложенного, кинжалы с эфесами этого типа найдены пока только на Северном Кавказе.

Гарды эфесов 1-го типа имеют по отверстию в одном из крыльев (4 экз.) или не имеют их вовсе. Формы гард соответствуют 2-му варианту (рис.1).

Ко **второму типу** отнесен единственный эфес биметаллического кинжала из п.128 мог.Клин-Яр III в Кисловодске (Флёров В.С., Дубовская О.Р., 1993, с.271, рис.8,7). Гарда, прилегающая к ней часть рукояти с рельефными поперечными поясками, прорезные пластины с кольцами и головка-навершие этого эфеса отлиты из бронзы. Три бронзовые орнаментальные пластины зажаты между двумя центральными и двумя боковыми железными прутами, образуя ажурную биметаллическую конструкцию рукояти (рис.4,1). Гарда длинная (подтип 1), отверстий не имеет, по форме представляет собой нечто среднее между вариантами 2.1 и 1.1. Технологически эфес изготовлен аналогично биметаллическим экземплярам 3-го типа группы 2 из могильников Сержень-Юрт и Псекупский 1.

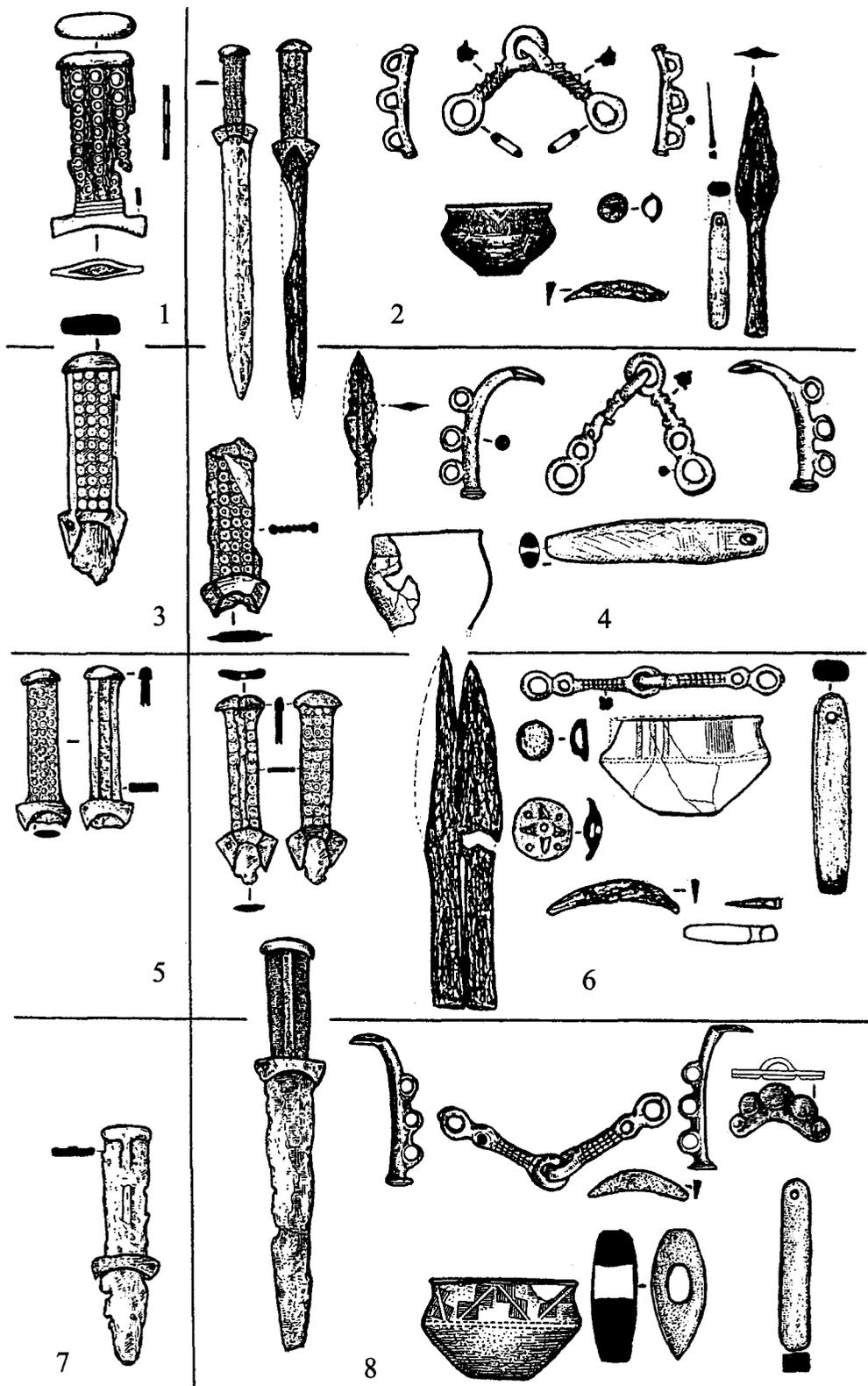

Рис. 4. Находки кинжалов и мечей с трёхрядно-кольчатым оформлением и без орнаментации рукояти: 1 – Клин-Яр Ш, п.128; 2 – Берёзовский мог.1, п.26; 3 – Берёзовский мог.1, разрушенное погребение; 4 – Клин-Яр Ш, п.20; 5 – Султангорский мог.1, п.1; 6 – Кисловодская мебельная ф-ка, мог.1, п.43; 7 – Каменноостровский мог., разрушенный курган 1921 г.; 8 – Кисловодская мебельная ф-ка, мог.1, п.36; (1 – рис. С.Б.Вальчака; 2 – Рунич, 1966, Козенкова, 1995; 3,5,7 – Козенкова, 1995; 4 – Berezin, Dudarev, 1999; 6 – Рунич, 1971, Козенкова, 1995; 8 – Козенкова, 1989)

К третьему типу относится уникальный экземпляр биметаллического кинжала из Ананьино в Волго-Камье (Крупнов Е.И., 1960, табл. XXXV, 3; Халиков А.Х., 1977, с.165, рис.61,4). Бронзовый эфес здесь имеет двойные рельефные продольные пояски между рядами колец, выступы на боковых сторонах рукояти и поперечные рельефные пояски в нижней части рукояти. В каждом из крыльев короткой гарды (вариант 2.2) сделано по отверстию. Сочетающий признаки различных типов эфес был отлит в два приема и, скорее всего, подвергался ремонту.

По перечисленным памятникам видно, что клинковое оружие 3-й группы наиболее часто встречается в Кисловодской котловине и практически отсутствует на других территориях.

Эфесы 4-й группы

Характерной особенностью кинжалов этой группы является отсутствие прорезной конструкции или кольчатого орнамента на рукоятях эфесов. Большинство кинжалов изготовлены из железа. У некоторых экземпляров гарда, навершие и каркас (боковые пруты рукояти) отлиты из бронзы. Гарды зачастую не имеют отверстий в крыльях, изредка встречается одно отверстие.

Тип 1. Объединяет кинжалы с бронзовыми деталями эфеса. По всей вероятности, отсутствие орнамента на рукоятях компенсировалось отличием цвета деталей из разных металлов. Всего их найдено 4 экземпляра.

Во всадническом п.36 мог.1 у Кисловодской мебельной фабрики (рис.4,8) эфес кинжала имеет бронзовые навершие, рамочный каркас рукояти с закатым в вертикальной прорези железным хвостовиком (черешком) и гарду с одним отверстием (Козенкова В.И., 1995, с.58, табл. XII,6). Эфес близкой конструкции принадлежал кинжалу из погребения в кургане из Каменноостского мог. (1921 г.) в Кабардино-Балкарии (Тереножкин А.И., 1976, с.126,127, рис.76,1; Козенкова В.И., 1995, с.56,57, табл. XI,11) (рис.4,7). Практически аналогичен экземпляру из мог.1 у Кисловодской мебельной фабрики кинжал из п.33 Морквашинского мог. в Волго-Камье (Кузьминых С.В., 1983, с.130, табл. LIV,5). К этому же типу, по всей вероятности, может быть причислен обломок кинжала с бронзовой орнаментированной гардой из п.226а Старшего Ахмыловского мог. (Патрушев В.С., Халиков А.Х., 1982, с.32, табл.38,3а). Гарды у этих кинжалов относятся ко 2-му варианту (рис.1). Кинжалы рассматриваемого типа встречаются в Кабардино-Пятигорье и Волго-Камье.

Тип 2. В этот тип включены цельножелезные кинжалы с неорнаментированными рукоятями и гардами без отверстий.

Они найдены в разрушенном погребении кургана у села Берёзки (1960 г.) в Молдавии (Тереножкин А.И., 1976, с.34,35, № 8, рис.3,7; Лапушнян В.Л., 1977, с.37–39) (рис.5,3) и на Западном укреплении Бельского городища (Шрамко Б.А., 1987, рис.54,1). Похожий кинжал с орнаментированным насечками навершием найден в п.2 кургана Высокая Могила (Бидзиля В.И., Яковенко Э.В., 1974, с.148, рис.3; Тереножкин А.И., 1976, с.29, № 4, рис.5,2) (рис.5,2). Практически аналогичен названному по форме кинжал из погребения к.4 (Птичата могила) у с.Белоградца в Болгарии. Гарда и клинок этого кинжала инкрустированы золотыми полосками (Тончева Г., 1976, с.52–55, обр.1; Тереножкин А.И., 1976, с.34,35, № 6, рис.9,1). Подобная инкрустация отсутствует у кинжалов с других территорий (рис.5,1).

К этому же типу можно отнести и цельножелезный кинжал из п.383 Старшего Ахмыловского мог., найденный вместе с бронзовыми треугольно-конечными удилами (Халиков А.Х., 1977, с.166, рис.61,7; Патрушев В.С., Халиков А.Х., 1982, с.53, табл.63,1к,с). С известной долей осторожности можно включить в список и железный кинжал из случайных находок близ Слободы Каменка на Восточной Украине (Тереножкин А.И., 1976, с.48, № 33, рис.18,10).

У эфесов 2-го типа гарды в большинстве случаев имели формы с изогнутыми в сторону клинка гранями (преимущественно 2-й вариант) (рис.1). Находки кинжалов этого типа происходят из Северного и Западного Причерноморья, Северного Кавказа и Волго-Камья.

Интересной особенностью п.2 кургана Высокая Могила является наличие в комплексе золотой уплощённо-цилиндрической **обоймицы устья ножен** (Тереножкин А.И., 1976, с.30,31, рис.5,3) (рис.5,2). Практически аналогичная обоймица найдена в разрушенном погребении кургана у с.Квитки, где присутствовал и обломок железного клинка (Ковпаненко Г.Т., Гупало Н.Д., 1984, с.52, рис.11,1).

НАХОДКИ КИНЖАЛОВ И МЕЧЕЙ с эфесами 2-го отдела 2-го подотдела

Отличительной особенностью мечей и кинжалов этого подотдела является отсутствие гард. Клинок и эфес изготовлены из одной железной

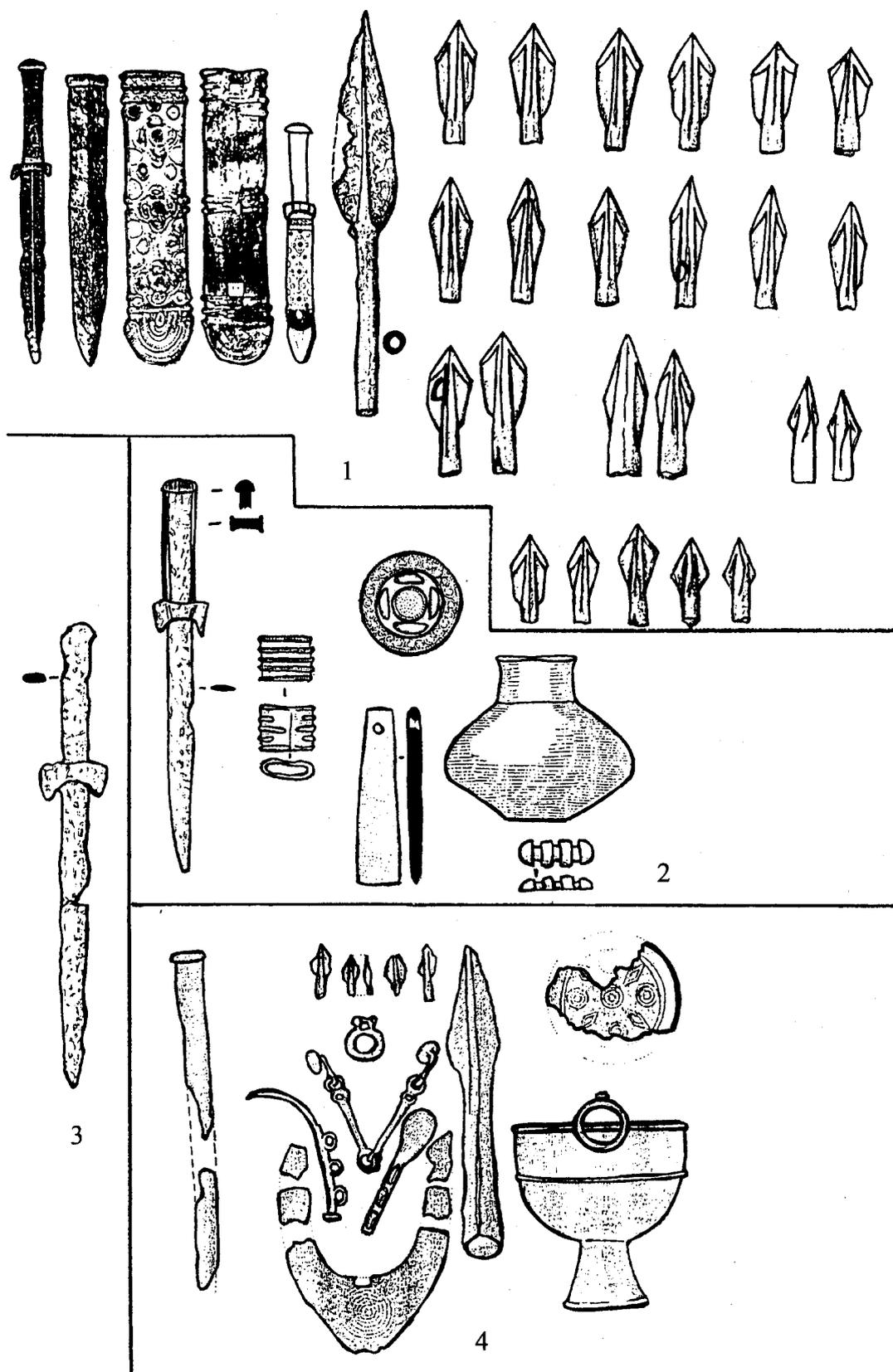

Рис. 5. Находки железных кинжалов и мечей без орнамента рукояти: 1 – Белоградец, курган Птичата Могила; 2 – Высокая Могила, п.2; 3 – Берёзки, разрушенный курган; 4 – Бештау, «клад» 1951 г.; (1 – Тонцева, 1976, 1980; 2,3 – Тереножкин, 1976; 4 – Иессен, 1954)

полосы. Эфес либо не выделен, либо отделен от клинка небольшими **плечиками** (терминологию см.: Попенко В.Н., 1996, с.276). Все рассматриваемые экземпляры относятся к одной группе – без рельефной профилировки и орнамента на рукояти (группа 4).

К **типу 1** отнесены три меча с невыделенным эфесом и «брусковидным» навершием. Все они сохранились в обломках. Такие мечи найдены в «кладе» 1951 г. на горе Бештау в Пятигорье (Иессен А.А., 1954, с.125, рис.14) (рис.5,4), п.10 кургана у села Зольное в Крыму (Щепинский А.А., 1962, с.59, рис.2,1) и в кургане у г.Носачева в Черкасской области (Ковпаненко Г.Т., 1966, с.176, рис.2; Тереножкин А.И., 1976, с.78–80, рис.45,25).

Ко **второму типу** отнесены железные кинжалы, эфес которых отделен от клинка небольшими плечиками, имеет подпрямоугольную в сечении рукоять и усеченно-эллипсоидное навершие. К таковым можно отнести кинжалы из погребений 31 и 273 Старшего Ахмыловского мог. (Халиков А.Х., 1977, с.162, рис.60,3,4; Патрушев В.С., Халиков А.Х., 1982, с.11,39, табл.4,3з;47,1а). В этот же тип можно включить железный кинжал с плохо сохранившимся навершием из всаднического п.1 к.2 у с.Енджа в Северной Болгарии (Попов Р., 1932, с.105, обр.95; Тереножкин А.И., 1976, с.42, рис.16,11) и близкий ему по общей форме железный экземпляр из п.1 кургана у с.Великая Александровка на юге Украины (Кубышев А.И. и др., 1985, с.147,148, рис.3,15).

Немногочисленные находки мечей и кинжалов рассматриваемого подотдела происходят из памятников Северного и Западного Причерноморья, Северного Кавказа и Волго-Камья.

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ДЕТАЛИ НОЖЕН

Есть все основания полагать, что мечи и кинжалы в древности носили в ножнах, изготовленных из дерева и обшитых кожей или тканью. Деревянный тлен от ножен неоднократно был зафиксирован на клинках. Применение ножен тесно связано не только с удобством ношения оружия. Не подлежит сомнению, что иной способ ношения оружия с обоюдоострым клинком (например, заткнутым за пояс) мог быть опасен как для воина, так и для боевой лошади всадника.

С кинжалами 2-го отдела (с подпрямоугольными в сечении рукоятями) бронзовые наконечники ножен с весловидным гребнем в группе 1

встречены с кинжалом 1-го типа из Псекупского 1-го мог. (Ловпаче Н.Г., 1985, табл.ХV,3), а также с кинжалами 2-го типа из разрушенного погребения мог.Клин-Яр III (1983 г.) (Козенкова В.И., 1995, с.57, табл.ХII,4) (рис.2,1) и мог.Заюково (Козенкова В.И., 1995, с.65, табл.ХII,3).

Аналогичные наконечники известны среди случайных находок на мог.Каменноостровский и у с.Герменчик в Кабардино-Балкарии (Козенкова В.И., 1995, табл.ХI,10; Батчаев В.М., 1985, с.15, табл.6,18), в Дигории (Северная Осетия) (Крупнов Е.И., 1960, табл.ЛXXV,5) и у с.Гулы на Украине (Тереножкин А.И., 1976, с.70, № 92, рис.37,5). Подобная же деталь ножен обнаружена в п.361 мог.Клин-Яр III у Кисловодска (Белинский А.Б., Дударев С.Л., 2001, с.36,39, рис.2,8).

Похожий наконечник ножен был найден в п.169 мог.Брно-Обжаны (Brno-Obřany) в Чехии вместе с гальштатским железным мечом (Podborsky W., 1970; Тереножкин А.И., 1976, с.125; Chochorowski J., 1993, s.124, rys.13,3).

Найденная вместе с бронзовым кинжалом 1-го типа (2-й отдел, 1-й подотдел, группа 2) из Татарского Бурнашева бронзовая обоймица устья ножен с двумя рядами косых четырёхугольных прорезей уникальна (Тереножкин А.И., 1976, с.126, рис.71,4; Халиков А.Х., 1977, с.160,161, рис.59,7). Совершенно уникальны и золотые уплощённо-цилиндрические обоймицы из п.2 кургана Высокая Могила (Тереножкин А.И., 1976, с.30,31, рис.5,3) и кургана у с.Квитки (Ковпаненко Г.Т., Гупало Н.Д., 1984, с.52, рис.11,1). По технологии изготовления и орнаментации с золотыми солярными бляхами из этих курганов сходна золотая обкладка ножен из впускного погребения к.4 у с.Белоградец в Болгарии (Тончева Г., 1976, с.54, обр.3; Тереножкин А.И., 1976, с.34,35, рис.9,2).

ХРОНОЛОГИЯ И РАЗВИТИЕ «СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ» КИНЖАЛОВ И МЕЧЕЙ 2-ГО ОТДЕЛА

Кинжалы и мечи 1-го подотдела, группы 1

Одним из богатейших комплексов с кинжалом 1-го типа 1-й группы является всадническое п.70 мог.Сержень-Юрт в Чечне. Сопровождающий погребённый конь был захоронен без узды или она не сохранилась (Козенкова В.И., 1975,

с.98, рис.3; Kozenkova V.I., 1992, Taf.59–61). Набор бронзового вооружения, орудий труда и украшений из этого всаднического погребения выглядит довольно архаично (рис.2,4). Квадратная в сечении рукоять кинжала, по мнению В.И.Козенковой, является ранним признаком. Можно согласиться с датированием всего вещевого комплекса в рамках конца IX – первой половины VIII в. до н.э. (Козенкова В.И., 1975, с.96–98; 1982, с.20). Сомнение вызывает предложенная позднее дата – IX в. до н.э. (Kozenkova V.I., 1992, Tab.5). Традиционность материальной культуры, насыщенность погребений бронзовыми изделиями архаического облика очень характерна для Северо-Восточного Кавказа (Миллер В., 1888, с.111,112; Козенкова В.И., 1977, с.81; Дударев С.Л., 1999, с.152; Козенкова В.И., 2002, с.86,119,120). Именно поэтому «архаичность» комплексов региона не может считаться абсолютным аргументом для более раннего их датирования, по сравнению с предскифскими памятниками соседних территорий.

Разрушенное воинское п.28 мог.1 у Кисловодской мебельной фабрики, скорее всего, хронологически близко сержень-юртовскому (Рунич А.П., 1971, с.5, рис.7,1–7; Виноградов В.Б. и др., 1980, с.188, рис.3,5–11), что предполагает В.И.Козенкова (1975, с.94–96). Тем не менее сомнительным представляется его датирование по крестовидной четырёхлепестковой бляшке (рис.2,5). Подобные бляшки были достаточно широко распространены на Северном Кавказе в предскифский период и встречаются также в далеко не самых ранних комплексах. Примером может служить п.35 мог.Ахтырский Лиман I, где присутствуют псалии типа Баксан-Филипповская (Беглова Е.А. и др., 1997, рис.2). Такие псалии относятся ко второй хронологической группе и датируются не ранее середины VIII в. до н.э. (Вальчак С.Б., 1997, с.96,99; 2000, с.138–143). Рассматривая эфес кинжала из Змейской и ему подобные, В.И.Козенкова допускала, что кинжалы с однорядно-кольчатым орнаментом ещё бытуют «в пределах середины–третьей четверти VIII в. до н.э.». В отношении сержень-юртовского экземпляра отмечалось, что его «можно считать более ранним, но не первоначальным звеном изучаемой разновидности» (Козенкова В.И., 1975, с.94–98). Если верно предположение ряда исследователей о восхождении подобной формы к «кассетной рукояти» (Членова Н.Л., 1976; Дударев С.Л., 1999, с.103–106), то самые ранние северокав-

казские кинжалы предскифского периода действительно должны быть таковыми. Помимо закраин и отверстий на рукояти (а не орнаментальных колец) для крепления накладок, у эфеса-прототипа должны быть головка-навершие и гарда сходных с предскифскими форм. Такие находки в достоверных предскифских комплексах пока неизвестны, возможно потому, что окончательный объём эфеса-прототипа формировался из органических накладок или вставок, которые редко сохраняются до наших дней. Как синхронное воплощение однорядной прорезной конструкции можно рассматривать внекомплексный кинжал с однорядно-ромбическим орнаментом рукояти из мог.Фаскау в Северной Осетии (Motzenbacher I., 1996, S.146, № 51, Taf.8,1) и некоторые кинжалы из Закавказья (Дударев С.Л., 1999). Примечательно, что в горных памятниках Осетии изделия с кольчатым орнаментом рукоятей неизвестны. Эфес же из Змейской, на мой взгляд, является одним из самых поздних экземпляров 1-го типа 1-й группы. Об этом свидетельствуют абсолютно не характерные для рассматриваемого типа вписанные в кольца врезные окружности (аналогия с типом 4 группы 2), такие редкие для всей рассматриваемой группы признаки, как форма гарды (вариант 3.3) и одно отверстие в её крыле.

Сколько-нибудь информативные комплексы с мечами и кинжалами 2-го типа группы 1 также немногочисленны. Один из самых заметных среди них «комплекс» п.6 мог.1 у Кисловодской мебельной фабрики. Погребение было разрушено при строительстве, сведения получены со слов рабочих, ими же передан и инвентарь. Он состоял из двух сосудов, плохо сохранившегося железного наконечника копья, оселка и бронзовых эфесов двух мечей (?), железные клинки которых (длиной «около одного метра») не сохранились (Рунич А.П., 1958, с.25, рис.51,52,81,83). Второй эфес из погребения имел округлую в сечении рукоять (отдел 1), но также длинную гарду. Комплекс этот, будь он достоверным, примечателен не только тем, что в нем находились мечи с разнотипными эфесами, но и уникальным фактом нахождения в предскифском погребении двух экземпляров «северокавказского» клинкового оружия.

Вторая находка происходит из разрушенного погребения мог.Клин-Яр (1983 года) (Андреева М.В., Козенкова В.И., 1986). Бронзовый кинжал был найден с бронзовым же наконечником ножен с «весловидным» гребнем (рис.2,1),

уникальной пряжкой и многовитковыми браслетами (XXII тип, по В.И.Козенковой), обычно сопровождающими женские захоронения. Все эти находки либо уникальны, либо имеют очень широкую датировку (Козенкова В.И., 1998, с.55,56,60,61). Подобные наконечники ножен (в рамках рассматриваемого отдела) находились только при мечах и кинжалах с однорядно-кольчатой орнаментацией рукояти в Заюково (тип 2) и на Псекупском 1-го мог. (тип 1). Примечательна у клин-ярского кинжала и орнаментация зоны стыка рукояти и гарды. Рельефные поперечные полосы напоминают подобные у биметаллических эфесов из п.26 Сержень-Юрта, Псекупского мог. (группа 2, тип 3), п.128 Клин-Яра III и нижней части эфеса из Ананьино (типы 2 и 3 группы 3). Вероятно, все они могут быть близки хронологически, хотя и не полностью синхронны. Если же в конструкции их эфесов отражается редкая, но устойчивая во времени технологическая традиция, то мы вправе ожидать находки таким же образом изготовленных эфесов с однорядно-кольчатой конструкцией рукояти. Но таковые пока неизвестны.

Специфической особенностью однорядно-кольчатых эфесов можно считать частое наличие отверстий в каждом из крыльев гарды. Признак этот крайне редко встречается у изделий других групп. Длинные гарды также характерны преимущественно для эфесов первой группы. До сих пор не встречены в рассматриваемой группе и гарды с трапециевидным контуром нижней грани (варианты 2.2 и 3.2). Представляется, что упомянутые признаки могут рассматриваться как хронологические индикаторы. Отмеченные закономерности очень напоминают ситуацию внутри первой группы отдела I (эфесов с округлыми в сечении рукоятями).

Большинство мечей и кинжалов с однорядно-кольчатой орнаментацией рукоятей либо были найдены случайно, либо происходят из недостоверных или малоинформативных комплексов. Поэтому, определение их хронологической позиции может быть только предположительным. Особенности орнаментации, форма и величина гард позволяют отнести большинству изделий первой группы наиболее раннюю среди эфесов 2-го отдела хронологическую позицию. В абсолютных рамках, это первая половина – середина VIII в. до н.э. Не исключено, что отдельные экземпляры 1-й группы могли сохраняться или воспроизводиться в несколько более позднее время.

Вызывает возражения как отнесение средне-европейских аналогов оружия первой группы не только к периоду На В2, так и абсолютная датировка этих находок (Chochorowski J., 1993, s.187,202,203). Следует помнить об их случайном нахождении или в составе кладов, зачастую довольно широко датированной категории археологических комплексов. Являясь импортом или подражанием восточноевропейским экземплярам, подобные изделия не могли появиться в Средней Европе ранее, чем их восточные прототипы. Сегодняшние мнения исследователей по этому поводу очень разнообразны (Дударев С.Л., 1999, с.149). Мне представляется достаточно убедительным и не потерявшим актуальность мнение Н.Л.Членовой, которая отнесла клады с мечами и кинжалами рассматриваемой группы к периоду На В3 и датировала их в рамках VIII в. до н.э. (Членова Н.Л., 1976, с.28–30).

Кинжалы и мечи 1-го подотдела, группы 2

Хронологические рамки бытования кинжалов с двухрядно-кольчатыми рукоятями определяются комплексами нескольких погребений. Кинжал 1-го типа из п.26 мог.1 у Кисловодской мебельной фабрики был найден в комплексе с бронзовым наконечником копья, оселком и бронзовым молотком (Рунич А.П., 1971, с.5, рис.6,1–7; Виноградов В.Б. и др., 1980, с.188) (рис.3,2). Подобный молоток (вариант 3 типа I, по В.И.Козенковой) обнаружен в п.17 этого же могильника вместе с двукольчатыми удилами с ложновитым рельефом стержней (Рунич А.П., 1970, с.4, рис.5,1–8; Виноградов В.Б. и др., 1980, с.188) (рис.3,3). Рассмотренные погребения датированы В.И.Козенковой второй половиной – концом VIII в. до н.э. (1995, с.81, табл. XXII,6,7). В п.15 того же могильника кинжал 2-го типа (с орнаментом из S-образных спиралей) встречен с аналогичными удилами и псалиями типа Фарс 2–35 (Рунич А.П., 1959, с.10,11, табл. X,29; XI,1–3; Виноградов В.Б. и др., 1980, с.185,188, рис.2,10–12; Козенкова В.И., 1995, табл. XI,2), характерными для первой и второй хронологической группы развития предскифских уздечных комплексов Восточной Европы (Вальчак С.Б., 1997, с.92,93,99,100, табл.1). Здесь же имелось и навершие булавы, аналогичное найденному в п.4 мог.Эчкиваши, что позволяет синхронизировать эти комплексы (рис.3,1). Навершие из этих погребений напоминают по форме находку из клада Физешу Герлий II (Fizeşu Gherlii

II) в Румынии, который М.Петреску-Дымбовица синхронизирует с периодом Ha B2 (Petrescu-Dîmbovița M., 1977, p.142, Pl.346,19). Тем не менее следует заметить, что бронзовые кельты и спиралевидные украшения (очковидные фибулы) из этого комплекса (Petrescu-Dîmbovița M., 1977, p.142, Pl.346,4,6,7,347,6,7) находят близкие аналогии в кладах периода Ha B3, например в кладах Haslau-Regelsbrunn (Гаслау-Регельсбрунн), Vetîș (Ветиш), датируемых VIII в. до н.э., и более поздних памятниках Европы (Müller-Karpe H., 1959, S.128–133, Abb.40,15;51,9;59,8;64, Taf.143A,3–10, 13–16; Petrescu-Dîmbovița M., 1977, p.142, Pl.362, 380,385,386,391,394).

Морфологическое сходство ряда кинжалов 1 и 2-го типов позволяет предполагать их синхронное бытование. Таким образом, начало их существования может быть отнесено к концу предновочеркасского этапа предскифского периода, т.е., ко времени около второй четверти – середины VIII в. до н.э. (Вальчак С.Б., 2000, с.138,139).

Единственным достоверным комплексом с кинжалом 3-го типа 2-й группы является п.26 мог.Сержень-Юрт (Kozenkova V.I., 1992, Taf.19, 20). Бронзовые топор и тесло из погребения по ряду признаков могут быть датированы в рамках VIII в. до н.э. (Козенкова В.И., 1982, с.7,23; 2002, табл.VI). Вполне оправданной представляется более узкая дата, особенно для топора. Профилированный, отделенный от обушной части боёк не позволяет предполагать наличие очень большого хронологического разрыва данной формы и топоров типа Новочеркасского клада (1939 года) (Иессен А.А., 1953, рис.1; Вальчак С.Б., Скаков А.Ю., 2002, рис.2,1). Дата Новочеркасского клада определяется не ранее конца VIII в. до н.э. (Эрлих В.Р., 1994, с.65,70). Дату топора и п.26 в целом, можно определить в рамках второй–третьей четверти VIII в. до н.э. (Kozenkova V.I., 1992, Tab.5; Козенкова В.И., 2002, табл.VI). Скорее всего, кинжалы с биметаллической «наборной» рукоятью из п.26 мог.Сержень-Юрт и Псекупского 1-го мог. (Ловпаче Н.Г., 1985, табл.XV,2) являются не самыми поздними среди экземпляров 2-й группы. Они демонстрируют не только необычную технологию изготовления эфеса, но и характерные для образцов первой группы форму и размер гард.

Для определения хронологической позиции мечей и кинжалов 4-го типа также имеется только один достоверный комплекс п.33 мог.Кочипэ (Ловпаче Н.Г., 1986, с.60,61, табл.LX). В нём присутствовали бронзовый и

железный наконечники копий, оселок, бляшка-лунница с пятью дисками, двукольчатые удила с ложновитым рельефом стержней и псалии классического (2-го) варианта типа Новочеркасск (рис.3,6). Уздечный комплект из погребения довольно необычен. Двукольчатые удила с ложновитым рельефом, характерные для первого и второго периодов развития, более не встречались с псалиями 2-го варианта (классического) типа Новочеркасск – типичной формы третьего хронологического этапа. Немногочисленными, но яркими находками в комплексах этого хронологического этапа являются прорезные бубенцы, использовавшиеся как сбруйные подвески или украшения пронизей-распределителей в наборах тягловой упряжи. Помимо рассматриваемого погребения подобные бубенцы обнаружены в позднейших комплексах предскифского периода – курганах у с.Квитки на Украине и Хаджох в Адыгее (Ловпаче Н.Г., 1986, табл.LX,6; Ковпаненко Г.Т., Гупало Н.Д., 1984, с.47,48, рис.6,1–3; Эрлих В.Р., 1994, с.48; Сазонов А.А., 1996; 1997, с.86–91). Следовательно, кинжалы и мечи с эфесом, подобно найденному в п.33 мог.Кочипэ, продолжают существовать в период заключительной, классической новочеркасской фазы предскифского периода, то есть в конце VIII – первой половине VII в. до н.э. (Эрлих В.Р., 1994, с.65; Вальчак С.Б., 1997, с.97–100; 2000, с.141,142), хотя начало их производства можно отнести ко второй половине VIII в. до н.э. Автор раскопок Н.Г.Ловпаче датирует комплекс п.33 серединой VII в. до н.э. (Ловпаче Н.Г., 1991, с.87), но эта дата представляется мне несколько завышенной.

Именно для временного отрезка конца VIII – середины VII в. до н.э. (третий хронологический этап предскифского периода) появляются обоснованные доказательства возрождения длинноклинкового оружия. Тем не менее большинство изделий второй группы могут быть определены как кинжалы. Цельнобронзовый внекомплексный кинжал из мог.Кочипэ, по форме рукояти и головки, близок некоторым кинжалам 1-го и 2-го типов рассматриваемой группы из погребений 15 и 26 мог.1 у Кисловодской мебельной фабрики (рис.3,1,2). Скорее всего, период употребления таких кинжалов не выходит далеко за пределы второй половины VIII в. до н.э.

Что касается кинжалов пятого типа группы 2, распространенных в основном в Волго-Камском регионе, то мне представляется обоснованным мнение об их подражательности типам 1–4 рас-

смаатриваемой группы (Дударев С.Л., 1999, с.109). Тем более, что в регионе известны и находки кинжалов-прототипов, не отличающихся морфологически от северокавказских экземпляров (Ст. Ахмыловский мог., Татарское Бурнашево). Можно предположить, что начало производства и бытования кинжалов 5-го типа (рис.3,5) относится ко времени не ранее конца VIII в. до н.э. Основным период их бытования справедливо датирован в рамках VII в. до н.э. (Халиков А.Х., 1977, с.166; Козенкова В.И., 1995, с.57).

Таким образом, определяется достаточно длительный период использования кинжалов с двурядно-кольчатыми рукоятями (2-й группы). Наиболее ранние эфесы 1-го, возможно, 3-го типов этой группы появляются во второй четверти – ближе к середине VIII в. до н.э. и являются производными от изделий 1-й группы. Это подтверждается наличием у некоторых из них длинных гард, гард 1-го варианта и гард с отверстиями в двух крыльях, встречающихся среди эфесов 1-й группы, но практически отсутствующих у изделий других типов и групп. Основным период существования 1–4 типов этой группы приходится на вторую половину VIII в. до н.э. Кинжалы 5-го типа могут быть датированы не ранее конца VIII – первой половиной VII в. до н.э. Есть основания предполагать бытование длинноклиновых экземпляров в первой половине VII в. до н.э.

Особенностью развития формы гард эфесов второй группы (на раннем этапе её бытования, синхронном финалу существования первой группы) является наличие длинных гард 1-го варианта и варианта 2.1, преобладает такой признак, как наличие отверстия в одном из крыльев гарды. На позднем этапе, при сохранении экземпляров варианта 2.1, появляются формы 3-го варианта. По-прежнему редки гарды с двумя отверстиями и преобладают формы с одним отверстием.

Кинжалы и мечи 1-го подотдела, группы 3

Клиновое оружие с эфесами 3-й группы встречено в довольно большом количестве погребений, принадлежащих воинам-всадникам. Они определённо являются этапом дальнейшего развития изделий 2-го отдела. Уверенное владение кузнечным делом приводит к постепенному замещению бронзовых деталей железными. Количество бронзы в конструкции эфеса уменьшается. И поэтому бронзовые де-

тали эфеса начинают выполнять только роль каркаса или даже декоративных обкладок. Иногда тщательно декорируется лишь одна из сторон (лицевая часть) рукояти (рис.4,5,6).

С.Л.Дударев объясняет изменение конструкции, замену бронзы железом и появление железного хвостовика непрочностью соединения клинка с эфесом, связанной с «неглубоким наливом» бронзового эфеса на пяту железного клинка (1999, с.106). Мне представляется такое объяснение неверным. Клинок и хвостовик-черешок вполне логично было изготавливать из одной железной полосы (что наблюдается и у экземпляров с округлыми в сечении рукоятями). Найдены пустые внутри эфесов, то есть с выпавшим клинком и хвостовиком, неизвестны, нет и экземпляров с поломанной гардой или нижней частью рукояти в районе «налива». Гораздо больше среди известных находок прекрасной сохранности бронзовых эфесов с обломанным у пяты железным клинком. Соединение литого бронзового эфеса с железным клинком (даже неглубокое) всегда было достаточно прочным (Шрамко Б.А., 1984).

Кинжал 1-го типа из п.26 мог.Берёзовский 1 был найден вместе с бронзовыми однокольчатыми удилами с комбинированным рельефом на стержнях, состоявшим из продольных поясков-«верёвочек» и острых шипов. Здесь же находились бронзовые трёхпетельчатые псалии типа Берёзовский 26 (Рунич А.П., 1966, с.11,12, рис.15,4–6; Козенкова В.И., 1995, табл.ХI,5; ХХIX,7–9; Вальчак С.Б., 1997, с.97) (рис.4,2). Типологически близкий кинжал из п.20 мог.Клин-Яр III встречен с уздечным комплектом из бронзовых двукольчатых удил с острыми шипами и псалиями типа Баксан-Филипповская (Березин Я.Б., 1987, с.16,17, рис.91,1;92,1–3; Дударев С.Л., 1991, табл.24; Вальчак С.Б., 1997, с.96, рис.12,4–6) (рис.4,4). Эти комплексы, судя по описанию в отчётах, можно считать достоверными. По деталям уздечки, характерным для второго этапа развития, они могут быть датированы не ранее второй половины VIII в. до н.э.

Сложнее выглядит ситуация со всадническим п.1 мог.Султангорский 1. Материалы отчёта и публикаций не позволяют считать его достоверным комплексом (Вальчак С.Б., Скаков А.Ю., 2003, с.117). Можно лишь предположить, что кинжал (рис.4,5) был найден вместе с двукольчатыми удилами с «верёвочным» или однорядно-прямоугольным рельефом стержней и псалиями предклассического (1-го) или класси-

ческого (2-го) варианта типа Новочеркасск, бронзовым конским нагрудником и наконечниками стрел новочеркасского типа (Рунич А.П., 1964, с.1,2, рис.1,6–8; Виноградов В.Б. и др., 1980, с.191–193, рис.5,1–10; Козенкова В.И., 1995, с.56,57, сноска 190, табл.ХІ,7; Вальчак С.Б., 1997, с.97,98). В достоверном комплексе п.43 у Кисловодской мебельной фабрики с кинжалом 1-го типа найдены бронзовые двукольчатые удила с двурядно-прямоугольным рельефом на стержнях и следами от деревянных псалиев (Рунич А.П., 1971, с.8, рис.12,14,15; Виноградов В.Б. и др., 1980, с.191, рис.3,31,37; Козенкова В.И., 1995, с.56, табл.ХІ,6; ХХV,4) (рис.4,6). Перечисленные типы уздечных принадлежностей характерны для второго или только третьего периодов развития, следовательно, могут быть датированы в рамках второй половины VIII – первой половины VII в. до н.э. Нагрудник-пектораль и наконечники стрел встречаются только в памятниках третьего периода, то есть в конце VIII – первой половине VII в. до н.э. (Эрлих В.Р., 1994; Скорый С.А., 1999; Вальчак С.Б., 1997; 2000). Этим временем и следует датировать перечисленные комплексы с кинжалами третьей группы, учитывая их некоторое сосуществование с ранними формами узды и вооружения в начале третьего этапа. В комплексах с перечисленными уздечными принадлежностями кинжалы 1-го типа 3-й группы, на мой взгляд, не могут быть датированы ранее конца (то есть последних 15-ти лет) VIII в. до н.э.

Эфес из Ананьино (тип 3) состоит из двух одновременных частей. Нижняя часть, имеющая поперечные рельефные полосы и отверстия в каждом из крыльев гарды, определённо может считаться принадлежащей поломанному биметаллическому эфесу, сходному с типом 3 группы 2. Позднее к обломку была прилита верхняя часть, соответствующая группе 3 (Халиков А.Х., 1977, с.165, рис.61,4). Экземпляр из Ананьино может быть интересен для установления особенностей развития волго-камских кинжалов и хронологии связей этого региона с Кавказом. Некоторая морфологическая архаичность в исполнении биметаллических «наборных» эфесов 2-го и 3-го типов рассматриваемой группы (п.128 мог.Клин-Яр III, Ананьино) позволяет считать их более ранними, не выходящими за рамки второй половины VIII в. до н.э.

Как и в предыдущих группах, у рассматриваемых экземпляров с короткими гардами

имеются различные формы второго варианта и практически не встречается вариант 1. Это позволяет синхронизировать кинжалы группы 3 с поздними экземплярами второй группы. Отличительной особенностью является преобладание традиционной северокавказской формы гард второго варианта.

Кинжалы и мечи 1-го подотдела, группы 4

В п.36 мог.1 у Кисловодской мебельной фабрики вместе с кинжалом 1-го типа найден и бронзовый уздечный комплект, состоящий из двукольчатых удил с многорядно-прямоугольным рельефом на стержнях и пары псалиев типа Баксан-Филипповская (Рунич А.П., 1971, с.7, рис.10, 15,16,19; Виноградов В.Б. и др., 1980, с.191, рис.3,20,22–24; Козенкова В.И., 1989, табл.ХLIII, 11–18; Вальчак С.Б., 1997, с.96) (рис.4,8). Кинжалы с биметаллическими частями эфеса демонстрируют уверенное освоение предскифскими мастерами технологии обработки железа. Бронзовые части эфесов, скорее всего, являются данью устоявшейся традиции. Такие находки В.И.Козенкова обоснованно считает завершающими эволюцию кинжалов рассматриваемого отдела (1995, с.56–58). Исходя из предложенной ранее хронологии для бронзовых уздечных комплектов предскифского периода и встреченных с ними экземпляров клинкового оружия, а также морфологической связи с эфесами типа 1 группы 3, кинжал 1-го типа из рассматриваемого погребения можно датировать временем не ранее последней четверти VIII в. до н.э.

Большинство цельножелезных кинжалов 4-й группы занимают более позднюю хронологическую нишу. Использование золота для изготовления металлоёмких изделий, таких как обоймица устья ножен железного кинжала и богато орнаментированной бляхи, видимо, относящейся к украшениям ножен или портупей (рис.5,2) в п.2 кургана Высокая Могила (Тереножкин А.И., 1976, с.29–31) позволяет синхронизировать его с комплексом кургана у с.Квитки, где найдены практически аналогичные предметы (Ковпаненко Г.Т., Гупало Н.Д., 1984, с.50–52). По деталям конской упряжи комплекс из Квиток датируется концом VIII – первой половиной VII в. до н.э. (Скорый С.А., 1999, с.83), с чем можно полностью согласиться. Набор двухлопастных и трёхлопастных наконечников стрел различных форм и другой инвентарь из погребения в Белоградце (рис.5,1) позволяет относить момент со-

оружия комплекса ко времени перехода от позднейшей предскифской фазы (классической новочеркасской) к периоду «скифской архаики» и датировать захоронение VII в. до н.э. (Топчева Г., 1980a, s.29–38, Pl.X; 1980b, s.80–87, Pl.XXXIII). Аналогично датируются и другие цельножелезные экземпляры 2-го типа. С полной уверенностью можно отнести этим изделиям первую половину VII в. до н.э. Необходимо отметить, что в памятниках первого и второго этапов предскифского периода (до конца VIII в. до н.э.) изделия из золота встречаются крайне редко, а массивные и вовсе неизвестны.

Несколько углубляет предложенную дату цельножелезный кинжал из п.383 Ст. Ахмыловского мог., найденный вместе с бронзовыми треугольно-конечными удилами имеющими рельеф стержней в виде «ёлочки» (Халиков А.Х., 1977, с.166, рис.61,7; Патрушев В.С., Халиков А.Х., 1982, с.53, табл.63, *л,с*). Такие удила не встречаются в 1-й и 2-й хронологических группах уздечных принадлежностей Восточной Европы. Подобный рельеф стержней имеется на удилах периода На С (VIII–VII вв. до н.э.) в Средней Европе (Chochorowski J., 1993, s.187–203). Ближайшей аналогией является рельеф двукольчатых удил из комплекса V к.21 мог.Мингрельский II в Краснодарском крае, который датирован 2-й половиной VIII в. до н.э. (Беглова Е.А. и др., 1997, с.77,79, рис.6,4). Мне представляется, что в этом случае можно говорить о датировке комплекса в рамках конца VIII – первой четверти VII в. до н.э.

Как и в группе 3, у кинжалов рассматриваемой группы преобладают гарды второго варианта, преимущественно без отверстий в крыльях.

Кинжалы и мечи 2-го подотдела

Мечи 1-го типа с эфесами без гард найдены в «кладе» 1951 г. на горе Бештау в Пятигорье (Иессен А.А., 1954, с.125, рис.14) (рис.5,4), п.10 кургана у с.Зольное в Крыму (Щепинский А.А., 1962, с.59, рис.2,1) и кургане у г.Носачёва Черкасской области (Ковпаненко Г.Т., 1966, с.176, рис.2; Тереножкин А.И., 1976, с.78–80, рис.45, 25). Все эти изделия встречены в комплексах с бронзовыми двукольчатыми удилами и псалями классического (2-го) варианта типа Новочеркасск, а также бронзовыми наконечниками стрел новочеркасского типа. Подобный контекст позволяет относить перечисленные комплексы к финалу третьей хронологической группы предскифского периода и датировать

их не ранее 1-й половины VII в. до н.э. (Эрлих В.Р., 1994; Вальчак С.Б., 1997; 2000).

К VII–VI вв. до н.э. относятся и кинжалы 2-го типа, имеющие плечики при переходе клинка в рукоять (Халиков А.Х., 1977, с.162). Важнейшим хронологическим репером может служить и всадническое погребение у с.Енджа в Болгарии (Попов Р., 1932, с.99–105, обр.88,90,94,95). Цельнолитой уздечный комплект и наконечники стрел «жаботинского типа» не позволяют определять дату железного кинжала из этого погребения ранее 1-й половины VII в. до н.э. (Тереножкин А.И., 1976, с.201,208; Вальчак С.Б., 1993, с.28; Эрлих В.Р., 1994, с.69,70). Определённое сходство с кинжалом из Енджи наблюдается и у железного экземпляра из п.1 кургана у с.Великая Александровка (Кубышев А.И. и др., 1985, с.147,148, рис.3,15), хронологически близкого комплексу из Болгарии. Представляется, что эфесы рассматриваемого подотдела являлись производными от изделий 4-й группы 1-го подотдела. Некоторое упрощение формы, отсутствие изящества в изделиях связаны, скорее всего, с особенностями начального этапа изготовления рассматриваемого оружия целиком из железа. Тонкая детализация формы, свойственная большинству отлитых из бронзы изделий, при использовании железа требовала больших трудозатрат, на первый план вышла функциональность оружия, потеснив его декоративную составляющую.

ХРОНОЛОГИЯ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ДЕТАЛЕЙ НОЖЕН

Рассматривая вопросы хронологии предскифских древностей Причерноморья и Северного Кавказа А.И.Тереножкин, В.И.Козенкова и С.Л.Дударев обращали внимание на такую специфическую деталь ножен мечей и кинжалов, как **наконечники ножен**. В.И.Козенкова на основании средневропейской хронологии и анализа материалов кобанской культуры полагает возможным датировать эти находки началом IX в. до н.э. (1995, с.65). Анализируя эту же категорию находок, С.Л.Дударев обратил внимание на существенные различия в абсолютных датировках некоторых памятников и отдельных категорий находок у исследователей Центральной (Средней) и Восточной Европы (1999, с.148–151). В частности, это касается п.169 мог.Брно-Обжаны в Чехии, где встречен наконечник ножен с весло-видным гребнем. Увязывая датировку подобных наконечников с бронзовой обоймицей устья но-

жен из Лейбница и похожей находкой в п.61 мог.Гангиади в Грузии, С.Л.Дударев предполагает, что «период функционирования весловидных наконечников ножен можно продлить до раннего VII в. до н.э.» Учитывая наблюдаемую взаимовстречаемость таких наконечников с определёнными формами мечей и кинжалов (хронологическая позиция которых была обоснована в этой статье), следует, как представляется, ограничить период бытования таких наконечников рамками VIII в. до н.э. Датирование их более поздним временем (как и более ранним) не имеет сегодня достаточных оснований, поскольку имеющиеся археологические комплексы не позволяют уверенно определить финальные даты бытования мечей и кинжалов с длинными гардами, которым обычно сопутствуют такие детали ножен.

Совершенно иную хронологическую позицию занимают золотые уплощённо-цилиндрические **обоймицы устья ножен** из п.2 кургана Высокая Могила (Тереножкин А.И., 1976, с.30,31, рис.5,3) и кургана у с.Квитки (Ковпаненко Г.Т., Гупало Н.Д., 1984, с.52, рис.11,1). В наборах с весловидными наконечниками ножен такие обоймицы не зафиксированы. В обоих погребениях присутствуют и похожие золотые бляхи с соляным ор-

наментом, что определённо позволяет синхронизировать комплексы. Исходя из наличия в Квитках позднейших модификаций бронзовых двукольчатых удил и псалиев классического (2-го) варианта типа Новочеркасск, присутствия деталей тягловой упряжи и массивных изделий из золота рассматриваемые комплексы следует относить ко времени не ранее конца VIII – первой половине VII в. до н.э. (Ковпаненко Г.Т., Гупало Н.Д., 1984, с.57; Лесков А.М., Эрлих В.Р., 1999, с.68–71). Сходство орнамента и технологии изготовления золотых блях из рассматриваемых погребений и особенности золотого наконечника ножен железного кинжала из впускного погребения кургана у с.Белоградец в Болгарии позволяет синхронизировать все эти памятники и датировать их первой половиной VII в. до н.э. (Тончева Г., 1976, с.54,55, обр.3; Тереножкин А.И., 1976, с.201,202,208, рис.5,1;9,2).

Таким образом, период появления и развития «северокавказских» кинжалов и мечей с рукоятями подпрямоугольного сечения может быть определён в рамках VIII – первой половины VII в. до н.э. Гипотезы о более раннем их появлении, как и существовании позднее середины VII в. до н.э., представляются сомнительными.

Литература и архивные материалы

Абакаров А.И., Давудов О.М., 1993. Археологическая карта Дагестана. М.

Андреева М.В., Козенкова В.И., 1986. Комплекс начала I тысячелетия до н.э. из урочища Клинь-Яр (Кисловодская котловина) // СА. № 1.

Анфимов Н.В., 1965. Кинжалы кабардино-пятигорского типа из Прикубанья // Новое в советской археологии. М.

Балинский И.М., 1985. Протомеотский могильник Фарс (VIII–VII вв. до н.э.) // Сокровища курганов Адыгеи. Каталог выставки (ред. А.М.Лесков). М.

Беглова Е.А., Орловская Л.Б., Сорокина И.А., 1997. Протомеотские древности в Закубанье // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. МИАР. № 1. М.

Белинский А.Б., 1990. К вопросу о времени появления шлемов ассирийского типа на Кавказе // СА. № 4.

Белинский А.Б., 1991. Отчет о работе Кисловодской археологической экспедиции в 1991 г. // Архив ИА РАН, Р-1, № 16613–16615.

Белинский А.Б., Вальчак С.Б., 1998. Оригинальная группа предскифских уздечных ком-

плектов Северного Кавказа: европейские и закавказские параллели // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. I. Археология. Ставрополь.

Белинский А.Б., Дударев С.Л., 2001. О некоторых редких предметах вооружения «предскифского» времени из могильника Клинь-Яр III (г.Кисловодск) // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки. МИАР. № 3. М.

Белинский А.Б., Эрлих В.Р., 1994. О хронологии нижнего горизонта могильника Клинь-Яр III // XVIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тез. докладов). Кисловодск.

Березин Я.Б., 1987. Отчёт о спасательных археологических работах в урочище Клинь-Яр под г.Кисловодском в 1987 году // Архив ИА РАН, Р-1, №№ 12539,12539а.

Бидзиля В.И., Яковенко Э.В., 1972. Киммерийские погребения Высокой Могилы // СА. № 1.

Вальчак С.Б., 1992. К вопросу о дате погребения Черногоровского кургана // История и

археология Слободской Украины. Тез. докладов и сообщений Всеукраинской конференции, посв. 90-летию XII Археологического съезда. Харьков.

Вальчак С.Б., 1993. О некоторых цельнолитых уздечных комплексах предскифского времени на юге Восточной Европы // Граковские чтения на кафедре археологии МГУ 1989–1990 гг. Материалы семинара по скифо-сарматской археологии. М.

Вальчак С.Б., 1994а. Хронология черногоровского этапа (по материалам уздечных наборов) // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тез. докладов международной конференции, посв. 95-летию со дня рождения проф. Б.Н.Гракова. II. Запорожье.

Вальчак С.Б., 1994б. К вопросу о датировке комплекса из Черногоровского кургана // РА. № 2.

Вальчак С.Б., 1995. Удила предскифского периода и киммерийские лошади Восточной Европы // Харьковский историко-археологический ежегодник «Древности», 1995. Харьков.

Вальчак С.Б., 1997. Предскифская узда Восточной Европы: уздечные комплексы с трехплетельчатыми псалиями (классификация и хронология) // Древности Евразии. М.

Вальчак С.Б., 2000. Основные мотивы ornamentации уздечных принадлежностей юга Восточной Европы в начале раннего железного века // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. М.

Вальчак С.Б., 2003а. Вооружение всадников и конская сбруя юга Восточной Европы в предскифский период. Автореф. дис... канд. ист. наук. М.

Вальчак С.Б., 2003б. Вооружение всадников и конская сбруя юга Восточной Европы в предскифский период. Рукопись дис... канд. ист. наук. М.

Вальчак С.Б., Эрлих В.Р., 1993. Еще раз о комплексах типа Новочеркасского клада // Вторая Кубанская археологическая конференция. Тез. докладов. Краснодар.

Вальчак С.Б., Мамонтов В.И., Сазонов А.А., 1996. Ранние памятники черногоровского этапа в Восточной Европе: происхождение и хронология // Историко-археологический альманах. Вып.2. Армавир–М.

Вальчак С.Б., Скаков А.Ю., 2002. Клад из Мехчис-цихе в контексте хронологии некоторых археологических памятников Юго-Западного Закавказья // РА. № 2.

Вальчак С.Б., Скаков А.Ю., 2003. Дигорские «пекторали» предскифского периода // РА. № 3.

Виноградов В.Б., 1973. Кинжалы с «крестовидной рукоятью» на Северном Кавказе // Тез. докладов и сообщений III Крупновских чтений. Грозный.

Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Рунич А.П., 1980. Киммерийско-кавказские связи // Скифия и Кавказ. Киев.

Давудов О.М., 1977. Отчет об археологических исследованиях в Южном Дагестане в 1977 году // Архив ИА РАН, Р-1, №№ 7342, 7342а.

Давудов О.М., 1985. Новые исследования Центральнодагестанской экспедиции // АО–1983 г. М.

Дударев С.Л., 1983. Ранний этап освоения железа на Центральном Предкавказье и в бассейне р.Терека (IX–VII вв. до н.э.). Автореферат дисс... канд. ист. наук. Киев.

Дударев С.Л., 1991. Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. Грозный.

Дударев С.Л., 1999. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху (IX – первая половина VII в. до н.э.). Армавир.

Иванчик А.И., 2000. О так называемых «передневожосточных» шлемах, найденных на Кавказе // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М.

Иессен А.А., 1950. Отчёт Кубанской экспедиции Государственного Эрмитажа 1950 г. // Архив ИА РАН, Р-1. № 549.

Иессен А.А., 1953. К вопросу о памятниках VIII–VII вв. до н.э. на юге Европейской части СССР // СА. XVIII.

Иессен А.А., 1954. Некоторые памятники VIII–VII вв. до н. э. на Северном Кавказе // Вопросы скифо-сарматской археологии. М.

Ковпаненко Г.Т., 1966. Носачівський курган VIII–VII ст. до н.е. // Археологія. XX. Київ.

Ковпаненко Г.Т., Гупало Н.Д., 1984. Погребение воина у с.Квитки в Поросье // Вооружение скифов и сарматов. Киев.

Козенкова В.И., 1975. К вопросу о ранней дате некоторых кинжалов так называемого кабардино-пятигорского типа // Studia Thracica. 1. Фрако-скифские культурные связи. София.

Козенкова В.И., 1977. Вопросы хронологии восточного варианта кобанской культуры в свете новых раскопок в Чечено-Ингушетии // Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. Махачкала.

Козенкова В.И., 1982. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант // САИ. В2-5. М.

Козенкова В.И., 1995. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант // САИ. В2-5. Вып.4. М.

Козенкова В.И., 1996. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М.

Козенкова В.И., 1998. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант // САИ. В2-5. М.

Козенкова В.И., 2002. У истоков горского менталитета. Могильник эпохи поздней бронзы – раннего железа у аула Сержень-Юрт, Чечня // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. III. М.

Котович В.Г., 1978. О происхождении «кабардино-пятигорских» или «киммерийских» биметаллических кинжалов и мечей // Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала.

Котович В.Г., Давудов О.М., 1980. О периодизации и хронологии памятников поздней бронзы – раннего железа на Северо-Восточном Кавказе // СА. № 4.

Крупнов Е.И., 1960. Древняя история Северного Кавказа. М.

Кубышев А.И., Полин С.В., Черняков И.Т., 1985. Погребение раннежелезного века на Ингульце // СА. № 4.

Кузьминых С.В., 1983. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке. Медь и бронза. М.

Лапушнян В.Л., 1977. Киммерийский кинжал из с.Берёзки в Молдавии // Скифы и сарматы. Киев.

Лесков А.М., Эрлих В.Р., 1999. Могильник Фарс/Клады. Памятник перехода от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку на Северо-Западном Кавказе. М.

Ловпаче Н.Г., 1985. Могильники в устье реки Псекупса // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп.

Ловпаче Н.Г., 1986. Отчет об археологической экспедиции на могильнике «Тыгаочипэ» в 1985–1986 гг. // Архив ИА РАН. Р-1, № 12921.

Ловпаче Н.Г., 1991. Могильник Кочипэ (восточный) в Майкопе // Культура и быт адыгов (этнографические исследования). Вып. VIII. Майкоп.

Ловпаче Н.Г., Дитлер П.А., 1988. Псекупское поселение № 1 // ВАА. Майкоп.

Махортых С.В., Черненко Е.В., 1995. О кавказских «пекторальях» VIII–VII вв. до н. э. // РА. № 2.

Мелюкова А.И., 1964. Вооружение скифов // САИ. Д1-4. М.

Миллер В., 1888. Терская область. Археологические экскурсии // МАК. Т. I. М.

Патрушев В.С., Халиков А.Х., 1982. Волжские ананьинцы. М.

Петренко В.Г., 1982. Комплекс VIII–VII вв. до н.э. из Ставрополя // КСИА. Вып. 170. М.

Пикуль М.И., 1961. Раскопки в южном Дагестане в 1961 году // Архив ИА РАН, Р-1, №№ 2307, 2307а.

Попенко В.Н., 1996. Холодное оружие. Энциклопедический словарь. М.

Попов Р., 1932. Могилните гробове при с.Ендже // Известия на Българския Археологически институт. Т. VI. София.

Пучков С.Г., 1994. Кинжалы. Кн. 1. Традиция стиля. СПб.

Рунич А.П., 1958. Отчёт о полевых археологических исследованиях в районе Кавказских Минеральных вод за 1958 год // Архив ИА РАН. Р-1, № 1720.

Рунич А.П., 1959. Отчет о полевых исследованиях в районе Кавминвод 1959 г. // Архив ИА РАН, Р-1, № 2036.

Рунич А.П., 1963. Отчет о археологических разведках в районе Кавминвод за 1963 год // Архив ИА РАН, Р-1, № 2694.

Рунич А.П., 1964. Отчёт о полевых исследованиях по району Кавминвод за 1964 год // Архив ИА РАН, Р-1, № 2869.

Рунич А.П., 1966. Отчет о археологических разведках в районе Кавминвод за 1966 год // Архив ИА РАН, Р-1, № 3251.

Рунич А.П., 1970. Отчёт о полевых исследованиях в районе Кисловодска за 1970 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 4179.

Рунич А.П., 1971. Отчет о полевых исследованиях в районе Кавминвод за 1971 г. // Архив ИА РАН, Р-1, № 4633.

Сазонов А.А., 1991. Отчет о работе Теучежского отряда археологической экспедиции Адыгейского НИИ ЭЯЛИ в 1991 г. // Архив ИА РАН, Р-1, №№ 16404, 16405.

Сазонов А.А., 1994. Отчет о работе Теучежского отряда археологической экспедиции АРИГИ в 1994 г. // Архив ИА РАН, Р-1, №№ 18979, 18980.

Сазонов А.А., 1995. Ранняя группа конских жертвоприношений протомеотского могильника Пшиш-I // Археология Адыгеи. Майкоп.

Сазонов А.А., 1996. Относительная и абсолютная хронология протомеотского могильника Пшиш I // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа (XIX «Крупновские чтения»). Тез. докл. М.

Сазонов А.А., 1997. К вопросу о хронологии протомеотских колесничных наборов в эпоху киммеро-скифских походов // Новые исследования археологов России и СНГ. Археологические изыскания. Вып.42. СПб.

Скорый С.А., 1999. Киммерийцы в украинской Лесостепи. Киев–Полтава.

Смирнов К.Ф., 1961. Вооружение савроматов // МИА. № 101. М.

Тереножкин А.И., 1961. Предскифский период на днепровском Правобережье. Киев.

Тереножкин А.И., 1973. Бронзовые кинжалы предскифского времени // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.

Тереножкин А.И., 1976. Киммерийцы. Киев.

Терехова Н.Н., Эрлих В.Р., 2000. Древнейший чёрный металл на Северо-Западном Кавказе (к проблеме выделения традиций) // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. М.

Тончева Г., 1976. Кинжал киммерийски тип от с.Белоградца, Варненски окръг // Археология. № 3. София.

Флёров В.С., Дубовская О.Р., 1993. Мужские погребения кобанского могильника Клинья III в г.Кисловодске // Вестник Шелковского пути. Археологические источники. Вып. I. М.

Халиков А.Х., 1977. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.). М.

Халикова Е.А., 1967. Второй Полянский могильник // Учёные записки Пермского ГУ. № 148. Пермь.

Чижевский А.А., 2002. Погребальный обряд населения Волго-Камья в эпоху финальной бронзы – раннем железном веке XI–V вв. до н.э. (предананьинская и ананьинская культурно-исторические области). Рукопись дис... канд. ист. наук. М.

Членова Н.Л., 1975. О связях Северо-Западного Причерноморья и Нижнего Дуная с Востоком в киммерийскую эпоху // Studia Thracica, 1. Фрако-скифские культурные связи. София.

Членова Н.Л., 1976. Карасукские кинжалы. М.

Шрамко Б.А., 1984. Из истории скифского вооружения // Вооружение скифов и сарматов. Киев.

Шрамко Б.А., 1987. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев.

Щепинский А.А., 1962. Погребение начала железного века у Симферополя // КСИА АН УССР. Вып.12. Киев.

Эрлих В.Р., 1992. О времени появления и характере «восточных» элементов в культуре Северного Кавказа конца VIII – первой половины VII вв. до н.э. // Северная Евразия от древности до средневековья. Тез. конф. Археологические изыскания. Вып.2. СПб.

Эрлих В.Р., 1994. У истоков раннескифского комплекса. М.

Эрлих В.Р., 1999. Переход к железному веку на Северо-Западном Кавказе // 60 лет кафедре археологии МГУ им. М.В.Ломоносова. Тез. докл. юбилейной конф. М.

Эрлих В.Р., 2002а. Переход от бронзового к железному веку на Северо-Западном Кавказе (К постановке проблемы) Часть I // РА. № 3.

Эрлих В.Р., 2002б. Переход от бронзового к железному веку на Северо-Западном Кавказе (К постановке проблемы) Часть II. // РА № 4.

Яровой Е.В., Кашуба М.Т., Махортых С.В., 2002. Киммерийский курган у пгт.Слободзея // Северное Причерноморье от энеолита до античности. Тирасполь.

Berezin J.B., Dudarev S.L., 1999. Neue präskytische Funde aus der Umgebung von Pjatigorsk, Nordkaukasien // Eurasia Antiqua. Bd.5. Berlin.

Chochorowski J., 1993. Ekspansja kimmeryjska na tereny Europy Środkowej. Kraków.

Kozenkova V.I., 1992. Serzen'Jurt // BAVA. Bd.48. Berlin.

Motzenbäcker I., 1996. Sammlung Kossnierska. Der Digorische Formenkreis der Kaukasischen Bronzezeit // Bestandskataloge. Bd.3. Berlin.

Müller-Karpe H., 1959. Beiträge zur Chronologie der Urnenfelderzeit Nördlich und Südlich der Alpen. Text. Tafeln // Romisch-Germanische Forschungen. Bd.22. Berlin.

Petrescu-Dîmbovița M., 1977. Depozitele de Bronzuri din Romania. București.

Podborsky W., 1970. Mähren in der Spätbronzezeit und an der Schwelle der Eisenzeit. Brno.

Tončeva G., 1980a. Necropole tumulaire pres du village Belogradec du VII-e s. av. n. ere // Thracia, V. Sofia.

Tončeva G., 1980b. Chronologie du Hallstatt ancien dans la Bulgarie de Nord-Est // Studia Thracica, 5. Sofia.

ПРЕДСКИФСКОЕ ЗЕРКАЛО ИЗ САРКЕЛА

Зеркала неизвестны в погребальных древностях предскифской эпохи Северного Причерноморья и Северного Кавказа, будь то комплексы черноговорской культуры, новочеркасской или кобанской. Положение меняется в раннескифское время. Древнейшие зеркала у скифов в Восточной Европе представлены двумя основными разновидностями, в равной степени широко распространенными на востоке и западе Северной Евразии: бронзовыми дисками с бортиком по краю и центральной ручкой в виде петли или бляшки на столбиках (Кузнецова Т.М., 1988; 1991). Считается, что другой, редкий, тип – зеркала с боковыми ручками – появляется в Скифии также в архаическую эпоху, но не ранее середины – второй половины VII в. до н.э., о чем свидетельствуют, например, находки из к.20 Нартанского могильника и кургана Перепахтиха (Батчаев В.М., 1985, табл.48,53; Скорый С.А., 1990, с.60,68, рис.9,2,3). Впрочем, Т.М.Кузнецова считает, что зеркало из Перепахтихи вообще таковым не является (Кузнецова Т.М., 1994, с.99–101), а появление в Северном Причерноморье зеркал с боковой ручкой относит, так же как и М.В.Скржинская, к VI в. до н.э. и связывает его с влиянием греческой культуры (Скржинская М.В., 1984; Кузнецова Т.М., 1988; 1991; 1994). Тем не менее известно, что отдельные экземпляры подобных изделий (плоский диск с боковой ручкой) были распространены в Евразии уже в эпоху бронзы, в том числе и в степных культурах Средней Азии, испытавших влияние иранской и переднеазиатской традиции (Кузьмина Е.Е., 1966, с.68, табл.ХIII,1,6,9).

При анализе предметного репертуара на так называемых «оленных камнях западного ареала», относящихся к предскифской эпохе, В.С.Ольховский осторожно предположил, что справа за поясом одной из стел, найденной у с.Кызбурун в Кабардино-Балкарии (рис.2,6), нанесено изображение предмета, который в качестве одного из возможных толкований можно рассматривать как зеркало с боковой ручкой (Ольховский В.С., 2001, с.246). Впрочем, Н.Л.Членова считает, что это изображение сумочки со свисающим ремешком, подобное изображению сегментовидного

предмета еще на одной северокавказской стеле (Членова Н.Л., 1984, с.14–16). Нам, к сожалению, неизвестно, каким способом носили зеркала на поясе европейские кочевники, но вот древние номады Алтая носили их ручкой вверх (Кубарев В.Д., 2002, с.72). Все же, вне зависимости от того, какой предмет изображен на кызбурунской стеле, имеются совершенно надежные основания говорить о существовании как минимум одной разновидности бронзовых зеркал с боковой ручкой в Восточной Европе в «киммерийское» время. Впрочем, некоторые исследователи уже обратили внимание на этот факт, но, к сожалению, это наблюдение осталось практически незамеченным скифологами. Напомню, что С.В.Полин в своей работе, посвященной хронологическим проблемам раннескифской эпохи, писал, что «известны два зеркала с прямыми припаянными (?) рукоятями, орнаментированными аналогично рукоятям предскифских и раннескифских кинжалов, что и определяет время их существования», ссылаясь при этом на зеркала, найденные в Саркеле и в Изюмском уезде (Полин С.В., 1987, с.24). Т.М.Кузнецова в рукописи диссертации, посвященной зеркалам скифов, также обратила внимание на эти два экземпляра (Кузнецова Т.М., 1988, с.145), отметив, что ручки, аналогичные рукоятям кинжалов, могли, при отсутствии традиции изготовления зеркал на Кавказе, прикрепляться к дискам, происходящим из Передней Азии. Но для такого утверждения, как полагает Т.М.Кузнецова, был необходим анализ металла, из которого изготовлены зеркала.

В этой связи хотелось бы еще раз вернуться к анализу предмета, представляющего для хронологии зеркал I тыс. до н.э. экстраординарный интерес. При раскопках Саркела в 1951 г. было обнаружено зеркало (рис.1), хранящееся ныне в Отделе археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа (инв. № ВД-51/СП-2382, общая длина – 270 мм, диаметр диска – 189–187 мм, толщина диска – 2,5–3 мм, длина ручки с перекрестием – 102 мм, толщина рукояти – 6–6,5 мм, толщина перекрестия – 9 мм, толщина навершия – 10,5 мм, ширина рукояти у

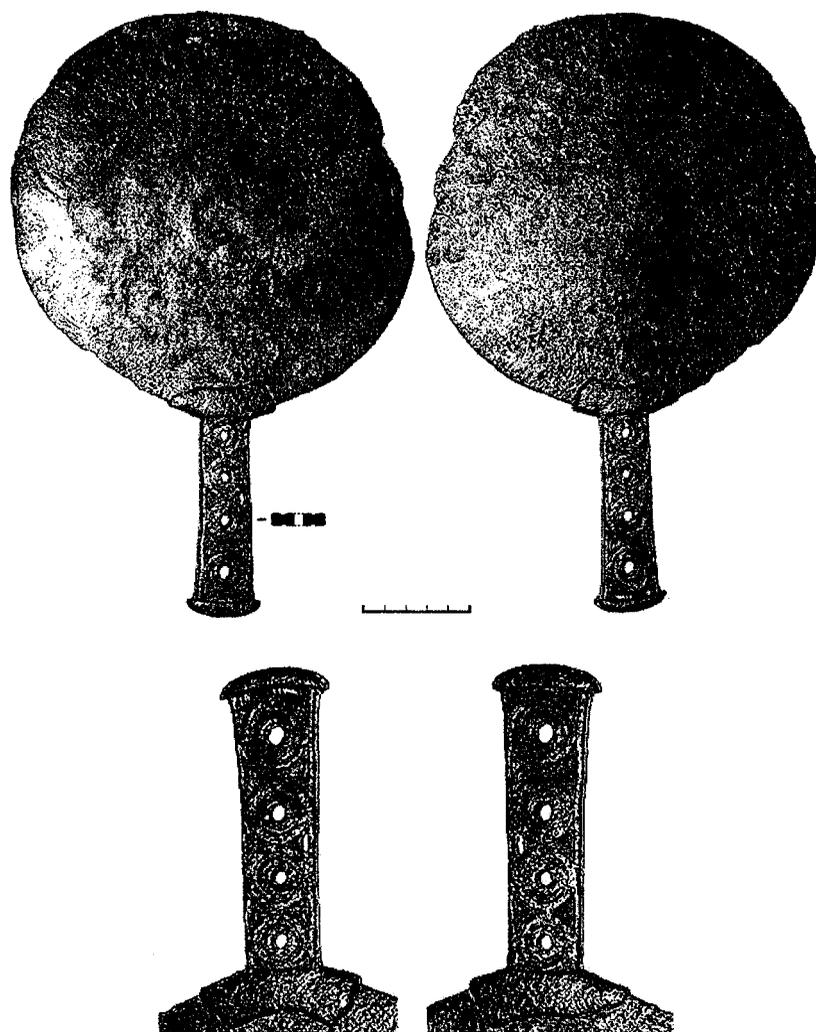

Рис. 1. Зеркало из Саркела, бронза (Государственный Эрмитаж, инв. № ВД-51/СП-2382)

перекрестия – 23 мм, ширина рукояти у навершия – 27 мм)¹. Автор отчета Волго-Донской экспедиции М.И.Артамонов предположил, что оно, так же как и некоторые другие ранние саркельские находки, происходит из разрушенного погребения и относится к скифскому периоду (Артамонов М.И., 1958, с.27, рис.16,1).

Зеркало состоит из двух частей – диска и ручки. Способ их соединения не вполне ясен. Возможно, части были соединены механически за счет проковки, но более вероятно то, что руч-

ка была прилита к диску перекрестия – аналогично тому, как скреплялись железные клинки и рукояти биметаллических мечей и кинжалов предскифской эпохи (Шрамко Б.А. и др., 1977). Об этом же косвенно свидетельствует и качественный состав бронзы. После отливки часть рукояти, охватывающая край диска, могла быть дополнительно прокована, чем и объясняется ее незначительная последующая деформация с одной из сторон. С.В.Хавриным в Лаборатории научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа был произведен рентгенофлюоресцентный анализ поверхности зеркала (спектральный анализ), который показал, что состав металла диска и ручки практически совпадает по набору примесей, но существенно отличается их количественными характеристиками (табл.1).

¹ Благодарю хранителя коллекции Н.А.Фонякову за предоставленную информацию о зеркале из Саркела и возможность его исследования, Т.М.Кузнецову за дополнительные сведения о раннескифских зеркалах, а Р.С.Минасяна и А.И.Бантикова за консультации по техническим вопросам.

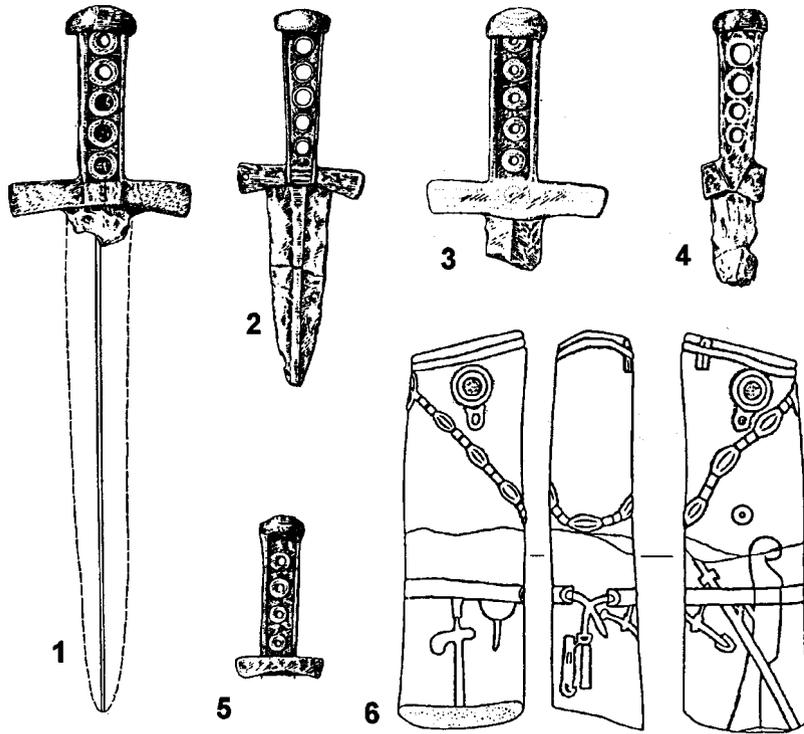

Рис. 2. Мечи, кинжалы и изваяние предскифского времени. 1 – п.6, могильник 1, Кисловодская мебельная фабрика (по: Козенкова В.И., 1995, табл.ХП,2); 2 – разрушенное п. могильника 3, Клиньярь (по: Козенкова В.И., 1995, табл.ХП,4); 3 – случайная находка, Кисловодск (по: Козенкова В.И., 1995, табл.ХП,1); 4 – п.28, могильник 1, Кисловодская мебельная фабрика (по: Козенкова В.И., 1995, табл.ХI,1); 5 – разрушенное п., с.Заюково (по: Козенкова В.И., 1995, табл.ХП,3); 6 – стела, с.Кызбурун (по: Ольховский В.С., 2001, илл.18,1)

Таблица 1

	Sn	Pb	As	Fe	Ni	Zn	Sb
Диск	20–25	4–8	2–3	Сл.	Сл.	Сл.	Сл.
Ручка	10	2–4	1–2	Сл.	Сл.	Сл.	Сл.

Эти данные надежно свидетельствуют о том, что зеркало могло быть изготовлено в одной мастерской или одним мастером, но при этом учитывались различные требования к свойствам сплава для ручки и диска. Так, в диске отмечено высокое содержание олова, что, видимо, позволяет говорить об его изготовлении из так называемой «зеркальной» бронзы. Сплав относится к типу оловянно-свинцово-мышьяковых бронз, что, по данным Т.Б.Барцевой, можно «связывать с деятельностью восточных производственных центров» (Барцева Т.Б., 1988, с.27). Помимо ряда прочих восточноевропейских изделий, из металла этой геохимической группы был изготовлен, например, цельнобронзовый кинжал из п.5 кургана Высокая Могила, которое датируется,

по данным радиоуглеродного анализа, ок. 1000–814 гг. до н.э. (Alekseev A.Yu. et al., 2002, p.146, Table 1, № 2). Последние данные могут оказаться значимыми при проверки датировки саркельского зеркала, установленной по археологическим основаниям.

Массивный диск зеркала, откованный достаточно небрежно, имеет неровный край, а с одной стороны – даже небольшой выступ, у края которого в настоящее время начинается большая трещина. Обе его поверхности испещрены многочисленными и разнонаправленными царапинами, имеющими различную конфигурацию и толщину. В целом их количество и форма несколько необычны для дисков зеркал. Частично царапины находятся под коррозионными участками, частично перекрывают их. Вероятно, это свидетельствует о том, что зеркало когда-то использовалось вторично, возможно, в качестве доски для резки.

Наиболее интересна ручка зеркала, форма которой практически идентична рукояткам биметаллических кинжалов предскифской эпохи (рис.2,1–5), хотя и имеет некоторые особенности

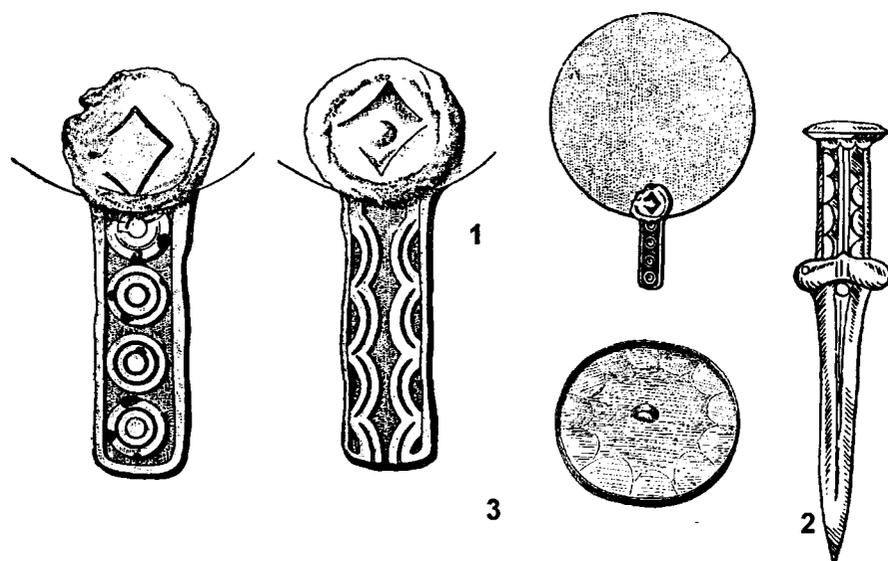

Рис. 3. Зеркала и меч раннескифского времени. 1 – случайная находка, с.Петровское, район г.Изюма (по: Либеров П.Д., 1962, рис.11,14–16); 2 – кинжал, Семипалатинск (по: Тереножкин А.И., 1976, рис.80,10); 3 – зеркало, к.19, могильник Тасмола I (по: Маргулан А.Х. и др., 1966, рис.5,10)

в декоре (например, двойной контур колец). По существующим представлениям, кинжалы, имеющие рукояти с одним рядом колец, уплощенное грибовидное навершие и перекрестие со слегка опущенными лопастями, принадлежат к достаточно ранней разновидности, синхронной памятникам черноговровского типа IX–VIII вв. до н.э. (Козенкова В.И., 1995, с.57; Дударев С.Л., 1999, с.100). В данном случае у нас нет оснований далеко отрывать дату саркельского зеркала от времени однотипных ему мечей.

Следует отметить и то, что наличие ближайших аналогий форме и орнаменту на рукоятках бронзовых зеркал именно на рукоятках мечей не является столь уж неожиданной чертой. Некоторые зеркала и в более позднее время декорировались как мечи соответствующего времени. В этой связи следует напомнить, например, о зеркале из кургана Куль-Оба, золотая накладка на ручку которого воспроизводит тип накладок на рукояти парадных мечей IV в. до н.э. (ср. Артамонов М.И., 1966, табл.213; Алексеев А.Ю. и др., 1991, кат.184–187). Навершие железной ручки одного из зеркал в Чертомлыкском кургане также напоминает когтевидные навершия мечей V–IV вв. до н.э. (Алексеев А.Ю. и др., 1991, с.125,126, кат.118). Видимо, зеркала при определенных обстоятельствах могли восприниматься и в качестве своеобразного оружия, но не боевого, а, скажем, магического. В.Д.Кубарев, например, отмечает воз-

можную связь алтайских зеркал с предметами вооружения, эффективность которых они могли усиливать (Кубарев В.Д., 2002, с.72).

Хотя саркельское зеркало пока остается действительно совершенно уникальной находкой, тем не менее определенную аналогию ему представляет бронзовое зеркало, случайно найденное в Изюмском уезде (рис.3,1). Это зеркало исследователи также относили к скифскому времени (Сибилев Н.В., 1926, табл.ХХVІІ,1а–в; Либеров П.Д., 1962, рис.11,14–16; Ильинская В.А., Тереножкин А.И., 1983, с.94,97), хотя орнамент в виде ромба с вогнутыми сторонами в верхней части ручки и кольчатый орнамент на одной ее плоскости, казалось бы, могут указывать и на позднейший предскифский возраст этой находки. Тем не менее следует отметить, что и кольца, и орнамент в виде фестонов, расположенных по краям другой стороны ручки, действительно весьма близки украшениям рукоятей мечей раннескифского времени, найденных, например, на «савроматской» территории, в Семипалатинске (рис.3,2)², в Семиречье (Исмагилов Р.Б., 1980, с.91, рис.2,1,3,4; Тереножкин А.И., 1976, рис.80,10; Исмагил Р., 2000, с.141,142, рис.1,8). Аналогичный фестончатый

² Характерно, что близкий орнамент в виде фестонов, но при этом технически выполненный иначе, известен и на мече IV в. до н.э. из к.9 у с.Дуровка Белгородской обл. (Пузикова А.И., 2001, рис.30,1).

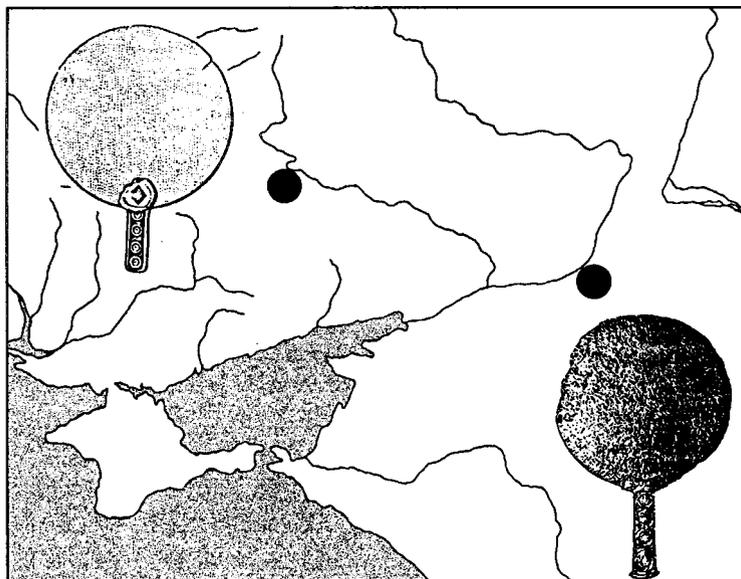

Рис. 4. Карта-схема находок предскифских зеркал в Восточной Европе

орнамент известен и на диске зеркала раннесакского времени (рис.3,3) из погребения к.19 могильника Тасмола I в Центральном Казахстане (Маргулан А.Х. и др., 1966, рис.5,10). Отличительной чертой изюмского зеркала является и отсутствие на рукояти расширения в нижней части. Согласно классификации Т.М.Кузнецовой, эти зеркала должны быть разделены на два типа по форме ручки (Кузнецова Т.М., 1987). Кстати, если на кызбурунской стеле изображено действительно зеркало, то оно может относиться именно к изюмскому варианту оформления ручки. В любом случае северскодонецкое зеркало, на котором сочетаются декоративные и формальные признаки

доскифской и скифской эпохи, должно быть несколько моложе саркельского.

Характерно, что обе случайные находки столь ранних зеркал с боковой ручкой обнаружены на берегах рек – Северского Донца и Дона, служивших в древности, видимо, основными водными магистралями в регионе, и у нас нет надежных оснований связывать их с определенными погребальными комплексами (рис.4). Возможно, это наблюдение в сочетании с фактом полного отсутствия зеркал в предскифских погребениях Восточной Европы свидетельствует и об отсутствии в погребальной практики населения этой эпохи обычая класть в могилы зеркала.

Литература

Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р., 1991. Чертомлык. Скифский царский кургана IV в. до н.э. Киев.

Артамонов М.И., 1958. Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т.1. М.–Л.

Артамонов М.И., 1966. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага–Ленинград.

Барцева Т.Б., 1988. Бронзовые кинжалы Сержень-юрта (Итоги спектроаналитического изучения) // КСИА. Вып.194.

Батчаев В.М., 1985. Древности предскифского и скифского периодов // Археологиче-

ские исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Вып.2. Нальчик.

Дударев С.Л., 1999. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху (IX – первая половина VII в. до н.э.). Армавир.

Ильинская В.А., Тереножкин А.И., 1983. Скифия VII–IV вв. до н.э. Киев.

Исмагилов Р.Б., 1980. Меч скифского типа: истоки происхождения // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово.

Исмагил Р., 2000. Клинковое оружие досакского и сакского времени из Центральной и

Северо-Западной Азии // Этносы и культуры на стыке Азии и Европы. Уфа.

Козенкова В.И., 1995. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант // САИ. Вып. В2-5.

Кубарев В.Д., 2003. Древние зеркала Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. № 3 (11).

Кузьмина Е.Е., 1966. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии // САИ. Вып. В4-9.

Кузнецова Т.М., 1987. Зеркала из скифских памятников VI–III вв. до н.э. (классификация и хронологическое распределение) // СА. № 1.

Кузнецова Т.М., 1988. Историко-культурные связи Скифии VI–III вв. до н.э. (зеркала как исторический источник). Рукопись дис. ... канд. ист. наук. М.

Кузнецова Т.М., 1991. Этюды по скифской истории. М.

Кузнецова Т.М., 1994. Сколько зеркал в кургане Перепахта? // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья // Тез. докл. межд. конф., посвящ. 95-летию со дня рожд. проф. Б.Н.Гракова. II. Запорожье.

Либеров П.Д., 1962. Памятники скифского времени бассейна Северского Донца // МИА. Вып. 113.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М., 1966. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата.

Ольховский В.С., 2001. Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа как исторический источник. Рукопись дис. ... докт. ист. наук. М.

Полін С.В., 1987. Хронологія ранньоскіфських пам'яток // Археологія. № 59.

Пузикова А.И., 2001. Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья. М.

Сибилев Н.В., 1926. Древности Изюмщины. Вып. 1. Альбом рисунков. Изюм.

Скржинская М.В., 1984. Зеркала архаического периода из Ольвии и Березани // Античная культура Северного Причерноморья. Киев.

Скорий С.А., 1990. Курган Перепахта. Київ.

Тереножкин А.И., 1976. Киммерийцы. Киев.

Членова Н.Л., 1984. Оленные камни как исторический источник. Новосибирск.

Шрамко Б.А., Фомин Л.Д., Солнцев Л.А., 1977. Начальный этап обработки железа в Восточной Европе (доскифский период) // СА. № 1.

Alekseev A. Yu., Bokovenko N.A., Boltrik Yu., Chugunov K.V., Cook G., Dergachev V.A., Kovalyukh N., Possnert G., van der Plicht J., Scott E.M., Sementsov A., Skripkin V., Vasiliev S., Zaitseva G., 2002. Some Problems in the Study of the Chronology of the Ancient Nomadic Cultures in Eurasia (9th–3rd centuries BC) // Geochronometria. Journal on Methods and Applications of Absolute Chronology. Vol. 21.

К ДИСКУССИИ О МЕСТЕ И ВРЕМЕНИ ПОЯВЛЕНИЯ ПРЕДСКИФСКИХ КОЛЕСНИЦ

Впервые сводка всех деталей-индикаторов колесничных наборов предскифского времени на Юге Восточной Европы была сделана в начале 90-х годов прошлого столетия после открытия кургана Уашхиту-I (Эрлих В.Р., 1990; 1994, карта 2; 1994а). В то время было выделено 14 пунктов комплексных находок деталей упряжи колесниц и 10 случайных находок (Эрлих В.Р., 1994, карта 2). В сводке 1997 г. нами были приведены 18 комплексных находок, куда мы включили кольцо с муфтой из Норшунтепе и комплекс к.2 у пос.Хаджох (Эрлих В.Р., 1997, с.23, таблица). Следует отметить, что в обеих сводках наблюдалась особая концентрация находок деталей колесничной упряжи в Закубанье, в ареале протомеотской группы памятников.

Во всех комплексных находках, приведенных нами, детали колесничной упряжи встречались в сочетании либо с уздой «классической» новочеркасской схемы, либо уже в комплексах, в которых присутствуют элементы предскифского «жаботинского» пласта (Эрлих В.Р., 1994, с.102,103; 1997, с.23,24). Все это демонстрировало жесткую корреляцию деталей упряжи колесниц с наиболее поздними предскифскими комплексами конца VIII – начала VII в до н.э., в которых уже встречаются культурные инноваций – элементы, привнесенные на Северный Кавказ и Юг Восточной Европы в результате ранних военных походов в Закавказье и Малую Азию (шлемы ассирийского облика, фрагменты металлических панцирей, удила, жестко скрепленные с псалиями, и т.п.) (Эрлих В.Р., 1994, с.83–89). К числу этих инноваций-заимствований из Малой Азии и Закавказья мы причислили и появление колесниц и колесничной упряжи. Колесницы в Предкавказье и на Юге Восточной Европы никогда не играли и не могли играть существенную роль в военном деле, а являлись, скорее, предметом престижа и знаком власти

Столь жесткая корреляция позволила предположить пересмотр хронологии тех комплексов

Средней Европы, в которых встречены аналогичные детали: клады Прюдь и Комлед (Дюнакомлед). Поскольку большинство авторов связывает появление этих упряжных элементов с контактами с Причерноморьем, они не могут быть датированы ранее, чем на Юге Восточной Европы (Эрлих В.Р., 1997, с.24).

В недавно опубликованных работах исследователей древностей поздней бронзы – раннего железа Средней Европы наша точка зрения на датирование средневропейских комплексов с упряжью колесниц получила различный отклик. Не вполне ясной оказалась позиция К.Метцнер-Небельсик, которая вслед за Г.Коссаком относит клад Прюдь к IX веку до н.э. В новейшем своем исследовании она выделяет в Средней Европе тип колец с двумя двухбляшечными привесками типа Прюдь, к которому ею отнесены привески из Прюдь, кольцо с привеской из Дюнакомлед (поскольку у него вроде бы есть след от второй привески), а также два кольца «из Венгрии», хранящиеся в музее в Майнце (хотя они имеют по одной привеске и аналогичны Аксайским), а также двухбляшечную привеску с утраченным кольцом из Парндорфа (Metzner-Nebelsick С., 2002, S.294–298, 523, Abb.136). Точно такую же привеску – железную фрагментированную двухбляшечную привеску из клада Фюгод (Kemenczei Т., 1988, S.65, №№ 7,10; S.71, Abb.2,3; Kemenczei Т., 2000, S.240, Abb.1,3) она в этот список не включила. Да и реконструкция этой детали в этом исследовании дана совсем не так, как на рисунке Т.Кименцеи (Metzner-Nebelsick С., 2002, Taf.140,7). Таким образом, полноценными целыми колесничными деталями с двумя двухбляшечными привесками в Средней Европе оказываются только кольца из Прюдь. Далее, не вполне ясно, почему при картографировании этих находок кольца из Каменки-Днепровской, точно такие же как Прюдь, она отнесла к типу «Аксай» – с одной двухбляшечной привеской (Metzner-Nebelsick С., 2002, S.296, Abb. 136; легенда к карте – S.523), хотя в тексте указала почти на полную

аналогию их с кольцами из Прюдь (Metzner-Nebelsick С., 2002, S.295). Таким образом, произведенное ею картографирование этих деталей (рис.136) вроде бы выявляет и «западный» тип колец Прюдь, и «восточный» – «Аксаи»¹. Первый, судя по дате Прюдь, вырабатывается на западе не без восточного влияния. В то же время дата второй комплексной находки этих колец из Дюнакомлед, где используются сходные кольца, по мнению исследовательницы, «более сложная», поскольку там присутствуют железные наконечники копий и трехпрорезные пронизи, находящие аналогии в Келермесе, что никак не позволяют отнести этот комплекс к IX в. до н.э. (Metzner-Nebelsick С., 2002, S.295).

Таким образом, попытка этого автора снять имеющееся хронологическое противоречие здесь еще только больше запутывает ситуацию.

Тибор Кименцеи в статье, посвященной проблемам хронологии уздечных наборов в Средней Европы, напротив, сославшись на нашу точку зрения о хронологическом соответствии комплексов с уздечными деталями колесниц Средней Европы «классической» новочеркасской фазе Восточной Европы, указал, что имеющаяся в Средней Европе традиция «длинной хронологии» существования здесь одних и тех же типов уздечных принадлежностей «восточного облика» должна быть подвергнута ревизии, как и сам принцип датирования вещей, в которых эти принадлежности встречаются (Kemeneczei T., 2000, S.243,246).

За прошедшие десять лет (со времени создания первой сводки колесничной упряжи) был вновь обнаружен и полностью опубликован новый материал, в котором в той или иной степени содержались выделенные нами детали-индикаторы колесничных наборов. Прежде всего это три комплекса из Приднестровья – Мощанецкий клад, Слободзея и Пуркары (Смірнова Г.І., Войнаровський В.М., 1994; Яровой Е.В. и др., 2002; Яровой Е.В., Бруяко И.В., 2000), пять комплексов в Закубанье: Хаджох, к.1 и к.2, погребения 89, 105 и 130 могильника Пшиш-І, содержащие упряжь колесницы, комплекс из ст.Ильской (Сазонов А.А., 2000; 2002; Хачатурова Е.А. и др., 2001). Кроме того, был издан Развальский клад, происходящий из района Железноводска, комплекс кур-

гана Ольшаны и находка разрушенного комплекса (погребения?), содержащего колесничную упряжь, из Саратовской области (Махортых С.В., Фоменко В.А., 1994; Скорый С.А., 1999, с.115–122; Тихонов В.В., 2000).

Большая часть вышеперечисленных комплексов обнаруживала в своем составе уздечные наборы, относящиеся к «классическому» новочеркасскому периоду или последующему – «жаботинскому»; это оба кургана из Хаджох, комплекс из ст.Ильской, Развальский клад, комплекс кургана Ольшаны, а также комплекс из Саратовского Поволжья. Однако комплексы из Приднестровья и три комплекса из Закубанья (могильник Пшиш) уже не имели такой жесткой корреляции с уздой классического и постклассического времени. В их состав входили элементы уздечных наборов как черноморского облика, так и «предновочеркасского».

Находки в Приднестровье позволили ряду исследователей поставить под сомнение наш тезис о появлении колесниц и колесничной упряжи в конце VIII в до н.э. в результате киммерийско-скифских походов в Закавказье и Переднюю Азию, а также высказать предположение о самостоятельном источнике их появления на столетие раньше (Махортых С.В., 1996; Яровой Е.В., Бруяко И.В., 2000; Яровой Е.В. и др., 2002). Кроме того, появилось исследование А.И.Иванчика с попыткой удревнить и сам «классический» новочеркасский период, в том числе и комплексы с колесничными наборами. Так, курган Уашхиту-І он датирует не позже рубежа IX–VIII вв. до н.э. (Иванчик А.И., 2001).

Целью настоящей статьи является рассмотрение хронологии вновь открытых комплексов, не имеющих жесткой привязки к «классическому» новочеркасскому пласту, или к сменяющему его «жаботинскому», и определить – имеются ли достаточные основания для корректировки нашей прежней позиции о времени, месте и источнике возникновения колесниц предскифского времени на юге Восточной Европы.

Начнем с Приднестровья.

Клад у с.Мощанец В состав этого клада, обнаруженного на дне р.Днестр у с.Мощанец Кельменецкого района Черновицкой области Украины, входили пара псабиев черноморского типа (рис.1,3,4), бронзовый одноушковый кельт (рис.1,7), лунница (рис.1,13), две малых и

¹ Хотя целые находки колец с двумя двубляшечными привесками мы имеем только в Прюдь и Каменке Днепропетровской.

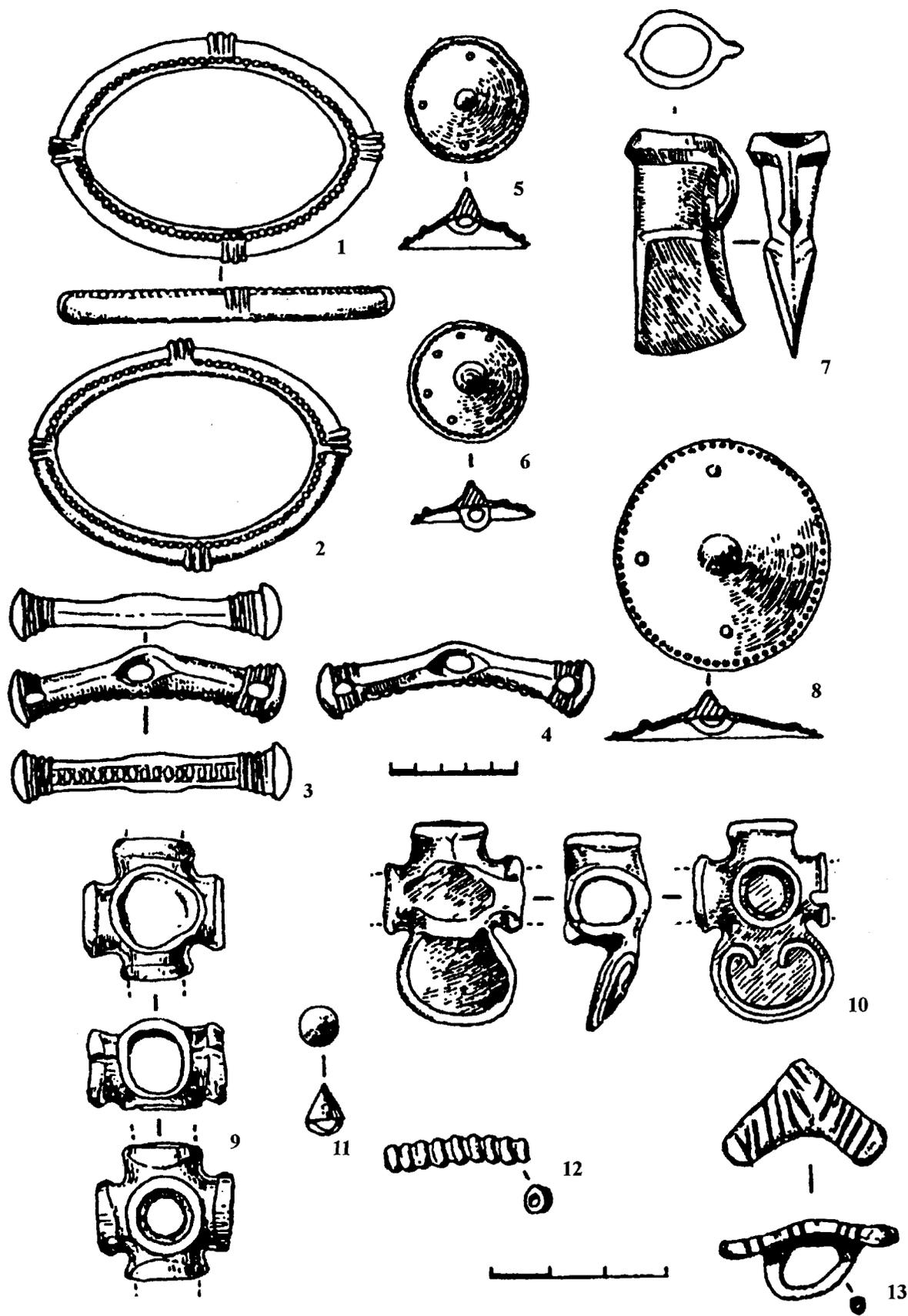

Рис. 1. Мощанецкий клад (по: Смирнова Г.И., Войнаровский В.М., 1994). Бронза

одна большая округлые бляхи с коническим выступом в центре и петель на обороте (рис.1,5,6,8). Бляхи украшены выпуклыми «жемчужинами». В составе клада также имелись три «крестовидные пронизи» (рис.1,9) и одна такая же пронизь с дополнительным щитком – шлемовидная бляха (рис.1,10), а также 112 мелких нашивных бляшек с петелькой конической формы (рис.1,11). Кроме этого, в состав клада входят два бронзовых кольца, покрытых рельефным орнаментом (рис.1,1,2). Именно они сопоставлялись и сопоставляются исследователями с деталями упряжи колесниц, например: с кольцами из Чишхо (Смирнова Г.И., Войнаровский В.М., 1994, с.139; Махортых С.В., 1996, с.225; Яровой Е.В. и др., 2002, с.315). Если оценивать клад в целом, прежде всего бросается в глаза его синкретичный характер: комплекс включает в себя, с одной стороны, предметы средневропейского круга (одношковый кельт, бляхи-фалары), с другой – предметы, которые встречаются как в Средней Европе, так и в степных памятниках юга Восточной Европы.

Обратим также внимание на то, что в этом наборе присутствует узда, предназначенная для одной лошади: пара псалиев, три пронизи для перекрестных ремней, пронизь – налобник или наносник (шлемовидная пронизь), одна лунница, одна большая налобная бляха конической формы и т.д. По своему составу клад очень близок к уздечному набору из п.3 могильника Пшиш (Сазонов А.А., 1995, с.100, рис.3). Здесь также присутствует пара черногоровских псалиев, встреченных, правда, с треугольноконечными удилами; три крестовидные пронизи, аналогичные мощанецким; шлемовидная пронизь, маленькая бляшка, близкая по форме к луннице в виде двух завитков; а также большая бляха-налобник. В этом же комплексе обнаружена подвеска шаренградского типа. Интересен также тот факт, что псалии из Мощанецкого клада и Пшиша отличаются характерным горизонтальным рифлением у внешних отверстий. Однако тулово мощанецких псалиев имеет орнамент в виде одного ряда прямоугольников (рис.1,3), а тулово псалиев из п.3 Пшиша – гладкое.

Если перед нами набор узды верховой лошади, то непонятно назначение двух колец без привесок, которым трудно найти применение в этом случае. Следует отметить, что полные аналогии орнаментированным кольцам из Мо-

щанецкого клада пока не встречены среди колесничных наборов юга Восточной Европы, нет их и в Средней Европе. Характер орнамента на кольцах близок орнаменту на бляхах-фаларах. Это дало авторам публикации основание полагать, что эти кольца входят в уздечный комплект.

ПРОБЛЕМА ХРОНОЛОГИИ КЛАДА

Благодаря своему составу Мощанецкий клад заинтересовал специалистов, занимающихся древностями Средней Европы. Т.Кеменцеи относит клад к позднейшимкладам финальной бронзы Карпатского бассейна, отмечая наиболее ранние и наиболее поздние вещи в его составе. К наиболее ранним составляющим он отнес псалии типа Черногоровка и кельт. Орнаментированные кольца он счел браслетами, указав на сходство их орнамента с орнаментом на браслетах позднего хронологического периода культуры полей погребальных урн. Крестовидные пронизи и пронизь со «шлемовидным» щитком (рис.1,9,10) он датирует временем более поздним, чем ранняя Черногоровка. Пронизь со щитком он сопоставляет с пронизью из кургана Војуги, которая датируется временем, близким к концу VIII в до н.э. (Kemenczei T., 1996, p.266; Moscalu E., Beda C., 1988, p.30, fig.3,1). Таким образом, клад, по его представлению, может быть отнесен либо к самому финалу бронзового века, либо к началу раннегалльштадской культуры. В этой же статье автор затруднился привести абсолютные даты подобного перехода, но полагал, что они находятся в пределах VIII в. до н.э. (Kemenczei T., 1996, pp.265,266,269)

В отношении к хронологии Мощанецкого клада близка позиция и К.Пеа. Он также отметил наиболее ранние и наиболее поздние составляющие клада. К концу периода поздней бронзы он относит бляхи-фалары. К раннегалльштадскому периоду (горизонт кладов VI – DFS-VI) – крестовидные пронизи. Таким образом, позиция клада – переход от выделяемых им горизонтов DFS-V к DFS-VI (Pare C., 1998, S.368). Этот переход, в понимании этого автора, синхронен началу периода HaC1a, что (в абсолютных датах) происходит на рубеже IX–VIII вв. до н.э. (Pare C., S.352, Abb.4). Отметим также, что этот исследователь датирует клады Прюдь, Комлод (Дюнакомлод), Фюгод, в которых есть детали упряжи колесниц «новочер-

касского» облика, несколько более поздним временем, относя их все уже к горизонту DFS-VI, сопоставимому уже с периодом HaC1, что, по современной европейской шкале, находится в пределах VIII в. до н.э. (Pare S., 1998, S.369, 370).

Наши собственные соображения по хронологии этого комплекса таковы.

Прежде всего, обращает на себя внимание орнамент в виде прямоугольных выступов, идущих вдоль тулова псаля, что, по всей видимости, свидетельствует о том, что перед нами не самые ранние черногоровские псаля. Подобный орнамент на удилах характерен уже для периода «новочеркасской» классики. Кроме того, орнамент в виде ребер (или горизонтального рифления) в районе отверстий, который встречен на псалях из Мощанецкого клада и п.3 могильника Пшиш, можно сопоставить с орнаментом в районе отверстий на некоторых псалях более позднего – дырчатого типа Уашхиту-Жаботин (Уашхиту, Хаджох к.2) (Эрлих В.Р., 1994, табл.5,8,15,20; Сазонов А.А., 2000, с.63, рис.7,2), характерного для переходного к раннескифскому «жаботинскому» пласту.

Близкое соответствие по составу и набору упряжи Мощанецкого клада и п.3 могильника Пшиш-I позволяет нам в какой-то степени синхронизировать эти два комплекса. В последнем была найдена золотая подвеска типа Шаренград. Подвески этого типа датируются рядом авторов не раньше второй половины VIII в. до н.э. (Vasic R., 1977, p.16–32; Kemenczei T., 1994, p.600). Бронзовая бляха-налобник, встречающаяся в п.3 могильника Пшиш, также может указывать на более позднюю дату.

В 2001 г. подобная бляха-налобник была встречена в комплексе с классической «новочеркасской» уздой и костяными бляхами-фаларами с солярной символикой в разрушенном могильнике Индустрия-IV на окраине Кисловодска. Материал поступил в музей ставропольского ГУП «Наследие» и был опубликован в календаре за 2003 г. (Коробов Д.С., 2002, с.278,279; Календарь ГУП «Наследие» за 2003 г., май). Эта находка свидетельствует о том, что подобные налобные бляхи доживают, по крайней мере, до конца VIII в. до н.э.

Подведем итоги нашего рассмотрения Мощанецкого клада. Бронзовые орнаментированные кольца из этого комплекса пока не нашли близких аналогий среди колец предскифских колесничных наборов.

Исследователи Средней Европы продолжают считать эти кольца браслетами, находящими соответствия в орнаментации с браслетами финала культуры полей погребальных урн. Хотя уздечный набор в кладе рассчитан на одну лошадь, можно все-таки допустить, что перед нами кольца колесничной упряжи, учитывая часто встречающийся обычай не полного, а частичного присутствия подобных деталей в комплексе *pars pro toto*². Окончательный вывод можно сделать лишь тогда, когда подобные кольца встретятся в полном наборе. Также окончательно не ясна и дата клада. Позднейшие его составляющие относятся ко времени, близкому к концу VIII в. до н.э. Безусловно только то, что перед нами один из наиболее поздних черногоровских комплексов. Таким образом, сам по себе этот клад не дает серьезных оснований относить появление колесничной упряжи к концу IX в. до н.э.

Комплекс у с.Пуркары. Обнаружен в поле к.1 у с.Пуркары в Правобережье Нижнего течения р.Днестр. Комплекс состоял из предметов конской упряжи и наконечника копья (Яровой Е.В., Бруяко И.В., 2000, с.158, рис.1, 1–19). В его состав входили железные цельнокованные однокольчатые удила (судя по имеющимся фрагментам – четыре комплекта) (рис.2,11–13).

Четыре пары железных псаляев, входящие в этот комплекс, представляли собой реплики трехплетчатых пластинчатых псаляев (типа ПА нашей типологической схемы или типа Фарс 2–35 по классификации предскифских псаляев С.Б.Вальчака) (рис.2,2–9) (Эрлих В.Р., 1991, с.49, рис.2; Вальчак С.Б., 1997а, с.92,93).

Кроме того, в комплекс входили железные кольца с подвижными привесками 1-го типа (см. Эрлих В.Р., 1994, с.46; 1997, с.21) (рис.2,1,10). Они по форме практически ничем не отличались от бронзовых, встреченных в к.46 могильника «Клады», в разрушенном погребении 1930 г. из Кубанского могильника, а также в Развальском кладе, если не считать относительно малый диаметр самих колец. Мы можем привести одну аналогию – кольцо этого типа небольшого диаметра – было найдено в урочище Клинь-Яр на окраине Кисловодска (Дударев С.Л., 1979, с.275, рис.1).

² Об этом см. подробнее в работе С.Б.Вальчака (1997).

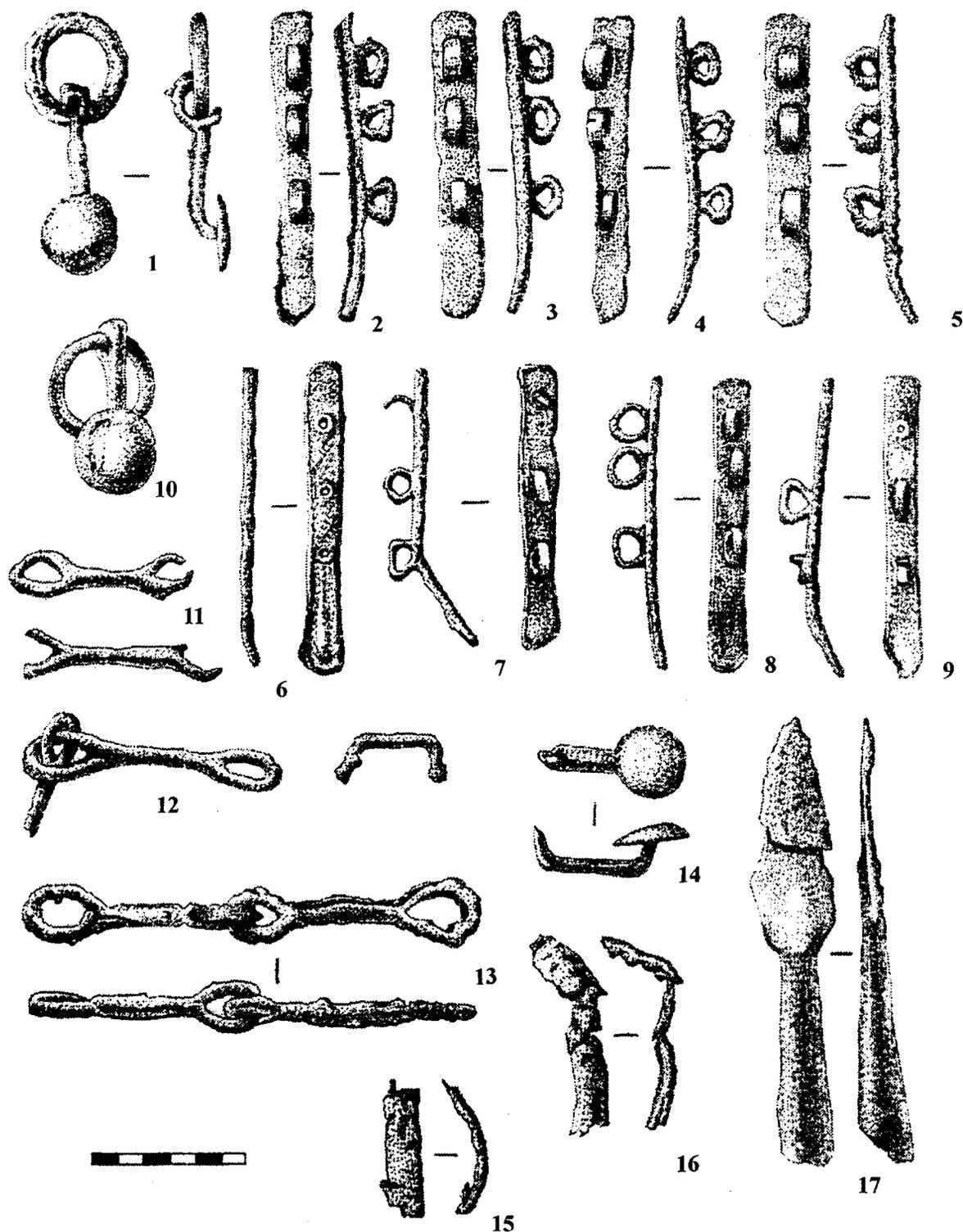

Рис. 2. Комплекс из к.1 у с.Пуркары (по: Яровой Е.В., Бруяко И.В., 2000). Железо

В состав этого комплекса также входили две фрагментированные железные сдвоенные бляхи (рис.1,14,14а), находящие аналогии в таких комплексах, как «Шишский клад», Аксайский клад, Ольшана, Каменка Днепроовская и ряде

других. Таким образом, здесь обнаружен полный комплект колесничной упряжи, предназначенной для запряжки четверки коней. Авторы публикации отметили два обстоятельства характеризующие «уникальность» пуркарского

комплекса. Это то, что здесь использованы кованые железные однокольчатые удила и реплики железных псалиев, хронологически предшествующих «классическим» новочеркасским. Признавая, безусловно, производство пуркарского комплекса местным мастером по кавказским образцам (Яровой Е.В., Бруяко И.В., 2000, с.166), авторы предлагают на его основании понизить дату появления колесничных наборов (до первой половины VIII в. до н.э.?) (Там же, с.168). Причем они же замечают, что массовый переход к железному веку в сопредельном Карпато-Дунайском регионе происходит на столет позже³. В то же время авторы, полагают, что появление колесничных комплексов на юге Восточной Европы следует считать «прямым плагиатом», источником которого «как будто бы» могут служить страны Древнего Востока (Яровой Е.В., Бруяко И.В., 2000, с.167).

Подведем некоторые итоги. Комплекс Пуркары позиционируется между двух зон влияний – северокавказского и средневропейского (раннегальштадского). В то же время однокольчатые удила не уникальны в этом регионе. Известны четыре пары бронзовых удил из погребения в Слободзее (о которых речь пойдет ниже), из поселения Сахарна, а также удила из кургана у с.Меревинцы. Существует точка зрения, что их источником послужили бронзовые прототипы, известные на Северном Кавказе (Яровой Е.В. и др., 2002, с.312–314). Однако железные однокольчатые удила собственно в Предкавказье появляются не раньше первой половины VII в до н.э., причем раньше появляются петельчатые (п.3 могильника Шесхарис), а чуть позже и железные с пробитым отверстием в раскованных концах – Келермесские курганы (Дмитриев А.В., 1973, рис.85; Галанина Л.К., 1997, табл.19,140;24,397,399,400). И те и другие

³ При этом авторы пользуются абсолютными датами, используемыми Я.Хохоровским, заметим, что сейчас появилась «мода» на более низкие даты начала периода НаС. Кроме того, пространные рассуждения по поводу наступления железного века в прим.14, на с.166 отдают дилетантизмом. Авторы путают, например, цементацию (карбонизацию) – науглероживание железа (получение стали) и термическую обработку стали – закалку, что есть далеко не одни и те же технологические операции, появляющиеся в странах Средиземноморья в разное время (см., например: The Coming of the Age of Iron, 1980; Терехова Н.Н. и др., 1997; Терехова Н.Н., Эрлих В.Р., 2002).

не похожи на удила из Пуркар и Сахарны. У первых смещено кольцо относительно оси стержней, у вторых стержни раскованы, и в них пробито отверстие. К сожалению, авторы ничего не написали о техникековки пуркарских удил. Однако создается впечатление, что они откованы очень тщательно из железного прута, так, что центральная часть кольца находилась на одной оси со стержнями, и также тщательно заварены.

Таким образом – напрашивается вывод, что в данном регионе действительно существовала своя традиция производства однокольчатых удил (бронзовых и железных), которая, возможно, имела кавказские прототипы. Однако не вполне ясно, когда она возникла и какую традицию железоделательного производства имела в своей основе.

Чрезвычайно интересны псалии, найденные в этом комплексе. Центром распространения бронзовых псалиев этого типа являются памятники предгорного варианта протомеотской группы. Они почти не встречаются в степных протомеотских памятниках (Вальчак С.Б., 1997, с.92,93, рис.6; Эрлих В.Р., 2002, с.30)⁴. Трижды эти псалии встречены в районе Кавминвод: в погребениях 15 и 34 могильника у Кисловодской мебельной фабрики (Виноградов В.Б. и др., 1980, рис.2,10,11;4,15,19; Козенкова В.И., 1995, табл.ХХУП,15), в гробнице 3 могильника Терезе (Вальчак С.Б., 1997а, рис.7,8). Находка подобного бронзового псалия известна в Лесостепи (Пищальники) (Тереножкин А.И., 1976, с.75, рис.41,7). В Средней Европе один экземпляр такого псалия имеется в фондах Национального музея в Будапеште. Его пластина украшена рельефным изображением ромба, вписанного в круг – «соляного знака» (тип Майкоп, по Я.Хохоровскому) (Gallus S., Horvath T., 1939, P1.XLI,5,6; Chochorowski J., 1993, s.64, rys.2,16). Если брать комплексные находки, то действительно все 5 пар этих псалиев встречены в комплексах могильника Фарс, относящихся к ранней хронологической группе (Лесков А.М., Эрлих В.Р., 1999, с.67,68). Гробницу 3 могильника Терезе В.И.Козенкова помещает близко к окончанию VIII в до н.э. (1996, с.93, табл.2). Действительно по своему составу она содержит как узду ранней хронологической группы, так и

⁴ Лишь совсем недавно появилась информация о находках этого типа псалиев в п.130 могильника Шиши (Сазонов А.А., 2002, с.13).

более поздние признаки – удила с подвижноскрепленными псалиями (Козенкова В.И., 1989, с.186, рис.13). Более поздним признаком обладает и псалий из Средней Европы – на его обороте имеется – «солярный значок» – ромб, который отсутствует у кавказских псалиев этого типа, и который, судя по северокавказским аналогиям этому орнаменту, не может указывать на большую древность этой уздечной детали (см.: Эрлих В.Р., 1994, с.80,81). Таким образом, совсем не обязательно искать прототипы этим псалиям именно в комплексах рубежа IX–VIII в. до н.э. Мы также можем допустить, что и сама форма этих псалиев была попыткой воспроизвести лопастной псалий в железе. Как указывают авторы публикации, технология их производства была такой – кузнец в изогнутой узкой пластине пробивал отверстия, куда вставлял петли, и расклепывал их с обратной стороны. Имел ли он в это время в качестве образца именно псалии типа ПА или нет – вопрос остается открытым. Авторы достаточно бегло осветили аналогии железному наконечнику копья из этого комплекса. Однако, еще А.И.Тереножкин (1976, с.142) отмечал чрезвычайную редкость этого вида вооружения в степных и лесостепных комплексах предскифского времени, не имеющего в этом регионе прототипов. О.Р.Дубовская (1997, с.183,184) так же как и мы, считает железные наконечники копий импортами в выделяемых ею, предшествующих раннескифским «позднечерногорских» степных комплексах (1997, с.183,184).

Отметим, что железные наконечники копий, встреченные в степи и лесостепи предскифского времени пока найдены исключительно в сочетании с артефактами, характеризующими «классический» новочеркасский или «жаботинский» период (Эрлих В.Р., 1994, с.75–77). Это такие комплексы, как Аксайский клад, Каменка Днепровская, Барановка I в Поволжье, Бутенки, Квитки, Ольшаны, Носачево и Ендже (Мелентьев А.Н., 1967, с.38; Эрлих В.Р., 1997, с.22, рис.3,1; Сергацков И.В., 1991, с.242, рис.2,22; Ковпаненко Г.Т., 1962, рис.2,3,4; Ковпаненко Г.Т., Гупало Н.Д., 1984, с.49, рис.9,1,2; Скорый С.А., 1999, с.119, рис.1).

Кроме того, появление «уникального» комплекса из железа на сто лет раньше наступления «развитого» железного века выглядит тоже как-то странно и требует более детального объяснения. Отметим, что железодельная тра-

диция никогда не возникает на голом месте. Большая серия предметов (14) из Пуркар, изготовлена мастером, хорошо владеющим такой операцией, как кузнечная сварка, использующим обжимники для изготовления бляшек и т.д.⁵ В черногорской степи количество железных изделий минимально, кроме того, это, прежде всего, орудия труда – ножи. Авторы справедливо, отметили и отсутствие развитой традиции изготовления железной узды в это время в Средней Европе (Яровой Е.В., Бруяко И.В., 2000, с.166). В горизонте Козия-Сахарна, с которым связывают авторы публикации комплекс из Пуркар, железных предметов очень немного, это фибулы, ножи – т.е. те изделия, которые появляются в период экспериментирования с новым материалом (Кашуба М.Т., 2000, с.319, рис.ХХVII,46,49; с.324, рис.ХХХ,16–22). Известны и железные удила в слое поселения Сахарна-Маре (Кашуба М.Т., 2000, с.325, рис.ХХХ,15). Однако все это характеризует лишь переход к железному веку.

Пока не найдены железные удила для ранней хронологической группы и на Северном Кавказе, где выделяются две традиции перехода к раннему железному веку: более развитая – переднеазиатско-закавказская и более примитивная – степная (Терехова Н.Н., Эрлих В.Р., 2002). Таким образом, задавшись простым вопросом, откуда мог взяться мастер, изготовивший такой большой набор железных вещей, становится очевидным, что этот комплекс отрывать немного от наступления развитого железного века (т.е. от раннескифского горизонта) – нельзя.

Из всего этого следует, что хронологического выпадения Пуркарского комплекса из общего ряда комплексов с упряжью колесниц вне Северного Кавказа, на наш взгляд, не наблюдается. Более того, поскольку он целиком изготовлен из железа, мы не исключаем возможности, что это один из наиболее поздних наборов упряжи колесниц своеобразное «переживание» новочеркасской традиции, подобно тому, как на Северном Кавказе встречаются железные двухкольчатые удила в таких комплексах, как к.41 могильника Клады, Келермесские курганы 2/В и 24, к.20 Нартан (Лесков А.М., Эрлих В.Р., 1999, с.131, рис.39,7; Галанина Л.К., 1997, табл.17, № 298а; табл.25, рис.346; Батчаев В.И., 1985, табл.48,16).

⁵ К сожалению, не сделан металлографический анализ этого уникального комплекса.

Последним среди колесничных наборов из Приднестровья рассмотрим комплекс из *к.3* у *пгт.Слободзея*. Он обнаружен в 20 км от Пуркар, но уже на правом берегу Днестра. Набор упряжи, состоящий из четырех уздечных комплектов, находился в юго-западном углу могильной ямы, у правого плеча погребенного, лежащего в вытянутом положении на спине, головой на запад. По обрядовым признакам погребение можно сопоставить с «позднерногорскими» (по О.Р.Дубовской) или новочеркасскими памятниками⁶.

Уздечные наборы в этом комплексе выглядят достаточно архаично. Прежде всего, это бронзовые однокольчатые удила и роговые псалии «черногорского» типа (рис.3,4–15). Вроде бы этому не противоречит и меч (рис.3,29), параллели которому есть в п.169 Брно-Обжаны, которое датируют в пределах конца IX – начала VIII в до н.э. (Stegmann-Rajtar S., 1986, S.42; Chochorowski J., 1993, s.187; Pare C., 1998, S.338). Однако, в комплексе из Слободзеи присутствуют и более поздние вещи, относящиеся уже к периоду HaC. Это застежки-обоймы, которые получают широкое распространение в это время среди уздечных принадлежностей гальштатских повозок (рис.3,24–26). Полную сводку этих деталей сделал К.Пеа (Pare C.F.E., 1992, p.139–141,144, fig.100,10a,10b;101c). Кстати, эти многочисленные параллели были приведены авторами публикации комплекса, однако в расчет не приняты (Яровой Е.В. и др., 2002, с.318). Приведенные же кавказские и закавказские аналогии – более далекие хотя бы потому, что они имеют несколько другую форму и боковой канал для шпенька (Лесков А.М., Эрлих В.Р., 1999, с.109, рис.17,6; с.156, рис.64,18,19). Безусловно, на позднюю дату комплекса указывает пара трехпрорезных цилиндрических пронизей (рис.3,16,17), аналогии которым встречены в кургане Уашхиту, Комлед (Дюнакомлед) в Средней Европе, в Квитках (вместе с бубенцами) (Эрлих В.Р., 1994, табл.5,37,38; Chochorowski J., 1993, с.101, рис.8,5; Ковпаненко Г.Т., Гупало Н.Д., 1984, рис.6,2,3). Отметим, что пронизи этого типа продолжают употребляться и в раннескифское время. В.Г.Петренко цилиндрические трехпрорезные пронизи из I Краснозна-

менского кургана достаточно определенно относят к упряжи повозок (1984, с.47). Такие же пронизи мы находим в Нартановских 20 и 21 курганах (Батчаев В.С., 1985, табл.48,18,51,26). Встречены они и в Закубанье во 2 Келермеском кургане, раскопанном Н.И.Веселовским, среди упряжи коня 13 (Галанина Л.К., 1997, табл.ХIII, №№ 285,286). Эти пронизи имеют бляшки, украшенные солярным значком. Цилиндрические трехпрорезные пронизи, найденные в Келермесе, Нартане и I Краснознаменском кургане, относятся к одному хронологическому пласту, который можно датировать серединой – третьей четвертью VII в. до н.э., в комплексах более позднего времени эти детали нам не известны. Интересно, что по своим более вытянутым пропорциям слободзейские пронизи даже ближе к раннескифским экземплярам, чем к предскифским.

Именно эти пронизи⁷ авторами публикации приведены в качестве доказательства того, что в комплексе действительно присутствует упряжь колесниц.

Таким образом, Слободзейский комплекс показывает, что корреляция упряжи колесницы непременно с «классической» новочеркасской уздой является не такой жесткой, как мы предполагали. Интересно, что именно в Приднестровье находится самый западный пункт, где встречаются двухкольчатые «новочеркасские» удила – Шолданешты. «Классические» новочеркасские псалии здесь и западнее не встречаются.

Появление уздечного набора, символизирующего колесничный (в этом авторы, скорее всего, правы) типа Слободзейского, можно объяснить синкретичностью инвентаря этого аристократического комплекса, в котором сосуществуют как северокавказские, так и средневропейские, а также степные по своему происхождению вещи. Однако это ни в коей мере не влияет на его дату, которую корректно определить по позднейшим вещам – средневропейским застежкам времени

⁶ Отметим, что авторы публикации так и не пришли к единому мнению о культурной интерпретации этого комплекса.

⁷ Именно трехпрорезные цилиндрические пронизи, а не пронизи-обоймы для перекрестных ремней, я считаю индикаторами колесничной упряжи (Эрлих В.Р., 1994, с.48, табл.9,11–16). В связи с чем удивляет непонимание этого в публикации комплекса из Пуркар (Яровой Е.В., Бруяко И.В., 2000, с.161,168) и понимание при публикации слободзейского комплекса (Яровой Е.В. и др., 2002, с.314), хотя и тут и там участвовал один и тот же соавтор.

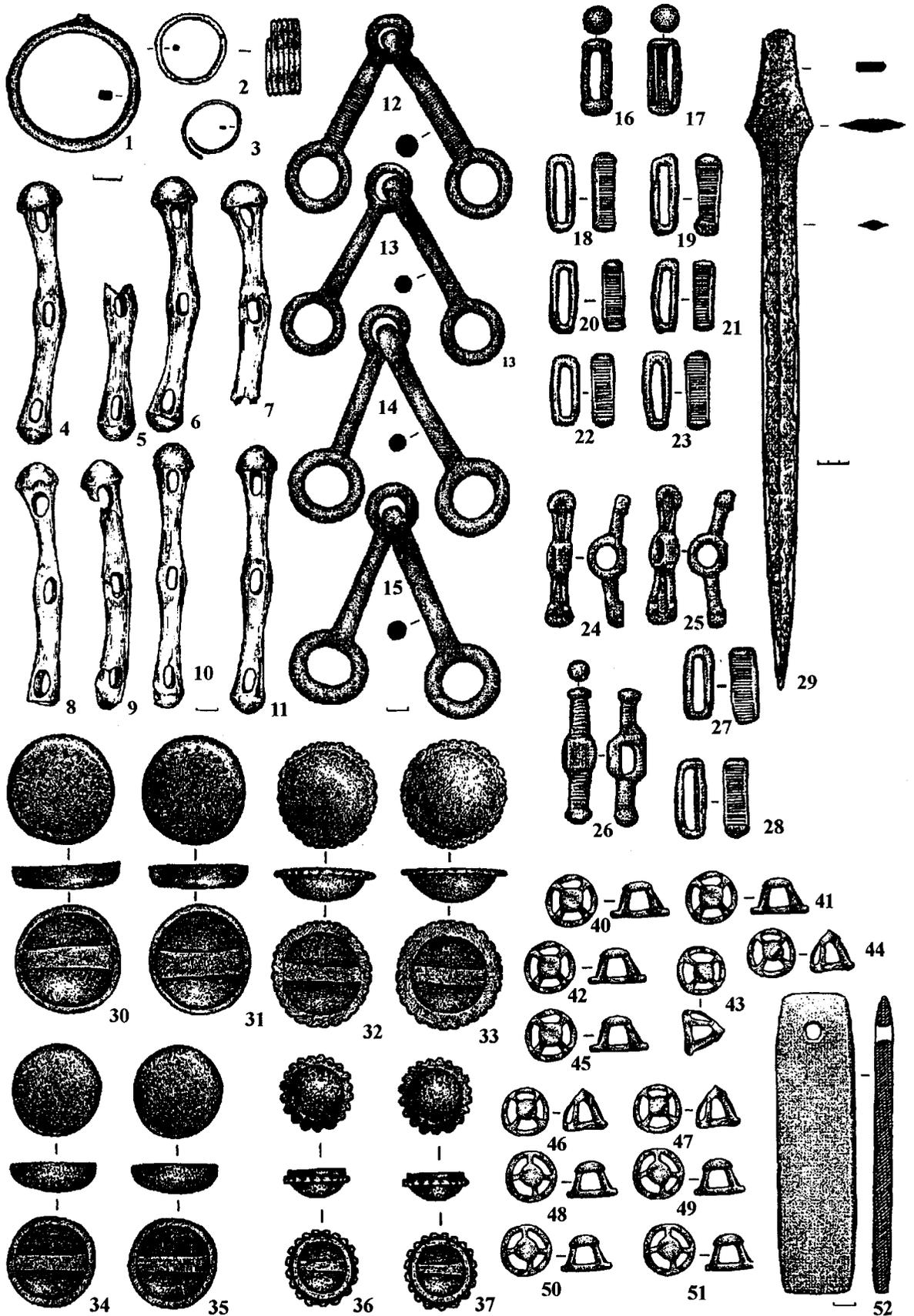

Рис. 3. Комплекс погребения из к.3 у пгт.Слободзея (по: Яровой Е.В. и др., 2002). 4-11 – рог; 29 – железо; 52 – камень; остальное – бронза

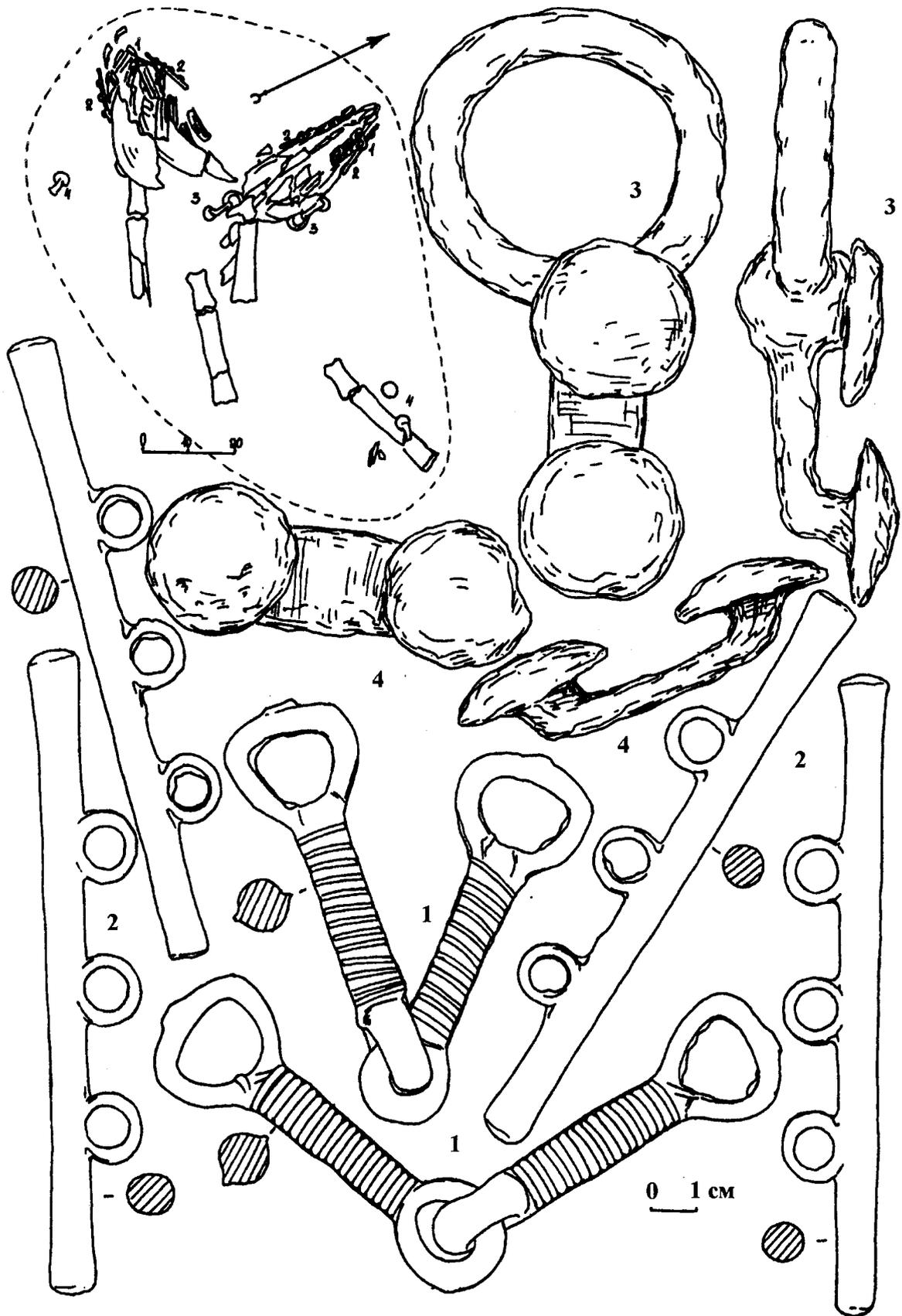

Рис. 4. Могильник Пшиш-I, п.89 (по: Сазонов А.А., 2000). 1,2 – бронза; 3,4 – железо

НаС и цилиндрическим трехпрорезным пронырем. На наш взгляд, дата этого комплекса близка к рубежу VIII–VII вв. до н.э.

То, что корреляция колесничных деталей с «классической» новочеркасской и более поздней «жаботинской» уздой может быть не столь жесткая, как это казалось раньше, продемонстрировали и три новых погребения на могильнике Пшиш-I.

Погребение 89 представляло собой ритуальное захоронение двух конских черепов с костями конечностей коня. Сюда входили следующие уздечные принадлежности.

Пара треугольноконечных удил с ложновитым рифлением (рис.4,1), которые сопровождалась прямыми псалиями типа I-A нашей классификационной схемы (рис.4,2).

Пара железных (*sic!!!*) колец с подвижными привесками, имеющими две бляшки (рис.4,3).

Пара железных же сдвоенных бляшек (рис.4,4) (Сазонов А.А., 2000, с.65, рис.9).

В **погребении 105** могильника Пшиш-I было обнаружено три конских черепа с конечностями («чучела» коней, по выражению А.А.Сазонова). Их сопровождали две пары треугольноконечных удил с ложновитым рифлением (рис.5,4,3) и одна пара двухкольчатых удил с рифлением в виде двух рядов квадратиков (рис.5,1). Треугольноконечные удила были без псалиев, а двухкольчатые сопровождали новочеркасские «предклассические» удила редкой формы – стержневидные с лопастью, но без округлой шляпки (рис.5,2). Здесь же была встречена пара железных колец с привесками первого типа (рис.5,6), таких как в Пуркарах. В состав уздечного комплекса также входили железные бляхи ремней оголовья с петлей на обороте (рис.5,5) (Сазонов А.А., 2000, с.66, рис.10).

Третий, неопубликованный, комплекс п.130 нам известен по отчету А.А.Сазонова 2002 г. (Сазонов А.А., 2002, с.12,13, табл.20,21). Вкратце приведем его состав. Здесь вместе с черепом и костями ног одной лошади обнаружен уздечный комплект, состоящий из треугольноконечных удил с ложновитой обмоткой, встреченных в сопровождении псалиев типа ПА, не характерных для степных памятников протомеотской группы. Кроме этого, здесь же найдены три крупные бронзовые уздечные бляхи и колесничные кольца без привесок, аналогичные встреченным в неполных комплексах с уздой из Баксана и Герпегежа (Батчаев В.И., 1985, табл.5,12,7,13; Эрлих В.Р., 1994, табл.9,6,7).

Таким образом, с того же участка могильника Пшиш-I, где обнаружен «Пшишский клад» (см.: Сазонов А.А., 2000, с.49,50), который мы отнесли вместе с комплексом к.46 могильника Клады к наиболее раннему пласту комплектов колесничной упряжи (Эрлих В.Р., 1994, с.88,89), сейчас происходят, по крайней мере, три погребения, в которых присутствуют детали упряжи колесниц, встреченные с уздой раннего «предновочеркасского» облика. Парадоксально, но часть деталей в них – железные. Это ставит вопрос, на который пока трудно найти ответ: почему железные колесничные детали предшествуют бронзовым. Заметим, что из позднейшего комплекса с колесничным набором из к.1 у пос.Хаджох, где имеются псалии варианта «жаботин» типа Уашхиту-Жаботин, а также предметы, выполненные в зверином стиле, происходят точно такие кольца с подвижными привесками, как в п.89 могильника Пшиш, но – бронзовые (Сазонов А.А., 2000, с.64, рис.8).

Мы можем пока лишь только высказать предположение, что именно в этом регионе – степных памятников протомеотской группы – и появляются впервые детали колесничной упряжи, в то время как в предгорных памятниках формируется «классический» новочеркасский набор, состоящий из двухкольчатых удил с рифлением в виде квадратиков и стержневидных лопастных псалиев (см.: Эрлих В.Р., 2002а, с.43).

Второй вопрос, который встает неизбежно: когда и под влиянием какой культуры появляется традиция колесниц в Северо-Западном Предкавказье?

Если в работе Е.В.Ярового и И.В.Бруяко (2000) вроде бы признается заимствование этой традиции из стран Ближнего Востока, но не в связи с киммерийско-скифскими походами, а на столетие раньше⁸, то С.В.Махортых⁹ считает, что в основе этой традиции лежат среднеевропейские (трансильванские) клады периода НаВ1 типа Загон, где имеются многозвенные детали с привесками (Русу М., 1960, рис.1,20; Яровой Е.В. и др., 2002, с.315).

Однако для этого периода в Средней Европе уже неизвестны собственно сами погребения в

⁸ Однако механизм и пути этого заимствования авторами никак не объяснены.

⁹ По-видимому, этот раздел монографии написан С.В.Махортых.

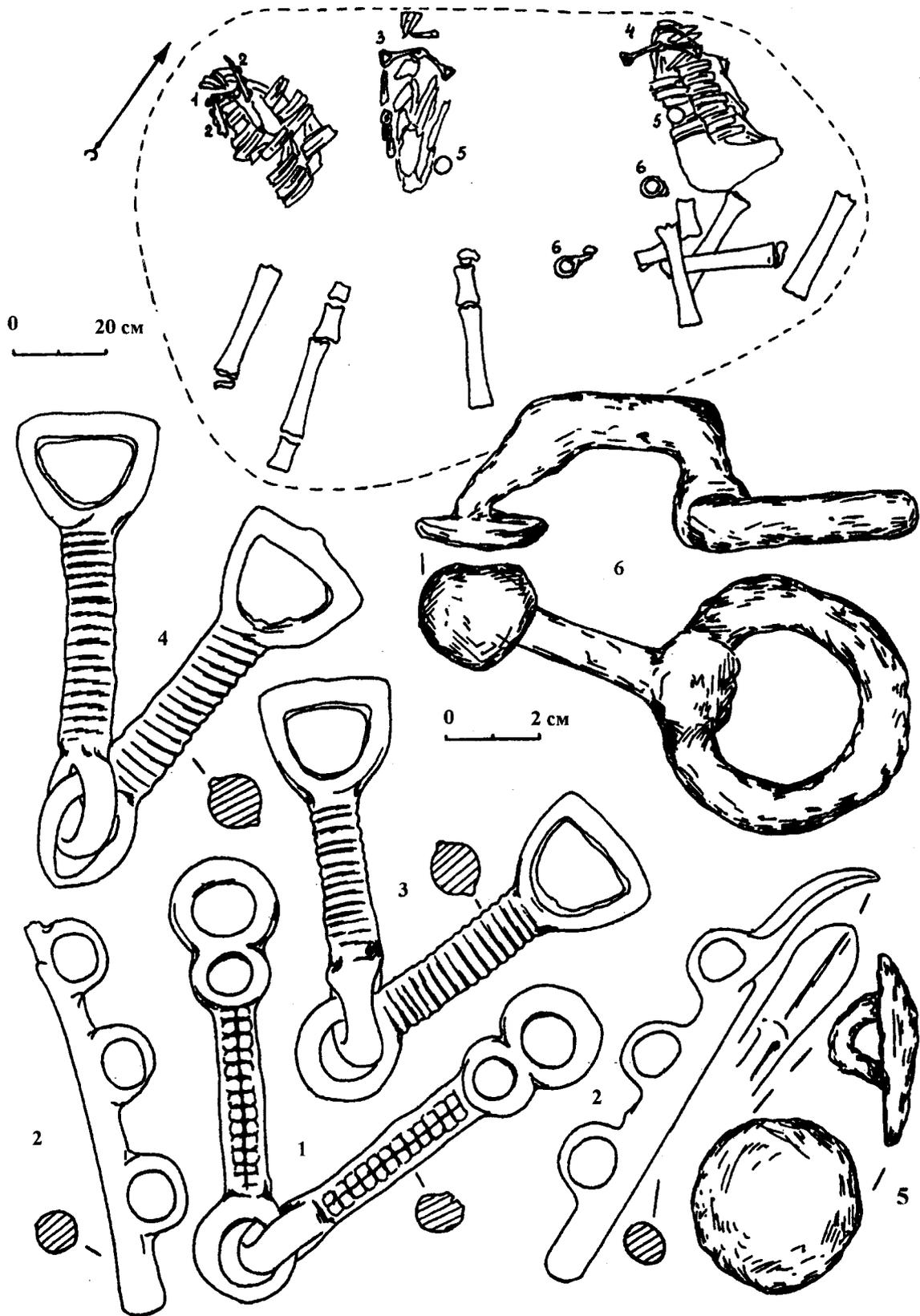

Рис. 5. Могильник Пшиш-І, п.105 (по: Сазонов А.А., 2000). 1-4 – бронза; 5,6 – железо

церемониальных четырехколесных повозках. Как считает К.Пеа, сделавший свод средневропейского колесного транспорта, эта традиция прерывается, по крайней мере, на 300 лет и возобновляется лишь в период HaC, причем на периферии средневропейского региона – в Этрурии и в области культуры Вилланова, где под ближневосточным влиянием, скорее всего, могли использоваться двухколесные колесницы (Page S., 1992, p.192).

Тем не менее, авторы публикации комплекса из Слободзеи признают, что переднеазиатские походы «послужили своеобразным катализатором» распространения колесниц (*sic!!! а не церемониальных повозок – В.Э.*) на Юге Восточной Европы» (Яровой Е.В. и др., с.315).

Недавно также появилась не подкрепленная никакими серьезными аргументами и точка зрения А.И.Иванчика, считающего, что эта традиция на юге Восточной Европы не прерывалась с эпохи средней бронзы (2001, с.262).

Таким образом, на новом уровне наших знаний можно констатировать, что безусловной, жесткой корреляции упряжи колесниц с комплексами исключительно «новочеркасского» и «жаботинского» пласта уже не существует.

Встреча их с уздой более ранней хронологической группы («предновочеркасской»), по крайней мере, в трех погребениях могильника Шиши-1, очевидно, может иллюстрировать место формирования этой упряжи в Закубанье – в степных памятниках протометской группы. В более ранний период этот локальный вариант характеризовался контактами со Средней Европой и Степью и являлся, по нашему мнению, центром производства металлических псалиев «степных» дырчатых форм (Эрлих В.Р., 2002, с.30–36). В тоже время ранние памятники

предгорного варианта протомеотской группы демонстрировали связь с Закавказьем, в частности с Бзыбской Абхазией, где колесницы, однако, пока не известны, и куда в это время не простиралось влияние Урарту (Лесков А.М., Эрлих В.Р., 1999, с.76,156, рис.64; Эрлих В.Р., 2002а, с.43). Таким образом, в зонах, с населением которых контактировали носители протомеотской группы памятников, в предшествующий период колесницы известны не были.

Среди немногочисленных наиболее ранних протомеотских погребений с упряжью колесниц пока нет каких-либо других свидетельств контактов со странами Ближнего Востока. Однако заметим, что и формирование «классического» новочеркасского комплекса произошло лишь в результате этих ранних походов, и эти комплексы сами по себе могут демонстрировать древнейшие знания местного населения о колесницах в Передней Азии. Может быть этим объясняется и то, что и выполнены они были из железа. Но отметим также, что это только очередное допущение.

Как бы то ни было, но факт, что архаичные по своему контексту протомеотские комплексы с колесничной упряжью содержат детали, выполненные из железа, а наиболее поздние (но однотипные), сделанные из бронзы, – сам по себе парадоксален.

В заключение заметим, что новый материал пока не дает однозначного ответа об истоках традиции предскифских колесниц и в то же время и не опровергает нашу прежнюю версию (военные контакты населения Северного Кавказа со странами Древнего Востока). Остается лишь ожидать открытия новых бесспорных комплексов, способствующих решению этой проблемы.

Литература

Батчаев В.И., 1985. Древности предскифского и раннескифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Вып.2. Нальчик.

Вальчак С.Б., 1997. Предскифские колесницы и «новочеркасские клады» (некоторые дополнения к проблеме) // Памятники предскифского и скифского периода на юге Восточной Европы. МИАР. Вып.1. М.

Вальчак С.Б., 1997а. Предскифская узда Восточной Европы: уздечные комплекты с

трехплетчатými псалиями (классификация и хронология) // Древности Евразии. М.

Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Рунич А.П., 1980. Киммерийско-кавказские связи // Скифия и Кавказ. Киев.

Галанина Л.К., 1997. Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи. М.

Дмитриев А.В., 1973. Отчет об археологических разведках в районе г.Новороссийска и в Крымском районе Краснодарского края // Архив ИА РАН. Р-1. № 10757а,б.

Дубовская О.Р., 1997. Об этнокультурной атрибуции «новочеркасских» погребений Северного Причерноморья // Археологический альманах. № 6. Донецк.

Дударев С.Л., 1979. Деталь конской сбруи из окрестностей Кисловодска // СА. № 4.

Иванчик А.И., 2001. Киммерийцы и скифы. М.

Кашуба М.Т., 2002. Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом (культура Козия-Сахарна) // Stratum plus. 3.

Ковпаненко Г.Т., 1962. Погребение VIII–VII вв. до н.э. в бассейне р. Ворсклы // КСИА АН УССР. № 12.

Ковпаненко Г.Т., Гупало Н.Д., 1984. Погребение воина у с. Квитки на Поросье // Вооружение скифов и сарматов. Киев.

Козенкова В.И., 1989. Кобанская культура. Западный вариант // САИ. Вып. В2-5. М.

Козенкова В.И., 1995. Оружие и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант // САИ. Вып. В2-5. М.

Козенкова В.И., 1996. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и раннем железном веке. М.

Коробов Д.С., 2002. Работы в Кисловодской котловине // АО–2001.

Лесков А.М., Эрлих В.Р., 1999. Могильник Фарс/Клады. Памятник перехода от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку на Северо-Западном Кавказе. М.

Махортых С.В., 1996. Рец. на кн.: J. Chochorowski. Ekspansja kimmeryjska na tereny Europy Srodkowej. Krakow // РА. № 1.

Махортых С.В., Фоменко В.А., 1994. Развальский клад // Древности скифов. Киев.

Мелентьев А.Н., 1967. Некоторые детали конской упряжи киммерийского времени (Аксайский клад) // КСИА. Вып. 112.

Петренко В.Г., 1984. Конская упряжь у скифских племен Ставрополя в VII–VI вв. до н.э. // XIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Майкоп.

Русу М., 1960. «Докиммерийские» детали конской сбруи из Трансильвании // Dacia. IV.

Сазонов А.А., 1995. Ранняя группа конских захоронений протомеотского могильника Пшиш I // Археология Адыгеи. Майкоп.

Сазонов А.А., 2000. Хаджохские курганы – некрополь древнемеотских вождей // Информационно-аналитический вестник. Майкоп.

Сазонов А.А., 2002. Отчет о работах Пшишского отряда археологической экспедиции Адыгейского Республиканского института гуманитарных исследований в Теучежском районе республики Адыгея в 1996 г. Майкоп, 2002 // Архив ИА РАН. Фонд Р-1.

Сергацков И.В., 1991. Погребение предскифского времени на Иловле // СА. № 2.

Скорый С.А., 1999. Киммерийцы в Украинской лесостепи. Киев.

Смірнова Г.І., Войнаровский В.М., 1994. Мощанецкий скарб бронз киммерийського типу з Середнього Подністров'я // Археологія. № 1.

Тереножкин А.И., 1976. Киммерийцы. Киев.

Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Завьялов В.И., Толмачева М.М., 1997. Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М.

Терехова Н.Н., Эрлих В.Р., 2002. К проблеме перехода к раннежелезному веку на Северном Кавказе. Две культурно-исторические традиции // Материальная культура Востока. Вып. 3. М.

Тихонов В.В., 2000. Новый комплекс киммерийского времени из Саратовской области // Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения И.В. Сеницына. Саратов.

Хачатурова Е.А., Вальчак С.Б., Пьянков А.В., Эрлих В.Р., 2002. Новый комплекс предскифского времени из Западного Закубанья // Третья кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов. Краснодар–Анапа.

Эрлих В.Р., 1990. К проблеме происхождения птицеголовых скипетров предскифского времени // СА. № 1.

Эрлих В.Р., 1991. Бронзовые уздечные наборы и проблема хронологии предскифского и раннескифского времени Закубанья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М.

Эрлих В.Р., 1994. У истоков раннескифского комплекса. М.

Эрлих В.Р., 1997. К проблеме связей Предкавказья и Средней Европы в новочеркасский период // МИАР. Вып. 1. М.

Эрлих В.Р., 2002. Переход от бронзового к железному веку на Северо-Западном Кавказе. Часть I // РА. № 3.

Эрлих В.Р., 2002а. Переход от бронзового к железному веку на Северо-Западном Кавказе. Часть II // РА. № 4.

Яровой Е.В., Бруяко И.В., 2002. Комплекс предскифского времени у с. Пуркары в Нижнем

Поднестровье (к вопросу о киммерийских колесницах в Восточной Европе) // *Stratum plus*. 3.

Яровой Е.В., Кашуба М.Т., Махортых С.А., 2002. Киммерийский курган у пгт.Слободзея // Северное Причерноморье: от энеолита к античности. Тирасполь.

The Coming of the Age of Iron, 1980. New Haven; London.

Chochorowski J., 1993. Ekspansja kimmerska na tereny Europy Srodkowej. Krakow.

Gallus S., Horvath T., 1939. Un peuple cavalier preskythique en Hongrie. Budapest.

Kemenczei T., 1988. Der Pferdegeschirrfund von Fügöd // *Acta Archaeologica Acad. Scien. Hungaricae*. 40. Budapest.

Kemenczei T., 1994. Hungarian Early Iron Age finds and their relations to the Steppes // *The archaeology of the Steppes. Methods and strategies*. Napoli.

Kemenczei T., 1996. Notes on the chronology of Late Bronze Age hoard in Hungary // *Problemy epoki brazu i wczesnej epoki zelaza w Europie Srodkowej*. Kraków.

Kemenczei T., 2000. Zum früheisenzeitlichen Pferdegeschirr in Mitteleuropa // *Acta Archaeologica Acad. Scien. Hungaricae*. 51. Budapest.

Metzner-Nebelsick C., 2002. Der «Thrako-Kimmerische» Formenkreis aus der Sicht der Urnenfelder- und Hallstattzeit im südöstlichen Pannonien. Rahden/Westf.

Moscalu E., Beda C., 1988. Bojoru. Un tumuli cu car-cazan votiv apartinînd culturii Basarabi // *Thraco-Dacica*. Вып.9.

Pare C.F.E., 1992. Wagon and wagon-graves of Early Iron Age in Central Europe. Oxford.

Pare C., 1998. Beiträge zum Übergang von der Bronze- zur Eisenzeit in Mitteleuropa. Teil I: Grunzüge der Chronologie im Östlichen Mitteleuropa (11–8 Jahrhundert v. Chr.) // *Jahrb. RGZM*. 45.

Stegmann-Rajtar S., 1986. Spätbronze- und früheisenzeitliche Fundgruppen des mittleren Donauebietes // *BRGK*. 73.

Vasic R., 1977. The Chronology of the Early Iron Age in Serbia // *BAR, Supplementary Series*. 31. Oxford.

ЧЕРНОГОРОВСКИЕ ДРЕВНОСТИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

С именем Валерия Сергеевича Ольховского связан значительный созидательный вклад в развитие советской и российской археологической науки. Он был и останется в нашей памяти не только как известный ученый, неутомимый организатор и идейный вдохновитель многих научных и издательских начинаний, но как порядочный и достойный уважения Человек. В круг его научных интересов входили многие актуальные проблемы археологии раннего железного века Евразии, в том числе и киммерийская (Ольховский В.С., 2000).

За последние годы на Северном Кавказе был открыт новый археологический материал существенно уточняющий существующие взгляды на важные проблемы истории и культуры киммерийских племен. Однако уровень его аналитического осмысления в значительной степени зависит от привлечения синхронных материалов с сопредельных территорий, и в первую очередь Северного Причерноморья, поскольку исторические судьбы этих регионов в IX–VII вв. до н.э. были теснейшим образом связаны между собой. Особый исследовательский интерес в этой связи представляет территория восточноукраинских степей, которая вместе с близлежащими областями Нижнего Дона играла активную роль в связях с Кавказским регионом.

Основным источником изучения киммерийской эпохи в степной зоне Восточной Европы являются погребальные памятники. Если к моменту завершения своего исследования А.И.Тереножкин располагал более или менее подробными данными о 80 погребальных памятниках, распространенных на обширной территории от Болгарии до Южного Приуралья, то только в Северном Причерноморье сейчас их насчитывается более 200. Накопленные за последние годы данные требуют обобщения и подведения итогов исследований с учетом всех прежних знаний, но на более высоком источниковедческом и методическом уровне.

Проведенное мной картографирование предскифских древностей Северного Причерноморья позволило выделить на этой территории шесть территориальных подгрупп киммерийских па-

мятников: Дунайско-Днестровскую, Южнобугскую, Приднепровскую, Самарско-Орельскую, Крымскую и Восточноукраинскую¹. Деление археологических памятников на подгруппы производилось по географическому принципу – исходя из концентрации памятников в местах их наибольшего распространения, каковыми, к примеру, являются бассейны таких крупных водных артерий, как Днепр, Днестр или же Южный Буг. Несмотря на наличие общих черт, каждой из выделенных локальных подгрупп присущи некоторые особенности устройства погребальных сооружений и ориентировки погребенных, а также сопровождающего инвентаря.

Следует подчеркнуть, что предложенная мной территориальная градация киммерийских памятников Северного Причерноморья в определенной степени условна. Я предлагаю рассматривать ее как инструмент раскрытия локальных особенностей изучаемых памятников и связей между выделяемыми подгруппами. Понимание происхождения, становления и развития обществ, относящихся к кругу киммерийской культуры, возможно только через скрупулезное изучение локальной специфики археологических памятников региона.

Ниже будет рассмотрена одна из территориальных подгрупп черногоровских древностей – Восточноукраинская². На занимаемой

¹ Попытка выделения локальных зон среди предскифских, и в частности скорченных погребений типа Черногоровки, предпринималась также О.Р.Дубовской (1994). Однако, критический анализ критериев предложенного ею деления (на примере, северо-западной локальной зоны) показал их несоответствие имеющимся археологическим реалиям (Махортых С.В., 2002).

² Предскифские погребальные комплексы впервые были выделены в самостоятельную группу памятников черногоровского типа А.И.Тереножкиным (1976). Благодаря работам этого, а также некоторых других исследователей (В.В.Отрошенко, Э.С.Шарафутдинова и др.) достаточно четко определены критерии их отбора.

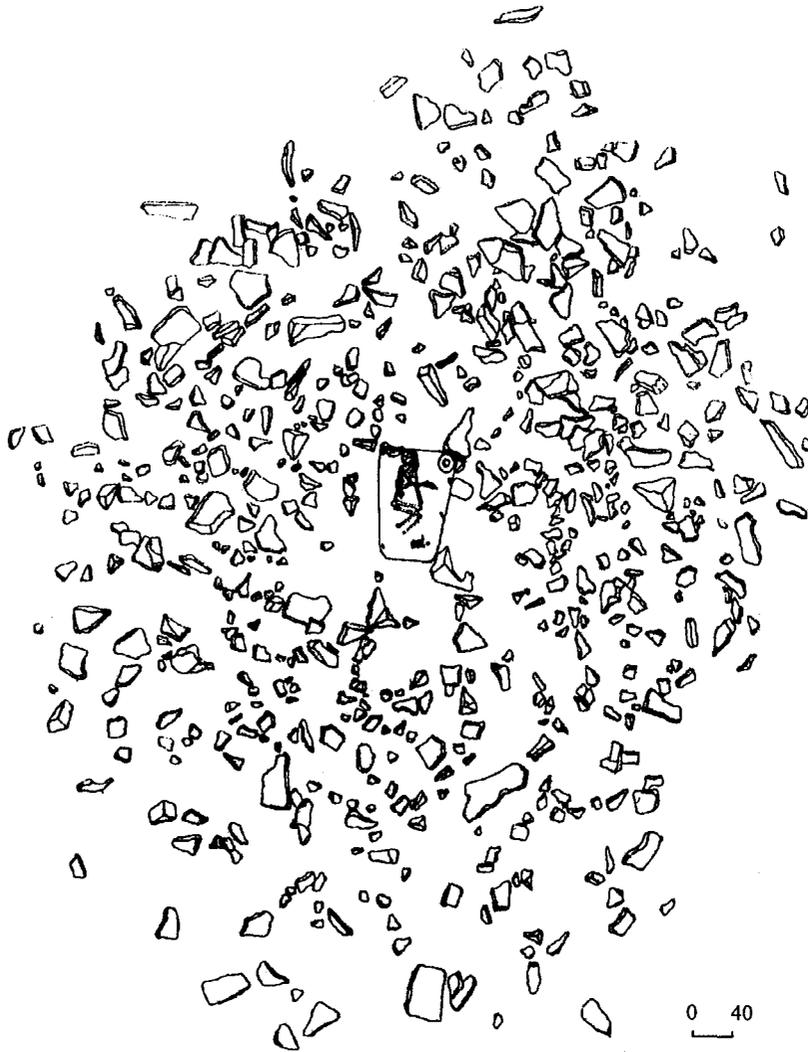

Рис 1. Курган 8 у с.Провалье. Общий план

ею территории черногоровские памятники локализируются в бассейнах р.Северский Донец и его притоков. В бассейне р.Лугань исследованы захоронения Веселая Долина 1\2, Новоалександровка 3\2, Черногоровка 1\2 и 1\3; Говоруха 6\3; Зимогорье 2\5; Кировск 1\3³. На юге Луганщины, в пределах юго-восточной оконечности Донецкого края, известны такие черногоровские памятники, как Астахово III 14\3 и IV, 18\13; Бирюково 8\2; Клунниково 6\1; Провалье 8\1. Несколько черногоровских комплексов выявлено в северном Приазовье неподалеку от побережья Азовского моря (Кременевка 2\4; Приморский 2\5) или же верховьях р.Кальмиус (Высокое 5\1). Изолированно от всех остальных, на северо-востоке Луганской области, располагает-

ся комплекс из с.Заречное 1\11. Помимо этого, имеются данные не менее чем о четырех предскифских комплексах с неизвестным или недостаточно прослеженным ритуалом: Камышеваха, Кременевка 2\3; Луганское; Николаевка 3\3.

Большинство исследованных погребений являются впускными в курганы предшествующих эпох, преимущественно в центральную часть насыпи кургана, реже – в ее западную или северную полы.

Основное погребение открыто в к.8 у с.Провалье под невысокой насыпью из небольших камней (рис.1;2,1) (Писларий И.А., Гладких М.И., 1973). Следует отметить, что в конструкциях археологических памятников всех выявленных в этом районе эпох – от энеолита до средневековья – камень играл ведущую роль. Дело в том, что в районе с.Провалье проходят главные восточные отроги Донецкого

³ Здесь и далее в числителе указан порядковый номер кургана, а в знаменателе – номер погребения.

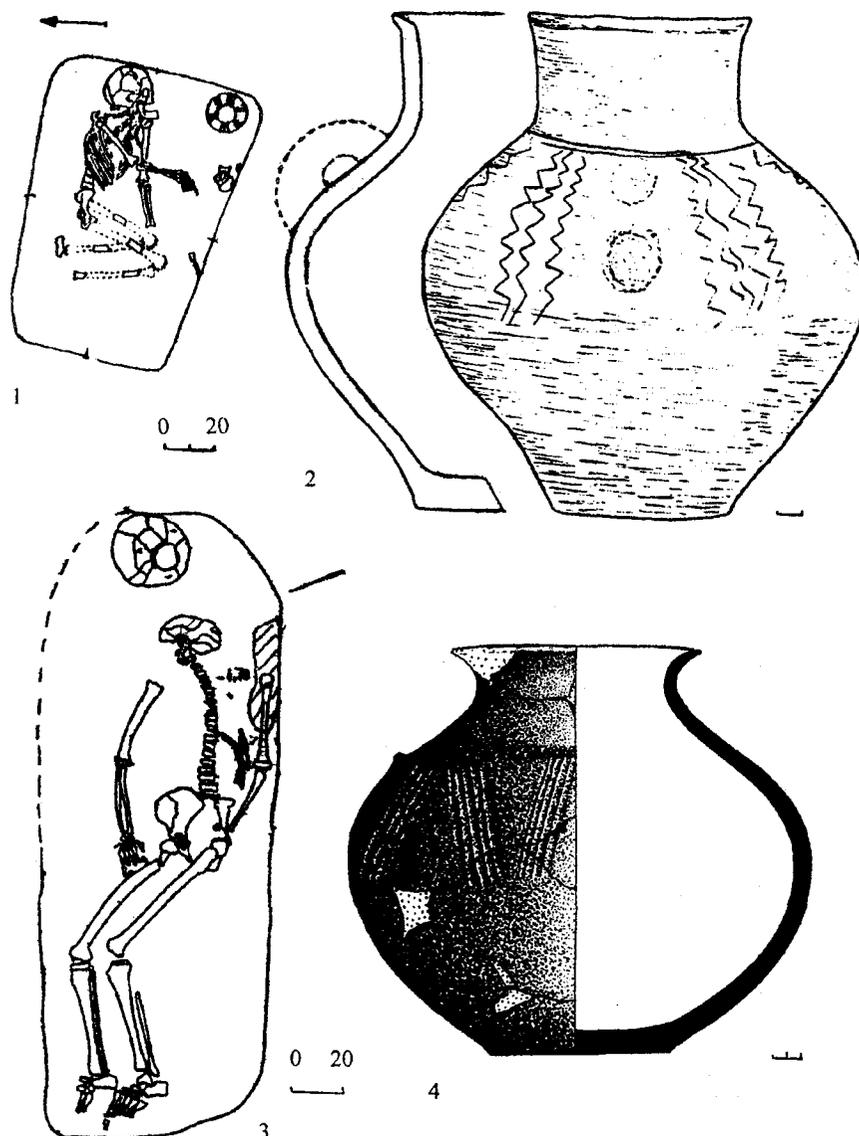

Рис. 2. 1,2 – Провалье, к.8, п.1; 3,4 – Клунниково, к.6, п.1

кряжа, представляющие собой скалистые выходы глинистых сланцев, песчаника и кварцита, протянувшиеся в широтном направлении.

Большая досыпка из камня, перекрывавшая всю насыпь кургана была сделана также над п.2 в к.8 у с.Бирюково. Еще с одним предскифским захоронением (Кировск 1³) связано устройство каменного панциря, который перекрывал насыпь кургана, сооруженного в эпоху бронзы. Приведенные выше данные свидетельствуют о том, что с наступлением киммерийского периода традиции курганного строительства не были утрачены и продолжали свое существование в Северо-Восточном Причерноморье.

Среди черногоровских погребальных сооружений из восточных областей Украины преоб-

ладают грунтовые ямы прямоугольной или трапециевидной формы (Астахово III, 14³; Клунниково 6¹; Провалье 8¹)⁴. Их размеры варьируют от 1,17×0,75 до 2,23×0,87 м. Еще одна грунтовая яма, предположительно овальной формы, выявлена в к.11 у с.Заречное. Ее контуры прослеживались нечетко, так как заполнение ямы, так же как и сама насыпь, состояли из бурого суглинка. Длинной осью могила была ориентирована по линии юго-восток – северо-запад и имела размеры 1,05×0,62 м.

⁴ Тип погребального сооружения не был прослежен в девяти случаях: Астахово IV 18¹3; Бирюково 8²; Веселая Долина 1²; Высокое 5¹; Говоруха 6³; Кремневка 2⁴; Приморский 2⁵; Черногоровка 1² и 1³.

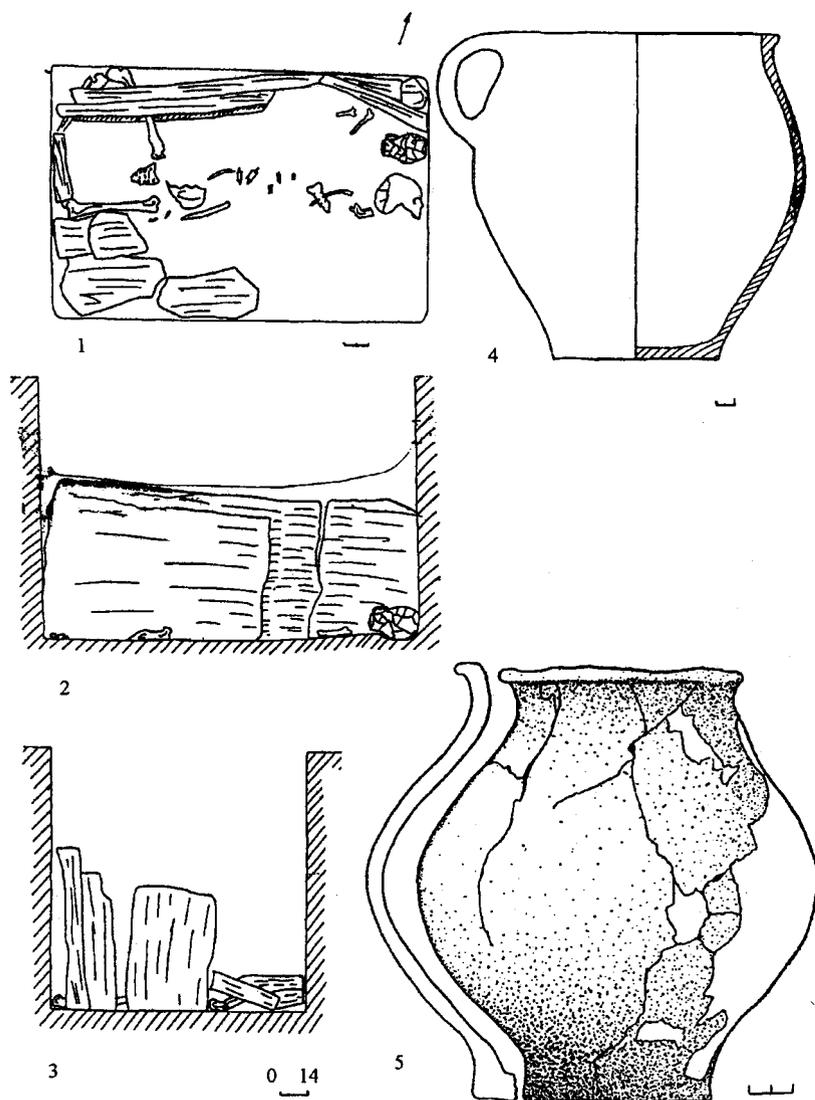

Рис. 3. 1–4 – Кировск, к.1, п.3; 5 – Заречное, к.1, п.9

Погребение 3 в к.1 у г.Кировск было совершено в яме прямоугольной формы, стенки которой были обложены массивными плитами, специально обработанными обивкой и шлифованием (рис.3,1–3). Размеры наибольшей из сохранившихся плит составляют 0,7×0,4×0,1 м. К сожалению, полную характеристику устройства могильной ямы дать нельзя, поскольку во время войны на кургане была огневая точка и окоп, которые разрушили значительную часть конструкции. Сохранилась лишь западная часть каменного ящика (Красильников К.И., 1974, с.9).

Погребение 2 в к.3. у с.Новоалександровка также было совершено в каменном ящике, плиты которого имели четырехугольную форму (Городцов В.А., 1907, с.323).

Помимо этого, использование плит или каменной наброски в качестве перекрытия или забутовки входной ямы зафиксировано для таких черноморовских захоронений, как Веселая Долина 1\2, Приморский 2\5 и Провалье 8\1. Известняковые камни небольших размеров были также набросаны вокруг костяка в к.6 у с.Говоруха.

По всей вероятности, погребальное сооружение в виде подземной камеры (подбоя) было открыто в к.2 у г.Зимогорье. Входная яма прослежена не была, но сегментовидные очертания могилы со округленными углами и прямой стенкой камеры, смежной с входной ямой, позволяют предполагать наличие подбоя (рис.4,1). Размеры ямы, ориентированной по оси запад-восток, составляли 1,9×1,15 м.

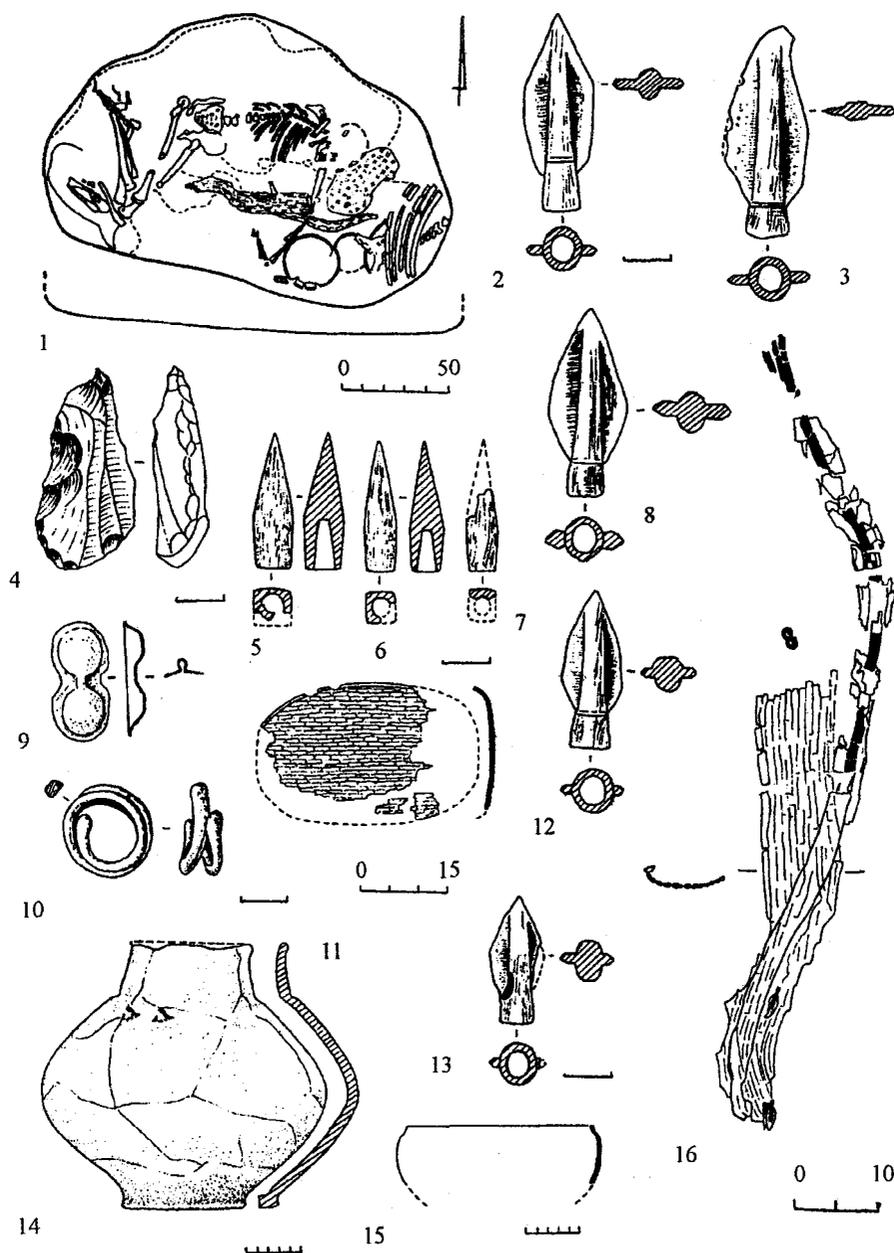

Рис. 4. Погребение 5 в к.2 у г.Зимогорье

Таким образом, преобладающим типом погребальных конструкций Восточноукраинской подгруппы черногоровских памятников можно считать грунтовые ямы, преимущественно прямоугольной формы, причем в двух случаях стенки могил были обложены каменными плитами. Помимо этого, зафиксированы единичные грунтовые ямы трапециевидной или овальной формы, а также подбой.

В шести случаях умершие сопровождалась остатками напутственной пищи, главным образом костями мелкого рогатого скота (Высокое 5\1; Кременовка 2\4; Новоалексанровка 3\2;

Провалье 8\1). В п.5 к.2 у г.Зимогорье найдено деревянное блюдо с частью туши крупного животного (крестец, ребра и часть позвоночника), а у колен встречены кости ноги барана в сочлении с частью таза. В п.2 к.8 у с.Бирюково найдены череп и ребра коня, а в п.13 к.18 у с.Астахово – астрагал.

В пяти случаях в захоронениях прослежены остатки подстилок (Бирюково 8\2; Зимогорье 2\5; Клунниково 6\1; Новоалександровка 3\2; Черногоровка 1\2). Причем в последнем погребении ложе под костяком было посыпано также золой и известью.

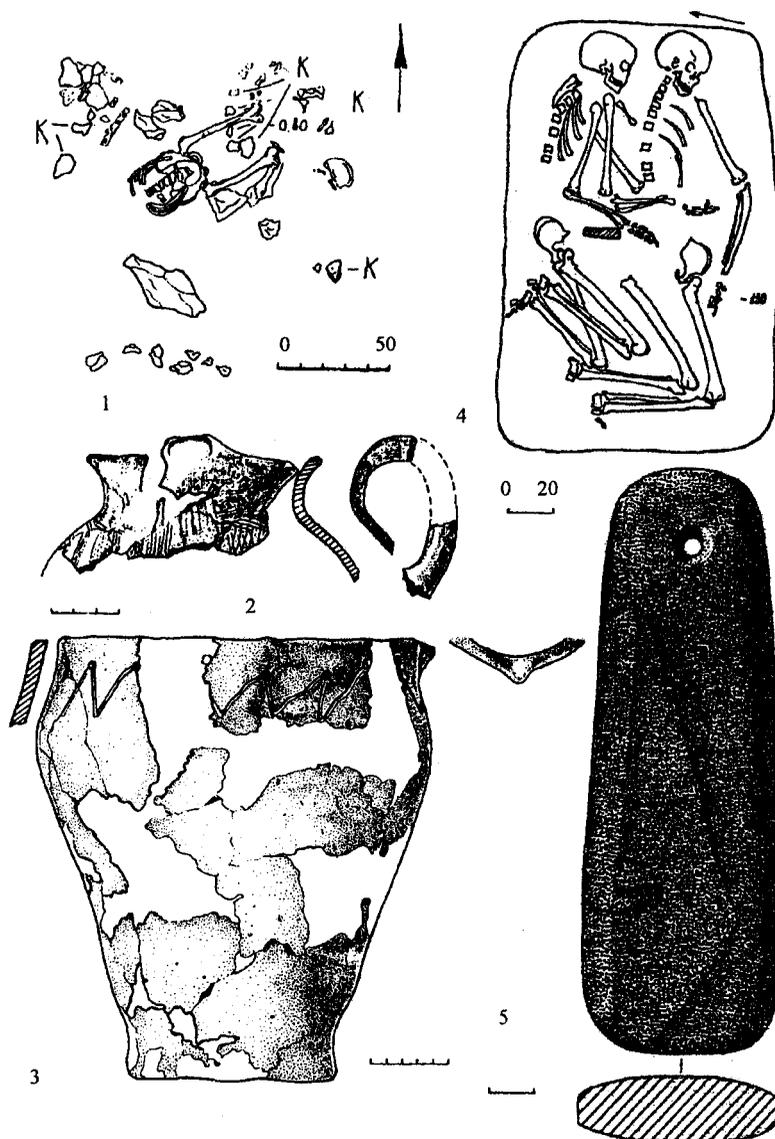

Рис. 5. 1–3 – Говоруха, к.6, п.3; 4,5 – Астахово III, к.14, п.3

В одном случае (Приморский 2\5) на костях скелета отмечены следы охры, а в п.1. к.8 у с.Провалье и п.3 к.1 у хут.Черногоровка под черепом погребенных найдено вещество желтого цвета.

Среди умерших преобладает положение скорченно на левом боку, головой на восток, зачастую с отклонениями к северу или югу (Бирюково 8\2; Высокое 5\1; Зимогорье 2\5; Новоалександровка 3\2; Приморский 2\5; Провалье 8\1; Черногоровка 1\2 и 1\3).

Положение рук отличается вариабельностью: они либо согнуты в локтях, кисти – перед лицом, либо левая рука вытянута вдоль туловища, правая – согнута в локте и пересекает левую; левая рука вытянута перпендикулярно

туловищу, кисть согнута, правая рука согнута в локте, кисть – на уровне груди.

Обращает на себя внимание парное захоронение 3, выявленное в к.14 м-ка Астахово III (Евдокимов Г.Л., 1992, с.7). У южной стенки лежал костяк мужчины в скорченном положении на левом боку, головой на восток. Левая рука вытянута вдоль тела, правая – согнута, кисть у пояса. Ноги слабо подогнуты в тазобедренном и сильно согнуты в коленных суставах. За спиной, лицом к нему, в таком же положении – скелет женщины. Ее правая рука согнута, кисть лежит в районе пояса мужчины, пяточные кости сильно согнутых ног находились у таза (рис.5,4).

В одном случае (Астахово IV 18\13) скорченный на левом боку костяк был похоронен с

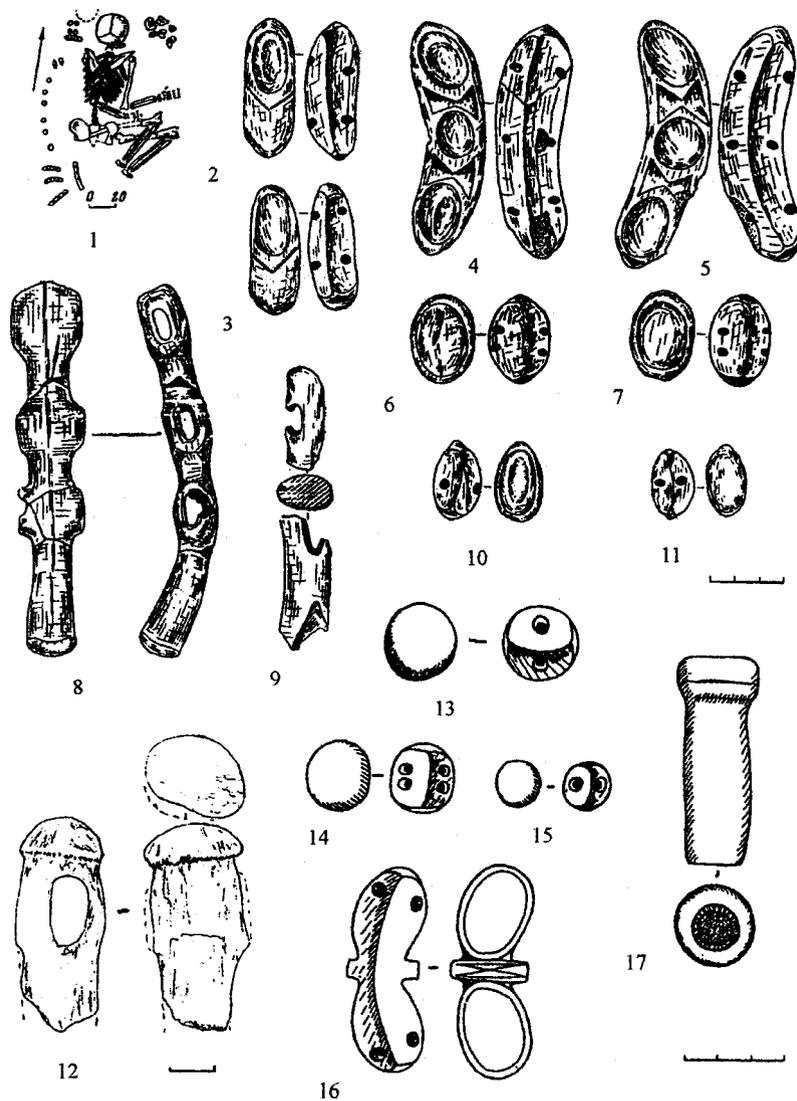

Рис 6. 1–11 – ур.Веселая Долина, к.1, п.2; 12 – с.Николаевка, к.3; 13–17 – с.Луганское

согнутыми в локтях руками, головой на юго-запад. Однако, учитывая сезонные отклонения солнца (255 градусов) и используя соответствующие методики (Генинг В.В., Генинг В.Ф., 1985), можно говорить о западной ориентировке погребенного.

В п.4 к.2 у с.Кременевка костяк находился в скорченном положении на правом боку, головой восток. Левая рука согнута в локте, ладонь лежит на коленном суставе левой ноги, правая – подогнута под череп.

В одном случае (Клунниково 61) погребенный лежал скорченно на спине головой на северо-запад (учитывая сезонные отклонения 290 градусов – запад). Руки погребенного вытянуты вдоль туловища. Кисть левой руки находилась на тазовых костях (рис.2,3).

Человеческий скелет из п.2 к.1 в урочище Веселая Долина находился в необычной позе: ничком спиной вверх, ноги резко подогнуты к животу, левая рука подвернута под туловище, правая – отброшена вправо и согнута в локте, ориентировка северная (рис.6,1).

Также ничком головой на юго-восток (учитывая сезонные отклонения 125 градусов – восток) располагался костяк из п.11 к.1 у с.Заречное (рис.7,9) Его левая рука согнута в локте под углом 60 градусов, локтевая и лучевая кости, а также кисть ее находились под грудной клеткой. Правая рука лежала перед костяком, кисть ее была у подбородка. Ноги поджаты (бинтование?) так, что и бедренные и берцовые кости обеих ног расположены почти параллельно позвоночнику (Гладких М.И., Писларий И.А., 1974, с.65).

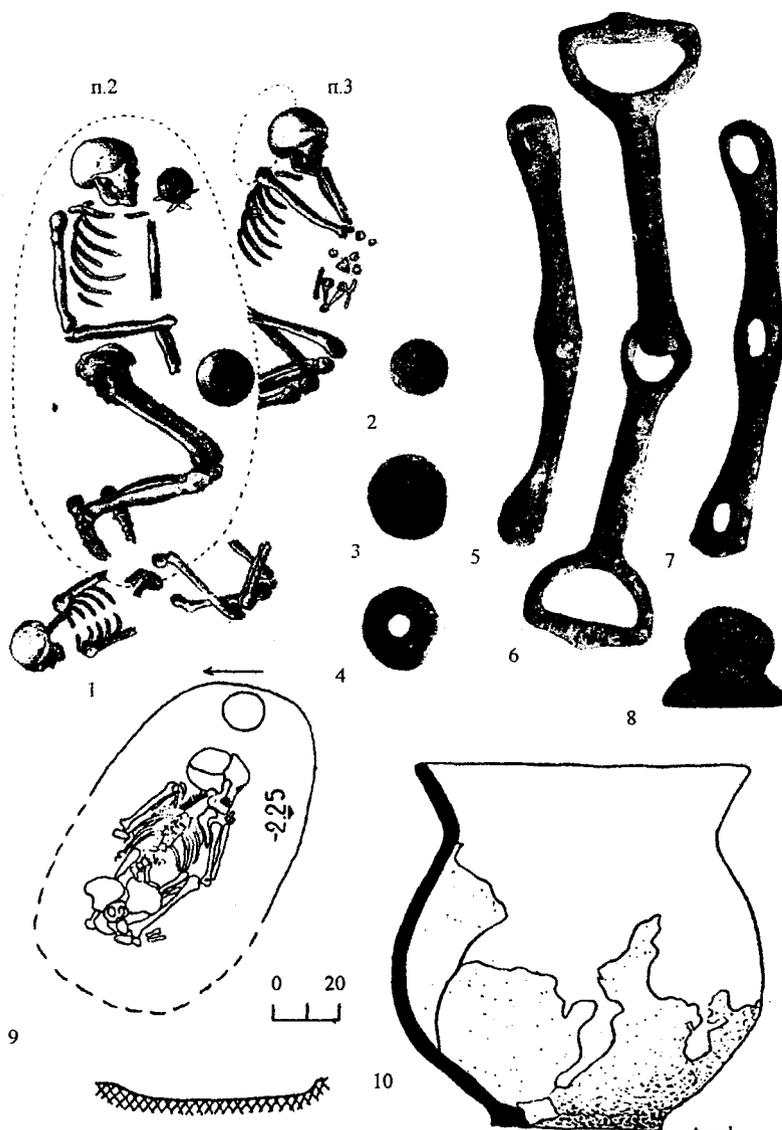

Рис. 7. 1 – план погребений к.1 у хут.Черногоровка; 2–8 – бронзовый уздечный набор из п.3 к.1 у хут.Черногоровка; 9,10 – с.Заречное, к.1, п.11

В двух случаях из-за плохой сохранности положение умерших восстанавливается с достаточной долей условности. Так, в п.3 к.1 у Кировска был обнаружен костяк в полуразрушенном состоянии. Он лежал скорченно и был ориентирован головой на восток с небольшим отклонением к северу.

Костяк взрослого человека плохой сохранности, обнаруженный в п.3 к.6 у с.Говоруха, по данным автора раскопок, был похоронен в сидячем положении (Кротова А.А., 1976, с.51). Грудная клетка и позвоночник наклонены под углом 120 градусов к бедренным костям, ноги (бедренные кости) вытянуты по направлению к северо-востоку (рис.5,1).

Таким образом, среди черногоровских захоронений Восточноукраинской территориальной подгруппы господствующим является скорченное положение умерших на левом (11) и реже – правом боку (1), а также на спине (1). Двое погребенных были уложены ничком, спиной вверх. Преобладающей является восточная ориентация умерших (13). Прочие ориентировки представлены западным направлением (2) и северным (1).

ИНВЕНТАРНЫЙ КОМПЛЕКС

Наиболее представительной категорией инвентаря киммерийских захоронений из восточных областей Украины является керамика. Она

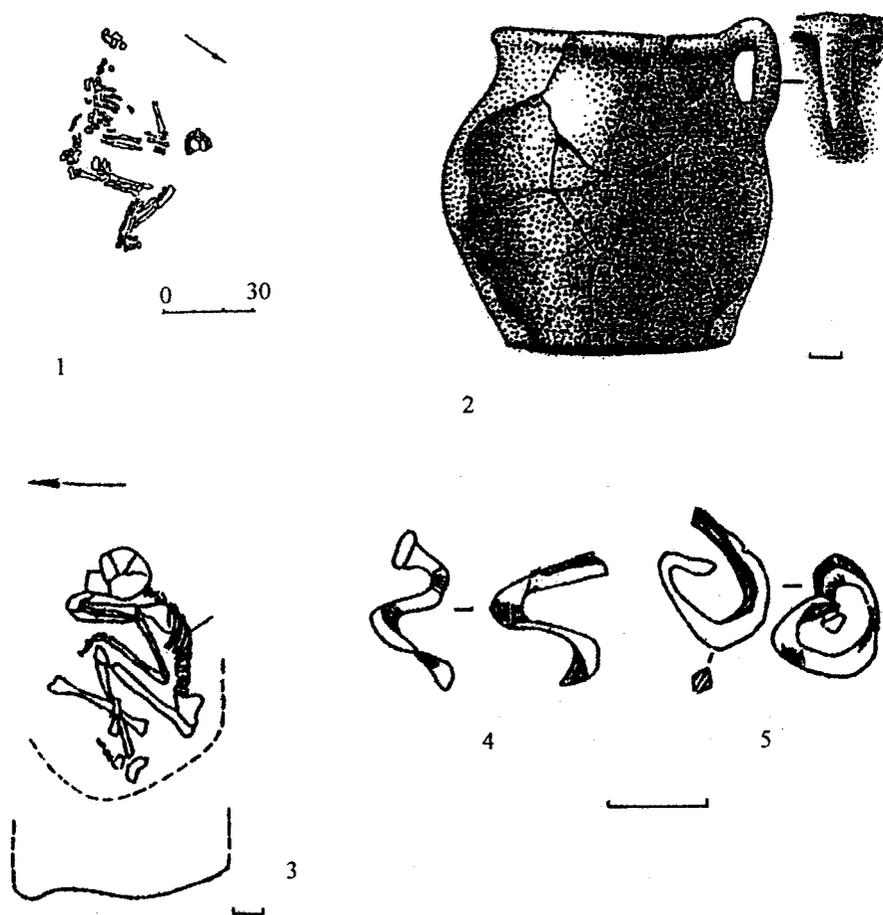

Рис. 8. Инвентарь киммерийских захоронений из Астахово IV, к.18, п.13 (1,2); Кременевка, к.2, п.4 (3–5).

найдена в двенадцати (75%) черногоровских захоронениях региона, причем в четырех из них встречено по два сосуда (Веселая Долина 1\2; Говоруха 6\3; Новоалександровка 3\2; Черногоровка 1\2), а в одном – даже три (Зимогорье 2\5), в том числе деревянные чаша и блюдо⁵.

К сожалению, в ряде случаев информация о выявленной в захоронениях посуде не является полной. Так, в п.2 к.3 у с.Новоалександровка перед лицом располагалась деревянная чашечка, у колен – глиняный сосуд «амфоровидной» формы без ручек (Городцов В.А., 1907, с.323). В п.2 к.1 у хут.Черногоровка перед лицом стоял глиняный кувшинчик с ручкой, а около колен находился более крупный узкогорлый сосуд (Городцов В.А., 1905, с.241).

Довольно многочисленны в рассматриваемых памятниках одноручные глиняные сосуды (5

экз.), типологически представленные двумя разновидностями. К первой разновидности относятся неорнаментированные кружкоподобные сосуды с широким устьем, а ко второй – орнаментированные кувшины с прямым цилиндрическим горлом. Сравнительно широкое распространение данной категории посуды (принимая во внимание и несохранившийся глиняный кувшинчик из п.2 Черногоровского кургана) является одной из особенностей инвентарного комплекса восточнорумынской подгруппы черногоровских древностей. В других районах Северного Причерноморья они встречаются значительно реже. К примеру, еще один одноручный кувшин происходит из черногоровского п.4 в к.3 у с.Рошканы в Поднестровье. Своим происхождением он связан с керамикой шолданештской группы фракийского гальштата лесостепной Молдовы (Machortykh S.V., 1986, p.445, abb.6,2).

К кружковидным относится лепной сосуд из п.13 к.18 м-ка Астахово IV (рис.8,2). Располагался он перед руками погребенного. Сосуд имеет

⁵ Керамика отсутствовала в четырех погребениях (Астахово III, 14\3; Бирюково 8\2; Кременевка 2\4; Черногоровка 1\3).

низкий отогнутый венчик, округлое тулово и плоское, чуть выпуклое дно. Петлевидная ручка, овальная в сечении, одним концом крепилась к краю венчика, вторым на плечике. Его высота – 12 см, диаметр венчика – 8,2 см, дна – 7,5 см.

Еще один сосуд близкой формы с небольшой петельчатой ручкой, но более стройных удлиненных пропорций происходит из п.3 к.1 у Кировск (рис.3,4). Располагался он у головы погребенного. Его размеры: высота – 19,5 см, диаметр дна – 10, венчика – 16 см.

В связи с рассмотрением одноручных сосудов интерес представляет оригинальная группа кубковидных сосудов с петлевидными ручками, выявленная на Нижнем Дону (Красная Поляна к.5, п.4; Попов к.51\19, п.2) (Лукьяшко С.И., 1999, с.181, рис.114,1,2). По всей вероятности, данный тип посуды, как и кружкоподобные сосуды из Подонцова, можно рассматривать в качестве самостоятельной степной формы, основной период бытования которой приходится на VIII в. до н.э.

Сосуд в форме кувшина с ручкой происходит из основного черногоровского погребения в к.8 у с.Провалье (рис.2,2). Он располагался в юго-восточном углу могилы рядом с лицом умершего. Кувшин имеет слабо отогнутый венчик, высокую цилиндрическую шейку, округло-биконическое тулово и небольшое дно без закраины. На плечиках сохранились два кольцевидных выступа – след от отбившейся в древности ручки. Сосуд украшен врезными линиями. Горло отделено от тулова врезной горизонтальной линией, сверху тулово украшено вертикальными зигзагами, сгруппированными по три и образующими в целом шесть таких рядов. В трех из этих групп, чередуясь через одну, центральный зигзаг разветвляется на два. Поверхность сосуда тщательно заглажена и подлощена. Его высота составляла 20 см, диаметр горловины – 8,5 см, дна – 8 см, наибольший диаметр кувшина – 16,5 см.

Немногочисленные одноручные кувшины известны в киммерийских погребениях Нижнего Дона (Грушевская 2\3; Кастырский 4\4). Там же имеется и ближайшая степная аналогия кувшину из с.Провалье – случайная находка у хут.Обрывского (Лукьяшко С.И., 1999, рис.112, 3). Упомянем также серию крупных сосудов с петельчатыми ручками из предскифских могильников Закубанья (Кочипэ, Фарс) (Лесков А.М., Эрлих В.Р., 1999, рис.47,1,10). Обращает на себя внимание и кувшин с ручкой из Кубанского могильника, относящегося к заключи-

тельному периоду предскифского периода (VIII–VII вв. до н.э.). Этот сосуд украшен вертикально-зигзагообразным нарезным узором, близким орнаменту кувшина из Провалье (Ловпаче Н.Г., 1981, табл.1,7). По всей вероятности, рассматриваемая находка с территории восточной Украины является отражением контактов степного населения Северо-Восточного Причерноморья с Закубаньем в киммерийскую эпоху.

Фрагменты овальной в сечении ручки и венчика от еще одного кувшина обнаружены в п.3 к.6 у с.Говоруха. На остатках стенок имеется орнамент из параллельных прочерченных линий, образующих треугольники (рис.5,2).

Из этого же погребения происходит лепной горшок со сливом (рис.5,3). Грубый толсто-стенный сосуд баночной формы со слабо выраженным венчиком по шейке украшен прочерченным зигзагом, в вершинах которого располагаются ямки – наколы. Его высота составляла 28 см, диаметр венчика – 21,5 см, тулова – 25 см, дна – 13 см.

Упомянутый горшок со сливом является шестой находкой этого типа в черногоровских комплексах Северного Причерноморья. Среди присущих ему особенностей следует назвать крупные размеры в сочетании с накольчатой и прочерченным зигзагообразным декором. Вместе с тем формой и отчасти орнаментом он сближается с двумя горшками со сливом, происходящими из киммерийских памятников Самарско-Орельского междуречья (Заплавка 7\2; Хашеево 2\14) (Ромашко В.А., 1979, рис.1,2). Эти находки образуют самостоятельную группу баночных сосудов с носиком-сливом, которая характеризуется вытянутыми пропорциями, широким устьем и небольшим зауженным плоским дном. Максимальный диаметр корпуса приходится на верхнюю треть высоты сосуда.

В п.5 к.2 могильника Приморский найдены фрагменты нижней половины «типично срубного» горшка баночной формы с заглаженной поверхностью и дном, имевшим небольшую закраину (Беляев А.С., 1976, с.15). Еще один грубый лепной горшок, представленный обломками без орнамента, найден в п.2 к.1 ур.Веселая Долина.

Подобные сосуды баночных форм, ведущие свое происхождение от срубной керамики эпохи поздней бронзы известны также в киммерийских захоронениях Нижнего Дона и Поволжья (Дворниченко В.В., 1981, рис.2,6; Лукьяшко С.И., 1999, рис.108).

Горшок редкой формы выявлен в п.11 к.1 у с.Заречное. Он был найден в изголовье погребенного и представлял собой развал небольшого сосуда с маленьким доньшком, округлым туловом, хорошо выраженной короткой шейкой и отогнутым венчиком (рис.7,10). Поверхность тонкостенного сосуда хорошо заглажена. Его высота – 10 см, диаметр тулова – 11 см, дна – 4,7 см. Ближайшая аналогия ему известна в другом киммерийском п.4 кургана «Камова могила» у с.Родионовка Днепропетровской области. Не исключено, что обе эти находки относятся к местной степной разновидности посуды предскифской эпохи.

Среди керамического комплекса рассматриваемых черногоровских памятников присутствует и такая категория посуды как корчаги. Один из сосудов этого типа был найден в п.5 к.2 у г.Зимогорье у левого предплечья умершего (рис.4,14). Он имеет цилиндрическое горло, уступчиком переходящее в раздутое в средней части тулово и небольшое выступающее дно. На плечиках располагались четыре конических налпа, сгруппированных попарно. Его высота составляла 24 см, диаметр венчика и дна совпадают – 11 см, наибольший диаметр тулова – 26 см.

Сосуд из упомянутого выше захоронения относится к корчажкам типа Зимогорье-Ясырев, основной территорией распространения которых является Приазовье и бассейн Нижнего Дона (Дубовская О.Р., 1985, с.167, рис.1,2; Болтрик Ю.В., Махортых С.В., 2003). Эту посуду характеризуют следующие признаки: цилиндрическое горло, раздутое в средней части тулово и небольшое выступающее дно, диаметр которого примерно равен диаметру венчика.

Исследователи определяют истоки подобной керамики (некоторые экземпляры которой украшены богатым геометрическим орнаментом) в посуде позднебронзовой кобьяковской культуры Нижнего Дона (Копылов В.П., Лукьяшко С.И., 1995, с.139).

Среди черногоровских памятников восточноукраинской подгруппы, помимо сосуда из Зимогорья, известна еще одна корчага, отличающаяся от предыдущей рядом морфологических признаков. Происходит она из п.1 к.6 у с.Клунниково. Это сосуд с шаровидным туловом, невысокой шейкой и отогнутым наружу венчиком (рис.2,4). На плечиках он украшен двумя рядами круглых оттисков и тремя маленькими коническими налпами. По тулову от линии плечиков сосуд декорирован широким

зигзагом, состоящим из четырех-шести параллельных косых линий. Его высота составляет 27 см, диаметр венчика – 17 см, диаметр дна – 12 см, наибольший диаметр тулова – 31,2 см.

Что касается орнаментации и формы, то аналогии корчаге из Клунникова известны в кизил-кобинских памятниках горного Крыма, относящиеся к заключительному этапу предскифского периода (Колотухин В.А., 1996, рис.35,2;38,6,8,9;40,2).

В трех захоронениях встречена деревянная посуда. Среди входящих в ее состав предметов было блюдо и чаша из п.5 к.2 у г.Зимогорье. Овальное в плане блюдо имеет выгнутое дно и невысокие бортики (рис.4,11). Его длина составляет около 40 см, ширина – 20 см, высота – 3 см. У деревянной чаши были округлые бока и диаметр – 18 см.

Перед лицом погребенного в к.3 у с.Новоалександровка найдена изящная деревянная чашечка, окованная по краям двумя бронзовыми обоями и бронзовыми гвоздиками. В п.2 к.1 в ур.Веселая Долина рядом с черепом расчищено скопление истлевшего дерева и плохо сохранившиеся медные пластинки – остатки деревянной чаши.

Деревянные сосуды встречены в 13% черногоровских погребений Северного Причерноморья. В большинстве случаев это сосуды полусферической (чаши) или кубковидной формы (Высокая могила, п.5, Соколово 3\4, Широ-ванка, Калиновка 1\2, Высокое 5\3 и др.). Отметим, что в двух последних случаях, помимо кубка или чаши из дерева, в могиле находилось деревянное блюдо с костями животных, как и в зимогорском погребении.

Изделия из камня представлены двумя оселками. Сланцевый точильный брусок трапециевидной формы найден рядом с тазовыми костями в п.3 к.14 м-ка Астахово III. Его длина была 13 см, ширина – 4 см (рис.5,5). Другой оселок происходит из п.1 к.5 у с.Высокое. Он имеет форму длинного прямоугольника. Кончик обломан, сохранилась часть косоугольного отверстия для подвешивания, диаметром 0,4 см. Оселком пользовались долгое время, он сильно сточен и заглажен, а один край утончен до 1 мм. Длина оселка составляет около 9 см, ширина – 2 см, толщина – 0,7 см.

Кремневые отщепы встречены в трех случаях. В п.5 к.2 у г.Зимогорье на крестце погребенного находилось кремневое изделие, имеющее следы корки на ударной площадке и множество

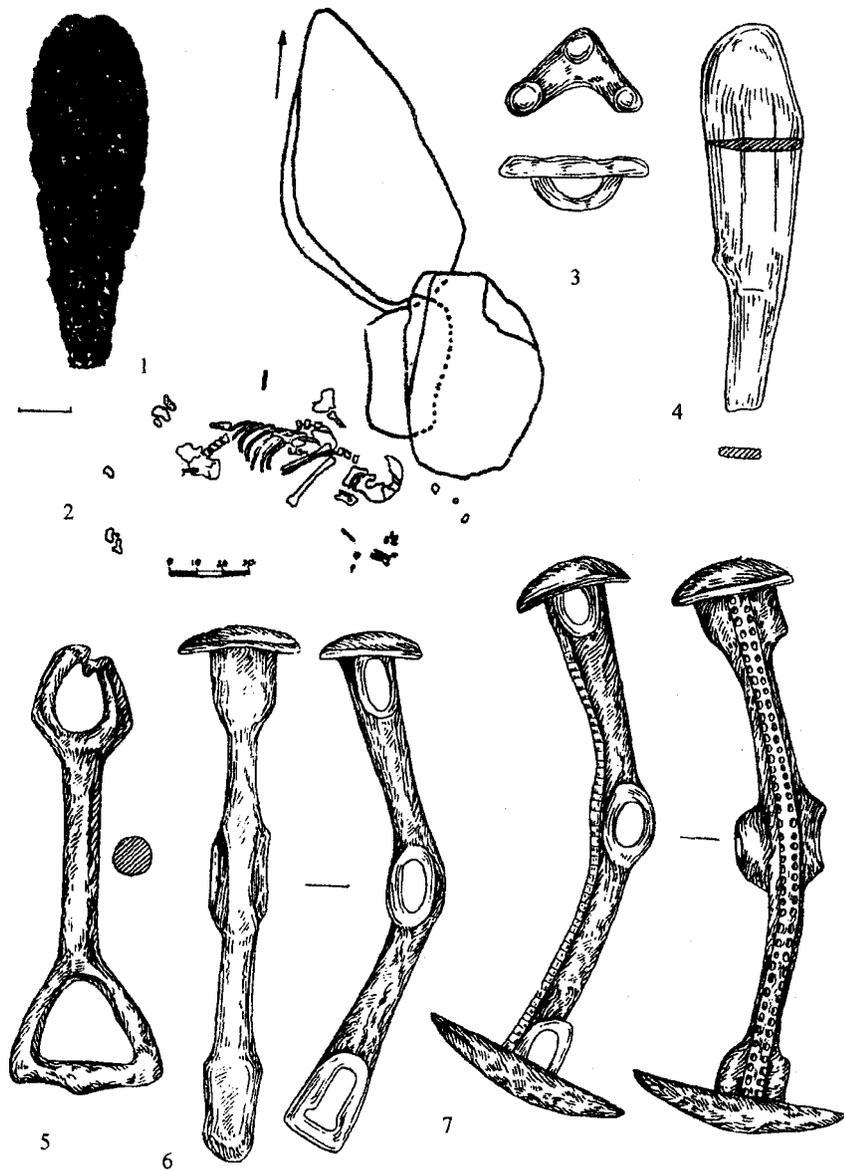

Рис. 9. 1,2 – курган у пос.Приморское; 3–7 – курган у с.Камышеваха

выщерблен на двух противоположащих гранях (рис.4,4). Его длина – 4,2 см, ширина – 2 см. В п.1 к.5 у с.Высокое за спиной погребенного обнаружен кремешок подпрямоугольной формы серого цвета с краями, слегка подправленными мелкой ретушью. Он имеет длину 4,3 см, ширину – 1,6 см, толщину – около 0,7 см.

Особый интерес представляет комбинированное орудие на толстом пластинчатом отщепе длиной 5,5 см и шириной 2 см, найденное перед лицом умершего в п.5 к.2 могильника Приморский 1. Один его полукруглый конец, оформленный крутой ретушью, вначале выполнял функции скребка, а затем ретушера. Противоположный, более узкий и сработанный конец

по-видимому, использовался как развертка. Один из краев имеет выемку, оформленную ретушью со спинки (скобель), на другой край ретушь нанесена со стороны спинки и брюшка (нож). Вся поверхность изделия заполирована до блеска и сглажена от многократного употребления и пребывания в руках человека. Подобное многофункциональное кремневое орудие, которое могло использоваться в качестве ножа, сверла и скребка, известно еще в одном черноголовском п.3 в к.14 у с.Золотая Балка.

Помимо кремневого изделия в упомянутом выше п.5 могильника Приморский 1 в области таза лежал небольшой железный нож листовидной формы с закругленным основанием (рис.9,1).

Его длина была 7 см, максимальная ширина – 2,3 см, толщина – 0,3 см. В черногоровских погребениях Северного Причерноморья известно два железных ножа близкой формы (Высокое 53; Владимировка 2\10), однако, в отличие от приморской находки, они характеризуются меньшей шириной лезвия.

Фрагмент железного предмета неясного назначения, возможно ножа, выявлен у костей рук погребенного из п.1 к.5 у с.Высокое.

В п.2 к.1 у хут.Черногоровка перед лицом умершего лежали бронзовые игла и четырехгранное шило с остатками деревянной рукоятки (Тереножкин А.И., 1976, рис.35,9,10).

Специфической особенностью восточноукраинской подгруппы киммерийских памятников является представительная серия погребальных комплексов, включающих предметы конского снаряжения⁶.

В первую очередь следует упомянуть прекрасный набор бронзовых уздечных принадлежностей, найденный в п.3 к.1 у хут.Черногоровка (рис.7,2–8). В его составе: удила со стремечковидными концами, пара трёхдырчатых стержневидных псалиев с овальными отверстиями в утолщениях, две небольшие круглые литые бляхи, бляшка с отверстием в середине и кружком вокруг нее, а также бронзовая шлемовидная бляха I типа (Махортых С.В., 1999, с.167).

Бронзовые удила со стремечковидными концами, типологически близкие найденным в чер-

⁶ Отметим также мнение О.Р.Дубовской, согласно которому уздечные принадлежности составляют специфику северо-восточной локальной зоны черногоровских памятников, занимающей, по ее мнению, обширную территорию от Орельско-Самарского междуречья и р.Молочной на западе, до Заволжья на востоке (Дубовская О.Р., 1994). Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что девять (82%) из 11 фигурируемых в работе О.Р.Дубовской комплексов локализируются в восточных областях Украины и сопредельных районах Нижнего Дона, тогда как в Поволжье их известно всего два (18%). Иными словами, подавляющее большинство погребений с уздечными принадлежностями черногоровского типа локализируются в степной части достаточно компактной территории. Приведенные выше данные требуют внесения корректив и уточнения границ локальных зон, выделенных О.Р.Дубовской. В качестве специфических деталей уздечного набора скорченных предскифских захоронений Восточной Украины и Нижнего Дона следует также назвать псалии черногоровского типа, которые в Поволжье до сих пор неизвестны.

ногоровском погребении, происходят из территориально близкого к нему кургана, раскопанного Н.Е.Бранденбургом в 1892 г. у с.Камышеваха бывшей Екатеринославской губернии, ныне Попаснянский р-н Луганской области (рис.9,5). Относительно захоронения известно только то, что скелет лежал головой на восток. Удила сопровождались парой бронзовых псалиев, имеющих вид слегка изогнутого стержня с тремя трубчатыми отверстиями, большой шляпкой на одном конце и маленькой – на другом. В погребении также были найдены бронзовые лунница и черешковый нож с горбатой спинкой. Из-за отсутствия данных о погребальном обряде захоронение в Камышевахе достоверно черногоровским считаться не может. Более того, псалии, подобные камышевахским, известны в погребальных комплексах, новочеркасская принадлежность которых сомнений не вызывает, например, п.51 могильника Пшиш 1 (Сазонов А.А., 1995, рис.9).

Еще один набор бронзовых предметов конской упряжи происходит из п.2 к.8 у с.Бирюково (рис.10). Он располагался среди костей коня, за спиной умершего. В его составе – два бронзовых псалия, четыре бляшки и лунница. Псалии имеют вид слегка изогнутых стержней длиной 10,1 и 10,5 см с тремя овальными отверстиями в утолщениях. На концах псалиев располагаются грибовидные шляпки диаметром 2,4–2,5 см с одной стороны и 1,7–1,9 с другой. Один из псалиев был сломан в древности. Находки псалиев без удил, помимо рассматриваемого случая, зафиксированы еще в одном всадническом черногоровском погребении из Подонцовья – Веселая Долина 12. Они позволяют предположить, что удила были ременными и не сохранились.

Три из четырех найденных в п.2 к.8 у с.Бирюково бронзовых бляшек были украшены круглыми шляпками диаметром 2,5–2,6, одна – полумесяцем шириной 1,8 с обломанным краем (рис.10,4–6,9).

Бронзовая лунница из этого погребения имела треугольную форму с петлей на оборотной стороне и размеры 3,4×2,5 см (рис.10,7)

Относительно упомянутых выше уздечных принадлежностей, и в частности псалиев черногоровского типа, отметим, что в степях Восточной Европы основным районом их распространения является Северное Причерноморье. Однако псалии этого типа встречаются не только в черногоровских памятниках восточноукраинской группы, восемь подобных псалиев выявлено в погребении новочеркасского типа у

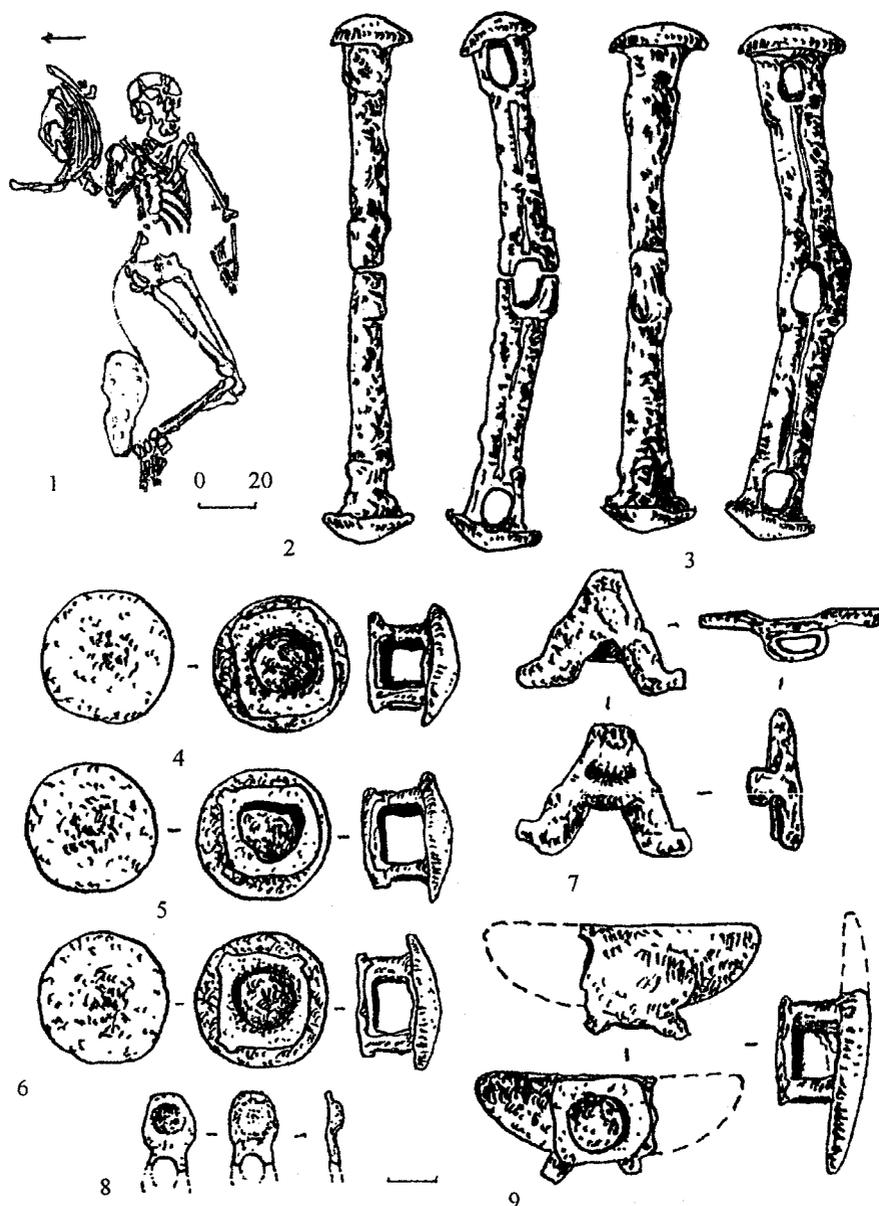

Рис. 10. Погребение 2 в к.8 у с.Бирюково

пгт.Слободзея в Нижнем Поднестровье (Яровой Е.В. и др., 2002, с.296, рис.6), а также в могильнике Балабинский 1 на Нижнем Дону, где они сопровождалась бронзовыми овально-кольчатыми удилами (Лукьяшко С.И., 1999, с.160, рис.103,2).

Наряду с Северным Причерноморьем, другим крупным районом распространения степных форм узды черногоровского типа является Северный Кавказ, и в частности Закубанье. Так, среди ранней группы погребений могильника Пшиш-1 выделяется группа из четырех комплексов (погребения 3, 28, 61, 83), содержащих псалии типа Черногоровки (Сазонов

А.А., 1995). В ареале так называемых протометотских древностей известны еще три бронзовых трехдырчатых и один костяной псалии из могильников Николаевский и Казазово 3.

Помимо Закубанья, они встречены также на Ставрополье (Александровское), в Кабардино-Балкарии (Герменчик) и Северной Осетии (Кобанский могильник) (Иессен А.А., 1953, рис.19, 2; Батчаев В.М., 1985, табл.6,15,16). Кстати, именно уздечный набор из могильника Верхний Кобан, содержащий бронзовые стремечковидные удила и трехдырчатые псалии, типологически больше всего соответствует конскому набору из Черногоровского кургана. Примеча-

тельно, что в том же Кобанском могильнике найдена бронзовая шлемовидная бляха, которая мало чем отличается от такой же бляхи из кургана у хут.Черногоровка.

Среди удил, сопровождающих черногоровские псалии, на юге Восточной Европы выделяются следующие типы: стремечковидные (4 экз.), однокольчатые (5 экз.), овально-кольчатые и ременные (по 2 экз.), удила с одной круглой и одной овальной петлями и двухкольчатые (по 1 экз.).

Черногоровское п.2 к.1 в урочище Веселая Долина близ г.Артемовска сопровождалось костяными деталями конской упряжи, состоящими из двух псалиев, трех больших блях, более мелких бляшек и пуговиц (Татаринов С.И., 1982). Один целый псалий имел длину до 15 см, три сквозных отверстия, муфтообразные утолщения, небольшую «рукоятку» и был слегка изогнут в профиле; второй псалий сохранился в обломках и по типу отличен от первого (рис.6,8,9).

Большие бляхи совершенно одинаковы. Они имеют длину 9,5–10 см и изогнутость, поскольку сделаны из клыков кабана (рис.6,4,5). Лицевая поверхность декорирована врезным орнаментом в виде кругов, овалов и треугольников, обращенных вершиной друг к другу, в месте соединения которых сохранились участки зубной эмали. На тыльной стороне имеется изогнутое «ребро» и по три пары сквозных отверстий. В комплексе также представлены две бляшки из обрезков клыка кабана вытянуто-овальной формы, длиной 5,5 см, с орнаментом в виде овала и врезного угла на лицевой поверхности и двумя парами сквозных отверстий на тыльной стороне (рис.6,2,3).

Шесть пуговиц овальной формы из клыка или кости совершенно одинаковы. Они имеют диаметр 3–3,5 см и по две или одной паре сквозных отверстий. На лицевой поверхности располагались врезные овалы. Четыре овальных пуговицы из кости без врезных овалов на лицевой стороне имели размеры 1,8×2,8 см. На тыльной поверхности каждой пуговицы проделана одна пара сквозных отверстий.

Еще одна овальная костяная пуговица найдена в п.5 к.2 могильника Приморский 1. С тыльной стороны она имеет два сквозных отверстия, просверленных под углом по горизонтали. Диаметр пуговицы – 2 см.

В связи с рассмотрением описанных выше костяных изделий необходимо упомянуть

также разрушенное захоронение в кургане у с.Луганское, располагающемся на этой же территории. Положение скелета не установлено. Благодаря отдельным непотревоженным костям, удалось выяснить, что умерший лежал головой на северо-восток. Инвентарь погребения включал набор костяных предметов и остатки какого-то железного предмета (рис.6,13–17).

Из 18 найденных костяных изделий 17 составляют единый комплекс украшений узды, и только костяная трубка, вероятно, имеет хозяйственное назначение. Все украшения изготовлены из клыков кабана. По форме их можно разделить на два типа: в виде пуговицы и бабочковидные. Все 14 пуговицеобразных украшений представляют собой круглые, сверху хорошо отполированные бляхи диаметром 3, 2,5 и 1,4 см. Пять из них имеют по два параллельных, прикрепленных с торцевой стороны отверстия для пришивания, у девяти – таких отверстий по одному. Бабочковидных украшений найдено три. По форме, размеру и обработке они одинаковые, хорошо отполированы и украшены неглубокими бороздками по краю крышки и на центральной соединительной планке. С внутренней стороны на концах крышек есть по одному отверстию для пришивания.

Трубка изготовлена из небольшой трубчатой кости. На одном конце она утолщена, здесь имеется неглубокая кольцевая бороздка. Поверхность хорошо обточена, на концах, особенно на утолщенном, заметны следы полировки. На основании формы и размера, а также этнографических сопоставлений этот предмет считают горлом от небольшого бурдюка (Шаповалов Т.А., 1971).

На территории юга Восточной Европы наиболее близкие восточнорусским наборы костяных украшений упряжи коня происходят из степных черногоровских захоронений Нижнего Дона (Красногоровка III, 121) и Поволжья (Жирноклеевский 69; Эльтон 75), а также из некоторых «протомеотских» могильников Закубанья (Николаевский п.31/6; Пшиш-1, п.93) (Вальчак С.Б. и др., 1996).

Наборы украшений из кости, встреченные в упомянутых выше комплексах, различаются между собой количественным соотношением входящих в их состав бляшек. Например, в п.93 могильника Пшиш 1 их было найдено восемь экземпляров, в захоронениях из Весе-

лой Долины – 11, Жирноклеевского – 23, Красной деревни – 35 экземпляров. Разнообразием форм, пропорций и декора отличаются и сами костяные бляшки. В определяющей степени это относится к более крупным по размеру так называемым «фигурным» бляшкам, среди которых выделяются: двойные бляшки, имеющие в плане восьмерковидную форму (Красногоровка, Эльтон); изделия бабочковидной или бантиковидной формы (Луганское, Пшиш); продолговатые бляшки с выступающим язычком (Жирноклеевский, Эльтон). Примечательно, что в комплексе из Веселой Долины, включающем крупные дуговидно изогнутые бляшки, украшенные орнаментом в виде окружностей и совмещенных вершинами треугольников, не было обнаружено ни одного из трех вариантов «фигурных» блях. Предположение об использовании костяных «фигурных» блях в качестве наносников впервые было высказано К.Ф.Смирновым (Смирнов К.Ф., 1961, с.70) и поддержано А.А.Сазоновым (Сазонов А.А., 1995, с.87).

Для характеристики предметов вооружения рассматриваемой территориальной подгруппы черноговорских памятников важное значение имеет захоронение воина в к.2 у г.Зимогорье. На локтевом сгибе его левой руки и на кисти правой лежали лук и колчан со стрелами (рис.4,17). Остатки лука, найденного впервые в погребении черноговорского типа, позволяют отнести его к сложным (Дубовская О.Р., 1985). В пользу этого свидетельствуют такие детали, как использование двух деревянных пластин для древка, обматывание их корой, конфигурация, для которой характерны асимметричность плеч и слегка загнутые наружу концы.

Колчан или горит сохранился плохо. Он представлял собой деревянный футляр, полуовальный в сечении, сложной конфигурации, в нижнем отделе повторяющей форму лука. Его длина составляла около 55 см, сохранившаяся ширина – 10 см.

Колчаный набор, выявленный в погребении у г.Зимогорье, содержал пять бронзовых и три костяных наконечника стрел. Бронзовые двухлопастные наконечники с короткой выступающей втулкой имели длину от 2,6 до 4,4 см (рис.4,2,3,8,12,13). Лопасты были трапециевидные и асимметрично-ромбические со смягченным углом слома пера, на втулке четырех наконечников располагался поперечный рельефный поясок.

Костяные четырехгранные наконечники имели квадратное сечение, прямое основание и длину от 2,7 до 2,9 см (рис.4,5–7).

Погребения со стрелами в ареале черноговорских памятников Северного Причерноморья распределяются следующим образом. Большая их часть (семь комплексов, включающих свыше 80 наконечников, из которых 58 костяных и 25 бронзовых) локализуется на территории Приднепровской территориальной подгруппы (Васильевка 1/3; Высокая Могила, п.5; Головковка 6/3; Кисличеватое П 4/7; Малокатериновка 2/1; Мелитополь 2/3; Скелеватое 2/8). Географически к ним примыкает еще одно киммерийское погребение в кургане Малая Цимбалка, сопровождающееся колчаным набором из 10 наконечников. В других территориальных подгруппах черноговорских памятников Северного Причерноморья находки стрел в могилах более редки: Дунайско-Днестровская подгруппа (Красное 5/3); Самарско-Орельская (Колпаковка 1/1; Котовка 1/8); Крымская (Марьино 3/3) и Восточноукраинская (Зимогорье 2/5).

Бронзовые стрелы из погребения у г.Зимогорье относятся к редким образцам, в которых сочетаются элементы, характерные как для малоцимбальского (укороченная втулка), так и новочеркасского (трапециевидная форма пера, валик по краям лопастей, предполагающий в дальнейшем проковывание) типов предскифских наконечников.

Встреченные вместе с ними костяные наконечники со скрытой втулкой и квадратные в сечении помимо Зимогорья известны в колчаных наборах из Васильевки 1/3, Котовки 2/1 и некоторых других киммерийских памятников юга Восточной Европы.

Довольно часто в восточноукраинской подгруппе погребений встречены серьги и височные подвески.

В п.1 к.5 у с.Высокое под черепом находилась серьга из золотой фольги в форме изогнутого кольца шириной 0,5 см. Концы ее сомкнуты и заострены, диаметр составлял 1,8 см.

Также у черепа погребенного в к.2 у г.Зимогорье лежала бронзовая височная подвеска в два оборота из бронзовой проволоки полуовальной в сечении (рис.4,10).

В п.4 к.2 у с.Кременевка найдены две небольшие бронзовые височные подвески в 1,5 оборота с заостренным основанием и слегка раскованной головкой (рис.8,5). Фрагмент

сильно окислившегося медного изделия, также изготовленного из четырехгранной в сечении проволоки, выявлен рядом с черепом в п.5 к.2 могильника Приморский 1. В п.2 к.3 у с.Ново-александровка у правого виска лежало спиральное бронзовое колечко.

Бронзовые височные подвески из Кременевки, отличаясь определенным своеобразием, могут быть сопоставлены с парными бронзовыми подвесками из черногоровских погребений Западного Приазовья (Мелитополь 2/3) и Нижнего Дона (Беглицкая коса, к.3, п.10) (Болтрик Ю.В., Махортых С.В., 2003). По наблюдениям О.Р.Дубовской, височные подвески и серьги относятся к числу наиболее устойчивых типов украшений черногоровских памятников Северо-Восточного Причерноморья (1994, с.17). Вместе с тем сомнительным представляется вывод этой исследовательницы о том, что находки в захоронениях серег-подвесок в одном экземпляре – черта, характерная для воинской субкультуры черногорцев, когда мужчины-воины носили одну серьгу, а женщины – две. Данному предположению противоречат парные находки однотипных серег-подвесок в воинских мужских погребениях черногоровского типа у с.Целинное в Крыму и с.Чечелиевка на Кировоградской.

В двух черногоровских погребениях Луганщины найдены однотипные бронзовые восьмерковидные бляшки с перехватом посередине.

В п.2 к.8 у с.Бирюково такая бляшка располагалась на черепе, а в п.5 к.2 у г.Зимогорье – у левого плеча, рядом с колчаном. Последняя, лучше сохранившаяся, бляшка с парными выпуклостями и перемычкой между ними изготовлена с помощью штампа (рис.4,9). Ее длина – 2,4 см. Использование восьмерковидных бляшек, по всей вероятности, было многофункциональным. Они входили в состав головных уборов (очелей), а также использовались в качестве украшения или застежки колчана.

Помимо Зимогорья и Бирюково, захоронения с восьмерковидными бляшками в памятниках черногоровского типа на Украине известны в Приднепровье (Бурчак 9/1; Софиевка, п.3), Крыму (Рюмино 1/3); Орельско-Самарском междуречье (Соколово 3/4) и близлежащих лесостепных районах Харьковщины (Князево 1/4). Кроме этого, они выявлены на Нижнем Дону (Вербовой Лог IV, 6/1;

Отрадный П, 3/3; Спорный IV, 14/16; Тузлуки 3/2; Шахаевская П, 6/4), на Северо-Восточном Кавказе (Калиновка 1/1) и в Поволжье (Усть-Курдюм 1/2; Эльтон 7/5).

Вопрос о происхождении бронзовой восьмерковидной бляшки, являющейся сравнительно частой находкой в черногоровских комплексах, относится к числу дискуссионных. Одни исследователи в качестве их вероятного прототипа называют позднебронзовые причерноморские костяные бляшки типа Павловка-Белогрудовский лес (Дубовская О.Р., 1994, с.142; Вальчак С.Б. и др., 1996, с.32), другие связывают их происхождения с Волго-Камьем (приказанская культура) откуда они посредством кочевников распространились на другие территории (Потапов 1997, с.37). Обширный географический и культурный ареал бытования бронзовых восьмерковидных бляшек (Днепровское лесостепное правобережье, Поднепровье, Крым и др.), а также простота изготовления, вероятно, свидетельствуют о существовании нескольких центров их производства.

В п.3 к.1 у хут.Черногоровка на лбу умершего найдены остатки венчика из ряда тонких бронзовых пластинок, большей частью распавшихся на мелкие части. Близкие бронзовые венчики, состоящие из одной или нескольких прямоугольных пластин, закрепленных на кожаной основе, происходят из черногоровских захоронений Поднепровья (Высокая Могила, п.5; Золотая Балка 14/3).

Хронология рассмотренных черногоровских памятников требует специального исследования, выходящего за рамки данной статьи. Заметим только, что среди них имеются комплексы (например, Клуниково 6/1; Провалье 8/1), которые по своему инвентарю синхронизируются с позднейшими новочеркасскими памятниками, относящимися к заключительному этапу предскифского периода (вторая половина VIII – начало VII в. до н.э.). Вместе с другими скорченными черногоровскими погребениями (Вильногрушевка 11/2; Облои 3/1; Рошканы 3/4; Спасское 3/3 и др.) они образуют группу «поздних» черногоровских памятников, свидетельствующую о бытовании собственно черногоровских древностей в Северном Причерноморье на протяжении всего предскифского периода, вплоть до эпохи скифской архаики (Махортых С.В., 2002, с.145).

Литература

- Батчаев В.М., 1985. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т.2. Нальчик.
- Беляев А.С., 1976. Отчет о работе Донецкой экспедиции в 1976 г. // Архив ИА НАНУ. 1976/4.
- Болтрик Ю.В., Махортых С.В., 2003. Киммерийские захоронения из Западного Приазовья // РА. № 2 (в печати).
- Вальчак С.Б., Мамонтов В.И., Сазонов А.А., 1996. Ранние памятники черноморовского типа в Восточной Европе: происхождение и хронология // Историко-археологический альманах. Вып.2. Армавир-М.
- Генинг В.В., Генинг В.Ф., 1985. Метод определения древних традиций ориентировок погребенных по сторонам горизонта // Археология и методы исторических реконструкций. Киев.
- Гладких М.И., Писларий И.А., 1974. Отчет о работе Северско-Донецкой новостроечной экспедиции в 1974 г. // Архив ИА НАНУ. 1974/13.
- Городцов В.А., 1905. Материалы археологических исследований на берегах р.Донца, Изюмского уезда, Харьковской губернии // Труды XII АС. Т.1. М.
- Городцов В.А., 1907. Дневник археологических исследований в Бахмутском уезде, Екатеринославской губернии 1903 года // Труды XIII АС. М.
- Дворниченко В.В., 1981. Погребения предскифского времени на Нижней Волге // КСИА. Вып.170.
- Дубовская О.Р., 1985. Погребение лучника раннего железного века // СА. № 2.
- Дубовская О.Р., 1994. Локальные зоны черноморовской культуры (по материалам скорченных погребений) // РА. № 2.
- Евдокимов Г.Л., 1992. Погребения эпохи поздней бронзы Астаховского могильника. Киев.
- Иессен А.А., 1953. К вопросу о памятниках VIII-VII вв. до н.э. на юге европейской части СССР // СА. Вып.XVIII.
- Колотухин В.А., 1996. Горный Крым в эпоху поздней бронзы – начале железного века. Киев.
- Копылов В.П., Лукьяшко С.И., 1995. Погребения предскифского и скифского времени в междуречье Дона и Сала // Донские древности. Вып.4.
- Красильников К.И., 1974. Отчет о проведении спасательных археологических работ кургана на шахте «Бежановская», г.Кировск, Ворошиловградской обл. // Архив ИА НАНУ. 1974/34.
- Кротова А.А., 1976. Отчет о работе Говорухинского отряда Северско-Донецкой экспедиции в 1975-76 гг. // Архив ИА НАНУ. 1976/10а.
- Лесков А.М., Эрлих В.Р., 1999. Могильник Фарс/Клады. М.
- Ловпаче Н.Г., 1981. Эволюция форм и художественных средств в меотской керамике // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп.
- Лукьяшко С.И., 1999. Предскифский период на Нижнем Дону. Азов.
- Махортых С.В., 1999. О предскифских шлемовидных бляхах // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье.
- Махортых С.В., 2002. Дунайско-Днестровская территориальная подгруппа киммерийских памятников // Сучасні проблеми археології Київ.
- Ольховский В.С., 2000. Монументальная скульптура кочевников Евразии: проблемы источниковедения // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М.
- Писларий И.А., Гладких М.И., 1973. Отчет о работе Северско-Донецкой новостроечной экспедиции в 1973 г. // Архив ИА НАНУ. 1973/9.
- Ромашко В.А., 1979. Новые киммерийские памятники в материалах экспедиции ДГУ // Курганные древности степного Поднепровья III-I тыс. до н.э. Днепропетровск.
- Сазонов А.А., 1995. Ранняя группа конских жертвоприношений протомеотского могильника Пшиш-1 // Археология Адыгеи. Майкоп.
- Смирнов К.Ф., 1961. Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей // СА. № 1.
- Татаринов С.И., 1982. Раннескифское погребение из Приазовья // СА. № 1.
- Тереножкин А.И., 1976. Киммерийцы. К.
- Шаповалов Т.А., 1971. Погребение предскифского времени в кургане Стрижена могила // Археологические исследования на Украине в 1968 г. Вып.3. Киев.
- Machortych S.V., 1986. Neues über die Beziehungen der Kimmerier zur Karpaten-Donau-Welt // Das Karpatenbecken und die osteuropäische Steppe. München.

О ХРОНОЛОГИИ «КИММЕРИЙСКИХ» И РАННЕСКИФСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ¹

Отшумевшая в 90-х г. прошлого века на страницах российских научных журналов дискуссия о хронологии раннескифской культуры и культурной принадлежности киммерийцев обнаружила весь спектр взглядов на эти проблемы.

Своеобразным отголоском этой дискуссии можно считать и вышедший совсем недавно внушительный том А.И.Иванчика («Киммерийцы и скифы». М., 2001), посвященный, во-первых, «выяснению того, какая археологическая реальность скрывается за сообщениями письменных источников о киммерийцах». Вторую задачу исследования автор формулирует как попытку «привязать наиболее поздние памятники предскифской культуры и наиболее ранние памятники раннескифской культуры к существующим системам абсолютной хронологии, прежде всего хронологии передневосточной, а также и центральноевропейской».

Наконец третья проблема, которую обозначает автор в своем введении, – вопрос культурных связей населения степей конца предскифского и раннескифского периода с населением Кавказа, Передней Азии и Центральной Европы.

В первой главе своего исследования, озаглавленной «Археологические свидетельства походов евразийских кочевников в Малой Азии», автор, возвращаясь к своим прежним исследованиям аккадских текстов, приходит к заключению, что реальные киммерийцы, с которыми ассирийцам приходилось сталкиваться в конце VIII–VII до н.э., в культурном отношении были близки скифам (с.16). Это соответствует тезису, выдвинутому еще в 1954 г. А.А.Иессеном, писавшим, что «в создателях комплексов VIII–VII вв. до н.э. мы можем видеть как предков скифов, так и киммерийцев» (Иессен А.А., 1954, с.130).

Тем не менее А.И.Иванчик замечает ниже (с.19), что древние восточные авторы достаточно четко различали «киммерийцев» и «скифов» и в запросах к оракулу бога Шамаша (начало VII в. до н.э.) одно понятие никогда не перекрывает другое.

Важной составляющей этой главы является разбор кочевнических комплексов из Центральной Анатолии (Норшун-тепе и Имирлер). В комплексе из Норшун-тепе А.И.Иванчик справедливо выделяет закавказские (урартские) элементы – удила с перевитыми петлями, застежку (автор склоняется к ее трактовке как закавказской). Исследователь сомневается, отнести к скифской или переднеазиатской культуре наконечники копий с четко выделенным центральным ребром. При этом А.И.Иванчик забывает, что железные копия с выделенным ребром, подражающие бронзовым, известны в Предкавказье – в кобанской культуре и в протомеотской группе памятников, а также в памятниках колхидской культуры Закавказья. Они различаются размерами и формой пера и, скорее всего, не могут быть четким культурным индикатором.

Говоря о раннескифских элементах удил и пронизях в виде грифобарана, А.И.Иванчик отмечает, что подобные элементы «могут считаться надежно диагностирующим признаком именно раннескифской археологической культуры... Подобные предметы неизвестны в памятниках самого раннего жаботинского этапа и входят в употребление лишь на келермесском этапе». Однако автор не учитывает суть самого «жаботинского» этапа как переходного, сочетающего как раннескифские элементы – «стремчовидные псалии, пронизи в зверином стиле», так и вещи предшествующей, новочеркасской эпохи, к которой А.И.Иванчик относит найденное в Норшун-тепе кольцо с подвижной муфтой.

Поэтому нам кажется сомнительной синхронизация этого комплекса с келермесскими памятниками, хотя бы потому, что в ранне-

¹ Статья подготовлена к печати при финансовой поддержке «Фонда содействия отечественной науке», которому мы и выражаем искреннюю признательность.

скифских курганах встречаются уже не предметы, надежно датируемые новочеркасским временем, а лишь их «рудименты» – железные двукольчатые удила, «солярная» символика на фаларах. Кроме того, читателю остается неясным, можно ли связывать вышеупомянутое кольцо с комплексами типа новочеркасского клада, как это предполагает автор на с.35, или «вовсе необязательно связывать этот предмет с культурой новочеркасского клада», а следует отнести его к «местной части погребения» (с.36). Однако местные аналогии этому изделию исследователем не приведены. Непонятно также, на чем основана наибольшая близость погребения из Норшун-тепе Малому Мильскому кургану, которую постулирует А.И.Иванчик. Сходство имеется лишь в тех элементах, которые автор считает переднеазиатскими (или закавказскими), в то же время собственно скифские элементы (не говоря уже об обряде) Малого Мильского кургана с погребением коней из Норшун-тепе не имеют ничего общего.

Вторым переднеазиатским комплексом, которым оперирует исследователь, является погребение из грабительских раскопок у дер.Имирлер. Разбирая его, он приводит кавказские и закавказские аналогии для меча, а также для стрел (Келермесс). Говоря о клевце из Имирлера, А.И.Иванчик замечает, что в целом клевцы не характерны для Причерноморья и Северного Кавказа (где их находки единичны), а происходят с Востока Евразии. Тут же высказывается гипотеза, что «находки биметаллических клевцов отражают путь продвижения киммерийцев (или одного из элементов, входивших в состав киммерийских групп) из Центральной Азии или южного Приуралья через Кавказ в Переднюю Азию» (с.49). Следует ли из этой фразы то, что корни киммерийцев, как и корни скифов, мы должны искать в Центральной Азии? Непонятно.

Подводя итог своей работе по выделению «киммерийской» культуры и определению ее отличия от скифской, А.И.Иванчик называет две отличительные черты киммерийцев – биметаллические клевцы и каменные склепы, присутствующие, по его мнению, только в Центральном Предкавказье (курганный могильник Красное Знамя).

После чтения этого раздела остается неясным, где теперь А.И.Иванчик локализует страну «Гамир» – с северной или с южной стороны Кавказского хребта? Если раньше автор, опи-

раясь на письменные источники, локализовал ее в южной части Центрального Закавказья севернее Урарту (Иванчик А.И., 1996, с.30), то теперь он размещает землю пребывания киммерийцев в Центральном Предкавказье. Аналогии, приводимые А.И.Иванчиком для «киммерийского» погребального обряда, удивительны. Если «эталонные» киммерийские памятники в Турции представляют собой бескурганные каменные склепы, то к северу от Кавказских гор в качестве аналогий он приводит подкурганные каменные склепы. Тогда, скорее, как аналогии можно было бы привести бескурганные склепы или каменные ящики кобанской культуры.

Такая черта, как курганный обряд, характерный для раннескифских памятников Предкавказья («киммерийских») в современном понимании А.И.Иванчика, почему-то в расчет им не принимается. Клевцы же, найденные на Северном Кавказе в районе Пятигорска (Перкальский могильник) и в верховьях реки Баксан – (Гунделен), встречены в контексте кобанской культуры и отношения к «раннескифской» культуре не имеют. Причем клевец из Гунделена, очевидно, переиспользован, встречен в комплексе, датированном В.И.Козенковой V в. до н.э. (Козенкова В.И., 1995, с.75), и, соответственно, отношения к раннескифской культуре (как и к киммерийской) иметь не может.

Подводя итог своему анализу «киммерийских» комплексов в Малой Азии, автор заключает, что кочевнические погребения в Имирлере и Норшунтепе могут быть идентифицированы как киммерийские, а эти киммерийцы «принадлежат в полном соответствии с косвенными данными акадских текстов к той же археологической культуре, что и ранние скифы, возможно с незначительными локальными особенностями» (с.57). Следует отметить, что идея об интерпретации этих погребений как киммерийских уже была высказана рядом исследователей, но А.И.Иванчик почему-то забыл это отметить (Алексеев А.Ю., Качалова Н.К., 1989; Алексеев А.Ю. и др., 1994; Медведская И.Н., 1992, с.105). Дата вышеуказанных погребений, как и келермесского этапа раннескифской культуры, определена автором между семидесятью и тридцатыми годами VII в. до н.э. (с.57).

Третью часть первой главы исследователь посвятил рассмотрению «скифских» находок на территории Малой Азии. А.И.Иванчик совершенно справедливо отмечает, что собственно скифские наконечники стрел, встречающие-

ся почти на каждом поселении, практически ничего не говорят о присутствии здесь собственно скифов и киммерийцев. Как правило, эти наконечники достаточно плохо стратифицированы и относятся к периоду с VII по V вв. до н.э. Следует добавить, что, восприняв идею этих наконечников стрел в самом их архаическом двухлопастном (ромбическом или овально-ромбическом) виде, население Малой Азии использовало такие стрелы на протяжении всего VII–VI вв. до н.э. Они встречаются тысячами вплоть до Пиренейского полуострова, куда, как считают испанские ученые, попадали через финикийских купцов (Ramon J., 1983; Quesada Sanz F., 1989). Тем не менее, когда такие стрелы определенно попадают в слои первой половины VII в. до н.э. (Богазкей, Нуш-и-джан), автор уверенно приписывает их киммерийцам, делая это без всякой археологической верификации. Однако следует заметить, что датировка этих слоев может измениться, как изменилась недавно датировка слоя пожара в Гордионе, традиционно связываемого с киммерийцами.

Бутероль из Сард, на наш взгляд, нельзя уверенно относить к «раннескифской культуре», характеризующей, по мнению А.И.Иванчика, материальную культуру киммерийцев. Впервые, мастер, изготовивший её, уже полностью утратил представление о значении изображения и понимание того, что это свернувшийся хищник. Это хорошо подтверждается и приведенными автором «аналогиями» (с.78,79). Даже хищники на ахеменидских бутеролях намного ближе (по пониманию самого образа) к раннескифским прототипам. В действительности, это изделие с определенной серией изображений свернувшегося хищника сближает сердцевидное ухо. Очевидно, что мастер, изготовивший данный предмет, был знаком с подобной схемой, но до конца не понимал ее (если эта пластина действительно является двусторонней, так как в публикации не приводится её сечение). Поэтому столь безапелляционная атрибуция этого изделия как произведения «раннескифского» искусства как раз и вызывает сомнение. Скорее всего, его можно отнести к «псевдокочевническому» искусству, о котором А.И.Иванчик пишет несколько ниже.

Наиболее уязвимой для критики является вторая часть книги, посвященная хронологии. В ней автор пытается пересмотреть существующие хронологические схемы и удревнить пласт комплексов типа «новочеркасского» клада до рубежа IX–VIII в. до н.э.

Начало собственно «келермесского» этапа раннескифской культуры автор относит к концу VIII в. до н.э., основываясь на дате к.15 у Стеблева, предложенной В.И.Клочко и С.А.Скорым (1993). В состав этого комплекса входили уздечный набор раннескифского времени (петельчатые удила и трехпетельчатые псалии), наконечники стрел с овальной головкой и внутренней втулкой (3 экз.), причем четвертый экземпляр имел также овальную головку и выделенную втулку (что, в общем-то, характерно для наконечников стрел келермесского времени) и железный молот. На основании стрел с укороченной втулкой и железного молота публикаторы датировали комплекс из Стеблева VIII в. до н.э. Однако, как уже не раз указывалось, не все наконечники стрел безоговорочно можно отнести к «западноказахстанским», а приведенный авторами в качестве аналогии боевой молот из Уйгарака является бронзовым. Кроме того, столь ранняя дата сакских памятников Приаралья весьма спорна (см.: Итина М.А., Яблонский Л.Т., 1997, с.70–72). Утверждение А.И.Иванчика о том, что подобные молотки неизвестны в памятниках предскифских культур Северного Причерноморья и Предкавказья, является ошибочным. Совсем необязательно связывать вышеназванный молоток с востоком Евразии, каменные и бронзовые молотки имеются в предшествующее время и на Северном Кавказе. В.И.Козенкова указывает и на один железный молоток (1995, с.81). По своей форме бронзовый молоток из могильника Клин-Яр III очень близок молотку из Стеблева (Дударев С.Л., 1999, с.259, рис.32,8).

Гораздо корректнее датировать этот комплекс по вещам, получившим широкое распространение в Причерноморье, а именно по железным петельчатым удилам и железным трехпетельчатым псалиям, относящимся уже к келермесскому времени. Подобный тип узды практически не встречается в переходный «жаботинский» период. Нам известен лишь один комплекс, где петельчатые железные удила встречены с бронзовыми псалиями, близкими к типу «Уашхиту-Жаботин» (могильник Шесхарис под Новороссийском). В этот комплекс входили также кубические пронизи для перекрестных ремней.

Однако в кургане Стеблев встречены уже трехпетельчатые железные псалии. Таким образом, этот памятник в схеме относительной хронологии нельзя отрывать от даты Келермес-

ских курганов и он не может являться доказательством начала «келермесского» этапа еще в VIII веке.

Не может являться надежным хронологическим репером и дата китайских шлемов, послуживших, как справедливо считает А.И.Иванчик (и не только он), прототипами шлемов «кубанского» типа. Судя по последним исследованиям Д.Сук Бе по хронологии комплексов, содержащих эти шлемы, п.М101 Няньшаньгеня можно датировать на протяжении всего VIII в. до н.э., а комплекс 1958 г., возможно, заходит и в VII в. до н.э. (Сук Бе Д., 2000, с.133, табл.5). Таким образом, хронологический разрыв для возможности заимствования этого типа шлемов на востоке не так уж велик.

Необходимо учитывать, что недавно появились новые опорные даты для раннескифской хронологии. При исследовании к.16 у с.Новозаведенное были найдены фрагменты североионийской греческой керамики – ойнохой и чаши, даты которых близки к рубежу VII–VI вв. до н.э. (Петренко В.Г. и др., 2000, с.240,241). Комплекс этого кургана имеет ряд прямых аналогий с курганами Келермесса (курганы Шульца, к.24 и к.2 Веселовского), а также с Первым Краснознаменским курганом и I-м Ульским курганом 1898 г. Это удила и пронизи для перекрестных ремней, фалары, бляшки, грибовидные столбики, наконечники стрел. По справедливому мнению авторов публикации, хронологический разрыв между Келермесскими и Новозаведенскими курганами (даже если он и был) не мог быть большим (Петренко В.Г. и др., 2000, с.246). Следовательно, дата курганов Келермесса, как и всего раннескифского комплекса, не может быть сильно оторвана от рубежа VII–VI вв. до н.э. Следует отметить, что сейчас в Причерноморье, по данным В.П.Копылова, известно 24 раннескифских погребальных комплекса с восточногреческой керамикой, датирующейся в диапазоне третьей четверти VII – первой половины VI в. до н.э. Эта керамика попала туда, по мнению В.П.Копылова, благодаря связям с Таганрогским поселением – древнейшей колонией милетян, расположенной в устье Дона (Копылов В.П., 2002, с.276 и сл.; 2002а, с.230).

Таким образом, в последнее время появились новые надежные даты для уточнения времени бытования раннескифского комплекса, основанные на североионийском импорте. Очевидно, что события, о которых писал Геро-

дот (скифские походы), действительно происходили накануне, если не во время начала греческой колонизации Северного Причерноморья (ср. Иванчик А.И., 2001, с.114).

Теперь рассмотрим аргументы А.И.Иванчика, касающиеся относительной и абсолютной хронологии предскифских памятников.

Исследователь, с определенной долей оговорок, принимает существующие схемы относительной хронологии, разработанные исследователями предскифских памятников юга Восточной Европы, сетуя, однако, на то, что они основаны лишь на одном материале – уздечных наборах (с.123–128). Во всяком случае, А.И.Иванчик не предлагает свою схему. Все существующие периодизации имеют некоторые особенности, но, тем не менее, находятся в единых хронологических пределах конца IX – начала или первой половины VII в. до н.э.

Однако А.И.Иванчик имеет существенные претензии к абсолютным датам, используемым этими исследователями. Остановимся на этом подробнее.

Автор настаивает на датировке средневропейскогоклада из Прюдь по наиболее ранним составляющим – бронзовым кельтам. Тем не менее одному из нас уже неоднократно приходилось писать, возражая В.И.Козенковой, что датировать клад следует по позднейшим вещам (см. например Эрлих В.Р., 1997, с.24,25).

Важно, что к этой же мысли независимо от нас пришел и первый публикатор клада Т.Кименцеи. К поздним вещам в составе клада кроме колец с привесками новочеркасского типа он причислил навершие булавы восточного облика, приведя ему ряд аналогий, как из Средней Европы, так и с Кавказа (Бихаругра, Физешу Джерлии, п.15 у Кисловодской мебельной фабрики). Кроме того, бронзовые кельты, на которых основывается ранняя дата клада Прюдь, не уникальны в Средней Европе и для более поздних комплексов. Например, Тиббор Кеменцеи указывает на наличие их в кладах Занда вместе с чашей штилфридского типа. Подобные чаши характерны для Центральной Европы и Северной Италии в финале культуры полей погребальных урн и в начале собственно гальштатской, т.е. в VIII–VII вв. до н.э. (Kemenczei T., 1994, p.597,598).

Мы же, в свою очередь, можем указать на находку одноушкового кельта в комплексе из Яньево (Сербия) вместе с псалиями варианта «Дюнакомлод-Яньево» (по Я.Хохоровскому)

(Kossak G., 1980, Taf.4,5). Этот вариант трехмуфтового псалия с лопастью соответствует причерноморским псалиям варианта «Уашхиту» типа «Уашхиту-Жаботин» (см. Эрлих В.Р., 1997, с.30, рис.6). Интересно, что псалии, наиболее близкие экземплярам из Яньево (со шляпкой на противоположном конце лопасти) (рис.1,12), обнаружены среди предметов колесничной упряжи основного захоронения к.2 у пос.Хаджох в Адыгее (Сазонов А.А., 2000, с.60, рис.4) (рис.1,10). На псалиях типа «Уашхиту-Жаботин» мы остановимся несколько ниже. Однако заметим, что комплекс из Яньево Я.Хохоровский относит к третьему горизонту своей периодизации памятников с «киммерийским» влиянием, который он датирует по средневропейской шкале временем HaB3. Для псалиев варианта «Яньево» он принимает дату причерноморских псалиев типа «Уашхиту-Жаботин», а именно конец VIII – начало VII вв. до н.э. (Chochorowski J., 1993, P.63)². Однако мы не исключаем и появления этого варианта в Средней Европе независимо от варианта «Уашхиту», на основе типа «Дюнакомлод», по Я.Хохоровскому (тип I, по К.Метцнер-Небельсик) под влиянием «классических» новочеркасских псалиев. Это, однако, не могло произойти раньше последней четверти VIII в. до н.э. – времени появления новочеркасских псалиев «классического» варианта.

В одной из последних работ, посвященной хронологии Центральной Европы периода перехода к раннему железному веку, опубликованной К.Пеа, клад Прюдь был отнесен к наиболее позднему горизонту европейских кладов (Depotfundstufe VI), куда также были отнесены такие известные карпато-дунайские клады как Бихаругра, Диньес, Дюнакомлод, Печ, Фюгод, Занда, Шаренград, Яньево I и II. Автор синхронизирует их, в том числе и по бронзовым кельтам (Pate C., 1998, S.370–373, Abb.32,26–33). Этот горизонт кладов Пеа, даже принимая новую, пониженную шкалу европейской хронологии, датирует в пределах VIII в. до н.э., соотнося его с поздним черногоровским и новочеркасским периодами (Pate C., 1998, S.419, Tab.6).

² Интересно, что этот вариант не был учтен в классификации средневропейских псалиев К.Метцнер-Небельсик (1994, S.387, Abb.1), а в работе 2002 г. псалии из Уашхиту по непонятным причинам были отнесены к «классическим» новочеркасским (2002, S.513).

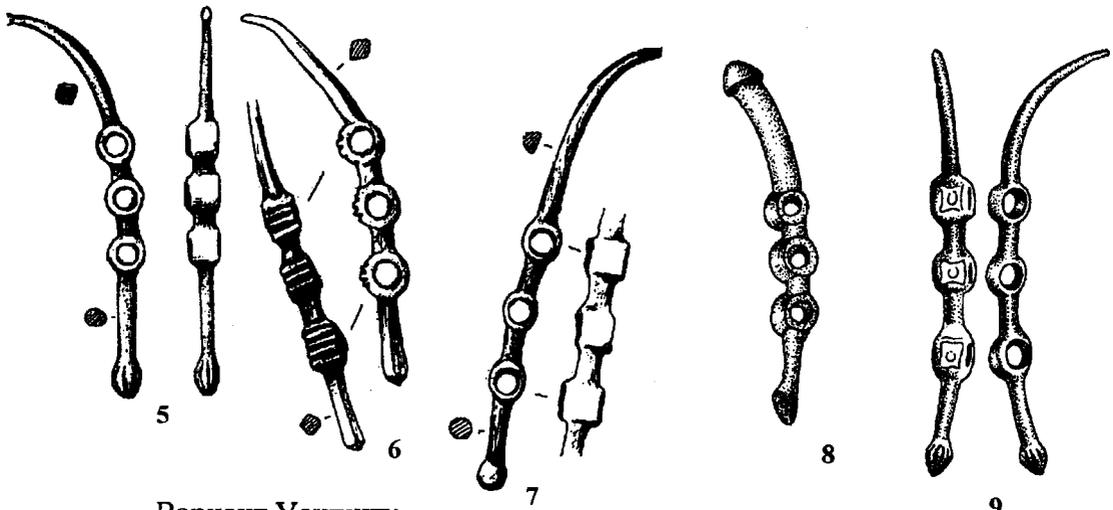
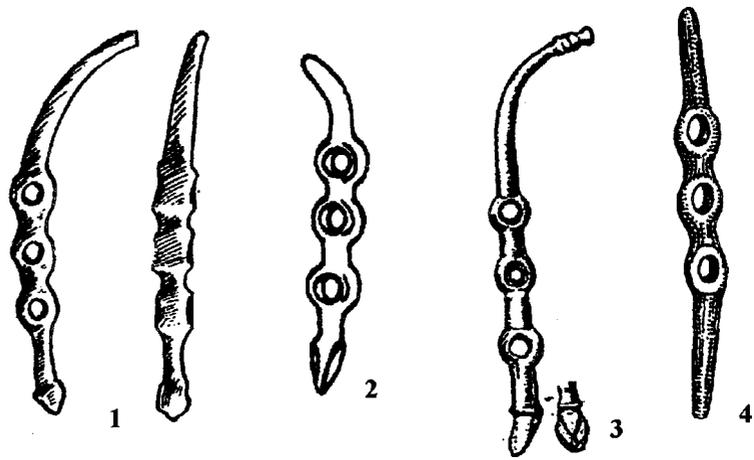
Таким образом, имеется целый ряд аргументов, позволяющих относить кельты из клада Прюдь к более позднему времени и делающих невозможным датировку памятников новочеркасского периода IX в. до н.э.

Предновочеркасский период на Северном Кавказе А.И.Иванчик синхронизирует по накопке стрелы «килевидной» формы из п.34 могильника на Кисловодской мебельной фабрике с периодом HaB1, а может быть даже и HaA (X или, самое позднее, IX вв. до н.э.), не обращая внимание на железный топор, имеющийся в этом комплексе. Общеизвестно, что на Кавказе железные топоры происходят от бронзовых колхидских и кобанских топоров и начинают распространяться в период перехода к железному веку. По данным С.А.Есаяна и М.Н.Погребовой, в Закавказье они появляются в конце VIII в. до н.э., а наибольшего распространения достигают в VII–VI вв. до н.э. (Есаян С.А., Погребова М.Н., 1985, с.79–85). Бронзовые топоры еще продолжают встречаться в раннескифское время, например в Тлийском могильнике вместе со скифскими акинаками в погребениях 68, 85, 129 (Техов Б.В., 1980, рис.2,4,9). Безусловно, топор из п.34 могильника на Кисловодской мебельной фабрике относится к наиболее ранним железным топорам Северного Кавказа, но датировать его X–IX вв. до н.э. нет никаких оснований.

Сопоставление псалия из кургана Уашхиту с псалием из п.47 Калакента весьма сомнительно хотя бы потому, что отверстия последнего не оформлены муфтами. Если бы не этот, по мнению А.И.Иванчика, «не столь важный признак», то мы с трудом отличали бы модификации трубчатых или муфтовых псалиев от черногоровских и сялковских. Псалии из Уашхиту, безусловно, ближе к псалиям жаботинского к.524 и хут.Алексеевского, чем к калакентским. С другой стороны, псалии из Калакента являются результатом «новочеркасского» влияния на закавказскую узду и, возможно, косвенным свидетельством присутствия носителей этого комплекса к югу от Кавказского хребта, что А.И.Иванчик категорически отрицает.

Датируя позднейшие комплексы времени Новочеркасского клада не позднее рубежа IX–VIII вв., А.И.Иванчик никак не объясняет, например, близкое сходство колесничных трехпрорезных пронизей, которые имеются в Уашхиту, в кладах Дюнакомлод в Средней Европе, в

Вариант Жаботин

Вариант Уашхиту

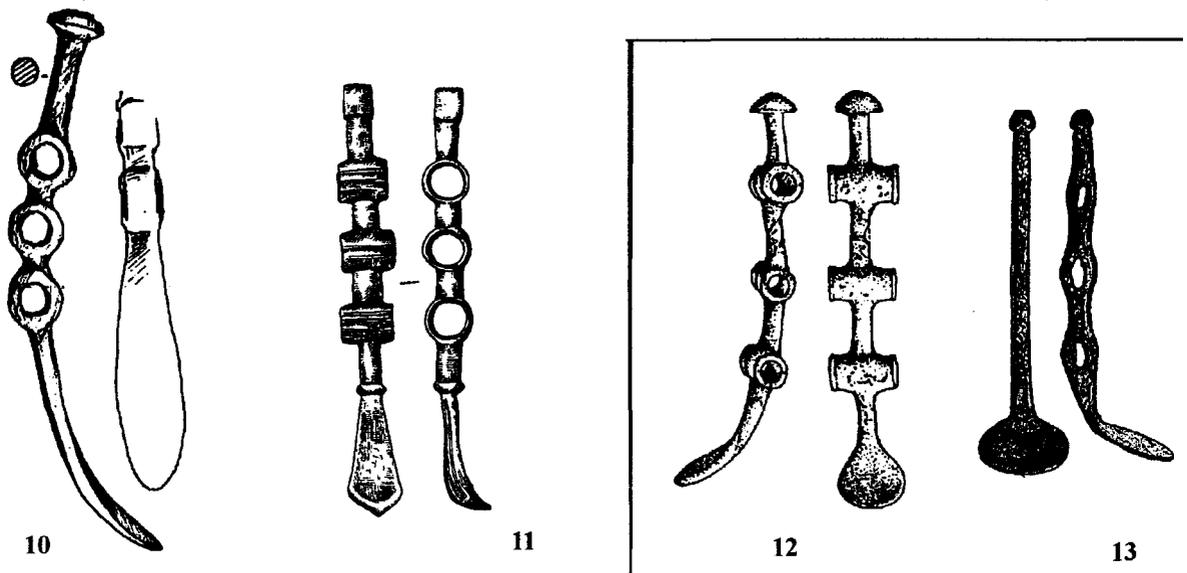

Рис. 1. Псалии типа Уашхиту-Жаботин и соответствующие им варианты в Средней Европе и Закавказье. 1 – Емчиха, к.375; 2 – Медвин, гр.П, к.2; 3 – Яснозорье к.6; 4 – Тенетинка, к.183; 5 – Хаджох, к.1; 6,7,10 – Хаджох, к.2; 8 – хутор Алексеевский; 9 – Жаботин, к.524; 11 – Уашхиту, к.1; 12 – Яньево; 13 – Калакент, п.47

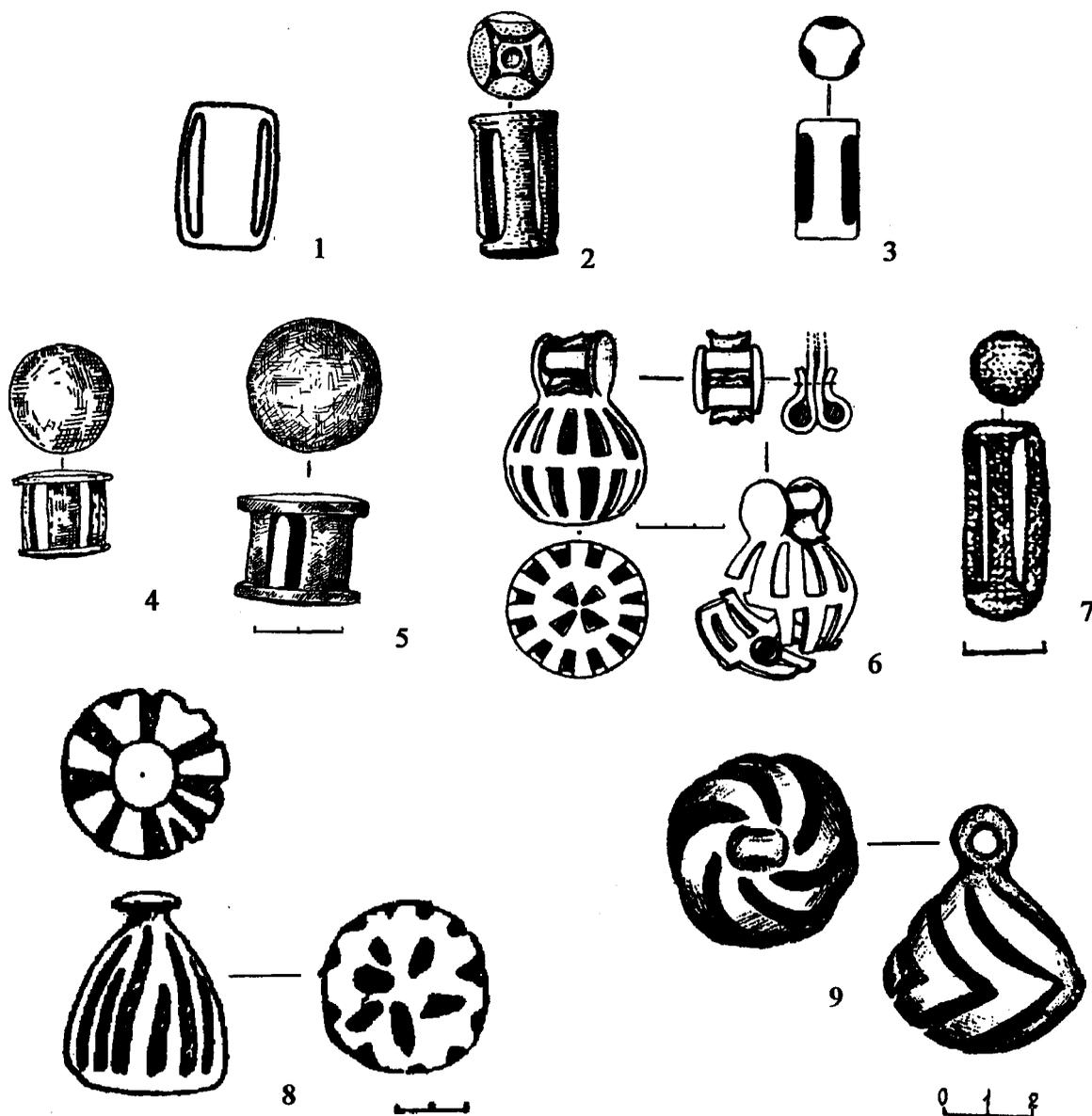

Рис. 2. Трехпрорезные пронизи колесничной упряжи и бубенчики. 1 – Красное Знамя, к.1; 2 – Келермес, к.2/В; 3 – Нартан, к.20; 4 – Комлед (Дюнакомлед); 5 – Уашхиту; 6 – Квитки; 7 – Слободзея; 8 – Кочипе, п.33; 9 – Хаджох, к.1

Квитках (вместе с бубенцами), а также в Слободзее в Приднестровье³ (Эрлих В.Р., 1994, табл.5,37,38; Chochorowski J., 1993, с.101, рис.8,5; Ковпаненко Г.Т., Гупало Н.Д., 1984, рис.6,2,3; Яровой Е.В. и др., 2002, с.301, рис.9,2,3) (рис.2,4–7).

Подобные пронизи используются и в ранне скифское время в могильнике Красное Знамя

³ Мы считаем, что эти пронизи и являются «верхним» хроноиндиктором комплекса, определяя его датировку.

(также в упряжи колесницы, которую и А.И.Иванчик датирует 670–640 гг.), в к.2/В Келермесской группы и в к.20 могильника Нартан (Петренко В.Г., 1983, с.47. рис.27; Галанина Л.К., 1997, с.243, кат. №№ 285,286; Батчаев В.И., 1985, табл.48,18) (рис.2,1–3).

Свою хронологическую колонку А.И.Иванчик нам не представляет. Мы можем лишь ее реконструировать, исходя из текста книги, соотнося с той относительной хронологией, которую исследователь не пересматривает (табл.1).

Таблица 1

Хронологические периоды (Предкавказье и Северное Причерноморье)	«Традиционные» даты	Даты по: Иванчик А.И., 2001
Черногоровский и Предновочеркасский	(IX – ?) или первая половина – последняя четверть VIII в. до н.э.	X–IX (не позже IX) вв. до н.э.
Новочеркасский классический и позднейший «переходный» (Уашхиту, Квитки, Бутенки и др.)	Конец VIII – первая половина VII вв. до н.э.	Не позже рубежа IX–VIII вв. до н.э.
Жаботинский (РСК-I)	В пределах первой половины VII в. до н.э.	VIII в до н.э. – ?
Раннескифский «келермесский» (РСК-II)	В пределах второй половины VII в. до н.э.	Конец VIII (Стеблев) или 70-е гг. VII в. (Норшун-тепе) – ? – 30-е гг. VII вв. до н.э.

Из всего этого следует, что для существования переходного от предскифского к раннескифскому жаботинского этапа или РСК-I (по И.Н.Медведской) А.И.Иванчик выделяет около 100 лет.

В данной связи весьма показательны материалы древнейших курганов предскифского и раннескифского времени Закубанья. Например, в пределах одного памятника, а именно могильника Фарс/Клады, этот этап никак не проявился. За курганами с классическим «новочеркасским» материалом (курганы 46 и 48), сразу следует к.41, относящийся уже к келермесскому периоду. При этом по своей конструкции и топографическому расположению эти курганы близки. В к.41 найдены лишь двукольчатые железные удила, которые являются дериватами новочеркасских (что, кстати, сближает их с Келермесом), и «жаботинские» стрелы. Однако и клювовидные пронизи, и остальная узда уже целиком могут быть отнесены к раннескифской культуре (Лесков А.М., Эрлих В.Р., 1999, с.68,69). В то же время недалеко от Фарса известны Хаджожские курганы с тремя колесничными наборами, недавно полностью опубликованные А.А.Сазоновым (2000, с.42–67). Хронологически их целиком можно отнести к жаботинскому пласту, а их содержимое показывает все то смешение и разнообразие форм, которое существовало в жаботинский период. Здесь преобладают псалии типа «Уашхиту-Жаботин» (рис.3–5), но уже встречаются бронзовые раннескифские. Есть стремячковидные удила с дополнительным отверстием, есть и раннескиф-

ские бронзовые удила, есть также детали колесничной упряжи, аналогичные известным в Аксайском и Пишишском кладах. Более того, двукольчатые и стремячковидные раннескифские звенья удил встречены у одного уздечного комплекта. Имеются в Хаджохе и изделия, выполненные в зверином стиле (рис.3). Публикатор справедливо синхронизировал эти курганы с курганом Уашхиту и отнес их к первой половине VII в. до н.э. Таким образом, Хаджожские курганы опять же наглядно показывают нам, что отрывать позднейшие новочеркасские древности от раннескифской культуры более чем столетней «жаботинской» прослойкой нельзя.

Псалии типа «Уашхиту-Жаботин» жаботинского варианта в равной степени встречаются в комплексах уже раннескифского времени в Украинской Лесостепи (Яснозорье, к.6; Емчиха, к.375; к.183 на р.Тенетинка; к.2, II группы у с.Медвин в Поросье) (Ковпаненко Г.Т. и др., 1994, с.55, рис.6,3; Ковпаненко Г.Т., 1981, с.109, рис.61,6,7,8; Ильинская В.А., 1975, табл.ХХIX,9) (рис.1,1–4). Исследователи справедливо относят их ко второй половине VII в. до н.э. (Ковпаненко Г.Т. и др., 1994, с.59). Однако все эти памятники, открытые как в первой половине 90-х годов прошлого века (Хаджожские курганы), так и гораздо раньше, в новейшем исследовании А.И.Иванчика учтены не были.

Касаясь вопроса о появлении на Северном Кавказе удил с жесткоскрепленными псалиями типа «Енджа-Константиновка», А.И.Иванчик не приводит убедительных доказательств их

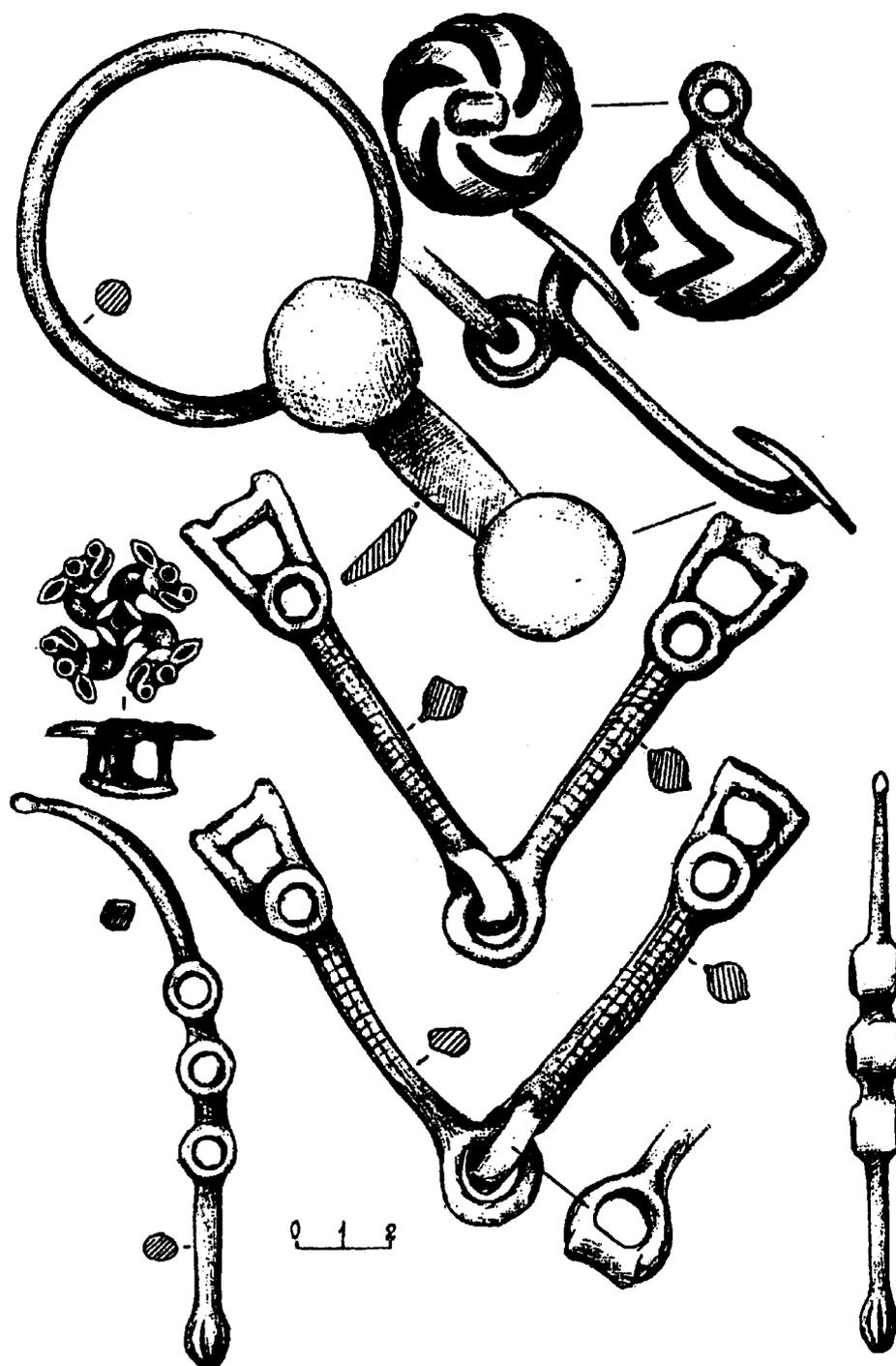

Рис. 3. Хаджох, к.1 (по: Сазонов А.А., 2000)

самостоятельного возникновения в Причерноморье. Напротив, представленный автором пространный исторический экскурс о закавказской и переднеазиатской узде, где жестко скрепленные с удилами псалии сменяют напускные, подводит читателя к мысли, что заимствование этой идеи произошло из Передней Азии и Закавказья. Следует отметить, что экземпля-

ры типа «Енджа-Константиновка» не являются единственными в Причерноморье и на Северном Кавказе удилами, в которых была реализована эта идея. Очевидно, с нею же связано и изготовление неразъемных подвижноскрепленных удил с псалиями, которые появляются в это же время или чуть раньше (Белинский А.Б., Вальчак С.Б., 1998, с.159,158).

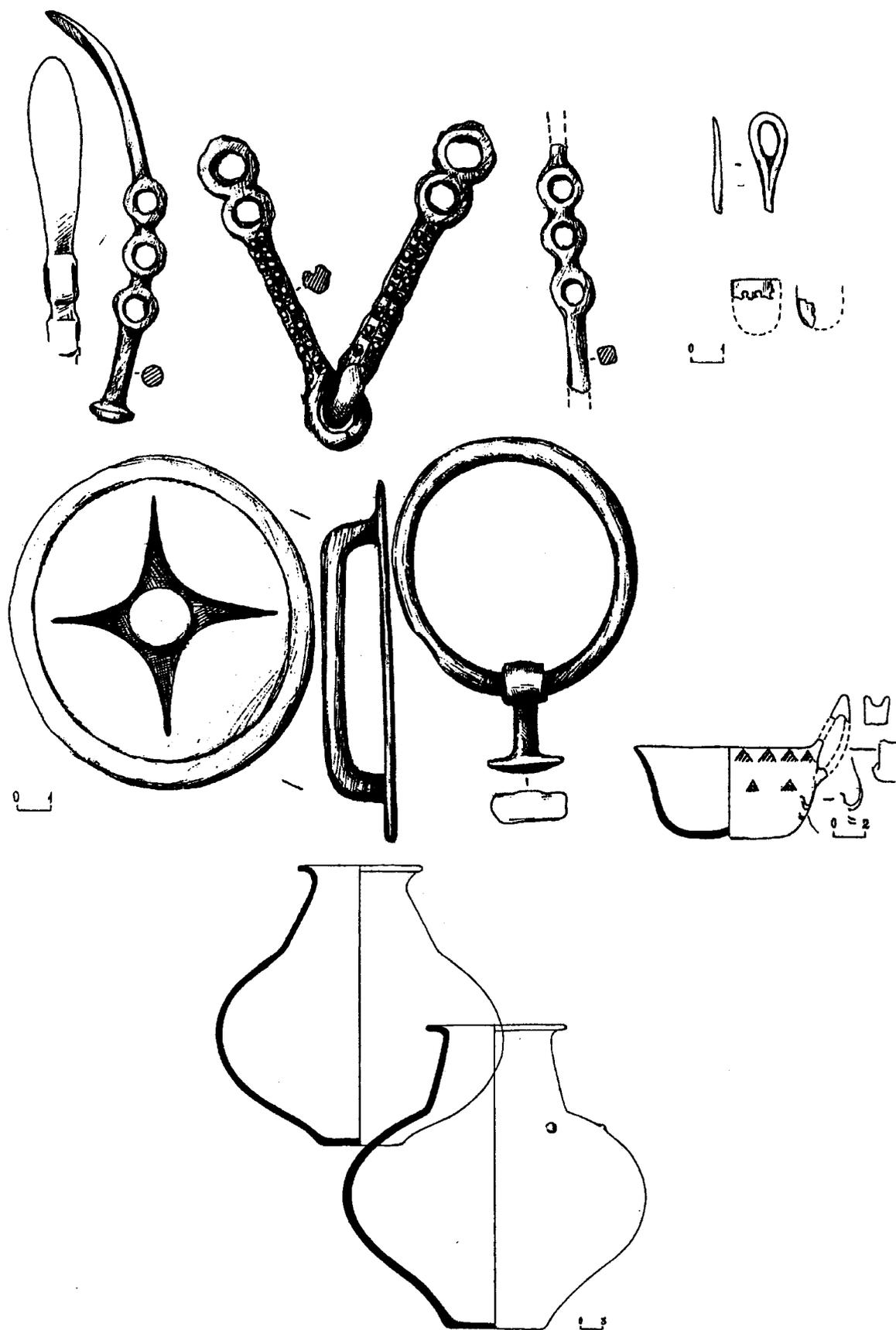

Рис. 4. Хаджох, к.2 (по: Сазонов А.А., 2000)

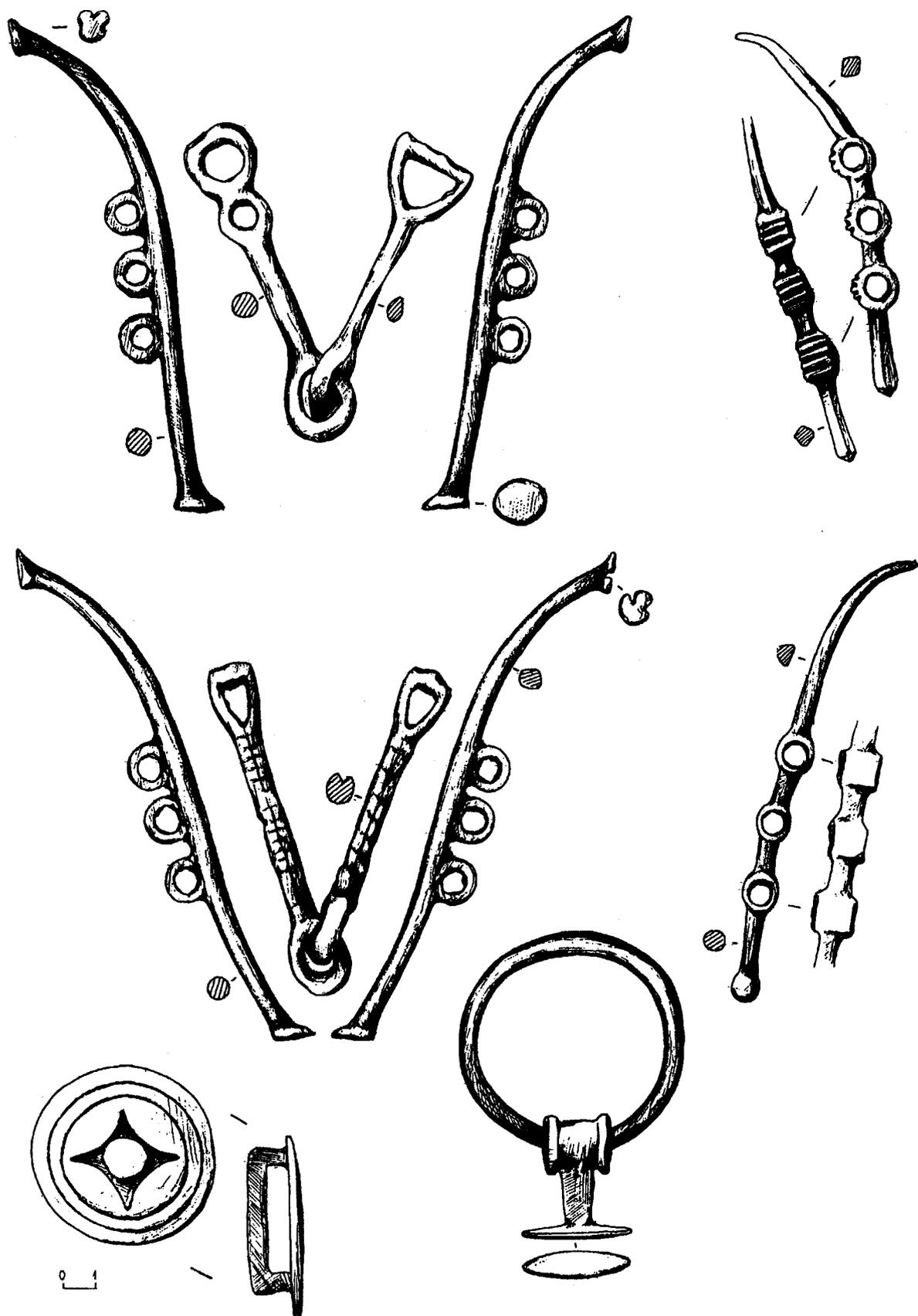

Рис. 5. Хаджох, к.2 (по: Сазонов А.А., 2000) – продолжение

На наш взгляд, не могут быть приняты во внимание аргументы А.И.Иванчика о том, что традиция колесниц и колесного транспорта в причерноморских степях не прерывалась с эпохи средней бронзы. Нужно хорошо представлять ситуацию в регионе и тот культурный субстрат, на базе которого формировались культуры предскифской эпохи (кобанская, черногоровская, предгорный вариант протомеотской группы памятников). Ни в «протокобанских» памятниках, ни в сабашиновской и белозерской культурах не свидетельствует об использовании колесного транспорта и колесниц. Более того, их нет и в памятниках черногоровского и предновочеркасского времени, хотя металлические детали узды и разнообразные уздечные аксессуары (бляшки, пронизи, лунницы, дополнительные звенья удила) были уже широко в ходу. Колесницы появляются лишь на завершающем этапе развития предскифской узды, в период «новочеркасской» классики и существуют практически до раннескифского времени. Выше мы уже отмечали, что такие же или близкие детали (цилиндрические пронизи) присутствуют у Краснознаменной колесницы и в к.20 Нартана.

Поэтому мы не можем исключать, что кольцо колесничной упряжи, положенное в кенотаф (согласно А.И.Иванчику) с конскими погребениями в Норшун-тепе, не является *pars pro toto* присутствием здесь колесничной упряжи, поскольку употребить подобное кольцо диаметром более 10 см в упряжи верховых лошадей весьма проблематично.

Интересно, что и в Средней Европе исследователи также наблюдают определенный перерыв в использование колесного транспорта в эпоху поздней бронзы. Возобновление этой традиции наблюдается на периферии среднеевропейского мира, в Этрурии под влиянием связей с Ближним Востоком раннегалльстатский период (Stary P.F., 1980; Hase von F.F., 1969, P.41; Pare C., 1992, P.192).

Объяснение появления чешуйчатых панцирей в погребениях и комплексах позднейшего предскифского времени (Уашхиту, Кабан-Гора, Индустрия) просто «торговыми или иными» (невоенными?) контактами с Закавказьем, которое предлагает А.И.Иванчик, нам видится маловероятным. Тогда бы эти панцири могли бы встречаться в воинских погребениях Северного Кавказа на протяжении всего VIII в. до н.э., поскольку связи с Закавказьем в это время имели место. Следует отметить, что фрагменты

панцирей пока найдены в наиболее поздних предскифских комплексах конца VIII – первой половины VII в. до н.э. или «переходных» к раннескифским (к.2 у поселка Хаджох) (рис.4). Таким образом, вполне логично предположить, что население Северного Кавказа могло заимствовать идею этого защитного вооружения в Закавказье или в Малой Азии во время военных походов именно в это время.

Дополнительным аргументом для доказательства ранней даты новочеркасских памятников для А.И.Иванчика послужили бубенцы-пронизи из кургана Квитки. Приводя достаточно большую сводку бубенцов из Ирана, Закавказья и Средней Европы, он полагает, что они в Закавказье вышли из употребления не позже середины VIII в. до н.э. и в Урартский период здесь в моду входят колокольчики (Иванчик А.И., 2002, с.226). Прежде всего, отметим, «неуникальность» бубенца из Квиток, о которой пишет автор. На Северо-Западном Кавказе бубенцы встречаются в предгорных памятниках протомеотской группы Кочипе и Хаджох. В п.33 могильника Кочипе бубенец грушевидной формы был найден *in situ* у костей коня в районе передней части (Ловпаче Н.Г., 1991, с.99, табл.VI,7). Он имеет шесть прорезей и железный шарик внутри (там же, с.83). Крепление к нагрудному ремню осуществлялось при помощи круглой бляшки на столбике (рис.3,8). Вместе с бубенцом в одном комплексе были найдены «классические» новочеркасские псалии в сочетании двукольчатыми удилами с ложновитым рифлением, два наконечника копья (бронзовый и железный), а также черпак с «рогатой» ручкой и биметаллический кинжал. По этому сочетанию мы можем отнести это погребение к концу VIII века до н.э.

Безусловно, к позднейшим предскифским комплексам первой половины VII в. до н.э. относится комплекс 1-го Хаджохского кургана. Хаджохский бубенец имелся среди вещей из разрушенного к.1. Бубенчик также имеет форму, близкую к грушевидной, и шесть прорезей, образующих спирально-зигзагообразный орнамент, такой, что при взгляде на него сверху или снизу, видна вихревая розетка. Крепление к ремню осуществлялось при помощи петельки округлой формы (рис.2,9). В комплекс входят четыре экземпляра стремячовидных удил с дополнительным отверстием, пара псалий типа «Уашхиту-Жаботин», аналогичные экземплярам из кургана Жаботин 524, четыре пронизи

Таблица 2

№	Памятник	Индекс лаборатории и № анализа	Дата ¹⁴ C ВР	Калиброванная дата (до н.э.)		Материал
				1σ	2σ	
1	Уашхиту, к.1	Ki-7769	2510±50	789–523	797–411	дерево
2	Уашхиту, к.1	Ki-7770	2570±50	805–559	829–521	дерево
3	Келермесс, к.31	Ua-11671	2555±50	800–550	812–516	кости собаки
4	Келермесс, к.31	Ua-11672	2520±60	792–530	800–414	дерево
5	Келермесс, к.31	Le-5185	2610±60	836–556	900–530	дерево
6	Келермесс, к.31	Le-5229	2540±40	794–552	802–526	кости собаки
7	Келермесс, к.31	Le-5231	2690±150	1040–540	1200–410	кости собаки
8	Келермесс, к.26б	Le-5444	2410±50	752–394	762–390	кости коня
9	Келермесс, к.24	Le-5445	2380±70	754–694	534–382	зуб коня
10	Новозаведенное, к.12	GIN-8298	2590±140	890–420	1030–380	кости
11	Новозаведенное, к.12	Ki-5435	2670±80	914–780	1008–380	
12	Новозаведенное, к.12	Ki-5436	2590±85	830–536	900–414	дерево
13	Новозаведенное, к.9	Le-5356	2630±35	816–794	832–774	уголь
14	Новозаведенное, к.13	Le-5358	2400±200	790–210	920 до н.э. – 10 н.э.	камыш
15	Новозаведенное, к.2	Le-5361	2480±40	762–522	768–412	дерево

для перекрестных ремней, выполненные в зварином стиле с плоскорельефным свастическим изображением головок хищников, а также два кольца колесничной упряжи с дополнительными привесками (Сазонов А.А., 2000, с.47,48) (рис.3). Таким образом, бубенцы использовались в Северном Причерноморье в предскифское время как в уздечке верхового коня, так и в колесничных наборах. Следует отметить, что в культуре луристанских бронз Ирана традиция использования бубенчиков продолжается до VII, если не до VI в. до н.э. (Погребова М.Н., 1984, с.119). Кажется сомнительным и безапелляционное утверждение А.И.Иванчика о том, что бубенчики перестают употребляться в Закавказье позже середины VIII в. до н.э. Во всяком случае, бубенчик грушевидной формы был встречен в п.47 могильника Парадизфестунг возле Калакента (Азербайджан) (Nagel W., Strommenger E., 1985, taf.19). В набор конского снаряжения из этой могилы входили кольчатые удила из перевитых прутьев, сочетающиеся с псалиями сиалковского варианта с лопастью, появившейся под новочеркасским влиянием, здесь же был найден бронзовый пояс. По своему составу этот комплекс датирован М.Н.Погребовой в пределах конца VIII – первой половины VII в. до н.э. (2001, с.325).

Приведенные А.И.Иванчиком средневропейские параллели прорезным бубенцам также

не могут быть надежным хронологическим аргументом. Комплексы Бихаругра и Шаренград, где встречены бубенцы, К.Пеа отнес к VI хронологическому горизонту кладов, синхронизирующемуся с NaC1–NaC1a (1998, p.370), что в абсолютных датах может соответствовать VIII, если не началу VII в. до н.э.

Существование бронзовых бубенцов в Северном Причерноморье, очевидно, ограничивается непродолжительным периодом, заключенным в рамки конца VIII – первой половины VII в. до н.э. В раннескифское время в конском снаряжении уже начинают использовать колокольчики, заимствованные, скорее всего, у урартов. Однако традиция бубенцов, как шумящих оберегов, продолжает жить в скифских нашествиях, наиболее ранние из которых имеют шаровидную или биконическую форму (Келермесские курганы), и, скорее всего, по своему происхождению связаны с подвесными бубенцами предскифского времени (Галанина Л.К., 1997, табл.44, №№ 44,67,214,215,300–302).

Наконец, нам бы хотелось привести радиоуглеродные даты кургана Уашхиту в сравнении с недавно впервые опубликованными радиоуглеродными датами ключевых раннескифских памятников Северного Кавказа (Alekseev A. et al., 2001, tab.1,2) (табл.2).

Из приведенных данных мы видим, что интервалы некалиброванных дат для Келермесса –

Таблица 3. Хронология памятников Колхиды (по А.И.Иванчику)

Памятники	Датировка
Лайлаши	XII–X вв. до н.э.
Приморское	вторая половина X – начало IX вв. до н.э.
Эшери (1930 г.), Анухва	не позже IX в. до н.э.
Нигозети	VIII в. до н.э.
Мехчис-Цихе	не раньше второй половины VIII в. до н.э.

2690±150–2380±70, а для Новозаведенного – 2670±80–2400±200 от наших дней. Две даты, полученные по дереву шатрового перекрытия кургана Уашхиту (2510±50, 2570±50) вполне в них укладываются. При всех сложностях нашего отношения к радиоуглеродным датам (как калиброванным, так и некалиброванным), приведенная серия, скорее всего, свидетельствует, что время сооружения кургана Уашхиту нельзя намного отрывать от даты раннескифских памятников Северного Причерноморья.

Таким образом, надежные аргументы, позволяющие датировать предскифский и раннескифский период Северного Причерноморья, не были приведены А.И.Иванчиком ни в системе средневропейской хронологии, ни в системе восточноевропейских древностей.

* * *

Обращаясь к памятникам Западного Закавказья, А.И.Иванчик оперирует весьма ограниченным набором комплексов. Вне поля зрения исследователя остались, в частности, колхидские могильники раннего железного века Эргета, Нигвзиани, Уреки, Мухурча, Торса Дгваба, дающие нам хронологическую колонку для региона не менее чем на три столетия. При этом исследователь не пытается проанализировать имеющиеся для этих памятников хронологические схемы, которые, зачастую, сильно отличаются друг от друга. Так как в монографии отсутствует предлагаемая автором хронологическая колонка для памятников Западного Закавказья, попытаемся восстановить её исходя из текста исследования (табл.3).

Само по себе обращение к памятникам Закавказья для их синхронизации с предскифскими и раннескифскими и выявление связей между степным миром, Предкавказьем и Закавказьем можно только приветствовать. Но это тема отдельного серьезного исследования,

требующего максимально полного владения материалом и предварительной работы по его классификации. К сожалению, о монографии А.И.Иванчика этого сказать нельзя.

Ничего, кроме удивления, не вызывает краткий экскурс А.И.Иванчика о кобанских фибулах (с.152,153). Автор справедливо отмечает, что дугообразные фибулы появляются в кобанской культуре в XI в. до н.э., а в Иране и Урарту не ранее последней четверти VIII в. до н.э. Поэтому, безусловно, предполагать заимствование фибул на Кавказ из Урарту не представляется возможным. Но вывод, который делает исследователь, является более чем смелым. По мнению А.И.Иванчика, «путь заимствования, по крайней мере в некоторых случаях, был противоположным». Основанием для такого заключения является комплекс п.1 некрополя Нор-Ареш (Эребуни) с «двумя бронзовыми фибулами кобанского типа». Отметим, что А.А.Мартirosян был более осторожен в трактовке этих фибул, отмечая их отличие от кобанских и предполагая, что они «изготовлены урартским мастером по древнекобанскому образцу» (Мартirosян А.А., 1964, с.243, табл.ХХIV,1,2). На самом деле, фибулы из Нор-Ареша не имеют практически ничего общего с кобанскими, отличаясь от них всем – формой дуги, приемником, характером кольцевидных утолщений по краям дужки, фигурками птиц на дуге. Вероятно, эти фибулы принадлежат к раннему и своеобразному типу урартских фибул, происхождение которого никак не связано с Центральным Кавказом.

Вопрос о происхождении кобанских фибул необходимо решать, учитывая находку типологически ранней фибулы в погребении XI–X вв. до н.э. у с.Степное, относящемся к белозерской культуре (Отрощенко В.В., 1975, рис.7). Вероятно, именно через лесостепь Восточной Европы идея дугообразной фибулы попала из Средиземноморья на Кавказ. Предполагать заимствование фибул через Западный Кавказ и Кол-

хиду не представляется возможным, так как ранние дугообразные фибулы там не обнаружены. Единственным исключением является фибула из Нового Афона (Куфтин Б.А., 1949, рис.29,3), относящаяся к иному типу (Сулава Н., 1999). Несколько ранних фибул с равномерно расширенной низкой дугой найдено в п.5 могильника Тетрицклеби в Восточной Грузии (Пицхелаури К.Н., 1969, табл.ХI,2), погребениях 591 и 600 могильника Самтавро, п.4 могильника Марал-Дереси (Куфтин Б.А., 1941, рис.74а,74б, табл.ХХIII; см. также: Chantre E., 1886, pl.XLIX,8), датированных не ранее XI–X вв. до н.э. Типологически ранние фибулы найдены в погребениях 2 и 4 кромлеха 10 в Стырфазе, одно из которых по характерному гребню синхронизируется с погребением в Марал-Дереси, а второе – содержит кинжал с рукоятью, датированный X–IX вв. до н.э. (Техов Б.В., 2000, рис.49,53). В материалах Тлийского могильника столь архаичные фибулы отсутствуют. К ранним фибулам можно отнести экземпляры из п.23а, датированного по орнаментированному топору X в. до н.э., погребений 37, 48, 52, 64, 99, 115 Тлийского могильника. Отсутствие в Тли наиболее ранних типов фибул лишней раз подтверждает наличие хиатуса между докобанскими и раннекобанскими погребениями могильника (Скаков А.Ю., 2001а, с.237,238).

Неоправданной выглядит попытка А.И.Иванчика датировать клад из Лайлаши около XII–X вв. до н.э., исходя из «формы топоров, в том числе бронзового топорика с шипами на обухе» (с.160,162). Типологически близкий топор известен в составе клада из Цхинвали, синхронизирующегося по ряду предметов с кладом из Мехчис-Цихе и датированного рубежом VIII–VII вв. до н.э. (Вальчак С.Б., Скаков А.Ю., 2002, с.137–140). Бляха из Лайлаши, как отметила В.И.Козенкова (1998, с.62), находит аналог в склепе 1928 г. из Гижгида, датированном не ранее второй половины VIII в. до н.э. Аналогичная бляха входит в состав клада из Нигозети, который А.И.Иванчик датирует VIII в. до н.э. (с.188,190). Таким образом, ни форма топоров, ни характер иных предметов не дают оснований для предлагаемой А.И.Иванчиком столь ранней датировки, даже более удрежняющей клад из Лайлаши, чем датировка Д.Л.Коридзе, относящего его к XI–X вв. до н.э. (Коридзе Д.Л., 1965, с.154).

Клад из Мехчис-Цихе А.И.Иванчик приводит по неточному и некачественному рисунку Д.Л.Коридзе. Между тем клад хранится в соб-

рании Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) в Санкт-Петербурге и ознакомиться с ним исследователю не составило бы труда. В этом случае ему удалось бы выяснить, что в состав клада, входят не четыре неорнаментированных топора, как это показано у автора, а два неорнаментированных топора с прямым корпусом и молоточковидным обухом и обломок топора с клиновидным обухом. В комплексе присутствует не одна, а две секиры различного типа, а найденное в кладах долото не имеет ничего общего с изображенным на рисунке автора (Вальчак С.Б., Скаков А.Ю., 2002).

Не вполне соответствует реальности и даже опубликованным Б.А.Куфтиным фотографиям (1949, табл.Х) приводимые А.И.Иванчиком изображения предметов из Приморского (рис.112, 2–10). Характер дужки фибулы и орнаментация гривны переданы неправильно, не показан орнамент на рукояти кинжала. Есть неточности и в описании коллекции из Приморского. По словам исследователя (с.230), в неё входили два топора – один орнаментированный с клиновидным обухом и почти симметричным лезвием и один с молоточковидным обухом и асимметричным лезвием. На самом деле, в состав коллекции входили также два фрагментированных топора (Куфтин Б.А., 1949, с.140). Более того, использование А.И.Иванчиком находки из Приморского для хронологических построений вряд ли оправданно, так как, по словам находчиков, найденные там вещи были сложены в два сосуда, то есть представляли из себя инвентарь двух урновых захоронений (Стражев В.И., 1926, с.106,107; Иващенко М.М., 1935, с.51; Куфтин Б.А., 1949, с.139). Нет никаких оснований считать эти погребения синхронными и, тем более, рассматривать их как один комплекс, используя его для корректировки хронологических схем.

К сожалению, С.Л.Дударев, критически отзывшись о хронологических построениях А.И.Иванчика, продолжает рассматривать коллекцию из Приморского как достоверный комплекс (Дударев С.Л., 2001, с.88–90). Используя для датировки «комплекса» из Приморского п.66 Тлийского могильника, С.Л.Дударев опирается, в частности, на находку в этом погребении катушкообразной подвески, «подобные которой», якобы, датируются на Западном Кавказе концом VII – первой половиной VI вв. до н.э. На самом деле, катушкообразные подвески западного варианта кобанской культуры типо-

логически сильно отличаются от тлийских или кобанских. Подвески, характерные для западного варианта (Козенкова В.И., 1998, с.47, табл.ХІІІ,12–14), нередко являются ажурными, они богато орнаментированы со всех сторон, их боковые стороны украшены орнаментом в виде зигзага или змеи. Напротив, катушкообразные подвески Тлийского и Кобанского могильников украшены только шнуровым орнаментом по боковым сторонам (Техов Б.В., 1980, табл.51,II,10;67,9; Chantre E., 1886, рl.ХХVІІ,4,5). Использование для датировок подобных, слишком отдаленных типологических параллелей представляется бесперспективным.

Ту же ошибку, что и с Приморским, А.И.Иванчик допускает с находками из Анухвы. Найденные там приблизительно в 1975 г. вещи Я.В.Доманский счел комплексом исключительно исходя из «единства, однородности, однокультурности всех образующих группу предметов». Тем не менее, публикатор сообщил, что «остался открытым вопрос о наличии признаков захоронений, вообще следов обстановки, окружавших обнаруженные вещи» (Доманский Я.В., 1978, с.73; 1979, с.23,31). А.И.Иванчик, не допуская ни малейшего сомнения, считает находки из Анухвы комплексом (с.247). Один из нас уже указывал на недостоверность некоторых «комплексов» из Абхазии (Скаков А.Ю., 2000, с.132).

Аналогичный промах А.И.Иванчик совершает по отношению к находкам 1930 г. из Эшери, рассматривая их как комплекс. На самом деле, найденные там предметы происходят из двух погребений в урнах, «расположенных в расстоянии 15 м друг от друга» (Иващенко М.М., 1935, с.58,59,63). Обратившийся к этим находкам Б.А.Куфтин был осторожен в высказываниях: «не удастся окончательно установить, происходят ли все вещи из одного или двух разных погребений» (1949, с.155,156).

Сложно не согласиться с А.И.Иванчиком в его стремлении удревить дату п.13 из Бешташени, также содержащего шлем. Но обращает на себя внимание тот факт, что сам исследователь колеблется, к какому именно хронологическому периоду отнести этот комплекс, синхронизировать его с Лчашенскими (согласно А.И.Иванчику, XIV–XIII, возможно – отчасти включая XII вв. до н.э.) или с Арчадзорскими курганами (согласно А.И.Иванчику, XII–XI вв. до н.э.). Так, аналогии для булавы он находит в

древнейших погребениях могильника Самтавро, в Лчашенских курганах и в п.109 первой хронологической группы Арктикского могильника, признавая при этом, что подобные булавы встречаются и в более поздних комплексах. Аналогии кинжалу из п.13 исследователь находит в первой и второй хронологических группах Арктикского могильника. Крюки из Бешташени А.И.Иванчик датирует XIV–XIII вв. до н.э., называя в качестве аналогий крюки из клада в Квемо-Сасирети и п.117 могильника Трели. Аналогия для удила есть в п.79 могильника Артик, занимающего промежуточное положение между первым и вторым периодом, аналогии для серпов и булавок – в погребениях второй хронологической группы могильника Артик. В итоге А.И.Иванчик все-таки синхронизирует п.13 могильника Бешташени с началом второй хронологической группы могильника Артик и с Арчадзорскими курганами и датирует его XIII–XII вв. до н.э. (с.232,233).

Даже если признать раннюю дату п.13 в Бешташени, хотя проведенный А.И.Иванчиком анализ не учитывает всех элементов этого комплекса (Вальчак С.Б., Скаков А.Ю., 2003, с.119), нет никаких оснований распространять её на шлемы из Клинь-Яра. О форме шлема из Бешташени мы можем судить только по фотографии расчищенной могилы (Куфтин Б.А., 1941, табл.XL). На основании имеющихся данных недопустимо использовать для передатировки («возможно, ещё в пределах X в. до н.э.») хорошо документированных клинь-ярских погребений недостоверные комплексы (Эшери, Анухва, Приморское) из Абхазии (Вальчак С.Б., Скаков А.Ю., 2003, с.118,119).

А.И.Иванчик пишет о близости и синхронности между собой комплексов из Эшери и Анухвы. Рискнем предположить, что эта близость обусловлена тем, что в обоих случаях мы имеем дело с инвентарем двух смешанных погребений, которые могут быть хронологически близки, но при этом, все же, не синхронны. Можно только предложить для этих коллекций общую датировку в рамках IX–VIII вв. до н.э.

Вопросы вызывают и приводимые А.И.Иванчиком аналогии для предполагаемого им «комплекса» из Приморского. Кинжалы из погребения 16а и 249 Тлийского могильника неправомерно сближаются исследователем с кинжалом из Приморского. Они относятся к различным типам, у экземпляров из погребений 16а и 249 Тлийского могильника есть утолщения в сред-

ней части и на верхушке рукояти (Техов Б.В., 1980, рис.34,6;106,5). Бесспорной аналогией экземпляру из Приморского является только кинжал из п.66 Тлийского могильника (Техов Б.В., 1980, рис.51,II,1). Но этим кинжалом круг аналогий не исчерпывается. Аналогичные кинжалы (рис.6,1–6) найдены в погребальной яме 2 могильника Эргета I (Микеладзе Т.К., Хахутайшвили Д.А., 1982, табл.LXV,1), п.2 кромлеха 10 в Стырфазе (Техов Б.В., 2000, рис.49,15), на холме Верещагина (Шамба Г.К., 1984, с.51, рис.15,1), в песчаном карьере близ Эшери (находка 1989 г., Музей истории города-курорта Сочи, ОФ-11077). Комплекс из Стырфаза датирован Б.В.Теховым концом XI–X вв. до н.э. и содержит архаичную дугообразную фибулу и пламевидный кинжал раннего типа (2000, с.113). Фибула из Приморского выглядит менее архаично, у неё расширенный приемник и высокая дуга, и должна, следовательно, датироваться временем не ранее IX в. до н.э. Таким образом, среди находок из Приморского ранние предметы отсутствуют. В этой связи важно, что в Приморском был найден орнаментированный топор, относящийся ко второму хронологическому периоду в развитии графического стиля. Топоры этого периода найдены и в погребениях выделяемого одним из авторов первого хронологического пласта колхидских могильников, к которому как раз и относится погребальная яма 2 могильника Эргета I (Скаков А.Ю., 2003, с.142,143). Второй хронологический период в развитии графического стиля датируется нами в пределах IX в. до н.э. (Скаков А.Ю., 1997; 2001).

Таким образом, кинжал из Приморского датируется в пределах X–IX вв. до н.э., фибула – не ранее IX в. до н.э., топор – IX в. до н.э. Но отнести к этому же времени и найденный там шлем у нас нет никаких оснований. А.И.Иванчик датирует «комплекс» из Приморского второй половиной X – началом IX вв. до н.э. Основанием для этого являются приводимые им аналогии кинжалу и фибуле из Приморского в погребениях 16а, 66 и 249 Тлийского могильника. Об аналогиях кинжалу говорилось выше, фибулы из этих погребений отнюдь не аналогичны экземпляру из Приморского, они имеют менее расширенный приемник и несколько иную форму дуги (Техов Б.В., 1980, рис.34,5;51,II,3; 106,3). Тем более, что п.16а Тлийского могильника представляет собой остатки двух перемешанных захоронений. В отношении других

предметов из Приморского А.И.Иванчик ограничивается замечанием о наличии «близких соответствий им в памятниках Кобанской культуры той же эпохи» (с.230), или же в памятниках колхидской культуры. Таким образом, развернутое обоснование предлагаемой автором датировки практически отсутствует. Хотя необходимо заметить, что интуиция не подвела исследователя и коллекция из Приморского, исходя из выше приведенных аналогий, действительно выглядит несколько старше, чем коллекции из Эшери и Анухвы.

При этом проводимая А.И.Иванчиком синхронизация «комплексов» из Эшери и Анухвы выглядит методически весьма уязвимой. По его словам, их, кроме «пекторалей», объединяют бронзовые «колхидские» топоры, клинки, наконечники копий, бляхи, браслеты, пояса с пряжками (с.247). Топоры с клиновидным обухом бытуют длительное время, и синхронизировать их без детального анализа формы и декора вряд ли возможно. Утверждение о повернутости головы изображенного на топоре животного назад, как хронологическом признаке (с.255), ничем не обосновано и, в целом, не выдерживает критики (Скаков А.Ю., 1998, с.12,13). Тем более, что топор, найденный в Эшери, имеет такую редкую особенность, отличающую его от топоров из Приморского и Анухвы, как бронзовая рукоять. А.И.Иванчик для поиска аналогий орнаментированному топору использует утверждения типа «изображение зверя, очень близкое изображениям на кобанских топорах» (с.230), не приводя конкретных аналогий. Браслеты из Эшери и Анухвы отличаются друг от друга, в первом случае это массивные ножные кольца с глиняным заполнением, а также массивные браслеты с почти сходящимися концами, во втором – более изящные и тонкие браслеты с сильно расходящимися концами. Об отличиях в оформлении блях с гвоздевидными навершиями говорит и сам А.И.Иванчик (с.247). Эти коллекции сближаются только по «пекторалям», клинкам кинжалов, наконечникам копий и поясам с пряжками.

Характерные для распространенного в Бзыбской Абхазии варианта колхидской культуры (или отдельной культуры в рамках кобано-колхидской общности) пояса с пряжками, лишенными отверстий и украшенными фигурными головками животных, имеют достаточно широкую датировку в рамках IX – первой половины VII вв. до н.э. (рис.6,II). Совершенно

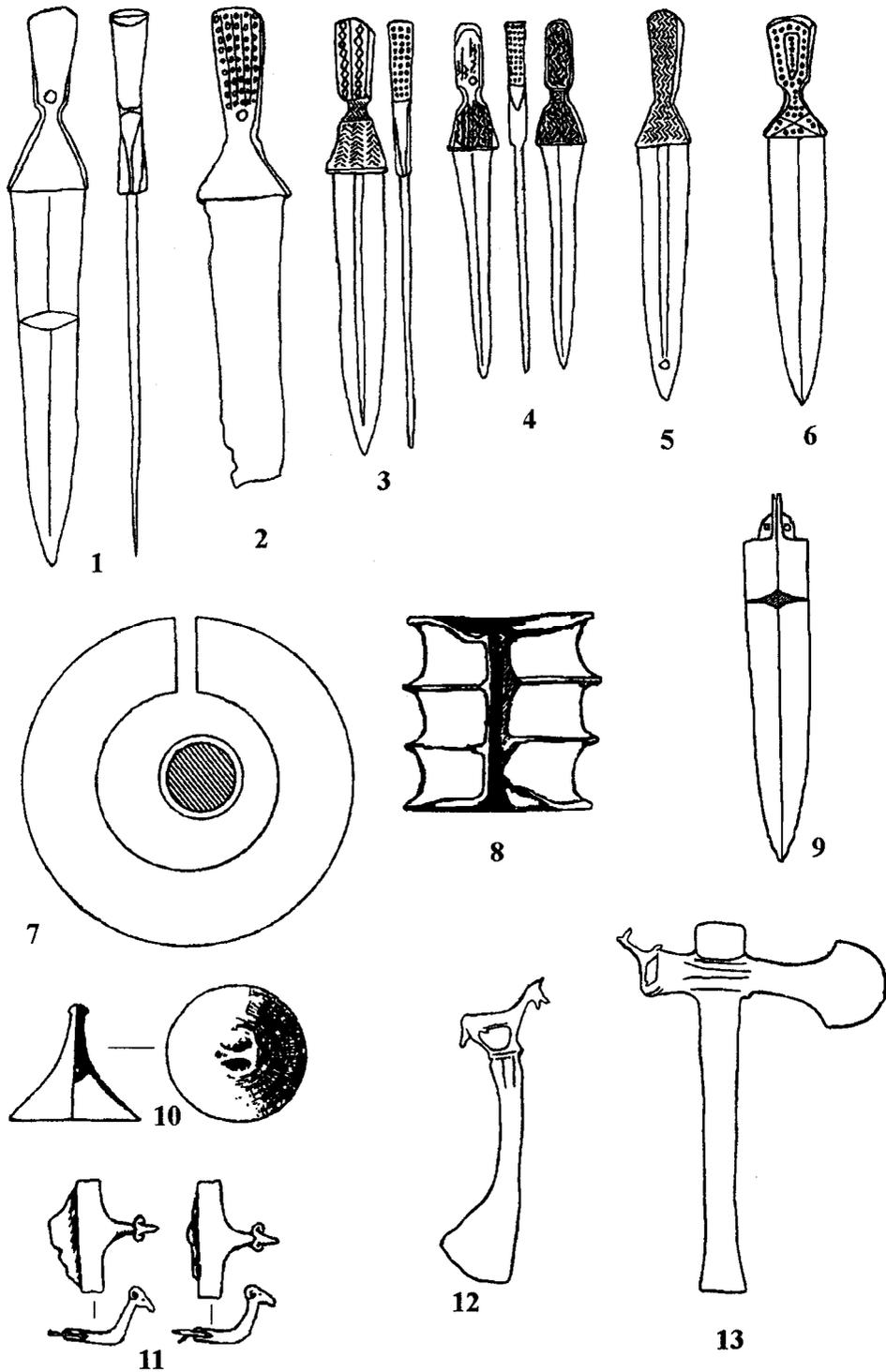

Рис. 6. Могильники Колхиды. Хронологические маркеры. 1 – кинжал из Эшери (находка 1989 г.); 2 – кинжал из Приморского; 3 – кинжал из Холма Верещагина; 4 – кинжал из погребальной ямы 2 могильника Эргета I; 5 – кинжал из п.66 Тлийского могильника; 6 – кинжал из п.2 кромлеха 10 в Стырфазе; 7 – массивное ножное кольцо с заполнением из погребения 1970 г. в Ачандаре; 8 – широкий пластинчатый ребристый браслет из погребения 1969 г. в Куланурхве; 9 – кинжал с подтреугольным черешком из погребения 1970 г. в Ачандаре; 10 – коническая бляшка из погребения 1969 г. в Куланурхве; 11 – пряжки с фигурной головкой животного из погребения 1969 г. в Куланурхве; 12 – топор со скульптурой стоящего животного на обухе из п.1 в Куланурхве; 13 – топор с бронзовой рукоятью и фигурами стоящих животных на обухе из Гудауты

ошибочно указание А.И.Иванчика (с.255) на находку «подобных» пряжек в п.11 могильника Бешташени и п.190 Тлийского могильника. Найденные там поясные пряжки, хоть и украшены головками животных, обладают одним важнейшим отличием – они имеют отверстия для скрепления с поясом, а следовательно, относятся к другому типу, возможно, хронологически предшествующему абхазским пряжкам (Куфтин Б.А., 1941, рис.70; Техов Б.В., 1980, рис.86,9).

Более узкую датировку имеют бронзовые кинжалы с подтреугольным черешком (рис.6,9), хорошо известные как в Колхиде, так и в Центральном Кавказе и датируемые IX–VIII вв. до н.э., а в Бзыбской Абхазии – VIII в. до н.э. (погребения из Ачандары (1970 г.), Эшеры (1934 г.), Тлийский могильник, колхидские могильники первого и второго хронологических пластов).

Ножные браслеты с заполнением (рис.6,7), характерные для Бзыбской Абхазии, найдены также на северном склоне Кавказского хребта – в составе так называемого Кяфарского клада, на территории могильника «Мебельная фабрика» № 1, в п.25 могильника Клин-Яр III. Здесь они датируются концом VIII – началом VII вв. до н.э. (Дударев С.Л., 1999, с.164) и являются импортом из Колхиды. В Бзыбской Абхазии они найдены в погребениях из Аагсты (1929 г.), Гудауты (1960 г.), Ачандары (1970 г.), Куланурхвы (1969 г.), Абгархука, Тасраквы, в предполагаемых погребениях из Отхары и Ачкаца, а также, случайно, в Нижней Эшере, Абгархуке и Куланурхве. Судя по набору инвентаря этих комплексов, браслеты с заполнением появляются в IX в. до н.э. и существуют до начала VII в. до н.э.

Конические бляшки (рис.6,10) известны в погребениях из Куланурхвы (1969 г.), Верхней Эшеры (1953 г.), Аагсты (1929 г.), Тасраквы, входят в состав коллекций из Анухвы, Нижней (коллекции 1927 и 1930 гг.) и Верхней Эшеры, а также найдены в п.14 могильника Фарс на Северо-Западном Кавказе. Благодаря этим комплексам для таких бляшек можно предложить датировку в пределах второй половины VIII – первой половины VII вв. до н.э. (Лесков А.М., Эрлих В.Р., 1999, с.71).

Широкие пластинчатые ребристые браслеты (рис.6,8) содержатся в составе коллекции из Нижней Эшеры (1930 г.) в комплексах из Звандрипша (1969 г.), и Куланурхвы (1969 г.), в погребениях 1, 2, 6, 7, 11 из Куланурхвы, дати-

рующихся нами VIII в. до н.э., вероятно, его второй половиной, и заходящих в начало VII в. до н.э.

VIII в. до н.э. также уверенно датируются топоры с бронзовой рукоятью (п.1 могильника Куланурхва, Гудаута, Абгархук; рис.6,13) и топоры с реалистически выполненными скульптурами стоящих животных или всадников на обухе (п.1 могильника Куланурхва, п.5 могильника Ожора, Сулори; рис.6,12) (Скаков А.Ю., 1999, с.128).

Таким образом, для дробной датировки комплексов IX–VII вв. до н.э. из Бзыбской Абхазии необходимо выделение хронологических маркеров и предметов, имеющих относительно узкую датировку (рис.6).

А.И.Иванчик, мимоходом, по таким же критериям («однотипные браслеты», «топоры» и так далее) синхронизирует с находками из Эшеры и Анухвы и большинство других памятников колхидской культуры (с.255). Хронология же их определяется исследователем исходя из того, что лишь в некоторых комплексах имеются предметы из железа. Другим основанием для абсолютной датировки этих памятников для А.И.Иванчика является отсутствие в них «несомненных признаков урартского влияния» (с.256). Необходимо отметить, что «несомненные» следы урартского влияния вообще практически отсутствуют на территории Абхазии. С тем же успехом урартское влияние можно искать в памятниках горного Крыма. Такой подход к абсолютной и относительной хронологии колхидской культуры является шагом назад даже по сравнению с более чем спорной хронологической схемой Ю.Н.Воронова (1980).

А.И.Иванчика не устраивает отнесение топоров из Анухвы к двум разным, но соседним периодам в развитии графического стиля (Скаков А.Ю., 1997, с.76,79). Как мы показали выше, коллекция из Анухвы не является комплексом. Кроме того, линейное развитие любого древнего искусства вряд ли возможно, и если в одном комплексе присутствуют топоры двух соседних хронологических периодов, это означает, что данный комплекс находится на их стыке, занимает переходное положение. Такие комплексы, и при этом как вполне достоверные, так и несколько сомнительные, действительно есть. Есть также комплексы, содержащие топоры различных групп, но относящиеся к одному хронологическому периоду. Необходимо отметить, что нет ни одного комплекса, в

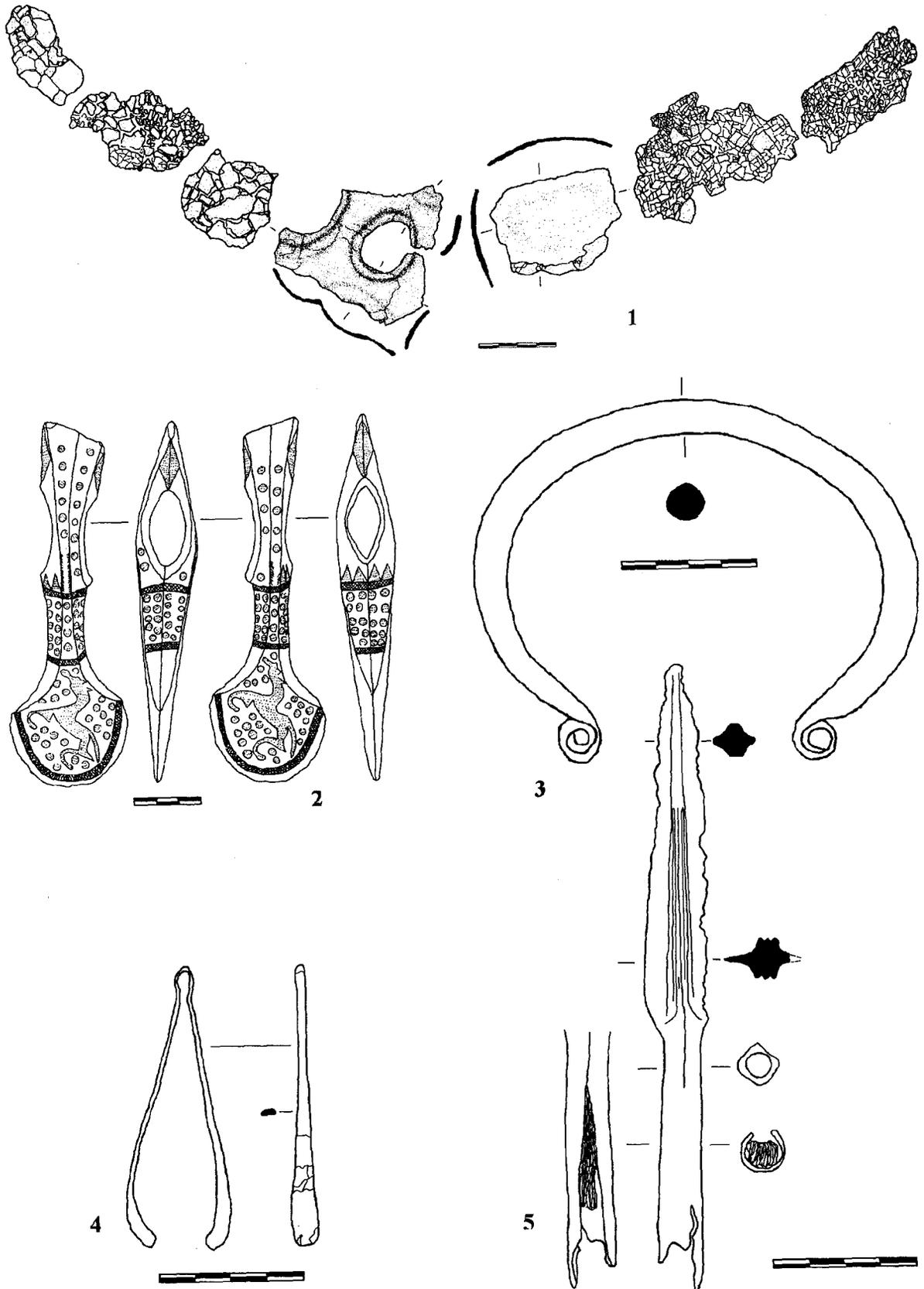

Рис. 7. Комплекс 2003 г. из Абгархука

котором были бы встречены орнаментированные топоры не соседствующих друг с другом хронологических групп, то есть первой и третьей группы, первой и четвертой группы, второй и четвертой группы. Это доказывает, что общая линия развития кобано-колхидского графического стиля все же может быть прослежена.

Возможность соотнесения разработок одного из авторов по кобано-колхидскому графическому стилю и хронологических выкладок была подтверждена обнаруженным в 2003 г. при наших разведках в районе села Абгархук (Бзыбская Абхазия) новым комплексом колхидской культуры (Скаков А.Ю. и др., в печати). Погребение (частично разрушенное траншеей) представляло собой неглубокую (глубиной 15–20 см) яму подпрямоугольной формы, ориентированную почти по сторонам света, с остатками вторичного захоронения. В состав комплекса (рис.7) входили бронзовые орнаментированный топор с изображением зверя на лопасти (группа 5 по классификации А.Ю.Скакова), гривна круглого сечения с закрученными концами, пинцет, наконечник копья со своеобразно оформленной нервюрой, по которой проходит два желобка, а также плохо сохранившаяся «пектораль», однотипная с экземплярами из Нижней Эшеры и Анухвы. В отличие от них, «пектораль» из Абгархука входила в состав надежно документированного комплекса. Ранее для кавказских «пекторалей» одним из авторов совместно с С.Б.Вальчаком была предложена датировка конец VIII или рубеж VIII–VII вв. до н.э. (Вальчак С.Б., Скаков А.Ю., 2003, с.119), согласующаяся с их датой по С.В.Махортых и Е.В.Черненко – последняя четверть VIII – начало VII вв. до н.э. (Махортых С.В., Черненко Е.В., 1995, с.27). Топор из Абгархукского погребения входит в группу, датируемую VIII в. до н.э., но, судя по несколько схематичному изображению животного, а главное, по наличию на гранях выше пояска косых насечек, напоминающих шнур, относится к позднейшим представителям этой группы. Шнуровой орнамент на гранях, первоначально именно в таком, слабо выраженном виде, появляется на кобано-колхидских топорах одновременно с нарастанием признаков схематизации в изображении животного во второй половине – конце VIII в. до н.э. (Скаков А.Ю., 1997, с.72,79). Как видим, наши датировки комплекса из Абгархука по декору топора и по «пектора-

ли» полностью совпадают, свидетельствуя о конце VIII в. до н.э.

Любопытно, что один из топоров из Анухвинской коллекции, на лопасти которого размещено также окруженное солярными знаками горизонтально расположенное изображение животного (Доманский Я.В., 1979, рис.9,2), является ближайшим аналогом экземпляра из Абгархука. Наряду с ним, в Анухве найдены гривна круглого сечения с закрученными концами (Доманский Я.В., 1979, рис.5,3) и кинжал (Доманский Я.В., 1979, рис.2), по нервюре которого проходит два желобка, как у копья из Абгархука. Можно предположить, что эти предметы относятся к одному комплексу, синхронному погребению из Абгархука. Желобки нанесены и по нервюре одного из копий Эшерской коллекции (Куфтин Б.А., 1949, табл.XV,2), свидетельствуя о вероятности его нахождения в одном комплексе с «пекторалью», одновременном погребению из Абгархука. Таким образом, использование недостоверных комплексов из Абхазии возможно только после их критического анализа и выделения из них наборов вещей, относящихся, предположительно, к одному погребению. Отметим здесь, что Абгархукская находка не поставила точки в споре о том, относятся ли «пекторали» к воинской паноплии или, напротив, к конскому облачению. Конских костей в сохранившейся части погребения обнаружено не было, а сама «пектораль» лежала вплотную к кучке человеческих костей (фрагментированному черепу и обломкам трубчатых костей).

Выделенные одним из авторов периоды развития кобано-колхидского графического стиля и взаимовстречаемость других категорий инвентаря позволяют нам предложить свою схему хронологии памятников Западного Закавказья (Скаков А.Ю., 2003, с.143) (табл.4).

При этом установление корреляции между памятниками Центрального Кавказа, Западной Грузии и Бзыбской Абхазии осуществляется не только по орнаментированным топорам, но также по редким вариантам орнаментированных пряжек, некоторым редким типам кинжалов и украшений. Для каждого из этих трех регионов выстраивается своя колонка относительной хронологии, которая в дальнейшем сравнивается с хронологической колонкой другого региона (Скаков А.Ю., 2003). Особое внимание необходимо уделить памятникам двух вариантов колхидской культуры, условно называемых нами Абхазским и Мегрельским.

Таблица 4. Хронология памятников Колхиды (по А.Ю.Скакову)

Памятник	Датировка
Цагери	X в. до н.э.
Эргета I,2; Эргета IV,2; раннее погребение Мухурчи; Гудаута (1960); Ачкац (1948); Отхара; Квишари; Лухвано; Зекари	IX в. до н.э.
Бамборская поляна (1940)	первая половина VIII в. до н.э.
Эргета I,7; Эргета II,2, Торса Дгваба 1; Нигвзиани 3; Ачандара (1970); Эшера (1934); Абгархук; Куланурхва 11; Красный Маяк 85 (131), 94(140); Лайлаши; Хихадзири	VIII в. до н.э.
Куланурхва (1969), Куланурхва 1; Красный Маяк, 64 (94); Звандрипш, Сурмуши, Нигозети	вторая половина VIII в. до н.э.
Эргета I,5; Эргета III,2; Джантух 1; Аагста (1929), Мехчис-Цихе, Цхинвали, Джвари	рубеж VIII–VII вв. до н.э.
Куланурхва 2; Красный Маяк, 58(87); Красный Маяк 62(92), Хеви, Чакви, Окуреша, Переви	первая половина VII в. до н.э.
Эргета I,6; Эргета III,1; Эргета III,4; Уреки 3; Нигвзиани 12; позднее погребение Мухурчи; Куланурхва 5	вторая половина VII – первая половина VI вв. до н.э.

Хронологическая схема для могильников Мегрельского варианта была предложена Т.К.Микеладзе и Р.И.Папуашвили (Микеладзе Т.К., 1990; Папуашвили Р.И., 1998). Характерно, что Р.И.Папуашвили, выделяя для колхидских могильников пять хронологических групп, обосновывает их исключительно отсутствием или наличием железных предметов и их количеством. Как представляется, наличие и характер железных изделий, безусловно, должны учитываться при хронологических построениях, но строить их исключительно на этих основаниях слишком рискованно. Кроме того, необходимо учитывать разновременность появления железа в различных регионах Кавказа.

Сама по себе дата появления железа в Закавказье пока остается дискуссионной. Предлагаемое Д.А.Хахутайшвили отнесение наиболее ранних колхидских железоделательных мастерских к XV–XIII вв. до н.э., или даже к XIX–XVI вв. до н.э. (Хахутайшвили Д.А., 1987, с.109, 110, 132, 143, 150, 155, 162), вызывает серьезные сомнения. Критические замечания по поводу такой даты были высказаны И.Н.Медведской (1990, с.269–273), Т.К.Микеладзе (1990, с.52) и М.В.Барамидзе (1999, с.35). В частности, И.Н.Медведская обращает внимание на несоответствие археологического материала, найденного в мастерских и датирующегося IX–VII

вв. до н.э. и новых археомагнитных дат, отличающихся от приведенных в более ранних публикациях. Спорными являются и датировки некоторых закавказских памятников, содержащих железные предметы – п.18 из Бешташени и клада из Удэ, отнесенных Р.М.Абрамишвили к XIV–XIII вв. до н.э. (1961, с.316–326).

Показательно, что, используя для могильников Колхиды укороченную хронологию, Т.К.Микеладзе отказывается от передатировки клада из Удэ, приводя только взаимоисключающие даты XI–X вв. до н.э. и конец XIII в. до н.э. (Микеладзе Т.К., 1990, с.52). Тем самым в пределах одной хронологической системы сохраняются две нестыкующиеся между собой схемы, по одной из которых железо в Южной Грузии появляется в XIV–XIII вв. до н.э., а по другой – железо появляется в Западной Грузии с конца VII в. до н.э. Причины такого расхождения в датировках никак не объясняются. Тем не менее, Т.К.Микеладзе вслед за Л.Н.Панцхава и Ю.Н.Вороновым пересматривает датировку погребений Тлийского могильника на основании колхидских аналогий его кинжалам. Комплексы, датированные Б.В.Теховым XII–IX вв. до н.э. (погребения 51, 66, 97, 236), передатируются рубежом VII–VI вв. до н.э. (Микеладзе Т.К., 1990, с.56,57). В итоге большинство погребальных памятников Колхиды (Эргета I, 5;

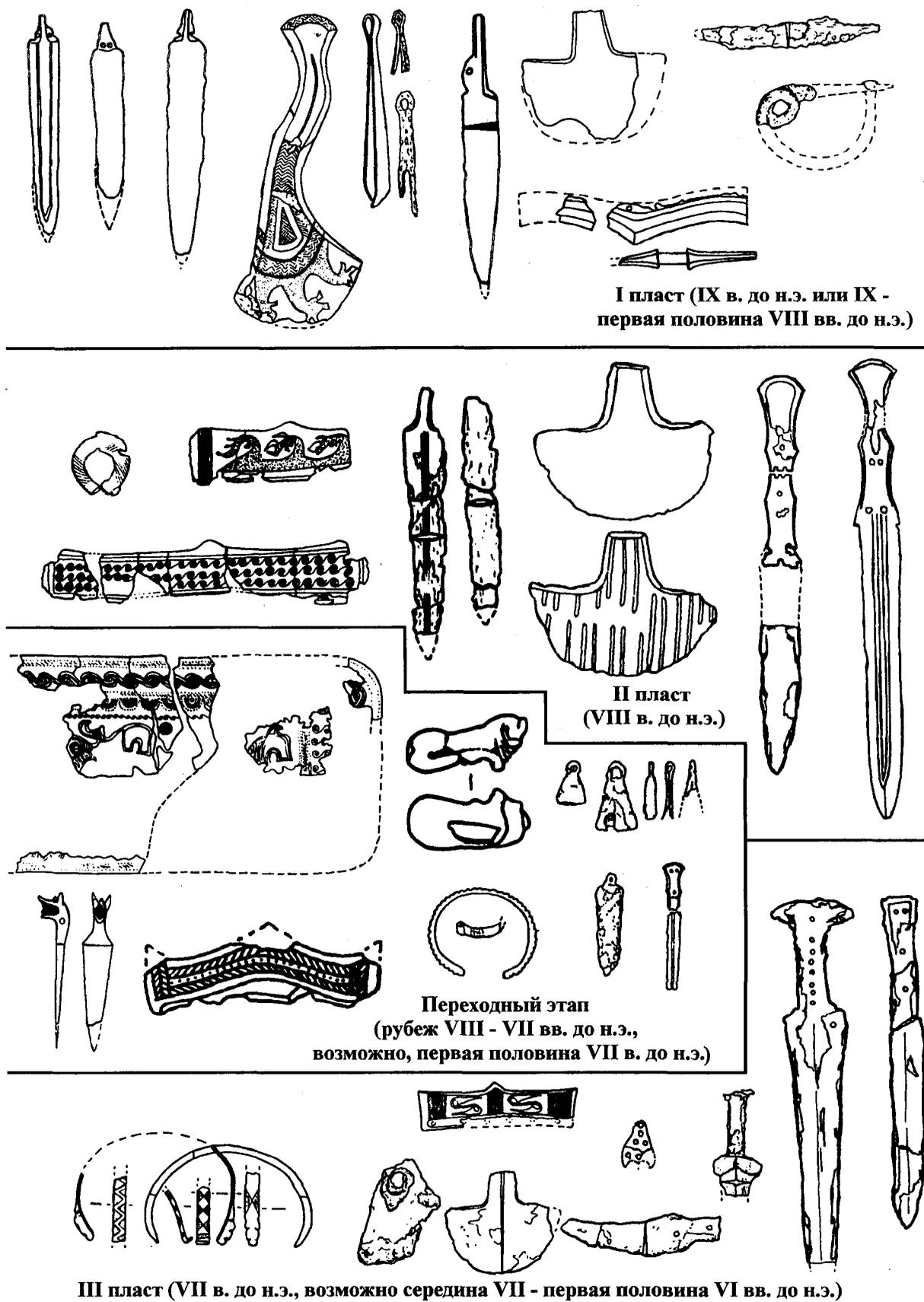

Рис. 8. Хронология могильников Мегрельского варианта колхидской культуры

Эргета IV, 1; Эргета IV,2; Уреки; Палури) датируется узкими рамками конца VII в. до н.э., некоторые другие (Эргета III, 1; Дгваба 1; Дгваба 2; Нигвзиани) – рубежом VII–VI вв. до н.э. и началом VI в. до н.э. Коллекцию из Приморского, продолжая считать её комплексом, Т.К.Микеладзе датирует не ранее второй половины VII в. до н.э. (Микеладзе Т.К., 1990, с.35,48–54).

Одним из авторов предложена другая схема (Скаков А.Ю., 2003) относительной и абсолютной хронологии колхидских могильников, согласно которой выделяется три хронологических пласта и переходный этап от второго к третьему хронологическому пласту. Первый пласт датируется в пределах IX или IX – первой половины VIII вв. до н.э., второй пласт – VIII в. до н.э., переходный этап – рубежом VIII–VII вв. до н.э., возможно, первой половиной VII в. до н.э., третий пласт – VII в. до н.э., ближе к его середине и второй половине, с возможным заходом в первую половину VI в. до н.э. (рис.8).

Корреляция хронологических схем, предложенных для Мегрельского и Абхазского вариантов колхидской культуры, позволяет отнести появление первых железных изделий в регионе к IX в. до н.э. Наиболее ранним комплексом, включающим в себя железное изделие (миниатюрный железный топорик, по своей форме подражающий бронзовым), является погребение 1960 г. из Гудауты (Трапш М.М., 1970, с.189–193), датируемое по орнаментированному топору второго хронологического периода в развитии графического стиля. К IX в. до н.э. мы относим и топоры второго периода в развитии графического стиля из Джирхуа, Фаскау и п.362 могильника Клинь-Яр III, украшенные инкрустацией железом (Скаков А.Ю., 1999, с.123; 2003, с.142). В комплексах VIII в. до н.э. (в частности, погребение из Бамборской поляны, р-ки 1940 г.; погребение (р-ки 1934 г.) и клад (1969 г.) из Нижней Эшеры) железо уже не является редкостью (Воронов Ю.Н., 1969, с.20; Куфтин Б.А., 1949, с.192–199; Шамба Г.К., 1973, с.181–184; Скаков А.Ю., 2001, с.115).

С аналогичной и ещё более показательной картиной мы сталкиваемся в могильниках мегрельского варианта. В относящихся к первому

хронологическому пласту погребальной яме 2 могильника Эргета-I и погребальной яме 2 могильника Эргета-IV, раннем погребении Мухурчи появляются первые железные изделия – фибула, пинцеты, ножи, черешковые кинжалы, топоры (Микеладзе Т.К., Хахутайшвили Д.А., 1982, с.91, табл.LXV,1;LXVIII; Микеладзе Т.К. и др., 1991, с.62,63, табл.148,17,18,22–24; Гогадзе Э.М., 1984, с.30–32, рис.1). В более поздних хронологических пластах ассортимент железных изделий увеличивается.

Возможность появления железа в Колхиде уже в IX в. до н.э. можно верифицировать и находками высококачественных стальных изделий, выполненных с применением развитых технологических схем с использованием преднамеренной цементации и мягкой закалки, в комплексах ранней хронологической группы могильника Фарс (конец IX – первая половина VIII вв. до н.э.) Для данной хронологической группы также характерны импорты из района Бзыбской Абхазии. В этом же районе (Эшерские кромлехи) известны соответствия техническим приемам, использованным для изготовления наконечников копий Фарса (Бгажба О.Х. и др., 1989). Таким образом, именно Колхида являлась областью, через которую на Северо-Западный Кавказ не позже первой половины VIII в. до н.э. проникла закавказская традиция изготовления преднамеренно цементированной стали (Терехова Н.Н., 1999; Терехова Н.Н., Эрлих В.Р., 2000, с.281–283; 2002, с.138–140).

Вызывает сожаление, что такой богатейший источник для хронологических построений, как колхидские могильники, да и большинство других памятников Центральной и Западной Грузии, Абхазии и Северного Кавказа эпохи раннего железа, не были учтены А.И.Иванчиком. Сделанная им попытка создать единую хронологическую схему для памятников Юга Восточной Европы, Северного Кавказа и Закавказья, не будучи основана на доскональном знании материала и его скрупулезном анализе, не решила стоящих перед исследователями проблем, а лишь ещё более запутала их.

Литература

Абрамишвили Р.М., 1961. К вопросу об освоении железа на территории Восточной Грузии // ВГМГ. Т.XXII-В. Тбилиси. На груз. языке.

Алексеев А.Ю., Качалова Н.К., Тохтасев С.Р., 1993. Киммерийцы: этнокультурная принадлежность. СПб.

Алексеев А.Ю., Качалова Н.К., 1990. О киммерийцах в Северном Причерноморье (археологический аспект проблемы) // Тезисы докладов конференции «Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья», посвященной 90-летию со дня рождения профессора Б.Н.Гракова. Запорожье.

Барамидзе М., 1999. Некоторые проблемы археологии Западного Закавказья в III–I тысячелетии до н.э. // Разыскания по истории Абхазии/Грузия. Тбилиси.

Батчаев В.И., 1985. Древности предскифского и раннескифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Вып.2. Нальчик.

Бгажба О.Х., Розанова Л.С., Терехова Н.Н., 1989. Обработка железа в древней Колхиде // Естественные научные методы в археологии. М.

Белинский А.Б., Вальчак С.Б., 1998. Оригинальная группа предскифских уздечных комплектов Северного Кавказа: европейские и закавказские параллели // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Ставрополь.

Вальчак С.Б., Скаков А.Ю., 2002. Клад из Мехчис-цихе в контексте хронологии памятников Юго-Западного Закавказья // РА. № 2.

Вальчак С.Б., Скаков А.Ю., 2003. Дигорские «пекторали» предскифского периода // РА. № 3.

Воронов Ю.Н., 1969. Археологическая карта Абхазии. Сухуми.

Воронов Ю.Н., 1980. О хронологических связях киммерийско-скифской и колхидской культур // Скифия и Кавказ. Киев.

Галанина Л.К., 1997. Келермесские курганы. М.

Гогадзе Э.М., 1984. К вопросу о хронологии и периодизации памятников колхидской культуры (по материалам Носири-Мухурча) // ВГМГ. Т. XXXVII–В. Тбилиси.

Доманский Я.В., 1978. Пополнение коллекции древнекавказских бронз Эрмитажа // Сообщения ГЭ. XLIII. Л.

Доманский Я.В., 1979. Новый комплекс колхидской культуры из Абхазии // Труды ГЭ. Т. XX. Л.

Дударев С.Л., 1999. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху. Армавир.

Дударев С.Л., 2001. О дискуссионных вопросах изучения предскифского периода на Северном Кавказе и в Юго-Восточной Европе //

Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Ставрополь.

Есаян С.А., Погребова М.Н., 1985. Скифские памятники Закавказья. М.

Иванчик А.И., 1996. Киммерийцы. М.

Иванчик А.И., 2001. Киммерийцы и скифы. М.

Иващенко М.М., 1935. Исследование архаических памятников материальной культуры в Абхазии // Известия НИИ кавказоведения. Вып.3. Тифлис.

Иессен А.А., 1954. Некоторые памятники VIII–VII вв. до н.э. на Северном Кавказе // ВССА.

Ильинская В.А., 1975. Раннескифские курганы бассейна р.Тясмин. Киев.

Итина М.А., Яблонский Л.Т., 1997. Саки нижней Сырдарьи. М.

Ключко В.И., Скорый С.А., 1993. Курганы № 15 біля Стеблева у Поросці // Археологія. № 2.

Ковпаненко Г.Т., 1981. Курганы раннескифского времени в бассейне р.Рось. Киев.

Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А., 1989. Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья. Киев.

Ковпаненко Г.Т., Гупало Н.Д., 1984. Погребение воина у с.Квитки на Поросье // Вооружение скифов и сарматов. Киев.

Козенкова В.И., 1995. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант // САИ. Вып. И2-5.

Козенкова В.И., 1998. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант // САИ. Вып. В2-5.

Копылов В.П., 2002. Греко-варварские взаимоотношения на Нижнем Дону в VII–VI вв. до н.э. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2001 г. Вып.18. Азов.

Копылов В.П., 2002. Нижний Дон и Боспор Киммерийский в третьей четверти VII – первой трети III вв. до н.э. // Боспорский феномен: погребальный памятники и святилища. Материалы международной научной конференции. Ч.1. СПб.

Коридзе Д.Л., 1965. К истории колхской культуры. Тбилиси. На груз. языке.

Куфтин Б.А., 1941. Археологические раскопки в Триалети. I. Тбилиси.

Куфтин Б.А., 1949. Материалы к археологии Колхиды. I. Тбилиси.

Лесков А.М., Эрлих В.Р., 1999. Могильник Фарс/Клады. М.

- Ловпаче Н.Г., 1991. Могильник Кочипэ (Восточный) в Майкопе // *Культура и быт адыгов. Майкоп.*
- Мартirosян А.А., 1964. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван.
- Махортых С.В., Черненко Е.В., 1995. О кавказских «пекторалях» VIII–VII вв. до н.э. // *РА. № 2.*
- Медведская И.Н., 1990. Рецензия на книгу Хахутайшвили Д.А. «Производство железа в древней Колхиде». Тбилиси. 1987 // *СА. № 2.*
- Медведская И.Н., 1992. Периодизация скифской архаики и Древней Восток // *РА. № 3.*
- Микеладзе Т.К., 1990. К археологии Колхиды (эпоха средней и поздней бронзы – раннего железа). Тбилиси.
- Микеладзе Т.К., Папуашвили Р.И., Чубинишвили Н.Т., 1991. Колхидская экспедиция // *ПАИ – 1986.* Тбилиси.
- Микеладзе Т.К., Хахутайшвили Д.А., 1982. Отчет о полевых исследованиях Колхидской археологической экспедиции // *ПАИ – 1979.* Тбилиси.
- Отроценко В.В., 1975. Новый курганный могильник белозерского времени // *Скифский мир.* Киев.
- Папуашвили Р.И., 1998. Об относительной хронологии колхидских могильников эпохи поздней бронзы – раннего железа // *Дзиебани. Журнал археологических исследований Академии наук Грузии. № 1.* Тбилиси. На груз. языке.
- Петренко В.Г., 1983. Скифская культура на Северном Кавказе // *АСГЭ. № 23.* Л.
- Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р., 2000. Хронология центральной группы курганов могильника Новозаведенное II // *Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология.* М.
- Пицхелаури К.Н., 1969. Итоги исследования памятников эпохи поздней бронзы – раннего железа // *Труды Кахетской археологической экспедиции (1965–1966).* Т. I. Тбилиси.
- Погребова М.Н., 1984. Закавказье и его связи с Передней Азией. М.
- Погребова М.Н., 2001. Закавказье и киммерийцы ассирийских текстов конца VIII в до н.э. // *Древнейшие цивилизации Евразии. История и культура.* М.
- Сазонов А.А., 2000. Хаджохские курганы – некрополь древнемеотских вождей // *Информационно-аналитический вестник. Майкоп.*
- Скаков А.Ю., 1997. К вопросу об эволюции декора кобано-колхидских бронзовых топоров // *Древности Евразии.* М.
- Скаков А.Ю., 1998. Об одной из групп кобано-колхидских орнаментированных топоров // *ИАА. Вып. 4. Армавир–М.*
- Скаков А.Ю., 1999. Орнаментированные топоры могильника Фаскау в Северной Осетии // *Древности Северного Кавказа.* М.
- Скаков А.Ю., 2000. К вопросу о хронологии некоторых закавказских кладов эпохи поздней бронзы // XXI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). Кисловодск.
- Скаков А.Ю., 2001. Некоторые редкие мотивы кобано-колхидского графического искусства // *Мировоззрение древнего населения Евразии.* М.
- Скаков А.Ю., 2001a. Хронология протокобанских памятников // *Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А.Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы».* Самара.
- Скаков А.Ю., 2003. Хронология могильников Колхиды раннего железного века // *Степи Евразии в древности и средневековье. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения М.П.Грязнова. Кн. II.* СПб.
- Скаков А.Ю., Джопуа А.И., Цвинария И.И., Брилёва О.А., Филатова А.Н. Работы в селе Абгархук Бзыбской Абхазии // *АО–2003* году. М. В печати.
- Стражев В.И., 1926. Бронзовая культура в Абхазии // *Известия Абхазского научного общества. Вып. 4.* Сухум.
- Сук Бе Джун, 2000. О хронологии комплексов с кинжалами эпохи поздней бронзы из Северного Китая // *Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии.* М.
- Сулава Н., 1999. Фибула a navicella, найденная на Черноморском побережье Грузии // *Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. Материалы международной научной конференции.* СПб.
- Терехова Н.Н., 1999. К вопросу о происхождении черного металла из могильника Фарс/Клады // *Лесков А.М., Эрлих В.Р. Могильник Фарс/Клады.* М.
- Терехова Н.Н., Эрлих В.Р., 2000. Древнейший черный металл на Северном Кавказе // *Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.* М.
- Терехова Н.Н., Эрлих В.Р., 2002. К проблеме перехода к раннежелезному веку на Север-

ном Кавказе. Две культурно-исторические традиции // Материальная культура Востока. Вып.3. М.

Техов Б.В., 1980. Скифы и Центральный Кавказ в VII–VI вв. до н.э. М.

Техов Б.В., 1980а. Тлийский могильник. Т.1. Тбилиси.

Техов Б.В., 2000. Новый памятник эпохи поздней бронзы в Южной Осетии (Стырфазские кромлехи). Владикавказ–Цхинвал.

Трапш М.М., 1970. Труды. Т.1. (Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Абхазии). Сухуми.

Хахутайшвили Д.А., 1987. Производство железа в древней Колхиде. Тбилиси.

Шамба Г.К., 1973. О некоторых археологических находках из села Нижняя Эшера Сухумского района // Известия АБИЯЛИ. Т.П. Тбилиси.

Шамба Г.К., 1984. Раскопки древних памятников Абхазии. Сухуми.

Эрлих В.Р., 1994. У истоков раннескифского комплекса. Москва.

Эрлих В.Р., 1997. К проблеме связей Предкавказья и Средней Европы в новочеркасский период // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. МИАР.

Яровой Е.В., Кашуба М.Т., Махортых С.В., 2002. Киммерийский курган у пгт.Слободзея. Тирасполь.

Alekseev A., Bokovenko N., Boltrik Yu., Chugunov K., Cook G., Dergachev V., Kovalyukh N., Possnert G., Van Der Plicht J., Scott M., Sementsov Skripkin V., Vasiliev S., Zaitseva G., 2001. A chronology of the scythian antiquities of Eurasia based on new archeological and ¹⁴C data // *Padio-carbon*. Vol.43. N 43B. Arizona.

Chantre E., 1886. *Recherches anthropologiques dans le Caucase*. Paris–Lion.

Chochorowski J., 1993. *Ekspansja kimmerska na tereny Europy Srodkowej*. Kraków.

Hase F.-W.von, 1969. *Die Tensen der Früheisenzeit in Italien (Prähistorische Bronzefunde XVI/1)*. München.

Kemenczei T., 1994. *Hungarian Early Iron Age finds and their relations to the Steppes // The archaeology of the Steppes. Methods and strategies*. Napoli.

Kossack G., 1980. «Kimmerische» Bronzen. *Bemerkungen zur Zeitstellung in Ost- und Mitteleuropa // Situla*. 20/21. Ljubljana.

Metzner-Nebelsick C., 1994. *Die früheisenzeitliche Tensentwicklung zwischen Kaukasus und Mitteleuropa // Regensburger Beiträge zur Prähistorischen Archäologie*. Bd.1. Regensburg.

Metzner-Nebelsick C., 2002. Der «Thrako-Kimmerische» Formenkreis aus der Sicht der Urnenfelder- und Hallstattzeit im südöstlichen Pannonien. Rahden/Westf.

Nagel W., Strommenger E., 1985. *Kalakent. Früheisenzeitliche Grabfunde aus transkaukasischen Gebiet von Kirovabad/Jelisavetopol // BBV. Neue Folge* 4.

Pare C., 1992. *Wagons and Wagon-Graves of the Early Iron Age in Central Europe*. Oxford.

Pare C., 1998. *Beiträge zum Übergang von der Bronze- zur Eisenzeit in Mitteleuropa. Teil I: Grunzüge der Chronologie im Östlichen Mitteleuropa (11–8 Jahrhundert v. Chr.) // Jahrb. RGZM*. 45.

Quesada Sans F., 1989. *La utilización del arco y las flechas en la Cultura Ibérica // Trabajos de prehistoria*. Vol.46. Madrid.

Ramon J., 1983. *Puntas de flecha de bronce fenicio-púnocas halladas en Ibiza: Algunos materiales inéditos // Homenaje al Prof. Almagro Basch*. II. Madrid.

Stary P.F., 1980. *Zur Bedeutung und Funktion wehradiger Wagen während der Eisenzeit in Mitteleuropa // Hamburger Beiträge zur Archäologie*. 7.

WARRIORS OF THE CAUCASIAN LATE BRONZE AND EARLY IRON AGES

During the first half of the first millennium BC, warrior graves are one of the most characteristic features in nearly all areas of the Caucasus. Due to a burial rite, that emphasise on the individual and mark it through particular burial equipment as a member of a social group, regional and trans-regional aspects of prehistoric social structures can be discussed on several levels (Reinhold S., 2003; Reinhold S., 2004). Warriors of the northern Caucasus are frequently characterised as aristocratic mounted warriors (Виноградов В.Б. и др., 1980; Kossack G., 1994), an image based on several rich burials with weapons, horse gear and other exotic objects. Frequently these warriors are accompanied by horses, which in combination with weapons and foreign objects distinguish them as individuals of high social significance.

It is this image of the north Caucasian mounted warrior scholars in the tradition of A.A.Iessens and A.I.Terenožkin regarded as direct or indirect reflections of *Cimmerian horse nomads* in the Caucasus and western Eurasia (Мартirosян А.А., 1964; Дударев С.Л., 1999, с.21–26).

The same mounted warrior is at the core of a contradicting model developed by G.Kossack and C.Metzner-Nebelsick. In their model the *warrior ideology* and *life style* of the north Caucasian «knightly» horseman set the standards for a new elite life style and burial iconography – warfare on horseback – in the Carpathian Basin and at the eastern fringe of central Europe which is regarded as one of the core elements of the later Iron Age Hallstatt aristocracy (Stary P.F., 1982, p.32–34; Kossack G., 1994; Metzner-Nebelsick C., 1998, p.404–411, fig.31).

Recent editions of several excavated cemeteries from the northern Caucasus¹, however,

illustrate, that the mounted warriors were only a part of a broader spectrum of warriors with differences in weaponry and other equipment, which so far were unknown to a larger public (Fig.1). These warriors are usually regarded as the male part of the local population, the *Koban* or *Protomaeotoan culture* in the terminology of E.I.Krupnov and V.I.Kozenkova (Крупнов Е.И., 1960; Козенкова В.И., 1996, с.62–73, 89–144).

These three basic cultural conceptions about the position of warrior burials in the northern Caucasus – the *Cimmerians in the Caucasus* model, the *warrior ideology* model, and the autochthonous *Koban/Protomaotian culture* model – are hardly compatible. The conceptional differences with regard to ethnicity and cultural links, the different attitudes towards the written sources mentioning *Cimmerians* and consequently the contracting chronological positions led to such different ideas about the general historical processes, which cannot be neglected (e.g. 56 for a fundamental critique of the *Cimmerian* model, or 24 for a critique of the longer chronology). Yet, since all cultural models centre in the «knightly» mounted warriors as a historical phenomenon, a review of this crucial aspect seems helpful to overcome the paradigmatic models cited.

The period of investigation will concern predominantly the Early Iron Age, or in another terminology the pre-Scythian period or Koban II-III. A retrospect to Bronze Age developments is necessary to be able to discuss the roots of the north Caucasian warrior ideology, but I will not stress this period too much. Since the pre-Scythian period is a comparatively stable epoch in terms of material culture and social structure (Reinhold S., 1997), it is not necessary to differentiate this period any further when looking on the basic social organisation. In the figures, however, the chronological factor is to some degrees present to underline the high stability of the social structures I will discuss.

¹ Kislovodsk-Klin Yar III cemetery, the Kislovodsk-Lermontovskaja skala 3 cemetery (Березин Я.Б., Дударев С.Л., 1998), the cemetery of Fars/Klady (Лесков А.М., Эрлих В.Р., 1999) as well as the Tshetshenian sites of Seržen'-Jurt and Majrtup 2 (Козенкова В.И., 2002; Vinogradov V.B., Dudarev S.L., 2000).

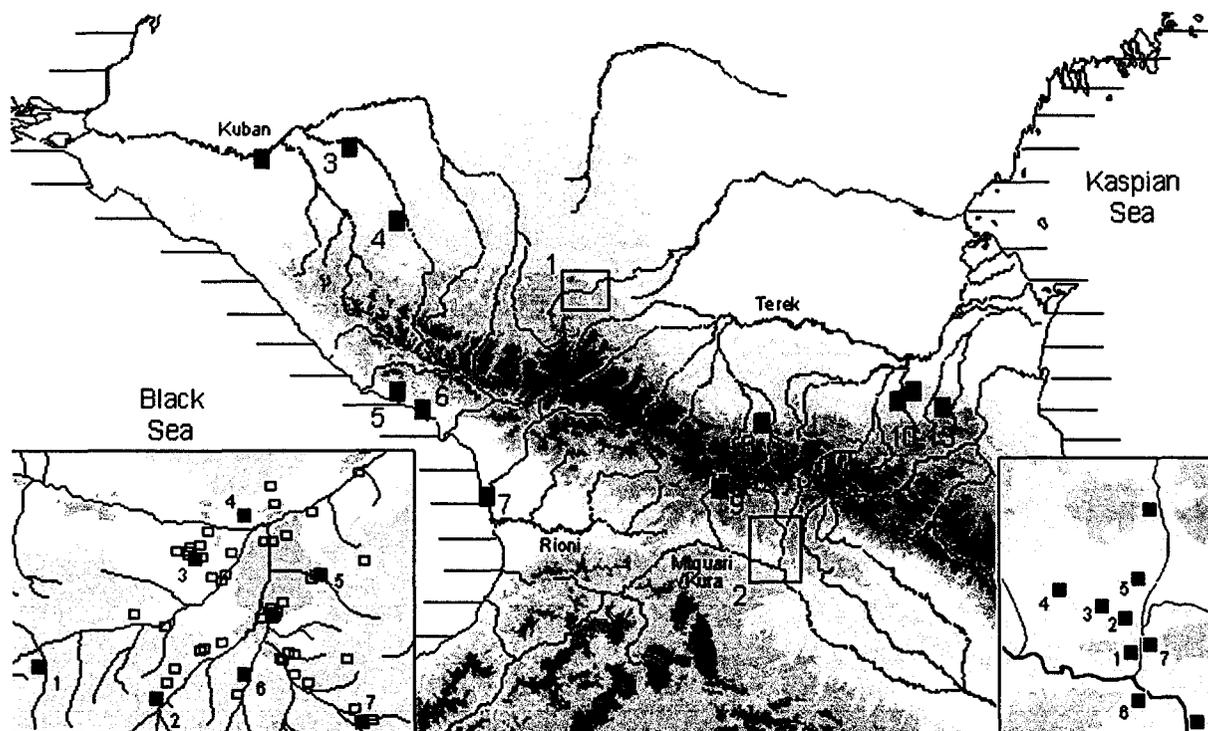

Fig. 1. Caucasian Early Iron Age sites. 1 – Kislovodsk basin (1 – Echkvash; 2 – Berezovaja 1; 3 – Klin Yar 3; 4 – Mebel'naja fabrika; 5 – Belorechenskij 2; 6 – Industrija 1; 7 – Sultan gora 1/3); 2 – Mccheta basin (1 – Mccheta; 2 – Narekvavi; 3 – Cerovani; 4 – Kanda; 5 – Natachtari; 6 – Muchatgveri; 7 – Cicamuri); 3 – Psekups 1; 4 – Fars/Klady; 5 – Kulanurchva; 6 – Eshera; 7 – Ergeta sites; 8 – Koban; 9 – Tli; 10 – Seržen'-Jurt; 11 – Majrtup 2; 13 – Zandak

WARFARE, WARRIOR IDENTITIES AND THE RECONSTRUCTION OF MALE RANKING SYSTEMS

Warrior burials are a phenomenon, which is not restricted to the Caucasus only. A warrior ideology is the ideological background of male identities in most Bronze and Iron Age societies all over prehistoric Europe (Schauer P., 1975; Stary P.F., 1982; van Wees H., 2001; Ulf Ch., 1992). As well is the distinction of social ranks from prehistoric burials one of the most frequent issues in studies of warrior burials (Kouteck D., 1968; Kristiansen K., 1984; 1999; Burmeister S., 2000). Next to the wealth of a grave, the combat techniques that can be reconstructed from the burial equipment are important arguments for social ranking (Kossack G., 1959, p.93–97; Stary P.F., 1982, p.26–34,62–72; Harding A., 1999, p.162–170). This refers to several historical and ethnographical case studies, in which social rank is related to legal positions and is indeed expressed in the right to carry weapons. The classical Greek hoplite army is such a model (van Wees H., 1992)

or early medieval texts that name the weaponry of different social ranks (Härke H., 1992, p.52–54). However, do warrior burials with a differentiated weaponry indeed reflect societies in any case with a ranked social structure? I.e. is a correlation of social status, legal position and the presence of armour also legible in societies, where one must doubt a state structure, an army and a written law?

Roughly, 70% of all male individuals at the anthropologically investigated Klin Yar III cemetery near Kislovodsk were buried with weapons. Only 8% had no burial gifts that marked them either as «warriors» or «craftsmen» (Белинский А.Б. и др., 2001, с.43). Similar numbers can be suggested for the Chechen site of Seržen'-Jurt, where not anthropological studies had been possible (Reinhold S., 2003, p.43). Being a armed man, i.e. a «warrior», was obviously crucial to the identity of this men. At a second level, these burials display a considerable variation in weaponry with a distinctive structural order that repeat stereotype combinations of distance and close combat weapons. Within the warrior status, the male population was classified in different groups, most likely by social status or age.

In analysis of warrior status and warfare in general, however, recent authors have pointed onto the ideological, rather than realistic basis of weapon deposition in graves and other places (Treherne P., 1995; Harding A., 1999; Fontijn D., 2002, p.226–232). For the Homeric epics, Ch.Ulf and H. van Wees found behind the martial warrior society which is at the dramatic centre of the epos, communities based on agriculture and livestock breeding that were quite capable of coexisting peacefully (Ulf Ch., 1992, p.196). Larger social networks for instance were often based on personal connections among the leading families, marriages, gift exchange and «political» alliances (ibid., p.228–237). Most of the military activities these societies carried out were connected with short raids and war parties against neighbours. The military setting of the Homeric epos therefore suited rather the narration and the aristocratic audience than it described the actual social reality during the Early Iron Age in Greece.

So, despite the domination of princely families, the social hierarchy in the Homeric society is low (ibid., p.31–40, 281–293; van Wees H., 2001, p.85–105). Power is informal, relates to personal abilities and a larger estate than the rest of the fellow families. Dependents and slaves are present, but included in the families. J.Latacz analysis of the Homeric combat techniques, moreover, made clear that the division of men fighting in the first line with spears and close-combat weapons and those fighting in the back rows reflect no social ranking, but one of experience and abilities (ibid., p.139–145). Nor mirror the heroic man-to-man fight with swords a usual warfare situation involving aristocratic «knight». There is only one indicator, that weaponry is related to social positions: young men fought predominantly with spears (ibid., p.68), while older men had a full armour with one or two spears, sword and a shield. Additions, e.g. defensive armour is exceptional and individually.

The Homeric warriors consequently represent a body of more or less equal fighters, who joined the war party of the leaders from the princely families because of personal ties, loyalty and the participation in the booty. A hierarchy among the adult males is present, but it is neither a fixed social ranking nor is it represented directly in the weaponry. Other aspects to demonstrate leadership were more important: fighting abilities, wealth, participation in the social network of the princely families. Aspects like these, however, are not directly readable from the archaeological record.

For the cited scholars the lack of inheritability of the leading position or the body of attendants (*Gefolgschaft*) surrounding a war leader is the key criteria to argue against a society with a fixed social hierarchy (ibid., p.215–231; van Wees H., 2001, p.281–294, 299–310). The Homeric society is shifting towards stable ranked social structures, but is yet a pre-state segmented society.

This case study show the difficulties in linking different warrior equipments with social status. It becomes clear that such a correlation must take into account the level of social differentiation in the given society in general. The argumentation for a warrior aristocracy must for instance include correlates for stable and fixed dependencies between aristocrats and non-aristocrats (Ulf Ch., 1992, p.85–105). Inheritance, visible in children graves with the equipment of the highest adult status, is another argument. And since legitimation is frequently based on heroic ancestors, extraordinary burials – very wealthy, with monument burial mounds and separate from other burials – could be regarded as yet another indicator of a society with an fixed aristocracy (ibid., p.245–250). When such indicators are missing, the concept of a vertically hierarchical society must give way to other, more equally structured models of social relations (Sahlins M., 1963).

The great importance, Late Bronze and Early Iron Age Caucasian societies laid on the military aspect in the burial of their male members, in consequence must not necessarily reflect aggressive societies. It tells us, nevertheless, much about the ideological framework this men lived with and were buried under. In this context military values associated with weapons must have played a central role. The differentiation in weaponry, both in quality and in quantity must to some degree mirror social categories (Fontijn D., 2002, p.226–228). Such differences are in fact depicted in some contemporary illustrations (Fig.2). To clarify the social order among the warriors of the northern Caucasus, however, more arguments must be considered, than the presence or absence of supposed status markers, e.g. horse gear as correlate for mounted warriors acting in a framework of a «knightly» warrior aristocracy in the way of the medieval knighthood. We must be aware, that dealing with evidence from burials we deal with the ideal view a prehistoric society created for the afterlife. Anthropological studies could provide further arguments to link archaeological categories and social factors like age or a superior lifestyle (Белинский А.Б. и др.,

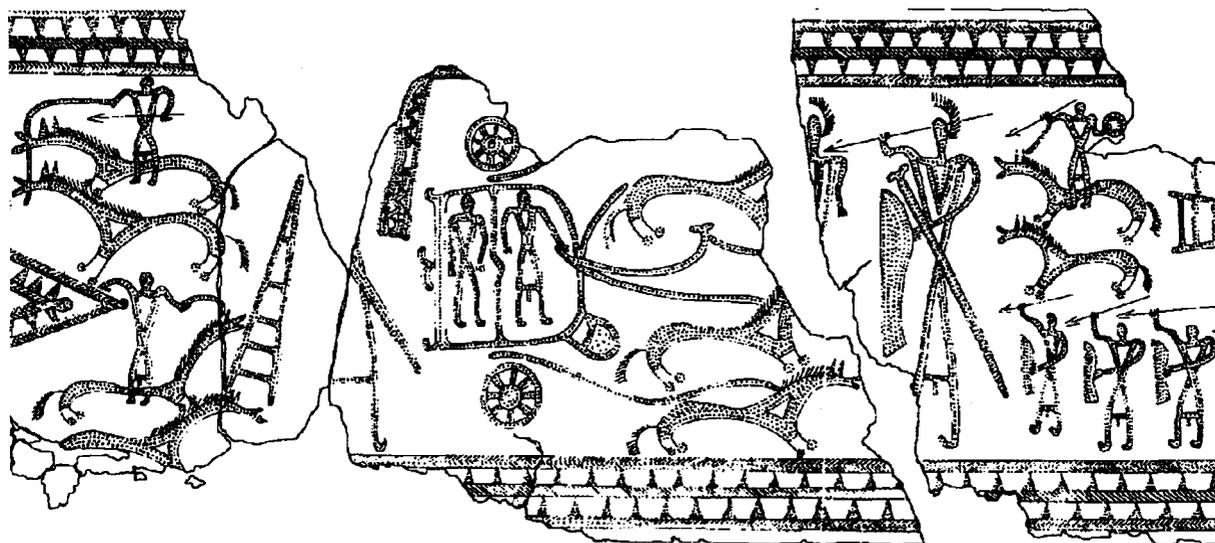

Fig. 2. Belt from Stepanavan after Esayan 1984, № 38

2001), but a close view on several cultural aspects is needed, to reveal the hidden society behind the warriors images.

THE STRUCTURE OF WARRIOR IDENTITIES IN THE CAUCASUS – THE NORTH CAUCASIAN PIEDMONT GROUPS

The typical north Caucasian warrior at first sight is a heavily armed man accompanied by his horse or by horse gear respectively. This image had to be re-examined when larger numbers of north Caucasian burials had been published (see footnote 1). In these sites, the number of warriors with horses or horse gear is rarely higher than 15% (Fig.3). This is even the case in areas that are considered as the centre of north Caucasian horsemanship, for instance the Kislovodsk basin. Mounted warriors are only one group in a spectrum of warriors that were armed with different weaponry. These warriors, however, represent an outstanding group of males, and it will be the issue of the following review to analyse their position in the north Caucasian societies.

Previous studies of the north Caucasian warrior graves grouped them into three basic grades: mounted warriors, i.e. with horses or horse gear, combatants on foot and men without arms (Шарафутдинова Э.С., 1993; Лесков А.М., Эрлих В.Р., 1999, с.32). This ranking was directly linked to the deceased's position in the respective prehistoric community, leaders, heads of families,

free born and dependents (Дударев С.Л., 1984, с.23–25).

A more detailed classification of warriors by their weaponry was suggested recently for Klín Yar III by Belinskij, Dudarev and Härke (Белинский А.Б. и др., 2001). Their system distinguishes six groups with a declining number of weapons and tools (Tab.1). The complex grouping was possible because of anthropological analysis, which allowed to determine men not only by their burial equipment and therefore could identify also unarmed men or such without burial gifts. Individuals without characteristic burial goods are known from all cemeteries in the Northern Caucasus in similar percentages. It is very likely that among them are men without warrior equipment as well. Another important result of this analysis is a lack of correlation between warrior equipment, i.e. armour group, and the size of the graves (ibid., с.53–57). The authors regard this as an argument against a strong vertical social fission, i.e. as a lack of a true warrior aristocracy in the way it is suggested for similar social entities of the Bronze or Iron Age in Central Europe (e.g. Schauer P., 1975 or Kristiansen K., 1999). The authors are careful with their social interpretation, except for their first group of mounted warriors. The extraordinary burial goods and the horsemanship in their concept is a sign that these individuals participated in the raids of the *Cimmerians* to the Near East. There they acquired their exotic grave goods – defensive weapons, bronze vessels or precious jewellery –

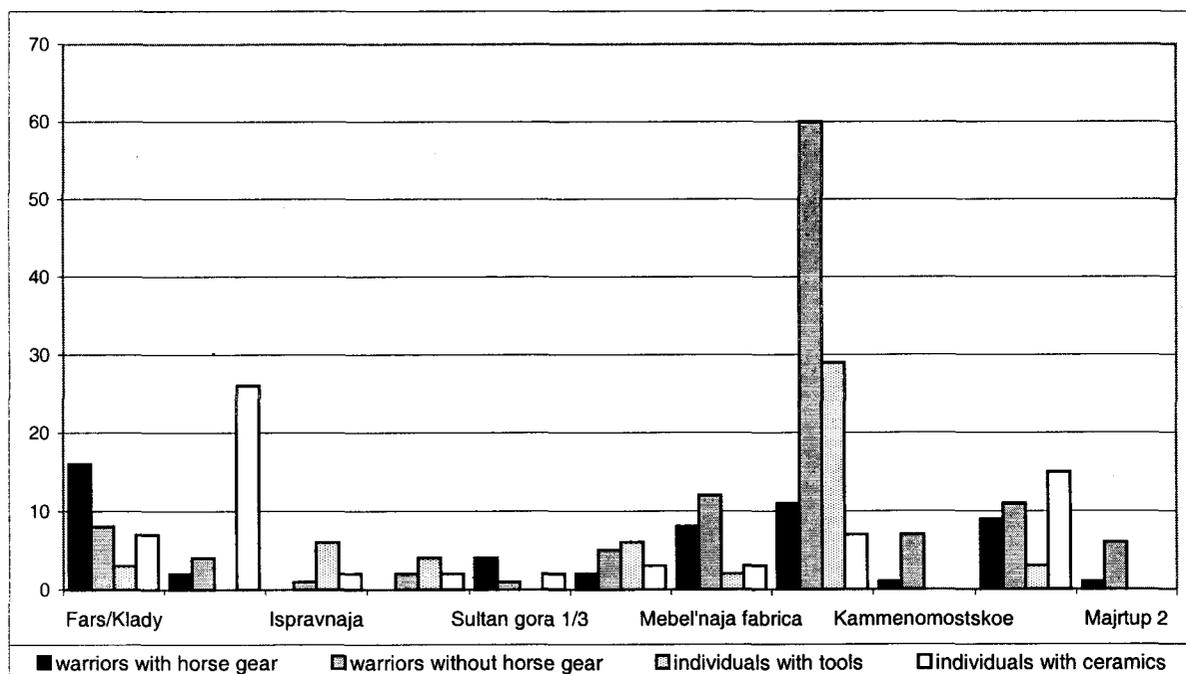

Fig. 3. Percentages of graves with horse gear from the pre-Scythian north Caucasian cemeteries

Tab. 1. Armour groups and warrior ranks after Belinskij, Dudarev and Härke 2001

	horse gear	weapons	tools	ceramic vessels	other objects
group I	x	1-3	1-3	1	scale armour, ornaments, precious metal
group II		1-3	1-3	1	ornaments, precious metal
group IIIA		1-3, spear	1-3	1	
group IIIB		1-3, dagger or hammer	1-3	1	
group IV			1-3	1	
group V				1	
group VI					no objects

and this connection is the conceptional link to demonstrate horsemanship in the burial rite.

This last point, however, brings about a major inconsistency in this concept. The definition of the first group by presence of horse gear as a symbol for horsemanship makes this group rather heterogeneous in terms of weaponry. Of the eleven warriors in *group I*, eight are published so far. Only two of them, Klin Yar III № 14B (Dudarev S.L., Berezin J.B., 1999, Tab., Fig.2,1;6,8,10,12,16; 11;12) and № 186Bel (Белинский А.Б., 1990) include beside scale horse gear armour, spears, battle hammers or daggers, tools and ornaments. The other warriors, yet with horse gear, are armed either with a battle hammer or a dagger combined with a spear, tools and a ceramic bowl (KY-III №

20B, № 23B) (Dudarev S.L., Berezin J.B., 1999, Tab., Fig.3,4;14;15;16,1,2,5,6), or only with spears, tools and the vessel (KY-III № 18B and № 313Bel (ibid., Fig.1,3;3,2;4,7;13,8). Grave № 126 from the excavation by Flërov (Флëров В.С., Дубовская О.Р., 1993, с.270, рис.9,1) and № 297Bel (Белинский А.Б., Дударев С.Л., 2001b, с.67, рис.4,5) include horse gear as well, and are therefore part of *group I*. Yet, without this both would be ranked in *group IV*, since these individuals were buried only with whetstones and silices. Defensive weapons of Near Eastern type, the second criteria for *group I*, moreover is found also in burials without horse gear, like KY-III № 16B (Dudarev S.L., Berezin J.B., 1999, Tab., Fig.3,1;4,6;6,4;15) or the wealthy grave № 4 at the Industrija 1 burial ground

(Дударев С.Л., 1999, рис.148,1–12). Horse gear per se thus link burials with a rather heterogeneous equipment, not only in terms of quality but also of quantity.

Similar discrepancies in the weaponry of mounted warriors are found in other cemeteries of the Kislovodsk basin too, but not only there. The large cemetery of Seržen'-Jurt in Chechnya includes nine warrior graves with horses (Козенкова В.И., 1996, табл.23–28,31,32,42,43,45,46,52,53, 55,56,59,64). Considered as a group, their armour is very inconsistent. Some include more weapons a man can use simultaneously, e.g. grave № 37, № 42 or № 75, but some are provided only with a single dagger and some personal ornaments, e.g. grave № 87. In Fars/Klady, where the highest percentage of mounted warriors is found, the variation of armour ranges from combinations of spears and battle hammers in grave № 9, № 32 or № 35 (Лесков А.М., Эрлих В.Р., 1999, рис.11,12,27,29, 30) to burial equipments including only tools and vessels, e.g. grave № 14 or № 16 (*ibid.*, рис.1; 14,3–6). The ambiguity between mounted and unmounted warriors and their armament thus is not only a phenomenon of the Kislovodsk basin, but part of the appearance of north Caucasian mounted warriors in general. No doubt, horses played a crucial role in the burial rite of this particular group. They are predominantly associated with individuals provided with a more multifaceted armament than usual, often in possession of other exceptional burial goods. The exceptions, warriors with few burial gifts and simple armour, yet, are frequent enough to review the relationship between the presence of horses/horse gear and weaponry from a different perspective.

According to the weaponry, i.e. the combination of weapons that reflect the combat techniques the buried man was able to carry out in a fight, the basic structural criteria in the north Caucasian armour is the presence or absence of distance or close combat arms, i.e. weapons like spears or daggers, battle hammers, axes or maces. Their combinations resemble the full armour of a warrior that is able to fight in different combat situations. The single spear in contrary limit the ability to fight, as well armour without spear. The structure of the weaponry therefore is the basic criteria for my classification of the north Caucasian warriors (Tab.2).

The full armour with spear, dagger or/and a battle hammer/axe/mace I regard as characteristic for my *group 1* in the Kislovodsk basin. In addition,

tools and the ubiquitous ceramic bowl are part of the warrior gear like in the cited classification of Belinskij, Dudarev and Härke. Horse gear, defensive weapons, Transcaucasian imports and sets of ornaments could be named for this graves too, but they are rather added in an individualistic way than forming a categorical element.

Group 2 is characterised by arms for close combat – daggers, battle hammers, axes or maces – in combination with tools and the vessel. The battle hammer is the most frequent weapon in this group, and only twice axes and daggers are combined. Another element in some of these burials are arrowheads, which suggest the presence of bows. Belinskij and Dudarev (2001a), however, have convincingly argued from the small numbers of such arrowheads that the bow rather had a symbolical function in the burial ritual does not reflect an offensive weapon. It symbolise the sphere of «hunting», which is on the contemporary figural decorated belts from the central Caucasus an important aspect of male activities.

Warriors with spear, tools and vessel constitute *group 3*. They reflect the aspect of distance fighting, and mark perhaps men that were regarded as members of fighting units in formation (see also Fig.2).

Group 4 to 6 are identical to the mentioned classification of Belinskij, Dudarev and Härke. *Group 4* includes burials with tools and ceramic vessel, *group 5* those with only the vessel, and *group 6* male burials without burial goods. It is noteworthy, that arrowheads are present in several graves of *group 4*.

The differentiation of warriors according to their weaponry exposes the stereotypical categorisation of the male population, which is observable in nearly all regional groups of the north Caucasian piedmont zone. The percentages vary, but since no cemetery is excavated completely this is not surprising. Only in Chechnya, a certain deviation of this general picture is noticeable (Tab.3). The predominant weapons of *group 2* are daggers, not punching weapons. *Group 3* could be found only in Majrtup 2, while at Seržen'-Jurt all bearers of spears were always also furnished with close combat weapons. Here *group 1* make out half of the warriors at all, and a further internal division is possible. On one hand we have individuals (*group 1A*) with a full set of weapons including dagger, axe and spear and additional tool sets – chisels, adzes and awls – as well as arrowheads which suggest

	grave	spear	dagger	axe/hammer	arrows	knife	whetstone	lighter	awl	horse gear	scale	armour	further tools		
group 1	MF1/15	⊙	⊙	⊙	⊙					⊙				♂ 20-25	
	MF1/26	⊙	⊙	⊙	⊙		⊙							♂	
	BR2/5	⊙	⊙	⊙	⊙		⊙	⊙						♂	
	BZ1/21	⊙	⊙	⊙	⊙		⊙	⊙						♂	
	MF1/11	⊙	⊙	⊙	⊙		⊙	⊙						♂	
	MF1/4	⊙	⊙	⊙	⊙		⊙	⊙			⊙			♂	
	KY-III/23B	⊙	⊙	⊙	⊙		●	⊙			⊙			♂ adult	
	KY-III/362Bel	⊙	⊙	⊙	⊙		⊙							♂ adult	
	KY-III/128F	⊙	⊙	⊙	⊙		⊙							♂ adult	
	BZ1/14	⊙	⊙	⊙	⊙		●		●			⊙		♂ adult	
group 2	MF1/34			⊙	3			⊙		⊙					
	BR2/3			⊙	1										
	KY-III/135F			⊙	1	⊙									
	SG1/10			⊙		⊙									
	SG1/3			⊙		⊙				⊙					
	BR2/15			⊙		⊙									
	MF1/17			⊙		⊙				⊙					
group 3	BR2/20	⊙				⊙	⊙			⊙					
	MF1/19	⊙				⊙	⊙								
	MF1/27	⊙				⊙	⊙							♂	
	MF1/31	⊙				⊙	⊙								
	MF1/38	⊙				⊙	⊙								
	MF1/49	⊙				⊙	⊙	⊙							
	KY-III/331	⊙				⊙	⊙							♂	
	BZ4/5					⊙									
	BR2/33	⊙				⊙				⊙					
	BZ1/20	⊙				⊙								♂ ~60	
	IN1/3	⊙				⊙									
	OST/3	⊙				⊙									
	KY-III/313Bel	⊙				⊙								♂	
	BZ1/38	⊙				⊙		⊙						♂	
	KY-III/143F	⊙				⊙		⊙						♂	
	BR2/13	⊙				⊙									
	IN1/17	⊙				⊙								♂ 45-50	
MF1/12	⊙				⊙										
group 4	KY-III/297Bel				4		⊙			⊙					
	KY-III/325Bel				3		⊙			⊙				♂	
	EC/1				1		⊙								
	KY-III/138F				1		⊙								
	AG/36				1		⊙								
	AG/38				1		⊙								
	BZ4/3					⊙	⊙								
	IN1/14					⊙	⊙								
	BZ1/28					⊙		⊙							
	MF1/44					⊙		⊙							
	KY-III/13B					⊙									
	BZ3/1						⊙								
	KY-III/75(F)						⊙								
	KY-III/19(B)						⊙								
	KY-III/12F							⊙							
KY-III/24(B)							⊙								
group 1	EC/4	⊙	⊙	⊙	1		⊙			⊙				♂	
	IN1/4	⊙	⊙	⊙	2	●	⊙	●	⊙	⊙					
	TZ3	⊙	⊙	⊙		⊙	⊙			●			⊙		
	KY-III/14B	⊙	⊙	⊙		●	⊙								
	KY-III/302Bel	⊙	⊙	⊙		⊙				?					
	MF1/43	●	⊙	⊙		⊙	⊙	⊙	⊙	⊙				♂ ~70	
	MF1/6	⊙	⊙	⊙		⊙	⊙						⊙	♀ + ♂	
	BZ1/29	⊙	⊙	⊙		⊙				⊙					
	BZ1/40	⊙	⊙	⊙		⊙		⊙	⊙	⊙					
	KY-III/20B	⊙	⊙	⊙		⊙		⊙	⊙	⊙					
	KY-III/186Bel	⊙	⊙	⊙		⊙		⊙	⊙	⊙					
	group 2	SG1/1	⊙	⊙	⊙	4		⊙			●			⊙	
		MF1/14	⊙	⊙	⊙	2									
		MF1/36	⊙	⊙	⊙		⊙				⊙				
		KY-III/121F	⊙	⊙	⊙		⊙		⊙						
		MF1/28	⊙	⊙	⊙		⊙				⊙				
		KY-III/316Bel	⊙	⊙	⊙	4	⊙	⊙	⊙	●	●				
		KY-III/320(Bel)	⊙	⊙	⊙	2		⊙							
KY-III/184Bel		⊙	⊙	⊙	1		⊙								
BR2/12		⊙	⊙	⊙											
BR2/18		⊙	⊙	⊙		⊙	⊙								
SG1/16		⊙	⊙	⊙		⊙								♂	
SG1/2		⊙	⊙	⊙		⊙								♂	
MF1/5a	⊙	⊙	⊙			●							♂		
KY-III/254	⊙	⊙	⊙		⊙										
group 3	SG3/2	⊙				⊙	⊙			⊙					
	KY-III/18B	⊙				⊙	⊙			⊙					
	KY-III/358Bel	⊙				⊙	⊙								
	KY-III/58(F)	⊙				⊙				⊙					
	MF1/2	⊙				⊙									
	MF1/24	⊙				⊙							⊙		
	KY-III/87F	⊙				⊙									
	KY-III/126F	⊙				⊙									
	KY-III/16B	⊙				⊙							⊙		
	KY-III/261(Bel)	⊙				⊙									
group 4	KRAZ				7	●									
	SG1/17				3		⊙								
	KY-III/196Bel				2		●								
	BALYK/1				2		⊙								
	IN1/10				2		⊙								
	KY-III/164Bel				1	●				⊙					
	BZ1/5				1		⊙								
	KY-III/309(Bel)				1		⊙								
	KY-III/127F				1		⊙								
	BZ1/8					⊙	⊙						?		
	KJ2/2					⊙	⊙								
	KY-III/26F					⊙	⊙						⊙		
	LS2/4						⊙			⊙					
	KY-III/75F						⊙							♂	
KY-III/82(F)						⊙									
KY-III/95F						⊙									
KY-III/376Bel					⊙	⊙							♂		

⊙ 1 object   ● 2-3 objects   ● more than 3 objects

Tab. 2. Warrior burials from Kislovodsk classified by weaponry

further components of male identities or could reflect control over activities associated with craftsmanship or hunting. On the other hand, the full armour without additions can be set as *group 1B* against individuals with only parts of the full armour, *group 1C* (Reinhold S., 2003, p.41-44,

fig.11). This splitting up may over-interpret the structural criteria, but as we shall see, it repeat a pattern which is a characteristic for the top level Transcaucasian warrior burials.

Interestingly, the aspect of «craftsmanship» in Kislovodsk is displayed only in three of the most

Tab. 3. Warrior burials from Chechenya classified by weaponry

	grave	spear	dagger	axe/mace	arrows	knife	whetstone	horse	horse gear	tools	ornamented bar	bracelet	head gear	ornament depot
group 1A	SJ/42	⊙	⊙	⊙		⊙		⊙		●		⊙	⊙	
	SJ/37	⊙	⊙	⊙		⊙		⊙		●		●		
	SJ/75	⊙	⊙	⊙	⊙	⊙		⊙		●		●	⊙	x
	SJ/26	⊙	⊙	⊙						⊙		●	⊙	
	SJ/6	⊙	⊙	⊙				⊙				●	⊙	
	SJ/16	⊙	⊙	⊙								●	⊙	
group 1B	SJ/24	⊙	⊙			⊙	⊙					⊙	⊙	
	SJ/39	⊙	⊙			⊙		⊙	⊙			●	⊙	?
	SJ/56	⊙	⊙		⊙			⊙	⊙	⊙		●		x
	SJ/70	⊙	⊙		⊙	⊙		⊙	⊙	●		●		x
	MJ2/28	⊙	⊙					⊙	⊙			●		
MJ2/15	⊙	⊙												
1C	SJ/38	⊙	⊙	⊙		⊙	⊙	⊙				●		x
	SJ/53	⊙	⊙	⊙								●	⊙	x
group 2	SJ/28	⊙									⊙			
	SJ/44	⊙										●	⊙	x
	SJ/50	⊙										●	⊙	x
	SJ/57	⊙										●	⊙	x
	SJ/63	⊙												
	SJ/82	⊙						⊙				⊙	⊙	
	SJ/87	⊙					⊙	⊙			⊙	●	⊙	
	MJ2/23	⊙										⊙		x
3	MJ2/3	⊙												
	MJ2/7	⊙			⊙			⊙						⊙
	MJ2/12	⊙					⊙							
4	SJ/7					⊙	⊙					⊙	⊙	
	SJ/46					⊙					⊙	●		x
	SJ/IV/2					⊙						⊙		

⊙ 1 object   ● 2 objects   ● 3 and more objects

prominent burials, Tereze grave № 3, Industrija 1 grave № 4 and grave 14 from Berezovaja 1 (Дударев С.Л., 1999, рис.105,1–9). The anthropological analyses from the Klin Yar III cemetery verified more traits of craftsmanship, especially metallurgical activities, in the bone chemistry (Белинский А.Б. и др., 2001, с.57–59). These graves, yet, were not furnished with tools. Perhaps the tool sets indeed reflect not real craftsmanship, but rather symbolise control over this economic sector. The physical traits in contrary would reflect those people, who actually did worked as metalworkers.

The archaeological evidence makes clear that martial aspects with a decidedly regulated structure categorised the male population of the Caucasian Early Iron Age in several levels. It must have been linked with the social significance the deceased individuals had in their communities. Correlation with other factors that are crucial for social status, such as wealth, birth or trans-regional contacts (see

above), can help to reconstruct the factors that linked a men's social position with weaponry he was buried with. Belinskij, Dudarev and Härke have discussed the factor of workloads associated with the construction of tombs already with a negative correlation. Though I have changed the criteria of the groups, the result of a similar analysis would be the same. I will therefore discuss other quantitative aspects, the number of objects for instance or the metal weight accumulated in the grave goods. Criteria like these are the basis of several models for social analysis of prehistoric graves, since they are considered as indicators for «wealth» and/or «social significance» (Kouteck D., 1968; Freudenberg M., 1989, p.43–46; Jørgenson L., 1990, p.63–68). Social significance is perhaps a more precise term, since the grave is more a product of the community burying a deceased member than a self-expression of the dead individual.

The left half of table 4 shows the correlations of the qualitative factors pointed out for the warrior burials of the Kislovodsk basin, Table 5 lists the same criteria for Seržen'-Jurt and Majrtup 2.

A decline of both objects and metal weight that correspond to the structural differences in weaponry is obvious. A second sight, however, relate the accumulation of metal weight to *group 1* (1A–B) and 2, while over 50% of the warriors with spears, *group 3*, have less than 500g of metal, i.e. usually only the spear and a small knife. This impression is supported by the numbers of object per grave, which show a correlation to *group 1* and 2 and a break between *group 1–3* and 4 likewise.

The correlation of quantitative and structural factors reveals a vertical component in the burials, which is not obvious in the analysis of the workload to prepare the tomb. Yet, the scale of variation is not broad, and there are actually only a handful of outstanding graves in terms of burial wealth (Fig.4). In the Kislovodsk basin one can refer again to grave № 4 of the cemetery Industrija 1, or Tereze, grave № 3 (Дударев С.Л., 1999, рис.106), both with a lot of objects and huge burial chambers. Grave № 186 from Belinskijs excavations in Klin Yar III is another exceptional wealthy grave. In Seržen'-Jurt, on the other hand, at least four graves – №№ 37,42,70 and № 75 – can be named from the same site, all of them belonging to *group 1A*. They even have a chronological depth, so the possibility of a social group that could provide their members with a superior burial cannot be denied. Although the reconstruction of an outstanding, wealthy and powerful elite with warrior

Tab. 4. Pre-sythian warrior graves from the Kislovodsk basin: Belorečensij 2 (12), Berezovka 1-6 (18), Ečkivaš (4), Industija 1 (8), Klin Yar III (56 published graves), Mebel'naja fabrika 1 (30), Sultan gora 1/3 (7) and single inventories from Kič Balyk, Kaban gora, Lermontovskaja skala 2, Ostjainik, Mačnij, Tereze, Trains station and Širokaja balka; the numbers correspond to inventories with the listed categories

	graves with horse gear	Transcaucasian import	Central Caucasian imports	scale armour	objects with wide distribution	arrow heads	> 1000g metal weight	1000-500g metal weight	500-250g metal weight	150-250g metal weight	50-150 metal weight	< 50g metal weight	>15 objects	11-15 objects	6-10 objects	2-5 objects	1 objects
Group 1	10	2	4	3	14	2	7	11	2				4	7	5		
Group 2	6			1	8	8	1	6	5		1		1	4	7	4	
Group 3	7				7	2		4	19	10	3			1	12	2	1
Group 4	2					12			1	3	11	15		1	6	22	3
Group 5												21			3	16	

Tab. 5. Pre-scythian warrior burials from Seržen'-Jurt and Majrtup 2; the numbers correspond to inventories with the listed categories

	graves with hoses or horse gear	ornament depositions	European import	West Caucasian imports	Central Caucasian imports	TRANSCAUCASIAN IMPORT	> 1000g metal weight	1000-500g metal weight	500-250g metal weight	150-250g metal weight	50-150 metal weight	< 50g metal weight	>15 objects	11-15 objects	6-10 objects	2-5 objects	1 objects
Group 1A	5	2	2	2	5	1											
Group 1B	4		3	3	1	2											
Group 2	1	2		1	1												
Group 3		3															
Group 4																	
Group 5																	

aristocrats is a tempting idea, their adherence to the stereotype burial scheme of this site contradicts the reconstruction of a real superior social rank. These burials are not separated from the rest of the graves, but part of at least two warrior plots in the cemetery (Козенкова В.И., 2002, рис.5). They kept to the basic structure of armour and burial customs. Thus, even when the families of these warriors tried to highlight them during their burial, they were not able to set aside the traditional rules.

A second aspect of social ranking pins down on qualitative factors: objects which are exceptional because of their scarcity, their foreign origin or because they are costly in keeping and training, like fighting horses or hunters. Such objects are

important aspects in the display of social superiority. They serve as regulators of informal power and at the same time can display wide range alliances and «political» weight, when recognisable as foreign gifts (Ulf Ch., 1992, p.195-207; Eggert M.K.H., 1991). With regard to such criteria, it is clear that the warriors of *group 1* were outstanding indeed. In Kislovodsk, nearly half of all burials with horse gear belong to this group (Tab.4 and Tab.2), in Chechnya, the percentage is even higher (Tab.5 and Tab.3). In Kislovodsk, nearly 60% of the inventories with Near Eastern defensive weapons, 80% of those with Central Caucasian import and 50% of the objects with a wide distribution, i.e. potential prestigious exports, were found in burials

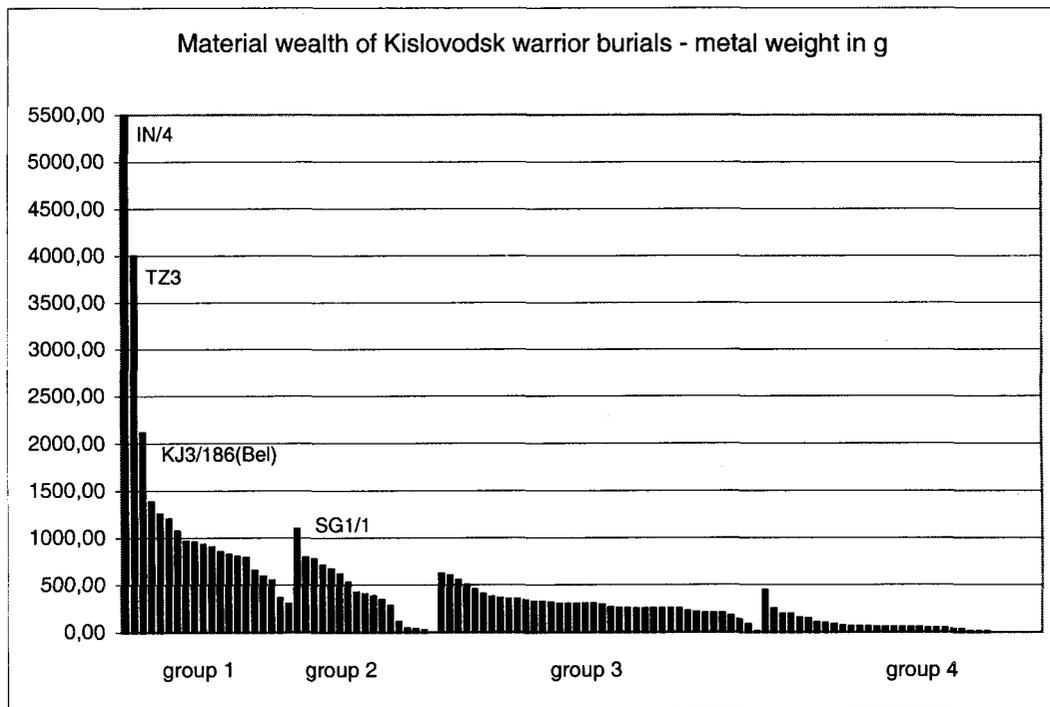

Fig. 4. Warrior burials from Kislovodsk ordered by wealth

with complex armour. Similar numbers are found in the Chechen sites. Only ornament depositions – remains of female costumes put down beside the deceased – which are frequently found in the warrior graves of Seržen'-Jurt and Majrtup 2 show no real correlation to the first group. Yet, the number of ornaments is lower in the graves of warriors with subordinated weaponry. In Kislovodsk ornaments in warrior graves are extremely scarce and found only in graves of the first group, e.g. KY-III № 14(B) or MF-I № 34 (Дударев С.Л., 1999, рис.144). The presence of tools and arrowheads were mentioned already. The multifaceted armed warriors, as it seems, were presented to the afterlife not only with a broader spectrum of combat weapons but obviously also as that part of the male population that could monopolise economic power and the control over trans-regional relations.

Since the structure in weaponry correspond with qualitative and quantitative criteria for social status, we have to postulate different social positions for the men armed with different armour. In this scheme, the individuals of *group 4–6* held the lowest position. For these men a burial as warrior was impossible and their burial good were rather poor. The only aspect of the warrior ideology present in their graves is the aspect of «hunting». Yet, two of them, the men in grave KY-III № 26(F) and KY-III № 297(Bel) were furnished with horse gear, i.e. as horsemen.

The second level includes warriors those with spears. They are the most numerous group, were allowed to be presented as horsemen, but restricted in the quantitative and qualitative aspects. Perhaps we see here the young men at the beginning of their warrior carrier or a social unit of lower rank that had warrior status; They could not participate fully in the division of booty or exchange relations, which would have brought them exotic burial goods.

The utmost social group are warriors that could participate in long-distance relations – raids or more peaceful exchange systems – i.e. the «political» sphere. They monopolised economic power and the – perhaps more honourful? – close combat weapons. The regulation principle that divides the two first warrior groups, yet, are not clear. Perhaps age is the critical factor. Birth could be an important aspect, when the hidden vertical fission was indeed stronger than the levelling burial practices reveal. Not to forget the strong individual components in the warriors burials of this groups, i.e. the possibility of individual acquisition of exotic goods beyond all forms of socially regulated distribution patterns. Prestigious objects like defensive weapons, central Caucasian import or others are much too heterogeneous to be regarded as established symbols of rank (see Sievers S., 1980 for real symbols of rank). Nevertheless, they display the exceptionality of an

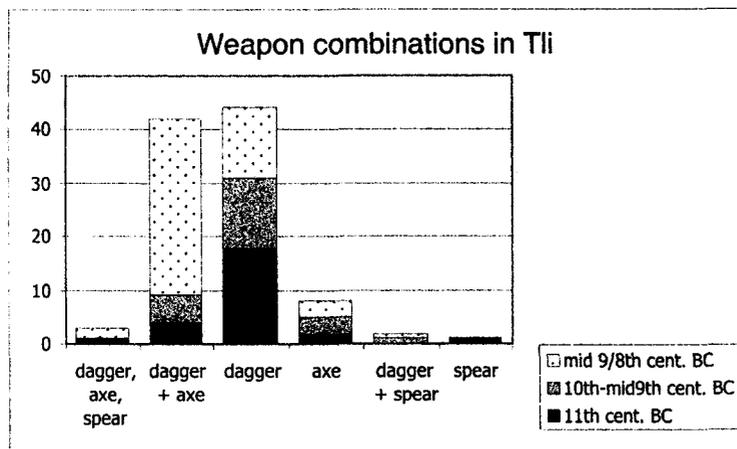

Fig. 5. Weapon combinations in Tli

individual as a successful military leader with good contacts, the classical way a «big man» preside his community (Sahlins M., 1963; van Wees H., 2001, p.281–293).

It is therefore not the mounted warrior as such, which must be considered at the top of the social scale of males in the northern Caucasus. He is only the most impressive part. The real power lay in the hand of the warriors from *group 1* and 2. They, no doubt, constitute the social milieu where a potential aristocracy would emerge from. Moreover, a number of indicators show that in some areas the families behind these warriors made the first steps towards singling out their members by more advanced burial equipment. In the Kislovodsk basin and in the Kuban area foreign prestigious objects were used to mark the deceased outstanding position. In Chechnya, the extension of the full armour with tools and symbolic bows reveal an even more formal way to mark elite warriors. While foreign weapons and horses were open to a larger group, elements like that went not into the lower ranks.

The high conformity of the burial practices in all north Caucasian regional groups, the lack of monumental grave markers² and real elite plots, as well as the small numbers of high status burials per site, however, contradict the image of an established aristocracy. Even for the outstanding graves, the families had to keep to the traditions that underlined the levelling aspects of the burial ritual. The north Caucasian groups, as we see them through their burials were at a similar level, as the Homeric society described by Ulf and van Wees. It is a society at the threshold of an aristocratic structure, where however, the coherence of the

community as a whole is still stronger than the divergent interests of separate families are.

THE STRUCTURE OF WARRIOR IDENTITIES IN THE MOUNTAINS

In the contemporary high mountain group, represented by the cemeteries of Tli (Техов Б.В., 1980; 1981; 1985) and Koban, we find a different structure of warrior burials in terms of weaponry. Horse gear is extremely scarce (Вальчак С.Б., 2001), the principle weapons are daggers and axes. Spears are limited to a few graves in Tli, where they reflect a reminiscence of middle Bronze Age weaponry including spear and dagger. These warriors are even more stereotypically armed than their north Caucasian fellows are. The principle armour is either a single dagger or a combination of dagger and axe. All other weapon combinations are negligible. These weapons are standardised typologically and alter only slightly over time.

A chronological review shows a shift from predominance of single daggers to more elaborate combinations with daggers and axes during the cemeteries use. The ratio of the armour groups shifts throughout the Early Iron Age from a ratio of daggers to combinations of 69%:15% in the 11th/10th century BC, i.e. Tli B according to G.Kossack (1983, p.97), to 25%:63% in the 9/8th century, i.e. Tli C (ibid., p.110–120). A possible structural division between the warriors in the earlier phase appear levelled in the later, which means that during the 9th century three quarters of the males were included into the «superior» group. At least in this period the structure of the high mountain weaponry is no striking argument for a social ranking. The low scale of social differentiation through burial equipment is even more apparent in

² The huge burial mounds in the Kuban area must be excluded.

the stereotype male costume including only a bronze or leather belt and a fibula.

A small number indicators, nevertheless, allow suggesting a hidden vertical differentiation among the males from the Tli cemetery beside all levelling tendencies. One indicator are burials with doubled or even tripled components. Two axes or two daggers are no practical weaponry, but they accentuate the importance of an individual within the restricted range of the typical warrior equipment. Another sign is the presence of at least six burials of small children – Tli №№ 210,115,201,264,229, and № 263 (Техов Б.Б., 1980; 1981; 1985) – with full warrior equipment. Since these children are too young to have been fighters, warrior status must have been inheritable at least in some families. The small number, on the other hand, shows that this is not a general feature. The presence of correctly armed children can be a first sign for the formation or stabilisation of a social elite, even this elite had to keep to the narrow scale of variation allowed in the Tli burial customs (Fig.5).

THE STRUCTURE OF WARRIOR IDENTITIES IN TRANSCAUCASIAN

The distribution of the typical high mountain weapon types – Koban and Kolchis axes and hilted daggers – gives us some idea about the areas in which a similar structure of weaponry is to be expected. Because in western Transcaucasian – Abchasia and the western Georgian plains – the rite of collective burials prevailed, individual armour cannot be reconstructed directly. The ratio of different weapons and their typological closeness to the high mountains, nevertheless, allow to postulate similar structures. Surely, axes and daggers were the predominant weapons in this part of Transcaucasia. A detailed analysis of the burials in this area, however, is impossible.

More favourably is central Transcaucasia, especially the area around Mccheta where excavations have taken place since the 19th century³. The only

limiting factor is the fact that none of the cemeteries in this area is fully published. The analysis consequently can give only a general impression, but with interesting aspects for the general issue. This area is not part of the cultural koine, which can be related to the Koban-Kolchis cultural area (Reinhold S., 2002). It rather belongs to a Transcaucasian cultural area which connects Central and Eastern Georgia, Armenia and parts of northwestern Iran (Abramišvili R., 1998; Picchelaury K., 1997). However, it is related in several ways to the contemporary the north Caucasian groups and furthermore offers a development which contradicts many of the north and central Caucasian features.

The bases of the central Transcaucasian armour are daggers, sometimes swords, and spears (for an overview about the weapon types see: Picchelaury K., 1997). More frequent than on the northern slope arrowheads in larger numbers are found in the warrior burials, indicating that the bow here was an armour worth to be part of the warrior equipment. Additionally the graves include large ceramic sets made up by dishes, pitchers, bowls and pots, sometimes in large quantities. They are characteristic features for the Transcaucasian burial rite.

Providing deceased males with daggers and spears in central Transcaucasia, i.e. Šida Kartli, roots deep in Bronze Age traditions. In the Mccheta region warrior burials with a single dagger and the typical ceramic set are known at least since the 16th century (Каландадзе А.Н., 1980, № 26–33; Abramišvili R., 1998, tab.III, № 119–121). They are rare but present not only here. During the 15th/14th century, such warrior burials increase in numbers and stereotype combinations were formed out (Tab.6A) (Каландадзе А.Н., 1980). The weaponry is tripartite: spears, daggers and axes made from antler can be made out as the full armour, i.e. *group 1*. Double combinations of dagger and axe or dagger and spear are seldom, but can be regarded as *group 2*. The majority of simpler warrior equipments include only a single dagger, sometimes in combination with arrowheads, *group 3*. Unarmed males cannot be named for Samtavro, since the anthropological data is not published with the inventories. At Cerovani II, the mentioned anthropological data (Садрадзе Д., 1991, с.19–28) allow identifying skeletons on the right side as males and thus at least 24 possible men without metal objects can be found. The weaponry of this period in central Transcaucasia reflects consequently a structure similar to the areas

³ It is necessary to mention that in the moment different views in term of archaeological culture exists for this area. For the present issue, however, this debate is of less importance, since my study of the weaponry point to structural aspects, not typological or typochronological. For a discussion of the cultural debate (see Садрадзе Д., 1991), for the distribution of the types included in the weaponry of the Mccheta sites and the principal chronology area (see Picchelaury K., 1997).

	group	grave	spear	dagger	axe	sword	sword belt	mace	arrows	tools	toggles	horse gear	figures	pins	fibula	belt	tweezers			
15th/14th century BC	1	SAM /75/1935	⊙	⊙	⊙					●		?								
		SAM /80/1939N	⊙	⊙	⊙						●									
		SAM /101/1939N	⊙	⊙	⊙						⊙									
		SAM /155/1940N	⊙	⊙	⊙								?		⊙					
		SAM /160/1940N	⊙	⊙	⊙				⊙											
		SAM /175/1940N	⊙	⊙	⊙										⊙					
	2	CER II /55		⊙				⊙												
		SAM /58		⊙	⊙						⊙									
	3	CER II /22		⊙											⊙					
		SAM /54/1939N		⊙						3					⊙					
SAM /156/1940N			⊙											⊙						
SAM /183			⊙											⊙						
A	SAM /288/1947N		⊙											●						
																			Inventories from Kalandadze 1980 Sadradze 1991	
13th/12th century BC	1	SAM /80	⊙	⊙	⊙				1			⊙		⊙						
		SAM /180/1940N	⊙	⊙	⊙				1		⊙	●		⊙						
		SAM /261	⊙	⊙	⊙				1						⊙		⊙			
		SAM /267/1947N	⊙	⊙	⊙										⊙					
	2A	SAM /226	⊙	⊙											⊙					
		SAM /228	⊙	⊙						1					⊙					
		SAM /228/1946N	⊙	⊙											⊙					
		SAM /232/1946N	⊙	⊙						6					⊙					
		SAM /281/1940	⊙	⊙											⊙					
		SAM /294/1948N	⊙	⊙											⊙					
	2B	CER HOT /2	⊙	⊙						6					⊙					
		SAM /261/1946N	⊙	⊙											⊙		⊙			
	3A	SAM /263	⊙	⊙										●			⊙			
	3A	SAM /16/1939N	⊙							7										
		SAM /75/1939N	⊙							2					⊙					
		SAM /129/1939N	⊙							4										
		SAM /140/1939N	⊙							4										
		SAM /151/1939N	⊙																	
		SAM /174/1940	⊙							2							⊙			
		SAM /266/1947N	⊙												●					
SAM /280/1940N		⊙							5	⊙										
SAM /283/1947N	⊙							2					⊙							
3B	SAM /64/1939N	⊙												⊙						
	SAM /203/1940N	⊙												●						
	SAM /284/1947N	⊙												⊙						
B	SAM /67/1939N								6					⊙						
																			Inventories from Kalandadze 1980; 1981 Sadradze 1991 Picchelaury 1997, tab. 101 PAI 1978 (1981)	
11th-early 9th century BC	C	SAM /208	⊙	⊙	●	●	⊙	●	6	●	●	●	●	⊙	⊙	⊙	⊙			
		SAM /26/1938N	⊙	⊙					⊙	2	⊙				⊙					
		NAR /9	⊙	⊙		⊙				3	●	⊙	●	●	⊙				♂ 13-14	leg/arm rings
		NAR /53	⊙	⊙	●	⊙	⊙			4	●	⊙	●	●	⊙	⊙			♂ 25-30	bronze cauldron
		SAM /51	●	⊙		⊙		⊙		10	⊙	⊙								
		SAM /152	⊙	●		⊙				3					⊙		⊙			
		SAT /19/1978	⊙	●		?	●	⊙		⊙	⊙	●								
		SAM /5/1938N	⊙	⊙																
		SAM /10/1939N	⊙	⊙						2			⊙		⊙					
		SAM /44	⊙	⊙											●		⊙			
	SAM /77/1939N	⊙	⊙			⊙			7				⊙							
	NAR /14	⊙	⊙						4	⊙								♂ 50-55		
	NAR /32	⊙	⊙						4					⊙				♂ 50-60		
	NAR /35	⊙	⊙							●			●			⊙	⊙	♂ 10-11	leg/arm rings	
	SAM /96b	⊙	⊙			⊙				⊙			●		⊙					
	CER I /29	⊙	⊙			⊙			15					●						
	NAT IV /1	⊙	⊙											⊙						
	SAM /162/1939S	⊙	●							⊙				⊙						
	SAM /39/1939N	⊙								⊙										
	SAM /240/1946N		●	⊙																cowrie
SAM /591	⊙	⊙	●	⊙				2	⊙	⊙		●		⊙		⊙			Inventories from Kalandadze 1980; 1981 Picchelaury 1997, tab. 101	
SAM /47/1939N	⊙								⊙										Mtskheta 1999; Sulava 2000	
SAM /56/1939N	⊙		⊙	⊙				6	●			●		●		●			Apakidze et.al. 2000	
NAR /34	⊙																		♂ 30-34	
SAM /600	⊙								⊙					⊙					PAI 1978, 1980, 1983, 1986	

Tab. 6.

group	grave	spear	dagger	axe	sword	sword belt	mace	arrows	tools	toggles	horse gear	figures	pins	fibula	belt	tweezers			
9th/8th century BC	1A	SAM /276	⊙	⊙	⊙	⊙	●	2	●					⊙	⊙			leg/arm rings	
		SAM /95	⊙	⊙	⊙	⊙			6					●				leg/arm rings, cowrie	
		NAR /13/1978	⊙	⊙	⊙	⊙			11	⊙									leg/arm rings
	1B	SAM /123	⊙	●	⊙	⊙									⊙				leg/arm rings
		SAM /15	⊙	⊙	⊙	⊙			4	●					⊙				leg/arm rings
		SAM /85	⊙	⊙	⊙	⊙	⊙		6					⊙					leg/arm rings
		SAT /19/1978	⊙	⊙	⊙	⊙		●	4	●							⊙	⊙	leg/arm rings
		SAM /174	⊙	?	⊙	⊙			8	⊙					⊙				leg/arm rings
		SAM /41	⊙		⊙	⊙								⊙	⊙				leg/arm rings
		NAR /29/1982	⊙		⊙	⊙													leg/arm rings
		NAR /2/1977	⊙		⊙	⊙				⊙									leg/arm rings
		SAM /91	⊙		⊙	⊙			4	⊙									leg/arm rings
		SAM /70			●	⊙			8									⊙	⊙
	1C	NABU /3				●			4	●					⊙	⊙			leg/arm rings
		MUCH II /59				⊙			5										
		NAR 15/1978				⊙													
	2	SAM /3/1938N	⊙	●					14	?									leg rings, ornaments
		NAR /5	⊙	⊙					7	⊙	⊙								ornaments, cowrie
		SAM /30/1938N	⊙	⊙			⊙												
	3A	NAR /13	⊙						2	⊙								?	♂ 20-25
	NAR /33	⊙						3					⊙					♂ 30-35	
	NAR /17	⊙						4					⊙					grown up	
	SAM /28/1938N	⊙							?										
	NAR /11/1978	⊙						3	⊙										
	NAR /19/1979	⊙																	
3B	SAM /107b		●						●				⊙	⊙				leg/arm rings, cowrie	
	SAM /7/1938N		●					4					●						
	NAR /6		⊙															♂ 5-6	
	NAR /12		⊙															child	
	SAM /186		⊙					1	●				⊙			⊙		leg rings, ornaments	
	SAM /20/1938N		⊙					5					⊙					leg rings, ornaments, cowrie	
	SAM /114		⊙															leg/arm rings	
4	NAR /20							1	⊙				●					♂ 50-55	
	NAR /29							4	●									♂ 50-55	
	NAR /31												●					♂ 25-30	
D	SAM /82/1938							3					⊙					Inventories from	

⊙ 1 object   ● 2-3 objects   ● more than 3 objects

Tab. 6. A – Warrior burials from the Mccheta sites classified by weaponry, 15th/14th century BC. B – Warrior burials from the Mccheta sites classified by weaponry, 13th/12th century BC. C – Warrior burials from the Mccheta sites, 11th to 9th century BC. D – Warrior burials from the Mccheta sites classified by weaponry, 9th/8th century BC

discussed before. The typological standardisation of daggers and spears is as stringent as in Tli or in the local types at Seržen'-Jurt (Picchelaury K., 1997, Tab.62,959-977;63;64,1043;79,1430-1435; 80-83). In the 13th/12th century (Tab.6B), the typology of the components changes to some degree, but the general structure remains extremely stable (Каландадзе А.Н., 1980; Садрадзе Д., 1991, Tab.XCIII, № 198-209,210-220,241-251; Picchelaury K., 1997, Tab.110,A-C).

This changes tremendously during the 11th to 9th century BC (Tab.6C). Even at first sight, it is clear

that some of the warrior graves increase enormously in wealth. Although the weapons of the previous epoch – daggers, spear and axes of antler – remain the basis of the armour, swords, bronze axes and maces were added, frequently to a high number. Arrowheads in sets are now common in such burials, as well as tools. A sword belt made of bronze tubes frequently accompanies dagger or sword. Pins, leg-rings and belts belong to the male costume, associated by tweezers as male toilet objects. In three of the most wealthiest graves, Samtavro № 208 (Каландадзе А.Н., 1982, с.81-87), Satovle-

Nagebi № 19/1978 (Апакидзе А. и др., 1982, с.206–213, № 1575–1592) and Narekvavi 53 (Apakidze A., 2000) even horse gear is present. Disturbed complexes at Narekvavi with more horse gear suggest further horsemen (Mtskheta 1999, Tab.XXXV,17), yet not in such numbers as among the north Caucasus groups. The anthropological analysis of the Narekvavi cemetery (ibid., p.14–115,126,127) also adds the category of unarmed men.

The central Transcaucasian warrior burials of this period display a clear ranking by wealth. The armour of the previous periods remains the basis of the warrior equipment, but is enlarged by other elements: further arms, bronze and sword belts, toggles and rings, tools and zoomorphic figures. The repetition of these elements in the wealthy inventories, though in different combinations, suggests some kind of symbolic function. Perhaps we see here the birth of real symbols of rank. The impression of a vertical ranked society is strengthened by the anthropological data from Narekvavi. Two of the richest graves from the excavations of 1998 belong to boys; № 9 a 13–14 year old child, № 35 a 10–11 years boy (ibid., p.26–33,84–93). They resemble nearly identically the ensemble of grave № 53 from 1999, a 25–30 year old men (Apakidze A., 2000).

In the 9/8th century, the basic structures become again more obvious, but the quantitative and qualitative differences remain (Tab.6D). At Narekvavi, the community reduced the burial equipment back to the basics. The weapons are now predominantly made of iron and the axes are replaced by the bow, but again a grouping is apparent: dagger, spear and bow resemble *group 1B**, the combination of spear and bow *group 2**, a single dagger *group 3**, tools and bow *group 4** and burials with ceramic *group 5**. Presiding this configuration is a set of warriors, *group 1A*, with long iron swords, often of the so-called Urartian type, beside the full armour of *group 1B**. From Narekvavi two graves of this type are published, but at Samtavro, at least nine graves with Urartian swords are known. More such swords were found in three other cemeteries of the Mcheta region. Three of the Narekvavi graves and at least 12 further graves from Samtavro have iron swords of different types. This group mirror directly or indirectly the heirs of the superior families represented in the exceptional buried men and boys of the 11th–9th century BC. Their swords link them to other elites in north-eastern Anatolia, i.e. Urartu, eastern Transcaucasia and the Talych. The

sword is the weapon of the leader, who fights with spear, dagger and shield, i.e. a full armour, as the warfare scene from the Stepanavan belt dramatically shows (Fig.2). Here we find also the other weaponry groups, according to the size of the depicted, in subordinate importance, even when they are on horseback.

WARRIORS OF THE CAUCASUS – TRIBAL COMBATANTS OR WARRIOR ARISTOCRACY?

The analyses of warrior graves in several areas of the Caucasus have shown that a simple correlation of burial equipment and social rank is not possible. The degree up to which social position is mirrored in the burial equipment is first limited by a strong tendency to level differences. This tendency is characteristic not only for the warrior burials, but also for female costumes (Reinhold S., 2003, p.33–36; 2004) and a typology that in some areas is very much standardised. The differentiation of the weaponry in all analysed areas follow this tendency to standardise, thus lead to recognisable armour levels. The specific combinations may vary, but the basic structure of a full armour with distance and close combat weapons, subordinate weaponry with only one weapon type and unarmed men is present in all places.

Contradictory trends to consolidate differences, on the other hand, unveil parts in the Caucasian communities that wanted to surmount this social coherence. In the northern Caucasus, critical signs of a real aristocracy are not observable in the archaeological record. Neither we find warrior children graves, nor did the families of the highest status warriors manage to defeat the levelling burial traditions. These families could operate only at a very sophisticated level, highlighting the individual abilities of their deceased members by exceptional – but individual! – burial gifts. The difference to Transcaucasia, where the traditional, low structured social order were overcome by some parts of the society, is obvious. Still, it leaves open the basis of the presumed social superiority of the top groups in the north Caucasian groups.

The participation in the *Cimmerian* raids, as suggested by Belinskij, Dudarev and Härke's is in my view not a satisfactory justification for the related phenomenon in general. It may have had a stimulating effect on a system already functioning, but the chronological framework of the warrior burials between the 10th and 8/7th century BC is too

broad to regard the *Cimmerian* impact as the main driving force. It also passes over the fact that this structure is not restricted to the northern slope of the Caucasus, but develops in an identical way in the different cultural setting of Transcaucasia. There this process started even earlier during the 15/14th century BC. *Cimmerian* influence can for certain be excluded in this case. The basis of distinction in both areas is the ability to monopolise «foreign» and precious objects, i.e. the participation in large scale communication networks, and individual abilities. If we accept PICCHELAURIS (Picchelaury K., 1997, p.10,17–21) idea about the development of the Kachetian swords, their penetration into the Mccheta area from eastern Transcaucasia starting in the 12th century BC this is an equivalent to the distribution of the Kabardino-Pjatiogorian daggers on the northern slope some 200 years later. Their contemporaries, the «Uratian» iron swords is similar feature. Horse gear, i.e. riding and driving horses, were part of the Transcaucasian warrior equipment in the same way as on the northern slope. That is less frequent part of the burial equipment is problematic. The depictions on the Transcaucasian belts with hunting and warfare scenes (Esayan S.A., 1984), on the other hand, show their presence and importance.

The Caucasian phenomena of warrior burials ordered by weaponry reveal similar social mechanisms, which refer to the specific cultural network the respective groups had been related to: the Eurasian steppe network in case of the north Caucasian groups, the Transcaucasian-Anatolian network in case of the Transcaucasian groups. *Cimmerians* may have played a role in a later phase, but we must regard the warrior burials as a general trend with Caucasian roots.

I do not want to stress too much on the Transcaucasian influence in this development, even in Chechnya such an influence is obvious not only because of direct imports (Vinogradov V.B., Dudarev S.L., 2000, p.400,401). The dominance of flanged hilted daggers and large bronze spearheads, the presence of tools and arrowheads in the topmost group, the trend towards a more formalised social elite is quite evident. In the high mountains close links to Transcaucasia existed during the Late Bronze Age. Even this period is difficult to evaluate because of the habit of collective burials, the ranking of warriors by weapons started during this period. The cultural break to Transcaucasia after the formation of the central mountain group between Tli and Koban (Reinhold S., 2002,

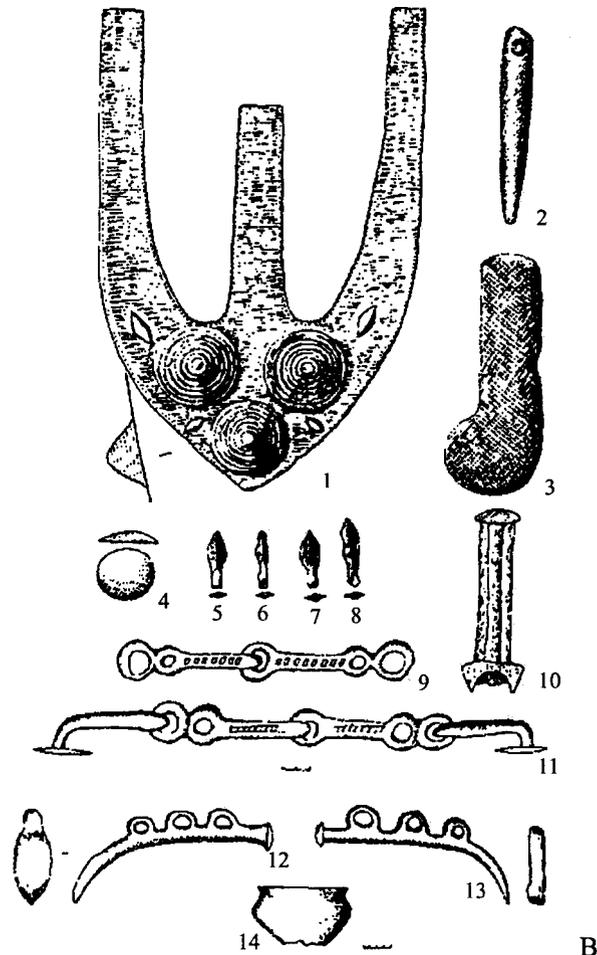
p.429–433) does not influence this structural elements.

The sharpest break in terms of long-standing cultural habits took place in the Kislovodsk and Kuban area at the start of the Early Iron Age, when the described warrior ideology took shape. During the Early and Middle Bronze Age in the weaponry dominated single axes, made of stone or metal (Кореневский С.Н., 1976). «Warriorhood» was part of the Bronze Age burial concept, but did not dominate the male identity in such a way as in the later periods (Кореневский С.Н., 1990, с.71–81). The principal hiatus between the latest Middle Bronze Age burial mounds and the appearance of the large flat inhumation cemeteries of the Early Iron Age in the Kislovodsk area leaves many unanswered questions. Was the warrior ideology with its specific images taken over from Transcaucasia, or did it evolve on a local basis? How should the Pontic-Uralic influence, manifest in depositions and stray finds mostly of weapons be rated?

The earliest observable grave with later standards is a burial from Tereze, found in 1928 (Иессен А.А., 1951, с.82, № 2, рис.5,2,3). The dagger must be dated into the 13/12th century BC, according to similar forms in Tli and Transcaucasia (Kossack G., 1983, p.95; Козенкова В.И., 1995, с.50). The complete structure of the warrior classification was also already formed out, when the Early Iron Age cemeteries in Kislovodsk started to be used. Grave № 26 from Mebel'naja fabrika (Дударев С.Л., 1999, рис.142,8–13) and KY-III № 313 (Белинский А.Б. и др., 2001, рис.6), with both bronze spearheads and other early features are perhaps the earliest representatives of the typical warrior graves. The export of prestigious objects into the Eurasian steppe, i.e. the forming of the elite network Kossack and Metzner-Neblesick are referring to, also start this early. The penetration of Near Eastern style defensive weapons into the Caucasus, another important argument in support of the *Cimmerian* thesis, started also at least during the 9th century BC. G.Kossack illustrated this for the helmets from Primorskoe and Faskau (Kossack G., 1983, p.111–114, fig.10), which belong to a group of helmets that in Assyria were in use since the reign of Assur-nasir-pal I (1050–1032 BC) (Deszö T., 1998, p.4–6,90, Abb.4). Another military feature of Near Eastern origin are the so called pectorals. The newly edited pectorals from the central Caucasus point to the route new military technologies took on their way north. The first appearance of the typical Caucasian pectorals are the

A

B

Fig. 3. A – Belt from Astchi Blur after Esayan 1984, № 42. B – Grave ensemble from Kislovodsk-Sultan gora 1, grave № 1 after Dudarev S.L., Berezin J.B., 1999, fig. 107

depictions on a 9th century BC Transcaucasian belt from Astchi blur (Fig.6A). It shows such pectorals at a pair of horses with one horseman (Esayan S.A., 1984, p.114,115, fig.13, № 42). The same double horse technique is also portrayed at a belt from Stepanavan, dated to the 10th century BC (ibid., p.111–113, fig.12, № 38). It reappears in one of the burials with pectorals from Kislovodsk,

Sultan gora 1, grave № 1 (Дударев С.Л., 1999, рис.107). The pectoral and the double pair of bridles represented exactly the illustrated fighting technique on horseback (Fig.6B). The Transcaucasian bowl underlines the southern contacts of this warrior even more. G.Kossack (1983, p.135–139; 1994, p.23,24) has already argued for an earlier, late 9th/early 8th century BC date for this grave,

which is supported by the mentioned parallels from Transcaucasia.

Without further emphasise on the chronological aspect, it is clear, that the phenomenon of warrior burials and the take over of Near Eastern military techniques in the central and northern Caucasus via Transcaucasia is a process that took part over a longer time and it roots in Caucasian traditions. During the late 8th/early 7th century BC, however, an enormous increase of such objects in the northern Caucasus as well as in the Pontic area is obvious. The wide distribution of the classical Novočerkassk horse gear and other objects of military character like scale armour, steel swords of the Golovjatino type and other things (Reinhold S., 2002) in combination with Near Eastern «high technology» weapons, i.e. chariots – if useful or not – clarify, that some aggressive external factor started to press hard on the groups of the Caucasus and Eastern Europe.

The *Cimmerian* invasion could be the basis of the increasing of near eastern objects, when they

are indeed booty of local warriors participating in the *Cimmerian* raids. The relationship between archaeological objects and historical ethnic groups, on the other hand, is difficult, especially in the *Cimmerian* scenario (Metzner-Nebelsick C., 2000).

Taking into account the long-standing cultural relations between the warrior elites in the Eurasian steppe, the intensification of this alliance through a supply of superior military from the Near East via the Caucasus into the steppe could be another scenario is possible. Fighting horses with Caucasian (or Caucasian type) horse gear and «high technology weapons» were perhaps not distributed by *Cimmerians* or their associates, but exchanged among the warrior elites of threatened local communities at the fringe of the Eurasian steppe in order to fight against such invaders. This idea is only a preliminary alternative to the traditional view, but it would unite plausible aspects from all three cultural models of the north Caucasian warriors discussed so far.

Литература

Абрамишвили Р.М., 1961. К вопросу об освоении железа на территории Восточной Грузии (XIV–XI вв. до н.э.) // ВГМГ. 22–В (georg. with russ. sum.).

Апакидзе А. и др., 1981. Мцхета – полевые археологические исследования 1977/1978 годов // Мцхета. Итоги археологических исследований. Тбилиси.

Апакидзе А. и др., 1982. Мцхетская археологическая экспедиция 1979 года. Тбилиси.

Апакидзе А. и др., 1995. Мцхета 82. Археологические раскопки в Мцхета и его округе. Тбилиси.

Белинский А.Б., 1990. К вопросу о времени появления шлемов ассирийского типа на Северном Кавказе // СА. № 4.

Белинский А.Б., Дударев С.Л., 2001а. К характеристике наконечников стрел из могильника Клин-Яр III (по неопубликованным материалам раскопок 1988–1991 годов) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. II. Археология, антропология, палеоклиматология. М.

Белинский А.Б., Дударев С.Л., 2001б. О некоторых редких предметах вооружения «предскифского» времени из могильника Клин-Яр III (г.Кисловодск) // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки. М.

Белинский А.Б., Дударев С.Л., Харке Х., 2001. Об опыте социального ранжирования мужских погребений предскифской эпохи могильника Клин-Яр III // Донская археология. № 3/4.

Березин Я.Б., Дударев С.Л., 1998. Могильник «Лермонтовская скала (у реки)» – памятник раннего железного века Пятигорья // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. I. Археология. М.

Вальчак С.Б., 2001. История исследования и особенности воинского погребения из Верхнекобанского могильника // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки. М.

Виноградов В.Б. Дударев С.Л., Рунич А.П., 1980. Киммерийско-кавказские связи // Скифия и Кавказ. Киев.

Дударев С.Л., 1984. Социальный аспект раннего этапа освоения железа на Центральном Предкавказье и в бассейне р.Терека (IX–VII вв. до н.э.) // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный.

Дударев С.Л., 1999. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху. Армавир.

Дударев С.Л., Форменко В.А., 1996. Новые данные о связях Центрального Предкавказья с Поволжьем в эпоху раннего железа. Армавир.

- Иессен А.А., 1951. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце меднобронзового века // МИА. Вып.23. М.–Л.
- Каландадзе А.Н., 1980. Самтавро. Археологические памятники доантичной эпохи // Мцхета. Результаты археологических исследований. Т.4. Тбилиси.
- Каландадзе А.Н., 1982. Самтавро. Археологические памятники доантичной эпохи // Мцхета. Результаты археологических исследований. Т.6. Тбилиси.
- Козенкова В.И., 1995. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант // САИ. Вып.В2–5. М.
- Козенкова В.И., 1996. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и раннем железном веке (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М.
- Козенкова В.И., 2002. У истоков горского менталитета. Могильник эпохи бронзы – раннего железа у аула Сержень-Юрт, Чечня. М.
- Кореневский С.Н., 1976. О металлических топорах Северного Причерноморья, Среднего Поволжья эпохи средней бронзы // СА. № 4.
- Кореневский С.Н., 1990. Памятники населения бронзового века Центрального Предкавказья. М.
- Крупнов Е.И., 1960. Древняя история Северного Кавказа. М.
- Лесков А.М., Эрлих В.Р., 1999. Могильник Фарс/Клады. Памятник перехода от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку на Северном Кавказе. М.
- Мартirosян А.А., 1964. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван.
- Махортых С.В., 1994. Киммерийцы на Северном Кавказе. Киев.
- Садрадзе Д., 1991. Мцхета в XV–XIII вв. до н.э. (вопросы хронологии и периодизации памятников Шида Картли). Тбилиси.
- Техов Б.В., 1980. Тлийский могильник. Т.1. Тбилиси.
- Техов Б.В., 1981. Тлийский могильник. Т.2. Тбилиси.
- Техов Б.В., 1985. Тлийский могильник. Т.3. Тбилиси.
- Флёров В.С., Дубовская О.Р., 1993. Мужские погребения кобанского могильника Клинья 3 в г.Кисловодске // Вестник Шёлковского пути. Археологические источники. 1. М.
- Шарафутдинова Э.С., 1993. О социальной градации в протомеотском погребальном обряде // КСИА. Вып.203.
- Abramišvili R., 1998. Chronological Ordering of Archaeological Finds of Transcaucasia // Bulletin of Tbilisi Archaeological Museum. 1 (georg./engl.).
- Apakidze A., 2000. Narek'vavis samarovani // IV Samecniero sesia 1999 ts'elis savele-arkeologiuri k'vleva-dmiebis dedegebi. Tbilisi.
- Belinskij A.B., Härke H., 2000. The Iron Age to early medieval cemetery of Klin Yar (North Caucasus): excavations 1994–96 (Summary of fieldwork and ongoing post-excavation analysis). <http://www.rdg.ac.uk/archaeology/Research/Russia/klinyar.htm>.
- Burmeister S., 2000. Geschlecht, Alter und Herrschaft in der Späthallstattzeit Württembergs. Tübinger Schriften zur Ur- und Frühgesch. Arch. 4. Münster.
- Carman J., Harding A., 1999. Ancient warfare. Archaeological perspectives. Sutton.
- Deszsö T., 1998. Oriental Influence in the Aegean and Eastern Mediterranean Helmet Traditions in the 9th–7th Centuries B.C.: The Patterns of Orientalisazion. Oxford.
- Dudarev S.L., Berezin J.B., 1999. Neue präskythische Funde aus der Umgebung von Pjatigorsk, Nordkaukasien // Eurasia Antiqua. 5.
- Eggert M.K.H., 1991. Prestigeüter und Sozialstruktur in der Späthallstattzeit: Eine kulturanthropologische Perspektive // Saeculum. 42. № 1.
- Esayan S.A., 1984. Gurtelbleche der älteren Eisenzeit in Armenien // Beitr. Allg. Vgl. Arch. 6.
- Fontijn D., 2002. Sacrificial Landscapes. Cultural Biographies of Persons, Objects and «Natural» Places in the Bronze Age of the Southern Netherlands, C. 2300–600BC // Analecta Praehistorica Leidensia. 33. Leiden.
- Freudenberg M., 1989. Studien zur vertikalen sozialen Struktur. Eine Analyse der Grabfunde der jüngeren Bronzezeit in Dänemark. Oxford.
- Harding A., 1999. Warfare: A characteristic of Bronze Age Europe? // Ancient warfare. Archaeological perspectives. Sutton.
- Härke H., 1992. Angelsächsische Waffengräber des 5. bis 7. Jahrhunderts. Köln.
- Härke H., Belinskij A.B., 2000. Nouvelles Fouilles de 1994–1996 dans la necropole de Klin-Yar // Colloquia Pontica. Les sites archeologiques en Crimee et au Caucase durant l'Antiquite tardive et le Haut Moyen-Age. Leiden, Boston, Köln.

- Işik C., 1987. Die Nekropole von Habibşagi // *Bulleten* 51/200.
- Jørgenson L., 1990. Bækkegerd and Glasergård. Two cemeteries from the Late Iron Age on Bornholm. København.
- Kossack G., 1959. Südbayern während der Hallstattzeit // *RGF*. 24. Berlin.
- Kossack G., 1983. Tli Grab 85. Bemerkungen zum Beginn des skythenzeitlichen Formenkreises im Kaukasus // *Beitr. zur Allg. und Vergl. Arch.* 5.
- Kossack G., 1994. Neufunde aus dem Novorokassker Formenkreis und ihre Bedeutung für die Geschichte steppenbezogener Reitervölker der späten Bronzezeit // *Il Mare Nero* 1.
- Kouteck D., 1968. Velki hroby, jejich konstrukce, pohřební ritus a sociální struktura obyvatelstva bylanskí kultury. Grossgräber, ihre Konstruktion. (Grabritus und soziale Struktur der Bevölkerung der Bylaner Kultur) // *Památky Archeologické*. 59. № 2.
- Kristiansen K., 1984. Krieger und Häuptlinge in der Bronzezeit Dänemarks. Ein Beitrag zur Geschichte des bronzezeitlichen Schwertes // *JbRGZM*. 31.
- Kristiansen K., 1999. The emergence of warrior aristocracies in later European prehistory and their long-term history // *Ancient warfare. Archaeological perspectives*. Sutton.
- Metzner-Nebelsick C., 1998. Abschied von den «Thrako-Kimmeriern»? – Neue Aspekte der Interaktion zwischen karpatenländischen Kulturgruppen der späten Bronze- und frühen Eisenzeit mit der osteuropäischen Steppenkoine // *Das Karpatenbecken und die osteuropäische Steppe. Nomadenbewegungen und Kulturwandel in den vorchristlichen Metallzeiten (4000–500 v.Chr.)*. Munich.
- Metzner-Nebelsick C., 2000. *Kimmerier // Reallexikon der Germanischen Altertumskunde*. 16. Berlin, New York.
- Mtskheta 1999. Mtskheta 1998. Narekvavi I. Tbilisi 1999.
- Nagel W., Strommenger E., 1985. Kalakent. Früheisenzeitliche Grabfunde aus dem transkaukasischen Gebiet von Kirovabad/Jelisavetpol // *Berliner Beitr. Vor- und Frühgesch.* NF 4. Berlin.
- Picchela K., 1997. Waffen der Bronzezeit aus Ostgeorgien // *Arch. in Eurasien*. 4. Espelkamp.
- Reinhold S., 1997. Zeit oder Sozialstruktur? Bemerkungen zur Anwendung von Korrespondenzanalysen bei der Untersuchung prähistorischer Grabfunde // *Archäologie und Korrespondenzanalyse. Beispiele, Fragen, Perspektiven*. Espelkamp.
- Reinhold S., 2002. Untersuchungen zur späten Bronze und frühen Eisenzeit im Kaukasus. Materielle Kultur, Chronologie, Fernkontakte // *Unpublished PhD thesis*. Berlin (in preparation).
- Reinhold S., 2003. Traditions in transition: some thoughts on late Bronze Age and early Iron Age burial costumes from the Northern Caucasus // *European Journal of Archaeology*. 6/1.
- Reinhold S., 2004. Engendering cultural communication networks: Gender related exchange systems of North Caucasian Iron Age societies between high mountains, piedmonts and the steppe. Gothenburg. (in preparation).
- Sahlins M., 1963. Poor Man, Rich Man, Big Man, Chief: Political Types in Melanesia and Polynesia // *CSSH*. 5.
- Schauer P., 1975. Die Bewaffnung der «Adelskrieger» während der späten Bronze- und frühen Eisenzeit // *Ausgrabungen in Deutschland 1950–1975. MoRGZM*. I, III. Mainz.
- Sievers S., 1980. Die mitteleuropäischen Hallstattdolche. Ein Beitrag zur Waffenbeigabe im Westhallstattkreis. Kleine Schriften aus dem vorgeschichtlichen Seminar Marburg 7. Marburg.
- Stary P.F., 1982. Zur hallstattzeitlichen Beilbewaffnung des circum-alpinen Raumes // *Berichte RGK*. 63.
- Sulava N., 2000. Towards Dating the Burials with Fibulae at the Necropolis of Samtavro // *Дзиебани/Dziebani* 5 (georg. mit engl. Zus.).
- Treherne P., 1995. The warrior's beauty: the masculine body and self-identity in Bronze Age Europe // *Journal of European Arch.* 3. № 1.
- Ulf Ch., 1992. Die homerische Gesellschaft. Materialien zur analytischen Beschreibung und historischen Lokalisierung. Munich.
- Van Wees H., 2001. The Myth of the Middle-Class Army: Military and Social Status in Ancient Athens // *War as a Cultural and Social Force. Essays on Warfare in Antiquity*. Selskab.
- Van Wees H., 1992. Status warriors. War, violence and society in Homer and History. Amsterdam.
- Vinogradov V.B., Dudarev S.L., 2000. Spätbronzezeitliche Gräberfelder bei Majrtup in Čečenien // *Eurasia Antiqua*. 6.

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ НА АЛТАЕ В СКИФСКУЮ ЭПОХУ¹

При рассмотрении проблем изучения этнокультурного развития кочевников Горного Алтая скифской эпохи можно выделить две основные и противоположные тенденции, связанные с установлением хронологии исследованных объектов. С одной стороны, памятники «судреваются». При этом используются традиционные археологические методы, а также привлекаются данные дендрохронологического и радиоуглеродного анализа (Медведская И.Н., 1992; Исмагилов Р.Б., 1989; 1993; Марсадолов Л.С., 1996, с.48; Марсадолов Л.С. и др., 1994; Марсадолов Л.С. и др., 1996; Зайцева Г.И. и др., 1997; Семенцов А.А. и др., 1997 и т.д.). С другой стороны, вторая группа ученых, опираясь на анализ предметов вещевого комплекса и письменные источники, указывает на необходимость «омоложения» скифских комплексов Евразии, в том числе и пазырыкских курганов (Раев Б.А., 1984; 1989; Погребова М.Н., 1993; Раевский Д.С., 1993; Тохтасьев С.Р., 1993; Чугунов К.В., 1993; Членова Н.Л., 1997 и др.). В дискуссии по проблемам хронологии памятников Алтая раннего железного века в большей или меньшей степени участвовали М.П.Грязнов, С.И.Руденко, С.В.Киселев, С.С.Сорокин, Л.С.Марсадолов, В.Д.Кубарев, Н.Л.Членова, Д.Г.Савинов, А.С.Суразаков, В.И.Молодин, Н.В.Полосьмак, Н.Ф.Степанова, П.И.Шульга, С.М.Киреев, В.А.Кочеев, В.С.Мионов и некоторые другие (Кубарев В.Д., 1991; Марсадолов Л.С., 1996; 2002а; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997; Дашковский П.К., 2001; 2002; и т.д.). Именно решение вопроса о датировках, исходя из двух вышеобозначенных позиций, привело к выработке различных концепций и культурно-хронологических схем, которые лишь в определенной мере отражали реальную историческую действительность. Между тем современный уровень накопленного фактического материала и имеющиеся теоретические разработки позволяют еще раз остановиться

на анализе этнокультурной ситуации на Алтае в скифскую эпоху. Прежде чем подойти к освещению основных аспектов обозначенной проблемы, отметим существующие в современной археологии точки зрения, историографический анализ которых уже нами в какой-то мере проводился (Тишкин А.А., 1994; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2001; Дашковский П.К., 2001; 2002; и др.).

После М.П.Грязнова (1939; 1947; 1978; 1979; 1983; 1992) и С.В.Киселева (1947; 1949; 1951) с целостной концепцией этнокультурного развития кочевников Алтая выступил В.А.Могильников (1986а; 1986б). Ученый предложил рассматривать в рамках раннескифского времени особую майэмирскую культуру, которая прошла в своем развитии два этапа: 1) куртуский VIII–VII вв. до н.э. и 2) майэмирский VII–VI вв. до н.э. При этом В.А.Могильников обозначил территорию распространения памятников этой культуры в двух локальных вариантах: южный (куртуско-катонский) и северный (усть-куюмский). Особо было подчеркнуто, что имевшиеся в то время материалы позволили только предварительно наметить различия между памятниками куртуского и майэмирского периодов. Для куртуского этапа Южного, Западного и Центрального Алтая отмечены захоронения людей под кольцевидными выкладками из крупных камней или валунов в неглубоких могилах, скорченно на левом боку, головой на северо-запад, в сопровождении лошади или без нее. Захоронение животного совершалось в отдельной яме, смежной с погребением человека. Памятники этого же этапа в северной и в отдельных районах центральной части Алтая имели практически аналогичные характеристики, но, по мнению В.А.Могильникова (1986б, с.48,49), они отличались от предыдущих по ряду показателей: умерших хоронили в каменных ящиках, установленных в неглубоких ямах или на уровне древнего горизонта; погребенные, как и в предшествующем случае, укладывались скорченно на левый бок, головой на северо-запад; при этом присутствовало сопроводи-

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ (проекты № 02-06-80342; № 03-06-80384; № 03-06-06037).

тельное захоронение лошади (или головы и конечностей животного) в отдельной яме или в смежном каменном ящике. Инвентаря в исследованных захоронениях куртуского этапа обнаружено немного. Что касается целостной характеристики собственно майэмирского этапа, то она в указанной работе В.А.Могильникова не приведена. Некоторые показатели отмечены лишь при рассмотрении отдельных памятников (большая глубина могил, наличие подбоя, захоронение лошади в одной могиле с человеком, инвентарь и др.). Разнообразие деталей погребального обряда объяснено неоднородностью населения Западного Алтая в VII–VI вв. до н.э., а также предположением о миграции в горы племен из степных районов, находящихся к юго-западу от них (Могильников В.А., 1986б, с.47–52).

Развивая свои идеи, В.А.Могильников (1986б, с.53; 1988, с.74,83 и др.) отмечал, что на основе усть-куюмского локального варианта майэмирской общности сформировалась кара-кобинская культура V–III вв. до н.э., а пазырыкская с конца VI в. до н.э. представляла собой результат взаимодействия местного населения куртуского этапа южных, юго-западных и частично центральных районов Алтая и племен, пришедших из степей Казахстана. Исследователь указал, что пазырыкские памятники преобладают в Южном и Юго-Восточном Алтае: в верховьях Берели, Катуня до устья Чуи, в бассейне Чуи, на среднем и верхнем Чулышмане. Количество смешанных могильников, включающих пазырыкские и кара-кобинские объекты, увеличивается к нижнему течению Чуи. Собственно кара-кобинские памятники распространены преимущественно в Центральном Алтае (район средней Катуня и Урсула). Ученый полагал, что к VI–V вв. до н.э. «пазырыкские» племена установили господство над автохтонным «кара-кобинским» населением Горного Алтая, частично смешались с ним и постепенно его ассимилировали. Об этом, по мнению В.А.Могильникова (1988, с.72–77,81,83), свидетельствует расположение кара-кобинских курганов в одной цепочке с пазырыкскими, а также наличие сопроводительного захоронения лошади в погребениях с каменными ящиками. Необходимо указать еще на один важный момент, который был отмечен исследователем при рассмотрении этнокультурной ситуации на Алтае. Это касается проблемы контактов населения скифской эпохи с

другими племенами. В этом плане выводы В.А.Могильникова (1986, с.47,48) выглядели следующим образом: «...можно предполагать, что миграция ... в VII–VI вв. до н.э. из степных районов с юго-запада имела место, но ее размеры, характер взаимодействия с местным этническим субстратом и направления остаются неясными. Зато с достаточной определенностью можно утверждать, что последующее развитие культуры и этноса в VI–III вв. до н.э. пазырыкцев Горного Алтая и саков степей Восточного и Юго-Восточного Казахстана шло различными путями, хотя некоторые контакты между ними продолжали сохраняться».

Представленная В.А.Могильниковым схема этнокультурного развития населения Горного Алтая в раннем железном веке вызвала неоднозначные оценки у исследователей, так как она выглядела гипотетичной и в некотором плане искусственной, но не лишенной логичности и отражала своеобразный подход к культурно-хронологической проблеме формирования и развития скифской эпохи, определив задачи и направления дальнейших исследований (Тишкин А.А., 1994, с.125; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с.25,26). Стоит еще заметить, что рассматриваемая концепция определенным образом соединяла ранее уже высказанные идеи М.П.Грязнова (1978; 1979; 1983; 1992), С.В.Киселева (1947; 1951), Л.С.Марсадолова (1981; 1985) и некоторых других археологов. Точку зрения В.А.Могильникова в целом поддержали А.С.Суразаков (1988а), П.И.Шульга (1998а; 1999), В.И.Молодин (2000) и другие исследователи, дополнив ее содержанием новым конкретным материалом. Однако, как справедливо заметил П.И.Шульга (2000, с.149), указанная позиция автора по поводу интерпретации немногочисленных материалов ранне-скифского времени «...не выдержала испытание временем и была пересмотрена».

Изучая вопрос взаимодействия населения Горного Алтая с племенами сопредельных регионов, В.А.Могильников обратился к рассмотрению пяти погребений катакомбного типа скифского времени. По мнению ученого, появление на Алтае таких памятников связано с проникновением на эту территорию саков Казахстана и Средней Азии (Могильников В.А., 1994, с.35–39). В своей монографии «Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э.» он продолжил исследование этнокультурных процессов на Алтае и

пришел к следующим выводам. Контакты племен Верхнего Приобья с «пазырыкцами» были менее интенсивны, чем с саками Казахстана. Эти связи распространились преимущественно на предгорья, где «...в результате взаимодействия с горно-алтайским этносом в VI – начале V в. до н.э. (Быстрянка) появился обряд сопроводительных конских захоронений, исполнявшийся в отличной от пазырыкской форме с положением коня к югу от покойника головой на запад» (Могильников В.А., 1997, с.103,104). Наибольшее влияние «горно-алтайцев» на население Верхнего Приобья относится к V–IV вв. до н.э., что нашло отражение, в частности, в материале курганов могильника Рогозиха-I. Одним из итогов взаимодействия с «пазырыкскими» племенами «культуры населения Саяно-Алтая в целом» явилось распространение в Верхнем Приобье «предметов вооружения саяно-алтайского воина», состоящего из кинжала, чекана, лука и стрел. В.А.Могильников считал, что слабость контактов «пазырыкцев» с племенами Верхнего Приобья обусловлена особенностями экологической ниши в этом регионе. В частности, он указал на существование между основным ареалом расселения кочевников Горного Алтая к югу от Семиного хребта и приалтайской лесостепью пояса низкогорий с большим количеством осадков, покрытого преимущественно лесом, малопригодного для кочевания. Именно эта естественная преграда ограничивала контакты между населением Горного Алтая и алтайской степью и лесостепью (Там же).

В одной из своих работ В.А.Могильников (1999, с.137), продолжая рассматривать проблемы этнокультурной истории Алтая, отмечал, что взаимодействие между «пазырыкцами» и саками хорошо прослеживается по некоторым объектам северо-западных предгорий Алтая (Гилево-Х, курганы 1,2). Примечательность таких памятников заключается в сочетании сакских (каменно-земляные насыпи с кольцом из наброски камней или развалившейся ограды по периметру, погребения в грунтовых ямах, западная ориентация умерших и др.) и пазырыкских (погребальная камера в виде сруба и бревенчатой обкладки, сопроводительные захоронения лошадей и др.) элементов погребального обряда. По мнению ученого, данная синкретичность обрядности обусловлена локализацией региона в зоне контактов саков Казахстана, «пазырыкцев» Алтая, многокомпонентных по генезису этносов каменной и бы-

стрянской культур. Кроме того, он особо подчеркнул, что население каменной и староалейской культур Верхнего Приобья не испытало серьезного влияния «пазырыкцев», поскольку последние не углублялись далеко в степные районы Алтая (Там же, с.137,138).

Не меньший интерес проблема изучения культурно-хронологического развития кочевников Горного Алтая в 70–90-е гг. XX в. вызвала и у Д.Г.Савинова. Исследования в 1971–1973 гг. курганов кочевников в долине р.Узунтал (Юго-Восточный Алтай) предоставили ученому новый материал для некоторых разработок в этой области. Прежде всего Д.Г.Савинов указал на возможность выявления ранних и поздних черт в памятниках пазырыкской культуры. Так, к элементам раннескифского времени в пазырыкских курганах он отнес зеркала с бортиком, трехперые черешковые наконечники стрел, бронзовые пряжки со шпеньком, цилиндрические обоймы-«тройники» и др. При этом исследователь особо подчеркнул, что речь идет не об эволюции этих предметов в рамках одной культуры, а о вотивном повторении прежних форм в пазырыкское время (Савинов Д.Г., 1975, с.50,51). Тем самым ученый указал на существование в Горном Алтае кроме пазырыкской еще и отдельной культуры раннескифского времени.

Постепенно в дискуссию по вопросу этнокультурного и территориально-хронологического разграничения памятников скифской эпохи Горного Алтая стало включаться все большее количество исследователей. Достаточно подробно проблему этнической истории и этногенеза кочевников Горного Алтая в своих работах рассмотрел Л.С.Марсадалов, который первоначально, в середине 1980-х гг., отнес памятники Алтая к двум этапам. Первый, майэмирский, период он датировал VIII–VII вв. (возможно, первой четвертью VI в.) до н.э., и включил в него две группы памятников («вытянутые» и «скорченники»). Второй, пазырыкский, этап условно укладывался им в рамки VI–IV вв. до н.э. (Марсадалов Л.С., 1985, с.10,11). Исследователь также обратил внимание на то, что завершение майэмирского и начало пазырыкского этапов синхронно ряду исторических событий, в частности – разгрому Ассирии мидийцами, походам скифов в Малую Азию, усилению державы Ахеменидов. Завершение пазырыкского этапа совпадало с военными операциями Александра Македонского в Малой и

Средней Азии, что привело к большим перемещениям племен и народов (330–320 гг. до н.э.) (Там же, с.15). В определенном виде соотношение археологических данных и письменных источников было представлено позднее Д.Г.Савиновым (1991, с.93,94), который отметил, что на протяжении всего пазырыкского времени доминировала западная линия синхронизации, а с 201 г. до н.э. (северный поход Маодуня) она меняется на восточную.

В книге, посвященной истории изучения памятников Алтая VIII–IV вв. до н.э., Л.С.Марсадолов (1996, с.52) дополнил свои ранее сделанные выводы реконструкцией этнических и этногенетических процессов, протекавших в рассматриваемом регионе. Он выделил два культурно-хронологических этапа: VIII–VII вв. до н.э. и VI–IV вв. до н.э. Немного позднее ученый отодвинул границы второго этапа до III в. до н.э. (VI–III вв. до н.э.), оставив его конкретное наполнение без изменений (Марсадолов Л.С., 2000а, с.47). Л.С.Марсадолов (2000а, с.16; 2001, с.25) поддержал инициативу Ю.Ф.Кирюшина и А.А.Тишкина (1997; 1999) выделить для памятников раннескифского времени центральных районов Алтая бийкенскую культуру, а название «майэмирская культура» согласился вслед за П.И.Шульгой (2000) и другими исследователями закрепить за памятниками западных предгорий этого региона. В рамках двух выше обозначенных этапов он отметил по археологическим объектам локальные этнокультурные группы, которые, возможно, соответствовали расселению древних племен («кулг-хорумцы», «куртуосцы», «куюмцы», «семисартцы», «саглынды», «быстрянды», «каракобинцы», «чиликтинцы», «майэмирцы», «иртышцы», «кула-жургинцы», «каменцы», «пазырыкцы») (Марсадолов Л.С., 2000а, с.48,49). Некоторая корректировка этого подхода нашла отражение чуть позже. В частности, она заключалась в предложении выделить на Алтае новую «чуйскую» археологическую культуру раннескифского времени, памятники которой распространены в бассейнах рек Чуи, Юстыда, Ак-Алахи, Аргута, Верхней Бухтармы (Марсадолов Л.С., 2001, с.26; 2002, с.107).

Развивая теорию этногенеза «пазырыкцев», Л.С.Марсадолов (1997б, с.22–24,42) провел сопоставление материалов из тумулусов Гордиона (Турция, VIII–VII вв. до н.э.) и Алтая (VI–IV вв. до н.э.), указав на черты сходства в погребальном обряде и в инвентаре, свидетель-

ствующие, по мнению автора, о существовании определенной преемственности между ними. В целом же этногенетическое развитие «пазырыкцев» происходило в несколько этапов по следующей схеме: Синташта (Синташтинский могильник, погребения 10, 16 – XVII–XVI вв. до н.э.) – памятники срубной культуры (XV–XII вв. до н.э.) – переходные памятники (XI–IX вв. до н.э.) – киммерийцы, Гордион (VIII–VII вв. до н.э.) – «пазырыкцы» (VI–IV вв. до н.э.) (Марсадолов Л.С., 1997а, с.80). В предложенной концепции исследователь попытался отразить сложную картину культурно-исторического развития кочевников. Ученый вполне правомерно указал на приток населения на Алтай после известных исторических событий. В дальнейшем следует особое внимание обратить на данные, свидетельствующие о перемещении сакских племен в данный регион в VII – нач. VI вв. до н.э. (Шульга П.И., 1998а, с.709). Существование таких этнокультурных связей подтверждается материалами Алтая, Казахстана и Восточного Туркестана (Литвинский Б.А., 1984, с.13,14; Литвинский Б.А. и др., 1985; Погребова М.Н., Раевский Д.С., 1988; Шульга П.И., 1997; 1998а; и др.). Нужно также отметить перспективность комплексного подхода Л.С.Марсадолова к датированию памятников с привлечением методов естественных наук и данных археологии. Создание абсолютной дендрохронологической шкалы позволит существенно продвинуться в решении проблем культурно-хронологического характера.

Определенное внимание изучению этнокультурной истории Алтая уделил в своих работах П.И.Шульга. В одной из статей начального периода научной деятельности он попытался обосновать существование в Горном Алтае в VI–II вв. до н.э. одной пазырыкской культуры, в рамках которой можно выделить несколько типов погребений (в срубках, каменных ящиках, в каменной обкладке могилы) (Шульга П.И., 1986, с.21–23). Рассматривая вопрос о происхождении пазырыкской культуры, исследователь поддержал точку зрения В.А.Могильникова (1986б, с.44,45), согласно которой эта культура сформировалась на основе местного населения раннескифского времени и пришлых племен, вероятно с территории Казахстана (Шульга П.И., 1998г, с.703). Он пришел к выводу, что можно выявить определенные элементы взаимосвязи раннескифской и пазырыкской культур Горного Алтая по следующим показателям: «...преемст-

венность погребального обряда “куюмцев” VII–VI вв. до н.э. и “кара-кобинцев” (Могильников В.А., 1986б); сохранение некоторых особенностей раннескифской упряжи; сохранение до V в. до н.э. раннескифского обычая не ставить в могилу керамической посуды; появление во 2-й половине VII – начале VI вв. до н.э. захоронений в ямах глубиной 1,5–3 м с положением в одну яму на приступку лошадей (Карбан-1, Машенка-1, возможно, Солонечный Белок, к.2) или их шкур (Чесноково-1), ориентированных в одну сторону с человеком, наличие сажистого пятна под головой (Карбан-1); сохранение на всем протяжении существования пазырыкской культуры поселенческой керамики кастахтинского типа, бытовавшей на Алтае с VII, а быть может с VIII в. до н.э. ...» (Шульга П.И., 1998а, с.708,709).

П.И.Шульга также обратил внимание на имевшиеся антропологические данные. По его мнению, близость антропологического типа «пазырыкцев» и кочевников Парфии, Северной Бактрии, Маргианы во многом связана с перемещением сакского населения на Алтай и в Восточный Казахстан в VII – начале VI вв. до н.э., а не приходом в 584–583 гг. до н.э., как считает Л.С.Марсадолов, нового населения из Передней Азии. Исследователь также высказался о неправомерности искать прародину «пазырыкцев» на территории Китая, поскольку, во-первых, китайские изделия встречаются только в достаточно поздних пазырыкских памятниках, а, во-вторых, «большая часть “китайских” образов таковыми, по-видимому, не является» (Там же, с.709,710).

В одной из своих последующих работ по проблемам этнокультурной истории кочевников Алтая П.И.Шульга (1999, с.248) окончательно формулирует свой вывод о том, что пазырыкская культура (VI–III вв. до н.э.) сформировалась, с одной стороны, под влиянием внешнего импульса, а с другой – от «куюмцев», «семисартцев» и от раннескифского населения предгорий и примыкающих южных территорий. Из этого следует, что «смена раннескифской культуры пазырыкской не означала массовой смены населения Горного Алтая». В свою очередь, сооружение к середине VI в. до н.э. «грандиозных курганов (Туэкта, Башадар) в Центральном Алтае означает, что уже к этому времени данная территория являлась священной для “пазырыкцев”, их “геррами”» (Там же).

В конце марта 1999 г. после состоявшейся в г.Барнауле Международной научной конфе-

ренции «Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий» состоялся «круглый стол», на котором исследователями была поддержана инициатива Ю.Ф.Кирюшина и А.А.Тишкина (1999) о выделении на Алтае бийкенской археологической культуры раннескифского времени. П.И.Шульга, разделяя это предложение, высказал идею о целесообразности сохранения понятия «майэмирская культура» за памятниками, раскопанными на территории юго-западных, западных и северо-западных предгорий Алтая. Данная тема нашла развернутое подтверждение в специальной статье, где сформулированы основные характеристики отмеченного явления (Шульга П.И., 2000, с.148–150). Соотношению бийкенской и майэмирской культур был посвящен доклад А.А.Тишкина на Международной научной конференции в г.Санкт-Петербурге «Степи Евразии в древности и средневековье», посвященной 100-летию со дня рождения М.П.Грязнова. Материалы данного выступления опубликованы в кратком изложении (Тишкин А.А., 2003, с.164–166). В них, в частности, указано на то, что свое время Д.Г.Савиновым (1975, с.49) в тезисной форме была высказана идея о существовании в раннескифское время на территории Алтая и Казахстана этнокультурной общности огромного исторического значения, которая отличалась «...значительно более тесными внутренними связями по всей территории своего распространения, нежели участием в сложении последующих культур в отдельных регионах Азии». Действительно, имеющийся сейчас значительный материал по тасмолинским, майэмирским, бийкенским, большереченским, алды-бельским и другим памятникам, расположенным на территории Казахстана, Саяно-Алтая и Монголии, подтверждает это положение. В то же время наряду с общими чертами, особенно в предметах материального комплекса, имеются и весомые отличия, позволяющие идентифицировать указанные культуры.

Еще одна точка зрения по поводу реконструкции этнокультурной ситуации на Алтае принадлежит В.И.Молодину (2000, с.131–142), который использовал для такого анализа результаты исследований на плоскогорье Укок. Основное содержание ее сводится к следующему. Прежде всего ученый поддержал идею В.А.Могильникова (1983; 1986б) о том, что в скифскую эпоху на Алтае существовало две культуры – кара-кобинская и пазырыкская.

Первая, по мнению В.И.Молодина, этнически самодийская и генетически связана с населением раннескифского времени, оставившем после себя так называемые погребальные памятники усть-куюмского типа. Пазырыкская же культура была в этническом отношении иранско-самодийской и сформировалась в результате пришедших в этот регион носителей бегазы-дандыбаевской (либо близкой ей) культуры. Именно родственной (самодийской) этнической подосновой и объясняется, по мнению исследователя, длительное сосуществование пазырыкской и кара-кобинской культур. Упадок пазырыкской общности связан с гуннской экспансией в конце III – начале II вв. до н.э., в результате чего кочевники были вынуждены мигрировать на север Западной Сибири, где они вступили в контакты с представителями угорских и, возможно, других этнических образований (Молодин В.И., 2000, с.138).

Позиция авторов данной статьи по указанной проблематике базируется в основном на материалах изученных погребально-поминальных комплексов и заключается в следующих положениях. По нашему мнению, скифская эпоха Горного Алтая охватывает период с конца IX в. до III–II вв. до н.э. В настоящее время исследователями определены две археологические культуры: бийкенская (конец IX – 3-я четв. VI вв. до н.э.) и пазырыкская (2-я пол. VI – II вв. до н.э.), памятники которых располагаются в основном в центральных и сопредельных им областях этого региона. К настоящему времени изучено более 1000 курганов раннескифского и пазырыкского времени (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997; 1999; Кирюшин Ю.Ф. и др., 2003), что позволяет в достаточной мере реконструировать процессы этнокультурного развития кочевников в этом районе Азии. Для этого целесообразно рассмотреть основные стороны погребального обряда указанных общностей, что позволит выявить динамику традиционных, инновационных и синкретичных элементов. Такие материалы будут способствовать продуктивному оформлению и представлению культурно-хронологической схемы развития населения Алтая в раннем железном веке.

Характеристика погребальной практики населения раннескифского времени

Фиксируя различные показатели погребального обряда, который существовал у предста-

вителей бийкенской культуры Горного Алтая, необходимо остановиться на целом ряде особенностей, позволяющих сравнить их с данными подобного рода явлений раннескифского времени на сопредельных территориях, а также с материалами захоронений следующего пазырыкского периода. Для этого вначале охарактеризуем погребальную практику «бийкенцев», опираясь на наиболее общие черты, выявленные в ходе анализа всего доступного материала (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997).

Чаще всего для умершего человека на уровне спланированного древнего горизонта сооружалась одна погребальная камера в виде своеобразно оформленного каменного ящика, на земляное дно которого и укладывалось тело усопшего: скорченно на левый бок, головой на запад или северо-запад. Для того, чтобы плиты ящика не завалились, их со всех сторон подпирали большими камнями. Вокруг такой конструкции на определенном расстоянии устанавливалась крепида или кольцо-стенка, маркирующая периметр кургана. Пространство между кольцевой выкладкой и ящиком не просто забрасывалось камнями, а последовательно выкладывалось. Данное оформление обеспечивало своеобразный («плоский») вид кургана. В некоторых случаях после завершения строительства такого объекта имела место и хаотичная холмообразная наброска. Довольно часто в исследуемых курганах кольцевая выкладка не была зафиксирована. Возможно, что в этом частично выразились издержки проведенных раскопок по существующей методике. Исследования каменных сооружений со сложными конструктивными особенностями должны вестись с послойным снятием камней насыпи. Однако не исключено, что такие выкладки попросту отсутствовали или их практически очень трудно было выделить на фоне единообразной массы камней даже при внимательной разборке. Поэтому отсутствие рассматриваемого показателя как одна из черт погребального комплекса имеет право на выделение, и, вероятнее всего, она отражает ситуацию относительно ранних и более поздних этапов выражения определенных традиций погребального обряда населения Горного Алтая в раннескифское время.

Наблюдения, полученные при раскопках курганных могильников изучаемого отрезка времени, где более половины исследованных погребений оказалось со следами разрушений, предполагают более подробный анализ вопроса

планировки исследованных археологических комплексов. Зафиксированные объекты на известных памятниках располагаются в основном на террасах, которые с двух-трех сторон ограничены горами. Ряды и группы курганов раннескифского времени отражают хронологические различия между объектами и родственные отношения между погребенными людьми. Кроме того, на памятниках зафиксированы сооружения из камней ритуального и поминального характера, находящиеся или в отведенном для этого месте, или пристроенные к кургану, или воздвигнутые в межкурганном пространстве. Эти объекты представляли собой простые выкладки из камней в виде невысокой насыпи или отдельной площадки. Рядом с ними найдены каменные стелы. Среди камней наброски курганов и на «поминальниках» обнаружены части зернотерок, кости животных, следы огня, немногочисленные фрагменты керамики. Остатки, анализируя на планиграфии изучаемых археологических памятников, необходимо отметить определенный порядок в расположении курганов на всей территории могильного поля: микроцепочками по 2–3 объекта, ориентированными по линии ЮЗ-СВ, и небольшими (до 5 объектов) компактными группами. Подобная картина наблюдается на большинстве курганных могильников, где обнаружены погребальные сооружения, относимые к раннескифскому времени (Марсадалов Л.С., 1981, с.11,12; Суразаков А.С., 1990, с.56–67; Тишкин А.А., 1996в, с.45–47; Кирюшин Ю.Ф. и др., 2003; и др.).

Теперь перейдем к тем особенностям изучаемых захоронений, которые пока не зафиксированы повсеместно на рассматриваемой территории. Наверняка ряд таких выделяемых признаков при дальнейших исследованиях перейдут в разряд обычных черт отмеченного погребального обряда. При раскопках курганов обнаружены «балбалы». Это наиболее раннее использование вкопанных плоских камней в землю в качестве имитации коновязей. Такое оформление, особенно при установке их за кольцевой выкладкой у могил забитых жертвенных лошадей, подтверждает в совокупности с другими фактами реализацию комплекса погребения в рамках подобию существовавших жилищ и планировки стойбищ.

Определенное значение в рассматриваемом комплексе имели выделявшиеся на поверхности бийкенских курганов стелы-обелиски и «оленные» камни. Наличие их в археологиче-

ских памятниках раннескифского времени Горного Алтая уже не редкость, а отражение определенной черты погребально-поминальной практики (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с.57,58; Тишкин А.А., Леонова И.Ю., 2003).

Среди зафиксированных погребальных камер количество ям, в которых был уложен умерший человек, невелико, поэтому пока трудно сказать – является ли это особенностью погребального обряда или традиционной чертой, имевшей место на всем протяжении существования населения, оставившего своеобразные памятники. Однако одну особенность, связанную с сооружением могильных ям, стоит отметить. На могильнике Бийке обнаружено погребение в подбое, закрытом большой плитой (к.7). Сам факт наличия подобного погребения в Горном Алтае, датируемого (по совокупности всех признаков раскопанного комплекса курганов могильника Бийке), раннескифским временем, большая редкость. Подобные захоронения немногочисленны для пазырыкской эпохи этого региона (Могильников В.А., 1994, с.35–39). По времени существования наиболее близки погребения женщин в подбое, найденные на могильниках Карбан-I (Демин М.А., Гельмель Ю.И., 1992, с.28–30), Машенка-I (Демин М.А., Шульга П.И., 1995, с.98–101; Шульга П.И., 1998) и некоторых других объектах. Они имеют очень много схожего между собой, но отличаются от захоронения в к.7 могильника Бийке. Различия связаны, скорее всего, с причинами относительно-хронологического характера. Это дает возможность предполагать, что могила с подбоем на Бийке сооружена раньше, чем остальные известные нам в Горном Алтае подобные конструкции. Возможно, раскопанное погребение является действительно показателем каких-то брачных связей с другими племенами (Могильников В.А., 1992, с.38,39), например с «майэмирцами», у которых данный вид погребальной камер был довольно широко распространен (Шульга П.И., 2000). Однако не исключена и попытка предохранить захоронение человека от осквернения или, в данном случае, имеет место отражение своеобразных религиозных представлений древних людей относительно умерших.

Особое место в погребальных сооружениях курганных могильников исследуемой эпохи занимает оформление захоронения лошади и отдельных частей ее туши. Как правило, в то время с погребением человека укладывалась

одна лошадь, лишь в нескольких случаях их обнаружено две (к.10 на Бийке, к.5 на Карбане-I, на могильнике Черный Ануй-I и др.) и пока единственный раз когда три (Ак-Алаха-II). Убитое животное помещали в отдельную погребальную камеру, которая представляла собой яму, иногда обложенную каменными блоками, или конструкцию (в виде кольца или ящика), примыкавшую с восточной (юго-восточной, северо-восточной) или южной стороны к каменному ящику с погребением человека. Зафиксированы остатки лошади без четко выделенного сооружения, но на том же месте, что остальные. Животные, как правило, располагались, так же как и человек, на уровне спланированного древнего горизонта, однако иногда фиксируется подсыпка в погребальной камере, предназначенной для лошади. Последнее, вероятно, было сделано для того, чтобы с убитого жертвенного животного кровь не растекалась, а быстро впитывалась в рыхлую землю. Ориентированы лошади в ту же сторону, что и человек. Положения животных различаются: на правом боку с подогнутыми ногами, на левом боку с вытянутыми ногами и на животе с подогнутыми ногами. Вероятно, на ряде могильников, в частности на Бийке и Семисарте-I, имела место имитация целой лошади в виде чучела, сделанного из шкуры и костей, или наличие последних в могиле олицетворялось с идеей воскрешения целого коня в ином мире. Подобные факты в изучаемый нами период времени уже отмечались (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997). В большинстве исследованных захоронений лошадей из курганов раннескифского времени Горного Алтая черепа животных либо повреждены, либо вообще отсутствуют. Первое, вероятно, связано с традиционным способом забоя жертвенного животного, а второе можно трактовать как заупокойную пищу, хотя и возможно, что голова лошади использовалась для исполнения каких-то поминально-культурных обрядов, тем более, что в VIII-VII вв. до н.э. зафиксировано несколько фактов отдельного захоронения только черепа животного, иногда и с остатками узды (Ефремов С.А., 1995, с.90-93; Маргулан А.Х. и др., 1966, с.311-313; и др.). В Усть-Куюмском могильнике, скорее всего, отражен способ забоя лошади путем перерезания горла и дальнейшего отделения головы в районе шеи (Марсадов Л.С., 1981, с.13-16, рис.2). Явно с целью положения заупокойной пищи в погребальных

сооружениях ряда курганов (например, на памятнике Бийке) фиксируются костные остатки части туши животного (Тишкин А.А., 1996в).

Таким образом, на курганных могильниках раннескифского времени Горного Алтая нашло отражение наиболее раннее формирование различных вариантов погребального обряда чело века «с конем», главным образом связанных с ведением такого типа хозяйства и образа жизни, когда лошади являлись основой существования людей.

Кроме конских костей в курганах были встречены останки овец. Последние обнаружены как в отдельной, сооруженной из камня камере (Семисарт-I, к.1), так и вместе с конем или рядом с частью туши такого животного (Бийке, к.19). При раскопках к.5 могильника Карбан-I в насыпи зафиксированы кости ноги козленка в сочленении от копыта до плеча.

Эти свидетельства отражают складывание такой традиции, как жертвоприношение и положение заупокойной пищи не только в виде разных частей туши лошади, но и других животных, разводимых в хозяйстве того населения, которое оставило исследованные памятники. Данные обстоятельства являются особенностью исследуемого погребального комплекса и требуют специального рассмотрения, как и предыдущие показатели отмеченной погребально-поминальной практики (Тишкин А.А., Леонова И.Ю., 2003).

Что касается месторасположения курганов бийкенской культуры на рассматриваемой территории, то они базируются в районах бассейна р.Катунь (среднее и нижнее течение). Располагаются находятся и на левом, и на правом берегу этой – самой крупной реки Горного Алтая, как правило – близ впадения в нее притоков, на террасах и в долинах. Если посмотреть, где обнаружены другие памятники из тех, что мы представляем, то таким образом будут замечены пути проникновения или перемещения какой-то части населения в обозначенную эпоху. Судя по всему, такая миграция происходила в северном и северо-западном направлении по рекам Катунь, Песчаная, Ануй, Чарыш и другим и продолжалась и на более поздних этапах существования исследуемой культуры, что находит реальное отражение в памятниках маймирской и быстринской культур. Есть еще одно направление контактов «бийкенцев» – юго-западное. Такой факт подтверждается наличием там схожих памятников. Однако этих мате-

риалов пока недостаточно для полного утверждения высказанного положения, так как можно предполагать и обратный процесс. Необходимо обратить внимание и на определенное количество памятников раннескифского времени в долине р. Чуи, то есть к юго-востоку от основной массы изученных курганных могильников. На наш взгляд, это является отражением первоначального пути проникновения на территорию Горного Алтая носителей той культуры, на основе которой формируются в дальнейшем традиции, зафиксированные в исследуемых памятниках на р. Катунь.

Таким образом, в результате картирования курганных могильников бийкенской культуры раннескифского времени Горного Алтая ясно, что основным районом локализации интересующих нас племен в то время был Центральный Алтай и сопредельные к нему территории. Причем район среднего течения реки Катунь и ее притоков в указанный период имел достаточно высокую плотность населения, о чем свидетельствует количество выявленных к настоящему времени бийкенских памятников. Кроме этого, намечались пути продвижения некоторых групп людей в другие регионы, отмечены свидетельства взаимопроникновения и контактов с соседними племенами (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997).

В принципе, весь спектр рассматриваемых общих и особенных признаков погребального обряда раскопанных захоронений позволяет с уверенностью говорить о том, что мы на территории Алтая имеем дело со своеобразной культурой, которая отличается от известных и хорошо изученных. Теперь постараемся сравнить полученные данные с материалами этой же эпохи на сопредельных территориях.

На наш взгляд, наибольшая вероятность существования базы для формирования погребального обряда, зафиксированного в представленных курганных могильниках, находилась в северо-западных районах Монголии вблизи с границей Тувы и Алтая, а затем при дальнейшем распространении носителей такой культуры приняло то содержание, которое мы наблюдаем в разных регионах Азии. Поэтому при поиске истоков обрядовости раннескифского времени перспективно изучение археологических объектов в указанном районе. Хотя в этом плане проведены немногочисленные исследования, все же не приходится сильно сомневаться в общности исследуемых нами памятников и тех, что имеются на террито-

рии Северо-Западной Монголии. Устройство и погребальный обряд их таков: в центре, под курганом, находится каменный ящик или сооружение, напоминающее цисту, из больших плоских камней, в которых на уровне древнего горизонта или в очень неглубокой яме был уложен человек на правом или левом боку с подогнутыми ногами, ориентированный на запад или северо-запад; курганы имеют крепиду, ограду или более сложное устройство (Волков В.В., 1965, с.10–13; 1967, с.46,47). Высказанные выше предложения могут быть подтверждены и тем, что на имеющихся материалах из Монголии хорошо прослеживается преемственность памятников от эпохи бронзы к эпохе раннего железа (Новгородова Э.А., 1989, с.236,237), в то время как на Алтае такая ситуация не фиксируется. По мнению Э.А.Новгородовой, обилие памятников переходного периода в Монголии связано с значительным ростом населения, возможно, благодаря притоку (Там же). Данный факт предполагает то, что именно поэтому имело место проникновение какой-то части людей в Горный Алтай и другие близлежащие территории (Тува, Казахстан и др.), где фиксируются общие черты погребального обряда.

Высказанные соображения по поводу того, на какой основе и где начинает формироваться исследуемый в Горном Алтае погребальный обряд раннескифской эпохи ранее предполагали Н.А.Боковенко (1986, с.21), А.С.Суразаков (1988, с.169) и некоторые другие. Исходя из логики всех этих рассуждений, наиболее схожими должны быть погребальные комплексы в Туве. Именно так оно, в принципе, и есть. В этом плане обратимся к основным характеристикам, сделанным А.Д.Грачом (1980, с.24–30) для алдыбельской культуры на основе 14 могильников, где было раскопано 36 курганов (127 погребений). Конструкции погребальных сооружений названной общности имеют следующие признаки: 1) курганы располагаются на могильниках особняком, парами по линии Ю–С или по три, примыкая друг к другу; 2) каменная курганная насыпь округлая или подовальная и, в большинстве случаев, имеет по периметру крепиду; 3) как правило, алды-бельские погребения одиночные, совершались в каменных ящиках подпрямоугольной формы, составленных из вертикально врытых плит (дно грунтовое), при этом отмечены случаи употребления деревянных распорок и нащельников из мелких плит; 4) в одном кургане обнаружено от 1 до 7 и более отдельных погребений вокруг одного (главно-

го), погребения детей иногда вынесены за пределы крепиды; 5) положения погребенных скорченные, обычно на левом (реже на правом) боку, ориентация головой на запад (преобладает) и северо-запад; 6) вблизи уровня древнего горизонта, у края могильной ямы центрального захоронения помещали уздечные наборы, но сопроводительных захоронений ни в одном рядовом кургане встречено не было. К этому стоит добавить наличие «царского» кургана Аржан, имеющего своеобразные погребальные комплексы. В общем можно на данных анализа погребального обряда говорить не только о близости культурных традиций населения Горного Алтая и Тувы в раннескифское время, но и об их единой основе (Савинов Д.Г., 1994; 2002).

Существование культур такого плана было эпохальным явлением для огромной территории Евразии. Об этом уже не раз упоминали исследователи (М.П.Грязнов, А.Д.Грач и др.). М.П.Грязнов считал, что в сложившихся формах общая скифо-сакская культура появилась в разных частях Великого пояса степей почти одновременно в VIII в до н.э. Население Горного Алтая, находясь почти в центре такого формирования, естественно испытывало ряд влияний из других регионов в результате контактов. В то же время имел место и обратный процесс воздействия, т.е. шло взаимопроникновение культурных традиций (Грязнов М.П., 1992). Последнее обстоятельство довольно хорошо просматривается при анализе и сравнении алтайских и восточно-казахстанских материалов. Аналогии зафиксированным погребально-поминальным конструкциям бийкенской археологической культуры можно отметить на территории Западного Казахстана (см., например, Баландина Г., Астафьев А., 1996), Южного Урала (Савельев Н.С., 2003, с.16) и даже Индостана (Бонгард-Левин Г.М. и др., 1986, с.185–187, рис.48).

В завершении обзора необходимо затронуть вопрос о соотношении бийкенской и майэмирской культур Алтая. Ранее (на протяжении нескольких десятилетий) все памятники раннескифского времени относили к майэмирской культуре (майэмирскому этапу), однако, современный уровень исследований позволяет довольно четко разграничить два указанных культурно-исторических образования в Горном Алтае (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997; Шульга П.И., 2000; Марсадалов Л.С., 2000а; Тишкин А.А., 2002; и др.), памятники которых занимают разные территории, но отражают

контакты разного плана и единый характер происходивших эпохальных процессов.

Как уже неоднократно было сказано, объекты бийкенской культуры локализуются в основном в Центральном Алтае и в сопредельных к нему районах. Памятники майэмирской культуры располагаются на территории Западного, Северо-Западного Алтая и Предальтайской равнины. Основными показателями майэмирской культуры являются следующие характеристики: расположение курганов микроцепочками, погребальная камера в виде могильной ямы (порой довольно глубокой) с подбоем и каменным заслоном или с каменным ящиком; наличие кольцевых выкладок по периметру насыпи или отсутствие каменной наброски; совместное захоронение человека с лошастью, овцой или с уздой (в северном или северо-восточном секторе); погребенные лежали вытянуто на спине, головой на север или северо-запад. Имеются и определенные особенности исследованных объектов (Тишкин А.А., 2003). Взаимодействие между населением указанных культур, несмотря на довольно четкую границу по западным хребтам Алтая (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997), проявились в типах погребений и вещевых комплексах на территории распространения рассмотренных групп памятников не только в контактных зонах, но и в «центрах». Установленные соотношения позволяют детально объяснить выявленные ранее особенности отдельных объектов, миграционные пути, этнокультурные процессы и многое другое. Анализ материалов по бийкенской и майэмирской культурам Алтая позволил выделить особенности сооружения погребальных конструкций, поминальных объектов, традиций ориентации и положения умершего человека, сопроводительного захоронения лошади и т.д., а также реконструировать тенденции этнокультурного развития региона в конце IX – 3-й четв. VI вв. до н.э.

Теперь рассмотрим, как протекали культурно-исторические процессы на Алтае в следующий – пазырыкский период, поэтому вновь обратимся к характеристикам погребально-поминальной обрядности.

Особенности погребально-поминальной практики у кочевников пазырыкского периода

Анализ основных элементов погребального обряда кочевников Горного Алтая пазырыкского времени, зафиксированных в процессе ар-

хеологических раскопок, позволяет сделать ряд предварительных выводов (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 1997; 1998 и др.; Дашковский П.К., 2002; Кирюшин Ю.Ф. и др., 2003).

Некрополи номадов представляют собой «цепочки» курганов, вытянутых преимущественно в направлении юг-север. Формирование таких цепочек осуществлялось по-разному (Сорокин С.С., 1974, с.90; Могильников В.А., 1983а, с.25; Кубарев В.Д., 1987; 1991; 1992; Суразаков А.С., 1994, с.72; Марсадоллов Л.С., 1997; 2000, с.70; Кирюшин Ю.Ф. и др., 2003; и др.). Известны случаи устройства «цепочки» только из двух курганов, например, на могильнике Юстыд-XXII (Кубарев В.Д., 1991, с.21). Зафиксировано сооружение и одиночных погребальных объектов, в частности на памятнике Ак-Алаха-III (Полосьмак Н.В., Молодин В.И., 2000, с.73), что связано с особым социальным статусом погребенного там человека. Кроме того, многие курганы скотоводов с востока сопровождаются рядами вертикально установленных камней-балбалов или стел, а с запада – ритуальные каменные выкладки. В целом же топография и планировка могильников повторяла особенности расположения реальных жилищ номадов Центральной Азии на протяжении длительного исторического периода (Кирюшин Ю.Ф. и др., 2003, с.54–56). При этом изучение всей совокупности археологических источников и этнографических материалов позволило установить, что у «пазырыкцев», как и у других кочевых народов, наряду с куренной преобладала айильная планировка поселков (Шульга П.И., 1989, с.42,43). Аналогичная традиция зафиксирована в Горном Алтае начиная с раннескифского времени (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с.56).

Погребальные сооружения кочевников, несмотря на определенную вариабельность в параметрах и конструктивных элементах, представлены преимущественно курганами с каменными насыпями, под которыми в могильных ямах сооружались деревянные срубы, реже каменные ящики и рамы, а также другие внутримогильные конструкции (каменная обкладка, деревянный ящик и др.) (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 1997б). Умершего человека обычно укладывали скорченно на правый бок и ориентировали головой на восток (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 1998б). В элитных погребениях в двойных или одинарных срубках с колодами покойники обычно обнаружены в вытянутом положении, но с неизменной ориен-

тацией в восточном направлении. В более 37% исследованных пазырыкских курганах зафиксированы сопроводительные захоронения лошадей. Отсутствие этого признака во всех погребальных объектах VI–II вв. до н.э. обусловлено особенностями социального и имущественного положения кочевников (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 1998а,б,г). Сходные тенденции зафиксированы и в раннескифское время у «бийкенцев», у которых только около 25% погребенных сопровождали захоронения коней (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 1997а, с.115).

Результаты анализа погребального обряда кочевников Алтая скифской эпохи позволяют коснуться отдельных моментов, связанных с возможностью продолжения исследований по территориально-хронологическому разграничению памятников пазырыкской культуры, и, прежде всего, с выделением ее локальных вариантов. Надо отметить, что в настоящее время разработаны методологические основы и терминологический аппарат для такого рода анализа и исторических реконструкций, на которых следует остановиться более подробно.

Процессы формирования в рамках той или иной культуры/цивилизации особых локальных очагов (историко-культурных регионов, областей и т.п.) на философско-методологическом уровне изучались такими известными мыслителями, как А.Тойнби (1996), Ш.Эйзенштадт (1998), Э.Шилз (1998), Б.С.Ерасов, Г.А.Аванесова (1998) и др. Данная проблема решалась учеными, как правило, в русле рассмотрения взаимодействий центра культуры/цивилизации и ее окраин. Исследователи указывали на динамизм периферии и на ее двойственную природу. Это выражается в том, что, с одной стороны, центр доминирует над периферией и задает модель для ее социокультурного развития, а, с другой стороны, периферия может при определенных условиях воздействовать на центр, заменить его или даже отделиться (Шилз Э., 1998, с.174). Указанные положения важно учитывать при выявлении контактных зон, при установлении границ археологических культур, этнокультурных общностей, культурно-исторических регионов и т.п. Определенный опыт анализа конкретной ситуации такого плана уже продемонстрировался на материалах предгорий Алтая скифской эпохи (Тишкин А.А., 1988; 1989; 1996; Абдулганеев М.Т., Тишкин А.А., 1999; и др.).

В контексте методологического обоснования выделения локальных вариантов можно

отметить недавние теоретические разработки С.И.Дегтярева (2001), который предложил интерпретировать археологическую культуру как репрезентацию локальной культуры прошлого в системе ее материально-вещественных фрагментов. Несмотря на то, что исследователь анализировал несколько иную проблематику, тем не менее целесообразно обратить внимание на те основные характеристики локальной культуры, которые им трактуются как ее базовые классы ценностей. К числу последних относятся: особенности физического существования субъекта; специфика природно-географической среды; собственный социальный опыт субъекта, выражающийся в производственной деятельности и опредмеченный в ее результатах (орудия и средства труда) (Там же, с.152).

В русском языке слово «локальный» определяется как «местный, не общий» (Даль В., 1994, с.264) или «местный, не выходящий за определенные пределы» (Ожегов С.И., 1989, с.266). В отечественной археологии внимание различным локальным явлениям уделяли такие исследователи, как Л.С.Клейн (1990; 1991), В.М.Массон (1976; 1996), В.Ф.Генинг (1983; 1989) В.С.Ольховский (1991) и некоторые другие. Так, В.М.Массон отводит рассматриваемой категории важное место в трехуровневой иерархической системе: локальный вариант – культура – культурная общность. При этом отмечается, что в рамках одной археологической культуры между отдельными ее локальными вариантами должно наблюдаться 100–50% совпадение сочетаемости типов (жилищ, керамики, инвентаря и т.п.) (Массон В.М., 1996, с.27). Л.С.Клейн (1990, с.92), первоначально предложил рассматривать категорию «локальный вариант» как «... вариант археологической культуры, отличающийся от других ее вариантов не только типологически, но и территориально – по ареалу, причем его ареал почти не дает взаимоналожений с другими, синхронными». Немного позднее он добавил, что анализируемое понятие относительное, «...а отношение – симметричное: если некоторый вариант выступает локальным по отношению к другому или другим, то и они оказываются локальными» (Клейн Л.С., 1991, с.392).

Достаточно обстоятельно рассматриваемая проблема решалась В.С.Ольховским на основе изучения памятников скифского времени Северного Причерноморья. Исследователь полагал, что археологические источники позволяют

выделять не только локальные варианты, но также локальные группы и локальные зоны. В этой связи отмечалось, что локальные группы памятников, очевидно, могут отражать этнокультурные различия населения. Территориально близкие и существенно сходные локальные зоны составляют локальный вариант культуры. Важно, на наш взгляд, отметить мнение В.С.Ольховского (1991, с.170) о том, что локальным вариантом можно считать крупную (более 100 памятников) локальную зону с ярко выраженным своеобразием, которая представляет собой достаточно динамичное явление, способное как к внутреннему саморазвитию, так и к взаимодействию с различными локальными вариантами культуры на уровне интеграции или дезинтеграции.

Приведенный спектр подходов к определению необходимой дефиниции позволяет нам сделать следующие выводы. Во-первых, локальный вариант является составной частью археологической культуры. Во-вторых, он занимает определенную территорию и существует в конкретный хронологический отрезок. В-третьих, локальный вариант обладает набором специфических, свойственных только ему, социокультурных характеристик, представленных в различных археологических источниках. В-четвертых, формирование локальных вариантов обусловлено динамикой существования культуры, как за счет органичного внутреннего саморазвития, так и при взаимодействии в контактных зонах с другими аналогичными по сути явлениями. И, наконец, в-пятых, локальный вариант при определенных условиях может трансформироваться в самостоятельную культуру (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003, с.167).

Проблема выделения локальных вариантов пазырыкской культуры Алтая связана с пониманием общей этнокультурной ситуации в этом регионе в скифскую эпоху. Эта тема уже неоднократно становилась объектом специального рассмотрения (Суразаков А.С., 1989а; Тишкин А.А., 1994а; Марсадоллов Л.С., 1996а; Шульга П.И., 1999; Дашковский П.К., 2001г; и др.). Основное внимание исследователи уделяли, как правило, вопросам хронологии и периодизации пазырыкской культуры, выделению различных типов погребений. В меньшей степени археологи касались проблем этно- и культурогенеза, а также анализа процессов взаимодействия в контактных зонах носителей

пазырыкской культуры с представителями других археологических культур из сопредельных районов Тувы, Восточного Казахстана, Северо-Западной Монголии и Китая. На интуитивном уровне осознавалась необходимость и возможность выделения локальных вариантов пазырыкской культуры (Киреев С.М., 1991, с.120). Это выразилось, в частности, в стремлении части археологов систематизировать накопленный фактический материал и на основе имеющихся теоретических разработок строить концепцию этнокультурного развития населения Алтая в скифскую эпоху (Могильников В.А., 1983а; 1986а; Суразаков А.С., 1983а; 1989а; Шульга П.И., 1986; 1999; Марсадалов Л.С., 2000г; и др.). При этом важно отметить, что иногда ученые одну и ту же источниковую базу (например, памятники кара-кобинского типа) пытались интерпретировать как отдельную археологическую культуру, как самостоятельную группу памятников, как локальный вариант и как тип погребений. Кроме того, некоторые исследователи были склонны рассматривать в качестве «северного» локального варианта небольшую группу памятников, расположенных в зоне взаимодействия носителей двух археологических культур, в данном случае быстринской и пазырыкской (Киреев С.М., 1992, с.52). В результате таких подходов происходило смешение набора признаков, которые свойственны собственно каждому явлению в отдельности.

Очевидные методологические противоречия и нестыковки исходных теоретических построений с реальными археологическими источниками привели ученых к единому мнению о том, что на территории Алтая в VI–II вв. до н.э. существовала одна пазырыкская культура, которая при этом включала в себя различные этнокультурные элементы. В дальнейшем исследователи сосредоточились на анализе особенностей развития пазырыкской культуры в отдельных районах Алтая и на рассмотрении составляющих ее элементов. В такой ситуации представляется неслучайным появление в конце 90-х гг. XX в. работ, в которых указывалось на возможность выделения локальных вариантов пазырыкской культуры. Так, еще в 1998 г. нами, по сути дела, впервые непосредственно высказались о том, что в районе нижнего и частично среднего течения р.Катунь выделяется локальный вариант пазырыкской культуры (Дашковский П.К., 1998б; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 1998г, с.18). Это мнение встрети-

ло поддержку (Миронов С.М., 1999, с.41,42; 2000), так как начиная со 2-й пол. 90-х гг. XX в. многие исследователи отмечали значительное своеобразие памятников скифского времени этого района (Кирюшин Ю.Ф., 1989; Кирюшин Ю.Ф. и др., 1997; Степанова Н.Ф., 1999; 2000; Кубарев В.Д., 2001; Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., 1999а; 1999б; 2000; 2001, с.291–293; и др.), но принципиально вопрос о выделении локального варианта не ставился. Кроме того, не было теоретического и практического обоснования обозначенного явления.

Памятники, изученные на указанной территории, обладают следующими отличительными характеристиками. Отмечается невысокий процент (14,6%) погребений человека с сопроводительным захоронением лошади (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 1998г, с.17). Демонстрируется разнообразие внутримогильных конструкций (каменные ящики и обкладки могильной ямы, деревянные срубы упрощенной конструкции и рамы) (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 1997б; Степанова Н.Ф., 1999, с.509; 2000). Во многих случаях зафиксированы ориентации курганных цепочек не только традиционно по линии Ю–С, но и по-разному относительно р.Катунь: перпендикулярно или параллельно ее берегу (Кирюшин Ю.Ф. и др., 1997, с.102). Характерны также неустойчивые показатели ориентации и положения умерших людей в могиле. Кроме «классического» пазырыкского варианта (положение погребенного скорченно на правом боку, головой на восток) зафиксировано довольно значительное число погребений, в которых умершие лежали на спине как с подогнутыми, так и с вытянутыми ногами. При этом они были ориентированы в различных направлениях (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 1998в, с.79–81). Определенные отличия наблюдаются при анализе вещевого комплекса (Степанова Н.Ф., 1999, с.511; Кубарев В.Д., 2001, с.122; и др.), в частности керамики. Несмотря на то, что по своей форме, технике изготовления и характеру росписей она тяготеет к пазырыкской, тем не менее по ряду показателей (сосуды с ушками, большой процент баночной посуды; сосуды с двумя отверстиями и др.) можно проследить влияние большебереченской культуры и более западных культур сако-савроматского облика (Кубарев В.Д., 2001, с.122). Некоторые исследователи считают особенностями памятников указанного района отсутствие в погребениях деревянной посуды

(хотя она могла просто не сохраниться), частую встречаемость в них крючков, заколок и, напротив, небольшое число обнаруженных серег (Степанова Н.Ф., 1999, с.511). Кроме того, специфичной чертой погребального обряда, нехарактерной для пазырыкской культуры, является отсутствие в ряде случаев (в том числе в неграбленных погребениях) керамической посуды в захоронениях мужчин (Кубарев В.Д., 2001, с.121).

Имеющиеся особенности памятников VI–II вв. до н.э. нижнего и частично среднего течения р.Катунь сформировались в результате сложного процесса взаимодействия древних племен горных районов Алтая и предгорно-равнинной его части.

Таким образом, располагая в настоящее время фактическими материалами, а также соответствующими философско-методологическими положениями и теоретическими разработками по археологии, можно выделить локальный вариант пазырыкской культуры, название которому целесообразнее обозначить как «тыткескенский» по наиболее хорошо изученному экспедициями АГУ курганному могильнику Тыткескен-VI (Кирюшин Ю.Ф. и др., 2003). Дальнейшие исследования в этом направлении позволят на качественно ином уровне решать вопросы этнокультурного и культурно-хронологического развития кочевников Горного Алтая скифской эпохи.

Надо отметить, что в Юго-Восточном Алтае, на границе с Тувой, также выделяется группа объектов интересующего нас времени с определенным своеобразием в погребальном обряде (внутримогильная конструкция, как правило, в виде квадратного сруба, положение умершего человека скорченно на левом боку с ориентацией головой преимущественно на запад; редко встречается сопроводительное захоронение лошади и др. (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 1998в, с.80). Эти данные обусловлены взаимодействием племен пазырыкской культуры Горного Алтая и саглынской культуры Тувы. При этом, очевидно, такие контакты между представителями двух культур носили как мирный, так и военный характер. Об этом, в частности, свидетельствуют захоронения «рабов»-мужчин, которые были захвачены во время военных действий, в заполнении могильных ям «саглынцев» и «пазырыкцев» (Кубарев В.Д., 1987, с.30; Грач А.Д., 1980, с.48). С другой стороны, известны случаи расположения на типично пазырыкском некрополе в одной курганной цепочке погребений «саглынцев» (Савинов Д.Г., 1986,

с.11; Кубарев В.Д., 1987, с.29,30; 1991, с.39; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 1998в, с.80). По мнению С.А.Васютина, в лице таких «саглынцев» нужно видеть не представителей социальной инородческой периферии (так как сохраняются традиции саглынского погребального обряда даже в пределах пазырыкской курганной цепочки), а полноправных участников постоянных или сезонных производственных групп – айлов (Васютин С.А., 1999, с.34).

В то же время надо отметить, что, несмотря на значительные контакты «саглынцев» и «пазырыкцев» на этой территории Горного Алтая, в силу определенных культурно-исторических причин не произошло формирование локального варианта пазырыкской культуры (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2002). Этот регион оставался в значительной мере зоной локализации памятников «пазырыкцев», а также районом взаимодействия с народами сопредельных территорий Монголии, Казахстана, Тувы и Китая. Об этом, кроме указанных случаев, в частности, свидетельствует обнаружение на Юго-Восточном Алтае памятников, вероятно, выходцев из Монголии (к.17 могильника Юстыд-ХII) (Кубарев В.Д., 1991, с.34), Китая (могильник Кызыл-Таш) (Соёнов В.И., Эбель А.В., 1998, с.88–92), Казахстана (к.1 на Кызыл-Джаре-V, к.5 Яконура, к.1 на Агафоновом Логей-I, к.3 Кара-Кобы-II) (Грязнов М.П., 1940, с.17,18; Алтарева Н.С., 1989; Деревянко А.П. и др., 1998, с.98,99; Могильников В.А., 1994, с.37–39).

Анализ погребального обряда пазырыкской культуры дает возможность обозначить в его структуре общие, особенные и единичные признаки. Современный уровень методологических разработок и результаты археологических исследований позволяют выделить тыткескенский локальный вариант пазырыкской культуры (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003), в районе среднего и, частично, нижнего течения р.Катунь. Учитывая, что не вся территория Алтая изучена равномерно на предмет выявления памятников VI–II вв. до н.э., теоретически существуют предпосылки для дальнейшего выявления локальных вариантов, особенно в районах Западного и Северо-Западного Алтая (Усть-Канский, Усть-Коксинский районы Республики Алтай, Чарышский, Краснощековский районы Алтайского края). Кроме того, имеющиеся разнообразные источники свидетельствуют о достаточно интенсивных контактах «па-

зырыкцев» с народами, проживавшими на сопредельных территориях Центральной Азии.

Важно обратить особое внимание на отсутствие прямой генетической преемственности между основным кругом памятников раннескифского времени, относящихся к бийкенской культуре, и объектами пазырыкского периода Горного Алтая. Это обстоятельство, вероятно, можно объяснить тем, что в начале VI в. на территорию Горного Алтая переместилась крупная группа ироноязычных племен. Одни исследователи склонны видеть в этих племенах саков Восточного Казахстана, другие – юечжей, третьи – представителей культуры тумулусов Гордиона (Турция). Вероятно, в процессе формирования пазырыкской культуры приняло определенное участие местное население раннескифского времени, подвергшееся непосредственному всестороннему воздействию пришедших племен. Упадок этой культуры связан с военной экспансией хуннов, в результате чего часть «пазырыкцев» (юечжей) переместилась в Среднюю Азию, а другая часть приняла участие в формировании новой булан-кобинской культуры.

Таким образом, имеющиеся источники наглядно свидетельствуют о сложности этнокультурного развития племен Алтая и о функционировании здесь на протяжении длительного периода, с кон. IX по III–II вв. до н.э., двух самостоятельных археологических культур – бийкенской и пазырыкской. Среди наиболее перспективных тем, требующих дальнейшего изучения, можно указать на необходимость выявления «прародины пазырыкцев», окончательной разработки внутренней периодизации этой культуры, что связано с дискуссией об «омоложе-

нии»/«удревнении» скифских памятников. Отдельной проблемой остается выделение локальных вариантов указанных культур скифской эпохи. В сложившейся ситуации наиболее перспективным представляется комплексный подход к изучению скифских древностей на более широкой источниковой основе, а не только на материалах «элитных» курганов. Следует особый упор сделать на естественно-научные методы датирования и создание абсолютной дендрохронологической шкалы евразийских степей. Для окончательного решения вопросов этнокультурного разграничения целесообразно провести археологические раскопки в слабоизученных районах Горного Алтая (Усть-Канский, Усть-Коксинский), на что уже ранее указывалось (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1999). Особое внимание следует обратить на материалы раскопок из Восточного Туркестана, Северо-Западной Монголии, которые современные отечественные археологи знают слабо главным образом из-за их публикации на иностранных языках. Между тем именно анализ всей совокупности источников, в том числе и с сопредельных территорий, позволит значительно продвинуться в реконструкции культурно-исторических процессов, протекавших в этом регионе в скифское время.

Представленная картина этнокультурного развития населения Горного Алтая в скифскую эпоху отражает лишь часть работ, имеющих у авторов статьи. Отдельным аспектам будут посвящены специальные публикации. В частности, сдана в печать книга, посвященная социальной структуре и системе мировоззрений. Подготовлены к изданию и другие материалы.

Литература

Абдулганеев М.Т., Тишкин А.А., 1999. Погребальные комплексы скифского времени левобережья низовьев Катуня // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. № 4. Горно-Алтайск.

Алтарева Н.С., 1989. Раскопки курганов эпохи раннего железа в Горном Алтае // Археологические исследования в Сибири. Барнаул.

Баландина Г., Астафьев А., 1996. Опыт реконструкции и интерпретации погребально-поминального комплекса эпохи поздней бронзы Актауского могильника // Вопросы археологии Западного Казахстана. Вып. 1. Самара.

Боковенко Н.А., 1986. Некоторые особенности формирования погребального обряда ран-

них кочевников Саяно-Алтая // Скифская эпоха Алтая. Барнаул.

Бонгард-Левин Г.М., Деопик Д.В., Деревянко А.П. и др., 1986. Археология зарубежной Азии. М.

Васютин С.А., 1999. Проблемы изучения социальной организации кочевников скифского времени Горного Алтая по материалам погребений // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул.

Волков В.В., 1965. Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. Автореф. дис... канд. ист. наук. М.

Волков В.В., 1967. Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. Улан-Батор.

Волков В.В., 1990. Центральная Азия и скифо-сибирская проблема. Автореф. дис... докт. ист. наук. М.

Генинг В.Ф., 1983. Объект и предмет науки в археологии. Киев.

Генинг В.Ф., 1989. Структура археологического познания. Проблемы социально-исторического исследования. Киев.

Грязнов М.П., 1939. Ранние кочевники Западной Сибири и Казахстана // История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства (макет издания АН СССР). М.–Л.

Грязнов М.П., 1940. Раскопки на Алтае // СГЭ. Вып.7. Л.

Грязнов М.П., 1947. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае // КСИИМК. Вып.18.

Грязнов М.П., 1978. К вопросу о сложении культур скифо-сибирского типа в связи с открытием кургана Аржан // КСИА. Вып.154.

Грязнов М.П., 1979. Об едином процессе развития скифо-сибирских культур // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства. Кемерово.

Грязнов М.П., 1983. Начальная фаза развития скифо-сибирских культур // Археология Сибири. Кемерово.

Грязнов М.П., 1992. Алтай и приалтайская степь // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.

Даль В., 1994. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.2. М.

Дашковский П.К., 2001а. Основные аспекты изучения этнокультурной ситуации в Горном Алтае в VI–II вв. до н.э. // Проблемы изучения древней и средневековой истории. Барнаул.

Дашковский П.К., 2001б. К вопросу о понятии «пазырыкская культура»: историографический аспект // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск.

Дашковский П.К., 2002. Социальная структура и система мировоззрений населения Горного Алтая скифского времени. Автореф. дис... канд. ист. наук. Барнаул.

Демин М.А., Гельмель Ю.И., 1992. Курганное погребение раннескифского времени из Горного Алтая // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул.

Демин М.А., Шульга П.И., 1995. Работы в районе р.Сентелек // Сохранение и изучение

культурного наследия Алтайского края. Вып. V. Ч. II. Барнаул.

Ерасов Б.С., Аванесова Г.А., 1998. Проблемы анализа диады Центр-Периферия цивилизаций. Обзор // Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия / Сост. Б.С.Ерасов. М.

Ефремов С.А., 1995. Погребения в урочище Тогусхан (к вопросу об отдельных захоронениях конских черепов) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. V. Ч. II. Барнаул.

Зайцева Г.И., Васильев С.С., Марсадолов Л.С., Ван дер Плихт Х., Семенцов А.А., Дергачев В.А., Лебедева Л.М., 1997. Радиоуглерод и дендрохронология ключевых памятников Саяно-Алтая: статистический анализ // Радиоуглерод и археология. Вып.2. СПб.

Исмагилов Р.Б., 1989. О некоторых тенденциях развития современной отечественной скифологии // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата.

Исмагилов Р.Б., 1993. Ранние скифы и Центральная Азия. Автореф. дис... докт. ист. наук. СПб.

Киреев С.М., 1991. О северной границе горно-алтайских погребений скифского времени с восточной ориентировкой // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул.

Кирюшин Ю.Ф., 1989. Скифские памятники Средней Катуни // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения). Ч. I. Кемерово.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., 1999а. Бусы из скифских погребений Горного Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., 1999б. Заколки из захоронений скифского времени Горного Алтая // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., 2000. Расписная керамика скифского времени могильника Тьткескень-VI со Средней Катуни // Актуальные вопросы истории Сибири. Вторые научные чтения памяти профессора А.П.Бородавкина. Барнаул.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., 2001. О культурной принадлежности погребальных комплексов скифского времени Средней Катуни // Пространство культуры в археолого-

этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 1997. Признаки погребального обряда скифских памятников Средней Катуни // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 2003. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время. Барнаул.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1999. Основные этапы изучения скифской эпохи Горного Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул.

Киселев С.В., 1947. Алтай в скифское время (майэмирская культура) // ВДИ. № 2.

Киселев С.В., 1949. Древняя история Южной Сибири // МИА. № 9.

Киселев С.В., 1951. Древняя история Южной Сибири. М.–Л.

Клейн Л.С., 1990. Некоторые исходные понятия археологии и термины описания археологического материала // Классификация в археологии. Терминологический словарь-справочник. М.

Клейн Л.С., 1991. Археологическая типология. Л.

Кубарев В.Д., 1987. Курганы Уландрыка. Новосибирск.

Кубарев В.Д., 1991. Курганы Юстыда. Новосибирск.

Кубарев В.Д., 1992. Курганы Сайлюгема. Новосибирск.

Кубарев В.Д., 1997. Древние кочевники Восточного Алтая. Автореф. дис... докт. ист. наук. Новосибирск.

Кубарев В.Д., 2001. Бике-I, III: погребальные памятники скифской эпохи Средней Катуни // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. № 7. Горно-Алтайск.

Литвинский Б.А., Погребова М.Н., Раевский Д.С., 1985. К ранней истории саков Восточного Туркестана // НАА. Вып. 5.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М., 1966. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата.

Марсадолов Л.С., 1981. Памятники ранних кочевников в Усть-Куюме на Алтае (по рас-

копкам Г.П.Сосновского и Г.П.Сергеева) // АСГЭ. Вып. 22. Л.

Марсадолов Л.С., 1983. Методы естественных наук и хронология пяти больших Пазырыкских курганов // Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири. Барнаул.

Марсадолов Л.С., 1984. О последовательности сооружения пяти больших курганов в Пазырыке на Алтае // АСГЭ. Вып. 25. Л.

Марсадолов Л.С., 1985. Хронология курганов Алтая (VIII–IV вв. до н.э.). Автореф. дис... канд. ист. наук. Л.

Марсадолов Л.С., 1987. Две группы памятников кочевников Алтая VIII–VII вв. до н.э. // Исторические чтения памяти М.П.Грязнова: Тез. докл. областной науч. конф. Омск.

Марсадолов Л.С., 1987. Хронологическое соотношение Пазырыкских и Семибратских курганов // АСГЭ. Вып. 28. Л.

Марсадолов Л.С., 1988. Дендрохронология больших курганов Саяно-Алтая I тыс. до н.э. // АСГЭ. Вып. 29. Л.

Марсадолов Л.С., 1989. Курган Аржан. Хронология, алтайские и европейские аналогии // Проблемы скифо-сарматской археологии северного Причерноморья: Тез. докл. областной конф. к 90-летию со дня рождения профессора Б.Г.Гракова. Запорожье.

Марсадолов Л.С., 1990. Перспективы дендрохронологического датирования археологических памятников Саяно-Алтая I тыс. до н.э. // Проблемы дендрохронологии и дендроклиматологии. Свердловск.

Марсадолов Л.С., 1996. История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII–IV веков до н.э. (от истоков до начала 80-х годов XX века). СПб.

Марсадолов Л.С., 1997а. Об этногенезе пазырыкцев Алтая // Четвертые исторические чтения памяти М.П.Грязнова. Омск.

Марсадолов Л.С., 1997б. Исследования в Центральном Алтае (Башадар, Талдура). СПб.

Марсадолов Л.С., 1999. Пазырыкский феномен и попытки его объяснения // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул.

Марсадолов Л.С., 2000а. Археологические памятники IX–III вв. до н.э. горных районов Алтая как культурно-исторический источник (феномен пазырыкской культуры). Автореф. дис... докт. культурологии. СПб.

Марсадолов Л.С., 2000б. Планиграфия могильников Горного Алтая VI–IV вв. до н.э. // Пятые исторические чтения памяти М.П.Грязнова. Омск.

Марсадолов Л.С., 2001. Комплекс памятников в Семисарте на Алтае. СПб.

Марсадолов Л.С., 2002. Новые исследования на ритуальном центре в долине реки Юстыд (Юго-Восточный Алтай) // История и культура Востока Азии. Новосибирск. Т. II.

Марсадолов Л.С., Зайцева Г.И., 1999. Соотношение радиоуглеродных и археологических датировок для малых и средних курганов Саяно-Алтая I тыс. до н.э. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул.

Марсадолов Л.С., Зайцева Г.И., Лебедева Л.М., 1994. Корреляция дендрохроно-логических и радиоуглеродных определений для больших курганов Саяно-Алтая // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб.

Марсадолов Л.С., Зайцева Г.И., Попов С.Г., 1998. Радиоуглеродное датирование образца дерева из кургана Ак-Алаха (раскопки 1990 года) // Сибирь в панораме тысячелетий: Материалы международного симпозиума. Т. I. Новосибирск.

Марсадолов Л.С., Зайцева Г.И., Семенов А.А., Лебедева Л.М., 1996. Возможности радиоуглеродного датирования для привязки плавающей шкалы больших курганов Саяно-Алтая к календарному времени // Радиоуглерод и археология. Вып. 1. СПб.

Массон В.М., 1996. Исторические реконструкции в археологии. Самара.

Медведская И.Н., 1993. Периодизация скифской архаики и древний Восток // РА. № 3.

Мионов В.С., 1999. Особенности погребальных комплексов пазырыкской культуры в долине рек Эдиган и на сопредельных территориях // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2. Горизонты Евразии. Новосибирск.

Мионов В.С., 2000. Культура населения средней Катунь в скифское время. Автореф. дис... канд. ист. наук. Новосибирск.

Могильников В.А., 1983а. Курганы Кызыл-Джар-I, VIII – памятники пазырыкской культуры Алтая // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск.

Могильников В.А., 1983б. Курганы Кызыл-Джар-II–V и некоторые вопросы состава населения Алтая во второй половине I тыс. до н.э. //

Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск.

Могильников В.А., 1983в. Курганы Кара-Кобы-II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. Горно-Алтайск.

Могильников В.А., 1986а. К этнокультурной ситуации на Алтае в скифское время // Скифская эпоха Алтая. Барнаул.

Могильников В.А., 1986б. Некоторые аспекты этнокультурного развития Горного Алтая в раннем железном веке // Материалы по археологии Горного Алтая. Горно-Алтайск.

Могильников В.А., 1988. Курганы Кер-Кечу // Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая. Горно-Алтайск.

Могильников В.А., 1992. Лесостепь Зауралья и Западной Сибири // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.

Могильников В.А., 1994. Курган 2 могильника Карасу-II и некоторые аспекты внешних контактов населения Алтая второй половины I тыс. до н.э. // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. Горно-Алтайск.

Могильников В.А., 1997. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тыс. до н.э. М.

Могильников В.А., 1999. К характеристике раннего железного века северо-западных предгорий Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул.

Молодин В.И., 2000. Пазырыкская культура: проблемы этногенеза, этнической истории и исторических судеб // Археология, этнография и антропология Евразии. № 4. Новосибирск.

Новгородова Э.А., 1989. Древняя Монголия. М.

Ожегов С.И., 1989. Словарь русского языка. М.

Ольховский В.С., 1991. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н.э.). М.

Погребова М.Н., 1993. О принципах датировки скифской архаики // РА. № 2.

Погребова М.Н., Раевский Д.С., 1988. Ранний железный век // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М.

Полосьмак Н.В., Молодин В.И., 2001. Могильники пазырыкской культуры на плоскогорье Укок // Археология, этнография и антропология Евразии. № 1. Новосибирск.

Раев Б.А., 1984. Пазырык и «Хохлач»: некоторые параллели // Скифо-сибирский мир. Кемерово.

Раев Б.А., 1989. Аланы в евразийских степях: восток-запад // Скифия и Боспор. Ново-черкасск.

Раевский Д.С., 1993. О логике построения раннескифской хронологии // РА. № 2.

Савельев Н.С., 2003. Горно-долинные ландшафты хребта Ирендык как фактор сохранения этнокультурных изолятов в эпоху ранних кочевников // Человек в пространстве древних культур. Челябинск.

Савинов Д.Г., 1975. К выделению ранних и поздних элементов в культуре пазырыкского времени // Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. Л.

Савинов Д.Г., 1978. О завершающем этапе культуры ранних кочевников Горного Алтая // КСИА. Вып.154.

Савинов Д.Г., 1986. Скифские курганы Узунтала // Скифская эпоха Алтая. Барнаул.

Савинов Д.Г., 1991. Возможности синхронизации письменных и археологических дат в изучении культуры Южной Сибири скифо-сарматского времени // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул.

Савинов Д.Г., 1994а. Тува раннескифского времени «на перекрестке» культурных традиций (алды-бельская культура) // Культурные трансляции и исторический процесс (палеолит-средневековье). СПб.

Савинов Д.Г., 1994б. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб.

Савинов Д.Г., 2002. Ранние кочевники Верхнего Енисея (археологические культуры и культурогенез). СПб.

Семенцов А.А., Зайцева Г.И., Герсдорф Й., Боковенко Н.А., Парцингер Г., Наглер А., Чугунов К.В., Лебедева Л.М., 1997. Вопросы хронологии памятников кочевников скифской эпохи Южной Сибири и Центральной Азии // Радиоуглерод и археология. Вып.2. СПб.

Соенов В.И., Эбель А.В., 1998. Раскопки курганов скифского времени на могильнике Кызыл-Таш // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. № 3. Горно-Алтайск.

Сорокин С.С., 1974. Цепочка курганов времен ранних кочевников на правом берегу р.Кок-Су (Южный Алтай) // АСГЭ. Вып.16. Л.

Суразаков А.С., 1983. Курганы эпохи раннего железа в могильнике Кызык-Телань-1 (к вопросу о выделении кара-кобинской культуры) // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 гг. Горно-Алтайск.

Суразаков А.С., 1988а. Ирбисту-1 // Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая. Горно-Алтайск.

Суразаков А.С., 1988б. Об этногенезе населения Горного Алтая рубежа эпохи бронзы и скифского времени // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул.

Суразаков А.С., 1989а. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск.

Суразаков А.С., 1989б. Об этнической интерпретации памятников пазырыкской культуры // Проблемы скифо-сибирского мира (Социальная структура и общественные отношения). Ч.П. Кемерово.

Суразаков А.С., 1990. Раскопки памятников Курота-II и Кор-Кобы-1 // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск.

Суразаков А.С., 1992. Памятники скифского времени Горного Алтая и Восточного Казахстана // Маргулановские чтения 1990 года. М.

Суразаков А.С., 2003. Памятник Кызык-Телань-1 в Горном Алтае и его планиграфические особенности // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Кн.1. Барнаул.

Тишкин А.А., 1988. Памятники раннего железного века лесостепного предгорья Алтая // Проблемы археологии Северной Азии. Чита.

Тишкин А.А., 1989. Ранний железный век в предгорьях Алтая // Археологические исследования Сибири. Барнаул.

Тишкин А.А., 1994. Некоторые аспекты культурно-хронологического решения проблемы изучения скифской эпохи Горного Алтая // Археология Горного Алтая. Барнаул.

Тишкин А.А., 1996а. Культура населения Центрального и Северо-Западного Алтая в раннескифское время. Автореф. дис... канд. ист. наук. Барнаул.

Тишкин А.А., 1996б. К вопросу о возможности выделения контактных археологических культур // Горный Алтай и Россия 240 лет. Горно-Алтайск.

Тишкин А.А., 1996в. Погребальные сооружения курганного могильника Бийке в Горном Алтае и культура населения, оставившего их. Барнаул.

Тишкин А.А., 2003. О соотношении бийкенской и майэмйрской археологических культур

Алтая раннескифского времени // Степи Евразии в древности и средневековье. Кн. II. СПб.

Тишкин А.А., Грушин С.П., 1997. Что такое кенотаф? // Известия лаборатории археологии. № 2. Горно-Алтайск.

Тишкин А.А., Дашковский П.К., 1997а. Захоронение человека с конем как отражение некоторых сторон социально-экономической структуры населения Горного Алтая скифской эпохи // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул.

Тишкин А.А., Дашковский П.К., 1997б. Классификация погребальных сооружений скифской эпохи Горного Алтая // Известия лаборатории археологии. № 2. Горно-Алтайск.

Тишкин А.А., Дашковский П.К., 1998а. Место коня в погребальной традиции пазырыкцев // Интеграция археологических и этнографических исследований: Мат. VI Международного семинара, посвящ. 155-летию со дня рождения Д.Н.Анучина. Ч.2. Омск-СПб.

Тишкин А.А., Дашковский П.К., 1998б. Значение лошади в культуре населения Горного Алтая скифской эпохи // Сибирь в панораме тысячелетий: Материалы международного симпозиума. Т. I. Новосибирск.

Тишкин А.А., Дашковский П.К., 1998в. Ориентация и положение погребенных людей в курганах скифской эпохи Горного Алтая // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. № 3. Горно-Алтайск.

Тишкин А.А., Дашковский П.К., 1998г. Погребения человека с конем в курганах пазырыкской культуры Горного Алтая // История и культура народов Саяно-Алтая: в прошлом, настоящем и будущем. Горно-Алтайск.

Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003. О выделении локальных вариантов пазырыкской культуры // Степи Евразии в древности и средневековье. Кн. II. СПб.

Тишкин А.А., Леонова И.Ю., 2003. Особенности погребальных конструкций бийкенской археологической культуры и их семантика // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Кн. I. Барнаул.

Тоинби А. 1996., Постыжение истории. М.

Тохтасьев С.Р., 1993. К хронологии и этнической атрибуции памятников скифского типа на Ближнем Востоке и в Малой Азии // РА. № 2.

Членова Н.Л., 1997. Центральная Азия и скифы. Дата кургана Аржан и его место в системе культур скифского мира. М.

Чугунов К.В., 1993. Датировка больших пазырыкских курганов. Новый виток старой дискуссии // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Ч.1. Барнаул.

Шилз Э., 1998. О соотношении центра к периферии // Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия / Сост. Б.С.Ерасов. М.

Шульга П.И., 1986. К вопросу о культуре скотоводов Горного Алтая в VI-II вв. до н.э. // Скифская эпоха Алтая. Барнаул.

Шульга П.И., 1997. О сакском влиянии на Алтай в раннескифское время // Четвертые исторические чтения памяти М.П.Грязнова. Омск.

Шульга П.И., 1998а. О происхождении и раннем этапе развития пазырыкской культуры // Сибирь в панораме тысячелетий: Материалы международного симпозиума. Т. I. Новосибирск.

Шульга П.И., 1998б. Раннескифская упряжь VII – нач. VI вв. до н.э. по материалам погребения на р.Чарыш // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул.

Шульга П.И., 1999. Этнокультурная ситуация в Горном Алтае и северо-западных предгорьях в VII-III вв. до н.э. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул.

Шульга П.И., 2000. О содержании понятия «майэмирская культура» и этнокультурной ситуации в северо-западных предгорьях Алтая в раннескифское время // Пятые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск.

Шульга П.И., 2001. Северо-западные предгорья Алтая в скифское время // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск.

Эйзенштадт Ш., 1998. Структура отношений центра и периферии в имперских и имперско-феодальных режимах // Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия / Сост. Б.С.Ерасов. М.

АНАНЬИНСКИЕ (ПОСТМАКЛАШЕЕВСКИЕ) СТЕЛЫ IX–VI ВВ. ДО Н.Э.¹

Одним из самых ярких элементов материальной культуры ананьинской культурно-исторической области являются каменные стелы. При анализе карты распространения данных памятников становится очевидной их концентрация в низовьях Камы и на прилегающих участках Волги и совпадение с границами распространения постмаклашеевской культуры (рис.1)².

В настоящее время известно 81 каменное изваяние. Они выявлены на девяти постмаклашеевских могильниках: Ананьинском (2), Измерском VII (7), Мурзихинском II (33) и I (2), Новомордовском I (11) и VIIa (1), Семеновском VI (1), Тетюшском (24) и Морквашинском (1) и одном могильнике маклашеевской культуры – Ильичевском (1). Автор благодарит Е.П.Казакова и В.Н.Маркова за возможность использования неопубликованных материалов.

Стелы из Ананьинского могильника (рис.2, 2,3) найдены случайно и не имеют точной привязки к территории некрополя. К тому же и подлинность их в настоящее время подвергается сомнению (Марков В.Н., 1994, с.88–93), поэтому в данной работе вопросы, связанные со стелами из Ананьинского некрополя, не рассматриваются.

Некоторые стелы найдены на размытых памятниках (Новомордовский I и VIIa, Семеновский VI и Мурзихинский I) и соотнесение их с определенным участком некрополя затруднено. Однако большая часть изваяний (64 экз.) обнаружена в не перемещенном состоянии.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ

Первые сведения об ананьинских стелах появились в XIX в. после первых раскопок Ананьинского могильника в 1858 г. По сообщению П.В.Алабина (1860, с.89), за 25 лет до начала исследований на вершине Ананьинской

дюны находились большие камни с «непонятными надписями или знаками», но размеры этих камней привлекли внимание одного из елабужских жителей, который сделал из них печь-каменку, в которой они скоро разрушились. Само открытие стел ананьинского типа было отложено на 12 лет, когда профессор Московского университета К.И.Невоструев в 1870 г. приобрел у местных крестьян разбитую на восемь частей плиту с изображением воина и определил ее как надгробный камень (Невоструев К.И., 1871, с.77). Все последующие годы – в течение почти 90 лет – дискуссия об ананьинских стелах велась только вокруг изваяний собственно Ананьинского могильника, поскольку на других могильниках (Зуевском, Котловском, Рёлке и др.) их не было обнаружено. Еще две плиты были найдены на том же Ананьинском могильнике. Одну из них обнаружил П.А.Пономарев в 1881 г. в могиле G (1892, с.427). Она, как и ряд других камней из могильных ям, не имеет отношения к стелам, а представляет собой фрагмент обкладки стенок.

Событием в археологии раннего железного века Восточной Европы стало открытие в 1961 г. целой серии стел (11 экз.) на Новомордовском I могильнике. Первое описание и исследование этих материалов сделал А.Х.Халиков (1963, с.189), который датировал новомордовские стелы концом VIII – началом VI вв. до н.э. и определил их промежуточное положение между «антропоморфными стелами эпохи бронзы и скифскими стелами с изображением реального лица». Он отметил преемственность в развитии изображений на стелах Европы и Ново-Мордова. Исследователь считал, что новомордовские стелы ставили над могилами военных вождей и отмечал исключительность этого памятника среди остальных ананьинских могильников. Таким образом, А.Х.Халиков также определяет стелы как надгробные памятники. К тому времени все ананьинские стелы были найдены в перемещенном состоянии: одни обнаружены местными жителями, другие, как в случае с новомордовскими, подняты со дна водохранилища. На этом фоне

¹ Работа выполнена при поддержке гранта № 1-1.16-176 НИОКР АН РТ.

² Рисунок к статье выполнен Р.Р.Садыковым.

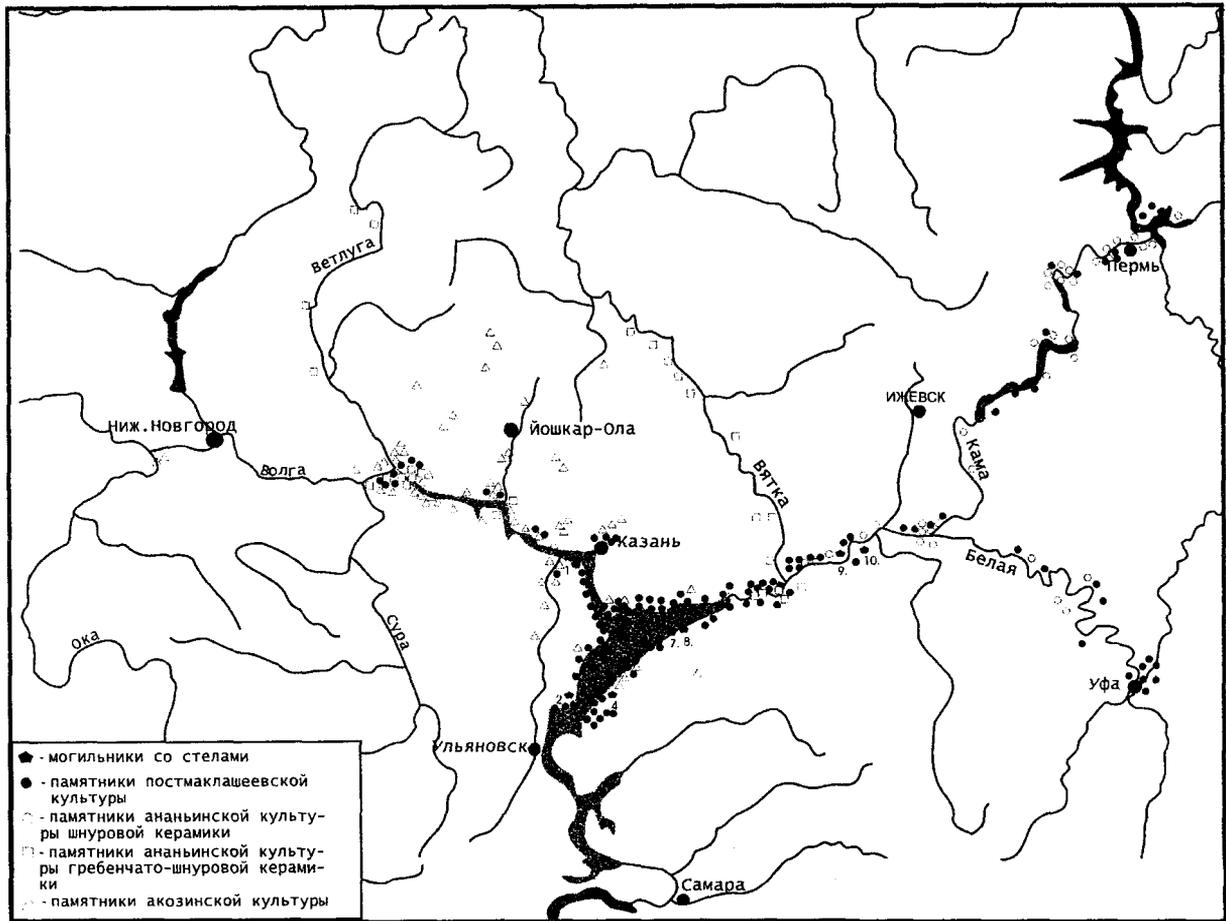

Рис. 1. Распространение памятников ананьинской культурно-исторической области и постмаклашеевских стел

траповка стел как надгробных камней являлась вполне правомерной. Однако раскопки последующих лет опровергли данную точку зрения.

В 1969–1970 гг. Е.П.Казаковым, А.Х. и Е.А. Халиковыми на Тетюшском могильнике найдены два ряда каменных стел, располагавшихся в междурядьях и не связанных с какими-то конкретными могилами. Захоронения, располагавшиеся неподалеку, не отличались особым богатством, и их было трудно связать с погребениями вождей. К сожалению, А.Х.Халиков не стал продолжать разработку начатой им в 1963 г. темы, а ограничился публикацией материала. В 1977 г. он подвел итог многолетним полевым исследованиям раннеананьинских могильников и вновь затронул вопрос об ананьинских стелах. Изменилась его точка зрения на вопрос о месторасположении изваяний, вызванная открытием стел Тетюшского могильника. Теперь он отмечает, что стелы ставились «скорее всего несколько в стороне от погребений», но при этом подчеркивает, что они устанавливались в честь

людей, похороненных на этом же кладбище (Халиков А.Х., 1977, с.93). В том же 1977 г. появилась статья Е.П.Казакова, который, анализируя новые находки изваяний на ананьинских могильниках, пришел к выводу о том, что они являлись «характерной чертой погребального обряда» данной культуры (1977, с.202).

В последующие годы полевые исследования В.С.Патрушева и Е.П.Казакова значительно расширили ареал стел в Волго-Камье и их количество. Они были обнаружены на Пустоморквашинском, Измерском VII, Тетюшском, Семеновском VI могильниках (Патрушев В.С., 1990, с.37, рис.10,15). Е.П.Казаков (1994, с.107), вновь обратившись к проблеме стел, отметил, что они не связаны с отдельными погребениями, а являлись центром могильника, вокруг которого производились определенные ритуалы, связанные непосредственно с «основным погребальным обрядом»; кроме того, он продолжает мысль А.Х.Халикова, предполагая, что стелы олицетворяют собой родоначальника.

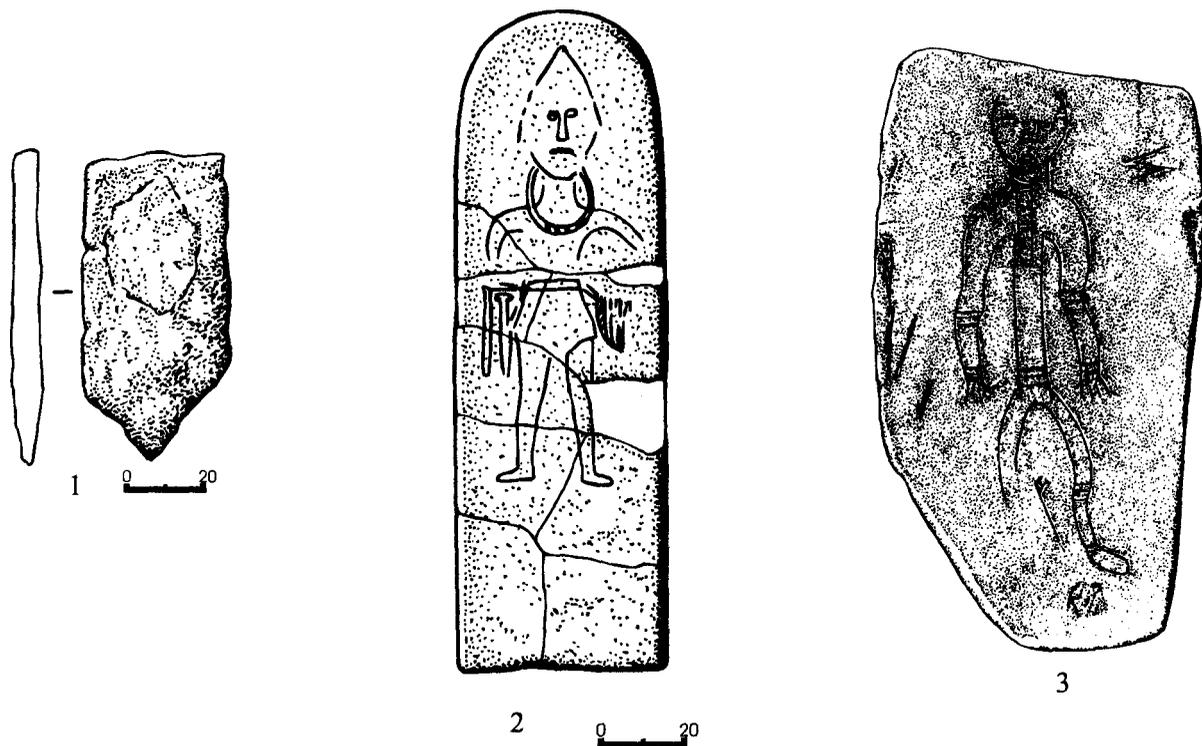

Рис. 2. Стелы Ананьинского (2,3) и Ильичевского могильников (1). 1 – стела 1; 2 – стела 1; 3 – стела 2 (по А.В.Збруевой, без масштаба)

ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОЧНИКА

Ананьинские (постмаклашеевские) стелы представляют собой известняковые плиты подпрямоугольной формы высотой в 1–1,5 м. Они являются «бесспорными артефактами» – каменными изваяниями (Ольховский В.С., 1994, с.7). В дальнейшем в тексте термины **стела** и **изваяние** употребляются как синонимы. Как правило, лицевая сторона изваяний уже чем тыльная, что объясняется наличием у них характерного для многих ананьинских стел закругленного скоса боковой поверхности. На некоторых плитах найдены высеченные рисунки.

Функционально ананьинские (постмаклашеевские) стелы являлись мемориальными памятниками. Установлено, что они размещались не над погребениями, как первоначально предполагалось, а в межмогильном пространстве. Как правило, они размещались в вертикальном положении поодиночке или группой по три стелы в ряд. Почти все стелы обнаружены в поврежденном состоянии, поверхность многих из них выветрена или же замята водой.

Общепризнанно, что изучение каменных изваяний требует системного подхода (Ольхов-

ский В.С., 1994, с.8), который включает справочно-информационные (каталог), морфологические, иконографические и топографические блоки (Ольховский В.С., 1987, с.109–111). По этой методике будут рассмотрены и ананьинские (постмаклашеевские) стелы.

По оформлению верхней части постмаклашеевские стелы подразделяются на два типа (Чижевский А.А., Марков В.Н., 1999, с.15, 16).

Тип 1 (77 изваяний) – с полукруглым завершением верхней части численно преобладает. Это стелы т.н. классического или же новомордовского типа. По оформлению перехода от надземной части к подземной они подразделяются на два варианта. А. Без выраженных плечиков, но с уступом или валиком на лицевой поверхности, имеющие клиновидное или подчетырехугольное основание (рис.3,4;4,1–4;5,1,2,4;12,1,3,4;14,2;16,1,4;17,5). Б. С выраженными плечиками и уступом на лицевой поверхности, нижняя часть которых имеет подчетырехугольную или трапециевидную форму (рис.3,1–3;6,1,4;7,1,3;9,4;10,3,4;11,3,4,6;13,1,5;14,1,4;17,3).

Тип 2 (4 стелы) – с подпрямоугольным завершением верхней части и клиновидным

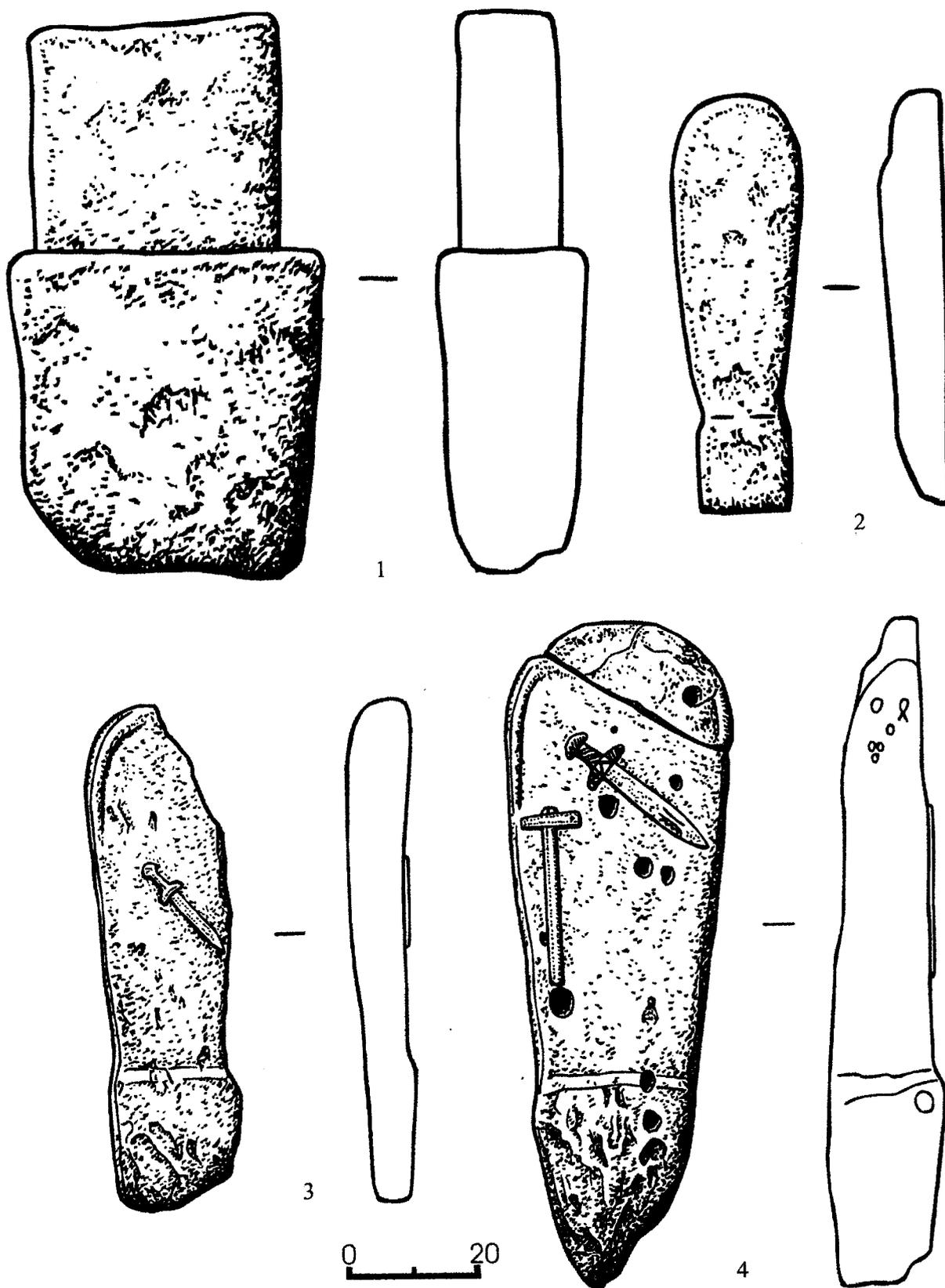

Рис. 3. Стелы Новомордовского I могильника. 1 – стела 9; 2 – стела 8; 3 – стела 6, 4 – стела 4

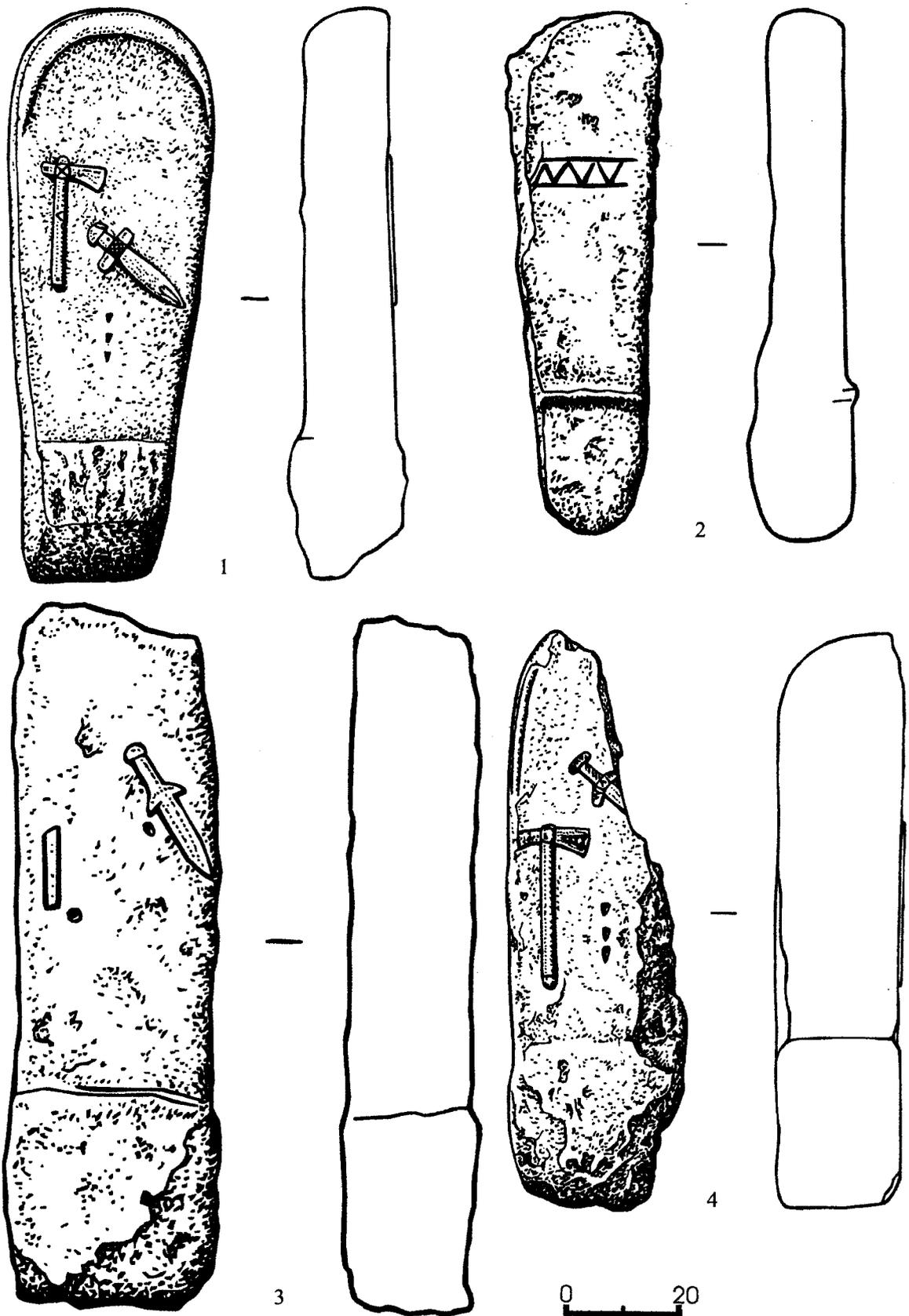

Рис. 4. Стелы Новомордовского I могильника. 1 – стела 1; 2 – стела 5; 3 – стела 3; 4 – стела 2

основанием. Это стелы т.н. ильичевского типа (рис.2,1;5,3;13,2,4).

ТЕХНОЛОГИЯ И МОРФОЛОГИЯ СТЕЛ

Постмаклашеевские стелы изготавливались из известняка и песчаника. Как правило, применялся легкий пористый известняк, и лишь для Новомордовских и Ананьинских стел использовался тяжелый и плотный камень. Единственная находка стелы из плотного песчаника происходит из Ильичевского могильника.

Все известные изваяния изготовлены из местного сырья, из месторождений правобережий Волги и Камы. Технология их изготовления не известна. О наличии у ананьинцев значительного опыта по обработке камня свидетельствуют находки пряслиц, строительство ящиков и крепид (Чижевский А.А., 2002, с.12,16,18). Можно отметить наличие в постмаклашеевской культуре металлических тесел подтреугольной в сечении формы, следы от которых зафиксированы на плитах обкладки каменных ящиков Мурзихинского II и Ананьинского могильников. В ходе изготовления стел использовались: подтеска – для придания общей формы изваянию; шлифовка – для обработки лицевой и боковых поверхностей, при этом тыльная и нижняя части не шлифовались; гравировка – для нанесения изображений. Время, затрачиваемое на изготовление одной стелы, учитывая качество камня и существующие инструменты, могло составлять, по свидетельству скульптора В.А.Демченко, 6–7 дней.

ИКОНОГРАФИЯ СТЕЛ

Иконография, т.е. визуально воспринимаемый образ стел, определяется антропоморфностью их облика. Антропоморфные элементы каменных изваяний характеризуются выразительно оформленным закруглением верхней части и массивным основанием (Халиков А.Х., 1963, с.188; Членова Н.Л., 1988, с.5). Действительно, общий силуэт постмаклашеевских изваяний напоминает фигуру стоящего человека, но без четко выделенных дополнительных черт, таких как прорисовка лица и рук.

Большее разнообразие наблюдается в конструкции нижней части стелы. Погруженная в землю, она была скрыта от наблюдателя и являлась менее значимой, чем ее верхняя часть. Именно закругленность верхней части изваяний и ско-

шенность боковых стенок придавали стелам сходство с человеческой фигурой. Об антропоморфности ананьинских стел косвенно свидетельствует форма изваяний более позднего – скифского времени. Они представляют собой четырехгранные столбы и плиты с отчетливо выделенной головой и плечами. Здесь прорисованы даже те части тела, которые игнорировались в более ранний период – это лицо и руки. Верхняя часть головы оформлена в форме полукруга, который постепенно переходит в овал с прорисованным на нем лицом. На ананьинских изваяниях также присутствует закругление верхней части стел, которое, очевидно, может отождествляться с изображением верхней части головы.

Обратимся, однако, к более раннему хронологическому периоду, синхронному или же несколько более раннему, чем ананьинское. В этой связи интересны упоминания об оленных камнях Центральной Азии, которые несут на себе изображения человеческого лица. Это прежде всего камень № 14 из Ушкийн-Увэра. Покрытый по всей поверхности изображениями оленей, он имеет выбитое в его верхней части изображение человеческого лица. Исследователь изваяния на основе анализа его формы однозначно считает, что в «основе семантики оленных камней лежит антропоморфный образ» (Волков В.В., 1975, с.84, рис.3), который передан в условной манере. И в этом случае налицо закругленность верхней части, известная по ананьинским изваяниям. Таким образом, такой конструктивный элемент как закругленное завершение верхней части у оленных камней и скифских каменных изваяний трактовался примерно одинаково: он передавал закругленность человеческой головы. Данная деталь стала в технике изготовления ананьинских изваяний определяющей.

Несколько в стороне находятся камни типа 2, которые менее схожи с человеческой фигурой, но и они сохраняют такой важный показатель как приоритет широких сторон (то есть ориентированность широкой стороны к могильному ряду). По простоте своего оформления, отсутствию закругленности верхней части, несхоженности боковых граней и отсутствию изображений стелы типа 2 выглядят более архаичными, чем стелы типа 1, которые, вероятно, являются производными от них. Об этом свидетельствует также находка подобной стелы на раннем Ильичевском могильнике (XI–IX вв. до н.э.) и обнаружение их в ранней части Мурзихинского II могильника, синхронной Ильичевке.

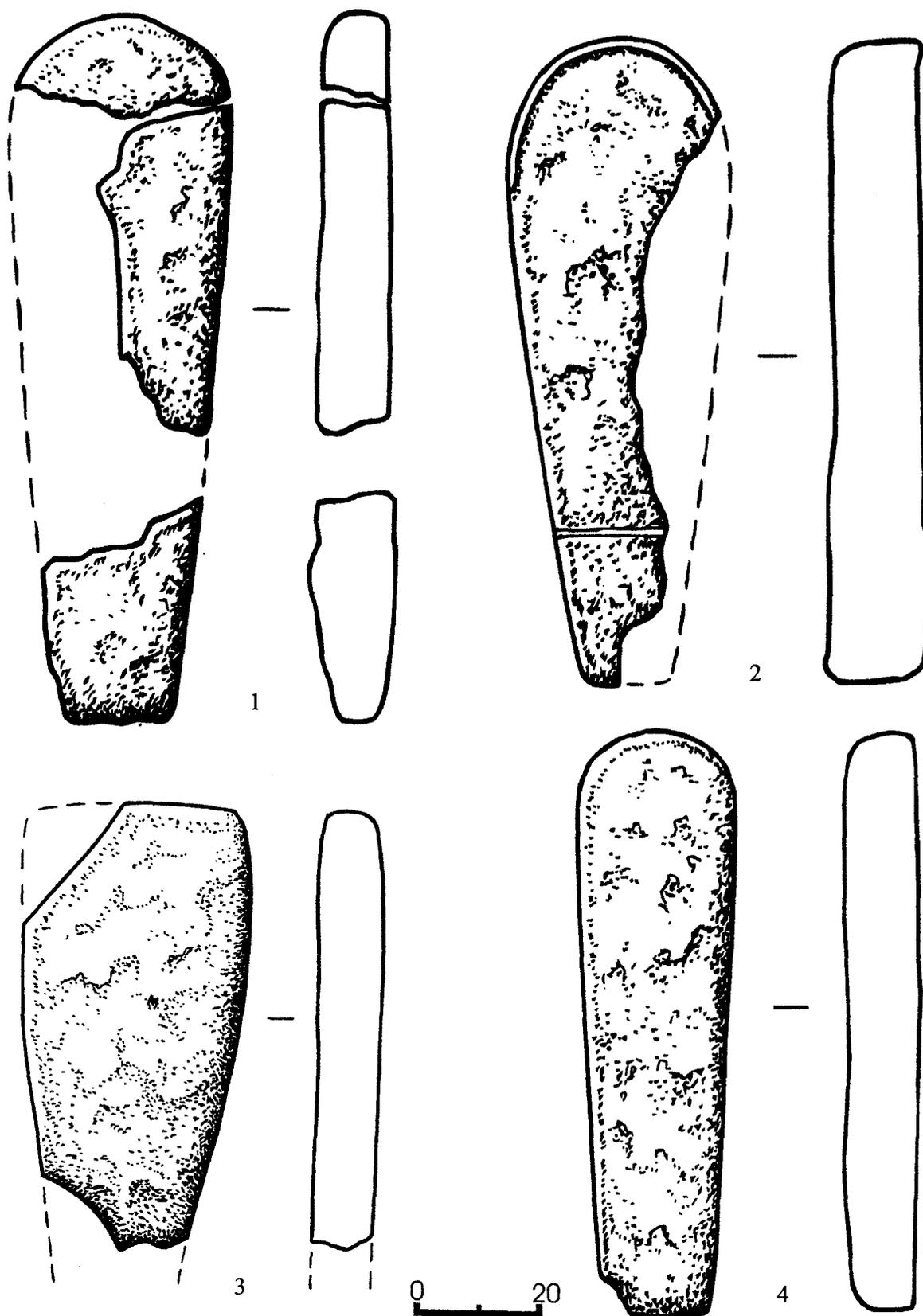

Рис. 5. Стелы Новомордовского I (1,2,4) и Измерского VII могильников (3). 1 – стела 11; 2 – стела 7; 3 – стела 2; 4 – стела 10

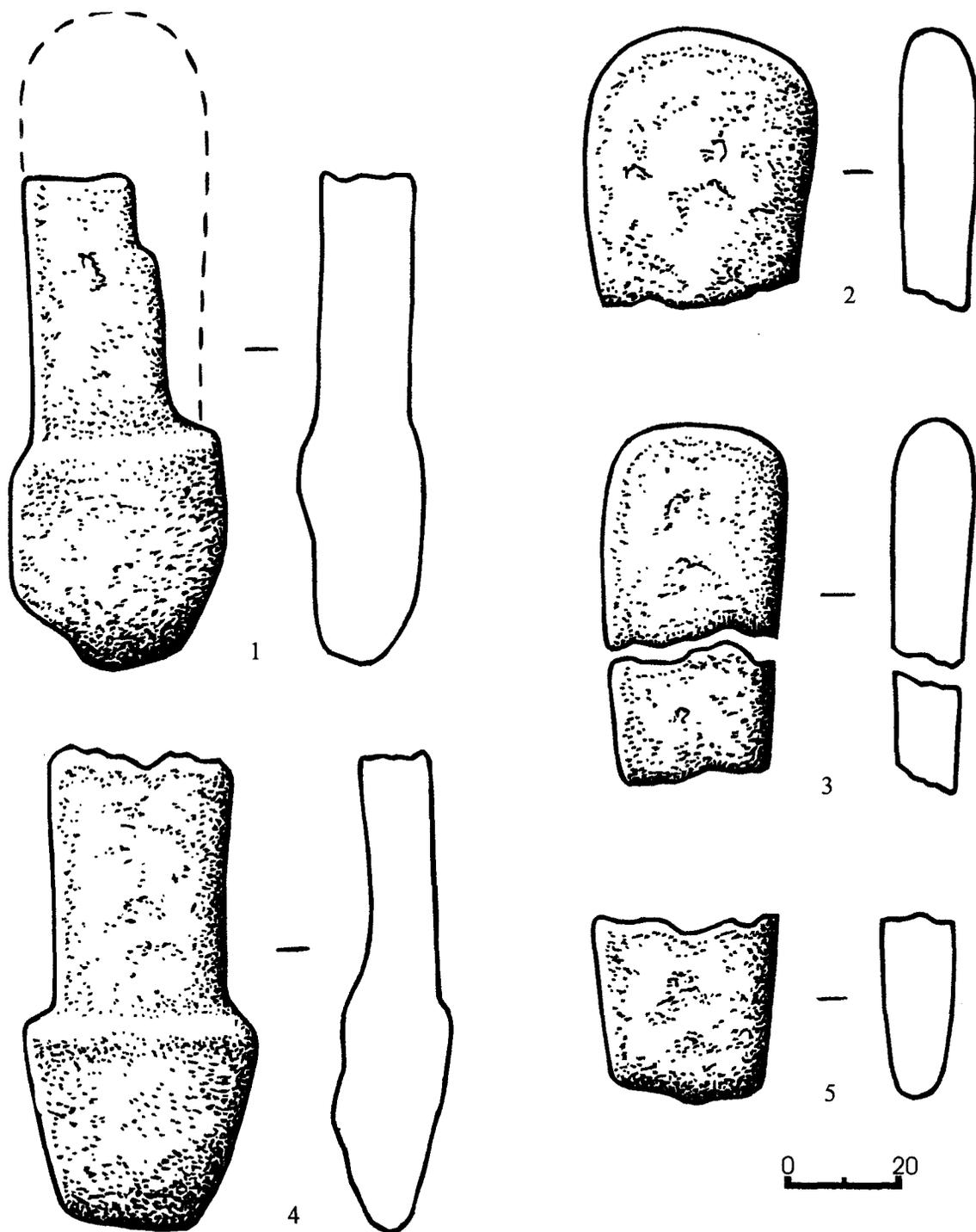

Рис. 6. Стелы Тетюшского могильника. 1 – стела 1; 2 – стела 3; 3 – стела 4; 4 – стела 2; 5 – стела 6

Передача антропоморфного облика стелам осуществлялась очень простыми средствами, скупыми штрихами. Человекоподобная фигура изображена как бы намеком, что свидетельствует об устойчивой сакральной традиции. В связи с этим интересны этнографические параллели. Простота изображения идола в облике человека присуща обским уграм до последнего времени. Они изго-

тавливали их из чурки или доски, на них вырезались личины и не делались «попытки изобразить хребет или части тела», причем верхнюю часть изображали зауженной кверху, закругленной или же плоской, а нижняя часть наземной половины зауженной (Карьялайнен К.Ф., 1995, с.44, рис.16) Многие из этих конструктивных элементов наблюдаются и на ананьинских стелах.

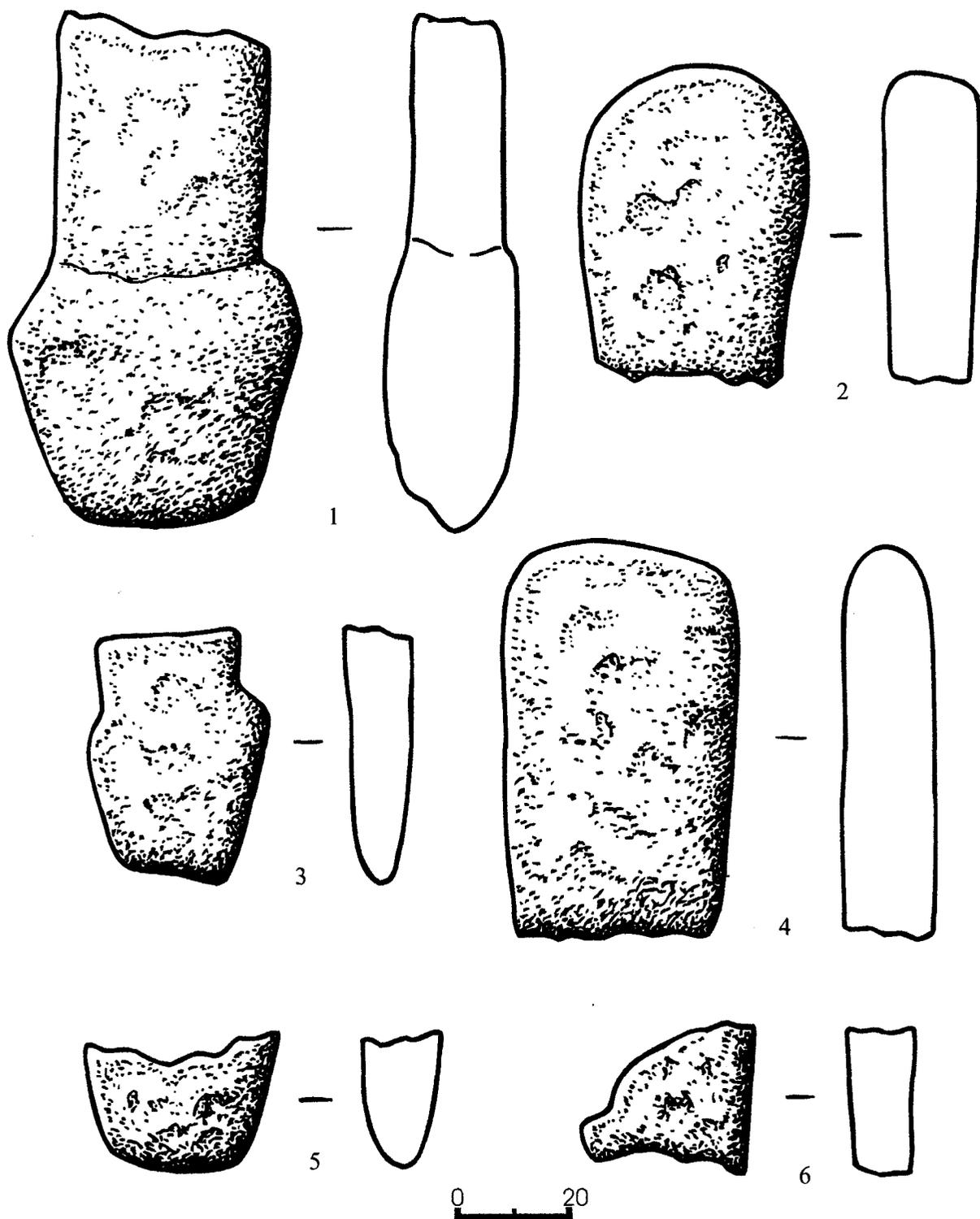

Рис. 7. Стелы Тетюшского могильника. 1 – стела 5; 2 – стела 9; 3 – стела 7; 4 – стела 10; 5 – стела 8; 6 – стела 11

Итак, имеющиеся данные подтверждают тот факт, что ананьинские стелы изображали человека или человекоподобную фигуру. Это тем более очевидно, что, в отличие от оленных камней Евразии, на них никогда не изображены оле-

ни и сцены с участием других животных, которые позволяют некоторым исследователям видеть неоднозначность данных изваяний. В этом ряду атрибуция их как изображений человека, фаллоса, рыбы и т.д. (Ольховский В.С., 1989,

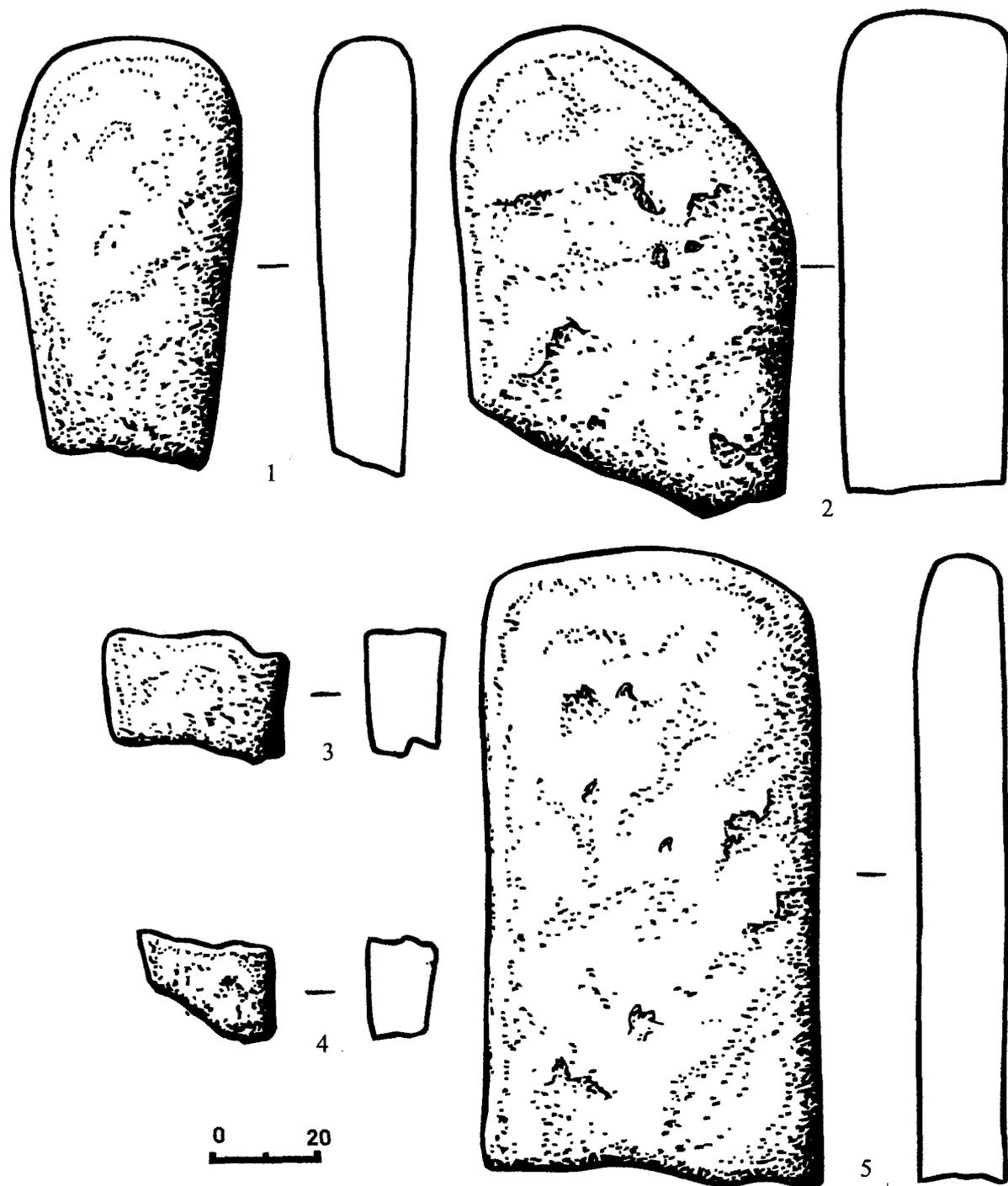

Рис. 8. Стелы Тетюшского (1,3,4), Измерского VII (2) и Новомордовского VIIIa (5) могильников. 1 – стела 14; 2 – стела 5; 3 – стела 12; 4 – стела 13; 5 – стела 1

с.54; Кызласов Л.Р., 1978, с.27–29; Членова Н.Л., 1962, с.30). Конечно, образ, воплощенный в ананьинских стелах, не является настолько явным, чтобы можно было говорить о полном человекоподобии данных камней, и здесь, вероятно, присутствует ряд причин, которые позволяют говорить о более широком понимании древними

смысла этих изваяний, изображающих не просто человека, а нечто большее. Нечто, имеющее определенную связь с человеческим образом, но уже утратившее большую часть его функций.

Топографика предметного репертуара, представленного на изваяниях, фронтальна, т.е. размещение предметов на них определялось тем,

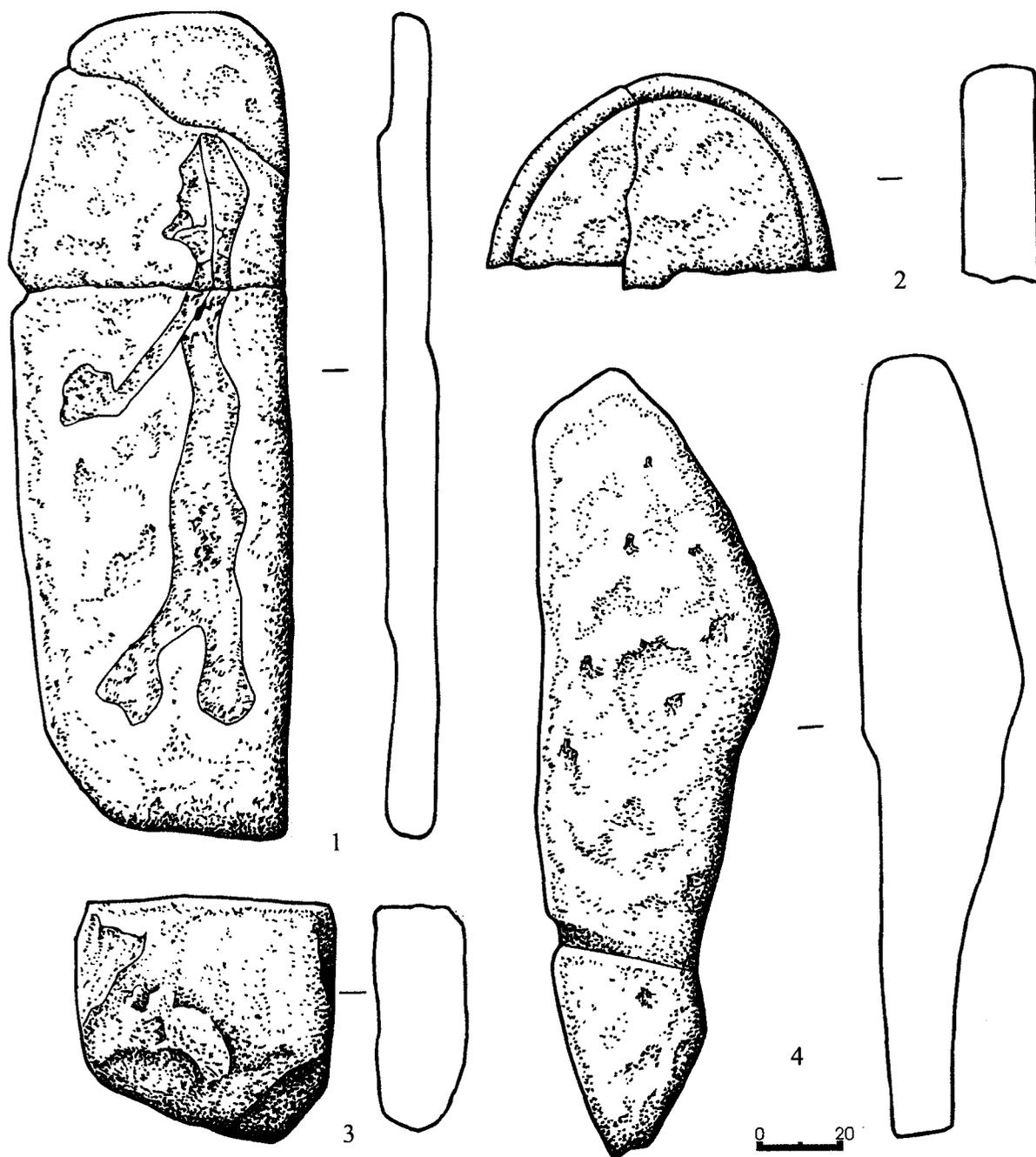

Рис. 9. Стелы Измерского VII (1,2,4) и Мурзихинского II (3) могильников. 1 – стела 1; 2 – стела 4; 3 – стела 11; 4 – стела 3

что стелы предназначались для просмотра в одной проекции со стороны лицевой части. Хотя в качестве исключения можно привести два случая размещения предметов как на лицевой, так и боковой сторонах.

Необходимо напомнить, что большая часть ананьинских стел не имеет изображений, и они не являются обязательными символами антропоморфной фигуры.

ПРЕДМЕТНЫЙ РЕПЕРТУАР ИЗОБРАЖЕНИЙ СТЕЛ

На лицевой стороне стел типа 1 встречаются изображения, выполненные в технике рельефа, койланогрифа (контррельефа) и граффито. Рельефом выполнены изображения оружия: топоров, кинжалов, мечей, молотов. В этой же технике исполнен и арковидный бордюр, который размещен

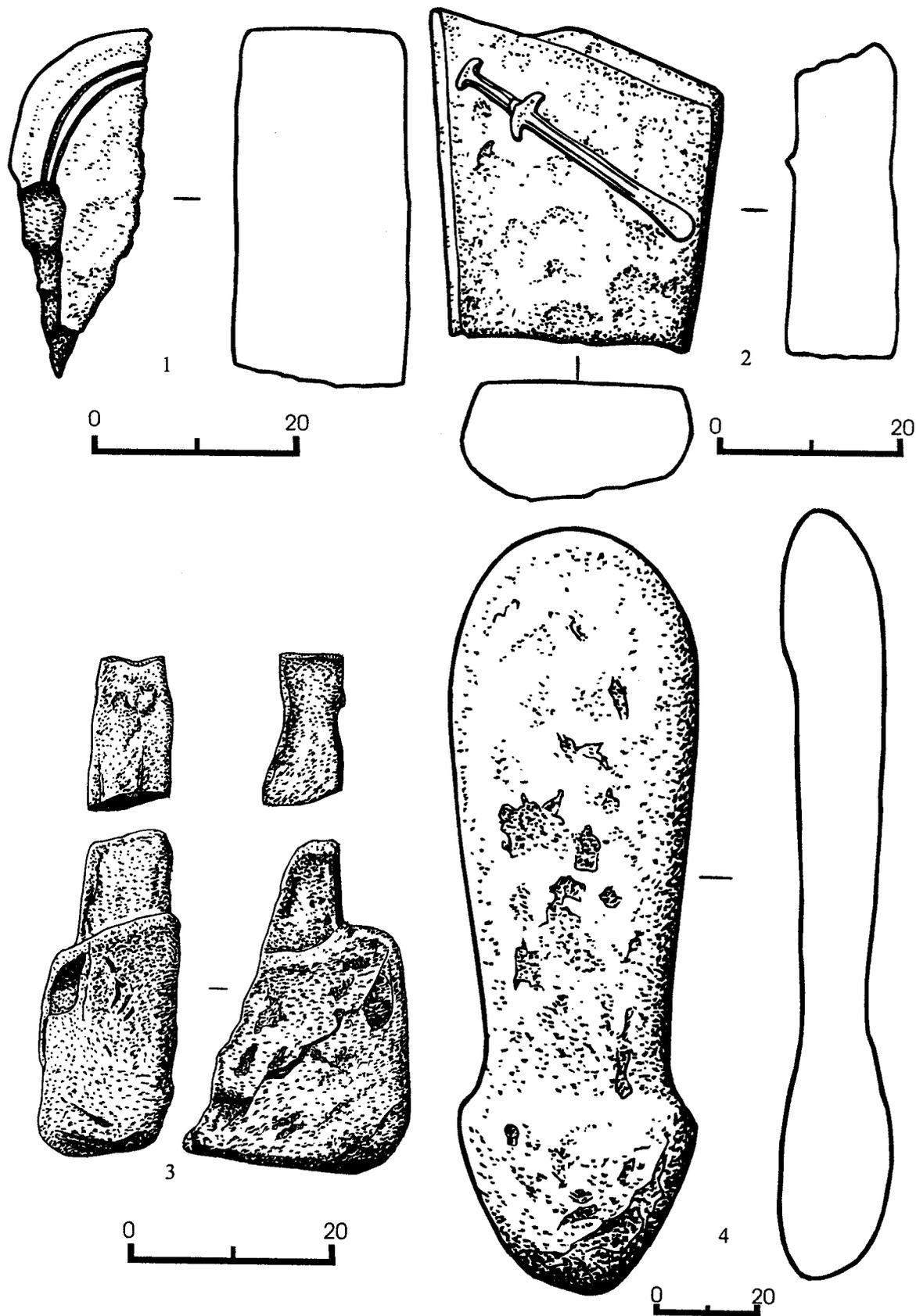

Рис. 10. Стела Пустоморквашинского (1), Мурзихинского I (IV) (2,3) и Мурзихинского II могильников (4). 1 – стела 1; 2 – стела 1; 3 – стела 2; 4 – стела 1

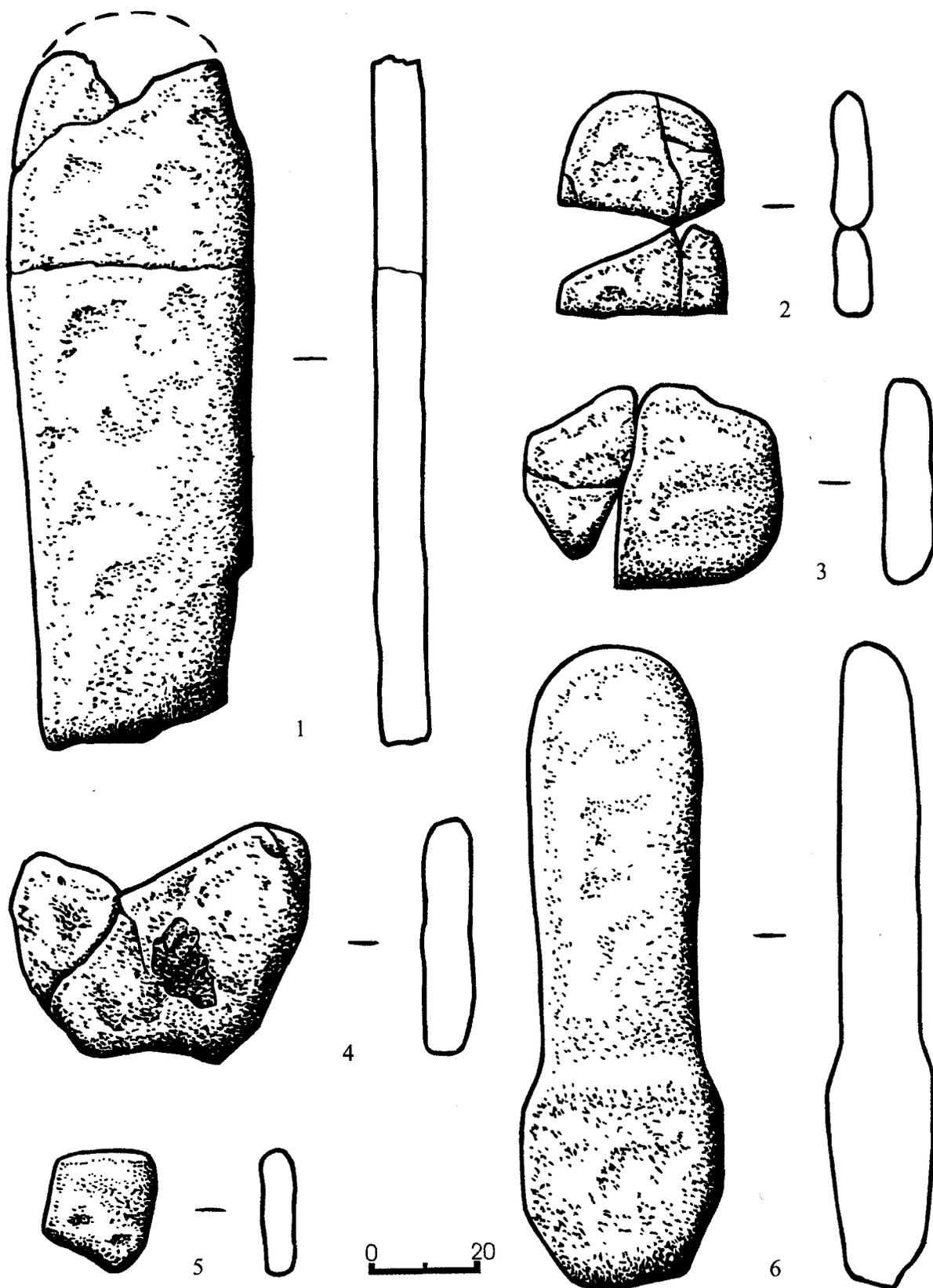

Рис. 11. Стелы Измерского VII (1) и Мурзихинского II могильников (2-5). 1 – стела 7; 2 – стела 7; 3 – стела 4; 4 – стела 8; 5 – стела 9; 6 – стела 35

в верхней части стелы. Койланогрифом выполнены подтреугольные и каплевидные изображения, которые располагались под кинжалами и мечами. Техниккой граффито нанесены одиночные изображения креста, незавершенной восьмерки и пояска из зигзага, заключенного между двумя прямыми линиями.

Предметы вооружения изображены, как правило, в центральной части плиты, причем кинжалы выбиты по диагонали к вертикальной оси камня (рис.3,3,4;4,1,3,4;10,2;14,1,3;15,1,2), «возможно заткнутыми за пояс» (Членова Н.Л., 1988, с.5). В одном случае подобным же образом передан топор (рис.15,4). Топоры и каменные молоты помещались ниже кинжала рукоятью вниз, «подвешенными к поясу» (рис.3,4;4,3,4), либо выше него, может быть, зажатыми в правой руке (рис.4,1) (Членова Н.Л., 1988, с.5). К последнему случаю относится также изображение топора без кинжала, когда предмет нанесен в верхней части плиты (рис.15,3).

Изображения мечей и кинжалов обычно сопровождалось подтреугольными и каплевидными вдавлениями, размещенными под лезвием (рис.4,1,4;14,1,2;15,1). И если изображения оружия тракуются исследователями достаточно прямо, то содержание данных рисунков долгое время не комментировалось вовсе³. Для осознания смысла, вкладываемого в этот сюжет, необходимо привлечь данные смежных дисциплин, и прежде всего мифологии. У народов Европы широко распространены сказания о мече, заключенном в камне или вонзенном в землю (Сказания ..., 1963, с.6; Чеченские..., 1981, с.168; Шкунаев С.В., 1991, с.61; Чувашские ..., 1993, с.92). Меч является проводником между миром живых и миром духов (Гемуев И.Н., 1990, с.89) и одновременно воплощает в себе душу умершего человека, заключает в себе часть его существа (Пропп В.Я., 1984, с.204). Наиболее распространенным является сюжет о том, как под влиянием различных причин вонзенный меч или кинжал начинает истекать кровью, тем самым отражая ситуации, связанные со смертельной опасностью для героя (Чеченские ..., 1981, с.146; Пропп В.Я., 1984, с.204; Три голубя, 1990, с.242). Не вдаваясь глубоко в эту проблему, заслуживающую специального исследования, отмечу, что и

оружие, и кровь на нем являются символами смерти и опосредованно связаны с землей и камнем. Возможно, данные сюжеты являются отражением представлений о надгробных и/или мемориальных камнях, на которых изображались мечи и капающая с них кровь. Тем самым мы вплотную приблизились к разгадке сюжета, изображенного на постмаклашеевских стелах, которые сопровождалось изображением кинжалов и все тех же подтреугольных и каплевидных вдавлений, вероятно, символизировавших собой капающую с оружия кровь.

Изображения доспеха на постмаклашеевских изваяниях не зафиксированы, хотя среди предметов погребального инвентаря ананьинской КИО известны щиты и крупные бляхи, использовавшиеся в качестве защитного вооружения.

ПЛАНИГРАФИЯ И НАЗНАЧЕНИЕ ИЗВАЯНИЙ

Как уже отмечалось, стелы располагаются в межмогильном пространстве в 1–6 м от могильных рядов. Наиболее полно планиграфия постмаклашеевских могильников прослежена на Мурзихинском II могильнике. На этом памятнике стелы располагались между могильными рядами, образуя три ряда изваяний, которые находятся между четырьмя рядами погребений. Таким образом, использование стел как надмогильных камней было невозможным. Соответственно необходимо искать другое объяснение назначению этих изваяний. Вопрос о назначении стел и их роли в погребальном ритуале у постмаклашеевцев очень сложен. Для его решения необходимо привлечь данные этнографических источников и особенно материалы по этнографии финно-угорских народов, предками которых были носители культур ананьинской КИО.

Свидетельства наличия у хантов и манси каменных изваяний имеется у П.С.Палласа (1776, с.332). Угорские народы считали эти изваяния вместилищем духов, причем обожествляли как грубо высеченные изображения, так и природные камни, имеющие сходство с человеческой фигурой (Карьялайнен К.Ф., 1995, с.34). Однако наиболее распространенной формой изображения духов у этих народов были изображения из дерева как в виде простых столбов, так и достаточно сложные фигуры в виде толстых обтесанных досок с приостренными,

³ В.С.Ольховский в частной беседе предложил соотнести данные значки с изображением позвонника.

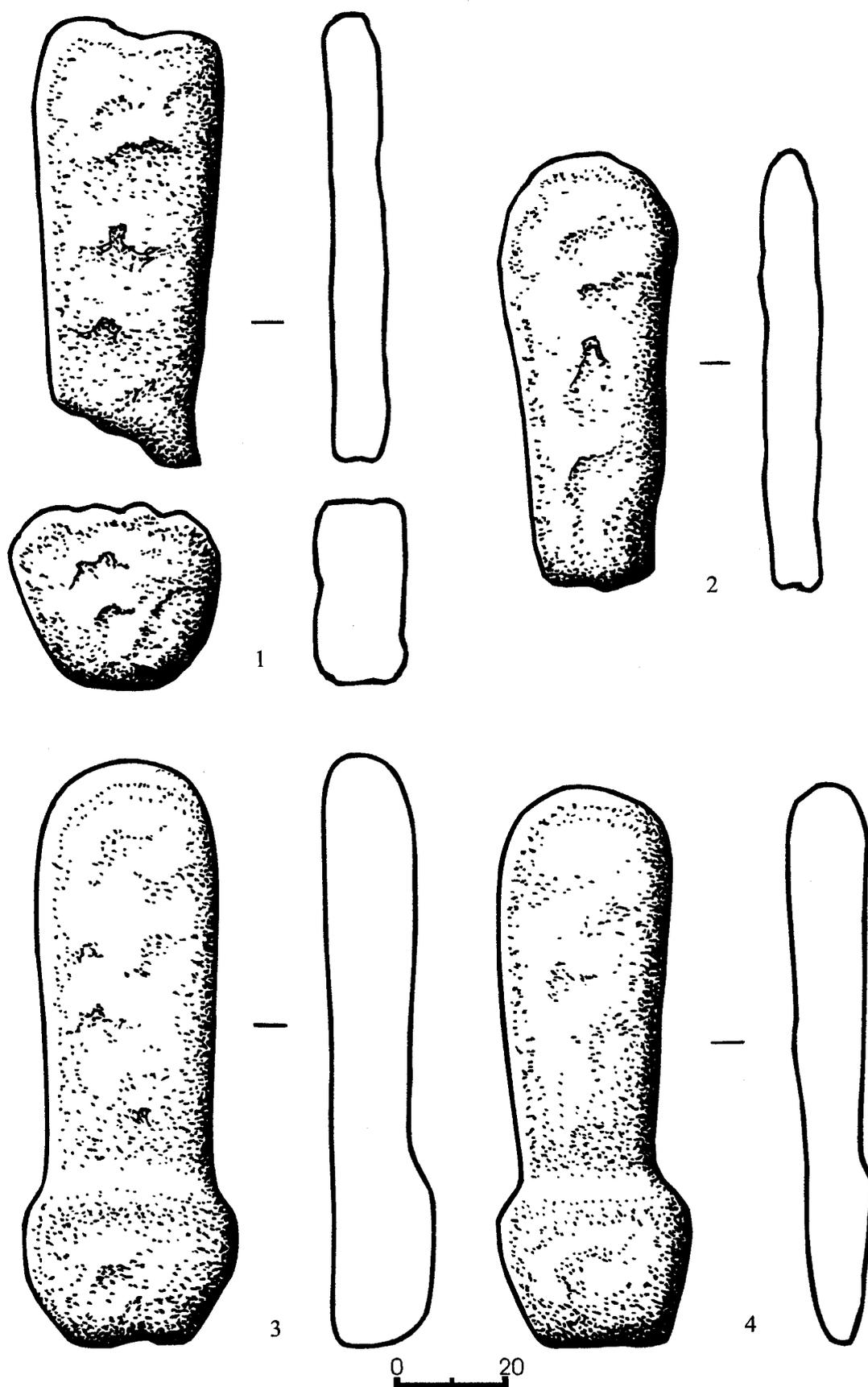

Рис. 12. Стелы Мурзихинского II могильника. 1 – стела 13; 2 – стела 14; 3 – стела 33; 4 – стела 34

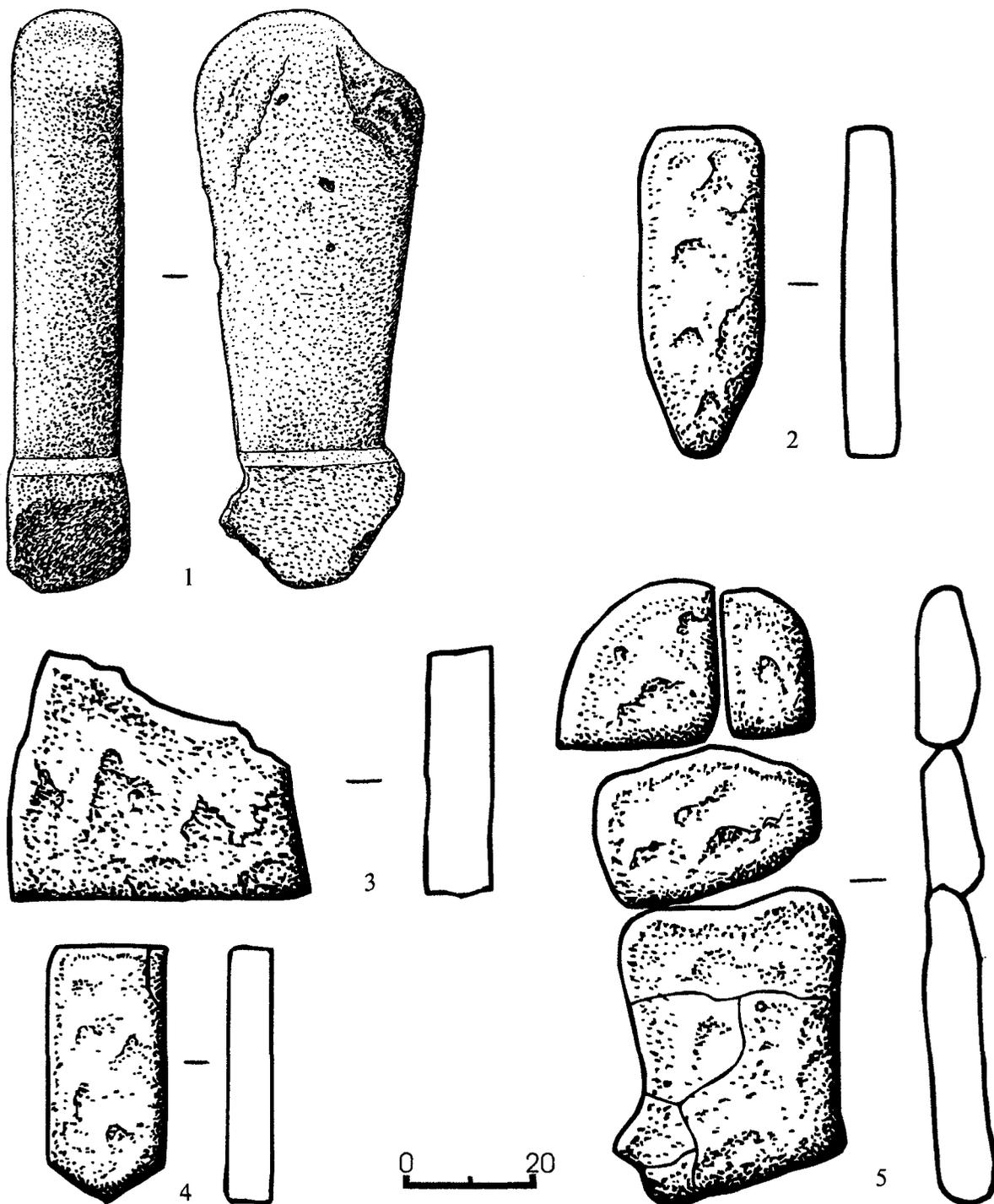

Рис. 13. Стелы Измерского VII (3) и Мурзихинского II (1,2,4,5) могильников. 1 – стела 19; 2 – стела 15; 3 – стела 6; 4 – стела 16; 5 – стела 17

плоскими и полукруглыми завершениями верхней части (Карьялайнен К.Ф., 1995, рис.16, 28). Изображения духов устанавливались на священных местах, которые чаще всего располагались на древних поселениях и кладбищах, «потерявших свое прежнее значение, но сохранивших в памяти народа славу в качестве мест

стопребывания теней мертвых» (Карьялайнен К.Ф., 1995, с.65,66).

Данные аналогии позволяют отождествить постмаклашеевские стелы с изображениями духов, которые устанавливали на священном родовом кладбище. А.Х.Халиков (1963, с.188) считал, что стелы ставили в честь военных вождей

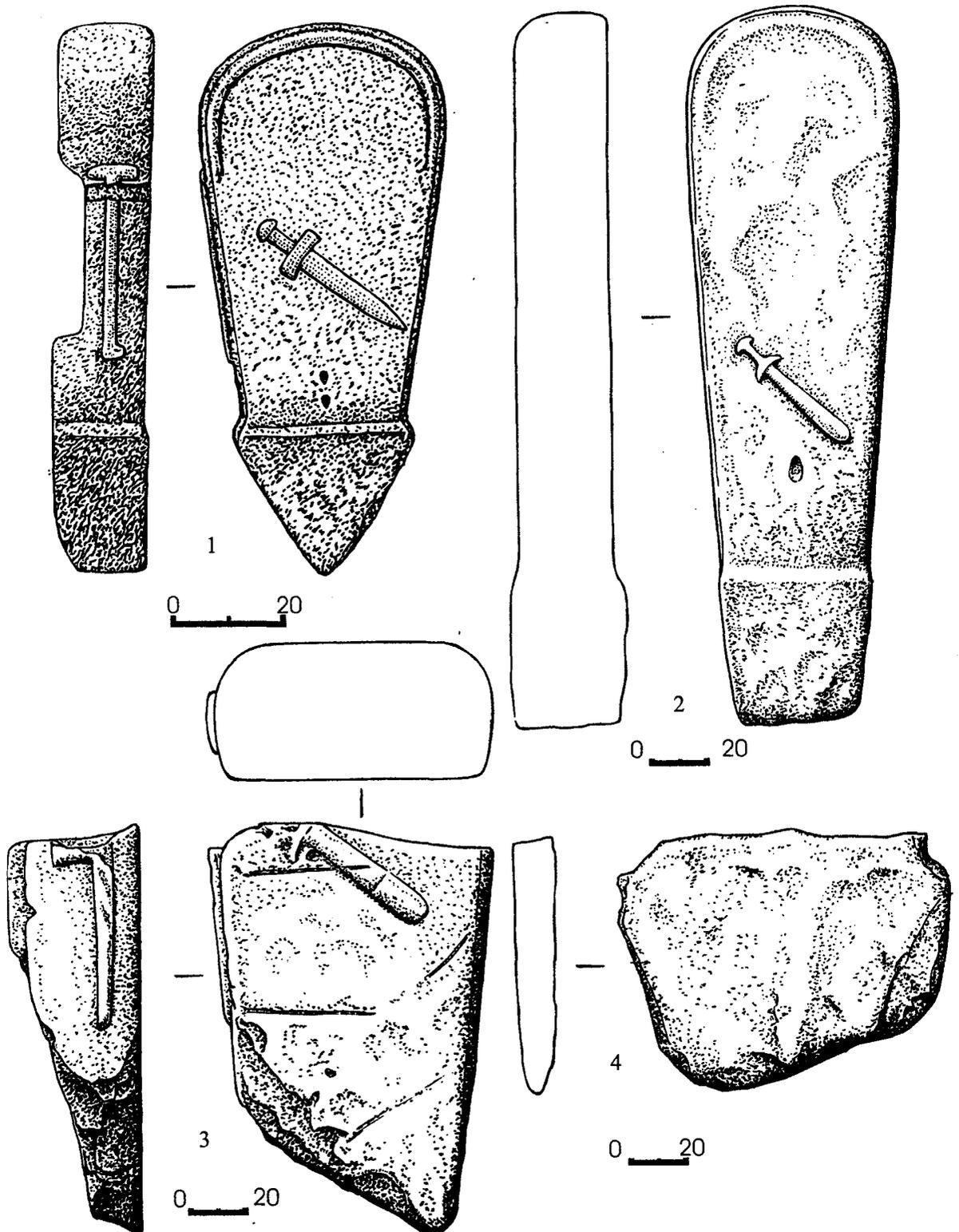

Рис. 14. Стелы Мурзихинского II могильника. 1 – стела 22; 2 – стела 30; 3 – стела 32; 4 – стела 29

как напоминание об их выдающемся военном положении. Это мнение не противоречит данным этнографии, согласно которым умерший человек может стать духом, особенно если этот

человек при жизни был героем (Карьялайнен К.Ф., 1995, с.159). Тут необходимо процитировать В.Я.Проппа (2001, с.99), который считал, что резные изображения из дерева и глины (в

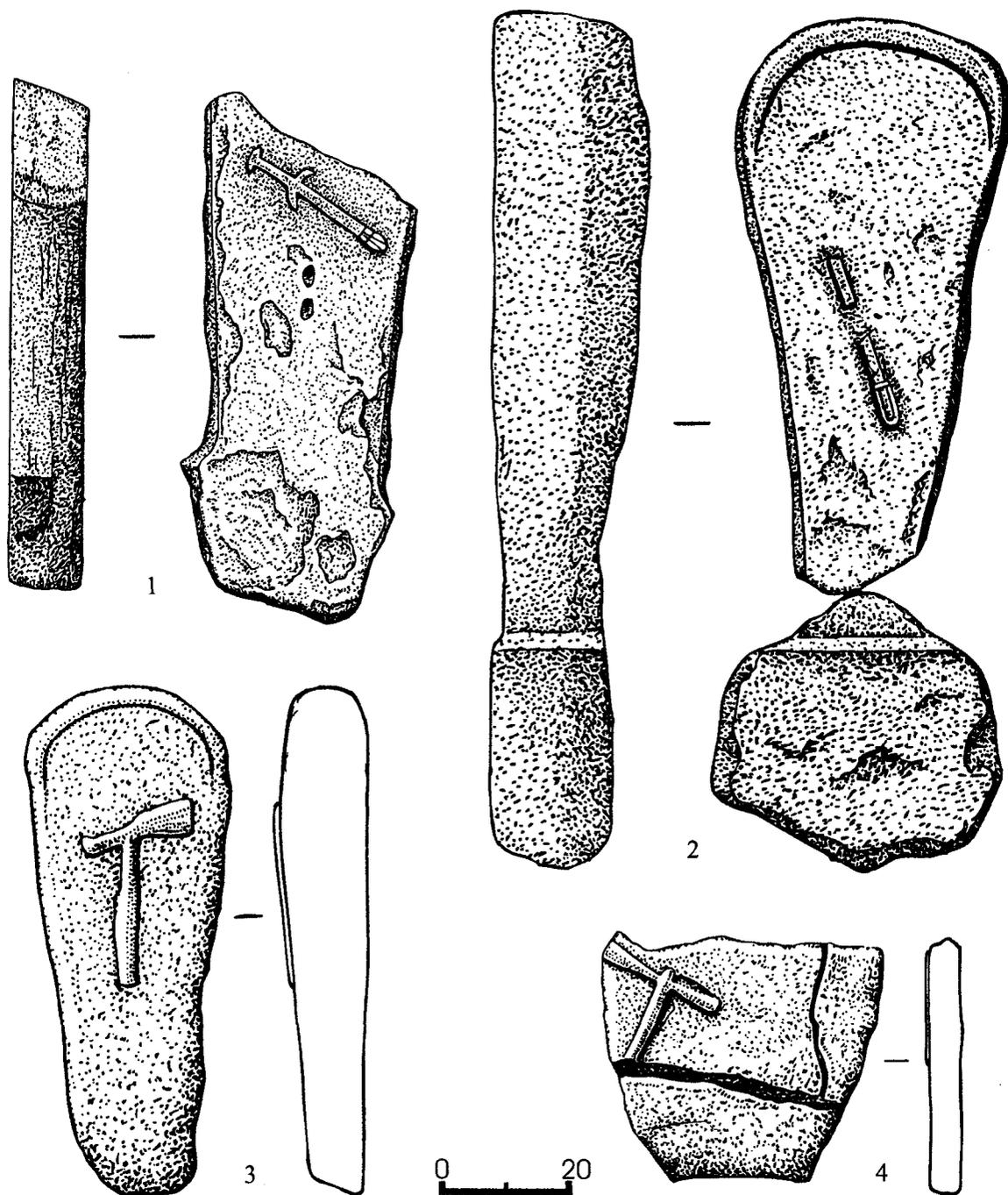

Рис. 15. Стелы Мурзихинского II могильника. 1 – стела 20; 2 – стела 23; 3 – стела 18; 4 – стела 12

нашем случае из камня), связаны с культом предков и первых людей, а камни могли быть вместилищами «силы или души человека». Сфера деятельности духов у финно-угров охватывала все области жизни, но основная их цель – оберег человека, защищать его от вредоносных сил. Духи, обитающие на священных местах, оберегали их от человека; особенно опасным было присвоение собственности духа (Карьялайнен К.Ф., 1995, с.67).

Расположение постмаклашеевских стел в междурядьях, а не над могилами подчеркивает эту защитную функцию изваяний, а также свидетельствует об их разделительной функции: они отделяют ряды могил друг от друга. В этой связи необходимо провести аналогии с оленными камнями, которые несли особые «магически-охранительные» функции (Вайнштейн С.И., 1974, с.32).

Рядом со стелами фиксируются остатки ритуальных действий в виде зубов и фрагментов

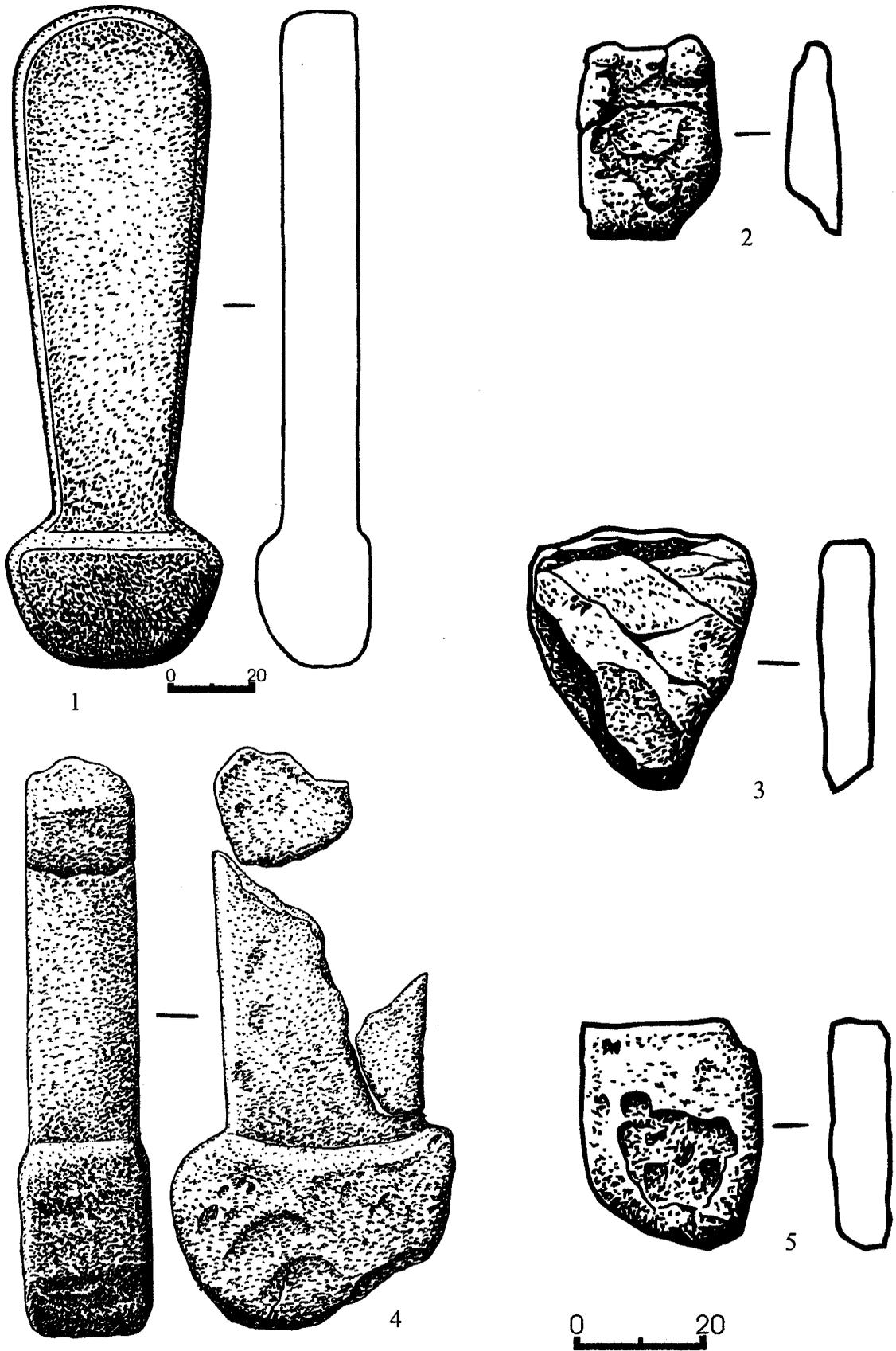

Рис. 16. Стелы Мурзихинского II могильника. 1 – стела 24; 2 – стела 10; 3 – стела 2; 4 – стела 21; 5 – стела 3

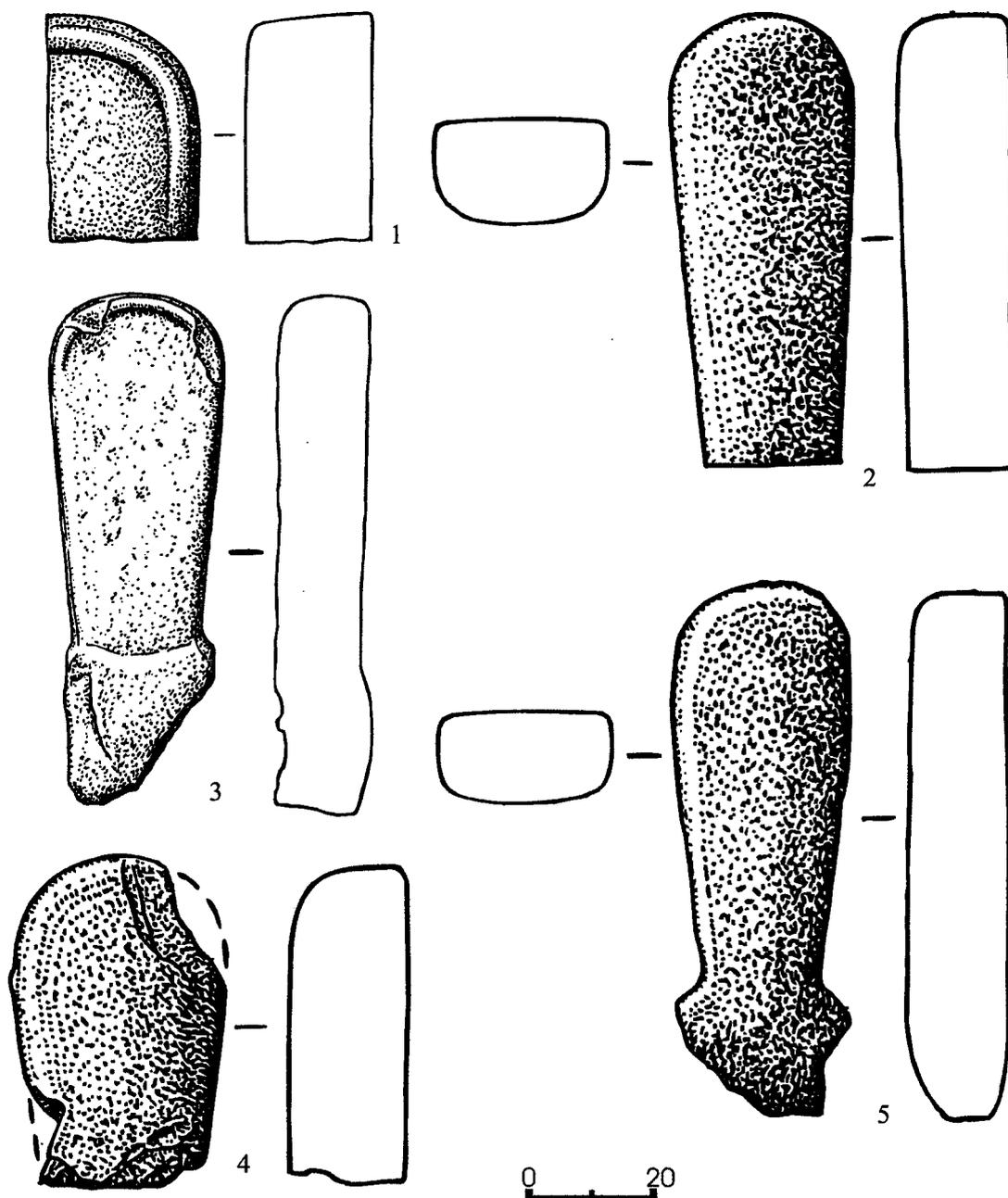

Рис. 17. Стелы Мурзихинского II могильника. 1 – стела 27; 2 – стела 28; 3 – стела 31; 4 – стела 25; 5 – стела 24

черепов животных (лошадь, крупный рогатый скот, медведь), фрагментов разбитой керамики.

ДАТИРОВКА СТЕЛ

Наиболее ранней датой установки волго-камских изваяний является эпоха финальной бронзы. Об этом свидетельствует находка стелы на Ильичевском могильнике (рис.2,1) маклашеевской культуры XI–IX вв. до н.э. Стелы

подобного типа обнаружены, кроме того, на Мурзихинском II могильнике рядом с погребениями маклашеевского времени и Измерском VII могильнике, также содержащем погребения финала бронзового века (рис.5,3;13,2,4). Все они принадлежат к стелам типа 2, которые являются, вероятно, самой ранней формой каменных изваяний в Волго-Камье и могут быть отнесены к эпохе перехода от бронзового века к железному, т.е. к IX в. до н.э.

Таблица 1. Изображения на ананьинских стелах. 1 – топор; 2 – кинжал; 3 – каменный молот; 4 – треугольники; 5 – пояс; 6 – бордюр; 7 – крест; 8 – незавершенная восьмерка

№	Название	1	2	3	4	5	6	7	8
1	Новомордовский м-к, стела № 1	x	x		x		x	x	
2	Новомордовский м-к, стела № 2	x	x		x		x		
3	Новомордовский м-к, стела № 3	x	x						
4	Новомордовский м-к, стела № 4		x	x			x		x
5	Новомордовский м-к, стела № 5					x			
6	Новомордовский м-к, стела № 6		x				x		
7	Новомордовский м-к, стела № 7						x		
8	Новомордовский м-к, стела № 11						x		
9	Мурзихинский II м-к, стела 12	x							
10	Мурзихинский II м-к, стела 18	x					x		
11	Мурзихинский II м-к, стела 20		x		x		x		
12	Мурзихинский II м-к, стела 22		x	x	x		x		
13	Мурзихинский II м-к, стела 23		x				x		
14	Мурзихинский I м-к, стела 1		x						
15	Мурзихинский I м-к, стела 27						x		
16	Мурзихинский II м-к, стела 30		x		x				
17	Мурзихинский II м-к, стела 31						x		
18	Мурзихинский II м-к, стела 32	x	x						
19	Пустоморквашинский м-к, стела 1						x		
20	Тетюшский м-к, стела № 1 1980 г.		x		x		x		
Е		5	10	2	5	1	12	1	1

Датировка стел эпохи раннего железа определялась по изображенным на них предметам и погребальным комплексам могильников. Одной из наиболее многочисленных категорий изображений являются кинжалы (табл.1). А.Х.Халиков (1963, с.184,185) выделял три типа кинжалов среди изображений Новомордовских стел, в дальнейшем он отнес третий тип, «короткие кинжалы с полукруглым навершием и коротким перекрестием, с опущенными приостренными краями», к кинжалам типа I-1-а, т.е. к изображениям кинжалов типа 2 (Халиков А.Х., 1977 с.159).

1 тип изображений кинжалов – с грибовидным навершием и прямым перекрестием (стела № 1 Новомордовского I и стела № 1 1980 г. Тетюшского могильников) (рис.4,1). Данные изображения наиболее близки к биметаллическим кинжалам т.н. кабардино-пятигорского типа, известного по многочисленным находкам на Северном Кавказе (Иессен А.А., 1953, с.75, 76; Крупнов Е.И., 1960, с.201–203), в Поднепровье и Венгрии (Тереножкин А.И., 1961,

с.137; Török Guyla, 1950, табл.III–IV), где они датируются ранним черноморским временем, 1 пол. IX – сер. VIII в. до н.э. или даже 2 пол. VIII – 1 пол. VII в. до н.э. (Дударев С.Л., 1993, с.33; Козенкова В.И., 1995, с.52–55; Таиров А.Д., 2002, с.194–196). Подобный меч изображен на оленем камне из Большого Гумаровского кургана и датируется автором раскопок началом VII в. до н.э. (Исмагилов Р.Б., 1988, с.45). Однако А.А.Ковалев (2000, с.162) относит это изваяние ко 2 пол. VIII в. до н.э. На памятниках ананьинской КИО кинжалы этого типа появляются в самом начале раннего железного века – как привозные, так и подражания им (Кузьминых С.В., 1980, с.127–133; Розанова Л.С., Терехова Н.Н., 2003, с.43–45). Исходя из вышесказанного, вслед за А.Д.Таировым (2002, с.199), кинжалы первого типа, изображенные на постмаклашевских стелах, датируются мною в пределах IX–VIII вв. до н.э.

2 тип изображений кинжалов (рис.3,3,4; 4,3,4;10,2;14,1–3;15,1,2) – с грибовидным на-

вершием и изогнутым «луновидным» переkreтием (стелы №№ 2,3,4,6 Новомордовского I; стела № 1 Мурзихинского I; стелы №№ 20,22, 23 Мурзихинского II могильников). Кинжалы этого типа также относятся к кабардино-пятигорским и датируются в пределах VIII–VII вв. до н.э. (Виноградов В.Б. и др., 1980, с.196; Савинов Д.Г., Членова Н.Л., 1980, с.10) или же 750–650 гг. до н.э., т.е. новочеркасским временем (Тереножкин А.И., 1976, с.112,114,123,208). Биметаллические кинжалы данного типа известны и в могильниках АКЮ, где они датируются 2 пол. VIII – VII в. до н.э. (Халиков А.Х., 1977, с.165,166; Кузьминых С.В., 1983, с.127,128). Таким образом, изображения кинжалов 2 типа датируются, вероятно, в пределах 2 пол. VIII – VII в. до н.э.

Во многом эту дату установки каменных стел подтверждают изображения топоров с четырехлепестковыми розетками (рис.4,1,4), изображающими ромбовидный значок новочеркасского времени сер. VIII – сер. VII в. до н.э. – стелы №№ 1, 2 Новомордовского I могильника (Тереножкин А.И., 1977, с.174). Этим же периодом датированы изображения цилиндрических молотков на стелах № 22 Мурзихинского II и № 4 Новомордовского I могильников (рис.14,1,3) (Тереножкин А.И., 1977, с.140,141).

На пяти стелах сочетаются изображения меча и кинжала, что позволяет скорректировать дату установки этих изваяний. Изображенные на стеле № 1 Новомордовского I могильника кинжал 1 типа и топор с ромбовидным значком позволяют определить дату установки этого изваяния в пределах середины – 2 пол. VIII в. до н.э. Датировка остальных четырех изваяний не столь узка, изображенные на них предметы датируются в пределах сер. VIII – сер. VII в. до н.э. Это стелы №№ 22, 32 Мурзихинского II, а также №№ 2, 4 Новомордовского могильников (рис.3,4;4,4;14,1,3).

Наиболее поздними изваяниями являются стелы №№ 12,18 Мурзихинского II могильника (рис.15,3,4). Изображенный на стеле № 18 топор наиболее близок к железным топорам-чеканам с выпуклой спинкой тип I-A, датированных концом VIII–VI вв. до н.э. (Халиков А.Х., 1977, с.177). Рисунок на стеле № 12 сопоставим с двулезвийными топорами-секирами (тип III по Халикову), которые датируется VI в. до н.э. (Халиков А.Х., 1977, с.179).

Таким образом, наиболее значительное количество изображений на стелах приходится на

сер. VIII – сер. VII в. до н.э. – время расцвета традиции установки постмаклашеевских стел. Предшествующие стелы ильичевского типа не имели изображений и представлены единичными экземплярами. Изображения конца VII–VI вв. до н.э. представлены лишь двумя экземплярами, что, вероятно, свидетельствует о постепенном затухании к VI в. до н.э. традиции установки каменных изваяний.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ТРАДИЦИИ УСТАНОВКИ КАМЕННЫХ ИЗВАЯНИЙ

На сегодняшний день не существует какой-либо устоявшейся точки зрения на пути формирования традиции установки ананьинских (постмаклашеевских) стел. А.Х.Халиков, исследуя Новомордовские стелы, доказал, что они не имеют истоков в местной среде. Анализируя широкий спектр каменных изваяний Евразии от Западной Европы до Монголии, он приходит к выводу о синхронности ананьинских стел с оленными камнями (Халиков А.Х., 1963, с.188,189).

В последние годы проблема появления стел ананьинского типа стала напрямую связываться с проблемой происхождения ананьинской культурно-исторической области, или, как считает ряд авторов, с проблемой непосредственного переноса традиции установки стел с миграцией какой-то группы иноэтничного населения. В этом ряду и идея прихода киммерийцев, завоевавших племена ананьинской культуры, а впоследствии ассимилированных ею (в качестве доказательства приводятся предметы материальной культуры) (Членова Н.Л., 1981) и гипотеза об «отколовшихся» скифах (Погребова М.Н., Раевский Д.С., 1992, с.202–227; Смирнов К.А., 1999, с.37–39). Однако все эти гипотезы страдают одним существенным недостатком – недооценкой хронологического фактора. Установлено, что стелы ильичевского типа появляются еще на могильниках маклашеевской культуры, т.е. в эпоху финальной бронзы, и соответственно не могут быть оставлены переселившимися скифами или киммерийцами.

Необходимо отметить, что у оленных камней и скифских стел есть элементы, которые позволяют их сблизить с постмаклашеевскими, равно как и элементы, отдаляющие их от волго-камских изваяний. Для более взвешенной оценки степени сходства проведем более подробный сопоставительный анализ.

Оленные камни и постмаклашеевские стелы

Элементы отличия: 1. У оленных камней соотношение высоты к ширине составляет 1:8 и 1:9, в то время как у постмаклашеевских стел совершенно иные пропорции (1:3). 2. Все волго-камские изваяния – это, прежде всего, плиты, а оленные камни, как известно, представляют собой в основной массе столбы и лишь некоторые из них имеют форму плит. 3. У оленных камней каждая из четырех граней покрыта изображениями, в то время как на волго-камских стелах изображения помещены на одной и – реже – на двух сторонах. 4. Практически все изображения на оленных камнях выполнены кайланогрифом, в то время как большая часть рисунков на постмаклашеевских стелах выполнена в технике рельефа.

Элементы сходства: 1. Неоднократно отмечалось, что оленные камни Евразии разделены по вертикали на три, реже две зоны. В качестве разграничителей выступают изображения поясов и ожерелья. Н.Л.Членова также выделяет у постмаклашеевских стел две зоны, разграниченные изображениями оружия (1988, с.5). Мнение о двучленности (двузональности) волго-камских стел подкрепляется формой значительной части изваяний (тип 1-Б), у которых верхняя часть отделена от нижней тонким перешейком, а нижняя – подземная – более массивна и выделена плечиками. 2. Вторым элементом, сближающим стелы с оленными камнями, является антропоморфность всей этой группы каменных изваяний (Ольховский В.С., 1991, с.63). 3. Наличие на оленных камнях Северного Кавказа изображений, выполненных техникой рельефа, также позволяет провести некоторые параллели с волго-камскими стелами. Изображения в рельефе прослежены на камнях из Усть-Лабинской, Зубовского хутора и Кызбуруна, а также из окрестностей оз.Марьинского (Членова Н.Л., 1984, с.8–16, рис.1,3,5). Кроме того, на оленном камне из Усть-Лабинской прослежены изображения треугольников, сходных с новомордовскими и выполненными техникой кайланогрифа. 4. Присутствие на некоторых волго-камских стелах граффито в виде косоугольного креста и незаконченной восьмерки. Эти сюжеты отмечены и на оленных камнях, что также говорит об известной близости изобразительных мотивов двух групп каменных изваяний (Кубарев В.Д., 1979, табл.ХIII). 5. Оленные камни азиатского региона устанавливались в жертвенно-поминальных комплексах, около херек-

суров курганов, постмаклашеевские стелы – в междурядьях.

Скифские изваяния и постмаклашеевские стелы

Скифская традиция установки каменных изваяний насчитывает пять морфологических типов (Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л., 1994, с.48,49), из которых по форме наиболее близок к постмаклашеевским один из самых древних из них – антропоморфные плиты.

Элементы отличия: 1. Антропоморфность облика постмаклашеевских стел достигается морфологическим обликом, антропоморфные черты скифских плит прорисовкой. 2. Все изображения на антропоморфных плитах переданы техникой граффито, что резко отличает эти изваяния от постмаклашеевских, выполненных рельефом. 3. Значительная часть постмаклашеевских стел имеет характерное расширение нижней части в то время как антропоморфные изваяния имеют подчетыреугольную форму. 4. Антропоморфные плиты устанавливались над могилами, постмаклашеевские стелы являлись мемориальными памятниками.

Элементы сходства: 1. Примерно одинаковое соотношение высоты к ширине, которое составляет 1:3. 2. И те, и другие изваяния представляют собой плиты. 3. Изображения помещены на одной стороне. 4. И та, и другая группы изваяний антропоморфны.

Таким образом, постмаклашеевские стелы – наряду с существенными отличиями – имеют и признаки сходства как с синхронными оленными камнями, так и с более поздними скифскими антропоморфными плитами, но эти отличия таковы, что вопросы преемственности и заимствования традиции установки каменных изваяний целиком, вероятно, не могут рассматриваться.

Интереснее, как мне представляется, гипотеза о происхождении ананьинских (постмаклашеевских) стел от энеолитических изваяний типа Кернососовского идола, тамзинских и афанасьевских стел (Крылова Л.П., 1976, с.36–46; Матющенко В.И., 1999, с.58,59; Смирнов А.М., 2001, рис.1,8). Подобное предположение было выдвинуто относительно скифских «каменных баб» (Членова Н.Л., 1984, с.56–60) и, на мой взгляд, применимо к изваяниям Волго-Камского региона. Здесь заимствована, по всей вероятности, именно идея воспроизведения антропо-

морфного образа на плите. В то же время изображения оружия на изваяниях, без передачи дополнительных антропоморфных черт, таких как голова, руки и т.д., свидетельствует о сложении изобразительного репертуара на постмаклашеевских стелах под влиянием рисунков на оленных камнях раннего железного века.

КАТАЛОГ ИЗВАЯНИЙ ПОСТМАКЛАШЕЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

§.1 Изваяния эпохи финальной бронзы (маклашеевская культура)

1. **Ильичевский могильник** расположен в 2,5 км к западу от пос.Ильичевский Тукаевского р-на РТ на краю размываемой надлуговой террасы. Песчаниковая стела располагалась в 40 см к северо-западу от п.1 и ориентирована широкими сторонами по направлению к погребению.

Стела № 1 (рис.2,1) – плита подпрямоугольной формы с подтреугольным основанием, которое не отделено от наземной части. Широкие стороны камня ровные. В середине лицевой части большая выбоина естественного происхождения. Боковые стенки отвесные. Длина изваяния – 80, ширина – 40, толщина 5–7 см. Изображений на поверхности нет.

Мурзихинский II могильник расположен в Алексеевском р-не РТ, в 3,5 км к востоку от бывшего с.Мурзиха на о.Милицейский. К изваяниям эпохи финальной бронзы относятся две стелы.

Стела № 15 (раскоп III 1996 г.) (рис.13,2) плита подпрямоугольной в плане формы с приостренным основанием. Боковые стенки заглажены. Лицевая и задняя стороны ровные. Сохранность плохая, поверхность сильно растрескалась. Высота камня – 50, ширина – 20, толщина – 8 см. Изображений нет.

Стела № 16 (раскоп III 1996 г.) (рис.13,4). Такая же плита, но лучшей сохранности. Высота – 39, ширина – 19, толщина – 6 см. Изображений нет.

Измерский VII могильник располагается в 2 км к северо-западу от с.Измери Спасского р-на РТ на высокой площадке (8–9 м) террасы левого берега Куйбышевского водохранилища у места слияния Волги и Камы. К эпохе финальной бронзы относится одно изваяние.

Стела № 2 (раскоп I, уч. Б/7) (рис.5,3) – сохранилась верхняя часть; основание в виде

плиты подпрямоугольной формы и фрагмент правой стороны утрачены. Широкие стороны ровные. Высота – 70, ширина – 28–37, толщина 10–12 см. Изображений нет.

§.2 Изваяния эпохи раннего железного века (постмаклашеевская культура)

Ананьинский могильник находится в 3 км к востоку от Елабуги близ бывшего с.Ананьино на останце большой дюнной гряды у края поймы Камы. Зафиксированы две стелы, приобретенные в XIX в. у местных крестьян.

Стела № 1 (рис.2,2) – плита подпрямоугольной формы с закругленной верхней частью. Основание не отделено от наземной части. На лицевой стороне в технике граффито прочерчено изображение мужчины в остроконечной шапке, с гривной на шее. На поясе у мужчины висит кинжал, нож и сумочка. Арковидный бордюр отсутствует. Высота стелы – 156, ширина верхней части – 36, ширина нижней части – 32, толщина – 18 см.⁴

Стела № 2 (рис.2,3) – небольшая плита подчетырёхугольной формы. Верхняя часть утрачена. На лицевой стороне – изображение человека, выполненное в технике граффито. Это фигура мужчины в обтягивающем костюме без головного убора. В момент осмотра автором изваяние находилось в экспозиции Государственного Исторического музея и не было доступно для замеров.

Измерский VII могильник располагается в 2 км к северо-западу от с.Измери Спасского р-на РТ на высокой площадке (8–9 м) террасы левого берега Куйбышевского водохранилища у места слияния Волги и Камы. Выявлено семь стел, изготовленных из белого известняка. Три из них найдены в раскопе. Стелы располагаются в ряд в направлении северо-восток – юго-запад параллельно погребениям и к юго-востоку от них. Вокруг стел и в одну линию с ними выявлены скопления фрагментов керамики, развалы целых сосудов, а также комплексы из челюстей и черепов лошади, отдельные находки костей и гранитных терочников. Стелы располагаются двумя группами: стелы 1 и 2 – в центральной части могильника; вторая – в его юго-западной части. Рядом с первой группой стел зафиксирована подпрямоугольная яма (120×90×130 см) с углями и кусками обожженной глины на дне.

⁴ Размеры приведены по К.И.Невоструеву (1871).

Стела № 1 (раскоп I, уч. В/2) (рис.9,1) – верхняя часть плиты подпрямоугольной формы с намеченным закруглением углов. Нижняя часть утрачена. Широкие стороны ровные. Боковые стенки отвесные. На лицевой стороне камня имеется аморфное изображение, вероятно, естественного происхождения. Высота стелы – 135, ширина 40–46, толщина – 8 см.

Стела № 3 (раскоп II, уч. Б/2) (рис.9,4) – верхняя часть и левая сторона плиты отбиты. Судя по сохранившемуся фрагменту левой части «шлемовидной» формы, изваяние имело закругленный верх. Подтреугольное основание было отделено от наземной части покатыми плечиками. Лицевая сторона плоская; тыльная, обработанная небрежно, выпуклая. Боковые стенки отвесные. Верхняя часть отделена от средней уступом. Высота изваяния – 120, ширина сохранившейся наземной части – 10, ширина нижней части – 45, толщина – 10–25 см. Изображений нет.

Стела № 4 (подъемный материал) (рис.9, 2) – фрагмент наземной части с закругленным верхом. Лицевая сторона гладкая. По краю проходит выпуклый бордюр шириной до 4 см. Боковые стенки отвесные. Высота изваяния – 26, ширина – 46, толщина – 8–10 см. Изображений нет.

Стела № 5 (подъемный материал) (рис.8,2) – верхняя часть плиты подпрямоугольной формы с ассиметрично закругленным верхом. Широкие стороны камня ровные, боковые – отвесные. Середина и нижняя часть отсутствуют. Высота – 68, ширина – 46, толщина – 23 см.

Стела № 6 (подъемный материал) (рис.13,3) – верхняя часть плиты с закругленными углами. Поверхность повреждена. Боковые стенки отвесные, широкие – ровные. Высота сохранившейся части – 39, ширина – 46, толщина – 10–11 см.

Стела № 7 (подъемный материал) (рис.11,1) – надземная часть с закругленной верхней частью. Поверхность повреждена. Боковые стенки отвесные, широкие – ровные. Высота – 127, ширина – 46–42, толщина – 10–11 см.

Мурзихинский I (IV) могильник расположен в 800 м к юго-востоку от левобережного причала паромной переправы Мурзиха-Сорочьи Горы в Алексеевском р-не РТ и в северо-западной части бывшего с.Мурзиха. В настоящий момент это остров, образовавшийся после заполнения ложа Куйбышевского водохранилища. Площадка могильника занимает невысокую террасу левого берега Камы высотой 2–3 м, которая интенсивно разрушается.

Здесь найдены две стелы из светло-серого известняка.

Стела № 1 (рис.10,2) найдена в 1984 г. в размыве берега. Сохранился фрагмент верхней части изваяния с гладкими внешней и боковой поверхностями, к верху стела расширяется. На лицевой поверхности рельефно изображен кинжал – длиной 33 см, с грибовидным навершием и перекрестием с опущенными концами. Вдоль уплощенной рукояти клинка проходит выпуклое ребро. Судя по отсутствию такого ребра и расширению кинжала в нижней части, на конец клинка надет наконечник ножен. Высота – 28, ширина – 25 и толщина до 10 см (Беговатов Е.А., 1991, с.29).

Стела № 2 найдена в 1994 г. (рис.10,3) в 6 м к юго-востоку от прокала № 1. Изваяние неполное, сохранился фрагмент нижней части. Высота – 30, ширина – 35, толщина нижней части – 24–25, верхней – 15–16 см. Изображения отсутствуют.

Мурзихинский II могильник. Расположен в Алексеевском р-не РТ в 3,5 км к востоку от бывшего с.Мурзиха на о.Милицейский, образованном в результате затопления ложа Куйбышевского водохранилища. До 1961 г. остров был надлуговой террасой левого берега р.Архаровка, левого притока Камы. Памятник находится на северной стороне острова, располагаясь на двух низких мысах надлуговой террасы. Здесь найдено 33 стелы, нумерация охватывает 35 стел, но два фрагмента удалось совместить со стелой № 4. Все изваяния выполнены из известняка. 32 стелы найдены в раскопе, одна – на размываемой части могильника. Памятник еще не раскопан полностью. Информация приведена по состоянию на осень 2002 г. Стелы располагаются в три ряда, причем каждый из них идет параллельно одному из рядов погребений.

Ряд № 1

Включает в себя стелы №№ 2–12, и, вероятно, стелу № 1. В свою очередь они подразделяются на две группы по близости или отдаленности изваяний друг от друга. Группа 1 – стелы №№ 2–10 располагаются по оси юго-восток – северо-запад. Группа 2 – стелы №№ 11,12 идут в направлении север–юг. Стелы ряда № 1 располагаются параллельно первому ряду погребений и к юго-западу от них. В этом ряду выделяется стела № 12, расположенная к северо-востоку от погребений. Параллельно линии этих стел зафиксированы сколы кремня, от-

дельные кости животных, нижние челюсти и зубы лошади.

Стела № 1 из сборов 1985 г. (подъемный материал) (рис.10,4), найденная в размыве берега (Беговатов Е.А., 1992, с.65), имеет закругленный верх и выделенное, в виде плечиков, подтреугольное основание. Лицевая сторона плоская, тыльная – слегка бугристая. Изображение отсутствует. Изготовлена из серо-коричневого песчаника. Общая длина стелы – 143, высота основания – 35; ширина верхней части – 45, у основания – 38, самого основания – 44, толщина верхней части – 16, основания – 21 см.

Стела № 2 (раскоп II 1995 г.) (рис.16,3) – фрагмент основания плиты подтреугольной формы, изготовленной из известняка. Высота сохранившейся части стелы – 40, ширина – 35, толщина – 8 см.

Стела № 3 (раскоп II 1995 г.) (рис.16,5) – фрагмент средней части в виде известняковой плиты подтрапециевидной в плане формы. В центральной части отмечено углубление, образованное в результате отслаивания части поверхности. Боковые стороны гладкие, зашлифованные. Высота – 35, ширина – 28, толщина – 9 см.

Стела № 4 (раскоп II 1995 г.) (рис.11,3) – нижняя часть трапециевидной формы – включает фрагменты, пронумерованные ранее под №№ 5 и 6. Изготовлена из светло-серого известняка. Поверхность бугристая, без следов заглаживания. Высота сохранившейся части – 37, ширина основания верхней части – 51, нижней – 44, перехода от нижней к верхней – 21, толщина – 9 см.

Стела № 7 (раскоп II 1995 г.) (рис.11,2) – фрагмент верхней части плиты полуовальной формы. Боковые стенки ровные, без откоса, но, учитывая плохую сохранность камня, последнее – скорее предположение. Изображения отсутствуют. Общая высота – 41, ширина – 32, толщина – 6 см.

Стела № 8 (раскоп II 1995 г.) (рис.11,4) – известняковая плита белого цвета трапециевидной в плане формы – расколота на две неравные части. Представляет собой нижнюю, заглубленную часть стелы. Поверхность камня необработана. Боковые стенки заглажены. Общая высота – 45, ширина нижней части – 25, верхней – 55, толщина – 9 см.

Стела № 9 (раскоп II 1995 г.) (рис.11,5) – фрагмент средней части плиты подчетыреугольной в плане формы. Лицевая и тыльная стороны ровные, рисунков на поверхности не

отмечено. Длина – 22, ширина – 20, толщина – 6 см.

Стела № 10 (раскоп II 1995 г.) (рис.16,2) – фрагмент верхней части. Камень расколот еще в древности. Сохранилось закругление верхней части в виде полуовала. На наиболее полно сохранившейся боковой стенке заметен откос к лицевой стороне. Широкие стенки ровные, без следов рисунков. Высота его – 30, ширина – 22, толщина – 8 см.

Стела № 11 (раскоп III 1996 г.) (рис.9,3) – фрагмент верхней части плиты полуовальной формы. Боковые стороны скошены к лицевой, широкие – ровные, без изображений. Высота – 30, ширина – 32, толщина – 12 см.

Стела № 12 (раскоп III 1996 г.) (рис.15,4) – верхняя часть известняковой плиты подтрапециевидной формы. Узкие боковые стороны со следами зашлифованности, скошены к лицевой стороне. В верхней части лицевой стороны под наклоном к центру изваяния помещено изображение двулезвийного топора-секиры. У нее расширяющиеся от центра лезвия, без провисов, и прямая рукоять, которая уходит за пределы плиты. Высота – 40, ширина – 42, толщина – 5 см.

Ряд № 2

К нему относятся стелы №№ 13–19. Выделены три группы стел: группа 1 – №№ 13,14,18; группа 2 – №№ 15,16; группа 3 – №№ 33–35 и отдельно расположенные стелы №№ 17,19,28. Все они располагаются по оси северо-запад – юго-восток параллельно линии погребений и к юго-западу от них. Параллельно линии стел выявлены скопления сколов кремня, зубов и нижних челюстей лошади; фиксируются также зубы медведя – целые и сверленные. В 6 м к юго-западу от стелы № 14 и в 3,5 м к западу от стелы № 16 располагаются остатки кострищ. На пространстве, разделяющем стелу № 14 и кострище, сосредоточено большое количество зубов лошади и фрагментов керамики.

Стела № 13 (раскоп III 1996 г.) (рис.12,1) – полное изваяние подпрямоугольной в плане формы с закругленной верхней частью и расширенным трапециевидным основанием, отделенным от верхней половины покатыми плечиками. Лицевая сторона выпуклая, боковые – скошены к ней под углом. Изваяние сильно повреждено. Общая длина – 115, длина лицевой части – 80, ширина верхней части – 36, нижней – 24, основания – 40, толщина верхней части – 10, нижней – 16 см. Рисунков на поверхности нет.

Стела № 14 (раскоп III 1996 г.) (рис.12,2) – верхняя часть плиты подпрямоугольной формы с закругленным основанием. Боковые стенки скошены от тыльной стороны к лицевой. Общая длина – 73, ширина верхней части – 32, нижней – 21, толщина – 10 см. Следов изображений не зафиксировано.

Стела № 17 (раскоп III 1996 г.) (рис.13,5) – развал из пяти больших камней и скопления щебня вокруг них. Изваяние удалось реконструировать. Это плита подпрямоугольной формы с закругленным завершением верхней части и основанием подтреугольной формы. Окончание нижней части утрачено. Основание отделено от верхней части покатыми плечиками, одно из которых сохранилось. Боковые стенки скошены к лицевой части. Общая высота – 93, ширина верхней части – 43, нижней – 30, толщина – 8 см. Рисунков нет.

Стела № 18 (раскоп III 1996 г.) (рис.15,3) – плита подпрямоугольной формы, расширяющаяся кверху. Завершение верхней части закруглено, нижняя часть обломлена. Боковые стенки скошены к лицевой части. В верхней части изваяния сохранился выпуклый бордюр. В середине лицевой стороны выбито выпуклое изображение топора-чекана. Лезвие топора приподнято, обух опущен. На конце обуха имеется ударная площадка с «нашлепкой», а на рукояти топора – утолщение в нижней части. Высота стелы – 75, наибольшая ширина – 30, у основания – 10, толщина – 10–12 см.

Стела № 19 (раскоп VII 1998 г.) (рис.13,1) – изваяние подпрямоугольной формы с расширением в верхней части. Завершение верха – в виде полуовала. В его нижней части сохранилось одно из плечиков основания. Низ стелы сохранился частично и, вероятно, был подтреугольной формы. Лицевая часть изваяния гладкая, тыльная – бугристая. Боковые стороны верхней части скошены к лицевой поверхности. Общая длина – 86, длина сохранившейся нижней части – 18, ширина верхней части – 36, у начала плечиков – 25, толщина – 17 см. Изображений нет.

Стела № 28 (раскоп XIII 1999 г.) (рис.17,2) сломана на месте перехода от верхней части к нижней. Высота – 72,5, ширина верхней части – 27, нижней – 19, толщина – 17 см. Изображений нет.

Стела № 33 (раскоп XVII 2001 г.) (рис.12,3) полностью раскрошилась, однако очертания изваяния сохранились полностью. Лицевая

сторона очень сильно повреждена. Верхняя часть стелы закруглена, плечики выражены. Изображений нет. Длина – 107, ширина надземной части – 30–33, толщина – 16, ширина подземной части – 20–40, толщина – 19 см.

Стела № 34 (раскоп XVII 2001 г.) (рис.12,4) – полная, но сильно повреждена. Верхняя часть закруглена, плечики выражены. Изображений нет. Длина – 101, ширина надземной части – 25–32, толщина – 10–15, ширина подземной части – 23–36, толщина – 12 см.

Стела № 35 (раскоп XVII 2001 г.) (рис.11,6) сильно разрушена. Верхняя часть закруглена, плечики выражены. Изображений нет. Длина – 117, ширина надземной части – 33, толщина – 15, ширина подземной части – 22–39, толщина – 21 см.

Ряд № 3

В этом ряду отмечены стелы №№ 20–23 и совершенно разрушенная стела из раскопа I 1995 г. Здесь выделяются три отдельно расположенные стелы (разрушенная и стелы №№ 20,29), а также три группы изваяний: группа 1 – №№ 21–23; группа 2 – №№ 24–27; группа 3 – №№ 30–32. Они размещены параллельно линии погребений и к юго-востоку от них. Рядом со стелами фиксируются скопления зубов лошади, отдельные зубы медведя, фрагменты керамики и развалы сосудов. Среди обломков стелы № 22 найден бронзовый наконечник стрелы, воткнутый в землю.

Стела № 20 (раскоп VIII 1998 г.) (рис.15,1) – подпрямоугольной формы с незначительным расширением кверху. Верхняя часть плиты утрачена еще в древности. Надземная часть изваяния отделена от нижней выступающими плечиками-цапфами. Основание имеет трапециевидную форму. Боковые стенки скошены к лицевой стороне. В ее верхней половине сохранилось выпуклое изображение кинжала, расположенного под углом 45° по отношению к вертикальной оси. У него двулезвийный клинок, перекрестие, образованное острыми, опущенными вниз треугольниками, и грибовидное навершие. В нижней части клинка имеется полукруглая фигура, имитирующая наконечник ножен. Прочерченными линиями передан рельеф литья. Под лезвием отмечены две каплевидных ямки. Длина – 82 см, наибольшая ширина верхней части – 35, ширина основания – 22, толщина – 13 см.

Стела № 21 (раскоп IX 1998 г.) (рис.16,4) – подпрямоугольной формы с выделенным осно-

ванием в виде трапеции. Верхняя часть изваяния не сохранилась. Боковые стороны плиты имеют характерный скос к лицевой. Задняя и передняя стенки ровные. Общая длина – 81, наибольшая ширина верхней части – 24, наибольшая ширина основания – 45, толщина верхней части – 17, нижней – 25 см. На сохранившейся части плиты изображения не выявлены.

Стела № 22 (раскоп IX 1998 г.) (рис.14,1) – одно из немногих полных изваяний – представляет собой плиту подпрямоугольной формы с закругленной верхней частью и выделенным подтреугольным основанием с плечиками. Боковые стороны обработаны, образуя пологий скос к лицевой. Задняя сторона бугристая, лицевая – гладкая, с арковидным рельефным бордюром в верхней части. На лицевой стороне зафиксированы остатки изображения кинжала. Под ним отмечены два каплевидных вдавления, выполненные техникой кайланогрифа. На правой боковой стороне отмечен рельефный рисунок цилиндрического боевого молотка длиной 30 см. Его правая сторона выпуклая, левая – выщерблена по контуру рисунка. На конце рукояти заметно клювовидное утолщение. Вероятно, таким образом передано изображение металлического наконечника с отверстием для подвешивания. Общая длина стелы – 98, длина основания – 26, ширина – 35, наибольшая ширина верхней части – 39, наименьшая – 26 см, толщина – 18 см.

Стела № 23 (раскоп IX 1998 г.) (рис.15,2) раскололась на две части, сломавшись в самом узком месте, на переходе от верхней части к нижней. Изваяние имеет закругленную верхнюю часть и подтрапециевидное основание, отделенное от верхней покатыми плечиками. Боковые стенки плиты скошены к выпуклой лицевой стороне, задняя – ровная. Стела выполнена из мягкого известняка и сильно раскрошилась. Сохранился небольшой кусок арковидного бордюра, окаймляющего его верхнюю часть. В середине изваяния отмечен фрагмент выпуклого изображения нижней части меча или кинжала в ножнах с рельефным рисунком наконечника ножен. Верхняя часть кинжала утрачена. Общая длина стелы – 126. Длина верхней части – 84, максимальная ширина – 41, минимальная – 19; длина основания – 42, ширина – 42, толщина – 22 см.

Стела № 24 (раскоп XI 1999 г.) (рис.16,1) – полная; лицевая часть выпуклая, тыльная пло-

ская. На переходе от надземной части к подземной заметен выпуклый переход. Плечики выражены. Верхняя часть закруглена. Общая длина – 159, ширина верхней части – 48, нижней части надземной половины стелы – 29, толщина – 15, длина подземной части до плечиков – 30, наибольшая ширина – 47, толщина – 28 см. Изображений нет.

Стела № 25 (раскоп XI 1999 г.) (рис.17,5) – полная; верхняя часть закруглена, лицевая – выпуклая, тыльная – плоская, плечики – выраженные покатые. Тыльная сторона обработана грубо, лицевая – тщательнее. Общая длина – 85, длина нижней части – 22, ширина верхней части надземной половины – 26, ширина ее нижней части – 18,5, толщина – 15 см, наибольшая ширина подземной части – 27, наименьшая ширина – 14, толщина – 16 см. Изображений нет.

Стела № 26 (раскоп XI 1999 г.) (рис.17,4) – фрагмент верхней части, сам верх закруглен, лицевая сторона выпуклая, тыльная – плоская. Длина сохранившейся части – 51, ширина – 36, толщина надземной части – 19 см. Изображений нет.

Стела № 27 (раскоп XI 1999 г.) (рис.17,1) – аналогичный фрагмент. На лицевой стороне выявлено изображение в виде арковидного бордюра. Длина сохранившейся части – 30, ширина – 20, толщина надземной части – 17 см. Изображений нет.

Стела № 29 (раскоп XV 2000 г.) (рис.14,4) – сохранилась подземная часть с остатками перехода к надземной половине. Плечики выражены. Длина сохранившейся части – 93, ширина верхней надземной части – 100, нижней подземной – 120, длина подземной части до плечиков – 75, толщина – 16 см. Изображений нет.

Стела № 30 (раскоп XV 2000 г.) (рис.14,2) – закругленная верхняя часть; лицевая и тыльная стороны плоские, плечики слабо выраженные, покатые, боковые стенки выпуклые. Тыльная сторона обработана грубее, чем лицевая. В верхней части лицевой стороны стелы выявлено изображение в виде арковидного бордюра. В нижней части надземной половины имеется изображение двулезвийного кинжала с серповидной рукоятью длиной 53 см, который располагался под углом 45° к средней оси камня. Под кинжалом зафиксирована каплевидная выемка. Общая длина – 256, длина нижней части – 55, ширина верхней части надземной половины – 76, ширина ее нижней части – 54,

толщина – 34, наибольшая ширина подземной части – 55, наименьшая ширина – 44, толщина – 42 см.

Стела № 31 (раскоп XV 2000 г.) (рис.17,3) – полная, с закругленной верхней частью, лицевая и тыльная стороны плоские. Тыльная обработана грубее, чем лицевая. Боковые стенки выпуклые. Плечики покатые, выражены слабо. На лицевой поверхности имеется изображение арковидного бордюра. Под основанием стелы выявлен пятиугольный известняковый камень (20×40×10 см), который использовался для крепления стелы в вертикальном положении. Ее длина – 147, ширина в верхней части надземной половины – 50, нижней – 38, толщина – 25, длина нижней части стелы – 46, ширина – 47, толщина – 28 см.

Стела № 32 (раскоп XV 2000 г.) (рис.14,3) – фрагменты средней и нижней части. Боковые стенки выпуклые. На лицевой стороне имеется фрагмент изображения двулезвийного кинжала длиной 60 см, расположенного под углом 45° к средней оси камня. Перекрестие кинжала серповидное, острие закругленное и передает, вероятно, абрис ножен. Изображение пересекают прочерченные полосы, оставшиеся от плуга. На боковой поверхности выявлено изображение кельта, поврежденное в верхней части. Лезвие кельта направлено к тыльной стороне стелы. Длина нижней части – 60, ширина – 30–40, толщина – 45, длина средней части – 148, ширина – 102–82, толщина – 40 см.

I Новомордовский могильник расположен на левом берегу приустьевой части Камы на острове, образованном при заполнении ложа Куйбышевского водохранилища на месте, где ранее находилось с.Ново-Мордово. Административно памятник принадлежит к Спасскому району РТ. Здесь обнаружено 11 стел из белого известняка. Все изваяния были подняты из воды в 1961–1962 гг.

Стела № 1 (рис.4,1) – подпрямоугольная плита, расширяющаяся к закругленному верху. На лицевой поверхности отмечен выпуклый бордюр шириной 3–4 см. Боковые стенки наземной части выпуклые, а основания – скошены к центру. Основание подпрямоугольной формы отделяется от верхней части уступом. Его можно выделить лишь по бугристой необработанной поверхности. Лицевая поверхность – плоская, тщательно обработанная. На ней по середине выявлено выпуклое изображение кинжала и топора-секиры. Ниже кинжала рас-

положен вертикальный ряд из трех углубленных треугольников, обращенных вершинами вниз. Общая длина – 100, длина верхней части – 78, ширина наземной части – 37, ширина – 23–25, толщина – 14–15 см.

Стела № 2 (рис.4,4) – почти полная подпрямоугольная плита с закругленным верхом. Основание подпрямоугольной формы отделено от наземной части небольшим уступом. Верхняя часть повреждена. Лицевая поверхность гладкая, тыльная – бугристая. В верхней части лицевой стороны имеется выпуклый бордюр шириной до 2 см. В средней части располагается выпуклое изображение топора-секиры и кинжала, нижняя часть которого не сохранилась. Параллельно топорису выбиты три каплевидных углубления остриями вниз. Боковые стороны выпуклые. Общая длина сохранившейся части стелы – 100, ширина верхней половины – 29, ширина основания – 30, толщина – 22–24 см.

Стела № 3 (рис.4,3) – верхняя часть обломана, изначально имела закругленное завершение. Лицевая сторона гладкая, боковые и основание – бугристые, грубо обработанные. Основание подчетыреугольной формы отделено от надземной части небольшими плечиками. Боковые стенки выпуклые. В центре стелы сохранились выпуклые изображения кинжала и рукоять топора, верхняя часть которого утрачена. Кроме того, на лицевой стороне отмечены две выбоины, вероятно, естественного происхождения. Длина – 120, ширина верхней части – 32, основания – 36, толщина 20–22 см.

Стела № 4 (рис.3,4) – верхняя часть плиты подпрямоугольной формы с закругленным завершением. Нижняя часть сильно повреждена и частично утрачена. Судя по сохранившемуся выступу, надземная часть отделялась от основания плечиками. Лицевая сторона гладкая, задняя – грубо обработана, боковые стенки скошены к передней стороне. По верхнему краю лицевой стороны проходит бордюр шириной 2,5–3 см. В середине надземной части плиты располагались выпуклые изображения боевого молотка и кинжала. Кроме того, на лицевой поверхности отмечены многочисленные каверны естественного происхождения. В верхней части левой стороны А.Х.Халиковым отмечен прочерченный знак в виде незаконченной восьмерки, но при осмотре изваяния в 1998 г. это изображение не обнаружено. Сохранившаяся боковая сторона выпуклая. Основание отделено от надземной части уступом.

Длина изваяния – 105, ширина верхней части – 35, у перехода к основанию – 24, ширина нижней части не поддается реконструкции, толщина – 13–17 см.

Стела № 5 (рис.4,5) – почти полная подпрямоугольная плита с несколько поврежденной верхней частью, вероятно, изначально имевшей закругленное завершение. Лицевая сторона гладкая, тыльная – бугристая. Боковые стороны выпуклые. Переход к основанию подпрямоугольной формы выделен барельефным валиком. В верхней части лицевой стороны высечена линия горизонтального зигзага, обрамленная рамкой из параллельных линий, шириной 5 см. Общая длина – 90, ширина верхней части – 26, средней – 22, при переходе к основанию – 20, толщина надземной части – 12, основания – 18 см.

Стела № 6 (рис.3,3) – подпрямоугольная плита с закругленным завершением. Левый бок верхней части отбит. Основание подпрямоугольной формы отделено от надземной части небольшими плечиками. Боковые стенки отвесные. По верхнему краю лицевой стороны проходит выпуклый бордюр. В середине лицевой стороны отмечено изображение кинжала. Длина изваяния – 78, ширина верхней части – 28, средней – 24, при переходе к основанию – 20, ширина основания – 24, толщина – 7–10 см.

Стела № 7 (рис.5,2) – плита подпрямоугольной формы с закругленным завершением верхней части. Левая сторона отколота. Основание подчетыреугольной формы более массивно, чем надземная часть. Оно отделено от верхней половины уступом. По верху гладкой лицевой стороны идет выпуклый бордюр, боковая поверхность – отвесная. Длина изваяния – 100, ширина верхней части – 35, ширина основания не поддается реконструкции, толщина верхней части – 14, основания – 16 см. Изображений нет.

Стела № 8 (рис.3,2) – плита подпрямоугольной формы с полуовальным завершением верхней части. В отличие от остальных изготовлена из коричневого песчаника. Нижняя часть подчетыреугольная, отделена от наземной небольшими плечиками. Лицевая сторона плоская, тыльная – выпуклая. Боковые стенки выпуклые. Длина – 64, ширина верхней части – 20, основания – 13–14, толщина – 8–10 см. Рисунков не обнаружено.

Стела № 9 (рис.3,1) – фрагмент средней и нижней части изваяния. Средняя – подпрямоугольной формы, немного расширяющаяся к

верху; отделена от подчетыреугольного основания небольшими плечиками; боковые стенки – выпуклые. Лицевая сторона заглажена, тыльная – бугристая. Основание более массивное, чем надземная часть. Верх стелы утрачен. Общая длина сохранившейся части – 86, длина основания – 50, ширина – 38–48, толщина – 18–23 см. Рисунков на поверхности не обнаружено.

Стела № 10 (рис.5,4) – плита подпрямоугольной формы с закругленным завершением верхней части. Подчетыреугольное основание не отделено от надземной части. Боковые стенки отвесные. Лицевая сторона плоская, тыльная немного выпуклая. Длина изваяния – 92, максимальная ширина верхней части – 25, ширина основания – 20, толщина – 10–15 см. Изображения отсутствуют.

Стела № 11 (рис.5,1) – сильно поврежденная плита из трех обломков; средняя и большая часть правой стороны утрачены. Завершение верхней части закруглено. Основание не имеет выраженных границ. Боковые стенки отвесные. На лицевой стороне отмечены контуры изображенного наклонно оружия. Реконструированная длина стелы – 112, ширина верхней части – 35, основания – 20, толщина – 10–15 см. Изображений нет.

Новомордовский VIIa могильник располагается в 600 м к западу от Новомордовского I и севернее погребений 17, 18 Новомордовского VIII могильников, на мысу надлуговой террасы.

Стела № 1 (рис.8,5) – верхняя часть плиты подпрямоугольной формы с закругленным завершением. Лицевая и тыльные стороны ровные, боковые стенки отвесные. Длина сохранившейся части – 38, ширина – 20, толщина – 5–7 см.

Пустоморквашинский могильник находится на невысокой террасе коренного правого берега Волги у места впадения в нее р.Морквашка в Верхнеуслонском р-не РТ. В настоящее время здесь располагается дом отдыха «Пустые Морквашки».

Стела № 1 (раскоп 1976 г.) (рис.10,1) – фрагмент верхней части из кремневого известняка с закругленным завершением. На лицевой поверхности койланогрифом выбито изображение двух параллельных бороздок, окаймляющих камень по контуру. Лицевая часть заглажена. Высота – 33, ширина – 12, толщина – 16 см.

Семеновский VI могильник расположен в восточной части Семеновского острова близ

левого берега Волги в 3 км к северо-западу от с.Измери Спасского р-на РТ.

Стела № 1, найденная в 1975 г. в размыве берега, состоит из двух камней. У более крупного (38×28×8 см) лицевая часть плоская, задняя – выпуклая, с закругленным стесанным переходом к плоской стороне. Сохранность второго фрагмента хуже. Они представляют собой верхнюю, закругленную часть стелы. Изображения не прослежены (Казаков Е.П., 1977, с.202).

Тетюшский могильник находится в 500 м к северу от г.Тетюши (Татарстан) на мысу коренной террасы правого берега Волги. Здесь найдено 24 изваяния, которые распределяются по двум комплексам. Все стелы выполнены из рыхлого коричнево-серого песчаника.

Комплекс 1

Стелы №№ 1–7 располагаются параллельно могилам №№ 45,28,93,125,94–96 в ряд по оси северо-запад – юго-восток к югу и юго-востоку от них. К этой же группе, вероятно, относится отдельно расположенная стела № 14. Все изваяния обращены широкими сторонами к погребениям.

Стела № 1 (раскоп II 1969 г.) (рис.6,1) – плоский камень с выраженными плечиками и подтрапециевидным основанием. Верхняя часть немного расширяется кверху. Лицевая часть ровная, задняя – бугристая. Завершение верхней части утрачено еще в древности. Боковые стенки скошены к лицевой части. Высота изваяния – 90, ширина нижней части – 40, верхней – 20 см. Изображений нет.

Стела № 2 (раскоп II 1969 г.) (рис.6,4) – плита с подпрямоугольной верхней частью и утолщенной – нижней. Последняя выделена выраженными покатыми плечиками. Лицевая поверхность ровная, тыльная – бугристая. Завершение верхней части отсутствует. Боковые стенки скошены к лицевой стороне. Высота камня – 85, наибольшая ширина основания – 42, верхней части – 26, толщина – 19 см. Рисунки на поверхности не выявлены.

Стела № 3 (раскоп II 1969 г.) (рис.6,2) – верхняя часть изваяния в виде плоской плиты с закругленным верхом и скошенными боковыми сторонами. Лицевая и тыльная стороны ровные. Высота – 50, ширина – 40, толщина – 13 см. Изображения не зафиксированы.

Стела № 4 (раскоп II 1969 г.) (рис.6,3) – верхняя часть плиты в виде плоского камня с закругленным верхом и скошенными боковыми сторонами. Высота – 49, ширина – 34, толщина – 13 см. Изображения отсутствуют.

Стела № 5 (раскоп II 1969 г.) (рис.7,1) – плита с подпрямоугольной верхней частью и подтрапециевидной – нижней, отделенной покатыми плечиками. Лицевая сторона плоская, тыльная – неровная, боковые стороны скошены. Завершение верхней части утрачено. Высота изваяния – 95, ширина верхней части – 42, наибольшая ширина основания – 50, толщина – 20 см. Изображений нет.

Стела № 6 (раскоп II 1969 г.) (рис.6,6) – фрагмент средней части плиты подпрямоугольной формы, кверху она расширяется. Боковые стенки камня скошены к лицевой поверхности. Высота – 33, ширина – 30, толщина – 10 см. Изображения отсутствуют.

Стела № 7 (раскоп II 1969 г.) (рис.7,3) – нижняя часть плиты подтрапециевидной формы с сохранившимся фрагментом верхней. Плечики покатые. Обе стороны ровные. Высота – 40, ширина верхней части – 30, нижней – 23, толщина – 11 см. Рисунков нет.

Комплекс 2

К нему относятся стелы №№ 8–13. Они размещены более компактно, чем изваяния комплекса 1, и рядность у них не очевидна. Стелы находятся на стыке двух перпендикулярно расположенных рядов погребений, и принадлежность их к тому или другому ряду могил одинаково спорна. Представляется, что они связаны с рядом, имеющим большее количество погребений. Основная часть стел обращена к данному ряду своими широкими сторонами, и они располагаются почти параллельно данному ряду могил (№№ 27,52,53,37–39,6, 25,18,19,26). Если принять за исходное данное предположение, то стелы комплекса 2 также располагаются к югу от этого ряда могил.

Стела № 8 (раскоп I 1969 г.) (рис.7,5) – фрагмент нижней части плиты подтрапециевидной формы. Высота – 25, ширина – 35, толщина – 16 см.

Стела № 9 (раскоп I 1969 г.) (рис.7,2) – верхняя часть плоской плиты подпрямоугольной формы, немного расширяющаяся к закругленному верху. Боковые стороны скошены, лицевая и тыльные – плоские. Высота – 52, ширина – 42, толщина – 13 см.

Стела № 10 (раскоп I 1969 г.) (рис.7,4) – верхняя часть камня подпрямоугольной формы с закругленными углами. Боковые стенки скошены. Высота плиты – 70, ширина – 45, толщина – 18 см.

Стела № 11 (раскоп I 1969 г.) (рис.7,б) – фрагмент средней части плиты. Высота – 25, ширина – 25, толщина – 15 см.

Стела № 12 (раскоп I 1969 г.) (рис.8,3) – аналогичный фрагмент. Высота – 23, ширина – 35, толщина – 20 см.

Стела № 13 (раскоп I 1969 г.) (рис.8,4) – фрагмент средней части основания. Высота – 20, ширина – 26, толщина – 15 см.

На всех стелах этого комплекса нет изображений.

Отдельно расположенный камень

Стела № 14 (раскоп II 1969 г.) (рис.8,1) – верхняя часть изваяния с закругленным завер-

шением и скошенными к лицевой стороне боковыми. Нижняя часть утрачена. Сам камень подпрямоугольной формы, расширяющийся кверху. Высота – 80, ширина нижней части – 30, наибольшая ширина – 45, толщина – 18 см.

В 1980 г. Е.П.Казаковым и В.С.Патрушевым произведены дополнительные исследования Тетюшского могильника. Была обнаружена третья группа каменных стел (10 экз.) с округлой верхней частью. «На одной из них рельефно выделено изображение кинжала с прямым перекрестием» (Казаков Е.П., Патрушев В.С., 1981, с.136). К сожалению, материалы этих исследований еще не опубликованы.

Литература

- Алабин П.В., 1860. Ананьинский могильник // Вестник Императорского Русского географического общества. Ч.29. СПб.
- Беговатов Е.А., Марков В.Н., 1992. Мурзинский II могильник // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада. Казань.
- Беговатов Е.А., Марков В.Н., Патрушев В.С., 1991. Первый Мурзинский могильник // Проблемы археологии Среднего Поволжья. Казань.
- Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Рунич А.П., 1980. Киммерийско-кавказские связи // Скифия и Кавказ. Киев.
- Волков В.В., 1975. Оленные камни Ушкийн-Увэра (Монголия) // Первобытная археология. Л.
- Гемуев И.Н., 1990. Мирозрение манси. Дом и космос. Новосибирск.
- Дударев С.Л., 1993. К характеристике кинжалов предскифского времени из Закубанья // Вторая Кубанская археологическая конференция: ТД. Краснодар.
- Иессен А.А., 1953. К вопросу о памятниках VIII–VII вв. до н.э. на юге Европейской части СССР // СА. Т. XVIII.
- Исмагилов Р.Б., 1988. Погребение Большого Гумаровского кургана в Южном Приуралье и проблема происхождения скифской культуры // АСГЭ. Вып. 29.
- Казаков Е.П., 1977. Новый ананьинский могильник в низовьях реки Кама // СА. № 3.
- Казаков Е.П., Патрушев В.С., 1981. Раскопки Тетюшского могильника // АО–1980. М.
- Казаков Е.П., 1994. Измерский VII могильник // Памятники древней истории Волго-Камья. Казань.
- Карьялайнен К.Ф., 1995. Религия югорских народов. Т.2. Томск.
- Крылова Л.П., 1976. Керносовский идол (стела) // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев.
- Ковалев А.А., 2000. О происхождении оленных камней западного региона // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М.
- Козенкова В.И., 1995. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант // САИ. В 2-5. Вып.4.
- Крупнов Е.И., 1960. Древняя история Северного Кавказа. М.
- Кубарев В.Д., 1979. Древние изваяния Алтая: Оленные камни. Новосибирск.
- Кузьминых С.В., 1983. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М.
- Кызласов Л.Р., 1978. К изучению оленных камней и менгиров // КСИА. Вып. 154.
- Марков В.Н., 1994. Некоторые результаты исследования каменной стелы с изображением из Ананьинского могильника // Памятники древней истории Волго-Камья. Казань.
- Матющенко В.И., 1999. Древняя история Сибири. Омск.
- Невоструев К.И., 1871. Ананьинский могильник // Труды I АС. Т. II. М.
- Ольховский В.С., 1987. О методике источниковедческого анализа антропоморфных изваяний // Социально-экономическое развитие древних обществ и археология. М.
- Ольховский В.С., 1989. Оленные камни (к семантике образа) // СА. № 1.
- Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л., 1994. Скифские изваяния VII–III вв. до н.э. М.

- Патрушев В.С., 1990. Новые исследования Пустоморквашинского могильника // Новые источники по этнической и социальной истории финно-угров Поволжья I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. Йошкар-Ола.
- Погребова М.Н., Раевский Д.С., 1992. Ранние скифы и Древний Восток. М.
- Пономарев П.А., 1892. Материалы для характеристики бронзовой эпохи Камско-Волжского края. 1. Ананьинский могильник // ИОАИЭ. Т. X. Вып. 4.
- Пропп В.Я., 1984. Русская сказка. Л.
- Пропп В.Я., 2001. Мотив чудесного рождения // Сказка, эпос, песня. М.
- Розанова Л.С., Терехова Н.Н., 2003. Этнокультурный фактор в становлении железообработки у населения Среднего Поволжья в ананьинскую эпоху // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее: Тезисы конференции. Ч. 2. М.
- Сказания и легенды, 1963. Тбилиси.
- Смирнов А.М., 2001. Изображения храмовых скульптур и сюжетов в европейском мегалитическом искусстве в IV–III тысячелетиях до н.э.: опыт идентификации // Мировоззрение древнего населения Евразии. М.
- Таиров А.Д., 2002. «Киммерийские» кинжалы из Южного Зауралья // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 5. Волгоград.
- Тереножкин А.И., 1961. Предскифский период на днепровском Правобережье. Киев.
- Тереножкин А.И., 1976. Киммерийцы. Киев.
- Три голубя, 1990. Казань.
- Халиков А.Х., 1963. Стелы с изображением оружия раннего железного века // СА. № 3.
- Халиков А.Х., 1977. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.). М.
- Халикова Е.А., 1967. Второй Полянский могильник // УЗ ПГУ. Вып. 148.
- Чеченские и ингушские сказки, 1981. М.
- Чижевский А.А., Марков В.Н., 1999. Стелы ананьинского типа (классификация и назначение) // Болгар и проблемы изучения древностей Урало-Поволжья: ТД. Болгар.
- Чижевский А.А., 2002. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-исторические области): Автореф. дисс...канд. ист. наук.-М.
- Членова Н.Л., 1981. Связи культур Западной Сибири с культурами Приуралья и Среднего Поволжья в конце эпохи бронзы и в начале железного века // Проблемы западносибирской археологии. Новосибирск.
- Членова Н.Л., 1962. Об оленных камнях Монголии и Сибири // Монгольский археологический сборник. М.
- Членова Н.Л., 1984. Оленные камни как исторический источник. Новосибирск.
- Членова Н.Л., 1988. О культурной принадлежности Старшего Ахмыловского могильника, Новомордовских стелах и «отделившихся скифах» // КСИА. Вып. 194.
- Чувашские народные сказки, 1993.
- Шкунаев С.В., 1991. Артур // Мифологический словарь. М.
- Török Guyla, 1950. Pecs-Jakabhegyi földvar es tumudo-sok // Arhaeologiai Erteesito. № 77. I.

«ОЛЕННЫЕ» КАМНИ ИЗ ПОСЁЛКА АРЖАН В ЦЕНТРЕ АЗИИ¹

Изучение каменных изваяний Евразии I тыс. до н.э. было одной из основных научных тем творчества Валерия Сергеевича Ольховского. В своих работах он неоднократно обращался и к «олненным» камням Центральной Азии (Ольховский В.С., 1989; 2001; Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л., 1994 и др.).

Общая семантика «олненных» камней

Керексуры, «олненные» камни и стелы Центральной Азии изучаются более 100 лет, что нашло отражение в работах и материалах В.В.Радлова, Н.М.Ядринцева, Г.Н.Потанина, И.Р.Аспелина, Г.Гранэ, Х.Аппельгрэн-Кивало, А.В.Адрианова, Г.И.Боровки, Б.Э.Петри, С.А.Теплоухова, А.П.Окладникова, П.П.Хороших, Н.Н.Дикова, М.П.Грязнова, С.В.Киселева, Л.А.Евтуховой, Л.Р.Кызласова, М.Х.Маннай-оола, В.В.Волкова, Э.В.Новгородовой, Н.Л.Членовой, С.С.Сорокина, А.Д.Грача, С.И.Вайнштейна, М.А.Дэвлет, В.Д.Кубарева, Д.Г.Савинова, Д.С.Раевского, В.А.Могильникова, А.А.Чарикова, В.Н.Добжанского, Р.Б.Исмагилова, Ю.С.Худякова, Л.С.Марсадолова, В.С.Ольховского, А.А.Ковалева, Вл.А.Семёнова, М.Е.Килуновской, Н.А.Боковенко, З.С.Самашева, А.Д.Цыбиктарова, К.В.Чугунова, А.А.Тишкина, Э.Якобсон, Н.В.Полосьмак и многих других исследователей. Большинство археологов пришло к близким семантическим выводам, к которым присоединяется и автор данной работы:

1) каменные изваяния представляют собой не только схематизированный антропоморфный образ мужчины-воина, но и сложный семиотический знак, часть общей «модели мира» древних кочевых племен Евразии;

2) изваяния имеют трехчленную вертикальную структуру, что, вероятно, может быть сопоставимо с тремя сферами – верхней, средней и нижней;

3) все образы, предметы и линии на изваяниях строго отобраны и отражают бытовавшие в тот период мировоззренческие представления и реальные формы предметов.

Изображения на «олненных» камнях могут быть рассмотрены как по вертикали, так и по горизонтали. Верхняя часть изваяния в большинстве случаев может быть сопоставлена с головой мужчины-воина, с выделенными повязкой, одной или двумя серьгами. Иногда в верхней или средней части «олненных» камней показаны символы солнца, луны. На передней части изображены либо лицо человека, либо три косые черты, которые выбивались наиболее часто. Известны изваяния с восемью горизонтальными линиями, а также с пятью или с двумя полосками (Савинов Д.Г., 1994, с.184–189,194). Верхняя часть отделена от средней ожерельем из крупных бусин, пекторалью или гривной. В средней части «олненных» камней обычно изображены образы копытных животных (олений, лосей, коней, козлов, баранов, быков, кабанов) и хищников (пантеры-барса, волка, собаки). Пояс на изваяниях выполняет не только свою повседневную функцию, но и сакральную – служит зоной перехода между средним и нижним мирами. К поясу подвешивали острые предметы вооружения (кинжал, меч, нож, чекан, топор, лук в колчане, щит), а также мирные – оселок, зеркало, «П»-образный предмет и др.

По новым материалам Саяно-Алтайской экспедиции Государственного Эрмитажа можно отметить ещё одну общую черту, присущую большинству саяно-алтайских каменных изваяний. Они выступают надёжно зафиксированной точкой в ритуально важном месте. Большинство каменных изваяний имеет скошенный верхний край – высокую восточную и низкую западную части. Вероятно, это связано с тем, что солнце, поднимаясь вверх, восходит на востоке и опускается вниз на западе. Наиболее ярко такая закономерность прослеживается на изваяниях – «олненных» камнях – в ритуальных центрах на реках Чуя, Юстыд, Саглы и др. Здесь «камен-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФНФ, проект № 03-01-00468 а.

ный воин» смотрит на восток, по линии восхода солнца в дни весеннего и осеннего равноденствия, и в какой-то степени является гарантом, что солнце взойдет в той точке горизонта, на которую направлен его «взгляд». Безусловно, каменные изваяния заключали в себе много функций, выяснить которые поможет анализ как самого изваяния и находящихся на нём изображений, так и поиск ландшафтных закономерностей при выборе места для его установки. В большинстве случаев изваяния установлены в долинах с низкими восточными и западными, а также высокими северными и южными сторонами горизонта. Для накопления достоверных фактов необходимо изучение изваяний, стоящих «in site», с фиксацией круговой ландшафтной панорамы (Марсадалов Л.С., 2000б).

«Олений» камень из насыпи кургана Аржан

В Турано-Уюкской котловине расположено около десяти «цепочек» больших курганов племенных вождей кочевых народов I тыс. до н.э. (Грязнов М.П., 1980) – это самое грандиозное курганное поле в Саяно-Алтае. В центре долины был сооружен самый большой в Саяно-Алтае курган Аржан, раскопанный 1971–1974 годах археологической экспедицией под руководством М.Х.Маннай-оола и М.П.Грязнова. В 1973 году среди камней надмогильного сооружения – под потолком деревянной камеры № 34а, рабочими, разбиравшими насыпь кургана, был найден обломок «оленного» камня (Грязнов М.П., 1980, с.41–43).

Верхняя и нижняя части этого камня утрачены. В средней части изображен пояс, к которому подвешены слегка изогнутый кинжал с кольцевым навершием, оселок, колчан с луком, сохранившиеся фрагментарно (рис.1,1). Наблюдаются противопоставления «мирного» предмета – оселка – военным – кинжалу и луку, а также разных групп животных – грозных кабанов – справа и мирных благородных оленей – слева. Под оселком изображены два противостоящие кабана, близкие по своим размерам (рис.1,4). Три крупных кабана, стоящие на четырех ногах, выполненные выбивкой по контуру, находятся ниже трех небольших кабанов, имеющих по две ноги и полнофигурно выбитых (рис.1,2). Один большой олень с почти горизонтальными рогами повернут крупом к меньшему оленю с вертикально поднятыми

вверх рогами (рис.1,3). Малый олень имеет на теле S-образный орнамент, которого нет у большого оленя и кабанов. Возможно, это следует объяснить тем, что большой олень начинает композицию, в центре находятся кабаны, а маленький олень завершает её (рис.1,5). S-образный знак обозначает движение, перемены, окончание и переход к новому циклу.

Одной из хронологических точек при датировке этого «оленного» камня могла бы быть дата сооружения кургана Аржан, точнее его насыпи, так как именно там был найден этот обломок. Неизвестен пока временной интервал:

1) между сооружением деревянных срубов и их покрытием каменной наброской (вероятно, небольшой период);

2) между изготовлением «оленного» камня и его случайным или преднамеренным попаданием в насыпь кургана в качестве строительного материала или с особыми, более глубокими, мировоззренческими целями;

3) между нижним и верхним рубежами изобразительной традиции близкой к «оленному» камню из Аржана и т.п.

В Птичатой могиле (Болгария) и в могильнике Гумарово (Южное Приуралье) каменные изваяния также были найдены в насыпях курганов, то есть они могли быть установлены при их сооружении (Исмагилов Р.Б., 1988, с.32,33). В северной части Монголии, в местности Дурьлжин ам около керексура был найден «оленный» камень (Волков В.В., 1981, с.73,214, 215), на котором изображены олени и кабан, наиболее близкие по стилю к образам животных на обломке камня из кургана Аржан. Как уже неоднократно отмечалось, аржанский камень мог стоять на кургане или рядом с ним. После того как он был сломан, его могли с почетом или со страхом закопать в насыпи кургана Аржан и т. д. Подобный случай автор наблюдал в 1979 году на Алтае, около села Улаган. На большом могильном поле, которое распаивалось местным населением, ранее стояло древнетюркское каменное изваяние. По словам краеведа В.Ф.Чумакаева, алтайцы почитали это изваяние и в то же время боялись его. В связи с полевыми работами это изваяние было «захоронено» рядом с оградкой, около которой оно стояло (Марсадалов Л.С., 1991, с.55).

Вопросов много, а точных ответов нет. Поэтому, вероятно, при датировке аржанского «оленного» камня следует ориентироваться на дату сооружения «царского» кургана Аржан –

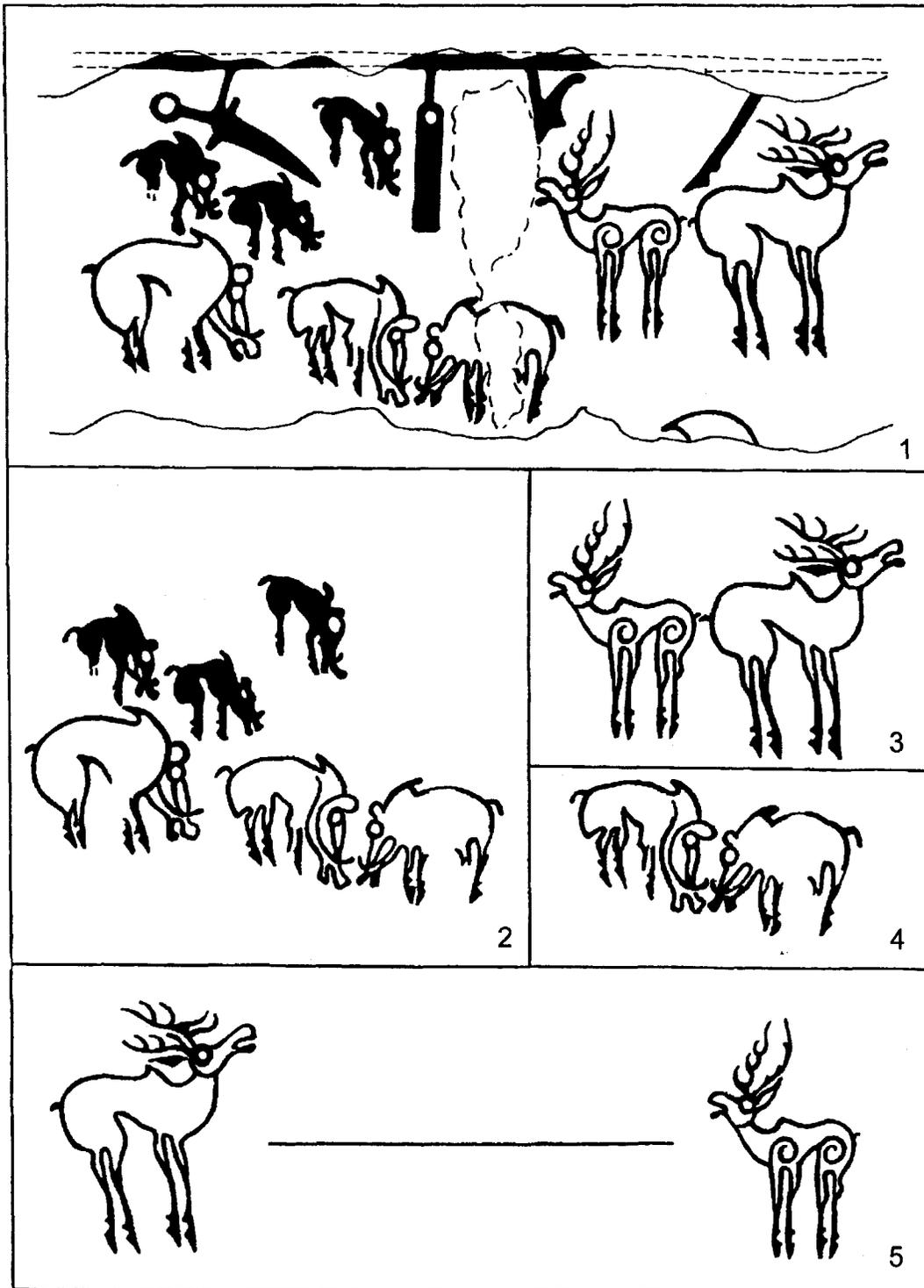

Рис. 1. «Оленный» камень № 1 из насыпи кургана Аржан и его семантическая разметка: 1 – развёртка изображений на камне; 2–4 – противостоящие фигуры кабанов; 3 – противостоящие фигуры оленей; 5 – предполагаемые начало и конец композиционной разметки

конец IX в. до н.э. (Марсадолов Л.С., 2000а, с.21), так как изображения на обломке «оленного» камня близки по стилю к другим находкам из этого памятника, например: скульптур-

ной фигурке кабана на навершии одного из аржанских кинжалов или процарапанному рисунку кабана на одном из клыков (Грязнов М.П., 1980, рис.11,3,4;24,1).

Аржан III. «Оленный» камень № 2 и выкладки

В 2,5 км к востоку от поселка Аржан, у подножья горы Кош-Пей, в 0,6 км к западу от её невысокого «хребта-перевала», в 1987 г. Саяно-Алтайской археологической экспедицией Государственного Эрмитажа (СЭАЭ ГЭ) под руководством Л.С.Марсадолова был найден лежащий в траве «оленный» камень (Марсадолов Л.С., 1998, с.51,52). В 1989 г. этот камень был тщательно скопирован и затем опубликован (Килуновская М.Е., Семёнов Вл.А., 1998, с.145). Позднее ряд изображений на этом камне более детально прорисовал А.А.Ковалёв (2000, с.170, рис.16,1).

«Оленный» камень представляет собой подпрямоугольную в сечении обработанную плиту-стелу из серого песчаника (рис.3). Его размеры: длина обработанной части – 1,8 м, ширина – 0,35–0,45 м, толщина – 0,2 м. На изваянии, в верхней части, выбиты налобная повязка-диадема, серьги с подвесками и ожерелье из бусин в виде округлых ямок. На узкой передней грани камня, в верхней части, на месте лица находятся три косые черты, в средней части – чекан-клевец с длинной рукоятью и округлым втоком, а ниже пояса – кинжал (с кольцевым навершием, прямым перекрестьем с утолщениями на концах), подвешенный на крючок. На широкой грани в средней части изображен «решетчатый» щит (подпрямоугольной формы с заостренным верхом, с округлым умбоном в верхней половине), а ниже пояса – нож в ножнах, оселок и лук в колчане. На противоположной широкой грани, рядом с серьгой – маленькое изображение свернувшейся в кольцо пантеры, ниже ожерелья – две свернувшиеся пантеры, вписанные одна в другую. В средней части этого камня – семь стилизованных оленей с «клюво-видной» мордой монгольско-забайкальского типа, с округлым глазом, ушами, без рогов, а ниже пояса – приподнятая рельефом фигура стоящего кабана, направленная вверх. На задней грани камня ниже округлого диска-застежки находится изображение свернувшейся в кольцо пантеры или волка, в средней части – ориентированный головой вверх контурный рисунок коня с подогнутыми ногами.

По аналогиям с изображениями из «царского» кургана Аржан (бронзовая пантера, кабаны) изваяние можно датировать концом IX – VIII вв. до н.э. На этом камне также

обыгрываются оппозиции: вверху – хищные пантеры, которые смотрят вниз, в середине – мирные олени и конь, а ниже – кабан; головы всех копытных ориентированы вверх. Если на узкой и широкой гранях изображены только предметы вооружения, то на противоположных им гранях – только образы хищных зверей и копытных животных. Олени и оружие, выбитые на этом камне, в основном имеют аналогии в Монголии и на Саяно-Алтае (Волков В.В., 1981, с.230–240 и др.).

В 1989 г. СЭАЭ ГЭ заложила вокруг «оленного» камня вначале небольшой раскоп площадью 3×3 м. После снятия дернового слоя было зачищено несколько камней, лежащих по линии СВ–ЮЗ. Общая длина ряда камней – 2,6 м. Для поиска продолжения ряда из камней или его отсутствия раскоп был расширен на 2 м к северу и на 8 м к югу, но ничего не было найдено. Таким образом, вокруг камней был заложен раскоп размерами 3×13 м.

В 8 м к западу от места нахождения «оленного» камня из земли выступали верхние края сильно задернованных каменных выкладок, вокруг которых был заложен раскоп размерами 10×9 м. После снятия дернового слоя все камни были оставлены на своих местах и «оконтурены».

В целом сооружение состояло, вероятно, из нескольких примыкающих друг к другу округлых выкладок из камней (рис.2). Длина раскопанной системы выкладок – ок. 11 м, ширина – от 2 до 4 м. Выкладки расположены по линии север–юг. После графической фиксации и нивелировки раскопанной площади и камней, все мелкие камни были сняты и вынесены из раскопа, а крупные камни вновь зачищены. Более четко обозначились контуры пристроенных одна к другой «кольцевидных» выкладок. Выкладки очень разнообразны по форме и размерам. Основания камней лежали на глубине 15–20 см от уровня современной поверхности.

После фиксации все камни из раскопа были убраны и площадь вновь зачищена, что позволило выявить ряд тёмных пятен. Под камнями находились 4 ямки (рис.2), очень близкие по своей форме и размерам. Они округлые в плане, с вертикальными стенками, их диаметр – ок. 0,55 м, глубина – ок. 0,80 м (рис.2,С). В ямке 1 найдены остатки деревянного столба. Ямки 2–4 были заполнены грунтом с небольшим числом камней.

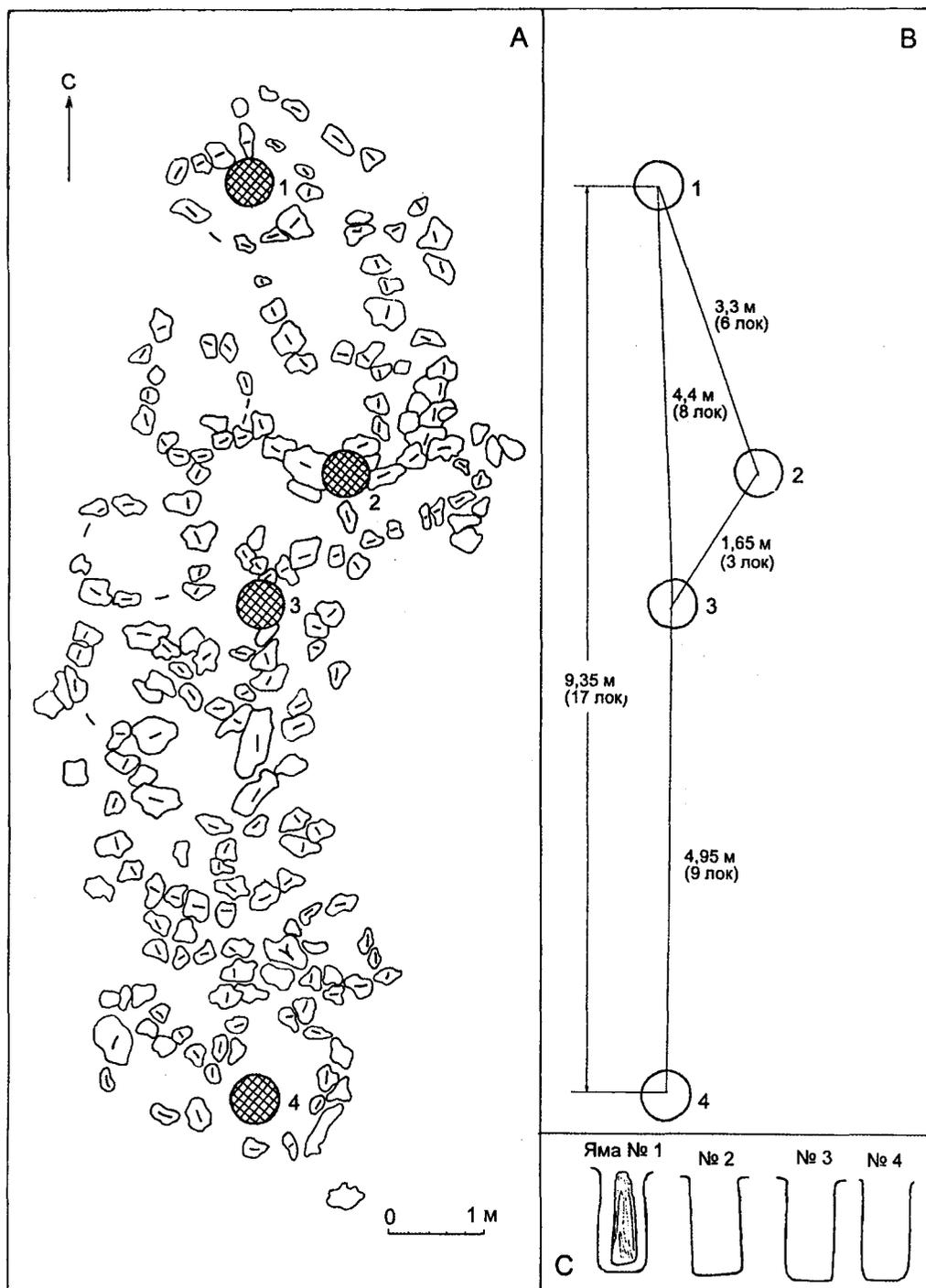

Рис. 2. Планы раскопа из пункта Аржан III: А – план раскопанных выкладок после снятия мелких камней (1–4 – ямки); В – предполагаемая разметка между ямками (1 локоть = ок. 55 см, 1 сажень = 4 локтя = ок. 220 см); С – разрезы ямок 1–4 (ямка 1 с остатками деревянного столба)

Ямки 1, 3, 4 расположены по одной линии, СЮ, на расстоянии: 1–3 – 4,4 м, а 3–4 – ок. 5 м друг от друга. Ямка 2 находится в 1,65 м к ССВ от ямки 3. Следует отметить, что в размерах ямок и их взаимном расположении прослеживается определённый модуль, равный 55 см

(рис.2,В). Величина этого модуля близка к реконструируемым по другим объектам Саяно-Алтая древним мерам длины – локтю в 55 см и косой сажени в 220 см, равной 4 локтям (Марсадолов Л.С., 2000а, с.9,10; эти же размеры известны и по более поздним этнографическим

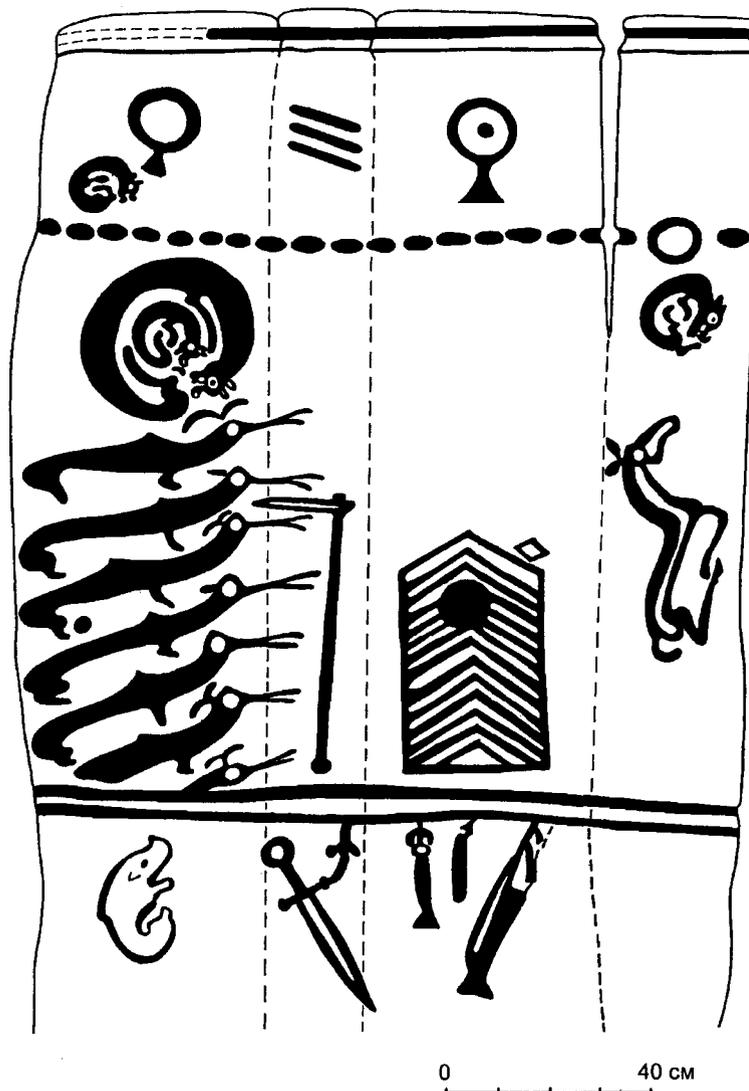

Рис. 3. «Оленный» камень № 2 из пункта Аржан III (по материалам М.Е.Килуновской, Вл.А.Семёнова и Л.С.Марсадолова)

материалам из Тувы). Диаметр каждой из четырёх ямок равен 1 локтю (ок. 55 см), их глубина – 1,5 локтя (ок. 82 см). Ямки 2 и 3 отстоят друг от друга на 3 локтя = 165 см ($165 : 2 = 82,5 =$ глубине каждой ямки). Расстояние между лунками 1 и 3 равно 8 локтям или 2 косым саженим. Между ямками 4 и 3 по прямой 4,95 м = 9 локтям, что соответствует сумме расстояний между ямками 3–2 (3 локтя) + 2–1 (6 локтей), т.е. расстояния по прямой и ломаной кривой равны, по 9 локтей каждое. При этом расстояние между ямками 3–2–1 состоит из двух пропорциональных отрезков по 3 локтя и 6 локтей (3×2). Таким образом, размеры в 1,5 – 3 – 6 – 9 локтей образуют кратную систему единиц измерения, свидетельствующую

об уровне математических и сакральных познаний той исторической эпохи.

Под дерновым слоем, над и под камнями, а также в ямках, костей и предметов не обнаружено. Раскопы с выкладками и с камнями, над которыми лежал «оленный» камень, были соединены между собой. По окончании работ площадь раскопа была ещё раз прокопана на глубину 0,2 м. Никаких пятен и культурных остатков не найдено. После этого с помощью бульдозера раскоп был вновь засыпан вынутым грунтом.

В 55 м к западу от этого раскопа расположен к.2 с земляной насыпью, диаметром 33 м, высотой 1,3 м, с небольшой западиной в центре. С западной стороны от кургана находятся

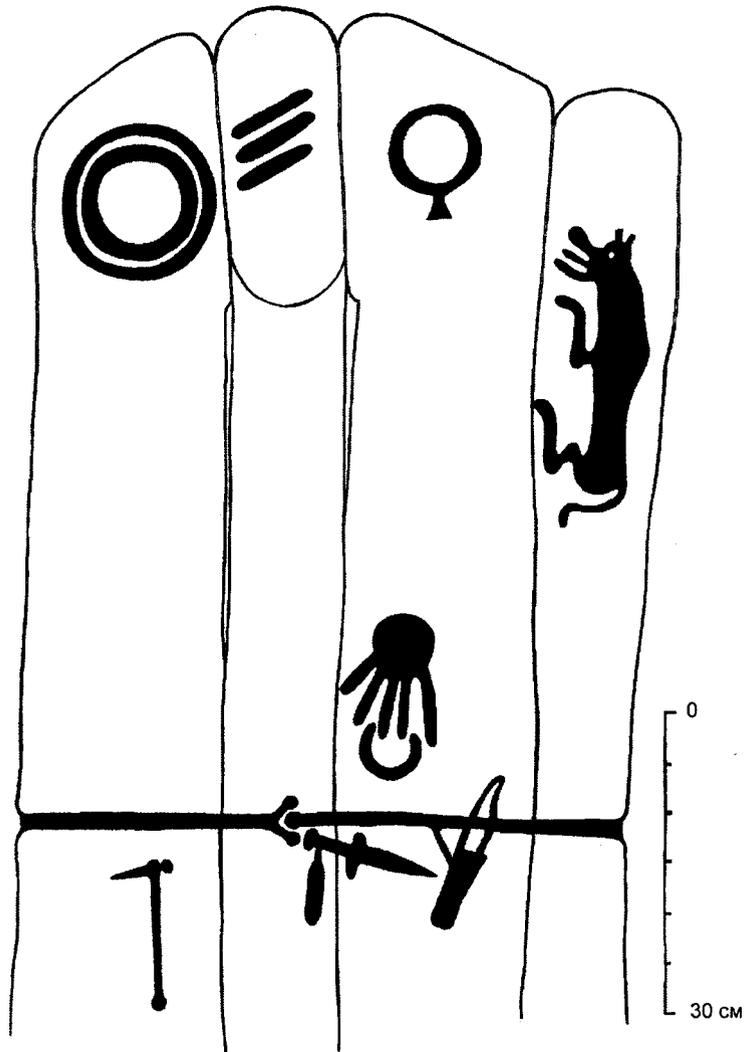

Рис. 4. «Оленный» камень № 3, найденный на северной окраине поселка Аржан (прорисовка Л.С.Марсадолова)

несколько сильно задрюканных каменных выкладок. В 270 м к северу от к.2 расположен еще больший по размерам к.1 с земляной насыпью, диаметром 44 м, высотой 2 м. С восточной стороны, на расстоянии 60 м от подножья кургана, расположены две выкладки из камней диаметром 2,5 м и 4,5 м, а далее, в 130 м к востоку от них, еще две выкладки, диаметром 3 и 3,5 м, сложенные из камней.

Подобные комплексы объектов, состоящие из выкладок и рядом расположенных «оленных» камней, ранее были исследованы в южной части Тувы (Грач А.Д., 1980, с.211), в Монголии (Волков В.В., 1981, с.132,134,153,195, 203,208,214,221,224), на Алтае – на р.Юстыд (Кубарев В.Д., 1979, с.14–20), на р.Чуе (Марсадолов Л.С., 2000б, с.206–210) и др.

Оленный камень № 3

На северной окраине поселка Аржан, на куче строительного мусора, в 1989 г. СААЭ ГЭ был найден еще один «оленный» камень (рис.4; Марсадолов Л.С., 1998, с.52). По сведениям местных жителей, он был привезён механизаторами со склонов горы Кош-Пей. Этот камень представляет собой плиту-стелу из коричневатокрасноватого кремнистого песчаника, размеры: высота – 1,1 м, ширина – 0,22 м, толщина – 0,11 м. В верхней части камня схематичным уступом выделена голова. Такое выделение головы уступом встречается на монгольских «оленных» камнях (Агрын бригада и др. – Волков В.В., 1981). На узкой передней грани на месте лица находятся три косые линии. На боковых

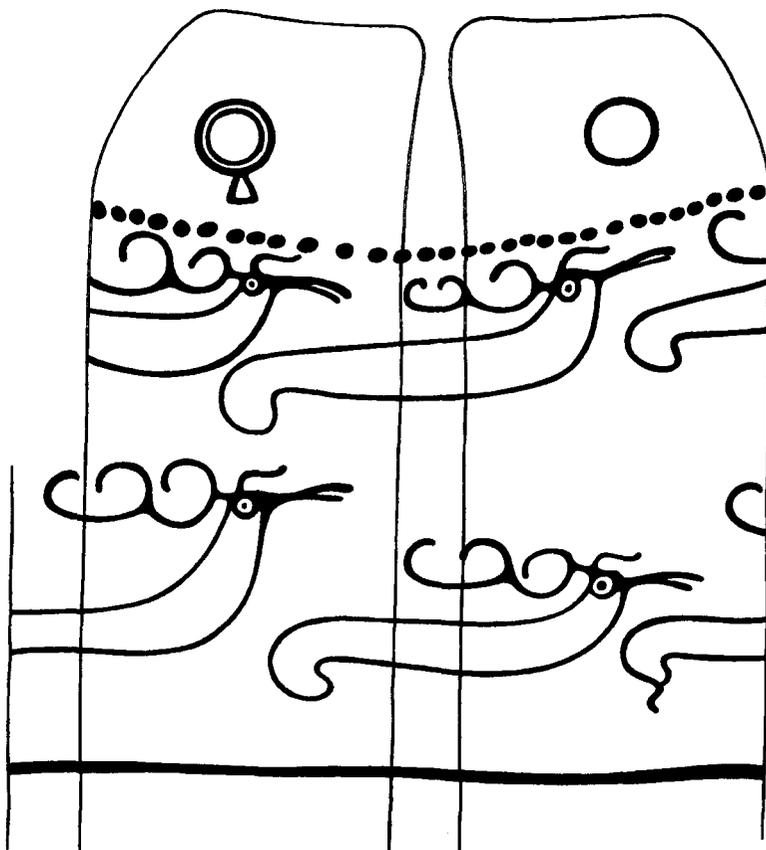

Рис. 5. «Оленный» камень № 4 из урочища Чинге-таг около пос.Аржан

широких гранях сверху выбита серьга с растробом и два кольца. Серьга близка к выбитым на вышеописанном камне. На задней грани показан хищник кошачьей породы (пантера или барс) с выделенным круглым глазом, двумя торчащими ушами, раскрытой пастью с языком, плавно изогнутыми туловищем с выделенной лопаткой и длинным хвостом, подогнутыми под брюхо лапами. Аналогичная фигура известна на камне из Монголии (Хураин ам из Тарят сомона – Волков В.В., 1981, табл.31,1), только у нее не показан длинный вытянутый язык. Зато такая моделировка морды встречается на других «оленных» камнях Монголии (Волков В.В., 1981, табл.117), а также у хищников на втором камне.

На левой грани над поясом выбит круг с отходящими вниз пятью лучами (солнце = рука) и под ним полукруг = лунный месяц. Подобная фигура (круг с пятью лучами, отходящими в одну сторону) есть и в нижней части, под поясом на камне с р.Уюк (Кызласов Л.Р., 1978, рис.1,1). Интересно, что верх уюкского камня также оформлен выступом с тремя косыми линиями на месте лица, а под поясом показан чекан).

В нижней части камня № 3 выбит пояс с застежкой в центре (рис.4). Застежка оформлена в виде раздвоенной фигуры с круглыми утолщениями на конце. Такая поясная застежка пока не имеет аналогий на Саяно-Алтае. К поясу прикреплен кинжал с прямым перекрестием и овальным навершием, оселок, лук в налучье, чекан-клевец. У чекана длинная рукоять с округлым утолщением на втоке.

Серьги с подконусовидным колпачком, изображения которых часто встречаются на «оленных» камнях у пос.Аржан и на Саяно-Алтае (рис.3–6), были широко распространены на территории Евразии. Наиболее ранние изображения таких серёг известны на ассирийских каменных рельефах (рис.6,1,1а,3–5), в том числе и периода Ашшур-нацир-апала II (883–859 гг. до н.э.). Металлические серьги такого типа в памятниках Евразии IX–VIII вв. до н.э. пока не найдены или не опознаны, хотя известны по изображениям на ассирийских рельефах и «оленных» камнях. Золотые серьги с подконусовидным колпачком, часто покрытые зернью, обнаружены в элитном кургане Аржан-2 в Туве

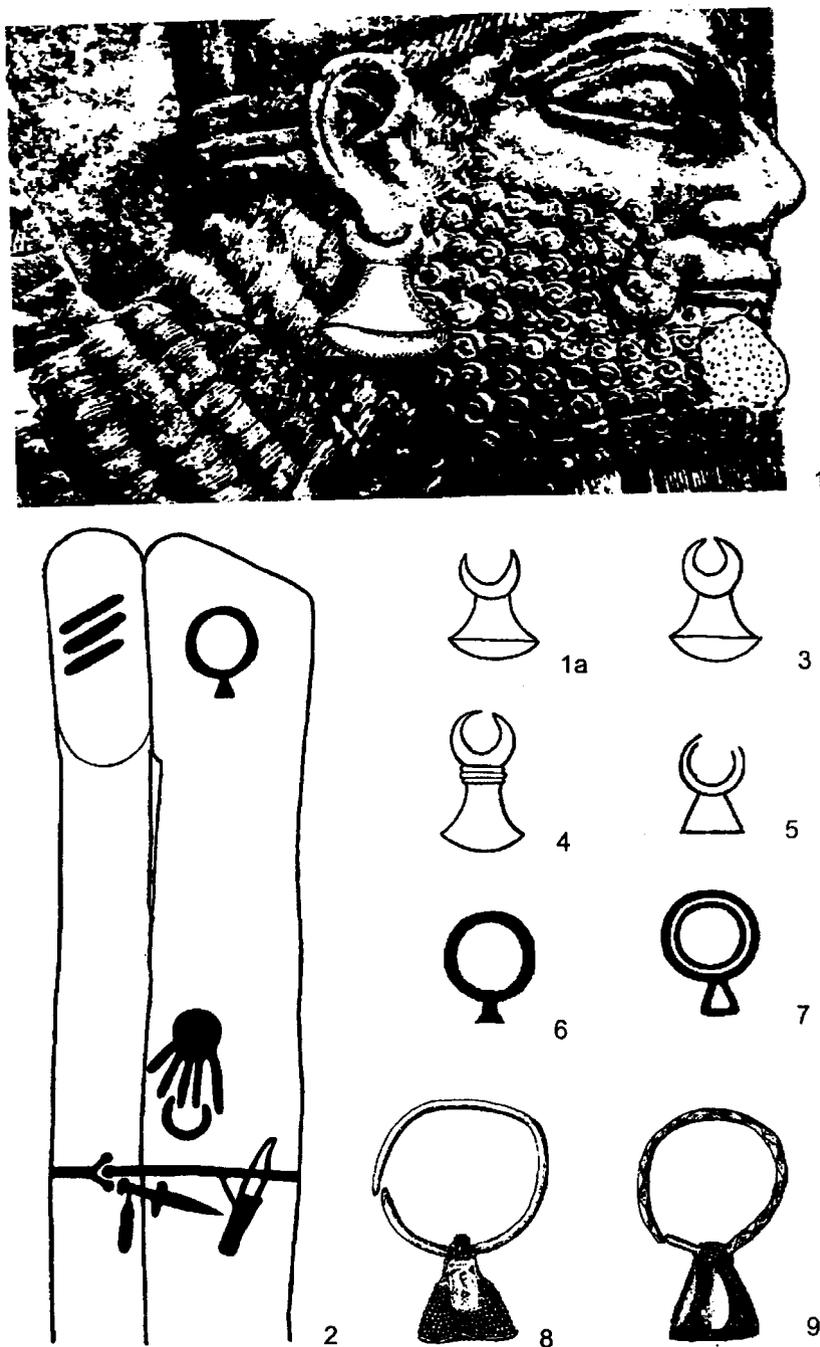

Рис. 6. Изображение серёг с подконусовидным колпачком из разных регионов: 1 – каменный рельеф периода Ашшур-нацир-апала II (883–859 гг. до н.э.); 1a – прорисовка серёги с этого рельефа; 2 – каменное изваяние из пос.Аржан в Туве (по материалам Л.С.Марсадолова); 3–5 – прорисовки серёг с ассирийских рельефов; 6,7 – прорисовки серёг с «оленных» камней у пос.Аржан; 8,9 – золотые серёги из к.19 мог-ка Бойтыгем-II (по материалам М.Т.Абдулганеева и А.А.Тишкина)

(Чугунов К. и др., 2003, с.127), в ряде небольших курганов Тувы, Алтая (в том числе в к.19 мог-ка Бойтыгем-II – Тишкин А.А., 1999, с.189, рис.1), а также в Казахстане, Поволжье и других регионах (Семёнов Вл.А., 1999). На «олен-

ных» камнях Монголии изображения таких серёг встречаются очень редко.

Ещё одно изваяние, которое ранее находилось на склоне горы Кош-Пей (а сейчас хранится в музее г.Турана) было опознано К.В.Чугу-

новым в 1996 г. (см.: Килуновская М.Е., Семенов Вл.А., 1999, с.140, рис.12). Этот камень был вывезен директором Туранского музея Т.Е.Верещагиной в середине 1980-х годов. По её словам камень находился на склоне горы Кош-Пей около камня с изображениями (вероятно, с изваянием № 2). В верхней части этой стелы выбита рельефом голова человека, а ниже – изображение копытных животных и лук (?).

Три каменных изваяния, найденные на горе Кош-Пей, объединяются в единый комплекс как по месту их нахождения, так и по близким стилистическим признакам. Изображения пантер, кабана и оленей, предметов вооружения и украшений позволяют их датировать концом IX–VIII вв. до н.э.

Обращает на себя внимание тот факт, что из четырёх обнаруженных в одном раскопе ямок в одной найдены остатки деревянного столба или изваяния, а три были пустыми, хотя в них ранее могли находиться каменные изваяния (тем более, что диаметр ямок примерно соответствует размерам нижней части «оленных» камней). Изваяния могли быть изготовлены разными мастерами, из разного материала, с разной целью и в разное время. Но более вероятно то, что они могли быть установлены почти одновременно представителями разных этнических групп с одновременной пристройкой выкладок из камней.

«Оленный» камень № 4

Находится около поселка Аржан в урочище Чинге-Таг, на р.Уюк (Грязнов М.П., 1980, с.43, рис.29,12). В верхней части плоской каменной плиты на широких боковых гранях выбиты два круга-серьги, одна из которых дана двойным контуром, с подвеской в нижней части (рис.5). Под серьгами находятся округлые лунки-ожерелье, а в нижней части камня – пояс. В средней части контурными линиями выбиты стилизованные фигуры четырех оленей с круглым глазом, клювовидными удлиненными мордами, ветвистыми рогами, массивными туловищами, без ног. Рога у каждого из четырех оленей показаны в виде четырех отростков. На каждой из граней находятся по две передних части и по два крупы оленя. Самый маленький по размерам олень находится в нижней части камня. Вероятно, этот «оленный» камень также можно датировать IX–VIII вв. до н.э.

«Оленный» камень № 4 наиболее близок к монголо-забайкальским по форме каменной плиты-заготовки и по стилю изображения оленей. Но в Монголии почти не встречаются большие выбитые по контуру рисунки оленей, что дополнительно свидетельствует о том, что камень № 4 был изготовлен на месте мастером знакомым с этой стилистической традицией.

Заключение

Подтреугольная в плане, обширная Турано-Уюкская котловина была одним из самых значительных военно-политических, экономических и ритуально-сакральных центров крупного союза кочевых племён не только Тувы, но и Центральной Азии в IX–VII вв. до н.э.

Аржан – крайний северо-восточный форпост кочевников Саяно-Алтая, находится в последней предгорной долине Тувы, перед большим перевалом, на северной границе с тагарскими племенами, отличающимися принципиально иными идеологическими представлениями. «Аржанцы» контролировали единственный путь, связывающий южные районы «тагарцев» с Тувой, Монголией и Китаем, с богатыми мехом северными таёжными районами. Вероятно, этнический состав, проживающего здесь населения, был неоднородным, что нашло своё отражение и в культовых объектах того времени, в том числе и на «оленных» камнях.

Соединение в одном месте – около посёлка Аржан в центре Азии, разных традиций изготовления каменных изваяний (общей евразийской, монгольско-забайкальской и саяно-алтайской), выполненных на круглых, уплощенно-плитообразных и подпрямоугольных заготовках, с использованием разных стилистических традиций, также свидетельствует о присутствии в этом районе разноэтничных мастеров по камню.

Наиболее вероятно то, что каждое из трёх каменных изваяний (+ 1 деревянное?), найденных на склоне горы Кош-Пей, было привезено представителями трех-четырёх разных этнических групп, участвующих в сооружении этого ритуального центра. Отметим, что и при погребении вождя в кургане Аржан также участвовало несколько племён (Грязнов М.П., 1980). Курган Аржан и ритуальный комплекс на склоне горы Кош-Пей близки по времени. Изображения свернувшихся в кольцо пантер близ-

ки не только по стилю, но и по своим размерам (около 28 см = поллоктя). Большое число изображённых предметов вооружения и, особенно, образов животных, выполненных в разном сти-

ле и технике, свидетельствует об уникальности этих «оленных» камней и их значительности для датировки аналогичных объектов и памятников конца IX–VIII вв. до н.э.

Литература

Волков В.В., 1981. Оленные камни Монголии. Улан-Батор.

Грач А.Д., 1980. Древние кочевники в центре Азии. М.

Грязнов М.П., 1980. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л.

Исмагилов Р.Б., 1988. Погребение Большого Гумаровского кургана в Южном Приуралье и проблема происхождения скифской культуры // АСГЭ. Вып.29. СПб.

Килуновская М.Е., Семёнов Вл.А., 1998. Оленные камни Тувы (Часть 1 – новые находки, типология и вопросы культурной принадлежности) // Археологические вести. № 5. 1996–1997. СПб.

Килуновская М.Е., Семёнов Вл.А., 1999. Оленные камни Тувы (Часть 2. Сюжеты, стиль, семантика) // Археологические вести. № 5. 1996–1997. СПб.

Ковалёв А.А., 2000. Происхождение оленных камней западного региона // Археология, палеоэкология и палеогеография Евразии. М.

Кубарев В.Д., 1979. Древние изваяния Алтая (Оленные камни). Новосибирск.

Кызласов Л.Р., 1978. К изучению оленных камней и менгиров // КСИА. Вып.154.

Марсадолов Л.С., 1991. Археологическая разведка в Улаганском районе Горного Алтая в 1980 г. // Древние памятники культуры на территории СССР. СПб.

Марсадолов Л.С., 1998. Новые исследования Эрмитажа в Саяно-Алтае // АСГЭ. Вып.33. СПб.

Марсадолов Л.С., 2000а. Археологические памятники IX–III вв. до н.э. горных районов Алтая как культурно-исторический источник (феномен пазырыкской культуры). Автореф. дис... докт. культурологии. СПб.

Марсадолов Л.С., 2000б. Ритуальный центр в долине р.Чуи на Алтае // Святотелища: археология ритуала и вопросы семантики: Материалы тематической научной конференции. СПб.

Ольховский В.С., 1989. Оленные камни (к семантике образа) // СА. № 1.

Ольховский В.С., 2001. Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа как исторический источник. Автореф. дис... докт. ист. наук. М.

Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л., 1994. Скифские изваяния VII–III вв. до н.э. М.

Савинов Д.Г., 1994. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб.

Семёнов Вл.А., 1999. Синхронизация и хронология памятников алды-бельского типа в Туве // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Сб. научн. ст. Барнаул.

Тишкин А.А., 1999. Украшения раннескифского времени из Горного Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Сб. научн. ст. Барнаул.

Чугунов К., Парцингер Г., Наглер А., 2003. Ювелирные изделия из кургана Аржан-2. Вопросы происхождения комплекса // Ювелирное искусство и материальная культура. Тезисы докладов участников двенадцатого colloquium. СПб.

КАМЕННОЕ ИЗВАЯНИЕ С КУРГАННОГО ПОЛЯ СОЛОХИ

Прошедшие два года отмечены в археологии России и Украины двумя печальными датами: преждевременно и совсем неожиданно ушли из жизни замечательные ученые Валерий Сергеевич Ольховский и Геннадий Леонидович Евдокимов. Оба они оставили глубокий след в изучении археологии юга нашей Родины и, в особенности, древнего пласта монументального искусства.

Изданный ими совместно в 1994 г. каталог скифских каменных изваяний (Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л., 1994), и до сего дня является наиболее полным собранием этого рода древностей, а его компактные аналитические разделы отражают идеи ни в малой степени не утратившие своего научного значения за истекшее время.

Что касается научного наследия В.С.Ольховского, то здесь следует особо указать на теоретическую глубину и беспредельно широкий географический охват его исследований каменной скульптуры раннего железного века – от пустынь Мангышлака и тогда еще мирной Чечни до Крымского полуострова и низовьев Дуная. Особенно впечатляюще выглядит этот факт при учете того обстоятельства, что В.С.Ольховский твердо исповедовал принцип изучения памятника «вживую», никогда не удовлетворяясь графическими материалами, полученными из чужих рук. Он смотрел и инструментально обследовал практически каждый мало-мальски доступный экземпляр из опубликованного им «Каталога», а многие прорисовки, эстампы, фотографии и иные иллюстративные материалы (отмеченные, кстати, высокой точностью и качеством) выполнил собственноручно.

Одной из наиболее значимых сторон исследовательской деятельности В.С.Ольховского было постоянное и обильное введение им в полноценный научный оборот все новых и новых, дотоле неизвестных каменных изваяний раннего железного века. Всем этим В.С.Ольховский добился заслуженной репутации непредвзятого специалиста в области изучения древнего монументального искусства.

В не меньшей мере все сказанное относится и к научно-исследовательской деятельности его ближайшего коллеги по изучению скифской скульптуры Г.Л.Евдокимова, составившего в результате многолетней собирательской работы первоначальное ядро вышеупомянутого «Каталога».

Испытывая боль утраты и непреходящие дружеские чувства, отдавая дань глубокого уважения двум видным археологам, авторы настоящей заметки вносят и свой скромный вклад в расширение источниковедческой базы скифской монументальной скульптуры.

Одной из особенностей географического распространения скифских каменных изваяний является крайне неравномерная их концентрация на тех или иных территориях Причерноморья в различные периоды, начиная с архаической скульптуры VII в до н.э. и вплоть до мутирующих позднескифских форм рубежа нашей эры (Белозор В.П., 1987, с.5–8).

Что касается скифской каменной скульптуры IV в до н.э., то наибольшей степенью насыщенности отличаются два региона скифской степи – Нижнее Приднепровье и Северо-Западный Крым (Ольховский В.С., 2000, с.252–276). В особенности это относится к сравнительно узкой территории по левому берегу Днепра, прилегающей к Каменскому городищу, на восток от которого располагались крупнейшие из скифских могил – Солоха, Гайманова, Лепетиха и др. с окружающими их так называемыми «курганными полями»¹.

Впрочем, следует указать, что такая высокая насыщенность этого «пяточка» скифскими древностями вообще и каменными изваяниями в частности может отчасти объясняться и причинами внешнего порядка, а именно – чрезвычайно

¹ Любопытно при этом отметить, что при обилии находок здесь скифских каменных скульптур, ни одна из них не связана не только с крупнейшими курганами, но и с погребениями скифской знати вообще, что, впрочем, характерно и для иных территорий Скифии. См. об этом: (Белозор В.П., 1986, с.14).

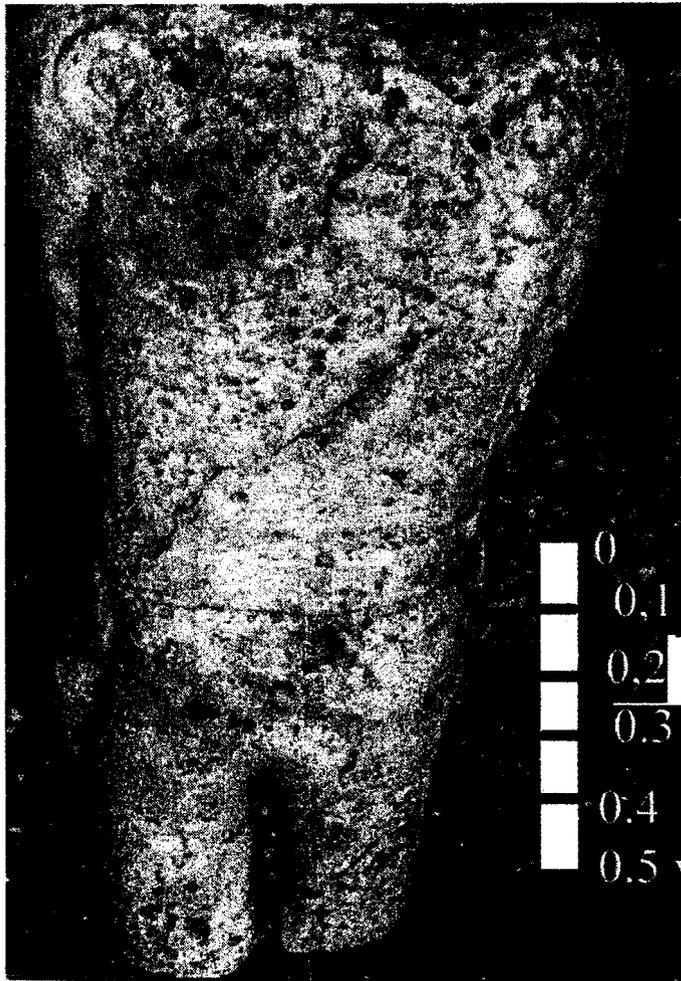

Рис. 1. Каменное изваяние с курганного поля Солохи (вид со спины)

интенсивными исследованиями данной территории в период мелиоративно-строительного бума 60–80-х гг. XX в.

В контексте темы нашей публикации не лишним будет подчеркнуть, что даже территории, подвергшиеся, казалось бы, «сплошному» и самому тщательному исследованию (а к таковым, без сомнения, относится обычно и курганная группа Солоха) способны преподнести немалые сюрпризы.

Весной 2002 г. в Каменско-Днепровский (г.Каменка-Днепровская Запорожской области) историко-археологический музей поступило сообщение о том, что на территории курганного поля Солохи при вспашке было обнаружено каменное изваяние. Более точно определить место находки не удалось, так как трактор оттянул изваяние в ближайшую посадку, стесав при этом всю его фронтальную часть. Изваяние было перевезено в г.Каменку-Днепровскую и сейчас экспонируется в небольшом лапидарии

перед музеем. Там одним из авторов были сделаны фотографии, помещенные в нашем сообщении (рис.1,2).

Данная публикация не претендует на всю возможную глубину анализа и обобщения в связи с предлагаемым материалом, ее следует рассматривать как первое «экстренное» сообщение о новом и крайне интересном археологическом источнике. Такое ограничение исследовательской цели объясняется, в первую очередь, тем, что отдельные необходимые работы по фиксации (прорисовки, эстампы и др.) в силу различных обстоятельств проделаны к настоящему времени не были (планировалась поездка В.С.Ольховского в Каменку-Днепровскую).

В.С.Ольховский в свое время разработал принципы и основные положения, которыми следует руководствоваться при описательном анализе каменной скульптуры кочевников Евразии, рассматривая ее как исторический источник (Ольховский В.С., 2000, с.253–256), таковые и

Рис. 2. Каменное изваяние с курганного поля Солохи (левый бок)

были положены нами в основание описания и предварительного анализа особенностей рассматриваемого памятника.

В воспроизведении изваяния мы ограничились фотографиями двух его ракурсов, что в достаточной мере отражает детали изображений на нем, не совсем, впрочем, ясные по объективным причинам.

Таким образом, памятник представлял собой каменные антропоморфные изваяние, выполненное из единой глыбы известняка. Что касается древних повреждений, то полностью утрачены голова и неременная для этого типа скульптур каменная база. Современные размеры изваяния – 150×60×30 см (рис.3). При сравнении с наиболее близкими аналогами, сохранившимися в удовлетворительном состоянии (например, из к.1 у с.Колоски Сакского р-на в Крыму, см.: Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л., 1994, илл.65,110) можно предположить, что общая высота памятника до повреждения равнялась приблизительно 180 см.

В морфологическом отношении памятник представляет собой круглую скульптуру и по степени выраженности может считаться полной фигурой.

Хотя по имеющимся деталям в общем нельзя категорически судить, какой пол отражает данное изваяние, но поскольку мы располагаем четким представлением о том, что в скифском монументальном искусстве всегда и везде воплощался образ мужчины-воина, к таковым и следует его относить. О последнем красноречиво свидетельствуют и некоторые неотъемлемые анатомические особенности (узкий таз, широкие плечи).

Детали на изваянии переданы двумя способами – объемной подтеской в виде абсолютно круглой моделировки (ноги) или горнезок (руки, горит) и при помощи сильной выборки фона, оставляющей барельефные изображения (пояс, декоративные мотивы на лопатках). После завершения общей прорисовки деталей производилась тщательная шкурровка всей поверхности.

Как и большинство круглых скульптур из разряда полных фигур, наша находка отличается высокой степенью выразительности антропоморфных черт: изображение объемных ног, просвета между ними, намечена – хотя и не очень четко – талия, декоративные детали подчеркивают выступ лопаток.

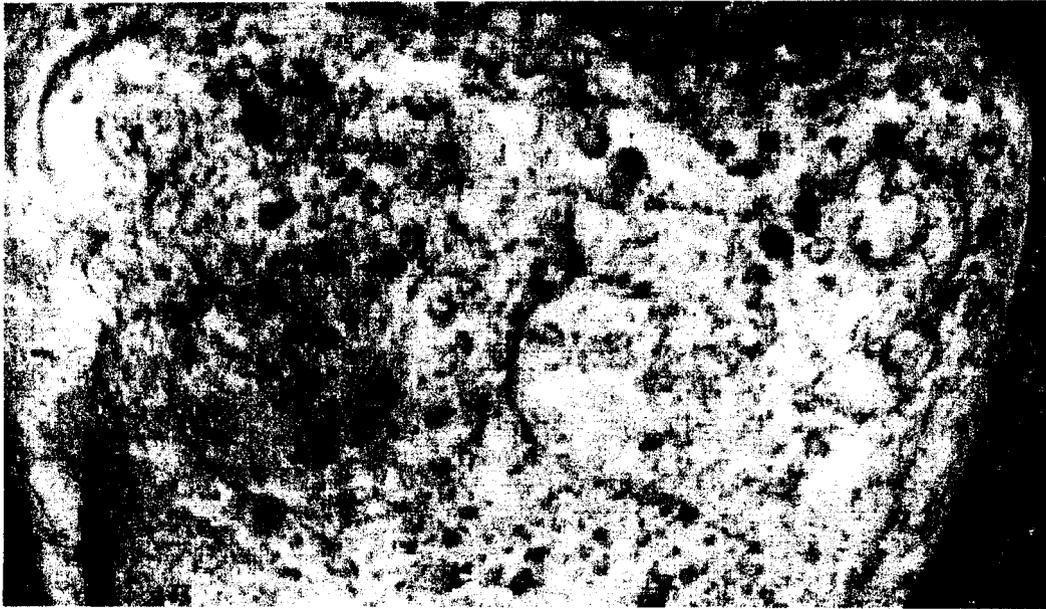

Рис. 3. Каменное изваяние с курганного поля Солохи (изображения на спине изваяния)

Репертуар изображенных на сохранившихся плоскостях изваяния предметов представлен традиционным поясом шириной 10 см. Пояс гладкий и, очевидно, имитирует обычную кожаную деталь скифского одеяния. На левом боку подвешен горит длиной 50 см и максимальной шириной в верхней части 20 см, а в нижней – 15 см. Горит изображен горельефно и состоит из футляра для лука и кармана для стрел. Первый изображен в более низком рельефе, а карман выступает на 5 см по отношению к остальной плоскости. Из горита торчит верхняя часть «поскифски» кривого древка лука толщиной около 3 см с изображением на самом конце крючка для тетивы. На краю кармана для стрел невнятно изображено несколько колечек, передающих, вероятно, торчащие из него концы стрел.

Наиболее трудно распознаваемы полустертые детали на лопатках изваяния (рис.3). Если по отношению к изображениям на правой лопатке (судя по фотографии) можно предполагать, что это обрезы двух грифонных голов, симметрично расположенных одна над другой и обращенных клювами к позвоночнику с осью симметрии, проходящей по нижним частям голов, то по поводу изображения на левой лопатке мы затрудняемся предположить какую-либо конкретную трактовку: ясно обозначены лишь геометрически правильное барельефное кольцо диаметром около 15 см и ниже – широкое барельефное полукружие. Во всяком случае совершенно не похоже, что на правой и

левой лопатке мы имеем идентичные симметричные изображения. Совершенно необходимым представляется изготовление в дальнейшем эстампа, сверхконтрастного фотоотпечатка и тщательной прорисовки всех описанных деталей.

Что касается общей иконографии образа, то она восходит к довольно узкой группе памятников скифского монументального искусства, представленной в основном в Северо-Западном Крыму и на Кубани в конце V в., а преимущественно – в IV–III вв. до н.э. В качестве ближайшей аналогии, в особенности относительно общей морфологии, укажем на уже упомянутое изваяние из к.1 у с.Колоски. Почти идентичная трактовка антропоморфных черт тыльной стороны этого памятника позволяет мысленно реконструировать и детали передней плоскости публикуемого нами изваяния. Однако по отношению к не вполне ясным изображениям на его лопатках более уместно сравнение с монументом из Краснодарского музея, возможно происходящего из станицы Преградной, несмотря на явное превосходство на последнем количества деталей и мастерства в их изображении.

К этой же серии памятников следует отнести изваяния из курганов 4 и 12 у тех же Колосков, из курганов 1, 18 и 19 у с.Крыловка Сакского р-на, скульптуру № 1 из пгт.Черноморское и некоторые др. (Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л., 1994, илл.66, с.154; илл.57, с.145; илл.58, с.146; илл.59, с.147).

В отношении являемого образа, идеи, сюжета в рассматриваемом произведении монументального творчества скифов следует исходить из довольно консолидированного мнения исследователей (Граков Б.М., 1947, с.83; Мелюкова А.И., 1952, с.38; Артамонов М.И., 1961, с.82; Шульц П.Н., 1967, с.226–229; Белозор В.П., 1987, с.14,15; Раевский Д.С., 1985, с.136–146 и др.) о воплощении в образе скифских изваяний героизированного умершего или мифологического героя, что в контексте общего образного осмысления не имеет существенного различия, так как и первый и второй отрицает идею первородства, связанного с ним плодородия, воинской славы и т.п.

О конкретной функции данного памятника, в силу совершенно туманных обстоятельств его происхождения (надкурганый монумент, компонент святилища?), утверждать что-либо определенное весьма затруднительно. Однако тот факт, что в огромном большинстве скифские каменные изваяния использовались как надгробные памятники (Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л., 1994, с.45), позволяет предполагать подобное назначение и нашей находки, то есть в целом как мемориальное.

Публикуемая нами находка представляется крайне интересной и важной в культурно-историческом аспекте рассматриваемой эпохи и территории. Как уже подчеркивалось, подобные изваяния сосредоточены в двух узколокальных зонах скифской ойкумены, а именно – в Северо-Западном Крыму и, отчасти, в Причерноморской полосе Кубани. Нетрудно прийти к выводу о том, что как раз эти регионы в IV–III вв. до н.э. неминуемо должны были стать средоточиями

наиболее интенсивных процессов всесторонней интеграции эллинских и аборигенных компонентов экономики, политики, культуры и, даже, антропологической метисизации населения.

О явственном античном влиянии на иконографию рассматриваемой серии скифских изваяний без колебаний указывает целый ряд исследователей (Шульц П.Н., 1967, с.231–235; Белозор В.П., 1987, с.7). В.С.Ольховский даже склонился к мысли о том, что «...есть все основания признать, что изготовлены эти изваяния были эллинами либо (что не так вероятно) скифами, прошедшими обучение в эллинских художественных мастерских» (Ольховский В.С., 1990, с.101).

В связи с такой констатацией находка этого рода изваяния в округе Каменского городища предстает в особом свете.

Одним из авторов настоящей публикации высказывалось убеждение о доминирующей роли в культурно-экологическом обустройстве Каменского городища мигрантов из греческих причерноморских колоний (в частности, Ольвии) или из среды эллинизированных аборигенов (Гаврилюк Н.А., 1999, с.305). Находка памятника монументального искусства, выполненного в духе истинных «эллино-скифских» канонов, в таком значительном территориальном удалении от первоначального ядра формирования этого своеобразного стиля каменного ваяния является, по нашему мнению, еще одним убедительным аргументом в подтверждение прямого и всеобъемлющего греческого культурного влияния на развитие нижнеднепровских памятников (и Каменского в частности) на заключительном этапе истории Скифии.

Литература

- Артамонов М.И., 1961. Антропоморфные божества в религии скифов // АСГЭ. Вып.2. Л.
- Белозор В.П., 1986. Скифские каменные изваяния. Киев.
- Белозор В.П., 1987. Скифские каменные изваяния VII–IV вв. до н.э. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Киев.
- Гаврилюк Н.А., 1999. Экономика Степной Скифии VI–IV вв. до н.э. Киев.
- Граков Б.М., 1947. Скифы. Київ.
- Мелюкова А.И., 1952. Каменная фигура скифа-воина // КСИИМК. Вып.48. М.
- Ольховский В.С., 1990. Скифские изваяния Крыма // Проблемы скифско-сарматской археологии. М.
- Ольховский В.С., 2000. Монументальная скульптура кочевой Евразии: проблемы источниковедения // Археология, палеоэкология, палеодемография Евразии. М.
- Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л., 1994. Скифские изваяния VII–IV вв. до н.э. М.
- Раевский Д.С., 1985. Модель мира скифской культуры. М.
- Шульц П.Н., 1967. Скифские изваяния Причерноморья // Античное общество. Труды конференции по изучению проблем античности. М.

КУРГАНЫ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ У ПОС. ДНЕПРОРУДНЫЙ И С. БОЛЬШАЯ БЕЛОЗЕРКА (КРАТКИЙ ОЧЕРК)

В 1963–1964 гг. Скифская Степная экспедиция Исторического факультета МГУ под общим руководством Б.Н.Гракова производила охранные раскопки курганов у поселка Днепрорудный¹ (исследовано 14 курганов: 2–7, 9–12, 15, 17, 18, 19) Васильевского района и села Большая (Великая) Белозерка (исследовано 2 кургана: 1, 2) Каменко-Днепровского района Запорожской области.

КУРГАННАЯ ГРУППА У ПОСЕЛКА ДНЕПРОРУДНЫЙ

Раскопанные курганы входили в группу, расположенную в СВ части строившегося поселка Запорожского железорудного комбината № 1, в 3 км к западу от которого (вниз по Каховскому водохранилищу) находится с. Балки. Курганная группа насчитывала свыше двух десятков насыпей и располагалась по линии ЮЗ–СВ на протяжении 800 м (параллельно береговой линии водохранилища), занимая наиболее высокий участок коренного берега. Большинство насыпей сильно распахано. Выделялись своими размерами курганы 4 и 8. Самый большой к. 8 (H ≈ 5,0 м; D ≈ 45–50 м) находился в центре курганной группы.

Большинство курганов могильника у поселка Днепрорудный, состоявшего из 21 выявленной насыпи, перекрывали могилы скифского времени: в 13 случаях погребения были впущены в насыпи курганов бронзового века (курганы 2/п.11; 9/п.4; 10/пп.3–7; 11/пп.1–3,5; 12/п.5; 18/п.6), и только курганы 5, 6/пп.1–3 и, возможно, 1, 15 и 16 сооружены в скифское время.

Все исследованные курганы насыпаны из чернозема, некоторые (3, 6, 10) имели кольцевой ров; у к. 11 ров прерывался перемычкой в западной части. В курганах 2, 6, 9, 15 выявлены каменные креpidы.

Земляная насыпь к. 6, была окружена кольцевым рвом и укрепена по основанию камен-

ной креpidой, которая со временем частично в него и сползла.

В насыпях курганов встречены фрагменты амфор, лепной посуды, бронзовые наконечники стрел (курганы 9, 11) и кости животных. В насыпи к. 5 найден человеческий череп.

В восточной части насыпи к. 2, за пределами каменного кольца-креpidы, обнаружена известняковая антропоморфная стела. Высота стелы – 0,8 м, толщина камня ≈ 0,23 м, книзу камень сужается, боковые плоскости его сходятся под острым углом. Изображение схематично: выделен контур круглой головы и плечи. Вторая антропоморфная стела (из ракушечника) обнаружена на пашне в восточной части курганной группы, около к. 10. Изваяние предельно схематично: выделены контуром голова и прямые плечи. Изображений на камне нет. Обломок верхней части третьего изваяния найден в к. 11 (фрагмент ≈ 0,5 м): передняя плоскость стесана; четко выделен контур округлой головы и плеч; резко обозначен подбородок, намечены руки. Изображений на камне нет. Датировка стел затруднительна; возможно, они относятся к эпохе бронзы.

Курганы, исследованные в группе, перекрывали различное число могил скифского времени: 2, 5, 9, 12, – по одному погребению; 6, 15 – три; 18 – четыре; 10, 11 – пять. Всего в исследованных курганах обнаружено 22 (+2 ? – курганы 1, 16) человеческих могилы скифского времени – 24 погребенных (+2 ? – курганы 1, 16), включая курганы 2/п.11, 12/п.5, и 2 захоронения коней, совершенных в погребальных сооружениях трех типов:

1 ТИП. Катакомбы, у которых входная яма и камера расположены параллельно (курганы 2/п.11; 5/п.2; 6/п.1,2; 10/пп.3,4,6; 11/пп.2,3,5; 12/п.5; 15/п.1).

Они ориентированы (длинными осями) по линии З–В (курганы 5/п.2, 6/п.2, 10/п.4, 11/п.3, 11/п.5) или СЗ–ЮВ (курганы 6/п.1, 10/п.3, 11/п.2), по одному случаю: ВСВ–ЗЮЗ (к. 15/п.1) и ЮЗ–СВ (к. 10/п.6).

¹ Ныне г. Днепрорудное.

Входные ямы катакомб – узкие, прямоугольные в плане (вытянутый овал – к.6/п.2, рис.1; квадратная – к.11/п.3), со ступенькой у стены, противоположной входу в камеру (две ступеньки – в к.6/п.2; в к.6/п.1 ступеньки не было). Камеры располагались вдоль северной стены входной ямы и имели в плане форму полуовала (1 тип – Граков Б.Н., 1962, с.84,85; 1 тип – Ольховский В.С., 1977, с.109).

2 ТИП. Катакомба, у которой входная яма и камера расположены под углом друг к другу (к.6/п.3). Входная яма овальная, вытянута по линии З–В, со ступенькой в СВ углу. Камера находилась с СВ угла входной ямы, вытянута по оси СЗ–ЮВ (2 тип – Граков Б.Н., 1962; 6 тип – Ольховский В.С., 1977).

3 ТИП. Ямы овальные (к.10/п.7), ориентированы по линии З–В (курганы 10/п.5, 11/п.1) или вытянуты в ЮЗ на СВ (1 тип – Ольховский В.С., 1991, с.20. Т. VI).

В некоторых случаях конструкция погребального сооружения не прослежена или не определяется (курганы 9/п.4; 15/пп.2,3; 18/пп.2,6,7,10).

Конские захоронения совершены в ямах неправильной формы (к.6/км.1,2: рис.1,А;3,Б). В *могиле 1* конь лежал грудью вниз с подогнутыми ногами, головой ориентирован к входной яме катакомбы с останками человека (п.2 к.6), т.е. по линии Ю–В; в *могиле 2* конь был ориентирован по линии ССВ–ЮЮЗ.

Большинство могил ограблено. Преобладают одиночные захоронения; только в одном случае (к.11/п.3) прослежены останки трех погребенных (возможно, это парное захоронение и жертва, так как на затылочной кости черепа третьего скелета, лежавшего за головами двух других, – узкое треугольной формы отверстие, от которого идёт большая трещина).

Погребенные в основном находились в вытянутой позе на спине (головой на ЗСЗ). В двух могилах покойные были ориентированы на ЮЗ (курганы 9/п.4, 11/п.3); по одному случаю – на ЗЮЗ (к.15/п.1) и на ВСВ (к.15/п.2). В нескольких случаях (курганы 6/п.3; 11/п.1; 15/пп.1,3; 18/п.2) положение и ориентация останков не определяется.

В четырех могилах прослежены следы подстилки в виде древесного тлена (курганы 5/п.2, 6/п.2, 10/п.4), в двух случаях на дне могил зафиксирован мел и остатки деревянных конструкций (курганы 6/п.2, 11/п.1).

За головой погребенных, по 1 случаю – в ногах (к.11/п.2) и у правой руки (к.10/п.7), на-

ходила напутственная мясная пища (ребра и кости передней ноги животного) с ножом (курганы 6/п.2; 10/пп.3,4,6,7; 11/п.2); в деревянной чаше (к.10/п.6) или без нее.

В к.6/п.2 напутственная мясная пища была положена в бронзовый котел (рис.4,6). У изголовья погребенных ставилось по одному сосуду: чернолаковый килик (к.6/п.2: рис.4,5), потерион из дерева (к.10/п.6). В двух случаях посуда (лекиф в к.11/п.5 и бронзовый котел в к.6/п.2: рис.1) помещалась в ногах.

В четырех могилах (курганы 6/п.2; 10/пп.3,6; 11/п.2) при погребенных лежали копья: справа (к.6/п.2) или слева (к.10/п.6). В сохранных могилах в курганах 6/п.2 (два набора: 117 и 77 наконечников); 10/п.6 (114 наконечников); 15/п.1 (15 наконечников); 11/п.2 (13 наконечников) стрелы лежали слева) и в к.6/п.2 (47 наконечников) справа от погребенных. Стрелы встречены также в разрушенных могилах: 64 наконечника (к.10/п.3); 48 наконечников (к.6/п.3); 4 наконечника (к.5/п.2); по 1 наконечнику (курганы 5/п.2; 18/п.6; 11– в насыпи).

В сохранный могиле, где был погребен воин (к.6/п.2), сопроводительный инвентарь составляли: горит и два колчаных набора (слева), налуч с обломком лука и набор стрел (47 наконечников – справа), 6 наконечников копий с подтоками (справа) и боевой топор (у кисти правой руки). Экипировка воина представлена бронзовым наборным поясом (сохранился фрагментарно из-за ограбления могилы (к.6/п.3: рис.2,Б–4). Воина в загробный мир сопровождал конь, захороненный в отдельной могиле (к.6/км.1,2: рис.1).

Инвентарь, сопровождавший умерших, был небогат и сходен с инвентарем, обычно встречающимся в курганах IV в. до н.э., соотносимых с рядовыми скифами (Ильинская В.А., Тереножкин А.И., 1983, с.119–190). Исключением является п.2 к.6, принадлежавшее, видимо, представителю воинского сословия.

СОПРОВОДИТЕЛЬНЫЙ ИНВЕНТАРЬ

Посуда

Стеклоянная – канфар (ручка – к.5/п.1) позднеэллинистического времени (рис.4,3).

Глиняная лепная. Фрагменты венчиков и стенок лепных сосудов, форма которых не восстанавливается, встречены в насыпях курганов 2, 5 и 11.

Глиняная круговая.

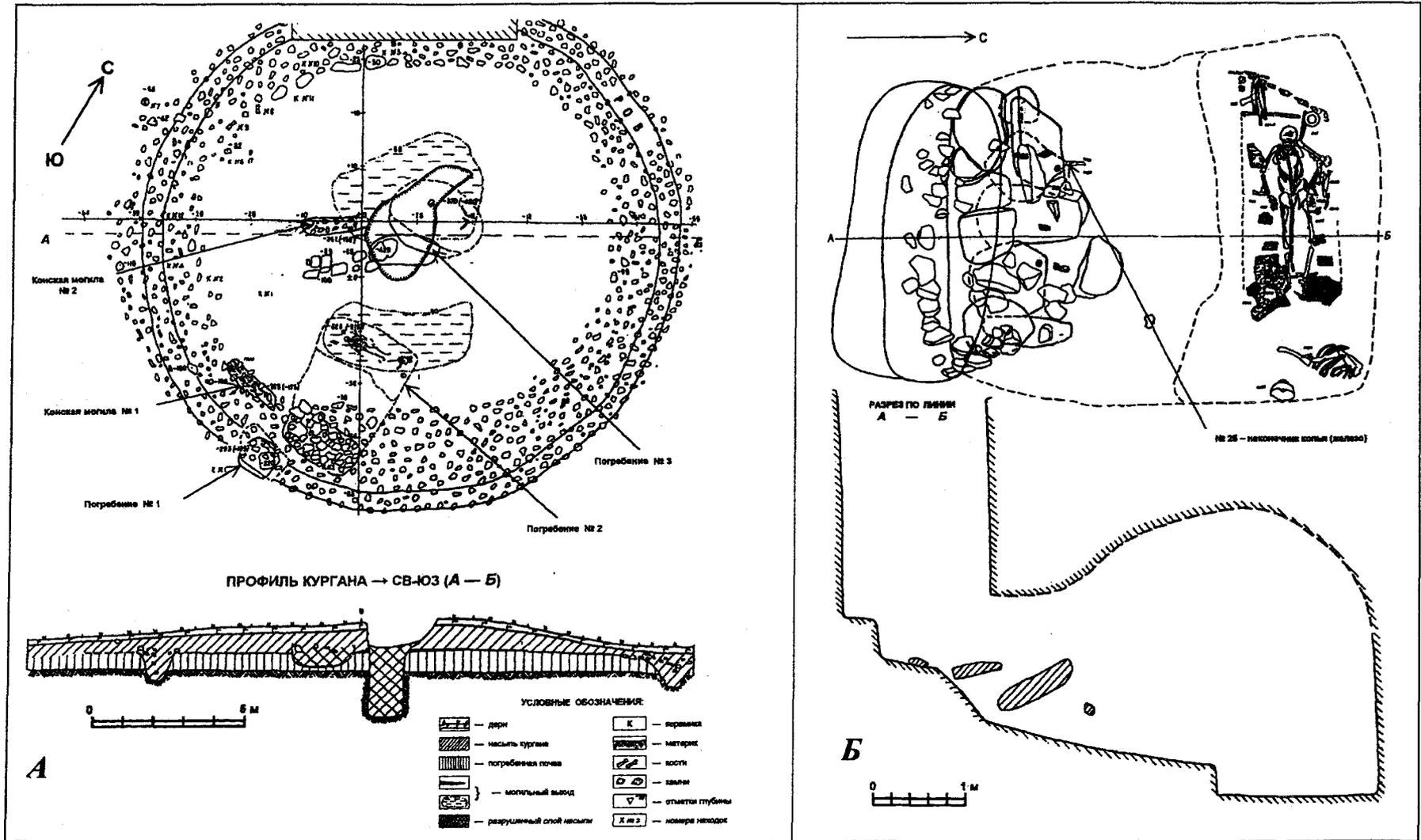

Рис. 1. План к.6 (А) и могилы воина (к.6/п.2 — Б) могильника у пос.Днепрорудный

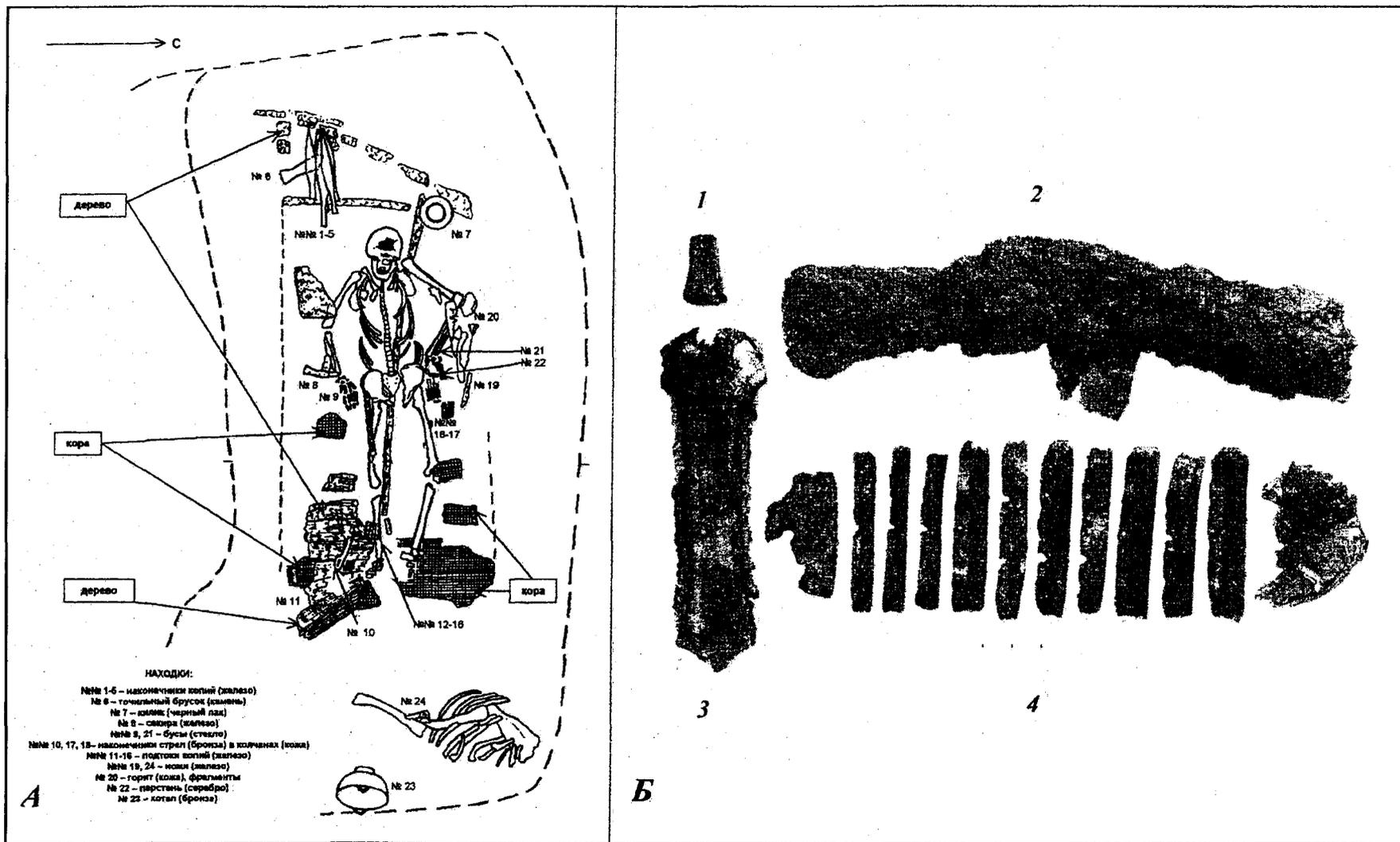

Рис. 2. Погребальный обряд (к.б/п.2 – А), экипировка воина и оружие ближнего боя (Б: 1 – к.5/п.2; 2 – к.6/п.2; 3,4 – к.6/п.3) могильника у пос.Днепрорудный

Килик – чернолаковый (лак черный, хорошего качества) из к.6/п.2 (рис.4,5) с отбитыми в древности ручками (**h** = 8,5 см; **d** венца = 15 см; **d** поддона = 7,3 см). Сосуд с глубоким вместилищем и венчиком в виде широкого «воротничка», отделенного от тулова углубленной полосой. Поддон – в виде округлого валика. На дне: с внешней стороны – концентрические круги, нанесенные лаком; с внутренней стороны – семилепестковая розетка. Аналогии сосуду многочисленны как в некрополях греческих городов, так и в курганах скифского времени. Похожий килик найден во впускном погребении кургана Солоха (Манцевич А.П., 1980, с.94,95, кат. № 67), дата которого – конец V – первая половина IV в. до н.э. Место производства подобных сосудов – Атика (Онайко Н.А., 1970, с.16).

Лекиф (к.11/п.5) без горла и ручки; на поверхности сосуда – остатки лака коричневого цвета (**h** = 4,3 см, **d** кольцевого поддона = 3,4 см.).

Амфоры (фрагменты – венчики, ручки и стенки) – из насыпей курганов 2, 6 и 11 (более подробные данные отсутствуют).

Из других материалов

Котел – бронзовый литой из к.6/п.2 (рис.4,6) с овальным вместилищем, на длинных сторонах которого (сверху по бортику, в центре) – две вертикальные ручки, украшенные каждая тремя шишечками; под вместилищем – поля, коническая ножка (глубина вместилища = 20 см; **h** = 30 см; **d1** = 32,5 см; **d2** = 19,5 см).

Котел имеет трещины; в четырех местах (под краем) – следы починки в виде мелких заклепок. Котлы относятся к числу нечастых находок в памятниках скифского времени. Большинство из них (известно ≈ 50 находок) обнаружено в Поднепровье, Приазовье и на нижнем Дону (Ольховский В.С., 1991, с.112). Аналогии: котел из кургана Чертомлык – рубеж третьей – четвертой четверти IV в. до н.э. (очень близок по размерам, но несколько отличается по форме вместилища: Алексеев А.Ю. и др., 1991, с.209, кат. № 133); котел из кургана Солоха – рубеж V–IV вв. до н.э. (Манцевич А.П., 1987, с.98,99, кат. № 72).

Потерион (чаша) – деревянная (к.10/п.6) полусферической формы со слегка уплощенным дном (**h** = 9 см; **d1** = 19 см; **d2** = 9 см; толщина стенок = 2 см). Аналогичные сосуды найдены в 12 погребениях степной Скифии и могли использоваться как для употребления буль-

она или молока (Гаврилюк Н.А., 1989, с.44), так и в ритуальных церемониях (Кузнецова Т.М., 1993, с.73–80).

Вооружение

Метательное оружие

Лук (к.6/п.2) сохранился фрагмент (**L** = 6,5 см) в виде полуовальной в поперечном сечении, слегка изогнутой деревянной планки шириной 1,5 см. Находки скифских луков крайне немногочисленны и фрагментарны (Ольховский В.С., 1991, с.108), наиболее полно сохранившийся лук был найден в к.2 группы Три Брата (Бессонова С.С., 1971, с.247).

Горит (к.6/п.2) (очень плохой сохранности, материал неопределим) состоял из двух отделений и первоначально лежал лицевой стороной вверх (**L** ≈ 25 см, ширина верхней части ≈ 16 см, в нижней ≈ 5–7 см). Прорезное отверстие, ведущее в отделение для стрел, проделано приблизительно в 6 см от верхнего края горита и имеет ширину около 10 см. Общий вид этого горита сходен с изображениями скифских горитов на произведениях греческих торевтов (сводку находок фрагментов горитов и их изображений см.: Черненко Е.В., 1981, приложение 1–4).

Налуч – футляр для лука (Бехайм В., 1995, с.289) – сохранился край (2 экз. из к.6/п.2), представляющий собой остатки кожаной обшивки (ширина ≈ 2,5 см, **L** сохранившаяся = 17 см). Обшивка сделана из целого куска кожи, сложенного вдвое. По длинному краю кожи прослежены отверстия с комочками какого-то вещества, возможно, скреплявшего края. В нижней части налуча сохранился конец деревянного лука.

Колчаны (2 экз. из к.6/п.2) – сохранились фрагменты кожи. Колчаны, имеющие основу из органических материалов, сохраняются плохо и находки их малочисленны: известны в Витовой Могиле (Zaharov A.A., 1932, с.69) и в к.35 Бобрицкого могильника (Бобринский А.А., 1901, с.113).

Стрелы (сохранились наконечники и древки) представлены как колчанными наборами (сохранные могилы: курганы 6/п.2, 10/п.6), так и отдельными находками (информация дается суммарно, по описанию).

Древки стрел – сохранились фрагменты до 5 см (к.6/п.2).

Наконечники стрел – бронзовые, втульчатые, представлены главным образом трехгранными и трехлопастными формами с короткой

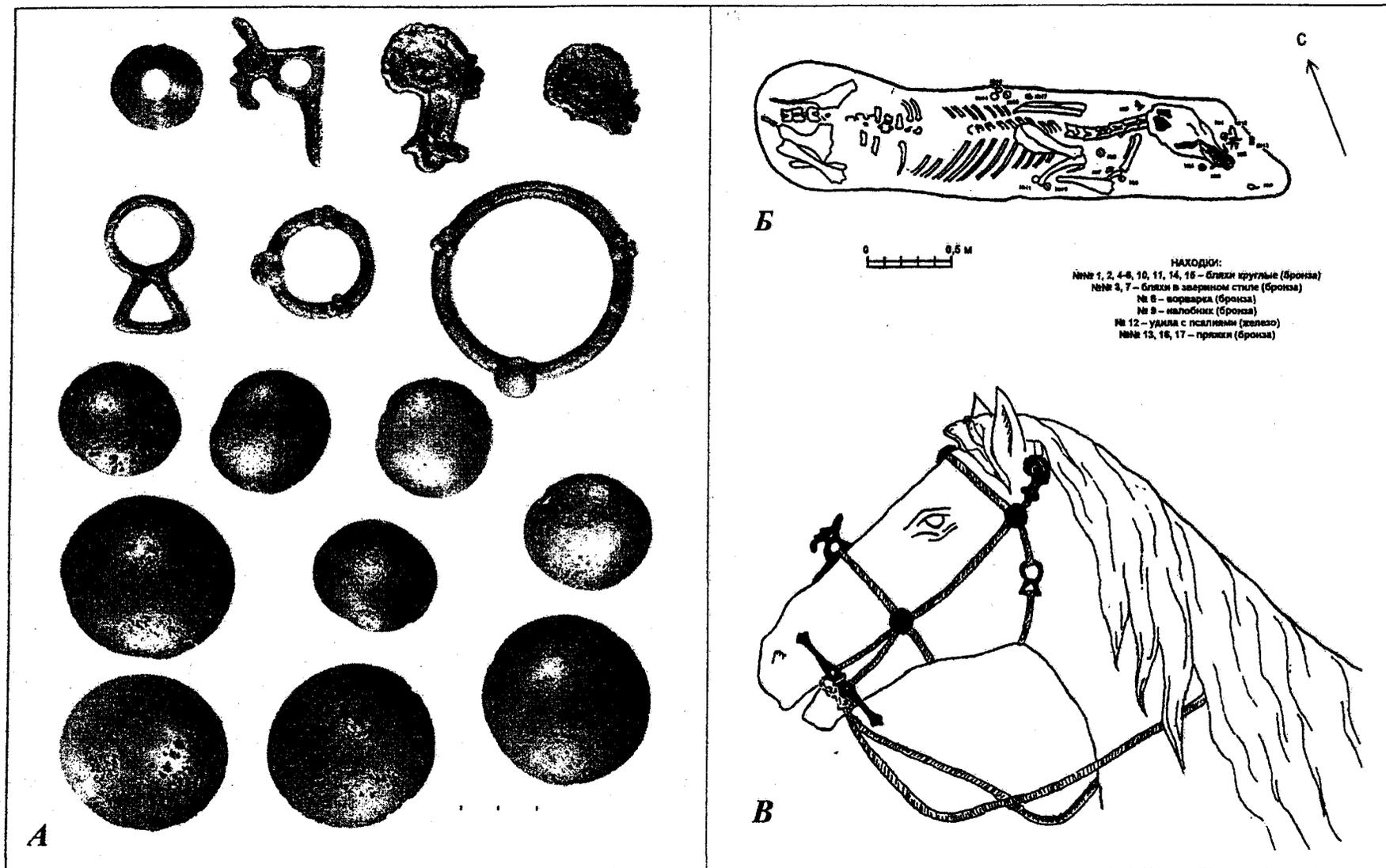

Рис. 3. Конский убор (А), могила коня (Б) и реконструкция конского убора (В) у пос. Днепрорудный (к.6/км.1)

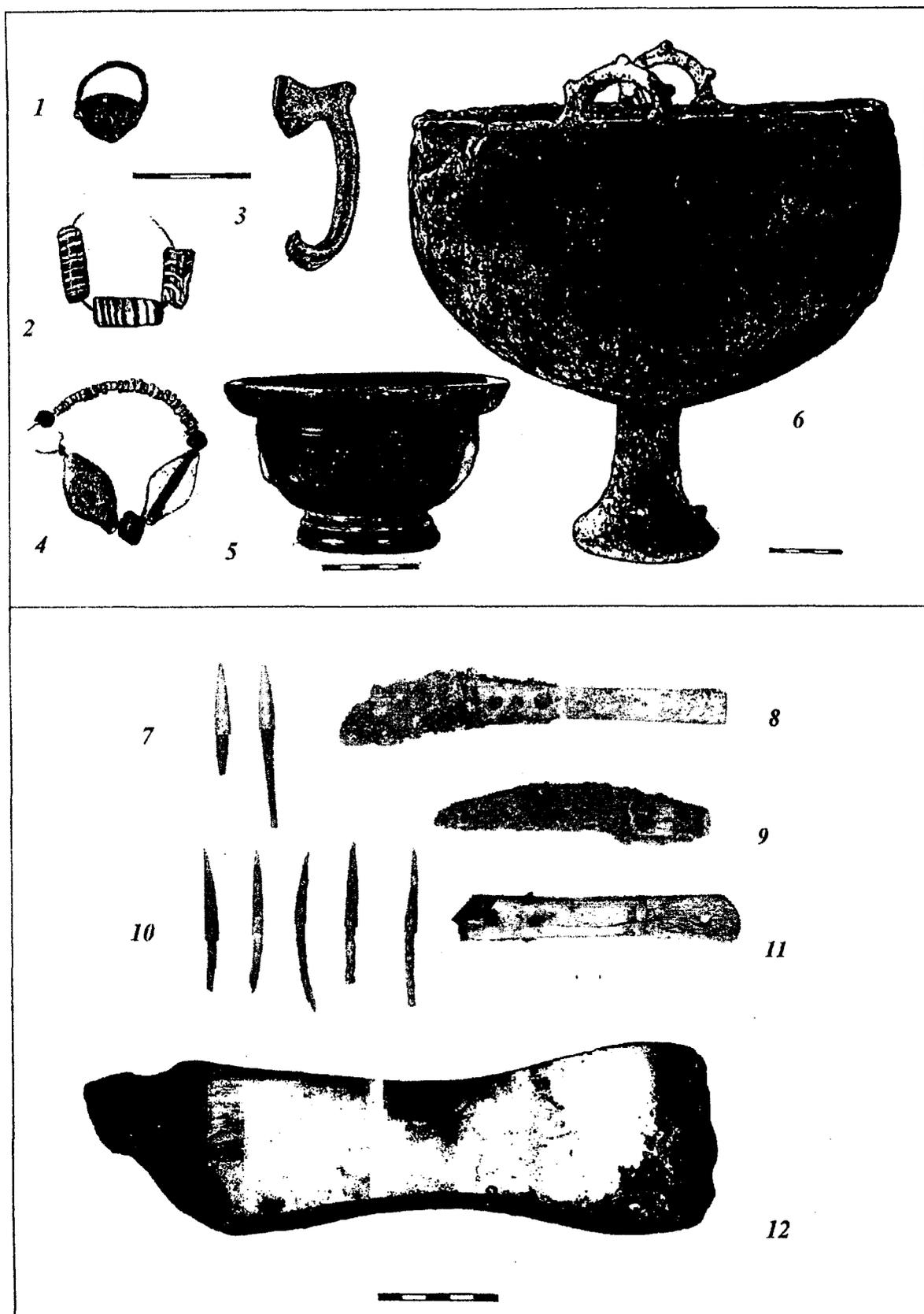

Рис. 4. Сопроводительный инвентарь из курганов могильника у пос.Днепрорудный: 1,2,5,6 – к.6/п.2; 3 – к.5/в насыпи; 4 – к.10/п.7; 7,8,10,12 – к.6/п.2; 9 – к.10/п.7; 11 – к.10/п.4

или обрезанной втулкой: 114 экз. ($L = 25-35$ мм) – к.10/п.6; 64 экз. ($L = 25-35$ мм) – к.10/п.3; 48 экз. – к.6/п.3; 13 экз. – к.11/п.2; 11 экз. – к.15/п.1; 1 экз. в насыпи к.11; 4 экз. ($L = 25-27$ мм) – к.5/п.2; 1 экз. ($L = 19$ мм) – к.5/п.2; 1 экз. – к.18/п.6.

Отмечены также бронзовые трехлопастные наконечники с сильно выступающей втулкой ($L = 21$ мм – к.9) и *железные*, втульчатые, трехлопастные: 1 экз. ($L = 45$ мм) – к.10/п.3; 1 экз. ($L = 37$ мм) – к.15/п.1; 1 экз. ($L = 27$ мм) – к.15/п.1.

Колчаные наборы (выделяются помимо указанных выше) представлены бронзовыми, железными, костяными и деревянными наконечниками:

№ 1 (к.6/п.2) – 47 наконечников: *бронзовые*, втульчатые, трехгранные с короткой втулкой – 43 экз. и трехлопастные с узкими гранями – 3 экз.; *деревянный*, черешковый, трехгранный ($L = 18$ мм), грани подчеркнуты небольшими шипами;

№ 2 (к.6/п.2) – 117 наконечников: 96 – *бронзовые*, втульчатые; 17 – *деревянные*, черешковые, трехгранные, грани подчеркнуты небольшими шипами ($L = 22-32$ мм); 4 – *костяные*, втульчатые, пулевидной формы ($L = 30$ мм: рис.4,7);

№ 3 (к.6/п.2) – 77 наконечников: 68 – *бронзовые*, втульчатые; 1 – *железный*, втульчатый, плохой сохранности (прослеживается только втулка); 8 – *деревянные*, черешковые, трехгранные, грани подчеркнуты небольшими шипами ($L = 30, 35, 40$ мм: рис.4,10);

№ 4 (к.10/п.6) – 114 наконечников: *бронзовые*, втульчатые, двух типов – трехгранные и трехлопастные ($L = 25-35$ мм) с узкими лопастями.

Комплекс стрел рассматриваемого памятника по описанию можно отнести к IV хронологической группе, выделенной и датированной А.И.Мелюковой IV–III вв. до н.э. (Мелюкова А.И., 1964, с.25–29).

В отличие от металлических, *деревянные* наконечники стрел – исключительно редкая находка как для памятников степной зоны, так и для лесостепи, что, возможно, связано с материалом, плохо сохраняющимся в земле. Аналогия: к.13 группы БОФ (Тереножкин А.И. и др., 1973, с.162). *Костяные* наконечники стрел пулевидной формы часто встречаются в кочевнических памятниках скифского времени. Наиболее интересные колчаные наборы с костяными наконечниками стрел известны по на-

ходкам в к.6 у с.Башмачка под Днепропетровском и в Пятибратнем кургане (Черненко Е.В., 1981, с.129).

Оружие ближнего боя

Копья (сохранилось 7 наконечников, 1 втулка без пера и 9 подтоков); в пяти случаях (к.6/п.2) определяется общая длина копий ($L = 185-190$ см).

Древки копий – *деревянные*, сохранилась часть древка (к.6/п.2).

Наконечники копий – *железные*, одна форма сохранна (к.10/п.6) – перо листовидное с продольным ребром (L наконечника = 41 см, L пера = 27 см, L втулки = 14 см, d основания втулки = 3 см (II отдел 1 тип – Мелюкова А.И., 1964, с.40). У остальных наконечников форма пера не прослеживается: в одном случае найден невыразительный обломок острия – $L = 7,5$ см (к.10/п.3); у 6 наконечников ($L = 35-40$ см) втулки – слабоконические, с ободком по краю ($L = 9-17$ см, d отверстия = 1,6–2,0 см (к.6/п.2); 1 наконечник имеет массивную, слабоконическую втулку с кольцевидным валиком по краю ($L = 13$ см, d внутренний = 2,5 см, d вместе с валиком = 4 см).

Подтоки – *железные* цилиндрические ($L = 6,0$ и $6,5$ см, $d \approx 1,7$ см (к.10/п.3); $L = 7,3-10$ см (6 подтоков), $d \approx 1,5$ см (к.6/п.2); $L = 7,5$ см, $d \approx 1,5$ см (к.6/п.2). Два подтока плохой сохранности обнаружены в к.11/п.2.

Кинжал – *железный* (к.6/п.3: рис.2,Б-3) – рукоять (L рукояти = 11 см, ширина = 2–2,3 см) и 4 фрагмента клинка. Навершие плохой сохранности, неопределенной формы (в настоящем виде это овальный брусок, прерываемый по верхнему краю круглым небольшим отверстием). С обеих сторон навершия следы дерева в виде горизонтально расположенных древесных волокон. Железная основа рукоятки имела с обеих сторон костяные накладки (сохранилась одна: ширина = 1,8 см, сечение – очень низкая трапеция), скрепленные четырьмя железными заклепками. Перекрестье рукояти не сохранилось.

Топор боевой (секира) – *железный* (к.6/п.2: рис.2,Б-2) – сохранность плохая. Боевая часть топора узкая, постепенно расширяется к лезвию; лезвие округлое; обух – длинный, брусковидный, с тупым концом (L общая = 19,5 см, L боевой части = 9 см, L обуха = 7,5 см; ширина лезвия = 4 см, h проушной части ≈ 3 см). В проух была вставлена железная втулка, в кото-

рой закреплялась верхняя часть деревянной рукоятки. В верхней части проуха сохранился железный гвоздь, скреплявший секиру со втулкой. Втулка обломана ($d = 2,0$ см).

Топор относится ко II отделу 1 типу, по классификации А.И.Мелюковой (1964, с.66,67), однако наличие вставленной в проух втулки не типично для этого типа, а является характерной особенностью клевцов (Мелюкова А.И., 1964, с.68). По классификации В.А.Ильинской: это – железная боевая секира, относящаяся к группе секир-молотков, но имеющая, как и секира из некрополя Неаполя, трубчатую втулку для насаживания древка (Іллінська В.А., 1961, с.31,40). Исследователи определяют время бытования подобных форм – VI–IV вв. до н.э.

Защитное вооружение

Пояс – бронзовый наборный (к.б/п.3: рис.2,Б-4), сохранилось 9 целых пластин и около 100 фрагментов. Пластины узкие, со слегка вогнутой наружной поверхностью ($L = 5,5$ см, ширина = $0,9–1,3$ см). По краям пластин – отверстия для нашивания на кожаную основу (два по узким сторонам, пять – по одной из длинных сторон). Основа пояса – однослойная кожаная полоса (ширина = $5–6$ см). Край основы был дополнительно обшит кожаным рантом, который прикреплен к основе нитками. Бронзовые пластины пришивались к основе сухожилиями, сохранившимися в обрывках на коже. Концы пояса закруглены, на них нашиты широкие полуовальные бронзовые пластины, на которых, кроме отверстий для нашивания, – по два больших отверстия, через них пропускались тонкие кожаные ремешки-завязки (остатки одного сохранились вместе с фрагментом кожаной основы). Наборные пояса (фрагменты) довольно часто встречаются в могилах скифского времени (Черненко Е.В., 1968, приложение 2).

Конский убор

Удила – железные, сохранность плохая (к.б/км.1), форма не определяется.

Псалии – железные, прямые, с восьмеркообразным расширением в центре и двумя отверстиями, найдены вместе с удилами в к.б/км.1. Подобные формы распространены в памятниках степной Скифии в IV в. до н.э. Близкая аналогия происходит из кургана Чертомлык (Алексеев А.Ю. и др., 1991, с.149, кат. № 9), датирующегося 340–320 гг. до н.э. (Алексеев А.Ю., 1996, с.43).

Наносник – бронзовый литой – в виде головы ушастого фантастического существа – грифона из к.б/км.1 (рис.3,А). Форма уплощенная, узкая, у основания шеи животного – сквозное отверстие ($h = 2,4$ см, L общая = $4,0$ см, d отверстия = $3,2$ см). Подобные наносники широко распространены в степных и лесостепных памятниках IV в. до н.э., но не имеют полных аналогий данному экземпляру ни в одном из них. Близкие формы известны по раскопкам кургана Чертомлык (Алексеев А.Ю. и др., 1991, с.151,152, кат. № 17), датированного 340–320 гг. до н.э. (Алексеев А.Ю., 1996, с.43) или 330–300 гг. до н.э. (Алексеев А.Ю., 2003, с.230) и к.3/п.1 у с.Нововладимировка (Ковпаненко Г.Т., Яковенко Э.В., 1973, с.264, рис.2,23), датированного IV–III вв. до н.э. (Ковпаненко Г.Т., Яковенко Э.В., 1973, с.253).

Нашечники – бронзовые литые: 2 экз. из к.б/км.1 (рис.3,А) – в виде стилизованной задней лапы кошачьего хищника (целая форма: ширина = $2,7$ см, $L = 4,0$ см и фрагмент), на обороте бляшки – литая петля. Такие нашечники также известны в степных и лесостепных памятниках IV в. до н.э.: впускное погребение кургана Солоха (Манцевич, 1987, с.107,110, кат. №№ 91,109); насыпь и южная могила кургана Чертомлык (Алексеев А.Ю. и др., 1991, с.87,148,163, кат. №№ 4,20 (правый ряд – второй снизу),47); к.3/п.1 у с.Нововладимировка (Ковпаненко Г.Т., Яковенко Э.В., 1973, с.264, рис.2,22). В отличие от находок в кургане Солоха, данные экземпляры не имеют золотых обкладок.

Пряжка сбруйная – бронзовая литая: кольцо из к.б/км.1 (рис.3,А) с треугольным выступом-рамкой, (расположены в одной плоскости – $d = 2,2$ см, L общая = $3,6$ см). Широко распространены в степном регионе Евразии (Ильинская В.А., 1973). Близкие аналогии происходят из курганов Чертомлык (Алексеев А.Ю. и др., 1991, с.149,150, кат. № 10); Мелитопольский (Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н., 1988, с.142,143, рис.155,2).

Пряжки подпружные – бронзовые литые: кольца – 2 экз. из к.б/км.1 (рис.3,А) с «грибовидным» штифтом для крепления ремня ($d1 = 5$ см и $d2 = 2,9$ см), украшенные в двух местах шариками, объединенными в группы по три штуки. Близкая (по оформлению) подпружная пряжка известна по раскопкам Мордвиновского к.2, но она имеет крючок, а не «грибовидный» штифт, который присутствует на гладких

пряжках аналогичной формы в Мелитопольском кургане (Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н., 1988, с.137,143, рис.152,10;155,3).

Бляшки – бронзовые литые – полусферические с петлей на обороте – 9 экз. из к.6/км.1: 4 экз. – $d = 4,4$ см, 5 экз. – $d = 3,0$ см: рис.3,А). Аналогичные бляшки (размеры варьируют от 2,4 см до 6,9 см) присутствуют во многих кочевнических памятниках IV в. до н.э. Северного Причерноморья, в том числе – в курганах Солоха (Манцевич А.П., 1987, с.110,111, кат. № 105), Чертомлык (Алексеев А.Ю. и др., 1991, с.149,150, кат. № 10).

Кольцо – бронзовое (к.6/км.2) (d внутренний = 11 мм, $h = 8$ мм).

Ворварки в виде усечённого конуса – бронзовые из к.5/п.2 (рис.2,Б-1) – $h = 2$ см, $d1 = 0,7$ см, $d2 = 0,9$ см; из к.6/км.1 (рис.10,а) – d основания = 23 мм, $h = 8$ мм; и костяная из к.9/п.4 ($h = 7$ мм, $d1 = 7$, $d2 = 9$ мм). Ворварки часто встречаются в курганах IV в. до н.э. (Граков Б.Н., 1962, с.91; Черненко Е.В., 1968, с.15; Ильинская В.А., 1973, с.55, рис.8,7). Они являлись одним из элементов одежды, экипировки воина (к.5/п.2) и убора коня (к.6/км.1), фиксируя, видимо, крепление концевых узлов.

***

Узда, найденная в к.6/км.1 представлена следующими находками: *оголовье* – железные удила и псалии, бронзовый налобник, бронзовая цельнолитая пряжка, две бронзовые бляхи в виде задней лапы кошачьего хищника, пять малых полусферических бронзовых бляшек; *подпруга* – две пряжки в виде кольца с грибообразным штифтом и две пары больших полусферических бронзовых бляшек; точное место для бронзовой ворварки в каком-либо конкретном элементе узды установить трудно. Все металлические части узды (вместе с черепом коня) оказались смещены так, как будто конь был погребен еще живым, а сбруя не была закреплена на голове². Между челюстями и слева – железные удила и псалии, прямые с восьмеркообразным расширением в центре и двумя отверстиями (№ 12); рядом с псалиями – бронзовая цельнолитая пряжка-кольцо, соединенное с треугольником в одной плоскости (№ 13); у южной стенки ямы (выше морды) и у правой ключицы –

бронзовые бляхи в виде стилизованной задней лапы кошачьего хищника (№№ 3,7); у морды (слева и справа по 2 – №№ 1,2,4,5), у правой ключицы (№ 6) – пять малых полусферических бронзовых бляшек; ниже лопаток (справа и слева по две – №№ 10,11,14,15) – четыре большие полусферические бронзовые бляшки; рядом с бляшками (у левой лопатки) – две подпружные пряжки (кольца с грибообразным штифтом (№№ 16,17); слева (за черепом) – бронзовый наносник (голова ушастого грифона (№ 9); справа (у шеи) – бронзовая ворварка (низкий конус (№ 8) – (рис.3,В). Графическая реконструкция упряжи носит условный характер.

Уздечный набор из к.6/км.1 имеет достаточно много аналогий в памятниках кочевого населения Северного Причерноморья IV в. до н.э., но в несколько иных сочетаниях (Ильинская В.А., 1973): такие наборы известны в так называемых «царских» курганах (Манцевич А.П., 1987, с.108–111), а также в курганах знати и воинов, соотносимых исследователями со скифами (Ильинская В.А., 1973, с.44–56; Тереножкин А.И. и др., 1973, с.138).

Предметы бытового назначения

Ножи – железные с горбатой спинкой и прямым лезвием (9 находок): 6 – с костяной рукоятью, в курганах 6/пп.2,3; 10/пп.4,6,7; 11/п.2; один – с деревянной в к.15/п.1; 2 – без рукоятей в курганах 6/п.2; 10/п.3) представлены одним типом лезвия (рис.4,8,9), но различающиеся по форме и конструкции рукоятей (Граков Б.Н., 1954, с.110):

а) из цельной ($L = 10,2$ см) костяной пластины (к.6/п.2: рис.4,10), в паз которой вставлено основание лезвия. Лезвие короткое и широкое (L рабочей части = 6 см, ширина = 2,5 см), скрепленное с рукоятью тремя железными заклепками. В поперечном сечении рукоять имеет вид сильно уплощенного восьмигранника;

б) составная (L ручки = 11 см: рис.4,10) из костяных пластин (к.10/п.4) – три части, соединённые железными заклепками. Одна сторона – цельная костяная накладка, вторая – двусоставная (одна из частей – утрачена в древности);

в) деревянная (к.15/п.1) – на черенке заметны следы деревянной рукояти (L общая = 17 см).

Железные ножи являются для степных районов Скифии IV в. до н.э. наиболее характерными предметами сопроводительного инвентаря (Ольховский В.С., 1982, с.157).

² № соответствует номерам находок на плане могилы (рис.3,В).

Шило – железное (к.10/п.3), полная форма не устанавливается, найдено рядом со скоплением стрел (анalogии известны в к.13 группы БОФ, (Тереножкин А.И. и др., 1973, с.162), в кургане Двугорбая Могила, п.2 (Привалова О.Я. и др., 1982, с.157) и в группе кургана Солоха (к.20/п.2 – Мелюкова А.И., 1962, с.20), что позволяет предположить ношение шила вместе с колчанным набором.

Осолок – мелкозернистый песчаник из к.6/п.2 (рис.4,12), поперечное сечение – четырехугольное (L = 25 см, ширина = 4,5 см, толщина в центре = 2,0 см).

Астрагалы – 3 экз. (к.6/п.3), у одного – боковые плоскости затерты.

Амулет-подвеска (?) – костяной – (к.9/п.4) фрагментированный, в виде заостренного (круглого в сечении) стержня, оканчивающегося в сломанной части сквозным отверстием (L = 5,5 см, d отверстия ≈ 5 мм).

Пряслица – свинцовые, конической формы (h = 12 мм, d основания = 17 мм), найдены в к.10/п.4 и в к.11/п.5 (h = 10 мм, d основания = 15 мм.); керамические, биконической формы, обнаружены в к.10/п.5 (h = 28 мм) и в к.11/п.5 (h = 16 мм).

Сфероид или ‘пращевой камень’ (кварц) из к.10/п.6, фрагмент (d = 4 см). Пращевые камни (сфероиды) достаточно редкая находка для памятников степной и лесостепной Скифии (Петренко В.Г., 1967, с.36; Бунятян Е.П., 1985, с.46,47; Гаврилюк Н.А., 1989, с.79,80). Округлые камни, обнаруженные в степных памятниках, имеют функциональные различия (Гаврилюк Н.А., 1989, с.79,80), однако определение их назначения в кургане у поселка Днепрорудный возможно по условиям находки. Фрагмент сфероида обнаружен среди костей животного (рядом с ножом и деревянной чашей), что позволяет видеть в нем предмет бытового назначения.

Железные предметы: невыразительные обломки различной величины найдены в курганах 10/п.3; 11/п.1; 11/п.3/скелет 1; 18/п.6.

Предметы туалета и украшения

Перстень серебряный из к.6/п.2 (рис.4,1) с овальным щитком, орнаментированным пятью напаянными на него шариками (один в центре и четыре симметрично по краю). Щиток (22×16 мм) переходит в тонкое разомкнутое кольцо (I отдел, 6 тип). Перстень датирован IV–III вв. до н.э. (Петренко В.Г., 1978, с.61).

Бусы – стеклянные, монохромные и полихромные (рис.4,2,4). Представлены наборами из пяти курганов: 6/п.1 (3 экз.) – **кольцевидные:** желтая (d = 6 мм) и зеленая (d = 5 мм); **яйцевидная** белая (L = 5 мм); 6/п.2 (6 экз. – 4 сохранных) – **кольцевидная** зеленая (d = 6 мм); **цилиндрические** серо-коричневые с поперечными белыми полосами (3 экз. – L = 20 мм, d = 5–7 мм); 6/п.3 (2 экз.) – **цилиндрические:** серая с поперечными белыми полосами (h = 30 мм, d = 8 мм) и светло-зеленая с белыми глазками; 10/п.4 (3 экз.) – **кольцевидные:** одна черная (d = 8 мм), две – голубые; 10/п.7 (17 экз.) – **бисер** зеленоватого цвета и бусины (4 экз.) – **ромбические** плоские (L = 20–27 мм).

Раковина с отверстием найдена в к.11/п.3/скелет 2. Возможно, она является элементом головного убора или украшения, так как найдена у левой височной кости черепа.

ХРОНОЛОГИЯ ПАМЯТНИКА

В исследованных курганах, 11 из которых, содержали могилы скифского времени (1; 2/п.11; 5; 6/пп.1–3; 9/п.4; 10/пп.3–7; 11/пп.1–3,5; 12/п.5; 15; 16; 18/п.6) выявлено 9 сохранных могил.

Опустошение курганов грабителями не позволяет уверенно говорить о хронологии могильника, оставив исследователям возможность условных предположений. Наборы вещей из сохранных могил (в курганах 6/п.2 и км.1; 9/п.4; 10/пп.4–7; 11/п.3,5) и разрозненные находки предметов позволяют лишь приблизительно определить время его возникновения. Вещеведческая хронология не вносит значительной ясности, так как найденные фрагменты амфор из насыпей курганов 2, 6 и 11, посуда из курганов 6/п.2 и 11/п.5, наборы наконечников стрел, предметы вооружения и украшения позволяют датировать могильник у пос.Днепрорудный лишь в рамках IV в. до н.э.

В составе сопроводительного инвентаря всаднических погребений кургана № 6 присутствовали предметы, которые могли бы уточнить общую датировку, но, к сожалению, и они не внесли ясности, хотя аналогии им можно привести из достаточно полно датированных памятников.

Чернолаковый килик из к.6/п.2, аналогии которому известны в ряде скифских комплексов, в том числе и в инвентаре впускного погребения кургана Солоха (дата килика: конец V –

первая половина IV вв. до н.э.: Манцевич А.П., 1987, с.94,95, кат. № 67) или 400–375 гг. до н.э. (Алексеев А.Ю., 1996, с.43). Дата памятника – рубеж V–IV вв. до н.э. (Манцевич А.П., 1987, с.121) – ограничивает время сооружения кургана первой половиной IV в. до н.э.

Бронзовый котёл из к.6/п.2 близок по форме бронзовым котлам, которые также встречаются в курганах Солоха (Манцевич А.П., 1987, с.98,99, кат. №№ 72,121) и Чертомлык (Алексеев А.Ю. и др., 1991, с.142,143,209, кат. № 133), что позволяет датировать рассматриваемый памятник в пределах первой половины – третьей четверти IV в. до н.э.

Колчанные наборы (бронзовые, железные, костяные и деревянные наконечники стрел из к.6/п.2) могут быть отнесены к IV хронологической группе (Мелюкова А.И., 1964, с.25) и датированы второй половиной IV в. до н.э. – IV–III вв. до н.э.

Набор металлических элементов *сбруи* из сохранной конской могилы в к.6/км.1 имеет близкие аналогии и в кургане Солоха (Манцевич А.П., 1987, с.110,111,121), и в кургане Чертомлык (Алексеев А.Ю. и др., 1991, с.142,143,147–152), что также не уточняет время сооружения кургана, а разводит его по разным хронологическим группам, выделенным А.Ю.Алексеевым, где курган Солоха попадает в самую раннюю из них (группа А – конец V – первая половина IV вв. до н.э.), а курган Чертомлык в группу, относящуюся ко второй половине IV в. до н.э. (группа В – ок. 340–315 гг. до н.э.: Алексеев А.Ю., 1996, с.44,45). Учитывая большое сходство элементов узды коней, погребенных в к.6 у поселка Днепрорудный, с предметами из Чертомлыка, можно было бы отнести время их захоронения ко второй половине IV в. до н.э., а поскольку они являются сопровождающими для воинских погребений, то и сооружение кургана (по позднейшим находкам) датировать так же.

В социальном отношении курганный могильник у поселка Днепрорудный невыразителен. Выделяется захоронение воина в к.1 и могилы всадников в к.6/п.2 и п.3, а также относящиеся к ним могилы коней. В остальных сохранных могилах сопутствующий инвентарь отличается крайней бедностью.

Уточнение социального статуса погребенных, и хронологии, предложенной для исследованных ранее предметов (к.16 середины V в. до н.э.) (Мурзин В.Ю., 1977; 1984, с.32), потребовало дополнительных сопоставлений.

Исходя из этого, было проведено сравнение могильника у поселка Днепрорудный с группой у кургана Солоха, расположенной в 50 км от него и датирующейся в пределах IV в. до н.э. (Кузнецова Т.М., 1999, с.220–227).

Статистические данные по могильникам у поселка Днепрорудный и группы кургана Солоха показывают, что могильники должны были функционировать различное время, судя по количеству курганов, а продолжительность формирования Солохской группы из 75 курганов, исключая к.16, относящийся к эпохе бронзы (Мелюкова А.И., 1999; Мелюкова А.И., Кузнецова Т.М., 1999) должна более чем в четыре раза ($75 : 17 \approx 4,5$) превышать таковую могильника у пос.Днепрорудный (17 курганов, исключая курганы 3; 4; 7; 17, относящиеся к эпохе бронзы).

Однако предметы из разрушенного к.16 у поселка Днепрорудный, датированные серединой V в. до н.э. (Мурзин В.Ю., 1977; 1984, с.32), увеличивают время существования небольшого могильника на половину столетия. При этом, в соответствии с общим анализом сопроводительного инвентаря, оба могильника формируются на протяжении IV в. до н.э., т.е. почти равного количества лет (даже с некоторым преобладанием для меньшего могильника).

Рассмотрев сходство и различия указанных могильников, Т.М.Кузнецова пришла к выводу о возможности различных условий их формирования. Наличие значительного числа впускных могил и их «разброс» по курганам эпохи бронзы, сопровождавшийся маловыразительной тризной, возможно, свидетельствует о нестабильной ситуации для людей, хоронивших на могильнике у поселка Днепрорудный, тогда как группа Солохи демонстрирует прямо противоположную ситуацию. По всей видимости, группа Солохи формировалась в более стабильных условиях и принадлежала населению, закрепившемуся на определенной территории и освоившему данный регион (Кузнецова Т.М., 1999, с.220–227).

Возможно, что могильники у пос.Днепрорудный и группы Солоха являются памятниками волны кочевников, проникших в Северо-причерноморские степи в V в. до н.э., причем один фиксирует время освоения региона (у пос.Днепрорудный), что выражается большим числом впускных могил в курганы эпохи бронзы, а другой (Солохская группа) – и время освоения, и период стабилизации, о чем свиде-

тельствует обильная тризна на последнем памятнике, выявленная в значительном количестве фрагментов античной керамики.

Исходя из этого можно сделать вывод, что начало формирования могильников, хотя и приходится на одно время (возможно, вторая половина или конец V в. до н.э.), но могильник у поселка Днепрорудный в целом «старше», а время его формирования значительно короче, чем группы Солоха.

Наиболее выразительные памятники (курган Солоха и курганы 6 и 16 у пос.Днепрорудный) возможно одновременны и, видимо более тяготеют к V в. до н.э., как и иные могилы скифского времени на могильнике у пос.Днепрорудный.

Сопоставление могильников группы Солохи и у поселка Днепрорудный показывает, что крепиды сооружены на могильнике, формировавшемся в нестабильных условиях. Не исключено, что крепиды заменяла определенный объем грунта, необходимый при возведении кургана.

Несмотря на то, что закономерность в сооружении крепид пока точно не прослеживается, изучение всей совокупности курганов скифской знати, проведенное А.И.Тереножкиным и Б.Н.Мозолевским, показывает, что крепиды возводилась, как правило, в основании курганов, под которыми покоились представители аристократических слоев населения Скифии (Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н., 1988). Исходя из этого можно с достаточной долей уверенности говорить о том, что воин, погребенный в кургане (6/п.2) у поселка Днепрорудный, обладал высоким социальным статусом. Сходство по форме одного из котлов царского кургана Солоха с котлом из к.6 могильника у поселка Днепрорудный также указывает на элитарность погребенного в могиле к.6 у поселка Днепрорудный, а меньший размер котла, в сравнении с солохским, показывает на более низкий, в сравнении с царским, ранг погребенного, который мог быть «держателем нома», т.е. «номархом».

Ситуация, прослеженная в распределении погребальных сооружений могильника у поселка Днепрорудный, свидетельствует о том, что могильник формировался на очень коротком временном интервале, скорее всего – все могилы одновременны. Потеря «номарха», вероятно, привела к тому, что оставшееся население вынуждено было войти в «Солохское скифское сообщество», что дало его предводи-

телю и/или царю символ (в виде котла указанной формы) нового, подчиненного ему нома.

Проведенные сопоставления носили вынужденный характер из-за отсутствия полной информации о материалах могильника. Безусловно что предложенная интерпретация нуждается в проверке на значительном числе памятников, однако хотелось обратить внимание коллег на то, что помимо абсолютной или относительной хронологии возможна и хронология ситуационная, которая хотя и близка относительной хронологии, но все же выглядит иначе и позволяет расширить круг исторического поиска.

КУРГАННАЯ ГРУППА У СЕЛА БОЛЬШАЯ БЕЛОЗЕРКА

Курганная группа, находившаяся в восточном конце села Большая Белозёрка, тянулась относительно ровной цепочкой, к востоку от кургана Большая Цимбалка (за исключением к.2) в меридиональном направлении, куда входил и курган Малая Цимбалка, исследованный И.В.Забелиным в 1868 году (Алексеев А.Ю., 1992).

Курганы располагались на плато, приблизительно в 1,5 км от поймы реки Большая Белозёрка и помимо Большой и Малой Цимбалки, от которых сохранились останцы, группа насчитывала 10 насыпей (высотой 0,3–1,3 м). Исследованы две насыпи (курганы 1 и 2) недалеко от кургана Большая Цимбалка, также раскопанного в 1868 году И.В.Забелиным (Ильинская В.А., Тереножкин А.И., 1983, с.149).

КУРГАН № 2³ (Н ≈ 0,75 м; D ≈ 30 м; рис.5,А) находился в 140 м к Ю от центра кургана Большая Цимбалка. Земляная насыпь была окружена кольцевым рвом (D = 28 м; ширина в верхней части = 1,25–1,50 м; ширина дна = 0,4–0,5 м; глубина = 1,1–1,2 м), имевшем на западе и востоке перемычки-проходы (ширина = 0,5–0,6 м). Заполнение рва тёмного цвета со следами белых включений от перегнившей травы. Курган был ограблен неоднократно. Общая протяжённость грабительских ям по линии С–Ю и З–В по 7 м. На глубине 0,8–0,9 м. (в пределах ям) встречены разбитые кости человеческого скелета. В основании насыпи и в заполнении рва обнаружено небольшое количество фрагментов костей животных и стенок амфор.

³ Курган 1 относился к эпохе бронзы.

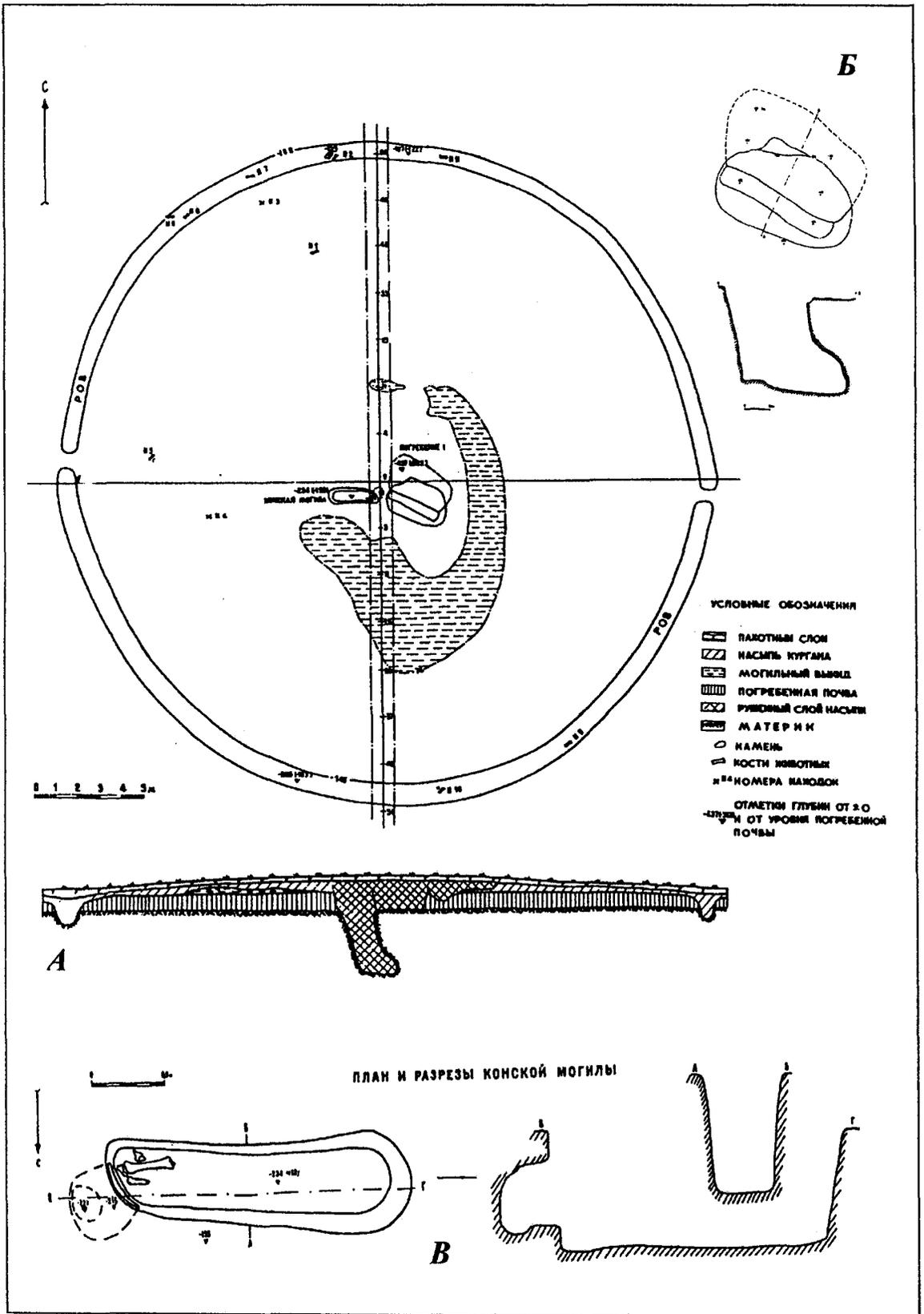

Рис. 5. Планы погребальных сооружений могильника у с. Большая Белозерка (к.2)

Курган перекрывал одну человеческую могилу скифского времени (п.1) и одну могилу коня (км.1). Прослежен выкид из могилы в форме фигуры, близкой треугольнику, лежавший на погребённой почве и располагавшийся к югу и востоку от погребального сооружения, окружая его с трех сторон (толщина с южной стороны = 0,2–0,3 м; протяженность → З–В = 9 м).

Погребение № 1, основное, ограблено (рис.5,Б), находилось в восточной половине кургана и было совершено в катакомбу, ориентированную по линии СЗ–ЮВ (входная яма и камера – параллельны). Входная яма, расположенная с ЮЗ стороны камеры, по форме имела овальные очертания (размеры – 2,37×0,35 м; глубина = 3,45 м). Переход в камеру – плавная ступенька (h = 0,10–0,15 м). Камера прямоугольных очертаний (размеры – 2,75×1,6 м; глубина = 3,62 м). В заполнении входной ямы встречались раздробленные кости человеческого скелета со следами окиси меди; на ее дне обнаружен очень маленькие фрагменты железного предмета и бронзовой пластины от наборного пояса.

КОНСКАЯ могила 1 (ограблена: рис.5,В), расположенная в западной половине кургана (в 0,5 м к западу от входной ямы катакомбы), имела форму узкого овала, сужающегося ко дну и ориентированного по линии З–В (размеры – 2,05×0,55 м; глубина = 1,59 м). В восточной (торцевой) стенке ямы имелся подбой округлой формы (размеры – 0,35×0,45 м; глубина = 1,40 м; h = 0,45 м).

В заполнении ямы встречались разрозненные кости конского скелета, некоторые со следами окиси меди – очевидно от бронзовых частей сбруи. У подбоя, предназначавшегося, видимо, для морды коня, сохранилась неповрежденная стопа одной из передних ног лошади.

Конструкция погребальной камеры, наличие рва и аналогии в сочетании погребального сооружения человека и коня в могильнике у поселка Днепрорудный (к.6/п.2), расположенного в одном регионе с рассматриваемым памятником, позволяют пока датировать этот курган концом V в. до н.э. или рубежом V–IV вв. до н.э.

Литература и архивные материалы

Граков Б.Н., Мелюкова А.И., Елагина Н.Г., 1962. Отчет о раскопках курганов у Солохи в 1962 году // НАНУ. № 1962/44. Киев.

Елагина Н.Г., 1963. Отчет скифской степной экспедиции Исторического факультета МГУ за 1963 г. // НАНУ. № 1963/27. Киев.

Елагина Н.Г., Шкурко А.И., 1964. Отчет скифской степной экспедиции Исторического факультета МГУ за 1964 г. // НАНУ. № 1964/56. Киев.

Алексеев А.Ю., 1982. Курган Цимбалка и его датировка // СГЭ. Вып.47. Л.

Алексеев А.Ю., 1996. Хронография Европейской Скифии (VII–IV вв. до н.э.). Автореф. дис... докт. ист. наук. СПб.

Алексеев А.Ю., 2003. Хронография Европейской Скифии (VII–IV вв. до н.э.). СПб.

Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р., 1991. Чертомлык. (Скифский царский курган IV в. до н.э.). Киев.

Бессонова С.С., 1971. Погребение IV в до н.э. из Трехбратнего кургана // Скифские древности. Киев.

Бехайм В., 1995. Энциклопедия оружия. СПб.

Бобринский А.А., 1901. Курганы и случайные находки близ местечка Смелы. Т.3. СПб.

Бунятян Е.П., 1985. Методика социальных реконструкций в археологии. Киев.

Гаврилюк Н.А., 1989. Домашнее производство и быт степных скифов. Киев.

Граков Б.Н., 1954. Каменское городище на Днепре // МИА. № 36.

Граков Б.Н., 1962. Скифские погребения на Никопольском курганном поле // МИА. № 115.

Іллінська В.А., 1961. Скіфські сокири // Археологія. Т.ХІІ. Київ.

Ильинская В.А., 1973. Скифская узда IV в до н.э. // Скифские древности. Киев.

Ильинская В.А., Тереножкин А.И., 1983. Скифия VII–IV вв. до н.э. Киев.

Ковпаненко Г.Т., Яковенко Э.В., 1973. Скифские курганы на юге Херсонщины // Скифские древности. Киев.

Кузнецова Т.М., 1993. «Ποτήριον» Скифского логоса Геродота // Петербургский археологический вестник. Вып.4. СПб.

Кузнецова Т.М., 1999. Ситуационная хронология IV в. до н.э. // Тезисы докладов конфере-

ренции: «Боспорский феномен: Причерноморье в VII–IV вв. до н.э.». СПб.

Манцевич А.П., 1987. Курган Солоха. Л.

Мелюкова А.И., 1964. Вооружение скифов. М.

Мелюкова А.И., 1999. Скифские курганы возле Солохи (раскопки 1961–1962 гг.) // Евразийские древности. 100 лет Б.Н.Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М.

Мелюкова А.И., Кузнецова Т.М., 1999. Скифские курганы группы Солоха (раскопки 1961–1962 гг.) // Рукопись, подготовленная для сборника: Евразийские древности. 100 лет Б.Н.Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М.

Мурзин В.Ю., 1977. Два раннескифских комплекса из Запорожской области // Новые исследования археологических памятников на Украине. Киев.

Мурзин В.Ю., 1984. Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев.

Ольховский В.С., 1977. Скифские катакомбы в Северном Причерноморье // СА. № 4.

Ольховский В.С., 1982. О население Крыма в скифское время // СА. № 4.

Ольховский В.С., 1991. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии. М.

Петренко В.Г., 1967. Правобережье Среднего Приднепровья в V–III вв. до н.э. М.

Петренко В.Г., 1978. Украшения Скифии VII–III вв. до н.э. // САИ Д4-5. М.

Привалова О.Я., Зарайская Н.П., Привалов А.И., 1982. Двугорба Могила // Древности Степной Скифии. Киев.

Тереножкин А.И., Ильинская В.А., Черненко Е.В., Мозолевский Б.Н., 1973. Скифские курганы Никопольщины // Скифские древности. Киев.

Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н., 1988. Мелитопольский курган. Киев.

Черненко Е.В., 1968. Скифский доспех. Киев.

Черненко Е.В., 1981. Скифские лучники. Киев.

Zaharov A.A., 1932. I.A.Zaretsky's excavations in the gavernment of Krakov. ESA. VII. Helsinki.

НАХОДКИ ИЗ ЮЖНОЙ ЧАСТИ ТРАХТЕМИРОВСКОГО ГОРОДИЩА

В системе поселенческих структур украинской лесостепи Трахтемировское городище занимает центральное место. Формально, по размерам (уточненная площадь – 630 га), оно находится на четвертом месте среди городищ скифского времени на Украине, уступая Бельскому, Ходосовскому и Журжинецкому городищам. Значение Трахтемировского городища и занимаемой им излучины реки для Среднего Поднепровья подчеркивают более 50 археологических памятников различных периодов, которые находятся в его пределах, а также наибольшая в Поднепровье концентрация памятников скифской эпохи вокруг него.

Городище занимает правобережное возвышенное плато, в настоящее время сильно разрушенное многочисленными и протяженными оврагами, между с.Великий Букрин Мироновского р-на Киевской обл. и с.Луковица Каневского р-на Черкасской обл.

Городище известно с конца XIX в., систематические исследования его были проведены Г.Т.Ковпаненко в 1964–1968 гг. Материалы этих работ хранятся в фондах Института археологии НАНУ. В 2000 г. отряд Трахтемировской экспедиции ИА НАНУ под руководством Ю.В.Болтрика провел охранные исследования участка оборонительного сооружения в юго-восточной части городища (Большие Валки) (рис.1). В течение сезона раскопана площадь 360 м² (Болтрик Ю.В. и др., 2001). Получены четыре разреза вала (размеры его в месте исследования: высота – 4 м, ширина – 17 м) и два разреза рва (глубина – 5 м, ширина – 10–12 м). В итоге мы располагаем не только данными о конструктивных особенностях оборонительных сооружений городища, но и интересным археологическим материалом, позволяющим сделать ряд важных выводов.

В целом находки относительно малочисленны, но, учитывая характер исследованного объекта, их количество и разнообразие представляются более чем достаточными в информативном плане. Среди находок преобладают фрагменты керамики, их общее количество – 745 экз. Из них 288 фрагментов гончарной керамики, остальные – фрагменты лепной посуды (в том

числе развалы четырех сосудов). Кроме того, найдены 83 целых и фрагментированные предметы из металла, единичные изделия из кости и камня, а также 74 обломка костей животных.

НАХОДКИ ИЗ ВАЛА И РВА. Здесь доминируют обломки лепной посуды – 176 фрагментов, в том числе 21 венчик, 145 стенок и 10 доньев. Целые формы не встречены, но частично восстановлен горшок средних размеров, найденный в развале. Для лепной посуды, независимо от ее типов и размеров, характерны следующие черты: плохо отмученное тесто с большим количеством примесей (преобладает шамот, использовались также кварц и слюда); неровная шероховатая поверхность; неравномерный обжиг, из-за которого цвет варьирует от желтовато-серого до черного; следы заглаживания травой на внешней и внутренней поверхностях.

Кухонную посуду представляют главным образом горшки. Все они с плоским дном, плавно переходящим в тулово, у некоторых дно имеет едва намеченную закраину (рис.4,2,4). Диаметр доньев 8–10 см. По форме горловины выделяется пять типов горшков.

1. Горшки с коротким горлом и плавно отогнутым под разным углом венчиком (рис.2,2). Венчики округлые или чуть оттянутые наружу.

2. Горшки с более высоким горлом, плавно переходящим в тулово, мало отличающееся по диаметру от горловины (рис.2,10,11). Возможно, эти горшки были больших размеров, чем горшки первого типа.

Горшки первых двух типов не всегда четко разделяются, в особенности в тех случаях, когда сохраняются небольшие фрагменты их венчиков. Орнаментированы оба типа одинаково – налепной валик расположен под венчиком или в самой узкой части шейки, его украшают защипы или пальцевые вдавления и дополняет ряд наколов или сквозных проколов над или под валиком. Преобладают дырочки круглой или овальной формы, но встречаются вдавления и прямоугольной формы.

3. Горшки с резко отогнутым, чуть уплощенным венчиком и горлом в форме раструба –

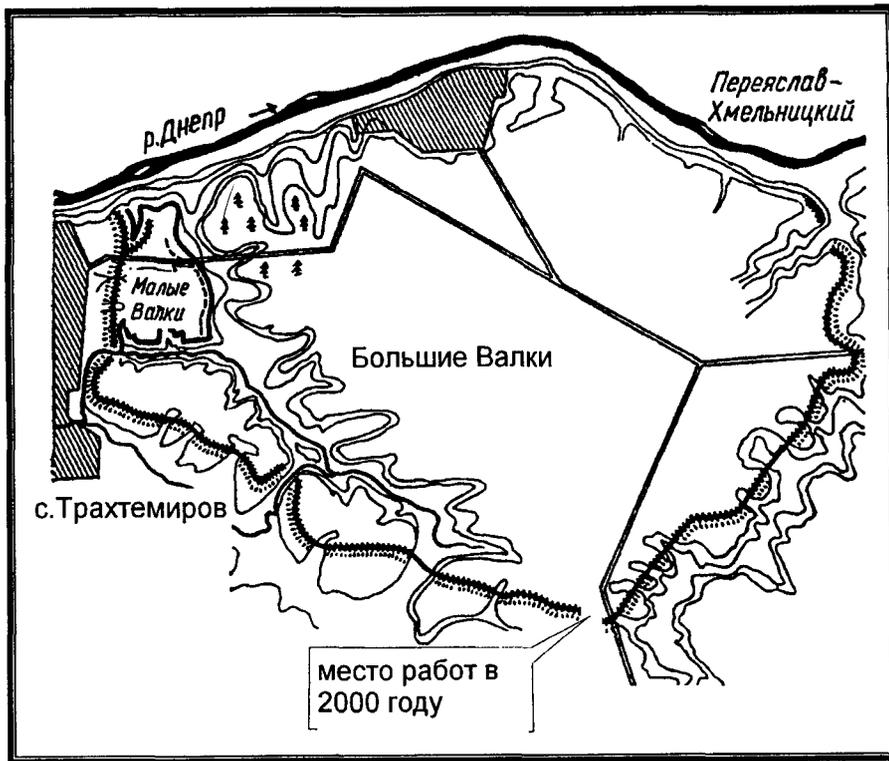

Рис. 1. План Трахтемировского городища

представлены единственным фрагментом (рис.2,6). Под венчиком – орнамент в виде валика с защипами и прямоугольными наколами в нижней его части.

4. Слабопрофилированные горшки с едва отогнутым наружу округлым или плоским венчиком, переходящим в слегка раздутое, иногда почти прямое в верхней части, тулово (рис.2, 3,7–9). Орнаментированы как и предыдущие типы.

5. Горшки баночного типа с прямым горлом представлены двумя фрагментами – один неорнаментированный (рис.2,5), второй украшен неровно прикрепленным гладким валиком, подчеркнутым пояском «жемчужника» (рис.2,4).

На нескольких фрагментах сохранились отпечатки злаков. Так, на одной из стенок и доньшке видны отпечатки зерновок проса, на другой доньшке – четкие оттиски зерен травы¹.

Ойнохои представлены единственным фрагментом. (рис.2,1). Высокий прямой венчик

¹ Палеоботанические определения выполнены научным сотрудником Лаборатории природно-научных методов в археологии ИА НАНУ Панибудьласка Т.А.

скруглен и имеет характерный изгиб. Внешняя поверхность сильно заглажена (близка к подлощенной). Обжиг сосуда неравномерный – снаружи цвет его оранжевато-коричневый, внутри – черный. В тесте примеси кварца. Размеры фрагмента не позволяют судить о размерах и типе сосуда.

Лощеную посуду представляют корчаги и черпаки.

От *корчаг* уцелели венчик, дно и частично сохранившийся сосуд (в развале). Чернолощенный *венчик* плоский, со скругленным и оттянутым наружу краем, почти треугольный в сечении. Короткая прямая шейка переходит в короткое плечико. В тесте много мелких слюдянистых частиц и примесей кварца. Диаметр венчика – 19,5 см, ширина – 1,9 см. Очевидно, этот фрагмент относится к корчаге с треугольным в сечении венчиком, цилиндрической горловиной и округло-биконическим туловом (тип I – по Ковпаненко, группа II – по Бессоновой, Скорому). Этот тип корчаг встречается в лесостепных памятниках с VII до конца VI в. до н.э. (Ковпаненко Г.Т., 1981, с.94,95, рис.55; Бессонова С.С., Скорый С.А., 2001, с.63, рис.31).

Дно корчаги – плоское, неровное, без закраины, – резко переходит в тулово, вероятно,

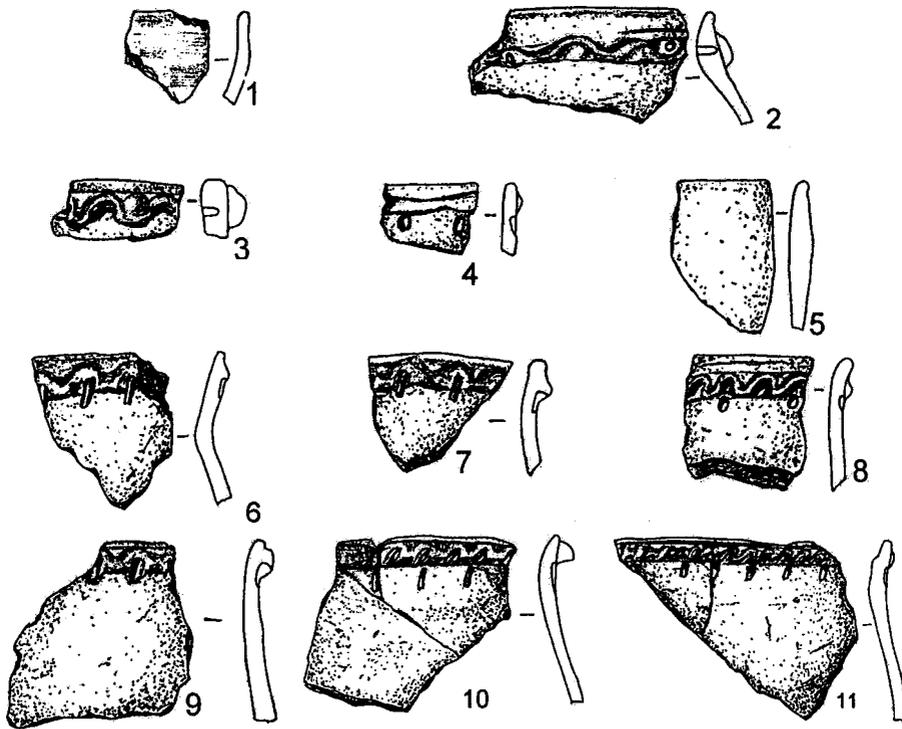

Рис. 2. Фрагменты венчиков лепных сосудов из рва

округло-биконической формы. Поверхность его темно-коричневая, в тесте примеси шамота. Диаметр – 9,5 см, толщина – 0,7 см. По-видимому, оно принадлежит сосуду значительных размеров. Состав глины (разные примеси) свидетельствует, что эти фрагменты соответствуют двум различным сосудам.

Еще одна *корчага* сохранилась со значительными утратами (рис.5,5). Скругленный венчик сосуда оттянут наружу, дуговидно выгнутое горло плавно переходит в округлое тулово с максимальным расширением в средней его части. Плоское дно с небольшой неровной закраиной. Тесто хорошо отмучено, с большим количеством мелких слюдянистых примесей. Цвет снаружи – от желтовато-коричневого до черного. Сосуд украшен по плечу четырьмя (?) уплощенными продолговатыми налепами-упорами. На придонной части горшка снаружи прослеживаются отчетливые отпечатки зерновок проса. Высота сосуда – около 23,5 см, диаметр венчика – 13 см, тулова – 16,5 см, дна – 6,5 см. Этот экземпляр возможно отнести к корчагам с дугообразными в разрезе венчиками (I тип, по Ковпаненко, или III группа, по Бессоновой, Скорому). Сосуды этого типа широко известны в VII–VI в. до н.э., а в конце VI – начале V в. до н.э. становятся доминирующим типом в лесостепи

(Ковпаненко Г.Т., 1981, с.93, рис.55,9; Ковпаненко Г.Т. и др., 1989, рис.21,2–5;22,1). Достаточно близкий по форме сосуд найден, например, в к.100 у с.Синявка, но его поверхность не орнаментирована. Традиция украшать сосуды рельефными налепами-упорами, которая восходит к культурам каннелированного гальштата, широко применялась населением Среднего Поднепровья в VII–VI в. до н.э. (Ильинская В.В., 1975, рис.16), а в VI–V в. до н.э. она исчезает (Бессонова С.С., Скорый С.А., 2001, с.66). Таким образом, этот орнамент служит хронологическим признаком.

От двух *черпаков* сохранились небольшие фрагменты.

Обломок *первого черпака* представляет собой часть овальной ручки-выступа с коротким круглым упором, расширяющимся кверху. Глина хорошо отмучена, с примесями мелких частиц слюды. Верхнюю часть ручки (до упора) украшает врезной орнамент из пересекающихся продольных и поперечных полос (рис.5,1). Размеры выступа: длина – 3,5 см, диаметр – 1,5 см, диаметр упора – 2 см; ручки: 2,5×1,1 см. Такой мелкий обломок не дает четкого представления о типе сосуда, хотя по форме отрезка возможно предположить, что он относится к черпакам I типа I группы (по Ковпаненко): с глубокой чашечкой и

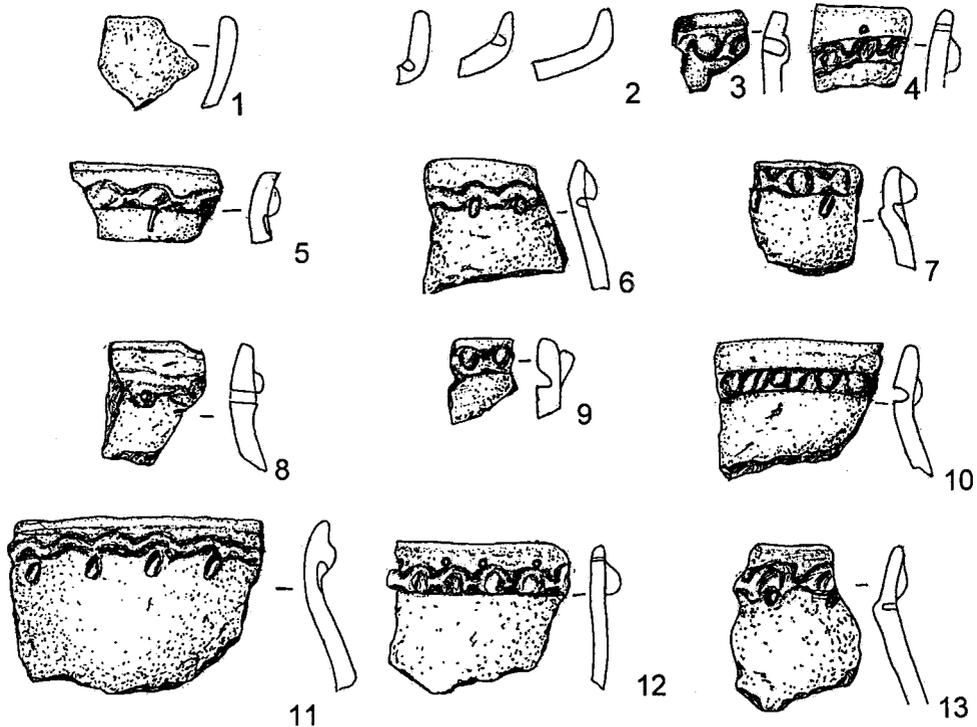

Рис. 3. Фрагменты венчиков лепных сосудов с территории городища, прилегающей к валу

едва возвышающейся над краем ручкой. Узор на ручке предполагает наличие орнамента и на тулове. Среди подобных находок можно упомянуть два черпака с короткой выделенной шейкой, найденных на окраине Канева, а также два экземпляра из к.391 у с.Грушевка и к.376 у с.Константиновка. Врезной орнамент украшал не только тулово этих сосудов, но и верхнюю часть их ручек (Ковпаненко Г.Т., 1981, рис.21,9,13; Ильинская В.А., 1975, табл.1,3; XVI,10). Фрагменты ручек черпаков с подобным орнаментом известны и в керамическом комплексе VII–VI в. до н.э. Трахтемировского городища (Ковпаненко Г.Т. и др., 1989, рис.7,24,25). Нужно отметить, что, в отличие от нашего экземпляра, орнамент на всех приведенных выше сосудах украшал лишь часть ручки, не заходя на выступ. Наличие врезного орнамента свидетельствует о принадлежности этого экземпляра к раннескифскому времени.

От *второго черпака* сохранился фрагмент стенки с овальной в сечении ручкой с коротким цилиндрическим выступом-упором на сгибе (рис.5,3). В тесте заметны примеси слюды и кварца (?). Высота сохранившейся части – 8,5 см; ручка (сечение) – 2,3×1,3 см; упор: диаметр – 1,7 см, длина – 0,7 см. Этот экземпляр, вероятно, относится к черпакам с высокой шейкой, пло-

ским дном и ручкой, незначительно возвышающейся над краем (тип III группы 3, по Ковпаненко; тип 5 отдела I, по Ковпаненко, Бессоновой, Скорому). Г.Т.Ковпаненко сравнивает черпаки этого типа с глубокими так называемыми «кувшиноподобными», распространенными в середине – второй половине VI в. до н.э. в Среднем Поднепровье (Ковпаненко Г.Т., 1981, с.86). Наш черпак находит аналогии среди находок из погребений курганов 35 у с.Бобрица, 2 у с.Лазурцы и 82 у с.Бересняги, дата которых определяется в пределах VII – начала VI в. до н.э. (Ковпаненко Г.Т. и др., 1989, с.143,144,146). Этим временем возможно датировать и наш кубок.

О *гончарной посуде* свидетельствуют фрагменты двух сосудов.

Один небольшой обломочек, по предположению А.С.Русяевой, может принадлежать небольшому тонкостенному *хиосскому сосуду* с подлакированной поверхностью.

Остальные 39 фрагментов относятся к *расписной ойнохое* (рис.6). От верхней части сосуда сохранился лишь небольшой фрагмент венчика с характерным изгибом и нижняя часть горловины. Место перехода шейки в тулово отмечает подтреугольный в сечении рельефный выступ. Слабопрофилированное тулово с наибольшим

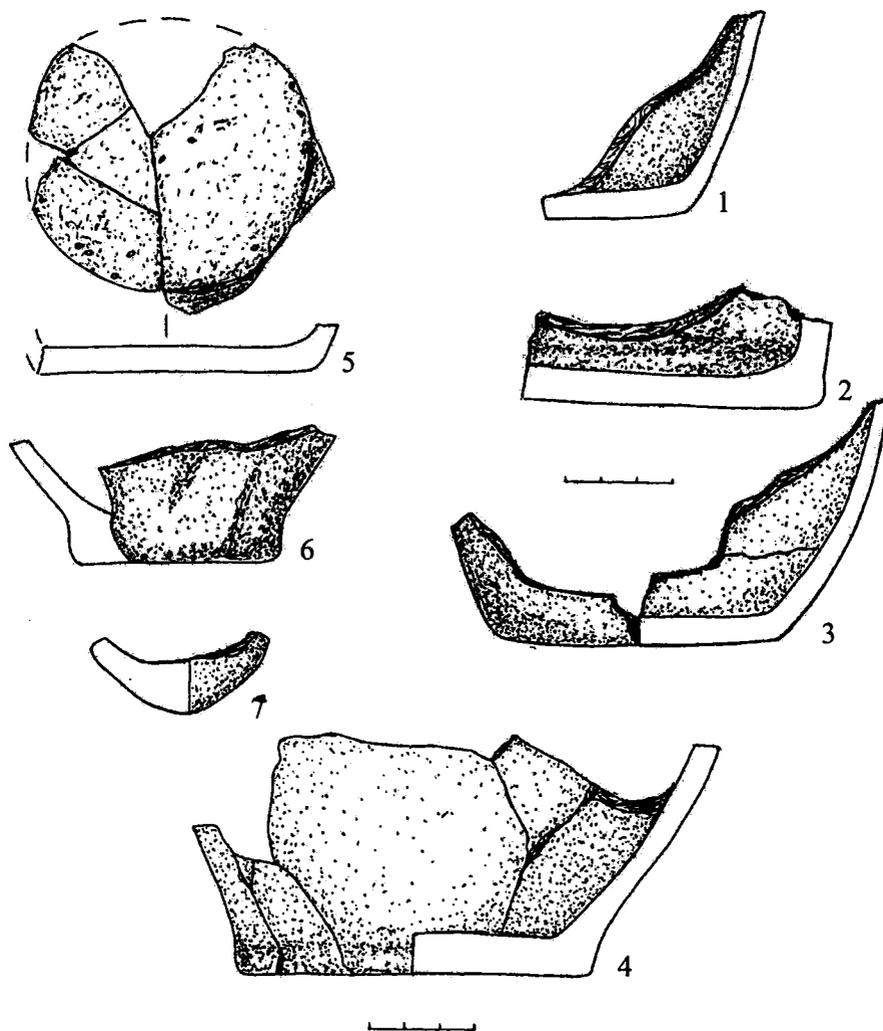

Рис. 4. Фрагменты доньев лепных сосудов

расширением в верхней трети. От основания ручки сохранился едва заметный выступ. Дно имеет низкую кольцеобразную ножку. Сохранившаяся высота ойнохои – 21,5 см, высота тулова – 19,7 см, диаметр тулова – 20 см, диаметр дна – 10,2 см.

Сосуд изготовлен из глины розового цвета, чистой, с очень небольшим количеством слюдянистых включений. Внешняя поверхность его покрыта плотным кремовым ангобом. Лак росписи тусклый, нанесен неравномерно, в зависимости от густоты – от золотистого до бурочерного цвета. Роспись исполнена кистью с применением накладной пурпурной краски и в нескольких местах гравировки. Нижнюю часть горловины опоясывает плетенка с точками. Рельефный выступ покрыт слоем золотисто-коричневого лака. Роспись на тулове, разделенная на три фриза, сверху ограничена пояском

палочного орнамента, внизу (по придонной части) широкой полосой жидкого золотистого лака. Между собой фризы разделены широкими поясками золотистого лака. Верхний фриз, расположенный по плечу сосуда, заполняет пышный растительный орнамент из волутообразных завитков и крупных листьев. На среднем фризе, занимающем центральную часть тулова, изображены фигуры пяти пасущихся горных козлов-эгагров. Рисунок сохранился не полностью. Фигуры расположены одна за другой, головами влево и выполнены в технике так называемых пропущенных линий: корпус животного передан силуэтом, детали линиями, оставленными в цвете глины, а голова – контурными линиями. Пространство между фигурами покрывают элементы заполнительного орнамента, расположенные как будто и не густо, тем не менее свободного места почти не остается. Среди элементов

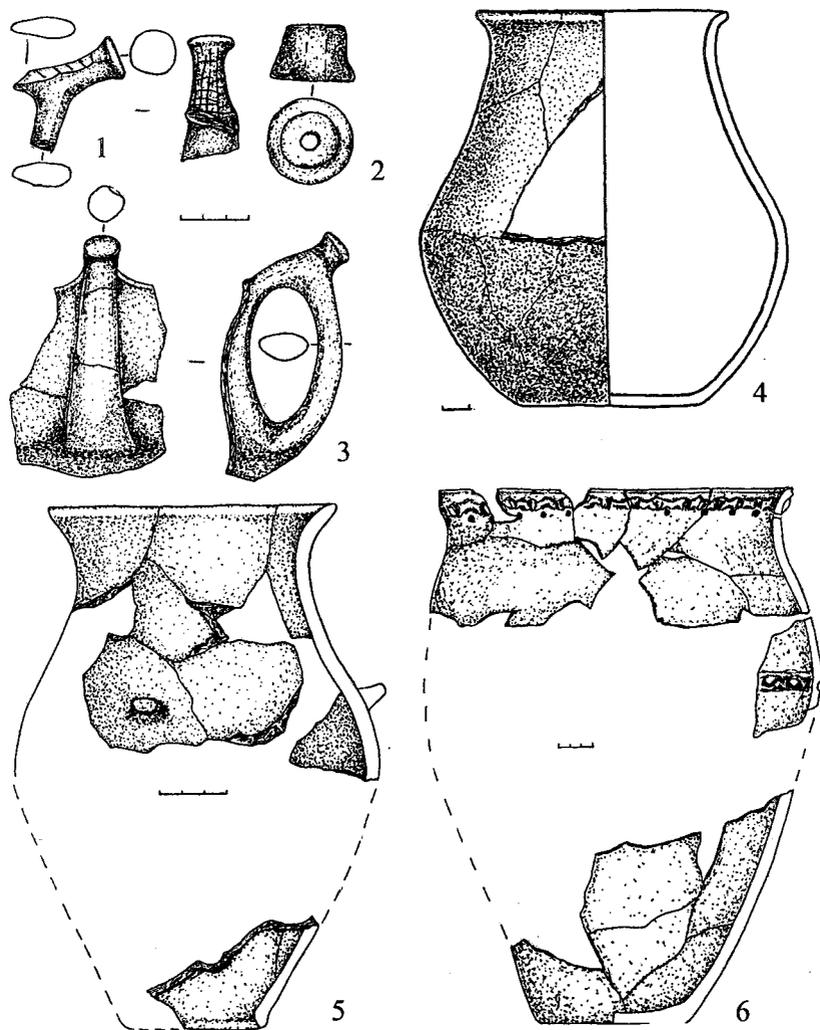

Рис. 5. Керамика из рва и территории городища: фрагменты черпаков (1,3), пряслице (2), кубок (4), корчага (5), горшок (6)

орнамента: свисающие лучи-реснички; опирающиеся на нижний пояс полуспираль; свастики; обрамленные лучами полукружья; косые кресты; четырехлепестковые розетки. Нижний фриз оформлен в виде корзинки лучей. В целом, верхний и нижний фризы как бы оттеняют и подчеркивают центральный сюжетный ряд.

Определяя время производства сосуда, отметим следующее. По материалам Афинской Аго-ры ойнохой такого типа датируются 575 г. до н.э. Такая деталь, как выступ-каннелюр на шейке, характерна для сосудов, бытовавших в 600–550 гг. до н.э. (Sparkes D., Talcott L., 1970, pl.5,12). Ойнохой относится к группе сосудов Wild Goat Style «В», известного также как Камир (Cook R.M., 1960, p.118). Роспись ойнохой выполнена в технике, характерной для развитого ориентализирующего стиля родосско-ионийской кера-

мики, который окончательно складывается и развивается в искусстве Восточной Ионии во 2-й половине VII – 1-й половине VI в. до н.э. (Копейкина Л.В., 1975, с.107). Начало освоения техники росписи с применением силуэтного рисунка, пурпура и гравировки обычно относят приблизительно к 600 г., а нижнюю границу ее использования к 70–60-м гг. VI в. до н.э., когда на смену ориентализирующему стилю приходит чернофигурный. Большинство сосудов, расписанных в технике пропущенных линий относится к 1-й четверти VI в. до н.э. (Копейкина Л.В., 1970, с.94,104). Именно в это время отмечается наибольшая торговая активность ионийских городов (Cook R.M., 1960, p.122).

Прямых соответствий росписи трахемировской ойнохой мы не знаем. По стилю и манере росписи близки ей фрагмент кратера из

Рис. 6. Расписная ойнохоя

коллекции Британского музея (Cook R.M, 1960, pl.31,b), а также две фрагментированные ойнохои – из раскопок Смирны (коллекция музея Измира) и с о.Родос (коллекция Национального музея Копенгагена) (Akurgal E., 1993, pl.112,b; CVA. pl.77,3). Две первые находки относятся к 600–575 гг. Время последней определяется первой третью VI в. до н.э. Непосредственный осмотр оригинала трахтемировской ойнохои позволил М.Золотареву определить время ее производства не позднее 80-х годов VI в. до н.э. В то же время Пьер Дюпон относит сосуд к 80-м годам (не ранее) этого же столетия².

Находки расписной архаической керамики в Причерноморье образуют две зоны их сосредоточения. *Приморскую зону* представляют: Истрия, Березань, Ольвия, Пантикапей, а также погребения кочевников в Крыму – Филатовка и Темир-Гора. Керамический импорт в эту груп-

пу памятников попал морским путем. *Лесостепную зону* представляют городища – локальные центры, куда импорты попадали с сухопутными караванами. И если для Немировского городища есть основания предполагать торговые контакты с Истрией, то для памятников бассейна Среднего Днестра – Мотронинского, Бельского и Трахтемировского городищ, а также погребения на Орели у с.Шандровка поступления родосско-ионийской расписной керамики следует связывать с деятельностью ольвийских торговцев (Фиалко Е.Е., Болтрик Ю.В., 2001, с.136).

Таким образом, учитывая форму сосуда, манеру и особенности росписи, а также приведенные аналогии, трахтемировскую ойнохую следует датировать 80-ми годами VI в. до н.э. Местом изготовления вазы вероятно является Северная Иония (предположительно, Клазомены).

Единственное *керамическое пряслице* асимметрично. Оно имеет форму усеченного конуса с вогнутой боковой поверхностью и плоскими основаниями (рис.5,2). Грубая поверхность красно-коричневого цвета. В тесте присутствуют примеси мелких слюдянистых частиц. Размеры

² Авторы выражают искреннюю благодарность за консультации Михаилу Золотареву (Национальный заповедник «Херсонес Таврический») и Пьеру Дюпону (Национальный центр научных исследований. Лаборатория керамики. Лион, Франция).

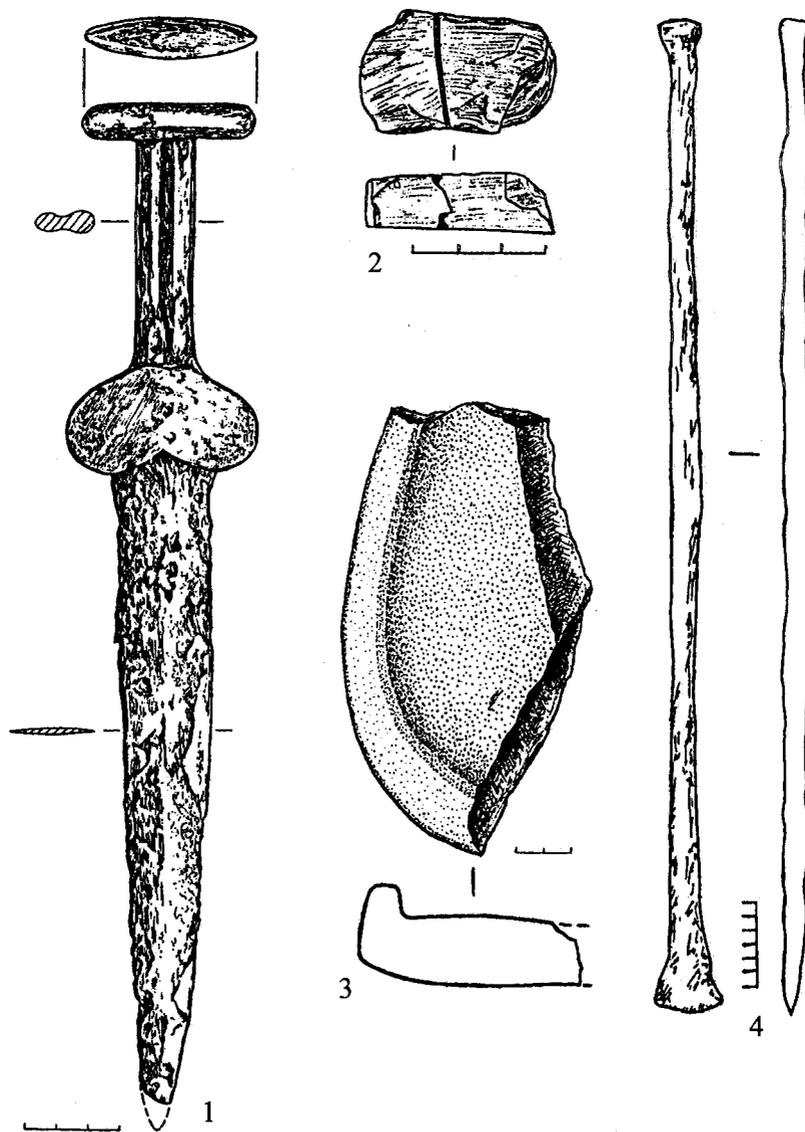

Рис. 7. Находки из различных мест раскопа: кинжал (1), поделка (2), фрагмент блюда (3), орудие труда (4). 1, 4 – железо, 2 – кость, 3 – камень

пряслица: высота – 2,3–2,5 см; диаметр 2,8–3,9 см, диаметр отверстия – 0,8 см. Оно относится к одному из самых распространенных типов, встречающихся в памятниках Юго-Восточной Европы на протяжении всего периода существования скифской культуры.

Изделие из кости представляет собой овальную пластинку из таранной кости крупного рогатого скота со следами обработки. Нижнее основание ее заполировано. Верхнюю плоскую поверхность пересекает поперечный узкий паз, вырезанный под небольшим углом (рис. 7, 2). Размеры пластины: 4,5×2,5 см; высота – 1,1 см; паза: ширина – 0,1 см; глубина – 0,15 см. Поверхность пластины черного цвета, что свиде-

тельствует о пребывании ее в огне. Учитывая заполированную нижнюю поверхность пластинки, возможно было бы допустить, что она использовалась для обработки кожи. Но наличие паза на другой стороне скорее предполагает иное ее назначение.

Изделия из металла составили достаточно большую коллекцию. Наиболее массовыми находками здесь оказались предметы вооружения, прочие находки единичны.

Железный кинжал, найденный во рву на глубине 2,04 м, сохранился практически целиком, обломан лишь его кончик (рис. 7, 1). Кинжал с узким прямым брусковидным навершием (почти ромбовидной в плане формы) и с серд-

цевидным перекрестием. Рукоять с бортиками по краям. Клинок сужается к концу острия, на нем просматривается продольное ребро. Размеры кинжала: длина – 32 см; лезвие: длина – 20,5 см, максимальная ширина – 3,3 см; навершия: длина – 5,5 см, максимальная ширина – 1,4 см, высота – 1 см; перекрестие: ширина – 6,2 см, высота – 2,7 см; рукоять: длина – 7 см, ширина – 2 см, толщина – 0,6 см.

О технологических особенностях изготовления кинжала необходимо сказать следующее. Клинок откован из твердой стали. Судя по характеру микроструктуры, заготовка для кинжала подвергалась сквозной цементации и последующей тщательной проковке. Перекрестие изготавливалось отдельно – вырубленная фигурная заготовка сгибалась пополам, одевалась на клинок ниже рукояти и проковывалась для крепкого соединения с клинком. Профилированная рукоять изготовлена с применением молотка с узким носиком и подставки, это обеспечило формовку желобка на обратной стороне. В брусковидной заготовке для навершия прошивалось отверстие, заготовка насаживалась на рукоятку и проковывалась до плотного соединения. Термической обработке клинок не подвергался³.

По классификации А.И. Мелюковой, трахтемировский кинжал относится к первому типу I отдела – кинжалам и мечам с брусковидным навершием и почковидным перекрестием. Эта форма, имея прототипы в биметаллических акинаках, является наиболее ранней из всех разновидностей данного типа оружия; появившись в конце VII в. до н.э., наибольшее распространение получает во второй половине VI в. до н.э. Почти повторяют форму и размеры трахтемировского кинжала из к.77 у с.Куриловка, случайные находки в окрестностях Киева у Зеленого сада (Мелюкова А.И., 1964, табл.15,9,10) и у с.Верхнее Салтово (из сборов В.Бабенко) (Либеров П.Д., 1962, рис.6,3). Среди близких аналогий рассматриваемому экземпляру можно назвать случайные находки: из Чигирина (Мелюкова А.И., 1964, табл.15,4,5); окрестностей с.Мгарь Лубенского р-на Полтавской обл. (Кулатова И.Н., 1991, рис.1); фрагментированного кинжала у с.Бурты Кременчугского р-на Полтавской обл. (Кракало И.В., Кулатова И.М., 1998, с.168), на бе-

регу Линева озера в Курской области (Апальков А.Н., 1993, рис.1,б); окрестностей с.Новый Валувай Пачелмского р-на Пензенской обл. (Максименко Е.К., Полесских М.Р., 1971, рис.1,3); близ с.Сергеевка и с.Вторые Тербуни бывшего Задонского уезда (Либеров П.Д., 1965, табл.17,9,11), у г.Новоазовск (Подобед В.А., 1993, рис.54,1); фрагментированного меча из краеведческого музея г.Первомайск Луганской обл. (Подобед В.А., 1993, рис.55,2), а так же кинжалов с Бельского городища (Шрамко Б.А., 1975, рис.11,4) и из Цемдолинского могильника в окрестностях ст.Раевской (Мальшек А.А. и др., 1999, рис.3,7). Думается, здесь уместно упомянуть и железный акинак с брусковидным навершием и бабочковидным (?) перекрестием, найденный воткнутым в насыпь к.7 могильника в уроч.Носаки (Бидзиля В.И. и др., 1977, рис.55,2).

Практически идентичный трахтемировскому, по размерам (длина 32 см при максимальной ширине лезвия 3 см) и оформлению деталей, кинжал найден на святилище античного времени возле перевала Гурзуфское Седло на Главной гряде Крымских гор (Новиченкова Н.Г., 2002, рис.65,7). Известны подобные находки и в некрополях античных городов. Близкие экземпляры, но с более длинным клинком происходят из п.А 60 некрополя Нимфея (Грач Н.Л., 1999, рис.12) и могилы 6 (раскопки 1909 г.) грунтового могильника Ольвии (Скуднова В.М., 1988, кат.26). Две последние находки датируются, соответственно, второй половиной VI в. и VI в. до н.э.

Морфологически близкими возможно считать и несколько кинжалов, которые отличаются от упомянутых выше два момента – рукояти их слегка сужаются к перекрестию, а короткие клинки имеют широкое основание. Это случайные находки из с.Хмелевка Краснопольского р-на Сумской обл. (Кулатова И.Н., 1990, табл.V), из Марьинского р-на Донецкой обл. (Подобед В.А., 1993, рис.54,2) и у с.Бурени в Молдавии (Sulemirski T., 1936, табл.IX,2).

С савроматской территории происходят случайная находка в с.Средняя Липовка Сосновоборского р-на Пензенской обл. (Смирнов К.Ф., 1961, рис.1,3) и кинжал из п.25 к.1 у ст.Хапры на Нижнем Дону (Максименко В.Е., 1983, рис.9,3).

Практически все упомянутые выше кинжалы датируются авторами публикаций в рамках конца VII – VI в. до н.э.

Подобные трахтемировскому короткие мечи и кинжалы известны и за пределами Европейской Скифии. Значительную группу образцов

³ Металлографические исследования проведены старшим научным сотрудником Лаборатории природно-научных методов в археологии ИА НАНУ к.и.н. Вознесенской Г.А.

такого оружия составляют находки с Северного Кавказа. Два таких кинжала, найденные в курганах у ст.Удобной Отрадненского р-на Краснодарского края, хранятся в Отрадненском народном музее. Интересной особенностью одного из них является наличие на сердцевидном перекрестии выемки в средней части и двух заострений, которые соответствуют вершинам боковых валиков рукояти; хотя подобная форма перекрестия не является уникальной (Петренко В.Г., 1990, рис.2,1,2). На территории западной группы кобанской культуры интересующие нас экземпляры отнесены В.И.Козенковой ко второй группе – кинжалам и мечам «степной» формы, в 1-ом отделе которой (по форме перекрестия) различаются 2 типа: I – с почковидным и II – с бабочковидным и сердцевидным перекрестием. Среди прочих наиболее близки нашему акинаку из п.15 могильника Уллубаганалы 2 и меч из п.6 Султангорского 3 могильника (кон. VII – начало VI в. до н.э.), кинжалы из п.5 Тамгацикского могильника (кон. VI – рубеж VI–V в. до н.э.) и, возможно, из п.1 могильника 3 у Лермонтовской скалы (1-я пол. VI в. до н.э.) (Козенкова В.И., 1995, с.61, табл. XIII,3,5; XXIV,5,8,4).

В горных районах Центрального Кавказа близкие по форме железные акинаки найдены в погребениях 94, 164, 205 и 216 Тлийского могильника, где они датируются VII–VI в. до н.э. (Техов Б.В., 1980, рис.6,12–14). Железный акинак с бронзовым сердцевидным перекрестием найден в к.7 могильника Тегермансу 1 раннескифского времени на Памире (Заднепровский Ю.А., 1992, с.97, табл.36,8). Железный кинжал с бронзовым брусковидным навершием и сердцевидным перекрестием этого же времени выявлен среди тризны к.1 могильника Жаман-Тагай в Южном Казахстане (Заднепровский Ю.А., 1992, с.103, табл.37,5).

Ареал кинжалов-акинаков VII–VI в. до н.э., общими для которых является форма навершия (брусковидная) и перекрестия (сердцевидная, почковидная и бабочковидная), – Европа и Приаралье – железные, Северный Казахстан, Сибирь, Тува, Монголия и Ордос – бронзовые. При этом следует заметить, что сердцевидные или бабочковидные перекрестия могут значительно отличаться друг от друга не только в разных, но и в границах одного и того же региона. Что же касается так называемых почковидных перекрестий с дуговидно округленным верхом и представленными не очень широко лопастями, то

они характерны только для западной части степного массива Евразии. Эта форма перекрестия присуща акинакам скифов Причерноморья и савроматов, известна она также в ананьинской культуре и крайне редка в Сибири (Членова Н.Л., 1993, с.70,71). Справедливости ради следует заметить, что чаще всего отнесение формы перекрестия к тому или иному типу бывает затруднено из-за плохой сохранности кинжалов.

Оформление ручки продольными валиками-закраинами характерно для кинжалов и мечей скифов Северного Причерноморья, савроматов Приуралья, саков Приаралья и Памира, в Киргизии и Ордосе. Тем не менее, наряду с ними известны и экземпляры с гладкими ручками – например, находки у с.Бурты, с.Сергеевка, г.Новоазовска, ст.Хапры, уроч.Носаки. Фигурная в сечении форма рукояти с приподнятыми краями и углубленной средней частью появляется исключительно у железных кинжалов и мечей, как убедительно доказал Б.А.Шрамко, на определенном этапе развития технологии изготовления наступательного оружия – как подражание рамочным биметаллическим образцам киммерийского и раннескифского оружия (Шрамко Б.А., 1984, с.310). При этом элементы, которые несли ранее определенную конструктивную нагрузку, превращаются в декоративные.

Большая часть акинаков с территории Европейской Скифии является случайными находками и датируется в границах конца VII – VI в. до н.э. К наиболее поздним экземплярам можно отнести два акинака, датированных в одном случае комплексом сопутствующего инвентаря (к.1 у ст.Хапры) и в другом – условиями находки и временем существования курганного могильника (к.7 в уроч.Носаки), соответственно VI и концом VI – V в. до н.э. Оба экземпляра имеют гладкие рукояти. Это обстоятельство позволяет предположить, что в эволюционном ряду кинжалов и мечей рассмотренного типа экземпляры с фигурными ручками (подобные трахтемировскому) занимают среднюю, или промежуточную, позицию между акинаками с рамочными и гладкими рукоятями.

Дата трахтемировского кинжала уточняется сопутствующими ему находками и результатами радиоуглеродного датирования органических остатков с места находки и определяется таким образом временем не позднее первой четверти VI в. до н.э.

Все *наконечники стрел* и их фрагменты (всего 67 экз.) найдены во рву и относятся к

первой хронологической группе по классификации А.И.Мелюковой, датирующей VII–VI в. до н.э. (Мелюкова А.И., 1964, табл.5). Для всего набора можно отметить очень хорошую сохранность, что объясняется содержанием большого количества олова в составе бронзы, из которой они отлиты.

По морфологическим признакам наконечники стрел распределяются на четыре разновидности в количественном отношении отдела: двухлопастные, трехлопастные, трехгранные и четырехгранные. Преобладают трехлопастные наконечники стрел.

В первый отдел входят *двухлопастные* наконечники – один железный и 19 бронзовых экземпляров.

Железный наконечник относится ко 2-му варианту 1-го типа – с ромбовидной головкой (рис.10,7). Снизу он обломан, но выделенная по длинной оси средняя часть, расширяющаяся к втулке (?), как будто свидетельствует в пользу того, что он относится к втульчатым. Длина сохранившейся части – 3,1 см. Все аналогии нашему экземпляру отлиты из бронзы. Два из них почти совпадают по форме и размерам головки. Первый, случайно найден близ с.Трахтемиров в 1898 г., хранится в Эрмитажной коллекции. Он имеет короткую втулку с обломанным шипом; длина наконечника – 4,4 см, ширина – 1,4 см; датируется VII–VI в. до н.э. (Галанина Л.К., 1977, табл.33,21). Второй – находка А.Б.Супруненко во время разведки на поселении раннескифского времени у хут.Трояны на Полтавщине. От первого его отличает длинная втулка с рельефным поперечным валиком возле основания головки и отсутствие шипа. Он отнесен к VIII – первой половине VII в. до н.э. (Кулатова И.Н., 1999, с.1, рис.1,1). К тому же типу принадлежат наконечники трех стрел из п.3 кургана Аржан в Туве (Тереножкин А.И., 1976, с.138, рис.83,1), датирующиеся VIII–VII в. до н.э. (Грязнов М.П., 1980, рис.11,8, с.55). Еще один подобный экземпляр происходит из к.38 у с.Гуляй-Город (Ильинская В.А., Тереножкин А.И., 1983, с.243), его втулка, как и у эрмитажного наконечника из Трахтемирова, не длинная; в последнее время его датируют концом VII – началом VI в. до н.э. (Ковпаненко Г.Т. и др., 1989, с.234,235). Достаточно близкий нашему (и эрмитажному) наконечник стрелы с шипом на втулке найден в 1988 г. близ с.Пришиб Славянского района Донецкой области, но он значи-

тельно больше (длина – 6,8 см, ширина – 2,2 см) (Дубовская О.Р., 1993, с.42, рис.51,10). Подобные ему экземпляры найдены в п.5 в слое Сержень-Юртовского поселения на Кавказе (Козенкова В.И., 1977, с.74, табл.ХIII,5). На основании приведенных бронзовых находок возможно датировать наш железный экземпляр в пределах конца VIII – начала VI в. до н.э. Эта дата может показаться несколько заниженной относительно прочих находок, но, по нашим наблюдениям, довольно часто в колчаных наборах встречаются одна или несколько стрел с наконечниками более раннего времени. Примерами могут служить комплексы из к.4 у с.Берестняги, курганов 1 и 2 у с.Мастюгино (Мелюкова А.И., 1964, табл.8,В; 9,В,Ф) и прочие. Возможно, как раз такой набор стрел был у одного из воинов, участвовавших в военной баталии под валом Трахтемировского городища.

13 целых и 5 фрагментированных *бронзовых наконечников* найдены в разных частях рва на глубине от 0,4 до 4,10 м. Длина наконечников – от 3,2 см до 5,1 см. Большинство их относится к 1-му и 2-му вариантам 2-го типа (по Мелюковой) – наконечникам с овальной или лавролистной головкой, которая равна или чуть превышает по длине втулку, с шипом или без него (рис.8,1–12). Из десяти экземпляров этого типа три с короткой втулкой (на 1/4 общей длины), остальные с длинной втулкой (на 1/3–1/2 общей длины), четыре из последних с шипом. Такие наконечники стрел характерны для памятников раннескифского времени, хотя отдельные экземпляры известны и в предскифский период. Аналогичные наконечники представлены в Келермесских курганах на Кубани (Галанина Л.К., Алексеев А.Ю., 1990, рис.5,22–25) и комплексах лесостепной Скифии: к.487 у с.Журовка, кургане у с.Ленковцы, Старшей Могиле, к.38 у с.Гуляй-Город (Мелюкова А.И., 1964, табл.6,С, И,О,П), к.474 у с.Оситняжка (Галанина Л.К., 1977, табл.15,22), к.8 у с.Яснозорье (Ковпаненко Г.Т. и др., 1994, рис.7,5), гробнице 2 Репяховой Могилы (Ильинская В.А., Тереножкин А.И., 1983, с.249), на Бельском, Мотронинском и Трахтемировском городищах (Шрамко Б.А., 1987, рис.56; Бессонова С.С., Скорый С.А., 2001, рис.62,2,3; Ковпаненко Г.Т., 1967, рис.16; 1968, рис.10; Галанина Л.К., 1977, табл.33, рис.22,23). Хронология этих памятников определяется в рамках VIII–VII в. до н.э. (Яснозорье) – VII–VI в. до н.э. Три наконечника (рис.8,

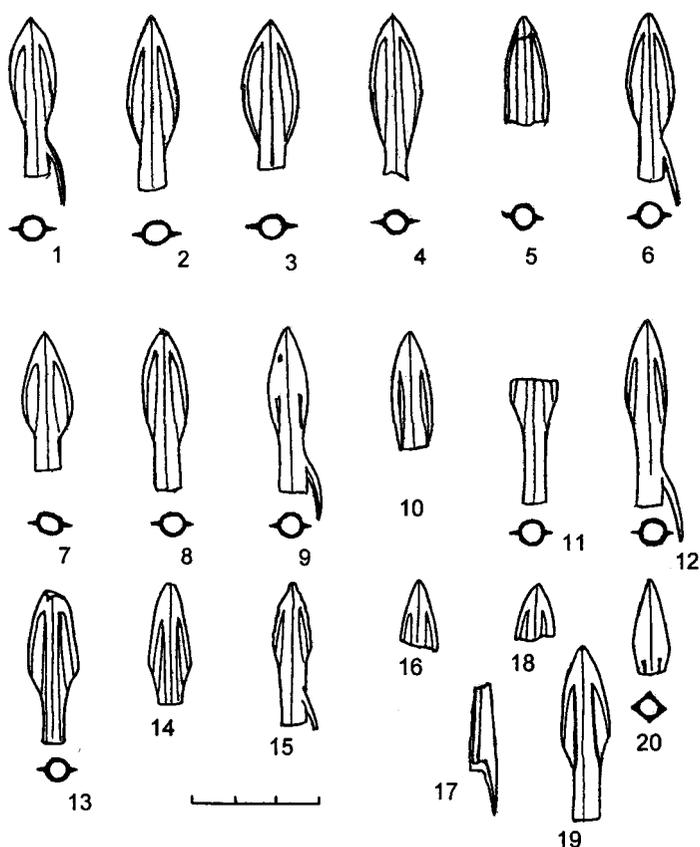

Рис. 8. Бронзовые двухлопастные наконечники стрел

13, 14, 19) относятся к 5-му типу – остролистным наконечникам с резким переходом от верхней части головки к втулке, без шипа. Этот тип относится к редким – он известен лишь в нескольких комплексах Северного Причерноморья VII–VI в. до н.э.: Старшей Могиле (Мелюкова А.И., 1964, табл.6, О, 8), к.42 у с.Берестняги (Ковпаненко Г.Т., 1981, рис.59, 23). Достаточно близкий нашему, но более массивный и с шипом происходит с Мотронинского городища (Бессонова С.С., Скорый С.А., 2001, рис.62, 4). Приведенные экземпляры датируются VII – первой половины VI в. до н.э.

Ко второму отделу отнесены 37 бронзовых *трехлопастных* наконечников – 19 целых и 18 фрагментированных экземпляров (рис.9, 1–20). Длина их от 2,5 см до 4,5 см.

Только два из них можно отнести ко 2-му варианту 1-го типа – наконечники с лавролистной в плане головкой и выступающей втулкой с шипом (рис.9, 17, 19). Причем на меньшем наконечнике «шип» не литой, а гравированный – в виде треугольной насечки на втулке. Этот тип наконечников считается самым распространенным в своей хронологической группе. Аналогии из-

вестны в наборах Келермесских курганов 2, 1 и 4, 24 (Галанина Л.К., 1995, рис.2, 4; 3, 33, 34), к.15 у с.Аксютинцы, к.487 у с.Журовка, кургана у с.Оситняжка, Старшей Могилы (Мелюкова А.И., 1964, табл.6, Ж, Е, 3; С, 5; К, 3; О, 12), к.38 у с.Гуляй-Город (Ильинская В.А., Тереножкин А.И., 1983, с.243), к.478 у с.Волковцы, к.469 у с.Аксютинцы (Галанина Л.К., 1977, табл.19, 17, 19; 23, 20), есть они и среди находок Трахтемировского и Бельского городищ.

Остальные наконечники относятся к первым двум вариантам 2-го типа – наконечникам с остролистной в плане головкой и выступающей втулкой с шипом или без шипа (рис.9, 1–16, 20). В нашей коллекции этот тип преобладает. Восемь из них имели шип разной длины и формы. Подобные экземпляры уже встречались на Трахтемировском (Ковпаненко Г.Т., 1967; 1968) и Мотронинском городищах (Бессонова С.С., Скорый С.А., 2001, с.91). Известны они и в курганных комплексах: к.469 у с.Аксютинцы, Старшей Могиле (Мелюкова А.И., 1964, табл.6, Л, 3; О, 13) и иных памятках, которые датируются второй половиной – концом VII – началом VI в. до н.э.

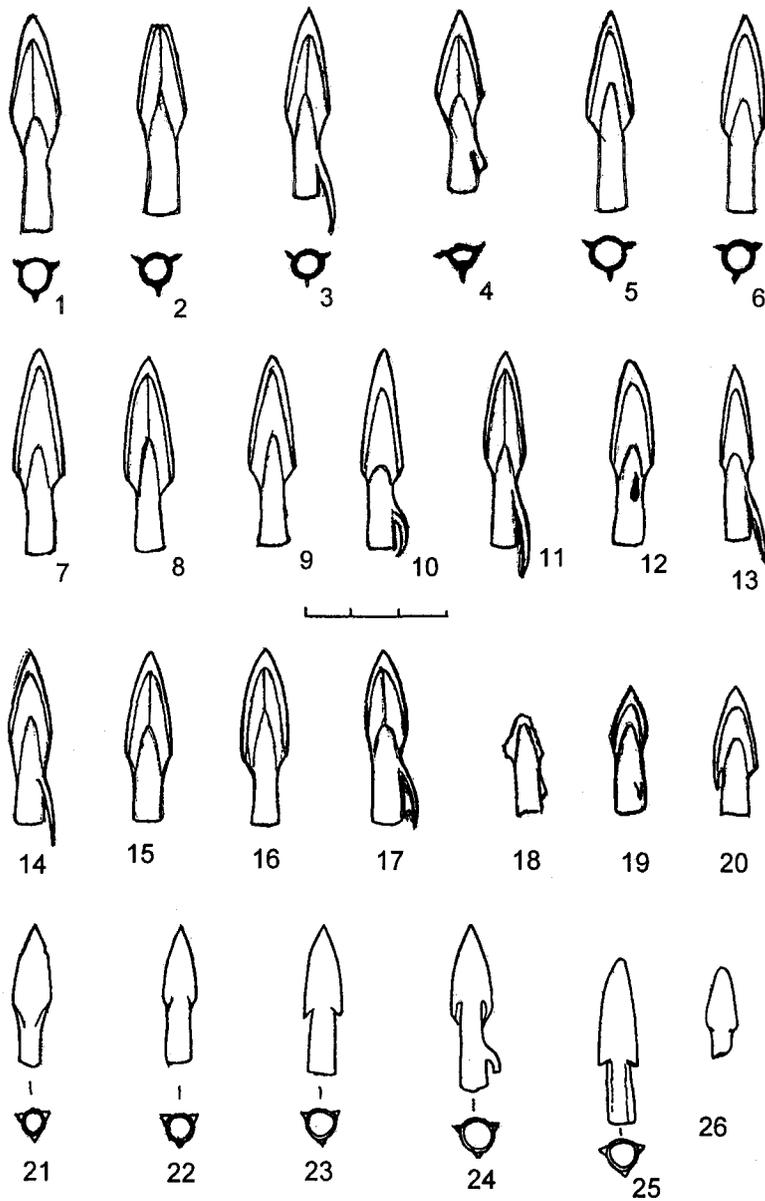

Рис. 9. Бронзовые трехлопастные (1–20) и трехгранные (21–26) наконечники стрел

К третьему отделу отнесены пять целых и три фрагмента втулок *трехгранных* наконечников стрел (рис.9,21–25). Длина наконечников этого отдела – от 2,8 см до 3,4 см. Три наконечника (рис.9,21,22,24) представляют 1-й тип – наконечники с головкой листовидной в плане формы, с выступающей втулкой. Только один из них имеет шип на втулке и углубления на гранях. У остальных грани гладкие и нет шипа. Они представляют 1-й (с шипом) и 3-й варианты этого типа. Среди находок преобладают наконечники 1-го варианта – такие известны в курганах 15 и 469 у с.Аксютинцы (Мелюкова А.И., 1964, табл.6,Ж;Е,2;Л,8), кур-

гане у с.Малая Офирна (Ковпаненко Г.Т. и др., 1989, рис.12,25), к.474 у с.Оситняжка (Галанина Л.К., 1977, табл.15,19) и пр. Что касается стрел 3-го варианта, аналогии им известны в курганах 15 и 467 у с.Аксютинцы (Мелюкова А.И., 1964, табл.6,Ж;Е,4; Галанина Л.К., 1977, табл.18,15), к.483 у с.Басовка (Галанина Л.К., 1977, табл.25,25), погребении у с.Пищальники (Ковпаненко Г.Т. и др., 1989, рис.12,23) и др. Оба варианта известны в наборах Келермесских курганов 2 и 24 (Галанина Л.К., 1995, рис.2,16,17,25;3,16).

Два наконечника с головкой треугольной в плане формы и выступающей втулкой (рис.9,23,

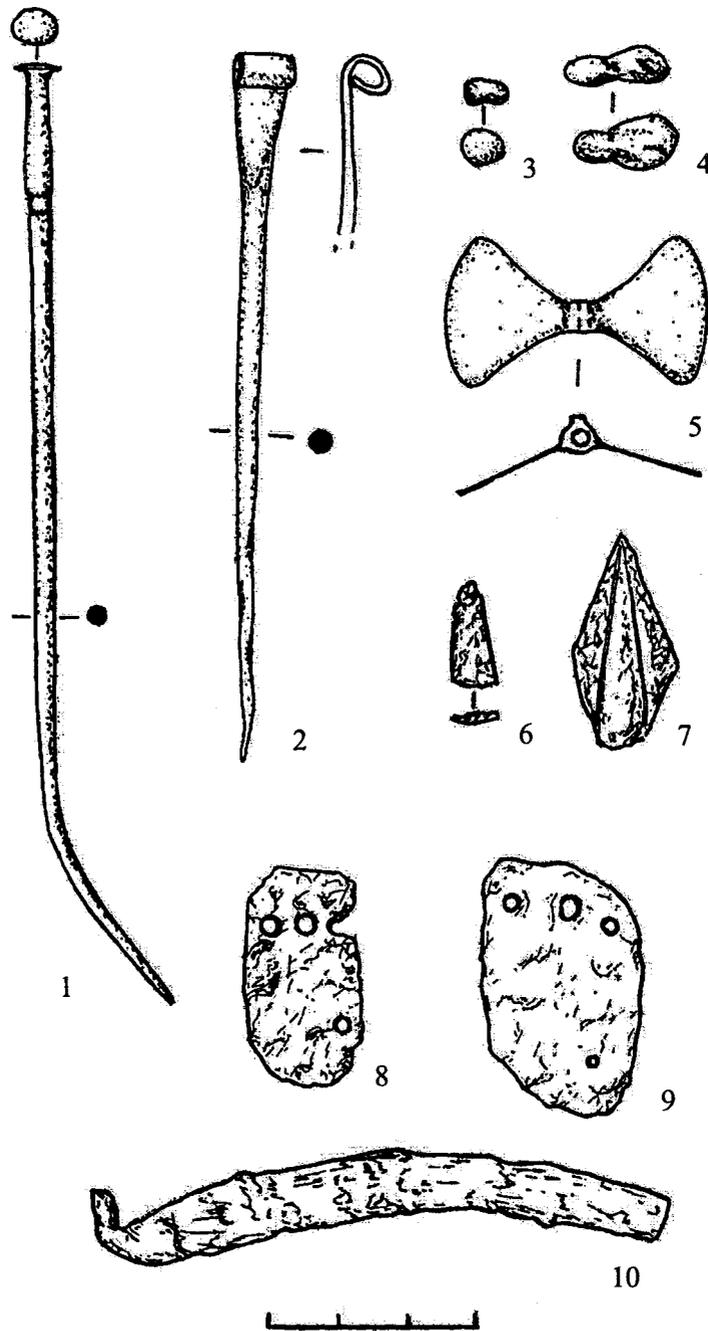

Рис. 10. Изделия из металла: булавки (1,2), застывшие капли бронзы (3,4), трехлопастный предмет (5), фрагмент лезвия ножа (6), двухлопастный наконечник стрелы (7), панцирные пластинки (8,9), бритва (10). 1–5 – бронза, 6–10 – железо

25) относятся к 1-му варианту 2-го типа. Аналогии им хорошо известны в памятках второй половины VII – начала VI в. до н.э. – гробнице 2 Репяховатой Могилы, к.38 у с.Гуляй-Город, к.362 у с.Пешки (Ковпаненко Г.Т. и др., 1989, рис.12,21,22), к.389 у с.Селище (Галанина Л.К., 1977, табл.5,10), на Мотронинском городище (Бессонова С.С., Скорый С.А., 2001, рис.63,20,

21), еще один такой экземпляр был случайно найден в уроч.Писарево возле г.Макеевка (Косиков В.А., 1993, рис.52,1).

Кроме того, два фрагментированных бронзовых наконечника предположительно отнесенные нами к четырёхгранным, выделены в четвертый отдел. Один из них близкой к остролистной в плане формы, ромбический в сечении, с

намеченным ложком. Втулка его обломана (рис.8,20). Длина сохранившейся части – 2,2 см. Этот экземпляр подобен двухлопастному с шипом из нашей же коллекции (рис.8,10), но ребро у последнего выражено слабее. От второго наконечника сохранилась нижняя часть без обломанного острия (рис.8,17). Ровно срезанные грани его гладкие, втулка утоплена, длинный выступающий шип является продолжением одной из граней. Аналогичные наконечники в колчаных наборах VII–VI в. до н.э. нам не известны.

Таким образом, судя по приведенным аналогиям, Трахтемировский набор является типичным для Лесостепных памятников архаического времени. Его отличает лишь полное отсутствие ромбических стрел жаботинского типа. Этот тип стрел становится бесспорным анахронизмом с середины VII в. до н.э. При этом наш набор включает широкий в типологическом плане асортимент стрел, что характерно для архаических колчаных наборов (Галанина Л.К., 1995, с.50). Учитывая это обстоятельство и хронологию приведенных выше комплексов стрел, возможно отнести Трахтемировский набор стрел к концу VII – первой половине VI в. до н.э.

Некоторые наконечники носят следы сильного удара о твердую поверхность. Так, острие у нескольких наконечников загнуто (рис.8,8,13,19) или расплющено (рис.9,2). У некоторых выгнута головка, одна или две лопасти (рис.9,4). Как минимум три наконечника имеют следы пребывания в огне, возможно горели деревянные части оборонительного сооружения (башни?), в которых они застряли.

К предметам защитного вооружения относятся три фрагментированные *чешуйки железного пластинчатого панциря*, найденные в различных частях рва на глубине 1,8–2,4 м). Пластинки подпрямоугольной формы с округленным нижним основанием. Три круглых отверстия расположены под верхним краем и еще одно – в нижней части с правой стороны (рис.10,8,9). Размеры пластин – 3,5×2 и 3,5×2,3 см, толщина – 0,1–0,05 см, диаметр отверстий – 0,3–0,2 см. Такие пластины с дополнительными отверстиями крепились на рукавах и плечах панциря, а также на его подоле (Мелюкова А.И., 1964, с.72; Черненко Е.В., 1968, с.31). По наблюдениям Е.В.Черненко, подобные пластины составляют наборы подавляющего большинства панцирей начиная с конца VII – начала VI и до III в. до н.э.

Необычное для памятников скифского времени *орудие труда* найдено во рву на глубине

2,03 м. Оно представляет собой длинный четырехгранный в сечении железный прут, верхний конец которого оформлен в виде округлого утолщения-упора, или скорее ударной площадки, а нижний расклепан в виде подтреугольной лопасти со скругленным заостренным краем (рис.7,4). Размеры: длина – 71,5 см, в сечении – 1,5–2×1,5–2 см; рабочий край – 5,2×4,5 см; ударная площадка – диаметр – 3 см, высота – около 1,5 см. Нижняя часть этого орудия в некоторой степени напоминает тесло раннескифского времени из кургана у с.Малая Офирна (Ковпаненко Г.Т., 1981, рис.58,8). В качестве отдаленной аналогии возможно привести и находку из городища Кузина Гора в Курском Посеймье. Это железное тесло с длинной ручкой-насадом в виде заостренного сверху стержня, нижняя часть которого имеет подчетыреугольную форму. Общая длина его – 47 см, ширина рабочего края – около 5 см. По мнению А.Е.Алиховой, это орудие могло служить как для выдалбливания полых предметов (например, ступ или бортей в деревьях), так и для выкапывания ям или канав. Датируется эта находка остатками античной посуды VI – началом V в. до н.э. (Алихова А.Е., 1962, рис.6,1). В нашем случае, учитывая оформление верхней ударной площадки, орудие возможно рассматривать как долото. Хотя не исключено, что его могли использовать и для земляных работ. То есть это орудие могло быть универсальным. Прямые его аналогии нам не известны.

К *бытовым вещам* относятся: обломок кончика лезвия железного ножа и железная бритва, найденные во рву. Фрагмент лезвия *ножа* представляет собой треугольный сегмент размерами 1,5×0,7 см, толщиной 0,15 см (рис.10,6). Обломок слишком мал, чтобы строить предположения относительно формы лезвия.

Фрагментированная *железная бритва* представляет собой длинную узкую выгнутую полосу с зауженными концами, один из которых обломан, а второй оформлен в виде Г-образного выступа для ручки (рис.10,10). В сечении лезвие треугольной формы. Размеры сохранившейся части: длина – 8,3 см; ширина – 0,9–0,7 см; толщина – 0,1 см. По форме эта вещь напоминает столбиковые серпы, известные на лесостепных городищах скифского периода. Но от последних трахтемировскую находку отличают прежде всего меньшие размеры. Так, к примеру, лезвия серпов с Бельского городища в 1,5–2 раза длиннее и шире (Шрамко Б.А., 1987,

рис.35). Кроме того, выступ у нашего экземпляра расположен в одной плоскости с лезвием, в то время как у серпов деревянная ручка насаживалась на шип, отогнутый перпендикулярно по отношению к плоскости лезвия, поэтому, очевидно, они и называются столбиковыми. Среди ближайших соответствий нашей находке можно привести так называемые серпы, один из которых найден в хозяйственной яме 1 на Малом Ходосовском городище (Петровская Е.А., 1976, табл.27), второй – на поселении в уроч.Исковщина в Каневе (фонды Археологического музея ИА НАНУ, № 2359/6586). Размеры их равны, соответственно: длина – 9 и 8,6 см при ширине лезвия 0,7–1 и 0,6–1 см. Еще два близких экземпляра – из землянки раскопа XVI Жаботинского поселения (Покровская Е.Ф., 1958, табл.Х,6) и из ямы 5 раскопа VIII Трахтемировского городища (Ковпаненко Г.Т., 1967а, табл.III,7) – отличаются несколько большими размерами, длина их соответственно – 10 и 10,5 см при ширине 1,5 см. У всех упомянутых экземпляров конец противоположный ручке, обломан. Размеры орудий делают сомнительным использование их в качестве серпов. Мы называем их бритвами. Приведенные аналогии датируются достаточно широко – в пределах VIII–V в. до н.э. При этом бритвы больших размеров происходят из памятников раннескифского времени, а меньшие – из более поздних памятников. Это позволяет предположить, что миниатюрные бритвы появляются в быту населения лесостепи в первой половине VI в. до н.э.

Украшения представлены двумя *бронзовыми булавами* из рва. От одной сохранился лишь фрагмент заостренного окончания стержня длиной 0,9 см, диаметром 0,2 см.

Вторая целая булавка, по классификации В.Г.Петренко, относится к 1-му варианту 4-го типа – гвоздевидным булавам с небольшой плоской шляпкой, дуговидно выгнутой шейкой и орнаментом в верхней части стержня (рис.10,1). Нижняя часть стержня заострена и отогнута. Длина булавки – 13,4 см; диаметр шляпки – 0,6 см; высота ее – 0,1 см; диаметр стержня – 0,4–0,2 см; ширина утолщения на стержне – 0,2 см. Большинство булавок этого варианта происходят из памятников Правобережья, которые уверенно датируются только в рамках VI в. до н.э. (Петренко В.Г., 1978, с.8,11). Даже внутри одного варианта булавки существенно отличаются оформлением стержня (количеством и расположением нарезок, которые

придают своеобразие практически каждой из них). Поэтому, очевидно, целиком схожих с трахтемировским экземпляром (орнамент которого состоит из шаровидного утолщения, ограниченного сверху двумя, а снизу пятью кольцевыми нарезками) нам не известно. Среди самых близких аналогов (по размерам шляпки, характеру и месту орнаментации на стержне) можно назвать три булавки – из к.8 у с.Ивахновцы, к.474 у с.Пастырское и с поселения у с.Грищенцы (Петренко В.Г., 1978, табл.1,11,16,23). Еще несколько булавок – например: случайные находки из Каневского уезда (из фондов КИМ) и с.Сухин (из фондов ГЭ), из раскопок Хотовского городища – отличаются от трахтемировской лишь формой маленькой головки – грибовидной, а не плоской. Поэтому они относятся к 1-му варианту 11-го типа. Привлечение этих находок в качестве аналогий вполне оправдано, поскольку, как отмечает В.Г.Петренко, по пропорциям и орнаменту булавки этих двух типов очень близки. Здесь стоит упомянуть и серию булавок из раскопок укрепления Малые Валки Трахтемировского городища – стержни их орнаментированы так же, как и у нашей находки, а головки оформлены по-разному – у одних они грибовидные, у других плоские, но разного диаметра (Ковпаненко Г.Т., 1967а, табл.III,8–17). Видимо, все они сделаны если не одним мастером, то во всяком случае в одной мастерской.

Несколько металлических предметов отнесено к категории вещей *неизвестного назначения*. Два из них скорее всего следует рассматривать как застывшие *капли расплавленной бронзы*. Одна – полусферической формы (диаметр 0,5 см, высота 0,7 см), вторая – восьмерковидная выпуклая, размерами, 1,5×0,8–0,5×0,7 см (рис.10,3,4). Скорее всего, эти капли образовались из мелких бронзовых вещей (возможно, обломков), попавших в огонь во время сильно-го продолжительного пожара.

Фрагментированный бронзовый *трехлопастный предмет* состоит из короткой круглой втулки со сквозным отверстием, от которой отходят три вертикальных лопасти, каждая в форме равнобедренного треугольника с округленной выпуклой основой и чуть вогнутыми бедрами. Одна лопасть обломана (рис.10,5). Размеры: втулка – диаметр – 0,5 см; высота – 0,5 см; диаметр отверстия – 0,2 см; лопасти – 2,1×1,7 см, толщина – 0,1 см. Подобные вещи относятся к числу крайне редких находок. Видимо, поэтому в литературе не сложилось единого мнения

об их названии и назначении. На территории современной Украины нам известен единственный случай такой находки – в п.1 к.2 скифского могильника III у с. Усть-Каменка Апостольского р-на Днепропетровской области. Предмет, найденный в женской могиле под нижней челюстью погребенной, назван якоревидной бронзовой подвеской (Костенко В.И., 1989, с.21). Могильник датируется IV в. до н.э. (Костенко В.И., Мухопад С.Е., 1990, с.106). Несколько таких вещей известны в памятниках скифского времени на территории Румынии и Болгарии. В п.4 у г. Чернавода, совершенном по обряду кремации на стороне, найдены два фрагментированных экземпляра, названные булавками «с тремя крылышками геликоидальной формы». Д. Берчу датирует это погребение первой половиной V в. до н.э. (Berciu D., 1957, p.292,313). А.И. Мелюкова приводит в монографии эти две бронзовые вещи (они имеют вид пропеллера) как навершия булавок, напоминая при этом, что ни разу не встречены целые экземпляры булавок с такими навершиями, поэтому и восстановить их форму невозможно (Мелюкова А.И., 1979, с.226). Небольшую подборку аналогичных артефактов с территории Румынии приводит В. Васильев в связи с находкой из Чумбруда. Последняя была выявлена в могиле возле бедренной кости левой ноги погребенного. Упоминаются эти вещи среди оружия, точнее – наконечников стрел, где они выделены в отдельный тип D – стрелы с «пропеллером». Обстоятельства выявления упомянутого выше «пропеллера» позволили В. Васильеву усматривать в нем верхнюю часть стрелы, застрявшей в бедренной кости. По его мнению, подобные вещи появляются в Трансильвании вследствие инфильтрации группы скифо-иранских войск в период Галыштата D (Vasiliev V., 1980, с.76,77). Еще три таких предмета опубликованы Г. Симионом среди находок из погребений курганного некрополя Челик-Дере, который датируется в пределах начала VI – начала IV в. до н.э. (Simion G., 2000, fig.10,1,2).

Известны подобные предметы и в памятках Северо-Восточной Болгарии. Три из них, хранящиеся в частной коллекции, опубликованы М. Мановым. Это предметы в форме трискела и определяются как один из типов домонетных форм. Трискел как символ широко распространен во фракийских землях. По мнению М. Манова, трискелы, как домонетные формы, бытовали с конца VII на протяжении всего VI в. до н.э. (Манов М., 1998, с.9–81).

Из приведенного выше очевиден разноречивый в названии артефакта (соответственно и его формы): якоревидная подвеска (В.Костенко), пропеллер (А.И.Мелюкова, В.Васильев) и трискел (М.Манов). Мы назвали свою находку трехлопастным предметом; кажется, это определение более всего соответствует ее форме.

Относительно функциональной нагрузки этих вещей существует три основных гипотезы: деталь стрелы; домонетная форма, украшение (навершие булавки или подвеска). Но уже сама форма предмета – перпендикулярно расположенные относительно втулки лопасти, заканчивающиеся на определенном расстоянии от нее – свидетельствует против двух первых версий. В каком бы месте древка стрелы не был насажен этот предмет, во время выстрела лопасть его зацепится за лук и поранит руку. Это подтверждают подробные иллюстрации различных способов стрельбы из древних луков и их описание, приведенные в специальных работах (Анучин Д.Н., 1887, с.29; Черненко Е.В., 1981, с.115–120). Вдобавок диаметр древка стрелы, в зависимости от ее длины, составляет от 0,3 до 0,5–0,6 см (Черненко Е.В., 1981, с.23). А это означает, что диаметр отверстия втулки (0,2 см) рассматриваемых трехлопастных бронзовых предметов меньше диаметра древка стрелы. Отверстие втулки действительно допускает насаживание или нанизывание его на стержень или шнурок. Но ношение в качестве «денег» на шее или в специальном мешочке-кошельке неудобно и небезопасно из-за торчащих в разные стороны лопастей. Иные известные домонетные формы как будто более плоскостные. Не отмечается и следов затертости с внутренней стороны отверстия на втулке, которые могли бы остаться от ношения на шнурке. Кроме того, все три предмета, по наблюдениям М. Манова, отличаются по весу (2,1; 2,3 и 2,95 г). Судя по тому, что в отверстиях рассмотренных нами вещей не сохранилось следов металлических окислов (бронзы или железа), они не крепились на металлический стержень, как впрочем и на костяной. Деревянный же стержень маленького диаметра (около 0,2 см) делал бы такую вещь слишком ломкой. Вдобавок все известные булавки цельнометаллические, и ни одна из них не имеет головки хоть сколько-нибудь напоминающей по форме трахтемировский трехлопастный предмет. Как исключительный вариант, возможно предположить использование таких вещей в качестве подвески-амулета (так иногда

использовали бронзовые наконечники стрел в составе шейных украшений или браслетов). Но едва ли это могло быть их прямым назначением. На наш взгляд, более вероятно их использование в качестве застежек (типа ворворок) с особой системой крепежных ремешков или шнурков, а возможно и жил. Более четкое определение функций этого предмета пока остается проблематичным. Появляются трехлопастные предметы в конце VII в. до н.э. и доживают, по видимому, до конца IV в. до н.э.

При исследовании рва и вала найдено 42 фрагментированные *кости животных*. Видовой состав животных следующий: преобладают кости крупного рогатого скота (главным образом быка) – 12 экз., потом идут кости коня – 9 экз. и овцы/козы – 4 экз. Кроме того, на валу найдены два фрагмента одной длинной кости оленя благородного и почти рядом обломок панциря черепахи⁴.

НАХОДКИ С ТЕРРИТОРИИ ГОРОДИЩА, ПРИМЫКАЮЩЕЙ К ВАЛУ, немногочисленны и мало отличаются от материалов из рва и вала. Преобладают фрагменты *лепной посуды*. Из 278 фрагментов – 38 венчиков, 226 стенок и 14 доньев. Цвет и состав глины такой же, как и у фрагментов из рва и вала. Кроме того, найдены развалы двух сосудов. Из-за малых размеров профилированных частей сосудов их распределение по типам достаточно условно.

И здесь основная форма кухонной посуды – *горшки*. Все сосуды орнаментированы наlepным валиком с зашипами или пальцевыми вдавлениями, дополненным различными наколами или сквозными проколами круглой, овальной или продолговатой формы. По форме горловины выделяется четыре типа.

1. Горшки с коротким горлом и плавно отогнутыми под разным углом венчиками (рис.3,3–6). Венчики округлые или уплощенные, иногда слегка оттянуты наружу. Как правило, это сосуды средних размеров, орнаментированные на горловине валиком в сочетании с наколами изнутри (рис.3,3) или снаружи (рис.3,5–7) под ним или проколами над ним (рис.3,4).

2. Горшки с более высоким горлом, плавно переходящим в тулово, мало отличающееся диаметром от горла (рис.3,8,10,11). Орнаменти-

рованы как и предыдущий тип, лишь в одном случае под валиком идет ряд сквозных проколов.

3. Горшки с резко отогнутым венчиком и горлом в форме раструба репрезентованы единственной находкой (рис.3,13). Венчик округлый. Валик снизу ограничен овальными наколами.

4. Горшки баночного типа с прямым горлом представлены всего двумя фрагментами (рис.3,9,12). Валик сочетается со сквозными проколами над ним в первом случае и наколами изнутри во втором.

Плоские донья горшков, иногда с едва намеченной закраиной, плавно переходят в тулово (рис.4,5,6). Диаметр – от 5,8 до 8,5 см. На нескольких доньях прослеживаются оттиски злаков, главным образом зерновок проса. На одном из них с внутренней стороны сохранился четкий оттиск зерновки ячменя, а с наружной – зерновок проса и множественные отпечатки чешуек (рис.4,5).

Среди редких находок следует отметить *развал толстостенного лепного горшка* значительных размеров, профиль которого восстановлен практически целиком (рис.5,6). Плоскодонный горшок вытянутых пропорций с максимальным расширением тулова в верхней трети. Короткое горло со скругленным венчиком отогнуто наружу и плавно переходит в округлое плечико. Под венчиком сосуд орнаментирован широким валиком с пальцевыми вдавлениями. Под валиком ряд круглых сквозных проколов. Второй такой же валик расположен на тулове, в самой широкой его части. Обжиг сосуда неравномерный, цвет от песочного до черного. Тесто грубое с большим количеством включений крупных частиц кварца, песка и слюды. Размеры сосуда: высота – около 47 см, диаметр венчика – 33 см, диаметр дна – 13 см, толщина дна – 1,2 см. Близкие по форме и орнаменту сосуды известны в памятниках второго этапа чернолесской культуры в Днепровском Правобережье, раннем слое Жаботинского поселения. В определенной мере аналогией может служить большой горшок из к.56 у с.Синявка, хотя он украшен только одним валиком, размещенным на тулове, а под венчиком – сквозными проколами. Подобные большие, почти однотипные горшки хорошо известны среди находок Мотронинского городища. Один из них происходит из раннего комплекса (яма 2 раскопа XVII) и благодаря сопутствующим находкам уверенно датируется концом VII – первой половиной VI в. до н.э. (Бессонова С.С., Скорый С.А., 2001, с.57,

⁴ Определение палеозоологических материалов выполнены старшим научным сотрудником Лаборатории природно-научных методов в археологии ИА НАНУ к.и.н. Журавлевым О.П.

рис.27,1). Есть такие горшки и в архаических комплексах VII–VI в. до н.э. Западного укрепления Бельского городища (Шрамко Б.А., 1987, рис.49,1). Известны они и в керамических комплексах Ольвии и Березани, где датируются VI в. до н.э. (Марченко К.К., 1976, рис.3). Этот тип сосудов является основной формой на протяжении VII–VI в. до н.э. для памятников Лесостепного Правобережья, бассейна Ворсклы, Южного Буга и Среднего Поднестровья (Ковпаненко Г.Т., 1981, с.96, рис.56,3). Налепной валик в сочетании с наколами, расположенный немного ниже венчика, также характерен уже для VII–VI в. до н.э. на территории Лесостепного Правобережья. Двойной валик встречается очень редко и преимущественно на более ранних экземплярах конца VII – начала VI в. до н.э. Как раз из Трахтемировского городища происходят аналогичные горшки с двойным валиком. Один из них почти полностью совпадает по форме и расположению валиков с нашим экземпляром. Их различает лишь то, что у предыдущей находки край венчика дополнительно украшен защипами, но отсутствуют проколы под верхним валиком (Ковпаненко Г.Т. и др., 1989, рис.7,10). Кроме того, на укреплении Малые Валки Трахтемировского городища найдены подобные же сосуды, нижний валик которых неорнаментирован. Эти горшки датируются VI в. до н.э. (Ковпаненко Г.Т., 1967, с.106, рис.1). Несомненно, рассмотренные сосуды больших размеров представляют собой не кухонные горшки, а скорее тару для хранения продуктов.

Ойнохои представлены всего одним фрагментом венчика с характерным изгибом. Край венчика округлый, толщиной 0,5 см (рис.3,1). Сосуд отличается равномерный обжиг, тесто ровного светло-оранжевого цвета с примесями мелких слюдянистых частиц. Высота сохранившейся части – 3,2 см. Размеры фрагмента не позволяют строить предположений относительно формы этого сосуда.

Обращает на себя внимание небольшой фрагмент дна **круглодонного сосуда**, по видимому, небольших размеров (диаметр дна – около 5 см). Дно асимметричное, толстое (1,5 см) с неровной поверхностью (рис.4,7). Этот фрагмент принадлежит оригинальному сосуду, аналогии которому нам не известны.

Миски представляют несколько типов, несмотря на то, что количество фрагментов их невелико – 6 экземпляров, из которых 2 стенки и 4 венчика. Края венчиков округлые, слегка

загнуты внутрь и только один фрагмент с почти вертикальным венчиком (рис.3,2). Все фрагменты, за исключением одного, орнаментированы наколами с внутренней стороны в месте перегиба тулова, образующими пояс «жемчужин». Глина плотная, оранжево-коричневая, поверхность некоторых подлощена. Судя по фрагментам, миски среднего размера, но точные их параметры не восстанавливаются. Относительно орнаментации следует заметить, что украшалась в основном посуда раннескифского времени. Орнамент в виде наколов с внутренней стороны, образующих снаружи «жемчужинки», является одним из наиболее распространенных на мисках лесостепного региона, начиная с предскифского времени он доминирует на протяжении раннескифского периода.

К **лощеной посуде** относится единственный **кубок**. Округлый венчик его отогнут наружу, от короткой шейки тулово плавно спускается к едва намеченному плечу в нижней трети тулова. Дно плоское, без закраины (рис.5,4). Сосуд тонкостенный с неравномерным обжигом – снаружи цвет стенок от желтого до черного, изнутри черный. В тесте много мелких слюдянистых примесей. Высота сосуда – 15,5 см; диаметр венчика – 10,3 см, диаметр тулова – 14,2 см; диаметр дна – 7,5 см. Кубок относится к 1-му типу II-ой группы (по классификации Г.Т.Ковпаненко) – сосудам с высокой выделенной шейкой. Похожий кубок найден в п.1 к.69 у с.Куриловка (Ковпаненко Г.Т., 1981, рис.53,12). Сосуды этой группы известны в памятниках Лесостепного Правобережья с VII до конца VI в. до н.э.

Гончарная посуда по численности фрагментов (249 экз.) занимает второе место⁵. Тем не менее все эти фрагменты принадлежат одному сосуду – **красноглиняной амфоре**. Они представляют собой небольшие обломки слабопрофилированной части тулова и придонной части, переходящей в ножку. Стенки толстые (0,7–1,1 см), кирпично-красного цвета, в тесте примеси песка. Сохранность амфорных фрагментов очень плохая, они как будто обкатаны

⁵ Пример нашего керамического комплекса делает очевидным, насколько осторожно нужно подходить к подсчетам процентного соотношения различных видов керамики. В нашем случае из 745 фрагментов 457 относится к лепной керамике, 288 к гончарной, что составляет соответственно 61,3% и 38,7%. При этом последняя цифра – 38,7% – соответствует всего двум (неполным!) сосудам.

(такой вид имеют черепки, долгое время пребывавшие в воде), края сломов затертые, сам черепок слоистый и крохкий. По определению Пьера Дюпона, осмотревшего керамический комплекс Трахтемировского городища 2000 года, местом производства этой амфоры надлежит считать один из Северных Эгейских центров. Отсутствие профилированных частей амфоры не позволяет восстановить форму сосуда, а следовательно и определение даты ее производства становится проблематичным.

Единственным изделием из камня является обломок *блюда* из серого песчаника (рис.7,3). Блюдо овальной формы с прямым слегка скругленным в верхней части широким бортиком прямоугольной в сечении формы. Бортик в торцовой округлой части расширяется. Размеры сохранившегося фрагмента – 15,5×9,5 см, толщина дна – 2,3 см; размеры бортика: высота – 1,2 см, ширина – 1,3–2 см.

Каменные блюда и их обломки хорошо известны в различных памятниках начиная с ранних этапов скифской истории. К наиболее ранним относятся находки из погребальных комплексов периода скифской архаики Лесостепного региона, например: из ряда курганов Посульской и Тясминской групп, к.100 у с.Синявка и к.87 у с.Бобрица, гробницы 2 Репяховатой Могилы, Люботинского кургана, Перепятихи и пр. Известны они и в степном регионе, где зачастую находят обломки блюд в ровиках курганов. Одним из наиболее поздних можно считать обломок блюда из ровика к.4 у с.Новое в Приазовье, которое датируется IV в. до н.э. Встречаются каменные блюда и в архаических слоях городищ, например, Бельского и Мотронинского.

Относительно назначения таких блюд существует две точки зрения. Часть исследователей придерживается мысли, что они служили для утилитарных потребностей, в частности – растирания краски женщинами в косметических целях (Ильинская В.А., 1975, с.154,155; Ковпаненко Г.Т., 1967, с.156; Зуев В.Ю., 1996, с.15). Кстати, на некоторых сохранились кусочки или следы краски. Иные считают их культовыми вещами, выполнявшими роль передвижных алтарей (Граков Б.Н., 1947, с.109; Смирнов К.Ф., 1964, с.166; Шрамко Б.А., 1987, с.102; Мошкова М.Г., 2000). В последнее время появилось еще одно предположение: каменные блюда использовались и как точильное приспособление, поскольку на двух экземплярах (из кургана Перепятиха и Мотронинского городища) сохрани-

лись следы затачивания (Скорый С.А., 1990, с.62; Бессонова С.С., Скорый С.А., 2001, с.112).

Ближайшими аналогами трахтемировскому являются блюда из к.5 у хут.Поповка, который датируется VI в. до н.э. (Ильинская В.А., 1968, табл.Л), и Люботинского кургана, дата которого определяется в пределах конца VII – самого начала VI в. до н.э. (Черненко Е.В., 2000, с.302). Возможно, в рамках конца VII – первой половины VI в. до н.э. надлежит датировать и трахтемировское блюдо.

Изделия из металла единичны. Бронзовые *наконечники стрел* представлены: маленьким *трехгранным наконечником* с короткими прижатыми гранями, едва намеченным ложком и выступающей втулкой с неровным краем (рис.9,26), длина его – 1,9 см, диаметр втулки – 0,5 см; и фрагментом *втулки* еще одного наконечника с шипом, сохранившейся на длину 0,9 см.

Украшения репрезентованы *бронзовой булавкой*. Она относится ко 2-му варианту типа 21, по классификации В.Г.Петренко, – булавок с загнутой в петлю головкой. Круглый в сечении стержень к концу сужается, в верхней части он в сечении прямоугольный. Переход стержня в головку не выделен изгибом. Головка оформлена в виде свернутого петелькой в один оборот расклепанного конца (рис.10,2). Размеры булавки: длина – 10,2 см; диаметр стержня – 0,4–0,2 см, диаметр верхней части – 0,7 см. Булавки этого варианта были распространены повсеместно, но более всего у населения Ворсклинской и Правобережной групп; в иных группах они встречаются редко. Время их бытования в Лесостепи определяется VI–III в. до н.э. (Петренко В.Г., 1978, с.18). Среди самых близких соответствий следует упомянуть булавки Западного Бельского городища и поселения Лихачевка (Петренко В.Г., 1978, табл.12,16,19).

На различной глубине в этой части раскопа найдено 32 фрагмента *костей животных*. Преобладают кости быка домашнего (12 экз.), далее идут кости овцы (5 экз.); зубы коня (15 экз.), принадлежат, по-видимому, одной особи.

Завершая обзор находок, остановимся на хронологическом аспекте. Как уже отмечалось, преобладают фрагменты лепной керамики. Она представлена обычными для памятников Днепровской Правобережной Лесостепи формами, время бытования которых определяется достаточно широко. Уточнить время комплекса возможно, опираясь на ряд ключевых находок. Из лепной посуды к таковым относятся главным

образом лощенные сосуды, которые в общем дают дату VII–VI вв. до н.э. Тем не менее, например, корчага с выступами-налепами по форме датируется так же, но присутствие на ней характерных выступов сужает ее дату до VII – начала VI в., поскольку традиция украшения такими налепами в VI–V вв. уже исчезает. Подобно (VII – начало VI в.) датируется и фрагментированный черпак. Эту же дату дает толстостенный горшок, украшенный двумя валиками. Набор стрел типичен для раннескифских памятников. Его отличительной чертой является полное отсутствие ранних стрел жаботинского типа. Самым ранним в наборе является единственный железный двухлопастный наконечник, который по аналогиям датируется в пределах VIII – начала VI в. до н.э. Комплект бронзовых наконечников укладывается в рамки VII (очевидно второй его половины) – первой половины VI в. до н.э. Практически к этому же периоду – концу VII – первой половине VI в. до н.э. – относятся фрагмент каменного блюда и железная бритва. Дата железного кинжала определяется уже – первой четвертью VI в. до н.э. Особое место при определении датировок памятников занимают античные импорты, поскольку их хронология наиболее разработана. В нашем случае таким хронологическим репером может служить расписная ионийская ойнохоя стиля Камир, время производства которой ограничивается 80-ми годами VI в. до н.э. Эта находка позволяет нам уточнить время сложения комплекса в пределах первой четверти VI в. до н.э.

Номенклатурный и количественный состав инвентарного комплекса приводит к следующим выводам. Скопление оружия, главным образом наконечников стрел, а также фрагментов защитного доспеха у подножья внешнего скло-

на вала и примыкающей части рва, красноречиво свидетельствует о том, что в этом месте произошла атака скифов на обитателей Трахтемировского городища. Нападение в этой части укрепления было обусловлено особенностями окружающего рельефа – только здесь по узкому водораздельному гребню в пределы городища с юга входила дорога. На вероятность существования деревянной башни или иного деревянного укрепления на валу (близ места раскопок) указывают находки нескольких наконечников стрел, побывавших в огне, и капель расплавленной бронзы. Факт деформированности многих наконечников стрел указывает, что они встретились с твердой преградой – вероятно, каменной облицовкой вала или башни.

Находка расписной ойнохоя уточняет время набегов скифов на Трахтемиров второй половиной первой четверти VI в. до н.э. Вероятно, это была вторая волна нашествия кочевников на территорию Восточной и Средней Европы. Недавно следы первой скифской волны в западной части Лесостепи были зафиксированы А.Ф.Гуцалом (Гуцал А.Ф., 2000, с.73–77). Им высказано предположение, что ассиметрично-ромбические наконечники стрел, найденные на Рудковецком городище в Среднем Поднестровье, связаны со скифской военной операцией. Эти наконечники стрел на три четверти столетия старше трахтемировских, т.е. период между походами равен жизни трех поколений.

Факт находки ойнохоя позволяет говорить о том, что к этому времени у местного населения сложились торговые связи с представителями античного мира, указывающие на определенный уровень экономического развития. Последнее обстоятельство, вероятно, и было одним из стимуляторов военной активности скифов.

Литература

Алихова А.Е., 1962. Древние городища Курского Посеймья // МИА. № 113.

Анучин Д.Н., 1887. О древнем луке и стрелах // Труды V Археологического съезда в Тифлисе. М.

Апальков А.Н., 1993. Находки скифского времени в Курском Посеймье // Полтавський археологічний збірник. № 1.

Бессонова С.С., Скорый С.А., 2001. Мотронинское городище скифской эпохи. Киев.

Бидзиля В.И., Болтрик Ю.В., Мозолевский Б.Н., Савовский И.П., 1977. Курганный мо-

гильник в уроч.Носаки // Курганные могильники Рясные Могилы и Носаки. Киев.

Болтрик Ю.В., Фіалко О.Є., Тимошук В.М., Терпіловський Р.В., 2001. Дослідження ділянки оборонної споруди Трахтемирівського городища // АДУ 1999–2000 рр. Київ.

Галанина Л.К., 1977. Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Н.Е.Бранденбурга) // САИ. Вып.Д1-33.

Галанина Л.К., 1995. Раннескифские стрелковые наборы из Келермесских курганов // АСГЭ. № 32.

- Галанина Л.К., Алексеев А.Ю., 1990. Новые материалы к истории Закубанья в раннескифское время // АС. № 30.
- Граков.Б.Н., 1947. Пережитки матриархата у сарматов // ВДИ. № 3.
- Грач Н.Л., 1999. Некрополь Нимфея. СПб.
- Грязнов М.П., 1980. Аржан: Царский курган раннескифского времени. Л.
- Гуцал А.Ф., 2000. Рудковецьке городище і перший похід скіфів у Придністровський лісостеп // Давня і середньовічна історія України. Кам'янець-Подільський.
- Дубовская О.Р., 1993. Наконечник стрелы бронзовый // Археологический альманах. № 1. Донецк.
- Заднепровский Ю.А., 1992. Ранние кочевники Памира // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М.
- Заднепровский Ю.А., 1992. Ранние кочевники Южного Казахстана и Ташкентского оазиса // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М.
- Зув В.Ю., 1996. Научный миф о «савроматских жрицах» // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб.
- Ильинская В.А., 1968. Скифы днепровского Лесостепного Левобережья. Киев.
- Ильинская В.А., 1975. Раннескифские курганы бассейна р.Тясмин. Киев.
- Ильинская В.А., Тереножкин А.И., 1983. Скифия VII–IV вв. до н.э. Киев.
- Ковпаненко Г.Т., 1967. Племена скифского часу на Ворсклі Київ.
- Ковпаненко Г.Т., 1967а. Отчет о работе Трахтемировского отряда Средне-Днепровской экспедиции ИА АН УССР за 1967 г. НА ИА НАНУ, Инв. № 1967/12. Киев.
- Ковпаненко Г.Т., 1968. Раскопки Трахтемировского городища // АИУ в 1967 г. Вып.2. Киев.
- Ковпаненко Г.Т., 1981. Курганы раннескифского времени в бассейне р.Рось. Киев.
- Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А., 1989. Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион). Киев.
- Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А., 1994. Новые погребения раннего железного века в Поросье // Древности скифов. Киев.
- Козенкова В.И., 1977. Кобанская культура. Восточный вариант // САИ. Вып.В2-5.
- Козенкова В.И., 1995. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант // САИ. Вып.В2-5.
- Копейкина Л.В., 1970. Особенности развития родосско-ионийской керамики в 1-й пол. VI в. до н.э. и вопросы локализации некоторых ее групп // ВДИ. № 1.
- Копейкина Л.В., 1975. Ориентализирующий стиль, предпосылки и особенности его формирования в восточноионийской Греции // ВДИ. № 2.
- Косиков В.А., 1999. Наконечник стрелы бронзовый // Археологический альманах. № 1. Донецк.
- Костенко В.И., 1989. Отчет о полевых исследованиях в 1988 году Сарматской археологической экспедиции ДГУ на территории Апостольского р-на Днепропетровской обл. у с.Усть-Каменка. Днепропетровск. НА ИА НАНУ. № 1988/67.
- Костенко В.И., Мухопад С.Е., 1990. Скифские могильники у с.Усть-Каменка Днепропетровской области // Исследования по археологии Поднепровья. Днепропетровск.
- Кракало І.В., Кулатова І.М., 1998. Кинджал з Кременчуччини // Археологічний літопис Лівобережної України. № 1–2.
- Кулатова І.М., 1990. Кинджал ранньоскифського часу з Сумщини // Питання археології Сумщини. Суми.
- Кулатова И.Н., 1991. Раннескифский кинжал из Нижнего Посулья // 100-річчя Полтавського краєзнавчого музею. Матеріали ювілейної наукової конференції Ч.2. Полтава.
- Кулатова И.Н., 1999. Некоторые находки киммерийского времени с территории Полтавщины // Скорый С.А. Киммерийцы в Украинской Лесостепи. Киев.
- Либеров П.Д., 1962. Памятники скифского времени бассейна Северного Донца // МИА. № 113.
- Либеров П.Д., 1965. Памятники скифского времени на Среднем Дону // САИ. Вып.Д1-31.
- Максименко В.Е., 1983. Заметки об Савроматі и сарматі на Нижнем Дону. Ростов.
- Максименко Е.К., Полесских М.Р., 1971. Заметки об акинаках // СА. № 2.
- Мальшек А.А., Розанова Л.С., Терехова Н.Н., 1999. Воинские захоронения в могильнике скифского времени из Цемесской долины // Историко-археологический альманах. № 5.
- Манов М., 1998. Нов тип домонетни форми от българските земи // Археология. № 3–4. София.

- Марченко К.К., 1976. Лепная керамика Березани и Ольвии 2-й пол. VII – VI в. до н.э. (по материалам раскопок 1953–1970 гг.) // Художественная культура и археология античного мира. М.
- Мелюкова А.И., 1964. Вооружение скифов // САИ. Вып. Д1-4.
- Мелюкова А.И. 1979. Скифия и фракийский мир. М.
- Мошкова М.Г., 2000. Назначение каменных «жертвенников» и савроматская археологическая культура // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э. Палеоэкология, антропология, археология. М.
- Новиченкова Н.Г., 2002. Устройство и обрядность святилища у перевала Гурзуфское Седло. Ялта
- Петренко В.Г., 1978. Украшения Скифии VII–III вв. до н.э. // САИ. Вып. Д4-5.
- Петренко В.Г., 1990. Скифские мечи и кинжалы из Прикубанья // Железный век Восточной Европы // КСИА. № 197.
- Петровская Е.А. 1976. Отчет о раскопках и разведках памятников раннего железного века на территории Киевской области в 1976 г. НА ИА НАНУ, № 1976/127. Киев.
- Подобед В.А., 1993. Меч // Археологический альманах. № 1. Донецк.
- Покровская Е.Ф., 1958. Отчет Средне-Днепровской экспедиции о раскопках ранне-скифского поселения на Тарасовой горе у с.Жаботин 1958 г. // НА ИА НАНУ, № 19658/9. Киев.
- Скорый С.А., 1990. Курган Переп'ятиха. Київ.
- Скуднава В.М., 1988. Архаический некрополь Ольвии. Л.
- Смирнов К.Ф., 1961. Вооружение савроматов. М.
- Смирнов К.Ф., 1964. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.
- Тереножкин А.И., 1976. Киммерийцы. Киев.
- Техов Б.В., 1980. Скифы Центрального Кавказа в VII–VI вв. до н.э. М.
- Фиалко Е.Е., Болтрик Ю.В., 2001. Архаическая расписная ойнохоя из раскопок Трахтемировского городища // Ольвия та античний світ. Матеріали наукових читань, присвячених 75-річчю утворення історико-археологічного заповідника «Ольвія». Київ.
- Черненко Е.В. 1968. Скифский доспех. Киев.
- Черненко Е.В., 1981. Скифские лучники. Киев.
- Черненко Е.В., 2000. Люботинский курган // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э. Палеоэкология, антропология и археология. М.
- Членова Н.Л., 1993. О степени сходства компонентов материальной культуры в пределах «Скифского мира» // Петербургский археологический вестник. № 7.
- Шрамко Б.А., 1975. Крепость скифской эпохи у с.Бельск – город Гелон // Скифский мир. Киев.
- Шрамко Б.А., 1984. Из истории скифского вооружения // Вооружение скифов и сарматов. Киев.
- Шрамко Б.А., 1987. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев.
- Akurgal E., 1993. Eski Ismir I. Yerlesme Katlari ve Athena Tapinagi. Ankara.
- Berciu D., 1957. Descoperirile getice de la Cernavoda (1954) și unele aspecte de le începutului formării culturei latene geto-dace in Dunarea de Jos. // MCA. Vol.IV.
- Cook R.M., 1960. Greek Painted Pottery. London. CVA. Danemark. Fasc.2. Copenhagen: Musee national.
- Simion G., 2000. Tombes tumulaires dans la nécropole de Celic-Déré // Tombes tumulaires de l'Âge du Fer dans le Sud-Est de l'Europe. Extrase. № 1. Tulcea.
- Sparkes B., Talcott L., 1970. The Athenian Agora. V.XII. Black and plain pottery of the 6, 5 and 4 centuries B.C. New-Jersey.
- Sulemirski T., 1936. Scytowie na Zachodniem Podolu. Lwow.
- Vasiliev V., 1980. Sciții agatârși pe teritoriul României. Clui-Napoca.

ИССЛЕДОВАНИЯ МОГИЛЬНИКА «ОРДЖОНИКИДЗЕВСКИЙ» В ЧЕЧНЕ

В 1988 и 1990 гг. отряд археологической экспедиции ЧИГУ им. Л.Н.Толстого, под руководством С.Б.Буркова, исследовал курганный могильник скифского времени на орошаемых землях совхоза «Орджоникидзевский» Ачхой-Мартановского района Чечено-Ингушской АССР (Бурков С.Б., 1988; 1990). Материалы к.13 этого могильника уже были изданы авторами данной статьи ранее (Бурков С.Б., Маслов В.Е., 1997, с.114–117).

Могильник располагался на водоразделе рек Фортанга и Асса, в 0,8–1,2 км к югу от федеральной шоссейной трассы Ростов–Баку и состоял из 11¹ насыпей, тянувшихся нечеткой цепочкой, в направлении СВ–ЮЗ, по обе стороны от дороги, ведущей в с.Ачхой-Мартан от трассы Ростов–Баку (рис.1). К моменту раскопок, все насыпи в той или иной мере пострадали от интенсивной распашки. На расстоянии около 400 м к СВ от основной группы могильника находился к.1, возведенный в эпоху бронзы и использовавшийся для захоронений в последние века до н.э.

Материалы раскопок, находившиеся в историко-археологическом музее Чечено-Ингушского госуниверситета им. Л.Н.Толстого, вероятно, погибли в ходе боев за Грозный в 1994–1996 гг., что оправдывает многие недостатки описаний и иллюстративного материала².

Курган 2

Курганная насыпь, из суглинка коричневого цвета, имела диаметр около 26 м и высоту около 2 м. Погребенная почва, темно-коричневый суглинок мощностью 0,2 м, прослеживалась без разрывов на всем протяжении профиля. Под ней залегал материк – рыхлый суглинок коричневатого-желтого цвета. В западной части профиля, на уровне погребенной почвы, была

зафиксирована небольшая насыпка из светло-коричневого супеси мощностью до 25 см.

Остатки разрушенного ограблением погребения (или погребений) были обнаружены в центре насыпи. Здесь на глубине -1,4 м был найден фрагмент железных удил с крестовидными окончаниями (рис.2,1). Диаметр уплощенно-овального стержня удил – 8 мм, диаметр кольца – 31 мм, в сечении оно округлое, диаметром 6 мм. Длина стержня крестовидного окончания – 85 мм, сечение округлое, диаметром – 6 мм.

С глубины -1,45 м было обнаружено скопление фрагментов человеческих костей, лежащих в беспорядке. Среди них был найден: костяной втульчатый четырехгранный и бронзовый трехлопастной втульчатый наконечники стрел и фрагменты железных удил. Длина костяного наконечника – 28 мм, ширина грани – 6 мм, внутренний диаметр втулки – 2 мм (рис.2,3). Длина бронзового наконечника – 27 мм, ширина лопастей – 8 мм, диаметр втулки – 2 мм (рис.2,4). Общая длина фрагментированных удил – 17,3 см, диаметр кольца – 3,6 см, сечение округлое, диаметром – 1 см (рис.2,5).

Невдалеке от скопления костей был найден сильно коррозированный фрагмент втулки железного копья (рис.2,2).

Курган 3

Курганная насыпь, из суглинка коричневого цвета, имела диаметр около 20 м и высоту около 0,8 м. Погребенная почва, темно-коричневый суглинок мощностью 0,2 м, прослеживалась без разрывов на всем протяжении профиля. Под ней залегал материк – суглинок коричневатого-желтого цвета. Центральную часть насыпи, как было зафиксировано в бровке, прорезала грабительская яма конусовидной формы, опускавшаяся до уровня древнего горизонта.

В северной поле кургана на глубине -0,76 м была найдена кость животного. В этой же поле на глубине -1,15 м были найдены фрагменты обожженной глины (турлука ?).

¹ Предполагаемый к.9 оказался современной насыпью.

² Выражаем признательность А.Р.Канторовичу, Т.М.Кузнецовой и А.Ю.Скакову за ценные советы, полученные в ходе работы над данной статьей.

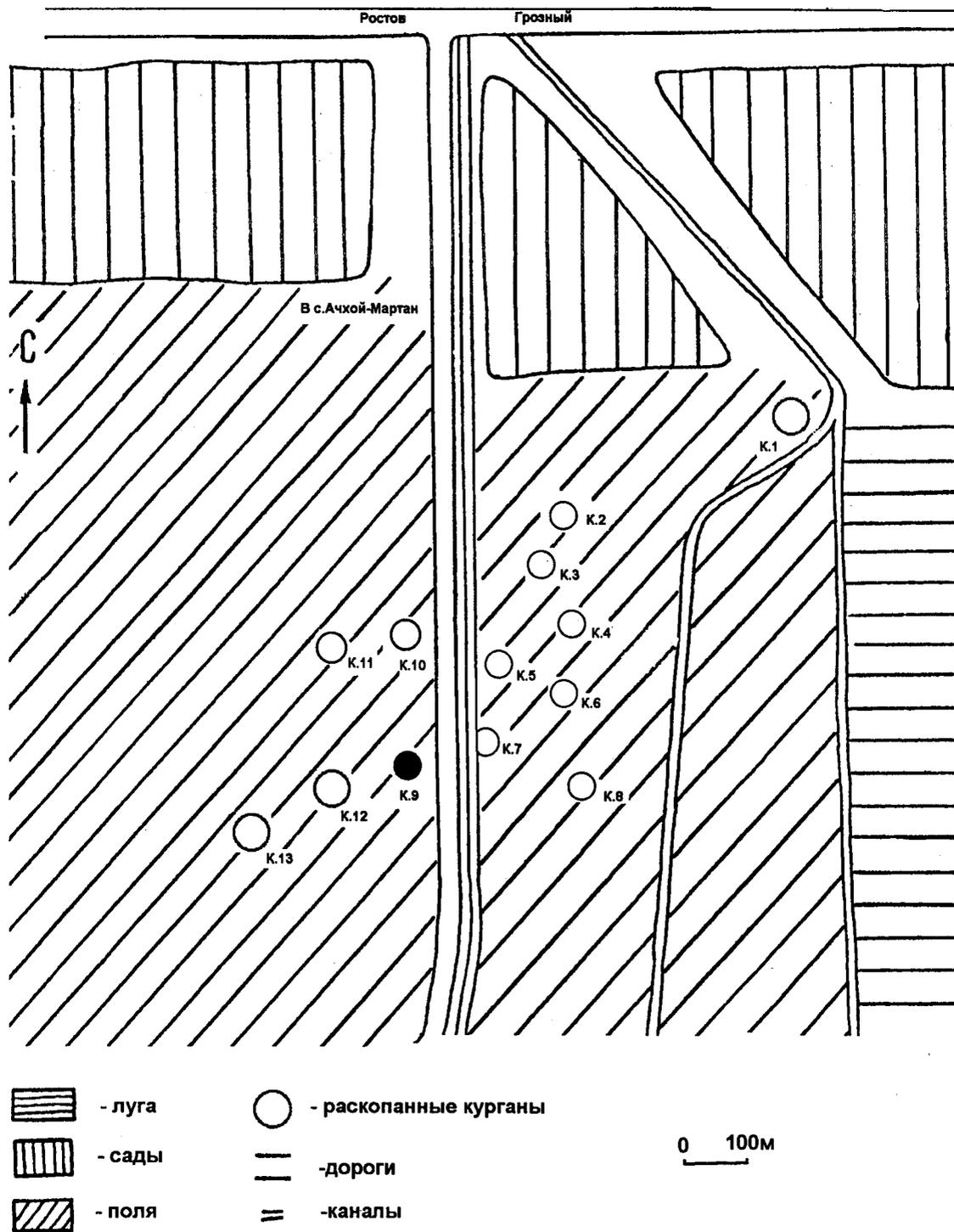

Рис. 1. План могильника «Орджоникидзевский»

К югу от центра насыпи на глубине -0,62 м было зафиксировано кострище. На глубине -0,59 м, к ЮЗ от кострища, было зафиксировано скопление человеческих костей, перемешанных вследствие ограбления. Следов погребального сооружения прослежено не было. Очевидно, погребение было совершено на уровне

древнего горизонта. Никаких находок обнаружено не было, за исключением альчика.

Курган 4

Курганная насыпь из коричневого суглинка имела диаметр 22 м и высоту около 1 м.

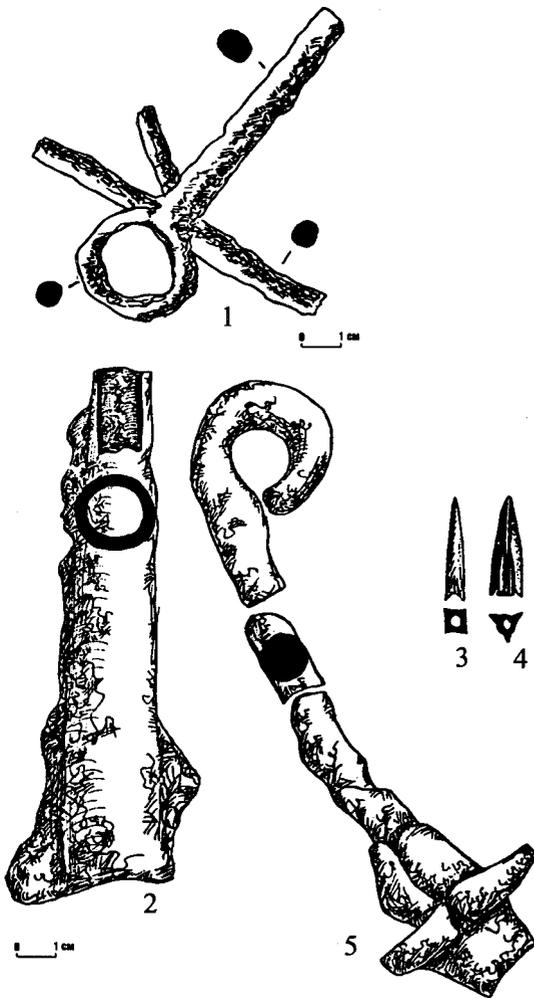

Рис. 2. Находки из к.2

Погребенная почва, темно-коричневый суглинок мощностью 0,2 м, прослеживалась без разрывов на всем протяжении профиля. Под ней залегал материк – суглинок коричневатожелтого цвета. В центральной части профиля были зафиксированы две линзовидные насыпки, состоявшие из плотного материкового суглинка желто-коричневого цвета.

В западной части насыпи, на глубине -0,35 м была обнаружена кость животного. В центре насыпи, на глубине -0,89...-0,9 м, были зафиксированы перемешанные кости человеческого скелета, расположенные двумя скоплениями – п.1 (рис.3). Среди костей был найден коррозированный черешковый однолезвийный железный нож общей длиной 7,2 см, длина черешка – 1,4 см, сечение – 2 мм.

К западу от скопления костей был зафиксирован развал крупного сосуда (рис.4,2), форма которого не восстанавливается. Сосуд имел

плоское дно, слегка выделенное защипами, диаметром 11,5 см. Цвет заглаженной внешней поверхности – темно-коричневый, бугристой внутренней – коричневый, излом – темно-серый. Тесто пористое, с обильной примесью шамота; обжиг – неравномерный.

К востоку от разрушенного п.1 был расчищен скелет, уложенный на спине, головой на север, лицом к западу, – п.2 (рис.3). Правая рука погребенного была согнута и помещена кистью на таз. Ноги в области щиколоток были перекрещены: кости правой ноги уложены поверх левой. Кости левой стороны тела были нарушены: отсутствовали кости левого плеча и часть таза. Левая локтевая кость находилась поперек грудной клетки. Под локтем правой руки была обнаружена галька (рис.4,3), в районе грудной клетки – фрагментированная костяная бусина овальной формы (рис.4,4). Внешний диаметр бусины – 12 мм, внутренний – 4 мм, высота – 7 мм.

В 12 см к западу от бедра скелета было найдено бронзовое зеркало с бортиком по краю и несохранившейся боковой ручкой (рис.4,5). Диаметр диска зеркала – 15,6 см, ширина бортика – 5 см, высота – 3 мм, толщина диска – 5 мм, предполагаемая ширина рукоятки – 2,2 см. Здесь же обнаружены часть рукоятки и лезвия меча (рис.4,6). Длина сохранившейся части овальной в сечении рукоятки – 7,5 см, ширина – 3 см, толщина – 2 см; длина сохранившейся части лезвия – 5,5 см, ширина – 3,6 см.

Курган 5

Курганная насыпь из коричневого суглинка имела диаметр 25 м и высоту около 0,6 м. Западная поля насыпи подрезана в ходе строительства оросительного канала. Погребенная почва – темно-коричневый суглинок мощностью 0,2 м – прослеживалась без разрывов на всем протяжении профиля. Под ней залегал материк – суглинок коричневатожелтого цвета.

В центре насыпи была зафиксирована грабительская яма, заполненная плотным, затечным суглинком серо-желтого цвета. В заполнении ямы, на глубине -0,3 м обнаружены три фрагмента керамики и отдельные камни.

В восточной поле кургана на глубине -0,58 м было обнаружено пятно обожженного грунта (кострище).

Остатки погребальной конструкции были зафиксированы в центре насыпи под репером.

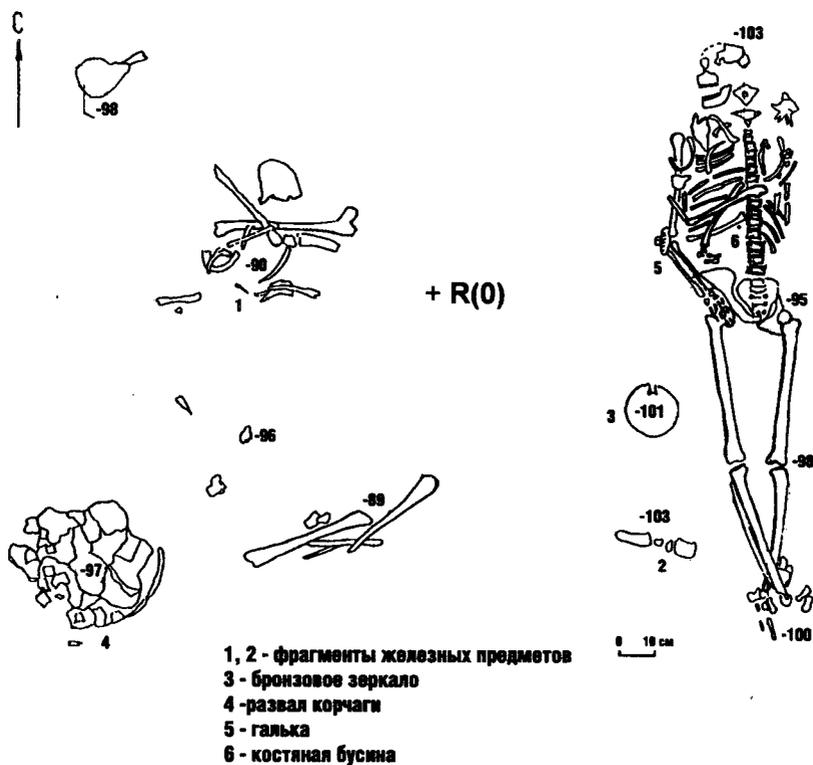

Рис. 3. План погребений в к.4

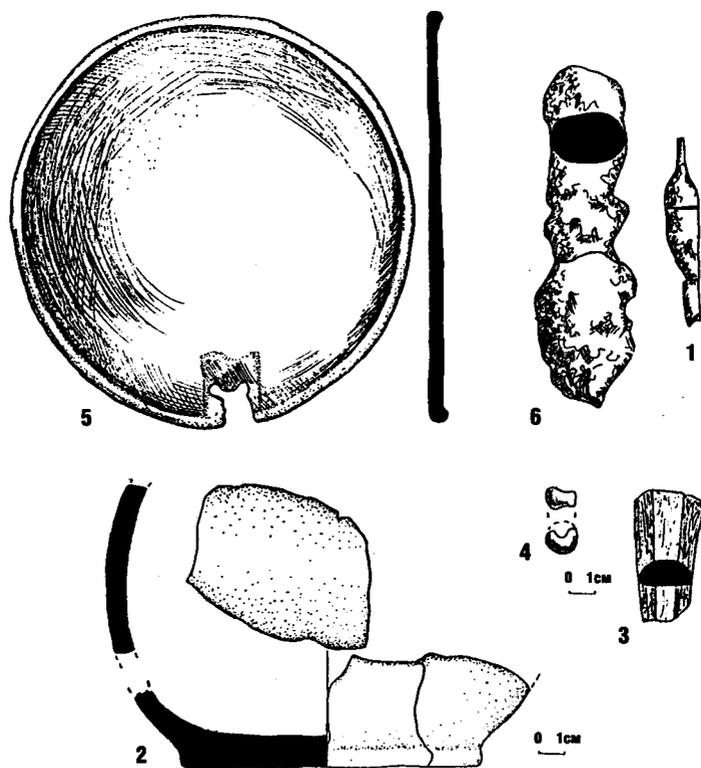

Рис. 4. Находки из к.4

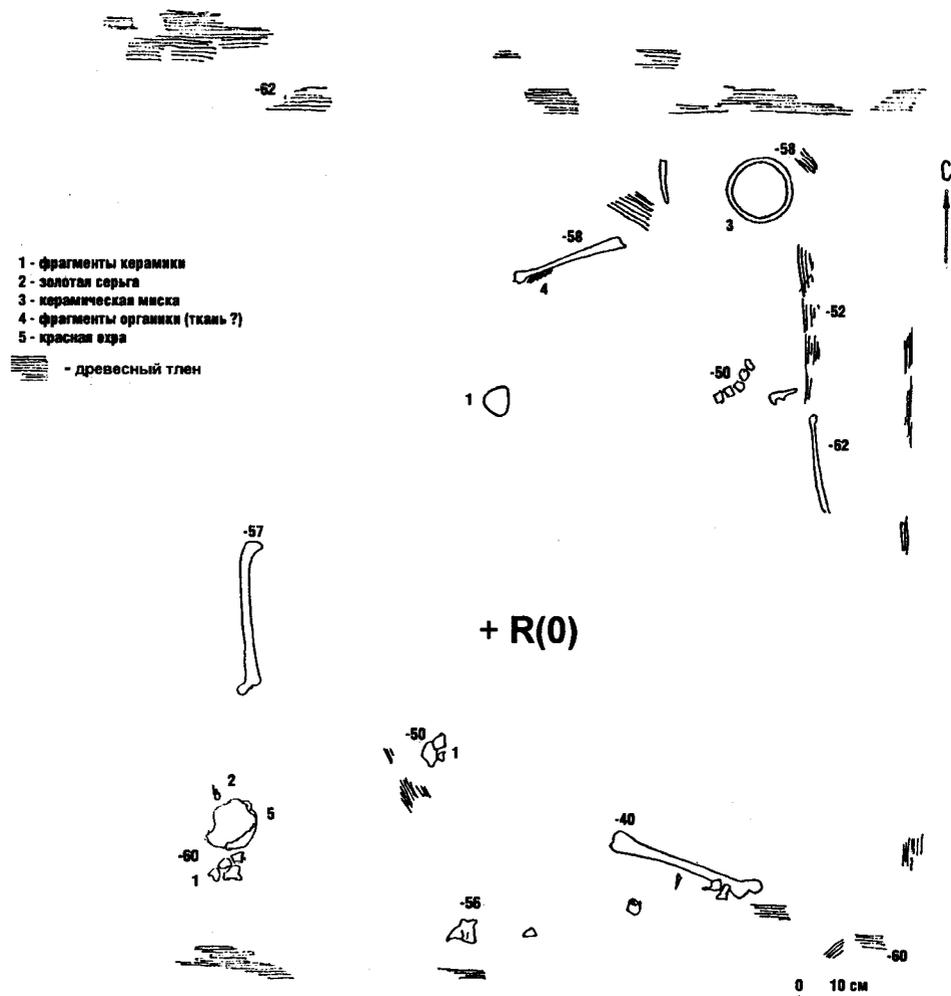

Рис. 5. План погребений в к.5

Здесь на глубине -0,25 ... -0,7 м встречался древесный тлен. Однако достоверных данных о погребальной конструкции получено не было.

Посреди участка с древесным тленом, на глубине -0,40 ... -60 м, на площади примерно 2,4×2 м, были выявлены разрозненные кости человеческого скелета – погребение, которое было разрушено в ходе ограбления, и разбросанные предметы (рис.5). Фрагменты черепа и раскнутые бедренные кости находились в ЮЗ части этого скопления. Рядом с фрагментами черепа на глубине -0,6 м были найдены: раздавленный горшочек и золотая серьга, а также кусок охры красного цвета.

Высота серьги – 4,2 см, диаметр кольца – 2 см, толщина кольца – 2 мм (рис.6,3). Тулово серьги изготовлено из тисненой золотой фольги в виде двух полушарий, припаянных основаниями при помощи двух скрученных в

жгут тонких проволочек. К верхней части серьги припаяно несомкнутое кольцо. В нижней части серьги, на цилиндрическом выступе расположены три напаянных друг на друга золотых шарика. Серьга была повреждена в древности.

Лепной горшочек с отогнутым венчиком имел слабо выделенную шейку, биконическое тулово и плоское дно, выделенное защипами (рис.6,1). Цвет заглаженной внешней поверхности – темно-серый, бугристой внутренней – серый, излом – серо-коричневый. Размеры: диаметр устья – 11,1 см, шейки – 9,6 см, наибольший диаметр тулова – 12,3 см, дна – 8,3 см; высота сосуда – 9,7 см. Черепок однослойный, структура теста – пористая, обжиг неравномерный.

В СВ части погребения были найдены раскнутые кости конечностей, часть позвоночника и керамическая миска (рис.6,2). Бортик миски наклонен вовнутрь, тулово низкое, дно прямое.

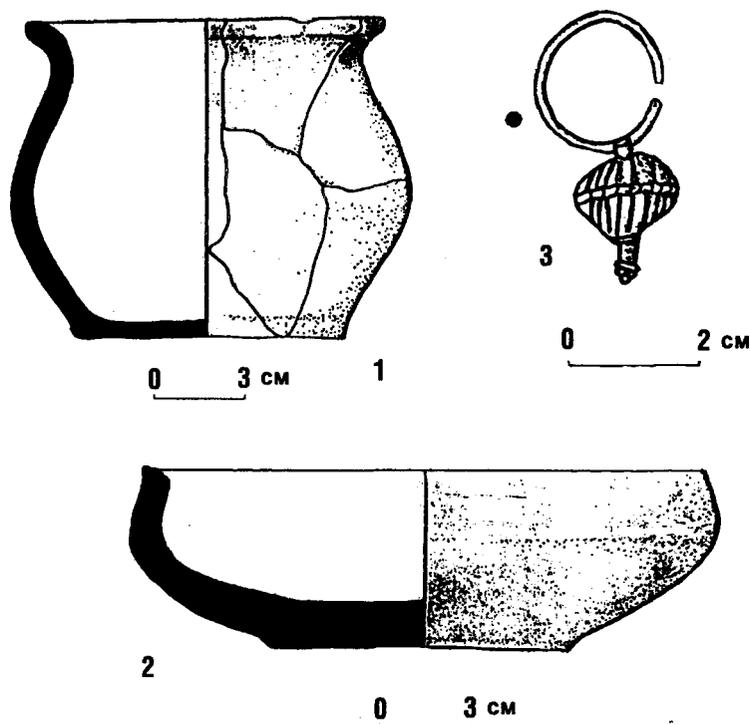

Рис. 6. Находки из к.5

Размеры: диаметр устья – 17,2 см, наибольший диаметр тулова – 19,2, см, дна – 9,3 см; высота сосуда – 5,4 см. Цвет снаружи и внутри – коричневый. Бугристая поверхность – затерта. Тесто пористое, с примесью крупно толченой ракушки и песка. Обжиг – неравномерный.

Кроме того, на всей площади погребения было найдено еще несколько фрагментов керамики с примесью мелкого шамота.

Курган 6

Курганная насыпь из коричневого суглинка имела диаметр 18–21 м и высоту около 0,4 м. Погребенная почва – темно-коричневый суглинок мощностью 0,2 м – прослеживалась без разрывов на всем протяжении профиля. Под ней залегал материк – суглинок коричневатого желтого цвета. В центре кургана, в профиле была зафиксирована насыпка из мешаного суглинка светло-коричневого цвета, мощностью до 0,3 м. Насыпь и насыпку прорезал грабительский перекоп, ширина которого достигала 0,5 м.

При разборке центра насыпи были обнаружены фрагменты двух сосудов. Сосуд 1 (рис.7,1,2) – фрагменты венчика и донной части горшка. Венчик отогнут наружу, дно плоское, ровное. Цвет внешней и внутренней поверхно-

стей – коричневый, излом – светло-коричневый. Внешняя и внутренняя поверхность затертая, мелкобугристая. Черепок однослойный, пористый. Обжиг неравномерный. В тесте обильная примесь крупного шамота. Сосуд 2 (рис.7,3,4) – фрагменты стенок и отогнутого наружу венчика. На одной из стенок – вертикальный налп. Цвет внешней поверхности – коричневый, внутренней и излома – светло-коричневый. Внешняя поверхность заглажена, внутренняя – затертая, мелкобугристая. Черепок однослойный. В тесте была заметна примесь шамота и песка (?).

К СВ от центра насыпи, на глубине -0,48 ... -0,51 м были зафиксированы разрозненные человеческие кости ограбленного в древности погребения. Близ костей были найдены частично фрагментированный бронзовый втульчатый трехлопастной и костяной четырехгранный наконечники стрел (рис.7,5,6). Размеры первого: длина – 25 мм, ширина лопастей – 9 мм, диаметр втулки – 3 мм. Размеры второго: длина – 30, ширина грани – 5–6 мм, диаметр внутренней втулки – 3 мм.

Курган 7

Насыпь к.7 с западной стороны была срезана при строительстве мелиоративного лотка.

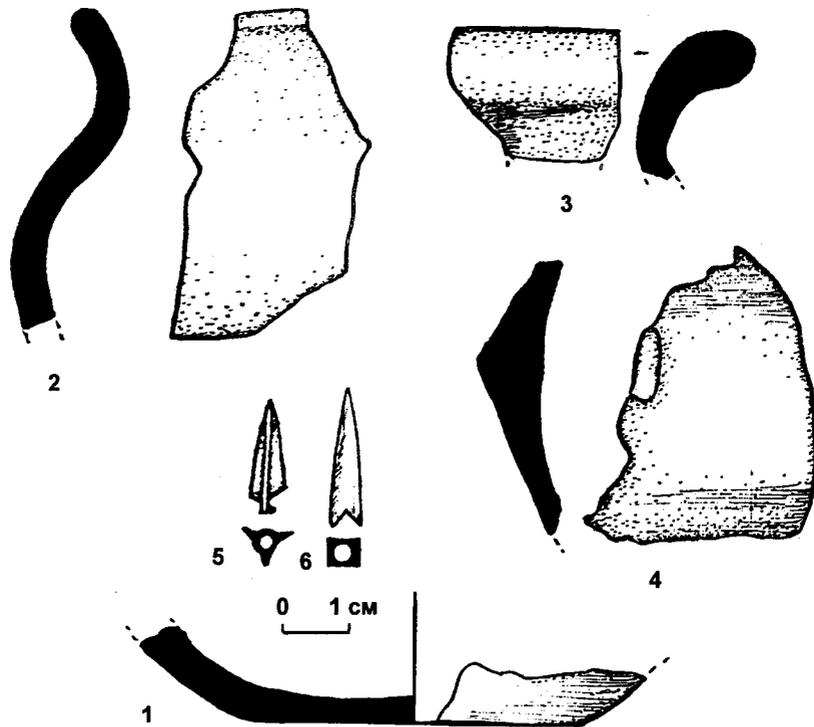

Рис. 7. Находки из к.6

Внешние размеры насыпи: диаметр по оси С–Ю – 24 м; высота – до 2,50 м. Насыпь была создана из суглинка желтовато-серого цвета, перемешанного с галькой. Полы насыпи были покрыты слоем чернозема.

В центральную часть насыпи, к югу от R(0) сверху была впущена яма овальной формы длиной 1,6 м, глубиной от поверхности 1,4 м. На дне могильной ямы сохранилось лишь несколько разрозненных человеческих костей и фрагментов керамики.

Над погребенной почвой в центре насыпи был зафиксирован валик насыпки, состоявшей из смешанного, желто-коричневого суглинка, частично перекрывавшего деревянную конструкцию основного погребения, находившегося на уровне древней погребенной почвы. Данная погребальная конструкция была расчищена на глубине -217 ... -225 см (рис.8). Ее внешний контур представлял собой многоугольник, состоявший из 7 бревен (одно из бревен с ЮЗ стороны не сохранилось). Внутри многоугольника, с восточной стороны были зафиксированы еще три деревянные плахи, как бы повторявшие внешний контур конструкции. Размеры сооружения: по линии С–Ю – 6,2 м, по линии З–В – 7,0 м. Размеры истлевших бревен, составлявших конструкцию: длина – от 2,3 до 3,4–3,7 м, ширина – 0,2–0,3 м. Длина бревен

внутреннего контура с восточной стороны – 1,6–1,9 м, ширина – 0,2–0,3 м.

В центре погребальной конструкции на глубине -221.....-239 см было расчищено погребальное сооружение квадратной формы, также составленное из деревянных плах, ориентированных по сторонам света (рис.9). Было зафиксировано два яруса сооружения. Длина бревен на уровне верхнего яруса: с восточной стороны – 3,0 м, с северной – 3,1 м, с западной – 2,9 м, с южной – 2,9 м. Второго яруса: с восточной стороны – 3,6 м, с северной – 3,1 м, с западной – 2,4 м, с южной, зафиксированная частично, – 1,5 м. Деревянная конструкция, вероятно, была обмазана глинистым раствором. Заполнение состояло из плотной супеси светло-коричневого цвета.

Снаружи, близ южного бревна погребального сооружения, между камерой и внешней конструкциями был расчищен потревоженный человеческий скелет, лежавший вытянуто на спине, головой на ЮЗ, – п.2 (рис.8). Верхняя часть скелета разрушена в ходе ограбления. Сохранилась бедренная кость правой ноги, большая берцовая кость, часть пальцев ног. Находок нет.

Внутри погребального сооружения, возле западной стенки и за ней (далее к западу) были расчищены два скопления костей лошади.

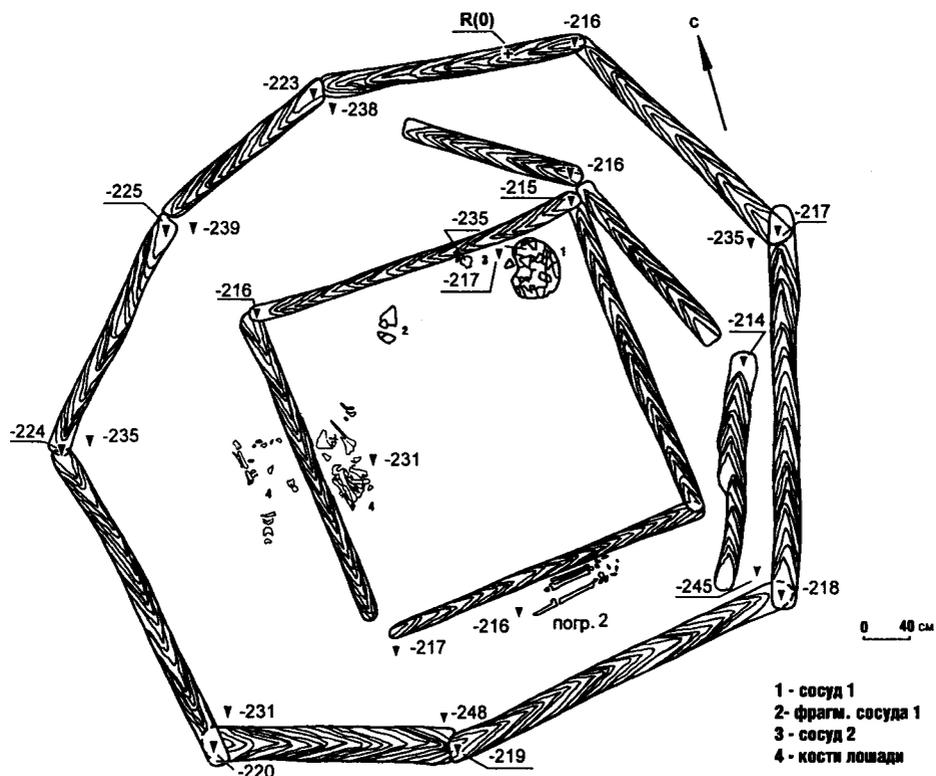

Рис. 8. План погребальной конструкции в к.7

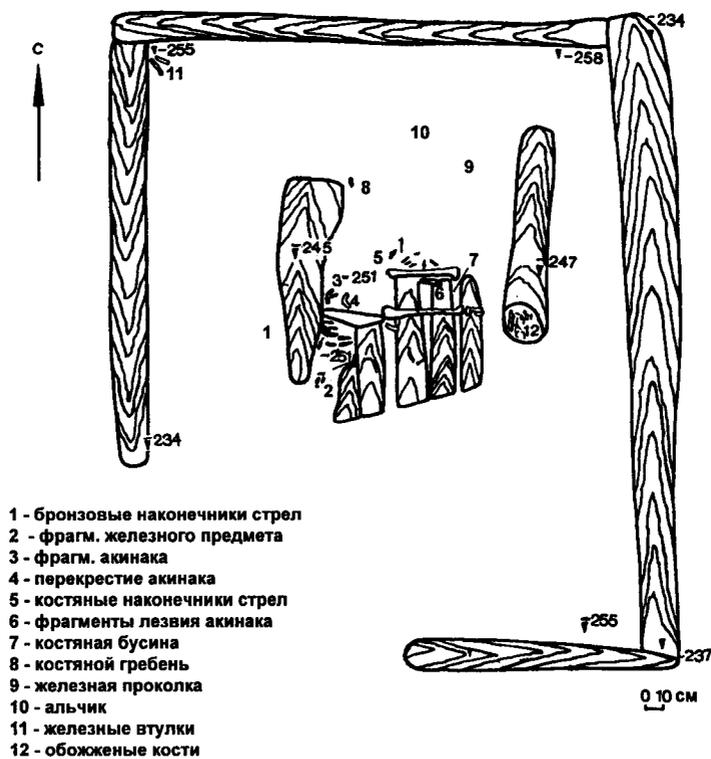

Рис. 9. Нижняя часть расчистки центральной части погребальной конструкции в к.7

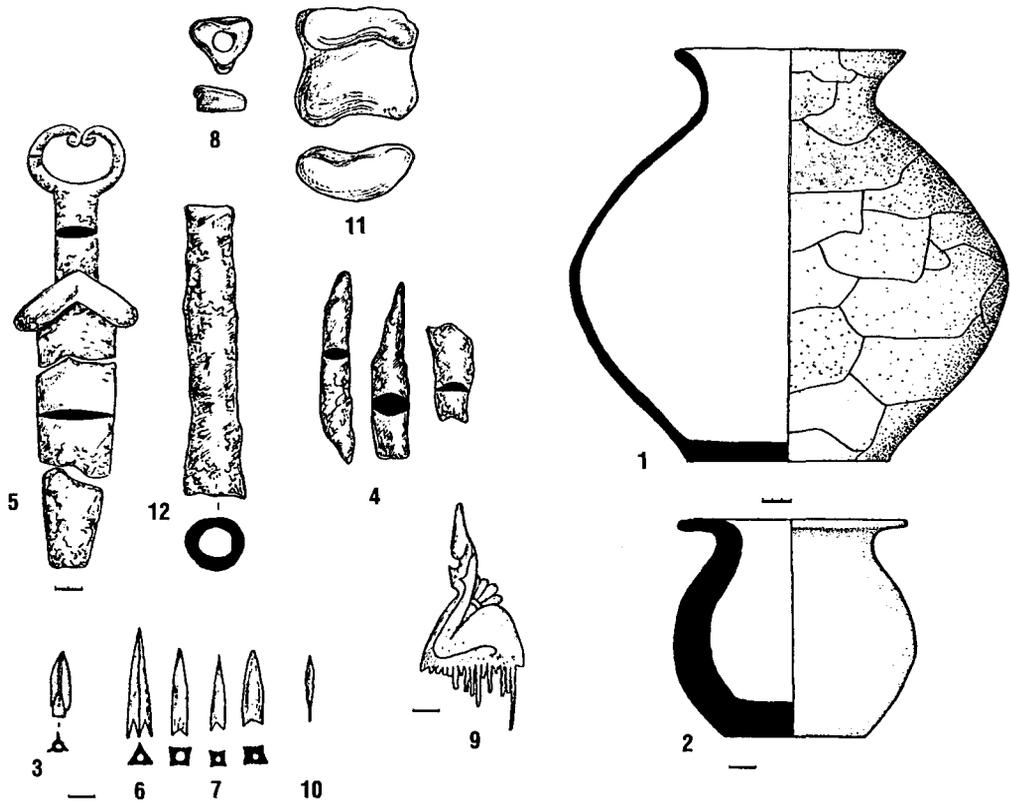

Рис. 10. Находки из к.7

В СВ углу погребального сооружения был обнаружен развал корчаги (рис.8,1). Корчага, с отогнутым венчиком, низкой шейкой, почти биконическим туловом, плоским дном (рис.10,1). Размеры: диаметр устья – 25,2 см, шейки – 18,9 см, наибольший диаметр тулова – 48,6 см, дна – 22,2 см, высота сосуда – 46,2 см. Цвет подлощенной внешней поверхности – коричневый, излом – светло-коричневый.

На расстоянии 0,9 м к западу от СВ угла погребального сооружения был найден сосуд 2 – горшочек с резко отогнутым прямым венчиком, округлым туловом и плоским, ровным дном (рис.10,2). Размеры: диаметр устья – 8,5 см, шейки – 5,9 см, наибольший диаметр тулова – 9 см, дна – 5,2 см, высота сосуда – 8,1 см. Цвет подлощенной внешней поверхности – темно-коричневый, бугристой внутренней – светло-коричневый. Тесто содержало обильную примесь дресвы. Обжиг неравномерный.

В центре погребального сооружения зачищены фрагменты тесаных плах длиной 0,7–1,2 м, шириной 0,2 м, на которых лежали остатки ограбленного и разрушенного в древности основного погребения (рис.9). Верхняя часть скелета была полностью уничтожена, *in situ* со-

хранились, лишь бедренные кости. Судя по их положению, погребенный был уложен вытянуто, головой на запад. Близ человеческих останков, на ограниченном участке размерами 1,5×1,2 м были сделаны следующие находки:

Бронзовые трехлопастные втульчатые наконечники стрел – 7 экз. (рис.10,3). Общая длина – 23, ширина лопастей – 7, диаметр втулки – 4 мм.

Фрагменты железных ножей, длиной 65, 72 и 36 мм, шириной 14, 10 и 15 мм, толщиной 8, 4, 3 мм (рис.10,4).

Фрагменты акинака. Бабочковидное перекрестье, рукоять с когтевидным навершием, фрагменты лезвийной части (рис.10,5). Размеры рукояти: общая длина – 110, ширина у навершия – 32, у перекрестья – 30 мм. В сечении – линзовидная, шириной 8 мм. Навершие: внешние размеры – 72×42 мм, в сечении – уплощенное, ширина – 10, толщина – 3 мм. На концах навершие украшено стилизованным изображением когтей. Длина перекрестья – 92, высота – 46, толщина – 6 мм. Ширина лезвия у перекрестья – 60 мм.

Костяные наконечники стрел двух типов: трех и четырехгранные с внутренней втулкой – всего 18 экз. (рис.10,6,7). Длина трехгранных –

40, ширина грани – 9, диаметр втулки – 2 мм; длина четырехгранных – 32, ширина грани – 7, диаметр втулки – 3 мм. Первых найдено 8, вторых – 10 экземпляров.

Костяная бусина из позвонка животного, трехгранная, с округлым отверстием. Размеры: 22×9 мм, диаметр отверстия – 7 мм (рис.10,8).

Костяной гребень в виде стилизованной задней ноги копытного с пальметтой под сгибом. Частично фрагментирован. Длина – 85, ширина – 37, толщина – 4 мм (рис.10,9).

Железное проколка (?), четырехгранная в сечении. Размеры длина – 24, диаметр сечения 3 мм (рис.10,10).

Альчик, обточенный, бывший в употреблении (рис.10,11).

В СЗ углу погребального сооружения были найдены две железные втулки, между которыми находился фрагмент дерева (рис.9,11;10,12). Длина втулок – 16,1 см, верхний внешний диаметр – 17 мм, внутренний – 9 мм, нижний внешний диаметр – 23 мм, внутренний – 11 мм.

На деревянной плахе у восточной стенки сооружения обнаружены сильно обожженные кости.

Курган 8

Курганная насыпь из суглинка коричневого цвета имела диаметр около 29 м и высоту около 3,4 м. Погребенная почва – темно-коричневый суглинок мощностью до 0,4 м. В центральной части погребенная почва нарушена ямой при совершении погребения. Зафиксированный материк – суглинок коричневатожелтого цвета.

Центральная часть насыпи была потревожена грабительской ямой диаметром до 4 м, в верхней части заполненной плотным, мешанным грунтом с галькой. В яме, при выборке заполнения, была найдена человеческая кость. Нижняя часть – заполнение грабительской траншеи над погребением состояло из пережженного рыхлого суглинка красного цвета, а также обожженной гальки и мела. Края перекопа были ограничены слоем, состоявшим из крупных комков пережженного грунта и гальки, толщиной 0,2–0,3 м.

Грабительский лаз вел к центру подкурганной площадки, где на глубине -331 ... -355 см был зафиксирован участок обожженного грунта диаметром около 4,6–4,85 м. Данный участок был слегка заглублен по отношению к по-

верхности погребенной почвы. В центре данного участка, под R(0), с отметки -3,69 м была обнаружена округлая яма центрального погребения диаметром 1,8 м (рис.11). Яма вырыта в слое погребенной почве и частично в материке. Наибольшая глубина – в центре ямы 0,5 м (от R(0) -4,02 м). Заполнение ямы состояло из золы, обожженного грунта с включением угольков и кальцинированных костей. Были зафиксированы фрагменты кальцинированных костей – лучевой и локтевой и бедренной, расположенных по линии С–Ю.

Все находки были сосредоточены в заполнении центральной части ямы. Здесь были найдены четыре сосуда, 42 гагатовые бусины, 6 золотых привесок, 13 золотых нашивных колпачков, 16 золотых бусин, керамическое пряслице, каменная плитка.

Плоская каменная плитка, неправильной вытянутой трапецевидной формы, со скругленными углами, размерами 30×18×10×2,5–3,5 см (рис.13,1).

Сосуд 1 (рис.12,1) – кувшин с отогнутым прямым венчиком, ручкой, прикрепленной к цилиндрическому горлу под венчиком и к плечу, биконическим туловом с наибольшим диаметром в нижней трети и плоским дном. Размеры сосуда: диаметр устья – 22,2 см, горла – 14,4 см, наибольший диаметр – 39 см, дна – 14,1 см, общая высота – 45,6 см. Цвет внешней подлощенной и внутренней шероховатой поверхностей желтовато-охристый, излом – сероватый. Черепок однослойный. В тесте – примесь мелкотолченого шамота. Вероятно, был изготовлен с использованием гончарного круга.

Сосуд 2 (рис.12,2) – лепная курильница на четырех ножках, обнаруженная в яме вверх дном. Бортик загнут внутрь, к прямоугольному основанию прикреплены четыре ножки-выступа. Размеры: общая высота курильницы – 4,9 см, диаметр устья – 5,2 см, наибольший диаметр – 5,8 см, диаметр ножек – 8–11 мм. Цвет заглаженных поверхностей светло-серый, излом темно-серый. Тесто с примесью шамота.

Сосуд 3 (рис.12,3) – кувшинчик. Его ручка крепилась к краю слегка отогнутого венчика и плечу. Тулово бочонковидное, с наибольшим диаметром в нижней половине и плоским дном, выделенном защипами. Размеры: диаметр устья – 9 см, горла – 7,6 см, наибольший диаметр – 11,2 см, дна – 7,4 см, общая высота – 11,6 см. Цвет заглаженных внешней и внутренней поверхностей желтовато-охристый, излом

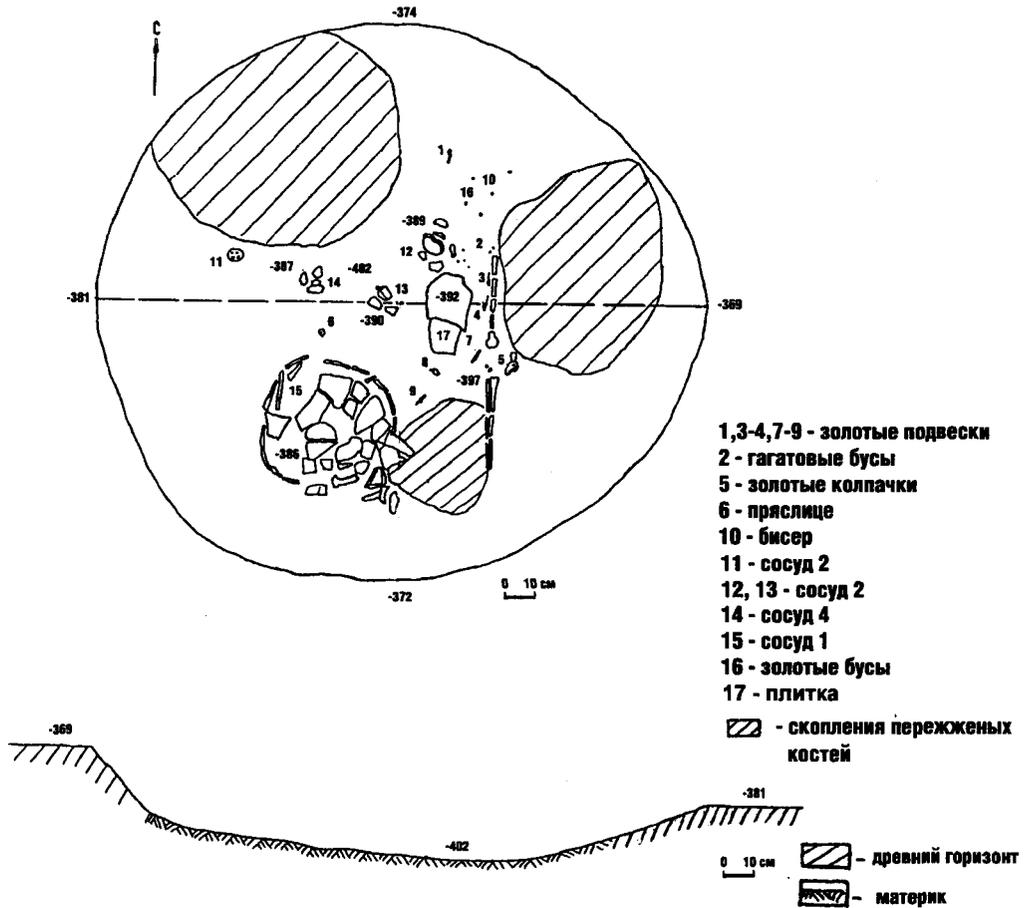

Рис. 11. План могильной ямы в к.8

сери-охристый. Стенки однослойные, плотные, тесто с примесью мелкоотточенной ракушки.

Сосуд 4 (рис.12,4) – фрагментированная миска с ручкой, прикрепленной к краю слабо-профилированного венчика. Размеры: диаметр устья – 11,6 см высота сохранившейся части – 4 см. Цвет подлощенной внешней и бугристой внутренней поверхностей – коричневый. Стенки двухслойные, тесто с примесью шамота.

Керамическое пряслице (рис.12,5). Форма усеченно-биконическая, высота – 20 мм, диаметр – 23 мм.

Пастовые бусины, бисер (10 экз.), диаметром 3 и высотой 1 мм – 32 экз. (рис.13,6).

Бусины из гагата диаметром 4 и высотой 1 мм – 15 экз. (рис.13,5).

Полые фигурки козлов составленные из пластинок золотой фольги с тремя припаянными сзади бусами-пронизками (рис.13,2). Фигурки однотипны, стандартных размеров. Их рога сделаны из витой проволоки. По тулову – орнамент в виде треугольников из напаянных мелких золотых шариков зерни. В ноздрях фи-

гурки на подвеске из золотой проволоки – стилизованный бутон цветка (?). Общие размеры – 23×13×10 мм, диаметр бусин 3–5 мм.

Полые бусины (рис.13,4). Изготовлены из штампованной золотой фольги. Длина 9–11, диаметр 5–6 мм.

Золотые колпачки для нашивки (рис.13,3). Изготовлены из штампованной золотой фольги. Диаметр 3–6 мм, высота 2–3 мм.

Курган 10

Курганная насыпь из суглинка серого цвета имела диаметр 25–28 м и высоту около 3 м. Погребенная почва – темно-коричневый суглинок мощностью 0,35–0,4 м – прослеживалась без разрывов на всем протяжении профиля. Под ней залегал материк – суглинок коричнево-желтого цвета.

Центральная часть насыпи была прорезана грабительской воронкой диаметром до 4,2 м, заполненной в верхней части плотным затечным суглинком серо-коричневого цвета. Грабительская

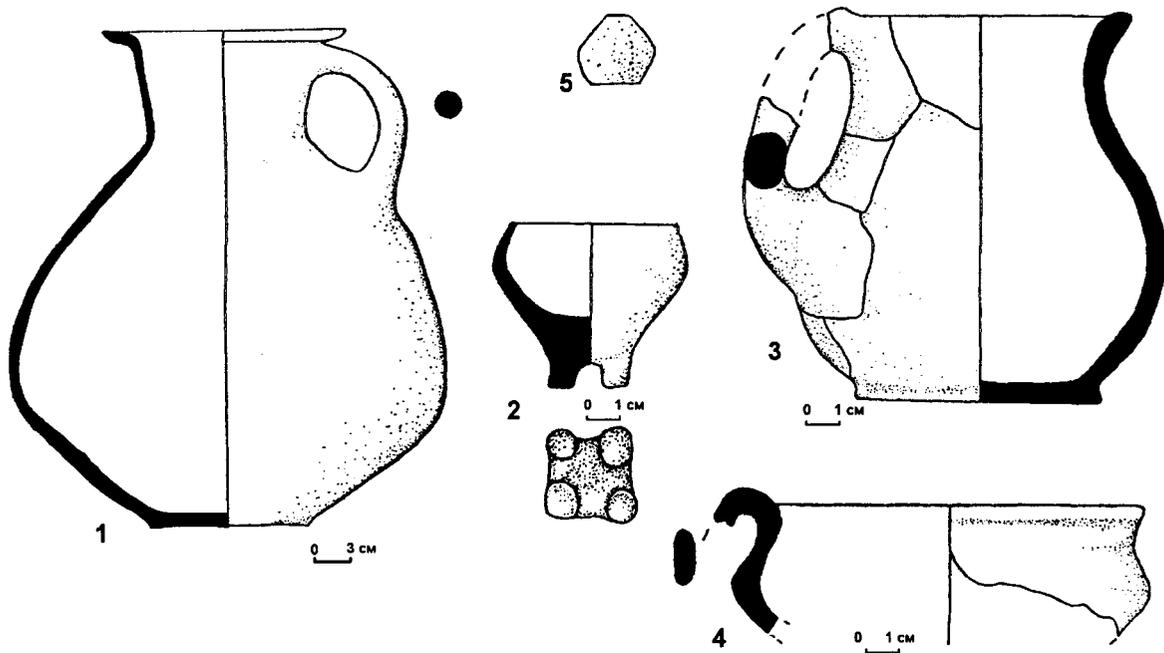

Рис. 12. Находки из к.8

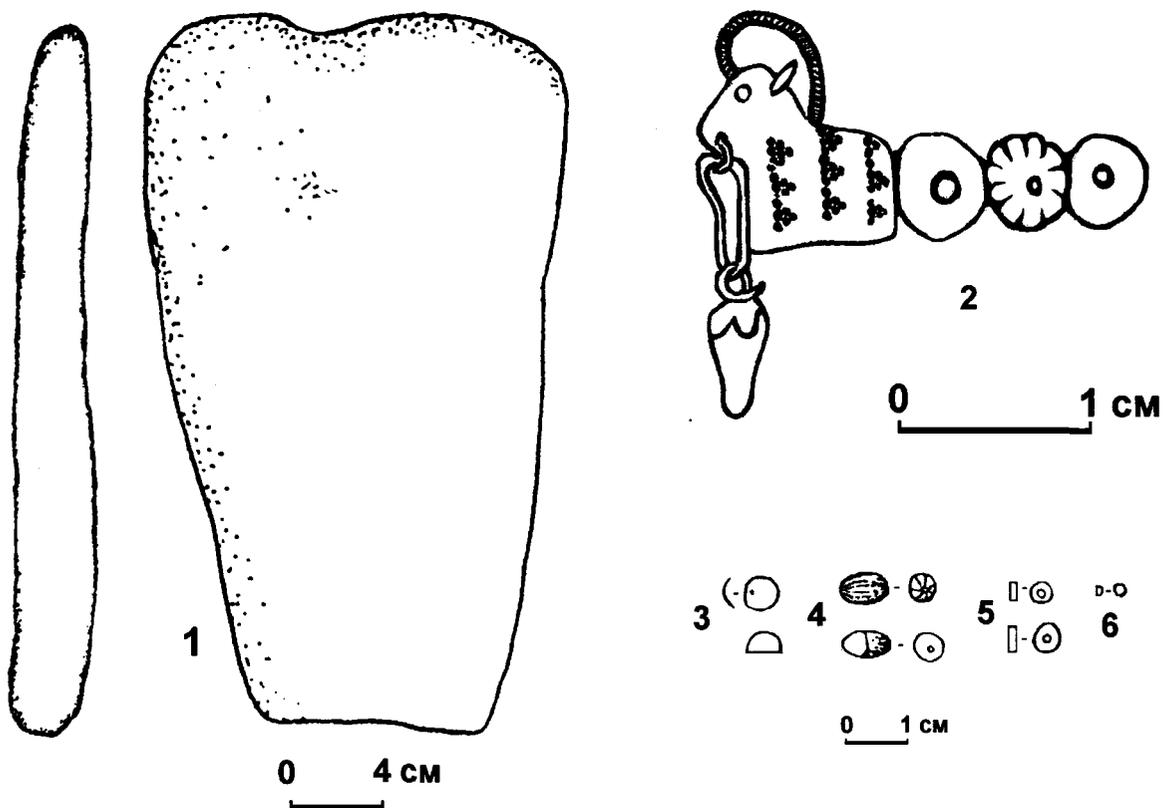

Рис. 13. Находки из к.8

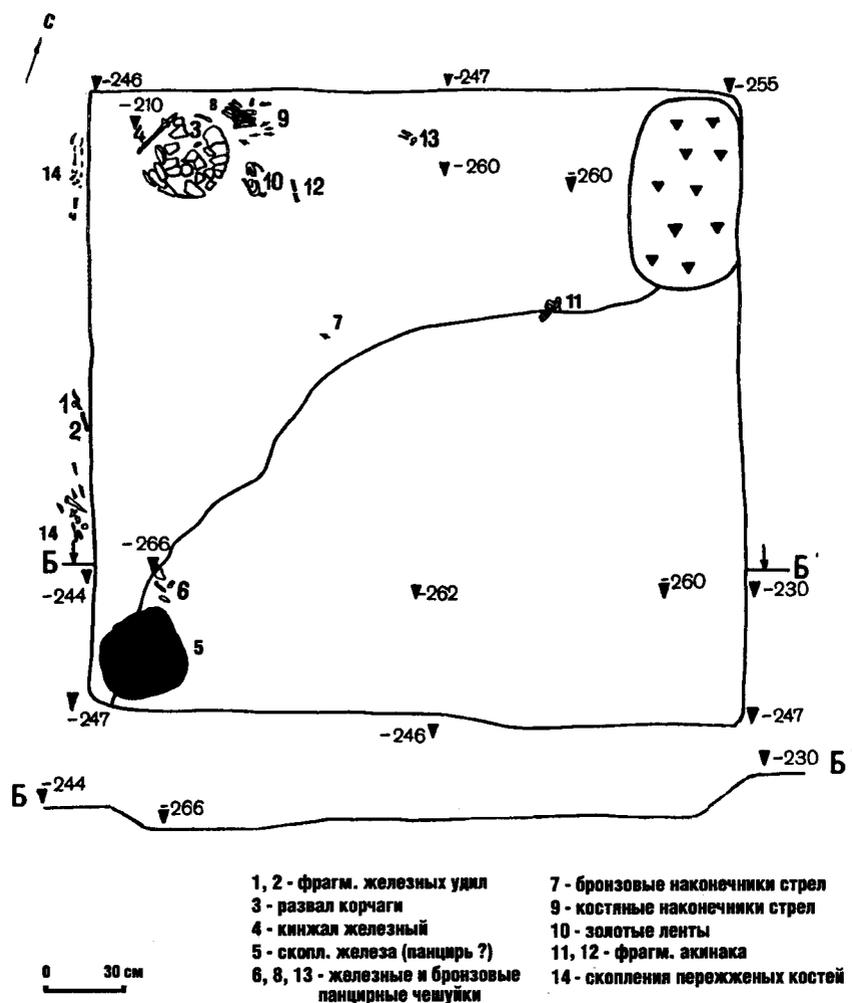

Рис. 14. План могильной ямы в к.10

воронка прорезала насыпку из обожженного грунта, состоящую из суглинка красного цвета с включением пережженной гальки. Диаметр этой насыпки составлял с севера на юг – 5,8 м, с запада на восток – 5,5 м, высота до 0,8 м. На глубине -2,4 ... -2,48 м на уровне погребенной почвы под данной насыпкой была расчищена округлая обожженная площадка, покрытая тонким слоем золы и мела (?). В центральной части площадки, нарушенной грабительским перекопом, были найдены кальцинированные кости ребенка (?).

После зачистки центральной части погребальной площадки, был выявлен контур квадратной ямы с неровным дном, размерами 2,85×2,8–2,65 м, ориентированной по сторонам света, наибольшей глубиной -2,9 м (0,5 м от краев). Заполнение ямы было нарушено в СЗ части (рис.14).

В СВ углу ямы отмечено скопление углей, в ЮЗ – было зачищено скопление фрагментов железа размерами 0,35×0,35 м, вероятно спекшиеся

остатки железного чешуйчатого панциря, в СЗ – развал корчаги и железный кинжал. К ЮВ от данного скопления обнаружены две золотые ленты. Здесь же были найдены: бронзовая поясная пластина, бронзовые и костяные наконечники стрел, фрагменты акинака. На площадке близ вдоль западной стенки погребения были найдены три фрагмента железа и скопления пережженных костей. Ниже приводится описание находок.

Фрагменты стержней удил (?) (рис.15,1). Сечение фрагментов – округлое, диаметр – 4–6 мм, длина – 2,5 и 5,5 см.

Корчага (рис.15,2) с невыделенным венчиком, шейкой раструбом, биконической туловом и плоским дном. Размеры: диаметр устья – 20,7 см, шейки – 15,9 см, наибольший диаметр – 36,6 см, дна – 11,1 см, общая высота – 34,5 см. Цвет внешней подлощенной поверхности – темно-коричневый, внутренней, мелкобугристой и излома – темно-серый. Тесто с примесью

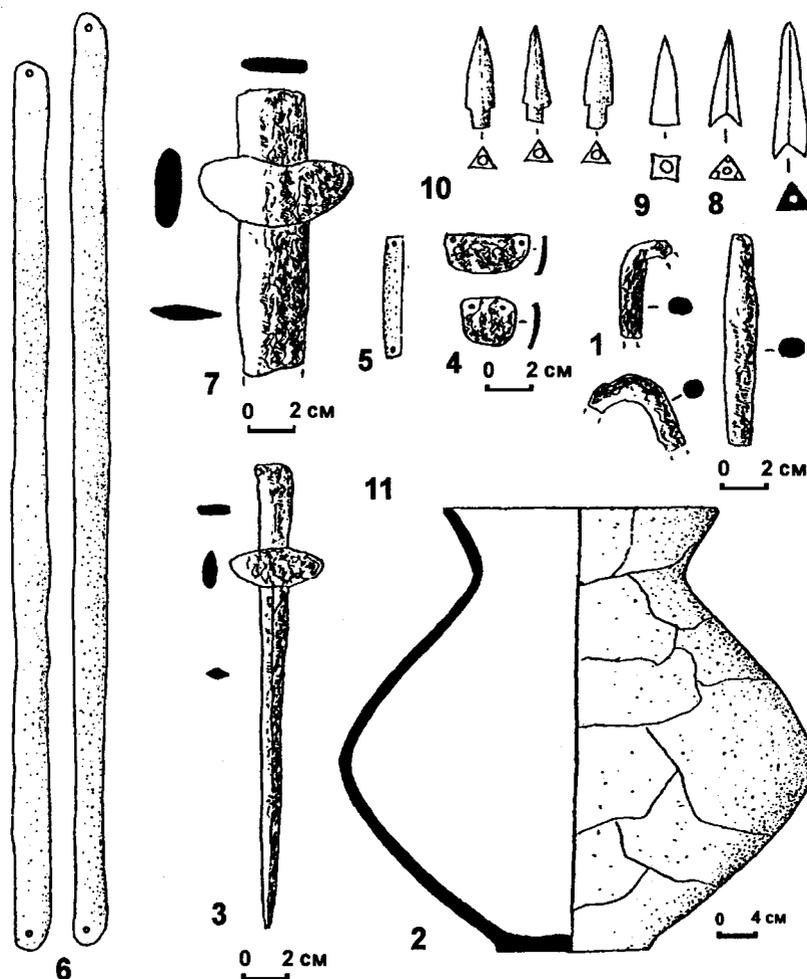

Рис. 15. Находки из к.10

шамота, прокол неравномерный. Вероятно был изготовлен с использованием гончарного круга.

Железный кинжал с узким граненым лезвием, овальным перекрестием, прямой ручкой, уплотненной в сечении. Перекрестие в сечении линзовидное (рис.15,3). Размеры: общая длина – 24 см, ширина рукояти у основания – 1,4 см, лезвия – 1,4 см, длина перекрестия – 4,8 см, ширина – 2 см, сечение рукояти – 4 мм, перекрестия – 1,2 см.

Панцирные пластины: овально-прямоугольной и овально-трапециевидной формы (рис.15,4). Размеры первых: 26×24 мм, толщина – 2 мм; вторых: 42×20 мм, толщина – 2 мм.

Бронзовые пластины боевого наборного пояса (рис.15,5). Размеры: 60×10 мм, толщина – 1 мм.

Ленты из золотой фольги длиной 28,6 и 26,4 см, шириной 18 мм (рис.15,6). На концах лент имеются отверстия. В погребении они были свернуты спирально.

Фрагментированный акинак (рис.15,7). Длина сохранившейся части рукояти – 3,6 см,

лезвия – 6,8 см, длина овального перекрестия – 8 мм, ширина – 3,2 см, ширина рукояти – 3,4 см, лезвия у перекрестия – 3,6 см.

Костяные втульчатые наконечники стрел. Четырехгранные с прямым основанием, размерами: длина – 23 мм, ширина грани – 6 мм, диаметр втулки – 3 мм (рис.15,8). Трехгранные, с опущенными шипами, размерами: длиной 24–36 мм, ширина грани – 9 мм, диаметр втулки – 2 мм (рис.15,9).

Бронзовые втульчатые трехгранные наконечники стрел с прямым основанием граней (рис.15,10). Наиболее сохранившиеся имеют длину головки – 21–23 мм, ширину грани – 7 мм, длину втулки – 6 мм, диаметр – 4 мм.

Курган 11

Курганная насыпь из коричневого суглинка имела диаметр 32–39 м и высоту около 2,9 м. Погребенная почва – темно-коричневый суглинок

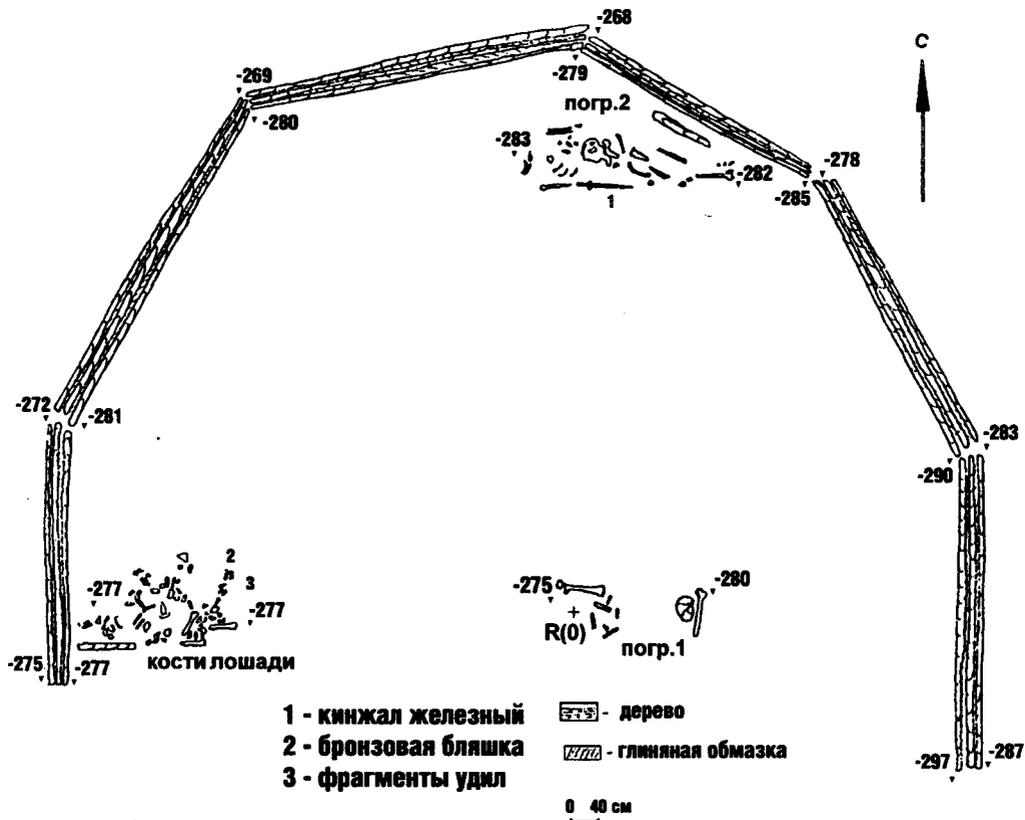

Рис. 16. План погребальной конструкции в к.11

мощностью 0,35–0,4 м – прослеживалась на всем протяжении профиля. Под ней залегал материк – суглинок коричневатого-желтого цвета.

К западу от R(0) была зафиксирована грабительская воронка диаметром до 2,2 м, прорезавшая насыпь до уровня древнего горизонта, в месте расположения основного погребения.

В восточной части насыпи была зафиксирована наброска из уплотненной супеси желтовато-коричневого цвета, лежавшей на древней дневной поверхности, шириной 2,4 м, высотой до 0,7 м.

С глубины -2,53...-2,66 м было зафиксировано появление внешних деревянных плах погребальной конструкции, уложенных на древнюю погребенную почву на глубине -2,76 ... -2,88 м. Конструкция имела форму многоугольника. Ее южная часть была разрушена и фиксировалась лишь по слабому древесному тлену, северная – сохранила очертания и хорошо прослежена (рис.16).

Стороны многоугольной конструкции состояли из деревянных плах, обмазанных глинистым раствором, уложенных вместе по три в ряд. Длина плах – от 3,0 до 3,2 м, ширина каж-

дой – около 0,3 м. Диаметр конструкции по оси 3–В – 10,1 м.

В центре погребальной конструкции на глубине -2,75 ... -2,8 м было обнаружено полностью разрушенное основное п.1 – разрозненные и фрагментированные кости: бедренные и берцовые кости черепа, ключица, ребра близ которых не обнаружено находок (рис.16).

В северной части конструкции внутри контура был расчищен потревоженный человеческий скелет – п.2. Судя по положению костей ног, сохранившихся *in situ*, погребенный лежал на спине, головой на запад. В области правой руки был найден железный кинжал с уплотненным овальным перекрестием (рис.17,1). Его размеры: длина рукояти – 9 см, лезвия – 28,8 см, ширина перекрестия – 3 см, ширина ручки у перекрестия – 2 см, лезвия у перекрестия – 2,2 см.

В западной части конструкции на глубине -2,77 ... -2,78 м обнаружены скопление перемещенных костей лошади. В СВ части скопления костей найдена бляшка в виде головы хищника (рис.17,2), а также два фрагмента железного изогнутого прута (детали удила?, которые распались).

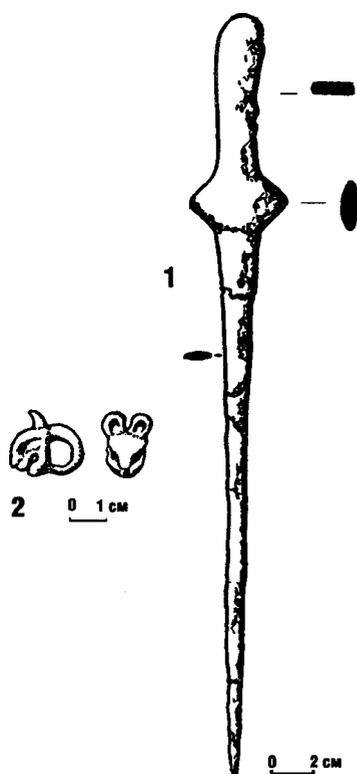

Рис. 17. Находки из к.11

Курган 12

Курганная насыпь из суглинка светло-коричневого цвета имела диаметр 24 м и высоту около 0,9 м. Погребенная почва – суглинок коричневого цвета мощностью 0,2 м – прослеживалась на большей части протяжения профиля.

Центральная часть насыпи была прорезана грабительской воронкой диаметром до 4,7 м, заполненной плотным мешанным комковатым суглинком коричневого цвета. Грабительский перекоп нарушил поверхность погребенной почвы. С южной стороны, по краю грабительской воронки был зафиксирован материковый выброс в виде галечной прослойки. С севера – перекоп прорезал прослойку обожженного до красноты грунта, подстилаемого зольной прослойкой, общей мощностью до 0,5 м, лежавшие на погребенной почве.

После зачистки центральной части погребальной площадки, на глубине -67 ... -87 см был выявлен контур прямоугольной ямы со скругленными углами размерами 3,97×2,95 м, ориентированной по оси ССВ–ЮЮЗ. Ее мешаное заполнение было нарушено в центральной части и состояло из обожженного грунта,

золы, гальки. В СЗ углу ямы было зафиксировано скопление углей размерами 82×32 см.

Яма имела неровное дно, наибольшей глубиной -1,1 ... -1,25 м от R(0) (до 0,5 м от краев могилы). В СВ части ямы в ее дне имелось овальное углубление размерами 1,9×1,53 м. Дно ямы находилось на глубине -1,55 ... -1,6 м (0,8 м от краев могилы) (рис.18).

В заполнении ямы в ЮЗ части могилы был расчищен развал корчаги, поверх которого обнаружен фрагмент наконечника копья. С СВ к развалу сосуда примыкала каменная плита.

Второе скопление находок находилось внутри углубленной части ямы. Здесь находились две золотые ленты и развал горшка. Ниже приводится описание находок.

Корчага с невыделенным венчиком, горлом раструбом, биконической туловом и плоским дном (рис.20,1). Размеры: диаметр устья – 16,4 см, основания шейки – 13,8 см, наибольший диаметр – 41,2 см, дна – 13,4 см, общая высота – 38,4 см. Цвет внешней подлощенной поверхности – охристый, с темными пятнами. Затертой внутренней – темно-серый. Тесто с примесью песка и шамота (?). На плечиках сосуда радиально располагались парные овальные налепы.

Кувшин с уплощенным венчиком, хорошо выделенным, расширяющимся кверху раструбом горлом, овальным туловом и плоским дном (рис.20,2). Размеры: диаметр устья – 10 см, основание горла – 7,1 см, наибольший диаметр – 18,8 см, дна – 10 см, общая высота – 14,9 см. К плечу сосуда крепилась трубчатая ручка-носик, перемычкой связанная с венчиком. Цвет внешней подлощенной поверхности – коричневый. Тесто с примесью песка.

Железное острие – фрагмент наконечника копья или пики с узким граненым лезвием, ромбовидным в сечении (рис.19,4). Размеры: общая длина – 30,8 см, ширина – 2,6 см, сечение – 2 см, диаметр внутреннего отверстия – 2 мм.

Плоская трапецевидная каменная плита, размерами 48×42×30,4×22 см (рис.19,3).

Спирально изогнутые ленты из золотой фольги на концах имели отверстия для крепления. Их длина достигала 43,2 см, ширина – 2 см, толщина – 2 мм, диаметр отверстий – 2 мм.

Погребальный обряд

В курганах 2–6 остатки погребальных конструкций не зафиксированы. Однако ясно, что погребения были совершены на уровне древнего

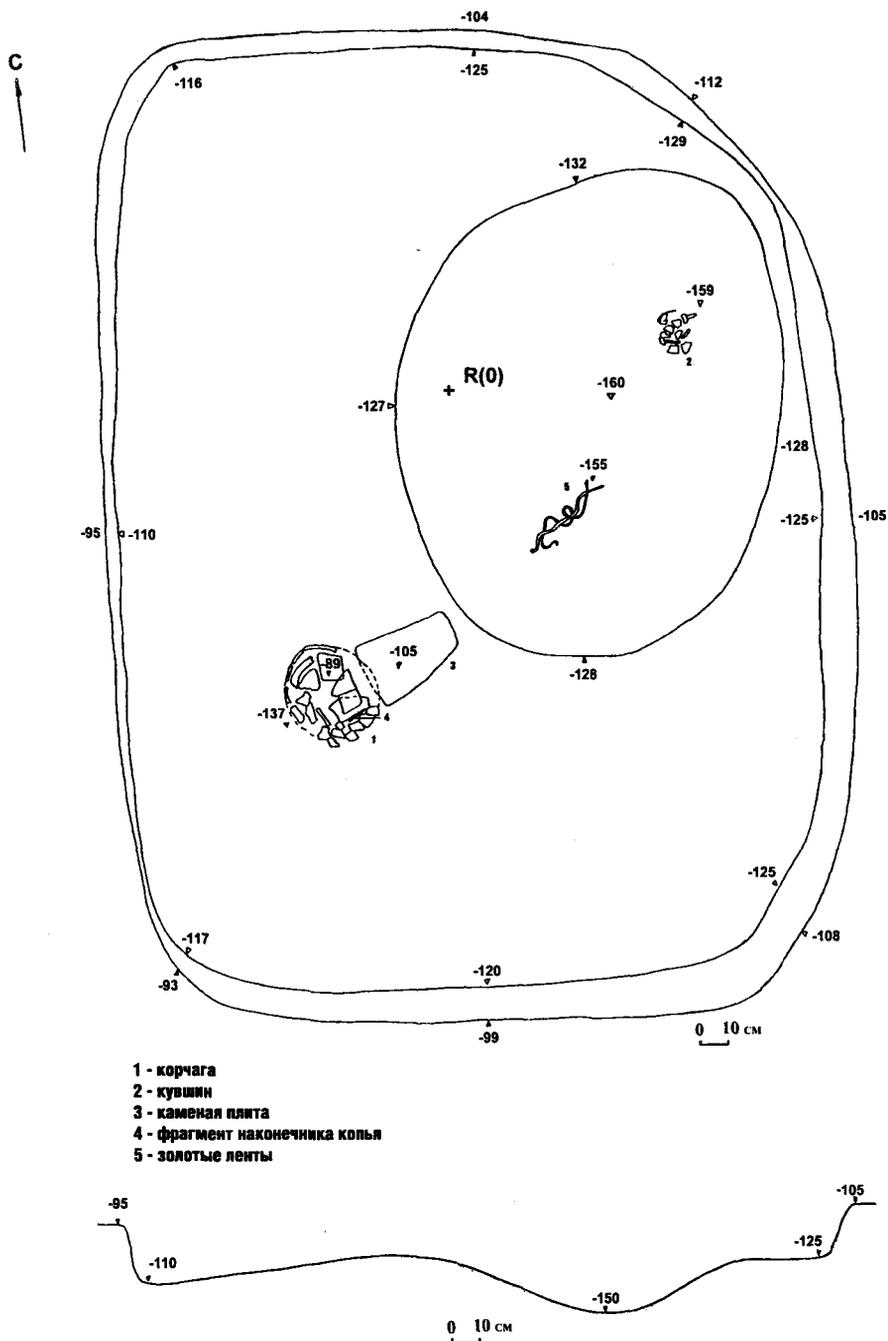

Рис. 18. План могильной ямы в к.12

горизонта. Не исключено, что в этих курганах деревянные конструкции просто не сохранились. Следы дерева были зафиксированы в к.5. В к.4 было не менее двух погребенных, причем одно захоронение, возможно, являлось сопровождающим.

Погребальные сооружения в курганах 7, 11, 13 могильника «Орджоникидзевский» представляли собой наземные конструкции, сооруженные, по-видимому, на слегка выровненной поверхности

погребенной почвы (рис.8,9,16). В центре данной конструкции находился сруб, имевший деревянное перекрытие и полы, окруженный наружной многоугольной выкладкой из нескольких рядов бревен. По набору сохранившегося инвентаря все эти погребения являлись захоронениями воинов-дружинников, которые сопровождалась дополнительными захоронениями людей и лошадей.

В.С.Ольховский отметил нетипичность подобных конструкций для памятников степной

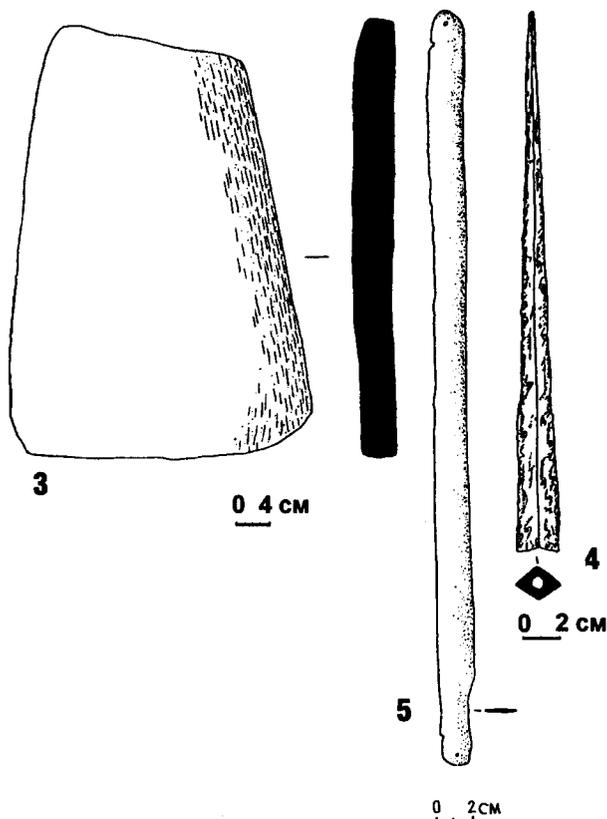

Рис. 19. Находки из к.12

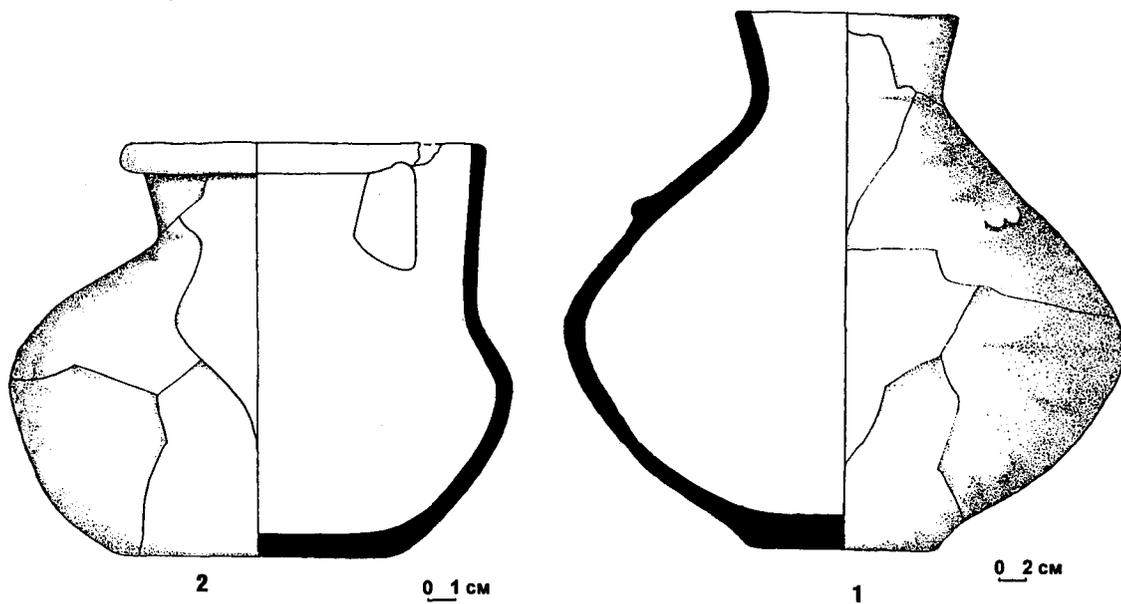

Рис. 20. Керамика из к.12

Скифии (Ольховский В.С., 1991, с.25,26). Ближайшие аналогии им имеются среди памятников савроматской культуры Южного Приуралья (Смирнов К.Ф., 1964, рис.18,1-3; Кадырбаев М.К., 1984, с.89).

Особую группу составляют погребения в курганах 8, 10 и 12. Если в к.8, очевидно, в неглубокой яме было совершено трупосожжение женщины или девочки-подростка, то в курганах 10 и 12, где содержались остатки воинского

погребального инвентаря, кремация, вероятно, производилась внутри неглубоких подквадратных ям. Углубление внутри могильной ямы в к.12, так же как и неровности дна ямы в к.10, возможно, следует относить к деятельности грабителей.

Погребальные сооружения могильника «Орджоникидзевский» находят ближайšie соответствия среди курганов могильника у с.Гойты, где были встречены как наземные деревянные конструкции, так и сожжения в неглубоких прямоугольных ямах³ (Марковин В.И., 1965, с.161–170, рис.1,2,11). Так, погребение в к.8 могильника «Орджоникидзевский» наиболее близко к захоронению в к.5 у с.Гойты, захоронения в курганах 8 и 12 – захоронению в к.1, курганам с сложными деревянными конструкциями – к.4. Другим комплексом содержащим подобную конструкцию, является курган у с.Брут в Северной Осетии (Габуев Т.А., Эрлих В.Р., 2001, с.122,123, рис.6).

Следует отметить, что число погребений на древнем горизонте в курганных могильниках Северо-Восточного Кавказа в V в. до н.э. значительно возрастает. Возрастает и число погребений с сопровождающими человеческими захоронениями. Возможно, это было обусловлено переменами в социальной структуре кочевого населения, либо общим ростом военно-социальной напряженности в данный период.

Погребальный инвентарь

Подробнее остановимся на важнейших находках, которые позволяют определить культурно-хронологическую принадлежность могильника.

Курган 2

Среди относительно скудных находок обращают на себя внимание удила с крестовидными псалиями из насыпи к.2 (рис.2,1). Судя по рисунку и описанию, псалии имели округлые гладкие стержни. Различные варианты крестовидных псалиев широко представлены в памятниках Кубани III–I вв. до н.э. и довольно редко встречаются на Северном Кавказе (Жуков С.П., 1994, с.13; Абрамова М.П., 1993, с.78, рис.25).

Как показывают хорошо датированные материалы могильника у городища № 3 близ хут.Ленина, вариант псалиев, встреченный в к.2, имел массовое распространение именно во II в. до н.э. (Лимберис Н.Ю., 1988, с.51,53, рис.10,2,3).

Следует отметить, что близ разрушенных остатков основного погребения этого кургана были обнаружены четырехгранный костяной наконечник со скрытой втулкой и бронзовый – трехлопастной, вытянутых пропорций, со слабо выступающей втулкой (рис.2,3,4). Данные типы представлены в комплексах Северного Кавказа и Нижнего Поволжья V в. до н.э. (Махортых С.В., 1991, рис.19,12,16,21; Смирнов К.Ф., 1961, табл.II,141). Все это позволяет предполагать, что в данном кургане было два погребения, разрушенных ограблениями, – впускное, относящееся к последним векам до н.э., и основное, относившееся к скифскому времени.

Курган 4

Наиболее значимой находкой из этого комплекса является зеркало (рис.4,5). Вероятно, первоначально оно имело рукоятку в виде штыря, но после ее утраты было переделано и снабжено новой, несохранившейся, рукоятью. Подобные переделки, особенно характерны для зеркал из скифских комплексов IV в. до н.э., но встречаются и в комплексах V в. до н.э. (Пузикова А.И., 2001, с.135,162, рис.21,4). Об относительно поздней дате комплекса свидетельствует находка рукояти меча, напоминающая рукояти мечей синдо-меотского типа.

Курган 5

Важнейшей находкой из этого комплекса является серьга с рифленой шарообразной подвеской, украшенной пирамидкой зерни (рис.6,3). Грузинские археологи относят подобные серьги к «исконно колхидским формам» (Чкониа А.М., 1981, с.143). Подобные серьги найдены в Вани в погребениях 8, 11 и 16 (Лоркипанидзе О.Д., 1972, рис.68,206; Качарава Д.Д., Мжаванадзе З.К., 1986, рис.9,2). Суммарная дата этих комплексов охватывает промежуток от середины V до рубежа IV–III вв. до н.э. (Лоркипанидзе О.Д., 1972, с.47,48; Качарава Д.Д., Мжаванадзе З.К., 1986, с.116,117). Наш экземпляр отличает некоторая грубоватость

³ Тезис о наличии в этих комплексах глиняных стен, изложенный в публикации, не выглядит убедительным и нуждается в дополнительной аргументации (см.: Марковин В.И., 1965, с.163).

исполнения, которая, однако, не позволяет сомневаться в происхождении этой находки.

Подвески, напоминающие по строению данную серьгу, украшенные пирамидками из зерни, происходят из к.4 Гойтинского могильника и к.2 Бамутского могильника (Марковин В.И., 1965, с.168, рис.8; Бурков С.Б., 1989, рис.143,7; Буркова А.А., 1991, с.15). Данные подвески также известны в памятниках Колхиды (Шамба Г.К., 1996, с.48–57, рис.10,2).

Сосуды из данного комплекса относятся исключительно к числу местных форм, имеющих аналогии среди материалов из грунтовых могильников и поселений VI–IV вв. до н.э. (Крупнов Е.И., 1960, табл.LV,7;LIX,1; Дударев С.Л., 1991, табл.50,2).

Курган 6

К сожалению, бронзовый трехлопастной наконечник из этого комплекса поврежден (рис.7,5). Второй наконечник – костяной четырехгранный со скрытой втулкой – является типом, хорошо известным на Северном Кавказе на протяжении всего скифского периода, но особенно распространенными именно в памятниках V в. до н.э. (рис.7,6) (Махортых С.В., 1991, с.89; Бурков С.Б., Маслов В.Е., 1997, с.121).

Фрагмент стенки корчаги с налетом из этого кургана имеет параллели среди керамики из комплексов V–IV вв. до н.э. (рис.7,4) (Буркова А.А., 1991, рис.1,19).

Курган 7

Морфологический анализ рукояти меча из к.7, позволяет выделить в качестве его основных особенностей узкое бабочковидное перекрестие в сочетании с гладкой рукоятью с антенным навершием в виде двух смыкающихся стилизованных когтей (рис.10,5). Фрагментированное лезвие имело вытянутую треугольную форму. Данная находка имеет целый ряд близких аналогий среди материалов грунтовых и курганных могильников Северо-Восточного и Центрального Кавказа – Лугового, Мескер-Юртского, Ялой-Мохкского, Лечинкайского, Шалушкинского, Шалинского, г.Нальчика, ст.Николаевской (Махортых С.В., 1991, с.92, рис.22,6,7,12;23,1,2; Батчаев В.И., 1985, табл.7,1; Дударев С.Л., 1991, табл.39,16). Наиболее законченные экземпляры мечей этого типа имеют подчеркнута зооморф-

ное оформление рукояти. Для нас наиболее важна находка подобного меча в п.64 Лугового могильника, где также был найден набор скифских уздечных бляшек, в том числе, «крыловидные нащечники» (наушники по А.Ю.Алексееву), в оформлении которых использован мотив греческой пальметты (Мунчаев Р.М., 1963, рис.29). А.Ю.Алексеев на основании анализа античных импортов датирует распространение подобных украшений в скифских памятниках серединой – 3-й четвертью V в. до н.э. (Алексеев А.Ю., 1991, с.51, рис.2).

Не менее важное значение для датировки комплекса находок из к.7 имеет выполненное в зверином стиле навершие костяного гребня (рис.10,9). Еще два похожих по конструкции гребня с зооморфными навершиями происходят из комплекса к.4 могильника у с.Гойты (Марковин В.И., 1965, с.169, рис.10).

На нашем гребне представлена изогнутая задняя нога копытного, в суставный сгиб которой спереди помещена пальметта. Параллели этому сюжету сравнительно немногочисленны и связаны с изображениями 2-й пол. V – IV вв. до н.э. Причем речь может идти скорее о композиционных, нежели стилистических соответствиях.

К числу аналогий раннего горизонта можно отнести изображение вытянутой ноги, с пальметтой, помещенной в сустав сзади, на бляхе из к.459 у с.Турия (Петренко В.Г., 1967, табл.30, 18). Данный комплекс уверенно датируется по находке аттического килика временем не ранее второй четверти V в. до н.э. (Онайко Н.А., 1966, с.62).

На золотой накладке на деревянную чашу из к.Бабы пальметты вписаны в сустав вытянутой ноги с двух сторон (ОАК за 1897, рис.262). Этот комплекс по предметам античного импорта также датируется второй четвертью – серединой V в. до н.э. (Онайко Н.А., 1966, с.57; Алексеев А.Ю., 1991, с.51, рис.2).

Более поздней аналогией, является изображение на бляшке из к.2/23 Мастюгинского могильника (Башилов В.А., 1963, рис.5,2). В данной композиции пальметта помещена сзади, а бедро заканчивается когтями и увенчано гребнем из стилизованных когтей. Находки из мастюгинского комплекса и манера стилизации когтей позволяют уверенно датировать его IV в. до н.э. (Башилов В.А., 1963, с.156,157).

Комплект наконечников стрел из нашего комплекса включает костяные трехгранные и

четырёхгранные наконечники стрел со скрытой втулкой, которые, как уже отмечалось, особенно характерны на Северном Кавказе для V в. до н.э. (рис.10,6,7) (Габуев Т.А., Эрлих В.Р., 2001, с.123, рис.7,3–7). Бронзовые трехлопастные наконечники стрел с узким пером листовидной формы и короткой, слабо выступающей втулкой также встречаются в северокавказских памятниках этого времени (рис.10,3) (Марковин В.И., 1965, рис.4,7; Махортых С.В., 1991, рис.19,38;20,47).

Вышеперечисленный круг аналогий для гребня и меча позволяет датировать материалы из к.7 временем около середины V в. до н.э.

Курган 8

Важнейшей находкой для хронологической привязки этого комплекса является полая подвеска в форме стилизованного козла, тело которого украшено треугольниками, составленными из зерни с тремя напаянными бусинами (рис.13,2). В качестве исходного прототипа для данной находки можно рассматривать подвески, входящие в состав ожерелья, с фигурками лежащего тура с рифлеными бусинами из п.6 в Вани и звено подобного ожерелья из случайных находок (Лоркипанидзе О.Д., 1972, рис.44; Чкониа А.М., 1981, рис.11,18,29). Комплекс этого погребения, содержащий разновременные античные и ахеменидские импорты, О.Д.Лоркипанидзе датировал началом – первой половиной IV в. до н.э. Кроме того, близкое по устройству ожерелье встречено в комплексе п.11, которое датировано по античным импортам второй четвертью – серединой V в. до н.э. (Лоркипанидзе О.Д., 1972, с.47,48), а также в составе Ахалгорийского клада (Smirnov J.I., 1934, Taf.II,6). Несомненны параллели между данными подвесками и подвесками-распределителями в форме львов из культового комплекса в к.4 у аула Уляп, откуда происходят греческие импорты второй половины V – начала IV вв. до н.э. (Шедевры древнего..., 1987, с.90, кат.42).

Нельзя не отметить близость данной находки и к группе несколько более поздних подвесок-распределителей, найденных в курганах на территории с.х.«Красный Перекоп», кургане Курджипис на Кубани и п.9 – гробнице Дедатоса в Вани (Лэсков О.М., 1974, рис.62; Галанина Л.К., 1980, с.84, кат.17, табл.VII,17; Лоркипанидзе О.Д., 1972, с.65, рис.166).

Возможно также, что подобные подвески в форме козла или барана были обнаружены в ходе грабительских раскопок 1886 г. в курганах у с.Гойты (Марковин В.И., 1965, с.160, 161).

Данный тип украшений обнаруживает несомненное типологическое родство с золотыми украшениями последних веков до н.э. из Прикубанья. В качестве ярких примеров можно привести серьгу, найденную на Пашковском городище № 6, и подвеску из Зубовского к.2 1899 г. (Шедевры древнего..., 1987, с.134,145, кат.188; Анфимов Н.В., 1987, с.204).

Несмотря на то, что наша фигурка выполнена на более низком исполнительском уровне, есть все основания предполагать, что, как и подвески из Вани, она входила в ожерелье, составленное из одинаковых фигурок, и была выполнена в одной из колхидских ювелирных мастерских. Вероятно, что, так же как и в к.9 Вани, данное ожерелье являлось частью головного украшения. В Вани подобные ожерелья встречены как в женских, так и в мужских захоронениях.

Треугольники из зерни, помещенные на тулове козла, напоминают аналогичный орнамент на золотых изделиях Ахалгорийского клада (Smirnov J.I., 1934, Taf.III,25-a,26-b). Подобные треугольники из зерни хорошо известны на урартских и греческих ювелирных изделиях эпохи архаики, что указывает на то, что колхидская ювелирная школа, скорее всего, сложилась и развивалась под непосредственным влиянием античной и передневносточной культур (Рубинштейн Р.И., 1975, с.112, рис.43; Онайко Н.А., 1966, табл.XIII,2,6;XXI,4). Встречены они и на золотом кулоне-распределителе из к.4 Гойтинского могильника, который, вероятно, также является закавказским изделием (Марковин В.И., 1965, рис.8).

Большая часть керамики – сосуды №№ 2–4 (рис.12,2–4) из комплекса к.8 – относится исключительно к числу местных форм, имеющих аналогии в могильниках VI–IV вв. до н.э. (Крупнов Е.И., 1960, табл.LVI,2,5; Дударев С.Л., 1991, табл.44,2). Сосуд № 1 (рис.12,1) – крупный кувшин, скорее всего, являлся импортным изделием закавказского происхождения. Напомним, что закавказские сосуды встречаются в комплексах V в. до н.э. на территории бывшей Чечено-Ингушетии (Крупнов Е.И., 1960, табл.LIX,3; Марковин В.И., 1965, рис.9,1; Маслов В.Е., 1996, с.70).

Плоские песчаниковые плиты, подобные найденной в к.8 (рис.13,1), встречены в 11 комплексах Нартанского могильника. Их находки в комплексах V в. до н.э. на Северо-Восточном Кавказе свидетельствуют в пользу существования определенной культурной эволюции скифских древностей VII–V вв. до н.э. на Северном Кавказе (Махортых С.В., 1991, с.72,73).

Курган 10

В этом кургане найден достаточно большой набор вооружения. Фрагменты меча с почковидным перекрестием, имеющего необычный изгиб вниз (рис.15,7). Кинжал без навершия с уплощенной, расширяющейся сверху рукоятью с овальным перекрестием и узким, ромбовидным в сечении лезвием (рис.15,3). Фрагмент меча с аналогичным перекрестием и антенным навершием происходит из комплекса к.13 Орджоникидзевского могильника, опубликованного нами ранее (Бурков С.Б., Маслов В.Е., 1997, рис.4,12). Материалы из этого кургана датированы по украшениям конской узды в пределах второй половины V в. до н.э. (Бурков С.Б., Маслов В.Е., 1997, с.125). Два меча без навершия со схожим окончанием рукояти, снабженные узким бабочковидным перекрестием, были найдены в Аксеновском I могильнике в комплексах второй половины V в. до н.э. (Шилов В.П., Очир-Горжеева М.А., 1997, с.151, рис.6,44;7,1). Вытянутое лезвие кинжала, рассчитанное на прокалывание чешуйчатого доспеха, также соответствует особенностями клинкового вооружения V–IV вв. до н.э. (см., например, Смирнов К.Ф., 1961, рис.4,5).

Бронзовые втульчатые трехгранные наконечники стрел с прямым основанием граней (рис.15,10) являются относительно редкой разновидностью наконечников, которая встречается в комплексах V в. до н.э. (Смирнов К.Ф., 1961, рис.18-в,2–5; Засецкая И.П., 1979, рис.6,1). Они были найдены вместе с набором костяных трехгранных и четырехгранных наконечников стрел со скрытой втулкой (рис.15,9,8), типичных для северокавказских комплексов этого периода (Габуев Т.А., Эрлих В.Р., 2001, с.123, рис.7,3–7).

Фрагменты защитного доспеха представлены панцирными чешуйками двух форматов. Сводку находок фрагментов чешуйчатых доспехов на Северном Кавказе VII–V вв. до н.э.,

составленную С.В.Махортых, необходимо дополнить новыми публикациями (Махортых С.В., 1991, с.64; Буркова А.А., 1991, с.16; Бурков С.Б., Маслов В.Е., 1997, рис.4,14,15;5,6; Романовская М.А., 1997, с.26). Следует отметить, что панцирные доспехи пока не встречены в погребениях кавказских аборигенов (Махортых С.В., 1991, с.97).

Узкие, длинные бронзовые пластины, с одним прямым и одним изогнутым краем, относятся к деталям боевого портупейного пояса (рис.15,5) (Черненко Е.И., 1968, с.58–64). Находки их на Северном Кавказе в комплексах V в. до н.э. довольно многочисленны (Габуев Т.А., Эрлих В.Р., 2001, с.123, рис.8; Буркова А.А., 1991, с.15,16, рис.1,18)⁴. Наиболее яркий комплекс в котором был найден комплект пластин боевого пояса был обнаружен – курган у ст.Ассиновской, где пластины пояса найдены вместе с переделанным греческим шлемом (Бурков С.Б. и др., 1994, с.53–57, рис.2). Данный факт только подчеркивает факт, что распространение этого типа защитного вооружения на Северном Кавказе, происходило под влиянием Европейской Скифии. В пользу этой точки зрения свидетельствует находка еще одного переделанного античного шлема и чешуйчатого панциря в к.1 Никольского могильника в Нижнем Поволжье (Засецкая И.П., 1979, с.94,96, рис.7–9).

Узкие золотые ленты (рис.15,6), возможно, являются накладками на рукоять нагайки. Подобные ленты нередко встречаются в богатых воинских скифских погребениях IV в. до н.э. (Ильинская В.А., 1968, табл.ХХII,10;XXXVII,24; Пузикова А.И., 2001, с.174, рис.33,2).

Корчага из данного комплекса (рис.15,2) относится к числу местных форм, параллели которой можно найти в памятниках V–IV вв. до н.э. (Буркова А.А., 1991, рис.1,19).

Курган 11

Из данного кургана происходят кинжал и бронзовая уздечная бляшка. Кинжал по форме близок к кинжалу из к.10, однако его отличает еще более узкое и вытянутое, как у стилета, лезвие (рис.17,1).

⁴ Горелик считает, что часть этих пластин относятся не к портупейным боевым поясам, а к набедренникам (Горелик М.В., 1993, с.150,151, табл.LVII,32a).

Бронзовая бляшка выполнена в виде скульптурной головки кошачьего хищника со стоящими ушами (рис.17,2). Она не имеет прямых соответствий, однако манера фронтального изображения V-образно раздвинутых ушей напоминает ряд изображений из Приднепровских комплексов V в. до н.э. (Петренко В.Г., 1967, табл.27,6,10).

Курган 12

Наиболее выразителен набор керамики из данного комплекса. Если корчага относится к местному варианту (рис.20,1), который появляется на Северо-Восточном Кавказе еще в предскифский период (Марковин В.И., 2002, с.116, рис.49,1;48,6), то кувшин с трубчатой ручкой (рис.20,2), несомненно, является закавказским импортом, имеющим многочисленные аналогии среди колхидских сосудов VI–IV вв. до н.э. (Микеладзе Т.К., 1990, с.39, табл.XV). Кувшин такого типа происходит, например, из п.11 Вани, датированного второй четвертью – серединой V в. до н.э. (Лордкипанидзе О.Д., 1972, с.69, рис.220).

Узкие золотые ленты (рис.19,5), возможно, являются накладками на рукоятку плети, жезл или посох.

Необычным выглядит узкий наконечник копья, вероятно, рассчитанный на прокалывание доспехов (рис.19,4). Наиболее близкой ему аналогией является один из наконечников из Гойтинского могильника, возможно, сточенный в ходе использования (Марковин В.И., 1965, рис.6,2).

Важной находкой является каменная плитка – жертвенник (?), такая же, как найденная в к.8 (рис.19,3).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нам уже приходилось отмечать, что в западных районах Чечни, в окрестностях ст.Ассиновской, с.Бамут и Ачхой-Мартан, сконцентрированы курганные могильники, содержащие дружинные погребения V в. до н.э. В ходе исследования удалось проследить их культурно-хронологическую связь с другими комплексами из предгорной зоны Центрального и Северо-Восточного Кавказа – курганами у с.Гойты и Брут (Бурков С.Б., Маслов В.Е., 1997, с.125).

Круг аналогий для находок из курганов 7 и 13 могильника «Орджоникидзеvский» позволяет обозначить в качестве верхней хронологической границы данного памятника время около середины V в. до н.э. Сложнее определить нижнюю хронологическую границу. Очевидно, что данный памятник существовал и в IV в. до н.э. В пользу этого свидетельствует относительно широкое бытование типов колхидских ювелирных украшений, представленных в могильнике достаточно грубо исполненными репликами. Как известно, ювелирные украшения, которые в древних обществах подтверждали социальный статус своего владельца, никогда не являлись предметами торговли. Их следует рассматривать как трофеи, дань или дары (в том числе дипломатические). Этот факт тем более значим в свете того, что некоторые исследователи допускают территориальную экспансию Колхидского царства в Центральном Закавказье в V в. до н.э. (Гагошидзе Ю.М., 1964, с.103). Объединения кочевников, базировавшиеся на Северо-Восточном Кавказе, в этот момент могли посылать в Закавказье отряды наемной кавалерии.

Колхидские золотые серьги были найдены также в к.2 могильника Сазонкин Бугор в Нижнем Поволжье (Берхин-Засецкая И.П., Маловицкая Л.П., 1965, с.151–153, рис.8,1). Связи Северного Кавказа и Нижнего Поволжья традиционно носили самый тесный характер (Маслов В.Е., Очир-Горжеева М.А., 1997, с.71). Не исключено, что характер этих связей был обусловлен направлением сезонных перемещений в ходе годичного кочевого цикла. Кроме того, кочевники Северного Кавказа, скорее всего, контролировали выходы из ущелий в предгорную зону и могли предпринимать набеги в Закавказье и даже участвовать в транзитной караванной торговле, получая при этом богатые дары за проход караванов по подконтрольной им территории.

Скифские древности Северного Кавказа V в. до н.э. остаются недостаточно исследованными. Культурное воздействие Причерноморской Скифии хорошо заметно при анализе отдельных предметов, выполненных в скифском «зверином стиле», и образцов защитного вооружения. Однако есть все основания полагать, что территория Северного Кавказа (за исключением Прикубанья), послужившая в VII–VI вв. до н.э. плацдармом

для скифских походов в Закавказье, к V в. до н.э. превратилась в периферийную провинцию скифской культуры, подверженную разнообразным внешним воздействиям. В какой-то мере эту ситуацию на Центральном и Северо-Восточном Кавказе отражает разнообразие находок предметов, выполненных в скифском «зверином стиле», представленных образцами, связанными по происхождению с различными регионами (Маслов В.Е., Очир-Горяева М.А., 1997, с.68–70, рис.2). Совершенно аналогичную картину, в концентрированном виде, демонстрирует Хошеутовский комплекс предметов узды из Нижнего Поволжья (Дворниченко В.В., Очир-Горяева М.А., 1997, с.99–112, рис.1).

На Северо-Восточном Кавказе курганные могильники скифского типа IV в. до н.э. остаются почти не известными. Новым памятником, приоткрывающим завесу таинственности над историческими судьбами скифской культуры, является Бамутский II могильник конца V – IV вв. до н.э., демонстрирующий преемственность развития погребального обряда по отношению к комплексам V в. до н.э. Здесь также встречены срубные конструкции, установленные на горизонт или в неглубокие ямы, а погребенных в потусторонний мир сопровождают зависимые лица и взнузданные лошади (Буркова А.А., 1991, с.14–16). А между тем, предметы конской узды из к.1 Бамутского II могильника имеют аналогии уже среди материалов второй половины IV в. до н.э. В этом комплексе были обнаружены S-видные брон-

зовые псалии с ложновитыми окончаниями, подобные найденным в к.19 у ст.Воронежской⁵, а биметаллический вариант подобных псалиев – в к.9 у с.Дуровка (Буркова А.А., 1991, рис.1,1; ОАК за 1903, рис.152; Пузикова А.И., 2001, с.190, рис.29,5); массивный пластинчатый налобник, аналогичный приднепровским образцам (Буркова А.А., 1991, рис.1,2; Ильинская В.А., 1968, с.122,123, рис.33,4) и уздечная бляшка с изображением морды оскалившегося хищника, ближайшей аналогией которой является находка из ст.Елизоветинской (Буркова А.А., 1991, рис.1,10; Смирнов К.Ф., 1964, рис.81,2). Данный уздечный набор, вероятно, имеет прикубанское происхождение. Следует отметить, что отдельные комплекты прикубанской узды в этот период становятся известны даже на Южном Урале (Канторович А.Р., 2003, с.27–29). Прикубанское влияние отчетливо прослеживается и в Центральном Ставрополье (Прокопенко Ю.А., 2000, с.125–129).

К бамутскому комплексу культурно и хронологически близко разрушенное погребение у с.Бажиган, материалы которого обнаруживают связь с памятниками Нижнего и Среднего Подонья (Маслов В.Е., Очир-Горяева М.А., 1997, с.70).

Все это достаточно красноречиво свидетельствует о том, что скифские древности на Северо-Восточном Кавказе продолжают существовать до второй половины – конца IV в. до н.э., переживая эпохальные изменения, характерные для различных вариантов собственно скифской культуры.

Литература и архивные материалы

Абрамова М.П., 1993. Центральное Предкавказье в сарматское время III в. до н.э. – IV в. н.э. М.

Алексеев А.Ю., 1991. Хронология и хронография Причерноморской Скифии V в. до н.э. // АСГЭ. Вып.31.

Анфимов Н.В., 1987. Древнее золото Кубани. Краснодар.

Батчаев В.И., 1985. Древности предскифского и раннескифского периодов // Археологические

исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Вып.2. Нальчик.

Башилов В.А., 1963. Курганы с трупосожжениями у с.Мастюгино // СА. № 2.

Берхин-Засецкая И.П., Маловицкая Л.П., 1965. Богатое савроматское погребение в Астраханской области // СА. № 3.

Бурков С.Б., 1988. Отчет о раскопках курганов в зоне 2-й очереди Ассиновской мелиоративной системы на орошаемых с/х «Орджоникидзевский» Ачхой-Мартановского района ЧИ АССР в 1988 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 12953.

Бурков С.Б., 1989. Отчет о раскопках курганов на территории с/х «Бамутский» Ачхой-Мартановского района ЧИ АССР в 1989 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 14105.

⁵ Датировку данного комплекса к второй половине IV в. до н.э. определяет его близость к ритуальному сооружению открытому недавно в к.1 у ст.Тенгинской, где обнаружено большое количество античных импортов (Эрлих В.Р., 2002, с.12,15).

- Бурков С.Б., 1990. Отчет о раскопках курганов в зоне реконструкции (консервации) 2-й очереди Ассиновской оросительной системы на орошаемых землях к/х им. XX партсъезда Сунженского района и с/х «Орджоникидзевский» Ачхой-Мартановского района Чечено-Ингушской республики в 1990 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 15757.
- Бурков С.Б., Дударев С.Л., Махортых С.В., 1994. Погребение воина-дружинника у ст.Ассиновской // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб.
- Бурков С.Б., Маслов В.Е., 1997. Новые комплексы скифского времени из Чечни // Памятники предскифского и скифского времени на Юге Восточной Европы. МИАР. Вып.1. М.
- Буркова А.А., 1991. Три кургана раннежелезного века из раскопок 1989 г. // Археология на новостройках Северного Кавказа (1986–1990 гг.). Тезисы докладов региональной научно-практической конференции. Грозный.
- Габуев Т.А., Эрлих В.Р., 2001. Два погребения V в. до н.э. из Предкавказья (из материалов Государственного музея Востока) // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки. Памятники предскифского и скифского времени на Юге Восточной Европы. МИАР. Вып.3. М.
- Гагошидзе Ю.М., 1964. Памятники раннеантичной эпохи из Ксанского ущелья. Тбилиси.
- Галанина Л.К., 1980. Курджипский курган. Л.
- Горелик М.В., 1993. Оружие древнего Востока (IV тыс. до н.э. – IV в. до н.э.). М.
- Дворниченко В.В., Очир-Горяева М.А., 1997. Хошеутовский комплекс уздечных принадлежностей скифского времени на Нижней Волге // Донские древности. Вып.5. Азов.
- Дударев С.Л., 1991. Очерк древней культуры Чечено-Ингушетии. Грозный.
- Засецкая И.П., 1979. Савроматские и сарматские погребения Никольского могильника в Нижнем Поволжье // ТГЭ. XX. Л.
- Ильинская В.А., 1968. Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья (курганы Посулья). Киев.
- Кадырбаев М.К., 1984. Курганные некрополи верховьев р.Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.
- Канторович А.Р., 2003. Эволюция некоторых образов скифского звериного стиля и проблемы контактов Прикубанья, Подонья, Нижнего Поволжья и Южного Приуралья // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее. Тезисы конференции. Ч.П. М.
- Качарава Д.Д., Мжаванидзе З.К., 1986. Отчет о раскопках, проводимых на верхней террасе городища в 1980 году // Вани. Археологические раскопки. Т.VIII. Тбилиси.
- Кожухов С.П., 1994. Вооружение и конское снаряжение у племен Закубанья меотосарматского времени (III–I в. до н.э. – III в. н.э.). Автореф. дис... канд. ист. наук. М.
- Крупнов Е.И., 1960. Древняя история Северного Кавказа. М.
- Лимберис Н.Ю., 1988. Конские погребения из могильника городища № 3 у хутора имени Ленина // Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа. Краснодар.
- Лоркипанидзе О.Д., 1972. Ванское городище (Раскопки. История. Проблемы.) // Вани. Археологические раскопки 1947–1969 гг. Т.1. Тбилиси.
- Лесков О.М., 1974. Скарби курганів Херсонщини. Київ.
- Маслов В.Е., 1996. Впускное погребение из кургана № 13 могильника Новозаведенное-II // Историко-археологический альманах Армавирского краеведческого музея. Вып.2. М.
- Маслов В.Е., Очир-Горяева М.А., 1997. Об общих элементах в культуре нижневожских кочевников и населения Центрального и Восточного Предкавказья в конце VI – начале IV вв. до н.э. // Степь и Кавказ (культурные традиции). Тр. ГИМ. Вып.97. М.
- Марковин В.И., 1965. Скифские курганы у селения Гойты // СА. № 2.
- Марковин В.И., 2002. Зандакский могильник эпохи раннего железа на реке Ярык-Су (Северо-Восточный Кавказ). М.
- Махортых С.В., 1991. Скифы на Северном Кавказе. Киев.
- Микеладзе Т.К., 1990. К археологии Колхиды (эпоха средней и поздней бронзы – раннего железа). Тбилиси.
- Мунчаев Р.М., 1963. Луговой могильник // Древности Чечено-Ингушетии. М.
- ОАК за 1897 г. СПб., 1900.
- ОАК за 1903 г. СПб., 1906.
- Ольховский В.С., 1991. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н.э.). М.

Онайко Н.А., 1966. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII–V вв. до н.э. // САИ. Вып. Д1-27. М.

Петренко В.Г., 1967. Правобережье Среднего Приднепровья в V–III вв. до н.э. // САИ. Вып. Д1-4. М.

Прокопенко Ю.А., 2000. О связях населения Ставропольской возвышенности с поселениями Прикубанья в IV–III вв. до н.э. Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. I. Самара.

Пузикова А.И., 2001. Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (публикация комплексов). М.

Романовская М.А., 1997. Скифский курган у с.Бурлацкое // Материалы конференции посвященной 100-летию со дня рождения Т.М.Минаевой. Ставрополь.

Рубинштейн Р.И., 1975. У стен Тейшебаини. М.

Смирнов К.Ф., 1961. Вооружение савроматов // МИА. № 101.

Смирнов К.Ф., 1964. Савроматы. М.

Черненко Е.И., 1968. Скифский доспех. Киев.

Чкониа А.М., 1981. Золотые украшения Ванского городища // Вани. Археологические раскопки. Т. VI. Тбилиси.

Шамба Г.К., 1996. Новые археологические материалы из Ачандара // Актуальные проблемы истории народов Кавказа. Материалы научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения З.В.Анчабадзе. Сухум.

Шедевры древнего искусства Кубани, 1987. Каталог выставки. М.

Шилов В.П., Очир-Горяева М.А., 1997. Курганы скифской эпохи из могильников Аксеновский I-II // Памятники предскифского и скифского времени на Юге Восточной Европы. МИАР. Вып. 1. М.

Эрлих В.Р., 2002. Новое меотское святилище в Закубанье // Историко-археологический альманах Армавирского краеведческого музея. Вып. 8. М.–Армавир.

Smirnov J.I., 1934. Der Schatz von Achalgori. Tiflis.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА В КУРГАНЕ 5 МОГИЛЬНИКА БЕРЁЗКИ I¹

В 1996–1997 гг. автором публикации было раскопано шесть курганов в курганном могильнике Берёзки I, находящемся в 7 км к югу от г.Самары, на окраине дачного посёлка Берёзки Волжского района Самарской области.

Могильник расположен на вершине межовражного увала с абсолютной отметкой высоты 145,1 м. Увал принадлежит северному склону водораздельного плато, разграничивающего долины рек Самары и Чапаевки, обращён к долине р.Самары и является господствующей высотой в пределах зоны видимости с радиусом 2–3 км.

Водораздел рек Самары и Чапаевки входит составной частью в Сыртовую равнину геоморфологической провинции Низменного Заволжья, сложенную с поверхности сырцовыми глинами и суглинками. Для Сыртовой равнины типично чередование речных долин, балок и оврагов со сравнительно плоскими увалистыми междуречьями, абсолютная высота которых не превышает 160 м. Район Сыртовой равнины характеризуется суббореальным семиаридным (степным) типом ландшафта. Степной ландшафт представлен подтипом северных степей. На нераспаханных участках увала водораздельного плато, выбранного в древности местом совершения захоронений, в настоящее время распространена типчаково-ковыльная степь с типчаково-тырсовыми, разнотравно-перистоковыльными, грудницево-ковыльными ассоциациями. По склонам балок встречается луговая степь. В поймах рек развита лесолуговая растительность. В степных балках формируются байрачные леса, в основном, дубняки черноклёновые.

В интересующую нас эпоху раннего железа ландшафт Сыртовой равнины несколько отличался от современного. Представление о характере ландшафта на рубеже V–IV вв. до н.э. дают результаты спорово-пыльцевого анализа

проб, взятых со дна могильных ям, исследованных в курганах 1 и 3 могильника Берёзки I². В соответствии с заключением о результатах спорово-пыльцевого анализа, времени совершения захоронений в курганах 1 и 3 синхронен комплекс, представленный разнотравьем в травянистом ярусе и широколиственными породами в древесном ярусе. Доля разнотравья среди травянистых варьирует в пробах от 50% до 80%. Разнотравье представлено, в основном, семейством сложноцветных (цикорием, одуванчиком, осотом, васильком), встречаются также гвоздичные, зонтичные и маковые. В несколько меньшем количестве по сравнению с разнотравьем присутствует пыльца полыней (18–30%) и дикорастущих злаков (5–15%). Названное сообщество травянистых растений характерно для луговых степей. Наличие в пробах пыльцы древесных (менее 30%) позволяет говорить о существовании в ближайшей округе могильника колков берёзовых и широколиственных лесов с участием дуба, липы, граба, вяза и присутствием чёрной ольхи в балках с выходом грунтовых вод. Единичные споры зелёных мхов, папоротников и плаунов (практически не переносимых ветром и отсутствующих в современной растительности³) подтверждает наличие влажных лесов неподалёку от могильника. В дальней округе произрастали сосновые и сосново-берёзовые леса. Среди кустарников отмечены: лещина, свидина (подлесок светлых широколиственных лесов) и жасмин, растущий на сырых лугах. По заключению Е.В.Пономаренко, комплекс зафиксированных сообществ соответствует достаточно влажным

² Анализы выполнены в Лаборатории экологического проектирования (г.Москва). Аналитик – Г.Н.Шилова, автор заключения о результатах анализов – Е.В.Пономаренко.

³ Ботаническое исследование окрестностей могильника выполнено сотрудницей кафедры экологии, ботаники и охраны природы Самарского университета О.В.Бадановой.

¹ Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 02-01-00-246а.

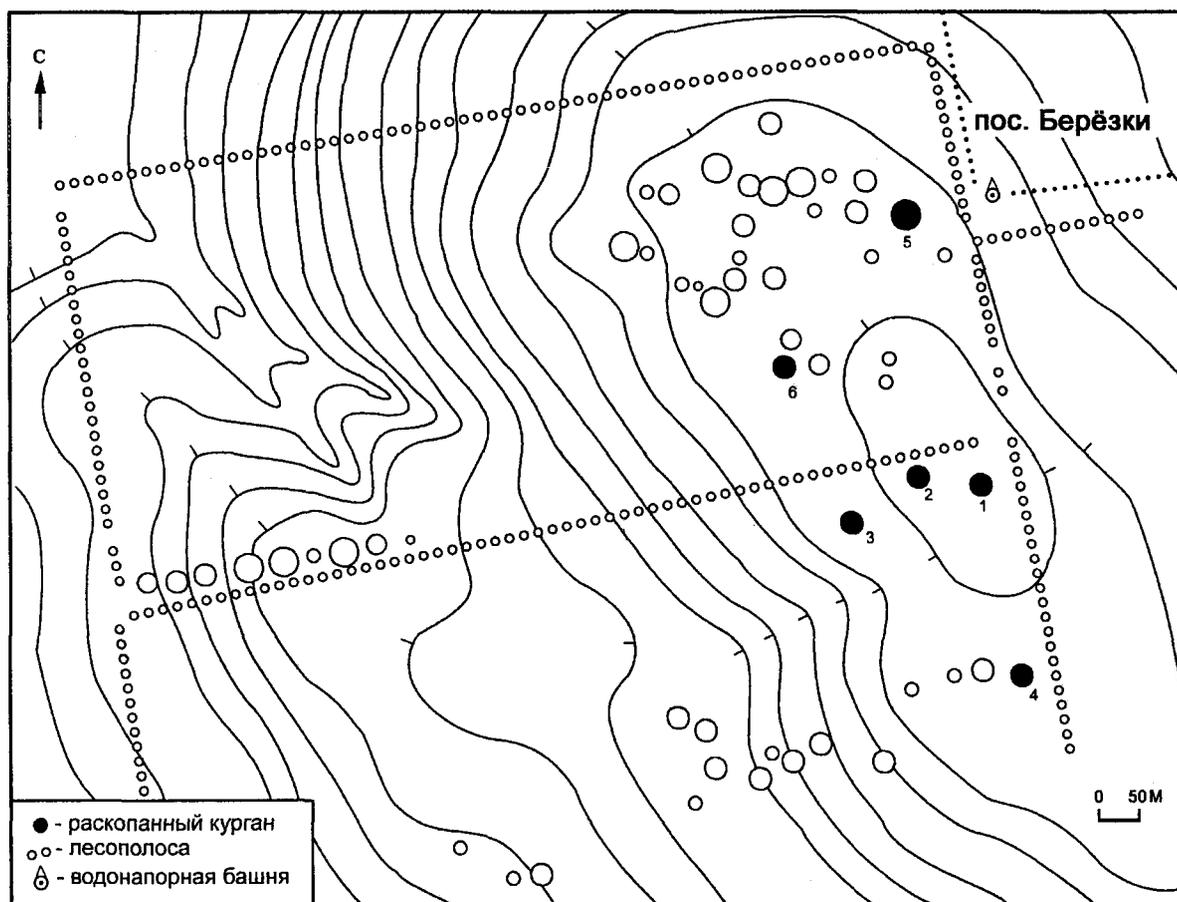

Рис. 1. План курганного могильника Берёзки I

(возможно, несколько более влажным, чем современные) условиям и характерен для лесостепного ландшафта.

Данные спорово-пыльцевого анализа в части, касающейся древесной растительности, подтверждены результатами ботанического анализа фрагментов деревянных надмогильных перекрытий из курганов раннего железного века⁴. В составе деревянного перекрытия, возведённого над могильной ямой 1 в к.1, определены дуб черешчатый, берёза бородавчатая и ива. При облицовке вала в к.5 использовалась берёза, а в составе надмогильного перекрытия присутствовали дуб и чёрный тополь (осокорь).

Могильник Берёзки I насчитывал в своём составе 57 курганов. Планиграфическая схема расположения курганов (рис.1) указывает на существование в границах могильника не-

скольких (как минимум, трёх) достаточно автономных групп погребальных сооружений. Две группы курганов располагаются цепочками; к.4, исследованный в южной цепочке, был возведён в эпоху бронзы носителями срубной культуры. Курганы третьей группы, сосредоточенные на вершине увала в северо-восточной части территории могильника, не обнаруживают какого-либо порядка в своём расположении; в этой группе исследован к.6 эпохи бронзы и курганы 1, 2, 3, 5 эпохи раннего железа.

Под насыпью к.5 выявлена интересная погребальная конструкция, публикации которой посвящена настоящая работа.

Сооружение конструкции началось с того, что на месте, выбранном для совершения захоронения, был выкопан неглубокий чашевидный котлован диаметром 12,8×14,5 м, имевший в плане форму восьмилепестковой розетки. Котлован целиком помещался в толще древней почвы, его глубина не превышала 0,5 м. В центральной части мягко очерченного дна котлована была выкопана могильная яма трапецие-

⁴ Ботанические анализы образцов древесных пород из погребений могильника Берёзки I выполнены на кафедре экологии, ботаники и охраны природы Самарского университета А.Н.Бариновой и О.В.Бадоновой.

видной формы, длина которой составляла 5,30 м, ширина – 5,78 м у северной стенки и 6,42 м у южной. Яма врезана в дно котлована всего на 0,32–0,34 м. После совершения захоронения яма была перекрыта деревянным настилом, уложенным на уровне дна котлована. В составе настила зафиксированы древесные стволы различных пород, среди которых определены дуб и чёрный тополь (осокорь). На деревянном настиле, служившем перекрытием могилы, была совершена первая тризна, от которой сохранились кости лошади и крупного рогатого скота⁵. После этого полость котлована была забутована вплоть до самого верха. Для забутовки использовался тяжёлый суглинок тёмно-коричневого цвета без видимых естественных включений, пограничный по своим характеристикам с глиной⁶. Прежде, чем попасть в котлован, суглинок прошёл стадию предварительной подготовки: анализ показал, что он достаточно длительное время пребывал во влажном состоянии, о чём свидетельствует высокая степень однородности материала и отсутствие в нём комочков. В пределах котлована суглинок укладывался горизонтальными пластами толщиной 4 см с последовательным уплотнением каждого пласта. Слои забутовки заполняли периферийную часть котлована; в центре, над могильной ямой было оставлено пустое пространство трапецевидной формы, повторявшее очертание могильной ямы, но меньшее по площади. Благодаря этому приёму над могильной ямой образовалась полая шахта длиной 5,0 м, шириной 4,6–6,5 м и высотой около 0,6 м. С южной стороны к шахте примыкал полый коридор дромоса длиной 2,5 м и шириной 2,2–2,4 м, образованный, как и сама шахта, формированием лакуны в сплошном массиве забутовки. Полом дромосу служила наклонная стенка самого чашевидного котлована. Дромос соединял могильную яму с внутренним пространством объёмного надмогильного погребального сооружения; очертания дромоса зафиксированы на уровне пола в

южном секторе этого сооружения (рис.3). Устье дромоса перегорожено мощным закладом, сформированным пластами того же суглинка, который использовался для забутовки котлована. Заклад образован последовательным наращиванием вертикальных пластов суглинка толщиной около 4 см, причём первый пласт примазан к деревянной перегородке, отделявшей дромос от полой шахты. Мощность заклада равнялась 0,9 м.

По завершении процесса забутовки котлована и устройства полой шахты с дромосом, чашевидный котлован был обведён по периметру валом, которому предназначалось служить стеной объёмного надмогильного сооружения центрического типа. Вал насыпан на древней поверхности подкурганной площадки. Ширина вала колебалась от 0,6 м в южном секторе до 2,5–3,2 м в северном секторе его кольца. Высота вала составляла 0,18–0,37 м. Линия подошвы внутренней стороны вала повторяла волнистые очертания чашевидного котлована, с наружной стороны линия подошвы вала была ровной. Поверхность вала укреплена берёзовыми жердями, уложенными местами в два слоя. Жерди нижнего слоя выкладывались поперёк вала на два ската: один ряд жердей покоился на наружном склоне вала, второй – на внутреннем. Жерди верхнего слоя располагались вдоль оси вала, перпендикулярно нижним. Наружный склон вала вместе с деревянной облицовкой был дополнительно присыпан грунтом. Ширина кольца подсыпки колебалась в интервале от 1,5 м до 4,0 м, максимальная толщина слоя подсыпки составляла 0,35 м. Для досыпки использовался материковый и лёгкий серый суглинок.

Центральную полую шахту, оставленную над могильной ямой, огибал воздушный канал, образующий с полостью шахты единую воздушную систему, поскольку оба его конца выходили своими отверстиями непосредственно в шахту. Канал представлял собой простое линейное углубление шириной 20–30 см, врезанное в поверхность забутовочного массива котлована.

После возведения валообразной стены создатели погребального сооружения приступили к завершению его внутренней отделки. Вся площадь, оказавшаяся внутри вала, кроме шахты и соединённого с ней дромоса, была выложена сплошным слоем сырцового кирпича. Кирпичная выкладка лежала на поверхности

⁵ Остеологический анализ фауны из к.5 выполнен кандидатом биологических наук П.А.Косинцевым (Институт экологии УрО РАН, г.Екатеринбург).

⁶ Определение минеральных материалов, использованных для строительства сооружения в к.5, выполнено на кафедре экологии, ботаники и охраны природы Самарского университета Д.И.Васильевой под руководством кандидата биологических наук, доцента кафедры Л.М.Кавеленовой.

суглинистой забутовки котлована, в том числе над воздушным каналом, и выполняла функцию пола объёмной надмогильной конструкции. Кирпичи изготовлены из слабозапесоченной глины, в качестве связующего материала формовочной массы использовалась органическая добавка, наиболее вероятно – навозная выжимка⁷. Размеры кирпичей различны: длина сторон варьировала от 20 см до 30 см, толщина в среднем составляла 7 см. При выкладке пола наряду с целыми кирпичами применялись их обломки: кирпичным боем заполнялись щели между целыми кирпичами. Помимо кирпичей для формовки периферийной зоны пола, примыкающей к валу, использован суглинистый строительный материал типа обмазки, выложенный пластом, толщина которого равнялась высоте кирпича. Края кирпично-суглинистой кладки пола примазаны к подошве вала, слегка поднимаясь вверх по его склону.

С поверхности пол был оштукатурен тонким слоем отмученного суглинка. На оштукатуренном полу зафиксированы фрагменты орнамента (рис.3). К сожалению, целостность орнаментальной композиции оказалась нарушенной вследствие сожжения погребальной конструкции, но уцелевшие детали всё же позволяют составить общее представление об облике орнамента. В восточном секторе пола, вблизи подошвы вала, зафиксирован ряд рельефных фестонов, некогда обрамлявших собой всю орнаментальную композицию. Фестоны сформованы из слоя штукатурки путём придания её краю соответствующей фигурной формы. Чуть ближе к центру сооружения располагалось орнаментальное кольцо, состоявшее из чередующихся арочных лепестков и трапециевидных выступов; кольцо размыкалось в южном секторе пола, где находился дромос. Контуры фигур этого орнаментального ряда были вдавлены в слой штукатурки по предварительно намеченному острым инструментом эскизу. Кроме того, фигуры будущего орнамента имелись в виду уже на стадии выкладки кирпичного пола, поскольку в ряде случаев кирпичи слишком уж «удачно» вписывались в орнамент. Центральная полая шахта была, по-видимому, обрамлена прочерченной фигурой в виде многоугольника, фрагмент которой сохранился в юго-

восточном секторе пола. Глубокая прочерченная орнаментальная линия располагалась параллельно восточной стенке дромоса. Срединное пространство пола между центральной многоугольной фигурой и арочно-трапециевидным орнаментальным рядом было также заполнено геометрическим орнаментом. Вблизи северной стенки полой шахты зафиксирована фигура в виде дуговидно изогнутого широкого мягкого желобка, поверх которого нанесено прочерченное изображение четырёх арок, расположенных в ряд. Чуть севернее этого орнаментального фрагмента, ближе к валу прослежены четыре однотипные фигуры в виде выпуклых шаровых сегментов, окружённых по периметру кольцами из мелких кирпичей. Центр каждого из сегментов обозначен вдавленным углублением. Рельефные фигуры располагались дугой в соответствии с общей центрической схемой всей орнаментальной композиции. Ещё один фрагмент геометрического орнамента выявлен в срединной зоне восточного сектора пола: в составе этого фрагмента достаточно определённо различались ромбы и трапециевидные фигуры.

Фигуры, использованные для создания декора пола, довольно часто встречаются на различных предметах, происходящих из южноуральских памятников ранних кочевников, относящихся к периоду второй половины VI в. до н.э. – первой половины IV в. до н.э. Фигуры в виде плавной арки, или дуги, украшают бронзовые зеркала конца VI – начала V вв. до н.э. из к.7 у с.Сара (Смирнов К.Ф., 1964, рис.35Б,8), из погребений 5 и 6 к.1 могильника Биш-Уба I (Агеев Б.Б. и др., 1998, рис.8,5; 10,2), из к.3 могильника Гумарово (Зуев В.Ю., Исмагилов Р.Б., 1999, рис.7,1), из кургана у пос.Черниговский, раскопки 1888 года (Зуев В.Ю., 1991, с.42–53). Дуговидные фигуры чаще других присутствуют на каменных жертвенниках VI–IV вв. до н.э.: рельефные и резные дуги имеются на жертвенниках VI в. до н.э. из п.1 к.7 могильника Увак (Смирнов К.Ф., 1964, с.39, рис.8,4б) и п.2 к.19 могильника Новый Кумак (Смирнов К.Ф., 1977, рис.11,7), на жертвенниках V в. до н.э. из кургана у хут. Крыловский (Смирнов К.Ф., 1964, рис.15,1ж), из к.36 у пос.Черняки (Смирнов К.Ф., 1964, рис.74,1б), из п.1 к.1 могильника Биш-Уба I (Агеев Б.Б. и др., 1998, рис.4,2), на жертвеннике IV в. до н.э. из к.24 могильника Новый Кумак (Смирнов К.Ф., 1977, рис.14а,2), а также на некоторых других (Васильев В.Н., 1998, рис.6,7; 7,2). Дуговидные

⁷ Определение состава искусственных строительных материалов выполнено Е.В.Борисовой (Самарский государственный университет).

рельефные фигуры изображены на лопастях бронзовых наконечников стрел из курганов 11, 13, 17, 20, 26 V–IV вв. до н.э. могильника Новый Кумак (Смирнов К.Ф., 1977, с.15,16,18,28, рис.16), из п.2 к.2 рубежа VI–V вв. до н.э. могильника Мечет-Сай (Смирнов К.Ф., 1964, рис.21,1), на золотой оправе из к.3 второй половины VI в. до н.э. могильника Три Мара (Смирнов К.Ф., 1981, рис.6,7). Орнаменты из дуговидных фигур встречаются также на глиняных сосудах ранних кочевников Южного Урала, в частности, на сосудах из п.1 к.5 конца VI – начала V вв. до н.э. и к.6 V в. до н.э. могильника Аландское III (Мошкова М.Г., 1972, рис.5,3; 8,4,5), на сосуде из кургана V в. до н.э. у с.Давлетшино (Мошкова М.Г., 1974, рис.13), на сосуде из к.1 начала IV в. до н.э. Загребаловского могильника (Мажитов Н.А., Пшеничник А.Х., 1977, рис.6,10) и на сосудах из курганов 7 и 8 IV в. до н.э. могильника Мечет-Сай (Смирнов К.Ф., 1975, рис.47,8; 51,6; 52,2). Фигуры в виде рельефных фестонов присутствуют на каменных жертвенниках из к.5 V в. до н.э. могильника Пятимары II (Смирнов К.Ф., 1964, рис.34,1з) и к.2 конца VI – V вв. до н.э. могильника Обручевка (Гаврилюк А.Г., Таиров А.Д., 1993, рис.5,7). Арки со стрельчатым завершением образуют орнамент сосуда из кургана 1927 года группы «Лапасина» могильника Любимовка (Смирнов К.Ф., Петренко В.Г., 1963, табл.8,23). Орнаментальный ряд состоящий из чередующихся дуг и треугольников, имеется на сосуде из п.2 к.5 первой трети V в. до н.э. могильника Гумарово (Зуев В.Ю., Исмагилов Р.Б., 1999, табл.10,14). Приведённых примеров вполне достаточно для подтверждения ординарности орнаментальной композиции пола сооружения из к.5 на фоне орнаментов, бытовавших у ранних кочевников Южного Урала второй половины VI в. до н.э. – первой половины IV в. до н.э.

В толще кирпичной кладки пола были устроены сквозные воздушные колодцы – отверстия прямоугольной или близкой к ней формы, окружённые по периметру рядами мелких кирпичей, поставленных на ребро или уложенных плашмя. Длина колодцев – 0,40–0,80 м, ширина – 0,20–0,46 м. Один из колодцев имел плитчатое прямоугольное обрамление. Всего обнаружено 13 воздушных колодцев. Колодцы окружали центральную полую шахту. Сквозные отверстия колодцев располагались строго над воздушным каналом, проложенным под полом в толще

суглинистой забутовки котлована. Колодцы 1 и 13 находились над начальным и конечным отрезками канала, в местах его соединения с полостью центральной шахты, по обе стороны устья дромоса. Полая шахта, воздушный канал и отверстия-колодцы образовывали в совокупности единую систему, рассчитанную на свободную циркуляцию воздуха внутри наземного сооружения, возведённого над могильной ямой.

Наземное погребальное сооружение было перекрыто округлой плоской кровлей, опиравшейся своими краями на вал. Диаметр кровли – 15,2×16 м. Основанием кровли служил деревянный настил. На настиле тонким слоем были рассыпаны целые двустворчатые пресноводные моллюски, беззубки или перловицы – точнее определить не удалось, поскольку раковины находились в кальцинированном состоянии. Поверх слоя моллюсков были уложены сырцовые кирпичи. Кирпичная кладка имела радиально-кольцевой порядок: в процессе её расчистки зафиксированы радиальные, расходившиеся лучами от центра к краю перекрытия, и кольцевые швы в местах соединения рядов кладки (рис.2). Возникавшие зазоры между кирпичами кладки заполнялись кусками древесной коры, мелкими плашками, щепками и обломками битых кирпичей, поставленных на ребро. Кладка выполнена в основном из плоских подквадратных кирпичей с длиной стороны 20–25 см при толщине около 4 см. Встречены единичные экземпляры кирпичей кубической формы с длиной стороны 20–22 см. Материалом для кирпичей служил суглинок серого цвета. Кирпичная кладка была обмазана сверху довольно толстым слоем суглинистой массы, содержавшей искусственную добавку биомассы и фрагментированных створок дроблённых пресноводных двустворчатых моллюсков. В поверхность сырой суглинистой обмазки были вдавлены деревянные жерди диаметром 6–12 см, оструганные прямоугольные в сечении брусья толщиной 6–7 см, изредка – брёвна толщиной до 20 см. Деревянные детали располагались, преимущественно, параллельно друг другу, с промежутками 0,20–1,0 м, концами на запад и восток. В юго-западном секторе кровли, вблизи дромоса, зафиксированы две жерди, уложенные перпендикулярно основному массиву. Кроме того, на поверхности суглинистой обмазки имелись отпечатки дуговидно изогнутых жердей, имевших толщину не более 4–6 см.

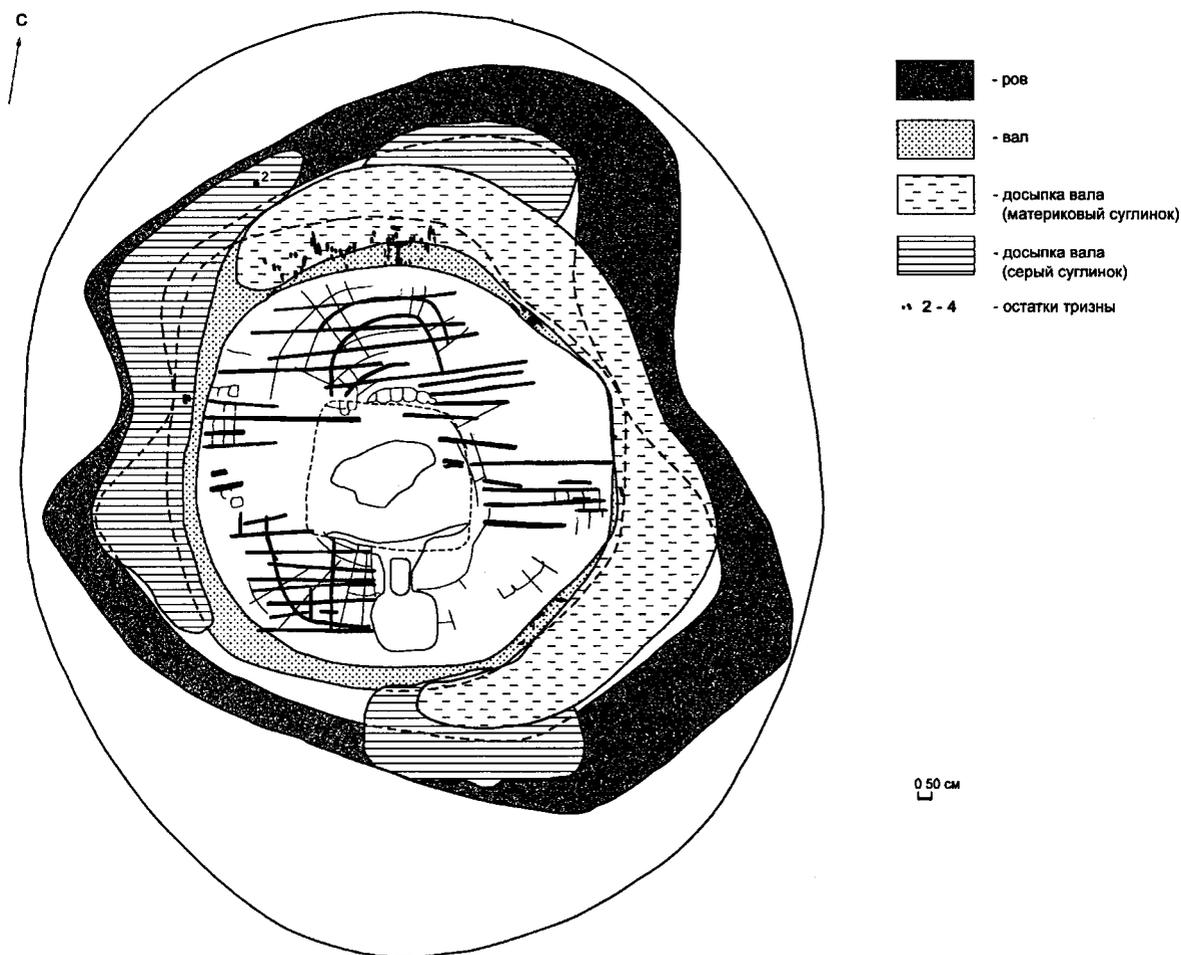

Рис. 2. План надмогильного сооружения в к.5 на уровне кровли

Путём последовательных состыковок они объединялись в концентрические кольца; при расчистке конструкции удалось проследить места разошедшихся стыков. Способ скрепления дуговидных фрагментов друг с другом и удержания их в изогнутой форме остался неустановленным. Однако в застывших шлаковых фракциях суглинистой обмазки были обнаружены отпечатки небольших, до 4 см в поперечнике, деревянных вертикальных колышков, вбитых некогда в толщу обмазки. Колышки могли иметь отношение к способу фиксации деревянных деталей в заданном положении.

Кровля наземного сооружения была довольно тяжёлой, толщина её в центральной части достигала 30–35 см. Такой массив при диаметре кровли 16 м не мог удерживаться в горизонтальном положении за счёт опоры только лишь на вал и требовал дополнительной поддержки. К сожалению, почти все деревянные детали кровли сгорели дотла. Но в ошла-

ковавшихся под воздействием высокой температуры фрагментах минеральной составляющей кровли обнаружены пустоты с отпечатками древесной коры, которые позволяют предполагать наличие в составе кровли древесных стволов диаметром 10–12 см. Расположение большинства отпечатков подчинено радиальной схеме. Вероятно, древесные стволы поддерживали плоский деревянный настил кровли. Кроме того, внутри некоторых ошлаковавшихся ее фрагментов выявлены отпечатки вертикальных столбиков, круглых и четырёхгранных, толщиной 6–8 см. Судя по тому, что горячая шлаковая масса текла по столбикам сверху вниз, первоначально они располагались ниже кровли и могли отчасти принимать на себя её тяжесть. Небольшие размеры столбиков указывают скорее на их вспомогательную поддерживающую роль. Вероятно, имелась также центральная опора, установленная в полости шахты. Но если учесть, что именно в полости шахты

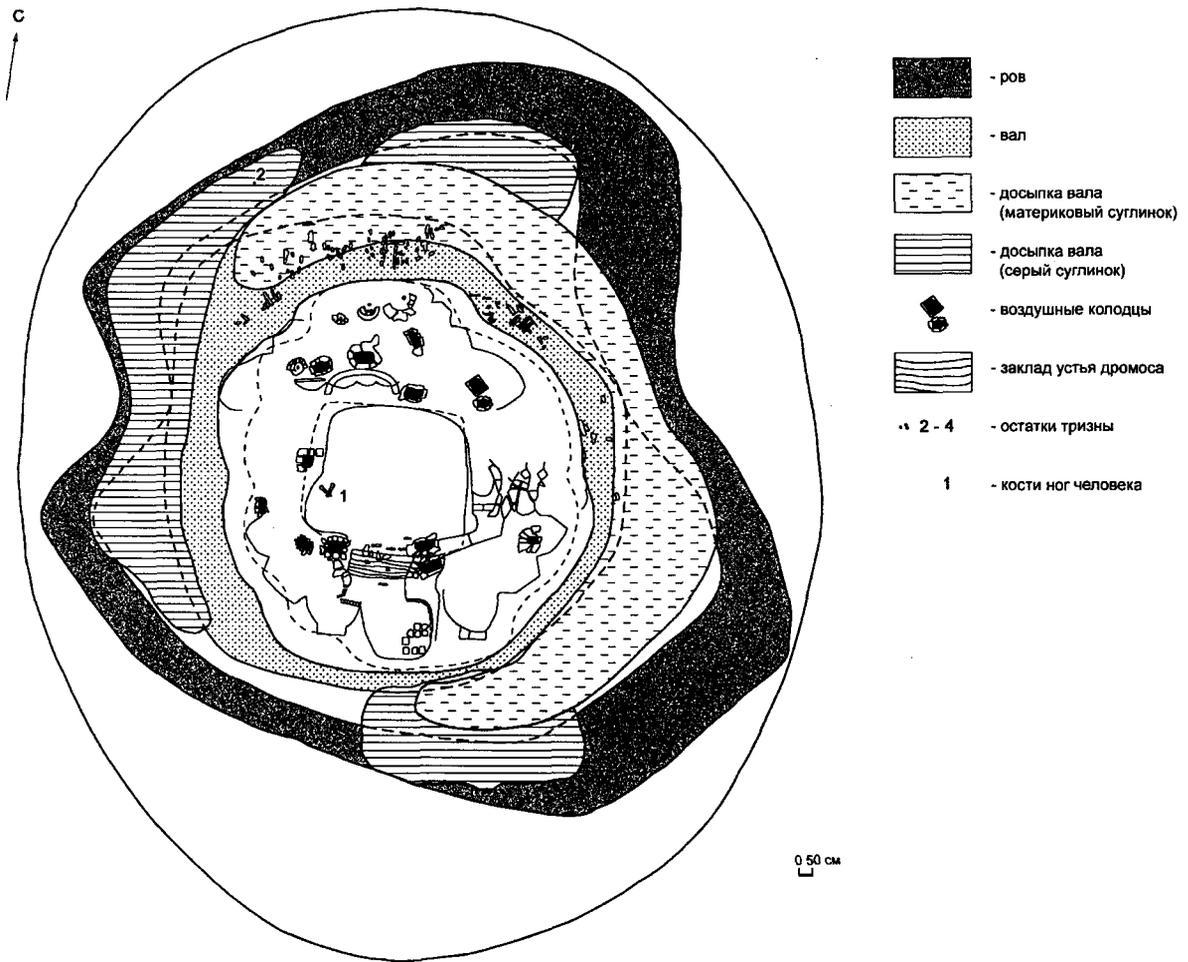

Рис. 3. План надмогильного сооружения в к.5 на уровне пола

находился первичный очаг возгорания, то опора должна была стать первой жертвой огня, температура которого, судя по произошедшему шлакованию минерального строительного материала, достигала 1200°C . Однако на дне могильной ямы отсутствовали какие-либо следы столбовой ямы или хотя бы отпечатка столба. Возможно, столб был установлен непосредственно на деревянное перекрытие могилы. При максимальной высоте стены-вала $0,37\text{ м}$ и глубине шахты $0,60\text{ м}$ высота опорного столба вряд ли была более 1 м . При такой высоте столбу достаточно было придать некоторую устойчивость, что бы он мог в течение некоторого времени поддерживать кровлю.

На поверхности кровли наземного сооружения в 4 м к западу от центра зафиксирован кирпичный развал. Кирпичи развала располагались в ряд, последовательно налагаясь друг на друга, так словно первоначально на месте развала стояла невысокая кирпичная колонка.

Наземное погребальное сооружение имело одну конструктивную особенность: его валобразная стена была сплошной и замкнутой, в ней отсутствовал проём для входа внутрь помещения. Доступ к могильной яме осуществлялся непосредственно с крыши сооружения. В толще кровли было устроено отверстие овальной формы размером $2,2 \times 2,5\text{ м}$. Через отверстие можно было попасть во входную яму. Форма и размеры ямы совпадали с таковыми у входного отверстия, глубина ямы всего $0,30\text{--}0,46\text{ м}$. Дно входной ямы было вымощено сырцовыми кирпичами; такими же кирпичами, поставленными на ребро, облицованы стенки ямы. На месте северной стенки ямы находился вход в дромос, спускавшийся по пологому изгибу стены чашевидного котлована к центральной надмогильной шахте. Упомянем в связи с этим, что доступ к могильной яме по наклонному дромосу непосредственно с поверхности насыпи зафиксирован также в к.26 могильника Новый

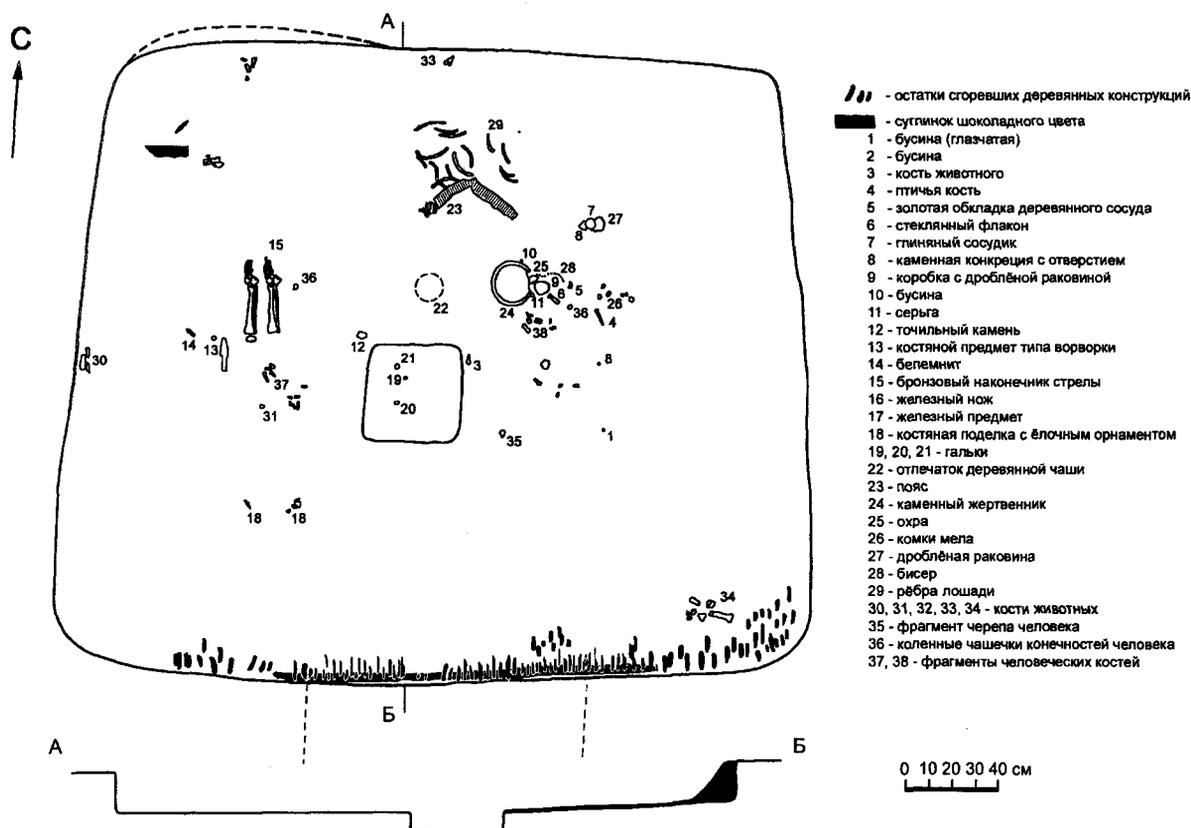

Рис. 4. План погребения в к.5

Кумак (Смирнов К.Ф., 1977, с.36) и в к.2 могильника Мечет-Сай (Смирнов К.Ф., 1975, с.80–83, рис.25).

Наземное погребальное сооружение, возведённое над могильной ямой, было окружено сплошным рвом. Ров выкопан в почвенном слое, глубина его небольшая – от 0,14 м до 0,50 м. Ширина рва варьировала в пределах 1,30–3,90 м. Самая примечательная черта рва – его необычная фигурная форма, напоминающая неправильное кольцо, сжатое с двух противоположных сторон. На дне рва обнаружены остатки тризны – кости лошади и крупного рогатого скота.

В процессе захоронения умершего и возведения погребального сооружения тризна совершалась как минимум дважды: первый раз – на деревянном настиле могильной ямы сразу после погребения умершего, второй раз – после завершения строительства всего комплекса (кости, связанные с этой тризной, обнаружены на поверхности кровли и на дне рва).

Содержимое могильной ямы, находившейся под наземной погребальной конструкцией, оказалась в значительной степени нарушенным ограблением. Ограбление произошло после за-

вершения всего погребально-поминального цикла и сожжения надмогильной конструкции.

Центр дна могильной ямы был обозначен подквадратным углублением с длиной сторон 0,8 и 0,84 м, врезанным в дно на 0,16 м (рис.4). В углублении найдены 3 мелкие гальки. Между углублением и западной стенкой могилы обнаружены остатки костяка погребённого – крупного мужчины пожилого возраста (определение А.А.Хохлова, Самарский государственный педагогический университет). В непотревоженном состоянии сохранились лишь кости ног ниже уровня колен. Поблизости беспорядочно разбросаны фрагменты рёбер, верхних конечностей и разрозненные фаланги. Бедренные кости ног погребённого были найдены выше, в надмогильной шахте, среди суглинка, заполнившего её полость при возведении курганной насыпи. Судя по положению костей *in situ*, погребённый был ориентирован головой на юг, в сторону устья дромоса. Под костяком и вокруг него на дне могилы зафиксированы отпечатки мягкого материала с гладкой поверхностью, напоминающего кожу. Отпечатки оставлены верхней одеждой погребённого (типа плаща) или подстилкой под ним. Вблизи остатков костяка

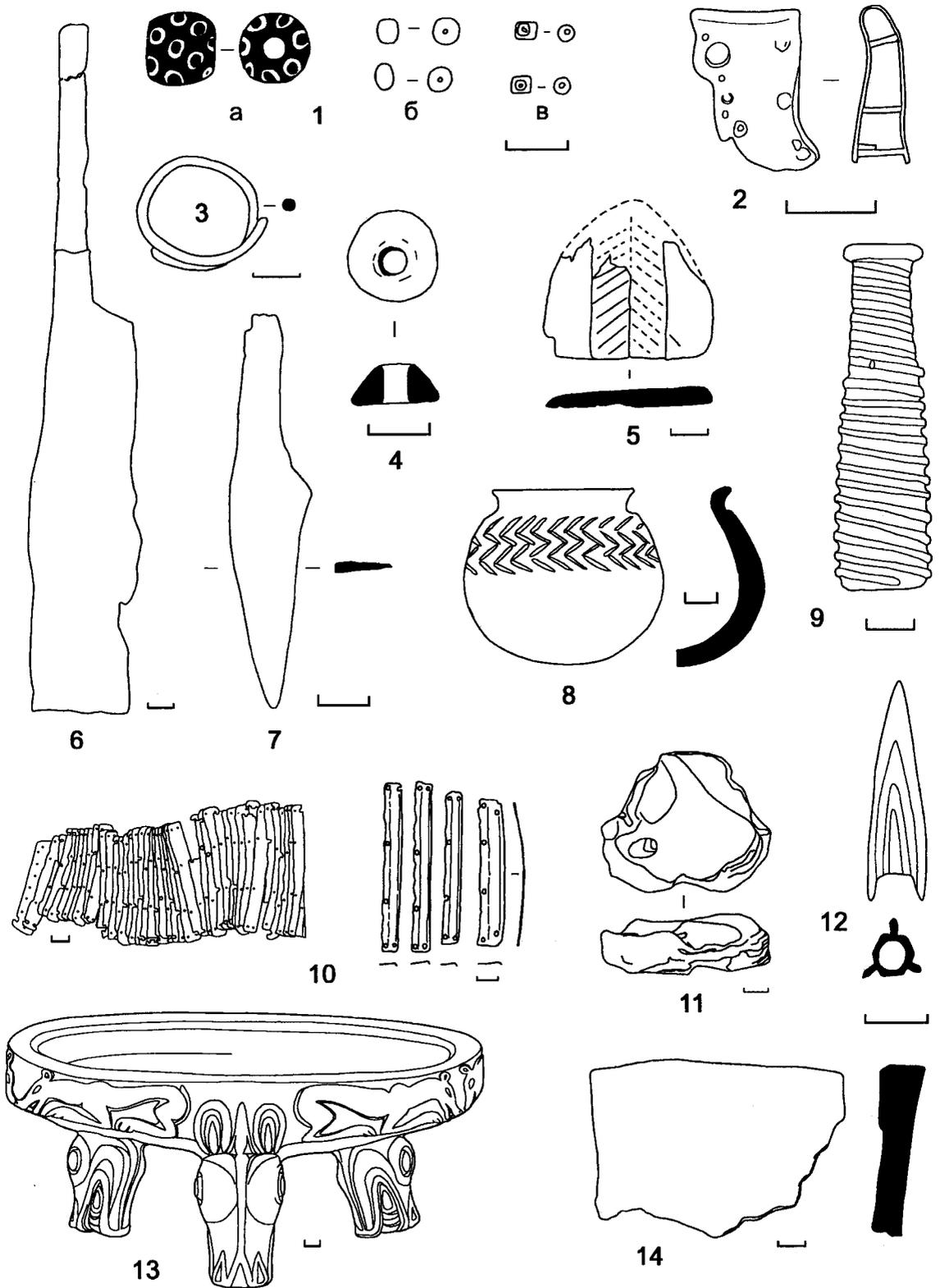

Рис. 5. Вещи из погребения в к.5

обнаружены различные предметы: рядом со стопой правой ноги – бронзовый трёхлопастной наконечник стрелы с узкой сводчатой го-

ловкой и внутренней втулкой (рис.5,12); напротив колена левой ноги – белемнит, железный предмет плохой сохранности (рис.5,6), костя-

ная ворворка конической формы, имеющая высоту 0,6 см и диаметр по основанию 1,4 см (рис.5,4). Далее к югу, там, где должна была находиться голова погребённого, лежали небольшой железный нож длиной 8 см (рис.5,7) и костяная пластина подтреугольной формы, наружная поверхность которой была заложена и украшена нарезным ёлочным орнаментом (рис.5,5). К северу от центрального подквадратного углубления при расчистке дна могилы обнаружен довольно чёткий отпечаток округлого выпуклого дна деревянного сосуда, украшенного по периметру рельефным ободком; диаметр отпечатка – 22 см. За отпечатком, ближе к северной стенке могилы находилось скопление рёбер крупного животного. Поверх рёбер был положен портупейный пояс, набранный из тонких бронзовых пластин, нашитых на кожаную основу (рис.5,10). Пластины пояса тонкие, слегка изогнутые вдоль продольной оси. Посередине каждой из пластин проходит слабое вертикальное ребро, придающее поверхности гранёный характер. Правый длинный край пластин слегка загнут вниз, левый край плоский и вдоль него пробиты два отверстия для крепления пластины к кожаной основе. Ещё по два отверстия имеются на противоположных узких торцовых сторонах пластин. Длина пластин варьирует от 5,5 см до 7,8 см, ширина – от 0,8 см до 1,2 см. Самые короткие и широкие пластины крепились на концах пояса, по направлению к средней части пояса длина пластин постепенно увеличивалась. При креплении к кожаной основе каждая последующая пластина примерно на треть перекрывала предыдущую: пара правых концевых отверстий налегала на пару таких же, но левых отверстий нижележащей пластины.

Восточнее отпечатка деревянного сосуда стоял каменный жертвенник на трёх ножках, которые были вдавлены в дно могилы до самого основания (рис.5,13). Жертвенник имел вид круглого блюда с вертикальным бортиком и тремя скульптурными ножками, представляющими головы хищных зверей. Кольцевые углубления вокруг глаз хищников инкрустированы дроблёной раковиной, крупинки которой прикреплены к камню с помощью клеящего вещества. На наружной поверхности блюда расположено попарно шесть рельефных фигур волков: каждая пара зверей обращена мордами друг к другу, хвостами к соседним парам. Диаметр жертвенника – 34 см, высота – 14 см. Ря-

дом с жертвенником лежала коробка или мягкий футляр, наполненный дроблёными створками раковин двустворчатых пресноводных моллюсков, комок красной охры, несколько комков мела, серебряная проволочная серьга в виде кольца диаметром 2,5 см с заходящими концами (рис.5,3), золотая пластинчатая обкладка края деревянного сосуда в виде головки хищной птицы (рис.5,2), две небольшие округлые сердоликовые бусины (рис.5,16) и стеклянный флакон усечённо-конической формы, изготовленный в «технике сердечника» из зеленоватого стекла (рис.5,9). Флакон украшен накладным спиральным орнаментом, обвивающим всё тулово. Высота флакона – 7,2 см, внутри он заполнен обуглившимся веществом, скорее всего – краской для подводки глаз. Группа предметов, обнаруженных рядом с жертвенником, первоначально помещалась в сумочке из мягкого материала, обшитой по краям мелким цилиндрическим бисером (рис.5,16). Здесь же по дну могилы в беспорядке разбросаны кости животных и человека (фаланги, коленная чашечка).

Северо-восточнее жертвенника, на дне могилы обнаружен миниатюрный глиняный круглодонный сосудик-курильница высотой 5,5 см с отверстием в стенке (рис.5,8), песчаниковая конкреция (рис.5,11) и скопления дроблёных створок раковин пресноводных двустворчатых моллюсков. В восточной части дна могилы найдены две бусины. Одна бусина из полупрозрачного серо-голубого стекла, плохой сохранности, с нечёткими гранями и рёбрами на поверхности. Вторая бусина диаметром 1,1 см округлая, глазчатая, из непрозрачного тёмно-синего стекла (рис.5,1а); внутри её широкого отверстия диаметром 0,35 см видны следы керамического стержня, на котором производилась формовка бусина. Двухцветные глазки – синий диск с белым ободком – расположены на поверхности бусины диагональными рядами.

Вблизи северо-восточного угла центрального подквадратного углубления найдена плоская абразивная плитка (рис.5,14).

Исследованное в к.5 погребальное сооружение принадлежит к типу объёмных полых надмогильных конструкций, достаточно хорошо известных в курганах ранних кочевников Южного Урала. Аналогии отдельным конструктивным деталям сооружения из к.5 можно найти в таких комплексах Южного Урала, как курганы 1 и 26 могильника Новый Кумак (Смирнов К.Ф., 1977, с.35,36; 1978, с.59), курганы 1 и

2 могильника Покровка 2 (Веддер Дж. и др., 1993, с.18–25; Моргунова Н.Л., Трунаева Т.Н., 1993, с.15,16), к.1 могильника Филипповка (Пшеничнюк А.Х., 1989, с.3, рис.1), курганы 1–3 могильника Биш-Уба I (Агеев Б.Б. и др., 1998, с.97–100), к.2 у с.Обручевка (Гаврилюк А.Г., Таиров А.Д., 1993, с.53–61), курган Темир (Зданович Г.Б., Хабдулина М.К., 1986), Сынтас (Кадырбаев М.К., 1984, с.85), к.59 могильника Целинное I (Гуцалов С.Ю., 1998, с.127–136), к.1 могильника Аландское III (Мошкова М.Г., 1972, с.55), Яковлевский II одиночный курган (Фёдоров В.К., Васильев В.Н., 1998, с.71), к.8 могильника Альмухамётово (Пшеничнюк А.Х., 1983, с.44,45). Названную группу памятников объединяет сходство организации подкурганного пространства – наличие вала, а иногда и опоясывающего его снаружи рва; сложные объёмные надмогильные сооружения различных форм; встречающиеся дромосные могилы. Однако полного сходства с известными южноуральскими памятниками к.5 всё же не обнаруживает. В курганах южноуральских ранних кочевников вал обычно маркирует границу организованного подкурганного пространства – «космоса», отделяющую его от внешнего мира – «хаоса» или выполняет функцию крепиды, предающей устойчивость объёмной надмогильной конструкции. Сами объёмные сооружения имеют вид конструкции шатрового типа или подпрямоугольных наземных камер, снабжённых перекрытием. В нашем случае вал выполняет роль стены, на которую опирается плоская крыша сооружения. Такой вариант использования вала в южноуральских курганах крайне редок и зафиксирован пока только на территории Актюбинской области, в памятниках верхнего и среднего Илека: Целинное I, к.59 конца VII – первой половины VI в. до н.э. (Гуцалов С.Ю., 1998, с.127), Сынтас и Бесоба конца VI–V вв. до н.э. (Кадырбаев М.К., 1984, с.85). Курган 5, как и другие курганы раннего железного века могильника Берёзки I, выделяет из группы южноуральских памятников традиция использования для строительных нужд сырцового кирпича и особым образом приготовленного строительного материала с добавлением биомассы и раковин дроблёных пресноводных двустворчатых моллюсков. Раковины этих же моллюсков использовались также в декоративных и культовых целях, следовательно – они выполняли важную знаковую функцию. Уникальна декоративная кирпичная вы-

кладка пола над чашевидным котлованом с воздушным каналом и сквозными отверстиями-колодцами; не имеют аналогий форма котлована в виде восьмилепестковой розетки и фигурная форма окружавшего его вала.

Для погребального инвентаря из к.5 характерно сочетание довольно архаичных, вполне савроматских по облику вещей, с предметами, входящими уже в раннесарматский культурный комплекс IV в. до н.э. В частности, каменный жертвенник, выполненный в зооморфном стиле, имеет достаточно близкие аналогии в комплексах рубежа VI–V вв. до н.э. из к.3 могильника Бесоба (Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К., 1978, рис.2), к.2 могильника Обручевка (Гаврилюк А.Г., Таиров А.Д., 1993, рис.5,7), к.1 могильника Биш-Уба I (Агеев Б.Б. и др., 1998, рис.4,2), в к.7 группы Бис-Оба у пос.Благословенский V в. до н.э. (Смирнов К.Ф., Петренко В.Г., 1963, табл.30,9), в к.2 могильника Сибай I (Васильев В.Н., 1998, рис.8,9) и в группе случайных находок V–IV вв. до н.э. на Маячной горе близ Оренбурга (Смирнов К.Ф., Петренко В.Г., 1963, табл.30,11). Жертвенники такой формы – принадлежность именно савроматского (в традиционном понимании этого термина) культурного мира.

Другие предметы из к.5 позволяют уточнить его дату внутри хронологических рамок конца VI–V вв. до н.э., соответствующих периоду бытования жертвенников указанного типа (Васильев В.Н., 1998, с.28). В 1964 г. экспедицией Токийского университета на северном склоне горной цепи Эльбурс, в 193 км к северо-западу от г.Тегерана и 60 км к югу от побережья Каспийского моря (северо-западный Иран) в п.5 небольшого могильника Халекути I был обнаружен флакон (kohl-tube, сосуд предназначенный для хранения косметической краски, используемой при подводке глаз), идентичный экземпляру из могильника Берёзки I. Автор раскопок Т.Соно датировал комплекс из п.5 ахеменидским временем, до IV в. до н.э. (Dan P. Varag, 1975, p.25, fig.26,27); V–IV вв. до н.э. с возможностью сдвига верхней границы в более позднее время датировал беспаспортные флаконы этого же типа, происходящие с территории северо-западного Ирана, D.F.Grose (1989, p.86)⁸. Однако округлые глазчатые бусы тёмно-

⁸ Автор выражает глубокую признательность сотруднице Отдела античного мира Государственного Эрмитажа Н.З.Куниной за консультацию и предоставленные материалы, касающиеся древнего стекла.

синего цвета, характеризующиеся множественными диагональными рядами глазков, получают распространение лишь с IV в. до н.э. и бытуют до II в. до н.э. (Алексеева Е.М., 1975, тип 84а, с.68). Эти бусы отсутствуют в классических савроматских комплексах. На территории Южного Приуралья они появляются в раннесарматских комплексах IV в. до н.э., например: в п.2 к.1 группы

«Лапасина» у с.Любимовки (Смирнов К.Ф., Петренко В.Г., 1963, табл.27,17), в к.1 Загребаловского могильника (Мажитов Н.А., Пшеничнюк А.Х., 1977, с.61, рис.6,1), в к.12 могильника Новый Кумак (Мошкова М.Г., 1962, с.216, рис.8,3). Находка в к.5 могильника Берёзки I синей глазчатой бусины не позволяет датировать комплекс временем ранее рубежа V–IV вв. до н.э.

Литература

Агеев Б.Б., Сунгатов Ф.А., Вильданов А.А., 1998. Могильник Биш-Уба I // Уфимский археологический вестник. Вып. I. Уфа.

Алексеева Е.М., 1975. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1-12. М.

Васильев В.Н., 1998. К вопросу о сарматских каменных жертвенниках кочевников Южного Урала // Уфимский археологический вестник. Вып. I. Уфа.

Веддер Дж., Егоров В., Девис-Кимболл Дж., Моргунова Н., Трунаева Т., Яблонский Л., 1993. Раскопки могильников Покровка 2 и Покровка 8 в 1992 г. // Курганы левобережного Илека. М.

Гаврилюк А.Г., Таиров А.Д., 1993. Курганы у села Обручевка в Южном Зауралье // Кочевники урало-казахстанских степей. Екатеринбург.

Гуцалов С.Ю., 1998. Курганы раннескифского времени на Илеке // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. II. Оренбург.

Зданович Г.Б., Хабдулина М.К., 1986. Курган Темир // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.

Зуев В.Ю., 1991. Курган 1888 г. у посёлка Черниговского // Проблемы хронологии и периодизации в археологии. Л.

Зуев В.Ю., Исмагилов Р.Б., 1999. Курганы у дер. Гумарово в Южном Приуралье // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. III. Оренбург.

Кадырбаев М.К., 1984. Курганные некрополи верховьев р. Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.

Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К., 1978. Погребение жрицы, обнаруженное в Актюбинской области // КСИА. Вып. 154.

Мажитов Н.А., Пшеничнюк А.Х., 1977. Курганы раннесарматской культуры в Южной и Юго-Восточной Башкирии // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа.

Моргунова Н.Л., Трунаева Т.Н., 1993. Раскопки кургана 2 могильника Покровка 2 в 1992 г. // Курганы левобережного Илека. М.

Мошкова М.Г., 1962. Ново-Кумакский курганный могильник близ г. Орска // Памятники скифо-сарматской культуры. МИА. № 115.

Мошкова М.Г., 1972. Савроматские памятники Северо-Восточного Оренбуржья // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М.

Мошкова М.Г., 1974. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М.

Пшеничнюк А.Х., 1983. Культура ранних кочевников Южного Урала. М.

Пшеничнюк А.Х., 1989. Раскопки «царского» кургана на Южном Урале. Препринт доклада. Уфа.

Смирнов К.Ф., 1964. Савроматы. М.

Смирнов К.Ф., 1975. Сарматы на Илеке. М.

Смирнов К.Ф., 1977. Орские курганы ранних кочевников // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа.

Смирнов К.Ф., 1978. Дромосные могилы ранних кочевников Южного Приуралья и вопрос о происхождении сарматских катакомб // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.

Смирнов К.Ф., 1981. Богатые захоронения и некоторые вопросы социальной жизни кочевников Южного Приуралья в скифское время // Материалы по хозяйству и общественному строю племён Южного Урала. Уфа.

Смирнов К.Ф., Петренко В.Г., 1963. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья // САИ. Вып. Д1-9.

Фёдоров В.К., Васильев В.Н., 1998. Яковлевские курганы раннего железного века в Башкирском Зауралье // Уфимский археологический вестник. Вып. I. Уфа.

Dan P. Barag, 1975. Rod-formed kohl-tubes of the mid-first millennium B.C. // Journal of glass studies. Vol. XVII. N.Y.

Grose D.F., 1989. Early Ancient Glass. N.Y.

К РЕКОНСТРУКЦИИ УБОРА КОНЕЙ ИЗ КУРГАНА КОЗЁЛ¹

При раскопках скифского царского кургана Козёл IV в. до н.э. И.Е.Забелиным были найдены 11 неограбленных конских погребений, в которых обнаружены уздечные, шейные и седельные уборы лошадей, выполненные из серебра, золота, бронзы и железа².

К сожалению, автор раскопок не оставил в полевой документации данных, позволивших бы судить о точном расположении найденных предметов на костяках лошадей, что лишает нас возможности более или менее точной реконструкции конского убора из кургана Козёл.

Однако в нашем распоряжении имеется довольно представительная вещевая коллекция и несколько первоначальных вариантов описей предметов, найденных при раскопках кургана. Это дает возможность определить состав комплексов и, учитывая разработки других исследователей, предложить возможные реконструкции уборов коней из кургана Козёл.

Всего в кургане найдено 11 конских захоронений, пронумерованных И.Е.Забелиным с 1 по 11, начиная с южного костяка. Все они были положены головой к востоку, кроме 1 коня, ориентированного на запад. В двух захоронениях, помимо предметов собственно конского убора, были найдены бронзовые наконечники стрел (конь 1) и бронзовый орнаментированный предмет (конь 6) (Переводчикова Е.В. и др., 2002, с.145–149). Погребения коней сопровождали 2 погребения «конюших».

К конским захоронениям также следует отнести железные удила и псалии, обозначенные И.Е.Забелиным в описи отдельно от других деталей уборов под № 157 как «железные удила и баранчики» (Архив ИИМК. Фонд 1/1865, д. № 11, л. 12об.) без указания их количества и принадлежности к конкретному коню. В первой музейной описи значится 4 пары таких удили с

псалиями, столько же их комплектов разной степени сохранности числятся и до сих пор.

Все псалии двудырчатые С-видные с углощениями-«шляпками» на концах (рис.2,6). На удила с петлевидными концами для крепления повода надевались пряжки, имеющие вид кольца с треугольной рамкой. Кольцо продевалось в петлю удил, а к рамке крепился повод. Для «строгости» на стержни удил у петлевидных концов были надеты кольца с четырьмя шипами (рис.2,5). Подобные удила и псалии широко известны в памятниках IV–III вв. до н.э. (Мелюкова А.И., 1989, с.96, табл.36,10,12; Алексеев А.Ю. и др., 1991, кат.4,1; Мозолевский Б.М., 1979, рис.24,2,5,7).

В «конских гробницах» согласно описи И.Е.Забелина найдены и железные пряжки (№ 158). Снизу под этой строкой описи синим карандашом рукой В.Г.Тизенгаузена (?) написано: «11 экз. оставлены в шкафу» (Архив ИИМК. Фонд 1/1865, д. № 11, л. 12об). Таким образом, можно предположить, что первоначально имелось 11 экз. подобных пряжек, по одной у каждой лошади. В коллекцию музея же поступило лишь 4 такие пряжки подпрямоугольной формы с неподвижным язычком. Вероятно, они являются подпружными. Во всяком случае, в Донесении И.Е.Забелина о раскопках кургана (Л. 2) указано, что в северной конской могиле в районе седел найдены «четырёхугольные железные пряжки от подпруг». Находки таких пряжек в других ямах И.Е.Забелиным особо не отмечены³, что, с учетом вышеизложенных обстоятельств, оставляет вопрос об общем количестве пряжек и присутствии их в каждой могиле открытым.

Убор лошадей, найденных в кургане Козёл состоит из деталей оголовья, шейного и седельного уборов.

Детали оголовья имеются у всех 11 лошадей. Шейный убор имели только 2 лошади (конь 1, 6).

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 00-01-00399а).

² Материалы хранятся в Государственном Историческом музее (Инв. № 54746. Оп. Б 288).

³ В отчете И.Е.Забелина о раскопках Чертомлыцкого кургана подобные пряжки вообще не упомянуты, хотя в коллекции они присутствуют (Алексеев А.Ю. и др., 1991, с.87, кат.23).

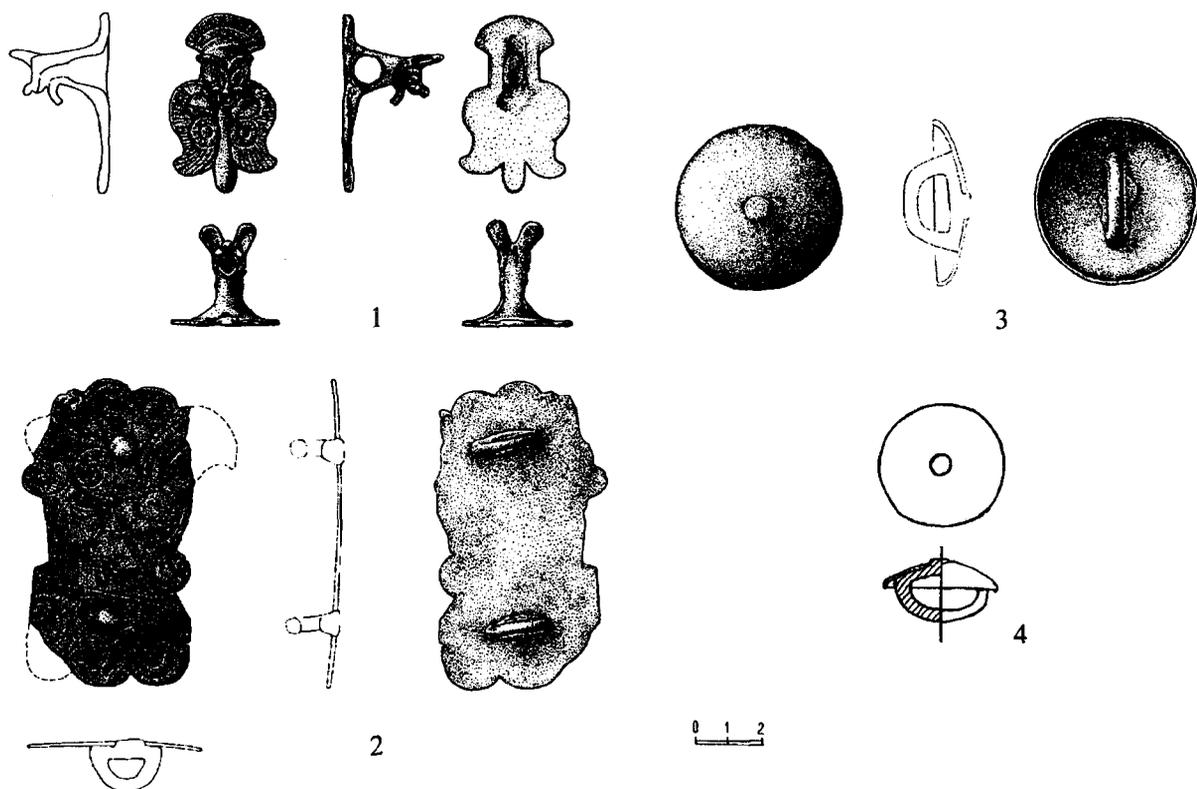

Рис. 1. Предметы уздечных наборов «чертомлыцкого» типа из кургана Козёл: 1 – налобник, бронза. Конь 1; 2 – нащечник, бронза. Конь 7; 3 – бляха, бронза. Конь 7; 4 – бляха, бронза. Конь 3

Седельные украшения имели 3 лошади (кони 1, 2, 4). Таким образом полный убор имел только конь 1.

Детали оголовья

Детали оголовья были изготовлены из серебра (с золотом) или бронзы. Всего найдено 6 серебряных уборов (кони 1, 4, 8, 9, 10, 11) и 5 бронзовых (кони 2, 3, 5, 6, 7) (таблица 1). Реконструкция расположения деталей оголовья коней из кургана Козел создана на основе разработок В.А.Ильинской. Благодаря целому ряду находок деталей оголовья *in situ* в погребениях коней (Мелитопольский курган, Страшная могила и др.) и использованию материалов конских уборов Пазырыкских курганов, В.А.Ильинской удалось создать научно обоснованную реконструкцию конской узды IV в. до н.э. (Ильинская В.А., 1973, с.45).

При всей близости устройства узды у коней, можно выделить несколько ее вариантов (таблица 2).

Первый вариант (так называемого «чертомлыцкого» типа – рис.3) состоит из налобника (на-

носника) с выступающей скульптурной головкой животного на длинной шее и передним щитком (рис.1,1), сквозь отверстие в основании которого, был пропущен налобный ремень. Такая конструктивная особенность налобника как наличие сквозного отверстия в глотке животного может свидетельствовать о присутствии дополнитель-

Таблица 1

Конь \ Материал	Серебро	Бронза
1	■	
2		■
3		■
4	■	
5		■
6		■
7		■
8	■	
9		■
10		■
11	■	

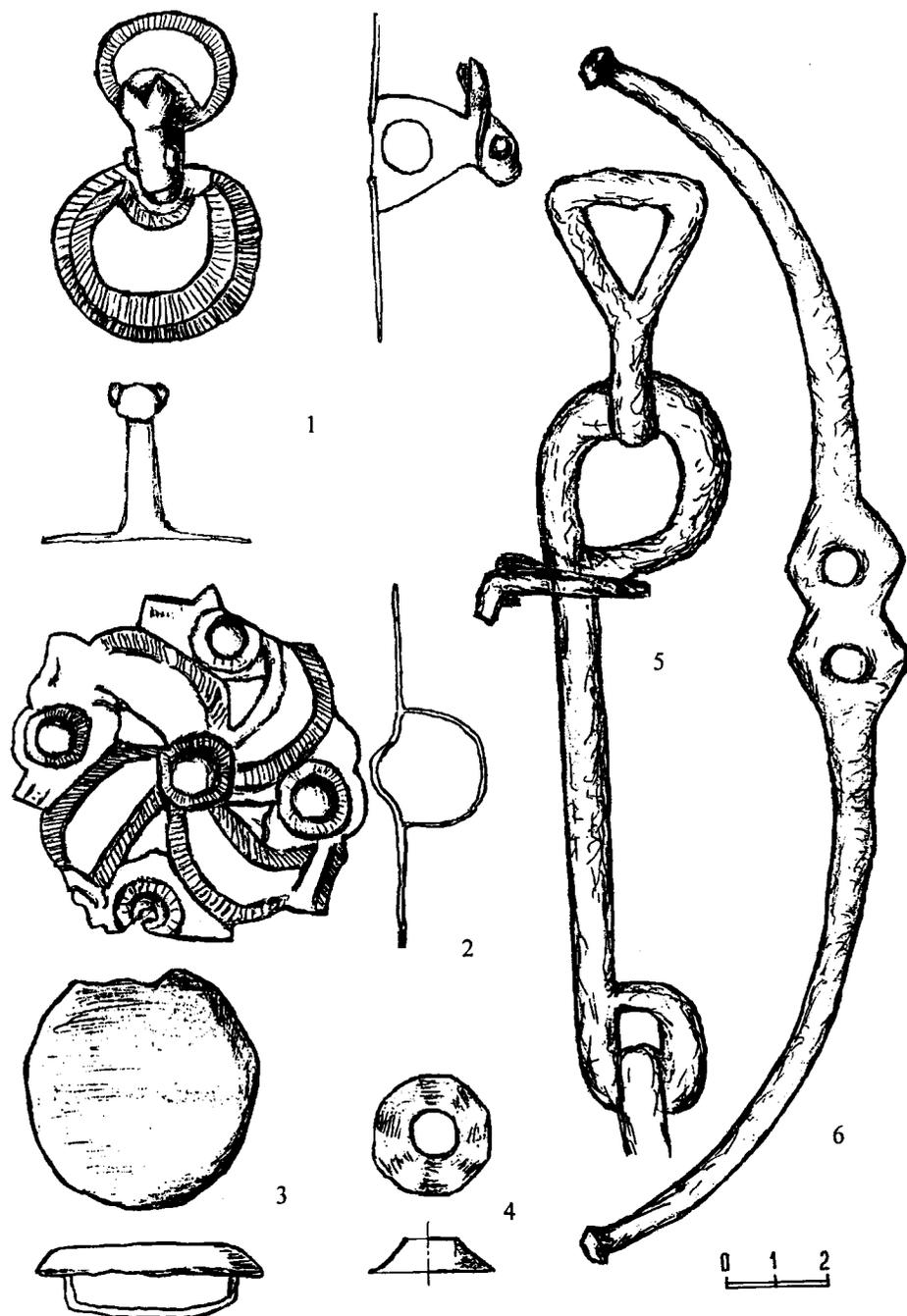

Рис. 2. Предметы узды из кургана Козёл: 1 – налобник, серебро. Конь 8; 2 – бляха, серебро. Конь 8; 3 – бляха, серебро. Конь 8; 4 – ворворка, бронза. Конь 5; 5 – звено удила, железо; 6 – псалий, железо

ного украшения на этой детали узды (см.: Перводчикова Е.В., Фирсов К.Б., 2002, с.47–56).

В состав этого набора входило 6 круглых выпуклых блях с дужкой на обороте. В нескольких случаях в составе одного комплекта 4 таких предмета были большего размера (рис.1,3), а 2 – меньшего (рис.1,4). Представляется, что бляхи меньшего размера крепились в местах соединения удила и псалий, закрепляя ремни, проходящие

через псалии. Это предположение подтверждается сведениями в описи И.Е.Забелина, где указано, что к двум бляхам из набора коня 1 «приржавели части железных удили» (Архив ИИМК. Фонд 1/1865, д. № 11, л. 9), так же как и у коня 2. Еще по две большие бляхи крепились с двух сторон морды лошади в местах соединения ремней. Они были расположены на соединении нащечных ремней с наносным и налобно-подбородным. На

Таблица 2

Убор Конь	Детали оголовья				Шейный убор	Седельный убор	Подпружные пряжки
	«чертомлыцко-го» типа	«чертомлыцкого» типа – «жеребенок»	«фракийского» типа 1	«фракийского» типа 2 – «жеребенок»			
1	■				■		+?
2	■					■	+?
3		■					+?
4	■					■	+?
5	■						+?
6	■				■		+?
7	■						+?
8			■				+
9	■						+
10				■			+
11	■						+

нащечном ремне между круглыми бляхами с двух сторон морды лошади находились фигурные «птицеклювые» нащечники (рис.1,2), фиксированные через две петли. Две ворворки (рис.2,4), входящие в этот комплект, могли служить для регулировки и крепления узлов на ремнях узды (Мелюкова А.И., 1981, с.78). Описанный вариант конской упряжи встречен у 8 коней. При этом у 4 коней (№№ 1, 4, 9, 11) все детали оголовья выполнены из серебра с применением золота, еще у 4 коней (№№ 2, 5, 6, 7) – из бронзы. У коня 11 в наборе присутствовала дополнительная костяная ворворка (такие ворворки встречены, например, у 2 коня Мелитопольского кургана (Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н., 1988, с.142, №№ 149,150), в Чертомлыцком кургане (Алексеев А.Ю. и др., 1991, кат.50,12).

Описанный комплект деталей оголовья коней из кургана Козёл находит близкие аналогии в Чертомлыцком (Алексеев А.Ю. и др., 1991, с.85,88,89, кат.44–56), Лемешевом курганах, Толстой Могиле⁴ (Мозолевский Б.М., 1979, рис.20,

24–25), Краснокутском (Мелюкова А.И., 1981, рис.24), Мелитопольском курганах (Ильинская В.А., 1973, рис.2–4; Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н., 1988, с.131–145, рис.152–158), Огузе и других (Ильинская В.А., 1973, с.42–63). Остается до конца неясным вопрос о расположении нащечников на коне. По наблюдениям Б.Н.Мозолевского, «птицеклювые» нащечники нанизывались на ремень в перевернутом по отношению к рисунку виде – узким торцом кверху, а не так, как помещала эти нащечники в своей реконструкции В.А.Ильинская (Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н., 1988, с.133,134). Что же касается расположения нащечных блях по отношению к другим деталям оголовья, то, в принципе, здесь возможны два варианта: они либо находились между бляхами наносного и налобного ремня, либо между налобной и затылочной (Ильинская В.А., 1973, с.52, рис.3;6,1,2,4). Однако в Краснокутском кургане И.Е.Забелиным были особо указаны «бляхи от ушей», расположенные между налобной и затылочными (Мелюкова А.И., 1981, с.76,79). В описи же кургана Козёл автор раскопок никак особо не выделяет место расположения таких блях, что позволяет нам все же считать их нащечными (рис.3). К тому же «ушные» бляхи нередко могут иметь только одну петлю на обороте (Ильинская В.А., 1973, с.52,53, рис.5,6; Мелюкова А.И., 1981, с.80), а у всех нащечников из кургана Козёл их было по две.

⁴ В кургане Толстая могила круглые бляхи в некоторых случаях имеют больший диаметр, чем у аналогичных блях из кургана Козёл. Так, диаметр малых блях из Толстой могилы – 5–7 см, больших – 7–8 см (Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н., 1988, с.32,34). В кургане Козёл круглые бляхи имеют диаметр от 5,6 до 6,5 см.

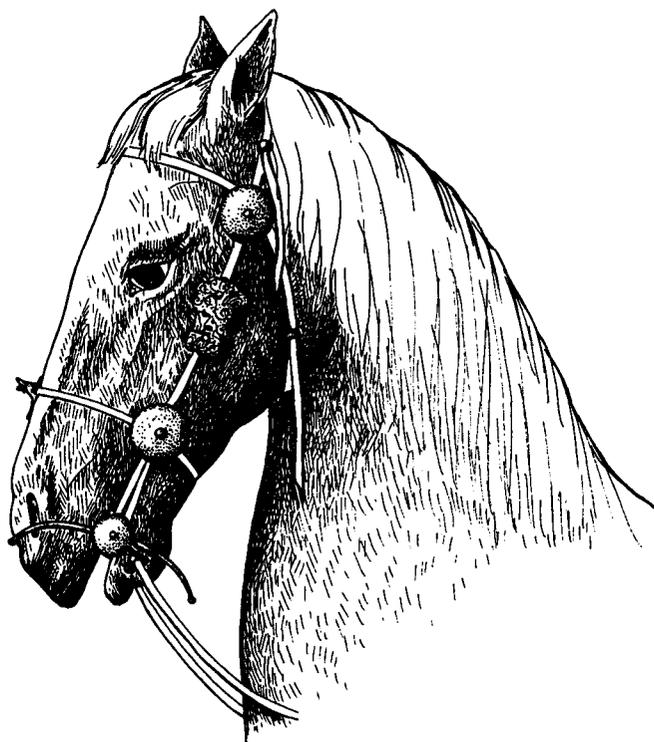

Рис. 3. Реконструкция узды из кургана Козёл (рис. Н.И.Беловинцевой)

Следующий комплект, найденный у 3 коня (по И.Е.Забелину – «жеребенок») имеет в своем составе бронзовые налобник, 2 нащечника, 6 круглых блях и 2 ворворки тех же типов, что и в описанном выше комплексе. Однако нащечники и круглые бляхи имеют меньший размер, чем и выделяются среди других подобных.

У 10 коня (еще один «жеребенок», по И.Е.Забелину) в составе убора серебряные детали плохой сохранности («в обломках», «весь из тонкого листового серебра») (д. 263, л. 185), из которых отметим 6 круглых блях, 2 нащечника и небольшой налобник иного типа – в виде птичьей головки. В комплекте недостает ворворок, возможно из-за плохой сохранности металла. Нащечники, состоящие из обломков, имеют полосы штриховки в качестве дополнительного и декоративного элемента, что характерно для произведений фракийских мастеров (Мелюкова А.И., 1976, с.116, рис.7,9–14;8;10;11). Близкие нащечники среди памятников степной Скифии найдены также в Краснокутском кургане и Гаймановой могиле (Мелюкова А.И., 1976, рис.10,1–4).

Особо выделяется еще один «фракийский» серебряный комплект оголовья 8 коня. Он состоит из налобника в виде скульптурной головки, в основании которой находится отверстие, и

двух округлых щитков с орнаментом в виде заштрихованных полос по краю, одного большего, другого меньшего (рис.2,1), а также двух фрагментированных нащечников очень плохой сохранности с узором в виде заштрихованных полос и волют, традиционным для фракийцев. Нащечники, вероятно, как и в других комплектах, были расположены на соединении нащечных ремней с наносным и налобно-подбородным. Они помещались с двух сторон морды лошади между свастиковидными бляхами (рис.2,2), выполненными в том же стиле (4 экз. – по 2 с каждой стороны). В месте соединения удила и псалий, вероятно, находились круглые бляхи (рис.2,3), которые, в отличие от блях из других комплектов, были плоскими. В комплект входили также 2 ворворки. Подобные налобник, нащечники и свастиковидные бляхи находят аналогии среди материалов фракийского облика в Гаймановой могиле, Краснокутском кургане и др. (Мелюкова А.И., 1976, рис.7,9–14;10; Мелюкова А.И., 1981, с.79, рис.23,25). Круглые плоские серебряные бляхи с бортиком были встречены в кургане Огуз (Манцевич А.П., 1980, рис.11). В Чертомлыке, по описанию И.Е.Забелина, подобные бляхи были найдены в составе седельных уборов (по четыре в каждом уборе) (Алексеев А.Ю. и др., 1991, с.93).

Рассмотрев комплекты конского оголовья из кургана Козёл, мы можем выделить три основных варианта этого убора. Первый вариант встречен у 9 коней, один из которых выделяется только меньшими, по сравнению с обычными, размерами нащечных блях. Этот вариант нередко встречается в памятниках Скифии IV в. до н.э. Например, все 11 лошадей Чертомлыцкого кургана имели такое же оголовье, в некоторых случаях отличаясь только количеством круглых блях (Алексеев А.Ю. и др., 1991, с.89).

Еще два варианта оголовья имеют в своем составе вещи фракийского облика: налобники, нащечники, свастиковидные бляхи с характерным орнаментом. Однако при различии в используемых типах деталей оголовья, нужно отметить, что система их размещения на морде лошади по сути является единой для всех 11 конских захоронений.

В целом детали оголовья коней из кургана Козёл находят аналогии в курганах лесостепной и степной Скифии. Наиболее близки, по нашему мнению, уздечные убory из кургана Чертомлык. Похожие наборы деталей оголовья «чертомлыцкого» типа происходят из Мелитопольского кургана, Огуза. Несколько дальше от деталей оголовья Козла стоят «проточертомлыцкие» предметы из Толстой Могилы. В Краснокутском кургане и в Огузе найдены близкие убory из Козла детали оголовья «фракийского» облика. Золотой налобник чертомлыцкого типа найден в Александропольском кургане (ДГС, I, 1866. Атлас, табл.ХІІІ,6,7). Происходящие из кургана Чертомлык налобники в виде головы существа с большим клювом (Алексеев А.Ю. и др., 1991, с.84, рис.55) похожи на налобник коня 10 из кургана Козёл.

Шейные (нагрудные) убory

По данным Донесения И.Е.Забелина, в кургане Козёл шейные убory были у двух коней: № 1 и № 6. В состав уборов входили небольшие бронзовые колокольчики, бронзовые бляхи в виде полумесяца, выполненные из тонкого листа металла, и большие бронзовые бляхи также из тонкого листа металла, «у коих верхние концы срезаны, а нижние закруглены» (опись И.Е.Забелина, приложенная к Донесению). Согласно тексту Донесения, у коня перечисленные предметы были связаны железной цепочкой. Остатки от цепочек из железа также зафиксированы в Описи И.Е.Забелина как пе-

рержавевшие и переломанные, но до наших дней они не дошли. На всех этих бронзовых предметах имеются специальные отверстия для подвешивания (на больших бляхах и лунницах) или петли (на колокольчиках). Остатки цепочек в виде незначительных фрагментов окисленного железа сохранились в отверстиях для подвешивания на лунницах и больших бляхах. Никаких сведений о том, как эти предметы были расположены на шее коней, не представлено.

По данным описи, бронзовые украшения представлены в шейных уборах в разном количестве. При коне № 1 было найдено 3 больших бляхи, 10 лунниц и 8 колокольчиков, при коне № 6 – 3 больших бляхи, 12 лунниц и 4 колокольчика.

Наилучшим образом сохранились большие бляхи от убора коня № 6 (рис.4,1). По форме они представляют собой криволинейно очерченную фигуру со срезанным верхним краем. Кроме углов по верхнему краю, контуры плавные, наибольшее расширение приходится на нижнюю треть предмета (ширина приходится на 9 см от верха при общей высоте 14,5 см). Лист металла выгнут таким образом, что наиболее выпуклая часть соответствует максимальной ширине предмета. В верхних углах пробиты отверстия для подвешивания диаметром около 3 мм, в некоторых сохранились остатки железа – видимо, от цепочек.

Две бляхи от убора коня № 1 худшей сохранности. В коллекции есть фрагменты еще двух блях, утративших паспортные данные (от одной сохранилась верхняя угловая часть, от другой – довольно узкая сильно изъеденная вертикальная полоса).

Все лунницы (рис.4,2) тоже сделаны из тонкого листа бронзы. Они серповидной формы, в верхней части находится отверстие для подвешивания диаметром около 2 мм, сделанное в специальном полукруглом выступе. У некоторых лунниц в этих отверстиях сохранились остатки железной проволоки толщиной около 2 мм или же следы окислов железа. При том, что по форме они практически одинаковы, контуры их при наложении не совпадают, т.е. делались они не по одному шаблону. Все лунницы плоские.

Бронзовые колокольчики (рис.4,3) литые, высота их – 2,5–3,5 см, диаметр – 2–2,5 см. По форме все несколько отличаются (нет двух одинаковых), но в целом их форма приближается к конической. В верхней – части литая петля для подвешивания. В некоторых случаях сохранился

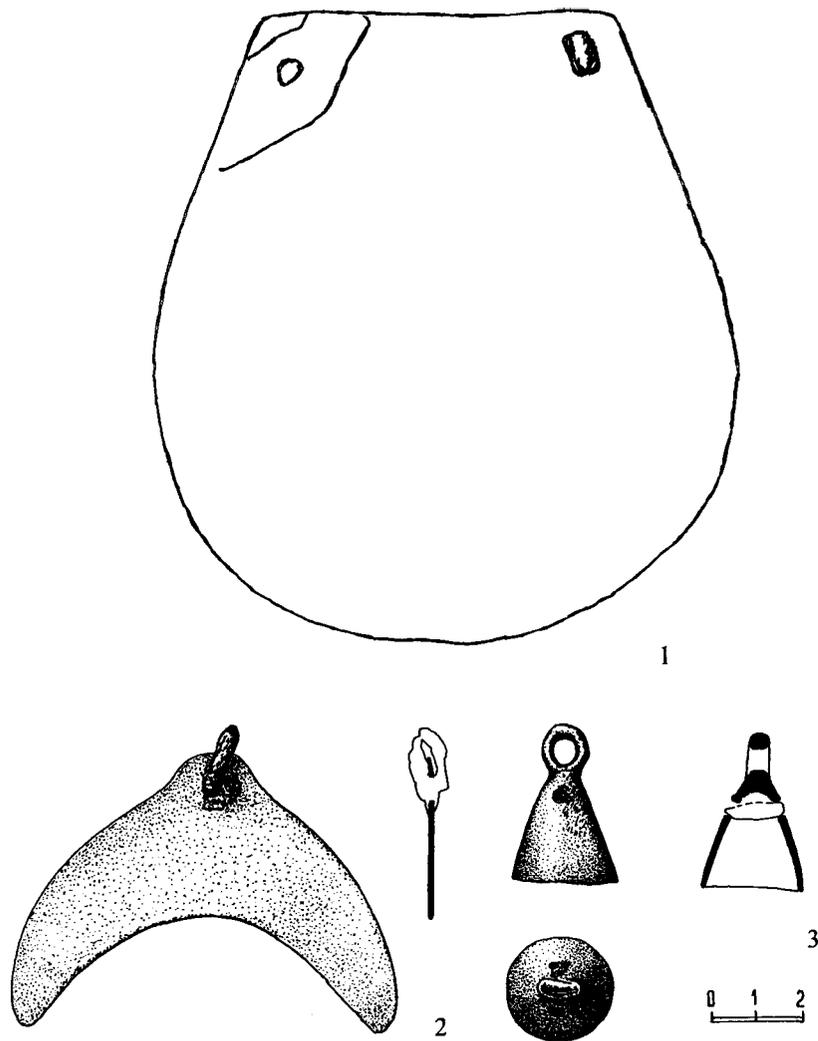

Рис. 4. Предметы шейного (нагрудного) убора: 1 – большая бляха, бронза. Конь 6; 2 – лунница, бронза. Конь 1; 3 – колокольчик, бронза. Конь 6

железный язычок, прикрепленный к горизонтальной железной перекладине внутри верхней части предмета. Перекладина вставлялась в специально сделанные при литье отверстия в стенке колокольчика диаметром около 3 мм.

Для представлений об устройстве шейных конских уборов необходима информация о том, как их детали были расположены на скелетах коней. При отсутствии таких данных для кургана Козёл, обратимся к материалам других памятников. Публикуя материалы кургана Солоха, А.П.Манцевич пишет: «Уборы всех пяти коней были перемешаны, поэтому состав каждого из них с точностью определить невозможно. В каталоге представлено условное распределение уборов по коням» (Манцевич А.П., 1987, с.27). В кургане Огуз предметы шейного убора найдены местными жителями уже после

раскопок Н.И.Веселовского (Спицын А.А., 1906, с.157). В описании раскопок Чмыревой Могила не отмечено, где именно на лошадях найдены интересующие нас предметы (Браун Ф.А., 1906, с.100–104).

В Краснокутском кургане предметы шейных уборов коней были найдены не в конской гробнице, а в кучах, представлявших собой остатки повозок (Мелюкова А.И., 1981, с.10).

В Лемешевом кургане зафиксировано расположение колокольчиков, лунниц и большой серебряной бляхи ниже головы, а также «ближе к груди» лошади (ОАК за 1911 г., с.34).

В кургане Чертомлык предметы шейного убора найдены в двух местах: в куче предметов конского снаряжения в верхней части насыпи и в гробницах коней. Поскольку по устройству этих гробниц, расположению коней и их коли-

честву здешняя ситуация практически аналогична той, которая известна для кургана Козёл, именно в материалах Чертомлыка должна заключаться наиболее ценная для нас информация. Из 11 коней, захороненных в конских могилах Чертомлыка, два были снабжены шейными уборами, каждый из которых, как и в нашем случае, включал в себя по три больших бляхи. Количество лунниц и колокольчиков также различно: у одного коня 10 лунниц и 8 колокольчиков, у другого – 8 лунниц и 8 колокольчиков. По словам И.Е.Забелина, «все это соединялось между собой посредством железной цепочки, звенья которой, около вершка длиной, были сделаны из толстой проволоки, согнутой в кольца лишь по концам» (ДГС, II, с.89). В Чертомлыке найдены также бронзовые многоугольные пластинки со следами железа, предположительно служившие для скрепления деталей, неизвестные в материалах других курганов (Алексеев А.Ю. и др., 1991, с.92,93)

Разбирая фрагменты железных цепочек из Краснокутского кургана, А.И.Мелюкова выделила две их разновидности по толщине (Мелюкова А.И., 1981, с.50). Более массивные, по мнению исследовательницы, принадлежали цепи, к которой подвешивались перечисленные выше детали. В эту более массивную цепь были включены небольшие круглые бронзовые бляшки (Мелюкова А.И., 1981, с.51, рис.14,12–17), которые автор работы сопоставляет с упомянутыми многоугольными бляшками из Чертомлыка и на этом основании предполагает наличие в конском уборе «ошейников из железной цепи». Хотя А.И.Мелюкова и не считает возможным представить их убедительную реконструкцию (Мелюкова А.И., 1981, с.51), само по себе это предположение заслуживает внимания.

В Мелитопольском кургане предметы конского убора были найдены и зафиксированы *in situ* (Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н., 1988, с.61, рис.58), что позволило авторам раскопок создать достаточно достоверную реконструкцию шейного убора коня (рис.5; Ильинская В.А., 1973, с.49, рис.3,4). В этом кургане в состав набора входил, помимо перечисленных предметов, еще и окованный бронзой кожаный ремень (Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н., 1988, с.143,144), к которому перечисленные детали были подвешены (Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н., 1988, с.143, рис.158).

В кургане Толстая Могила подобные предметы тоже удалось зафиксировать *in situ* (Мо-

золевский Б.М., 1979, с.31). Они лежали вместе с остатками окисленного железа и кожаного ремня, найдены были также фрагменты железных цепочек, которыми детали убора прикреплялись к ремню (Мозолевский Б.М., 1979, с.35,36). В результате реконструирован нагрудный убор, также состоящий из ремня с привешенными к нему большими бляхами, лунницами и колокольчиками (Мозолевский Б.М., 1979, с.37, рис.21,8).

На реконструкции шейного убора коня, представленной Р.Ролле и М.А.Гореликом, большие бляхи размещены на прямоугольном куске ткани или кожи, они пришиты, а не подвешены (Rolle R., Gorelik M., 1991), что плохо согласуется с остатками звеньев железных цепочек в отверстиях на этих бляхах. К сожалению, авторы реконструкции не приводят подробных аргументов в пользу такого размещения.

Суммируя изложенное, можно сказать, что в скифских царских курганах IV в. до н.э. были представлены два вида шейных (нагрудных) уборов – нагрудный ремень с подвесками и шейная (а, может быть, тоже нагрудная) цепь, в которой железные проволочные звенья сочетались с мелкими бронзовыми бляшками, с теми же подвесками. К какому из них относились убory из кургана Козёл – неизвестно, поскольку в материалах кургана не зафиксировано ни остатков кожаного ремня, ни маленьких бронзовых бляшек с отверстием в центре. Упомянутые же И.Е.Забелиным железные цепочки дошли до нас в столь незначительных фрагментах, что судить об их толщине не представляется возможным. При этом их остатки сохранились лишь на привешиваемых предметах, что подходит к обоим видам шейных уборов.

Оставляя открытым вопрос о точной реконструкции шейных (нагрудных) уборов из кургана, интересно сравнить их детали с подобными предметами, найденными в других царских курганах – Солохе, Толстой Могиле, Мелитопольском, Чертомлыке, Огузе, Краснокутском, Александропольском, Лемешевом курганах, Чмыревой Могиле.

Большие бронзовые бляхи находят наиболее близкую аналогию в двух изделиях из большого скопления предметов узды в насыпи Чертомлыцкого кургана (Алексеев А.Ю. и др., 1991, с.150,151, кат.13). Из трех блях, представленных на фотографии, две по форме более всего напоминают наши: они вытянутой формы с максимальным расширением в нижней

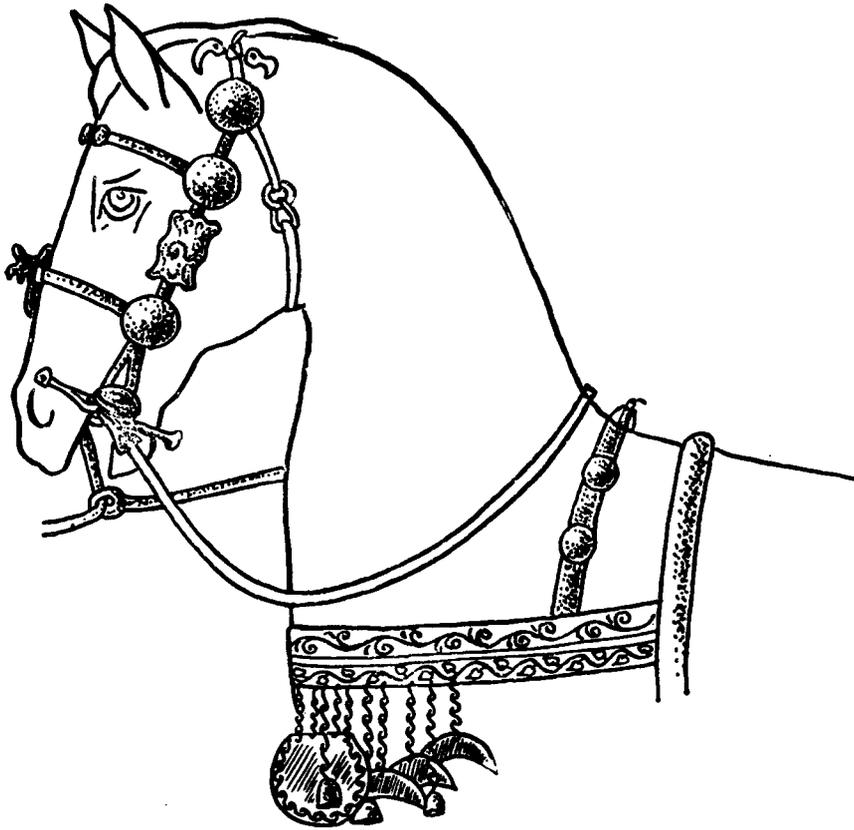

Рис. 5. Реконструкция убора коня из Мелитопольского кургана (Мозолевский Б.Н., Тереножкин А.И., 1988, с.142, рис.157)

трети, поверхность их выпуклая, в углах отверстия со следами железа; третья – тоже с выпуклой поверхностью, но по форме это круг с отрезанным верхним сегментом. Бляхи такой формы найдены в составе шейных уборов Мелитопольского кургана (Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н., 1988, с.144, рис.159,7; с.145, рис.160,3) и Толстой Могилы (Мозолевский Б.М., 1979, рис.21,8). В кургане Солоха большие бляхи имеют почти полуовальную (близкую к полукругу – Манцевич А.П., 1987, с.111, кат.114) и подтрапещевидную (Манцевич А.П., 1987, с.113, кат.122) форму. Большие круглые бляхи происходят из Краснокутского кургана (Мелюкова А.И., 1981, с.51, рис.14,1–4), Огуза (Спицын А.А., 1906, с.164, рис.23), Александропольского кургана (ДГС, I, с.9,10) и Чмыревой Могилы (Браун Ф.А., 1906, с.104).

Лунницы наиболее близких к нашим форм найдены в Чертомлыке (Алексеев А.Ю. и др., 1991, с.151, кат.14) и Краснокутском кургане (Мелюкова А.И., 1981, с.51, рис.14,5–11). Предметы из Толстой Могилы (Мозолевский Б.М., 1979, с.37, рис.21,8) и Мелитопольского

кургана (Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н., 1988, с.144, рис.159,4,5; с.145, рис.160,1,2) сходны между собой и отличаются от наших. Линии их контуров ближе к дугам, концы совсем острые, отверстие для подвешивания проделано просто в самой луннице, без специального выступа. У всех лунниц из Солохи (Манцевич А.П., 1987, с.108,109, кат.98) есть выступ для подвешивания, иногда оформленный в виде петли. При всем разнообразии форм полумесяца (его окончания могут в разной степени широко расходиться в стороны или же загибаться навстречу друг другу) есть экземпляр, похожий на наш. Специфической чертой лунниц из Огуза (Спицын А.А., 1906, с.164, рис.21) и Александропольского кургана (ДГС, I, табл.VII,11), также имеющих выступ для подвешивания, можно назвать расширения в виде кружков на концах.

Колокольчики из кургана Козёл, как уже говорилось, разных форм, приближающихся к конической; некоторые из них кривые, двух одинаковых нет. То же можно сказать и о колокольчиках из Чертомлыка (Алексеев А.Ю. и др.,

1991, с.150, кат.12) и Краснокутского кургана (Мелюкова А.И., 1981, с.51, рис.14,18–21). Подобные колокольчики есть и в Солохе (Манцевич А.П., 1987, с.11, кат.113; с.13, кат.123), но ими не исчерпывается ассортимент этих предметов в материале кургана: здесь найдены и колокольчики с прорезями, треугольными (Манцевич А.П., 1987, с.108, кат.100) и в форме ласточкина хвоста (Манцевич А.П., 1987, с.115, кат.131). Колокольчики из Толстой Могилы (Мозолевский Б.М., 1979, с.37, рис.21,7) и Мелитопольского кургана (Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н., 1988, с.144, рис.159,1,2) сходны между собой и отличаются от прочих более приземистыми пропорциями и пухлой формой, которую трудно назвать конической.

Приведенный краткий перечень сопоставлений позволяет представить следующую картину. Наибольшее сходство предметы шейных уборов из кургана Козёл обнаруживают с чертомлыцкими, что неудивительно, учитывая перечисленные выше признаки сходства в устройстве конских могил и расположении того же количества лошадей. Несколько особняком стоят две группы курганов: Мелитопольский и Толстая Могила с совершенно одинаковыми деталями уборов, не находящими аналогий в других памятниках (исключение составляет одна большая бляха похожей формы из Чертомлыка), и сходным их устройством, и Огуз и Александропольский курган, также с совершенно сходными деталями уборов. По форме отдельных предметов материал Краснокутского кургана переключается с материалами Козла и Чертомлыка (лунницы и колокольчики), с одной стороны, и Огуза и Александрополя (большие круглые бляхи) – с другой. И, наконец, совсем обособленно выглядит материал кургана Солоха, где наблюдается наибольшее богатство вариаций форм этих деталей при том, что некоторые разновидности колокольчиков и лунниц находят переключки в комплексах Козла и Чертомлыка. Такое разнообразие форм можно объяснить тем, что здесь подобные уборы встречены впервые (Алексеев А.Ю. и др., 1991, с.93), и материалы этого кургана отражают поиски оптимальных технических и художественных решений, обычные для периода разработки нового типа предметов.

Седелные уборы

По данным донесения И.Е.Забелина, на трех конях в кургане Козёл были седла с золотыми

пластинами. Это кони №№ 1, 2 и 4. Золотые пластины сделаны из тонкого листа металла, представлены двумя формами. Одни (рис.6,1,2), длиной 31–32 см, снабжены грибовидными выступами, отходящими от одного из краев по длинной стороне пластины. Лист металла слегка выгнут таким образом, что все узкие части выглядят равномерно выпуклыми, а наиболее выпуклыми получаются расширения выступов. Другие пластины (рис.6,3,4) представляют собой просто полосы с косо срезанными концами длиной 19–21 см, шириной около 2,5 см, тоже слегка выпуклые. По краям всех пластин с наружной стороны пробиты дырочки диаметром 1,5–2 мм. В некоторых отверстиях сохранились маленькие золотые гвоздики, расположенные шляпками с лицевой стороны пластины. В описи значатся также отдельно собранные гвоздики от разных седел (до нашего времени не дошли).

К седельным уборам относятся и подпружные пряжки, упомянутые в начале статьи. Подобные пряжки в IV в. до н.э. широко известны в лесостепных и степных памятниках, в том числе и в царских курганах – Чертомлыке, Толстой могиле, Огузе⁵ и других (Ильинская В.А., 1973, с.61,62; Алексеев А.Ю. и др., 1991, с.87, кат.23).

Каждому из перечисленных коней принадлежало по паре пластин того и другого вида. Никаких данных о расположении пластин, кроме того, что они относятся к седлам, ни в Донесении, ни в дневнике не приведено, однако в Донесении говорится о следах дерева в области расположения седел. В приложенной же к этому документу описи находок пластины описываются как «две с передней части вырезные, а с задней простые гладкие... Пластины по краям имеют скважины для гвоздиков, которыми были прибиты к дереву» (ГИМ, оп. Б 288).

Наличие гвоздиков в отверстиях недвусмысленно свидетельствует о том, что эти пластины именно набивались, а не нашивались на некую основу. С другой стороны, их выгнутая форма предполагает какую-то мягкую подкладку под ними.

Обратившись к материалам других курганов, заметим, что почти точно такие же пластины найдены в кургане Чертомлык (ДГС, II. Атлас, табл. XXXIX, 11; Алексеев А.Ю. и др., 1991, с.160–166, кат.45,6;48,4,5;50,5,6;53,4,5;54,4,5).

⁵ В кургане Огуз такие же пряжки были найдены *in situ* в районе седел. Благодарим Ю.В.Болтрика за информацию.

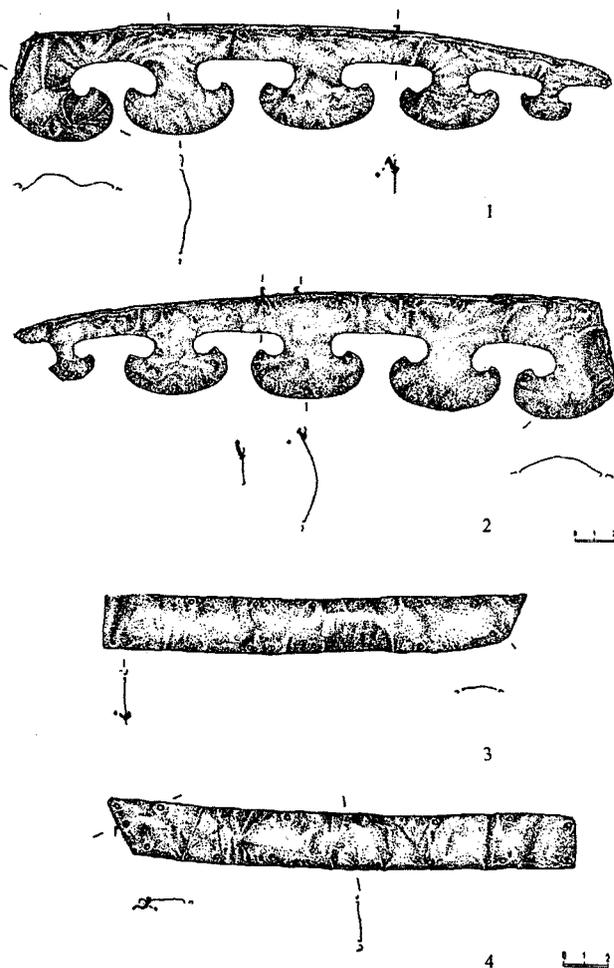

Рис. 6. Пластины от седла, золото. Конь 1

И.Е.Забелин их тоже называл передними вырезными и задними простыми и писал, что они были прикреплены к дереву золотыми гвоздиками (ДГС, II, с.88).

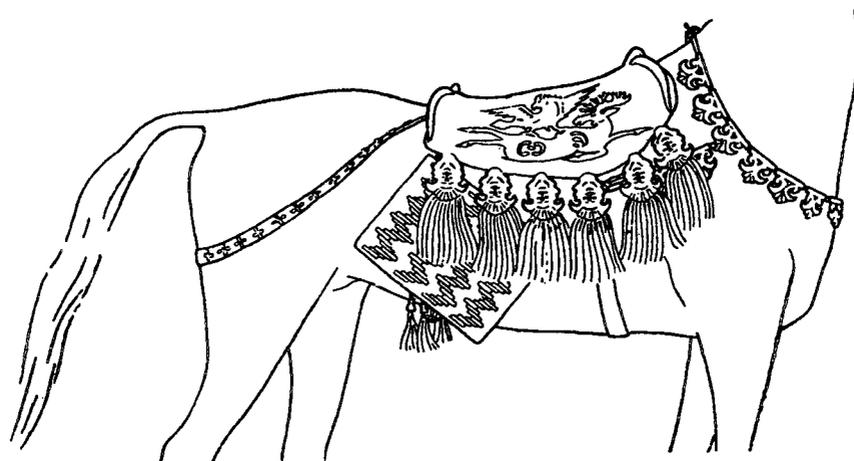
По данным А.Ю.Алексеева, В.Ю.Мурзина и Р.Ролле, подобные предметы, несколько отличающиеся по форме выступов, происходят из курганов Огуз, Александропольского, Покровки, Желтокаменки (Алексеев А.Ю. и др., 1991, с.93).

Пластины из кургана Желтокаменка наиболее сходны по форме с вырезными пластинами из Козла (Мозолевский Б.Н., 1982, с.212, рис.38,8) (пластин в виде простых полосок не найдено), однако они сделаны из серебра, при них найдены гвоздики, различающиеся по длине (Мозолевский Б.Н., 1982, рис.38,9), наиболее длинные в широкой части, уменьшающиеся по длине к концу (Мозолевский Б.Н., 1982, с.213). Хотя пластины найдены *in situ* (они лежали вдоль позвоночника коней – Мозолевский Б.Н.,

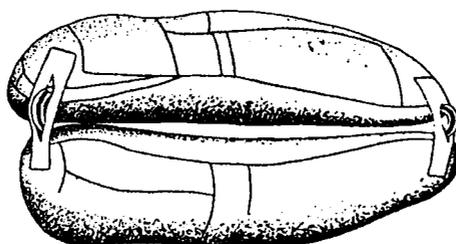
1982, с.200,201), данных для реконструкции седла недостаточно.

В Александропольском кургане тоже зафиксировано расположение пластин в погребении: длиной около 10 дюймов у передней луки седла, а длиной около 9 дюймов – у задней. Указывается ширина седла – «до $\frac{3}{4}$ аршина» и отмечается наличие дерева со следами красной краски (ДГС, I, с.10). Хотя по форме александропольские пластины несколько отличаются от пластин из Чертомлыка и Козла (они все с зубцами в форме завитков), но закономерность их расположения та же, что и в Чертомлыцком кургане (длинные на передней части, короткие – на задней).

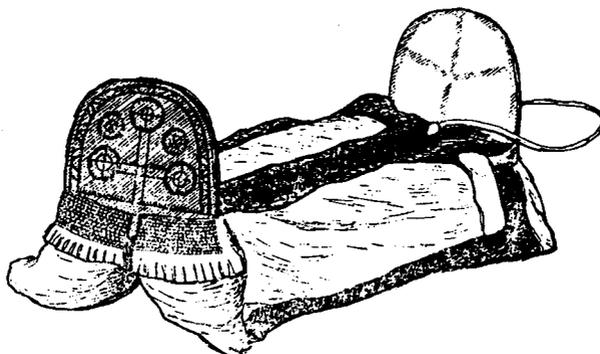
Об остатках деревянного седла говорится в отчете о раскопах Лемешева кургана (ОАК за 1911 г., с.34). Остатки дерева в области спины коня найдены также в Толстой Могиле (Мозолевский Б.М., 1979, с.36,190) и к.29 группы Гайманова могила (Ильинская В.А., 1973, с.54).

1

2

3

Рис. 7. Материалы к реконструкции седел из кургана Козёл: 1 – реконструкция седла коня 7 из 1-го Пазырыкского кургана (Грязнов М.П., 1950, с.35, рис.13); 2,3 – долганские седла (Попов А.А., 1935, с.189, рис.3А,3В)

Приведенные свидетельства участия дерева в конструкции седел входят в противоречие с общепринятыми представлениями об истории конского снаряжения, согласно которым жесткое седло в комплексе со стременами было изобретено кочевниками евразийских степей раннего средневековья. В скифское же время известно мягкое седло, о чем мы достоверно знаем по материалам раскопок Пазырыкских курганов.

Для представления об устройстве седел IV в. до н.э. эти материалы имеют неоценимое значение, поскольку здесь некоторые седла сохранились практически полностью, а некоторые на-

дежно восстановлены М.П.Грязновым. Пазырыкские седла состояли из двух подушек, соединенных посередине тонкой кожей и расположенных по бокам лошади. Сверху подушки были перетянуты подпругой, к которой присоединялся нагрудный ремень. На них лежал тонкий войлок, укрепленный по концам подушек деревянными дужками (рис.7,1; Грязнов М.П., 1950, с.55–57). М.П.Грязнов считал такой тип седла универсальным для азиатских степей. Исходя же из материалов изобразительных памятников, исследователь полагал, что седла из собственно скифских курганов имели более простое устройство. Что

же до седла с деревянной основой, но еще не вполне жесткого, то М.П.Грязнов нашел таковое в культуре этнографических оленеводов-долган и счел его логически переходной формой к настоящему твердому седлу, изобретенному в раннем средневековье (Грязнов М.П., 1950, с.57).

Долганское седло для езды на оленях (рис.7,2,3) также состояло из двух подушек, но внутри них помещались деревянные дощечки. При этом у одного из типов таких седел (женского, или грузового) спереди и сзади возвышались деревянные орнаментированные луки (Попов А.А., 1935, с.189, рис.3В). Поверх седла укладывался коврик, на него сумки, все вместе перетягивалось подпругой. Ездили в таком седле без стремян, что требовало большой сноровки, при этом легче было ездить в седле с луками (Попов А.А., 1935, с.189,190).

Рискнем предположить, что в скифские курганы IV в. до н.э. были положены седла, по-

добные описанным. Это, пожалуй, единственное непротиворечивое объяснение регулярных находок остатков дерева именно в области седел. Тезис М.П.Грязнова, что описанное седло является логически переходной формой к настоящим твердым седлам, не вызывает возражений и подтверждается тем фактом, что подобные седла известны не только у долган, но и у многих народов севера Евразии – от Скандинавии до крайнего Северо-Востока Азии (Попов А.А., 1935, с.189), т.е. они были функциональны и при этом технически достаточно просты. Такого рода предметы могли изобретаться неоднократно в истории просто в силу их рациональности.

Разумеется, это предположение отнюдь не обязывает нас считать, что скифские седла IV в. до н.э. выглядели именно как долганские – речь идет всего лишь о сходстве конструктивных принципов.

Литература

- Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р., 1991. Чертомлык (Скифский царский курган IV в. до н.э.). Киев.
- Браун Ф.А., 1906. Отчет о раскопках в Таврической губ. за 1898 г. // ИАК. Вып.19.
- Грязнов М.П., 1950. Первый Пазырыкский курган. Л.
- Ильинская В.А., 1973. Скифская узда IV в. до н.э. // Скифские древности. Киев.
- Манцевич А.П., 1980. Об уздечках фракийского типа из кургана Огуз // Actes du II Congrès international de Thracologie (Bucarest, 4–10 sept. 1976): Histoire et archéologie. Bucureşti.
- Манцевич А.П., 1987. Курган Солоха. Л.
- Мелюкова А.И., 1976. К вопросу о взаимосвязях скифского и фракийского искусства // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.
- Мелюкова А.И., 1981. Краснокутский курган. М.
- Мелюкова А.И., 1989. Оружие, конское снаряжение, повозки, наверхия // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М.
- Мозолевский Б.Н., 1982. Скифский «царский» курган Желтокаменка // Древности степной Скифии. Киев.
- Мозолевский Б.М., 1979. Товста Могила. Київ. ОАК за 1911 г., 1914. Петроград.
- Переводчикова Е.В., Фирсов К.Б., 2002. О конструктивных особенностях зооморфных конских наносников (налобников) из скифского кургана Козёл // Античная цивилизация и варварский мир. (Материалы 8-го археологического семинара. Краснодар, 13–15 июня 2001 г.). Краснодар.
- Переводчикова Е.В., Фирсов К.Б., Яценко И.В., 2002. Фрагменты орнаментированного предмета из кургана Козёл // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. Материалы Международной научной конференции. Ч.2. СПб.
- Попов А.А., 1935. Оленеводство у долган // СЭ. № 4-5.
- Спицын А.А., 1906. Серогозские курганы // ИАК. Вып.19.
- Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н., 1988. Мелитопольский курган. Киев.
- Rolle R., Gorelik M., 1991. Panzerreiter in der nordpontisch-kaspischen Steppen // Gold der Steppe. Archäologie der Ukraine. Schleswig.

О НАЗНАЧЕНИИ ЗОЛОТЫХ «КОНУСОВ» ИЗ СКИФСКОГО КУРГАНА ОГУЗ

В Музее исторических драгоценностей Украины, среди множества находок из скифских памятников, хранится золотой предмет (рис. 1, 1), который фактически с момента его находки относится к унылой серии «вещей неизвестного назначения». В фонды музея он попал вместе с другими древностями из коллекции Б.И. и В.Н. Ханенко и в топографическом плане витрины № 5 второго зала Музея значится как «предмет золотой с круглым отверстием в верхней части». Так же (предмет с отверстием) он назван и в Книге Списков фондов МИДУ. Б.И. и В.Н. Ханенко опубликовали его в шестом выпуске «Древностей Приднепровья» как «рожок золотой, конусовидной формы, неизвестного назначения», найденный вместе с небольшой серией золотых предметов в кургане Агусь близ с.Белозерки Мелитопольского уезда Екатеринославской губернии. В пояснении сообщалось также, что «однородные с настоящими предметы», найденные крестьянами в боковом склепе после раскопок кургана, поступили в Императорскую Археологическую Комиссию (Ханенко Б.И. и В.Н., 1907, с.15).

Действительно, в Государственном Эрмитаже хранятся аналогичные золотые предметы, поступившие в Императорскую Археологическую Комиссию в 1902 г. История этих находок такова. Спустя семь лет после завершения продолжительных раскопок Огуза, проводившихся Н.И.Веселовским в 1891–1894 гг., осенью 1901 г. дождями размыло южную стенку котлована Центрального погребения и открылся полузаваленный дромос. В недоисследованном Н.И.Веселовским дромосе и уходящем из него грабительском ходе местные крестьяне нашли золотые предметы. В памяти местного населения свежи были события, связанные с находкой золотых предметов Тимофеем и Ефимом Малешко в 1896 г. в старом раскопе Н.И.Веселовского на соседнем Деевом кургане. Пример оказался заразительным и породил широкую волну кладоискательства в западной части Мелитопольского уезда. В 1901–1902 гг.

хищническим раскопкам подверглись многие курганы уезда. Эти события вынудили тогдашнего Председателя Археологической комиссии графа А.А.Бобринского обратиться к Таврическому губернатору с просьбой об установлении на кургане охраны и возвращении награбленного. Последовавшие за этим установление полицейских постов на кургане и привлечение к законной ответственности более 250 человек, вероятно, остановили кладоискателей.

В конце марта 1902 г. для возобновления работ на Огузе в Нижние Серогозы прибыл помощник заведующего раскопками в Херсонесе подпоручик Вадим Рот. После зачистки всех обнаруженных подземных сооружений было найдено сравнительно немного золотых, железных и костяных предметов. Большую часть «находок» Вадима Рота составляли отобранные с помощью властей у кладоискателей золотые и серебряные предметы конского снаряжения, принадлежавшие по крайней мере 10 коням. Основная масса находок впоследствии поступила в Эрмитаж. Меньшая часть (вероятно, утаенная крестьянами от В.Рота) попала в частные коллекции Одессы, Харькова и Киева.

В отчете В.Н.Рота о раскопках Огуза в 1902 году предметы, хотя бы отдаленно напоминающие наш золотой «конус», не числятся (ОАК за 1902 г., с.63–65). Однако позже, в 1906 г., в очередном 19-ом выпуске Известий Археологической Комиссии А.А.Спицын публикует их среди вещей из кургана Огуз, доставленных в Археологическую Комиссию местным начальством. По поводу места находки сообщалось, что «вещи (принадлежавшие главным образом к конскому убору) вынесены были древними грабителями из центральной ямы (где кости лошадей обнаружены во множестве), оставлены по случайным обстоятельствам в граб. ходу и почему-то не взяты». Под № 22 в списке значатся «Пять больших оригинальных наконечников неизвестного назначения, в виде плоской фляжки без дна. Судя по криво поставленному горлышку, это не вотолка.

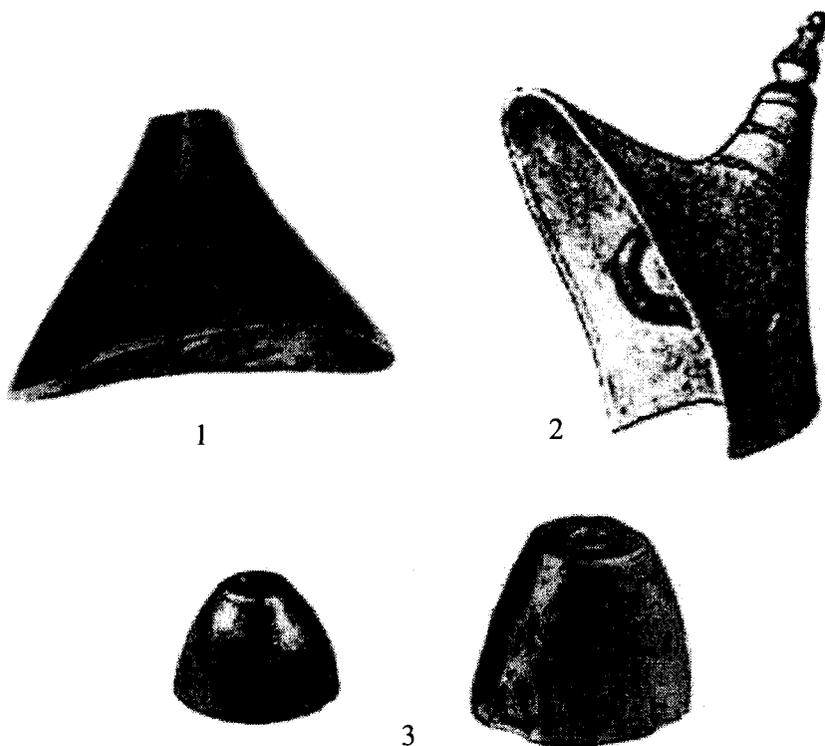

Рис. 1. Золотые конусовидные предметы: 1 – Огуз, Центральное погребальное сооружение; 2 – с. Михайлово (Болгария), украшения колесницы; 3 – Курджипский курган

Поделка удобно охватывается рукою, налагая пальцы снизу, на кривизну. Спаяна из двух пластин, широко заходящих одна на другую в месте шва. Из общего плохого золота». Предваряя описание огузских вещей, автор сообщил, что в Комиссию доставлено большинство находок, но часть их все же разошлась по рукам и впоследствии попала в частные коллекции – например, П.А.Маврогордато и Б.И.Ханенко (Спицын А.А., 1906, с.157,160).

В экспозиции Эрмитажа представлены все пять упомянутых выше предметов. В первом томе «Инвентаря» (Инвентарной описи) они значатся под 1902 г. как «Наконечник золотой, расширяющийся на одном конце, сдавленный с двух сторон» (№№ 2091–2095).

Из вышеизложенного следует, что всего известно шесть аналогичных золотых предметов, происходящих из кургана Огуз, пять из которых хранятся в Эрмитаже (СПб.) и один – в Музее исторических драгоценностей (Киев). Найдены они, судя по всему, среди украшений конской сбруи в длинном дромосе Центрального погребального сооружения. Называли их по-разному: просто предмет с отверстием, рожок конусовидной формы, просто наконечник или наконечник с уточнением формы – в виде плоской фляжки

без дна (по Спицыну). Единодушия в определении формы предметов у исследователей нет, при этом практически все сходятся в одном – отношении этих оригинальных находок к группе предметов неизвестного назначения.

Среди артефактов, происходящих из скифских курганов, известна небольшая серия вещей, условно названная исследователями «золотыми ворворками» или «конусами». Именно эти предметы вспоминаются прежде всего в связи с рассматриваемыми огузскими находками. Однако думается, что причисление наших изделий к этой серии вряд ли возможно. Огузские экземпляры стоят как бы особняком по нескольким причинам.

1. Форма. Название «конусы» в действительности условно, поскольку некоторые из предметов, объединенных в эту серию, имеют полусферическую форму, другие колоколовидную, а третьи – форму усеченного конуса, при этом боковая поверхность части из них не ровная, а вогнутая (Болтрик Ю.В., 1996; Алексеев А.Ю., 1997).

2. Оформление поверхности. Практически все конусы имеют «дно» уплощенное или округлое, в котором аккуратно оформлено или грубо пробито круглое отверстие. Кроме того, большинство

Таблица 1. Параметры «конусов» из кургана Огуз

№	1	2	3	4	5	6 (МИДУ)
высота (см)	8,4	8,8	8,8	8,8	8,2	8,65
диаметр осн. (см)	10,6	11	10,3	11,6	10,8	10,8
ширина (см)	4,2	4	5	4	4,1	
вес (г)	70,6	77,82	73,44	74,12	70,6	68,65

«ворворок» гладкие, но есть и украшенные рельефным орнаментом (Курджипский и Братолюбровский курганы, Передериева Могила), углубленным (Арциз) или ажурным (Ак-Бурун).

3. *Количество в одном комплексе.* Как правило, подобные находки единичны. Но известны случаи, когда в одном комплексе найдено несколько конусов: четыре – в Курджипском кургане (правда, в разных его местах), по три – в Ак-Буруне и Ставропольском (Казинском) кладе (Галанина Л.К., 1980; Артамонов М.И., 1966; Придик Е.М., 1914; Королькова Е.Ф., 1995). При этом существенным является то обстоятельство, что находки из одного комплекса, как правило, различны не только по размерам, но и по форме (исключение составляют курджипские находки).

4. *Вес.* По наблюдениям Ю.В. Болтрика, рассмотревшего практически все известные на сегодняшний день «ворворки», небольшие конусы из погребений представителей среднего социального слоя весят 200–250 г; большие «ворворки» тяжелее в два-четыре раза; самый же тяжелый «конус» из Ставропольского клада весит 1062 г (Болтрик Ю.В., 1996, с.108). Из этой схемы «выпадают» колпачки (по определению Л.К. Галаниной) из Курджипского кургана – самый тяжелый из них золотой весит 72,8 г, вес остальных еще меньше (правда, последнее объясняется тем, что два из них серебряные с золотой обтяжкой, а третий, весом 17,2 г, представляет собой золотую обтяжку без основы) и еще две ворварки из Дзюбиной Могилы и кургана у с.Шелюги (вес соответственно 122,3 и 135 г).

Огузские находки не совпадают с большими ворворками практически по всем параметрам. Форма их уникальна; боковые поверхности гладкие, но при этом отсутствует «дно» и край нижнего основания не ровный, а оформлен ко-со. По количеству в одном комплексе (6 экз.) они перекрывают все известные находки конусов, причем, скорее всего, составляют пары (три). Вес их разный – от 68,65 г (киевский экз.) до 77,82 г, что почти в два-три раза меньше ве-

са самых маленьких конусов из погребений представителей среднего социального уровня. Особо огорчаться из-за того, что огузские экземпляры не входят в серию «больших ворворок», не стоит уже хотя бы потому, что последние до сих пор фактически относятся к категории все тех же предметов неизвестного назначения – хотя предположений об их функции существует немало, единство же во мнениях до сих пор не достигнуто (Королькова Е.Ф., 1995, с.86; Болтрик Ю.В., 1996, с.107).

Но вернемся к огузским «конусам». Основные параметры их приведены в таблице 1, из которой хорошо видно, что, как и большинство сделанных вручную вещей одной серии, огузские экземпляры отличаются друг от друга, но весьма незначительно. Поэтому вполне возможно допустить, что эти «конусы» были парными в наборах.

Как уже упоминалось, они найдены в дромосе, среди украшений конской сбруи. Поэтому, видимо, логично предположить их связь с конем. Среди известных мне находок в связи с огузскими экземплярами вспоминаются два золотых предмета из с.Михайлово (Болгария), названных И.Венедиковым амулетами (Венедиков И., 1960, табл.58). Сходство, однако, достаточно условно и ограничивается главным образом оригинальностью формы, близкой к конусу с вогнутыми сторонами и фигурно срезанным основанием (рис.1,2). Их отличают и более сложное конструктивное решение (верх украшен горизонтальными рельефными валиками и заканчивается фигурным навершием, а внутри припаяно массивное кольцо) и большие размеры (высота 14 см). Украшали михайловские амулеты двухколесную повозку.

Огузские же украшения, на наш взгляд, дополняли скорее убор коня, чем декор повозки. В пользу подобного заключения говорит то обстоятельство, что в дромосе Центрального погребения находились взнузданные кони и совершенно отсутствовали какие-либо детали повозок. Здесь, видимо, уместно упомянуть серию

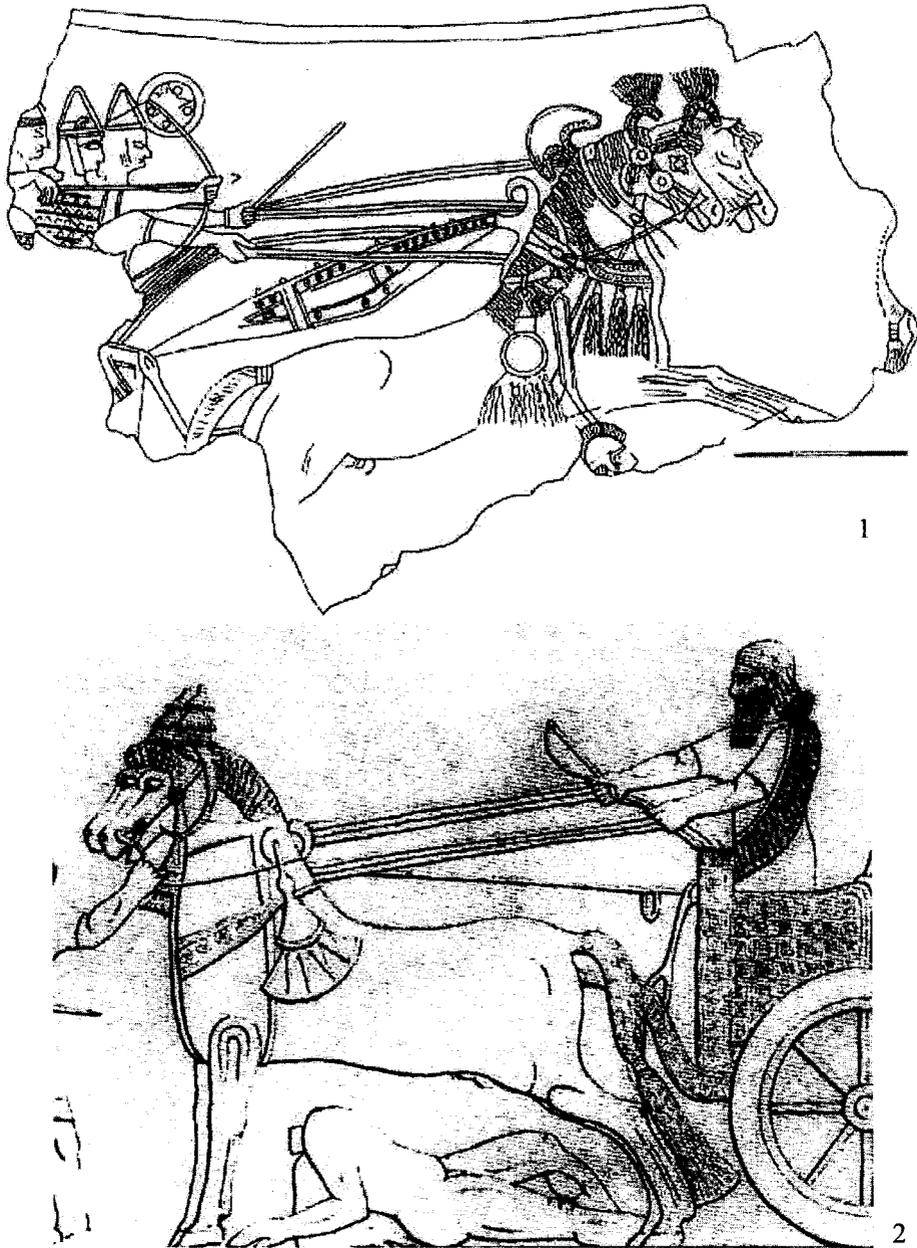

Рис. 2. Изображения подвесок-амулетов на произведениях изобразительного искусства: 1 – фрагмент бронзовой пекторали ассирийской работы (IX в. до н.э.); 2 – ассирийский рельеф из дворца Тиглатпаласара III в Нимруде (вторая половина VIII в. до н.э.)

изображений, в том числе и на каменных барельефах, которые можно привлечь в качестве косвенного подтверждения нашего предположения. Так, на фрагменте бронзовой конской пекторали ассирийской работы (место находки неизвестно) изображена пара запряженных в колесницу коней, упряжное убранство одного из которых дополняет крупная подвеска с кистью на конце, висевшая сбоку на его шее (рис.2,1). Эта пектораль относится к IX в. до н.э. (Иванчик А.И., 2001, с.142, рис.66,3). Узда коня

на барельефе из Персеполя (484–465 гг. до н.э.) украшена, по всей видимости, парными подвесками, спускающимися по бокам (Calmeyer P., 1985, taf.39), наиболее сходными по форме с огузскими находками (рис.3). Похожие детали хорошо видны у коней на ассирийском рельефе из дворца Тиглатпаласара III (745–727 гг. до н.э.) в Нимруде (Barnett R.D., Falkner M., 1962, pl.XLIII) (рис.2,2) и на рельефе Ашшурнацирпала II (884–858 гг. до н.э.) из Нимруда (Budge E.A.W., 1914, taf.XXIV,2). На ассирийском

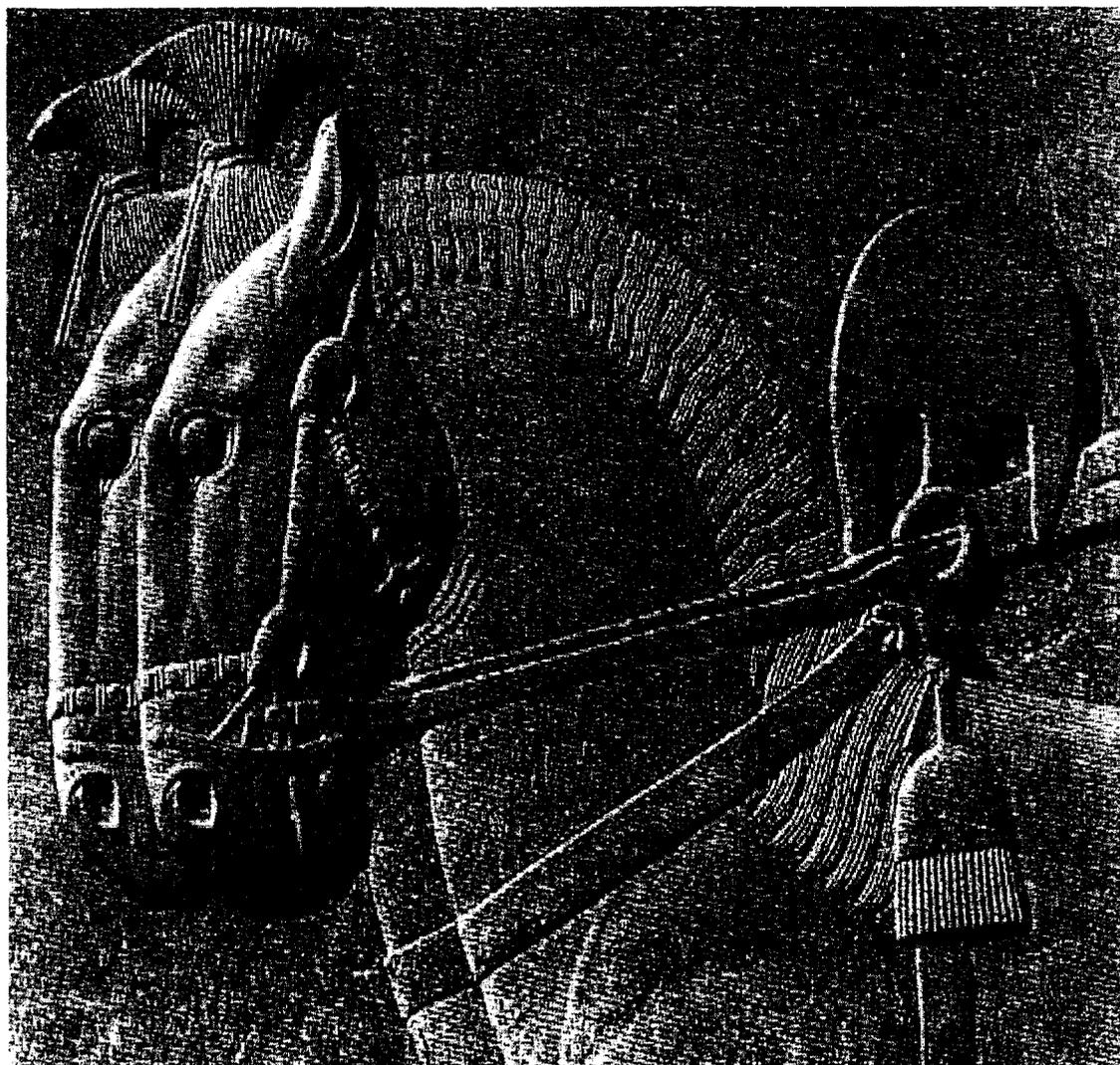

Рис. 3. Рельеф лестницы ападаны в Персеполе. Фрагмент (конец VI – первая половина V в. до н.э.)

рельефе из дворца Саргона II в Дур-Шаррукине (713–707 гг. до н.э. – время строительства дворца) подвеска изображена в виде кисти, но без обоймы и меньшего размера (Albenda P., 1986, pl.34).

Примечательно, что на всех изображениях кони, в набор украшений которых входят пышные боковые подвески, упряжные (колесничные). Ни разу такие украшения не показаны у верховых коней. Этнографическая параллель боковым подвескам была встречена нами в 1993 г. в с.Строгановка Приазовского р-на Запорожской обл. Современную парадную уздечку упряжного коня здесь украшали две кисти, симметрично свисающие по бокам на длинных ремнях. Каждая кисть представляла собой металлическую обойму в виде усеченного конуса с вставленным в нее свернутым петлей ремешком, верхний конец которого крепился к свисающему ремню, а нижний

разрезан на узкие полоски, образующие бахрому. Правда, эти обоймы значительно уступали огузским по размеру. Последний пример демонстрирует удивительную устойчивость и «живучесть» традиций в оформлении конской упряжи.

Очевидно, что уникальные для скифских памятников огузские золотые «конусы» использовались в качестве амулетов-украшений в сбруе упряжных коней. Учитывая приведенные изображения, можно предположить, что, во-первых, подвески крепились попарно. Видимо, поэтому в Огузе их в общей сложности шесть, что составляет три пары. Во-вторых, они свисали на длинных ремнях по бокам корпуса коня у краев нагрудника и крепились, скорее всего, к одному из нагрудных ремней. Таким образом, они как бы завершали и в то же время дополняли парадный нагрудник коня.

Что касается названия огузских предметов, думается, что приведенные выше изображения

1

2

Рис. 4. Изображения верховых и упряжных коней: 1 – фрагмент рельефа из дворца Ашшурбанапала в Нимруде; 2 – фрагмент рельефа из дворца Ашшурбанапала в Ниневии

позволяют называть их **вотолками**. В «Словаре русского языка XI–XVII в.» приведено следующее толкование этого термина. «Вотолка. Головка кисти или чашечка (подчеркнуто мною – Е.Ф.), в которой скреплены пряди кисти» (Малкова О.В., Романова Г.Я., 1976, с.73). Для объяснения этого слова И.И.Срезневский использовал выдержку из описания «конского прибора царя Бориса Годунова 1589 г. по рукописи Архива Московской Оружейной Палаты с объяснительным указателем П.И.Савваитова: «На наузе вотолка плетена золотом, с ворворками» (Срезневский И.И., 1893, с.307). По его же определению **науз** – это «одна или несколько кистей, вешавшихся на шнуре или цепочке под шею лошади», кроме того, это «чародейственная навязь, носимая для предохранения от болезни или несчастья» (Срезневский И.И., 1893, с.443,444). Соответственно, и в нашем случае золотые вотолки являлись частью сложных украшений-кистей, несших нагрузку апотропеев.

Возможно, что ту же роль могла играть и часть так называемых больших ворворок

(главным образом меньших размеров). Подобное предположение уже высказывалось ранее. Так, Е.М.Придик в подробном описании золотых предметов из Казинского (Ставропольского) клада под №№ 17–19 поместил «три гладкие золотые вотолки или шапочки, колпаки для кистей с дыркой по середине доньшка». В комментарии к этим находкам он написал, что «такие колпачки от кистей были найдены во многих местах и вызывали недоумение среди ученых: их называли ковшами, колокольчиками и т.п., но против всех этих объяснений говорит отверстие посреди доньшка колпака. Впервые верное объяснение в печати было высказано М.И.Ростовцевым, к которому я всецело присоединяюсь, тем более, что я сам уже раньше пришел к тому же выводу» (Придик Е.М., 1914, с.109). М.И.Артамонов аналогичную находку из Острой Томаковской Могилы определил как ворворку «очень крупных размеров ... для большой кисти, подвешивавшейся к шее лошади» (Артамонов М.И., 1966, с.28).

Таблица 2. Находки больших ворворок в памятниках скифского времени (по Ю.В. Болтрику)

№	Памятник	Металл	Выс. (см)	Диам. отв.	Диам. основ.	Вес (г)	Дата (в. до н.э.)
1	Дзюбина Могила	золото	4,5		11,5	122,3	кон. VI – нач. V
2	Александровка к.б	золото	7,5	1,0	12	259	кон. VI – нач. V
3	с. Вишневка	золото, железо	4	0,9	10		рубеж VI–V
4	Острая Томаковская Могила	золото	5,6		13,8	318,4	нач. V
5	с. Ильичево	золото	13,3	0,7	16	452,6	1/2 V
6	Журовка к.400	золото	8,9		14,8	392	1/2 V
7	Арциз	золото	9,0				2/4 V
8	с. Шелюги	золото	5,3	0,8	10,5	135	V
9	Братолобовка	золото	18		18,5	652,12	нач. IV
10	Братолобовка	золото	4,8		12,5	223	нач. IV
11	Передериева Могила	золото	18,2	0,6	16,6	600	IV
12	Частые курганы к.22	золото	5,0		8,0		IV
13	Ставропольский клад	золото	14,5		19,8	1062	IV
14	Ставропольский клад	золото	14,5		19,4	722	IV
15	Ставропольский клад	золото	11,7		13,7	388	IV
16	Русская Тростянка к.1	золото	2,0		5,2		IV
17	Курджипский курган	золото	5,4	0,6	6,0	72,8	2/2 IV
18	Курджипский курган	золото, серебро	3,8	0,5	5,0	56	2/2 IV
19	Курджипский курган	золото, серебро	4,0	0,6	5,0	55	2/2 IV
20	Курджипский курган	золото	4,7	0,7	5,2	17,2	2/2 IV
21	Ак-Бурун (ажурная)	золото	14,4	0,7	19,5	827,5	кон. IV – нач. III
22	Ак-Бурун	золото	7,0	0,5	11	204,7	кон. IV – нач. III
23	Ак-Бурун	золото	7,7			202,6	кон. IV – нач. III

В таблице 2 приведены данные о больших ворворках из памятников скифского времени¹. Думается, что большую часть их, за некоторым исключением (например, экземпляров из Братолобовского кургана, Передериевой Могилы, «ворворки Романовича» и «Тиары Сайтафарна») можно рассматривать в качестве вотолок. И прежде всего это относится к конусам из Курджипского кургана (рис. 1,3). Там были найдены 4 экземпляра, два из которых (с гладкой поверхностью) практически идентичны по форме и размерам (высота – 3,8 и 4 см), еще два (один гладкий, второй с рельефным орнаментом) близки по форме, но немного разнятся размерами (высота – 4,7 и 5,4 см). Напомню, что два одинаковых экземпляра найдены вместе в погребении, тогда как

два другие – в различных частях насыпи (Галанина Л.К., 1980, с.45,46). Из этого обстоятельства можно заключить, что колпачки из погребения составляли пару, а из насыпи – являлись одиночными украшениями. Наличие в одном комплексе парных и непарных вотолок (Курджипс, Ставропольский клад, Ак-Бурун) вполне объяснимо. Для этого вновь обратимся к переднеазиатским рельефам. На них отчетливо видно, что в парадный убор запряженных в колесницу коней входят боковые (иными словами, парные) подвески-кисти, в то время как убор верховых коней дополняла одна подвеска, расположенная на шее в центре (рис. 4,2). На изображениях такая (одиночная) кисть отличается особой пышностью и многоярусностью. При этом чем богаче убор верхового коня, тем сложнее и массивнее кисть на его шее (рис. 4,1).

Таким образом, переднеазиатские рельефы позволяют рассматривать парные вотолки как определяющий признак упряжного коня. В то же время одиночные (непарные) вотолки возможно расценивать как признак верхового коня. И таким образом, можно предположить, что в дромосе Центрального погребального соору-

¹ Таблица составлена Ю.В. Болтриком и была представлена на докладе «Большие золотые «ворварки» у скифов», прочитанном на конференции «Мир Ольвии» в Киеве в 1996 г. (Болтрик, 1996). По техническим причинам она не вошла в публикацию материалов конференции. Приношу благодарность Ю.В. Болтрику за любезное разрешение использовать его материалы в этой статье.

жения Огуза, наряду с верховыми конями, находились как минимум три упряжных.

В Огузе, как уже отмечалось, найдено максимальное количество вотолок – шесть экземпляров, составляющих, по-видимому, три пары. В этом смысле находка уникальна. Но думается, этот феномен поддается объяснению. На произведениях изобразительного искусства видно, что кони с боковыми (парными) подвесками запряжены в колесницы по одному, по двое и по трое. Так, практически на всех рельефах, украшавших Тронный зал Северо-Западного дворца в Нимруде, колесницы, везущие царя Ашшурнацирпала, запряжены тройкой коней (Barnett R.D., 1959, taf.14,15,24–27). В то же время на рельефах из дворцов Синаххериба и Ашшурбанапала (залы Н и I) с изображением батальных сцен, на фризах ворот дворца Салманасара III в Балавате с изображением осады урартской крепости Сугунии ассирийскими войсками (Barnett R.D., 1959, taf.129,133,135,136,141–144), на рельефе лестницы ападаны в Персеполе с изображением персидской гвардии (Матье М.Э. и др.,

1968, табл.287) в колесничных упряжках показаны один или два коня. Судя по приведенным изображениям, тройка коней запрягалась только в царскую колесницу. В таком случае становится понятным присутствие в кургане Огуз – усыпальнице одного из царей Скифии именно трех пар вотолок, соответствующих трем запряженным в повозку коням.

Кроме того, напрашивается еще одно предположение: парные подвески-амулеты у скифов предназначались для коней, запряженных только в погребальный катафалк. Поскольку, во-первых, скифы не использовали колесниц в бою и, во-вторых, золотые конусы не встречались в женских могилах.

Очевидно, подобные огузским украшения коней использовались достаточно долго, по меньшей мере с IX в. до н.э. (рельеф Ашшурнацирпала II из Нимруда, конская пектораль) и как минимум до конца IV в. до н.э. (Огуз). Скорее всего, эти детали убора коня скифы позаимствовали во время пребывания в Передней Азии.

Литература

- Алексеев А.Ю., 1997. К реконструкции одного утраченного предмета эллино-скифской торевтики V–IV вв. до н.э. // STRATUM PLUS. СПб.–Кишинев.
- Артамонов М.И., 1966. Сокровища скифских курганов в собрании Гос. Эрмитажа. Прага–Л.
- Болтрик Ю.В., 1996. Большие золотые «ворварки» у скифов // Мир Ольвии. Памятник исследователю и исследование памятника. Материалы юбилейных чтений, посвященных 90-летию со дня рождения профессора Л.М.Славина. Киев.
- Венедиков И., 1960. Тракийската колесница. София.
- Галанина Л.К., 1980. Курджипский курган: Памятник культуры прикубанских племен IV в. до н.э. Л.
- Иванчик А.И., 2001. Киммерийцы и скифы. М.
- Королькова Е.Ф., 1995. К вопросу об атрибуции Ставропольского (Казинского) клада // АСГЭ. Вып.32. СПб.
- Малкова О.В., Романова Г.Я., 1976. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып.3. М.
- Матье М.Э., Афанасьева В.К., Дьяконов И.М., Луконин В.Г., 1968. Искусство Древнего Востока. М.
- ОАК за 1902 г., 1904. СПб.
- Придик Е.М., 1914. Новые кавказские клады // Доклады, читанные на Лондонском международном конгрессе историков в марте 1913 г. МАР. № 34. Пг.
- Спицын А.А., 1906. Серогозские курганы // ИАК. Вып.19. СПб.
- Срезневский И.И., 1893. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб.
- Ханенко Б.И. и В.Н., 1907. Древности Приднестровья и побережья Черного моря. Вып. VI. Киев.
- Albenda P., 1986. The Palace of Sargon, king of Assyria. Monumental Wall Reliefs at Dur-Sharrukin, from Original Drawings Made at the Time of their Discovery in 1843–1844 by Bette and Flandin-Sinthese 22. Paris.
- Barnett R.D., 1959. Assyrische Palastreliefs. Prague.
- Barnett R.D., Falkner M., 1962. The Sculptures of Assurnasirpal II, Tiglath-pileser III and Essarhaddon from the Central and the South West Palaces at Nimrud. London.
- Budge E.A.W., 1914. Assyrian Sculptures in the British Museum. Reign of Ashur-nasir-pal, 885–860 BC. London.
- Calmeyer P., 1985. Zur Genese altiranischer Motive. IX. Die Verbreitung des westiranischen Zaumzeugs im Achamenidenreich // AMI 18.

ОБРАЗ ЗАЙЦА В СКИФСКОМ ИСКУССТВЕ

Скифское изобразительное искусство известно доминированием образов различных животных. Одним из наиболее загадочных среди них является образ зайца.

Собственно зайцы (*Lepus*) отличаются длинными ушами, заостренными на концах, укороченными пальцами передних ног, очень длинными задними ногами и поднятым вверх маленьким хвостиком. В степной части Евразии и, прежде всего, в Северном Причерноморье основным видом среди них является заяц-русак (*Lepus europaicus*), достигающий длины 75 см, высоты 30 см и имеющий хвост длиной 8 см (рис.2,1). Его мех состоит из короткого густого подшерстка и длинных толстых волос ости, имеет окраску желто-бурую, которая меняется зимой и летом (Жизнь животных, 1971, с.132,133; Брем А.Э., 1992, с.381).

Несмотря на то, что заяц является одним из основных животных в степной зоне, «исконным степным жителем» (Жизнь животных, 1971, с.134), в жизни скифов он занимал достаточно скромное место. Кости зайцев присутствуют на большинстве скифских и античных поселенческих памятников, однако их количество всегда минимально (Либеров П.Д., 1960, с.130–132; Цалкин В.И., 1960, с.79,101–107). Это связано, вероятно, с тем, что заяц в прошлом не считался серьезным объектом охотничьей добычи. Герои «Шахнаме», например, охотились на онагров и вепрей, животных достойных их богатырской силы. Даже мясо зайцев у многих народов считалось мало пригодным в пищу. Охотились на них преимущественно ради шкурок, которые ценились наряду с лисьими (Гаврилюк Н.А., 1999, с.233). Эта охота, как и другие виды звероловства, требовала определенной специализации и занимала достаточно много времени, однако не уважалась среди степных жителей. Скажем, у запорожских казаков, имевших разветвленную систему промыслов в причерноморской степи, звероловством занимались «только бедные, из коих никто не достигал довольной жизни» (цит. по: Яворницкий Д.И., 1990, с.408). У монголов и

казахов подобная охота тоже считалась занятием бедных (Марков Г.Е., 1976, с.115,163).

Как изобразительный образ заяц в скифском искусстве также занимал второстепенное место, уступая по частоте воспроизведения многим иным диким животным – хищникам, оленям, козлам, птицам. Вместе с тем изображения зайцев известны в степном Причерноморье, Днепроградской и Донской лесостепи, в Прикубанье и на Северном Кавказе. Единичные изображения зайцев происходят из восточных регионов скифского мира – Восточного Казахстана, Минусинской котловины, Алтая, Северного Китая.

В целом нами учтено 80 изображений зайцев¹, происходящих из комплексов скифского времени. Значительная их часть была найдена в тиражированных экземплярах (до 84). Датируются они в пределах VII–IV вв. до н.э., подавляющая часть относится к IV в. С точки зрения композиции выделяются одиночные, парные и сюжетные изображения.

Одиночные изображения, исходя из позы, в которой воспроизведено животное, можно разделить на две группы – изображения бегущего зайца и изображения лежащего зайца. Каждая из них имеет свои варианты.

Группа 1, вариант 1: изображения зайца с вытянутыми передними и задними лапами, касающимися условной линии земли. Задние лапы, при этом, могут быть или подогнутыми, или слегка отставленными назад. С точки зрения интерпретации позы, ее следует признать позой бегущего зайца². Таковыми являются

¹ В дальнейшем анализе использованы только опубликованные изображения, хотя в каталоге учтены все доступные упоминания о находках изображений зайцев.

² Следует отметить, что в большинстве случаев позы зайцев довольно однозначно поддаются интерпретации, в отличие от поз, в которых изображались иные животные. Возможно, это связано с традициями античной изобразительности, под влиянием которой создавались многие изображения зайцев и которая тяготела к довольно реалистичной трактовке воспроизводимых образов.

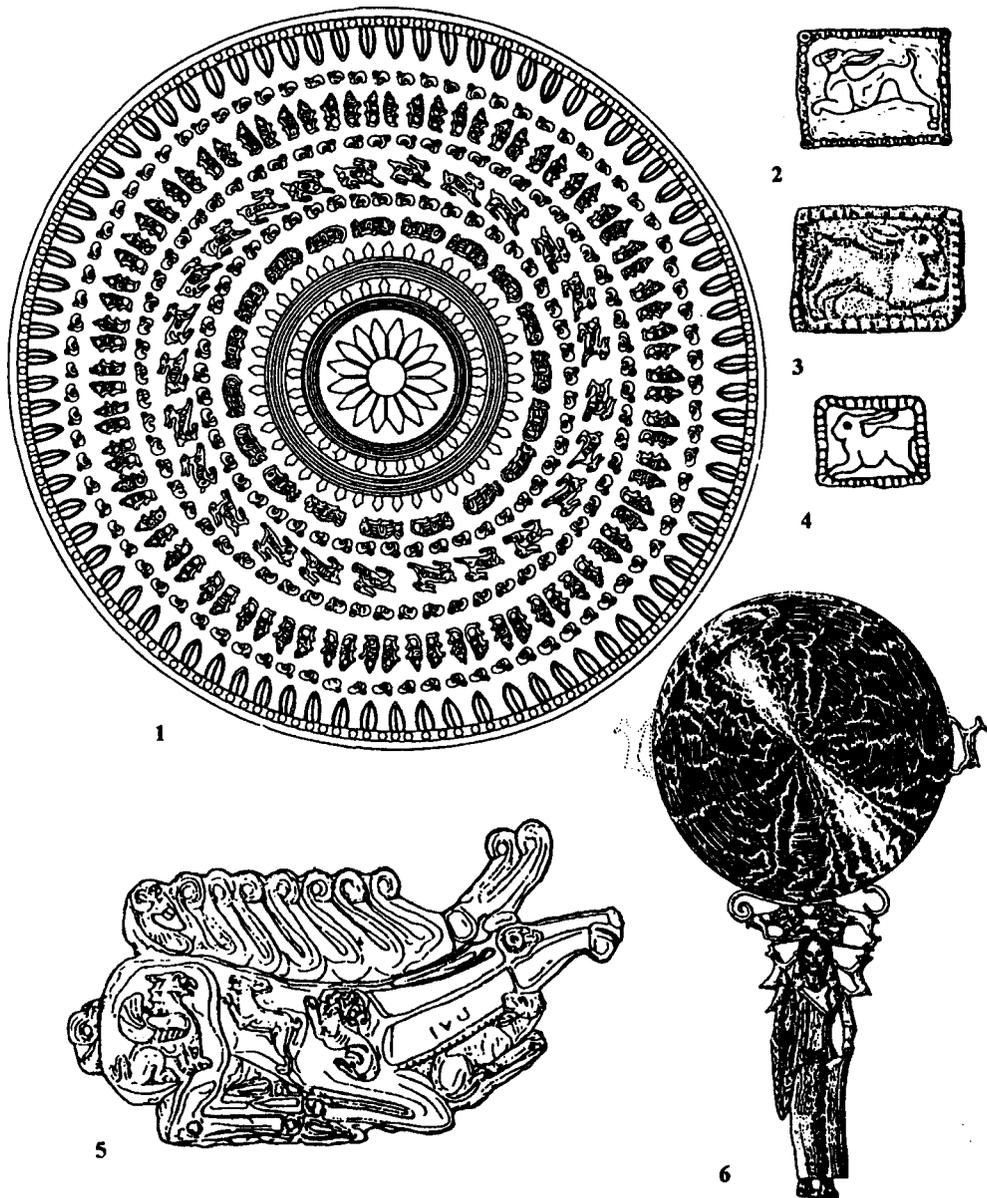

Рис. 1. 1 – Зивие (кат.1); 2 – курган Куль-Оба (кат.11); 3 – Носаки, к.4, гробн.1 (кат.19); 4 – Казенная Могила (кат.23); 5 – курган Куль-Оба (кат.10); 6 – Херсонский курган (кат.5)

архаичные изображения на серебряном диске (блюде?) из Зивие, где в виде аппликаций размещено 25 изображений животных (кат.1; рис.1,1). Фигурки бегущих зайцев располагаются по краю диска зеркала с фигурной ручкой из Херсонского кургана второй половины VI в. до н.э. (кат.5; рис.1,6)³. Из кургана Казенная Могила IV в. до н.э. происходят изображения

на бляшках (кат.23; рис.1,4), а из к.18 у с.Львово – изображение на золотой налобной ленте (метопиде) (кат.22; рис.2,4).

Вариант 2: изображения зайца с приподнятой передней частью туловища, слегка подогнутыми задними ногами и вытянутыми передними. Заяц изображен как бы в прыжке⁴. Такие

³ По мнению Т.М.Кузнецовой, фигурок было несколько, о чем свидетельствуют многочисленные отверстия в бортике диска зеркала (Кузнецова Т.М., 1991, с.56).

⁴ Ср. описание прыжка зайца у С.Т.Аксакова: «Присев на задние ноги, то есть сложив их на сгибе, заяц имеет способность с такою быстротою и силою разогнуть их, что буквально бросает на воздух все свое тело» (1991, с.368).

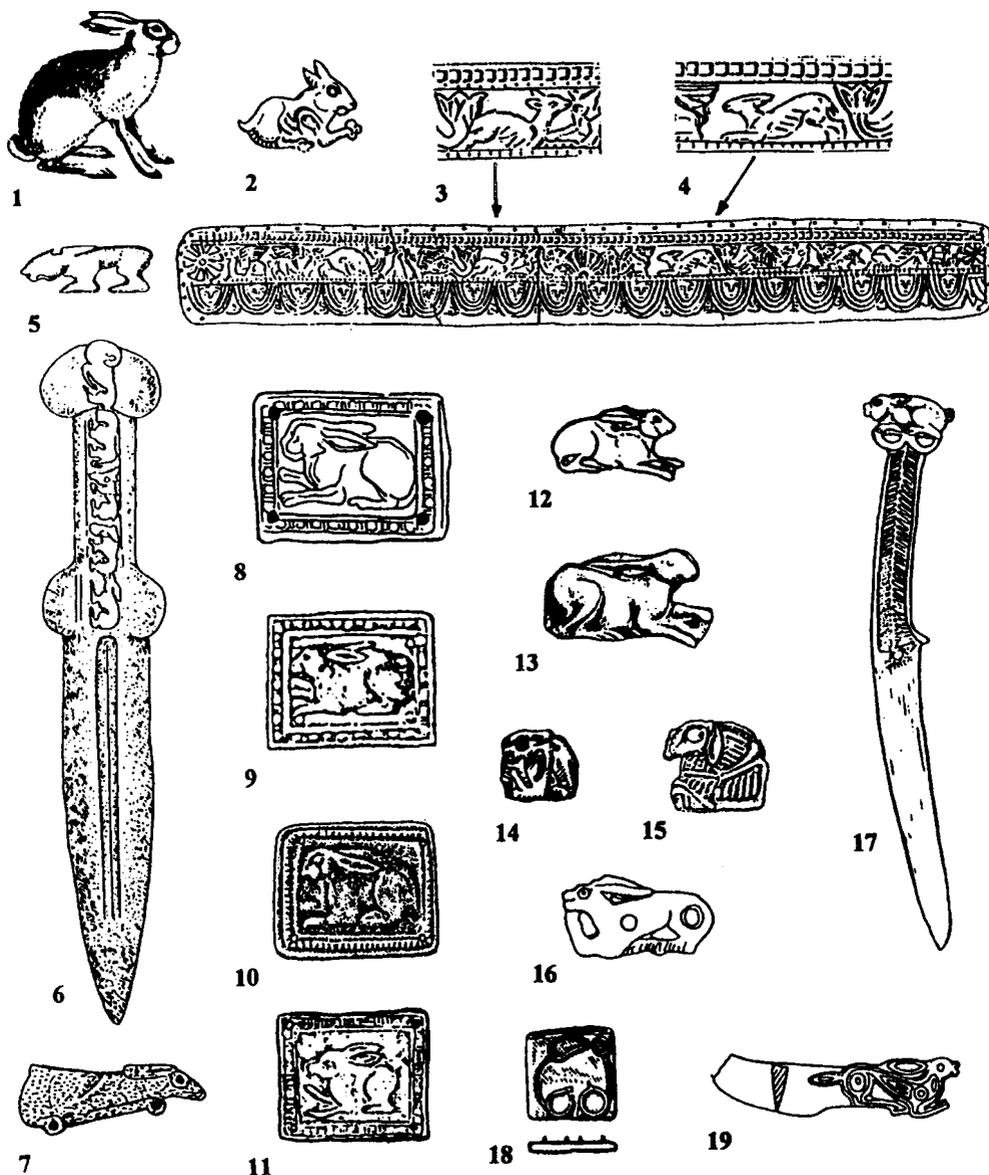

Рис. 2. 1 – заяц-русак; 2 – Зивие (кат.2); 3,4 – Львово, к.18 (кат.21–22); 5 – Гуляй-Город, к.38 (кат.34); 6 – Правобережная Украина (кат.35); 7 – Новозаведенное-П (кат.4); 8 – курган Чертомлык (кат.12); 9 – курган Огуз (кат.13); 10 – Носаки, к.4, гробн.1 (кат.20); 11 – 8-й Уляпский курган (кат.48); 12 – Александропольский курган (кат.24); 13 – Новокаменка, к.4, п.2 (кат.25); 14 – Мастогино, к.1 (1905 г.) (кат.51); 15 – Частые курганы, к.2 (кат.50); 16 – Наньшаньгэнь (кат.58); 17 – Минусинский край (кат.56); 18 – Золотой Чиликтинский курган (кат.54); 19 – Чжоуцзяди (кат.59)

изображения происходят из Куль-Обы (кат.11; рис.1,2), уроч.Носаки, к.4, гробн.1 (кат.19; рис.1,3) и Ульского к.2 (кат.46). Сюда же можно отнести и изображение зайца на кульобском олене (кат.10; рис.1,5), которое хотя и включено в многофигурную композицию, воспринимается совершенно самостоятельно. Бегущий заяц изображен и на бляшках, возможно, происходящих из Нимфейского некрополя и хранящихся в Национальном музее Дании (кат.7).

Как отметила Е.Ф.Королькова, оба варианта представляют весьма распространенный в античной традиции иконографический тип, сформировавшийся еще в архаический период и бытовавший на протяжении столетий вплоть до римского времени в вазописи, нумизматике и других формах (Королькова Е.Ф., 1994, с.107).

Группа 2 объединяет изображения зайцев с подогнутыми лапами, т.е. лежащих. Из них к варианту 1 отнесены изображения зайцев с

прямо поставленной головой. Из архаичных изображений к данному варианту можно отнести изображения из к.5 группы Новозаведенное-II (кат.4; рис.2,7) и к.38 у с.Гуляй-Город (кат.34; рис.2,5). К гуляйгородскому изображению близко изображение зайца на ручке кинжала V–IV вв. до н.э.⁵, происходящее из Правобережной Украины (кат.35; рис.2,6). Большая же часть изображений, относящихся к этому варианту, датируется IV в. до н.э. Это серия изображений на прямоугольных пластинках, обрамленных рубчатой рамкой, которые происходят из курганов Чертомлык (кат.12; рис.2,8), Башмачка (кат.17) и Огуз (кат.13; рис.2,9), уроч.Носаки, к.4, гробн.1 (кат.20; рис.2,10) и 8-го Уляпского кургана (кат.48; рис.2,11). На них воспроизведено животное с обеими передними лапами, из которых правая, может быть, приподнята. А.Ю.Алексеев отметил значительную стилистическую близость данных изображений и аналогичность по деталям оформления рамок на пластинках, что позволило исследователю предположить их изготовление при помощи одного штампа или же то, что их штампы вышли из рук одного мастера-резчика (Алексеев А.Ю., 1984, с.66). В такой же позе и с двумя передними лапами изображены зайцы на контурных бляшках из Александропольского кургана (кат.24; рис.2,12), Новокаменки, к.4, гробн.2 (кат.25; рис.2,13) и к.1 (1905 г.) у с.Мастюгино (кат.51; рис.2,14), а также на метопиде из к.18 у с.Львово (кат.21; рис.2,3). На остальных изображениях, относящихся к этому варианту, зайцы воспроизводились только с одной передней лапой. Среди них выделяется серия маленьких (0,8×1,3 – 1,0×1,5 см) бляшек, имеющих подовальную форму, с изображением обращенных влево зайцев. Они происходят из могилы.1(b) Нимфейского могильника (кат.6; рис.3,13), а также из Степного Причерноморья: Широкое-II, к.71, п.2 (кат.28; рис.3,7), к.11 из группы 22-й шахты (кат.30; рис.3,1), Волчанск-1, к.8, п.2 (кат.27; рис.3,2); Лесотепного Поднепровья: Первого Мгарского кургана (кат.36; рис.3,3); к.19 (1975 г.) мог-ка Скоробор (кат.37; рис.3,4), к.5 в

⁵ В.А.Ильинская датировала данный кинжал временем не позднее начала VI в. до н.э. (Ильинская В.А., 1975, с.98). Однако такой датировке противоречат изображения животных на рукояти, в частности изображение животного с перекрученным на 180° туловищем, подобные которому в скифском искусстве бытовали только в V–IV вв. до н.э.

уроч.Осняги (кат.38; рис.3,17), к.А у с.Басовка (кат.39; рис.3,5,6) и др. Своеобразное стилизованное изображение лежащего зайца найдено в к.2 группы «Частые курганы» (Среднее Подолье) (кат.50; рис.2,15).

К варианту 1 относится и большая часть изображений зайцев, происходящих из восточных регионов скифского мира. Это архаичные изображения зайцев из могильников Наньшаньген и Чжоуцзяди (Внутренняя Монголия) (кат.58–59; рис.2,16,19), воспроизведенных с приподнятой задней частью туловища, контурное изображение из Золотого Чиликтинского кургана (кат.54; рис.2,18) и фигурка на навершии ножа из Минусинского края (кат.56; рис.2,17).

К варианту 2 отнесены изображения лежащих зайцев с опущенной головой. Из архаичных к ним относится изображение на рукояти Келермесской секиры (кат.3; рис.3,12)⁶. Из изображений IV в. до н.э. это серия изображений зайцев на небольших бляшках, чаще всего также имеющих овальную форму. Они происходят из степных Владимирского (кат.9; рис.3,9) и Краснознаменских (кат.29; рис.3,11) курганов, кургана Бабы (кат.8; рис.3,8), к.14 (1909 г.) у ст.Елизаветовской (кат.32; рис.3,16), лесостепных к.5 у с.Ивановка (кат.41; рис.3,10) и к.2 у с.Песочино (кат.42–43; рис.3,14,15). В последнем случае к трем бляшкам прикреплены подвески-бутоны (рис.3,14). Пара симметрично расположенных зайцев изображена на полом наконечнике в виде морды лошади из 2-го Ульского кургана (кат.45; рис.3,18). Кроме того, изображение лежащего зайца с опущенной головой воспроизведено в цепочке различных животных на клинке меча из кургана Иссык (Юго-Восточный Казахстан) (кат.55).

К варианту 3 отнесены изображения лежащих зайцев с повернутой анфас головой, которые происходят из к.3 в уроч.Стайкин Верх, Левобережная Днепровская Лесостепь (кат.40; рис.3,19). В скифское время животных с головой, повернутой анфас, изображали преимущественно только хищников. Данные изображения являются одними из немногих исключений.

⁶ В интерпретации данного животного мы следуем за М.И.Артамоновым (1961, с.40). Е.В.Переводчикова (1979) и Е.В.Черненко (1987) считают, что он является хищником. В.А.Кисель в характеристике животных, изображенных на секире, не дал ему однозначной интерпретации (1997, с.10), но при дальнейшем анализе отнес к группе хищников.

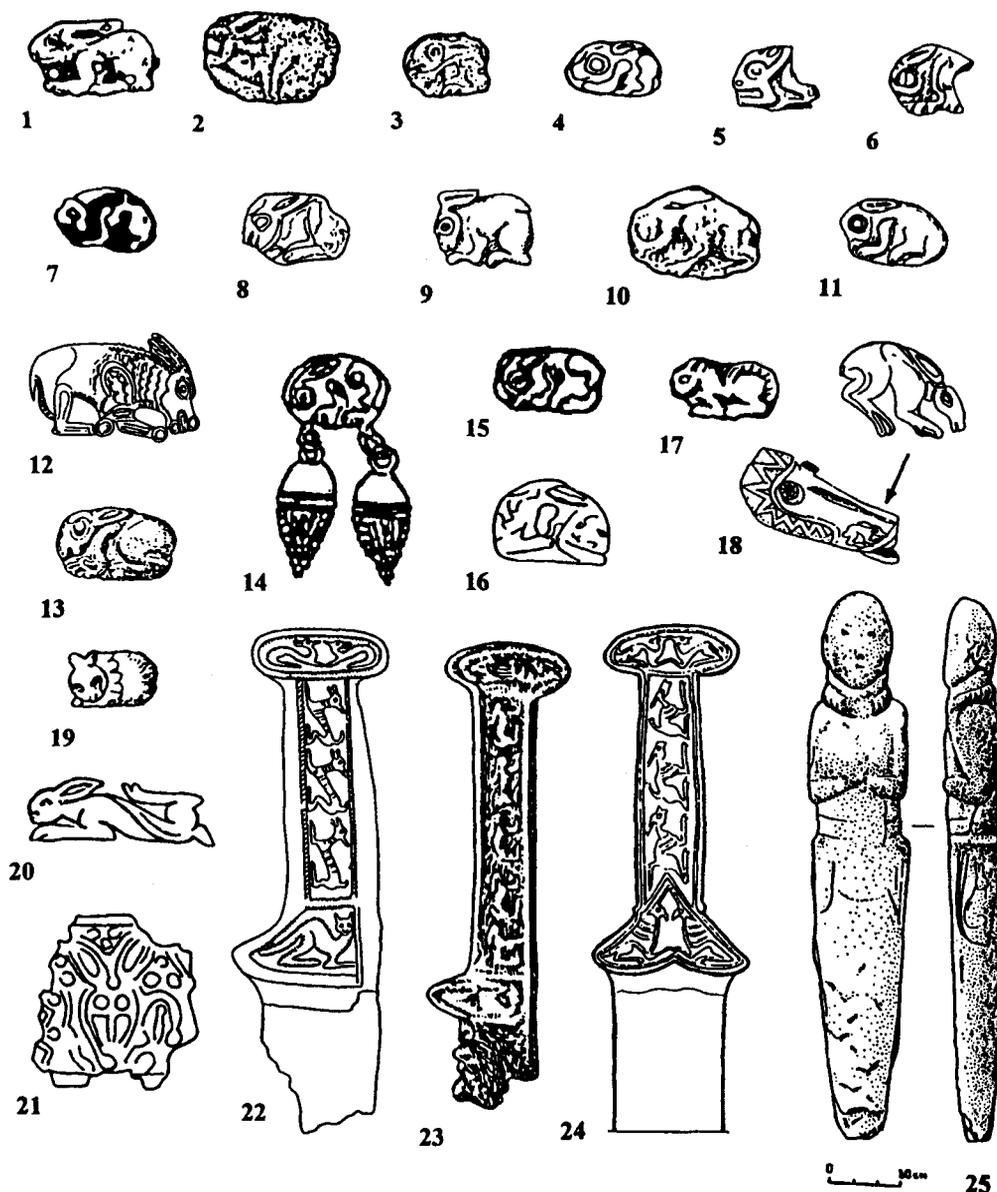

Рис. 3. 1 – группа 22-й шахты к.11 (кат.30); 2 – Волчанск-I, к.8, п.2 (кат.27); 3 – Первый Мгарский курган (кат.36); 4 – Скоробор, к.19 (1975 г.) (кат.37); 5,6 – Басовка, к.А (кат.39); 7 – Широкое-II, к.71, п.2 (кат.28); 8 – курган Бабы (кат.8); 9 – Владимировка, к. (кат.9); 10 – Ивановка, к.5 (кат.41); 11 – Краснознаменские курганы (кат.29); 12 – Келермес (кат.3); 13 – Нимфей, мог.1 (b) (кат.6); 14,15 – Песочино, к.2 (кат.42–43); 16 – ст.Елизаветовская, к.14 (1909 г.) (кат.32); 17 – уроч.Осняги, к.5 (кат.38); 18 – 2-й Ульский к. (кат.45); 19 – уроч.Стайкин Верх, к.3 (кат.40); 20 – Пазырык, к.3 (кат.57); 21 – Нартан, к.2 (кат.49); 22 – Новониколаевка, «Первый» курган (кат.33); 23 – Капитановка, к.487 (кат.44); 24 – Частые курганы, к.3 (кат.52); 25 – Зеиани (кат.53)

Уникальным является изображение зайца на деревянных накладках из 3-го Пазырыкского кургана: животное воспроизведено с подогнутыми лапами и туловищем, **перекрученным на 180°** (кат.57; рис.3,20). В такой позе в скифском искусстве V–IV вв. до н.э. изображали различных животных: хищников, козлов, оленей и других.

Возможно, зайцами являются животные, изображенные на рукоятях мечей IV в. до н.э. из «Первого» кургана у с.Новониколаевки, Степное Причерноморье (кат.33; рис.3,22), Капитановки, Правобережная Днепровская Лесостепь (кат.44; рис.3,23) и Частых курганов, Среднее Подонье (кат.52; рис.3,24). Их видовые призна-

ки довольно обобщенные, хотя удлинённые уши, поднятая задняя часть туловища и короткий, загнутый крючком хвост позволяют отнести их именно к зайцам⁷. Поза животных условна, их можно обозначить и как лежащих зайцев, и как стоящих. Неясна поза зайца, очень схематично изображённого на горите на каменном изваянии из Зеиани в Грузии (кат.53; рис.3,25). Кроме того, по мнению Е.В.Переводчиковой, фигурки зайцев изображены в качестве рогов грифо-барана на навершии VI в. до н.э. из к.476 у с.Волковцы в Днепроградской Лесостепи (Переводчикова Е.В., 1994, с.54; Piotrovsky V. et al., 1986, Pl.13). Аналогичным образом фигурка животного образует рог грифо-барана на костяном навершии лука из Темир-Горы (Piotrovsky V. et al., 1986, Pl.3), только в данном случае изображено какое-то копытное животное (Яковенко Э.В., 1976, с.129).

Кроме целых фигур зайцев иногда отдельно изображали только его голову. Это изображение V–IV вв. до н.э. на золотой фольге из к.2 Нартановского могильника (Северный Кавказ) (кат.49; рис.3,21), которое очень схематично воспроизводит обращенную анфас морду каплевидной формы с длинными ушами. Может быть заячьей является голова животного, изображённая на клюве грифо-барана из Темир-Горы (Piotrovsky V. et al., 1986, Pl.3). Видовые признаки здесь воспроизведены условно, характерным является только длинное ухо. Но в архаичный период с длинным ухом изображали и копытных животных, в связи с чем животное определяют, например, как лося (Яковенко Э.В., 1976, с.129).

Парные изображения воспроизводят двух зайцев в антитетических композициях. Это изображения зайцев, лежащих друг против друга и обрамленных сверху и снизу продоль-

⁷ Возможна также интерпретация данных животных как хищников. Подобная неоднозначность иногда возникает при интерпретации некоторых животных. Не случайно в народной традиции за зайцами закрепилась слава травоядных животных с «собачьими лапами». По замечанию А.Р.Канторовича, в скифской традиции изображения зайца в части трактовки туловища испытали воздействие иконографии хищника (1994, с.16). Хотя такое сближение вряд ли даёт основание говорить о немиролюбивой природе зайца и уж тем более интерпретировать размещение зайца на фигуре оленя из Куль-Обы как сцену нападения, как это предположил В.А.Кисель (1997, с.50, прим.37).

ными кантиками⁸, которые происходят из «Первого» кургана у с.Новониколаевка (кат.60; рис.4,1) и Большого Рыжановского кургана (кат.61; рис.4,2). В подобной композиции в скифском искусстве были задействованы и другие животные – хищники (Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н., 1988, рис.98,11; Полин С.В., Кубышев А.И., 1997, рис.24,11,13,14), насекомые (Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н., 1988, рис.98,7). Из поселения Чертоватое-VII происходит костяная пластинка с изображением двух лежащих зайцев, обращенных задом друг к другу (кат.62; рис.4,3). А.С.Островерхов отнес этих животных к хищникам (1994, с.66), однако все признаки (длинные уши, приподнятый круп, короткий хвостик) говорят о том, что это зайцы. В к.2 группы Новосельские сады (Северный Кавказ) найдено зеркало с ажурной ручкой, которую образуют две симметрично расположенные фигурки зайцев (кат.63; рис.4,4). Фигуры зайцев здесь изображены так же, как и на бляшке из Пазырыка, с туловищем, переключенном на 180°.

Среди **сюжетных изображений** выделяют 4 тематические группы.

1 группа: скиф, охотящийся на зайца. Такие изображения происходят из курганов Куль-Оба (кат.64; рис.4,5) и Александропольского (кат.65). Они воспроизведены на обрамленных подквадратных бляшках. Большую их часть занимает довольно массивная фигура всадника, останавливающего на скаку лошадь и дротиком в правой руке целящегося в зайца. Заяц изображен в углу бляшки лежащим, с опущенной головой⁹. Кроме того, сцена охоты на зайца изображена на серебряном диске (умбоне?) из Амударьинского клада (клада Окса), где она сочетается со сценами охоты на оленей и горных козлов (Dalton O.M., 1964, № 24; Кузьмина Е.Е., 1977). Отличие состоит в том, что охотник в данной сцене целится в животное из лука. Заяц включен еще в одну композицию

⁸ Такая рамка при соединении отдельных изображений друг с другом позволяла создать своеобразную ленту с повторяющимся мотивом противопоставленных животных, которую нашивали в круговую на головные уборы (см. например.: Фиалко Е.Е., 2001, рис.4).

⁹ Кроме того, из кургана Куль-Оба происходит изображение на ажурной золотой бляшке аналогичного по позе всадника с копьем в руке (Piotrovsky V. et al., 1986, Pl.202).

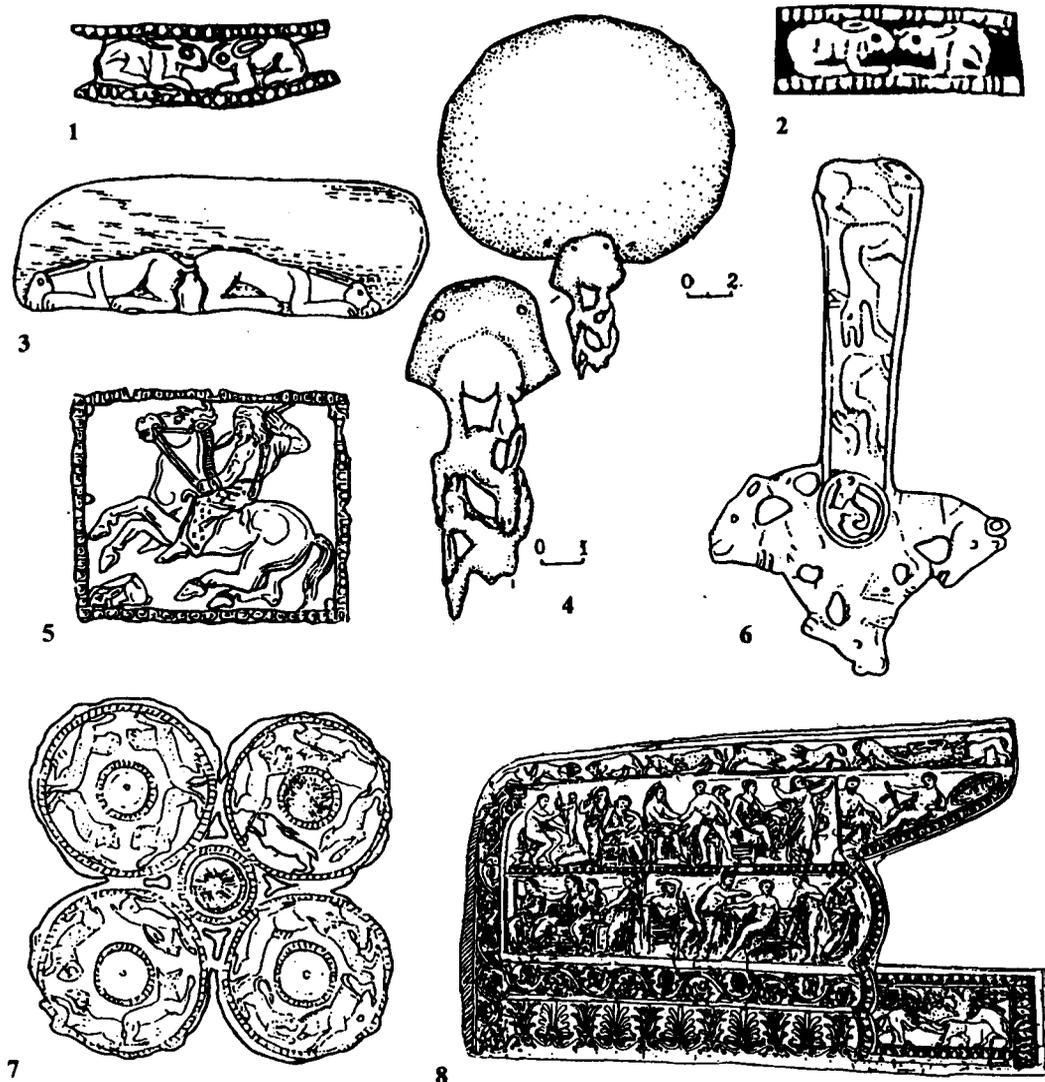

Рис. 4. Изображения зайцев. 1 – Новониколаевка, «Первый» курган (кат.60); 2 – Большой Рыжачевский курган (кат.61); 3 – поселение Чертоватое-VII (кат.62); 4 – Новосельские сады, к.2 (кат.63); 5 – курган Куль-Оба (кат.64); 6 – Салонта (кат.68); 7 – Феттерсфельде (кат.73); 8 – курган Чертомлык (кат.69)

со сценой охоты, изображенную на костяной пластинке из Амударьинского клада, но здесь животное играет пассивную, второстепенную роль (Литвинский Б.А., 2000, с.87).

2 группа: погоня собаки за зайцем. Изображения этого сюжета, как правило, включены в сложносоставные композиции. Таковыми являются изображения на крестовидной бляхе V в. до н.э. из Салонты в Румынии (кат.68; рис.4,6) и относительно многочисленных изделиях IV в. до н.э.: пекторалях из Толстой Могилы (кат.66; рис.5,1) и Большой Близницы (кат.67; рис.5,6), золотых обивках горитов из Чертомлыка (кат.69; рис.4,8), Мелитопольского

кургана (кат.70), 8-го Пятибратнего кургана (кат.71) и Ильинцев (кат.72), четырехчастной бляхе из Феттерсфельде (кат.73; рис.4,7), костяной пластинке из кургана Куль-Оба (кат.74; рис.5,3). Во всех случаях изображен заяц, убегающий от догоняющей его собаки. Только на пекторали из Большой Близницы собака изображена бегущей, а заяц – лежащим.

3 группа: нападение или терзание зайца хищной птицей (орлом?). На пластинах-накладках на ритон из 4-го Семибратнего кургана V в. до н.э. орел держит зайца когтями за спину, а клювом впился ему в горло; голова зайца запрокинута, лапы безжизненно обвисли

Рис. 5. 1 – Толстая Могила (кат.66); 2 – 4-й Семибратний курган (кат.76); 3 – курган Куль-Оба (кат.74); 4,5 – Мезолак (кат.75, 80); 6 – курган Большая Близица (кат.67); 7 – Песочино, к.8 (кат.79)

(кат.76; рис.5,2). На золотых пластинах, украшавших головной убор из к.8 у с.Песочино, изображена сцена терзания орлом зайца, лежащего на спине (кат.79; рис.5,7). Подобные натуралистические изображения мертвого животного не характерны для искусства скифского времени, предпочитавшего условные позы, которые и воспроизведены на других изображениях. На накладке на горит из 2-го Семибратнего кургана изображен орел, в полете падающий клювом вниз на зайца (кат.77). В центральной части золотой обивки горита из кургана Дорт-Оба (Крым) изображена большая фигура орла, возле клюва

которого находится маленькая фигурка лежащего зайца¹⁰ (кат.78). На крестовидной бляхе из комитата Мезолак в Венгрии изображен орел, как бы бегущий к лежащему зайцу (кат.75; рис.5,4).

4 группа: терзание зайцев хищниками. Известно только одно такое изображение, трижды

¹⁰ В интерпретации данного животного следуем за М.И.Артамоновым (1966, с.112). Хотя другими исследователями было высказано сомнение в таком определении в связи с наличием у животного относительно длинного хвоста (Мартынов А.К., 1991, с.33; Королькова Е.Ф., 1994, с.173).

воспроизведенное на боковых выступах крестовидной бляхи из комитата Мезолак (кат.80; рис.5,5). Сцена терзания, согласно скифской традиции, изображена условно: фигурки хищников и зайцев почти равновелики, зайцы лежат с опущенной головой, хищники с раскрытой пастью «стоят» на зайцах.

В стилистическом отношении наиболее архаичные изображения зайцев (Зивие, Келермес, Новозаведенное) соответствуют закономерностям иконографии изображения своего времени. На келермесской секире изображено животное с длинными прижатыми ушами, коротким клиновидным хвостиком, лапами с кольчатыми окончаниями и шерстью на шее, переданной в виде чешуек. Эти признаки позволили исследователям, изучавшим стиль изображения, отнести данное животное к группе хищников (Переводчикова Е.В., 1979; Кисель В.А., 1997), хотя они и не противоречат признакам изображения зайца. В частности, кольчатые окончания лап имеет и заяц на костяной пластинке из Новозаведенного (рис.2,7). В остальных же чертах (обозначение лопатки двойным контуром, стилизованное обозначение шерсти на задней лапе и под животом, специфическое оформление уха и др.) келермесское изображение полностью соотносится с изображениями других животных на той же секире. По ряду признаков близко к нему зивийское изображение на пекторали: так же двойным контуром обозначена лопатка, выделена полоска шерсти на задней лапе, нижняя часть уха разделена штрихами (рис.3,12). Тогда как изображение зайца на диске, в отличие от изображенных здесь же пантер и голов хищных птиц, не скифское по стилистическим признакам: оно в целом более реалистично, лапы и уши показаны парными, лапы с пальчатым окончанием, на туловище обозначены ребра. Таким образом, единичные изображения зайца архаичного периода демонстрируют, с одной стороны, соответствие сакызско-келермесскому кругу изображений, в последнее время выделяемого исследователями (Погрехова М.Н., Раевский Д.С., 1992), а с другой – определенный разбой признаков, свидетельствующий о том, что традиция изображения этого животного в архаичное время так и не сложилась. Это вынуждало в определенных случаях (диск из Зивие) заимствовать изображения из инокультурных традиций. Такой же вывод можно сделать и в

отношении ранних изображений зайцев из восточных регионов скифского мира (рис.2,16–19).

Большая востребованность изображений зайцев в V–IV вв. до н.э. привела к выработке определенных приемов воспроизведения этих животных. Данные изображения характеризуются простотой и обобщенностью образа, довольно реалистично воспроизводящего животное. Преобладают изображения в низком уплощенном рельефе или даже контурные. По остальным же признакам большинство изображений V–IV вв. до н.э. разделяются на две группы.

Первая группа объединяет небольшие изображения на бляшках, большинство из которых имеет овальную форму. Животные изображены так, как это характерно для скифского «звериного стиля» – четко в профиль, с одной передней и одной задней лапами и одним ухом. В большинстве случаев акцентирован крупный кольцевидный глаз: Нимфей, Скоробор, Ивановка, Басовка, Первый Мгарский курган, Краснознаменские и Владимировский курганы (рис.3,3-6,9–11,13). Лапы животных изображены с выделенными тремя пальцами или с округлыми окончаниями, как это было характерно для скифских изображений хищников. Обозначенные стилистические особенности соответствуют традициям скифского изобразительного искусства, и потому изделия с изображениями, относящимися к данной группе, вполне можно считать произведениями местных мастеров.

Другую группу составляют изображения зайцев, у которых передние лапы и уши изображены парными, а тело в целом и его отдельные части воспроизведены хотя и обобщенно, но достаточно реалистично. Эти изображения, как правило, в два раза больше по размеру; животные воспроизведены на прямоугольных бляшках с рубчатой рамкой. Большинство данных признаков можно считать признаками скифо-эллинистического стиля, бытовавшего в то время. В этом же стиле выполнено большинство сюжетных изображений. Особенно своей реалистичностью выделяются изображения зайцев в сценах терзания на двух пластинах из 4-го Семибратнего кургана (рис.5,2), на которых очень детализировано воспроизведены все части тела животного, в том числе морда. На одной из пластин у зайца короткими штрихами показана шерсть, тогда как на второй пластине заяц изображен без шерсти, но шерсть обозначена на шее птицы, чего нет на первой пластине (Ан-

фимов Н.В., 1987, с.115); тем самым пластины образуют своеобразную стилистически противоположную пару.

В бытовании изображений двух выделенных стилистических групп прослеживаются территориальные и социальные различия. Изображения второй группы характерны преимущественно для Прикубанья и царских или аристократических комплексов степной Скифии. Тогда как изображения первой – для лесостепной Скифии и части богатых комплексов степной Скифии.

Отдельную стилистическую группу образуют изображения, происходящие со Среднего Дона: из к.2 уроч.«Частые курганы» (рис.2,15) и к.1 (1905 г.) у с.Мастюгино (рис.2,14). Они сочетают отдельные признаки изображений второй группы (две передние лапы, два уха) с оригинальными местными приемами изображения.

подавляющее большинство бляшек с несюжетными изображениями зайцев найдено в большом количестве экземпляров в женских погребениях. Точная фиксация местонахождения бляшек в комплексах, непогребенных грабителями, позволила установить их принадлежность к украшению одежды и, в частности, головных уборов, в которых были погребены умершие. Подобное удалось проследить при раскопках Казенной Могилы (Ключко Л.С., 1982, рис.5,6), женской могилы Большого Рыжановского кургана (Chochorowski J., Skoryj S., 1999; Фиалко Е.Е., 2001), п.2 к.8 группы Волчанск-I (Полин С.В., Кубышев А.И., 1997, с.9), п.1 к.18 у с.Львово (Кубышев А.И. и др., 1982, с.134, рис.5), к.8 у с.Песочин (Бабенко Л.И., 1999; 2002) и др. Исходя из этих данных, исследователи в иных случаях также относили наборы бляшек с изображением зайцев к нашивным на женские головные уборы (Кулатова И.Н., Супруненко А.Б., 1996, с.325)¹¹. Таким образом, можно однозначно говорить о связи изображений зайцев прежде всего с женской

сферой культуры. Об этом же свидетельствует и размещение изображений зайцев на таких типичных женских атрибутах скифского времени как зеркала, которые происходят из курганов Херсонского и Новосельских садов (Вольная Г.Н., 1996, с.15; 1997, с.59,60).

В оформлении женских головных уборов бляшки с изображением зайцев сочетаются с другими бляшками, которые «сюжетно связаны с культом плодородия» (Фиалко Е.Е., 2003, с.126). Образ зайца в разных индоевропейских традициях, в том числе иранской, также устойчиво связывался с идеей плодородия (Гура А.В., 1978; 1995; Раевский Д.С., 1985, с.62,63). Проистекает это из необычайной природной плодовитости зайцев, которые способны рождать детенышей 3–5 раз в год (Аксаков С.Т., 1991, с.367; Брэм А.Э., 1992, с.380). Эта идея, на наш взгляд, достаточно наглядно отражена в изображении оленя из Куль-Обы, туловище которого заполнено фигурами различных животных, среди которых присутствует и заяц (рис.1,5). Исследователями отмечается стилистическое своеобразие как бы механического наложения фигур, отличное от характерного для скифского искусства приема зооморфных превращений (Артамонов М.И., 1966, с.65; 1968, с.13; Королькова Е.Ф., 1994, с.107; Переводчикова Е.В., 1994, с.145,146). Но за внешней декоративностью композиции вполне просматривается определенная многоуровневая символика (Полидович Ю.Б., 1998). Каждое из животных, фигура которого «наложена» на туловище оленя, приурочено к той части тела, с которой ее связывают представления единого семантического круга. Заяц размещен на чреве оленя, что полностью соответствует идее плодородия, им олицетворяемой.

Можно предположить, что в ритуалах, связанных с идеей плодородия, были актуализированы и природные особенности репродуктивного поведения зайцев: первый выводок зайчат появляется во второй половине марта (Жизнь животных, 1971, с.140), по времени совпадая с днем весеннего равноденствия и традиционным для иранских народов Новым годом; последний – в середине сентября – совпадает с днем осеннего равноденствия. Однако, насколько это нашло отражение в скифской мифологической традиции, сказать не представляется возможным.

Несколько иная грань семантики образа зайца предстает в сценах охоты. Это и сцена охоты

¹¹ Интересно, что связь образа зайца с женским головным убором сохранилась в поздней славянской традиции. На северорусской свадьбе из женского платка скручивают «зайца», обмениваемого затем на деньги (Гура А.В., 1978, с.170). У украинцев Полтавщины способ завязывания платка над лбом назывался «заячі вушка» (свидетельство информанта Гадюки-Бойко Ф.М., 1901–1994 гг.).

всадника на зайца, и погоня собаки за зайцем. Последняя совершенно справедливо рассматривается в контексте охоты (Раевский Д.С., 1985, с.60–62; Форнасье Й., 2003), так как собака являлась домашним животным и помощником охотников. Применительно к скифскому времени, свидетельством существования у кочевников охотничьих собак являются сцены охоты, изображенные на чаше из Солохи (Piotrovsky V. et al., 1986, Pl.159) и золотом колпачке из тувинского мог-ка Тээрге-III (Грач А.Д., 1980, рис.117). До нас также дошел рисунок сцены охоты на кабанов с собаками, найденный в каменном склепе № 9 Неаполя Скифского (Блаватский В.Д., 1947, с.112,113, рис.71–73).

Е.Е.Кузьмина сопоставила изобразительный сюжет охоты на зайца с сюжетом из осетинской версии Нартского эпоса о нарте Хамыце, преследующем белого зайца (Кузьмина Е.Е., 1977, с.20,21), что было поддержано Д.С.Раевским (1985, с.62). Согласно данному сказанию (Нарты, 1989, с.302–306), Хамыц однажды повстречал необыкновенного белого зайца, поразившего его своей красотой. Заяц поначалу не убегал от Хамыца, а скорее приманивал его к себе. Далее началась погоня, в ходе которой Хамыц трижды достигал зайца и забивал его насмерть плетью. Но только лишь герой брал животное на руки, как то вновь оживало и убегало от него еще быстрее. В конце концов заяц добежал до края земли, где бросился в море и исчез в нем. Заяц оказался дочерью Донбеттыра, божества и властителя водного царства, которая некоторое время спустя стала супругой Хамыца. В итоге этого необычного брака родился Батраз – один из главных героев Нартского эпоса и, вместе с тем, персонаж, сопоставимый со скифским Аресом, богом войны и покровителем воинства (Дюмезиль Ж., 1990, с.22,23; Бессонова С.С., 1983, с.47).

Кроме того, Е.Е.Кузьмина вслед за В.Ф.Миллером обоснованно провела параллель между нартским сюжетом и скифской генетической легендой, согласно которой прародительницей скифов также является дочь водной стихии (Кузьмина Е.Е., 1977, с.21). Поддержав это сопоставление, Д.С.Раевский высказал предположение об общем генезисе осетинского сказания и скифской мифологемы (Раевский Д.С., 1985, с.62). Однако если в скифской среде бытовали изображения, воплощавшие сюжет охоты на зайца, то существовал и повествовательный сюжет, близкий к нартскому. Данный ва-

риант генетической легенды, по всей видимости, имел особую актуальность, поскольку изображения зайца были популярными прежде всего среди женщин царского и аристократических родов, что подтверждается происхождением их из таких комплексов, как курганы Чертомлык, Куль-Оба, Большой Рыжановский, Башмачка и др. Не случайно и то, что почти все причерноморские и прикубанские изображения зайца выполнены только в золоте. По всей видимости, образ зайца осмыслялся «в качестве божественного атрибута как выражение особых (божественных) способностей, особой жизненной силы и, вследствие этого, как гаранта дальнейшего существования общества» (Форнасье Й., 2003, с.29).

Кроме Нартских сказаний и волшебных сказок, сюжет об охоте на зайца и девушке-зайце сохранился в славянской фольклорной и, в частности, свадебной традиции (Гура А.В., 1978, с.161–165). Так, в Северной России в ходе свадьбы пелись песни о женихе, который бьет зайку за то, что тот перебежал ему дорогу, и о невесте, обернувшейся зайцем и убежавшей в лес. В польской любовной песне рассказывается о пане старосте, поехавшем на охоту на зайцев и встретившем трех девушек, с одной из которых он проводит ночь. В Восточном Полесье существовала свадебная игра, в ходе которой один из участников переодевался в коуж, вывернутый наизнанку, и изображал зайца, а другие делали вид, что стреляют в него. Равным образом были распространены былички о зайце-оборотне, который бросается путнику под ноги и заманивает его в чашу (Гура А.В., 1995, с.191). Кроме того, в древнем Риме существовал весенний ритуал, в ходе которого преследовали зайца, пока он не падал замертво (Афанасьев А.Н., 1995а, с.329). Подобный ритуал зафиксирован и в Германии, только вместо зайца здесь преследовали белку (там же).

Вместе с тем в сказочном фольклоре многих индоевропейских народов, в том числе иранских, распространен аналогичный сюжет с участием девушки-лисы (Афанасьев А.Н., 1995а, с.328,329; Осетинские народные сказки, 1973, с.150–162). В этом сюжете либо сама девушка оборачивается лисой, либо лиса в качестве чудесного животного-помощника, заманивая юношу аналогичным же образом, приводит его к девушке, которая и становится его будущей женой. Оба варианта равнозначны, так как в сказке часто помощник может рассматриваться

как персонифицированная способность героя (Пропп В.Я., 1986, с.167).

В целом все данные женские образы очень похожи. Это образы девушки-невесты или жены героя, которые обладают (в силу своих волшебных способностей или потустороннего происхождения) способностью к оборотничеству и в определенное время превращаются в некое животное – зайца, лису, черепаху, лягушку и т.д. (Афанасьев А.Н., 1995а, с.268)¹². Объединяет их то, что они являются выходцами из подземного/подводного мира, а потому в той или иной степени восходят к одному праобразу – Богине Земли, воплощающей собой хтонический мир. Свидетельством того, что и в скифское время зайцев относили к хтоническому кругу образов, восходящему к богине земли, является зеркало из Херсонского кургана (рис.1,б): его ручкой служит женская фигура, держащая на правой руке «сирену»; на ее плечах – фигурки остромордых и бесхвостых хищников, над ней – сцена терзания двумя львами копытного животного; фигурка зайца (возможно, их было больше) прикреплена к гурту диска. Набор образов и общая композиция изображения говорят о том, что перед нами фигура богини, близкой по сущности Кибеле, Великой Матери и хозяйке зверей, регулирующей их неиссякаемое плодородие, культ которой был распространен по всему античному миру и находил определенные соответствия в скифских верованиях (Бессонова С.С., 1983, с.81–93). Соотнесенность образа зайца с зеркалом (см. также зеркало из Новосельских садов: рис.4,4) вводит его в круг еще одной богини – Афродиты/Венеры, с которой его связывает и общая эротическая символика. С.С.Бессонова приводит примеры изображений из итальянской традиции, в которой присутствуют сидящая богиня с зеркалом в руке и заяц (Бессонова С.С., 1983, с.99, рис.24). Согласно Геродоту, в скифском пантеоне была богиня Аргимпаса, соотнесенная им с Афродитой Уранией (Herod., IV, 59). Функции этой богини исследователи, как правило, определяют исходя из ее соотнесенности с античной традицией, а потому говорят о ней как о богине плодородия, для которой было свойственно заступничество, покровительство роду человеческому (Бессонова С.С., 1983,

с.39). Эта черта сближает ее с иранской Ардвисурой Анахитой (там же), имевшей самую тесную связь с водной стихией: в авестийской традиции Арви называли сами воды, дающие начало всем водам и рекам на земле (Брагинский И., 1987, с.100). Параллель с дочерью Донбеттыра в осетинской традиции и дочерью Борисфена в скифской более чем очевидна, равно как и то, что символика зайца находилась в связи с этим кругом женских божеств.

Другой изобразительный мотив, связанный с охотой на зайца, – мотив погони собаки за зайцем, отсутствует как в нартовских сказаниях, так и в сказочных сюжетах. Герой здесь действует самостоятельно, собака как его помощник никогда не упоминается. Равным образом и изобразительный мотив погони бытует совершенно обособленно. Воспринимается он, с одной стороны, как вариант общего сюжета погони за зайцем, с другой же – предстает как разновидность противостояния хищного и травоядного животных, воплощаемого в скифском искусстве в сценах погони, нападения и терзания. Показательны в этом отношении изображения на пекторали из Толстой Могилы и золотой четырехчастной бляхе из Феттерсфельде. На пекторали сцены погони собаки за зайцем размещены на внешнем поле вслед за сценами терзания грифонами коней и нападения кошачьих хищников на оленя и кабана (рис.5,1). На бляхе в четырех круговых композициях представлены различные сцены противостояния животных, среди которых погоня собаки за зайцем, волка за козой и тигра за оленем (рис.4,7). Погоня волка за козой также изображена на золотой чаше из Келермесских курганов (Галанина Л.К., 1997, кат.23, рис.31,21), а иные сцены погони хищников за копытными представлены на золотом кувшине из 1-го Уляпского кургана (Сокровища курганов Адыгеи, 1985, кат.361, илл.63), изделиях из восточных регионов скифского мира (Бердникова В.И. и др., 1991, рис.6; Ростовцев М.И., 1993, рис.39) и др.

В то же время, сцена погони собаки за зайцем имеет свою специфику. Ведь собака никогда не изображалась напавшей на зайца или терзающей его. Скорее всего, в противостоянии собаки и зайца главным была именно погоня, исход которой неясен или неоднозначен. Эта неоднозначность представлена прежде всего в композиции пекторали из Толстой Могилы (рис.5,1). Сцены, составляющие ее внешний

¹² В нескольких вариантах Нартского сказания дочь Донбеттыра предстает в образе лягушки (Нарты, 1991, с.55).

контур, посвящены теме смерти, теме торжества хищных животных над травоядными. Однако в каждой из 7 сцен она раскрывается по-своему. В центре внешнего поля трижды повторена сцена терзания коня парой грифонов. По обе стороны от них размещены сюжетно близкие сцены нападения хищников (льва и пантеры) на оленя и на кабана, за которыми симметрично расположены уже сцены погони: собака преследует зайца. Тем самым от центра внешнего поля периферии прослеживается постепенное отступление смерти (терзание – нападение – погоня) и уменьшение напряжения действия. Даже более того. Ведь если сюжет погони собаки за зайцем семантически близок сюжетам преследования зайца героем, то такая погоня не заканчивается смертью зайца. Напротив, ее финалом является брак и рождение нового героя. То есть то, что должно было привести к смерти, неожиданно приводит к жизни. Обозначенный переход темы подтверждается ориентацией жертв: если левый и правый кони, олень и кабан сориентированы головой к центру поля, то есть в сторону смерти, то заяц – в противоположную сторону. Этот переход находит логическое завершение в брачных парах самца и самки кузнечиков (Мозолевский Б.М., 1979, с.83), размещенных на самой периферии внешнего поля и заключающих цепочку изображений на нем. Тема смерти сменяется темой жизни.

Подобная сюжетная линия прослеживается и в верхнем фризе на горитах типа чертомлыцкого (рис.4,8), где представлены сцены нападения и терзания. Здесь она начинается со сцены терзания львом и пантерой оленя, который лежит на спине, далее расположена сцена противостояния льва и кабана, за ней – нападение пантеры на маленькое копытное животное, сцена противостояния льва и быка (эти противники в древности трактовались как равные по силе: Антонова Е.В., 1984, с.175) и, в конце концов, погоня собаки за зайцем.

Изображение погони собаки за зайцем присутствует и на предметах, бытовавших в собственно эллинской среде. В частности, в вазописи она воспроизводилась как в архаическое время (яркий пример – ойнохоя из Темир-Горы: Копейкина Л.В., 1972), так и в эллинистический период (Славин Л.М., 1964, с.211). Кроме того, в эллинской традиции сюжет погони воспроизведен в одной из басен Эзопа: «Охотничья собака поймала зайца и то его кусала, то его лизала в губы. Измучился заяц и

сказал: “Любезная, уж ты или не кусайся, или не целуйся, чтобы я знал, враг ты мне или друг”» (Эзоп, 1999, с.204). Баснописец очень наглядно передал неоднозначность отношений собаки и зайца, но мифологический контекст этого сюжета для него уже был не важен, и поэтому поведение собаки он соотнес всего лишь с нравом двуличного человека (там же).

Бытование сюжета погони и в эллинской, и в скифской традициях позволяет предположить существование некоей общей мифологемы, восходящей, возможно, еще к общеиндоевропейской общности. Но если в эллинистической культуре (басня Эзопа) она была уже полузабыта, то в скифской – весьма актуальной. Хотя (несмотря на это) изображения сцены погони, происходящие из скифских памятников, довольно редки. К тому же нам не известны собственно скифские изображения, в отличие от отдельных изображений зайца и изображений иных сюжетов нападения хищников на травоядных животных. Такая двойственность отношения к данному сюжету может объясняться его особым священным статусом в скифской среде, а потому и возможным существованием определенного запрета на его воспроизведение. Характерно, что имя зайца, наряду с именами таких животных как медведь, волк, олень, у многих народов было табуировано: его предпочитали называть каким-либо прозвищем, чаще всего связанным с его внешностью и иными особенностями. Русские называют зайца «косым» (Аксаков С.Т., 1991, с.369) или «серяком» (Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В., 1984, с.522), украинцы – «вухань» (Скуратівський В., 1996, с.338), осетины – «таркос» (длинноухий) (Абаев В.И., 1973, с.271), кабардинцы – «трехгубый» (Думанов Х.М., 1977, с.46), вайнахи – «лерк» (ушастый) (Сказки..., 1986). Те же украинцы избегают упоминать зайца дома и называют его также «сп'юх», объясняя это боязнью потерять сон (Гура А.В., 1995, с.192). Даже общеиндоевропейское название зайца восходит к основе *k^[h]as-, *k^[h]aspo- с первичным значением «серый» (Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В., 1984, с.521).

Одна из граней значения сюжета погони в иранской среде раскрывается в рисунках сасанидских воинов на стенах синагоги в Дура Европос, сделанные ими после победы над римлянами (Луконин В.Г., 1977, с.184). Рисунки воспроизводят несколько последовательных сцен турниров сасанидских вельмож с римля-

нами, под ними же изображена сцена погони собаки за зайцем. В данной ситуации она увязана с военной победой, триумфом иранского оружия. Эта связь прослеживается и в древнеперсидской легенде, рассказанной Геродотом. Согласно отцу истории, сигналом к восстанию Кира, приведшего к основанию державы Ахеменидов, послужило письмо, посланное ему Гарпагом в зайце, которого принес слуга вместе с сетью (Herod. I,123,124). По мнению Г.Ч.Гусейнова, основную знаковую роль в этой ситуации играли заяц и сеть, тогда как письмо – поздняя вставка-тавтология, характерная уже для письменной традиции (Гусейнов Г.Ч., 1987, с.82). В подобных контекстах сюжеты погони и охоты вполне возможно соотносить с образом бога войны, к которому восходит и образ осетинского Батраза (Дюмезиль Ж., 1990, с.22,23; Бессонова С.С., 1983, с.47), рожденно-го, напомним, в результате погони за зайцем.

В сценах терзания зайца хищником и, прежде всего, хищной птицей он предстает жертвенным животным. Для хищной птицы заяц однозначно является добычей. Не случайно поэтому изображения сцен терзания порой столь реалистичны. На пластинах из 4-го Семибратнего кургана (рис.5,2) и Песочино (рис.5,7) зайцы изображены не просто терзаемыми, но уже мертвыми, что вообще мало характерно для античного искусства и совсем не характерно для скифского. При этом семибратние пластины являлись накладными на ритон¹³, который у скифов имел ритуальный характер и употреблялся в том числе и во время жертвоприношений. К кругу изделий для жертвоприношений можно также отнести серебряный сосуд с шаровидным туловом и ручкой в виде фигурки зайца, происходящий из сарматского п.2 к.1 мог-ка Октябрьский-V в Поволжье (Кияшко А.В., Мыськов Е.П., 2000, рис.4,1) (ср. ручки в виде фигурок баранов или козлов на скифских и сарматских бронзовых котлах).

Д.С.Раевский предположил, что у скифов могли существовать представления об особой

благоустности принесенного в жертву зайца и основанного на них обычая, согласно которому «встреченный заяц непременно должен быть пойман (resp. принесен в жертву)» (Раевский Д.С., 1985, с.63,64). Именно исходя из этого, исследователь прокомментировал знаменитый сюжет Геродота о поимке зайца скифскими воинами накануне сражения с персами (там же)¹⁴.

Характерно выразительное свидетельство Ксенофонта, что заяц, растерзанный орлом на глазах у отправляющегося в поход войска, был истолкован Киrom как доброе предзнаменование (по: Раевский Д.С., 1985, с.64). В данной ситуации терзание зайца орлом напрямую соотносено с воинской удачей, что, вероятно, объясняет размещение изображений подобных сцен на горитах (Дорт-Оба, 2-й Семибратний курган; ср. также горит на стеле из Зеиани). Кроме того, многократно повторенная сцена терзания хищной птицей зайца изображена на золотых ножнах из Горгипии, которые относятся к раннесарматскому времени (Шедевры древнего искусства Кубани, 1987, кат. 250, с.61, табл.XLVI). Е.Ф.Королькова в связи с интерпретацией этого сюжета обратила внимание на упоминание в Авесте в качестве одной из инкарнаций Веретрагны хищной птицы Варагна, хватающей жертву когтями и клюющей ее (Королькова Е.Ф., 1998, с.172). Иранский же Веретрагна, бог войны и победы, благодаря лингвистическим и фольклорным параллелям полностью соотносится с нартским Батразом, а также скифским Аресом (Кузьмина Е.Е., 1976, с.60; Лелеков Л.А., 1979, с.185; Бессонова С.С., 1983, с.48,49).

Возможно, семантически данной группе изображений соответствуют изображения хищной птицы, держащей в когтях (когтящей) рыбу. Такие изображения были распространены в V–IV вв. до н.э. в Северном Причерномо-

¹³ Не исключено, что наконечником данного ритона являлась фигурка передней части собаки, найденная вместе с пластинами (Анфимов Н.В., 1987, с.94). Такой наконечник является уникальным для этой категории изделий, так как обычно наконечниками ритонов служили передние части крылатых козлов, головы львов или баранов, но он наиболее сочетается со сценами терзания зайца.

¹⁴ Интересно, что в поздней традиции встреча человека и, в частности, охотника с зайцем воспринималась совершенно иначе. По представлениям осетин, встреча с зайцем предвещала дурную охоту (Абаев В.И., 1973, с.271). Украинцы считали, что зайцев породили черти, а потому, если заяц перебежал дорогу, путник обязательно столкнется с каким-то несчастьем, чего, впрочем, можно было избежать, проделав определенные действия с сеном (Скуратівський В., 1996, с.338). То же поверье было характерно и для других славянских народов (Гура А.В., 1978). А вот у лезгин, напротив, встреча с зайцем обещала удачу (Гаджиев Г.А., 1977, с.121).

рье, Прикубанье и на Северном Кавказе (Королькова Е.Ф., 1998, с.167, рис.1). Они имеют определенные аналоги в античной традиции, хотя сложились, по всей видимости, в собственно скифской среде (см. историографию вопроса: Канторович А.Р., 1997, с.107; Королькова Е.Ф., 1998, с.167–171). Соответствие двух сюжетов – терзание птицей зайца и терзание рыбы – весьма очевидно. В нартовском сказании девушка, оборачивающаяся в зайца – дочь речного царя, живущая в реке. В таком контексте рыбу и зайца вполне возможно признать семантически равнозначными существами. Оба сюжета – терзание зайца и когтение рыбы – соединились во фракийском искусстве, где были распространены изображения хищной птицы, в лапах держащей зайца, а в клюве – рыбу (Zazoff P., 1991, Abb.2,a,b,d;3,b,c).

Таким образом, образ зайца был присущ скифскому искусству изначально (Форнасье Й., 2003, с.30), что подтверждается изображениями из таких архаичных комплексов как Зивие и курганы у ст.Келермесской и Новозаведенного. Однако если в VII–V вв. до н.э. они были единичны, то в V–IV вв. становятся относительно многочисленными. В это время вырабатываются определенные иконографические традиции их воспроизведения, связанные, с одной стороны, с развитием собственно скифского «звериного стиля», а с другой – с расцветом скифо-эллинистического искусства, обслуживающего в первую очередь аристократические круги скифского общества и имевшего сильное влияние на

искусство Прикубанья. Распространение относительно большого числа изображений зайцев в V–IV вв. можно отнести за счет большего обособления женской сферы культуры скифов и, вероятно, ее трансформации в это время. Будучи задействованными в оформлении предметов женской одежды (прежде всего, головных уборов) и женских аксессуаров (зеркал), изображения зайцев соотносились с хтоническим миром, воплощавшим идею плодородия, и с одной из богинь – возможно, Аргимпасой-Афродитой. Одновременно в сфере мужской культуры также распространились изображения зайцев, но включенные в сюжеты, общая тема которых – противостояние хтоническому миру: зайца преследует герой-мужчина или собака, его ближайший помощник в жизни; зайца убивает хищная птица. В последнем случае противостояние хтонического (в образе зайца) и небесного, а следовательно, героического (в образе птицы), достигает своего апогея и заканчивается полной победой последнего. Однако противостояние двух миров (хтонического и героического) не приводило к противостоянию двух сфер культуры (женской и мужской), вероятно, в силу многогранности хтонического мира, объемлющего и рождение, и смерть, при условии неперемного торжества жизни. Не случайно на пластинках из Песочино (рис.5,6) сцена терзания зайца орлом изображена как периферийная в композиции, главный персонаж которой – так называемая змееногая богиня, а главная тема – плодородие и буйство жизни.

Литература

- Абаев В.И., 1973. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л.
- Акишев К.А., 1978. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М.
- Аксаков С.Т., 1991. Охота пуще неволи. Сборник произведений. Киев.
- Алексеев А.Ю., 1984. О месте Чертомлыцкого кургана в хронологической системе погребений скифской знати IV–III вв. до н.э. (По бляшкам-апликациям и наконечникам стрел) // АС-ГЭ. Вып.25. Л.
- Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р., 1991. Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н.э. Киев.
- Антонова Е.В., 1984. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. Опыт реконструкции мировосприятия. М.
- Анфимов Н.В., 1987. Древнее золото Кубани. Краснодар.
- Артамонов М.И., 1961. К вопросу о происхождении скифского искусства // *Omagiul lui George Oprescu cu prilejul oimplinirii a 80 de ani. București*
- Артамонов М.И., 1966. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага; Л.
- Артамонов М.И., 1968. Куль-обский олень // *Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья*. Л.
- Археологія Української РСР, 1971. Том 2: *Скіфо-сарматська та антична археологія* / Відпов. ред. О.І.Тереножкін. Київ.

- Афанасьев А.Н., 1995а. Поэтические воззрения славян на природу. Т.1. М.
- Афанасьев А.Н., 1995б. Поэтические воззрения славян на природу. Т.3. М.
- Бабенко Л.И., 1999. Реконструкция тиары скифского времени из Песочинского курганного могильника // *Донская археология*. № 2. Ростов-на-Дону.
- Бабенко Л.И., 2002. Жіночий головний убір IV ст. до н.е. з кургану 8 біля с.Пісочин Харківської області // *Археологія*. № 4. Київ.
- Бандуровский А.В., Буйнов Ю.В., 2000. Курганы скифского времени Харьковской области (северскодонецкий вариант). Київ.
- Батчаев В.М., 1985. Древности предскифского и скифского периодов // *Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг.* Т.2. Нальчик.
- Бердникова В.И., Ветров В.М., Лыхин Ю.П., 1991. Скифо-сибирский стиль в художественной бронзе Верхней Лены // *СА*. № 2.
- Бессонова С.С., 1983. Религиозные представления скифов. Киев.
- Бидзиля В.И., Болтрик Ю.В., Мозолевский Б.Н., Савовский И.П., 1977. Курганный могильник в уроч.Носаки // *Курганные могильники Рясные Могилы и Носаки*. Киев.
- Блаватский В.Д., 1947. Искусство Северного Причерноморья античной эпохи. М.
- Бобринский А.А., 1910. Отчет о раскопках в Чигиринском уезде Киевской губернии в 1908 г. // *ИАК*. Вып.35.
- Болтрик Ю.В., 1981. Исследование кургана Огуз // *АО–1980 г.* М.
- Брагинский И., 1987. Ардвисура Анахита // *Мифы народов мира*. Т.1. М.
- Брэм А.Э., 1992. Жизнь животных. Т.1: Млекопитающие / Пер. с нем. М.
- Варенов А.В., 1984. Некоторые проблемы звериного стиля в китайской историографии // *Древний и средневековый Восток. История и филология (проблемы источниковедения)*. М.
- Вольная Г.Н., 1996. Об одном античном образе в скифских памятниках // *Античная цивилизация и варварский мир. ТД V археологического семинара*. Новочеркасск.
- Вольная Г.Н., 1997. Бронзовое зооморфное зеркало из 2-го Новосельского кургана // *Некоторые вопросы культурных и этнических связей населения Северного Кавказа в эпоху поздней бронзы – раннего железа*. Армавир.
- Гаврилюк Н.А., 1999. История экономики Степной Скифии VI–III вв. до н.э. Киев.
- Гаджиев Г.А., 1977. Верования лезгин, связанные с животными // *СЭ*. № 3.
- Галанина Л.К., 1977. Скифские древности Поднепровья. (Эрмитажная коллекция Н.Е.Бранденбурга) // *САИ*. Вып.Д1-33.
- Галанина Л.К., 1997. Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи. М.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В., 1984. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка протокультуры. Т.II. Тбилиси.
- Грач А.Д., 1980. Древние кочевники в центре Азии. М.
- Гура А.В., 1978. Символика зайца в славянском обрядовом и песенном фольклоре // *Славянский и балканский фольклор. Генезис. Архаика. Традиции*. М.
- Гура А.В., 1995. Заяц // *Славянская мифология. Энциклопедический словарь*. М.
- Гусейнов Г.Ч., 1987. Грифос: предметное и словесное воплощение греческого мифа // *Контекст-1986. Литературно-теоретические исследования*. М.
- Дашевская О.Д., Лордкипанидзе Г.А., 1995. Скифское изваяние из Восточной Грузии // *Историко-археологический альманах*. № 1. М.–Армавир.
- Древности Боспора Киммерийского, 1854. СПб.
- Думанов Х.М., 1977. Некоторые обычаи и традиции связанные с охотой у кабардинцев в XIX – начале XX вв. // *Этнография народов Кабардино-Балкарии*. Вып.1. Нальчик.
- Дюмезиль Ж., 1990. Скифы и нарты / Пер. с франц. М.
- Жизнь животных, 1971. Т.6: Млекопитающие / под ред. С.П.Наумова и А.П.Кузюкина. М.
- Ильинская В.А., 1968. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья. Киев.
- Ильинская В.А., 1975. Раннескифские курганы бассейна р.Тясмин (VII–VI вв. до н.э.). Киев.
- Канторович А.Р., 1994. Звериный стиль степной Скифии VIII–III вв. до н.э. Автореф. дис... канд. ист. наук. М.
- Канторович А.Р., 1997. К вопросу о скифо-греческом синтезе в рамках звериного стиля степной Скифии // *Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы (Материалы и исследования по археологии России. № 1)*. М.
- Кисель В.А., 1997. Священная секира скифов. Об одной находке из Келермеса. СПб.

- Кияшко А.В., Мыськов Е.П., 2000. Ритуал элитного сарматского погребения на реке Есауловский Аксай (предварительное сообщение) // Сарматы и их соседи на Дону (Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1). Ростов-на-Дону.
- Клочко Л.С., 1982. Новые материалы к реконструкции головного убора скифянок // Древности степной Скифии. Киев.
- Ковпаненко Г.Т., 1967. Племена скифского часу на Ворсклі. Київ.
- Ковпаненко Г.Т., Скорий С.А., Батуревич С.Ю., 1996. Курганы скифского часу поблизу с.Іванівка на Київщині // Археологія. № 4.
- Копейкина Л.В., 1972. Расписная родоскопическая ойнохоя из кургана Темир-Гора // ВДИ. № 1.
- Королькова Е.Ф., 1994. Олень из кургана Куль-Оба // Проблемы археологии. Вып.3. СПб.
- Королькова Е.Ф., 1998. Иконография образа хищной птицы в скифском зверином стиле VI–IV вв. до н.э. // История и культура древних и средневековых обществ (Проблемы археологии. Вып.4). СПб.
- Кубышев А.И., Николова А.В., Полин С.В., 1982. Скифские курганы у с.Львово на Херсонщине // Древности степной Скифии. Киев.
- Кузнецова Т.М., 1991. Этюды по скифской истории. М.
- Кузьмина Е.Е., 1976. Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из групп индоиранцев // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.
- Кузьмина Е.Е., 1977. Семантика изображения на серебряном диске и некоторые вопросы интерпретации Амударьинского клада // Искусство Востока и античности. М.
- Кулатова И.Н., Супруненко А.Б., 1996. Первый Мгарский курган // Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи. Полтава.
- Лелеков Л.А., 1979. Ранние формы иранского эпоса // НАА. № 3.
- Либеров П.Д., 1960. К истории скотоводства и охоты на территории Северного Причерноморья в эпоху раннего железа // История скотоводства в Северном Причерноморье (МИА. № 53). М.
- Либеров П.Д., 1965. Памятники скифского времени на среднем Дону // САИ. Вып.Д1-311. М.
- Литвинский Б.А., 2000. Бактрийцы на охоте // Древность: историческое знание и специфика источника. Мат-лы конф-ции, посвященной памяти Э.А.Грантовского. М.
- Луконин В.Г., 1977. Искусство древнего Ирана. М.
- Манцевич А.П., 1973. Мастюгинские курганы. По материалам из собрания Гос. Эрмитажа // АСГЭ. Вып.15.
- Марков Г.Е., 1976. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М.
- Мартынов А.К., 1991. Горит из могильника Дорт-Оба (опыт реконструкции) // СГЭ. Вып.55.
- Масленицына Е.С., 1993. Некоторые стилистические группы памятников в искусстве Прикубанья в конце V–IV до н.э. // Граковские чтения на кафедре археологии МГУ 1989–1990 гг. М.
- Мелюкова А.И., 1964. Вооружение скифов // САИ. Вып.Д1-4.
- Мирошина Т.В., 1977. Об одном типе скифских головных уборов // СА. № 3.
- Мозолевський Б.М., 1979. Товста Могила. Київ.
- Мурзин В.Ю., Черненко Е.В., 1980. О средствах защиты боевого коня в скифское время // Скифия и Кавказ. Киев.
- Муродов О., 1973. Представления о дэвах у таджиков средней части долины Зеравшана // СЭ. № 1.
- Нарты, 1989. Осетинский героический эпос. Книга 2. М.
- ОАК за 1877 г. СПб., 1878.
- ОАК за 1896 г. СПб., 1897.
- ОАК за 1909–10 гг. СПб., 1913.
- Онайко Н.А., 1966. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII–V веках до н.э. // САИ. Вып.Д1-27.
- Онайко Н.А., 1970. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV–II вв. до н.э. // САИ. Вып.Д1-27.
- Осетинские народные сказки, 1973. Запись текстов, перевод и прим. Г.А.Дзагурова. М.
- Островецких А.С., 1994. Звіриний стиль у культурі Ольвії // Археологія. № 2.
- Островецких А.С., Охотников С.Б., 1989. О некоторых мотивах звериного стиля на памятниках из собрания Одесского археологического музея // ВДИ. № 2.
- Отрошенко В., Рассмакин Ю., 1985. До таємниць геродотової Скіфії // Наука і культура. Вип.19. Київ.
- Переводчикова Е.В., 1979. Келермесская секира и формирование скифского звериного стиля // Проблемы истории античности и средних веков. М.

- Переводчикова Е.В., 1994. Язык звериных образов. Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М.
- Переводчикова Е.В., 1995. Скифский звериный стиль как изобразительная система (по материалам Прикубанья) // Древности Евразии скифо-сарматской эпохи. М.
- Передольская А.А., 1945. Слоновая кость из кургана Куль-Оба // Труды отдела ант.мира ГЭ. Т.1. Л.
- Персидские народные сказки, 1987. Сост. М.-Н.О.Османов. М.
- Пиотровский Б.Б., 1954. Скифы и древний Восток // СА. Вып.ХІХ.
- Пиотровский Б.Б., 1959. Ванское царство (Урарту). М.
- Погребова М.Н., Раевский Д.С., 1992. Ранние скифы и древний Восток: К истории становления скифской культуры. М.
- Покровская Е.Ф., 1955. Мелитопольский скифский курган // ВДИ. № 2.
- Полидович Ю.Б., 1998. Композиция с оленем из Куль-Обы // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. ТД VII Донской археолог. конф-ции. Ростов-на-Дону.
- Полин С.В., Кубышев А.И., 1997. Скифские курганы Утлюкского междуречья (в Северо-Западном Приазовье). Киев.
- Пропп В.Я., 1986. Исторические корни русской волшебной сказки. Л.
- Раевский Д.С., 1985. Модель мира скифской культуры. Проблемы мировоззрения ираноязычных народов евразийских степей I тысячелетия до н.э. М.
- Ростовцев М.И., 1993. Срединная Азия, Россия, Китай и звериный стиль // ПАВ. № 5. (периздано из: *Seminarium Kondakovianum. Praha*, 1929).
- Руденко С.И., 1953. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.–Л.
- Руденко С.И., 1960. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.–Л.
- Рудинський М., 1929. Археологічна розвідка на Дніпрельстані // Збірник Дніпропетровського музею. Т.1. Дніпропетровськ.
- Сказки..., 1986. Сказки, сказания и предания чеченцев и ингушей. Грозный.
- Скорий С.А., 1985. Про місце виготовлення предметів озброєння з Віташківського комплексу // Археологія. Вип.52.
- Скуратівський В., 1996. Русалії. Київ.
- Славин Л.М., 1964. Раскопки западной части Ольвийской агоры (1956–1960 гг.) // Ольвия. Теменос и агора. М.–Л.
- Сокровища курганов Адыгеи, 1985. Каталог выставки. М.
- Спицын А., 1901. Раскопки, произведенные в 1897 г. близ д.Башмачка Екатеринославского уезда // ИАК. Вып.1. СПб.
- Стефани Л., 1879. Объяснение некоторых художественных произведений, открытых в Южной России в 1875 г. // ОАК за 1876 г. СПб.
- Тереножкин А.И., Ильинская В.А., Черненко Е.В., Мозолевский Б.Н., 1973. Скифские курганы Никопольщины // Скифские древности. Киев.
- Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н., 1988. Мелитопольский курган. Киев.
- Толстой И., Кондаков Н., 1889. Русские древности в памятниках искусства. Вып.1. СПб.
- Фармаковский Б.В., 1911. Золотые обивки налучий (горитов) из Чертомлыцкого кургана и кургана в м.Ильинцах // Сборник в честь графа А.А.Бобринского. СПб.
- Фиалко Е.Е., 2001. По поводу реконструкции головного убора из Рыжановского кургана // РА. № 4.
- Фиалко Е.Е., 2003. Золотые бляшки из кургана Огуз // РА. № 1.
- Форнасье Й., 2003. К семантике мотива «охота на зайца» в скифском искусстве // Чтения, посвященные 100-летию деятельности В.А.Городцова в ГИМе. Тезисы докладов конференции. Ч.II. М.
- Цалкин В.И., Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа // История скотоводства в Северном Причерноморье (МИА. № 53). М.
- Черненко Е.В., 1973. Оружие из Семибратних курганов // Скифские древности. Киев.
- Черненко Е.В., 1981. Скифские лучники. Киев.
- Черненко Е.В., 1987. Парадный топор из Келермеса // Скифы Северного Причерноморья. Киев.
- Черненко Е.В., Бунятян Е.Г., 1977. Курганная группа Широкое-II // Курганы Южной Херсонщины. Киев.
- Черников С.С., 1965. Загадка Золотого кургана. М.
- Шедевры древнего искусства Кубани, 1987. Каталог выставки. М.
- Шилов В.П., 1961. Раскопки Елизаветовского могильника в 1959 г. // СА. № 1.
- Шрамко Б.А., 1987. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев.
- Эзоп, 1999. Басни. М.

Яворницкий Д.И., 1990. История запорожских казаков. Т.1. Киев.

Яковенко Э.В., 1976. Предметы звериного стиля в раннескифских памятниках Крыма // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.

Яценко И.В., 1958. Скифские погребения близ Ногайска (по материалам раскопок Н.И.Веселовского) // ВДИ. № 1.

Chochorowski J., Skoryj S., 1999. Kobięce nakrycie głowy z centralnego grobowca Wielkiego Kurhanu Ryżanowskiego // MSROA. T.XX.

Dalton O.M., 1964. The Treasure of the Oxus. 3rd ed. London.

Dumitrescu V., 1974. Arta preistorica in Romania. Bucureşti.

Fettich N., 1934. Der skythische Fund von Gartschinowo // Archaeologica Hungaricae. Budapest. T.XV.

Furtwängler A., 1883. Der Gold fund von Vetersfelde // Drei- und vierzigste Program zur Wincelmanns Feste der archeologischen Gesellschaft zu Berlin. Berlin.

Ghirshman R., 1950. Le tresor de Sakkez, les origines de l'art mede et les bronzes du

Luristan. Notes irannien. IV // Atribus Asiae. Vol.13.

Ghirshman R., 1964. Persia from the Origin to Alexandr the Great. London.

Leskov A., 1972. Treasures from the Ukrainian barrows. L.

Piotrovsky B., Galanina L., Grach N., 1986. Scythian Art. Leningrad.

Shingi Fukai, 1967. Speculations on the Origin of the Floriated Male Ornaments of the Horses in the Antcien Times // The Memoirs of hte Institute of Oriental Culture. N 313. Tokyo.

The Treasures of Nomadic Tribes in South Russia, 1991. April 13 – May 26, 1991. The Scient Orient Museum. Tokyo.

Vickers M., 1979. Scythian Treasures in Oxford. Oxford.

Von Yang Hu, Gu Zhijie, 1998. Das Graberfeld Zhoujiadi im Banner Aohan, Autonome Region Innere Mongolei, China // Eurasia Antiquity. N 4. Berlin.

Zazoff P., 1991. Bildchiffren der skytho-thrakischen Kunst // Hamburger beitrdge zur Archäologie. 18.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

КАТАЛОГ ИЗОБРАЖЕНИЙ ЗАЙЦЕВ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ

I. Одиночные изображения зайцев

1. Аппликации золотые на серебряном диске (блюде?). VII в. до н.э. **с.Зивие**. Вблизи г.Саккыз, Иран (Ghirshman R., 1950, pl.11; 1964, pl.142; Пиотровский Б.Б., 1954, рис.8; Луконин В.Г., 1977, с.23). (Рис.1,1).

2. Изображение на золотой пекторали. VII в. до н.э. **с.Зивие** (Ghirshman R., 1950, pl.14; 1964, pl.137; Луконин В.Г., 1977, с.49). (Рис.2,2).

3. Изображение на рукояти секиры, золото. VII в. до н.э. **ст.Келермесская, к.1** (раскопки Д.Г.Шульца) (Пиотровский Б.Б., 1959, табл.LIV–LV; Артамонов М.И., 1966, табл.17; Piotrovsky V. et al., 1986, pl.37–39; Анфимов Н.В., 1987, фото на с.75; Галанина Л.К., 1997, кат.6, табл.10,6). (Рис.3,12).

4. Бляшка; кость. VII–VI вв. до н.э. **мог-к Новозаведенное-II, к.5**. Ставропольский край, Россия (The Treasures of Nomadic Tribes in South Russia, 1991, кат.13). (Рис.2,7).

5. Зеркало; бронза. VI в. до н.э. **Херсонский курган**. Возле г.Херсон, Украина (ОАК за 1896 г., с.82, рис.337,в,г; Онайко Н.А., 1966, табл.XVIII; Кузнецова Т.М., 1991, с.56, рис.14). (Рис.1,6).

6. Бляшки, 84 экз.; золото. V в. до н.э. **Нимфей, некрополь, могила 1(б)**. с.Героевка, АР Крым, Украина (Vickers M., 1979, p.36, pl.IV,b,c). (Рис.3,13).

7. Бляшки; золото. IV в. до н.э. **Нимфей (?)** (из собр. Нацмузея Дании) (Vickers M., 1979, p.37).

8. Бляшки; золото. V в. до н.э. **Курган Бабы**. Апостоловский р-н, Днепропетровская обл., Украина (Онайко Н.А., 1970, табл.XXII,4). (Рис.3,8).

9. Бляшка; золото; 2,5×2 см. V в. до н.э. **с.Владимировка, к.** Приазовский р-н, Запорожская обл., Украина (Яценко И.В., 1956, рис.8). (Рис.3,9).

10. Бляха; золото; 16×31,5 см. IV в. до н.э. **Курган Куль-Оба**. Окresности г.Керчь, АР Крым, Украина (Древности Боспора Кимме-

рийского, 1854; Артамонов М.И., 1968; Piotrovsky V. et al., 1986, pl.213). (Рис.1,5).

11. Бляшки; золото; 1,5×2 см. IV в. до н.э. **Курган Куль-Оба** (Piotrovsky V. et al., 1986, pl.205,206,210). (Рис.1,2).

12. Бляшки; 46 экз.; 1,6×2,1 см; золото. IV в. до н.э. **Курган Чертомлык, сев.-вост. камера**. Никопольский р-н, Днепропетровская обл., Украина (Алексеев А.Ю. и др., 1991, Кат.212,27). (Рис.2,8).

13. Бляшки, 17 экз. и 7 фр-тов; золото; 1,8×2,3 см. IV в. до н.э. **Курган Огуз, северная могила**. Нижнесерогозский р-н, Херсонская обл., Украина (Фиалко Е.Е., 2003, с.131, рис.2,17). (Рис.2,9).

14. Подвеска; золото. IV в. до н.э. **Курган Огуз, боковая могила** (Болтрик Ю.В., 1981, с.233).

15. Бляшки; золото. IV в. до н.э. **Курган Гайманова Могила**. Васильевский р-н, Запорожская обл. (Фиалко Е.Е., 2003, с.131).

16. Бляшки; золото. IV в. до н.э. **с.Гюновка, из к.** Каменко-Днепровский р-н, Запорожская обл. (Фиалко Е.Е., 2003, с.131).

17. Бляшки; 19 экз.; золото. IV в. до н.э. **с.Башмачка, к.6**. Солонянский р-н, Днепропетровская обл., Украина (Спицын А., 1901, рис.14).

18. Бляшки; золото. IV в. до н.э. **Курган Девев**. Нижнесерогозский р-н, Херсонская обл., Украина (Онайко Н.А., 1970, кат.501е).

19. Бляшки; золото; 2,1×2,9 см. IV в. до н.э. **уроч.Носаки, к.4, гробница 1**. Васильевский р-н, Запорожская обл. (Бидзиля В.И. и др., 1977, рис.11,7). (Рис.1,3).

20. Бляшки, 5 экз.; золото; 2×1,5 см. IV в. до н.э. **уроч.Носаки, к.4, гробница 1** (Бидзиля В.И. и др., 1977, рис.11,8). (Рис.2,10).

21–22. Из-ния на метопиде; золото; 34×4 см. IV в. до н.э. **с.Львово, к.18**. Бериславский р-н, Херсонская обл., Украина (Кубышев А.И. и др., 1982, рис.7). (Рис.2,3,4).

23. Бляшки; 10 экз.; золото; 2,5×3 см. IV в. до н.э. **Курган Казенная Могила, п.2**. с.Шмальки, Васильевский р-н, Запорожская обл., Украина (Клочко Л.С., 1982, рис.5). (Рис.1,4).

24. Бляшки; золото. IV–III вв. до н.э. **Александропольский курган** (Луговая Могила). Солонянский р-н, Днепропетровская обл., Украина (Онайко Н.А., 1970, кат.497и). (Рис.2,12).

25. Бляшка; золото. IV в. до н.э. **с.Новокаменка, к.4, п.2**. Измаильский р-н, Одесская обл., Украина. (Островерхов А.С., Охотников

С.Б., 1989, рис.2,3; Андрух С.И., 1995, рис.5,9). (Рис.2,13).

26. Бляшки; золото. IV в. до н.э. **с.Великая Знаменка, к.13**. Каменско-Днепровский р-н, Запорожская обл., Украина (Отрошенко В., Рассамакин Ю., 1985, с.242).

27. Бляшки; 38 экз. и 2 фр-та; золото; 1×1,5 см. IV в. до н.э. **Группа Волчанск-I, к.8, п.2**. Акимовский р-н, Запорожская обл., Украина (Полин С.В., Кубышев А.И., 1997, рис.9,9). (Рис.3,2).

28. Бляшки, 2 экз.; золото; 1×1,5 см. IV в. до н.э. **Группа Широкое-II, к.71, п.2**. Херсонская обл., Украина (Черненко Е.В., Бунятян Е.Г., 1977, Рис.12,1). (Рис.3,7).

29. Бляшки; золото. IV в. до н.э. **Краснознаменские курганы**, Каховский р-н, Херсонская обл. (Leskov A., 1972, il.24). (Рис.3,11).

30. Бляшка; золото; 0,8×1,3 см. IV в. до н.э. **К.гр. 22-ой шахты, к.11**. г.Орджоникидзе Днепропетровской обл., Украина (Тереножкин А.И. и др., 1973, рис.19,23). (Рис.3,1).

31. Бляшки; 11 экз.; золото. IV в. до н.э. **с.Кичкас, к.3**. Запорожский р-н и обл., Украина (Рудинський М., 1929, рис.1).

32. Бляшки; 4 экз.; золото. IV в. до н.э. **ст.Елизаветовская, к.14 (1909 г.)**. Ростовской обл., Россия (Мирошина Т.В., 1977, рис.13,1). (Рис.3,16).

33. Рукоять меча; железо, золото. IV в. до н.э. **с.Новониколаевка (Шульговка), курган «Первый», центр.погр.** Васильевский р-н, Запорожская обл., Украина (Мелюкова, 1964, с.59, табл.19,8). (Рис.3,22).

34. Бляшка; кость. VI в. до н.э. **с.Гуляй-Город, к.38**. Черкасский р-н и обл., Украина (Ильинская В.А., 1975, табл.II,22). (Рис.2,5).

35. Изображение на кинжале, железо. V–IV в. до н.э. **Правобережная Украина** (кол-ция ГИМ, г.Киев) (Ильинская В.А., 1975, рис.7). (Рис.2,6).

36. Бляшки; 21 экз.; золото; 0,8×1,2 см. V в. до н.э. **с.Мгарь, к.1**. Лубенский р-н, Полтавской обл., Украина (Кулатова И.Н., Супруненко А.Б., 1996, рис.14,4;17). (Рис.3,3).

37. Бляшка; золото; 0,8×1,4 см. IV в. до н.э. **мог-к Скоробор к.19 (1975 г.)**. Котелевский р-н, Полтавская обл., Украина (Шрамко Б.А., 1987, с.148, рис.40,2). (Рис.3,4).

38. Бляшка; золото. IV в. до н.э. **уроч.Осняги, к.5**. Полтавская обл., Украина (Ковпаненко Г.Т., 1967, рис.51,10;53,122; Шрамко Б.А., 1987, рис.72,15). (Рис.3,17).

39. Бляшки; золото. IV в. до н.э. **с.Басовка, к.А (1901 г.)**. Роменский р-н, Сумская обл., Украина (Галанина Л.К., 1977, табл.27,16). (Рис.3,5,6).

40. Бляшки, 37 экз.; золото. IV в. до н.э. **уроч.Стайкин Верх (с.Аксютинцы), к.3, выпуск погр.** Роменский р-н, Сумская обл., Украина (Ильинская В.А., 1968, табл.VIII,2). (Рис.3,19).

41. Бляшки, 3 экз.; золото; 0,6×1 см. IV в. до н.э. **с.Ивановка, к.5**. Богуславский р-н, Киевская обл., Украина (Ковпаненко Г.Т. и др., 1996, рис.3,25). (Рис.3,10).

42–43. Бляшки, в т.ч. с подвесками, 34 экз.; золото. IV в. до н.э. **с.Песочино, к.2**. Харьковская обл., Украина (Бандуровский А.В., Буйнов Ю.В., 2000, рис.64,3). (Рис.3,14,15).

44. Рукоять меча; железо, золото. IV в. до н.э. **с.Капитановка, к.487**. Новомиргородский р-н, Кировоградская обл., Украина (Бобринский А.А., 1910, рис.8; Археологія Української РСР, 1971, рис.26,2). (Рис.3,23).

45. Из-ния на золотом наконечнике. V в. до н.э. **аул Уль, к.2**. Респ.Адыгея, Россия (ОАК за 1909–10 гг., рис.211; Мурзин В.Ю., Черненко Е.В., 1980, рис.13; Анфимов Н.В., 1987, фото на с.87; Переводчикова Е.В., 1995, кат.273аб). (Рис.3,18).

46. Бляшки; золото. V в. до н.э. **аул Уль, к.2** (ОАК за 1909–10 гг., с.150, рис.213; Переводчикова Е.В., 1995, кат.271,272,274).

47. Бляшки; золото. V в. до н.э. **аул Уль, к.2**. Краснодарский край, Россия (ОАК за 1909–10 гг., с.150, рис.214; Переводчикова Е.В., 1995, кат.275).

48. Бляшки; золото; 1,9×2,5 см. IV в. до н.э. **аул Уляп, к.8**. Респ.Адыгея, Россия (Масленицына Е.С., 1992, рис.4,13). (Рис.2,11).

49. Обрывки фольги; золото; 3,4×3,6 см. V–IV в. до н.э. **сел.Нартан, к.2**. Респ.Кабардино-Балкария, Россия (Батчаев В.М., 1985, табл.14,12,13). (Рис.3,21).

50. Бляшка; золото. IV в. до н.э. **уроч.«Частые курганы», к.2**. Воронежская обл., Россия (Либеров П.Д., 1965, т.24,11). (Рис.2,15).

51. Бляшки; 29 экз.; золото. IV–III вв. до н.э. **с.Мастюгино, к.1 (1905 г.)**. Воронежская обл., Россия (Манцевич А.П., 1973, рис.1,4). (Рис.2,14).

52. Рукоять меча; железо, золото. IV в. до н.э. **уроч.«Частые курганы», к.3**. Воронежская обл., Россия (Замятин, 1946, с.26, рис.11; Либеров, 1965, табл.17,1,2). (Рис.3,24).

53. Из-ние на горите каменного изваяния. VI в. до н.э. **местечко Зеяни** у с.Манави, Грузия

(Дашевская О.Д., Лордкипанидзе Г.А., 1995, рис.1). (Рис.3,25).

54. Обойма для ремня; золото, бирюза; 1,4×1,5 см. VII в. до н.э. **Чиликтинская долина, к.5 («Золотой»)**. Восточно-Казахстанская обл., Казахстан (Черников С.С., 1965, табл.XIX; XXIV,2). (Рис.2,18).

55. Из-ние на золотой пластине, украшающей клинок меча. IV в. до н.э. **Курган Иссык**, Казахстан (Акишев К.А., 1978, с.29, табл.23).

56. Фигурка-навершие ножа; бронза; дл. 24,1 см. VI–V вв. до н.э. **Минусинский край**, коллекция С.Догантекина. (<http://www.transasiat.com/Metaux/steppes/siberie/massibac2.htm>). (Рис.2,17).

57. Из-ние на пластинках-накладках на подхвостные седельные ремни; 2 экз.; дерево. IV в. до н.э. **мог-к Пазырык, к.3**. Алтай, Россия (Руденко С.И., 1953, т.LIV,8,9; 1960, рис.142,в). (Рис.3,20).

58. Бляшка; бронза. VII–VI вв. до н.э. **мог-к Наньшаньгэнь**. Авт.р-н Внутренняя Монголия, Китай (Варенов А.В., 1984, рис.2,11). (Рис.2,16).

59. Рукоять ножа; бронза. – VIII–VII вв. до н.э. **мог-к Чжоуцзяди, мог.М31**. Авт.р-н Внутренняя Монголия, Китай (Von Yang Hu, Gu Zhijie, 1998, Abb.4,12). (Рис.2,19).

II. Парные изображения зайцев

60. Бляшки; золото; 1,3×4 см. IV в. до н.э. **с.Новониколаевка (Шульговка), «Первый» курган** (Онайко Н.А., 1970, кат.498з). (Рис.4,1).

61. Бляшки, 16 экз.; золото; 1,3×4 см. IV в. до н.э. **Большой Рьжановский курган, центр.погр.** Звенигородский р-н, Черкасская обл., Украина (Chochorowski J., Skoryj S., 1999; Фиалко Е.Е., 2001). (Рис.4,2).

62. Пластина; кость. IV в. до н.э. **Поселение Чертоватое-VII**. Николаевская обл., Украина (Островец А.В., 1994, рис.2,10). (Рис.4,3).

63. Ручка зеркала; бронза. IV в. до н.э. **Группа «Новосельские сады, к.2»**. с.Новоселовка, Чечня, Россия (Вольная Г.Н., 1996, рис.4; 1997, рис.1). (Рис.4,4).

III. Сюжетные изображения

Изображения охоты на зайца

64. Бляшки; золото; 5×3,7 см. IV в. до н.э. **Курган Куль-Оба**. (Piotrovsky V. et al., 1986, pl.253). (Рис.4,5).

65. Бляшки; серебро. IV–III в. до н.э. **Александропольский курган**. (Онайко Н.А., 1970, кат.429д).

Изображения погони собаки за зайцем

66. Пектораль; золото. IV в. до н.э. **Курган Толстая Могила, центр.погр.** (Мозолевский Б.М., 1979, с.73–83,213–226, рис.57,58,61–65; Раевский Д.С., 1985, с.181–203, рис.36; Piotrovsky V. et al., 1986, pl.118–120). (Рис.5,1).

67. Пектораль; золото. IV в. до н.э. **Курган Большая Близница**. Краснодарский край, Россия. (Толстой И., Кондаков Н., 1889, рис.81; Piotrovsky V. et al., 1986, pl.255). (Рис.5,6).

68. Крестовидная бляха; бронза. V в. до н.э. **Салонта**. Румыния (Dumitrescu V., 1974, fig.469,5). (Рис.4,6).

69. Обкладка горита; золото. IV в. до н.э. **Курган Чертомлык**. (Толстой В., Кондаков Н., 1889, с.144, рис.121; Мелюкова А.И., 1964, табл.10,1; Онайко Н.А., 1970, табл.ХХI, кат.422; Черненко Е.В., 1981, рис.53; Алексеев А.Ю. и др., 1991, кат.189). (Рис.4,8).

70. Обкладка горита; золото. IV в. до н.э. **Мелитопольский курган, гроб-ца 2, тайник**. Запорожская обл., Украина (Покровская Е.Ф., 1955, рис.2; Онайко Н.А., 1970, кат.421, табл.ХХ; Черненко, 1981, с.67–69; Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н., 1988, с.121–128, рис.140,142,146).

71. Обкладка горита; золото. IV в. до н.э. **ст.Елизаветовская, группа «Пять братьев», к.8**. Ростовская обл., Россия (Шилов В.П., 1961, с.158–161,165,166, рис.3; Черненко Е.В., 1981, рис.56).

72. Обкладка горита; золото. IV в. до н.э. **с.Ильинцы, к.** Винницкая обл., Украина (Фармаковский Б.В., 1911; Мелюкова А.И., 1964, с.32; Онайко Н.А., 1970, табл.ХХI,781; Черненко Е.В., 1981, рис.54).

73. Бляха; золото. V–IV вв. до н.э. **мог-к Феттерсфельде (Виташково)**. Польша (Furtwängler A., 1883; Скорый С.А., 1985, рис.1,2). (Рис.4,7).

74. Пластинка; кость; 1,8×9,1 см. IV в. до н.э. **Курган Куль-Оба** (Передольская А.А., 1945; Раевский Д.С., 1985, с.61–63, рис.5; Piotrovsky V. et al., 1986, pl.214). (Рис.5,3).

Изображения терзания зайца хищной птицей

75. Бляха; бронза. V в. до н.э. **Комитат Мезолак**. Венгрия (Fettich N., 1934, taf.IX,1a,b; Граков Б.Н., 1947, с.35, рис.7). (Рис.5,4).

76. Пластинки-накладки на ритон, 2 экз.; золото; 10,3×8,3 см. V в. до н.э. **Группа Семибратние курганы, к. 4** (1875–76 г.). Краснодарский край, Россия (ОАК за 1877 г.; Анфимов Н.В., 1987, фото на с.115; Piotrovsky V. et al., 1986, pl.100; Королькова Е.Ф., 1998, рис.2,6). (Рис.5,2).

77. Серебряная пластина от горита с золотыми накладками. V в. до н.э. **Группа Семибратние курганы, к. 2** (1875–76 г.) (Стефани Л., 1879, с.120; Толстой И., Кондаков Н., 1889; Артамонов М.И., 1966, с.36, рис.113; Черненко Е.В., 1973, с.67; 1981, рис.35; Анфимов Н.В., 1987, фото на с.117).

78. Обкладка горита; золото. IV в. до н.э. **Курган Дорт-Оба** (поместье Пастка). с.Мирное, Симферопольский р-н, АР Крым, Украина (ОАК за 1892 г., с.9, рис.4,2; Мелюкова А.И., 1964, табл.10,2; Артамонов М.И., 1966, с.112, табл.194; Черненко Е.В., 1981, с.58, рис.38; Мартынов А.К., 1991).

79. Пластины, 2 экз.; золото. IV в. до н.э. **с.Песочино, к.8**. Харьковская обл. (Бабенко Л.И., 1999, рис.1,2; Бабенко Л.И., 2002, с.60, рис.1,2; Бандуровский А.В., Буйнов Ю.В., 2000, рис.63,4). (Рис.5,7).

Изображения терзания зайца хищником

80. Бляха; бронза. V в. до н.э. **Комитат Мезолак**. (Fettich N., 1934, taf.IX,1a,b; Граков Б.Н., 1947, с.35, рис.7). (Рис.5,5).

ВОЛЧЬЕ ПЛЕМЯ (К СЕМАНТИКЕ ОБРАЗА ВОЛКА В ИСКУССТВЕ ДРЕВНИХ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО УРАЛА)

Пожалуй, самой яркой отличительной особенностью так называемого «савроматского звериного стиля» в искусстве кочевников Южного Урала VI–V (IV) вв. до н.э. является широкое бытование изображений волка или отдельных частей его тела (обычно морды) на предметах конского снаряжения, вооружения, культа и пр. Характерно, что в исследуемой зоне этот образ известен с самого начала сложения здесь прохоровской культуры, т.е., с середины–конца VI в. до н.э., в то время как в соседних ареалах культур скифского круга он встречается намного реже.

Данную специфику искусства древних южноуральских номадов, которая, скорее всего, отражает особенность их мифологии, сложно объяснить на базе известных письменных и фольклорных источников. Правда, следует оговорить тот момент, что убедительную трактовку образа волка среди предметов культа (подчеркнуто мною – Г.С.) номадов Южного Урала скифской эпохи дал в целом ряде работ В.К.Федоров (Федоров В.К., 2000; 2001), отнеся его к проявлению культа Сомы (Хаомы). Однако, я полагаю, вряд ли с этих позиций следует рассматривать столь широкое и, главное, самостоятельное распространение волчьей символики в «савроматском» искусстве. С другой стороны, считать ее проявлением тотемических представлений у местных племен было бы заведомым упрощением решения проблемы, тем более, что исторические источники ничего об этой форме религиозных воззрений скифо-сарматских племен явно не сообщают.

Ключом к пониманию данного вопроса является обращение к истории сложения союза кочевых племен в степях Южного Приуралья в середине I тыс. до н.э. В этой связи необходимо заострить внимание на следующих моментах:

1) исследователи считают, что с конца VI в. до н.э. в южноуральских степях наблюдается культура номадов уже в «готовом сложившемся виде» (Железчиков Б.Ф., Пшеничнюк А.Х., 1994, с.5) и в последующие века происходит ее постепенную эволюция (Смирнов К.Ф., 1964,

с.286–290; Мошкова М.Г., 1974; Пшеничнюк А.Х., 1995, с.95,96), осложненная периодическими миграциями;

2) по целому ряду признаков четко фиксируется участие причерноморских скифов в процессах культурогенеза как на территории Южного Зауралья, так и в Предуралье (Таиров А.Д., Гаврилюк А.Г., 1988, с.147,148; Гуцалов С.Ю., 1998, с.127–136; 2000; Гуцалов С.Ю., Таиров А.Д., 2000), несмотря на то, что в зауральской части в процессе формирования прохоровской культуры участвовали племена тасмолинской КИО, получившей распространение на указанной территории в VII–VI вв. до н.э. (Таиров А.Д., 2000, с.141), а на западных склонах Южного Урала и Мугоджар до появления носителей новой культуры устойчивая традиция не фиксируется (Гуцалов С.Ю., 2000а, с.12). При этом скифские миграции на Южный Урал увязываются с моментом возвращения скифов из походов на Ближний Восток в конце VII до н.э. и повторного освоения ими ранее завоеванных земель;

3) раннескифские погребальные комплексы конца VII – середины VI в. до н.э. на Южном Урале чрезвычайно малочисленны и представлены, за редким исключением, захоронениями конных лучников¹. Немаловажно, что в дальнейшем скифская традиция в пределах изучаемого региона проявилась в погребальных обрядах воинской знати, а также в предметах воинского обихода, конской узде и др. (Гуцалов С.Ю., 2000).

¹ К числу таковых, на мой взгляд, относятся следующие памятники: к.59 мог-ка Целинный-I (Гуцалов С.Ю., 1998, с.127–136); п.2 к.8 у с.Бурдыгино (Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А., 1996, с.196,197, рис.2), п.1 к.17 мог-ка Покровка 2 (Яблонский Л.Т. и др., 1994, с.39,40,42, рис.54,81,1–12,82,83); III Ивановские курганы (Пшеничнюк А.Х., 1983, с.37–40, табл.ХХVIII). Погребение 3 к.1 мог-ка у с.Гумарово (Исмагилов Р.Б., 1988) относится к более раннему этапу скифской истории, хотя и оно являет собой захоронение конного лучника.

Таким образом, можно говорить о проникновении в южноуральские степи в 1-й пол. VI в. до н.э. немногочисленных скифских конных отрядов, подчинивших в силу своего военного превосходства более слабые «автохтонные» племена и навязавших им впоследствии свои культурные ценности.

Подобный характер завоевания каких-либо территорий силами мобильных воинских контингентов известен и в более ранней истории скифов. В частности, А.И.Иванчик высказал аргументированное мнение о том, что скифские отряды, вторгшиеся в Переднюю Азию в VII в. до н.э., первоначально представляли собой незначительные по составу молодежные воинские объединения (Иванчик А.И., 1988, с.48). Он предположил, что они обладали значительной самостоятельностью в проведении военных действий, и имели возможность объединения в необходимых случаях в крупное войско под началом удачливого предводителя. Среди таковых в клинописных текстах ассирийского царя Асархаддона (680–669 г. до Р.Хр.) упоминается имя предводителя скифов Ишпака. Обращает на себя внимание этимология имени Ишпака, восходящая к иранскому термину *sraka* «собака». Еще более показательным является то, что в фольклоре народов Малой Азии конца I тыс. до н.э. сохранились сведения о разгроме киммерийцев «отважнейшими псами». В то же время по письменным источникам известно, что среди основных участников разгрома киммерийцев были именно скифы (Her. I,103; IV,1; Strabo. I,3,21). И потому резонным является предположение о наличии у скифов во время пребывания их в Передней Азии воинских культов, выразившихся в особом почитании волка-разъяренного пса (Иванчик А.И., 1988, с.45–47; Гутнов Ф.Х., 1999, с.198–202).

В мифологии многих народов волк тесно связан с мужскими военными союзами. Наличие таковых фиксируется у индоевропейцев. Скажем, в германской среде они (*mannerbunde*) просуществовали до конца эпохи «Великого переселения народов». У древних иранцев они засвидетельствованы еще со времен Заратуштры. Как считает М.Элиаде, упоминание о воинских братствах есть и в ведических текстах, и потому вполне возможно, что они существовали уже в индоиранскую эпоху (Элиаде М., 1991, с.104,105).

Как представитель фауны волк наиболее соответствовал идеальному образу воина. Среди психо-поведенческих черт этого животного

наиболее важными в данном случае представляются следующие:

1) охотничьи повадки, выражающиеся в способности волков во время охоты преодолевать большие расстояния до 40 километров в день и затем уносить на себе овец, закинув их на спину, а также умение волчьей стаи ходить след в след так, что сложно определить количество прошедших особей. Примечательно, что в момент поиска добычи этот зверь обычно осторожен, порой не трогая подолгу незнакомых зверей;

2) наличие у волков сложной системы передачи информации: движение головы, ушей, хвоста, взгляд и пр., напоминающей жесты и знаки воинов-разведчиков;

3) своеобразие взаимоотношений внутри волчьих коллективов: волчья стая – иерархичное сообщество, в котором существует многоуровневые элитные группы, при этом проявляется гибкость управления стаей. Иногда она целиком подчиняется авторитету вожака, иногда в ней царит «народовластие». Стычки внутри волчьего коллектива – редкое явление. Обычно хватает взгляда, позы или рычания. Как правило, волки не любят демонстрировать превосходство, однако умеют с успехом это делать;

4) последняя из волчьих особенностей, вызывающая интерес в изучаемом контексте – способность волка своим воем внятно что-либо сообщать или просто выражать свои эмоции – «волк может повить просто потому, что ему хочется повить» (Бедненко Г.Б., 2003).

Таким образом, на примере волков молодые воины могли учиться охотничьим и боевым приемам, способам самовыражения и общезнания.

Вместе с тем, как уже говорилось выше, образ волка, в которого «превращался» посвящаемый, часто смешивался с «псом». Совмещение архетипов волка и собаки характерно именно для мифологии индоевропейцев (Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В., 1984, с.590). Не надо думать, что только волк может быть символом бойцовской ярости и отваги. Не менее страшен в ожесточенном сражении и разъяренный пес. Весьма показательный пример мне удалось найти в записках художника-краеведа конца XIX в. Н.Н.Каразина. В частности, в рассказе «Атака собак под Ургутом» он пишет: «В число этих разнообразных штук “солдатской науки” (для ротных собак – С.Г.) входит обязательным образом... бросаться на всех, кто только подходит к отряду в азиатском костюме.

Большого труда стоит потом удерживать этих по- нятливых псов от самой яростной атаки на не- навистные халаты – и наши милиционеры- туземцы только тогда могут быть покойны, ко- гда собаки успеют привыкнуть и приглядеться к их лицам и поймут, что это союзники, а не вра- ги, и что их рвать не следует. ... С помощью своей природной отваги, пренебрегая сабель- ными ударами и уколами пик, они яростно на- падают на чужих всадников и частенько стас- кивают с седла, уцепившись зубами за широкие полы халата» (Каразин Н.Н., 1872). Так что вполне оправданно полагают исследователи, что у скифов иницируемые считались и «пса- ми», и «волками» одновременно (Иванчик А.И., 1988, с.45–48; Гутнов Ф.Х., 1999, с.199–202).

Правда, нельзя исключать и наличие других архетипов в качестве примеров для подража- ния. Так, в работах, посвященных данной про- блеме, указывается, что помимо «людей- волков» и «людей-псов» у индоевропейских народов были известны и «люди-медведи», например, – *Varenhanter* («носящие медвежьи шкуры») и *Berserkir* («одетые в медвежьи шку- ры»), соответственно у древних германцев и скандинавов (Элиаде М., 1991, с.106). Хотя у германцев были и *ulfhednar*, «люди в волчьей шкуре» (там же). В мифологии же славянских народов в качестве божества-покровителя вы- ступают образы Змея и Волка, часто заменяю- щие друг друга (Балушок В.Г., 1996, с.94). Кро- ме того, в мифах и религии различных народов волк своеобразным образом связан с конем и солнцем. Он является спутником божества – Солнца, иногда заменяя ему коня. В плане изу- чения погребальных обрядов небезынтересно, что «волк-пес» является стражем подземного мира и проводником в царстве умерших, т.е. посредником между миром живых и мертвых.

В связи с большой временной отдаленно- стью рассматриваемых событий от современ- ности проблема реконструкции особенностей религиозной идеологии и ритуалов инициации древних народов очень сложна. Тем более, что прямые сведения о рассматриваемых обрядах и объединениях отсутствуют или же страдают неполнотой. С другой стороны, «вживание в мифологическое время является древним рели- гиозным ритуалом. Различные религиозные формы мистического соединения волка и воина можно расценивать как проявление единого фундаментального опыта. Великая охота, ини- циация, война, захват и завоевание территории

суть виды деятельности, построенные по ми- фологическим моделям: во время оно сверхъ- естественный хищник впервые совершил то же. Волкообразный предок, основатель таинства инициации, верховный шаман или первый во- ин, совершил определенные действия, которые впоследствии послужили парадигматическими моделями для подражания. В волка превраща- ется лишь тот, кто преодолевает самого себя и временную реальность, становится современ- ником и соучастником мифа-первоосновы» (Элиаде М., 1991, с.107–109).

Следовательно, человек становился «обла- ченным в волчью шкуру» в результате инициа- ции, включавшей в себя особые воинские ис- пытания. Сам процесс инициации, как полага- ют этнологи, строился по трехчастной схеме: ритуальное выделение индивида из коллекти- ва – пограничный период (фаза ритуальной смерти) – реинкорпорация в коллектив, но уже в новом качестве (Балушок В.Г., 1995, с.40). Здесь необходимо подчеркнуть, что ритуальное перерождение посвящаемых в волков было од- ним из важнейших моментов инициации.

«Преращенные в волков» проживали в «чистом поле», вдали от родных селений. Мож- но предположить, что военный лагерь, в кото- рый попадал скифский неопит, находился в значительном удалении от родного края, в силу того, что он мог пребывать в грабительском набеге на дальние страны. Следует заметить, что вовсе необязательно, чтобы лагерь молодых «волков» был стационарным. Скорее всего, об- ряды посвящения проходили в ходе (а может быть, в виде?) набегов, напоминающих нарт- ские «балцы». Ведь, будучи в завоевательном походе, юные скифы переживали не мнимые, а реальные опасности, граничащие с реальной, а не ритуальной смертью – главной чертой лим- инальной фазы инициации. Хотя весьма возмож- но, что, при отсутствии действительной опасно- сти для жизни иницируемых, существовали обряды, символизировавшие ритуальную смерть. К таковым мог относиться ритуал «про- глатывания» посвящаемых мифическим чудо- вищным зверем – Железным Волком, высту- павшим в качестве божества-покровителя (Иванчик А.И., 1988, с.42,43). Есть основания предполагать, что неопиты-скифы в ходе пе- риода инициаций покрывали свое тело татуи- ровкой мифологического содержания, как это было принято у многих народов мира (Элиаде М., 2002, с.56,84), в том числе, по сведениям

римского философа-скептика конца II в. н.э. Секста Эмпирика, – у сарматов (Sext Empiricus. III,202), и, как это было зафиксировано археологами, в Пазырыкских курганах у «скифов» Алтая (Руденко С.И., 1953). После чего воин, «рождаясь» заново, получал эзотерические знания. Возможно, что прошедшего испытания юношу брили, а также нарекали новым именем или прозвищем, как будто он действительно родился вновь (Балушок В.Г., 1996, с.94). В этой связи обращает на себя внимание имя легендарного скифского предводителя – Ишпакай. Как считает А.И.Иванчик, данный антропоним является, скорее всего, ритуальным прозвищем удачливого предводителя, отражавшим его наиболее характерные психо-поведенческие черты (Иванчик А.И., 1988, с.46,47). Как правило, в ходе ритуала на посвящаемых надевали звериные шкуры², они совершали особые танцы экстагического типа, а также употребляли галлюциногенные вещества, что создавало у иницируемых эффект такого перерождения. В частности, в источниках встречаются упоминания об этих экстагических оргиях, связанных с употреблением пьянящего напитка Хаома (Сома), облегчавшего превращение испытуемого в зверя. Интересно, что некоторые из лингвистов название одного из сакских племен *saka haumavarka* интерпретируют как «те, кто превращаются в волков (*varka*), в момент экстаза, вызванного сомой (*hauma*)» (Элиаде М., 1991, с.107) или же «волки Хаомы». Замечу, что во время своих посвящений алкоголь применяли запорожские казаки, своего рода приемники скифских традиций на территории Северного Причерноморья (Балушок В.Г., 1996, с.96). Не исключено, что кроме употребления наркотических и алкогольных веществ, иницируемые, вероятно, ели мясо и пили кровь животных-покровителей, как это вообще принято у многих

² Возможно, что своеобразным отголоском ритуала «перевоплощения в волка» является легенда из нартовского эпоса о Сослане и Тотрадзе, где первый одерживает победу над своим противником при помощи магических средств, одним из которых был ритуал одевания одежды из волчьих шкур (Сказания о нартах..., 1981. с.155–164). Вообще, воинственный и жестокий Сослан, как нартовский герой в наибольшей мере проявил себя как колдун и участник инициаций. В данном же сказании он выглядит как подлинный шаман – его одежда из волчьих шкур дополняется шумящими подвесками из 100 колокольчиков и 100 бубенчиков.

народов при проведении инициации, веря, что это придаст им силу, ярость и другие качества хищников. Так, в славянских мифах о волкодлаках (вурдалаках) сообщается о поедании оборотнями печени и сердца животных, т.к., по народным представлениям эти органы являются местом средоточия жизненных сил (там же). С другой стороны, в «Авесте» особенно подчеркивается тот факт, что «*keresa*» – воры, бродяги, промышляющие по ночам в период ритуальных сборищ, даже питались человеческим мясом (АВ, Вендидад, 74). Как считает М.Элиаде: «Вера в ритуальную или экстагическую ликантропию засвидетельствована как у членов тайных североамериканских и африканских обществ, так и у германцев, греков, иранцев и индийцев. В том, что имела место реальная ликантропия, связанная с людоедством, нет ни малейшего сомнения» (Элиаде М., 1991, с.107).

«Группы воинов-зверей были организованы в некий священный союз, цель которого заключалась в обеспечении своего постоянного восстановления. Их постоянная характерная черта – участие юношей» (Кардини Ф., 1987, с.73,74). Переход скифской молодежи в новый возрастной класс сопровождался, вероятно, торжественным вручением неопитам оружия и других социально значимых предметов. Намек на это содержится в «Истории» Геродота, где сразу в двух легендах о происхождении скифов (Her. IV,5–10) сообщается о сакральных дарах, вручаемых юноше, успешно прошедшему испытания, среди которых фигурируют, между прочим, лук, чаша и секира. Это предположение тем более вероятно, что в осетинской мифологии в качестве божества иницируемых мальчиков («молодых щенков»!) выступает Уастырджи (Дарчиев А., 2001, с.223). Обращает на себя внимание тот факт, что данный персонаж осетинской мифологии, отождествляемый с христианским святым Георгием – воителем и покровителем волков, в отдельных нартовских сказаниях цикла о Сослане прямо называется «покровителем ночных походов» (Сказания о нартах..., с.101).

Появление юноши в военном лагере означало, помимо прочего, перемену его социального статуса. Молодой скиф становился представителем нового сообщества с идеологией, отличной от религиозных представлений того коллектива, откуда иницируемые вышли. С момента «облачения в волчью шкуру» воин был уже не человеком, – хищником, и был обязан

жить «волчьей жизнью». Он становился жестоким непобедимым воином, охваченным неистовой яростью в бою, а также, находясь в особом воинском коллективе – своеобразной «волчьей стае», жил по правилам волков, а не людей, порвав с законами и обычаями сообщества из которого он вышел. Уделом молодых воинов становились набеги с целью захвата добычи и террор соседних, главным образом, оседлых народов. Вероятно, не случайно в иранских текстах сообщается о «волках на двух ногах» (АВ, Ормазд-яшт, 10), т.е. о членах определенных *mannerbunde* (Элиаде М., 1991, с.107).

Таким образом, наблюдаются отличия данных молодежных воинских формирований от исходной общины во многих сферах культуры: основных занятиях, социальной структуре, психологии, религиозной практике и т.д. В сущности, воинское сообщество, удаляясь на длительный срок от своего родо-племенного коллектива, создает собственную субкультуру, отличную от исходной. В этих условиях у данных воинских союзов должны были появиться новые, особые символы, демонстрирующие их отличие от окружающих культур и позволявшие им вступать в коммуникативные связи с себе подобными. Кроме того, они должны были транслировать социально-значимые представления, придавать таким представлениям общезначимый, разделяемый смысл. Данные конвенциональные знаки должны были также в наглядно-образной форме передавать основные абстрактные идеи или понятия, связанные со смыслом деятельности сообщества. Наиболее простыми формами подобных символов являются эмблемы, гербы, ордена, знамена и пр. (Пархоменко И.Т., Радугин А.А., 2001, с.81–86).

Таковыми отличительными признаками у иранских *mannerbunde*, как считает М. Элиаде, являлись «окровавленные дубинки» (*vajra*) и знамена (*drafsa*) (Элиаде М., 1991, с.107). Следует заметить, что металлические палицы или булавы, как предмет материальной культуры, у восточно-иранских кочевых племен были в первую очередь символом власти, и потому в курганах кочевников скифской эпохи изучаемого региона металлические палицы представлены единичными находками в захоронениях вождей. И это неслучайно, ведь в «Ригведе» *vajra* описывается как золотая или железная, о четырех или о ста углах или в форме диска, позднее – как крестообразная (РВ, I,57,80 и др.), и является

мифическим оружием бога-громовержца Индры (Федоров В.К., 1994, с.7–51).

Что же до знамен, то сведения о наличии их у скифо-сарматских кочевников носят глухой и двойственный характер. Так, Арриан, автор II в. н.э., сообщает что скифские (аланские?) конные отряды среди знаков отличия имели военные значки в виде змееподобных драконов, сшитых из цветных лоскутов и развевающихся на шестах соразмерной длины. «Эти значки не только своим видом причиняют удовольствие или ужас, но полезны и для различения атаки и для того, чтобы разные отряды не нападали один на другой» (Аг. 35,3–5). В парфянскую эпоху истории Ирана привилегированные подразделения армии назывались «драконами» и носили знамена в форме дракона. Однако настенное изображение в Туркестане воспроизводит флаг с изображением волка или дракона с волчьей головой. Кроме того, в эпической поэме «Шах-Наме» сообщается, что на персидском знамени было изображение волка (Элиаде М., 1991, с.108)³.

Надо полагать, что и воинственные скифы Ишпакая также отличали себя соответствующей волчьей символикой. К сожалению, наличие у них знамен с изображением волка или его морды в письменной традиции не получило отражение, как и то, что они не смогли дойти до нас в качестве археологических находок. В то же время атрибуты погребального культа, связанные с захоронениями кочевой элиты Скифии, как, например, «штандарты», предметы вооружения и пр., почти не имеют волчьей символики. Но при этом отдельные знаки «волка» геральдического характера присутствуют в конце VII – начале VI в. до н.э. как в скифской лесостепной культуре Украины, так у саков Приаралья, отождествляемыми с саками-тиграхауда Бехистунской надписи Дария I и массагетами Геродота (Пьянков А.И., 1975; Таиров А.Д., 2000, с.150,151). В частности, таковыми являются лики волков на предметах скифо-сакского оружия с указанных территорий.

В Восточном Приаралье из погребения конца VI вв. до н.э. к.53 мог-ка Тагискен происходит железный меч, обложенный по середине клинка золотой фольгой с тисненным изобра-

³ Обращает на себя внимание персонаж «Шах-Наме» Гургсар (дословно – волчеголовый) – туранский богатырь, взятый в плен во время войны Персии с Тураном.

жениям шествия волков (Итина М.А., Яблонский Л.Т., 1997, рис.44,5,6).

На территории лесостепной Украины эти предметы были выявлены недавно, хотя происходят из материалов раскопок С.А.Мазараки конца XIX в. Я имею в виду железные мечи, обнаруженные в курганах у села Волковцы Сумской области, на рукоятках которых даны чеканные изображения морды волка и лошади (может быть, волка?) (Махортых С.В., Иевлев С.М., 2000, рис.4,1,2). Авторы публикации, в принципе, обоснованно датируют эти находки VI–V вв. до н.э., хотя, возможно, они относятся к чуть более раннему времени. Ввиду особого характера данной статьи, я воздержусь от повторного хронологического анализа указанных клинков. С другой стороны, несомненный интерес в контексте настоящей работы имеет замечание уважаемых авторов о том, что появление изображений на рукоятках, вероятно, объясняется особой ролью культа оружия в древности. Меч являлся предметом поклонения скифов, что было связано с их верой в сверхъестественное могущество и магические свойства железного оружия. Украшение рукоятей, зачастую уже имевших зооморфные навершия, вероятно, было призвано подчеркнуть особую сакральную символику скифских мечей и кинжалов (там же).

Как уже говорилось выше, в Южном Приуралье волчьи символы появились практически с самого начала сложения прохоровской культуры. Мне представляется, что наиболее показательными в этом плане являются находки предметов конской узды в погребениях конца VI – V в. до н.э. В качестве примера можно привести бронзовые нащечники из комплектов конской узды в курганах могильника Кырык-Оба II (рис.1,1) рубежа VI–V вв. до н.э. в Западном Казахстане, являющиеся своеобразным этнокультурным скифским маркером. Для начала стоит отметить, что только в Скифии эти нащечники имеют самое широкое распространение (Ильинская В.А., 1973), а в исследуемой зоне встречены впервые в 2002 г.! С другой стороны, на этих предметах явственно представлены изображения волков – типичный признак южноуральской культуры скифской эпохи. Более того, в одном комплекте с нащечниками находилась круглая бляха в виде свернувшегося хищника (рис.1,2) – неизменный символ скифской культуры. Обычно на ней изображается пантера, а на кырык-обинской

бляхе – волк! Волк запечатлен и на других подобных бляхах с территории Южного Приуралья – из Пьяновки и Иркутля (Смирнов К.Ф., 1989, табл.66,7). Что касается мелких уздечных пряжек и обойм с волчьей символикой, то их распространение в вышеназванном регионе в VI–V вв. до н.э. носило массовый характер. Во всем этом наблюдается удивительный симбиоз культур: с одной стороны, общескифской, и, с другой, – воинственной, местной (более поздней, по сравнению с исходной) раннескифской.

В ходе развития культуры помимо геральдических возникают и другие системы конвенциональных знаков. К числу таковых относятся, в частности, системы похоронной обрядности, частично фиксируемые в ходе археологических раскопок. В этой связи обращают на себя внимание ряд элементов обряда древнего этапа прохоровской культуры⁴. Так, среди неотъемлемых скифских признаков прохоровской культуры выделяются каменные изваяния воинов, воздвигаемых когда-то на родоплеменных кладбищах (Гуцалов С.Ю., Таиров А.Д., 2000). Их распространение здесь носит элитарный характер – в Скифии находки таких исчисляются десятками (Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л., 1994), на Южном же Урале их число едва перевалило за десять. Исследователи считают, что появление данных традиций является проявлением культа героев именно среди выдающихся воинов скифского общества

⁴ Один из элементов погребального обряда древних кочевников Восточной Европы, который обращает на себя внимание при изучении вышеобозначенного религиозного явления – это традиция погребения в могилах собак. В погребениях прохоровской культуры Южного Приуралья захоронения собак встречаются, как правило, в верхних слоях заполнения могилы. В частности, скелет собаки лежал во 2-м ярусе могилы (между «стражником» и расчлененными скелетами нижнего яруса) в к.14 мог-ка Восточно-Курайлинский I конца VI – V в. до н.э. (Гуцалов С.Ю., Ткачев В.В., 1990). Один раз в данном регионе полный скелет собаки найден в погребении конца V – IV в. до н.э. (Краснопартизанский II, к.4) (Моргунова Н.Л., 1996, с.10). Попутно замечу, что в Скифии в V–IV в. до н.э. скелеты собак в могилах встречены 6 раз (Ольховский В.С., 1991, с.75,118). Скорее всего, данные примеры говорят в пользу того, чтобы рассматривать их как отражение культа собаки-стража – проводника в подземный мир.

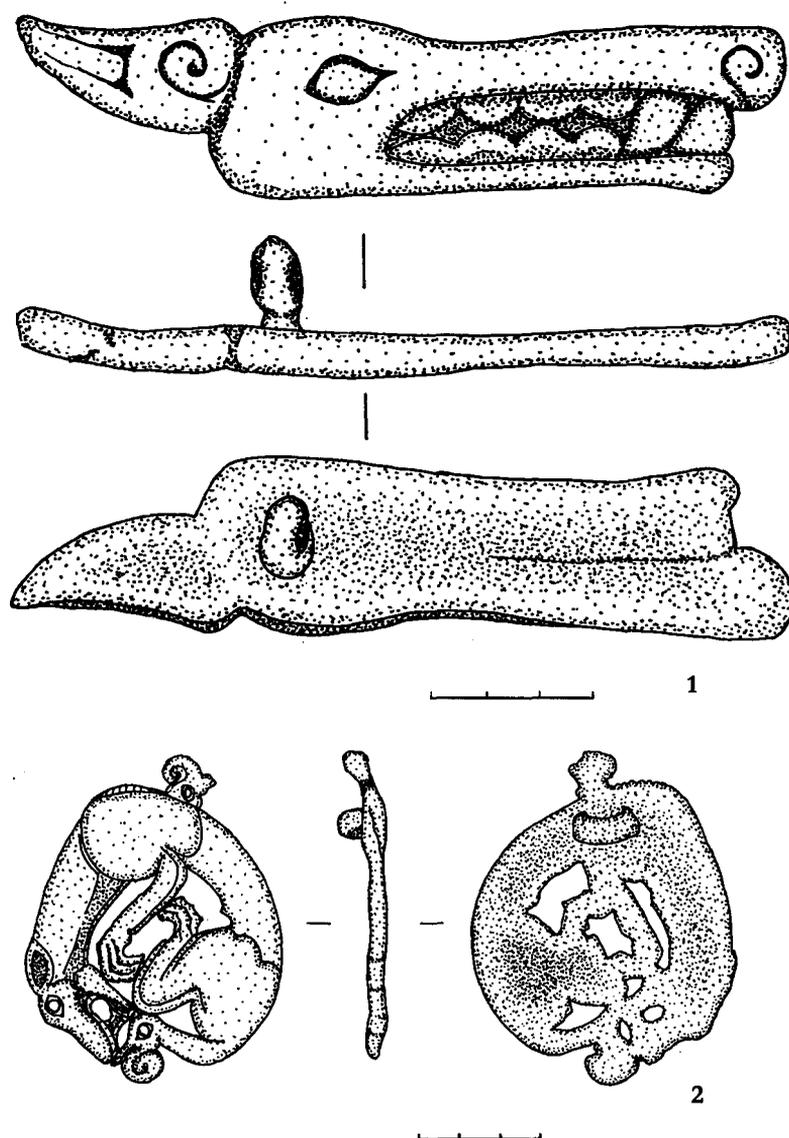

Рис. 1. Могильник Кырык-Оба II, к.18. Предметы конской узда. 1 – нащечник, 2 – нагрудная (?) бляха

(Бессонова С.С., 1984, с.16) и характер их распространения на исследуемой территории также свидетельствует в пользу этого.

Говоря же о способах захоронения, замечу, что на карте Южного Приуралья конца VI – V вв. до н.э. наблюдается мозаичная картина, в которой можно выделить как минимум три этнокультурных массива: «скифский», «массагетский» и «савроматский». Причем «савроматские» признаки характерны для рядовых кочевников, в то время как «скифские» и «массагетские» – для военно-жреческой элиты общества. Рассматривая семантику захоронений, необходимо учитывать тот факт, что формирование прохоровской культуры произошло в

ходе завоевания южноуральских степей скифо-массагетскими племенами, и потому воинские элементы в погребальной обрядности должны проявляться особо. Мне уже приходилось говорить, что в плане рассмотрения истоков прохоровской культуры важнейшее значение, среди прочих культурно-значимых обрядовых признаков, имеет южная ориентировка погребенных. Исследователи обратили внимание на ее хронологический приоритет в погребальном обряде степного населения Северного Причерноморья конца VII – 1-й пол. VI вв. до н.э. (Кадырбаев М.К., 1984, с.84–93). Однако на территории украинской Лесостепи и Северного Кавказа среди дружинных курганов этот признак

имеет еще более массовый характер. И, между прочим, Посулье, где найдены, рассмотренные выше, железные мечи с волчьей символикой, – один из наиболее вероятных ареалов скифской лесостепной культуры, откуда могли совершить миграцию в Южное Приуралье «скифы отделившиеся» (см.: Ильинская В.А., 1968, с.24–38,43–53,57–60). С другой стороны, в обряде захоронения дружинников верхнего и среднего течения Илека и бассейна Ори конца VI – V вв. до н.э. помимо скифских отчетливо проявляются погребальные традиции приуральских «саков», которые весьма сходны с скифскими (Гуцалов С.Ю., 2000а, с.13).

Представления индоевропейцев и иных народов о «Юге» находятся в одном семантическом ряду с Солнцем и конем. Как правило, солнечные божества тесно связаны с воинскими культурами (Дюмезиль Ж., 1976, с.58–67; Кузьмина Е.Е., 2001, с.118–122). Поэтому следует, вероятно, согласиться с мнением А.Г.Гаврилюка о том, что появление южной ориентировки в VI–V вв. до н.э. среди погребенной элиты прохоровской культуры есть проявление религиозных культов, характерных для военной верхушки скифского общества (Гаиров А.Д., Гаврилюк А.Г., 1988, с.144).

Анализ памятников прохоровской культуры конца VI – V вв. до н.э. в контексте изучения воинских культов позволяет говорить, во-первых, о том, что эта идеология была присуща главным образом воинской элите – вождям и их дружинам; а во-вторых, что эта идея достаточно быстро была усвоена основными массами кочевого общества⁵. И потому нельзя исключать, что военная верхушка приуральского

⁵ Считаю необходимым отметить, что очень близко к подобному пониманию системы религиозных воззрений военной верхушки племен сакской общности пришел А.К.Акишев. Так, им была выдвинута гипотеза о вероятности существования с I тыс. до н.э. и вплоть до раннего средневековья в широком ареале народов Центральной Азии особой исследователями религии – «сакского митраизма». В частности, он отмечает: «... Несомненно, существовала соответствующая система этических ценностей митраизма, своего рода круг понятий рыцарского благочестия и морали. Наиболее известное выражение она нашла в основных типах героического или “дружинного” эпоса, создателями которого были, прежде всего, мужчины и предназначался он в основном сословию дружинников-воинов» (Акишев А.К., 2000, с.25,26).

племенного союза навязала свое имя всему объединению. Стоит обратить внимание на то, что Геродот сообщает о проживании к востоку от Скифии перед каменистыми горами скифских племен, отделившихся от царских скифов (Her. IV,22,23), и при этом замечает, что иные считают массагетов также скифским племенем (Her. I,201). Страбон же сообщает об обитании в степях Прикаспия в конце I тыс. до н.э. кочевого племени дахов «*daoī*» (Strabo., XI,7,1;8,2). Другое его наименование у греческих историков «*daai*», а у латинских авторов – «*dahas*». Отдельные исследователи полагают, что это этническое имя восходит к иранскому слову «*dahaē*» – «волк». Учитывая, что подобные имена вовсе не были исключением среди индоевропейских народов⁶ – данная версия весьма правдоподобна. Такого рода этнонимы, как полагал М.Элиаде, могли происходить от ритуального эпитета одного из воинских братств (Элиаде М., 1991, с.104–109). При этом он называет две версии получения имени: 1) «благодаря отваге и свирепости юношей, проходящих обряд инициации, их ритуальный эпитет – «волки» – был перенесен на все племя; 2) ритуальное имя группы молодых пришельцев-завоевателей было усвоено побежденными аборигенами. В последнем случае можно предположить, что эти завоеватели стали затем военной аристократией и ведущим классом. ... Во втором случае необходимо учитывать симбиоз победителей-пришельцев и покоренных местных жителей – процесс более или менее продолжительный и завершившийся фатальной ассимиляцией пришельцев» (там же, с.107,108).

Говоря о времени появления дахов-даев на исторической арене, следует обратить внимание на следующие моменты: 1) дахи на территории Прикаспия зафиксированы в источниках, относящихся к концу I тыс. до н.э. – началу I тыс. н.э. (Страбон, Арриан, Курций Руф, Плиний). В работах более ранних античных авторов, в том числе у Геродота, сведения о дахах

⁶ К числу таковых относят закаспийские кочевые племена гирканов, которых греко-латинские авторы именовали «*hupkanoi*» – волки. Название данной страны звучит на восточно-иранском диалекте как *vehrkana*, на западно-иранском – буквально – «страна волков» (от иранского корня «*veheka*» – волк). К череде народов с волчьими именами следует отнести балканских даков, племя *orka* (*orkoi*) во Фригии, самнитских лукан, полабских лютичей и т.д.

отсутствуют; 2) у Страбона даи наряду с многочисленными массагетами относятся к т.н. «восточным скифам». При этом Страбон говорит о том, что «...Большая часть скифов, начиная от Каспийского моря, называется даями, живущих далее к востоку зовут массагетами и саками, а прочих называют вообще скифами (подчеркнуто мною – Г.С.), но каждое племя имеет и частное имя...» (Страбон. XI,8,2). Все это позволяет предположить, что первоначально дахи представляли собой элитарную воинскую группу внутри племенного союза кочевников, которая приобрела в дальнейшем этнический облик.

Последнее предположение полностью соответствует характеру генезиса прохоровской культуры, процесс зарождения которой начался в середине VI в. до н.э., а окончательное оформление произошло на рубеже V–IV вв. до н.э., когда культурные традиции знати стали достоянием широких слоев общества (Таиров А.Д., 1998, с.87–96; Гуцалов С.Ю., 2000а). Изменение культурного облика населения южноуральских степей было обусловлено усилением военной активности в регионе, что способствовало милитаризации и стандартизации культуры (Мошкова М.Г., 1974, с.24; Таиров А.Д., 1998, с.98–100). Под влиянием военно-политических и природно-географических обстоятельств с конца V в. до н.э. начинается волна миграций племен прохоровской культуры в западном и южном направлениях, и, в частности, в конце V – IV вв. до н.э. произошел отток значительной части степного населения Южного Приуралья на территорию Устюрта и Мангышлака (Гуцалов С.Ю., 2001; Таиров А.Д., Гуцалов С.Ю., 2001, с.161–168).

Появление их на северной границе стран Среднего Востока необходимо увязывать с реалиями социально-экономической и политической жизни южноуральских nomadов. К числу таковых относятся:

во-первых, активное давление, в том числе и военное, на южноуральских кочевников с конца V в. до н.э. со стороны носителей саргатской и других культур лесостепи Западной Сибири и Зауралья;

во-вторых, резкое ухудшение экологической обстановки в южноуральских степях, связанное с нарастающей аридизацией климата, пик которой падает на рубеж нашей эры (Железчиков Б.Ф., 1983, с.55–58). В связи с этим к III в. до н.э. количество памятников прохоровской

культуры на территории к югу от русла р.Урал становится чрезвычайно незначительным, и основное их количество концентрируется на кромке леса и степи в приуральской Башкирии (могильники Ст.Киишки, Бишунгарово и др. (Садыкова М.Х., 1962; Пшеничнюк А.Х., 1983)).

Оседание носителей прохоровской культуры в названных регионах, возможно, было вызвано изменением политической ситуации на южных окраинах пастбищной территории nomadов, а именно в Хорезме, обусловленное ослаблением ахеменидского Ирана в результате его поражений в греко-персидских войнах. Следствием этого стало активное привлечение персидскими владыками сако-массагетских кочевников Средней Азии и Казахстана к междоусобным войнам на территории ахеменидской державы.

Обращает на себя внимание тот факт, что к середине-концу IV в. до н.э. в степях Южного Урала прекращается практика возведения на курганах антропоморфных каменных изваяний, и одновременно, а может быть даже, чуть раньше, традиция ваяния и установки каменных кумиров на территории храмов возникает несколько южнее – на Устюрте и Мангышлаке (Ольховский В.С., Галкин Л.Л., 1990, с.196–206).

Исходя из выше изложенного, есть основания полагать, что в IV–III вв. до н.э. Устюрт, наряду с Мангышлаком, стал одним из основных ареалов расселения кочевников – носителей прохоровской культуры. Свообразными знаками их пребывания здесь были грандиозные погребально-поминальные комплексы, представленные святилищами «типа Байте», насыщенные статуями. Следует обратить внимание на высокий уровень их милитаризованности – обязательными атрибутами данных статуй, в том числе и очень редких женских, являются мечи или кинжалы (кстати, прохоровского типа). Как знать, не явными ли признаками культуры дахов были эти каменные изваяния воинственных nomadов? Характерно, что Страбон связал происхождение парфов с дахами (Страбон. XI,8,2), а исследователи наибольшую близость культовым комплексам «типа Байте» видят в святилищах – гиеротейсионах государства Комагены на Ближнем Востоке (Ольховский В.С., Галкин Л.Л., 1990, с.205). Я не исключаю возможности преемственности идеологии военной верхушки племенного объединения арало-каспийского меж-

думоря, с одной стороны, и эллинистических государств Среднего и Ближнего Востока – с другой, где парфяне могли играть роль посредников.

Таким образом, факты, рассмотренные в данной статье, свидетельствуют о существовании в VI–V вв. до н.э. в степях Южного Урала особых воинских культов, наличие которых проявляется как среди предметов материальной культуры геральдического характера, так и

среди остатков погребально-поминальных ритуалов. Существенная роль в данных воззрениях принадлежала Волку (псу) – покровителю воинских сообществ, символу воинской доблести. Не исключено, что выдающиеся скифские воины в момент завоевания и закрепления степных просторов Южного Приуралья составляли особую социальную группу, став затем отдельным этносом или транслировав свое имя на значительную этническую группу.

Источники и Литература

Авеста: Избранные гимны: Из Видевдата / Пер. с авест. И.Стеблин-Каменского. М., 1993.

Авеста. Видевдат. Фрагмент Восьмой / Пер. с авест., вступит. статья и комм. В.Ю.Крюковой // ВДИ. 1994. № 1. С.238–249.

Латышев В.В., 1948. Арриан «Тактика». Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. № 1.

Геродот. История в девяти книгах / Пер. и прим. Г.А.Стратановского. М., 1993.

Ригведа. Мандалы I–IV / Перевод Т.Я.Елизаренковой. М., 1989.

Секст Эмпирик. Сочинения в двух томах. М., 1976.

Сказания о нартах. Осетинский эпос / Пер. с осетинского Ю.Лебединского. Четвертое издание. Цхинвали, 1981.

Страбон. География / Пер. и прим. Г.А.Стратановского. М., 1964.

Акишев А.К., 2000. Сакский митраизм // «Тамыр». Альманах. № 1 (2).

Балушок В.Г., 1995. Инициации древнерусских дружинников // Этнографическое обозрение. № 1.

Бессонова С.С., 1984. О культе оружия у скифов // Вооружение скифов и сарматов. Киев.

Балушок В.Г., 1996. Древнеславянские молодежные союзы и обряды инициации // Этнографическое обозрение. № 3.

Бедненко Г.Б., 2003. Архетип Волка у индоевропейцев // <http://gazeta.canislupus.ru/archiv/2003/10/list00.shtml>.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В., 1984. Индоевропейский язык и индоевропейцы. 2. Тбилиси.

Гутнов Ф.Х., 1999. Скифские портреты // «Дарьял». Вып.3.

Гуцалов С.Ю., 1998. Курган раннескифского времени на Илеке // Археологические памятники Оренбуржья. Вып.2. Оренбург.

Гуцалов С.Ю., 2000. О роли скифов в формировании прохоровской культуры // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып.2. Самара.

Гуцалов С.Ю., 2000а. Культура ранних кочевников Орско-Уральского междуречья в VII–I вв. до н.э. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Уфа.

Гуцалов С.Ю., 2001. Стелы и антропоморфные изваяния раннего железного века Южного Урала и Устюрта // Евразийство: историко-культурное наследие и перспективы развития. МАЭ. Уфа.

Гуцалов С.Ю., Таиров А.Д., 2000. Стелы и антропоморфные изваяния раннего железного века южноуральских степей // Археология, палеоэкономика и палеодемография Евразии. М.

Гуцалов С.Ю., Ткачев В.В., 1990. Отчет об археологических разведках и раскопках в Актюбинской области летом 1990 г. // Фонды АОИМК.

Дарчиев А., 2001. О Таргитае – прародителе скифов // «Дарьял». Вып.1.

Дюмезиль Ж., 1976. Осетинский эпос и мифология. М.

Железчиков Б.Ф., 1983. Экология и некоторые вопросы хозяйственной деятельности сарматов Южного Приуралья и Заволжья в VI в. до н.э. – I в. н.э. // История и культура сарматов. Саратов.

Железчиков Б.Ф., Пшеничнюк А.Х., 1994. Племена Южного Приуралья в VI–III вв. до н.э. // Проблемы истории и культуры сарматов. Тезисы докладов международной конференции. Волгоград.

Иванчик А.И., 1988. Воины-псы. Мужские союзы и скифские вторжения в Переднюю Азию // СЭ. № 5.

- Ильинская В.А., 1968. Скифы днепровского лесостепного левобережья. Киев.
- Ильинская В.А., 1973. Скифская узда IV в. до н.э. // Скифские древности. Киев.
- Исмагилов Р.Б., 1988. Погребение Большого Гумаровского кургана в Южном Приуралье и проблема сложения скифской культуры // АС-ГЭ. Вып.29. Л.
- Итина М.А., Яблонский Л.Т., 1997. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М.
- Кадырбаев М.К., 1984. Курганные некрополи верховьев р.Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.
- Каразин Н.Н., 1872. Атака собак под Ургутом (Из путевых заметок Туркестанца) // «Нива», № 38. // <http://zertspiegel.orientphil.uni-halle.de/i10.html>.
- Кардини Ф., 1987. Истоки средневекового рыцарства. М.
- Кузьмина Е.Е., 2001. Мифологические представления о коне в культуре индоевропейцев // МИФ. Вып.7. София.
- Махортых С.В., Иевлев С.М., 2000. Скифские мечи и кинжалы из собрания Национального музея истории Украины // Древности Подонцовья. Вып.5.
- Моргунова Н.Л., 1996. Курганы у сел Краснохолм и Кардаилово в Илекском районе // Археологические памятники Оренбуржья. Вып.1. Оренбург.
- Мошкова М.Г., 1974. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М.
- Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А., 1996. Савроматские и раннесарматские погребения Самарского Заволжья (по итогам раскопок 1974–1987 гг.) // Краеведческие записки. Вып.VIII. Самара.
- Ольховский В.С., 1991. Погребально-поминальная обрядность населения степей Скифии (VIII–III вв. до н.э.). М.
- Ольховский В.С., Галкин Л.Л., 1990. Культурный комплекс на Устюрте (предварительное сообщение) // СА. № 4.
- Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л., 1994. Скифские изваяния VII–III вв. до н.э. М.
- Пархоменко И.Т., Радугин А.А., 2001. Культурология в вопросах и ответах. М.
- Пшеничнюк А.Х., 1983. Культура ранних кочевников Южного Урала. М.
- Пшеничнюк А.Х., 1995. Переволочанский могильник // Курганы кочевников Южного Урала. Уфа.
- Пьянков А.И., 1975. Массажеты Геродота // ВДИ. № 2
- Руденко С.И., 1953. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.–Л.
- Садыкова М.Х., 1962. Сарматские памятники Башкирии // МИА. № 115.
- Смирнов К.Ф., 1964. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.
- Смирнов К.Ф., 1989. Савроматская и раннесарматская культура // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.
- Таиров А.Д., 1998. Генезис раннесарматской культуры Южного Урала // Археологические памятники Оренбуржья. Вып.2. Оренбург.
- Таиров А.Д., 2000. Ранний железный век // Древняя история Южного Зауралья. Том II. Ранний железный век и средневековье. Челябинск.
- Таиров А.Д., Гаврилюк А.Г., 1988. К вопросу о формировании раннесарматской (прохоровской) культуры // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. Челябинск.
- Таиров А.Д., Гуцалов С.Ю., 2001. О генезисе каменных антропоморфных изваяний Арало-Каспийского региона // Материалы по археологии волго-донских степей. Вып.1. Волгоград.
- Федоров В.К., 1994. Ваджра Индры: проблемы идентификации (археологический аспект) // Вооружение и военное дело древних племен Южного Урала. Уфа.
- Федоров В.К., 2000; 2001. О функциональном назначении так называемых савроматских жертвенников Южного Приуралья // Уфимский археологический вестник. Вып.2,3;
- Федоров В.К., 2001а. Костяные ложечки и деревянная посуда кочевников в культе Сомы/Хаомы // Золотые олени Евразии. СПб.
- Элиаде М., 1991. От Залмоксиса до Чингизхана // «КОДРЫ». № 7. Пер. С.Голубицкого.
- Элиаде М., 2002. Тайные общества: Обряды инициации и посвящения / Пер. с франц. К.: София, М.: Гелиос.
- Яблонский Л.Т., Трунаева Т.Н., Веддер Дж., Девис-Кимболл Дж., Егоров В.Л., 1994. Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1993 году // Курганы левобережного Илека.

БРОНЗОВЫЙ ЗООМОРФНЫЙ НАКОНЕЧНИК НОЖЕН АКИНАКА ИЗ ФОНДОВ КРАСНОДАРСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА¹

Вместе с материалами, сданными Южно-Кубанской археологической экспедицией в 1987 г., в фонды Краснодарского музея-заповедника поступил зооморфный наконечник ножен акинака (Пьянков А.В., 1988, с.95, рис.350,352). Предмет был найден в том же году на Пашковском городище № 5 учащимся Краснодарского ПТУ-1 Юрием Девятым, любезно передавшим находку сотрудникам экспедиции. В настоящее время наконечник хранится в составе коллекции, состоящей из древностей, собранных на различных археологических памятниках Краснодарского водохранилища, и имеет шифр КМ 8470/108. Этот неординарный предмет заслуживает отдельной публикации. Рассмотрим находку подробнее.

Бронзовый литой наконечник акинака (рис.1) представляет собой коническую полую втулку эллипсоидного сечения, одна сторона которой срезана поперечно. На лицевой стороне втулки ближе к обрезу имеются два круглых сквозных отверстия, симметрично расположенных параллельно краю. На оборотной стороне посередине втулки имеется крупный вырез треугольной формы с сильно вогнутым основанием. Вторая сторона наконечника оформлена в виде птичьей головы с открытым клювом. Втулка постепенно переходит в широкую верхнюю часть клюва, сильно загнутого вниз. На лицевой стороне клюв оконтурен рельефными валиками. Глаза переданы расположенным у верхнего окончания валика овальным выступом со сквозным отверстием. На оборотной стороне посередине клюва имеется щелевидное отверстие с заостренной одной стороной и раздвоенной противоположной. Нижняя часть клюва имитируется узкой, слегка вогнутой пластинкой, соединяющей окончание верхней половины клюва с основанием нижней части валика. Место последнего соединения расширено и имеет сквозное отверстие. Поверхность наконечника покрыта плотной зеленоватой патиной.

Размеры наконечника: длина – 6,8 см, максимальная ширина – 4 см, диаметр втулки у обреза – 3×1,6 см.

Особенности изображенной на наконечнике головы имеют черты крупной хищной птицы, вероятно орла или грифа. Отсутствие ушей не позволяет видеть здесь изображение головы полиморфного существа – грифона.

Бронзовые наконечники ножен мечей и кинжалов, оформленные в виде головы хищной птицы, встречаются в скифское время в памятниках степной части Восточной Европы и на сопредельных территориях. В Приднепровье найден очень близкий наконечник акинака во 2-й гробнице кургана Репяховатая могила (Ильинская В.А. и др., 1980, рис.11,5–7;12,2). В Поволжье подобный наконечник происходит из п.336 Старшего Ахмыловского могильника (Патрушев В.С., Халиков А.Х., 1982, рис.56,4в). На Северном Кавказе известна целая серия таких наконечников. Первые находки из Северной Осетии (Кобань, Фаскау) публиковались П.С.Уваровой и Е.И.Крупновым (Уварова П.С., 1900, рис.80, табл.СХV,4,5; Крупнов Е.И., 1960, табл.ЛХХV,2–4). Подобные предметы найдены в Белореченском, Нижне-Чегемском могильниках и у Верхнего Аула в Кабардино-Балкарии (Виноградов В.Б., 1972, рис.28,1,11; Вольная Г.Н., 2002, рис.3,5,6). В п.246 Глийского могильника обнаружен акинак с костяным наконечником в форме орлиной головы (Техов Б.В., 1980, рис.18,2,3).

К наконечникам ножен в виде орлиных голов следует добавить бронзовые ножны, заканчивающиеся головой грифона, из материалов трансильванской группы скифоидных памятников (Мелюкова А.И., 1989, табл.28,15,20). Сильно стилизованное изображение птичьей головы с открытым клювом на этих ножнах довольно близко орлиноголовым наконечникам, но наличие ушей не позволяет отнести его к последним. Заметим, что характерная передача приоткрытого клюва с видимым языком свойственна изображениям и других полиморфных существ,

¹ Публикация подготовлена в рамках проекта РГНФ № 01-01-38002а/Ю.

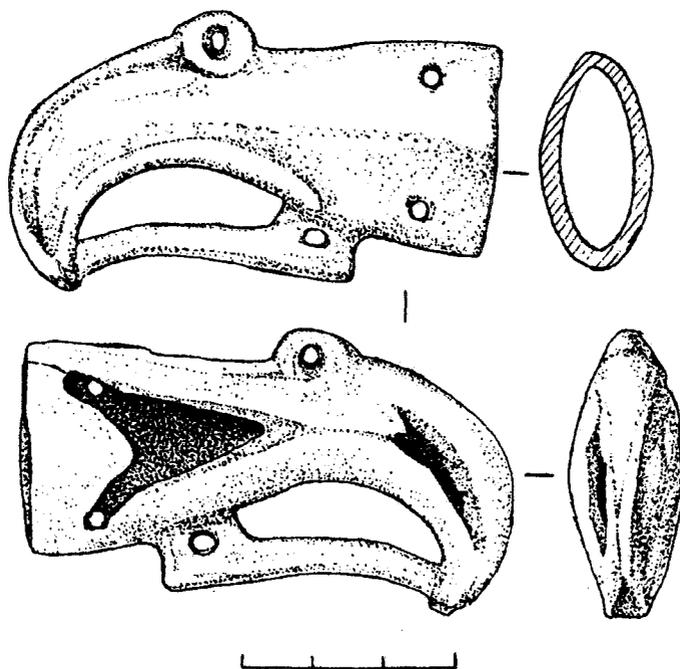

Рис. 1. Бронзовое зооморфное навершие ножен. Пашковское городище № 5. Случайная находка 1987 г.

например барана-грифа, как на паре шумящих наверший из Волковцов (Галанина Л.К., 1977, с.42, табл.21,9).

Кавказская серия орлиноголовых наконечников ножен более многочисленна. Но сам мотив головы хищной птицы, безусловно, являлся характерным для скифского искусства, где он представлен практически на всех категориях вещей, включая оружие (Яценко И.В., 1959, табл.Ш,3; Мелюкова А.И., 1964, табл.21,27–29), конскую упряжь (Галанина Л.К., 1977, табл.17, 5;36,11,12;28,3,4; Галанина Л.К., 1997, кат. №№ 87,88,334,339,347,381 и 382) и украшения (Галанина Л.К., 1997, кат. № 15, табл.29,15a,b,c,d). Особенно близки птицеголовым наконечникам небольшие костяные навершия круглого сечения, украшавшие концы луков (см. Черненко Е.В., 1981, с.14,15, рис.6,1–9; Батчаев В.М., 1985, табл.21,23). Изготавливались подобные навершия и из бронзы (см. Патрушев В.С., Халиков А.Х., 1982, табл.130,1e; Пиотровский Б.Б., 1950, рис.64).

Приоритет в использовании и распространении подобных изделий принадлежит кочевникам. Иначе трудно объяснить появление близких по назначению и стилю наконечников и примыкающих к ним наверший в значительно удаленных культурах (Патрушев В.С., 1984, с.122). Например, наконечники из Старшего

Ахмыловского могильника и Нижне-Чегемского на Центральном Кавказе, а также небольшое бронзовое навершие из того же поволжского могильника и его аналогия в Закавказье и т.д.

Несмотря на значительный круг стилистически и функционально близких изделий, полной аналогии пашковскому наконечнику подобрать не удалось. Характер изображения глаз, специфическое решение нижней части клюва отличают публикуемый наконечник от других птицеголовых и грифоголовых предметов скифского времени. Наиболее близким предметом, на наш взгляд, является наконечник ножен акинака из Ряпяховатой могилы. Здесь отдельные детали имеют заметные отличия. Например, выпуклые овальные глаза выступают в стороны, а не вверх, и не имеют сквозного отверстия; очертания нижней части клюва переданы плавными линиями, а не геометрично; рельефные линии – двойные. Кроме того, двойной валик проходит вдоль обреза втулки, чего нет на пашковском экземпляре.

Наш наконечник происходит не из комплекса, и для его датировки следует ориентироваться на близкий наконечник из Ряпяховатой могилы. Гробница 2 этого кургана, откуда происходит находка, отнесена авторами ко второй половине VI в. до н.э. (Ильинская

В.А. и др., 1980, с.63). Е.В.Черненко уточняет дату акинака с орлиноголовым наконечником из этого кургана, датируя его в пределах второй половины VI – началом V вв. до н.э.

(Черненко Е.В., 1984, с.47). Ограничимся этими наблюдениями, оставив поле деятельности для специалистов по данной проблематике.

Литература и архивные материалы

Батчаев В.М., 1985. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т.2. Нальчик.

Виноградов В.Б., 1972. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный.

Вольная Г.Н., 2002. Прикладное искусство населения Притеречья середины I тысячелетия до н.э. Владикавказ.

Галанина Л.К., 1977. Скифские древности Поднепровья. (Эрмитажная коллекция Н.Е.Бранденбурга) // САИ. Вып.Д1-33. М.

Галанина Л.К., 1997. Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи // Степные народы Евразии. Т.1. М.

Ильинская В.А., Мозолевский Б.Н., Тереножкин А.И., 1980. Курганы VI в. до н.э. у с.Матусов // Скифия и Кавказ. Киев.

Крупнов Е.И., 1960. Древняя история Северного Кавказа. М.

Мелюкова А.И., 1964. Вооружение скифов // САИ. Вып.Д1-4. М.

Мелюкова А.И., 1989. Скифообразные памятники в средней Европе // Степи европейской

части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М.

Патрушев В.С., 1984. Марийский край в VII–VI вв. до н.э. (Старший Ахмыловский могильник). Йошкар-Ола.

Патрушев В.С., Халиков А.Х., 1982. Волжские ананьинцы (Старший Ахмыловский могильник). М.

Пиотровский Б.Б., 1950. Кармир-Блур. Т.1. Ереван.

Пьянков А.В., 1988. Отчет о раскопках курганов могильников Центрлаба 2 и 3 Мостовского района Краснодарского края в 1987 году. Краснодар // Научный архив КГИАМЗ. НА № 464, альбом № 464а.

Техов Б.В., 1980. Скифы и Центральный Кавказ в VII–VI вв. до н.э. М.

Уварова П.С., 1900. Могильники Северного Кавказа // МАК. Вып.VIII. М.

Черненко Е.В., 1981. Скифские лучники. Киев.

Черненко Е.В., 1984. Скифо-персидская война. Киев.

Яценко И.В., 1959. Скифия VII–V веков до н. э // ТрГИМ. Вып.36. М.

УКРАШЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ НА СРЕДНЕМ ДОНУ

Одной из массовых категорий находок в погребальных памятниках Среднего Дона в скифскую эпоху являются украшения. Они представительны как по численности, так и по разнообразию типов. В «нашей» коллекции находятся как предметы массового изготовления, так и уникальные вещи, которые выступают как собственно украшения и как функционально значимые детали, под которыми понимается не только прямое использование их в обиходе, но и сакрально-магическая нагрузка. Украшения выступают в роли охранителей, оберегов, являются символами, отражающими эмоциональное состояние людей, используются в лечебных целях, передают закодированную информацию.

В основе понимания смысла украшений лежит потребность людей к прекрасному. И как истори-

ческий источник они демонстрируют консерватизм и устойчивость традиций в культуре, показывают этническую принадлежность людей, их социальное положение и половозрастное отличие, выражают мировоззренческие взгляды, говорят об уровне развития ремесла и ювелирного дела, определяют контакты и торговые связи между общинами и античными колониями, характеризуют преемственность поколений и их эстетические взгляды (Тришкин А.А., 1999, с.184).

Все рассматриваемые ниже украшения происходят из погребальных памятников Среднего Дона, исследованных как на дореволюционном, так и на современном этапах. К настоящему времени в Подонье, в десяти курганных могильниках, исследовано 168 погребений, относящихся к скифскому времени (табл.1).

Таблица 1. Курганные могильники Среднего Дона скифского времени

Могильник	Кол-во курганов в мог-ке	Из них раскопано	Из них скифского времени	Кол-во погребений скифск. времени	
				основных	впускных
«Частые курганы»	48	48	36	36	2
Мастюгино	46	44	31	30	2
Русская Тростянка	39	22	21	21	
Дуровка	23	23	19	19	
Владимировка	13	7	2	2	
Ближнее Стояново	46	11	6	6	4
Терновое-Колбино	56	37	34	32	2
Староживотинное	43	11	9	9	
Абрамовка	10	1	1	1	
Дубовой	31	2	2	2	
Итого: 10	355	206	161	158	10

В той или иной степени украшения (совместно с ожерельями и бусами) прослежены в 82 погребениях, что составляет 48,8% от всех исследованных погребений скифского времени на Среднем Дону.

Найденные украшения по своему функциональному назначению подразделяются на четыре группы. *Первая* из них представлена предметами, украшающими человека (человеческое тело) или его одежду. *Вторую* группу составляют вещи,

Таблица 2. Украшения из могильника «Частые курганы»

Курган/ погребение	Гривна	Нагрудник	Браслет	Серьга		Вис. кольцо	Пронизи	Цепочка	Подвеска	Перстень	Пластинка прорез.
				Составная	Простая						
По Либерову П.Д. и Пузиковой А.И.											
к.23	1		1		1						
к.39							1				
По Матвееву Ю.П.											
к.47						1					
По Городцову В.А.											
к.5					1	1					
По Замятнину С.Н.											
к.1					1		1				
к.3			1			1					
к.6								1			
к.9											1
к.10			1		1						
к.11							25				
к.12			1			1					
к.13							4		3	2	
Итого:	1		4		4	4	31	1	3	2	1

относящиеся к украшению предметов вооружения и снаряжения: бляшки и оковки на поясах и портупях, ножнах мечей; бляшки, бусины и бисер на горитах и колчанах, футлярах наконечников копий и дротиков. К *третьей* группе относятся вещи украшавшие предметы быта и посуду – футляры зеркал и гребней, деревянные чаши, блюда и кубки. В *четвертую* группу входят украшения конской узды: налобники, нащечники, бляшки узды.

В статье рассматриваются украшения первой группы: серьги и височные кольца, гривны и браслеты, перстни и кольца, пронизи, привески и подвески, ожерелья и бусы, бляшки украшавшие одежду и погребальный полог, а также проводится хронологический анализ тех категорий вещей, для которых могут быть определены рамки бытования в данном регионе.

В основу типологии украшений положена классификация В.Г.Петренко (Петренко В.Г., 1978). Однако эта работа вышла в свет 25 лет назад. За это время был накоплен огромный фактический материал, который позволяет уточнить датировки и в то же время наметить региональные различия во времени бытования определенных типов украшений.

Серьги и височные кольца представлены 26 экз. В этой группе объединяются как собст-

венно серьги, так и височные подвески, так как в большинстве случаев способ их ношения остается неизвестным.

По могильникам эта категория украшений распределяется следующим образом (табл.2–9).

«*Частые курганы*» – четыре экземпляра серег (по одному экз. в курганах 1 и 10, раскопки ВУ-АК; один экз. – в к.5, раскопки В.А.Городцова; один экз. – в к.23, раскопки П.Д.Либерова и А.И.Пузиковой) и четыре экземпляра височных колец (по одному экз. в курганах 3 и 12, раскопки ВУАК и по одному экз. – в к.5, раскопки В.А.Городцова и в к.47, раскопки Ю.П.Матвеева) (табл.2).

Мастюгино – восемь экземпляров серег (один экз. в к.1 и два экз. в к.5, раскопки Н.Е.Макаренко; по одному экз. – в курганах 17/3, 33/5, п.1; 33/5, п.2; 32/32, п.1; 35/33, раскопки П.Д.Либерова и А.И.Пузиковой) (табл.3).

Русская Тростянка – два экземпляра серег обнаружены в к.18, раскопки П.Д.Либерова и А.И.Пузиковой (табл.4).

Дуровка – два экземпляра простых серег выявлены в п.2 к.19, раскопки П.Д.Либерова и А.И.Пузиковой (табл.5).

Ближнее Стояново – один экземпляр серьги найден в к.8, раскопки В.И.Погорелова (табл.6).

Таблица 3. Украшения из могильника у с.Мастюгино

Курган/ погребение	Грив- на	Нагруд- ник	Браслет	Серьга		Вис. кольцо	Прони- зи	Цепоч- ка	Под- веска	Перс- тень	Плас- тинка прорез.
				Состав- ная	Прос- тая						

По Либерову П.Д. и Пузиковой А.И.

к.17/3					1						
к.33/5,п.1				1							
к.33/5,п.2				1							
к.11/16									1		
к.10/17									2		
к.47/30			2								
к.32/32,п.1					1						
к.32/32,п.2			1								
к.35/33	1		1	1							
к.1/35 к.1 по Спи- цину А.А.		2	1								
к.18/38									1		
к.34/39			1								

Раскопки Спицина А.А.(по Манцевич А.П.)

к.П			1						9	1	
-----	--	--	---	--	--	--	--	--	---	---	--

Раскопки Макаренко Н.Е. (по Манцевич А.П.)

к.1		1			1						
к.3		1									
к.4										1	
к.5				2			7	1			
Итого:	1	4	7	5	3		7	1	13	2	

Таблица 4. Украшения из могильника у с.Русская Тростянка

Курган/ погребение	Грив- на	Нагруд- ник	Брас- лет	Серьга		Вис. кольцо	Прони- зи	Цепоч- ка	Под- веска	Перс- тень	Плас- тинка прорез.
				Состав- ная	Прос- тая						

По Либерову П.Д. и Пузиковой А.И.

к.3			1								
к.6									1		
к.18				2						1	
Итого:			1	2					1	1	

Таблица 5. Украшения из могильника у с.Дуровка

Курган/ погребение	Грив- на	Нагруд- ник	Брас- лет	Серьга		Вис. кольцо	Прони- зи	Цепоч- ка	Под- веска	Перс- тень	Плас- тинка прорез.
				Состав- ная	Прос- тая						

По Либерову П.Д. и Пузиковой А.И.

к.1									4		
к.4										3	
к.9			1								
к.19,п.2					2						
Итого:			1		2				4	3	

Таблица 6. Украшения из могильника у с.Ближнее Стояново (по Погорелову В.И. и Березуцкому В.Д.)

Курган/ погребение	Грив- на	Нагруд- ник	Брас- лет	Серьга		Вис. кольцо	Прони- зи	Цепоч- ка	Подвес- ка	Перс- тень	Плас- тинка прорез.
				Состав- ная	Прост- тая						
к.8				1							
к.9,п.1									1		
Итого:				1					1		

Таблица 7. Украшения из могильника у сел Терновое-Колбино (по Гуляеву В.И. и Савченко Е.И.)

Курган/ погребение	Грив- на	Нагруд- ник	Брас- лет	Серьга		Вис. кольцо	Прони- зи	Цепоч- ка	Подвес- ка	Перс- тень	Плас- тинка прорез.
				Состав- ная	Прост- тая						
Терновое											
к.4			1								
к.6				2							
Колбино											
к.1									1		
к.4									2		
к.5			1	1					1		
к.14							5				
к.18,п.1		1		2						6	
Итого:		1	2	5			5		4	6	

Таблица 8. Украшения из могильника у с.Староживотинное (по Медведеву А.П.)

Курган/ погребение	Грив- на	Нагруд- ник	Брас- лет	Серьга		Вис. кольцо	Прони- зи	Цепоч- ка	Подвес- ка	Перс- тень	Плас- тинка прорез.
				Состав- ная	Прост- тая						
к.22							1				
Итого:							1				

Терновое I – Колбино I – пять экземпляров серег (по два экз. в курганах Терн. I–6 и Колб. I–18, п.1; один экз. – в кургане Колб. I–5, раскопки В.И.Гуляева) (табл.7).

В погребениях могильников у сел *Владимировка*, *Староживотинное*, *Абрамовка* и у хут *Дубовой* эта категория украшений не найдена.

Серьги и височные кольца подразделяются на два основных типа: простые – 13 экз. (сережек – девять экз., височных колец – четыре экз.) и сложносоставные – 13 экз. Под простыми подразумеваются изделия изготовленные из одного материала и согнутые в виде кольца. Под сложносоставными – изделия сделанные из одного или нескольких видов материала и состоящие из двух или нескольких частей; в

основном это незамкнутое кольцо и подвижная привеска.

При выделении типов этого вида украшений за определяющие признаки принимаются наличие или отсутствие дужки, форма тулова и дужки, а вариантными признаками служат – изменение деталей тулова или дужки при общем сохранении формы, орнамент, техника изготовления (Петренко В.Г., 1978, с.21–36).

В основном погребении к.6 могильника «Терновое I» (раскопки В.И.Гуляева), которое относится к рубежу V–IV вв. до н.э., сохранились парные золотые серьги (Гуляев В.И., 1994; Гуляев В.И., Савченко Е.И., 1995, с.87–89, рис.3,18,19). Они состоят из тулова, имеющего вид дутого пологого калачика и высокой проволочной дужки, оканчивающейся крючком

Таблица 9. Украшения населения Среднего Дона в V–IV вв. до н.э.

Могильник	Грив-на	Нагруд-ник	Брас-лет	Серьга		Вис. коль-цо	Про-низ	Це-почка	Под-веска	Перс-тень	Плас-тинка про-рез.
				Состав-ная	Прос-тая						
«Частые курганы»	1		4		4	4	31	1	3	2	1
Мастюгино	1	4	7	5	3		7	1	13	2	
Русская Тростянка			1	2					1	1	
Дуровка			1		2				4	3	
Владимировка											
Ближнее Стояново				1					1		
Терновое-Колбино		1	2	5			5		4	6	
Староживотинное							1				
Абрамовка											
Дубовый											
Итого погр.: 45	2	5	15	13	9	4	44	2	26	14	1

(рис.2,3,4). Калачик украшен орнаментом, выполненным в технике зерни (треугольники, округлые линии) и филиграни (плетенка, спираль), а концы его обмотаны тонкой золотой проволокой и завершаются розетками. На корпусе калачиков видны потертости от довольно продолжительного употребления. Высота сережек с дужкой колеблется от 3,8 до 4,1 см, размеры калачика: 1,0×1,9 – 1,1×1,75 см. Подобные серьги относятся к *четвертому варианту девятого типа* серег (Петренко В.Г., 1978, с.29,30, табл.19). Они появляются в начале V в. до н.э. и бытуют до конца IV в. до н.э. Как отмечает Н.А.Онайко, серьги этого типа в античное время были повсеместно распространены в Средиземноморье (Онайко Н.А., 1960, с.35). Их отличительной чертой является разнообразие в оформлении, которое объясняется тем, что, по-видимому, даже в пору своего наибольшего распространения они не стали массовой продукцией, а изготавливались по индивидуальному заказу. На Днепровском Лесостепном Правом и Левобережье серьги в виде калачика встречаются крайне редко. В Правобережной Лесостепи они известны лишь в памятниках бассейна р.Тясмин – к.400 у с.Журовка, к.188 могильника «Д» у с.Великая Яблоновка, к.383 у с.Грушевка. Любопытно, что во всех памятниках серьги этого типа представлены по одному экземпляру и происходят из мужских погребений (Ковпаненко Г.Т. и др., 1989, с.99, рис.30,б). На Левобережье они найдены в Посулье – к.4 у с.Волковцы (Ильинская В.А., 1968, с.139, табл.XLI,1), на Ворскле – к.5 в

ур.Осняги у Бельского городища (Шрамко Б.А., 1983, табл.37,16; Ковпаненко Г.Т., 1967, с.137, рис.53). В погребальных памятниках Степи этот тип украшений обнаружен в одном из погребений к.38 у с.Любимовка на берегу Каховского водохранилища (Лесков О.М., 1974, с.37, рис.27; Лесков А.М., 1981, рис.23), в п.2 к.3 у с.Богдановка на Херсонщине (Битковский О.В., Полин С.В., 1987, с.74–84) и в п.6 к.3 близ с.Акимовка Запорожской области (Фиалко Е.Е., 1991, с.7,8). Курганы датируются концом V – IV вв. до н.э.

Уникальной находкой являются парные золотые серьги, найденные возле женского черепа в коллективном захоронении к.5 у с.Мастюгино, раскопанного Н.Е.Макаренко в 1908 г., и опубликованные А.П.Манцевич (Манцевич А.П., 1973, с.37–40, рис.11,2). Каждое украшение состояло из двух спаянных пластин – лицевой и оборотной. Обратная сторона гладкая, на лицевой – рельефное изображение Кибелы – владычицы зверей, сидящей на двух львах (рис.2,1,2). Из головы богини поднимается высокая дужка в виде крючка. Руки Кибелы подняты к голове и касаются головного убора, возможно, калафа. Убор в виде сплошной полосы, расчлененной вертикальными вдавлениями. На шее богини какое-то украшение, возможно, пектораль. У плеча на обеих руках поперечной штриховкой обозначены либо короткие рукава одежды, либо широкие браслеты. Длинное платье подпоясано, юбка спадает широкими складками, однако ниже колен изображена уже не юбка, а брюки.

Головы сидящих львов выполнены весьма условно, но вполне реалистично показаны мощные передние лапы. К локтям богини на коротких цепочках прикреплены подвески-диски, в одном случае два, в другом – один. К нижнему основанию серег и к носам львов подвешены на разной высоте на длинных цепочках полые шумящие подвески – пять амфоровидной формы и четыре гладких грушевидных. Размеры серег – 13,6×3,4 и 12,3×3,4 см. Они относятся к *третьему варианту 11 типа* (Петренко В.Г., 1978, с.31, табл.20,3). Захоронение датируется (по наконечникам стрел и бусам) второй половиной IV в. до н.э. – первой половиной III в. до н.э. В художественной обработке металла, занимавшем с древнейших времен видное место в Северном Причерноморье, изображение человека появилось только в IV в. до н.э. (Онайко Н.А., 1976, с.166). Художник, делавший серьги, явно переосмыслил известный образ богини, культ которой начал проникать в скифский мир в IV в. до н.э. Вероятно, он соединил образ Кибелы со знакомым ему образом скифа, на что указывают изображение брюк и мужского лица богини (несмотря на безбородость, лицо владычицы зверей явно не женское). В.Г.Петренко отмечает, что «в подвесках из с.Мастюгино мы имеем уже коренное варварское переосмысление образа и создание на его основе какого-то иного божества или героя, более понятного заказчику, а возможно, и выполнявшему его ремесленнику» (Петренко В.Г., 1978, с.32). Как сам культ, так и предметы с изображением владычицы зверей проникают к скифам через северопричерноморские колонии, вероятнее всего, через Боспор, но особенности иконографии свидетельствуют не об античных традициях, а скорее всего о заимствованиях из Передней Азии (Бессонова С.С., 1982, с.19). Аналогов подобному виду ушных украшений немного – две золотые серьги из боковой гробницы кургана Толстая Могила (Мозолевский Б.Н., 1972, с.300, рис.39), схожие с мастюгинскими находками примитивностью и схематичностью изображения и золотая серьга, имеющая более эллинизированный вид, из п.6 к.2 у с.Любимовка Каховского района Херсонской области (Лесков О.М., 1974, с.61).

Своеобразная золотая серьга найдена в разграбленном к.5 группы «Частых курганов», раскопки В.А.Городцова в 1927 г. (Городцов В.А., 1947, с.24, рис.16,4). Украшение округло-овальной формы, изготовлено из округлой в

сечении проволоки, концы несомкнуты, один из них раскован и оканчивается головкой змеи, отделенной от тулова двумя желобками, другой конец слегка утоньшен и заострен. Размер подвески – 1,6×1,4 см, толщина проволоки – 0,25 см. Относится к *третьему варианту типа 22* (Петренко В.Г., 1978, с.34). Аналогии подобному украшению не известны.

Вероятно, к *типу 22*, но *самостоятельному варианту* относится золотая серьга из погребения в к.8 у с.Ближнее Стояново (Погорелов В.И., 1985, с.30, рис.72,19). Изготовлена из круглой в сечении проволоки диаметром 0,2 см, в виде гладкого кольца с несомкнутыми концами, диаметром 3,3 см, с раскованным окончанием, на котором изображена головка длинноухого зверя (рис.1,11). На серьгу нанизана округлая бусина из черного стекла с накладным пятнистым орнаментом, нанесенным напылением (Березуцкий В.Д., 1996, с.174, рис.6,34). По железному мечу и бронзовым наконечникам стрел погребение датируется первой половиной IV в. до н.э. Аналогии украшению не известны.

В заполнении погребения из к.47 группы «Частых курганов» (Матвеев Ю.П., 1981) обнаружена золотая округлая спиралевидная серьга в полтора оборота, диаметром 2 см, сделанная из гладкой круглой в сечении проволоки с утоньшенными и заостренными концами (рис.1,6). Исследователь датирует погребение IV в. до н.э. В к.12 этой же группы (раскопки ВУАК, 1915 г.), на дне могильной ямы «среди мелких обломков человеческих костей оказалось височное кольцо из гладкой золотой проволоки, спирально согнутой в 2,5 оборота. Диаметр – 2,4 см, сечение проволоки – 0,2 см» (Замятнин С.Н., 1946, с.47). В этом же могильнике, в к.5 (раскопки В.А.Городцова, 1927 г.) «найденное золотое кольцо со спиралью заходящими концами» (Городцов В.А., 1947, с.24). Дата курганов 5 и 12 не выходит за пределы IV в. до н.э. Подобные серьги относятся к *типу 23* (Петренко В.Г., 1978, с.34). Примечательно, что эти украшения широко распространены в памятниках Днепровского Лесостепного Правобережья, Западной Подолии и на Побужье, где датируются преимущественно VI в. до н.э. Исходной формой для этого типа сережек, вероятно, послужили височные кольца высоцкой культуры, с племенами которой лесостепное население Правобережья поддерживало тесные контакты.

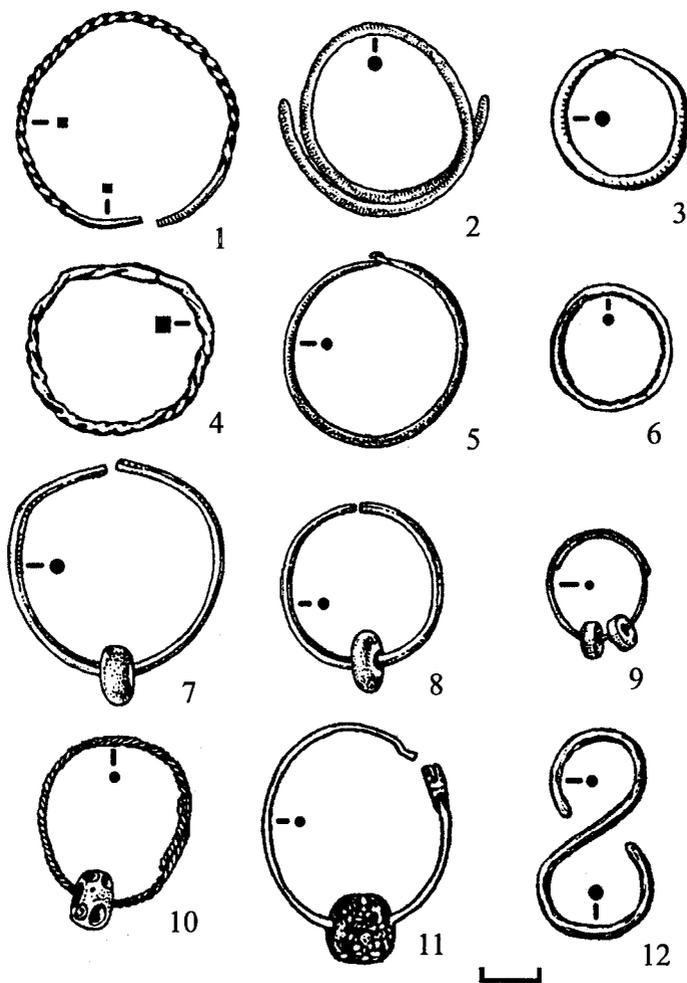

Рис. 1. Серьги и височные кольца. 1 – Мاستюгино, к.1 (раскопки Н.Е.Макаренко); 2 – «Частые курганы», к.3 (раскопки ВУАК); 3 – «Частые курганы», к.23; 4 – Мاستюгино, к.17/3; 5 – Мاستюгино, к.32/32; 6 – «Частые курганы», к.47 (раскопки Ю.П.Матвеева); 7 – Мاستюгино, к.33/5, п.1; 8 – Мاستюгино, к.33/5, п.2; 9 – Мاستюгино, к.35/38; 10 – Русская Тростянка, к.18; 11 – Ближнее Стояново, к.8; 12 – «Частые курганы», к.10 (раскопки ВУАК) (1–6,12 – золото; 7 – золото, янтарь; 8–11 – золото, стекло)

Золотая серьга из гладкой проволоки S-овидной формы с тупо обрезанными концами найдена в к.10 «Частых курганов», который раскапывался ВУАК в 1915 г. (рис.1,12). Размеры серьги – 3,4×2,2 см, диаметр проволоки – ок. 0,2 см (Замятнин С.Н., 1946, с.37, рис.26). Дата кургана IV в. до н.э. определяется поясным бронзовым зооморфным крючком и бронзовым котлом. Украшение относится к типу 26 (Петренко В.Г., 1978, с.35, табл.22,20) и представлено одним нашим экземпляром. Вероятно, подобные серьги не получили широкого распространения среди населения Степной и Лесостепной Скифии. Типологически близка нашему украшению пара серебряных сережек, обнаруженных на Нижнем Дону в грунтовом

могильнике Беглицкой косы в п.10 (Каменецкий И.С., 1958, с.22, рис.36). Но они отличаются несколько большими размерами (7×3,8 см) и крючковидными изгибами на концах. По гераклейской амфоре и чернолаковому канфару п.10 датируется серединой – третьей четвертью IV в. до н.э. В этот же период серьги S-овидной формы были довольно широко распространены и у ананьинских племен – Зуевский и Уфимский могильники (Збруева А.В., 1952, с.80).

Наибольшее количество рассматриваемых нами серег относится к типу 27. Они сделаны из тонкой проволоки в виде кольца с заостряющимися несомкнутыми или слабо заходящими друг за друга концами. С IV в. до н.э. подобные ушные украшения получают широкое распространение

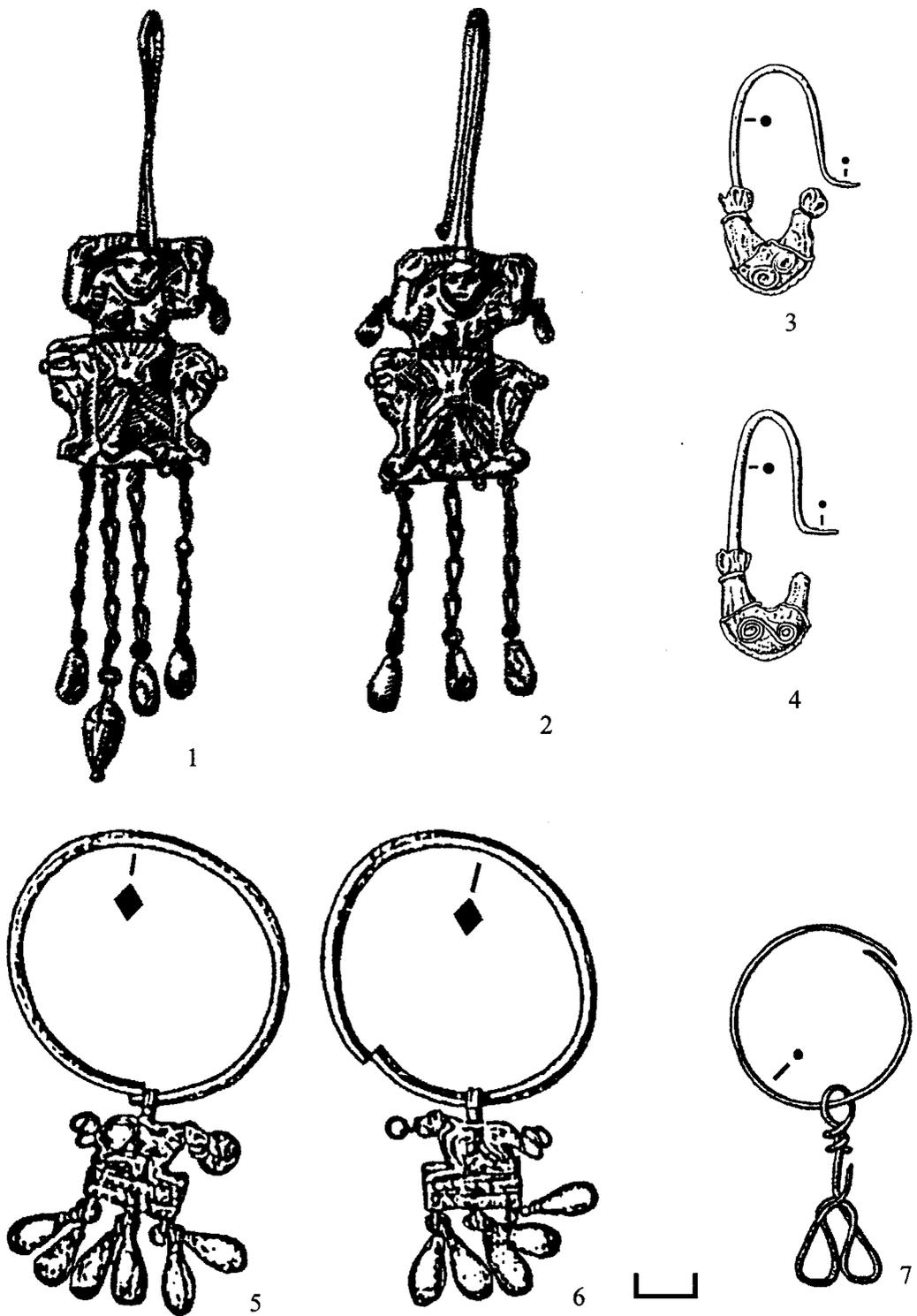

Рис. 2. Серьги и височные кольца. 1,2 – Мастюгино, к.5 (раскопки Н.Е.Макаренко); 3,4 – Терновое, к.6, п.1; 5,6 – Колбино, к.18, п.1; 7 – Колбино, к.5 (1–6 – золото; 7 – золото, серебро)

у населения Степной Скифии (Петренко В.Г., 1978, с.35). В зависимости от сечения проволоки, наличия или отсутствия подвески тип делится на варианты. Наши украшения соотнесены с первым, пятым и шестым вариантами.

Первый вариант – гладкие кольца, сделанные из круглой в сечении проволоки. Они представлены парой бронзовых колец диаметром 1,5 см (одно целое, другое фрагментировано), найденных в женском п.2 из к.19 у

с.Дуровки. Как сообщает автор раскопок: «При разборке черепа возле челюсти было обнаружено тонкое бронзовое колечко. Другое такое же колечко найдено в соседнем квадрате, куда оно попало, видимо, случайно» (Пузикова А.И., 2001, с.199). Еще одно «тонкое золотое проволочное колечко» было найдено в к.1 группы «Частых курганов» во время раскопок ВУАК в 1910 г. (Замятнин С.Н., 1946, с.16). Дата кургана – вторая половина IV – первая половина III вв. до н.э. Аналогичные серьги изготовленные из разных материалов встречены в курганах Никопольщины: в п.1 к.13 могильника Капуловка I найдены две золотые серьги (Тереножкин А.И. и др., 1973, с.124, рис.9,б), в к.12 группы БОФ – одна бронзовая серьга (Тереножкин А.И. и др., 1973, с.155, рис.37,15, верхняя), в п.2 к.11 обнаружены одна золотая и две серебряные, плакированные золотом, серьги (Мозолевский Б.Н., 1973, с.206,207, рис.17,9–11). Диаметр украшений колеблется от 1,0 до 3,2 см, диаметр проволоки – от 0,1 до 0,3 см. Кроме Степной Скифии, серьги подобного варианта были наиболее популярны в IV в. до н.э. среди населения Днепровского Лесостепного Правобережья. Так, серебряная серьга найдена в к.480 у с.Капитановки, пара аналогичных украшений – в п.2 у с.Богдановка (Ковпаненко Г.Т. и др., 1989, с.131, рис.41,24), одна серебряная серьга обнаружена в к.14 у пос.Стеблев (Скорый С.А., 1997, с.53, рис.53,9). В памятниках Днепровского Лесостепного Левобережья ушные украшения этого варианта единичны. В Посулье в к.16 у с.Аксютинцы (ур.Стайкин Верх) была найдена пара бронзовых сережек в виде колечек с незамкнутыми, заходящими друг за друга концами (Ильинская В.А., 1968, с.139, табл.ХI,20).

К *пятому варианту* относятся округлые серьги, сделанные из перевитой проволоки с гладкими концами. На Среднем Дону этот вариант представлен одним экземпляром из могильника у с.Мастюгино (рис.1,1). Золотая серьга, четырехгранная в сечении, с несомкнутыми концами найдена в к.1 в 1908 г. Н.Е.Макаренко (Макаренко Н.Е., 1911) и опубликована А.П.Манцевич (1973, с.26, рис.6,5). Диаметр серьги – 3,9 см, толщина проволоки – 0,2 см. Исследователи отмечают, что «серьги этого варианта встречаются редко, но, по-видимому, во всех областях распространения типа» (Петренко В.Г., 1978, с.36).

Шестой вариант этого типа представляют серьги или височные подвески в виде гладкого

кольца с нанизанной на него подвеской. Серьга этого варианта, изготовленная из тонкого серебряного прутика, обнаружена в мастюгинском к.35/33 (Либеров П.Д., Пузикова А.И., 1962; Пузикова А.И., 2001, с.68, рис.43,3). Диаметр серьги не превышает 1,7 см, на округлую в сечении проволоку напущены две бисерины желтого цвета (рис.1,9). Подобные серьги получают широкое распространение с IV в. до н.э. и «были весьма популярны как у рядового населения, так и у более состоятельной прослойки скифского общества Степной и Лесостепной Скифии. Богатство погребенного определял материал, из которого делалась серьга и характер подвески, но в большинстве случаев подвеской служила бусина» (Петренко В.Г., 1978, с.36). Оригинальный экземпляр серьги, которая относится к этому варианту, был обнаружен в к.5 могильника Колбино I (Гуляев В.И., 1999). На округлое золотое кольцо, диаметром 2,8 см, с незамкнутыми заходящими друг за друга концами нанизана серебряная подвеска в виде тройной петли высотой 3,1 см и шириной 1,35 см (рис.2,7). По сопутствующему материалу – наконечник копья с узким листовидным пером (отдел II, тип 2, первый вариант) и бронзовому зеркалу (тип 4) – серьга датируется первой половиной IV в. до н.э. Аналогии этому экземпляру серьги в скифских погребениях Степи и Лесостепи не найдены, но типологически близки ему серьги с восьмеркообразной подвеской из савроматских и ананьинских погребений, где они датируются второй половиной V в. до н.э. (Смирнов К.Ф., 1964, с.142, рис.71,12; Збруева А.В., 1952, с.80).

Серьга, найденная в к.3 группы «Частых курганов» (раскопки ВУАК, 1911 г.) и опубликованная С.Н.Замятниным (1946, с.24, рис.10,8), относится к *первому варианту типа 28*. Она сделана из золотой округлой в сечении гладкой проволоки диаметром 0,2 см и представляет собой кольцо, диаметром 3,0 см с далеко заходящими друг за друга заостренными концами (рис.1,2). Серьги подобного типа немногочисленны и встречаются преимущественно в погребальных памятниках Степной Скифии, где датируются IV–III вв. до н.э. (Петренко В.Г., 1978, с.36).

Золотая височная подвеска, диаметром 2,5 см, в виде гладкого кольца, изготовленная из округлой в сечении проволоки, тупо обрезанные концы которой плотно сомкнуты, обнаружена в погребении из к.23 могильника «Частые

курганы» (рис.1,3). Украшение относится к *первому варианту типа 30* и датируется по сопутствующим находкам (железные и бронзовые наконечники стрел) IV–III вв. до н.э. Единичные экземпляры подвесок этого варианта отмечены в погребальных памятниках середины V в. до н.э., но они не получили широкого распространения среди населения Скифии и в дальнейшем изредка продолжают встречаться в погребениях IV–III вв. до н.э. Днепроовского Левобережья и Нижнего Дона (Петренко В.Г., 1978, с.37).

К этому же типу, но к его *третьему варианту* относится электровая подвеска, диаметром 3 см с тупо обрезанными и заходящими друг за друга концами, изготовленная из четырехгранной в сечении перевитой проволоки (рис.1,4). Она найдена в погребении из к.17/3 у с.Мастюгино, среди беспорядочно лежащих костей ребенка (Либеров П.Д., 1959; Пузикова А.И., 2001, с.49, рис.4,3). Аналогии этому варианту височной подвески не найдены.

Четвертый вариант типа 30 представляют серьги в виде гладкого кольца из круглой в сечении проволоки с нанизанной на него подвеской. В могильнике у с.Мастюгино найдены две серьги этого варианта (рис.1,7,8). В разграбленном центральном погребении к.33/5 обнаружена округлая золотая серьга, размером 3,5×3,8 см, из круглого в сечении прута с напущенной янтарной бусиной (Либеров П.Д., 1959; Пузикова А.И., 2001, с.49, рис.6,4). Аналогичная золотая серьга, несколько меньших размеров, найдена в детском впускном п.2 этого же кургана. Диаметр украшения – 2,8 см, привеской служила бусина из коричневого глухого стекла. Датирующих предметов в погребениях не обнаружено, но авторы раскопок склонны датировать раскопанные погребения IV в. до н.э. В Лесостепном Правобережье серьги или височные подвески этого варианта единичны и появляются в памятниках V в. до н.э. – к.387 у с.Грушевка, к.400 у с.Журовка (Ковпаненко Г.Т. и др., 1989, рис.30,7,8). В более позднее время (IV–III вв. до н.э.) чаще всего они встречаются в степных погребальных памятниках – Никопольский могильник, группа II, к.21 (Граков Б.Н., 1962, с.93, рис.8,6); могильник у с.Кут, к.29, п.2 (Березовец Т.Д., 1960, с.78); могильник у с.Широкое, к.5, п.2 (Ковпаненко Г.Т., Яковенко Э.В., 1973, с.260, рис.3,6,7); группа БОФ у г.Орджоникидзе, к.12, п.1 и к.13, п.2 (Тереножкин А.И. и др., 1973,

с.157, рис.37,15; с.163, рис.43,8). Серьги, найденные в этих памятниках в основном изготовлены из бронзы (в одном случае из золота), а в качестве подвесок использовались стеклянные и каменные бусы, костяные поделки, зубы, клыки, фрагменты чернолаковой керамики.

Серьги *пятого варианта* сделаны из витой проволоки и имеют в качестве привески бусину. В разграбленном к.18 у с.Русская Тростянка среди костей женского скелета найдена округлая витая золотая серьга, диаметром 2,8 см, с напущенной глазчатой бусиной (рис.1,10) (Либеров П.Д., Пузикова А.И., 1964; Пузикова А.И., 2001, с.138, рис.30,2). От второго ушного украшения сохранилась лишь глазчатая бусина. Серьги этого варианта, вероятно, не получили широкого распространения в скифском обществе. В.Г.Петренко сообщает всего лишь об одном экземпляре аналогичного украшения, найденного случайно в районе г.Черкассы (Петренко В.Г., 1978, с.37, табл.25,25).

В дромосе могильной ямы к.32/32 у с.Мастюгино, раскопанного П.Д.Либеровым и А.И.Пузиковой в 1961 г., у правого виска мужчины обнаружена золотая серьга, диаметром 3 см, в виде гладкого кольца, сделанного из округлой в сечении проволоки, оба конца которой загнуты в крючки: с их помощью кольцо запирается (рис.1,5). Дата погребения – IV в. до н.э. – определяется бронзовыми наконечниками стрел (Пузикова А.И., 2001, с.67,68). По типологии В.Г.Петренко, серьга относится к *первому варианту типа 31* (Петренко В.Г., 1978, с.37). Серьги с запирающимися концами из золотой, серебряной и бронзовой проволоки встречаются не так часто, но они известны в памятниках IV–III вв. до н.э. как в Степи – могильник у с.Оситняжка, к.472 (Галанина Л.К., 1977, с.32, табл.15,2); могильник у с.Николаевка, п.67 (Мелюкова А.И., 1975, с.103, рис.57,1); Елизаветовский могильник; Каменское городище (Граков Б.Н., 1954, с.106, табл.ХII,3), так и в Лесостепи – Старинская птицефабрика, к.3, впускное п.2 (Ильинская В.А., 1966, с.157, рис.2).

Уникальные золотые парные височные подвески из впускного п.1 к.18 могильника Колбино I (раскопки В.И.Гуляева в 1997 г.), лежащие по обеим сторонам от нижней челюсти женского скелета, могут быть выделены в **самостоятельный тип** (Гуляев В.И., Савченко Е.И., 1998, с.127, рис.7,5; Савченко Е.И., 2001, с.109, рис.40,7). Подвески состоят из неправильно-

округлого кольца размером 5,0×4,6 см, изготовленного из ромбовидного в сечении прутка размером 0,28×0,23 см, с тупо обрезанными слегка заходящими друг за друга концами (рис.2,5,6). На кольцо, при помощи свободно перемещающейся петельки, нанизан прямоугольный постамент размером 1,7×0,5×0,56 см, продольные плоскости которого украшены горизонтально расположенными пуансонами, идущими в два ряда. На постаменте – скульптурная фигурка сидящего хищника (пантеры?) с вытянутыми передними и подогнутыми задними лапами. Голова приподнята, по ее обеим сторонам спускаются вниз длинные пряди шерсти, которые прижимают уши к мощной и короткой шее. Эти пряди оконтуривают и глаза хищника. Тулово мощное, живот подтянут, впалый. Хвост в сечении округлый, длинный, W-образно изогнут. К носу животного при помощи двух колечек (одно из них неподвижное) прикреплен плоский округлый золотой диск (у одной подвески такой диск утерян). К нижней части постамент – при помощи шести колечек, расположенных в два ряда – прикреплены шесть желудеобразных подвесок с кольчатыми петельками (у одной серьги подвеска утрачена). Размеры подвесок – 1,2×0,66 см. Судя по амфоре «колхидского» типа, найденной в этом погребении, его можно датировать концом третьей четверти IV в. до н.э. Полные аналогии подвескам не известны. Близкие изображения кошачьих хищников с почти такой же проработкой деталей встречены на золотой гривне из боковой гробницы кургана Толстая Могила близ г.Орджоникидзе (Мозолевский Б.Н., 1972, с.303, рис.38). Типологически близки нашим подвескам золотые ушные украшения из женского погребения к.1 у с.Рыжановки (дореволюционные раскопки польских археологов), которые датировались концом IV в. до н.э. (Minns E.H., 1971, p.178, fig.73). В настоящее время дата Большого Рыжановского кургана пересмотрена. На основании последних раскопок и находок, курган датируется первой четвертью III в. до н.э. (Скорый С.А., 1999, с.240,241). На наш взгляд, эта дата слегка занижена. Судя по амфорному материалу дата Большого Рыжановского кургана не выходит за пределы третьей четверти – начала четвертой четверти IV в. до н.э. Как и в наших подвесках, так и в рыжановских присутствует – постамент с фигурой сидящего кошачьего хищника, золотой диск в носу зверя, шесть подвесок в ниж-

ней части постамент. Но наблюдаются и существенные отличия: вместо замкнутого кольца – изогнутая полудуга с острым концом, крылья у хищника, постамент овальной формы украшен сканным орнаментом, дополнительный плоский диск, висящий на хвосте, подвески – шарики на длинных цепочках.

Гривны – два экземпляра. Наиболее редко встречаемый вид украшений в среднедонских могильниках скифского времени, что объясняется, несомненно, обширной кладоискательной деятельностью. Гривны представляют собой металлический обруч, изготовленный из золота или серебра и носимый на шее. Наличие золотой гривны, по-видимому, означало особое положение носившего ее лица. Перечисляя дары персов Сиенесио – царю кикийцев, Ксенофонт упоминает, наряду с другими престижными вещами – золотой уздой, золотым браслетом, золотым акинаком – и *золотую гривну* (Ксенофонт. Анабасис, кн.I, гл.II,27). В скифском обществе VII–V вв. до н.э. эти украшения являлись принадлежностью богатейшей воинской аристократии. С IV в. до н.э. гривны встречаются как в могилах племенной знати, так и в женских и детских захоронениях. Форма украшения и материал диктуются имущественным и правовым положением умершего. Рассматривая этот вид украшений, В.Г.Петренко подразделяет гривны на отделы по характеру стержня, из которого они были изготовлены, а внутри отделов на типы по наличию или отсутствию застежек, форме концов и их оформлению (Петренко В.Г., 1978, с.42).

В разграбленном погребении к.23 группы «Частых курганов» (раскопки П.Д.Либерова в 1956 г.) в северо-восточной части могилы найдена золотая округлая гривна, изготовленная из круглого в сечении стержня с утолщенными прямо обрубленными несомкнутыми концами (Либеров П.Д., 1957; Пузикова А.И., 2001, с.18, рис.15,2). Размеры гривны – 17,3×17,5 см, диаметр стержня – 0,5 см (рис.3,1). Дата погребения – IV–III вв. до н.э. – определяется бронзовыми наконечниками стрел. Шейное украшение относится ко **второму типу VII отдела** (Петренко В.Г., 1978, с.46, табл.36,1). Аналогичное украшение размером 18,6×16,5 см, изготовленное из бронзы и датированное второй половиной IV в. до н.э., обнаружено в насыпи кургана Чертомлык (Алексеев А.Ю. и др., 1991, с.109, кат.35). Серебряная гривна с несомкнутыми прямо обрубленными концами найдена в

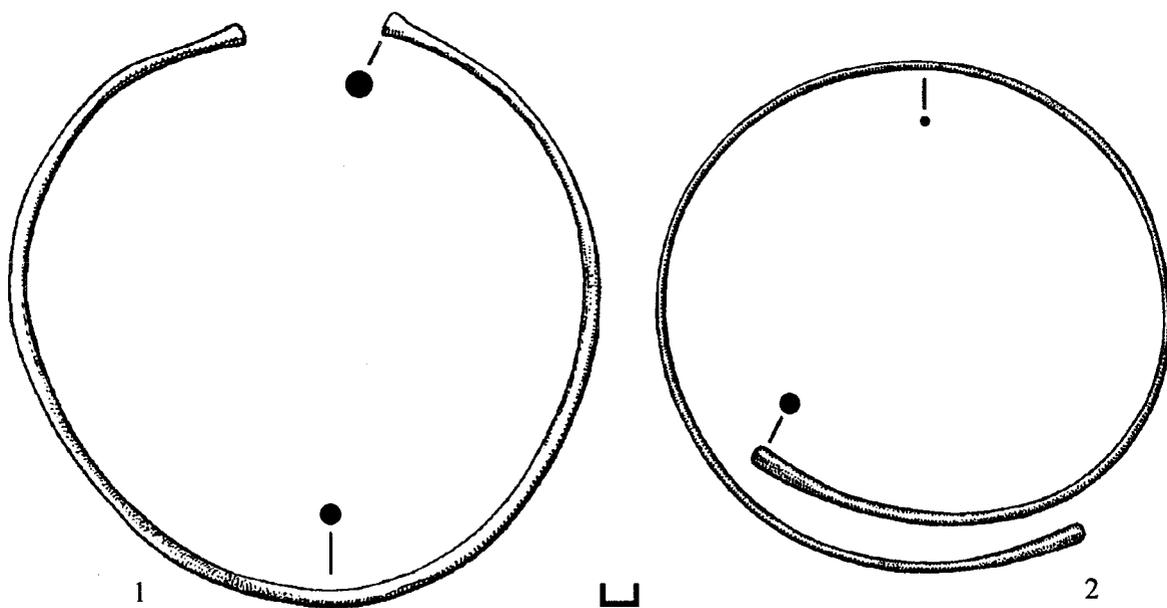

Рис. 3. Гривны. 1 – «Частые курганы», к.23; 2 – Мастюгино, к.35/33 (1 – золото; 2 – серебро)

п.2 к.16 Дмитровского могильника на Днепровском Правобережье (Петренко В.Г., 1978, с.46).

Прекрасно сохранившаяся серебряная округлая гривна была обнаружена на нижней челюсти скелета в погребении из мастюгинского к.35/33, раскопанного П.Д.Либеровым и А.И.Пузиковой в 1961 г. (Либеров П.Д., Пузикова А.И., 1962; Пузикова А.И., 2001, с.68, рис.43,2). Изготовлена из гладкой круглой в сечении проволоки, с расширенными заходящими друг за друга концами (рис.3,2). Диаметр украшения – 17×16 см, диаметр проволоки – 0,3 см, к концам увеличивается до 0,7 см. Авторы раскопок датируют погребение по совокупности инвентаря «не раньше IV в. до н.э., а скорее всего – IV–III вв. до н.э.» (Пузикова А.И., 2001, с.68). Украшение относится к четвертому типу VII отдела. В погребении «конюха» (южная могила) кургана Чертомлык найдена аналогичная серебряная гривна, плакированная тонким золотом – обруч, диаметром 12 см, с несомкнутыми расширенными концами, скручен в полтора оборота (Алексеев А.Ю. и др., 1991, с.109, кат.57). Подобное украшение, только из золота, располагалось на шее «конюха» № 3 из кургана Толстая Могила (Мозолевский Б.Н., 1972, с.271).

Опираясь на приведенные аналогии, мы смело можем датировать гривны из к.23 группы «Частых» и к.35/33 у с.Мастюгино концом третьей – началом четвертой четверти IV в. до н.э.

Браслеты. В среднедонских могильниках этот вид украшений найден в 14 погребениях и

представлен 15 экземплярами. Они встречаются как в женских, так и в мужских и детских захоронениях. В большинстве случаев украшения изготавливались из бронзы, реже из железа и серебра. Золотые браслеты встречались только в погребениях знати. Наряду с металлическими браслетами «с V в. до н.э., но особенно широко в IV–III вв. до н.э., стали употребляться браслеты-повязки, сделанные из бус, нанизанных на какую-то нить, обвивавшую запястье в один или несколько рядов» (Петренко В.Г., 1978, с.49).

По могильникам Среднего Дона эта категория украшений распределяется следующим образом (табл.2–9).

«Частые курганы» – четыре экземпляра (по одному экз. в курганах 3, 10, 12, раскопки ВУ-АК и один экз. в к.23, раскопки П.Д.Либерова и А.И.Пузиковой) (табл.2).

Мастюгино – семь экземпляров (по одному экз. в курганах I, II (раскопки А.А.Спицына), 32/32, 35/33, 34/39 (раскопки П.Д.Либерова и А.И.Пузиковой) и два экз. в к.47/30 (раскопки П.Д.Либерова и А.И.Пузиковой) (табл.3).

Русская Гростянка – один экземпляр найден в к.3, раскопки П.Д.Либерова (табл.4).

Дуровка – один экземпляр обнаружен в к.9, раскопки П.Д.Либерова и А.И.Пузиковой (табл.5).

Терновое I – Колбино I – по одному экземпляру прослежено в курганах Терн.1-4 и Колб.1-5, раскопки В.И.Гуляева (табл.7).

В могильниках у сел *Владимировка, Ближнее Стояново, Староживотинное, Абрамовка* и у хут *Дубовой* эта категория украшений не обнаружена.

При определении типов этого вида украшений использовалась классификация В.Г.Петренко. Тип браслета определялся сочетанием трех признаков: функционального назначения (ручные и ножные), способа изготовления вещи и формы ее концов. По способу изготовления украшения подразделяются на:

отдел I – стержневые, сделанные из отрезка толстого стержня: круглого, овального или четырехгранного в поперечном сечении, и в свою очередь подразделяются на простые, состоящие из одного кольца и составные, состоящие из двух и более деталей – кольца и подвески или подвесок;

отдел II – пластинчатые, изготовленные из тонкой пластины.

В 1960 г. во время раскопок П.Д.Либерава к.3 у с.Русская Тростянка (Либеров П.Д., 1961; Пузикова А.И., 2001, с.127, рис.5,3) в грабительском лазе обнаружен незамкнутый железный браслет диаметром 7,8 см, сделанный из гладкого согнутого круглого в сечении стержня диаметром 0,5 см, концы которого оформлены коническими шишечками (рис.4,4). Подобный же железный браслет найден в 1965 г. во время раскопок парного погребения (мужчина и женщина) в к.9 у с.Дуровка (Либеров П.Д., Пузикова А.И., 1966; Пузикова А.И., 2001, с.190, рис.14,15). Диаметр браслета – 7,2 см, диаметр прутка – 0,45 см (рис.4,1). Оба браслета датируются второй половиной IV в. до н.э. и относятся к **отделу I, типу 1**. Появление этого типа браслетов исследователи относят к VI в. до н.э. и связывают с лесостепными левобережными группами памятников – Посульской, Ворсклинской и Северо-Донецкой (Ильинская В.А., 1968, с.145, табл.XLV,10; Петренко В.Г., 1978, с.49). На Днепровском Лесостепном Правобережье находки браслетов подобного типа в погребальных памятниках единичны – к.416 у с.Журовка (Ковпаненко Г.Т. и др., 1989, с.129, рис.41,б), а в поселенческих материалах представлены всего лишь тремя экземплярами – два целых бронзовых из раскопа VI и обломок железного из раскопа IV Мотронинского городища (Бессонова С.С., Скорый С.А., 2001, с.103, рис.69,2–4).

В разграбленном погребении к.5 могильника Колбино I (раскопки В.И.Гуляева в 1998 г.)

«у правой ноги взрослой женщины (40–50 лет) найдено сильно фрагментированное железное изделие, вероятно браслет. Не подбирается. В плане округлый, в сечении сегментовидный, незамкнут, концы расширены, лопаточковидные, в сечении плоские. Диаметр браслета – 7 см, размеры прутка – 0,6×0,45 см, ширина оконечностей – 1,0 см, толщина – 0,4 см» (Гуляев В.И., 1999). Украшение относится к **отделу I, типу 3** – браслеты с лопаточковидными концами. Ранние браслеты этого типа найдены в комплексах VI в. до н.э. в памятниках Лесостепного Левобережья, как на городищах – Мотронинское (Бессонова С.С., Скорый С.А., 2001, с.103, рис.69,5), так и в курганах – урочище Солодка у с.Аксютинцы, к.2 (Ильинская В.А., 1968, с.33, табл.XII,25). Браслеты IV–III вв. до н.э. известны в степных курганах – п.2 к.3 у с.Ильичево (Лесков А.М., 1968, с.161) и поселениях – Каменское городище (Граков Б.Н., 1954).

Два серебряных браслета, сделанные из гладкого четырехгранного в сечении стержня с заходящими друг за друга тупо обрезанными концами, выявлены среди костей верхней части туловища первого скелета из парного погребения к.47/30 у с.Мастюгино (Либеров П.Д., Пузикова А.И., 1962; Пузикова А.И., 2001, с.66, рис.32,14). Размеры браслета – 5,0×4,4 см, пруток в сечении – 0,4×0,3 см (рис.4,10). Дата кургана – IV или IV–III вв. определяется железными трехлопастными наконечниками стрел и бронзовым зооморфным поясным крючком. Украшение относится к **I отделу, типу 4, второй вариант**. Браслеты этого типа не получили широкого распространения в скифском обществе. Единичные их находки отмечены в синхронных памятниках Правобережья, Посулья и Степи (Петренко В.Г., 1978, с.53).

Этот же тип, но его *четвертый вариант* представляет один золотой составной браслет в виде согнутого четырехгранного в сечении стержня с разомкнутыми тупо обрезанными концами (рис.4,5). Диаметр украшения – 4,9×4,5 см, пруток в сечении – 0,22×0,2 см. На кольцо браслета надета лопаточковидная привеска с проволочной петлей, вытянутый конец которой обмотан вокруг верхнего края привески. Украшение найдено в парном погребении к.32/32 у с.Мастюгино, который датируется IV в. до н.э. (Либеров П.Д., Пузикова А.И., 1962; Пузикова А.И., 2001, с.67, рис.40,3). Браслетов аналогичного варианта найдено всего лишь два:

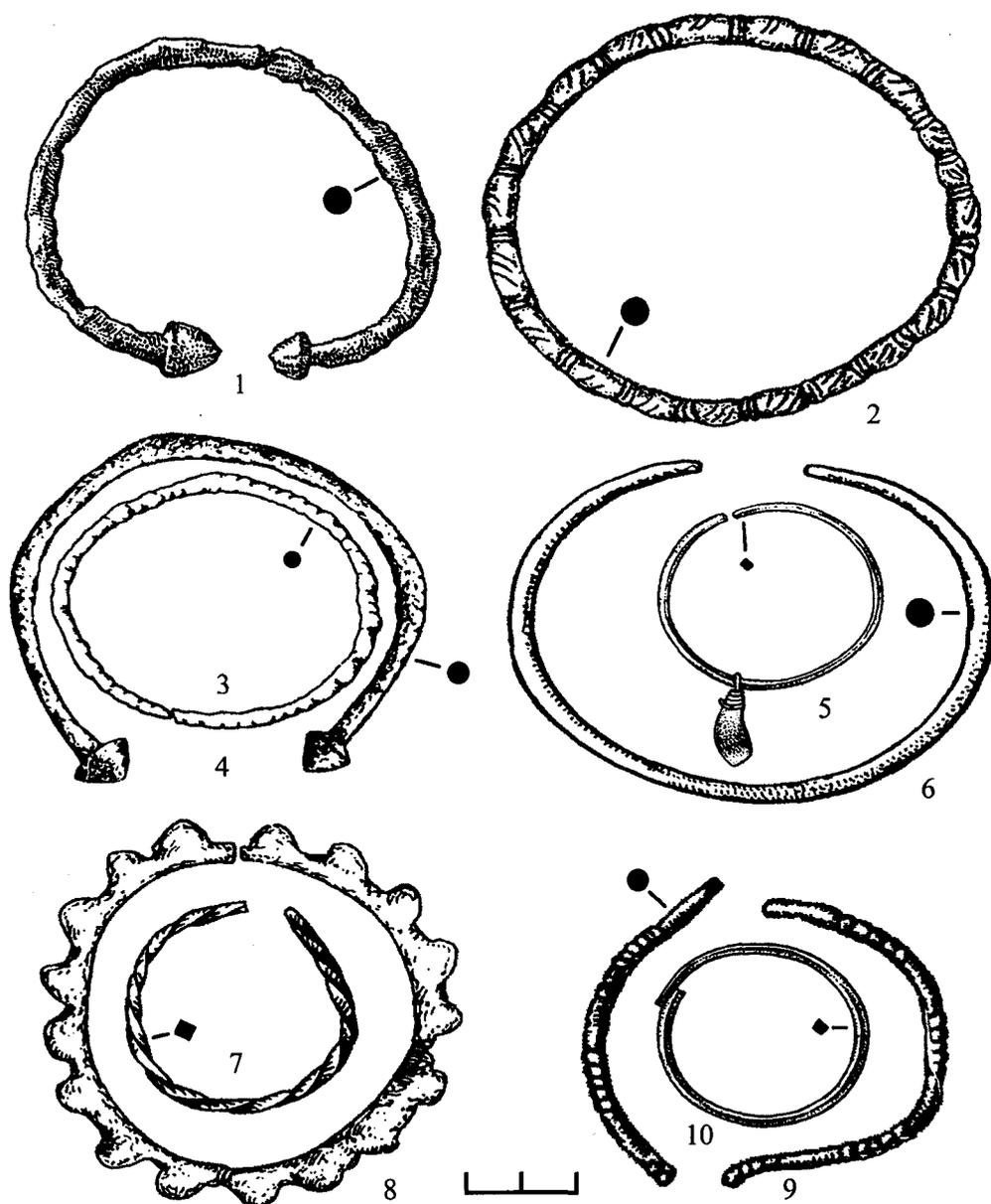

Рис. 4. Браслеты. 1 – Дуровка, к.9; 2 – «Частые курганы», к.3 (раскопки ВУАК); 3 – Мاستюгино, к.35/33; 4 – Русская Тростянка, к.3; 5 – Мاستюгино, к.32/32; 6 – «Частые курганы», к.23; 7 – Мاستюгино, к.1 (раскопки А.А.Спицина); 8 – «Частые курганы», к.12 (раскопки ВУАК); 9 – Мاستюгино, к.11 (раскопки А.А.Спицина); 10 – Мاستюгино, к.47/30 (1,3,4 – железо; 2 – железо, золото; 5,6,9 – золото; 7,8 – бронза; 10 – серебро)

один – на Каменском городище (Граков Б.Н., 1954, с.107, рис.ХП,6), другой – в п.1 к.12 группы БОФ (Тереножкин А.И. и др., 1973, с.156, рис.37,13). Отличие их от мастюгинского заключается в материале, из которого они сделаны (железо) и в наличии большего количества лопаточковидных привесок.

К отделу I, 5 типу, *первому варианту* относится фрагментированный железный браслет, изготовленный из нетолстого, круглого в сече-

нии стержня, один из концов которого утоньшен, а другой тупо обрезан. Найден в разграбленном погребении к.34/39 у с.Мастюгино «на костях левой ноги» (раскопан П.Д.Либеровым в 1962 г.; Пузикова А.И., 2001, с.72, рис.49,15). Диаметр браслета – 8 см, диаметр стержня – 0,5 см. Чаще всего украшения этого типа изготавливались из бронзы или железа, изредка – из серебра и совсем отсутствуют украшения из золота. Как отмечает В.Г.Петренко, указанные

нин С.Н., 1946, с.25, рис.10,2). К этому же типу, но его *самостоятельному варианту* принадлежит фрагментированный браслет из погребения к.35/33 у с.Мастюгино, найденный на локтевых костях правой руки (раскопки П.Д.Либера в 1961 г.; Пузикова А.И., 2001, с.68, рис.43,5). Диаметр браслета – 6,8 см, диаметр стержня – 0,4 см (рис.4,3). Наружная поверхность украшена косыми рубчиками. Браслеты 12 типа имеют широкие хронологические и узкие территориальные рамки. Они найдены только в погребальных памятниках Днепровского Лесостепного Право- и Левобережья. К первой половине V в. до н.э. относится бронзовое украшение с разомкнутыми плоско обрешанными концами, наружная поверхность которого украшена зонами трех-четырёхчастных рубчиков, найденное в п.2 к.382 у с.Грушевка (Ковпаненко Г.Т. и др., 1989, с.99, рис.30,5). V в. до н.э. датируется бронзовый браслет этого типа, «надетый на левую руку покойницы», из захоронения в к.494 у с.Волковцы в Посулье (Ильинская В.А., 1968, с.51, табл.XL,28; Галанина Л.К., 1977, табл.24,18). Ко второй половине V в. до н.э. относится подобный браслет из п.1 к.7 у с.Купьеваха (Бойко Ю.Н., Берестнев С.И., 2001, с.8,9, рис.6,1). К концу V или началу IV в. до н.э. принадлежат два аналогичных украшения из к.«А» у с.Басовка (Ильинская В.А., 1968, с.40, табл.XXIX,11,12; Галанина Л.К., 1977, с.50, табл.27,28,29) и бронзовый браслет из п.2 к.66 у с.Бобрица (Ковпаненко Г.Т. и др., 1989, с.127). И, наконец-то, к IV в. до н.э. относятся бронзовые браслеты из п.2 к.447 у с.Пастырское и к.28 (центральная могила, основное погребение) урочища Холодный Яр (Ковпаненко Г.Т. и др., 1989, с.129, рис.41,2).

К отделу I, типу 16 отнесен бронзовый браслет, диаметром 5,4 см, согнутый из четырехгранного в сечении стержня, перекрученного в нагретом состоянии (рис.4,7). Один конец гладкий, другой обломан в древности, из-за чего браслет был согнут и концы сближены. Найден в разграбленном парном погребении (мужчина и женщина) к.I у с.Мастюгино (раскопки А.А.Спицына в 1905 г.; Манцевич А.П., 1973, с.13, рис.1,9). Браслеты подобного типа крайне редко встречаются в древностях скифского типа, при этом они, как правило, изготовлены из бронзы и относятся к концу V – IV вв. до н.э. Эти украшения встречаются как в погребальных памятниках Лесостепи и Степи – курган у с.Андрусовка (Ковпаненко Г.Т. и др.,

1989, с.129, рис.41,8), п.9 могильника у с.Николаевка (Мелюкова А.И., 1975, с.74, рис.57,6), так и на степных и лесостепных городищах – Каменское городище (Граков Б.Н., 1954, с.107), Мотронинское городище, раскоп IV (Бессонова С.С., Скорый С.А., 2001, с.103, рис.69,9), Западное Бельское городище, раскоп 29 (Шрамко Б.А., 1971, с.49–58; Шрамко Б.А., 1996, с.69, рис.II,3).

В к.10 группы «Частых курганов» (раскопки ВУАК в 1915 г.) найден «фрагмент железного кольца из овального в сечении дрота. Сохранность плохая; диаметр целой поделки ок. 7 см» (Замятнин С.Н., 1946, с.37). Судя по размерам и сечению стержня, вероятно, это был браслет. Из-за плохой сохранности идентификации не поддается.

Ко II отделу (пластинчатые браслеты) относится железное украшение из к.4 могильника Терновое I (раскопки В.И.Гуляева в 1994 г.). «Западнее костей левой руки, почти вплотную к ней, находились пять мелких обломков железного пластинчатого браслета» (Савченко Е.И., 2001, с.63). Ширина украшения – 1 см, толщина пластины – 0,3 см, не восстанавливается, сохранность плохая. Из-за плохой сохранности идентификации не поддается. Масовое распространение пластинчатых браслетов исследователи связывают с территорией распространения скифских степных племен (Нижний Днепр, Крым, Нижний Дон, Нижний Днестр) и относят появление их к IV в. до н.э.

Несмотря на то что в некоторых погребениях – к.34/39 у с.Мастюгино и к.5 у с.Колбино браслеты найдены «на костях левой ноги» или «у правой ноги женщины», никакого отношения к ножным украшениям они не имеют, так как, во-первых – все они найдены не *in situ*, и перемещение их – вероятно, результат деятельности кладоискателей; во-вторых – диаметр их не более 8 см. Диаметр ножных браслетов, как отмечают исследователи, превышает 10 см и, как правило, составляет 11–14 см (Ильинская В.А., 1967, с.146; Петренко В.Г., 1978, с.58). Ножные браслеты в погребениях среднедонских могильников скифского времени не обнаружены.

Привески не являлись самостоятельным видом украшений, а использовались как аксессуары для сережек, височных колец и браслетов. Большинство металлических ожерелий состояло из привесок, в которых они использовались в многочисленных комбинациях. В по-

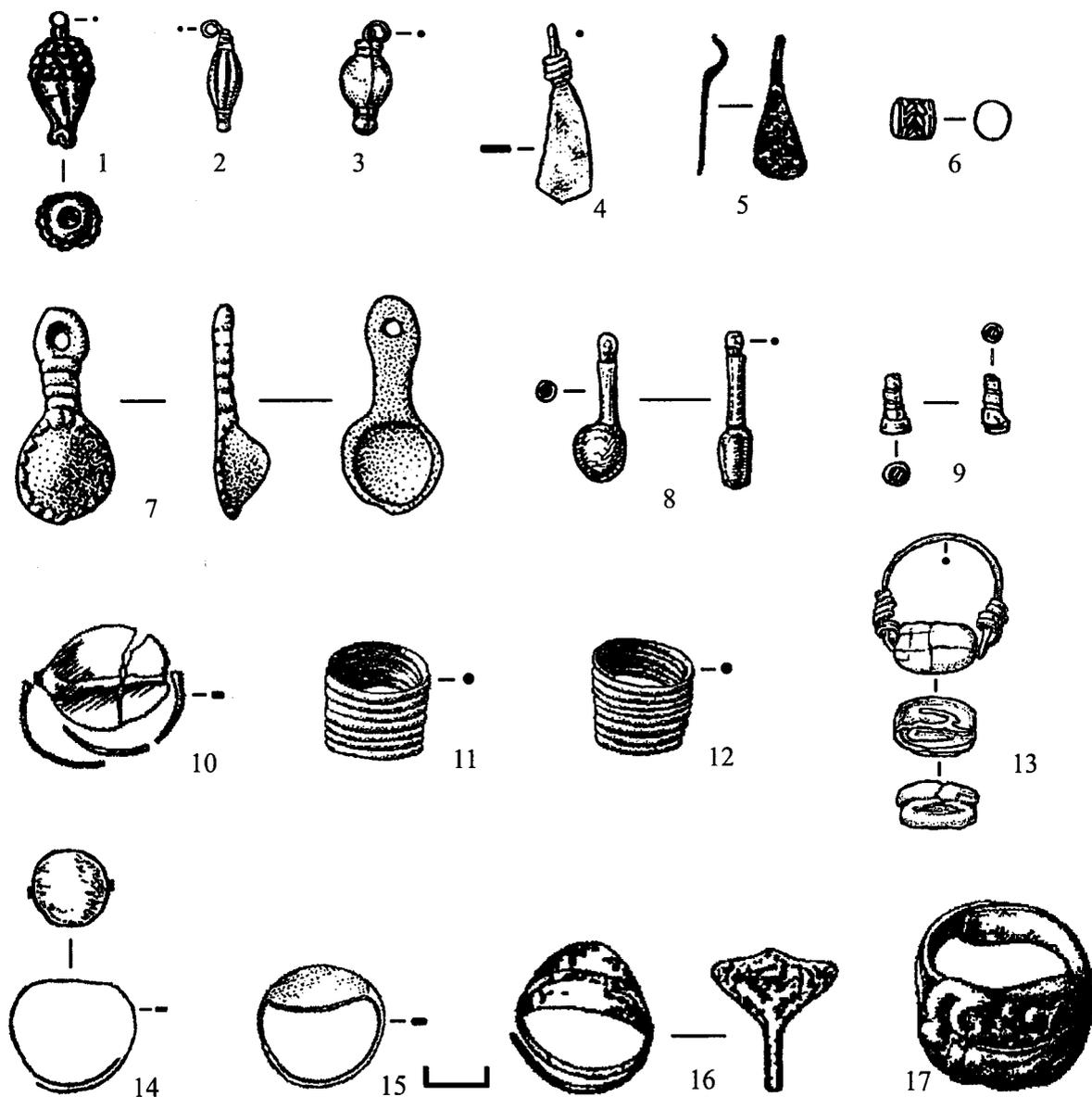

Рис. 5. Привески, перстни и кольца. 1–9 – Привески: Колбино, к.5; 2 – Мастогино, к.10/17; 3 – Дуровка, к.1; 4 – Мастогино, к.18/38; 5 – Колбино, к.1; 6 – Ближнее Стояново, к.9; 7 – Русская Тростянка, к.6; 8,9 – Колбино, к.4 (1–6 – золото; 7 – билон; 8,9 – железо, золото). 10–17 – Перстни и кольца: 10 – Мастогино, к.4 (раскопки Н.Е.Макаренко); 11–13 – Дуровка, к.4; 14 – «Часть курганы», к.13 (раскопки ВУАК); 15 – Русская Тростянка, к.18; 16 – Колбино, к.18, п.1; 17 – Мастогино, к.II (раскопки А.А.Спицина) (10–12,14–17 – золото; 13 – золото, стекло)

Тростянка (рис.5,7). Состоит из округлой в плане чашечки (диаметром 1,5 см, глубиной 0,9 см), украшенной снаружи округлыми «жемчужинами» и овальной в сечении ручки, размером 0,6×0,3 см, которая украшена четырьмя поясками. Верхняя часть ручки неправильно-округлой формы, размером 0,8×0,7 см, с отверстием для подвешивания. Высота подвески – 3,3 см. Вторая привеска подобной же формы, изготовленная из железа, была найдена в за-

полнении погребения из к.4 у с.Колбино (рис.5,8). Верхняя часть ручки округлая, с отверстием для подвешивания, стержень ручки обтянут пластинкой золотой фольги. Длина привески – 2,4 см, длина ручки – 1,5 см, диаметр – 0,3 см, диаметр чашечки – 0,9 см, глубина – 0,5 см.

Вероятно, привески служили деталью украшения браслетов типа 4, четвертого варианта. Прием украшения браслетов лопаточковид-

ными и ложечковидными привесками сближает среднедонские памятники с синхронными памятниками Степной Скифии.

Перстни и кольца. В погребальных памятниках Среднего Дона перстни и кольца встречаются в шести погребениях и представлены 14 экземплярами. Согласно типологии В.Г.Петренко, этот вид украшений по технике изготовления и характеру исходного материала разделен на четыре отдела (проволочные, пластинчатые, литые и изготовленные в сложной технике), а внутри них по форме на типы, где за типовые признаки приняты формы щитка и дужки, а за варианты – наличие орнамента на щитке и мелкие детали формы.

Проволочные перстни и кольца (отдел I) представлены четырьмя экземплярами.

К I отделу, второму типу, варианту «Б» относятся кольца из закрученной в спираль проволоки, имеющие от 2,5 и более оборотов спирали. Два массивных спиральных кольца из толстой золотой проволоки в 7 и 9 витков происходят из сильно потревоженного грабителями погребения к.4 у с.Дуровка, дата которого определяется боспорской или херсонесской амфорой, относящейся к первой половине IV в. до н.э. (Пузикова А.И., 1966, с.91, рис.29,10,11; Пузикова А.И., 2001, с.186, рис.18,2,3). Диаметр колец – 1,6 см, диаметр проволоки – 0,15 см (рис.5,11,12). Многовитковые спиралевидные кольца распространены на достаточно широкой территории: золотые – встречены в Степи: Чертомлык, погребение конюха (южная могила) – в 5,5 оборота (Алексеев А.Ю. и др., 1991, с.167, кат.59), Толстая Могила, погребение «царя» – в 10 оборотов (Мозолевский Б.Н., 1972, с.283, рис.10,4), в Крыму: Талаевский курган – в 5 оборотов (Манцевич А.П., 1957, с.156, рис.7,б); бронзовые – на Нижнем Дону: Беглицкая коса, погребения 1 и 10, скелет 2 (Каменецкий И.С., 1958). Как отмечают исследователи, в курганах Степи и Крыма они были найдены по одному на правой руке мужчин, а на Беглицкой косе – в погребениях подростков мужского пола. Вероятно, спиралевидные кольца могут считаться специфическим мужским украшением.

I отдел, тип 6, вариант «Б» составляют перстни, свернутые из тонкой проволоки, концы которой заходят друг за друга, а противоположная сторона расклепана в виде плоского овального в плане щитка, разделенного продольным рубчиком. Золотой фрагментирован-

ный перстень найден в погребении к.4 у с.Мастюгино (раскопки Н.Е.Макаренко, 1908 г.; Манцевич А.П., 1973, с.35, рис.10,2). Длина щитка – 2 см, ширина – 1,7 см (рис.5,10). К этому же отделу и типу, но уже варианту «Е» относится золотой перстень с выпуклым гладким овальным щитком и заходящими друг за друга проволочными концами, обнаруженный при женском скелете в разграбленном парном погребении из к.18 у с.Русская Тростянка (Пузикова А.И., 2001, с.138, рис.30,5). Диаметр перстня – 2,5 см, размеры щитка – 2,2×1,4 см (рис.5,15). Перстни этого типа наиболее широко распространены на территории степной и лесостепной Скифии (Петренко В.Г., 1978, с.61). А.П.Манцевич отмечает, что «форма перстня, чрезвычайно удобная для пальца любой толщины, встречается в большинстве богатых курганов Скифии IV в. до н.э. от Днепра до Кубани» (Манцевич А.П., 1973, с.35).

Два перстня, вырезанные из тонкой золотой пластины, с округлым плоским щитком и отходящими от него двумя узкими полосками, изогнутыми по форме пальца и заходящие концами одна за другую, найдены в разграбленном погребении к.13 группы «Частые курганы» (раскопки ВУАК, 1915 г.; Замятнин С.Н., 1946, с.48, рис.40,3). Диаметр щитка 1,6 см (рис.5,14). Относятся к отделу II, тип 7, вариант «А». Перстни подобного варианта появляются в погребениях IV в. до н.э. и получают широкое распространение в степных погребениях IV–III вв. до н.э. Северного Причерноморья. Встречаются они и в Посулье – курган у с.Будки и к.5 у с.Аксютинцы (раскопки 1905 г.) (Ильинская В.А., 1968, с.142, табл.ХХII,8;ХХХIII,11), и на Днепровском Правобережье – к.7, п.3 у с.Кут (Березовец Т.Д., 1960, с.51, рис.9,2). В.Г.Петренко учтено 95 экземпляров перстней этого типа, подавляющее большинство их – 75 экземпляров принадлежит варианту «А» (Петренко В.Г., 1978, с.61). Во впускном неограбленном парном п.1 к.18 у с.Колбино (раскопки В.И.Гуляева, 1997 г.), дата которого не выходит за пределы третьей четверти IV в. до н.э., обнаружено шесть золотых перстней, находящихся на обеих руках погребенной, по три экземпляра на каждой руке (Савченко Е.И., 2001, с.109, рис.41,1). Вырезаны из тонкой пластинки, щиток овальный, разделен продольным ребром, изогнут по форме пальца, концы в виде полосок, незамкнуты, заходят друг за друга. Диаметр перстней – 2 см, размеры щитка – 3,6×1,76

см, ширина полосок – 0,2 см (рис.5,16). Относятся к отделу II, тип 8, вариант «А». Перстни этого типа встречаются, как на поселениях – Каменское городище (Граков Б.Н., 1954, табл.ХII,7), так и в погребальных памятниках IV–III вв. до н.э. Степи, Крыма, Нижнего Дона и Днестро-Дунайского междуречья.

Большинство перстней 7 и 8 типов встречаются в женских погребениях. Исследователи отмечают, что в богатых курганах Степи (Толстая могила; Деев курган; Чертомлык, северо-западная камера) перстни этих типов надевались на все пальцы погребенной, а иногда даже на один палец по два сразу (Алексеев А.Ю. и др., 1991, с.111). Если перстень был один, то его носили на правой руке, большее же их количество – на обеих руках (Петренко В.Г., 1978, с.61). Сама традиция ношения сразу нескольких перстней является, очевидно, степной (Ковпаненко Г.Т. и др., 1989, с.129).

В III отдел (литые) включен золотой перстень 13 типа из к.П у с.Мастюгино (раскопки А.А.Спицына, 1906 г.; Манцевич А.П., 1973, с.23, рис.2,11). Перстень в виде толстой пластины, изогнутой по форме пальца, концы которой заходят друг на друга (рис.5,17). В щитковой части пластина расширяется и на ней имеется литое изображение «двух лежащих львов». Утрачен, местонахождение неизвестно. Рассматривая этот перстень, А.П.Манцевич в качестве отдаленных аналогий приводит перстень с четырьмя фигурами львов в курганном склепе Кекуватского и перстень из Сибирской коллекции Петра I, на щитке которого – рельефная фигура лежащей сайги (обращенной влево) с повернутой назад головой (Манцевич А.П., 1973, с.23; Руденко С.И., 1962, табл.ХХI,38,39).

К IV отделу, типу 17, варианту «А» относится золотой перстень-печатка из разграбленного погребения в к.4 у с.Дуровка, относящегося к первой половине IV в. до н.э. (Пузикова А.И., 1966, с.91, рис.29,1,1а,1б; Пузикова А.И., 2001, с.186, рис.18,5). Перстень сделан в сложной технике, соединяющей литье, покрытие золотым листом и технику филигрании. Он имеет тонкую проволочную дужку, концы которой продеты сквозь скарабеоид из египетского фаянса и замотаны с обеих сторон у выходных отверстий (рис.5,13). На обороте скарабеоида имеется стилизованное изображение бегущего зайца. Украшение, вероятно, изготовлено греческим мастером и привезено из метрополии. Аналогичный по технике исполнения золотой

перстень-печатка со скарабеоидом из египетского фаянса и витой дужкой найден в погребении к.1 группы «Три брата», на обороте жука-скарабея изображена женская фигура в длинной одежде (Кирилин Д.С., 1968, с.185, рис.7). Скарабеоид из стекла был вставлен в золотой перстень, который найден в погребении женщины из к.1 у с.Рыжановка (Ковпаненко Г.Т. и др., 1989, рис.41,11).

Бляшки. Рассматривая золотые бляшки из кургана Огуз, Е.Е.Фиалко отмечает: «В материальной культуре скифов золотые нашивные бляшки являются наиболее представительной категорией украшений как по численности, так и по разнообразию типов, и представляют собой высокохудожественные образцы греко-варварской торовитики» (Фиалко Е.Е., 2003, с.124). Определить их первоначальное местоположение зачастую бывает практически невозможно, так как большинство погребений ограблены (некоторые из них – дважды и трижды), а кости погребенных и инвентарь разбросаны по всему дну могилы. Тем не менее, вполне возможна идентификация этой категории украшений с уже известными реконструированными деталями костюмов скифского времени, в изобилии украшенного бляшками различных форм, сюжетов и размеров. Они крепились на погребальных полах и покрывах, украшали головные уборы, верхнюю одежду и обувь. Но наряду с чисто функциональным назначением (использование их как украшения) на них, возможно, возлагались и какие-то магические функции по защите от злых духов. Этой цели, вероятно, служил весь декор украшения одежды: золотые и серебряные бляшки, бусы, аппликации, вышивки. Нам неизвестно, когда в скифском обществе появилась мода обшивать парадные одеяния и погребальные покрыва золотыми украшениями. Вероятно, первоначально они были изделиями местного производства и украшали ритуальные головные уборы. Как отмечает В.А.Ильинская: «Уже в V в. до н.э. количество золотых бляшек для обшивки парадной одежды заметно возрастает. Изготовление их сосредоточивается в античных городах Северного Причерноморья, налаживается их массовое серийное производство, разнообразнее становится состав украшений» (Ильинская В.А., 1968, с.142). В это время преобладают бляшки зооморфного типа. И уже в IV в. до н.э. погребения скифской знати содержат сотни, а иногда и тысячи золотых бляшек самых разнообразных типов.

Таблица 10. Украшения – бляшки из могильника «Частые курганы»

Курган/ погребение	Зооморфные	Пальметки	Розетки	«Тройнички»	Полусферы		Личины	Трилистник	«Цветок»	«Бантик»	Округлые	Квадратные	Трапецевидные	Треугольные	Крестовидные	Ромбовидные
					с отверстием	с петелькой										
По Либерову П.Д. и Пузиковой А.И.																
к.1			1													
к.3	1															
к.4	5															
к.11				3												
По Городицову В.А.																
к.3					1											
к.4	3													18		
к.6						1										
Раскопки ВУАК (по Замятнину С.Н.)																
к.1	5															
к.2	1					9										
к.3	74		65	63												
к.9	21			34		4							2			
к.11	44		143		6	12				126	16			77	21	275
к.13			14													
Итого:	154		223	100	7	26				126	16		2	95	21	275

Таблица 11. Украшения – бляшки из могильника у с.Русская Тростянка

Курган/ погребение	Зооморфные	Пальметки	Розетки	«Тройнички»	Полусферы		Личины	Трилистник	«Цветок»	«Бантик»	Округлые	Квадратные	Трапецевидные	Треугольные	Крестовидные	Ромбовидные
					с отверстием	с петелькой										
По Либерову П.Д. и Пузиковой А.И.																
к.9														3		
к.11	1		1													
к.12			4													
к.18					1									4		
Итого:	1		5		1									6		

В погребальных комплексах Среднего Дона бляшки, украшавшие одежду и погребальные покрывала, встречены в шести могильниках (46 погребений, что составляет 27,5% от всех раскопанных погребений) в количестве 2916 экземпляров. Этот вид украшений найден: в группе «Частые курганы» – 1045 экз., в могильнике у с.Мастюгино – 851 экз., в курганах у с.Дуровка – 650 экз., в группе Терновое I – Колбино I – 356 экз., в могильнике у с.Русская Тростянка – 13 экз. и в кургане у с.Большое Стояново – 1 экз. В четырех могильниках – у сел Староживотинное, Владимирова, Абрамовка и у хут.Дубовый эти украшения не найдены. Распределение бляшек

по могильникам и погребениям представлено в таблицах 10–16.

Все известные нам бляшки можно условно разделить на две категории: *формообразующие* и *неформообразующие*. *Формообразующие* элементы (длинные золотые бляшки, пластины дуговидной формы – «стленгиды», ободки и подвески) представлены единицами и в основном сильно деформированными обломками, определить назначение которых практически невозможно. Эту категорию украшений большинство исследователей связывают с головными уборами цилиндрической формы – так называемыми калафами, которые, кроме функционального назначения, выполняли роль апотропеев, а

Таблица 12. Украшения – бляшки из могильника у с.Мастюгино

Курган/ погребение	Зооморфные	Пальметки	Розетки	«Тройнички»	Полусферы		Личины	Трилистник	«Цветок»	«Бантик»	Округлые	Квадратные	Трапецевид- ные	Треугольные	Крестовид- ные	Ромбовид- ные
					с отверст.	с петельк.										

По Либерову П.Д. и Пузиковой А.И.

к.15/11					1									2		
к.11/16	1		77	11	97	9										
к.10/17			20		49							1				
к.4/20	2															
к.29/21 к. II по Спицину А.А.	25	14	82	1	3	1									1	
к.19/37	4															
к.18/38					86	42										
к.34/39	2		2													

Раскопки Спицина А.А. (по Манцевич А.П.)

к.1	90						29					1		107		
-----	----	--	--	--	--	--	----	--	--	--	--	---	--	-----	--	--

Раскопки Макаренко Н.Е. (по Манцевич А.П.)

к.1	4		1		X											
к.2				3												
к.3					43	10										
к.4	2		11		5	1								6		
к.5	4											1				
Итого:	134	14	193	15	284	63	29					3		115	1	

Таблица 13. Украшения – бляшки из могильника у с.Дуровка (по Либерову П.Д. и Пузиковой А.И.)

Курган/ погребение	Зооморфные	Пальметки	Розетки	«Тройнички»	Полусферы		Личины	Трилистник	«Цветок»	«Бантик»	Округлые	Квадратные	Трапецевид- ные	Треугольные	Крестовид- ные	Ромбовид- ные
					с отверст.	с петельк.										
к.1	31	1	62		7	425		54	3	30						
к.4	1			4												
к.6						30										
к.7						2										
Итого:	32	1	62	4	7	457		54	3	30						

также являлись показателем социального статуса погребенного (Лесков О.М., 1974, с.96; Мозолевский Б.Н., 1979, с.198–210; Ілїнська В.А., 1971, с.73). Их органическая основа очень редко сохраняется в погребениях в таком виде, который позволил бы детально восстановить форму убора. Обыкновенно, мы находим лишь следы кожи или войлока в виде тлена. Поэтому украшавшие его формообразующие детали помогают реконструировать головной убор и определить его тип. Так, в женском погребении из к.9 группы «Частых курганов» найдена уд-

линенная, разломанная на три части, тонкая прямоугольная золотая пластинка, украшенная прорезным орнаментом в виде слегка выпуклых продолговатых закругленных лепестков, окаймленных рубчатым валиком (раскопки ВУАК, 1912 г.). Такой же валик идет по одному краю пластинки. Длина (в целом виде) – около 15 см, ширина – 3,7 см. Эту пластину исследователи связывают с головным убором (Замятнин С.Н., 1946, с.36, рис.23,5). В северном углу могилы из к.34/39 у с.Мастюгино выявлены два обломка золотой фигурной пластинки в виде

Рис. 6. Нашивные бляшки. 1-5 – Мاستюгино, к.І (раскопки А.А.Спицина); 6 – «Частые курганы», к.2 (раскопки ВУАК); 7,24 – Мастюгино, к.ІІ (раскопки А.А.Спицина); 8 – Мастюгино, к.5 (раскопки Н.Е.Макаренко); 9,10 – Мастюгино, к.4/20; 11 – Мастюгино, к.19/37; 12 – Ближнее Стояново, к.7; 13,16,27 – Дуровка, к.1; 14,15 – «Частые курганы», к.4; 17 – Колбино, к.18, п.1; 18-21 – Мастюгино, к.1 (раскопки Н.Е.Макаренко); 22 – «Частые курганы», к.3; 23 – Дуровка, к.4; 25 – Колбино, к.7; 26 – Мастюгино, к.34/39 (1-27 – золото)

рыбки, вырезанной по контуру, вероятно, от украшения головного убора (рис.6,26).

Основную массу украшений составляют бляшки, не несущие признаков формы, тип которых определяется сочетанием материала, формы, способа изготовления предмета, орнамента и изображения. Бляшки разных типов и

размеров связывают чаще с коническими уборами, но возможно они характерны и как декор калафов, повязок. Головной убор мог дополняться покрывалом, которое закреплялось на затылке, либо было наброшено поверх убора. В качестве его украшения и использовались всевозможные бляшки (Ключко Л.С., 1982а, с.119,

Таблица 14. Украшения – бляшки из могильника у сел Терновое-Колбино (по Гуляеву В.И. и Савченко Е.И.)

Курган/ погребение	Зооморфные	Пальметки	Розетки	«Тройнички»	Полусферы		Личины	Трилистник	«Цветок»	«Бантик»	Округлые	Квадратные	Трапецевид- ные	Треугольные	Крестовидные	Ромбовидные
					с отверст.	с петельк.										
Терновое																
к.5		1		7	5											
к.8						2										
Колбино																
к.1	1			1												
к.4					7									1		
к.5				4												
к.7	74															
к.12						1										
к.14					11											
к.18,п.1	74				134	23										
к.40					4	6										
Итого:	149	1		12	161	32								1		

Таблица 15. Украшения – бляшки из могильника у с.Ближнее Стояново (по Погорелову В.И. и Березуцкому В.Д.)

Курган/ погребение	Зооморфные	Пальметки	Розетки	«Тройнички»	Полусферы		Личины	Трилистник	«Цветок»	«Бантик»	Округлые	Квадратные	Трапецевид- ные	Треугольные	Крестовидные	Ромбовидные
					с отверст.	с петельк.										
к.7	1															
Итого:	1															

Таблица 16. Украшения – бляшки из могильников Среднего Дона в V–IV вв. до н.э.

Могильник	Зооморфные	Пальметки	Розетки	«Тройнички»	Полусферы		Личины	Трилистник	«Цветок»	«Бантик»	Округлые	Квадратные	Трапецевид- ные	Треугольные	Крестовидные	Ромбовидные
					с отверст.	с петельк.										
«Частые курганы»	154		223	100	7	26				126	16		2	95	21	275
Мастюгино	134	14	193	15	284	63	29					3		115	1	
Русская Тростянка	1		5		1									6		
Дуровка	32	1	62	4	7	457		54	3	30						
Владимировка																
Ближнее Стояново	1															
Терновое-Колбино	149	1		12	161	32								1		
Староживотинное																
Абрамовка																
Дубовый																
Итого погр.: 46	471	16	483	131	460	578	29	54	3	156	16	3	2	217	22	275

120). Зачастую их количество в погребениях настолько велико, а положение настолько неопределенно, что отнести их с уверенностью к украшениям головных уборов, обуви, одежды, покрывал или пологов невозможно.

Бляшками обильно расшивались подол, рукава и швы мужской, женской и детской верхней одежды, нагрудные украшения из органической основы, а также мыски и швы обуви, представленной детальнокроеными сапожками (скификами) и цельнокроеными башмачками.

Тематически все нашивные бляшки можно разделить на четыре группы: 1 – антропоморфные; 2 – зооморфные; 3 – с растительными сюжетами; 4 – с «геометрическими» мотивами.

Ниже мы опишем лишь наиболее выразительные комплексы этих украшений. Мы не будем детально останавливаться на комплексах из курганов у с.Мастюгино – курганы I, II раскопки А.А.Спицына и курганы 1–5 раскопки Н.Е.Макаренко, которые достаточно подробно рассмотрены А.П.Манцевич (Манцевич А.П., 1973), а будем привлекать их лишь в качестве аналогий.

Антропоморфные бляшки невыразительны, найдены всего лишь в одном к.I у с.Мастюгино (раскопки А.А.Спицына в 1905г.; Манцевич А.П., 1973, рис.1,2) в количестве 29 экз. Бляшки круглые, размером 1,8×1,6 см, с изображением человеческого лица в фас. По краю рельефный бортик псевдозерни и четыре отверстия для пришивания. Сильно расплющены и помяты. Вполне возможно, что на бляшках изображена голова Медузы Горгоны, сюжет весьма распространенный во все скифском мире. Аналогичные бляшки найдены в Чертомлыке, Александропольском и Мелитопольском курганах (Фиалко Е.Е., 2003, рис.1,8,9).

Большой интерес вызывают нашивные украшения с зооморфными изображениями, среди которых имеются грифоны, львы, кабаны, олени, лоси и другие копытные животные.

Изображения *крылатого грифона* на нашивных бляшках довольно многочисленны, хотя и весьма различны по схеме изображения животных. На бляшках изображены не только отдельные шагающие или лежащие фигуры, но и определенные символические сцены в виде геральдического расположения, как бы борющихся животных. Изображения грифонов, связанных с культом плодородия и отражающих солярную символику, являлись излюбленными элементами скифских украшений (Клочко Л.С., 1982б, с.45).

В наиболее известном погребении из к.3 группы «Частые курганы» (раскопки ВУАК, 1911 г.; Замятнин С.Н., 1946, с.23,24, рис.10,4–6) найдено 203 штампованных золотых бляшки с отверстиями по краям, которые подразделяются на: прямоугольные, размером 2×1,5 см, с изображением крылатого грифона, идущего влево – 74 экз.; простых розеток, диаметром 1 см – 65 экз.; «тройничков», состоящих из трех простых розеток, соединенных вместе – 63 экз. (рис.7,27). Бляшки в виде розеток и «тройничков», вероятно, украшали одежду погребенного; зооморфными бляшками, возможно, был расшит погребальный полог.

Пять золотых бляшек с изображением крылатого грифона, идущего влево, обнаружены в к.4 этой же группы (рис.6,14,15) (раскопки Либерова П.Д., 1955 г.; Пузикова А.И., 2001, с.11, рис.4,3,4). Бляшка подквадратной формы с изображением идущего влево крылатого грифона прослежена в к.7 у с.Ближнее Стояново (рис.6,12) (раскопки В.И.Погорелова, 1985 г.; Березуцкий В.Д., 1996, с.172, рис.4,9). Из северной части могильной ямы к.II у с.Мастюгино (раскопки А.А.Спицына, 1906 г.; Манцевич А.П., 1973, с.18) происходят две четырехугольные бляшки с рубчатым краем и изображением крылатого грифона, идущего влево. Размер нашивных украшений 5×4,6 см. Сильно пережатая серебряная пластина, размером 5,2×4,5 см, с изображением крылатого грифона, идущего влево, найдена в погребении с трупосожжением в к.11 у с.Русская Тростянка (раскопки Либеров П.Д., 1963; Пузикова А.И., 2001, с.133, рис.15,2). Идущий вправо крылатый грифон изображен на бляшке из погребения в к.4/20 у с.Мастюгино (рис.6,9) (раскопки П.Д.Либерова, 1961 г.; Пузикова А.И., 2001, с.59, рис.25,8). В этом же погребении найдена золотая пластинка с изображением двух геральдически расположенных грифонов (рис.6,10). Аналогичные золотые бляшки в количестве четырех экземпляров прослежены в разрушенном кладоискателями погребении мастюгинского к.19/37 (рис.6,11). Семь четырехугольных блях, размером 4,1×3,8 см, с изображением грифонов в геральдической позе, между которыми располагалась голова лося, происходят из к.II у с.Мастюгино (раскопки А.А.Спицына, 1906 г.) (рис.6,7).

Вырезанные бляшки, размером 2×1,9 см, с изображением грифона (обращенного вправо) с загнутым внутрь крылом обнаружены в ограбленном к.I у с.Мастюгино (раскопки А.А.Спицына, 1905 г.; Манцевич А.П., 1973, с.14, рис.1,6)

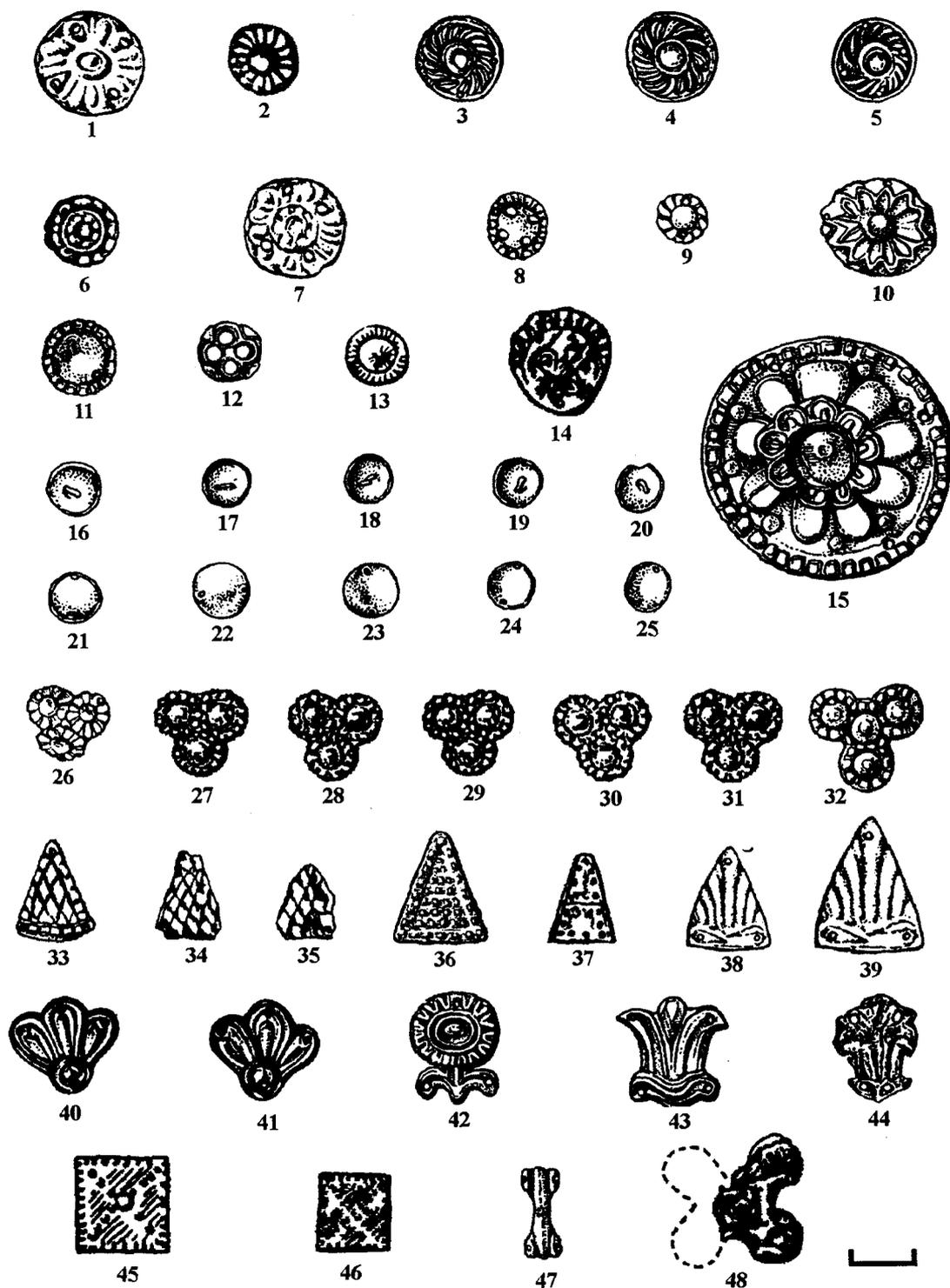

Рис. 7. Нашивные бляшки. 1-5, 21, 39, 48 – Мастогино, к. II (раскопки А.А. Спицина); 6 – «Частые курганы», к. 1; 7 – Мастогино, к. 1/16; 8, 29 – Мастогино, к. 29/21; 9 – Русская Тростянка, к. 11; 10 – Русская Тростянка, к. 12; 11-13, 15, 18, 24, 32, 40-43 – Дуровка, к. 1; 14 – Дуровка, к. 13; 16 – «Частые курганы», к. 2 (раскопки ВУАК); 17, 31 – Мастогино, к. 11/16; 19 – Терновое, к. 8; 20, 47 – Колбино, к. 40; 22, 38 – Мастогино, к. 15/11; 23, 33 – Русская Тростянка, к. 18; 25, 28, 44 – Терновое, к. 5; 26 – «Частые курганы», к. 11; 27 – «Частые курганы», к. 3 (раскопки ВУАК); 29 – Колбино, к. 1; 30 – Колбино, к. 5; 34, 35 – Русская Тростянка, к. 9; 36 – «Частые курганы», к. 11 (раскопки ВУАК); 37 – Колбино, к. 4; 45 – Мастогино, к. I (раскопки А.А. Спицина); 46 – Мастогино, к. 5 (раскопки Н.Е. Макаренко) (1-48 – золото)

(рис.6,4). К сожалению, количество бляшек не указано. В этом же комплексе найдены пять вырезанных бляшек в виде лежащего влево грифона, с повернутой назад головой (рис.6,5). Вырезанная штампованная бляшка, размером 2,5×2,3 см, прослежена в к.2 группы «Частых» (раскопки ВУАК, 1910 г.; Замятнин С.Н., 1946, с.20, рис.7,1) (рис.6,6). Изображения грифонов находят аналогии на рельефных лентах уборов из Куль-Обы, Толстой Могилы, п.1 к.22 у Красного Перекопа, Чертомлыка, к.21 у с.Каменка (Филалко Е.Е., 2003, с.125).

В погребальных памятниках Среднего Дона *изображение льва* в различных позах на нашивных бляшках представлено довольно широко.

Среди сравнительно хорошо сохранившегося комплекса вещей в погребении к.11 могильника «Частые курганы» (раскопки ВУАК, 1915 г.; Замятнин С.Н., 1946, с.39–46) было найдено 720 золотых бляшек, украшавших одежду и погребальный полог. Среди этих украшений выделяются: 42 округлые бляшки, диаметром 2 см, с изображением лежащего льва; две удлиненные (длина – 6,5 см) сильно выпуклые бляшки с изображением двух голов кабана на противоположных концах; 143 экз. в виде крупных, средних и мелких розеток; 18 полусферических бляшек: 6 экз. из серебра с пробитыми отверстиями для пришивания, диаметром 1,5 см, и 12 экз. из золота с петельками на обороте, диаметром 0,7 см; 126 экз. – в виде бантика, размером 1,8×0,6 см; 16 экз. округлых; 77 экз. треугольных, размером 1×0,9 см, украшенных пуансонами (рис.7,36); 21 экз. крестовидных, размером 2,4×2,4 см, из пяти соединенных полусфер; 275 экз. ромбовидных, размером 1,5×1 см, украшенных четырьмя кружками.

Четыре круглые золотые бляшки, диаметром 3 см, обнаружены в погребении к.9 могильника «Частые курганы» (раскопки ВУАК, 1912 г.; Замятнин С.Н., 1946, с.35, рис.23,1). На них изображен лежащий лев, обращенный вправо, голова повернута назад, хвост перекинут через спину, под ногами хищника – голова зайца. Изображение лежащего льва, обращенного вправо, в рубчатом ободке прослежено на пяти золотых бляшках. Диаметр украшений – 2 см и найдены они в разграбленном погребении к.1 этой же группы (раскопки ВУАК, 1910 г.; Замятнин С.Н., 1946, с.16, рис.2,2–4). В погребении к.3 этого же могиль-

ника (раскопки П.Д.Либерова, 1955; Пузикова А.И., 2001, с.11, рис.3,3) на золотой бляшке показан свернувшийся лев (рис.6,22). Крылатые львы в геральдической позе прослежены на шести золотых нашивных бляшках из погребений в курганах 4 (два экз.) и 5 (четыре экз.) у с.Мастюгино (раскопки Н.Е.Макаренко, 1908 г.; Манцевич А.П., 1973, с.35, рис.10,7; с.39, рис.11,7–9). На одной из четырехугольных бляшек (к.5) у ног хищников – голова лося. Размеры бляшек – 3,4×3,5 см и 4,1×3,9 см. Примечательно, что в коллективном погребении к.5 одна из бляшек лежала на шейных позвонках женского скелета, а три других – на шее мужчины. Они, вероятно, украшали ворот одежды погребенных.

В парном погребении мужчины и женщины из к.1 у с.Дуровка (раскопки П.Д.Либерова и А.И.Пузиковой в 1964 г.) были обнаружены лежащие в беспорядке золотые бляшки в количестве 613 экз., из них: зооморфные – 30 экз. (26 экз. в виде фигур льва и пантеры, идущих друг к другу (рис.6,23), 2 экз. с изображением лежащего оленя с подогнутыми ногами, вытянутой вперед головой и прямыми ветвистыми рогами без завитков (рис.6,13) и 2 экз. в виде двух вытянутых соединенных голов кабана (рис.6,16); 1 экз. в виде пальметки; 62 экз. в виде розеток, которые подразделяются на: шесть розеток с лучами, 22 выпуклые розетки с рубчатым бордюром по краю (рис.7,11), 32 розетки с прорезным четырехлепестковым цветком и две большие розетки диаметром до 4 см (рис.7,12, 15); 54 экз. в форме трилистника (рис.7,40,41); 3 экз. в виде цветка (рис.7,42); 30 экз. в форме бантика (рис.7,47); 432 экз. полусферических бляшек, которые подразделяются на: семь – с двумя отверстиями для нашивки (рис.7,24), 425 экз. – с петелькой на обороте (рис.7,18). Дата кургана определяется амфорой – вторая половина IV – первая половина III вв. до н.э. Авторы раскопок сообщают, что: «обратная сторона многих бляшек заполнена органическими остатками ярко-лилового и ярко-розового цветов» (Либеров П.Д., Пузикова А.И., 1965; Пузикова А.И., 1966, с.88; 2001, с.183,184). Возможно, эти остатки принадлежат погребальному покрывалу или пологу, на которые крепились бляшки. Они также могли украшать верхнюю одежду или обувь. Здесь же, в могиле, найдена оригинальная округлая золотая бляха, диаметром 7,5 см, с изображением человека, сидящего верхом на грифоне, терзающем оленя (рис.6,27).

Особый интерес среди этих украшений представляют бляшки с зооморфными изображениями. Рассматривая четырехугольные бляшки с изображением лежащего оленя и ажурные бляшки, изображающие львов и пантер, А.И.Пузикова отмечает их реалистическое исполнение и находит много общего с бляшками из Александропольского кургана (Пузикова А.И., 1966, с.88). Но наиболее близкие аналогии ажурным бляшкам обнаруживаются среди обилия разнородных бляшек, украшавших полог и одежду покойника из северной катакомбы кургана в г.Мелитополе (Тереножкин А.И., 1956, с.26, рис.3,10). Функциональное назначение большой бляхи с изображением человека, сидящего верхом на грифоне, терзающем оленя, неизвестно. По определению А.И.Пузиковой: «Изображение довольно грубое и явно варварского изготовления, хотя в нем и встречаются элементы греческого искусства (всадник изображен обнаженным)» (Пузикова А.И., 1966, с.88). Подобный, но менее выразительный сюжет украшал бронзовое навершие из кургана «Слоновская Близница» (Онайко Н.А., 1976, с.168).

Третьей группой животных, которые пользовались популярностью среди среднедонского населения скифского времени и изображались на нашивных бляшках наряду с грифонами и львами, являлись *кабаны*. Мы уже упоминали об удлинённых, сильно выпуклых нашивных бляшках с изображением двух голов кабана в фас на противоположных концах (рис.6,16). По два экземпляра этих украшений найдены в к.11 группы «Частых» и к.1 у с.Дуровка. Еще одна подобная бляшка обнаружена в разграбленном погребении к.4 у с.Дуровка (раскопки П.Д.Либера и А.И.Пузиковой, 1964; Пузикова А.И., 2001, с.186, рис.18,4). Аналогичные бляшки в количестве 17 экз. прослежены в погребении из к.9 могильника «Частые курганы» (раскопки ВУАК, 1912 г.; Замятин С.Н., 1946, с.35,36, рис.23,4). Длина украшений – 6,5–6,8 см, ширина – 0,8–0,9 см, высота – 0,5 см. Девять объемных нашивных бляшек различных размеров с изображением головы кабана в фас находились в погребении из к.П у с.Мастюгино (раскопки А.А.Спицына, 1906 г.). Длина бляшек – от 2,9 см до 3,9 см, ширина – от 1 см до 1,5 см. В этом же могильнике, во время раскопок к.1 найдены четыре золотые нашивные бляшки, размером 2,8×0,6 см, с изображением головы кабана в фас (раскопки Н.Е.Макаренко, 1908; Манцевич А.П., 1973, рис.6,8) (рис.6,18–21).

Во впускном парном п.1 из к.18 у с.Колбино (раскопки Гуляева В.И., 1997 г.; Савченко Е.И., 2001, с.109, рис.40,12) на верхней части грудной клетки женщины находилось уникальное нагрудное украшение, состоящее из органической основы (вероятно, кожи, так как сохранился темно-коричневый тлен), на которое были нашиты вертикально, в виде горизонтальных рядов 74 экз. подпрямоугольных объемных штампованных золотых бляшек в виде головы кабана в фас, размером 5,4×0,95×0,7 см (рис.6,17). Первоначальное положение сохранили лишь бляшки верхнего ряда в количестве 18 экз. Судя по количеству украшений этих рядов было не менее четырех. Бляшка с аналогичным изображением и подобных размеров выявлена в разграбленном погребении к.1 этого же могильника.

Копытные животные также занимают вполне достойное место в этом виде украшений. Изображение *оленя* с поджатыми ногами, обращенного вправо, встречено на трех золотых вырезных бляшках из погребения в к.4 группы «Частых курганов» (Городцов В.А., 1947, с.22, рис.14,3,4,6). Аналогичный олень, обращенный вправо, изображен на 39 золотых вырезанных бляшках из к.1 у с.Мастюгино (раскопки А.А.Спицына в 1905 г.; Манцевич А.П., 1973, рис.1,5). Размеры бляшек не превышают 2×1,7 см (рис.6,3). В качестве аналогии можно привести более крупные золотые бляшки с фигурой лежащего, обращенного вправо оленя, в количестве 37 экз., размером 2,6×2,3 см, лежащих вдоль костей ног скелета В (царя) в кургане Солоха (Манцевич А.П., 1987, с.68, кат.46). В скифском искусстве изображение оленя на золотых предметах было широко распространено. Мотив оленя – древнее воплощение солнечного божества и идеи плодородия.

На 16 золотых вырезанных бляшках из мастюгинского к.1 изображен лежащий *лось*, обращенный влево (рис.6,1). Размер украшений – 2,4×2 см.

В к.П у с.Мастюгино (раскопки А.А.Спицына, 1906 г.) найдено семь золотых вырезанных бляшек с фигурой лежащего копытного животного, обращенного вправо, вероятно *лошади* (Манцевич А.П., 1973, рис.2,4). Длина украшений – 2,4 см, ширина – 1,7 см, по краю располагались восемь отверстий для пришива (рис.6,24). Подобными же бляшками, с изображением копытного животного, обращенного вправо, в количестве 74 экземпляров, был расшит погреб-

бальный полог мужчины из парного погребения к.7 у с.Колбино (раскопки В.И.Гуляева, 1998; Савченко Е.И., 2001, с.98, рис.33,21). Длина украшений – 2,4 см, ширина – 1,7 см, по углам – четыре отверстия для пришива (рис.6,25). Вполне возможно, что эти бляшки (мастюгинские и колбинские) оттиснуты одним штампом, так как и в мелких деталях, и в степени проработанности полностью совпадают. По составу инвентаря (ритон, железные наконечники стрел) время сооружения к.П у с.Мастюгино определяется второй половиной IV в. до н.э., а дата к.7 у с.Колбино – первая половина третьей четверти IV в. до н.э. (меч с золотой рукоятью, наконечники копий).

На 29 вырезанных золотых бляшках из к.1 у с.Мастюгино. изображен лежащий *заяц*, обращенный влево, с прижатыми ушами (раскопки А.А.Спицына, 1905 г.). Размеры бляшек – 1,8×1,8 см (рис.6,2).

Остальные нашивные украшения представлены бляшками с растительными сюжетами и геометрическими мотивами: в виде пальметки; крупных, средних и мелких розеток; «тройничков»; полусфер с отверстиями и полусфер с петелькой; «трилистников»; «цветков»; «бантиков»; округлых; квадратных, с точечным орнаментом; трапецевидных; треугольных, украшенных сеткой ромбов и пуансонами или псевдозернью; крестовидных из пяти спаянных полусфер; ромбовидных, украшенных четырьмя кружками (рис.7). Наглядное представление о распределении этих украшений в могильниках и погребениях дают таблицы 10–16. В некоторых погребениях удалось проследить расположение нашивных бляшек.

В области груди и рук погребенного в к.6 у с.Дуровки (раскопки П.Д.Либерова и А.И.Пузиковой, 1965 г.; Пузикова А.И., 1969, с.83, рис.4,18) найдено 30 золотых полусферических бляшек, диаметром 0,7–0,8 см, с петелькой на обороте. Вероятно, они служили украшением ворота и рукавов верхней одежды. По античной амфоре погребение в кургане датируется третьей четвертью IV в. до н.э.

Полусферические бляшки, изготовленные из золота (60 экз.) и серебра (4 экз.), диаметром 0,6–0,5 см, украшавшие рукава и ворот одежды, обнаружены во впускном неограбленном парном п.1 из к.18 у с.Колбино (раскопки Гуляева В.И., 1997 г.; Савченко Е.И., 2001, с.109, рис.40,12). Они располагались у запястья левой руки и между правой рукой и тазом женщины.

По способу пришива подразделяются на два типа: с двумя-тремя отверстиями, пробитыми на краях, и с припаянной на обороте петелькой. Аналогичные золотые бляшки с отверстиями и петелькой в количестве 72 экз. украшали ворот платья, а 15 золотыми и шестью серебряными с сохранившейся изнутри позолотой была расшита обувь погребенной женщины. По составу инвентаря (амфора из Колхиды, серебряный кубок, зеркало) погребение датируется концом третьей четверти IV в. до н.э.

Общее соотношение групп нашивных бляшек по типу и количеству экземпляров в среднедонских погребениях следующее: с антропоморфными изображениями – один тип – 29 экз.; с зооморфными – 12 типов – 471 экз.; с растительными изображениями – шесть типов – 843 экз.; с геометрическими мотивами – восемь типов – 1573 экз., причем 1038 экз. составляют мелкие полусферические бляшки, размером 0,5–0,8 см (460 экз. – с отверстиями для пришивания, 578 экз. – с припаянной с обратной стороны петелькой).

Наблюдения над семантикой изображений на бляшках из среднедонских погребений свидетельствуют, что сюжетные построения на них не были случайными. Они самым тесным образом были связаны с мифологией и верованиями местного населения, с одной стороны, и с традициями античного искусства, приспособленного к вкусам заказчика, с другой стороны.

По технике исполнения нашивные бляшки неоднородны. Одни из них выполнены небрежно, изображения на них очень схематичны, детали почти не проработаны. Другие же отличаются четкостью изображения и тщательной проработкой всех деталей. Можно выделить нашивные бляшки с изображением кабана, лежащего оленя с ветвистыми рогами и подогнутыми ногами и человека, сидящего верхом на грифоне, который терзает оленя, из к.1 у с.Дуровка (рис.6,13,16,27).

Судя по технике исполнения и по сюжету некоторых бляшек, попавших в разные курганы и разные могильники – как, например, нашивные бляшки с изображением лошади из к.П у с.Мастюгино и к.7 у с.Колбино (рис.6,24,25), создается впечатление, что эти бляшки изготовлены или одним мастером, или в одной мастерской с одного штампа.

Рассматривая чертомлыкские нашивные бляшки, А.Ю.Алексеев пришел к выводу, что скифские бляшки чаще всего штамповались из

Таблица 17. Бусы из могильника «Частые курганы»

Курган/ погребение	Ожерелья	Стеклянные						Металлич.		Каменные				Костяные	Амулеты			
		Одноцветн.	Глазчатые	Полосатые	Мозаичные	Зооморф.	Круп. колеч.	Бисер	Золотые	Серебрян.	Гешир	Халцедон	Сердолик		Янтарь	Раков. каури	Зуб животного	Бр. нак. стрелы
По Либерову П.Д. и Пузиковой А.И.																		
к.39									3									
к.40			1															
По Матвееву Ю.П.																		
к.28					X													
По Городцову В.А.																		
к.4													1					
Раскопки ВУАК (по Замятнину С.Н.)																		
к.1			1						2									
к.7																1		
к.11	1	1		3				6	70	40								
Итого:	1	1	2	3				9	72	40			1			1		

Таблица 18. Бусы из могильника у с.Русская Тростянка (по Либерову П.Д. и Пузиковой А.И.)

Курган/ погребение	Ожерелья	Стеклянные						Металлич.		Каменные				Костяные	Амулеты			
		Одноцветн.	Глазчатые	Полосатые	Мозаичные	Зооморф.	Круп. колеч.	Бисер	Золотые	Серебрян.	Гешир	Халцедон	Сердолик		Янтарь	Раков. каури	Зуб животного	Бр. нак. стрелы
к.10		1																
к.14	1	39	1					49			7							
к.18	1	28		1														
Итого:	2	68	1	1				49			7							

низкопробного золота (292°), а бляшки изготовленные в античных мастерских – из высокопробного (958°) (Алексеев А.Ю., 1986, с.72). Исследуя нашивные бляшки кургана Огуз, Е.Е.Фиалко подчеркивает, что «...нередко явно вышедшие из одной мастерской вещи значительно разнятся по его качеству (присутствует 375, 500 и 750 пробы)» (Фиалко Е.Е., 2003, с.129). К сожалению, ювелирный анализ среднедонских золотых бляшек не проводился, поэтому мы не можем ни подтвердить, ни опровергнуть вышеприведенные наблюдения.

Ожерелья представляют собой шейные украшения, состоящие из бусин, бляшек, пронизей и привесок различных форм. Распределение бус по могильникам и погребениям показано на таблицах 17–23. Их присутствие в захоронении обычно говорит о социальном статусе погребен-

ных. Наиболее характерными являются украшения, состоящие из разнообразных бусин, изготовленных из глухого стекла – одноцветные, глазчатые, полосатые. Вместе с ними встречаются бусины из янтаря и камня – сердолика, халцедона и горного хрусталя. В состав некоторых ожерелий входили металлические бусы и пронизы (бронзовые, серебряные и золотые). Шейные украшения, состоящие из бисера, насчитывают от нескольких десятков до нескольких сотен бусин.

Состав инвентаря рассматриваемых нами памятников позволяет предположить наличие одиннадцати-двенадцати частично сохранившихся ожерелий, которые условно можно разделить на три группы, где в качестве определяющего признака выступает материал.

Первую группу составляют ожерелья изготовленные из металла. Золотые звенья шейного

Таблица 19. Бусы из могильника у с.Мастюгино

Курган/ погребение	Ожерелья	Стекланные							Металлич.		Каменные				Костяные	Амулеты		
		Одноцветн.	Глазчатые	Полосатые	Мозаичные	Зооморф.	Круп. колеч.	Бисер	Золотые	Серебрян.	Гешир	Халцедон	Сердолик	Янтарь		Раков. каури	Зуб животного	Бр. нак. стрелы
По Либерову П.Д. и Пузиковой А.И.																		
к.33/5,п.1												1				1		
к.33/5,п.2																1		
к.15/11									1									
к.11/16		3	5	1													1	
к.9/18				2														
к.4/20		1																
к.29/21																		
к.II по Спицину А.А.	1		1								1							
к.35/33	1								41									
к.34/39		14																
Раскопки Спицина А.А. (по Манцевич А.П.)																		
к.I	3	4	9	1				2	37									
Раскопки Макаренко Н.Е. (по Манцевич А.П.)																		
к.3	1													1				
к.4	1		4	2				6								2		
к.5	1	2	5	3														
Итого:	8	24	24	9				8	78	1		1	1	1		4	1	

Таблица 20. Бусы из могильника у с.Ближнее Стояново (по Погорелову В.И. и Березуцкому В.Д.)

Курган/ погребение	Ожерелья	Стекланные							Металлич.		Каменные				Костяные	Амулеты		
		Одноцветн.	Глазчатые	Полосатые	Мозаичные	Зооморф.	Круп. колеч.	Бисер	Золотые	Серебрян.	Гешир	Халцедон	Сердолик	Янтарь		Раков. каури	Зуб животного	Бр. нак. стрелы
к.5		1																
к.8		2			2			5						1				
к.11, п.1																1		
Итого:		3			2			5						2		1		

убора в виде сетки из пронизей, привесок и бляшек найдены в погребении к.I Мастюгинской группы, датированном серединой IV в. до н.э. (раскопки А.А.Спицина, 1905 г.; Манцевич А.П., 1973, с.14,15, рис.1,19-22). В состав шейного украшения входили 24 бутоновидных привески (рис.8,3), 308 гладких трубчеч-пронизок (рис.8,4) и 357 гладких полусферических бляшек (рис.8,2). Отсутствие бус и наличие огромного количества пронизок и бляшек позволило А.П.Манцевич предположить, что в

мастюгинском уборе вместо бус использовались бляшки и провести реконструкцию ожерелья (рис.8,1) (Манцевич А.П., 1948, с.68-73). Учитывая количество найденных бляшек, можно прийти к выводу, что недостает многих пронизок и большинства (около трети) привесок. Остатки подобного шейного украшения, составленного из бронзовых бляшек и трубчеч-пронизей были прослежены в к.3 этого же могильника (раскопки Н.Е.Макаренко, 1908 г.) (рис.8,7-9). При описании этого комплекса,

Таблица 21. Бусы из могильника у с.Дуровка (по Либерову П.Д. и Пузиковой А.И.)

Курган/ погребение	Ожерелья	Стекланные						Металлич.		Каменные				Костяные	Амулеты			
		Одноцветн.	Глазчатые	Полосатые	Мозаичные	Зооморф.	Круп. колеч.	Бисер	Золотые	Серебрян.	Гешир	Халцедон	Сердолик		Янтарь	Раков. каури	Зуб животного	Бр. нак. стрелы
к.1	1							15	2			1						
к.7		1																
к.8		2																
к.9			3	1														
к.15																	1	
к.21		6	1															
Итого:	1	9	4	1				15	2			1					1	

Таблица 22. Бусы из могильника у сел Терновое-Колбино (по Гуляеву В.И. и Савченко Е.И.)

Курган/ погребение	Ожерелья	Стекланные						Металлич.		Каменные				Костяные	Амулеты			
		Одноцветн.	Глазчатые	Полосатые	Мозаичные	Зооморф.	Круп. колеч.	Бисер	Золотые	Серебрян.	Гешир	Халцедон	Сердолик		Янтарь	Раков. каури	Зуб животного	Бр. нак. стрелы
Терновое																		
к.5		3	1					2										
к.6	1		1			1		7										
Колбино																		
к.1					1													
к.4		5	1	1				1										
к.5			4															
к.7			6					7										
к.13		5																
к.14								191										
к.16								3										
к.18,п.1			9	6				87										
к.40		1						1										
Итого:	1	14	22	7	1	1		292	7									

А.П.Манцевич отмечает, что «уцелели три обломка полусферических бляшек с отверстиями у края. Диаметр бляшек – 0,8 см. Сохранилось также 16 целых трубочек и 18 обломков. Каждая пронизка свернута из пластинки; два обломка трубочек нанизаны на нитку (нитка из льна или конопля). Длина целой трубочки – 2–2,4 см, диаметр – 0,1–0,2 см. Все они вместе с бляшками были нанизаны в виде сетки, как в золотых и серебряных уборах» (Манцевич А.П., 1973, с.34, рис.3). Бронзовый сетчатый шейный убор пока является единственной находкой подобного типа. Золотые и серебряные убора из трубочек и подвесок найдены в кур-

ганах Куль-Оба (Грач Н.А., 1994, с.135–142), Чертомлык (Алексеев А.Ю. и др., 1991, с.112, кат.114), Солоха (Манцевич А.П., 1987, с.62,63, кат.38), в к.8 ст.Елизаветинской (Шилов В.П., 1962, с.52–69). Появление подобных уборов большинство исследователей относят к первой половине IV в. до н.э., а во второй половине IV в. до н.э. подобные убора входят в состав богатых женских парадных одежд (Алексеев А.Ю. и др., 1991, с.112).

В к.1 у с.Мастюгино обнаружен второй шейный золотой убор в виде ожерелья, состоящего из 19 звеньев с комбинированными привесками (рис.8,5). На концах – два плоских

Таблица 23. Бусы из могильников Среднего Дона в V–IV вв. до н.э.

Могильник	Ожерелья	Стеклянные							Металлич.		Каменные				Костяные	Амулеты			
		Одноцветн.	Глазчатые	Полосатые	Мозаичные	Зооморфн.	Круп. колеч.	Бисер	Золотые	Серебрян.	Гешир	Халцедон	Сердолик	Янтарь		Раков. каури	Зуб животного	Бр. накл. стрелы	
«Частые курганы»	1	1	2	3				9	72	40				1		1			
Мастюгино	8	24	24	9			8	78	1		1	1		1		4	1		
Русская Тростянка	2	68	1	1				49				7							
Дуровка	1	9	4	1					15	2			1					1	
Владимировка																			
Ближнее Стояново		3			2			5							2		1		
Терновос-Колбино	1	14	22	7	1	1		292	7										
Староживотинное																			
Абрамовка																			
Дубовый																			
Итого погр.: 42	13	119	53	21	3	1	8	433	95	42	1	8	1	2	2	5	2	1	

подпрямоугольных звена, украшенных стилизованным изображением головы хищника. Остальные звенья, в виде прямоугольных «колодочек», имеют по три продольных желобка и украшены пятилепестковой розеткой; на обратную сторону звеньев напаяна гладкая пластинка. Каждое звено имеет по две зерновидные подвески, которые спаяны из двух штампованных половин, украшенных гладкими и штрихованными желобками. Заканчиваются подвески четырьмя шариками зерни в виде пирамидки. Общая длина ожерелья около 20 см. Аналогичное звено ожерелья было найдено в к.1 у с.Мастюгино (раскопки Н.Е.Макаренко, 1908 г.). Ожерелья подобной формы часто встречаются в богатых женских погребениях IV–III вв. до н.э. (Манцевич А.П., 1973, с.14).

Девять золотых комбинированных звеньев ожерелья, состоящих из двух частей: треугольной бляшки с рельефной пальметкой, к обратной стороне которой припаяна гладкая пластинка, и трех полых каплевидных привесок с орнаментом в виде штрихованных и гладких полосок, обнаружены в к.II у с.Мастюгино (раскопки А.А.Спицына, 1906 г.) (рис.8,б). Аналогии ожерелью установить не удалось.

Вторую группу представляют ожерелья из стеклянных бусин различного размера, формы и цвета. Вероятно, такое украшение составляли бусины из к.1 Мастюгинской группы (раскопки А.А.Спицына в 1905 г.). Ожерелье состояло из нескольких видов стеклянных бусин: трех шаровидных голубого прозрачного стекла; четы-

рех одноцветных голубых в виде неправильных колечек разного диаметра; одной четырехгранной плоской из глухого голубого стекла; 46 округлых глазчатых бусин из глухого синего, серого, голубовато-зеленого стекла; одной цилиндрической бусины из глухого черного стекла с белыми полосками (рис.9,1).

Бусины из к.4 у с.Мастюгино (раскопки Н.Е.Макаренко), датированного IV в. до н.э., возможно, также составляли единое украшение. Оно представлено следующими видами бусин: шесть экземпляров в виде колечек из синего, желтого и зеленого глухого стекла; четыре – глазчатые, из синего стекла и белых глазков; две – полосатые, из глухого синего стекла с белыми полосками (рис.9,2).

В коллективном погребении к.5 у с.Мастюгино (раскопки Н.Е.Макаренко), в районе детского скелета найдено ожерелье, состоящее из десяти бусин: призматических, шаровидных, желобчатых голубого стекла; цилиндрических полосатых серого и черного стекла; глазчатых с синими глазками из черного, серого, голубого и синего стекла (рис.9,3).

К ожерелью, вероятно, относятся 41 бусина из глухого синего, желтого и зеленого стекла (рис.9,4), обнаруженные на груди и слева от женского скелета в погребении к.35/33 у с.Мастюгино (раскопки П.Д.Либера и А.И.Пузиковой, 1962; Пузикова А.И., 2001, с.68, рис.43,4).

В к.18 у с.Русская Тростянка, в парном погребении IV–III вв. до н.э. найдены бусины,

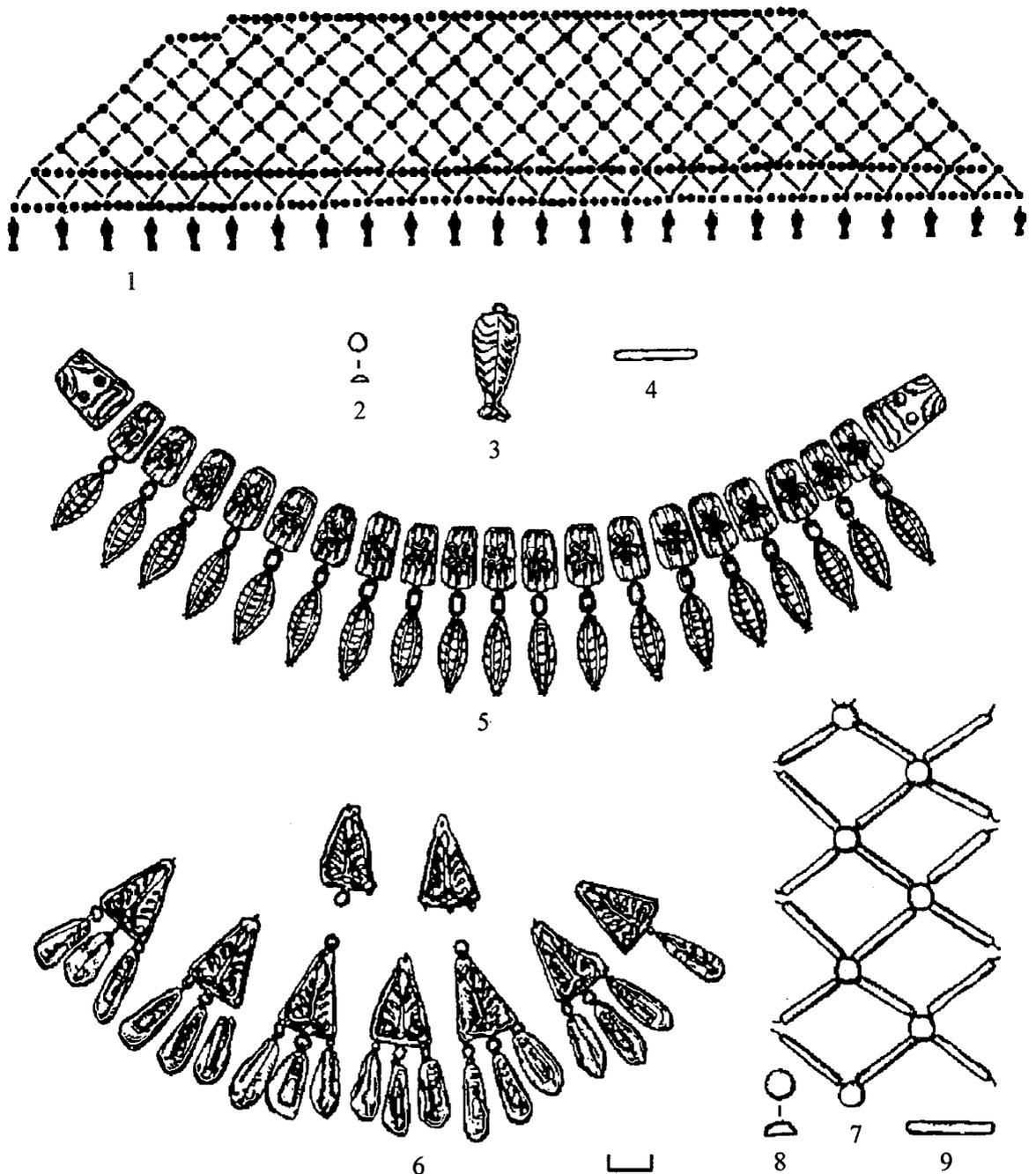

Рис. 8. Металлические ожерелья и детали ожерелий. 1–5 – Мастогино, к.1 (раскопки А.А.Спицина): 1 – реконструкция ожерелья; 2–4 – детали ожерелья; 5 – второе ожерелье; 6 – Мастогино, к.2 (раскопки А.А.Спицина); 7–9 – Мастогино, к.3 (раскопки Н.Е.Макаренко): 7 – реконструкция ожерелья; 8,9 – детали ожерелья (1–9 – по Манцевич А.П., 1973) (1–6 – золото; 7–9 – бронза)

составлявшие когда-то целое украшение (раскопки П.Д.Либерова и А.И.Пузиковой, 1963; Пузикова А.И., 2001, с.138, рис.31,1). В его состав входили: 11 округлых бусин прозрачного стекла; 17 округлых одноцветных бусин глухого стекла; одна округлая бусина синего глухого стекла с поперечной белой полосой (рис.9,6).

Третью группу составляют шейные украшения из комбинированных материалов.

Вполне возможно, что 70 экз. мелкого золотого бисера; 40 экз. полых биконических серебряных бусин; три округлые полосатые бусины из глухого коричневого стекла с зеленой двойной полосой и шесть окатанных крупных

Рис. 9. Ожерелья из бусин, бусы и амулеты. 1–6 – ожерелья из бусин: 1 – Мاستюгино, к.1 (раскопки А.А.Спицина); 2 – Мастюгино, к.4 (раскопки Н.Е.Макаренко); 3 – Мастюгино, к.5 (раскопки Н.Е.Макаренко); 4 – Мастюгино, к.35/33; 5 – Русская Тростянка, к.14; 6 – Русская Тростянка, к.18. 7–12 – Бусы: 7 – Мастюгино, к.33/5, п.1; 8–12 – Терновое, к.6, п.1. 13–19 – Амулеты: 13 – «Частые курганы», к.1 (раскопки ВУАК); 14 – Терновое, к.6, п.1; 15 – Ближнее Стояново, к.11, п.1; 16 – Мастюгино, к.33/5, п.2; 17 – Дуровка, к.15; 18,19 – Мастюгино, к.33/5, п.1 (1–6 – стекло, камень; 7 – камень; 8–12 – золото; 13,14 – стекло; 15 – кость; 16,18,19 – раковины каури; 17 – бронза)

бисерин из темно-синего стекла являлись частями несохранившегося ожерелья из погребения к.11 группы «Частых курганов» (раскопки ВУАК, 1915 г.; Замятнин С.Н., 1946, с.42, рис.32,5).

Можно предположить, что 15 полых золотых биконических бусин, две аналогичные серебряные и одна сердоликовая бочонковидная бусина из парного погребения к.1 у с.Дуровка (раскопки П.Д.Либерова и А.И.Пузиковой в 1964 г.; Пузикова А.И., 2001, с.184, рис.7,17) были нанизаны на одну нить и представляли

собой ожерелье. Аналогичные биконические золотые бусы были найдены в п.1 из к.13 группа I у с.Капуловка и составляли шейное украшение из 34 бусин и чередующихся с ними через равные интервалы семи подвесок (Терножикин А.И. и др., 1973, с.122, рис.9,5).

В парном погребении второй половины V в. до н.э. из к.14 у с.Русская Тростянка у женского скелета найдены бусины, по-видимому, составлявшие когда-то целое ожерелье (Пузикова А.И., 1964, с.31, рис.11; Пузикова А.И., 2001, с.135, рис.21,4). К нему относятся: 49 экз. ока-

танного голубого мелкого бисера; одна глазчатая бусина из синего глухого стекла с белыми глазками; семь округлых и бочонковидных бусин из халцедона; 39 экз. из разноцветного глухого стекла (рис.9,5).

Интересная часть ожерелья прослежена в основном разграбленном п.1 в к.6 у с.Терновое (раскопки В.И.Гуляева в 1993 г.; Савченко Е.И., 2001, с.69, рис.11,8–14). В его состав входили: семь овальных золотых бусин, состоящих из двух штампованных половинок, скрепленных в области сквозных отверстий пайкой из тонкой золотой проволоки, поверхность украшена продольными бороздками, орнаментированными через одну рельефными горизонтальными насечками; бусина из глухого темного стекла с крупными светло-желтыми глазками и бусина из глухого темного стекла в виде головы барана (рис.9,8–12,14). Длина золотых бусин – 1,07–1,2 см, диаметр – 0,7–0,9 см. Ближайшие аналогии золотым овальным бусинам – на территории Ворсклинского региона, где они встречены: в к.1 гр.«Б» Бельского могильника (вторая половина V в. до н.э.) (Супруненко О.Б., 1996, с.100,105, рис.10,4), к.16 у с.Олиферщина, датированного по аттической чернолаковой чашечке первой половиной IV в. до н.э. (Кулатова И.Н. и др., 1993, с.50,54,55, рис.19,4) и п.1 к.6 у с.Купьеваха (Бойко Ю.Н., Берестнев С.И., 2001, с.7, рис.4,2,3). Более мелкие полые золотые бусы присутствуют в сетчатом шейном уборе из северо-восточной камеры кургана Чертомлык (Алексеев А.Ю. и др., 1991, с.112).

Амулеты. В ожерельях часто присутствовали бусины или подвески, которые служили амулетами. Амулетам приписывали сверхъестественную силу отвращать болезни, различные бедствия, охранять людей и животных и даже души в загробном мире от враждебных чар и реальных действий врага. Костяная подвеска из зуба животного со сверлиной в корне, относящаяся, вероятно, к амулетам, найдена в погребении к.11 группы Ближнее Стояново (рис.9,15). Аналогичный амулет обнаружен в погребении «служанки» в Мелитопольском кургане (Терножкин А.И., Мозолевский Б.Н., 1988, с.84, рис.88,89). Охранительную функцию выполняли, вероятно, и раковины каури, которые прослежены: в к.7 группы «Частых курганов»; в погребениях 1 и 2 к.33/5 у с.Мастюгино (рис.9,16,18,19); и в к.4 этого же могильника (раскопки Н.Е.Макаренко). Амулетом служил и бронзовый двухлопастной наконечник стрелы

раннего типа с шипом (рис.9,17), выявленный в погребении к.15 у с.Дуровка. В качестве амулетов использовались также зооморфные и антропоморфные стеклянные бусины. Одна из них (о ней мы упоминали выше) в виде головы барана, прослежена в погребении к.6 у с.Терновое (рис.9,14). Прямые аналогии баранчику нам неизвестны, однако подвески в виде головы барана с ушком в верхней части встречены в хозяйственной яме и в культурном слое Ольвии, где датируются концом VI – V вв. до н.э. (Алексеева Е.М., 1982, с.42, тип.468–469, табл.47,31,32). Другая – большая цилиндрическая бусина из темно-синего стекла с выпуклыми крупными бирюзовыми глазками по краям, посередине грубое схематическое изображение лица – обнаружена в к.1 группы «Частых курганов» (раскопки ВУАК, 1910 г.) (рис.9,13). В качестве аналогий можно привести подвеску в виде двуликой человеческой головы на сереге из погребения коноха (южная могила) кургана Чертомлык (Алексеев А.Ю. и др., 1991, с.111, кат.58) и бусину из к.1 группы IV у с.Чкаловка на Правобережье Днепра (Ковалева И.Ф., 1999, рис.2,12). Дата курганов – вторая половина IV в. до н.э.

К сожалению, за рамками данной статьи остались разрозненные бусины, т.е. бусины, обнаруженные не в составе ожерелий (стеклянные, металлические, каменные и костяные) и найденные в погребальных памятниках Среднего Дона. Это тема специальной работы. Представление о типах этих бусин дают таблицы 17–23.

В качестве некоторых итогов проделанной работы можно сделать следующие выводы.

Мода на всевозможные виды украшений была единым общескифским явлением. Среди всех украшений Среднего Дона наблюдается полное типологическое и хронологическое сходство с подобными украшениями, найденными в степных и лесостепных памятниках Северного Причерноморья. Рассматривая памятники Среднего Дона, Б.Н.Граков отмечал, что «... костюм местных жителей не отступал от общескифского» (Граков Б.Н., 1971, с.148).

Простые серьги и височные подвески – изделия местных мастеров, а сложносоставные серьги производились в античных колониях Северного Причерноморья, откуда распространялись по всей территории Скифии. Большинство сложносоставных украшений изготавливались по индивидуальному заказу. В некоторых типах сережек, выполненных местными

мастерами (тип 27, вариант 6), наблюдается влияние савроматской и ананьинской культур.

Из-за ограбления большинства курганных могильников Среднего Дона, гривны найдены всего лишь в двух экземплярах. Но и в этих образцах наблюдается полное типологическое сходство с подобными изделиями Степной Скифии.

Все браслеты – продукт местных мастеров. В отдельных типах этого вида украшений (отдел I, тип 11) наблюдается связь с латенскими древностями Средней Европы.

Отмечается полное отсутствие ножных браслетов в среднедонских памятниках.

Такое специфическое украшение, как многовитковые спиралевидные перстни, встречаются в мужских погребениях степной Скифии и Крыма. Подобную же картину мы наблюдаем и на Среднем Дону (к.4 у с.Дуровка).

Сугубо степная традиция – ношение нескольких перстней на одной руке прослежена в п.1 к.18 у с.Колбино.

Украшение погребальных пологов, головных уборов, верхней одежды и обуви нашитыми бляшками – общескифская мода, появившаяся в V в. до н.э. В IV в. до н.э. она полу-

чает широкое распространение по всей территории Скифии.

Шейные украшения из металла, в основном из золота, в IV в. до н.э. входят в состав женских парадных одежд и встречаются в «царских» погребениях – Куль-Оба, Чертомлык, Солоха, к.8 у ст.Елизаветовской. Подобные украшения наиболее ярко представлены в курганах Мастюгинской группы и в одном неограбленном погребении могильника у с.Колбино.

Рассматривая лесостепные памятники Скифии, А.И.Мелюкова констатирует: «что касается археологических данных, то Воронежские курганы, пожалуй, больше других локальных групп лесостепи ближе всего к скифским кочевничьим погребениям» (Мелюкова А.И., 1989, с.47).

На основании всего вышеизложенного можно сделать основной вывод, что в степной и лесостепной зонах Северного Причерноморья – между Дунаем и Доном – существовало единое военно-политическое и культурное объединение – Европейская Скифия, куда население Среднего Дона входило на правах равноправного партнера.

Литература и архивные материалы

Алексеев А.Ю., 1986. Нашивные бляшки из Чертомлыкского кургана // Античная торевтика. Л.

Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р., 1991. Чертомлык (скифский царский курган IV в. до н.э.). Киев.

Алексеева Е.М., 1982. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып.Г1-12. М.

Березовец Т.Д., 1960. Розкопки курганного могильника эпохи бронзы та скифського часу в с.Кут // АП. Т.IX. Киев.

Березуцкий В.Д., 1996. Курганы скифского времени у села Ближнее Стояново // Археологические исследования высшей педагогической школы. Воронеж.

Бессонова С.С., 1982. «Серьги» с изображением владычицы зверей из скифских погребений IV в. до н.э. // Новые памятники древней и средневековой художественной культуры. Киев.

Бессонова С.С., Скорый С.А., 2001. Мотронинское городище скифской эпохи (по материалам раскопок 1988–1996 гг.). Киев–Краков.

Битковский О.В., Полин С.В., 1987. Скифский курган у с.Богдановка на Херсонщине // Скифы Северного Причерноморья. Киев.

Бойко Ю.Н., Берестнев С.И., 2001. Погребения VII–IV вв. до н.э. курганного могильника у с.Купьеваха (Ворсклинский регион скифского времени). Харьков.

Галанина Л.К., 1977. Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Бранденбурга) // САИ. Вып.Д1-33. М.

Городцов В.А., 1947. Раскопки «Частых курганов» близ Воронежа в 1927 году // СА. IX.

Граков Б.Н., 1954. Каменское городище на Днестре // МИА. № 36. М.

Граков Б.Н., 1962. Скифские погребения на Никопольском курганном поле // МИА. № 115. М.

Граков Б.Н., 1971. Скифы. М.

Грач Н.А., 1994. Гребень и ожерелье из кургана Куль-Оба // ВДИ. № 1.

Гуляев В.И., 1993. Отчет о работах Потуданской археологической экспедиции ИА РАН в 1992 г. на территории Острогожского района Воронежской области // Архив ИА РАН, Р-1, № 17130, М.

Гуляев В.И., 1994. Отчет о работах Потуданской археологической экспедиции ИА РАН в 1993 г. // Архив экспедиции.

Гуляев В.И., 1998. Отчет о работах Потуданской археологической экспедиции ИА РАН в 1997 г. // Архив экспедиции.

Гуляев В.И., 1999. Отчет о работах Потуданской археологической экспедиции ИА РАН в 1998 г. // Архив экспедиции.

Гуляев В.И., Савченко Е.И., 1995. Терновое I – новый скифский курганный могильник на Среднем Дону // РА. № 4.

Гуляев В.И., Савченко Е.И., 1998а. Новый могильник скифского времени на Среднем Дону (итоги исследований 1996–1997 гг.) // РА. № 4.

Замятнин С.Н., 1946. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем // СА. VIII.

Збруева А.В., 1952. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. № 30. М.

Ильинская В.А., 1966. Скифские курганы около г.Борисполя // СА. № 3.

Ильинская В.А., 1968. Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья (курганы Посулья). Киев.

Іллінська В.А., 1971. Золоті прикраси скіфського архаїчного убору // Археологія. № 4.

Каменецкий И.С., 1958. Отчет о работе экспедиции Таганрогского краеведческого музея в 1958 г. // Архив ИА РАН, Р-1, № 2494.

Кирилин Д.С., 1968. Трехбратние курганы в районе Тобечикского озера // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л.

Клочко Л.С., 1982а. Новые материалы к реконструкции головного убора скифянок // Древности степной Скифии. Киев.

Клочко Л.С., 1982б. Скифские налобные украшения VI–III вв. до н.э. // Новые памятники древней и средневековой художественной культуры. Киев.

Ковалева И.Ф., 1999. Скифские погребения Правобережного Предстепья // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (К 100-летию Б.Н.Гракова). Запорожье.

Ковпаненко Г.Т., 1967. Племена скіфського часу на Ворсклі. Київ.

Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А., 1989. Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион). Киев.

Ковпаненко Г.Т., Яковенко Э.В., 1973. Скифские курганы на юге Херсонщины // Скифские древности. Киев.

Ксенофонт, 1951. Анабасис. М.

Кулатова И.Н., Луговая Л.Н., Супруненко А.Б., 1993. Курганы скифского времени междуречья Ворсклы и Псла. М.–Полтава.

Кухаренко Ю.В., 1959. Распространение латенских вещей на территории Восточной Европы // СА. № 1.

Лесков А.М., 1981. Курганы: находки, проблемы. Л.

Лесков О.М., 1974. Скарби курганів Херсонщини. Київ.

Либеров П.Д., 1955. Отчет о раскопках «Частых курганов» Воронежской археологической экспедицией ИИМК АН СССР в 1954 г. // Архив ИА РАН, Р-1, № 1024.

Либеров П.Д., 1957. Отчет о работе Воронежского отряда экспедиции ИИМК АН СССР в 1956 г. // Архив ИА РАН, Р-1, № 1275.

Либеров П.Д., 1959. Отчет о работе Воронежского отряда Лесостепной экспедиции ИИМК АН СССР в 1958 г. // Архив ИА РАН, Р-1, № 1726.

Либеров П.Д., 1961. Отчет о работе Воронежского отряда Лесостепной экспедиции ИА АН СССР в 1960 г. // Архив ИА РАН, Р-1, № 2118.

Либеров П.Д., Пузикова А.И., 1962. Отчет о работе Воронежского отряда скифской Лесостепной экспедиции в 1961 г. // Архив ИА РАН, Р-1, № 2258.

Либеров П.Д., 1963. Отчет о работе Воронежского отряда Лесостепной скифской экспедиции ИА АН СССР в 1962 г. // Архив ИА РАН, Р-1, № 2489.

Либеров П.Д., Пузикова А.И., 1964. Отчет о работе Воронежского и Тростянского отрядов Лесостепной скифской экспедиции в 1963 г. // Архив ИА РАН, Р-1, № 2682.

Либеров П.Д., Пузикова А.И., 1965. Отчет Лесостепной Скифской археологической экспедиции ИА АН СССР за 1964 г. // Архив ИА РАН, Р-1, № 2860.

Либеров П.Д., Пузикова А.И., 1966. Отчет Лесостепной скифской экспедиции за 1965 г. // Архив ИА РАН, Р-1, № 3126.

Макаренко Н.Е., 1911. Археологические исследования 1907–1909 гг. // ИАК. Вып.43. СПб.

Манцевич А.П., 1948. Шейные уборы скифского периода // КСИИМК. Вып. XXII.

Манцевич А.П., 1957. Ритон Талаевского кургана // История и археология древнего Крыма. Киев.

Манцевич А.П., 1973. Мастюгинские курганы по материалам из собрания Государственного Эрмитажа // АСГЭ. № 15. Л.

Манцевич А.П., 1987. Курган Солоха (публикация одной коллекции). Л.

Матвеев Ю.П., 1981. Могильник «Частые курганы» и его культурно-историческое значение // Археология восточноевропейской Лесостепи. Архив ИА РАН, Р-1, № 8616.

Мелюкова А.И., 1975. Поселение и могильник скифского времени у села Николаевка. М.

Мелюкова А.И., 1989. География и этногеография Скифии в трудах советских ученых // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.

Мозолевский Б.Н., 1972. Курган Толстая Могила близ г.Орджоникидзе на Украине // СА. № 3.

Мозолевский Б.Н., 1973. Скифские погребения у с.Нагорное близ г.Орджоникидзе на Днепропетровщине // Скифские древности. Киев.

Онайко Н.А., 1960. Античный импорт на территории Среднего Приднепровья (VII–V вв. до н.э.) // СА. № 2.

Онайко Н.А., 1976. Антропоморфные изображения в меото-скифской торевтике // Художественная культура и археология античного мира. М.

Петренко В.Г., 1978. Украшения Скифии VII–III вв. до н.э. // САИ. Вып.Д 4-5. М.

Погорелов В.И., 1985. Отчет об археологических исследованиях Толучеевского отряда на территории Среднего Дона в 1984 г. // Архив ИА РАН, Р-1, № 9790.

Пузикова А.И., 1964. Два кургана из могильника скифского времени у с.Русская Тростянка // КСИА. Вып.102.

Пузикова А.И., 1966. Новые курганы скифского времени в Белгородской области // КСИА. Вып.107.

Пузикова А.И., 1969. Раскопки могильника скифского времени у села Дуровка в 1965 г. // Население Среднего Дона в скифское время. МИА. № 151. М.

Пузикова А.И., 2001. Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (публикация комплексов). М.

Руденко С.И., 1962. Сибирская коллекция Петра I // САИ. Вып.Д 3-9. М.–Л.

Савченко Е.И., 2001. Могильник скифского времени «Терновое I – Колбино I» на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху (Труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН, 1993–2000 гг.). М.

Скорый С.А., 1997. Стеблев: скифский могильник в Поросье. Киев.

Скорый С.А., 1999. Дата Большого Рыжановского кургана (по археологическим данным) // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (К 100-летию Б.Н.Гракова). Запорожье.

Смирнов К.Ф., 1964. Савроматы (Ранняя история и культура сарматов) // М.

Тереножкин А.И., 1956. Скифский курган в г.Мелитополе // КСИА. Вып.5. Киев.

Тереножкин А.И., Ильинская В.А., Черненко Е.В., Мозолевский Б.Н., 1973. Скифские курганы Никопольщины // Скифские древности. Киев.

Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н., 1988. Мелитопольский курган // Киев.

Тришкин А.А., 1999. Украшения ранне-скифского времени из Горного Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул.

Фиалко Е.Е., 1991. Погребения женщин с оружием у скифов // Курганы степной Скифии. Киев.

Фиалко Е.Е., 2003. Золотые бляшки из кургана Огуз // РА. № 1.

Черненко С.В., 1970. Скифські кургани V ст. до н.э. поблизу м.Жданова // Археологія. Вып.ХХІІІ. Київ.

Шилов В.П., 1962. Золотой клад скифского кургана // Археологические раскопки на Дону. Ростов-на-Дону.

Шрамко Б.А., 1971. Исследования Бельского городища // Археологические исследования на Украине в 1968 г. Вып.ІІІ. Киев.

Шрамко Б.А., 1973. Восточное укрепление Бельского городища // Скифские древности. Киев.

Шрамко Б.А., 1983. Археология раннего железного века Восточной Европы. Харьков.

Minns E.H., 1971. Scythians and Greeks // Biblio and Tannen. New York.

АКСЕССУАРЫ КОСТЮМА НАСЕЛЕНИЯ ГОРНОЙ ДИГОРИИ В VII–IV ВВ. ДО Н.Э.

Настоящая работа является продолжением цикла статей, освещающих материальную культуру населения Дигорского ущелья VII–IV вв. до н.э. (Мошинский А.П., 1999). Здесь рассматривается несколько категорий вещей, объединенных общим назначением – они служили аксессуарами костюма и предназначались (помимо функций украшения и заключенных в них элементов культа) для скрепления одежды и отдельных ее элементов. Анализируется четыре категории: пояса и поясные пряжки, фибулы и булавки.

Пояса

Для исследуемого периода достоверно известно только три фрагментированных пояса. Все они происходят из могильника Гастон Уота: два – из п.2 и один – из п.7. Пояса из п.2 датируются VII в. до н.э., пояс из п.7 – V в. до н.э. Ширина поясов из п.2 составляет 7,1 и 8,7 см. В широком поясе сохранилось отверстие для сцепления с крюком пряжки. Пояс из п.7 имел ширину 5,2 см, вдоль сторон пояса через 0,8–1,0 см пробиты отверстия для крепления кожаной подложки. Последняя частично сохранилась. Она имела сложный характер: представляла собой полосу, вдоль которой с двух сторон текстильными нитями были пришиты согнутые пополам узкие кожаные полоски, закрывавшие продольные стороны бронзового пояса.

Пояса из п.2 были найдены вместе с пряжками и согнутыми пополам подквадратными бляхами (см. ниже). Интересно, что бляхи совпадали по размеру с поясами и пряжками, что наводит на мысль об использовании их поясным комплекте.

Бронзовые пояса среди комплексов могильника Гастон Уота являются редкой находкой. Они происходят только из двух комплексов, один из которых является самым ранним на памятнике. Судя по всему, на смену бронзовым поясам на кожаной подложке пришли кожаные пояса без бронзовой обкладки. Наверное, они

использовались и раньше наряду с металлическими, но постепенно полностью их вытеснили.

Поясные пряжки

Для Дигории «скифского» времени известны только бронзовые поясные пряжки. Экземпляры, изготовленные из других материалов, на сегодняшний день неизвестны.

При классификации пряжек приняты следующие принципы. Весь массив, описывающий эту категорию предметов, состоит из трех отделов: пластинчатые пряжки, ажурные «змеевидные» пряжки, зооморфные пряжки.

Внутри отделов предполагается разделение по типам по принципиальным формообразующим особенностям и внутри типов предполагается деление на варианты – в зависимости от тех или иных формообразующих деталей.

Пластинчатыми пряжками мы называем, как это и принято в литературе, экземпляры, представляющие собой пластину с отверстиями для крепления к поясу (непосредственно или с цепочками) и загнутым крюком.

Для описания пластинчатых пряжек Д.В.Журавлевым и мною была предложена следующая терминология (Журавлев Д.В., Мошинский А.П., 1994): сторона, на которой располагаются отверстия – основание, а противоположная, на которой расположен крюк – верхняя грань; остальные две стороны – боковые грани. Такое определение, безусловно, противоречит естественному расположению пряжки в костюме. Тем не менее, в пользу этой системы терминов говорит то, что сами мастера исследуемой нами эпохи зачастую размещали зооморфные изображения на пряжках таким образом, что нижняя часть композиции была обращена к тому, что мы называем основанием (Техов Б.В., 1985, рис.154). О.А.Артамонова-Полтавцева, рассматривая пряжки типа Исти-Су, отмечает, что изображения были рассчитаны на вертикальное расположение пояса, а не на горизонтальное. Она объясняет это тем, что

пояс носился не постоянно, как бытовая вещь, а, возможно, использовался в ритуальных целях (Артамонова-Полтавцева О.А., 1950, с.76). Шириной пряжки мы называем расстояние между верхней и нижней гранью, длиной – между боковыми.

Всего нами выделено четыре типа пластинчатых пряжек, бытовавших в Дигории в исследуемый период: бабочковидные пряжки, прямая пряжка подквадратных пропорций с поднятыми углами верхней грани, прямые пряжки вытянутых пропорций и пряжки дигорского типа.

Термин «бабочковидная пряжка» впервые ввела П.С.Уварова для двоякоизогнутых экземпляров, у которых вогнут центр и выпуклы углы основания, а контур верхней грани в целом повторяет контур нижней (Уварова П.С., 1900, с.40). Впоследствии исследователи называли их пряжками «изогнутой формы» (Техов Б.В., 1980, с.69; Сланов А.Х., 1989, с.55). Вследствие морфологического сходства пряжек этого типа с перекрестьями акинаков, для которых термин «бабочковидные» является устоявшимся, целесообразно сохранить этот термин и для пряжек.

Б.В.Техов датирует пряжки этого типа концом VIII – концом VI вв. до н.э. (Техов Б.В., 1980, с.69). Нижняя дата выходит за хронологические рамки нашей работы и не может быть предметом анализа. Верхняя дата, предложенная Б.В.Теховым, кажется справедливой, так как ни в одном из твердо датированных комплексов V в до н.э. таких пряжек нет, для VI в. до н.э. эти пряжки Б.В.Теховым зафиксированы достаточно твердо.

Ссылка Б.В.Техова (1980, с.69) и, вслед за ним, А.Х.Сланова (1989, с.54) на О.А.Артамонову-Полтавцеву (1950, с.85) о том, что «эта форма поясных пряжек представляет собой конечный этап развития типичной формы кобанских поясных пряжек», основана на недоразумении. О.А.Артамонова-Полтавцева имеет в виду другой тип пряжек.

Пряжки этого типа могут отличаться друг от друга по количеству отверстий, по отгибу углов верхней и нижней грани, по отсутствию и наличию цепочек. К сожалению, информация по пряжкам, происходящим из датированных комплексов в дигорских могильниках, крайне мала. Нам известны только две пряжки из погребений 1 и 2 могильника Гастон Уота (рис.1,1,2).

Погребение 2 предположительно датируется VII до н.э., п.1 – VI в. до н.э. Необходимо заме-

тить, что датировка п.1 строится, в основном, на его топографическом и планиграфическом положении в могильнике и отличию по инвентарю от надежно датированных погребений конца VI – начала IV вв. до н.э. Погребение 2 при этом, как будет показано ниже, содержит более архаичный набор артефактов, что и дало основания отнести его к VII в. до н.э. (изначально мы датировали его также VI в. до н.э.).

Экземпляры пряжек из этих двух комплексов отличаются друг от друга по всем указанным выше параметрам: у пряжки из п.1 – пять отверстий, у пряжки из п.2 – четыре; у пряжки из п.1 сильно отогнуты углы верхней грани и значительно выделяется крюк, у пряжки из п.2 углы верхней грани стогнуты слабо и крюк не выделен; у пряжки из п.1 нет цепочек, у пряжки из п.2 сохранилось одно звено цепочки. Все это, тем не менее недостаточно для предположения, что все отмеченные выше признаки являются вариантообразующими.

Исходя из того, что у ранних кобанских пряжек цепочек нет никогда, а у пряжек V в. до н.э. наличие цепочек является практически обязательным признаком, можно предположить, что и для бабочковидных пряжек наличие цепочек является признаком поздним. Мы считаем возможным относить все пряжки с цепочками к позднекобанскому времени. Тем не менее, нельзя говорить о том, что пряжки без цепочек обязательно более древние, чем пряжки с цепочками. Так как этот признак появляется именно в это время: в VII–VI вв. до н.э., то два способа крепления пряжки к поясу могут существовать параллельно. Более того, цепочки могли просто не сохраниться.

Прямая пряжка подквадратных пропорций с поднятыми углами верхней грани с четырьмя отверстиями для крепления к поясу (рис.1,3) была найдена в п.9 могильника Гастон Уота. По своим пропорциям к ней наиболее близка пряжка из п.193 Тлийского могильника (Техов Б.В., 1985, с.30, рис.154,5). Б.В.Техов датирует этот комплекс концом VI – началом V в. до н.э. Погребение 9 по комплексу признаков датируется этим же временем.

К третьему типу пластинчатых пряжек мы относим прямые пряжки вытянутых пропорций. Прямыми пряжками предложено называть пряжки с прямым основанием. Прямые пряжки существуют в кобанской культуре с конца II тыс. до н.э. (Техов Б.В., 1977, с.140,141; Козенкова В.И., 1990, с.77, рис.7). Они бытуют в течение

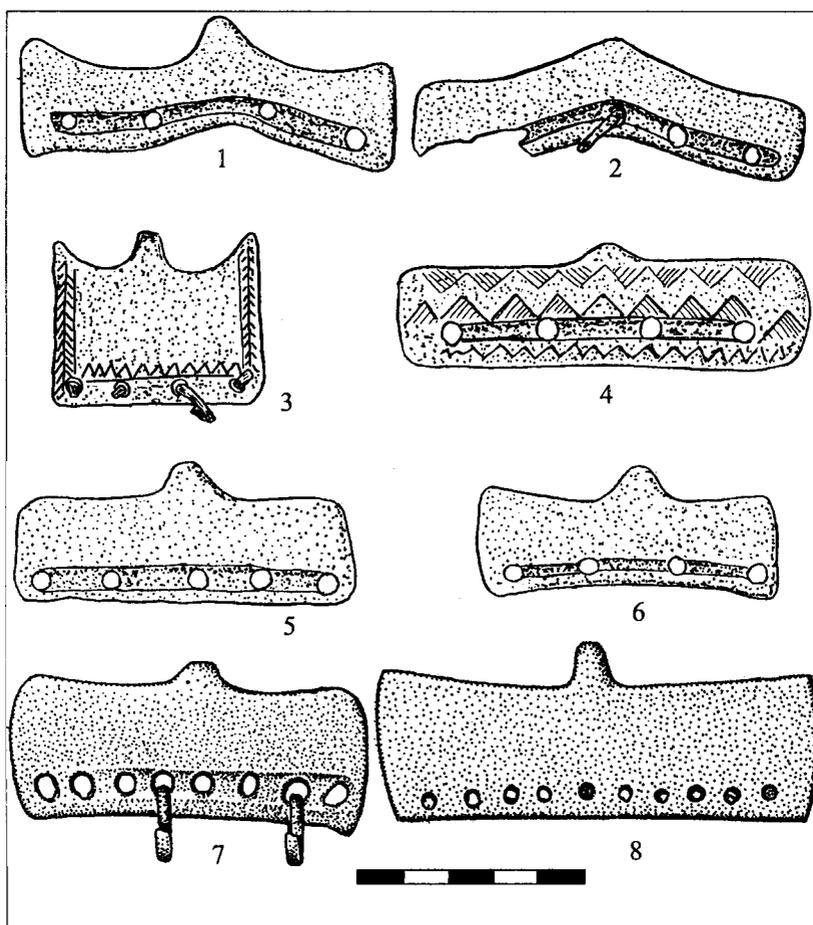

Рис. 1. Пластинчатые пряжки. Бронза. 1,2 – тип 1; 3 – тип 2; 4,5 – тип 3 вариант 1; 5–7 – тип 3 вариант 2. Все – Гастон Уота. 1,4,6 – п.2; 2,5 – п.1; 3 – п.9; 7,8 – п.19

всего раннекобанского периода и в начале позднекобанского. Но в комплексах V в. до н.э. – отсутствуют.

К сожалению, практически невозможно с достоверностью выделить среди хранящихся в музеях прямых пряжек вытянутых пропорций, происходящих из Дигории, экземпляры, относящиеся к VII–VI вв. до н.э. В могильнике Гастон Уота к этому типу относится шесть пряжек. Они происходят из наиболее ранних комплексов: 1, 2, ранний уровень п.19.

Выделяется два варианта этих пряжек: пряжки с прямой верхней гранью (рис.1,4,5) и с поднятыми углами верхней грани (рис.1,6–8).

Пряжек с прямой верхней гранью достоверно можно выделить только два экземпляра. Оба происходят из могильника Гастон Уота. Для обеих пряжек характерны небольшие размеры – не более 8,5 см и скругленные углы. Возможно, последний признак является характерным для пряжек этого типа, относящихся к исследуемому времени.

Самым ранним является экземпляр из п.2 – VII в. до н.э. У этой пряжки четыре отверстия для крепления к поясу. Ее лицевая поверхность покрыта орнаментом из двух рядов штрихованных треугольников. Вершины треугольников каждого из рядов обращены в пространство между треугольниками противоположного ряда. Вдоль основания пряжки проходит ломаная линия, корреспондирующая линии, образованной пространством между двумя рядами треугольников.

Пряжка из п.1 орнамента лишена, как и большинство пряжек этого типа, хранящихся в фондах музеев (за исключением намного более архаичных, относящихся к периоду «классического Кобана»).

Прямые пряжки с поднятыми углами верхней грани существуют наряду с прямыми пряжками с прямой верхней гранью с древнейшего периода (Уварова П.С., 1900, с.40, рис.XIV,1; Техов Б.В., 1977, рис.102,9,19). Этот признак сохраняется вплоть до VI в. до н.э. (Техов Б.В., 1985, рис.127,4).

В п.2 обнаружена пряжка, по своим очертаниям восходящая к архаичным прямым пряжкам с поднятыми углами верхней грани, но имеющая дополнительный признак – несколько вогнутое основание. Углы пряжки – скруглены. У пряжки – четыре отверстия для крепления к поясу.

В раннем уровне п.19 (вторая половина VI в. до н.э.) найдены три пряжки, которые можно отнести к этому же варианту. Все эти пряжки имеют черты, сближающие их с пряжками дигорского типа. Две из них с незначительно вогнутым основанием и округлыми боковыми гранями, с восемью и семью отверстиями, в которых сохранились звенья цепочек. У этих экземпляров углы скруглены. Третья пряжка также имеет округлые боковые грани. Углы ее не скруглены. У пряжки – десять отверстий для крепления к поясу. Сохранились остатки одного звена цепочки. По своим пропорциям эта пряжка очень близка пряжке дигорского типа из «клада» могильника Верхняя Рутха (комплекс № 20), которая, несомненно, является одной из наиболее ранних пряжек этого типа (см. ниже). Характерно, что в п.19 широко представлены браслеты подтипа 3 типа 1, входящие и в «клад» Верхней Рутхи.

Тип **дигорских пряжек** выделен нами совместно с Д.В.Журавлевым (Журавлев Д.В., Мошинский А.П., 1994). Для этого типа характерно следующее сочетание признаков: вогнутое основание и приподнятые углы верхней грани. Боковые грани пряжек могут быть прямыми или скругленными. К отверстиям на основании этих пряжек привешены цепочки для крепления к кожаному поясу. Эти пряжки имеют большую ширину, чем предшествующие им прямые (Техов Б.В., 1980, с.69).

Почти все пряжки данного типа имеют на основании по 9 отверстий для цепочек (что также является отличительным признаком типа). Лишь одна имеет семь отверстий. Тем не менее, мы не видим здесь никакого противоречия. В тех случаях, когда мы можем говорить о том, что цепочки у пряжек сохранились полностью, крайние цепочки на несколько звеньев (обычно на 2) больше, чем 7 центральных. Вероятно, семантически значимым, наряду с числом 9, здесь было число 7.

Выделяется четыре варианта пряжек этого типа, отражающие этапы его развития: узкие, вытянутые, со слабо выраженным подъемом углов верхней грани (рис.2,1,2); пряжки боль-

шие по ширине, чем экземпляры первого варианта, с несколько большим прогибом нижней и верхней грани (рис.2,3–5); пряжки с плавно отогнутыми углами верхней грани (рис.3,1–4;4,1–4) и пряжки с выделенным крюком и резко поднятыми углами верхней грани, вытянутых пропорций и относительно большого размера (рис.5,1–4).

Узких, вытянутых пряжек со слабо выраженным подъемом углов верхней грани (вариант 1) в выборке присутствует 9 экземпляров. К этому варианту принадлежат пряжки из комплекса 20 («клада») Верхней Рутхи (Крупнов Е.И., 1960, рис.XLV,1); из Хор-Гона – раскопки В.И.Долбежева (ГИМ Б 1286/266); из его же собрания из Кумбулты (ГИМ Б 1747/358); из Кумбулты – дар МАО (ГИМ Б 1765/97); четыре пряжки из собрания Б.Дзелихова из Фаскау (ГИМ Б 497/627, 636, 771 и 1334); отсюда же из собрания Бобринского (ГИМ Б 527/1). Все пряжки этого варианта, кроме одной, неорнаментированы. Одна пряжка – из Фаскау (ГИМ Б 497/636) – имеет оригинальный орнамент представляющий собой три фриза косых насечек, проходящих вдоль пряжки – соответственно вдоль основания, вдоль верхней грани и по середине пряжки. Близкий орнамент со сходной схемой расположения мы видим на бабочковидной пряжке из Верхней Рутхи (Motzenbacher I., 1996, Taf.29,5).

Е.И.Крупнов датирует пряжку из «клада» V в. до н.э. (1960, с.230,231,239). Он обосновывает это датировками сосуда, в котором был заключен «клад», и входящих в состав «клада» браслетов. Браслеты, входящие в указанный комплекс, относятся к подтипу 3 типа 1 предложенной нами классификации (в виде массивного стержня округлого сечения, уплощенного с внутренней стороны; стержень в поперечнике более 0,9 см.) и датируются по зеркалу из гробницы 4 у с.Каррас временем не позднее начала V в. до н.э. (Кузнецова Т.М., в печати, с.35). Наиболее вероятной датой представляется вторая половина VI в. до н.э.

Весьма показательно, что с браслетами указанного типа в п.19 могильника Гастон Уота встречены еще не дигорские пряжки, но прямые с поднятыми углами верхней грани. Причем у этих экземпляров имелись цепочки. То есть время существования указанных браслетов является переходным для пластинчатых пряжек. Именно в этот период формируется тип дигорских пряжек. Характерно, что единственный

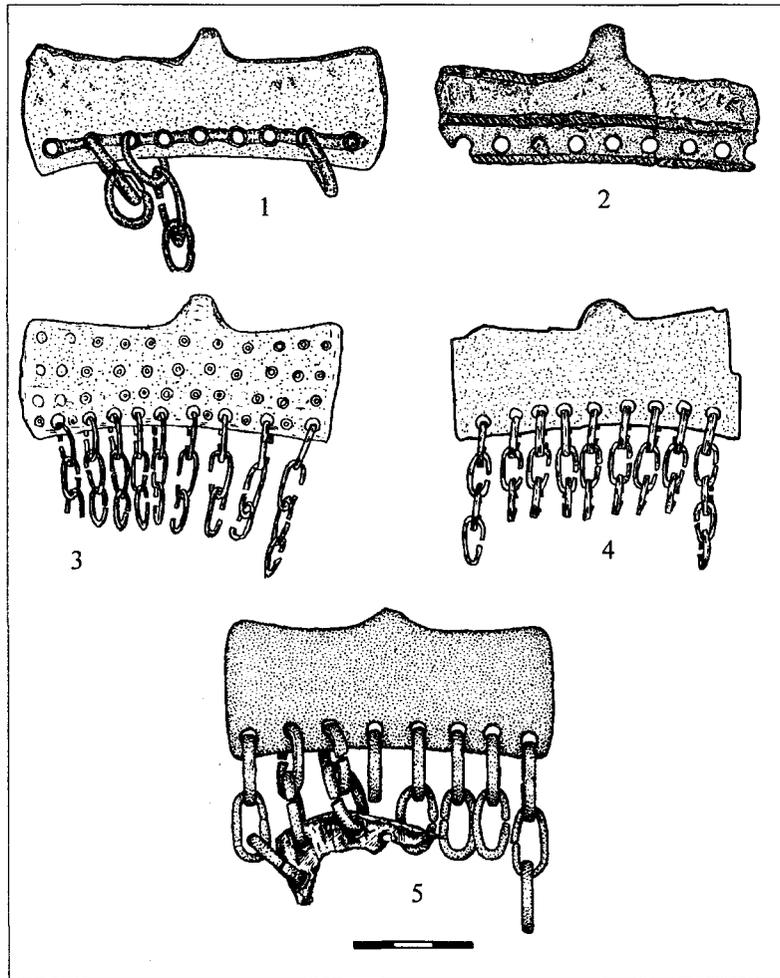

Рис. 2. Пластинчатые пряжки – тип 4. Бронза. 1,2 – вариант 1; 3–5 – вариант 2. 1 – Верхняя Рухта комплекс 20 – клад; 2 – Фаскау; 3,4 – Гастон Уота п.9; 5 – Кумбулта (Верхняя Рухта?)

орнаментированный экземпляр наследует орнамент, характерный для более архаичных бабочковидных пряжек.

Пряжек больших по ширине, чем экземпляры первого варианта, с несколько большим прогибом нижней и верхней грани (вариант 2) в выборке присутствует 4 экземпляра. Две пряжки происходят из п.9 могильника Гастон Уота, по одной – из Верхней Рухты (Motzenbacher I., 1996, Taf.29,2) и Кумбулты (Верхняя Рухта?) (ГИМ, Б 1570/51). Они имеют слабо и неравномерно отогнутые углы верхней грани. По этому признаку они смыкаются с пряжками предыдущего варианта, но по сравнению с ними они имеют большую ширину. Три пряжки не орнаментированы. Одна пряжка из п.9 покрыта орнаментом из концентрических окружностей. Надо отметить, что по целому ряду признаков п.9 датируется концом VI – началом V в. до н.э. и является самым ранним комплек-

сом на могильнике из содержащих пряжки дигорского типа. Пряжка из Кумбулты имеет восемь отверстий для цепочек, что нетипично для сформировавшегося типа дигорских пряжек.

Пряжки с плавно отогнутыми углами верхней грани (вариант 3) нам известно 20. Восемь пряжек из этой группы неорнаментированы. Четыре из них происходят из погребений 7 и 9 могильника Гастон Уота. Один экземпляр происходит из Галиата – коллекция Мурье (ГЭ 2185/17), один из Фаскау – собрание Б.Дзелихова (ГИМ Б 497/823), один из Рухты – собрание П.С.Уваровой (ГИМ Б 453/123), один из Верхней Рухты (раскопки автора).

Среди орнаментированных экземпляров обращают на себя внимание три пряжки из Фаскау (один из Фаскау или Кумбулты – куплен у Х.Канукова и более точный адрес неизвестен (ГИМ Б 526/139). Два экземпляра происходят из коллекции Б.Дзелихова (ГИМ Б 497/411 и 824).

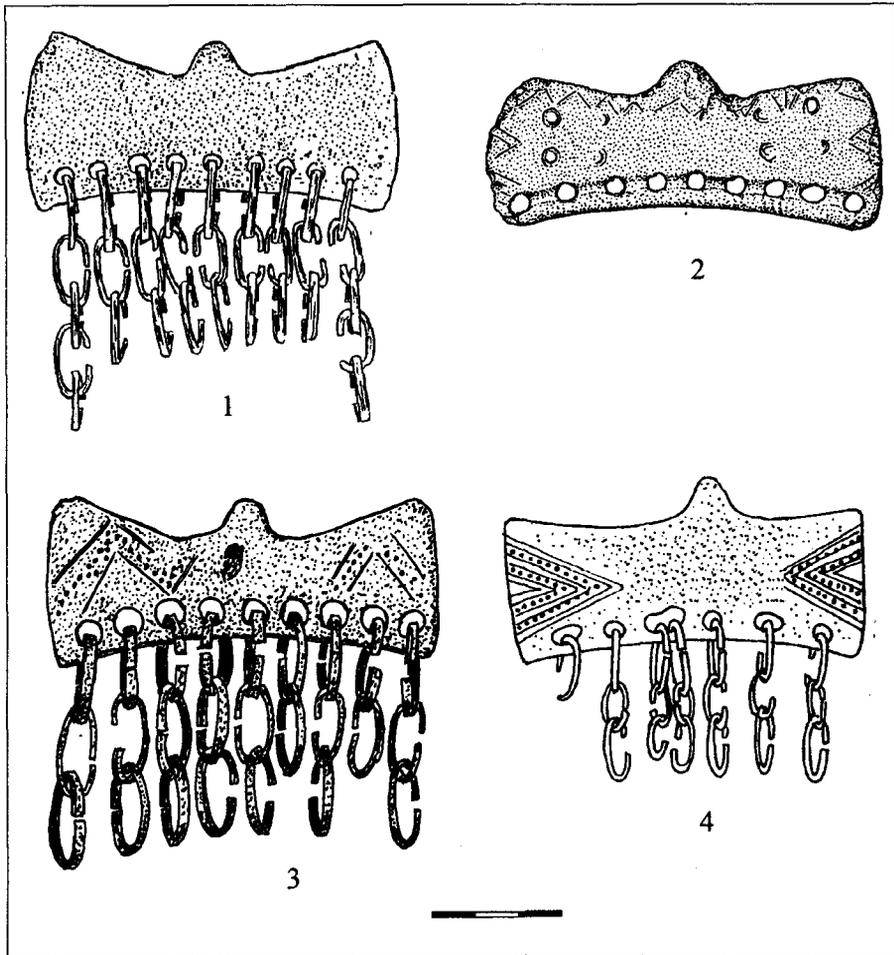

Рис. 3. Пластинчатые пряжки – тип 4, вариант 3. Бронза. 1,3,4 – Гастон Уота; 1,4 – п.7; 3 – п.15; 2 – Фаскау или Кумбулта

По краям у этих пряжек присутствуют штрихованные треугольники, что, безусловно, является архаичным признаком (вспомним прямую пряжку из п.2 могильника Гастон Уота). Также эти пряжки отличают скругленные углы верхней грани, что в свою очередь может быть наследством от пряжек предыдущего типа. На пряжке из коллекции Х.Канукова наряду со штрихованными треугольниками присутствуют также и концентрические окружности, что роднит ее с пряжкой из п.9 могильника Гастон Уота.

Геометрический зигзагообразный орнамент трех пряжек из могильника Гастон Уота (погребения 12 и 15) сходен с орнаментом на пряжке из могильника Верхняя Рутха (Крупнов Е.И., 1960, рис.XLVII,9), а также из собрания П.С.Уваровой из Рутхи (ГИМ Б 453/127) и пряжки из Верхней Рутхи из коллекции Косниерской (Motzenbacher I., 1996, Taf.29,8).

Две пряжки из погребений 7 и 15 могильника Гастон Уота и из Кумбулты (Верхней Рут-

хи?) из собрания П.С.Уваровой (ГИМ Б 489/15/21) украшены треугольниками, основания которых опираются на боковые грани изделий. Во всех случаях треугольники содержат вписанные в них подобные треугольники, выполненные в пуансонной технике. Треугольники на пряжке из п.7 и экземпляре из Кумбулты, кроме того, прочерчены и линиями.

Четыре пряжки оформлены в технике рельефа: пряжка с изображением пантеры из п.15 (Мошинский А.П., 1997, рис.4,4), пряжка из Фаскау с изображением стоящего на пуантах оленя (Уварова П.С., 1900, рис.СХVII,8; Мошинский А.П., 1997, рис.4,1), пряжки из п.6 с изображением козлов (Журавлев Д.В., Мошинский А.П., 1994, рис.1; Мошинский А.П., 1997, рис.4,2) и сделанная по той же форме пряжка из склепа 3 могильника Хор Гон (Журавлев Д.В., Мошинский А.П., 1994, рис.1;2,1; Мошинский А.П., 1997, рис.4,3). Анализ этих пряжек, их хронологии и особенностям изображений

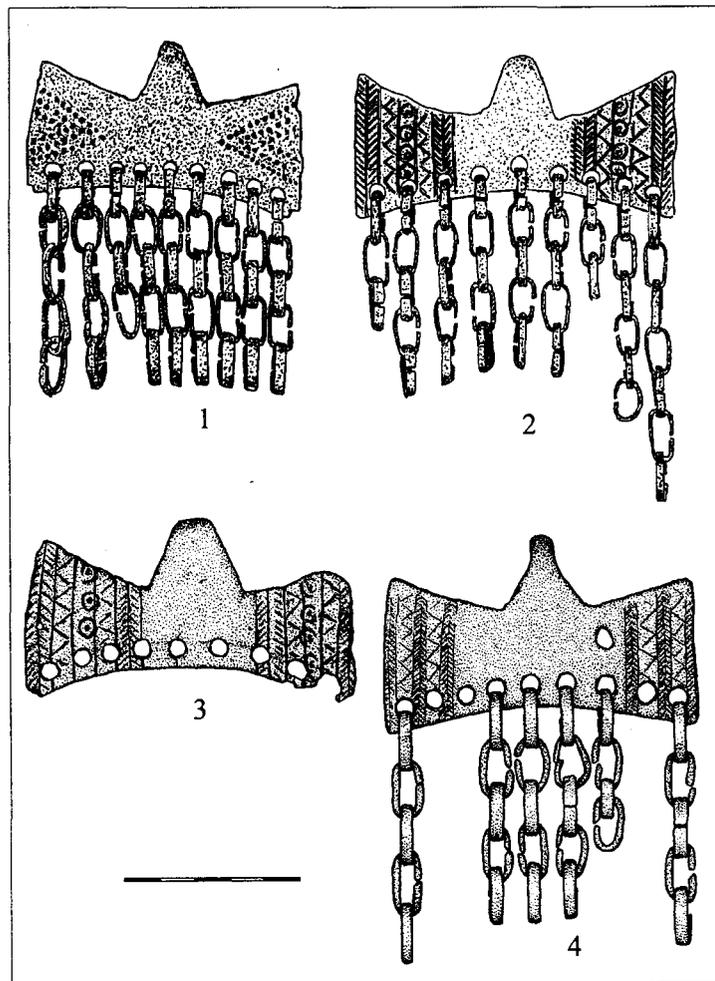

Рис. 4. Пластинчатые пряжки – тип 4, вариант 4. Бронза. 1, 2 – Гастон Уота; 1 – п.15; 2 – п.22; 3 – Фаска; 4 – Руха

посвящены отдельные эпюды (Мошинский А.П., 1997, с.40–42; Мошинский А.П., Переводчикова Е.В., 1998; Мошинский А.П., Переводчикова Е.В., в печати).

Здесь мы отметим только, что, судя по всему, самой ранней из пряжек этой серии является пряжка с оленем (предположительно, конец VI – начало V в. до н.э.), а самой поздней – пряжка с пантерой (конец V – начало IV в. до н.э. в. до н.э.)

Пряжки с выделенным крюком и резко поднятыми углами верхней грани, характерных вытянутых пропорций и относительно большого размера (вариант 4) – до 11,5 см – имеют характерный поперечный орнамент, состоящий из нескольких фриз.

Е.П.Алексеева считала, что существует два вида пряжек данного типа. Один из них характеризовался высоко поднятыми углами верхней грани. Нам удалось выделить для этого вариан-

та дигорских пряжек дополнительные устойчивые морфологические признаки – выделенный крюк и относительно большие размеры. Эти признаки по отдельности встречались и среди пряжек второго варианта, твердо датированных концом VI – V в. до н.э. (из погребений 6, 7, 9, 12 могильника Гастон Уота). Сильно выдающийся крюк отмечен у пряжки с изображением козлов из п.6 и, соответственно, у идентичной ей пряжки из Хор Гона, а также у пряжки конца V – начала IV в. до н.э. с изображением пантеры из п.15 могильника Гастон Уота. Обращает на себя внимание то, что этот признак связан с зооморфными изображениями, нанесенными в технике рельефа.

Характерно, что в вышеупомянутом хорошо датированном комплексе конца V – начала IV в. до н.э. – п.15, содержащем пряжки, из трех экземпляров один вполне соответствует материалам V в. до н.э., у одного (с пантерой) выделен

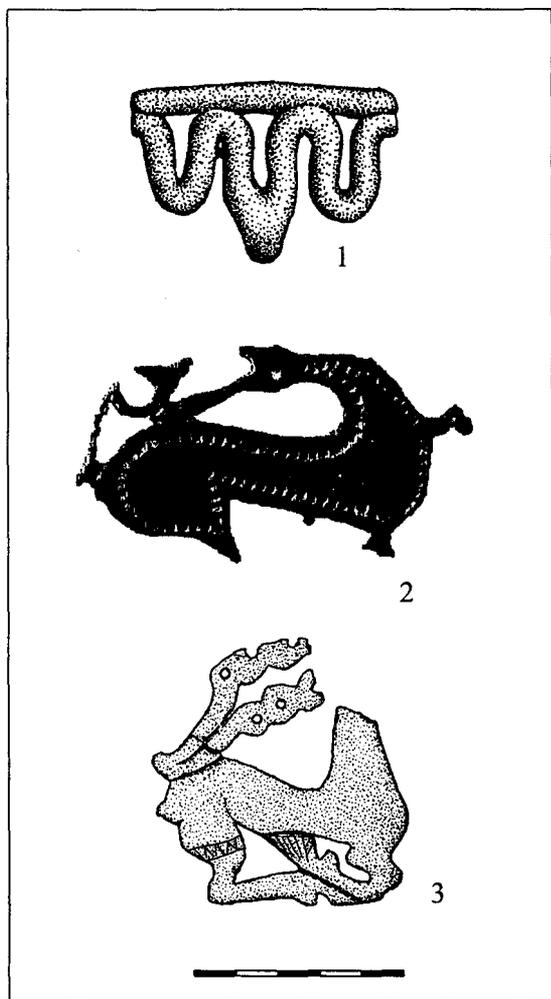

Рис. 5. Пряжки. Бронза. 1 – ажурная змеевидная; 2,3 – в виде фигуры оленя. 1 – Гастон Уота п.19; 2 – Лезгор; 3 – Хор Гон склеп 2

крюк и лишь третий обладает и выделенным крючком и резко поднятыми углами верхней грани, но при этом параметры его по сравнению с пряжками четвертого варианта укорочены и орнаментальная схема соответствует орнаментации, встреченной в V в. до н.э.

Для пряжек этого варианта наблюдается определенная унификация орнамента – по несколько поперечных фриз с каждой стороны пряжки. Обязательным элементом орнамента является бегущая спираль или ее варианты. Такие пряжки присутствуют в погребениях 20 и 22 могильника Гастон Уота. Аналогичная пряжка присутствует в п.3 каменного ящика 2 из раскопок В.И.Долбежева на Рутхе (Козенкова В.И., 1982, рис.3,8). В.И.Козенкова датирует этот комплекс временем не позднее начала VII вв. до н.э. (1982, с.18). Вопрос о дате этого

комплекса очень сложен. Ботало из этого погребения полностью идентично хорошо известным экземплярам из Казбекского клада, датируемого VI–V вв. до н.э. Ажурная выпуклая бляха является близким прототипом бляхам из погребений 12 и 13 могильника Гастон Уота, которые не могут быть датированы ранее середины V в. до н.э. Браслет с двумя парами завитков имеет полную аналогию браслету из п.19 могильника Гастон Уота, датированному концом VI в. до н.э. Пряжка не может быть датирована столь ранним временем. Необходимо заметить, что данная пряжка, по дневнику В.И.Долбежева, найдена «в грудных костях верхнего скелета, смешавшихся с нижними ребрами, поясными позвонками и тазовыми костями нижнего». В это же время «у тазовых костей верхнего скелета» найден «бронзовый массивный поясной крюк с изображением бараньей головки» – т.е. пряжка с протомой барана. Наличие у одного костяка двух поясных пряжек маловероятно. В этом же комплексе присутствует обильный протокобанский материал, который должен относиться как минимум к двум из трех погребенных. Остается предполагать, что либо существует накладка в дневниковой записи, либо, что более вероятно, погребение было потревожено и один или несколько костяков были уничтожены. Не исключено, что это произошло при очередном захоронении.

Дигорский тип бронзовых поясных пряжек сменил прямые и бабочковидные пряжки. Этот тип практически неизвестен не только за пределами горной Осетии (Виноградов В.Б., 1972, с.216), но и за пределами Дигорского ущелья.

В отдельную группу входят широко распространенные практически по всей территории центрального варианта кобанской культуры ажурные «змеевидные» пряжки (рис.5,1), отлитые по сложной восковой модели. Основание этих пряжек представляет собой прямой стержень. Поверхность пряжки состоит из «змеевидно» изогнутого стержня, завершающегося стилизованными звериными головками. Крюк расположен на оборотной стороне пряжки в центре «змеевидного» стержня. Обращает на себя внимание, что, при расположении большинства экземпляров основанием вверх, пряжки представляют собой стилизованную баранью головку с развернутыми в плоскости характерно изогнутыми рогами. Редкие исключения из этого правила – пряжки с пятью звериными голов-

ками, вероятно, свидетельствуют о «поглощении» одного символа другим. Подтверждением того, что данные пряжки отображают именно баранью голову, служат очень близкие иконографически (но в объемном варианте) бараньи головки на «штандартах» (Кончаети, Гастон Уота и т.д.), где их рога также завершаются стилизованными звериными головками.

В Дигории эта группа пряжек достаточно широко распространена. Такие пряжки есть в могильнике Фаскау в собрании Б.Дзелихова (ГИМ Б /1129) и в собрании Косниерской (Motzenbäcker I, 1996, Taf.12,4); в Кумбулте (Верхняя Рутха?) в собрании П.С.Уваровой (Уварова П.С., 1900, рис.LXXXVIII,1), в кумбултском могильнике Алдар Резен (ГИМ Б 1765/105); в могильнике Нижняя Рутха в собрании П.С.Уваровой (Уварова П.С., 1900, рис.CIV,14,15); в могильнике Верхняя Рутха из собрания Косниерской (Motzenbäcker I, 1996, Taf.63,6) в могильнике Верхняя Рутха из раскопок Е.И.Крупнова (Крупнов Е.И., 1960, рис.XLVIII,1,2) (Нижняя Рутха Уваровой и Верхняя Рутха Крупнова – один и тот же могильник); в п.19 могильника Гастон Уота. В последнем пряжка этого типа была найдена с материалами второй половины VI в. до н.э.

За пределами Дигории этот тип пряжек встречен на территории Северной Осетии в могильнике у с.Чми (Уварова П.С., 1900, табл.LVI,3); в Южной Осетии: в п.103 Тлийского могильника (Техов Б.В., 1985, табл.120,5), в п.3 Ожорского могильника (Сланов А.Х., 1989, табл.XII,15). На территории восточного варианта культуры: в Нестеровском (Крупнов Е.И., 1960, табл.LXVIII,6) и Луговом могильниках (Козенкова В.И., 1982, с.52).

И, наконец, последнюю группу составляют плоские ажурные зооморфные пряжки из Хор-Гона (рис.5,3) и Лезгора (рис.5,2) в виде фигуры оленя с подогнутыми ногами, выполненные в смешанном «скифо-кобанском» стиле. У оленя на пряжке из склепа 2 могильника Хор Гон (Алексеева Е.П., 1949, рис.IX,Б,5) не сохранилась голова, но по конфигурации шеи и расположению рогов понятно, что она обращена вперед. Поза, пропорции фигуры, а также расположение копыт друг на друге характерны для скифского звериного стиля V в. до н.э. (Канторович А.Р., 1996, с.47–52). В тоже время штриховка копыта и орнаментированная гравированными треугольниками полоса на бедре указывают на кобанскую традицию.

У Лезгорского оленя голова повернута назад. Большая часть рогов и ноги не сохранились. Тем не менее внешний вид вещи можно реконструировать по аналогичным пряжкам из «могил-колодцев» Кобана (Уварова П.С., 1900, рис.XLIII,4,5): ноги животного подогнуты, передняя касается копытом живота, ветви рогов направлены в разные стороны. Сама по себе поза, а также преувеличенные рога – признак скифского искусства. Завитки рогов, впрочем, имеют форму двойной спирали, распространенной во все времена на кобанских предметах. Плавная криволинейность тулова и контраст между округлыми преувеличенными бедром, передней частью фигуры и подчеркнута узкой ее серединой – этот признак особенно выражен на одной из пряжек этого типа из «погребений в колодцах» (Уварова П.С., 1900, рис.XLIII,5), напоминают изображения животных в кавказской графике (Техов Б.В., 1988, рис.52,55,59–62; Урушадзе Н., 1984, рис.XVI,4). Кавказское же происхождение имеет пуансонный орнамент по туловищу и шее оленя. К сожалению, за исключением пряжки из Хор-Гона, как дигорские, так и кобанские экземпляры не привязываются к определенному комплексу. Комплекс склепа 2 Хор-Гона содержит материалы разных эпох и строго датировать по нему пряжку также сложно.

Фибулы

Фибулы, присутствующие в выборке, подразделяются на две группы: дуговидные и со «змеевидной» дужкой.

Среди дуговидных фибул выделяется два типа: с тонкой гладкой дугой и с ложновитой дугой.

Среди фибул с гладкой дугой (тип 1) выделяется два размерных варианта: соответственно, большого и небольшого размера.

Фибула большого размера (рис.6,1) в выборке только одна: из п.15 могильника Гастон Уота. Размер фибулы – 8,5 на 7,5 см. У данного экземпляра очень широкая пружина – 2,8 см в диаметре при диаметре стержня дуги 0,4 см. По комплексу фибула датируется концом V – началом IV в. до н.э.

Фибула небольшого размера (рис.6,2) также одна – из п.19 могильника Гастон Уота. Так как фибула повреждена, мы можем говорить только об ее предположительном размере: 4,5 на 2,5 см при диаметре стержня дуги 0,3 см. Фибула

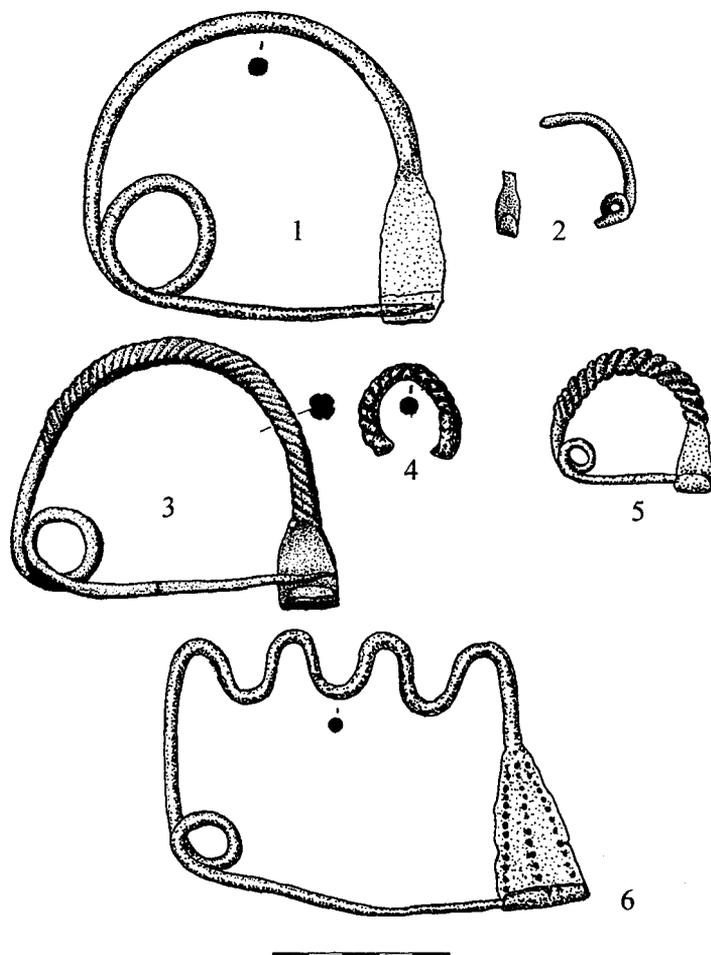

Рис. 6. Фибулы. Бронза. 1–5 – дуговидные; 1 – тип 1, вариант 1; 2 – тип 1, вариант 2; 3–5 – тип 2; 3,4 – подтип 1; 3 – вариант 1; 4 – вариант 2; 5 – подтип 2; 6 – со змеевидной дужкой. Все – Гастон Уота; 1,4,6 – п.15; 2,3 – п.19; 5 – п.1

происходит из разрушенной части сложного комплекса, содержащего захоронение второй половины VI в. до н.э. и конца V – начала IV вв. до н.э. В связи с этим установить точную дату бытования данного экземпляра не представляется возможным.

Фибулы с ложновитой дугой (тип 2) делятся на два подтипа: с дугой, отлитой по цельной модели, и с ложновитой дугой, отлитой по сложной восковой модели.

Фибулы с дугой, отлитой по цельной модели (подтип 1), подразделяются на два варианта в зависимости от своего размера.

Фибулы большого размера (рис.6,3) известны из п.19 могильника Гастон Уота (костяк 3), из комплекса 17 могильника Верхняя Рутха (Крупнов Е.И., 1960, рис.XLII,9,10), из могильника Нижняя Рутха (Верхняя Рутха по Е.И.Крупнову) из собрания П.С.Уваровой (Ува-

рова П.С., 1900, рис.CIV,1), из могильника Верхняя Рутха (Motzenbäcker I., 1996, Taf.28,8), из грабительского выкида на могильнике Гастон Уота, из погребения в с.Дзинага – 2 экз. (Тменов В.Х., 1980, рис.6,3,4). Размеры фибул варьируют от 9,5 на 7,5 см до 5,5 на 4,5 см. Толщина дуги составляет до 0,8 см. Исходя из датировок костяка 3 п.19 могильника Гастон Уота и Дзинагинского погребения, фибулы этого варианта можно датировать VI – началом IV в. до н.э.

Фибула маленького размера (рис.6,4) была найдена в п.15 могильника Гастон Уота. Размер фибулы составлял 2,2 на 2,2 см при диаметре стержня дуги 0,4 см. По комплексу фибула датируется концом V – началом IV в. до н.э.

Фибула с ложновитой дугой, отлитой по сложной восковой модели (подтип 2) (рис.6,5), была найдена в п.1 могильника Гастон Уота. Модель дужки фибулы была скручена из трех-

гранного в сечении воскового стержня. Размер фибулы составлял 3,8 на 3,2 см при диаметре дужки 0,5 см. По комплексу фибула датируется VI в. до н.э.

Фибул второй группы – со «змеевидной» дужкой (рис.6,б) – в выборке присутствует 2 экземпляра – оба из п.15 могильника Гастон Уота. Дужки обеих фибул имеют синусоидальную форму. Фибулы изготовлены из круглого в сечении стержня диаметром 0,4 см. Приемники фибул – треугольной формы, высотой до 3,5 см и шириной до 2 см, с внутренней стороны они украшены сходящимися кверху тремя пуансонными линиями. Размер фибул составляют 9–10 на 6,5 см.

Традиционно считалось, что данный тип фибул появляется в эпоху второго позднекобанского периода (Алексеева Е.П., 1949, с.214; Абрамова М.П., 1974, с.9). Находки данных экземпляров в комплексе, датируемом не позднее начала IV в. до н.э., удвояют дату появления этого типа фибул.

Сам факт появления в конце V – начале IV в. до н.э. принципиально нового типа застежек весьма характерен. Этот период, сохраняя в целом большинство традиций предыдущей эпохи, содержит в себе элементы перехода к следующему периоду – IV в. до н.э., по многим показателям отличному от V в. до н.э. Мы видели это на примере развития дигорских пряжек. Сходную картину мы сможем наблюдать и на примере булавок.

Булавки

Все булавки разделены нами на две группы в зависимости от материала, из которого они были изготовлены: бронзовые и железные. Внутри групп булавки разделены на типы по принципу оформления наверший. Деление на варианты производится в зависимости от формы и пропорций наверший.

Бронзовые булавки представлены семью типами: с лопатообразным пластинчатым навершием, со скрученным в трубочку краем последнего; с гвоздевидным навершием; с зооморфным навершием; с катушковидным навершием; с вазовидным навершием; с невыраженным навершием, покрытым нарезкой и с невыраженным уплощенным с боков навершием.

Булавки с лопатообразным пластинчатым навершием (тип 1), со скрученным в трубочку краем последнего, бытовали на протяжении

всего существования кобанской культуры. Для памятников позднекобанского времени по материалам восточного варианта кобанской культуры В.И.Козенкова отмечала отсутствие крупных булавок этого типа – 1 вариант X типа, по ее классификации (Козенкова В.И., 1982, с.58). Материалы Дигорского ущелья дают другую картину, что, впрочем, может быть объяснено местным своеобразием.

В могильнике Гастон Уота найдено семь булавок этого типа (рис.7,1–4). Они равномерно распределены между комплексами середины V – первой половины IV вв. до н.э.: погребениями 6, 7, 15, 19 и 20. Длина булавок – 15–16 см. Навершия булавок различаются по своим пропорциям. Пять булавок имеют навершия шириной от 1,0 до 1,6 см при длине от 3,5 до 4,5 см. Выделяются более широкие навершия двух булавок из п.19. У этих экземпляров ширина наверший достигает 2,2 см у булавки с навершием подпрямоугольной формы и 3,3 см у единственной в выборке булавки с навершием подтреугольной формы. Все булавки, кроме одной, неорнаментированы. Булавка из п.20 имеет на навершии орнамент из расположенных вертикально рядов бегущей спирали. По комплексу этот экземпляр датируется первой половиной IV в. до н.э. Булавка того же типа с идентичным орнаментом известна из Кумбултских могильников (Уварова П.С., 1900, рис.LXXXVII,2).

Сходная булавка обнаружена в п.3 могильника у с.Закуты (Крупнов Е.И., 1950, рис.30).

Булавки с гвоздевидным навершием (тип 2) (рис.7,5) были распространены среди погребений Тлийского могильника по преимуществу более раннего времени, чем интересующий нас период.

В нашей выборке присутствует только одна булавка этого типа, которую можно с уверенностью отнести к позднекобанскому времени. Это булавка из п.12 могильника Гастон Уота. У булавки небольшое гвоздевидное навершие и круглое отверстие под ним. Длина булавки – 9,5 см. По комплексу она датируется серединой V в. до н.э.

Булавки, навершия которых представляют собой различных животных (тип 3) (рис.7,6), хорошо известны из раннекобанских материалов. В нашей выборке присутствует только одна булавка этого типа, которую можно с уверенностью отнести к позднекобанскому времени. Это булавка из п.7 могильника Гастон Уота.

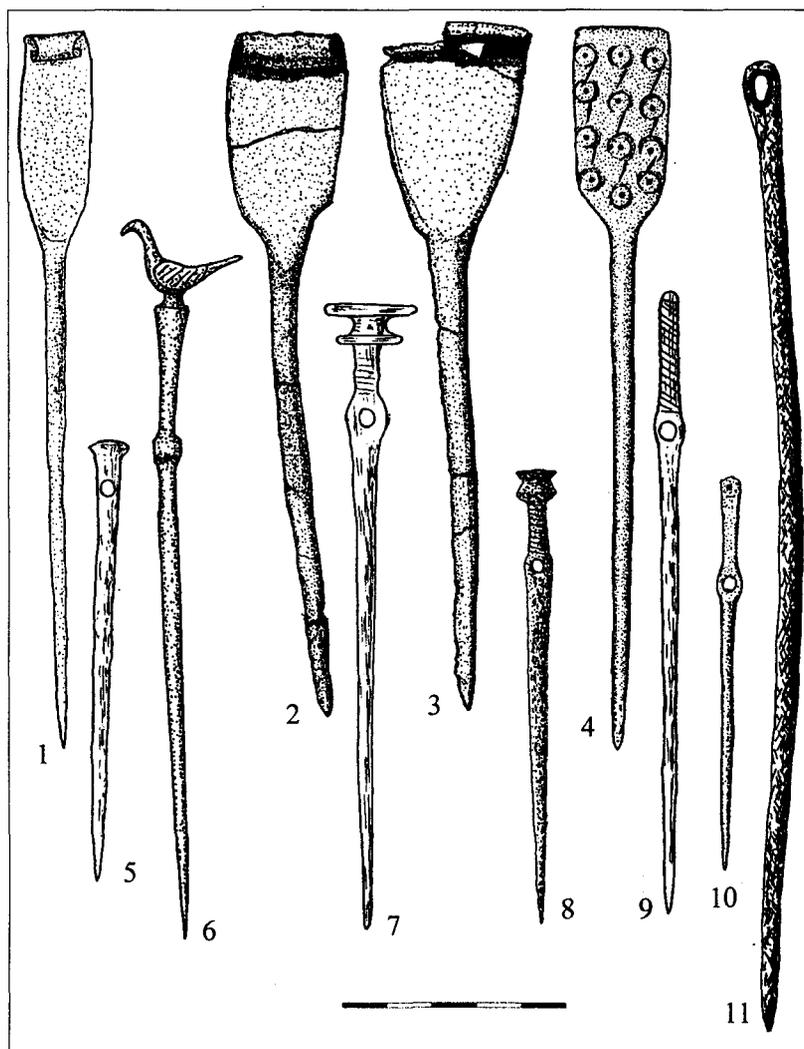

Рис. 7. Булавки. 1–10 – бронза; 1–4 – тип 1; 5 – тип 2; 6 – тип 3; 7 – тип 4; 8 – тип 5; 9 – тип 6; 10 – тип 7; 11 – железо, тип 2. Все – Гастон Уота; 1 – п.6; 2,3 – п.19; 4 – п.20; 5,9 – п.12; 6 – п.7; 7 – п.14; 8,10,11 – п.15

Навершие булавки имеет форму сидящей птицы с длинной шеей и немного приподнятым хвостом, крылья птицы покрыты штриховкой. На 3 см ниже навершия располагается круглое отверстие. Длина булавки – 16 см. По комплексу булавка датируется серединой V в. до н.э.

Для всех булавок с катушковидным навершием (тип 4) (рис.7,7) характерно спиралевидное или псевдоспиралевидное оформление стержня между навершием и круглым отверстием под ним.

Такие булавки известны из п.4 Северного кладбища Кобана в комплексе с круглой конической пряжкой (Алексеева Е.П., 1949, рис.П,5,6). М.П.Абрамова писала об их бытовании в первом позднекобанском периоде (1974, с.9). Интересно навершие булавки с утерянным

железным стержнем из п.2 могильника у с.Корца (ГИМ Б 1755/6), найденное в одном комплексе с браслетом с зооморфными уплощенными с боков концами.

В материалах могильника Гастон Уота известно два экземпляра булавок этого типа. Первая найдена в п.14 при костяке 1. Это булавка с крупным (до 2 см в диаметре) навершием. Нижнее основание «катушки» меньше верхнего. Длина булавки – 15,5 см. Вторая обнаружена в п.19 при костяке 1. У этой булавки основания одинакового размера (1 см). Длина булавки – 10 см. Обе булавки датируются по комплексам концом V – началом IV в. до н.э.

Надо отметить, что в опубликованном М.П.Абрамовой комплексе могилы 2 могильника Карца (1974, рис.Л,3), датированном ею

III–II вв. до н.э., наряду с булавкой данного типа присутствует браслет с уплощенными с боков зооморфными концами (тип IV, подтип I, вариант 3 по нашей классификации). Эти браслеты, безусловно, датируются V – началом IV вв. до н.э. и в комплексах могильника Гастон Уота также встречены вместе с булавками анализируемого типа.

Три булавки с вазовидным навершием (тип 5) (рис.7,8) обнаружены в п.15 могильника Гастон Уота. Для булавок этого типа также характерно спиралевидное или псевдоспиралевидное оформление стержня между навершием и круглым отверстием под ним. Длина булавок колеблется в пределах 10–11 см. Такие булавки известны из Северного кладбища Кобана (Алексеева Е.П., 1949, с.200, рис.XI,13) и из «погребений в колодцах» (тот же могильник) (Уварова П.С., 1900, рис.XLIII,6). Сходная булавка обнаружена в п.3 могильника у с.Закуты (Крупнов Е.И., 1950, рис.30). Булавки продолжают бытовать и во второй позднекобанский период (Абрамова М.П., 1974, с.10). В нашем случае булавки датируются по комплексу концом V – началом IV в. до н.э.

У булавок с невыраженным навершием, покрытым нарезкой (тип 6) (рис.7,9), стержень над круглым отверстием, расположенным в уплощенной части, покрыт спиралевидной или кольцевой нарезкой. Длина булавок – от 6,5 до 14 см. В нашей выборке присутствует пять булавок этого типа. Все они происходят из могильника Гастон Уота. Есть такие булавки и в музейных фондах, но определить, какие именно из них относятся к интересующему нас периоду не представляется возможным, поскольку булавки такого облика бытуют как в первом, так и во втором позднекобанском периоде (Алексеева Е.П., 1949, с.200). В могильнике Гастон Уота булавки данного типа встречены в погребениях начала V – первой половины IV в. до н.э. (погребения 9, 12, 15 и погребальный комплекс-«жертвенник»).

Нам известен только один экземпляр булавки с невыраженным уплощенным с боков навершием (тип 7) (рис.7,10), происходящий из п.15 могильника Гастон Уота. Под навершием располагается круглое отверстие, которое находится в одной плоскости со сторонами навершия. Длина булавки – 8,5 см. По комплексу булавка датируется концом V – началом IV в. до н.э.

Железные булавки представлены двумя типами: с веслообразным пластинчатым навер-

шием и без навершия, с закрученным в петлю концом.

Булавки с веслообразным пластинчатым навершием со скрученным в трубочку краем последнего (тип 1) выполнялись в подражание соответствующим бронзовым булавкам, но сделаны были, безусловно, по другой технологии, что и позволяет выделить их в отдельный тип. В.И.Козенкова относит обе разновидности булавок к 1 варианту типа X своей классификации, отмечая лишь, что железные экземпляры появляются на втором этапе бытования культуры (Козенкова В.И., 1982, с.58). В нашей выборке присутствует только один плохо сохранившийся экземпляр булавки этого типа в п.20 могильника Гастон Уота. По комплексу булавка датируется первой половиной IV в. до н.э.

Единственный экземпляр булавки без навершия с закрученным в петлю концом (тип 2) (рис.7,11) происходит из п.15 Гастон Уота. Длина булавки – 20 см. По комплексу булавка датируется концом V – началом IV в. до н.э.

Таким образом, мы видим, что на протяжении V в. до н.э. бытуют традиционные для кобанской культуры формы булавок: с веслообразным пластинчатым навершием, с гвоздевидным навершием, с зооморфным навершием и с невыраженным навершием, покрытым нарезкой. В конце V – начале IV в. до н.э. появляется ряд новых форм: с катушковидным навершием, с вазовидным навершием, невыраженным уплощенным с боков навершием. В эту же эпоху появляются и железные булавки без навершия, с закрученным в петлю концом. В первой половине IV в. до н.э. появляются железные булавки с веслообразным навершием.

Появление украшений и аксессуаров, изготовленных из железа, для Дигории маркирует переходный период, начинающийся в конце V в. до н.э. Появление новых типов булавок также неслучайно. Параллельно с этим появляются новые типы фибул. По всей Дигории стабильно присутствует последний вариант дигорских пряжек. Распространяются новые типы браслетов (Мошинский А.П., 1999). Причем многие из этих типов украшений и аксессуаров будут типичными для 2 позднекобанского периода – эпохи, когда четко обозначится сарматское влияние, исчезнут из употребления дигорские пряжки, дуговидные фибулы и многие другие типы предметов, являющихся для нас маркерами кобанской культуры в Дигории.

Литература

- Абрамова М.П., 1974. Памятники горных районов Центрального Кавказа рубежа и первых веков нашей эры (по материалам Северной Осетии и Кабардино-Балкарии) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М.
- Алексеева Е.П., 1949. Позднекобанская культура Центрального Кавказа // Ученые записки ЛГУ. Сер. ист. наук. Вып.13, Л.
- Артамонова-Полтавцева О.А., 1950. Культура Северо-Восточного Кавказа в скифский период // СА. Т.XIV. М.–Л.
- Виноградов В.Б., 1972. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный.
- Виноградов В.Б., Шкурко А.И., 1963. О некоторых предметах скифского звериного стиля из Центрального Предкавказья в скифское время // Сборник докладов на VI и VII Всесоюзных археологических студенческих конференциях. М.
- Журавлев Д.В., Мошинский А.П., 1994. Поясные пряжки из могильника Гастон Уота // РА. № 1.
- Канторович А.Р., 1996. «Летящие» и лежащие олени в искусстве звериного стиля степной Скифии // Историко-археологический альманах. Вып.2. Армавир–М.
- Козенкова В.И., 1982. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант // САИ В2-5. М.
- Козенкова В.И., 1990. Хронология кобанской культуры: достижения, опыт уточнения, нерешенные проблемы // СА. № 3.
- Крупнов Е.И., 1950. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 году // Кабардинский НИИ. Ученые записки. Т.V. Нальчик.
- Крупнов Е.И., 1960. Древняя история Северного Кавказа. М.
- Мошинский А.П., 1997. Взаимосвязь населения горных районов Северного Кавказа со скифами (по дигорским материалам) // РА. № 3.
- Мошинский А.П., 1999. Браслеты из могильника Гастон Уота (Северная Осетия) // Древности Северного Кавказа. М.
- Мошинский А.П., Переводчикова Е.В., 1998. Скифский звериный стиль в кобанских могильниках Дигории // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. VII Донская археологическая конференция. Тезисы докладов. Ростов-на-Дону.
- Мошинский А.П., Переводчикова Е.В., в печати. Скифский звериный стиль в кобанских могильниках Дигории // Труды ГИМ.
- Сланов А.Х., 1989. Железный век на территории Южной Осетии. Цхинвали.
- Техов Б.В., 1977. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н.э. М.
- Техов Б.В., 1980. Скифы и Центральный Кавказ в VII–VI вв. до н.э. М.
- Техов Б.В., 1985. Тлийский могильник, III (комплексы второй половины VII в. до н.э.). Тбилиси.
- Техов Б.В., 1988. Бронзовые топоры тлийского могильника. Тбилиси.
- Тменов В.Х., 1980. Новые археологические памятники на территории Северной Осетии // Вопросы осетинской археологии и этнографии. Вып.1. Т.XXXVI. Орджоникидзе.
- Уварова П.С., 1900. Могильники Северного Кавказа // МАК VIII. М.
- Урушадзе Н., 1984. Бронзовая летопись древней Грузии. Тбилиси.
- Abramichvili R., 1973. La nécropole de Samthavro et la chronologie des civilisations archéologiques du bronze récent et du début du fer au Caucase // Actes du VIII congrès international des sciences préhistoriques et protohistoriques. Beograd.
- Motzenbäcker I., 1996. Sammlung Kossnierska. Der digorische formenkreis der kaukasischen bronzezeit // Museum für-und Frühgeschichte, Bestandskataloge, Band 3. Berlin.

НОВЫЙ ПОЗДНЕКОБАНСКИЙ КОМПЛЕКС ИЗ ГОРНОЙ ЧЕЧНИ¹

В 2002 г. самарские спецназовцы, вернувшиеся из командировки в Чеченскую республику, продали в Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В.Алабина комплекс бронзовых предметов, обнаруженный ими в Веденском районе, скорее всего вблизи сел.Ведено. В это же время в Самаре оказался ещё один близкий комплекс, но, к сожалению, получить или увидеть его нам не удалось.

В комплекс входят 5 предметов. Это трапециевидная бляха, ажурная бляха, умбоновидная бляха, дугообразная фибула и браслет. Характер окисления предметов несколько различается.

1. Трапециевидная бляха (шифр хранения 22671/5) (рис.1,1). Бляха представляет собой немного вогнутую пластину трапециевидной формы размерами 102×86 мм и толщиной 1,2 мм с прогнутыми боковыми сторонами, выгнутой нижней стороной и закругленным верхним краем. Вдоль верхней стороны находилось четыре отверстия, вдоль нижней – тринадцать. Верхние и нижние отверстия имеют различный диаметр. Над нижней стороной размещен ряд из пятнадцати округлых выпуклостей, под верхней – ряд из девяти округлых выпуклостей. Вдоль боковых сторон проходит валик, украшенный веревочным орнаментом. На основном поле бляхи в три ряда помещены девять свастикообразных знаков, по три в каждом ряду. Центр каждой свастики выделен округлой выпуклостью, такие же выпуклости находятся между серповидно загнутыми концами свастик.

2. Дугообразная фибула (шифр хранения 22671/4) (рис.1,2). Фибула достаточно массивна, имеет полуовальную форму, размеры 66×52 мм, отличается сильно расширенной дужкой уплощенного подовального сечения толщиной 9 мм и сильно расширенным приемником. Дужка украшена пятью группами поперечных концентрических насечек. По приемнику фибулы от окончания дужки вниз проходит небольшое ребро.

3. Ажурная бляха (шифр хранения 22671/3) (рис.1,3). Бляха имеет округлую форму, размеры 65×64 мм, толщину 1 мм, по внешнему краю окаймлена тремя рядами веревочного орнамента. В центре размещена также окаймленная веревочным орнаментом округлая выпуклость, на обратной стороне которой находится петля. Центральная выпуклость соединена с внешней дугой пятью перекладинами, каждая из которых украшена двумя рядами веревочного орнамента. Попеременно с ними размещены ещё пять перекладин другого типа. Они представляют из себя ажурные треугольники из полосок веревочного орнамента, обращенные вершиной к центру бляхи, а между внешней дугой и основанием треугольников находятся округлые выпуклости. Бляха имеет незначительные дефекты, часть из которых, особенно на перекладинах с двумя рядами веревочного орнамента, можно отнести не к механическим повреждениям, а к литейному браку.

4. Умбоновидная бляха (шифр хранения 22671/2) (рис.1,4). По внешнему краю конусовидной бляхи размерами 52×50,5 мм и толщиной 1,2 мм проходит пояс из пяти двойных и одной тройной спирали. Изображение тройной спирали связано, вероятно, с наличием свободного места, которое мастеру необходимо было заполнить. На обороте бляхи находится петля.

5. Браслет (шифр хранения 22671/1) (рис.1,5). Браслет размерами 59×51 мм имеет ромбическое сечение прута толщиной 3 мм, гладкую поверхность и сильно расходящиеся заостренные неорнаментированные концы.

Трапециевидная бляха относится к VIII типу по В.И.Козенковой (Козенкова В.И., 1982, с.56, табл.XXXIII,12,13), но отличается от опубликованных на настоящий момент экземпляров орнаментом из свастикообразных знаков и крупными размерами. Размеры известных блях этого типа – 3,5×5 см, 5,5×7 см, 7,2×8,5 см. Размер нашей бляхи – 5,7–8,6×10,2 см. Публикуемая нами бляха имеет более вытянутые пропорции, чем большинство известных нам её аналогов. Близок к ней по пропорциям только

¹ Статья подготовлена к печати при финансовой поддержке «Фонда содействия отечественной науке», которому мы и выражаем искреннюю признательность.

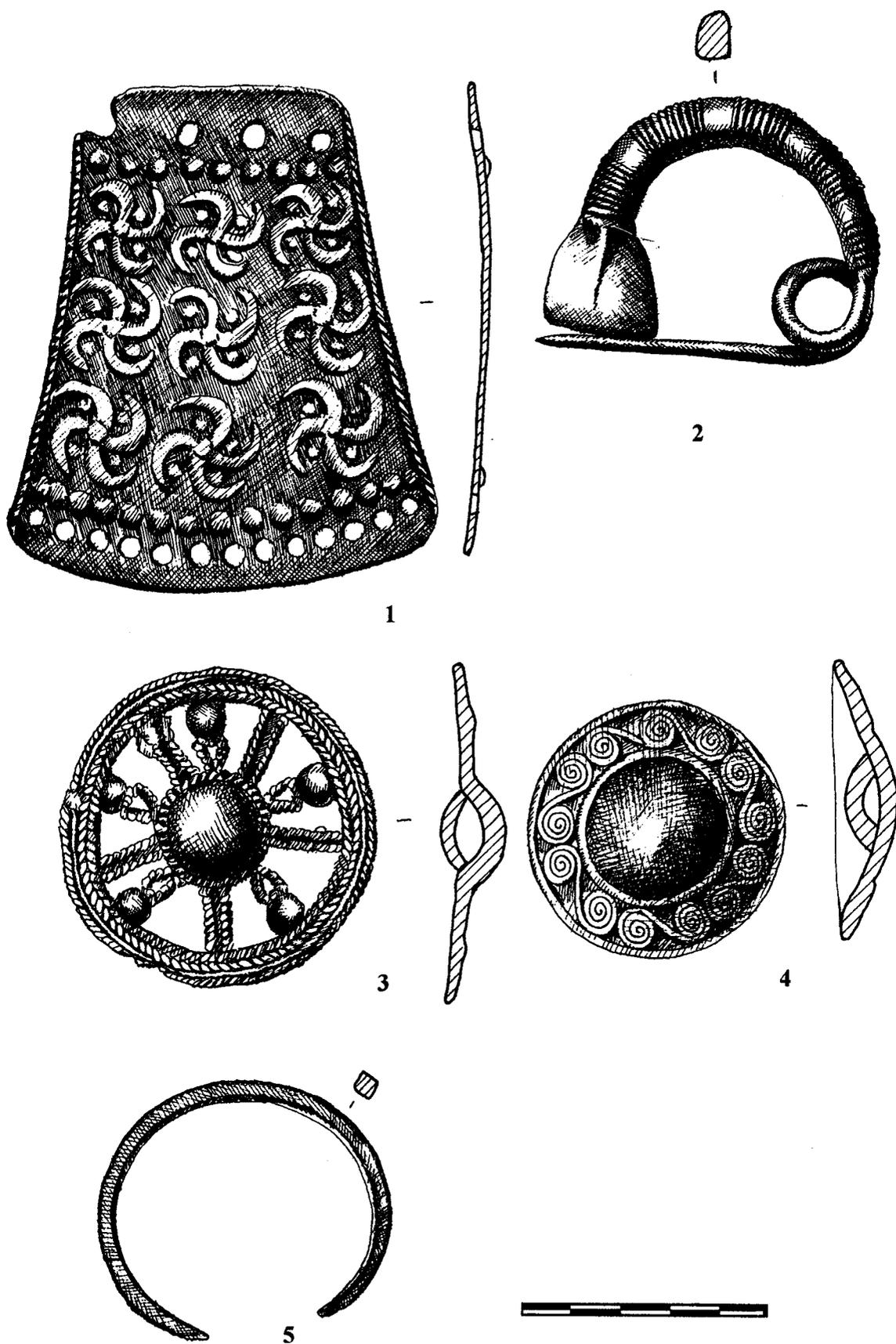

Рис. 1. Комплекс из района Введено

экземпляр из п.20 могильника Исти-су (Артамонова-Полтавцева О.А., 1950, рис.17,2). Свастикообразный орнамент хорошо известен в позднекобанских памятниках региона, будучи представлен на двувальных бляхах из Лугового могильника (Козенкова В.И., 1982, табл.XXXII,17) и зооморфных бляхах из Галайтинского могильника (Багаев М.Х., Козенкова В.И., 1978). Трапециевидные бляхи, украшенные орнаментом из рядов округлых выпуклостей или двойных спиралей, были найдены в крепости Воздвиженской (комплекс 1850 г.), в комплексе из сел.Хатуни (коллекция Н.С.Семенова), в предполагаемом комплексе из Ца-Ведено и в п.20 могильника Исти-су. Обломок аналогичного предмета содержится и в комплексе 1983 г. из сел.Элистанжи. Во всех этих случаях трапециевидные бляхи были найдены вместе с птицеобразными пряжками (бляхи «типа Исти-су»). Не исключено, что и в состав публикуемого комплекса входила птицеобразная пряжка, по какой-либо причине не переданная в музей.

К трапециевидным бляхам, как уже обращала внимание В.И.Козенкова (1982, с.60), по форме и декору близки треугольные подвески к фибулам, украшенные обычно спиральным орнаментом. Вероятно, трапециевидные бляхи и треугольные подвески синхронны. Об этом свидетельствует и находка фибулы с такой подвеской в п.58 (122) Лугового могильника вместе с обломками птицеобразной пряжки (Мунчаев Р.М., 1963, рис.24,1-3).

Фибулы, аналогичные публикуемой нами, хорошо известны в синхронных памятниках данного региона и относятся к третьей или пятой группам фибул по В.И.Козенковой, датируемым ею VI-V вв. до н.э. (Козенкова В.И., 1982, с.59, табл.XXXVII,7,8). Они найдены в целом ряде погребений Лугового могильника, в погребениях 11 и 20 могильника Исти-су, в крепости Воздвиженской (коллекция Н.Н.Муравьева-Карского), в комплексе из Ца-Ведено, в комплексе 1967 г. из Шали, в курганах 1, 7 и 8 раскопок 1900 г. Урус-Мартановского могильника (Бойси-Ирзо), в селениях Мужичи, Алды, Ведено, Шали, близ Урус-Мартана (1888), в городе Грозный. Экземпляры из крепости Воздвиженской и п.58 (122) Лугового могильника были найдены вместе с птицеобразными пряжками (Артамонова-Полтавцева О.А., 1950, с.50, рис.25,2;35; Козенкова В.И., 1973, с.153; Мунчаев Р.М., 1963, рис.24,1). Как представляется, наша фибула относится к относительно поздним, отличаясь от более ранних своей массивностью.

Ажурная бляха не имеет полных аналогий, относительно близки к ней экземпляры из Ведено, из окрестностей селений Гордали и Курен-Беной (Петренко В.А., 1984, рис.1,3;3,5,6) и из склепа у сел.Галайты, отнесенного к V в. до н.э. (Козенкова В.И., 1982, с.55, табл.XXXIII,10). По своей форме, являясь практически плоской с округлым выступом в центре, она напоминает бляху из клада Второго Бельтинского могильника, украшенную, как и умбоновидная бляха из нашего комплекса, двойными спиралями (Виноградов В.Б., 1986, рис.7). Типологически близкие ажурные бляхи, средняя часть которых также окружена веревочным орнаментом, происходят из погребения в с.Элистанжи (1982 г.) и п.2, к.6 у с.Китаевка на Ставрополье (Козенкова В.И., Багаев М.Х., 1991, рис.1,1,2; Коренько В.А., Найдено А.В., 1977, рис.4). В.И.Козенкова и М.Х.Багаев датируют эти комплексы IV-III вв. до н.э. (Козенкова В.И., Багаев М.Х., 1991, с.29). В.А.Петренко предложил для них термин «барельефно-ажурные». По его мнению, территория распространения таких блях не совпадает с районом находок птицеобразных пряжек («типа Исти-су») и, соответственно, эти украшения использовались различными группами населения (Петренко В.А., 1984, с.41). На наш взгляд, это утверждение не совсем соответствует истине. В сел.Хатуни и Ялхой-Мохкском могильнике (Вольная Г.Н., 2002, с.14, рис.20,4) найдены как прямоугольные «барельефно-ажурные» бляхи, так и птицеобразные пряжки «типа Исти-су». В этом же районе находятся селения Ца-Ведено, Элистанжи и Хорочой, где также найдены птицеобразные пряжки.

Умбоновидная бляха относится к VI типу по В.И.Козенковой (Козенкова В.И., 1982, с.55, табл.XXXIII,4,7,9) и находит многочисленные аналогии в памятниках Центрального и Северо-Восточного Кавказа скифской эпохи. Особенно такие бляхи типичны для Чечни и Дагестана, где в великолепном комплексе из сел.Чадаколюб представлены наиболее яркие их разновидности, украшенные не только несколькими рядами орнамента из двойной спирали, но и рельефными зооморфными изображениями (Доманский Я.В., Пиотровский Ю.Ю., 1981; 1984). Наиболее близкие аналогии нашей бляхе известны в погребениях 10 и 20 могильника Исти-су, хотя бляха из п.20 украшена дополнительной шишечкой (Артамонова-Полтавцева О.А., 1950, с.32,44, рис.17,1;45,2), а также: в обнаруженном в 1961 г. пред-

полагаемом комплексе из сел. Шуаны (Козенкова В.И., 1977, с.49, табл. XXIV, 6), в найденном в 1958 г. не вполне достоверном комплексе из Старых Атагов (Козенкова В.И., 1977, с.54), в п.7 Ножай-юртовского могильника (Козенкова В.И., 1982, табл. XXXIII, 7), в Луговом могильнике (Козенкова В.И., 1982, с.55, табл. XXXIII, 9). В.И. Козенкова датирует такие бляхи VI–IV вв. до н.э. Умбоновидная бляха была найдена и в комплексе 1850 г. из Воздвиженской вместе с птицеобразной пряжкой и трапециевидной бляхой.

О.А. Артамонова-Полтавцева предположила, что птицеобразные бляхи, которые она считала пряжками, трапециевидные бляхи и умбоновидные бляхи входили в состав поясного набора. То, что изображения животных на птицеобразных бляхах в случае ношения такого пояса будут повернуты боком, и также сбоку будет размещена умбоновидная бляха с её солярной символикой, было объяснено ею тем, что пояс, имевший ритуальное значение, большую часть времени висел в вертикальном положении, будучи рассчитан на восприятие именно в таком виде. В.И. Козенкова усомнилась в справедливости данной реконструкции и отнесла птицеобразные бляхи к парадным нагрудникам, исходя из композиционного расположения изображений на них и наличия свисающих цепочек (Козенкова В.И., 1973, с.156, 157). На наш взгляд, аргументы В.И. Козенковой в данном случае не являются убедительными. Птицеобразные украшения вписываются в целую серию позднекобанских поясных пряжек, у которых изображения животных (кстати, обычно также парные) размещены боком. Таким же образом размещены изображения животных и у нескольких пряжек «дигорского типа» V в. до н.э., для которых характерно крепление с поясом с помощью цепочек (Журавлев Д.В., Мошинский А.П., 1994, с.157, рис. 1; Мошинский А.П., 1997, с.41, рис. 4, 2–4). Промежуточное положение между птицеобразными и обычными позднекобанскими пряжками занимают пряжки из района Майртупа и из пос. Комсомольский Наурского района Чечни, также имеющие птицеобразную форму, скругленные боковые стороны, образующие «крылья», отверстия только в средней части прогнутого нижнего края, цепочки (у майртупской пряжки) и сильно выделенный крюк. Только «размах крыльев» у этих пряжки меньше, и лицевая сторона у них лишена какого-либо декора (Виноградов В.Б., 1981, рис. 2; Дударев С.Л., 1991, табл. 45, 1). Наличие

крюка на одной стороне и отверстий на противоположной делают отнесение птицеобразных украшений к пряжкам практически бесспорным. Этому не противоречат условия находки фрагмента птицеобразного украшения в п. 58 (122) Лугового могильника, где оно было обнаружено в районе пояса погребенного (Мунчаев Р.М., 1963, рис. 25, 1). Единственным весомым аргументом в пользу отнесения птицеобразных украшений к нагрудным бляхам является упоминание об её положении в комплексе из Воздвиженской (коллекция Н.Н. Муравьева-Карсского) на груди погребенного (Козенкова В.И., 1982, с.56). Впрочем, даже если это и так, парадно-ритуальный пояс мог быть положен сверху на погребенного. В некоторых комплексах Тлийского могильника (к примеру, в п. 413) пояс с пряжкой также находился в области груди погребенного (Техов Б.В., 2002, с.43, табл. 86).

Трапециевидные бляхи, имеющие отверстия с двух сторон, также, возможно, использовались в составе поясного набора, занимая в нём второстепенное положение. Отнесение же к поясному набору умбоновидных и ажурных блях с петлей на обороте вызывает у нас сомнения, по крайней мере, для них не характерно расположение в погребении в районе пояса костяка. Вероятно, они являлись нагрудными украшениями или входили в состав головного убора. В пользу последнего свидетельствует находка аналогичной бляхи под черепом погребенного в п. 10 могильника Исти-су (Артамонова-Полтавцева О.А., 1950, с.32).

Как правило, птицеобразные пряжки (за исключением более поздних подражаний) и часто сопутствующие им трапециевидные бляхи датируются в рамках VI–V вв. до н.э. О.А. Артамонова-Полтавцева датировала птицеобразные пряжки VI в. до н.э., а могильник Исти-су в целом – VI–V вв. до н.э. (Артамонова-Полтавцева О.А., 1950, с.98, 100). В.Б. Виноградов отнес погребение 1967 г. из Шали к концу VI – началу V вв. до н.э. (Виноградов В.Б., 1970, с.208). В.И. Козенкова датировала комплексы из селений Ца-Ведено и Лермонтов-юрт VI–V вв. до н.э. (Козенкова В.И., 1973, с.153; Козенкова В.И. и др., 1975, с.114). В.Б. Виноградов предложил для комплекса из сел. Лермонтов-юрт более узкую дату – «не ранее конца VI в. до н.э., но, вероятнее всего, V в. до н.э.», синхронизировав с ним погребение из Ца-Ведено (Виноградов В.Б., 1981, с.58). С.Л. Дударев, Х.М. Мамаев и З.И. Хасбулатова отнесли птицеобразные пряжки к VI–V

вв. до н.э., а комплекс из Элистанжи датировали VI в. до н.э. (Дударев С.Л. и др., 1987, с.12).

В большинстве случаев узкие абсолютные даты для комплексов с птицеобразными пряжками не предлагаются. Относительная хронология для самих пряжек строится исключительно на основании их стилистического анализа. Поэтому две существующие схемы развития птицеобразных пряжек кардинально отличаются друг от друга. Согласно схеме, предложенной О.А.Артамоновой-Полтавцевой, развитие пряжек шло по пути увеличения их ширины, когда увеличивалось расстояние между крючком и вершинами боковых крыльев (Артамонова-Полтавцева О.А., 1950, с.80–84). Напротив, по мнению С.Л.Дударева и ряда других исследователей, самыми ранними были широкие пряжки, а у более поздних экземпляров ширина и высота становятся одинаковыми. Это мнение, учитывая характер поздних подражаний птицеобразным пряжкам (Багаев М.Х., 1973), представляется нам более обоснованным. Тем не менее хронологические построения были бы более убедительны в случае подтверждения стилистического анализа пряжек рассмотрением материала, сопутствующего им.

Для более дробной датировки комплексов с птицеобразными пряжками и трапециевидными бляхами, на наш взгляд, было бы целесообразно использовать обычно присутствующие в них бронзовые браслеты. Для этого можно применить разработанную А.П.Мошинским (1999) типологию браслетов позднекобанского могильника Гастон Уота (Дигорское ущелье Северной Осетии), привязанную им к схеме относительной и абсолютной хронологии.

В этом случае наиболее ранними будут: комплекс из сел.Лермонтов-юрт (1974 г.), п.58 (122) Лугового могильника и предполагаемый комплекс 1967 г. из Шали. В первом из них найден массивный овальный в сечении браслет с орнаментированными, вероятно, зооморфными, концами (Козенкова В.И. и др., 1975, с.113,114). Такие браслеты выделены А.П.Мошинским в вариант 1 подтипа 3 типа 1 подраздела 1 раздела 1 и датированы второй половиной VI в. до н.э. (Мошинский А.П., 1999, с.137,144, рис.2,1). В п.58 (122) Лугового могильника найдены массивные округлые в сечении браслеты с зооморфными концами и рифленой поверхностью (Мунчаев Р.М., 1963, рис.25,6,7). Такие экземпляры А.П.Мошинский относит к варианту 2 подтипа 3 типа 1 подраздела 1 раздела 1 и дати-

рует второй половиной – концом VI в. до н.э., не позднее рубежа VI–V вв. до н.э. (Мошинский А.П., 1999, с.138,143,144, рис.2,2). Аналогичный браслет обнаружен и в погребении 1967 г. из Шали (Виноградов В.Б., 1970, рис.2,5). К немного более позднему времени относится комплекс из Ца-Ведено, содержащий браслеты округлого сечения небольшого диаметра с зооморфными концами и рифленой внешней поверхностью (Козенкова В.И., 1973, рис.2,6,7). Такие браслеты, согласно А.П.Мошинскому, выделяются в вариант 2 подтипа 1 типа 1 подраздела 1 раздела 1 и датируются концом VI – первой половиной V вв. до н.э. (Мошинский А.П., 1999, с.137,144, рис.1,6,7).

Браслет из публикуемого нами комплекса относится, по А.П.Мошинскому, к типу 2 группы 1, подраздела 2 раздела 1 и датируется концом V – началом IV вв. до н.э. (Мошинский А.П., 1999, с.139,144, рис.5,5). Приблизительно на это же время указывают фибула, отличающаяся от более ранних экземпляров, и ажурная бляха, подобные которой появляются не ранее V в. до н.э. К этому же периоду мы относим комплекс из Элистанжи, содержащий обломок проволочного браслета (с толщиной проволоки 0,3 см) с заостренным концом (Дударев С.Л. и др., 1987, рис.1,4), типологически близкий публикуемому нами браслету. Комплекс из Элистанжи содержит также браслет уплощенно-треугольного сечения, покрытый гравированным орнаментом (Дударев С.Л. и др., 1987, рис.1,2,26), но в отличие от публикаторов этой находки, мы не видим оснований датировать его рубежом VII–VI – V вв. до н.э. (Дударев С.Л. и др., 1987, с.11,12). Действительно, браслеты треугольного сечения характерны для доскифского периода, но они всегда лишены орнаментации. Браслеты, аналогичные экземпляру из Элистанжи, известны в Дигорском ущелье Северной Осетии, но, к сожалению, среди депаспортизованного материала (Motzenbacher I., 1996, Taf.15,2). На наш взгляд, все пластинчатые браслеты, украшенные гравированным орнаментом в виде зигзагов, треугольников или спиралей, относятся к позднекобанскому времени и появляются не ранее V в. до н.э.

С комплексом из Элистанжи мы синхронизируем п.20 могильника Исти-су. Как уже отмечалось исследователями, они сближаются по височным кольцам в один оборот (Дударев С.Л. и др., 1987, с.11). В п.20 из Исти-су найдены проволочные спиральные браслеты в 6,5 витков (Артамонова-Полтавцева О.А., 1950,

рис.17,4). Типологически к ним близки проволочные браслеты с обрубленными концами, закрученные в 2,5 оборота, выделенные А.П.Мошинским в тип 1 подгруппы 2 группы 2 подраздела 2 раздела 1 и датированные им концом V – началом IV вв. до н.э. (Мошинский А.П., 1999, с.139,144, рис.5,8).

Таким образом, анализ браслетов из комплексов, содержащих птицеобразные пряжки, в целом подтверждает схему их стилистического развития, предложенную С.Л.Дударевым и его

соавторами (1987). Комплекс из сел.Лермонтов-юрт мы датировем второй половиной VI в. до н.э., п.58 (122) из Лугового могильника и комплекс из Шали – второй половиной – концом VI в. до н.э., комплекс из Ца-Ведено – концом VI – первой половиной V вв. до н.э., комплекс из Элистанжи и п.20 могильника Исти-су – концом V – началом IV вв. до н.э. Публикуемый нами комплекс из района Ведено вписывается в общий контекст этих памятников и также датируется концом V – началом IV вв. до н.э.

Литература

- Артамонова-Полтавцева О.А., 1950. Культура Северо-Восточного Кавказа в скифский период // СА. XIV.
- Багаев М.Х., 1973. Раннесредневековые птицевидные бляхи из Дайского могильника // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.
- Багаев М.Х., Козенкова В.И., 1978. Бронзовые бляхи из Галайтинского могильника (Чечено-Ингушетия) // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.
- Виноградов В.Б., 1970. Новые комплексы скифского времени из Чечено-Ингушетии // СА. № 3.
- Виноградов В.Б., 1981. Новое о бляхах «типа Исти-Су» // Памятники эпохи раннего железа и средневековья Чечено-Ингушетии. Грозный.
- Виноградов В.Б., 1986. Клад Второго Бельтинского могильника // КСИА. Вып.186.
- Вольная Г.Н., 2002. Прикладное искусство населения Притеречья середины I тысячелетия до н.э. Владикавказ.
- Доманский Я.В., Пиотровский Ю.Ю., 1981. Новый археологический комплекс бронзовых вещей из Дагестана // Контакты и взаимодействия древних культур. Краткие тезисы докладов научной конференции отдела истории первобытной культуры (к 50-летию отдела). Государственный Эрмитаж. Л.
- Доманский Я.В., Пиотровский Ю.Ю., 1984. Археологический комплекс бронзовых вещей из Дагестана // СГЭ. Вып.49. Л.
- Дударев С.Л., 1991. Очерк древней истории Чечено-Ингушетии. Грозный. 1991.
- Дударев С.Л., Мамаев Х.М., Хасбулатова З.И., 1987. Новые находки скифского времени из селений Элистанжи и Майртуп // Новые материалы по археологии и этнографии Чечено-Ингушетии. Грозный.
- Журавлев Д.В., Мошинский А.П., 1994. Поясные пряжки из могильника Гастон Уота в Северной Осетии // РА. № 1.
- Козенкова В.И., 1973. Предметы из Ца-Ведено (Чечено-Ингушетия) середины I тысячелетия до н.э. // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.
- Козенкова В.И., 1977. Кобанская культура. Восточный вариант // САИ. Вып.В2-5. М.
- Козенкова В.И., 1982. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант // САИ. Вып.В2-5. М.
- Козенкова В.И., Багаев М.Х., 1991. О некоторых чертах сакральной воинской атрибутики в позднекобанской культуре // СА. № 4.
- Козенкова В.И., Кантемиров Э., Череповская О.В., 1975. Работы Северо-Кавказского отряда // АО-1974. М.
- Кореняко В.А., Найденко А.В., 1977. Погребения раннего железного века в курганах на р.Томузлавке // СА. № 3.
- Мошинский А.П., 1997. Взаимосвязь населения горных районов Северного Кавказа со скифами (по дигорским материалам) // РА. № 3.
- Мошинский А.П., 1999. Браслеты из могильника Гастон Уота (Северная Осетия) // Древности Северного Кавказа. М.
- Мунчаев Р.М., 1963. Луговой могильник (исследования 1956–1957 гг.) // Древности Чечено-Ингушетии. М.
- Петренко В.А., 1984. Бронзовые барельефно-ажурные бляхи скифского времени юго-восточной Чечни // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный.
- Техов Б.В., 2002. Тайны древних погребений: археология, история, этнография. Владикавказ.
- Motzenbacher I., 1996. Sammlung Kossnierska. Der digorische Formenkreis der kaukasischen Bronzezeit. Berlin.

ДВЕ КАТАКОМБЫ САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ У СТ. ЧЕРНОЯРСКАЯ В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ

В 1986 г. Северо-Осетинским отрядом КАЭ ГМИНВ у ст. Черноярская Моздокского района Северной Осетии были раскопаны три кургана. Основные погребения этих курганов относились к бронзовому веку, но содержали и более поздние впускные захоронения. В данной публикации мы остановимся только на двух впускных катакомбных захоронениях (погребения 7 и 11) относящихся к сарматскому времени. Эти погребения были обнаружены в к. 1.

Погребение 7 (рис. 1, 1) находилось в 1 м к северу и в 4 м к западу от центрального репера (ЦР). Оно было обнаружено на глубине -118 от ЦР по пятну входной ямы темного цвета. Входная яма катакомбы прямоугольной формы была ориентирована по линии восток-запад, ее длина - 2,55 м, ширина - 0,83 м, глубина - 1,1 м. Дно входной ямы наклонно понижается с востока на запад, т.е. в сторону камеры, стенки вертикальные. Камера была вырыта в западной стене входной ямы. При переходе из входной ямы к камере имелась ступень высотой 0,25 м. Дно камеры слегка понижается к западу. Камера, вытянутой овальной формы, была ориентирована по линии восток-запад с очень небольшим отклонением к северу. Таким образом, длинные оси входной ямы и камеры лежали на одной прямой. Свод камеры полуцилиндрический. Длина камеры - 3 м, ширина - 1 м, высота - от 0,4 м до 0,8 м.

Костяк взрослого человека лежал вытянуто на спине в противоположной от входа стороне, головой на запад, т.е. по длинной оси камеры. Ноги погребенного вытянуты, правая рука согнута в локте, кисть - у левого предплечья, левая рука вытянута вдоль тела, кисть - у таза. У правой стопы были обнаружены гончарные сосуды: чернолощенный кувшин (рис. 1, 2) украшенный пролощенным орнаментом с четко выраженным приподнятым сливом, высоким горлом, шаровидным туловом, плоским дном и небольшой петлевидной ручкой в верхней части тулова (выс. - 30 см, дм. венчика - 13,7 см, дм. тулова - 21 см, дм. дна - 10,2 см); серолощенная миска (рис. 1, 3) с отогнутым наружу венчиком, кониче-

ским туловом и плоским дном, на тулове под венчиком имеются два горизонтально расположенных отверстия, связанных с ремонтом сосуда (выс. - 8,1 см, дм. венчика - 27,8 см, дм. тулова - 26,5 см, дм. дна - 11,3 см); сероглиняная кружка (рис. 1, 4) со слабовыраженным венчиком, коническим туловом, плоским дном, петлевидной ручкой на середине тулова и украшенной орнаментом (выс. - 12,8 см, дм. венчика - 9,4, дм. тулова - 13 см, дм. дна - 9 см). В миске и рядом с ней обнаружены кости крупного рогатого скота. На груди погребенного - бронзовая литая восьмеркообразная портупейная пряжка с неподвижным боковым язычком (рис. 1, 5). Слева от костяка (от черепа до голени) лежала деревянная плаха, еще один фрагмент плахи был обнаружен между колен. Под костяком - тлен от подстилки коричневого цвета, скорее, всего, от войлока.

Погребение 11 (рис. 2, 1) находилось в 4 м к северу и в 4 м к западу от центрального репера (ЦР). Оно было обнаружено на глубине -180 по пятну входной ямы серого цвета. Входная яма катакомбы, прямоугольной формы с закругленными углами, была ориентирована по линии восток-запад, ее длина - 2 м, ширина - 1 м, глубина - 1,06 м от прослеженного уровня входной ямы. Дно входной ямы наклонно понижается с запада на восток на расстояние 0,8 м, т.е. почти до середины камеры, где имеется одна поперечная ступень высотой 0,3 м. Далее дно входной ямы горизонтальное, плавно переходящее в дно камеры, стенки вертикальные. Камера была вырыта в восточной стене входной ямы. Границы камеры проследить не удалось, так как она была вырыта в слое материкового песка, которым и была заполнена камера до расчистки. Судя по положению костяка, камера была ориентирована по линии восток-запад, т.е. лежала на одной оси с входной ямой. Свод камеры - плоский горизонтальный потолок, высота камеры - от 0,5 м.

Костяк взрослого человека лежал вытянуто на спине, головой на запад, т.е. в сторону камеры. Ноги погребенного вытянуты, правая рука согнута в локте, кисть - на тазе, левая рука вытянута

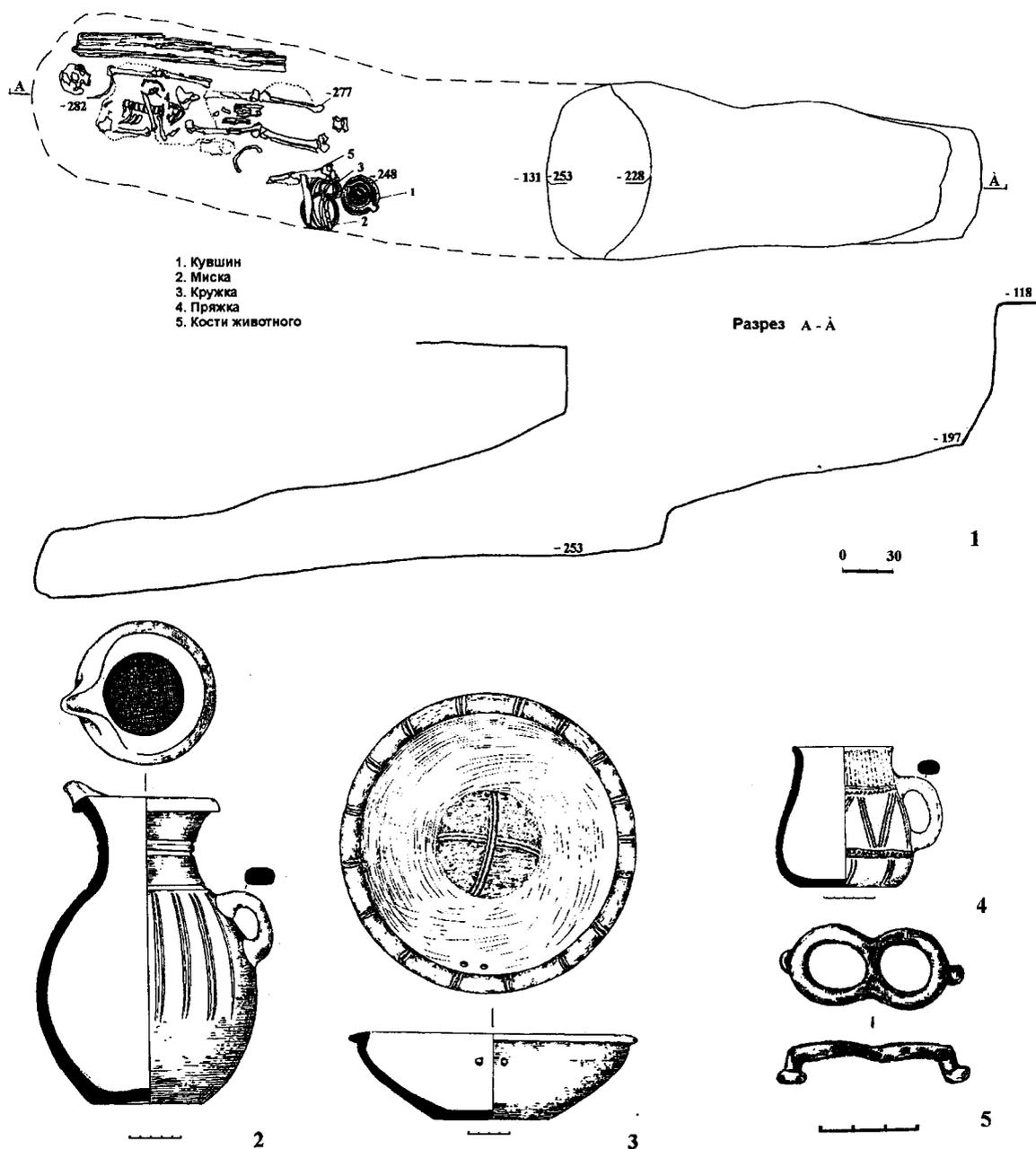

Рис. 1. Погребение 7

вдоль тела, кисть – под тазом. Справа от костяка, на уровне таза и локтя лежали кости барана, среди которых найден железный серповидный нож (рис.2,3) с обломанным черенком (дл. – 14 см, шир. – 1,6 см) и сероглиняный кувшин (рис.2,2) со слегка отогнутым венчиком, шаровидным туловом, плоским дном и петлевидной ручкой в верхней части тулова, тулово украшено вертикальными и горизонтальными пролощенными полосами (выс. – 16,3 см, дм. венчика – 13,1 см, дм. тулова – 18,6 см, дм. дна – 9 см). На лучевой кости правой руки найден бронзовый предмет

(рис.2,4) в виде свернутой в трубку бронзовой пластины (дл. – 1,8 см, дм. – 0,8 см).

Итак, оба вышеописанных погребения являлись впускными катакомбами в курган эпохи бронзы. Они мало чем отличаются друг от друга по конструкции, за исключением некоторых мелких деталей. Так, ступень во входной яме в п.11 более удалена от входа в камеру, чем в п.7, и свод в п.7 несколько скруглен, в отличие от п.11. Следует отметить еще одно отличие. Обе катакомбы имеют широтную ориентировку, т.е. вытянуты с востока на запад, но в п.7

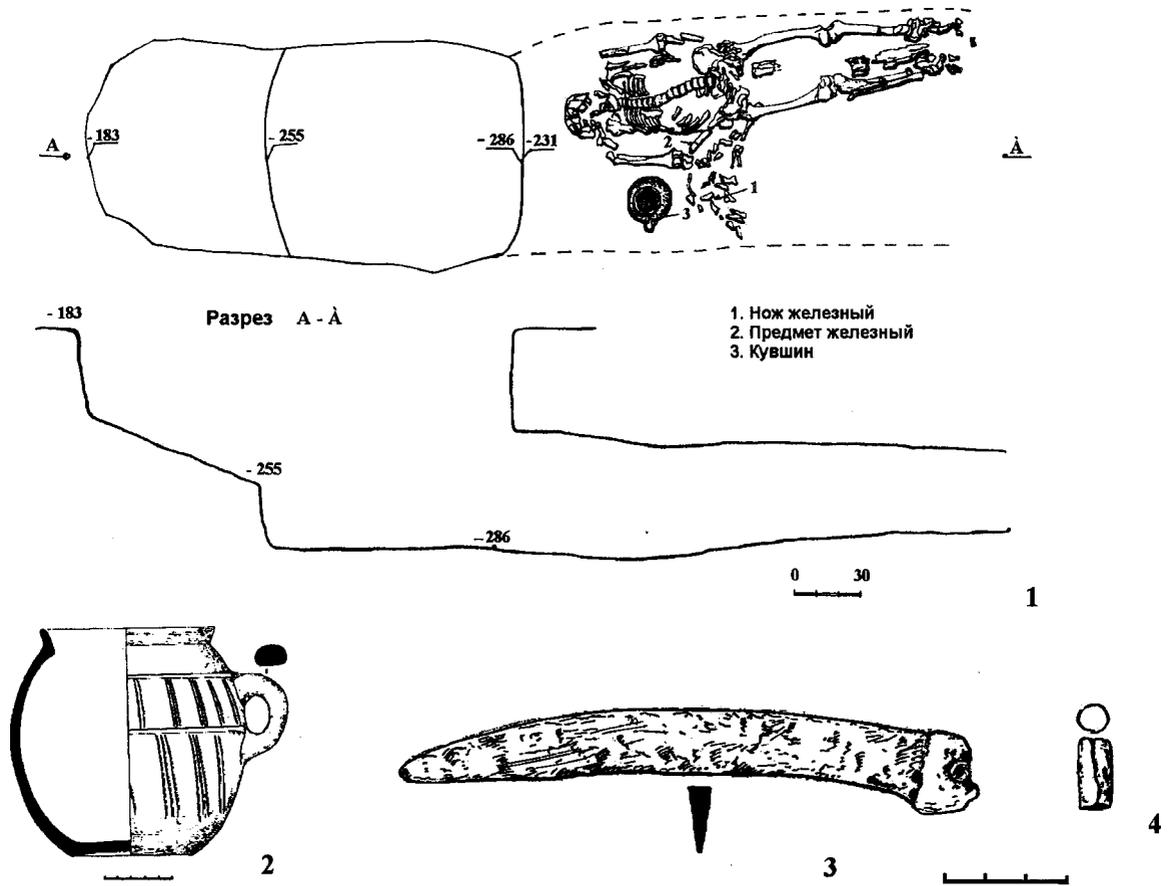

Рис. 2. Погребение 11

камера располагалась с западной стороны от входной ямы, а в п.11 – с восточной. При этом в обоих катакомбах погребенные лежали головой на запад. Это указывает на то, что ориентировка погребенного по сторонам света для хоронивших была важнее, чем положение погребенного в камере относительно входной ямы.

Инвентарь этих погребений небогат, но достаточен для установления их даты. Наиболее выразительна восьмеркообразная пряжка из п.7, относящаяся к категории пряжек с неподвижным язычком. Восьмеркообразных пряжек (в отличие от других форм этой категории) в Центральном Предкавказье немного. Известны пряжки из Ханкальского и Чегемского могильников, где они встречены в погребениях II–I вв. до н.э. (Абрамова М.П., 1993, с.83,84). На территории Сарматии их больше и суммарно они датируются III–I вв. до н.э. (Скрипкин А.С., 1990, с.97, рис.49).

Серповидный нож из п.11 вряд ли может дать узкую дату, так как подобные ножи бытуют со скифского времени и доживают до начала н.э.

Керамика представлена четырьмя сосудами: двумя кувшинами, одной миской и одной кружкой. Вся керамика гончарная. Абсолютно точные аналогии, чтобы совпадали все детали сосудов и орнаментация, найти затруднительно, тем не менее по своему облику вся керамика, если исходить из классификации М.П.Абрамовой, укладывается в пределы III–I вв. н.э. (Абрамова М.П., 1993, с.40,41,48,50). И.И.Марченко, предложивший дробную хронологию сарматских памятников Прикубанья, керамику, схожую с рассматриваемой, относит ко II–I вв. до н.э. (Марченко И.И., 1996, хронологическая таблица).

Итак, безусловной датой погребений у ст.Черноярская является III–I вв. до н.э. Однако наличие пряжки и сопоставление черноярской керамики с прикубанской позволяет предварительно датировать рассматриваемые погребения II–I вв. до н.э.

В Центральном Предкавказье катакомбные погребения появляются в последние века до н.э. как в курганах, так и в грунтовых могильниках. Все катакомбы Центрального Предкавказья, за-

фиксированные в курганах, были впускными. Эти катакомбы имеют сходную конструкцию – длинные оси входной ямы и камеры находятся на одной прямой (тип II по К.Ф.Смирнову (1972, с.73–81). К настоящему времени их раскопано относительно немного. Они локализируются в Ставрополье и Северной Осетии.

На территории Ставрополья они раскопаны у с.Новоселицкое (Коренько В.А., 1980, с.96–101), в курганных группах Веселая Роща I и III, в Жуковской группе II (Мирошина Т.В., 1985, с.95,96; 1986, с.170–179) и у ст.Хоперская (Игнатов В.Н., 1986, с.65–68). Кроме того, около 20 катакомб были раскопаны Археологической экспедицией Государственного унитарного предприятия «Наследие» (Ставрополь) в разных районах Ставрополья и самая восточная из них была зафиксирована в районе г.Пятигорска¹. Ставропольские катакомбы датируются в пределах III–I вв. до н.э.

Еще одна группа впускных катакомб была раскопана в Моздокском районе Северной Осетии. Две из них, раскопанные у ст.Павлодольская В.Л.Ростуновым, были опубликованы В.Б.Виноградовым и Я.Б.Березиным, при этом авторы публикации сообщают, что в Моздокском районе у с.Комарово было раскопано еще пять впускных аналогичных катакомб (Виноградов В.Б., Березин Я.Б., 1985, с.49–59). Павлодольские катакомбы В.Б.Виноградов и Я.Б.Березин датируют IV–III вв. до н.э. Однако М.П.Абрамова, справедливо возражая против столь ранней даты, предложила датировать их III–I вв. до н.э. (Абрамова М.П., 1988, с.26). К этой же группе моздокских катакомб следует отнести и две вышеописанные катакомбы у ст.Черноярской.

Все впускные катакомбы Центрального Предкавказья, как уже отмечалось, однотипны, они относятся ко II типу, по классификации К.Ф.Смирнова, – длинные оси камеры и входной ямы расположены на одной оси, имеют широтную (иногда с незначительными отклонениями) ориентировку и содержат по одному вытянутому на спине погребенному. Общим для этих погребений является и то, что они встречены в курганах с синхронными им погребениями, но более простой конструкции, – т.е. грунтовыми ямами и все они датируются в пределах III–I вв. до н.э.

Исходной территорией, с которой погребения этого типа распространились на Северном Кавка-

зе, по мнению М.П.Абрамовой, является Таманский полуостров, где аналогичные земляные склепы становятся характерными начиная с IV–III вв. до н.э. (Абрамова М.П., 1993, с.99–101). Появление впускных катакомб в Центральном Предкавказье М.П.Абрамова связывает с приходом сираков, в которых она, вслед за К.Ф.Смирновым, склонна видеть потомков савроматов, вытесненных с Нижнего Дона в Прикубанье аорсами. Расселение в Прикубанье и Приазовье савроматов, их контакты и частичное слияние с местным населением и привели к сложению сиракского союза племен. Именно от местного эллинизированного населения сираки, по мнению М.П.Абрамовой, и восприняли данную форму погребального сооружения, а подтверждает ее мысль тот факт, что в Краснодарском крае обнаружено наибольшее количество впускных катакомб типа II (Ждановский А.М., 1987, с.35).

Последний довод не может служить весомым аргументом в связи с разной изученностью этих регионов и наличием большого количества к востоку от Кубани неопубликованных и потому неучтенных М.П.Абрамовой катакомб. Так, например в Прикубанье, наиболее изученном районе Северного Кавказа, судя по сводке И.И.Марченко, найдено всего 30 катакомб и это из более чем 400 сарматских погребений (Марченко И.И., 1996, с.95,173). Т.е. процент катакомб (притом, что пять из этих 30 погребений к катакомбам были отнесены условно) невелик. Следует еще учесть и аналогичные катакомбы, раскопанные у хутора Кавказского Брюховецкого района Краснодарского края (Шевченко Н.Ф., 2003, с.44–59). Автор публикации, Н.К.Шевченко, указывает, что всего было раскопано семь катакомб, однако, судя по приведенным чертежам, с полной уверенностью мы можем говорить только о двух катакомбах. В любом случае общее число катакомб на Кубани пока не превышает 40, что составляет небольшой процент от общего числа сарматских погребений в этом регионе. В то же время ненамного меньшее их количество (если учитывать и неопубликованные) приходится на Ставрополье. Моздок же относится к районам, наименее изученным в археологическом плане, но и здесь их учтено уже 9. То есть говорить о существенном приоритете Кубани над другими территориями Северного Кавказа пока преждевременно.

Кроме того, следует иметь в виду, что катакомбы типа II были зафиксированы у сармат на всей территории их обитания – от Приуралья и Поволжья до Дона. До недавнего времени счита-

¹ Информацию об этих неопубликованных погребениях я получил от А.Б.Белинского и Я.Б.Березина за что им выражаю искреннюю благодарность.

лось, что для сарматских памятников катакомбы были малохарактерны (Мошкова М.Г., 1983, с.23, табл.). Однако совсем недавно М.Г.Мошкова, дав новую сводку всех известных сарматских катакомб, пришла к выводу, что, во-первых, появление катакомб на территории проживания сармат свидетельствует о их местном происхождении, во-вторых, катакомбы существуют на протяжении всей истории сармат, а меняется только их количество в разные периоды и на разных территориях (Мошкова М.Г., Малашев В.Ю., 1999, с.186). Что же касается катакомб II типа из Ставрополья и Прикубанья, то их М.Г.Мошкова связывает с притоком на Кавказ из степей Южного Приуралья нового сарматского населения, носителей прохоровской культуры (там же, с.182). Мнение о сарматской принадлежности рассматриваемых северокавказских катакомб возражений не вызывает и вполне согласуется с моими представлениями по данному вопросу (Габуев Т.А., 1997, с.71–73), притом, что я очень скептически отношусь к идее формирования этого обряда погребения под воздействием эллинистических традиций.

Однако следует отметить, что не все вопросы пока ясны и в первую очередь – как и откуда шло распространение этих катакомб в Центральном Предкавказье. На территории всей Сарматии (от Приуралья до Дона) зафиксированы только 54

катакомбы II и, как его разновидность, III типа (Мошкова М.Г., Малашев В.Ю., 1999, с.185), тогда как на Ставрополье и Кубани суммарно их несколько больше. Некоторую ясность в вопрос о приоритетах могла бы внести хронология погребений, учитывая, что в Южном Приуралье зафиксировано две ранние катакомбы IV–III вв. до н.э. (там же, с.180), а на Кубани имеется одна катакомба (комплекс № 376) этого времени (Марченко И.И., 1996, с.96,84, рис.103). Но до публикации всех катакомб с Кавказа и установления дробной хронологии этой ясности нет.

Последнее не позволяет считать вопрос об исходной территории (если, конечно, была какая то одна исходная территория) распространения впускных катакомб II типа окончательно решенным. Отрицать приход сармат на Северный Кавказ в конце IV – III вв. до н.э. нельзя. Но вот было ли их проникновение в разные районы Северного Кавказа одновременным, пока не ясно. Не ясно на настоящий момент и почему именно на Северном Кавказе катакомбный обряд погребения становится более популярен, чем собственно в Сарматии. В любом случае появление этого обряда погребения в Центральном Предкавказье следует связывать с приходом туда новой группы ираноязычных кочевников, вне зависимости от того, были ли это сираки Прикубанья или сарматы-прохоровцы Южного Приуралья.

Литература

Абрамова М.П., 1993. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.). М.

Виноградов В.Б., Березин Я.Б., 1985. Катакомбные погребения и их носители в Центральном Предкавказье в III в. до н.э. – IV в. н.э. // Античность и варварский мир. Орджоникидзе.

Габуев Т.А., 1997. Некоторые вопросы этнической истории Центрального Предкавказья в сарматское время // РА. № 3.

Игнатов В.Н., 1986. Катакомбы сарматского времени из курганов у ст.Хоперская // КСИА. Вып.186.

Коренько В.А., 1980. Погребение сарматского времени в кургане у с.Новоселицкое в Ставропольском крае // КСИА, Вып.162.

Марченко И.И., 1996. Сираки Кубани. Краснодар.

Мирошина Т.В., 1984. Сарматские погребения Александровского района Ставропольского края // КСИА. Вып.184.

Мирошина Т.В., 1986. Сарматские погребения, исследованные Ставропольской экспедицией // СА. № 2.

Мошкова М.Г., 1983. К вопросу о катакомбных погребальных сооружениях как специфическом этническом определителе // История и культура сарматов. Саратов.

Мошкова М.Г., Малашев В.Ю., 1999. Хронология и типология сарматских катакомбных погребальных сооружений // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железа и средневековья. Волгоград.

Скрипкин А.С., 1990. Азиатская Сарматия. Саратов.

Смирнов К.Ф., 1972. Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья – Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа // СА. № 1.

Шевченко Н.Ф., 2003. Сираки и аорсы в степном Прикубанье // РА. № 1.

АРХЕОЛОГИЯ АНТИЧНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Н.В.Тарасова

ОБ ОДНОЙ ГРУППЕ ВИСОЧНЫХ ПОДВЕСОК РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ИЗ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Среди восточноевропейских украшений эпохи раннего железа внимание исследователей неоднократно привлекали височные подвески из бронзового прута, скрученного в полтора оборота и имеющие фигурные, иногда довольно сложные навершия.

Такие подвески довольно часто встречаются на памятниках раннего железного века в Северном Причерноморье. В своде археологических источников «Украшения Скифии VII–V вв. до н.э.» В.Г.Петренко объединила подобные украшения в тип 25 с различными вариантами, определив время их бытования в Северном Причерноморье V–IV вв. до н.э. (Петренко В.Г., 1978, с.35, табл.22).

В разное время исследователи давали различные определения форме рассматриваемых височных колец: лировидная (Петренко В.Г., 1978, с.35), спиралевидная (Силантьева П.Ф., 1976, с.123; Скржинская М.В., 1986, с.116) и т.п. В форме наверший обычно видят пирамидки, конусы. А.И.Тереножкин называл их пламевидными (Тереножкин А.И., 1976, с.66). Зачастую определение формы подвески и её наверший затруднено из-за качества рисунков. Иногда один и тот же предмет в публикациях изображается по-разному.

Накопленный за последние два-три десятилетия археологический материал позволил ещё раз обратиться к рассмотрению этого типа украшений раннего железного века. В предлагаемой статье остановимся на следующем определении формы: спиралевидные височные подвески в полтора-два оборота. В этой группе можно выделить две подгруппы:

1. С фигурными навершиями.
2. Без наверший

ПЕРВАЯ ПОДГРУППА

Тип 1. В него включены подвески с навершиями в виде змеиных головок (рис.1,1).

Пара таких подвесок из золота происходит из раскопанного Г.Л.Скадовским в 1900–1901 гг. мужского п.128 некрополя Березани¹ архаического периода (Капошина С.И., 1956, рис.14; Силантьева П.Ф., 1976, с.125, рис.1,а; Скржинская М.В., 1986, с.116, рис.1,8). Датировка затруднена, так как комплекс погребения утрачен. Золотая серьга из этого же погребения, близкая по форме серьгам из погребений ольвийского некрополя второй половины VI в. до н.э., позволяет отнести березанское погребение к этому же времени (Капошина С.И., 1956, с.230).

Возможно, к этому типу относится пара золотых подвесок, происходящая из могилы 2 (раскопки Б.В.Фармаковского в 1912 г.) ольвийского некрополя (Капошина С.И., 1956, рис.14; Силантьева П.Ф., 1976, с.125, рис.1,б; Скржинская М.В., с.116). По форме они близки березанским, неясная форма наверший напоминает змеиные головы.

Тип 2. К этому типу относятся подвески, навершия которых представляют собой пирамидки, украшенные зернью² (рис.1,2–6). По способу орнаментации концов подвесок под пирамидками-навершиями их можно разделить на два варианта.

К *варианту 1* относятся подвески, имеющие под основаниями пирамидок рельефные кольцевые ободки, врезные пояски, пояски из зерни (рис.1,2–4).

¹ Капошина С.И. указывает на п.371 (Капошина С.И., 1956, с.220,221).

² Тип 25, вариант 3 – по В.Г.Петренко.

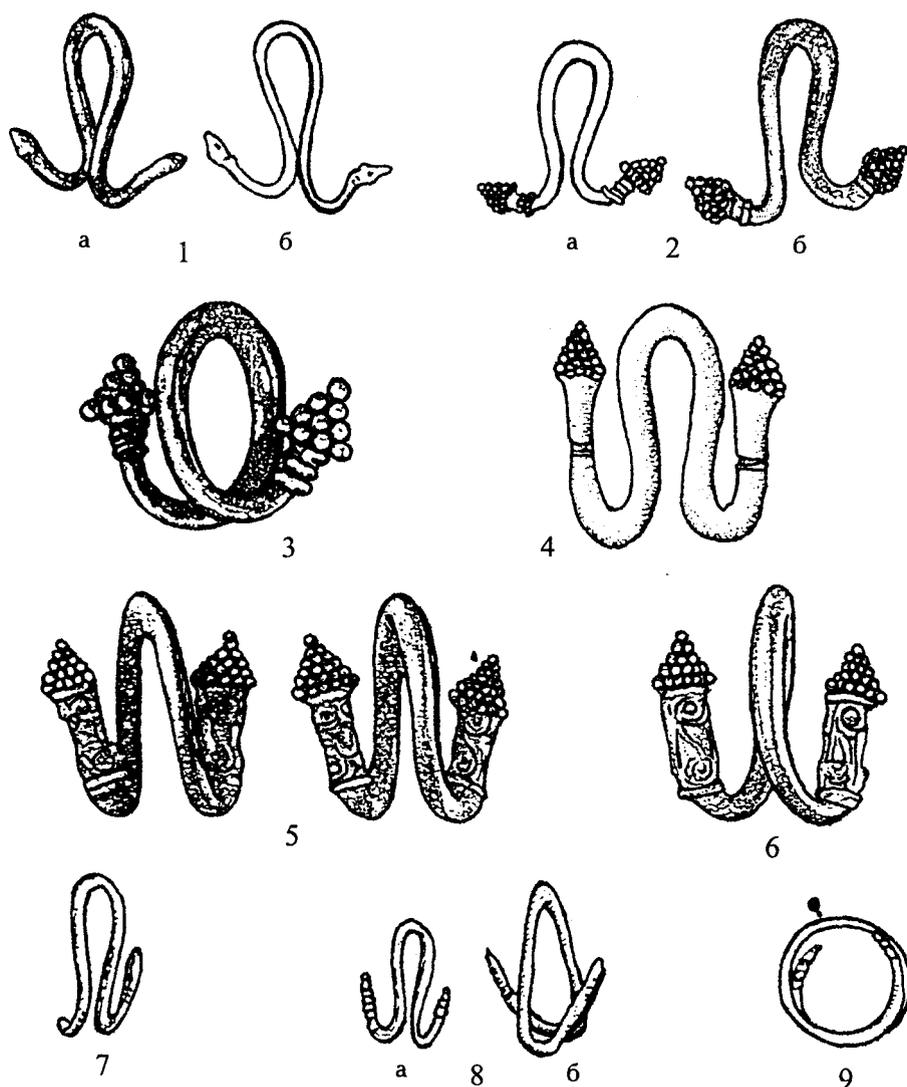

Рис. 1. Спиралевидные височные подвески раннего железного века из Северного Причерноморья (типы 1, 2 первой подгруппы, тип 1 второй подгруппы). Масштаб разный. 1 – некрополь Березани, п.371 (а – по Капошиной С.И., 1956; б – по Скржинской М.В., 1986); 2 – некрополь Ольвии, раскопки Фармаковского Б.В. 1910–1913 гг. (а, б – по Скржинской М.В., 1986); 3 – некрополь Пантикапея (по Силантьевой П.Ф., 1976); 4 – некрополь Нимфея, курган 1868 г. (по Петренко В.Г., 1978); 5 – Таманский полуостров (по Прушевской Е.О., 1955); 6 – Семибратний курган VI (по Силантьевой П.Ф., 1976); 7 – могильник Ильичёво, к.9, п.3 (по Яковенко Э.В. и др., 1970); 8 – могильник Астанино, к.11, п.3 (а – по Яковенко Э.В. и др., 1970; б – по Яковенко Е.В., 1974); 9 – могильник Елизаветинский I (по Каменецкому И.С., 1989)

По меньшей мере, две пары золотых височных подвесок, имеющих под основанием пирамидок кольцевые ободки (у одной подвески один конец орнаментирован ободком из зерни), происходят из Ольвии (раскопки Б.В.Фармаковского в 1913 г.). Погребения, в которых найдены эти подвески, датируются второй половиной VI – рубежом VI–V вв. до н.э. (Скржинская М.В., 1986, с.116, рис.1,9; Силантьева П.Ф., 1976, с.125, рис.2,а,б). М.В.Скржинская, опираясь на

исследование Г.Филиппа, считает, что эти подвески были изготовлены на Родосе или Хиосе, основываясь на фактах нахождения подобных подвесок именно на этих островах, а также массовости керамического материала, говорящего об активных экономических связях в архаический период Березани и Ольвии с Родосом и Хиосом (Скржинская М.В., 1986, с.116).

Одна золотая подвеска происходит из детского погребения некрополя Пантикапея, дати-

рующего первой половиной V в. до н.э. (Силантьева П.Ф., 1976, с.125, рис.2,в). Эта подвеска отличается тем, что её концы подняты вверх, тогда как у ольвийских они разведены в стороны. Этот признак является характерным для боспорских подвесок.

Из ограбленных погребений нимфейского некрополя происходит подобная золотая подвеска (Петренко В.Г., 1978, табл.22,18). Концы стержня под основанием пирамидок орнаментированы врезным пояском. Ограбленные погребения, инвентарь из которых частично находится в Англии (Оксфорд), датировать сложно. Е.В.Черненко, исследовав вооружение и части доспехов, относит такие погребения ко второй половине V в до н.э. (Черненко Е.В., 1978, с.190–199).

В Краснодарском краеведческом музее хранятся 4 подвески из случайных находок (инв. №№ КМ 11030/424, 11030/425, 11030/426, 11030/427). В отличие от описанных выше они изготовлены из бронзового прута, свернутого в 2 оборота, и оканчиваются пирамидками с имитацией зерни.

Вариант 2. К этому варианту относятся подвески, имеющие под основанием пирамидок из зерни филигранно орнаментированный цилиндрок, как правило, ограниченный ободком из треугольников, украшенных зернью (рис.1,5,6). Такие подвески из коллекции Государственного Эрмитажа детально исследованы П.Ф.Силантьевой (Силантьева П.Ф., 1976, с.123–137). Опубликованные в статье подвески V–IV вв. до н.э. происходят из дореволюционных раскопок на территории европейского и азиатского Боспора. Четыре пары подвесок изготовлены из золота, девять пар – из бронзового прута, обложенного листовым золотом.

Одна пара золотых подвесок происходит из к.6 Подгорного кордона в окрестностях Керчи (Силантьева П.Ф., 1976, с.126,127). Ещё три пары золотых подвесок происходят из погребений на Таманском полуострове (Силантьева П.Ф., 1976, рис.3а,3в,4в). Четыре пары бронзовых с золотой обкладкой подвесок происходят с Таманского полуострова: по одной – из VI Семибратнего кургана (Силантьева П.Ф., 1976, рис.8б) и из кургана близ Фанагории, две – из погребений близ Тамани (Силантьева П.Ф., 1976, рис.4а,6а,6б). Четыре пары бронзовых подвесок, покрытых золотом, происходят из памятников европейского Боспора: две найдены в погребениях пантикапейского некрополя (Силантьева П.Ф., 1976, рис.3б), по одной – в курга-

не на Павловском мысу (окрестности Керчи) и в к.6 Подгорного кордона (Силантьева П.Ф., 1976, рис.5). Местонахождение ещё одной пары бронзовых с золотым покрытием подвесок неизвестно (Силантьева П.Ф., 1976, рис.6в).

Анализируя систему орнаментации и формы подвесок, П.Ф.Силантьева выделила среди них 3 варианта, распределив во времени развитие орнамента от более простого к сложному (от V к середине IV в. до н.э.). На основании изучения формы и орнамента спиралевидных подвесок, происходящих из других районов греческого мира, исследовательница пришла к выводу, что первоначально боспорские изделия продолжали достижения родосских мастеров, но в дальнейшем стали развиваться самостоятельно (Силантьева П.Ф., 1976, с.133).

Спиралевидные подвески с украшенными зернью пирамидками на концах из погребений Березани и Ольвии, датирующиеся второй половиной VI – рубежом VI–V вв. до н.э., несколько отличаются от таких же подвесок, происходящих с Боспора. Орнаментированные концы у подвесок Северо-Западного Причерноморья разведены в стороны, у боспорских – подняты вверх. Возможно, золотая подвеска из детского погребения пантикапейского некрополя (рис.1,3) является промежуточной формой между вариантами 1 и 2 второго типа. Боспорские подвески рассматриваемого типа создают впечатление более массивных. Подвески варианта 2 найдены только на боспорских памятниках, время их бытования – V–IV вв. до н.э.

Тип 3. К этому типу отнесены достаточно многочисленные находки спиралевидных подвесок, с навершиями в виде пирамидок, вершины которых увенчаны небольшими шариками, иногда в комбинации с кольцевым ободком³ (рис.2,1–12). Типологически они близки подвескам второго типа, но отличаются от них отсутствием зерни или её имитации на пирамидках и меньшей массивностью. Такие подвески изготавливались преимущественно из бронзы, но встречаются и экземпляры с серебряными навершиями. В Государственном Эрмитаже хранится, найденная в 1870 г. при раскопках Нимфея, часть литейной формы для отливки подвесок этого типа. Форма изготовлена из камня местной породы (Силантьева П.Ф., с.134, рис.8).

Внутри рассматриваемого типа можно выделить несколько вариантов таких подвесок,

³ Тип 25, вариант 2 – по В.Г.Петренко.

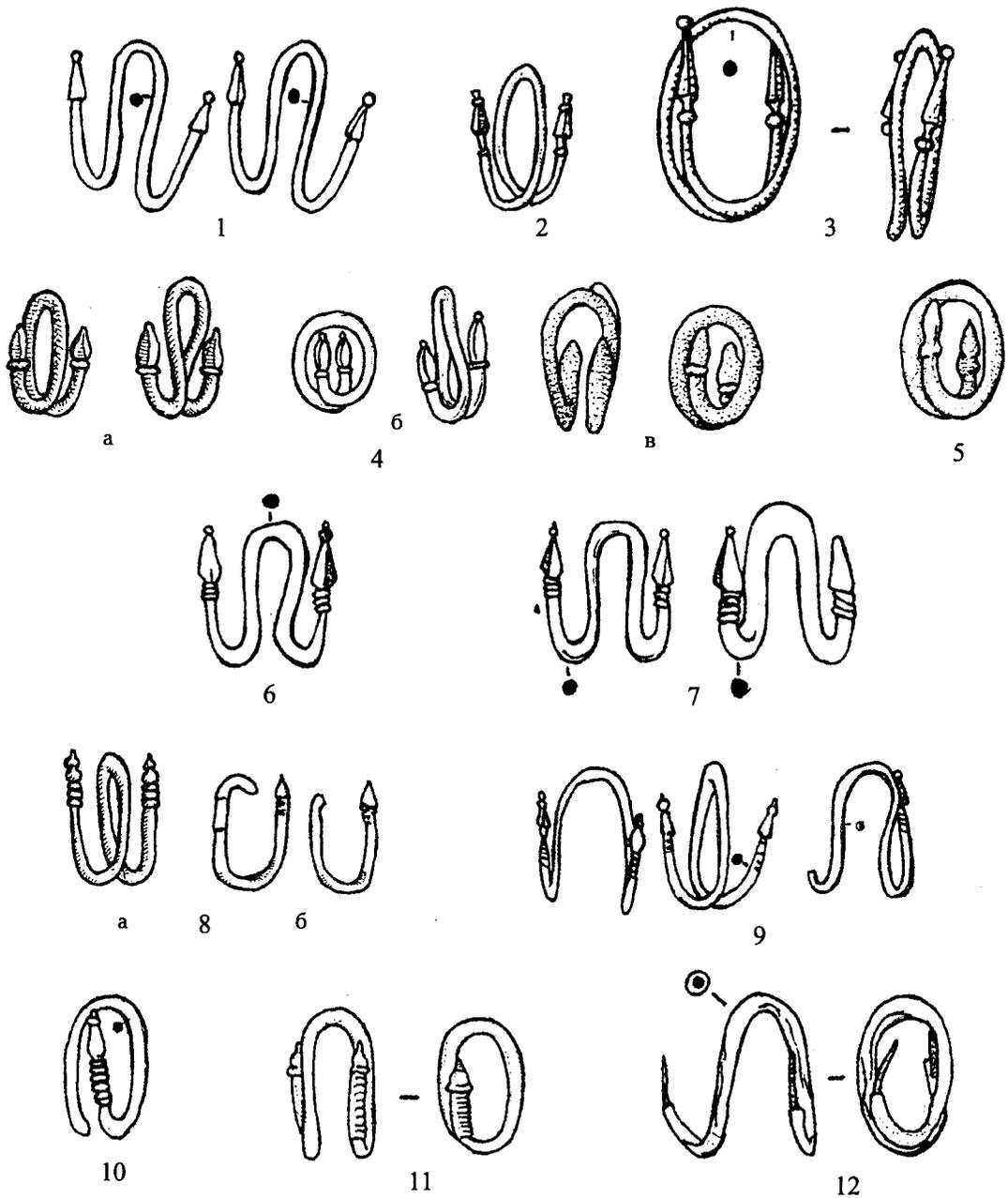

Рис. 2. Спиралевидные височные подвески раннего железного века из Северного Причерноморья (тип 3 первой подгруппы). Масштаб разный. 1 – могильник Стоячий камень, гр.4/13 (по Масленникову А.А., 1995); 2 – могильник Лебеди III (по Каменецкому И.С., 1989); 3 – поселение Андреевская щель (по Новичихину А.М., 1994); 4 – могильник Фронтное I, п.41 (а – по Корпусовой В.М., 1972; б – по Тереножкину А.И., 1976; в – по Петренко В.Г., 1978); 5 – Елизаветовское городище (по Петренко В.Г., 1978); 6 – могильник Стоячий камень, гр.32/41 (по Масленникову А.А., 1995); 7 – могильник Стоячий камень, гр.29/38 (по Масленникову А.А., 1995); 8 – могильник Астанино, к.17, п.2 (а – по Яковенко Е.В., 1974; б – по Яковенко Э.В. и др., 1970); 9 – могильник Стоячий камень, гр.9/18 (по Масленникову А.А., 1995); 10 – могильник Воскресенский, к.4, п.1 (по Алексеевой Е.М., 1991); 11 – Ивановка, случайная находка (по Тереножкину А.И., 1976); 12 – Краснодарский край, случайная находка

которые разнятся количеством кольцевых ободков на концах под основаниями пирамидок или же отсутствием таковых.

Вариант 1. С навершиями-пирамидками, без рельефной орнаментации под ними. Две бронзовые спиралевидные подвески, концы

которых оформлены пирамидками и помещены на их вершинах шариком, происходят из гробницы 4/13 могильника Стоячий камень (Масленников А.А., 1995, рис.5,7). Погребальный комплекс датируется первой половиной IV в. до н.э. (Масленников А.А., 1995, с.7,8).

Вариант 2. С навершиями-пирамидками и одним кольцевым ободком под ними. Две бронзовые подвески найдены в п.41 грунтового могильника у с.Фронтное (Корпусова В.М., 1972, рис.35,11,12). Погребение датируется V–IV вв. до н.э. (Корпусова В.Н., 1967, с.39).

Три бронзовые подвески происходят из раскопок могильника Стоячий камень: две – из гробницы 29/38, одна – 32/41 (Масленников А.А., 1995, рис.23,8;27,3). Гробница 29/38 датируется второй половиной V – концом IV – серединой III вв. до н.э., гробница 32/41 – IV – первой половиной III в. до н.э. (Масленников А.А., 1995, с.15–17).

Одна бронзовая подвеска встречена в п.2 к.17 могильника у с.Астанино в Восточном Крыму (Яковенко Э.В., 1974, рис.49,7), который исследователи датируют V–III вв. до н.э. (Яковенко Э.В. и др., 1970, с.136).

Бронзовая подвеска обнаружена в могильнике Лебеди III, автор раскопок которого И.С.Каменецкий относит его к среднемеотскому I периоду и датирует соответственно V–III вв. до н.э. (Каменецкий И.С., 1989, с.233–238, табл.93,41). Одна бронзовая подвеска найдена на поселении Андреевская щель 1 (Анапский р-н, Краснодарский край). Собранный на поселении материал относится к IV в. до н.э. (Новичихин А.М., 1994, с.172, рис.1,5).

Возможно, к этому типу (опубликованное изображение не позволяет точно определить количество ободков под основанием пирамидки) относится и подвеска, происходящая из Елизаветовского городища, датирующаяся V–IV вв. до н.э. (Петренко В.Г., 1978, с.35, табл.22,17).

Вариант 3. С навершиями-пирамидками и несколькими кольцевыми ободками под ними. Три бронзовые подвески происходят из гробницы 9/18 могильника Стоячий камень. Погребальный комплекс датируется IV – началом III в. до н.э. (Масленников А.А., 1995, с.10, рис.9, 11,12,14).

Одна бронзовая спиралевидная подвеска происходит из случайных находок у с.Ивановка в Днепропетровской области. Лишь недоразумением можно объяснить то, что А.И.Тереножкин,

опираясь на факт поступления такой подвески в группе разновременных случайных находок вместе с предскифскими бляхами-украшениями, и находки пары подобных височных подвесок при скорченном скелете в п.41 у с.Фронтное в Крыму (второго варианта), предположительно датировал их предскифским временем (Тереножкин А.И., 1976, с.46,47,165, № 30, рис.18,1–6, с.66, № 81, рис.35,11,12). Подобная датировка вызвала возражение у В.А.Коренько, отнёсшего (со ссылкой на работы Э.В.Яковенко и В.Г.Петренко) погребение у с.Фронтное к V–III вв. до н.э. (Коренько В.А., 1985, с.58).

Две бронзовые спиралевидные подвески с серебряными пирамидками на концах найдены в п.1 к.4 могильника у пос.Воскресенский (Анапского р-н Краснодарского края). Погребение датируется VI–V вв. до н.э. (Алексеева Е.М., 1991, с.56–59, табл.41,7). Бронзовые и серебряные спиралевидные подвески рассматриваемого типа найдены также на других памятниках азиатского Боспора (Дмитриев А.В., Малышев А.А., 1999, рис.9,6;10,8;16,1; Силантьева П.Ф., 1976, рис.9 и др.).

Среди случайных находок в Краснодарском музее хранятся три спиралевидные подвески с утраченными навершиями (инв. №№ 11030/663, 11030/664, 11030/665). Возможно, подвески имели пирамидки или иные навершия, изготовленные из какого-то драгоценного металла, и были сорваны по этой причине. Подобная же бронзовая подвеска с утраченными навершиями происходит из недавних сборов в Краснодарском крае. Бронзовый прут, из которого она изготовлена, обтянут серебром⁴ (рис.2,12).

ВТОРАЯ ПОДГРУППА

Подвески этой группы изготовлены из бронзы, они не имеют фигурных наверший, а лишь насечки на концах⁵ (рис.1,7–9).

Тип 1. Такие подвески найдены в п.3, к.9 могильника у с.Ильичёво (Яковенко Э.В. и др., 1970, с.136, рис.5,6), в п.3, к.11 у с.Астанино (Яковенко Э.В. и др., 1970, рис.20,9), в погребении могильника Елизаветинский I (Каменецкий И.С., 1989, табл.93,45) и др. Погребения датируются в рамках V–III вв. до н.э.

⁴ Выражаю признательность А.П.Абрамову за предоставленную возможность изучения подвески.

⁵ Тип 25, вариант 1 – по В.Г.Петренко.

Таким образом, можно утверждать, что наиболее характерными для памятников как европейского, так и азиатского Боспора являются височные подвески первой подгруппы, особенно подвески 2 варианта второго типа и подвески третьего типа. Также известны на Боспоре изделия второй подгруппы – без наверший, с насечками на концах. Аналогичные украшения

встречены на памятниках Северо-Западного Причерноморья. Подвески с навершиями в виде головок змей достоверно известны только на Березани. Они, вероятно, и самые ранние (середина VI в. до н.э.). Большинство рассматриваемых подвесок из комплексов датируются по сопутствующему материалу в рамках V–IV вв. до н.э.

Литература

Алексеева Е.М., 1991. Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. М.

Дмитриев А.В., Мальшев А.А., 1999. Могильник VI–II вв. до н.э. в устье Лобановой щели // Историко-археологический альманах. Вып.5. Армавир–М.

Каменецкий И.С., 1989. Меоты и другие племена Северо-Западного Кавказа в VII–III до н.э. // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М.

Капошина С.И., 1956. Из истории греческой колонизации нижнего Побужья // МИА. № 50.

Коренько В.А., 1985. Погребения эпохи перехода от бронзы к железу в степях Юго-Восточной Европы (состояние источников и проблема отбора фактов) // СА. № 4.

Корпусова В.Н., 1967. Памятники скифо-сарматского времени у с.Фронтное // Археологические исследования на Украине. Вып.1. Киев.

Корпусова В.М., 1972. Про населення хори античної Феодосії // Археологія. № 6.

Масленников А.А., 1995. Каменные ящики Восточного Крыма (к истории сельского насе-

ления Европейского Боспора в VI–I вв. до н.э. // Боспорский сборник. № 8. М.

Новичихин А.М., 1994. Раскопки античного поселения в Андреевской щели близ Анапы // Боспорский сборник. Вып.4. М.

Петренко В.Г., 1978. Украшения Скифии VII–V вв. до н.э. // САИ. Вып.Д4-5.

Прушевская Е.О., 1955. Художественная обработка металла // Античные города Северного Причерноморья. Вып.1. М.–Л.

Силантьева П.Ф., 1976. Спиралевидные подвески Боспора // ТГЭ. Т.XVII. Л.

Скржинская М.В., 1986. Греческие серьги и ожерелья архаического периода // Ольвия и её округа. Киев.

Тереножкин А.И., 1976. Киммерийцы. Киев.

Черненко Е.В., 1970. Погребения с оружием из некрополя Нимфея // Древности восточного Крыма. Киев.

Яковенко Э.В., Черненко Е.В., Корпусова В.Н., 1970. Описание скифских погребений в курганах Восточного Крыма // Древности восточного Крыма. Киев.

Яковенко Е.В., 1974. Скифи східного Криму в V–III ст. до н.е. Київ.

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ЮВЕЛИРНЫЙ КОМПЛЕКС ТРОИЦКОГО ГОРОДИЩА ДЬЯКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Раскопки Троицкого городища, проведенные в 1956–1960 гг. по всей его площади, представляют собой значимый этап в истории изучения дьяковской культуры (Древнее поселение в Подмосковье, 1970). В итоге этих многолетних работ была получена интересная коллекция керамического и индивидуального материала, характеризующего материальную культуру древнего поселения, и в том числе производственный ювелирный комплекс Троицкого городища.

Ювелирные украшения из цветного металла из раскопок Троицкого городища, хранящиеся в фондах «Археология» ГИМ и Музея истории г.Москвы¹, были исследованы с помощью трассологического анализа, что позволило реконструировать способы изготовления и приемы вторичной обработки украшений; также был проанализирован химический состав металла. Фонд анализов химического состава цветного металла Троицкого городища на данный момент состоит из 114 анализов, часть которых была получена в 1960-е гг. Е.Н.Черных и Т.Б.Барцевой по методу оптического эмиссионного спектрального анализа (1970). Остальные данные были получены в 2004 г. по методу неразрушающего безэталоного рентгено-флюоресцентного энерго-дисперсного анализа (табл.1) (Ениосова Н.В., Колосков С.А. и др., 1997)². В рамках данного исследования основной целью анализа химического состава являлось определение содержания легирующих компонентов в сплаве и классифика-

ция результатов по заранее определенным типам и группам сплавов (Ениосова Н.В., Митоян Р.А. и др., 2001).

Коллекция ювелирных украшений распадается на две значительные хронологические группы: украшения, датирующиеся по аналогиям от V–IV вв. до н.э. по I–II вв. н.э., и украшения I–II – V–VI вв.³ Ко второй хронологической группе относится и основное количество находок умбоновидных подвесок Троицкого городища.

Надо сказать, что общее количество паспортизированных находок ювелирных украшений из цветного металла в коллекции Троицкого городища невелико – всего их около 100; так же незначительно общее количество находок, происходящих непосредственно с площадки городища и свидетельствующих о существовании местной цветной металлообработки. Основное количество находок ювелирных украшений, тиглей, льячек, литейных форм, заготовок и полуфабрикатов, а также выплесков металла происходит из заполнения рва и со склонов площадки городища (Дубынин А.Ф., 1970).

Планиграфический анализ распределения ювелирных украшений на Троицком городище показывает их размещение по всей жилой площадке (рис.1). В верхнем слое городища, на северном и южном участках его жилой площадки отмечены скопления украшений. Одно из этих скоплений связано с остатками *специализированной литейной мастерской* (постройка 16), выделенной А.Ф.Дубыниным на юго-восточной части городища на краю рва, и относящейся к верхнему горизонту верхнего слоя (1970). Здесь были прослежены остатки каменного очага, в котором находились сильно ошлакованные фрагменты льячек, скопление фрагментов льячек в северо-восточном углу

¹ О.ф. МиГМ: 24668/2426; О.ф. ГИМ: 195/46. Выражаю искреннюю признательность Т.В.Скоробогатовой и И.Р.Ахмедову за возможность работы с коллекцией.

² Аналитик – зав. рентгено-спектральной лабораторией кафедры геохимии геологического факультета МГУ Р.А.Митоян. Результаты 5 анализов химического состава металла, полученных в 1960-е гг. по методу ОЭСА, были продублированы методом РФА. В статистической обработке участвуют дублирующие данные.

³ Украшения из раскопок Троицкого городища исследованы с позиций морфологического метода: Дубынин А.Ф., 1970; Смирнов К.А., 1970; 1974; Розенфельдт И.Г., 1982.

Таблица 1. Анализы химического состава цветного металла Троицкого городища, полученные по методу РФА

Опись	Наименование	Анализ	Год	Шифр	Cu	Sn	Pb	Zn	Ag	Sb	As	Fe
124	подвеска колоколовидная	РФА	2004	1036	83,74	10,24	2,15	2,92		0,12	0,83	
97	накладка поясная пластинчатая орнаментированная	РФА	2004	1037	78,43	8,57	6,04	6,67			0,28	
56	сюльгама с закрученными концами	РФА	2004	1038	94,5	3,49	1,82		0,13		0,06	
128	сюльгама ажурная	РФА	2004	1039	84,14			15,86				
33	браслет дротовый разомкнутый	РФА	2004	1040	84,92	1,16	1,62	12,09	0,2			
673	подвеска поясная	РФА	2004	1775	91,33	1,68	0,75	5,81	0,11	0,08	0,25	
552	подвеска поясная	РФА	2004	1776	86,03	0,35		13,52			0,01	
252	подвеска колоколовидная	РФА	2004	1779	95,83	0,28		3,89				
б/н	предмет	РФА	2004	1739	90,82	7,3	1,52	0,16		0,19	0,01	
113	накладка орнаментированная со штифтом	РФА	2004	1740	75,89	19,84	0,94			0,2		3,14
220	пронизка	РФА	2004	1741	50	44,74	4,52			0,28	0,13	0,34
239	кольцо спиральное	РФА	2004	1742	52,49	38,94		5,7				2,88
98	бляшка бабочковидная	РФА	2004	1743	51,48	32,38	15,59			0,23	0,32	
116	пластина металла	РФА	2004	1744	90,57	3,36	1,52	2,82		0,21	0,59	0,94
208	пластина металла	РФА	2004	1745	87,72	2,92	2,17	7,01		0,17		
100	браслет проволоочный, фрагмент	РФА	2004	1746	75,46	0,05		24,49				
77	браслет проволоочный, фрагмент	РФА	2004	1747	76,89			23,02				
542	подвеска колоколовидная	РФА	2004	1748	88,07	1,48	0,36	9,7		0,14	0,25	
806	подвеска колоколовидная	РФА	2004	1749	70,75	9,29	16,3		0,34	1,57	1,13	0,61
128	подвеска колоколовидная с прорезями	РФА	2004	1750	70,75	9,29	16,3		0,34	1,57	1,13	0,61
788	подвеска колоколовидная	РФА	2004	1751	78,46	13,13	1,18	5,39		0,22	0,78	0,84
672	пинцет ювелирный	РФА	2004	1752	83,17	0,34		16,21	0,04	0,16	0,08	
764	пинцет ювелирный	РФА	2004	1753	90,84	0,46		8,29	0,04	0,19	0,18	
б/н	предмет	РФА	2004	1754	67,74	2,69	18,87	10,21		0,12	0,39	
778	пластина металла	РФА	2004	1755	90,7	0,42		8,44	0,06	0,17	0,21	
656	слиток металла	РФА	2004	1756	82,07	7,87	7,67	2,35			0,03	
896	выплеск металла	РФА	2004	1757	70,66	15,72	6,29	2,81	0,26	0,39	0,41	3,46
1059	подвеска, фрагмент	РФА	2004	1758	90,19	3,41		6,08			0,32	
б/н	предмет	РФА	2004	1759	91,82			8,12	0,06			
630	пластина металла	РФА	2004	1760	82,5	3,93	0,99	11,45			0,49	0,64
657	выплеск металла	РФА	2004	1761	75,69	15,84	0,79	6,85			0,05	0,78
556	цепедержатель	РФА	2004	1763	70,45	2,88	1,61	23,46		0,17	0,54	0,89
555	цепедержатель	РФА	2004	1764	88,69	0,66		10,52	0,07		0,07	
830	кольцо	РФА	2004	1768	49,52	37,35	9,85			0,29	0,33	2,67
1050	перстень	РФА	2004	1769	83,1			16,9				
763	пластина металла	РФА	2004	1774	89,6			9,85				
807	браслет	РФА	2004	1762	82,41	4,76	9,9		0,1	0,43	1,09	1,26
367	накладка бантиковидная	РФА	2004	1765	63,86	27,23	8,92					
816	накладка	РФА	2004	1766	88,36	6,96	0,34	3,39		0,07	0,38	0,5
529	накладка	РФА	2004	1767	77,75	8,5	2,31	6,28			0,6	4,52
335	пронизка многочастная	РФА	2004	1770	60,91	25,41	12,59		0,16	0,28	0,65	
846	пронизка	РФА	2004	1771	50,07	39,8	5,9	4,24				
792	подвеска поясная	РФА	2004	1772	84,54	0,33		15	0,04		0,09	
984	пинцет ювелирный	РФА	2004	1773	74,1	17,44	1,19	4,31	0,27	0,33	0,74	1,62

Таблица 1 (окончание).

Опись	Наименование	Анализ	Год	Шифр	Cu	Sn	Pb	Zn	Ag	Sb	As	Fe
84	подвеска колоколовидная	РФА	2004	1777	84,82	2,76	4,08	8,03		0,11	0,2	
310	навешные поясное орнаментированное	РФА	2004	1778	91	1,29		7,27		0,07	0,38	
637	подвеска шумящая	РФА	2004	1780	77,16	14,16	1,2	4,59		0,34	1,37	1,47
398	бляшка	РФА	2004	1781	69,16	15,02	12,34		2,84	0,12	0,52	
604	кольцо	РФА	2004	1782	72,17	20,87		6,64			0,32	
124	сюльгама	РФА	2004	1783	85,58	7,28	6,78			0,27	0,1	
142	гривна, фрагмент	РФА	2004	1784	93,37	0,5		5,63	0,12		0,39	
101	подвеска умбоновидная	РФА	2004	1785	80,44	13,57	5,62			0,16	0,21	
335	подвеска умбоновидная	РФА	2004	1786	77,42	16,95	2,34	2,92	0,18	0,6	0,13	
388	подвеска умбоновидная	РФА	2004	1787	73,91	8,77	15,68	1,34		0,17	0,12	
364	сюльгама	РФА	2004	1788	88,42	6,32	5,15				0,1	
753	подвеска трапецевидная	РФА	2004	1789	91,67	1,27	1,04	4,94	0,14	0,21	0,74	
269	накладка поясная прямоугольная	РФА	2004	1790	58,17	35,15	3,22			0,24		
682	сюльгама	РФА	2004	1791	87,19	0,72	2,11	9,97			0,01	
327	дрот	РФА	2004	1792	86,19	6,53	6,9			0,29	0,09	
47	дрот	РФА	2004	1794	87,22	1,43		10,88		0,1	0,44	
283	сюльгама	РФА	2004	1795	75,77	4,66		19,14		0,09	0,33	
85	пронизка	РФА	2004	1796	81,86	11,69	4,31		0,13	0,57	1,45	
762	накладка орнаментированная	РФА	2004	1797	88,09	0,43		11,48				
1067	подвеска умбоновидная	РФА	2004	1798	83,52	12,77	3,71					

постройки. С этим же металлообрабатывающим комплексом может быть связано и значительное количество находок фрагментов льячек, выплесков цветного металла в заполнении рва восточнее и южнее постройки; а также развал каменного очага на краю рва рядом с юго-восточным краем постройки, который, вероятно, также был связан с плавкой металла. К этой мастерской относятся и находки льячек (8 экз.), отличающихся от других фактурой, наличием орнамента и отсутствием следов воздействия высоких температур. Глиняное тесто этих льячек хорошо отмучено, с визуальной фиксируемой примесью песка. Скорее всего, эти льячки не использовались мастерами для плавки, очистки и литья металла. Проведенный анализ сходных льячек из раскопок Мутёнковского городища показал полное отсутствие взаимодействия их с металлом (Сапрыкина И.А., *в печати*). Скорее всего, они использовались для подогрева выплавляемого материала (к примеру, воска) или служили емкостью при пропитке им некоторых деталей модели (например, для получения проволочных нитей). Однако нельзя исключать возможного применения некоторых из них для плавки легкоплавких металлов, чем может объясняться отсутствие следов обжига на их поверхности.

Второе скопление ювелирных украшений, ядро которого составляют находки умбоновидных подвесок и шумящих подвесок со щитками из колец, планиграфически составляет единую группу с находками фрагментов тиглей и льячек (около 10 фр.), выплеском металла и фрагментами литейных форм на северном участке жилой площадки городища. На наш взгляд, здесь фиксируются остатки *второго производственного ювелирного комплекса*, также относящегося к позднему этапу существования поселения. Довольно трудно связать его с какой-либо постройкой из верхнего слоя Троицкого городища; можно только сказать, что здесь не фиксируются остатки специализированной мастерской, подобной выделенной в юго-восточной части городища. Здесь литье металла и изготовление украшений производилось в условиях жилого помещения, на очаге открытого типа. Использование очагов такой конструкции в том числе и для нужд ювелирного дела не вызывает сомнения. В Индии до настоящего времени практикуются литье металла, расплавленного на костре с использованием внешнего воздушного способа (Srinivasan S., Glover I., 1995).

Вблизи этого производственного комплекса, на уровне верхнего слоя зафиксированы ювелирные

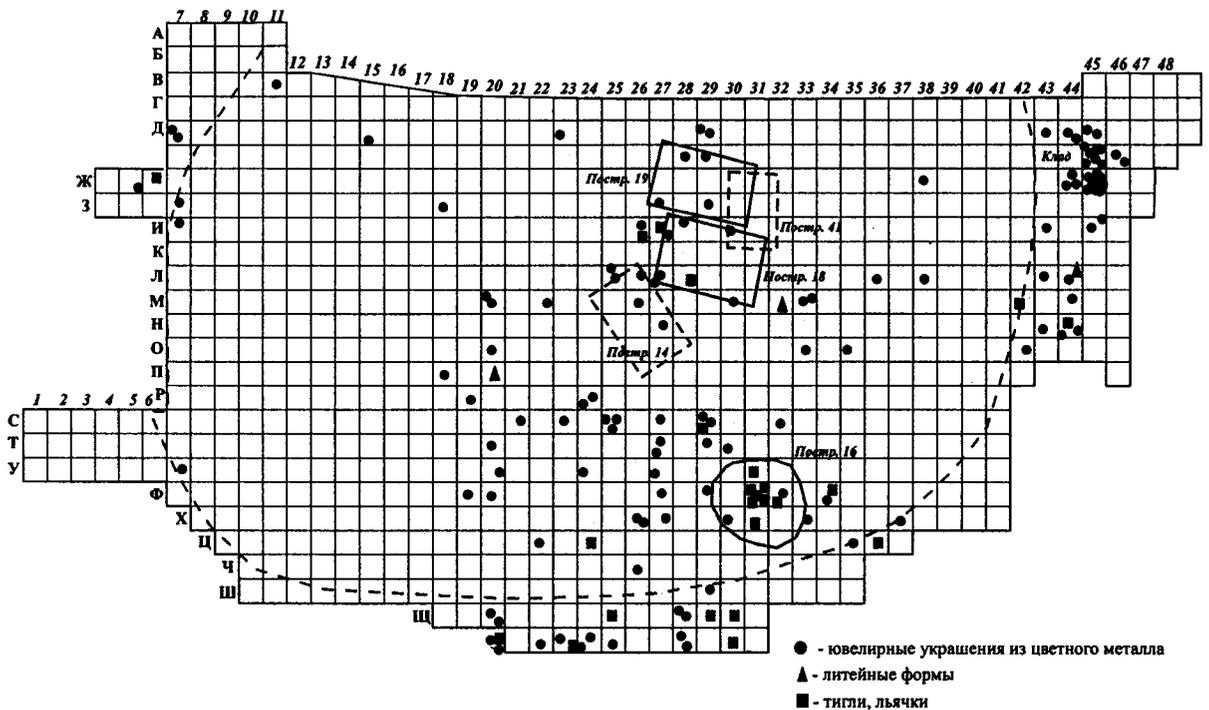

Рис. 1. Ювелирный производственный комплекс Троицкого городища на северном и южном участках поселения

украшения, полученные с использованием одной технологической схемы: литьем по выплавляемой модели⁴.

Эта схема является доминирующим способом изготовления ювелирных украшений из цветного металла Троицкого городища (80% выборки). Основными категориями украшений, изготовленных с помощью *литья по выплавляемой модели*, являются различные варианты бляшек, подвесок и привесок, пронизей, ажурных застежек. Признаками изготовления украшений этим способом считаются прерывистые линии на поверхности изделия, неровные границы орнамента, следы срезания мягкого материала (воска), асимметричность. Такие изделия часто имеют неровную поверхность, следы заглаживания; иногда сохраняют отпечатки пальцев мастера на своей поверхности (Рыбаков Б.А., 1948; Рындина Н.В., 1963; Енисова Н.В., Сарачева Т.Г., 1997).

⁴ Трасологический анализ ювелирных украшений проводился с использованием бинокулярных микроскопов МБС-2 и МБС-10 с увеличением от 2-х до 40 раз; детали, документирующие использование определенных способов изготовления украшений, фиксировались макросъемкой.

Литье по выплавляемой модели, получившее название «*cera perduta*», состоит в том, что первоначально изготавливается модель желаемого изделия. Затем эта модель, вместе с подведенными литниковыми каналами и литниковой чашей, изготовленными из той же выплавляемой массы, заформовывается жидкой формовочной смесью и подвергается нагреванию. В результате воск выплавляется из модели, одновременно подсушивается глиняная оболочка, куда заливают расплавленный металл. Для того чтобы вынуть готовое изделие, форму разбивают (Магун Н., 1971). Этим может объясниться редкое нахождение в слое поселения глиняных форм, предназначенных для литья по выплавляемой модели.

Известно, что природный воск, который, несомненно, использовался дяковцами, – это вариация текстуры и консистенции: от твердого и мягкому, от эластичного к хрупкому. Воск, используемый для моделирования, всегда комбинируется с каким-либо другим материалом, предохраняющим этот нестабильный материал от изменения его свойств под воздействием температуры и других факторов (McCraith T., 1991). Формовка модели в большинстве случаев, как показывают результаты визуального изучения

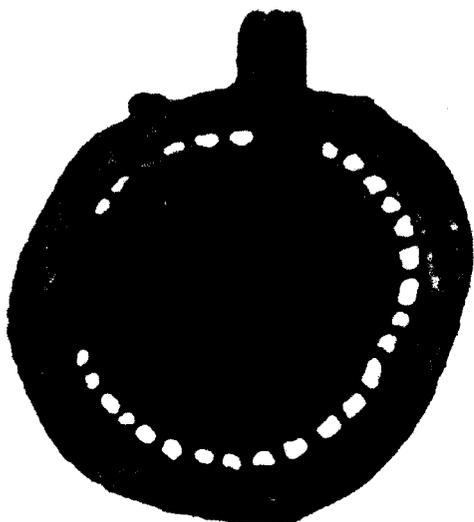

Рис. 2. Умбовидная подвеска (оборотная сторона). Пример использования подкладного шаблона с 12-ю продольными выступами, расходящимися из центра. Макросъемка

ювелирных украшений Троицкого городища, производилась на подкладке или на шаблоне. Для отделения готовой восковой модели от шаблона во избежание деформации или разрыва модельного материала необходимо использовать предварительную обмазку шаблона. В качестве такой обмазки могли использоваться сажа, графит, известковый раствор, покрытие мягким текстилем или сооружение некоторого подобия каркаса из тонких нитей, палок и подобного материала. При этом шаблон мог быть специальной формы (полусферической, конической и др.). Так, часть моделей умбовидных подвесок (5 экз.) получали следующим образом – производилась формовка на подкладном шаблоне, высотой около 5–7 мм, с 12-ю продольными выступами, расходящимися от центра (рис.2). Этот шаблон использовался, в основном, для изготовления определенной модели ажурной умбовидной подвески, состоящей из следующих декоративных элементов: «жгутиков», разделяющих щиток подвески из спиральных проволочных нитей на отдельные зоны. Жгутики сформованы из капель воска, склеенных друг с другом. После этого формовалась и склеивалась со щитком подвески дужка, традиционно используемая в качестве литника.

Такая категория изделий, как пронизи круглой формы, при визуальном изучении позволи-

ла сделать вывод об их отливке способом «елочки» – подводка моделей к центральному литниковому каналу осуществлялась при помощи боковых ветвей-литников, подводивших металл последовательно ко всем формам. Этот случай демонстрирует применение такого способа литья, как литье со вставным стержнем, где изготовление модели изделия происходило непосредственно способом навивки модельного состава на стержень. Вероятно, в нашем случае мы можем говорить о применении деревянных и глиняных стержней, которые не обжигались, а использовались в просушенном виде. Стержень не должен быть слишком прочным, иначе его трудно выбить из готовой отливки (Пазухин А.В., 1970), особенно с такими диаметрами, как у пронизок – до 1 см. Специальными исследованиями было установлено, что прочность и пластичность металла в частях отливок, испытывавших затрудненную усадку, возникающую со стороны литейной формы и вставного стержня, существенно уменьшаются: понижается предел текучести металла, затрудняется линейная усадка отливки по внутреннему диаметру, из-за сопротивления, оказываемого вставным стержнем (Пикунов М.В., 1997). На некоторых из изученных пронизок были зафиксированы на внутренней стороне следы использования вставного стержня в виде бугров, затеков металла, трещин; отмечена также неровность краев цилиндра пронизок, особенно со стороны подведения литников, возникшая из-за деформаций металла и напряжения в отливках, особенно сильных в этом месте (Пикунов М.В., 1997). Однако до конца снять вопрос, был ли такой способ изготовления пронизок указанных вариантов единственным, не удалось.

Интересна схема изготовления шумящих подвесок: каждый из её элементов изготавливался отдельно. Основным материалом для изготовления модели подвески служили проволочные нити; из них формировались тело подвески (кольца, волноты, спирали), дужка, цепи или цепедержатели. Дополнительные декоративные элементы также формировались из выплавляемого материала (воска) – капли, жгутики, косички и т.д. После изготовления («плетения») всех элементов происходил процесс сборки модели украшения, с формированием литников, остатки которых очень четко фиксируются на готовых украшениях в виде обручков металлических нитей на отдельных эле-

ментах подвески. Литниковая система имеет последовательный вид: от центрального литникового канала на вершине изгиба дужки, через систему разветвляющихся литников к каждому элементу модели, к привескам. Вероятно, к привескам могли подводиться также и отдельные литники, чтобы предотвратить возможный недоток металла в нижнюю часть формы.

Существует несколько версий относительно способов формовки модели шумящих украшений в глиняное тесто. Так, по мнению Б.А.Рыбакова (1948), обмазка модельным составом материала производилась до изготовления выплавляемой модели. Т.Г.Сарачева считает, что наиболее рациональным способом является поэтапное заформовывание готовых элементов во избежание деформации выплавляемой модели (Сарачева Т.Г., *в печати*).

Комбинирование способов получения выплавляемой модели демонстрирует процесс изготовления ажурных застежек. Исследователями высказывалось мнение, что ажурные застежки изготавливались с помощью наматывания проволоки на скульгаму; дополнительные декоративные элементы напайвались на проволоку (Белоцерковская И.В., 1999).

Выплавляемая модель ажурных застежек состоит из основного элемента – воскового дрота круглого сечения. Реконструируемые способы получения дрота следующие: путем простого изгиба «колбаски» воска с приклеиванием на концы волют или «усов»; литьем в форму с соответствующим негативом. Вторым этапом является наматывание на основу «проволоки», представляющей собой перевитую проволочную нить. Вероятно, дрот предварительно обмазывался жидкой глиняной суспензией для предотвращения склеивания отдельных витков и «размывания» проволочной нити на восковом же дроте. Третьим этапом является формование и склеивание дополнительных декоративных элементов: «треугольников» зерни. Судя по имеющимся в нашем распоряжении данным, этот элемент формировался следующим образом: на тонкую проволочную нить, которой предварительно придали зигзагообразную форму, приклеивали капли воска в виде шариков. Затем этот элемент присоединяли к «проволоке»; характерно, что на исследованных украшениях не удалось зафиксировать соединение «треугольников» непосредственно с дротом. В данном случае не удалось выявить место подведения литника.

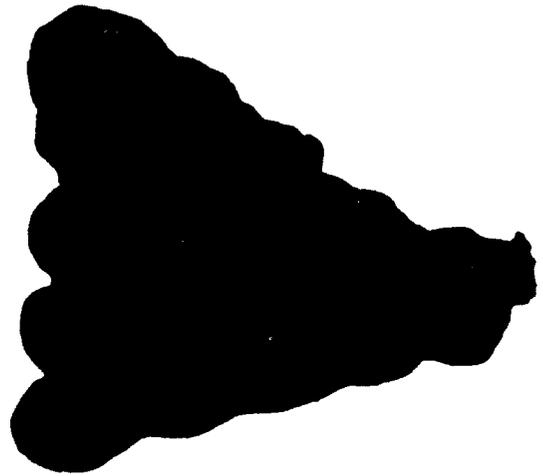

Рис. 3. Следы работы пуансоном-«анка» для изготовления сфер шариков на обороте бантиковидной бляшки. Макросъемка

Одним из наиболее дискуссионных, на наш взгляд, вопросов в истории изучения приёмов изготовления ювелирных украшений дьяковской культуры является применение пайки, позволяющей за одним прием соединять в единое целое множество элементов, составляющих изделие. Этот вопрос впервые был поднят именно при изучении ювелирных украшений из цветного металла, а именно бантиковидных бляшек с «зернью», из раскопок Троицкого городища (Смирнов К.А., 1970; Розенфельдт И.Г., 1982; Гришаков В.В., 2003). Осмотр этих изделий при помощи бинокля позволил сделать вывод, что они также изготовлены литьем по выплавляемой модели, без применения сложной техники паяния. Однако интересен способ изготовления самой выплавляемой модели. Тело бляшки состоит из шариков т.н. «зерни», отличающихся одинаковым диаметром и ровными контурами. На обороте зафиксированы следы работы пуансоном-«анка» с округлым рабочим окончанием, использовавшимся для изготовления сферы шариков (рис.3). Симметричность выпуклостей «зерни» и их ровные контуры предполагают наличие шаблона с негативными ячейками заданного диаметра, в которых пуансоном продавливалась пластина восковой заготовки. Две полосы на обороте служат для скрепления отдельных (в данном случае, двух) частей восковой модели, а также для их последующего использования в качестве петель крепления. Подобный

прием использования этих элементов с двойной функциональной нагрузкой зафиксирован и на других ювелирных украшениях, в т.ч. на бляшках и привеске из составаклада Троицкого городища (Сапрыкина И.А., 2004).

Другая схема изготовления ювелирных украшений Троицкого городища представляет собой литье в составные формы с последующей кузнечной обработкой литой заготовки. К этой схеме относится лишь 20% исследованной выборки. В основном, к этому способу литья относятся дроты квадратного и круглого сечения, фрагменты гривны с грибовидным замком, фибула и другие категории ювелирных украшений. Отметим, что среди ювелирных украшений Троицкого городища не встречены изделия, отлитые в литейных формах, найденных на поселении (Дубынин А.Ф., 1970).

Одним из наиболее ярких свидетельств существования местного производства украшений по этой схеме является находка фрагмента скульгама (?) на южной части жилой площадки городища, при публикации интерпретированной как «скульгама с окончанием в виде гвоздика» (Смирнов К.А., 1970). После проведенной реставрации одно из утолщений на конце дрота исчезло, второе стало представлять собой остаток литника. На эту интерпретацию указывают также следы опилования литейного шва с обеих сторон, один из которых подходит к окончанию в виде шляпки. Дрот был отлит в двустворчатую форму; после литья дрот прошел первичную обработку по спиливанию литейного шва и приданию формы, но по каким-то причинам мастер не удалил литник на этом этапе.

Литье в составную форму предполагает и фибула типа *Aucissa*, найденная в верхнем слое Троицкого городища (рис.4) (Дубынин А.Ф., 1970). Сама форма, вероятно, была получена оттиском в формовочной массе готового изделия, отлитого по выплавляемой восковой модели. Подобные схемы изготовления фибул «массовых фасонов» известны и описаны в ряде работ (Lamm Кг., 1973; Шаблавина Е.А., 2001). Метод «прямого» копирования, тиражирования изделий является идеальным для получения орнаментированных рельефных украшений.

Дужка с пятой и иглоприемником копируемой модели фибулы типа *Aucissa* отпечатывалась в подсушенной глине на ровной лицевой поверхности. В некоторых случаях изображение могло «подниматься» при помощи ножа. В

этой же створке вырезали литник, причем объем литника точно соответствовал гнезду булавки. После просушки и обжига створок литейной формы производилась одновременная отливка фибулы: головки, дужки, иглодержателя, пяты. Рельефный орнамент на дужке фибул также литой; несет на себе следы мелкой подправки оплывшего рельефа на дужке.

Вторым этапом изготовления фибул была отливка пуговицы пяты, впоследствии фиксируемой на ножке. Пуговица также отливалась в двустворчатую глиняную съемную форму; литник при этом подводился к верхней части шарика, что хорошо фиксируется в виде сохранившихся наплывов металла. Вероятно, после отливки в пуговице просверливали отверстие. Завершающей стадией была сборка всех литых деталей и крепление железной иглы (сердечник, пружина и игла фибул сделаны из железной проволоки, от которой в большинстве случаев остаются окислы железа). Крепление иглы производили после деформации головки и иглодержателя фибулы. Вероятно, головка фибулы в этом случае подвергалась ковке для большего обхвата сердечника.

В результате визуального осмотра были выявлены многочисленные следы последующей обработки тела фибулы напильником, доводки формы боковых стенок, иглодержателя, подправки орнамента, следы заглаживания лицевой стороны фибулы. Боковая поверхность фибулы была подвергнута тщательной механической обработке – уничтожению литейных швов. Только в одном случае удалось зафиксировать не до конца уничтоженный напильником след литейного шва, проходящий по нижней части приемника иглы. Мастер не убрал до конца наплыв металла, образовавшийся из-за смещения створок литейной формы.

Ювелирные украшения Троицкого городища, такие как гривны, скульгамы, пластинчатые привески и накладки, браслеты и перстни, были изготовлены с помощью кузнечной обработки литой заготовки. Их изготовление велось следующими приемами, характерными для ручной свободнойковки, при этом довольно часто фиксируется комбинирование этих приемов:

1. *осадка* – для утолщения поковки по всей длине;
2. *обрубка* – отделение части материала по наружному контуру;
3. *расплющивание* – увеличение площади заготовки за счет ее высоты;

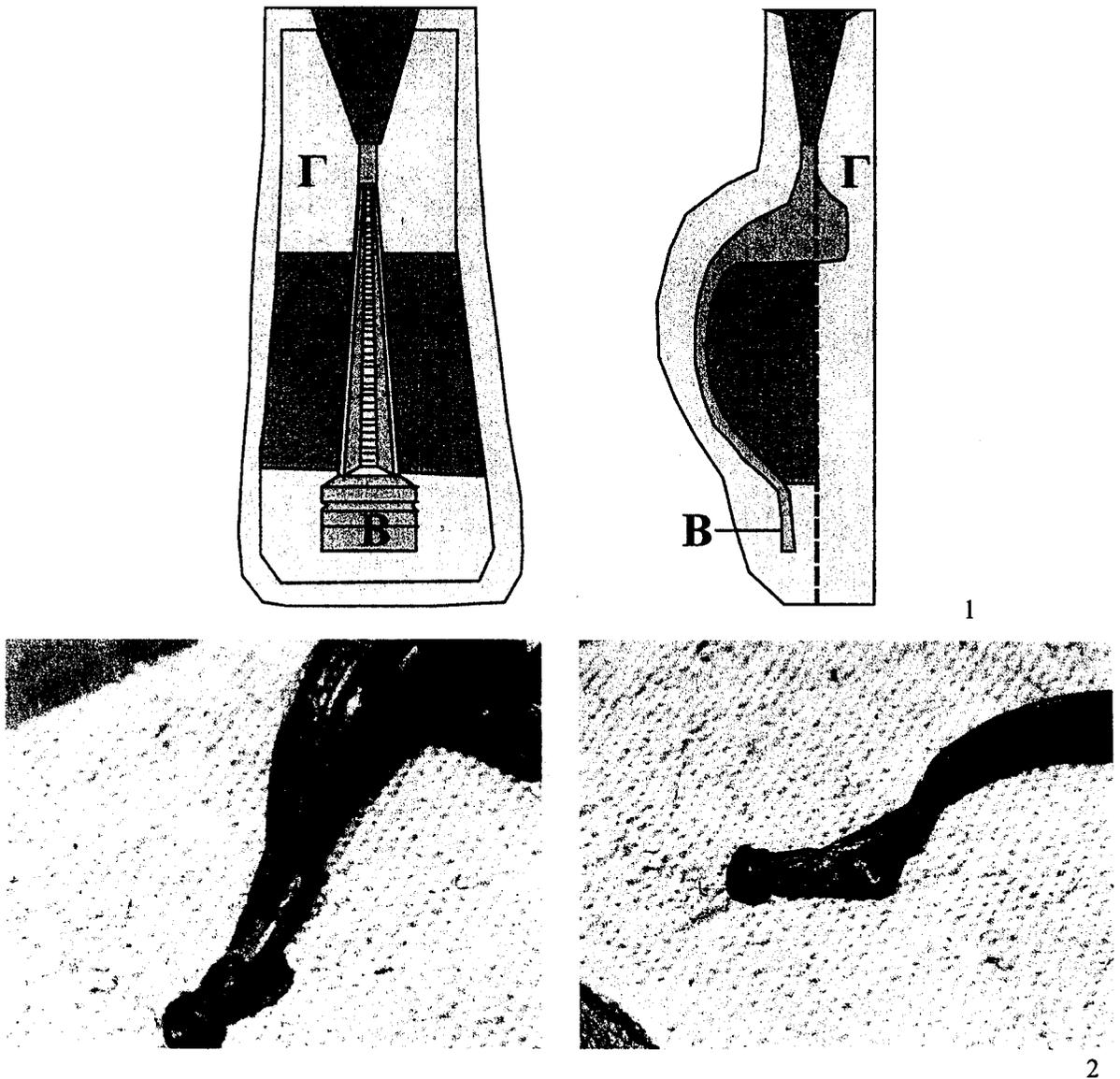

Рис. 4. Реконструкция литейной формы для отливки фибулы типа Aucissa: 1 – реконструкция литейной формы: А – литник, Б – «подъемник», В – отливка, Г – литейная форма; 2 – следы обработки изделия абразивом после отливки

4. *вытяжка* – увеличение длины заготовки за счет уменьшения ее поперечного сечения;
5. *прошивка* – для получения сквозных отверстий в поковке;
6. *гибка* – придание изогнутой формы по заданному контуру;
7. *выглаживание* – придание законченного вида поковке.

Так, спиральные пронизи изготовлены из скрученной проволоки треугольного и плоского сечения, полученной свободной ковкой приемом вытяжки. Изготовление кованой проволоки, в сечении имеющей треугольную форму, могло производиться на специальной же-

лобчатой наковальне (Рындина Н.В., 1963). Пластинчатые изделия, перстни и накладки, изготовлены из тонкого листового металла, полученного путем расплющивания исходного металла в тонкую пластину (толщиной 0,5–0,7 мм). Для всех пластинчатых украшений, полученных резанием из листового металла, характерны ступенчатые края, что свидетельствует в пользу применения зубила с прямым лезвием.

Возможность проведения указанных кузнечных операций документируют также имеющиеся в составе коллекции Троицкого городища следующие инструменты (рис.5) (названия приведены по: Флеров А.В., 2001):

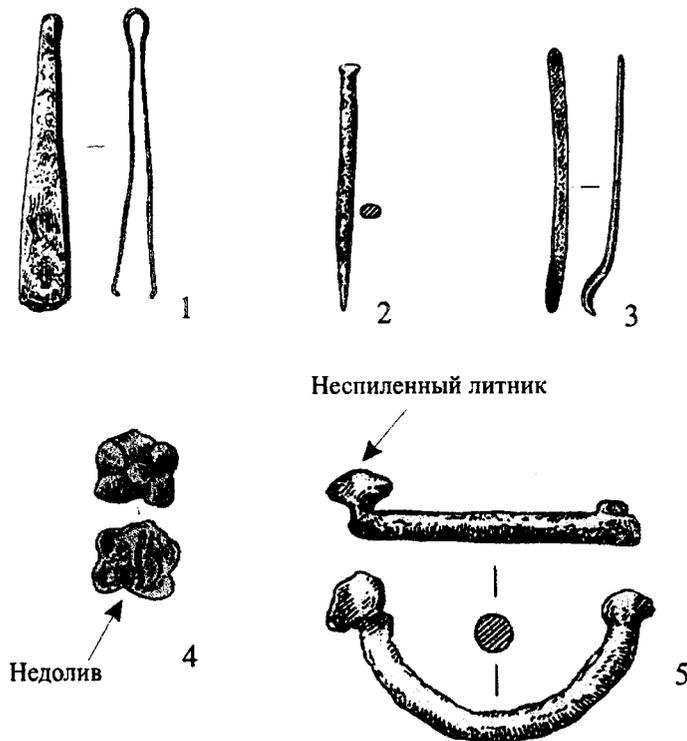

Рис. 5. Ювелирные инструменты и ювелирный брак в коллекции Троицкого городища: 1 – ювелирный пинцет (цветной металл); 2 – канфарник (железо); 3 – сапозжок (цветной металл); 4 – литейный брак на розетковидной бляшке; 5 – брак на фрагменте сьюльгамы (?)

- кузнечный *молот* проушной односторонний (1 экз.);
- ювелирные *чеканы*:
  - *канфарник* – чекан с заостренным концом в форме тупой иглы, служит для отделки фона точками («канфарение») (1 экз.; рис.5,2),
  - *сапозжок* – чекан специального назначения для получения поднутрений на рельефе (2 экз.; рис.5,3);
- зажимные ювелирные *пинцеты* (2 экз.; рис.5,1);
- *сверла* (2 экз.).

По сохранившимся следам на поверхности ювелирных украшений Троицкого городища можно восстановить набор ювелирного инструментария, применявшегося древними мастерами:

- *пурошник* – чеканом с круглой, сферической головкой для подъема рельефа с оборотной стороны изделия;
- *пуансон* (фигурные чеканы) – чеканы с любым орнаментальным мотивом, в частности, циркульным;
- *мессеритихель* или *штицтихель* – ножевой резец, поперечный резец которого соответствует остроугольному треугольнику.

Так, на пластинчатых накладках и привесках фиксируются следы работы канфарником; зафиксирована разметка границ орнамента, выполненная расходником; рельефный орнамент на пластинчатом перстне выполнен пурошником; орнаментальный ряд на гривне, интерпретируемой К.А.Смирновым как «диадема» (1970), выполнен пуансонами и ножевым резцом (гравированный орнамент).

Кузнечная обработка должна была производиться на наковальнях – основном опорном инструменте, на котором производятся все ковочные операции. Реконструируемые специальные инструменты дляковки следующие: ручник (кузнечный молоток), основной кузнечный инструмент для мелких поковок; тиски, киянки, гладилки, пробойники. Для проведения чеканных работ в арсенале мастера должны были находиться чеканные молотки, инструменты для подготовки поверхности литого изделия к чеканке, канифоль, стеарит или смола для закрепления отливок при чеканке.

Имеющиеся в нашем распоряжении 114 анализов химического состава цветного металла Троицкого городища, выполненные двумя принципиально разными методами, были

Таблица 2. Сплавы Троицкого городища на основе меди

Тип сплава	Элементы	Кол-во анализов
1. Оловянная бронза	Cu + Sn	5
2. Оловянно-свинцовая бронза	Cu + Sn + Pb	40
3. Оловянно-цинковая бронза	Cu + Sn + Zn	4
4. Латунь	Cu + Zn	24
5. Оловянная латунь	Cu + Zn + Sn	18
6. Свинцовая латунь	Cu + Zn + Pb	2
7. Многокомпонентная латунь	Cu + Zn + Sn + Pb	20
8. Сплав меди, олова и свинца с серебром	Cu + Sn + Pb + Ag	1

классифицированы по заранее установленным параметрам (Енисова Н.В., Митоян Р.А. и др., 2001). Характерной особенностью этой выборки является отсутствие анализов химического состава цветного металла украшений, датирующихся в пределах V–IV вв. до н.э. – конца I тыс. до н.э. Проведенная классификация позволила выделить следующие типы сплавов на основе меди, употреблявшихся для изготовления ювелирных украшений Троицкого городища в период с конца I тыс. до н.э. по V–VI вв. н.э. (табл.2).

Как видно из таблицы, основное количество ювелирных украшений Троицкого городища изготовлено из оловянно-свинцовой бронзы, латуни и многокомпонентной латуни. Из оловянно-свинцовой бронзы (с разным содержанием в сплаве Sn и Pb) изготовлено основное количество умбоновидных подвесок (17 анализов). Известно, что этот же тип сплава применялся для изготовления умбоновидных подвесок и на городище Настасьино (Сапрыкина И.А., Энгватова А.В., 2002). При изготовлении 8 экземпляров умбоновидных подвесок, попавших в выборку, использовались оловянная бронза, латунь, оловянная и многокомпонентная латуни.

Содержание основных компонентов оловянно-свинцовой бронзы Троицкого городища имеет довольно значительный разброс концентраций: так, минимальное содержание олова в сплаве составляет 3,49%, свинца 1,00%; максимальное значение содержания олова достигает 44,74%, свинца – 15,07%. Корреляционный анализ между элементами сплава, проведенный с помощью программы Statistica 6, зафиксировал значимую корреляцию между медью и оловом и отсутствие корреляции этих элементов со свинцом (табл.3, рис.6). Скорее всего, это свидетельствует о том, что оловянную бронзу, представляющую собой основу тройного сплава, легиро-

вали в необходимых пропорциях либо свинцом, либо свинцовой бронзой уже на городище.

Вторым типом сплава, употреблявшимся для изготовления ювелирных украшений, являются латуни (сплав меди с цинком и многокомпонентный сплав). Корреляция между типом сплава и категорией ювелирных украшений прослежена для колоколовидных подвесок и пронизей Троицкого городища – характерным является литье этих украшений из оловянной и многокомпонентной латуни (13 анализов). Из сплавов с цинком изготовлены и некоторые ювелирные инструменты – пинцеты, «сапожок». Судя по результатам анализов химического состава металла, значительная часть украшений отливалась из высокоцинковой латуни (с содержанием цинка более 10%) (15 анализов); максимальное значение содержания цинка достигает здесь 24,49%.

Корреляционный анализ, проведенный для пар элементов Cu–Zn, Cu–Sn, Zn–Sn, показал наличие значимой связи между медью и цинком (табл.4), что, вероятно, свидетельствует об использовании на Троицком городище латуни, загрязненной оловом; сам сплав, скорее всего, был получен в результате смешивания двойного сплава и оловянной латуни (рис.7).

Несомненно, что в определенный хронологический период на Троицкое городище поступало высокоцинковое сырье в виде слитков или готовых изделий, как, например, фибулы типа Aucissa, найденной на Троицком городище в основании верхнего слоя и датирующейся от 6–19 по 50–70 гг. н.э. (Дубынин А.Ф., 1970; Щукин М.Б., 1994). По результатам анализа химического состава металла фибул известно, что основным сплавом для изготовления этих застежек на обширной территории от Британских островов до Израиля была латунь. Небольшой процент этих застежек, которые исследователи относят к более

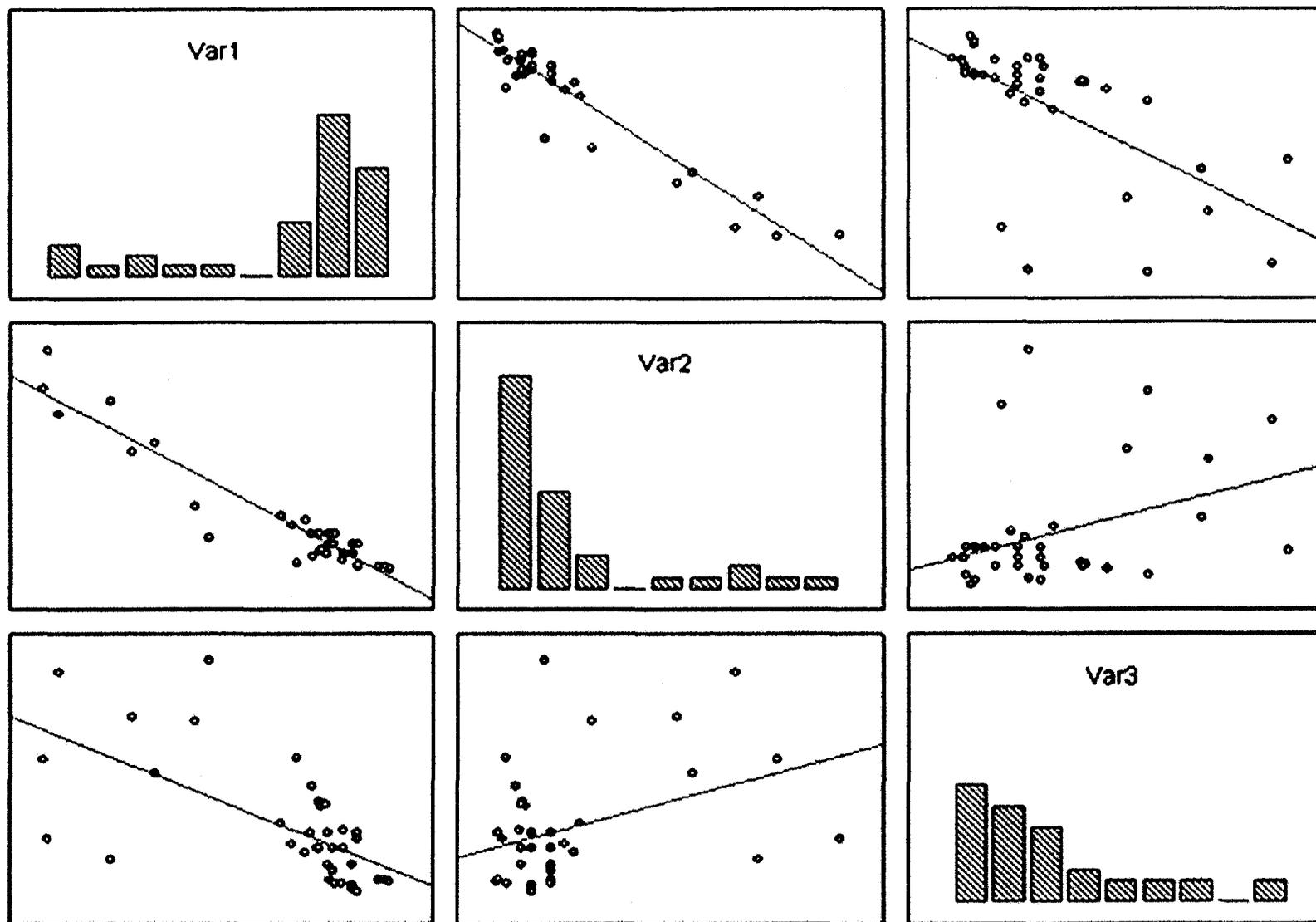

Рис. 6. График корреляционной зависимости между основными компонентами сплава Cu-Sn-Pb, где Var-1 – медь, Var-2 – олово, Var-3 – свинец

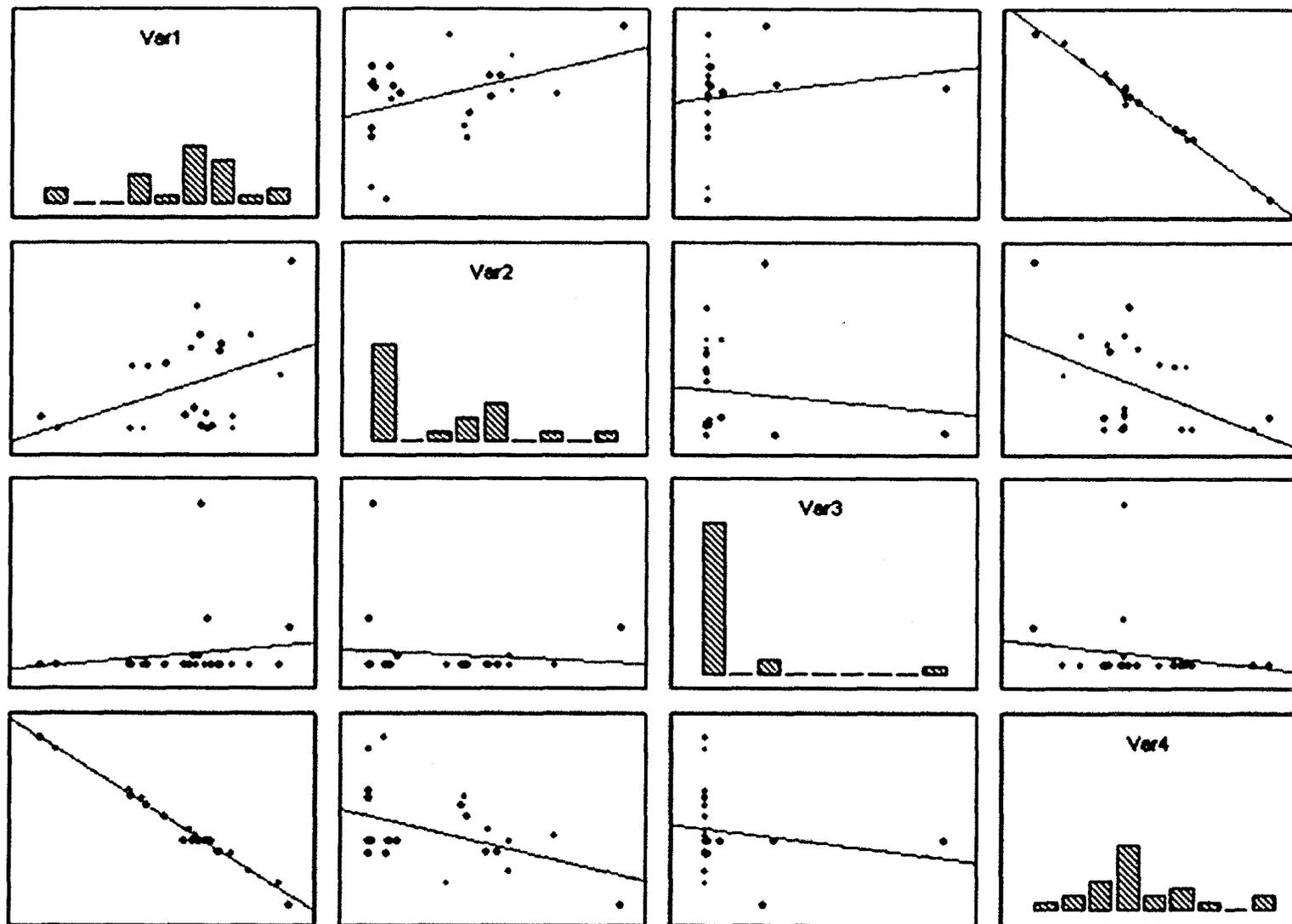

Рис. 7. График корреляционной зависимости между основными компонентами сплава Cu-Zn, где Var-1 – медь, Var-2 – олово, Var-3 – свинец, Var-4 – цинк

Таблица 3. Значения коэффициентов корреляции между элементами сплава Cu–Sn–Pb на уровне значимости $p < 0.05000$ при 95% доверительном интервале (значимый коэффициент обозначен специальным символом *)

Элементы	Cu	Sn	Pb	Zn
Cu	1.00	-0.95*	-0.17	0.22
Sn	-0.95*	1.00	0.09	-0.18
Pb	-0.17	0.09	1.00	-0.11
Zn	-0.22	-0.18	-0.11	1.00

позднему времени (до начала последней четверти I в. н.э.), изготовлялся из gun metal – оловянной бронзы с содержанием олова в 10% и низким содержанием цинка (Gugl Ch., 1995; Bayley J., 1998). В этой связи показательно попадание в группу высокоцинковой латуни анализов химического состава металла ажурных застежек Троицкого городища, которые по аналогиям в материалах рязано-окских могильников датируются в узких хронологических рамках – второй половиной III в. н.э. (Белоцерковская И.В., 1999).

Кроме этого вида сырья, на Троицкое городище период с конца I тыс. до н.э. по V–VI вв. н.э. поступали чистая медь, оловянная бронза, возможно, легкоплавкие металлы – олово и свинец. В выборке присутствует своего рода уникальное изделие (бляшка плоская, с диаметром более 1 см), на данный момент единичное для материалов дяковской культуры, изготовленное из сплава с примесью драгоценного металла (*серебра*). Но отличительной чертой коллекции Троицкого городища является отсутствие изделий, изготовленных из свинцовой бронзы и легкоплавких сплавов.

Зависимость выбора определенной технологической схемы от типа сплава четко не прослеживается для исследованной выборки. Однако отмечено, что все украшения, изготовленные с помощьюковки и перечисленных кузнечных операций, отличаются низким содержанием свинца (до 3%). Сплавы с такой лигатурой подходят как для литья, так и для кузнечной обработки. Интересным представляется тот факт, что эти украшения были встречены в основном на южном участке жилой площадки Троицкого городища (*специализированная мастерская*), в то время как на северном участке (*второй производственный комплекс*) преобладают находки украшений, отлитых по первой технологической схеме (литье по выплавляемой модели) из оловянно-свинцовой бронзы.

Таблица 4. Значения коэффициентов корреляции между элементами сплава Cu–Zn на уровне значимости $p < 0.05000$ при 95% доверительном интервале (значимый коэффициент обозначен специальным символом *)

Элементы	Cu	Sn	Pb	Zn
Cu	1.00	.40	.15	-.99*
Sn	.40	1.00	-.09	-.44*
Pb	.15	-.09	1.00	-.17
Zn	-.99*	-.44*	-.17	1.00

Реконструируемый производственный ювелирный комплекс Троицкого городища включает в себя два локальных очага металлообработки и изготовления ювелирных украшений, время существования которых может быть определено в рамках с конца I тыс. до н.э. по V–VI вв. н.э. На наш взгляд, наиболее ранний очаг, не представляющий собой сложной специализированной деятельности, локализуется на северном участке городища в одной из жилых построек и стратиграфически соотносится с основанием верхнего слоя. Здесь характерны находки украшений, представленных в основном изделиями, характерными для дяковской культуры – в первую очередь, умбонovidными подвесками и бляшками. Способ изготовления этих украшений и тип сплава, из которого они отливались, полностью коррелируется с данными, полученными для аналогичных категорий ювелирных украшений IV–III вв. до н.э. – I–II вв. н.э. из коллекции городища Настасьино (Сапрыкина И.А., Энгватова А.В., 2002).

На каком-то хронологическом этапе происходит трансформация в ювелирной традиции Троицкого городища, связанная с появлением второго очага цветной металлообработки. «Новым веянием» является не только выделение отдельной постройки и вынесение ее за пределы жилой застройки городища, как огнеопасного производства, но и появление украшений, полученных по второй технологической схеме – литье в составные формы с последующей кузнечной обработкой литой заготовки. При изготовлении ювелирных украшений применяются различные кузнечные операции; расширяется набор инструментов, которыми оперирует мастер; характерно появление латуни и сплавов с цинком, большее разнообразие сплавов цветных металлов, с которыми работают литейщики городища, по сравнению с картиной используемых сплавов на городище Настасьино. Причина таких изменений в ювелирном комплексе Троицкого городища пока не ясна.

Литература

- Белоцерковская И.В., 1999. Ажурные заставки из могильника Кораблино // ТрГИМ. Вып.103. М.
- Белоцерковская И.В., 1999. Верхнеокские элементы в культуре рязано-окских могильников // Исследования П.Д.Степанова и этнокультурные процессы древности и современности. Саранск
- Гришаков В.В., 2003. Два головных убора с верхнеокскими элементами из Абрамовского могильника // Поволжские финны и их соседи в эпоху средневековья. Проблемы хронологии и этнической истории. Тез. докл. II межрегион. научн. конф. Саранск.
- Древнее поселение в Подмосковье, 1970 // МИА. Вып.156. М.
- Дубынин А.Ф., 1970. Троицкое городище // МИА. Вып.156. М.
- Дубынин А.Ф., Розенфельдт И.Г., 1970. Постройки Троицкого городища // МИА. Вып.156. М.
- Ениосова Н.В., Колосков С.А., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г., 1997. О применении рентгенофлюоресцентного энерго-дисперсного анализа в археологии // Вестник Московского Университета. Серия 8. История. № 1. М.
- Ениосова Н.В., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г., 2001. О принципах классификации средневековых сплавов на основе меди // Художественный металл России. Материалы конференции памяти Г.Н.Бочарова. М.
- Ениосова Н.В., Сарачева Т.Г., 1997. Средневековое ювелирное ремесло Европы: основные аспекты в истории изучения // Древности Евразии. М.
- Пазухин А.В., 1970. Древнее литье в земляные формы, глиняные формы // СА. № 4.
- Пикунов М.В., 1997. Плавка металлов. Кристаллизация сплавов. Затвердевание отливок. М.
- Розенфельдт И.Г., 1982. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. М.
- Рыбаков Б.А., 1948. Ремесло Древней Руси. М.
- Рындина Н.В., 1963. Технология производства новгородских ювелиров X–XV вв. // МИА. Вып.117. М.
- Сапрыкина И.А., 2004. Приемы изготовления ювелирных украшений из «клада» Троицкого городища // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. М.
- Сапрыкина И.А., Энговатова А.В., 2002. Химический состав цветного металла дьяковского времени из раскопок городища Настасьино // Тверской археологический сборник. Вып.5. Тверь.
- Сапрыкина И.А., в печати. Литейные формы из раскопок Мутёнковского городища // Сборник докл. Чтения, посвященные 100-летию деятельности В.А.Городцова в Государственном Историческом музее. М.
- Сарачева Т.Г., в печати. Технология изготовления ювелирных изделий Никитинского могильника // В составе монографии: Воронина Р.Ф., Энговатова А.В., Зеленцова О.В. Никитинский могильник.
- Смирнов К.А., 1970. Части костюма и украшения, найденные на Троицком городище // МИА. Вып.156. М.
- Смирнов К.А., 1974. Дьяковская культура (материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) // Дьяковская культура. М.
- Флеров А.В., 2001. Материаловедение и технология художественной обработки металлов. М.
- Черных Е.Н., Барцева Т.Б., 1970. Химический состав цветного металла Троицкого городища // МИА. Вып.156. М.
- Шаблавина Е.А., 2001. Визуально определяемые особенности литья металлических украшений по восковой модели (на материале пальчатых фибул Днепровского Левобережья VII в. н.э.) // Древние ремесленники Приуралья. Ижевск.
- Щукин М.Б., 1994. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. – I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе. СПб.
- Bayley J., 1998. The production of brass in antiquity with particular reference to Roman Britain // 2000 years of zinc and brass. Revised edition. British Museum. N 50.
- Gugl Ch., 1995. Die römischen Fibeln aus Vindonava. Klagenfurt.
- Lamm Kr., 1973. The manufacture of jewellery during the migration period at Helgo in Sweden // Bulletin of the Historical Metallurgy Group. V.7. N 2. London.
- Maryon H., 1971. Metalwork and Enamelling. New York.
- McCreight T., 1991. The Complete Metalsmith. An Illustrated Handbook. USA.
- Srinivasan S., Glover I., 1995. Wrought and quenched, and cast high-tin bronzes in Kerala State, India // Historical Metallurgy. The journal of the Historical Metallurgy Society. V.29. N 2.

АНТИЧНАЯ КЕРАМИЧЕСКАЯ ПОСУДА ИЗ БОЛЬШОГО РЫЖАНОВСКОГО КУРГАНА

В неограбленном погребальном памятнике скифской аристократии – Большом Рыжановском кургане (далее – *БРК*), расположенном в южной части украинской Правобережной Лесостепи, в междуречье Гнилого и Горного Тикича (с.Рыжановка Звенигородского р-на Черкасской области), содержащем 2 практически одновременных могилы – центральную (далее – *ЦМ БРК*) с останками скифского вельможи и боковую (далее – *БМ БРК*) с останками молодой знатной скифянки (Ossowski G., 1888; Chochorowski J., Skoryj S., 2000), среди многочисленного и разнообразного инвентаря захоронений присутствовали 27 сосудов. Шесть из них – металлические и деревянные – местного изготовления, 21 – импортные, в том числе 11 металлических (бронза, серебро) и 10 керамических сосудов. Помимо этого, среди остатков тризны (в насыпи кургана, на уровне древнего горизонта вблизи могил и в культовом ровике) обнаружены фрагменты ещё примерно 18 керамических сосудов: 10 лепных сосудов скифского типа и, по меньшей мере, 8 амфор, тип 5 из которых вполне определим.

Посуда из *БРК*, в частности металлическая импортная, уже являлась предметом специального изучения (Скорый С.А., 2000, с.122–125). Настоящая работа посвящена рассмотрению античной керамической посуды.

Античная керамика, найденная в погребениях (рис.1), представлена винными амфорами – 5 сосудов (4 – *ЦМ БРК*, 1 – *БМ БРК*), столовыми чернолаковыми сосудами – двумя канфарами (по одному в каждом погребении), миской (*ЦМ БРК*), так называемой чашечкой (*БМ БРК*), а также туалетным сосудом – флаконом (*БМ БРК*)¹.

Группа амфор весьма интересна по ассортименту.

1. *Пифоидный сосуд с яйцевидным туловом*, оканчивающимся усечённо-конической ножкой, с невысоким цилиндрическим горлом, короткими, круглыми в сечении ручками и широким, воротничкообразным венчиком, лежащим на верхние прилепы ручек (*ЦМ БРК*). Тесто сосуда плотное, светло-жёлтого цвета, с мелкими тёмными включениями. Поверхность тщательно заглажена. На плечиках амфоры, с одной стороны расположено граффито, прочерченное по сырой глине, состоящее из трёх греческих букв ΘΕΙ. Возможно, это сокращение от слова «прекрасное», «превосходное»².

Сосуд был обнаружен во фрагментарном состоянии, реставрирован³.

Высота амфоры 77 см, максимальный диаметр тулова 47,2 см. Вес сосуда 14 кг. Предположительный объём около 40 л (рис.2,3).

Сосуд относится к коринфским амфорам типа «А», по классификации Кэролин Кёлер. Амфоры этого типа производились в Коринфе на протяжении достаточно продолжительного времени, во всяком случае – с V по III вв. до н.э. (Кёлер К., 1992, с.269–271). Сосуды, близкие по форме рыжановскому, были обнаружены в составе груза амфор на судне, потерпевшем крушение у Балеарских островов (Кёлер К., 1992, с.281, табл.2в). Последние датируются К.Кёлер ориентировочно в пределах 2-й–3-й четвертей IV в. до н.э. Впрочем, исследовательница не настаивает на этой дате, подчёркивая «отсутствие хорошо датированных комплексов» с подобными амфорами (Кёлер К., 1992, с.270). С.Ю.Монахову датировка К.Кёлер коринфских амфор тип «А» представляется несколько завышенной (1999, с.373).

Отмечу, что в скифских курганах коринфские амфоры (типа «А») до настоящего времени

¹ Сосуды из *ЦМ БРК* хранятся в Археологическом музее ИА НАНУ в Киеве, посуда из *БМ БРК* (раскопки Г.Оссовского 1887 г.) хранится в фондах Археологического музея в Кракове.

² Здесь и далее перевод и трактовка греческих надписей на амфорах принадлежат д.и.н. А.С.Русяевой (ИА НАНУ).

³ Реставрация амфор из *ЦМ БРК* осуществлена реставратором А.В.Шияновой (ИА НАНУ).

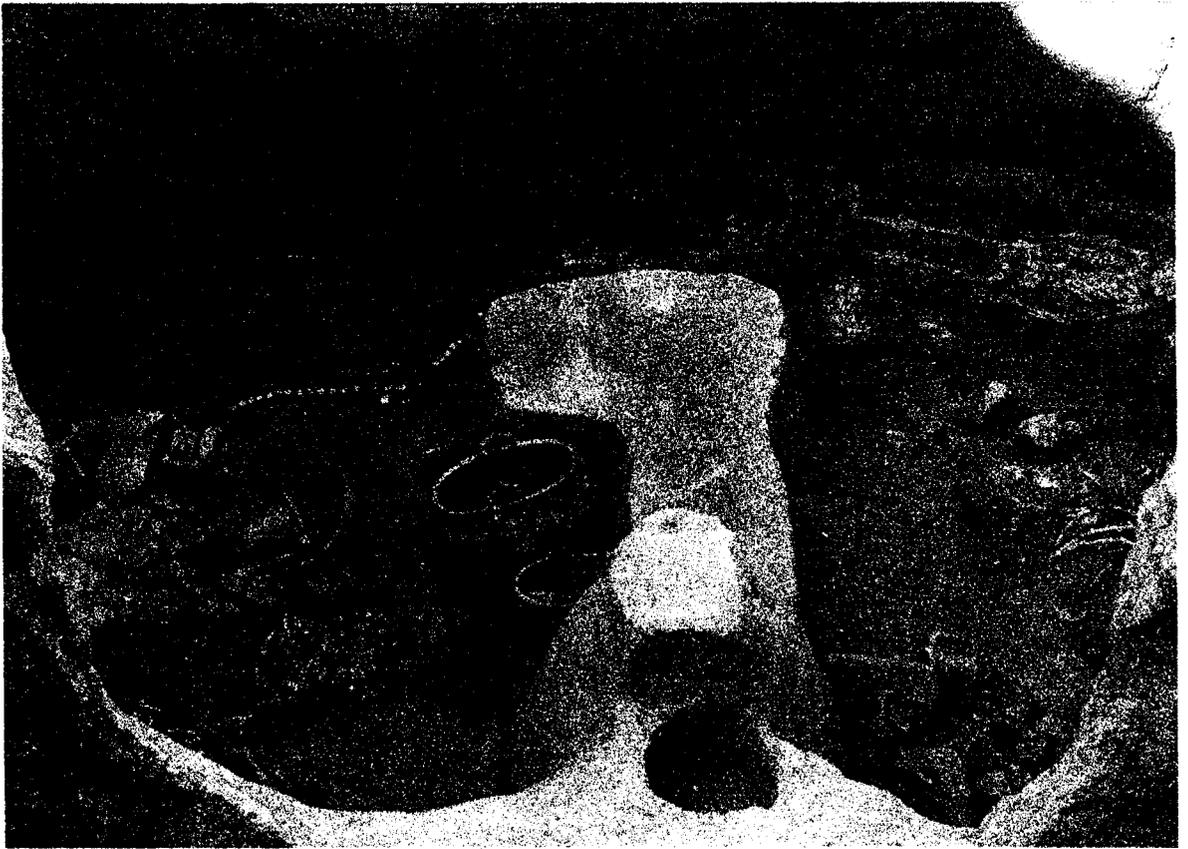

Рис. 1. Погребальная камера Центральной могилы Большого Рыжановского кургана. На переднем плане, справа и слева – развалы античных амфор, на заднем плане, слева, в углу – чернолаковые канфар и миска (Фото Я.Хохоровского)

достоверно не фиксировались. Впрочем, целые экземпляры амфор этого типа неизвестны и на античных поселениях Северного Причерноморья. Вместе с тем следует отметить, что коринфская винная тара, но более раннего, архаического времени, встречается в северопонтийском регионе, прежде всего – в материалах эллинских поселений, хотя и очень редко (Зеест И.Б., 1960, с.71; Павленков В.И., Туровский Е.А., 1988). По-видимому, вино из Коринфа поступало на берега Северного Понта в весьма ограниченном количестве.

2.3. *Две тифоидные амфоры*, которые могут быть отнесены к группе сосудов, условно объединённых в тип «Солоха-1». Как известно, этот тип был выделен А.П.Манцевич на материалах кургана Солоха (1947; 1968; 1975; 1987).

Амфора из *ЦМ БРК* имеет округлое, сужающееся книзу тулово, небольшую усечённо-коническую ножку (без углубления), короткое, слегка сужающееся к тулову, цилиндрическое горло, тонкие, овальные в сечении ручки и так называемый грибовидный венчик. Последний

оттянут под острым углом наружу и низко нависает над ручкой. Тесто амфоры светло-оранжевое, очень плотное, с мельчайшими белыми включениями слюды или кварца. Поверхность сосуда тщательно заглажена и покрыта светло-охристым ангобом (характерный признак винных амфор). Сосуд был обнаружен в виде развала, включающего сотни фрагментов, восстановлен в ходе реставрации.

Высота амфоры – 87,2 см, максимальный диаметр тулова – 46,4 см. Вес сосуда – 13 кг. Предположительный объём – более 40 л (рис.4,5).

Амфора из *БМ БРК* имеет округло-биконическое тулово на гайковидной небольшой ножке с углублением в пятке, короткое цилиндрическое горло, слегка расширяющееся к тулову сосуда, тонкие, овальные в сечении ручки и так называемый грибовидный венчик, оттянутый параллельно верхнему прилепу ручек. Тесто сосуда светло-коричневое с мельчайшими включениями слюды. Поверхность тщательно заглажена.

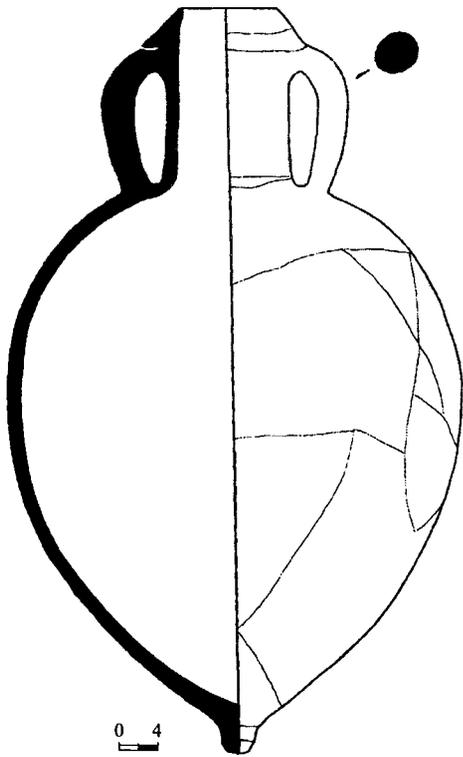

Рис. 2. Коринфская амфора из ЦМ БРК (прорисовка)

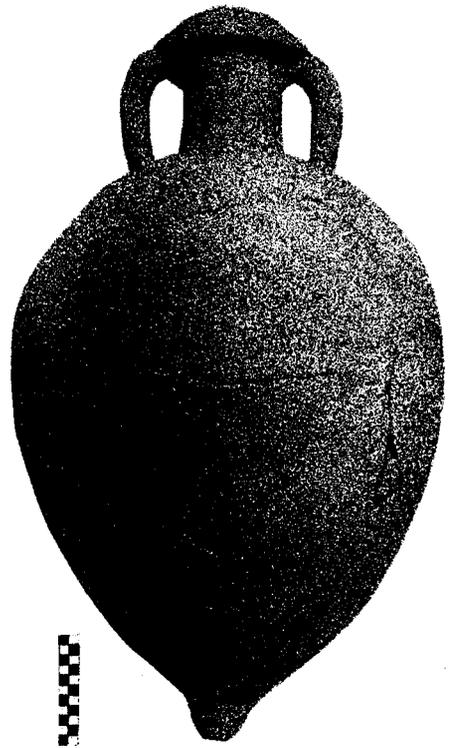

Рис. 3. Коринфская амфора из ЦМ БРК (фото)

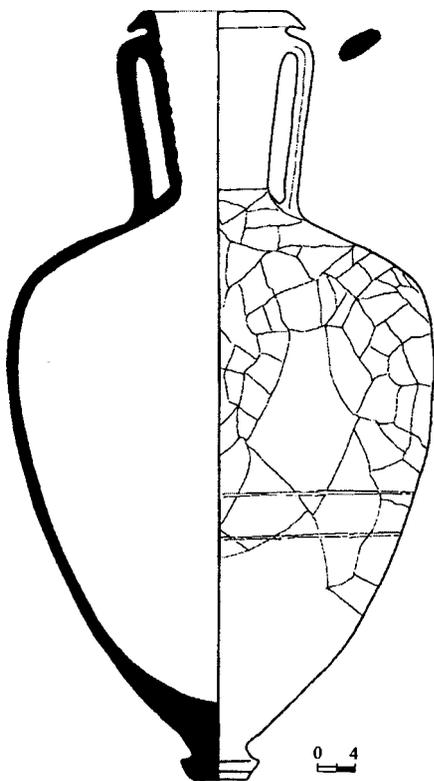

Рис. 4. Амфора типа Солоха-I (Книд?) из ЦМ БРК (прорисовка)

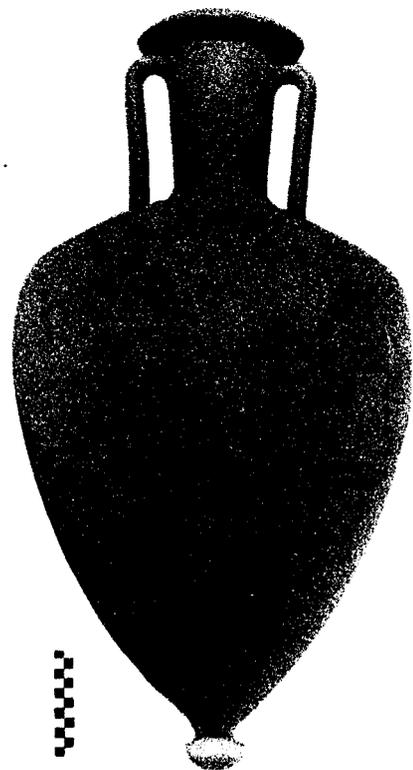

Рис. 5. Амфора типа Солоха-I (Книд?) из ЦМ БРК (фото)

Рис. 6. Амфора «рыжановского типа» (Самос?) из БМ БРК

Высота сосуда – 74,5 см, максимальный диаметр тулова – 40,4 см. Объём – 39 л (рис.6).

В настоящее время большинство исследователей полагает, что амфоры с грибовидными венчиками, объединённые в тип «Солоха-1» (по А.П.Манцевич, центром их производства являлась Терона) (1947, с.3) производились во многих центрах античного мира (Брашинский И.Б., 1980, с.27; 1984, с.43–45,124; Монахов С.Ю., Рогов Е.А., 1990, с.140; Монахов С.Ю., Абросимов Э.Н., 1993, с.130; Монахов С.Ю., 1999, с.243), поскольку они отличаются по ряду характеристик и, прежде всего, профилировкой венца, тестом и размерами. Среди возможных центров изготовления амфор с грибовидными венчиками называют Самос, Родос (Grace V., 1963, p.322; 1971, p.67), Накос, Парос, Книд, Кос (Брашинский И.Б., 1965, с.96), Пепаретос (Daulgeri-Intzessiloglou A., Garlan I., 1992, p.387,388; Гарлан И., 1992, с.40,41; Амперер Ж.-И., Гарлан И., 1992, с.20), возможно, Икос, а также иные центры Великой Греции и Сицилии. Существует мнение, что амфоры с подобной профилировкой венчика получили широкую

популярность в античном мире, прежде всего в IV в. до н.э., что вызвало их производство во многих центрах (Монахов С.Ю., 1999, с.241).

Существует весьма широкий спектр мнений о времени производства таких амфор. Во всяком случае, их датируют от конца V до н.э. (Полин С.В., Кубышев А.И., 1997, с.43) до начала III в. до н.э. (Avram A., 1989, S.251; Лейпунская Н.А., 1981, с.67), хотя большая часть авторов склоняется к мысли об изготовлении подобных сосудов в основном в IV в. до н.э.

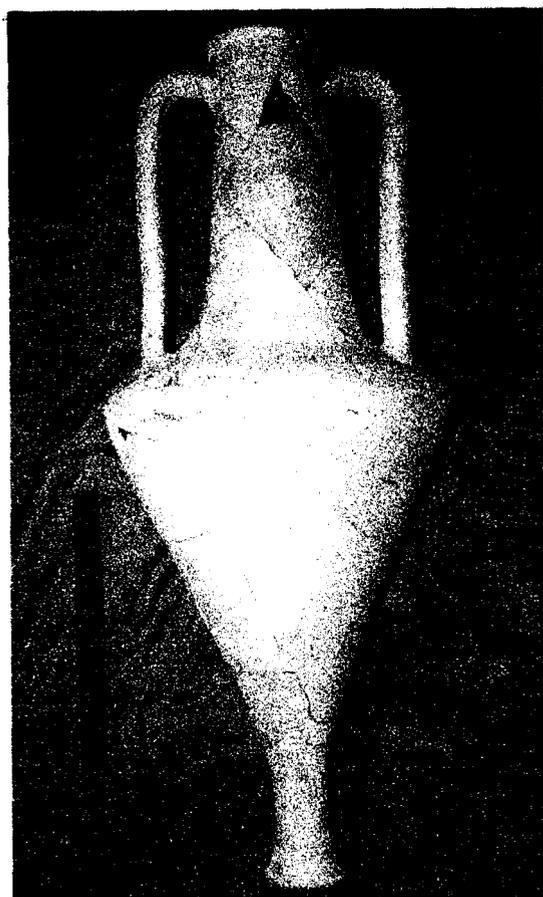
Исходя из метрических данных, амфора из ЦМ БРК относится к числу наиболее крупных пифоидных амфор с грибовидными венцами. По общим пропорциям ей более всего близки сосуды, найденные в составе груза корабля, затонувшего у Балеарских островов, и амфора из кургана Плоская Могила в Нижнем Поднепровье. Первые, как и весь комплекс кораблекрушения, датируется 2-й–3-й четвертями IV в. до н.э. (Кёлер К., 1992, с.270) или серединой – 2-й половиной указанного столетия (Монахов С.Ю., 1999, с.379), дату Плоской Могилы авторы публикации склонны определять в пределах 3-й четверти – конца IV в. до н.э. (Болтрик Ю.В., Савовский И.П., 1991, с.107), что в общем свидетельствует о достаточно продолжительном времени изготовления подобных сосудов.

Если ранее местом производства пифоидных амфор с грибовидным венцом, суженным к плечикам горлом, тестом светло-коричневого цвета, определяли Самос (В.Грейс) или Родос (Ж.-И.Амперер), то ныне предлагается версия о принадлежности их к керамической продукции Книда (Монахов С.Ю., 1999, с.345,423).

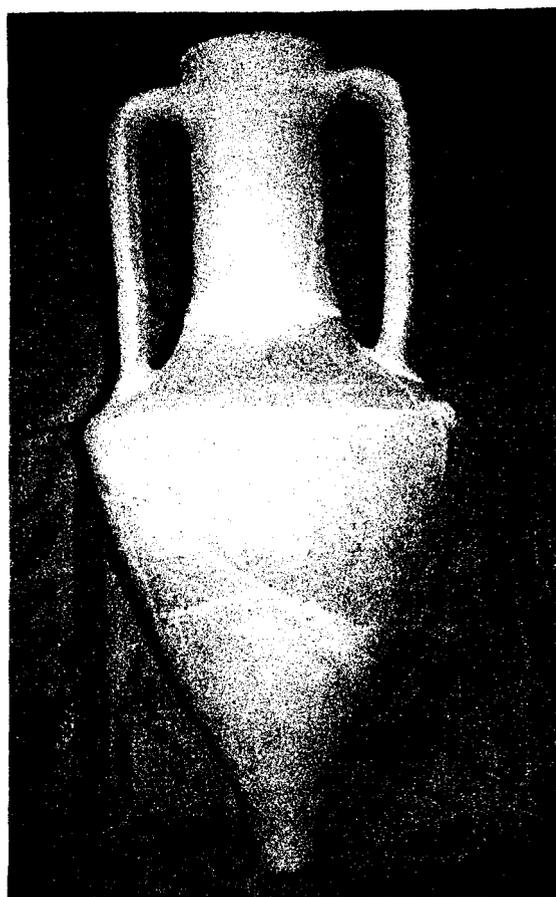
Что же касается сосуда из БМ БРК, то, по-видимому, наиболее близкими по пропорциям ему являются 2 амфоры, найденные у с.Лесовичи Киевской области (Яковенко Э.В., 1964, с.199, рис.1), что уже отмечалось в литературе (Скорый С.А., 1998, с.127; Монахов С.Ю., 1999, с.413,422). По некоторым сведениям, несколько таких же амфор происходят из грунтовых могильников Прикубанья – у хут.Ленина и станции Старокорсунской, но они, к сожалению, неопубликованы (Монахов С.Ю., 1999, с.413).

Совсем недавно А.Ю.Алексеев опубликовал рисунок горла аналогичной амфоры, найденной в Краснокутском кургане: ему удалось обнаружить его в рукописном архиве ИИМК (Алексеев А.Ю., 2001, с.70, рис.1,2).

Данный факт весьма важен, поскольку не только расширяет географию находок подобных

1

2

Рис. 9. Амфоры с рюмковидной ножкой (Менда) из ЦМ БРК (фото)

В средней части горла амфоры есть графитово, слабо и небрежно процарапанное острым тонким предметом по обожжённой поверхности. Оно состоит из греческого слова «ασινης» и буквы «κ». Слово «ασινης» может быть переведено как «безвредное», «нетронутое», «доставляющее удовольствие», т.е. удостоверяющее качество вина. Буква «κ», по-видимому, относится к цифровой метке (20), что может обозначать объём или стоимость вина. Высота сосуда – 80 см, максимальный диаметр тулова – 35,5 см, вес сосуда – 8 кг, объём – более 20 л (рис.7;9,1).

5. Вторая амфора имеет менее стройное коническое тулово, высокое цилиндрическое, слегка ребристое горло, расширяющееся к плечикам, венчик, слегка оттянутый вперёд и скруглённый: верхний край его горизонтально обрезан. Массивные ручки, в сечении овально-вытянутой или линзовидной формы. Ножка была отбита в древности и, судя по затёртости одного из краёв, сосуд этот до помещения его в

могилу какое-то время мог вторично (?) использоваться. Тесто светло-оранжевое с включениями мелкой ракушки. Почти в центре средней части горла расположено дипинто, состоящее из двух греческих букв – «π», внутри которой находится «ο», написанное красной краской. Подобная монограмма могла быть началом имени или имела цифровое значение. Сохранившаяся высота сосуда – 65 см, максимальный диаметр тулова – 30,4 см, вес – 10 кг, объём – более 14 л (рис.8;9,2).

По предложенной в своё время классификации И.Б.Зеест, оба описанных сосуда из Рыжановки относятся к «мелитопольскому» типу амфор с рюмковидными ножками (1960, с.89). Ныне производство таких сосудов убедительно связывают с городом Мендой, располагавшимся на западном берегу полуострова Паллена, в Халкидике, где находились прославленные винодельческие центры (Брашинский И.Б., 1976, с.65–74). По предложенной недавно классификации С.Ю.Монахова, сосуды из ЦМ БРК могут

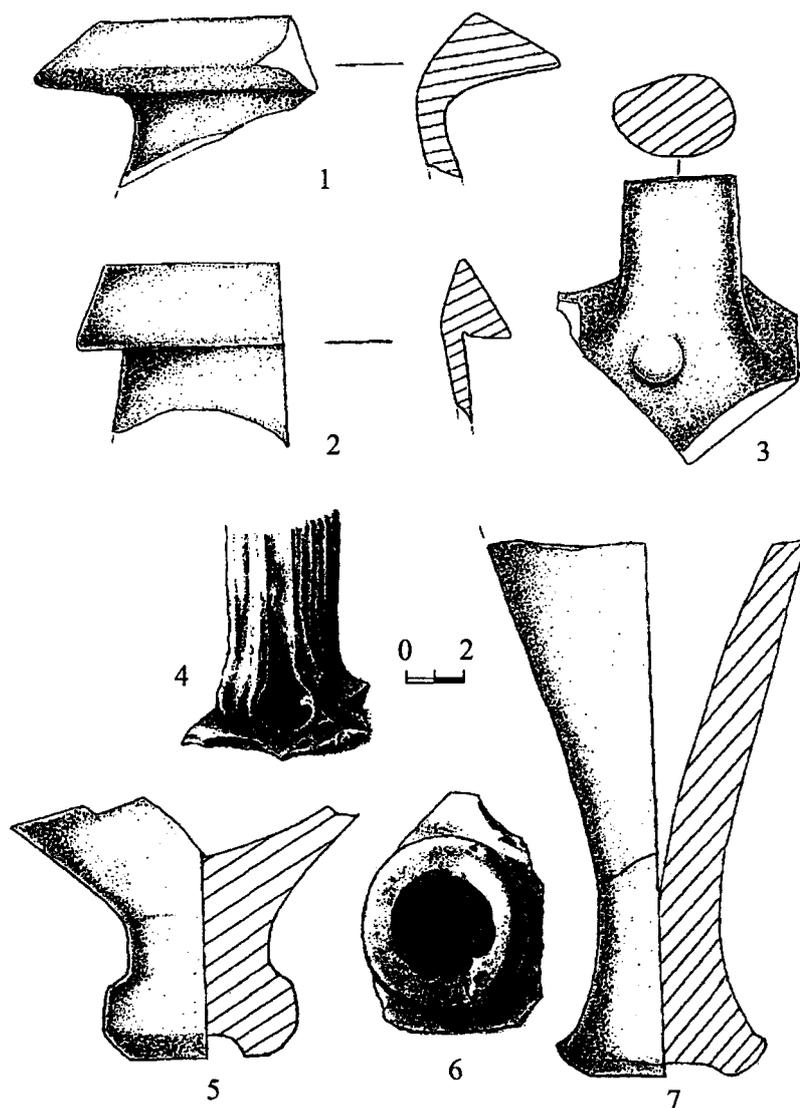

Рис. 10. Фрагменты амфор, найденные на тризне БРК

быть отнесены к варианту П-С (мелитопольскому) второго типа мендейских амфор (1999, с.609,610).

Ножка ещё одного такого же сосуда была обнаружена среди амфорного боя – остатков поминальной тризны в ровике БРК (рис.10,7).

Амфоры с рюмковидными ножками изготавливались на протяжении почти всего IV в. до н.э. и даже в начале III в. до н.э. Наиболее близкими аналогиями для первой рьжановской амфоры являются 2 сосуда (амфоры №№ 9,10) из центральной гробницы Мелитопольского кургана и сосуда из центральной могилы кургана Жёлтокаменка (Драна Кохта) в Степном Поднепровье. Они сходны не только по морфологическим признакам, но и метрическим характеристикам. Дата Мелитопольского кургана:

340–320 гг. до н.э., по Б.Н.Мозолевскому (Терножкин А.И., Мозолевский Б.Н., 1988, с.147); 330–315 гг. до н.э., по А.Ю.Алексееву (1992, с.153); 340–330 гг. до н.э., по С.Ю.Монахову (1999, с.405). Основную могилу Жёлтокаменки датируют 340–320 гг. до н.э. (Мозолевский Б.Н., 1982, с.27; Алексеев А.Ю., 1992, с.156,157) или 30-ми гг. IV в. до н.э. (Монахов С.Ю., 1999, с.397).

Со вторым рьжановским сосудом (по профилировке венчика, ручек, пропорциям тулова) наиболее сходны амфоры с рюмковидными ножками, найденные в составе тризны кургана Чертомлык (330–300 гг. до н.э.) (Алексеев А.Ю. и др., 1991, с.397, рис.4,12,35, с.368, рис.5,2), а также амфоры из центрального погребения к.14 у с.Гюновка, датируемые С.Ю.Монаховым 2-й

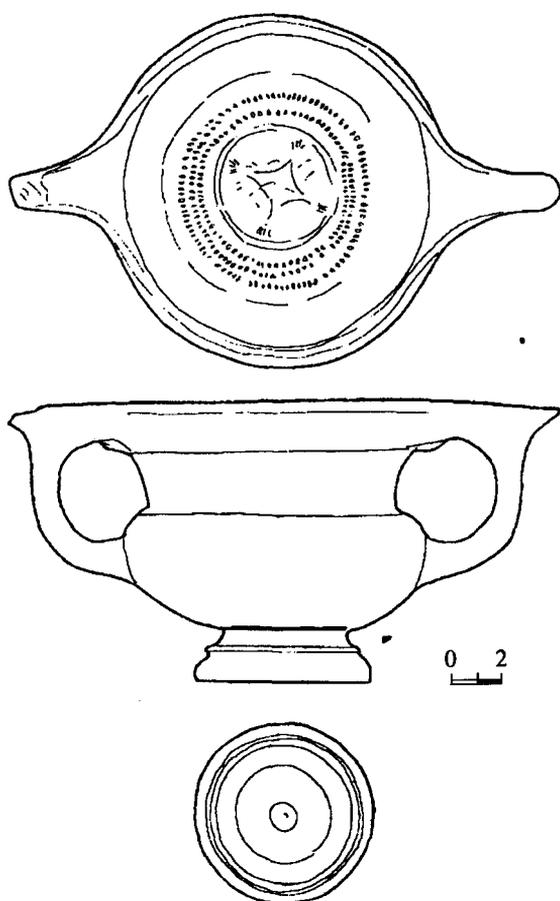

Рис. 11. Чернолаковый канфар из ЦМ БРК (прорисовка)

половиной 60-х гг. IV в. до н.э. (1999, с.377,380, 381, табл.167,1).

С точки зрения хронологии мендейских амфор «мелитопольского» типа, точнее – верхнего хронологического рубежа их бытования (и поступления в Северное Причерноморье), несомненный интерес представляет находка фрагментов таких сосудов в составе тризны, во рву кургана Каменская Близница в Степном Поднепровье, вместе с обломками клеймённой херсонесской амфоры (Андросов А.В., Мухопад С.Е., 1987, с.15; 1987а, с.60,61, рис.3,3,4), которая, по классификации В.И.Каца, относится к сосудам, производимым в Херсонесе в 300–285 гг. до н.э. (1994, с.51,76, табл.ХХII,ХХIII).

Для определения абсолютного датирования керамического комплекса БРК, как, впрочем, и кургана в целом, чрезвычайно важное значение имеет фрагмент горла амфоры ярко-красной (оранжевой) глины с высоким нависающим грибовидным венчиком (или венчиком, резко срезанным под острым углом), обнаруженный

во рву БРК, в составе остатков тризны (рис.10,2). Амфоры с такой профилировкой венчика отсутствуют среди сосудов, представленных в обеих могилах кургана. Данный сосуд по особенностям оформления венчика вполне определённо может быть сопоставлен с сосудами, найденными в составе керамики усадьбы № 6 у с.Панское в Крыму (Монахов С.Ю., 1999, с.501, табл.214,4), погибшей в 70-х гг. III в. до н.э., а также с амфорой, происходящей из подвала 1988 г. на Елизаветовском городище в дельте Дона, время которого определяется 80-ми гг. III в. до н.э. (Монахов С.Ю., 1999, с.486, табл.207,8). Не исключено, что данная группа керамической тары является продукцией Самоса (Монахов С.Ю., 1999, с.508).

Подчеркну, что сочетание описанных типов амфор (Коринф, тип «А»; Солоха-I, Книд?; Солоха-I, «рыжановский» тип; с рюмковидными ножками, Менда; с нависшим грибовидным венчиком, Самос?) ни в одном керамическом комплексе Северного Причерноморья ранее достоверно не фиксировалось.

Чернолаковые сосуды, найденные в БРК, относятся к категории посуды, достаточно широко представленной в Северном Причерноморье, в том числе в скифских погребальных памятниках.

Оба канфара – однотипны: с приземистым туловом, массивными ручками, на невысоком кольцевом поддоне. Слегка различаются лишь размерами. Канфар из ЦМ БРК больших размеров. Его высота – 11,5 см, в то время как сосуд из БМ БРК имеет высоту 10,5 см (рис.11;13,1;14,1). Сосуды относятся к продукции Аттики. По материалам Афинской Агоры такие канфары датируются 350–325 гг. до н.э. (Sparkes A., Talcott L., 1970, fig.700,701, pl.29, p.122). Абсолютно аналогичные сосуды найдены, например, в могилах конца IV в. до н.э. курганного некрополя Елизаветовского городища на Нижнем Дону (Брашинский И.Б., 1980, с.133,134,224, №№ 200–202), в могильнике Енисала в Северной Добрудже, где они датируются 330–310 гг. до н.э. (Lungu V., 1993, p.169, pl.IV,14,16, p.186, pl.X,14,16, p.182) и ряде иных мест. Однако следует отметить, что подобные канфары известны и в памятниках более позднего времени, в частности 1-й четверти III в. до н.э. (Thompson H.A., 1934, fig.5).

У сосуда из БМ БРК внутри поддона есть графито в виде грубо процарапанной греческой

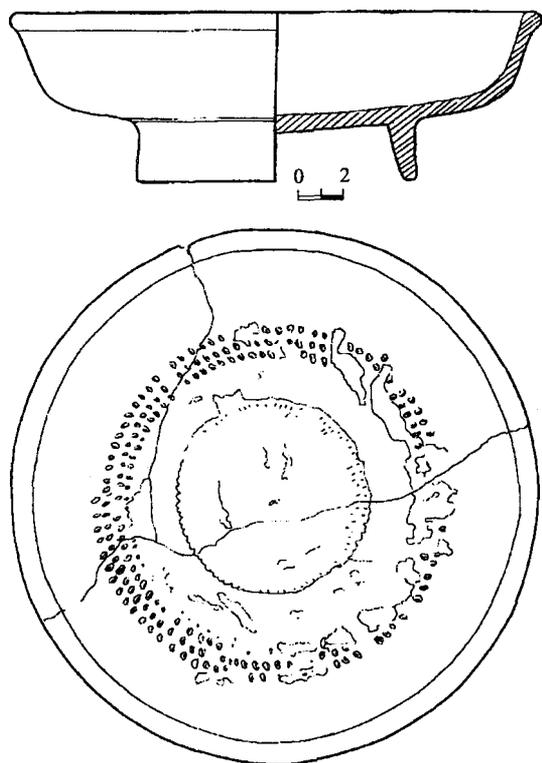

Рис. 12. Черноголаковое блюдо из ЦМ БРК (прорисовка)

буквы «А». Оба канфара имеют следы *продолжительного* использования. У сосуда из ЦМ БРК повреждён лак на дне и поддоне, имеются следы потёртостей и небольших сколов на ручках и по краю сосуда. Особенно показательно состояние канфара из БМ БРК. Всё его тулово покрыто трещинами. На нём следы древнего ремонта в виде 7 небольших просверленных круглых отверстий, посредством которых части сосуда скреплялись (ремешками, верёвочками?). Верхний выступ одной из ручек обломан, лак на тулове во многих местах сбит, ручки и особенно края сосуда сильно потёрты.

Блюдо черноголаковое имеет округлое тулово с прямым, горизонтально обрезанным краем и довольно высокий кольцевой поддон. В момент обнаружения было разбитым на несколько частей, впоследствии восстановлено. Высота сосуда – 8,1, диаметр края внешний – 25,4, внутренний – 23,5 см. Высота поддона – 3, диаметр – 13 см. Качество лака хорошее (рис.12;13,2).

Так же как и канфары, блюдо относится к продукции Аттики. Подобные сосуды по материалам Афинской Агоры датируются 350–325 гг. до н.э. (Sparkes A., Talcott L., 1970, fig. 806, p.293,294, p.128), по материалам некрополя в

1

2

Рис. 13. Черноголаковая посуда из ЦМ БРК: 1 – канфар; 2 – блюдо (фото)

Аполонии – концом IV – началом III вв. до н.э. (Аполония ..., 1963, №№ 535,543, табл.115). Весьма близкие по внешнему виду сосуды найдены в курганном некрополе Елизаветовского городища на Нижнем Дону, например к.4/1909 г., к.3/1908 г. Первый из них датируется И.Б.Брашинским 2-й половиной IV – началом III вв. до н.э., второй – последней четвертью IV в. до н.э. (1980, с.135, №№ 208,209, с.225, табл.XVII, №№ 208,209). Однако подобные черноголаковые блюда встречены и в кругу находок 1-й четверти III в. до н.э. (Thompson H.A., 1934, p.317, fig.3: A7)⁴.

Так называемая *керамическая чашечка* (рис.14,3) – как совершенно справедливо указывал в свое время Г.Оссовски, публикуя материалы из БМ БРК – на самом деле является ножкой сосуда, похожего на канфар, найденный в этой же гробнице (Ossowski, 1888, s.31). Тем не менее, впоследствии в работе А.А.Бобринского этот предмет был определён как блюдечко (1894, с.146), а Н.А.Онайко рассматривала его

⁴ Мнение о необходимости датировать канфар и блюдо из ЦМ БРК 1-й четвертью III в. до н.э. высказал и проф. Петре Александреску (Бухарест), ознакомившись с цветными фотографиями сосудов во время моей поездки в Истрию в 1997 г.

Рис. 14. Керамика из БМ БРК: 1 – канфар; 2 – флакон; 3 – «чашечка»

как чашечку-солонку аттического производства, относящуюся ко 2-й половине IV в. до н.э. (1970, с.114, № 709).

Эта находка, к сожалению, в фондах Археологического музея в Кракове не сохранилась. Однако внимательное изучение её изображения, опубликованного Г.Оссовским, вполне убеждает в правоте мнения польского исследователя: безусловно, данный предмет является обточенной ножкой пришедшего в негодность чернолакового канфара, относящегося к тому же времени, что и сосуды из погребений⁵. По-видимому, он использовался в качестве солонки.

⁵ Заключение В.И.Назарчука (ИА НАНУ).

Керамический флакон (для благовоний?), как и упомянутая выше «чашечка», в фондах Археологического музея в Кракове не сохранился. Известен по описанию и иллюстрациям, помещённым в работах Г.Оссовского (1888, tabl.IV,3). Сосуд имеет округлое тулово на хорошо выделенном кольцевом поддоне, узкое невысокое горло с резко расширяющимся краем. Поверхность белого цвета. Размеры: высота – 11,8, максимальный диаметр тулова – 7,2, диаметр горла по краю – 3,5, диаметр поддона – 4 см (рис.14,2).

По мнению Н.А.Онайко, данный сосуд представляет собой «ранний вариант эллинистического флакона-лакримария» (1970, с.61). Он относится ко II типу флаконов, по классификации М.Парович-Пешикан (1974, с.109,110,

рис.93,б). Подобные сосуды начали производиться в последних десятилетиях IV в. до н.э. и получили распространение в начале III в. до н.э. (Forti L., 1963, p.9,10, tabl.IV,1–3,5).

В Причерноморье достаточно близкие по форме флаконы, относящиеся к указанному времени, найдены в к.4/1908 могильника Елизаветовского горнодища (Брашинский И.Б., 1980, с.139,226, № 226), к.27 (п.2) могильника Высочино-V на Нижнем Дону (Лукьяшко С.И., 2000, с.175, рис.8,1), к.ХХХIV некрополя Истрии (Histria, 1966, p.186,524, № 92). Важно подчеркнуть, что весьма сходные формы сосудов бытуют на протяжении 1-й половины III в. до н.э. В этой связи в качестве аналогий большой интерес представляют флакон из склепа 52/1902 г. некрополя Ольвии (Зайцева К.И., 1962, с.187, рис.5) и, особенно, сероглиняный ангобированный сосуд, найденный на полу эллинистического дома в Керкинитиде, в слое с монетами 1-й половины III в. до н.э. (Кутайсов В.А., 1987, с.175, рис.6,4, с.172)⁶.

Следует особенно подчеркнуть, что ни в одном из достоверно датированных IV в. до н.э. скифских погребений Северного Причерноморья подобные сосуды пока не засвидетельствованы.

Итак, рассмотрение античной керамической посуды из БПК позволяет констатировать следующее. Верхний рубеж её бытования не ограничивается IV в. до н.э., а вполне распространяется на 1-ю треть III в. до н.э. (80–70-е гг. упомянутого столетия). Принципиальное значение для подобного датирования

имеют 2 наиболее поздних сосуда из керамического комплекса БПК, определенно датирующиеся III в. до н.э. – фрагментированная амфора с грибовидным нависающим венцом (Самос?), найденная среди остатков поминальной тризны во рву кургана, и туалетный флакон из БМ БПК. Напомню, что указанная дата подкрепляется и некоторыми иными предметами погребального инвентаря обеих могил, например перстнем, щитком которого служит золотой боспорский статер поздней серии (314–296 гг. до н.э.), о чём речь шла ранее в моей работе (Скорый С.А., 1998, с.124), а также результатами радиоуглеродного датирования вещевых остатков, обнаруженных в кургане, в пределах 1-й половины III в. до н.э. (Chochorowski J. et al., 1998; 1999).

В свете сказанного трудно согласиться с недавно высказанным мнением А.Ю.Алексеева о том, что захоронения в БПК были совершены в конце IV – начале III вв. до н.э. (в пределах 315–285 гг. до н.э.) (2001, с.71). На мой взгляд, имеющиеся материалы (и в частности керамический комплекс кургана) позволяют достаточно уверенно относить упомянутые события к 80–70-м гг. III в. до н.э.

Столь поздние хронологические позиции БПК – погребального памятника скифской элиты – имеют чрезвычайно важное, можно сказать, принципиальное значение: они открывают новые перспективы в изучении истории Европейской Скифии позднейшей фазы её существования.

Литература

- Алексеев А.Ю., 1992. Скифская хроника. СПб.
 Алексеев А.Ю., 2001. Греческие амфоры из Краснокутского кургана // РА. № 4.
 Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р., 1991. Чертомлык (скифский царский курган IV в. до н.э.). Киев.
 Амперер Ж.-И., Гарлан И., 1992. Греческие амфорные мастерские // Греческие амфоры. Саратов.
 Андросов А.В., Мухопад С.Е., 1987. Скифский аристократический курган «Каменская Близница» // Памятники бронзового и раннего железного веков Поднепровья. Днепропетровск.
- Андросов А.В., Мухопад С.Е., 1987а. Аристократический курган «Каменская Близница» // Киммерийцы и скифы. Вып.1. Кировоград.
 Аполония, 1963. Розкопните в некрополя на Аполония през 1947–1949. София.
 Бобринский А.А., 1894. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. Т.2. СПб.
 Болтрик Ю.В., Савовский И.П., 1991. Курган Плоская Могила // Курганы Степной Скифии. Киев.
 Брашинский И.Б., 1965. Новые материалы к датировке курганов скифской племенной знати Северного Причерноморья // Еігене. Т.4.
 Брашинский И.Б., 1976. Амфоры Менды (о локализации группы амфор с «рюмкообразны-

⁶ Временем не ранее 1-й половины III в. до н.э. датирует флакон и Н.А.Лейпунская (Археологический музей ИА НАНУ), ознакомившаяся с его изображением.

- ми ножками») // Художественная культура и археология античного мира. М.
- Брашинский И.Б., 1980. Греческий импорт на Нижнем Дону. Л.
- Брашинский И.Б., 1984. Методы исследования античной торговли (на примере Северного Причерноморья). Л.
- Гарлан I., 1992. Про походження амфор типу «Солоха-1» // Археологія. № 4.
- Зайцева К.И., 1962. Местная керамика Ольвии эллинистического времени // Труды Государственного Эрмитажа. Культура и искусство античного мира. Т.VIII. Л.
- Зеест И.Б., 1960. Керамическая тара Боспора. МИА № 83.
- Кёлер К., 1992. Общая типология и хронология коринфских транспортных амфор // Греческие амфоры. Саратов.
- Кутайсов В.А., 1987. Эллинистический дом Керкинитиды // СА. № 1.
- Лукьяшко С.И., 2000. К реконструкции событий конца IV – начала III вв. до н.э. на Нижнем Дону // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. М.
- Манцевич А.П., 1947. Амфоры из кургана Солоха // Сообщения Государственного Эрмитажа. Т.IV.
- Манцевич А.П., 1968. Об амфорах из кургана Солоха // Сообщения Государственного Эрмитажа. Т.XXIX.
- Манцевич А.П., 1975. Керамічна тара з кургану Солоха // Археологія. № 17.
- Манцевич А.П., 1987. Курган Солоха. Л.
- Мозолевский Б.Н., 1982. Скифский «царский» курган Жёлтокаменка // Древности Степной Скифии. Киев.
- Монахов С.Ю., 1999. Греческие амфоры в Причерноморье (комплекс керамики тары VII–II вв. до н.э.). Саратов.
- Монахов С.Ю., Абросимов Э.Н., 1993. Новое о старых материалах из Херсонесского некрополя // Античный мир и археология. Вып.9. Саратов.
- Монахов С.Ю., Рогов Е.А., 1990. Амфоры некрополя Панское-1 // Античный мир и археология. Вып.7. Саратов.
- Онайко Н.А., 1970. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV–II вв. до н.э. // САИ. Вып.Д1-27.
- Павленков В.И., Туровский Е.А., 1988. О коринфских амфорах с высоким венчиком // Древнее производства, ремесло и торговля по археологическим данным. М.
- Парович-Пешикан М., 1974. Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев.
- Полин С.В., Кубышев А.И., 1997. Скифские курганы Утлюкского междуречья (в Северо-Западном Приазовье). Киев.
- Скорый С.А., 1998. Основы археологического датирования Большого Рыжановского кургана // MSROA. Т.XIX.
- Скорый С.А., 2000. Античная металлическая посуда из Большого рыжановского кургана // Музейні читання. Київ.
- Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н., 1988. Мелитопольский курган. Киев.
- Яковенко Е.В., 1964. Античні амфори, знайдені на Київщині // Археологія. Т.XVI.
- Avram A., 1989. Wo sind die Amphoren von typ «Solocha-I» hergestellt worden? // Dacia. T.XXXIII. №№ 1–2.
- Chochorowski J., Kovaljuch N., Skripkin V., 1998. Subkalibrowane datowanie radiowęglowe grobowca «księcia» scytyjskiego z Wielkiego Kurhanu Ryżanowskiego // MSROA. Т.XIX.
- Chochorowski J., Kovaljuch N., Skripkin V., 1999. Nowe dane do chronologii radiowęglowej kurhanów grupy ryżanowskiej // MSROA. Т.XX.
- Doulgeni-Intzessiloglou A., Garlan I., 1990. Vin et amphores de Péparéthos et d'Ikos // Bulletin des correspondences éleniques. Т.CXIV. № 1.
- Grace V., 1963. Notes on the Amphoras from the Coroni Peninsula // Hesperia. Vol.XXXII. № 3.
- Grace V., 1971. Samian Amphoras // Hesperia. Vol.XL. № 1.
- Histria, 1966. II. Bucureşti.
- Forti L., 1963. Gli unguentari del primo periodo ellenistico // Rendiconti dell' Academia di archeol. e bel. arti di Napoli. Vol.XXXVI.
- Lungu V., 1993. Pour une chronologie de la ceramique Attique du Nord de la Dobroudja (IV–I siecles av. J. Chr.)// Pontica. XXVI.
- Ossowski G., 1888. Wielki Kurhan Ryżanowski wedlug badan dokonanych w latach 1884 i 1887. Kraków.
- Sparkes A., Talcott L., 1970. The Athenian Agora XII. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th centuries B.C. Princeton, New Jersey.
- Thompson H.A., 1934. Two Centuries of Hellenistic Pottery // Hesperia. Vol.III.

ГРАФФИТИ НА КЕРАМИЧЕСКИХ СОСУДАХ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК (НА МАТЕРИАЛАХ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ПЕРИФЕРИИ БОСПОРА VI В. ДО Н.Э. – III В. Н.Э.)

Интерес к этнополитической истории юго-восточной периферии Боспора¹, подогреваемый временем яркими археологическими находками, не ослабевает уже более столетия (Ростовцев М.И., 1916; Онайко Н.А., 1967; Онайко Н.А., Дмитриев А.В., 1982; Мальшев А.А., Трейстер М.Ю., 1994). Тем не менее в связи с ограниченностью данных письменных источников о регионе, отсутствием достаточного количества эпиграфических материалов история этого района совсем небогата на даты, события и имена.

Ситуация несколько изменилась благодаря интенсивным археологическим работам за последние 10–15 лет: совершенно неожиданно вырос объем достаточно специфического эпиграфического материала – графических изображений на керамической посуде или граффити.

Своеобразие этого источника состоит в том, что это массовый материал, и поэтому его информативность возрастает в результате проработки «не единиц и не десятков, а сотен надписей» (Яйленко В.П., 1980, с.74). Несмотря на более чем вековой опыт сбора и исследования этих материалов в Северном Причерноморье в целом, систематическая обработка этих материалов, которая предполагает составление сводов с соответствующими комментариями на основе хорошо продуманной классификации, была начата относительно недавно (Толстой И.И., 1953, с.5). Пожалуй, наиболее всеобъемлющие по своему охвату материала исследования опубликованы по граффити Херсонеса и его хоре (Граффити..., 1978; Соломоник Э.И., 1984). Серия работ издана по граффити азиатского и европейского Боспора (Масленников А.А., 1987; Емец И.А., Чевелев О.Д., 1995; 1999; 2000 и др.).

¹ На протяжении значительного исторического промежутка эта территория развивалась как единая историко-географическая зона (Масленников А.А., 1990, рис.17, VI).

Количество граффити на керамике, обнаруженных на памятниках VI–III вв. до н.э. на территории Юго-Восточного Причерноморья, возросло в десятки раз (в исследовании учтено 152 экз.). Расширилась география местонахождений и вариации известных изображений, но в научный оборот до настоящего времени введена лишь крайне незначительная их часть (Онайко Н.А., 1970; 1980; Онайко Н.А., Дмитриев А.В., 1982). Отметим, что графика на других предметах или материалах (на камне, кости или металле) в этом регионе практически не известна. Исключением является орнаментация на керамических «стоячих плитках» меотского облика (ср.: Соломоник Э.И., 1979), обнаруженных в комплексах поселений Мысхако и в Южной Озерейке (Онайко Н.А., 1969, с.3; Вязкова Е.В. и др., 2001, рис.13). Систематизация этого материала позволит существенно расширить наши знания об этом регионе в целом.

Граффити происходят в основном с памятников, расположенных в обособленном в географическом отношении регионе, поэтому в данной статье предпринята попытка рассмотреть все граффити, обнаруженные на этой территории, как единый комплекс.

В работе применены единые принципы систематизации, проведена хронологическая дифференциация находок в тесной связи с культурно-топографическим контекстом (Толстой И.И., 1953, с.4,5; Яйленко В.П., 1980, с.74–76). Особенность исследуемой коллекции – явное преобладание небуквенных граффити – осложняет определение жанра граффити. Более того, как показывает практика, это далеко не всегда возможно: одни и те же знаки в зависимости от контекста могут быть интерпретированы по-разному (Соломоник Э.И., 1959, с.22). В связи с этим обстоятельством систематизация материала проведена не по жанровому принципу, а по морфологическим особенностям изображений.

Далеко не все из многочисленных рисуночных граффити в виде геометрических фигур, взаимопересекающихся фигур являются магическими,

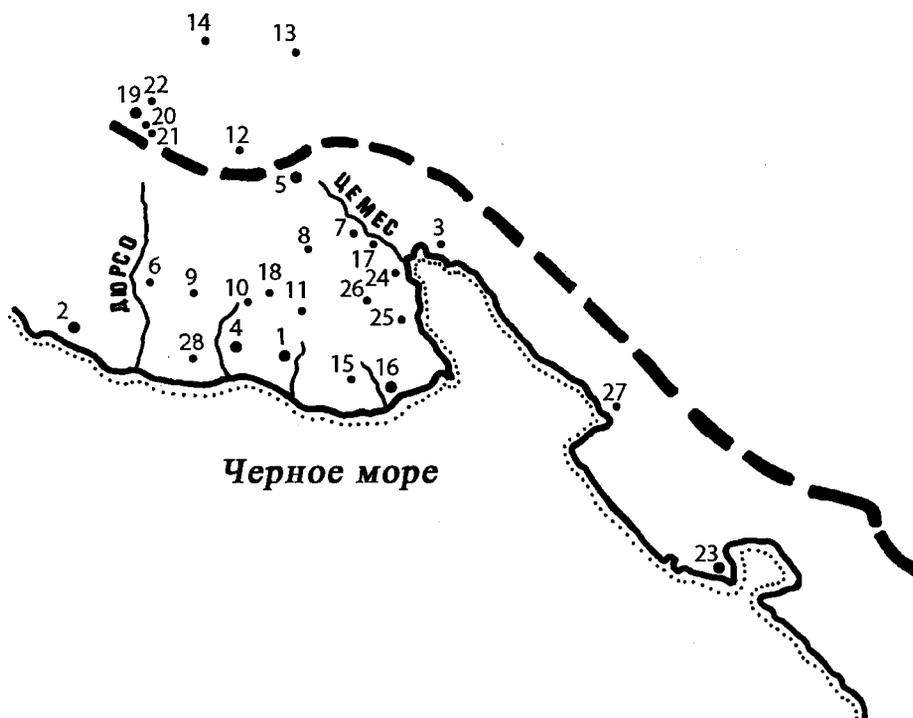

Рис. 1. Памятники античной эпохи на полуострове Абрау: 1 – Широкая балка (пос., м-ки); 2 – Лобанова щель (м-к); 3 – Шесхарис (пос., м-к); 4 – Южная Озерейка (пос., м-к); 5 – Владимировка (пос., м-к); 6 – Шкрюмов хутор (долина Дюрсо) (пос.); 7 – Цемдолина (пос., м-ки); 8 – Глебовское (пос.); 9 – Большие Хутора (м-к); 10 – Северная Озерейка 2 (пос.); 11 – Сапун (пос.); 12 – Пивни (пос.); 13 – Дубки (пос.); 14 – Натухаевское (пос.); 15 – Балка (пос.); 16 – Мысхако (пос., м-ки); 17 – Кирилловка (пос.); 18 – Борисовка (пос.); 19 – Раевское (г-ще, м-ки); 20 – Раевское 4 (пос.); 21 – Раевское 7 (пос.); 22 – Раевское 11 (пос.); 23 – Торик (пос.); 24 – Бата-гавань; 25, 26 – Новороссийск (м-ки); 27 – Кабардинка; 28 – Лиманчик

поэтому в работе предпринята попытка учесть все возможные варианты «прочтения» того или иного знака (буквы или их сочетание, рисунок или тамгообразный знак).

В период VI–V вв. до н.э., который был ознаменован интенсивной колонизацией североприморского побережья, в регионе, заселенном племенами керкетов и торетов, возникают немногочисленные опорные пункты колонистов. Это совсем не изученные в археологическом отношении поселения Балка (Мысхако) (Онайко Н.А., 1984, табл. XLIX, б) и расположенное в Цемесской бухте поселение Бата (Онайко Н.А., 1980, рис. 40) (рис. 1, 15, 23, 24). Более основательными данными мы располагаем для поселения Торик.

Несмотря на обилие керамического материала² в культурном слое греческого поселения Торик, просуществовавшего довольно продолжи-

тельное время – VI–V вв. до н.э. (Онайко Н.А., 1980, с. 94), находки граффити оказались и в количественном и в репертуарном отношении незначительны (4 экз.). В основном это пометки, в большей или меньшей степени напоминающие буквы греческого алфавита. Знаки оставлены в неприметных местах, прежде всего, на ножках небольших по размеру сосудов: например, кувшинчика (рисунок – значок или буква «N» – нанесен до обжига: Онайко Н.А., 1980, № 103), на ручке амфоры протофассоского типа (буква «K» нанесена до обжига: Онайко Н.А., 1980, № 73), на внешней поверхности венчика закрытого сосуда (крестообразный знак: Онайко Н.А., 1980, № 111), на внутренней поверхности кольцевидной ножки чернолакового килика (буква-метка: Онайко Н.А., 1980, табл. XXI, 213) (рис. 2, 12). Это обстоятельство говорит о том, что это не торговые пометки, а знаки собственности.

С местным населением связан целый ряд бытовых и погребальных памятников, расположенных прибрежной полосе (рис. 1, 1–4) и в материковой части (рис. 1, 5–10) (Онайко Н.А.,

² По подсчетам Н.А. Онайко, в культурном слое обнаружены обломки в пределах двух сотен амфор (Онайко Н.А., 1980, с. 66).

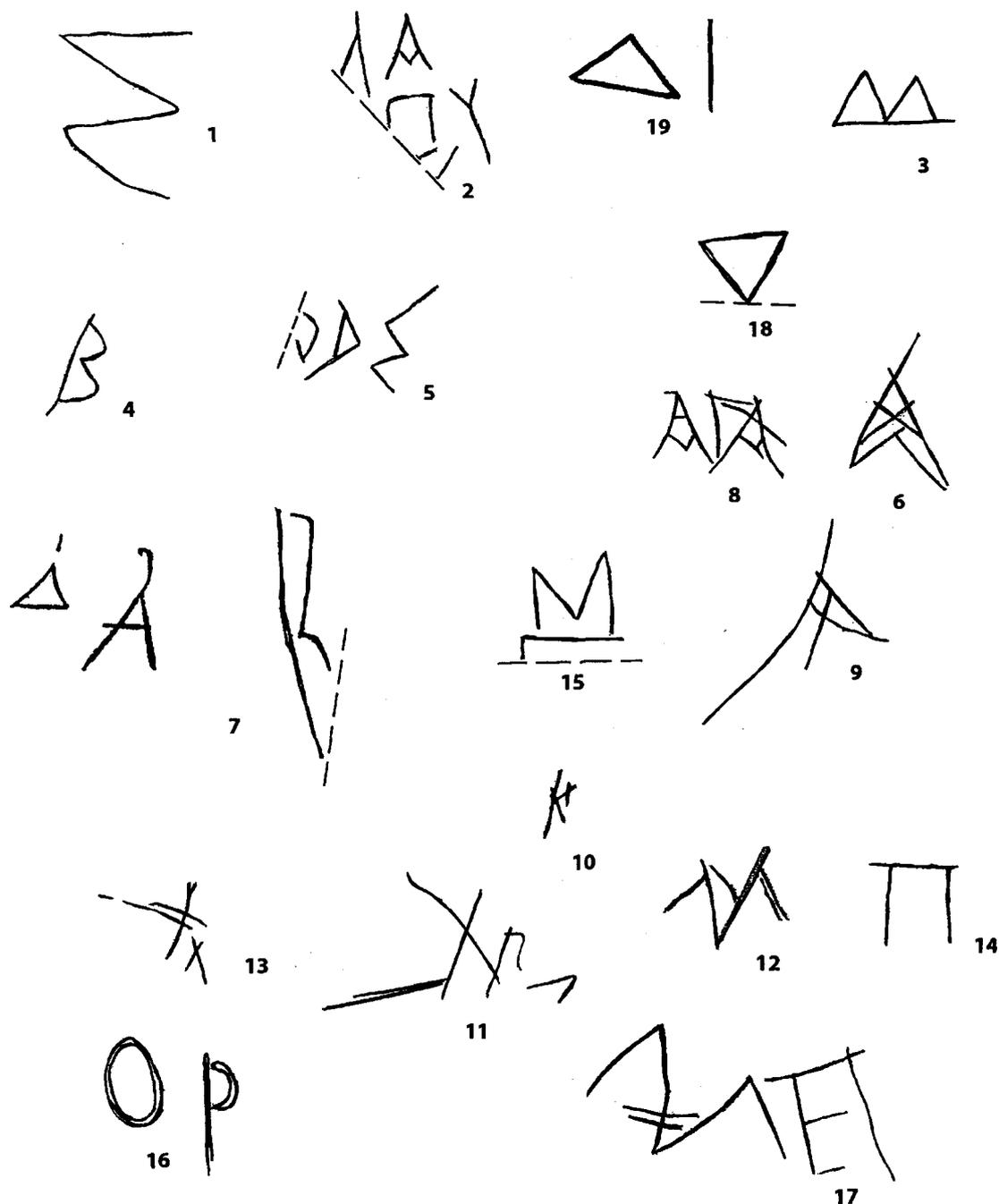

Рис. 2. Граффити на памятниках полуострова Абрау. Буквенные обозначения: 1 – пос.Мысхако Зап., я.87; 2 – пос.Мысхако Зап., я.97; 3 – пос.Мысхако Зап., я.37; 4 – пос.Мысхако Вост., я.231; 5 – пос.Мысхако Зап., я.98; 6 – пос.Мысхако Зап., я.42; 7 – пос.Мысхако Вост., я.219; 8 – Широкая Балка, п.138; 9 – пос.Мысхако Зап., я.10; 10 – Лобанова Щель, п.9; 11 – пос.Мысхако Вост., печь 14; 12 – Торик, культурный слой; 13 – пос.Мысхако Вост., я.218; 14 – пос.Мысхако Вост., я.33; 15 – пос.Мысхако Зап., я.8; 16 – пос.Мысхако Зап., я.83; 17 – пос.Мысхако, я.89; 18,19 – Раевское г-ще, культурный слой

1980, рис.40). Однако ни на лепной, ни на круговой античной керамике с этих памятников граффити не обнаружены. Это свидетельствует, с од-

ной стороны, о слабом развитии изобразительных традиций среди местного населения и эпизодичности контактов с античным миром, с другой.

В эллинистическую эпоху (конец IV – II вв. до н.э.) в регионе происходят заметные изменения этнополитической ситуации. Помимо античного центра в Цемесской бухте (Бат) (рис.1,24) античное (боспорское) присутствие ощущается в предгорной части региона, где в конце IV вв. до н.э. появляется значительное по своим размерам поселение на Раевском городище (рис.1,19) (Блаватский В.Д., 1959; с.42–50), позднее складывается хозяйственная периферия этого центра (хора) (пос.Раевское 4, 7 и др.) (рис.1,20,21).

Из довольно насыщенных керамикой культурных слоев Раевского городища происходит непривычно незначительное для античного поселения количество граффити (3 экз.), причем все они могут быть охарактеризованы как элементы «коммерческого» языка. Два граффити содержали буквенные обозначения: буква «Δ» на внешней поверхности вместилища красноглиняной тарелки, обозначающая, по всей видимости, числительное «50» (раскопки 2003 г.) (рис.2,18), а также буквы «Δ» и «Ι» на внешней поверхности вместилища красноглиняной тарелки (рис.2,19). Подобное сочетание может обозначать либо посвящение Зевсу, имя владельца либо числовое значение «11» (Соломоник Э.И., 1984, с.49, № 140, табл.ХІІІ). С пересчетом, по-видимому, связан рисунок в виде поперечных нарезок и косоугольного креста на ручке кувшинчика (рис.3,18).

Количество памятников местной культуры, бытующих в это время явно сокращается, они расположены в прибрежной полосе (рис.1,1,2,26). Среди них выделяется могильник в Лобановой щели: практически в каждом погребальном комплексе присутствует античная керамика. Граффити обнаружены на ножках-поддонах античных чаш для питья: значок похожий на букву «К» (ср.: Соломоник Э.И., 1984, № 83; Граффити., 1978, № 152) на канфаре (дата – четвертая четверть IV в. до н.э. Sparces В.А., Talcott L., 1970, Pl.29, № 713) (п.9; рис.2,10) (Дмитриев А.В., Малышев А.А., 1999, рис.17,13), а также пометка в виде окружности неправильной формы на внешней поверхности ножки краснолакового килика (дата – вторая четверть II в. до н.э. (Rotroff S., 1997, № 393) (п.8) (Дмитриев А.В., Малышев А.А., 1999, рис.15,13). Местоположение и специфика знаков позволяет предположить, что эти пометки – знаки собственности.

Раннеримское время (I в. до н.э. – первая пол. I в. н.э.) характеризуется дальнейшей колонизацией этого региона, причем в этом процессе явно присутствует как политическая, так и экономическая составляющая (Онайко Н.А., Дмитриев А.В., 1982). Как одно из проявлений этого процесса можно рассматривать и то, что памятники полуострова Абрау этого времени с трудом поддаются разделению на боспорские (античные) и аборигенные.

Наиболее значительными центрами античного влияния становятся центры, расположенные на Раевском городище и на Мысхако – Баты античных источников (Strabo., XI,2,14; Ptol., V,8,8). Довольно радикально – в основном за счет организации постройки в наиболее удобных в стратегическом отношении местах укрепленных усадеб (рис.1,4,5,11–15,28), некоторые изменения претерпевает система расселения. Граффити (16 экз.) происходят с двух³ памятников.

На Владимировском поселении, расположенном в материковой части региона (Онайко Н.А., Дмитриев А.В., 1982, с.110, рис.3), обнаружен «сервиз» сероглиняных мисок, помеченных знаками, напоминающими изображение, которое получило название тамги боспорского царя Аспурга. Практически все (12 из 13) владимировские граффити имели четыре ножки-отростка и лишь одна – пять (рис.4,1,2).

О значении этого комплекса граффити не раз уже говорилось в литературе (Зубарь В.М., 2001, с.146–149). По наблюдению В.С.Драчука, этот знак образован из двух знаков, расположенных зеркально друг относительно друга (Драчук В.С., 1975, с.61). С.А.Яценко, отмечая неполную аналогию владимировских знаков с царской тамгой Аспурга, связал их с кланом Аспурга (Яценко С.А., 2002, с.47). Круг аналогий тамге довольно широк: близкие изображения известны на пантикапейских «энциклопедиях», среди знаков на ольвийских мраморных львах (Драчук В.С., 1975, табл.IV,199,200,255–258), в Кепях (Емец И.А., 2000, № 49), а также Горгиппии (Алексеева Е.М., 1997, табл.49,50; Алексеева Е.М., 2002, рис.6,3) и на ее хоре (Емец И.А., 2000, № 131).

Пожалуй, наиболее ранние рисуночные или тамгообразные изображения в виде буквы «ϰ» в

³ Со временем к этой группе добавятся, вне всякого сомнения, материалы с Мысхаковского поселения и связанного с ним могильника.

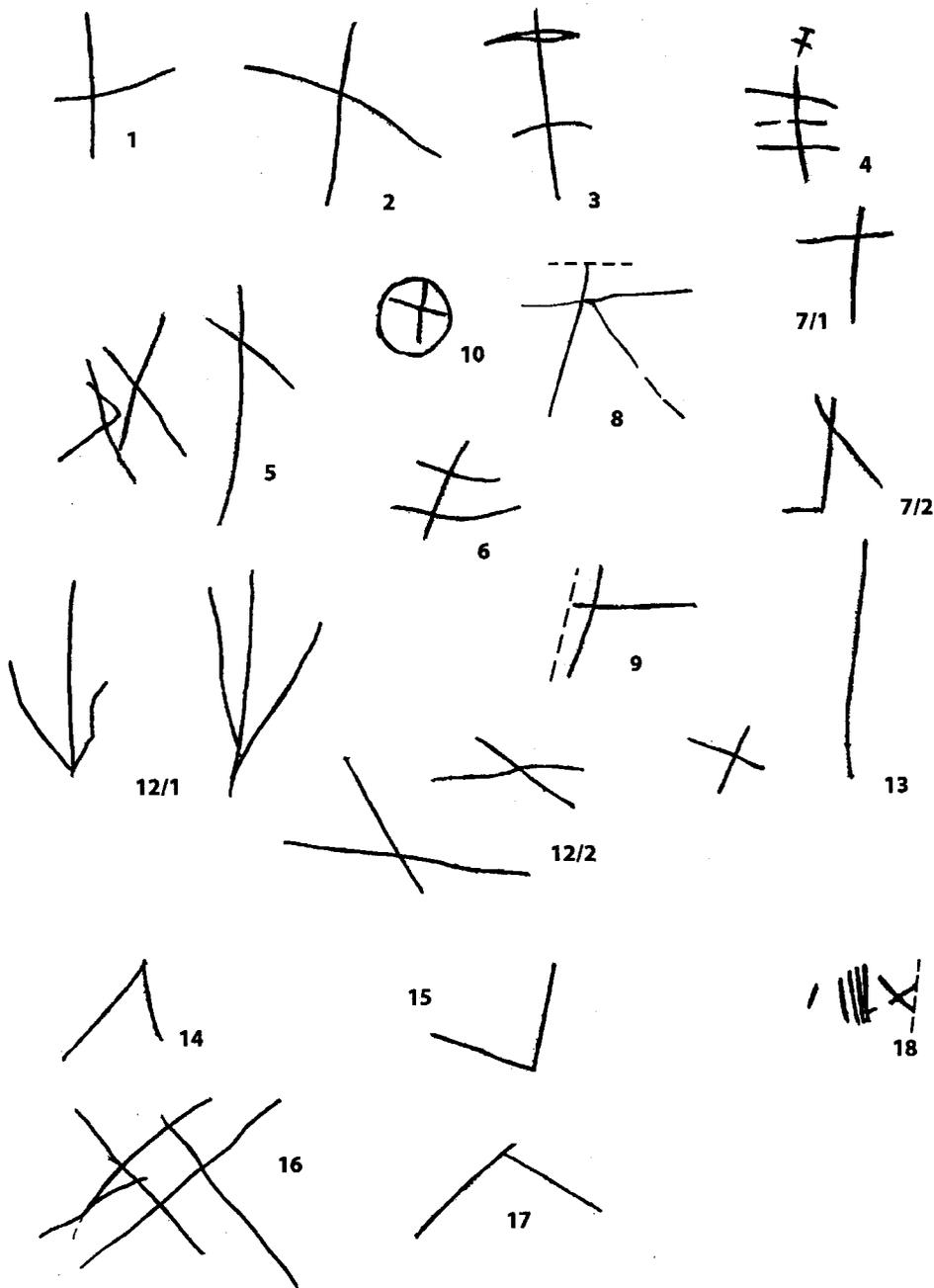

Рис. 3. Граффити на памятниках полуострова Абрау. Тамгообразные знаки и пометки: 1 – Широкая Балка, культурный слой; 2 – Широкая Балка, п.3; 3 – пос.Мысхако Зап., я.79; 4 – пос.Мысхако Вост., я.24; 5,18 – Раевское г-ще, культурный слой; 6 – Широкая Балка, п.101а; 7/1–2 – пос.Мысхако Вост., я.22; 8 – пос.Мысхако Зап., культурный слой; 9 – пос.Мысхако Вост., я.269; 10 – Широкая Балка, п.113; 12/1–2,13,17 – пос.Мысхако Вост., культурный слой; 14 – пос.Мысхако Вост., я.221; 15 – пос.Мысхако Вост., я.264; 16 – пос.Мысхако Зап., я.83

исследуемом регионе происходят из Широкой балки⁴. Он встречен дважды, оба раза – в погреб-

альных комплексах: на внутренней поверхности вместилища сероглиняной миски (п.57) и на стенке сероглиняного трехручного канфара (п.127) (рис.4,8,16). Причем на канфаре этот знак был нанесен поверх крестообразной пометки,

⁴ В работе привлечены материалы из раскопок Н.А.Онайко, А.В.Дмитриева и А.А.Масленникова.

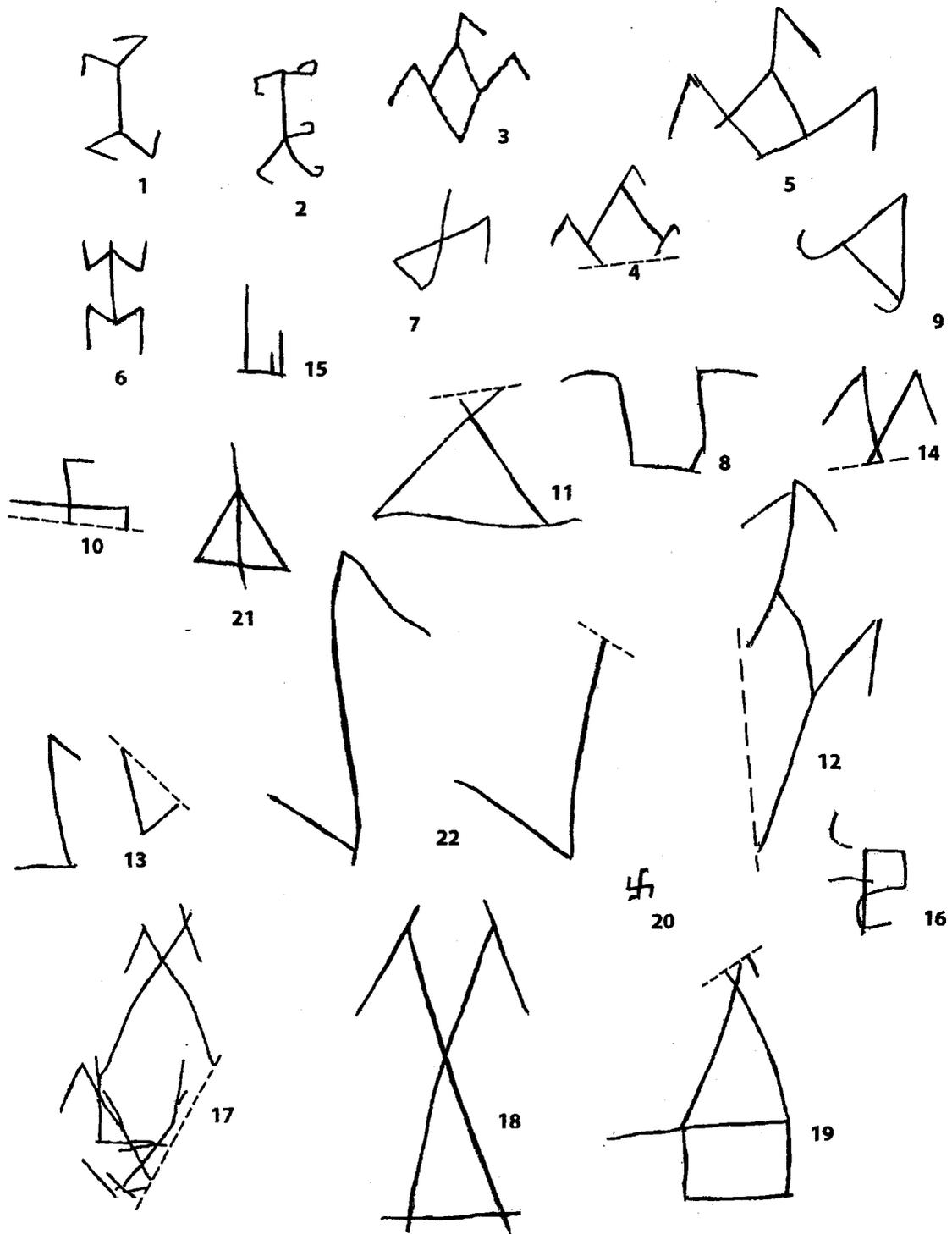

Рис. 4. Граффити на памятниках полуострова Абрау. Тамгообразные знаки и пометки: 1 – Владимировское пос.; 2 – Владимировское пос.; 3 – Южная Озерейка, п.65; 4,5,18,19 – пос.Мысхако Зап., я.99; 6 – Широкая Балка, п.125; 7 – Широкая Балка, культурный слой; 8 – Широкая Балка, п.57; 9 – пос.Мысхако Зап., культурный слой; 10 – пос.Мысхако Зап., я.91; 11 – пос.Мысхако Зап., я.57; 12 – пос.Мысхако Зап., я.10; 13 – пос.Мысхако Зап., я.86; 14 – пос.Мысхако Зап., культурный слой; 15 – пос.Мысхако Вост., я.22; 16 – Широкая Балка, п.127; 17 – пос.Мысхако Зап., я.96; 20 – Широкая Балка, п.4; 21 – пос.Мысхако, п.30; 22 – пос.Мысхако Зап., я.83

что могло обозначать, например, смену владельца. В целом, этот знак получил достаточно широкое распространение (Драчук В.С., 1975, табл.VI,401–407; Яценко С.А., 2002, рис.4,3; Воронов Ю.Н., 2003, рис.194,19), в том числе и как составная часть сложной тамги (Яценко С.А., 2002, рис.5,54,107).

Как *солярные знаки* (ср.: Флерова В.С., 1997, с.45) могут быть интерпретированы пометки типа «прямой крест», обнаруженные на тулове сероглиняного двухручного канфара (п.3) (рис.3,2), и знак в виде «свастики», нанесенный у нижнего корня ручки сероглиняного трехручного канфара (п.4) (рис.4,20). Именно в этот период они получают распространение на поселениях азиатского Боспора (Емец И.А., 1994, с.131, рис.3,1–6). В сопредельных регионах эта традиция сохраняется и в позднеантичное время (Воронов Ю.Н., 2003, рис.167,3; 175,6). Среди сарматских тамг и тамгообразных изображений, например на зеркалах с боковой петелькой-ручкой, «свастика» – не редкость, но, как правило, очертания сарматских знаков более плавные (ср.: Драчук В.С., 1975, табл.VIII, 552–563; XVI,45–49).

Римское время (вторая пол. I – III вв. н.э.) характеризуется отчетливым разделением памятников на прибрежные центры и поселения, расположенные в континентальных (предгорных и горных) районах. Причем, если первые по своим материалам сопоставимы с подобными памятниками Боспора (прежде всего, на Мысхако, а также в Широкой Балке и в Южной Озерейке (рис.1,1,4,16), то вторые имеют ярко выраженный периферийный окрас (рис.1,6,7,17–22). Граффити происходят из 4 пунктов, причем число граффити резко возрастает (86 экз.), главным образом на памятниках, расположенных в прибрежной полосе.

Почти все выявленные граффити из *Широкой Балки* происходят из погребальных комплексов (всего учтено 11 экз.). Особый интерес вызывает изображение на внешней поверхности вместилища сероглиняного трехручного канфара (п.125) (рис.4,6). Рисунок можно охарактеризовать как импровизация на тему «тамги Аспурга». Знак состоит из двух, соединенных между собой «Σ», причем изображение расположено так, что ножки «сигм» оказались направлены вверх и вниз. Вариации изображений на эту тему известны среди граффити на керамике из Цебельдинских мо-

гильников (Воронов Ю.Н., 2003, рис.156,2а; 189,13а;213,2).

В культурном слое (кв.IX) поселения в Широкой Балке была найдена краснолаковая миска, на внешней поверхности вместилища которой имеется граффити (рис.4,7), схожее с монограммой «ΔΥΜ» (Соломоник Э.И., 1959, с.43; Сапрыкин С.Ю., 2002, с.99,100) или, как считают ряд исследователей, тамгой боспорской царицы Динамии (Драчук В.С., 1975, табл.IX,611–619;XIV,8). В основе этого изображения – треугольник. Стороны, образующие верхний угол треугольника, продолжены и крючкообразно изгибаются вниз. По наблюдениям С.А.Яценко, это изображение широко распространено и встречается от Пантикалея до Ольвии и ни разу не было зафиксировано вне пределов античных городов Северного Причерноморья (Яценко С.А., 2002, с.47). Аналогичные граффити известны как на европейском (пос. у дер.Семеновка: Кругликова И.Т., 1962, рис.36,5;37,4), так и на азиатском Боспоре (Горгиппия: Алексеева Е.М., 2002, с.28,29, рис.4,3;6,5).

Наиболее многочисленны знаки, образованные перекрещивающимися линиями и получившие условные названия «елочка» или «растение», «лесенка», «решетка» и т.п. Зачастую эти знаки различает лишь одна линия (Флерова В.Е., 1997, с.58). Целый ряд таких изображений имеется и среди сарматских тамг (Драчук В.С., 1975, №№ 54–64,758–762). О сложной семантической нагрузке подобных тамгообразных знаков свидетельствует их присутствие на астрагалах, связанных с определенными культовыми представлениями (Флерова В.Е., 1997, с.55–59). Верное прочтение таких знаков в этих условиях вызывает значительные затруднения.

В частности, зигзагообразный знак на внешней, невидимой поверхности краснолаковой тарелки из погребального комплекса Широкобалкинского некрополя (п.292), интерпретируемый также и как буквы «N» или «Z» – начало имени владельца или название содержимого (Соломоник Э.И., 1984, №№ 147,164), может оказаться и тамгообразным изображением с совершенно иной семантической нагрузкой (Драчук В.С., 1975, табл.III,34;VIII,439–446). Похожее изображение известно и среди горгиппийских материалов, на плечике лагиноса из синхронного (первая половина I в. н.э.) комплекса (Алексеева Е.М., 1997, табл.220).

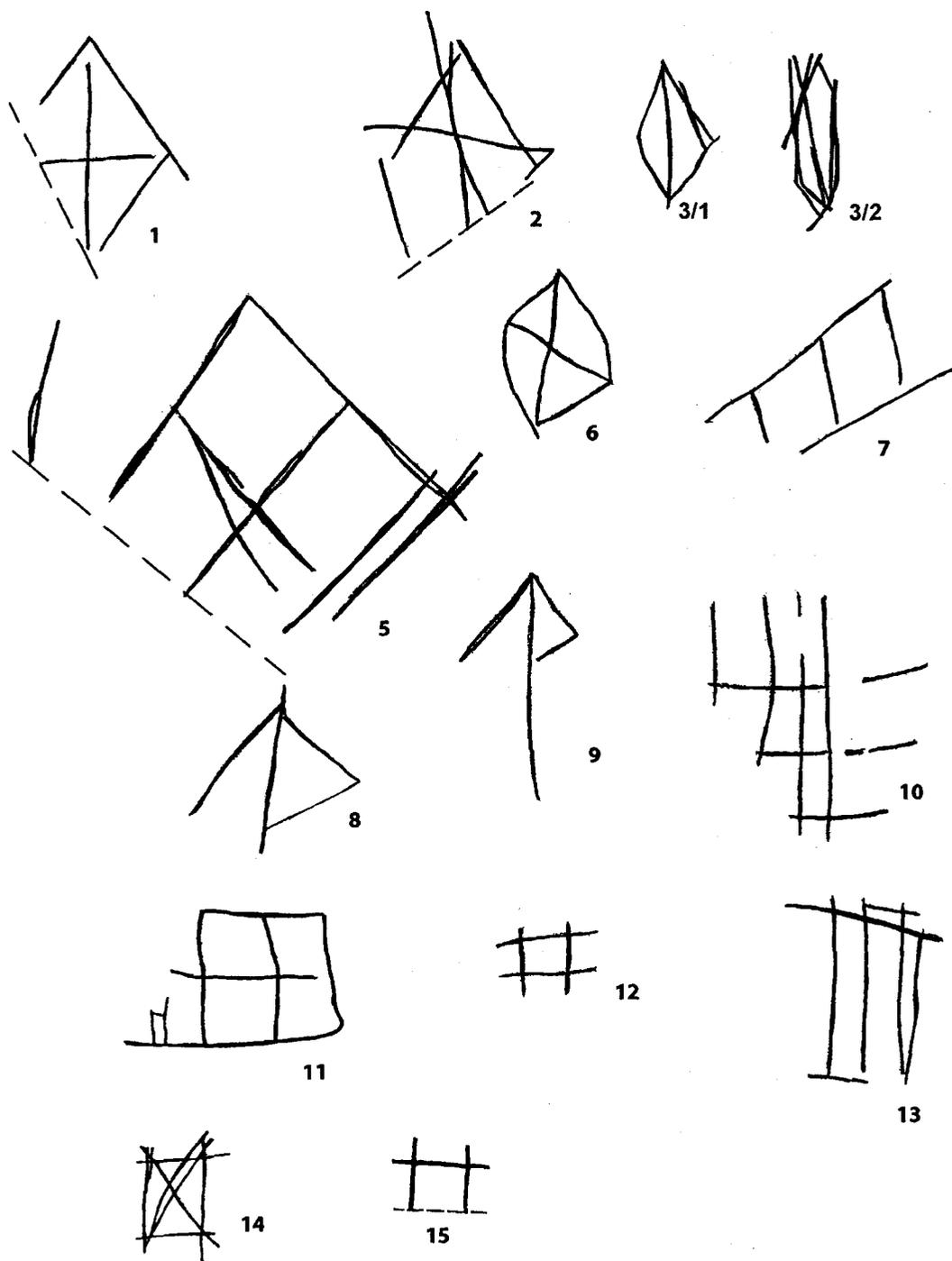

Рис. 5. Граффити на памятниках полуострова Абрау. Тамгообразные знаки: 1 – пос.Мысхако Зап., я.123; 2 – пос.Мысхако Вост., я.32; 3/1–2 – пос.Мысхако Вост., я.252; 5 – пос.Мысхако Зап., я.124; 6,7 – пос.Мысхако Зап., я.99; 8 – пос.Мысхако пос.Зап., я.57; 9 – пос.Мысхако Зап., я.35; 10 – пос.Мысхако Вост., культурный слой; 11 – пос.Мысхако Зап., я.10; 12 – пос.Мысхако Зап., я.47; 13 – пос.Мысхако Зап., я.62; 14 – пос.Мысхако Зап., культурный слой; 15 – Широкая Балка, культурный слой

На внешнюю поверхность вместилища краснолаковой тарелки (погребения 89 и 285) было нанесено изображение, получившее ус-

ловное название «елочка» (рис.6,9). Семантика этого тамгообразного или рисуночного изображения будет рассмотрена ниже.

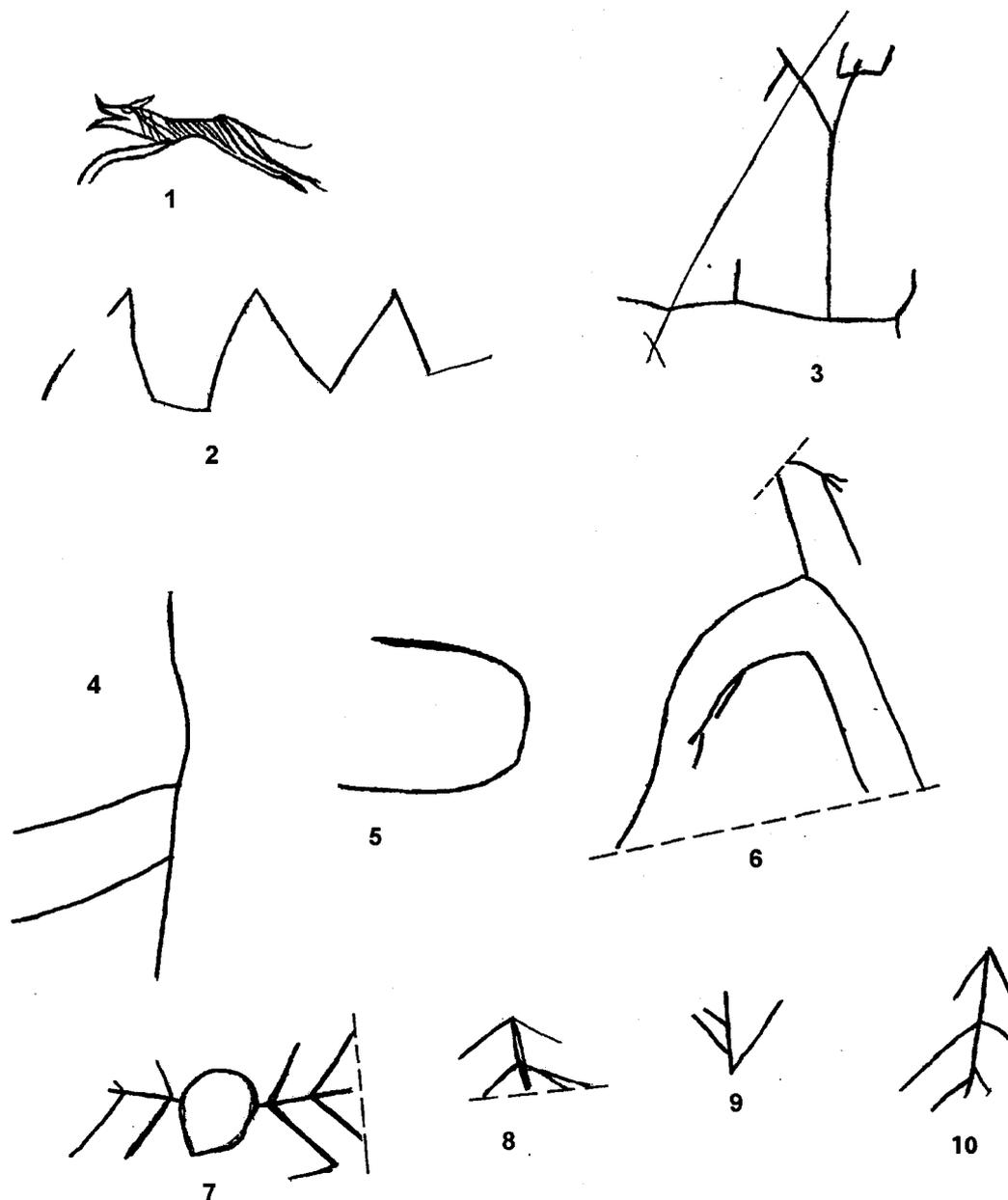

Рис. 6. Граффити на памятниках полуострова Абрау. Тамгообразные знаки и рисунки: 1 – пос.Мысхако Зап., п.30; 2 – Широкая Балка, культурный слой; 3,4 – пос.Мысхако Зап., я.99; 5 – пос.Мысхако Зап., я.62; 6 – пос.Мысхако Зап., я.83; 7 – пос.Мысхако Зап., я.91; 8 – пос.Мысхако Зап., я.89; 9 – Широкая Балка, п.89; 10 – пос.Мысхако Зап., я.50

На внешней стороне краснолаковой тарелки зафиксировано нанесенное дважды граффити типа «птичья лапа» или греческая буква «Ψ» (п.56). «Чашечка» знака имеет остроугольное очертание. Чтение, в особенности без сочетания с другими буквами, может быть различным: как греческой буквы «Ψ», числовое значение «50» (Соломоник Э.И., 1984, № 465), как простая метка либо тамгообразный знак (Дра-

чук В.С., 1975, № 124; Воронов Ю.Н., 2003, рис.111,3). Подобные изображения – один из самых распространенных символов (киммерийское время: Иванчик А.И., 2002, рис.24; сарматское время: Драчук В.С., 1975, № 124; хазарское время: Флерова В.Е., 1997, с.79).

Знаки в виде «прямого креста» засвидетельствованы только на краснолаковой посуде: внутренней поверхности вместилища красно-

лаковой чашки (рис.3,1), а также на тулове закрытого одноручного краснолакового сосуда (п.113) (вписан в круг) (рис.3,10); в несколько усложненной форме – крест с двумя короткими горизонтальными взаимопараллельными черточками – на внешней поверхности вместилища краснолаковой чашки (п.101а) (рис.3,6).

Довольно необычное изображение – зигзагообразная линия – обнаружено на внутренней поверхности вместилища сероглиняной миски (примитивное изображение змеи, меандрирующей реки, ручья или просто обозначение трещины – след ритуальной порчи сосуда) (рис.6,2). Оно происходит из культурного слоя (кв.ХШ/1) и могло быть связано с разрушенным поминальным комплексом.

Буквенные сочетания довольно редки. Далеко не всегда возможно различить буквенные обозначения от знаков иного назначения. Тем не менее, граффити (рис.5,15) на верхней части ручки амфоры (кв.ІХ: оп.800), учитывая назначение сосуда, могло быть цифровой меткой (числительное «5») или началом имени владельца (Соломоник Е.И., 1984, №№ 131,259; ср.: Robinson S., 1959, p.11, F.8).

Отметим выполненную уверенной рукой монограмму на внутренней боковой поверхности вместилища краснолаковой миски (п.138) (рис.2,8). Отчетливо читаются три буквы монограммы «АГА», такие сочетания известны, авторами предлагались разные варианты интерпретации (Бабинов Ю.А., 1974, №№ 144–149,871). Однако наличие у «А» двух гаст, верхней – прямой и нижней – ломаной, осложняют прочтение монограммы. Прямая гаста, возможно, обозначает вписанную «Δ» (Толстой И.И., 1953, № 85; Бабинов Ю.А., 1974, №№ 532–542). По-видимому, неслучайна горизонтальная черта и у вершины первой «А».

Среди материалов могильника в *Южной Озерейке*, имеющего значительный период функционирования (II в. до н.э. – IV в. н.э.), на настоящий момент зафиксировано граффити на внешней поверхности стенки сероглиняной миски (Шишлов А.В., 1999, рис.13,2) в виде «ромба с крючками» у трех углов-вершин (рис.4,3). Это достаточно распространенная схема, обычно трактуемая как символ плодородия (Амброз А.К., 1965), известна и среди сарматских тамг (Драчук В.С., 1975, №№ 739,740).

Наиболее представительная коллекция собрана из культурных слоев и объектов поселения

Мысхако, которое в древности носило название Бата (Гайдукевич В.Ф., 1949, с.220; Вязкова О.Е. и др., 2001, с.205). Гораздо меньше граффити происходит из погребальных комплексов могильника этого поселения (погребения 22, 30, 41) (Емец И.А., 2000, №№ 141–143) (рис.4,21;6,1).

Наши знания о пространственной стратиграфии памятника обусловили раздельное рассмотрение материала, в виде двух комплексов: материалов с Западного и Восточного холмов (Вязкова Е.В. и др., 2001).

Комплекс граффити с *Восточного холма* (учтено 24 экз.) был сформирован на материалах раскопок А.Н.Гей и Е.И.Савченко в 1990–2002 гг. Результаты этих раскопок показали, что античный поселок на Мысхако был основан еще в I в. до н.э., его постройки были сооружены с соблюдением принципов гипподамовой планировки. Постройки из камня или на каменных основаниях были ориентированы по сторонам света (Гей А.Н. и др., 2001, с.88).

Пожалуй, наиболее многочисленны изображения, образованные перекрещивающимися линиями. Они известны как на красноглиняном сосуде (кв.Г-20/5: оп.1107), так и на тулове красноглиняной амфоре (я.221: оп.10601) (рис.5,10). Единственный раз встречено граффити на тулове лепного горшка в виде трех прочерченных линий, отдаленно напоминающее букву «N» (кв.В-10/6: оп.10010).

Самые ходовые, многозначные, а потому и самые распространенные – крестообразные пометки. Они могут обозначать как обычную пометку, так и объем в хусах («ο χόεοζ») (Масленников А.А., 1987, № 42). Отметим три небрежно процарапанных знака в виде косоугольного креста на плечах и горле сероглиняного кувшина с ойнохоевидным горлом (я.12: оп.1205) (рис.3,12/2). Судя по положению граффити (на внешней поверхности ручек (1 экз.) или под корнями ручек (2 экз.) и назначению сосуда (колхидские амфоры), пометки типа прямой или косой крест использовались в торговом обороте как знаки собственности или партии товара с определенным содержанием (рис.3,7/1–2,9). Под корнем одной из ручек тоже колхидской амфоры обнаружена пометка в виде вертикальной линии (рис.3,13). По-видимому, с фиксацией каких-то пересчетов связано граффити в виде сложного креста на горле еще одной колхидской амфоры (я.24: оп.10155) (рис.3,4).

Здесь представлены изображения «волшебных» ромбов, реже квадратов, с диагоналями,

которые могут рассматриваться как вписанные в геометрические фигуры косые кресты (Флерова В.Е., 2002, с.56; ср. диагональный крест, вписанный в боковую плоскость стоячей плитки: Вязкова Е.В. и др., 2001, рис.13,5); на горле колхидской амфоры (я.252: оп.10656) и на плечике сосуда (?) (я.32: оп.10267) (рис.5,2,3/1–2). Подобные изображения достаточно широко известны на античных памятниках Северного Причерноморья. Как правило, они рассматриваются как магические изображения (Толстой И.И., 1953, №№ 60,238; Бабинов Ю.А., 1978, № 1789; Флерова В.Е., 2002, с.58,59), связанные с символикой плодородия (Емец И.А., Чевелев О.Д., 1995, № 14). Среди геометрических знаков на керамике из культурных слоев Восточного холма также отметим изображение «ромба с крючками» на плечике боспорской амфоры (кв.Г-20/3: оп.1101).

Некоторые граффити в той или иной степени напоминают буквы или их сочетания. На внутренней поверхности миски (я.221: оп.10597) и на стенке сероглиняного кувшина (я.2)⁵ (Емец И.А., 2000, № 140) встречено изображение, похожее на букву «U».

Изображение в виде «угла» или «галочки» – букв «лябды» или «гаммы» засвидетельствовано трижды: на верхней части (основание горла, плечиках, нижнем корне ручки) колхидских и одной светлоглиняной амфоре (рис.3,14,15,17), что говорит о том, что речь идет о пометках: например, название вещества или начальная буква имени владельца (Бабинов Ю.А., 1974, №№ 1075–1090).

На тулове кругового сосуда под корнем ручки и на тулове сосуда типа ойнохой зафиксировано граффити типа «птичья лапа» (кв.Г-22,23/10: оп.1205) (рис.3,12/1). В целом этот знак оказался редким для рассматриваемого региона. Перечень можно только дополнить орнаментом из крестообразно расположенных «птичьих лап» на зеркалах с петлеобразной ручкой из Широкобалкинского и Цемдолинского могильников.

На плечике колхидской амфоры (оп.10812) выявлено три значка, нанесенных довольно бегло; сочетания отчасти схожи с греческими буквами «ХГΛ» (ср. выполненное в подобной манере числительное: Толстой И.И., 1953, № 74) (рис.2,11).

По-видимому, с торговой маркировкой связаны граффити в виде знаков, напоминающих

греческие буквы «Π или «Г» на стенках колхидских амфор, причем одна из них была нанесена под нижнем корнем ручки (рис.2,14).

Известны и явно буквенные обозначения на плечиках и горлах колхидских амфор: буква «В» (я.231: оп.10649) (ср. Соломоник Е.И., 1984, № 142; Флерова В.Е., 1997, табл.ХVІІ, 16,24,28) (рис.2,4), сочетание «ΛΑ» и на одном уровне, но чуть поодаль фрагментированная «В» (рис.2,7). Последняя совершенно другая по размеру и, возможно, несет самостоятельную информацию. Например, первые могут быть начальными буквами теофорного имени собственного в дорийской огласовке (Толстой И.И., 1953, № 85), тогда как «бета» – со словом типа «βαλανο» – финики (ср.: Виноградов Ю.Г., Онайко Н.А., 1975, с.91).

Самая представительная коллекция граффити – на керамике с Западного холма Мысхакского поселения: она составляет чуть меньше половины всего учтенного материала (57 экз.). Хотя первые граффити были найдены еще в 1965 году (Онайко Н.А., 1970, рис.30,5), основная масса происходит из культурных слоев и объектов застройки II–III вв. н.э., по большей части погибшей в результате внезапного вражеского нападения в первой половине III в. (Вязкова О.Е. и др., 2001).

Так же как и в материалах Восточного холма, наиболее многочисленны знаки, образованные перекрещивающимися или параллельными линиями. Один из наиболее примитивных – в виде трех пересекающихся линий (я.99: оп.174) на горле колхидской амфоры практически под ручкой, между верхним и нижним корнем, – по всей видимости, условное изображение ветви, сообщающее о содержимом сосуда (масле) (рис.6,4) (Емец И.А., 2000, № 64).

Более усложненный вариант – рисунки типа «елочка» – интерпретируются как тамгообразные знаки (Драчук В.С., 1975, табл.VІІ, № 494) или условное изображение ветки оливы для обозначения содержимого (Соломоник Э.И., 1984, № 113; Емец И.А., 2000, № 71); встреченные уже представлены в различных вариациях: на верхней части (горло, плечико) колхидских (я.89: оп.140; я.99: оп.151) и светлоглиняных (я.50: оп.29; я.123: оп.204) амфор (рис.6,8,9). Особо отметим комбинированный знак, состоящий из окружности и двух, примыкающих с двух сторон «елочек» (я.91: оп.67) (рис.6,7). Хотя окружность является основой большого числа сарматских тамг (Дра-

⁵ Раскопки Н.А. Онайко.

чук В.С., 1975, табл. XI–XIII; Соломоник Э.И., 1984, табл. №№ 77–92), помимо материалов позднеантичного времени из Цебельдинских могильников (Воронов Ю.Н., 2003, рис. 196, 2а), можно привести только самые отдаленные аналогии нашему изображению (Флерова В.Е., 1997, табл. XII, 16; XIII, 7, 8). По-видимому, это какая-то местная импровизация в стиле сарматских изображений-тамг. Тщательность и уверенность в исполнении свидетельствует о (ритуальной-?) значимости этого изображения.

Широко представлены крестообразные пометки на амфорных материалах (на горле светлоглиняной (я.91: оп.66), на стенке тулова колхидской (я.83: оп.70) и на стенке плечика красноглиняной (я.119: оп.157) амфор и реже на посуде, например, на донце сероглиняного канфара (я.124: оп.158). Известно и изображение усложненного креста (с двумя поперечинами) на амфорной стенке (я.79: оп.71) (рис.3,3).

Как солярные знаки могут быть интерпретированы два рисунка, оба на стенках колхидских амфор: фрагментированное граффити, похожее на свастику (я.92: оп.78) (рис.4,10) и рисунок в виде радиально расходящихся из одной точки линий (кв.2–3, шт.1: оп.115) (рис.3,8). Последнее изображение получило распространение в первых веках н.э. на Боспоре, вероятно, в результате этнических (сарматских) передвижений (Емец И.А., Чевелев О.Д., 1995, с.15; Емец И.А., 2000, №№ 76, 99, 101).

Дважды встречено граффити в виде вертикальных линий и косых крестов, отдаленно напоминающих обозначения римских цифр «X» (рис.3,16). Аналогичное граффити на амфорной стенке происходит из постройки II–III вв. н.э. центральной части Горгиппии (Алексеева Е.М., 2002, рис.6,4).

Дважды засвидетельствованы пары зигзагообразных изображений: на стенке тулова серолаковой миски (рис.4,13) (я.86: оп.47) и на плечике боспорской пестроглиняной амфоры (рис.4,22) (я.83: оп.196).

Зафиксированы также граффити в виде пересекающихся взаимопараллельных прямых, образующих при пересечении геометрическую фигуру (чаще прямоугольник или ромб). Довольно часто по отношению к этим изображениям применяют условное название «решетка» или «сетка». На мысхакской керамике они встречаются, как правило, на амфорных стенках: на тулове боспорской (придонная часть ?) (кв.2–3/2: оп.207) и колхидской (я.47: оп.12; я.124: оп.163) амфор (рис.5,5, 11, 12).

Разновидностью этого изображения является сочетание взаимопараллельных линий, называемое обычно «лесенка» (Соломоник Э.И., 1984, с.80а, №№ 379, 453, 413). Причем «перекладины» могут образовывать как прямой угол (см.: на стенках тулова колхидской (я.114: оп.176) и светлоглиняной (я.62: оп.50) амфор), так и тупой, а с противоположной стороны – острый (см. также: на стенках амфорной тары бежевой глины (я.10: оп.134), а также на горле и тулове (я.99: оп.181) колхидских амфор) (рис.5,7, 13).

В основе многих мысхакских граффити лежат геометрические фигуры, например, *треугольник*. Как правило, они встречаются на стенках колхидских (я.90: оп.149; я.99: оп.143, 182, 199; кв.2–3: оп.179), реже на боспорских (я.57: оп.31) амфорах. Под нижним корнем ручки светлоглиняной амфоры нанесено граффити в виде двух соединенных углами треугольников (оп.142) (ср. из Мысхакского некрополя, п.22: Емец И.А., 2000, №№ 142) или на стенке тулова сероглиняного канфара обнаружен равнобедренный треугольник, две вершины которого имеют крючкообразные завершения (Онайко Н.А., 1970, рис.30,5; ср.: Соломоник Э.И., 1959, № 175; Емец И.А., 2000, № 97) (рис.4,9).

К этой разновидности можно отнести граффити типа «тамги Динамии». Они обнаружены на плечиках амфорной колхидской керамики, причем среди них есть и полные (я.99: оп.197) (рис.4,18), и фрагментированные (кв.2–3/3: оп.175; я.99: оп.201; я.96, оп.200; кв.1/2: 146) изображения (рис.4,11, 14, 17). Они различаются по характеру исполнения: частью процарапаны глубоко, уверенной рукой, частью едва заметны и выполнены довольно небрежно. Одно из изображений дополнено квадратом, в результате чего оно получило еще большее сходство со схематическим изображением жилища с конической крышей (ср. Прокопенко Ю.А., 2002, с.44, рис.1,3) (рис.4,19).

Не исключено, что среди них имеются и буквенные сочетания, как, например, граффити на тулове краснолаковой чашки «ΔΙ», которое может рассматриваться и как числительное «11», и как буквенное сочетание (я.57: оп.206) (рис.5,8). Подобное изображение, но с продолжением одной из сторон треугольника, нанесенное на стенку колхидской амфоры, больше напоминает тамгообразный знак (я.35; оп.74) (рис.5,9).

Меньше сомнения по поводу сочетания «ΔΔ» на тулове колхидской амфоры (я.37: оп.30) обычно интерпретируется как числительное «20» (Граффити..., 1978, №№ 549–557) (рис.2,3).

Не менее многочисленны изображения, в основе которых – прямоугольник или ромб. В частности, изображения «ромба с крючками» обнаружены на керамике из я.99: дважды на плечиках колхидской амфоры, ближе к нижнему корню ручки (оп.173,205) и один раз на придонной части сероглиняной с горизонтальным лощением миски (оп.94) (рис.4,4,5). По всей видимости, подобную схему имеет фрагментированное граффити на плечике амфоры оранжевой глины (я.10: оп.137) (рис.4,12). В отличие от «классической» схемы ромб развернут узкой стороной, а верхний крючок имеет два ответвления.

Не менее широко представлены изображения «волшебных» ромбов, реже квадратов, с диагоналями. В двух случаях они были нанесены на стенки тулова колхидских амфор (я.123: оп.138; я.99: оп.92) (рис.5,1,б), в одном случае – с внешней стороны донца сероглиняного канфара (кв.2–3: оп.141) (рис.5,14).

Среди буквенных отметим граффити «А» с крестообразной средней гостой, оно встречено на плечике коричневоглиняной амфоры (Колхида) (я.10: оп.3) (рис.2,9), а также «АА» в лигатуре на стенке амфоры (?) зеленовато-серой пережженной глины (я.42: оп.28) (рис.2,6) (ср.: Соломоник Е.И., 1984, №№ 296–299). По мнению Э.И.Соломоник, крупная буква «А» часто встречается на амфорах и, скорее всего, должно было пояснять его содержимое (Соломоник Е.И., 1984, с.70).

На стенках тулова колхидских амфор дважды (кв.1, шт.2: оп.146; я.87: оп.72) зафиксированы изображения в виде зигзага или обычно трудноразличимых между собой букв «М» и «Σ» (ср: Граффити..., 1978, с.4) (рис.2,1). Буквенное сочетание типа монограммы «ГΣ» (ср. Толстой И.И., 1953, № 1) обнаружено на плечике амфоры красной глины с бежевой обмазкой (я.88: оп.110) (рис.2,15).

Граффити («МЕ(N)») у основания горла светлоглиняной амфоры (рис.2,17) (я.89: оп.136). Обычно рассматривается как начальные буквы имени владельца (Соломоник Е.И., 1984, № 213; Robinson S., 1959, p.12, F.12) или «μένε» – оставайся (ср.: Толстой И.И., 1953, №№ 9,103,104), однако, учитывая специфику сосуда – керамическая тара, можно предположить, что пометка могла иметь отношение и к содержимому (Граффити..., 1978, № 1209).

Два граффити представляли собой целые слова: (буквы в три (?) строчки: ..ΛΑ /..ΟΥ /..) на стенке колхидской амфоры (я.97: оп.77) (рис.2,2) и граффити на внешней поверхности

поддона сероглиняной миски («...Δ(?)ΑΣ») (я.98: оп.103) (рис.2,5). По всей видимости, за ними стоят имена владельцев (ср.: Граффити..., 1978, № 159)

Единственное граффити, выполненное по сырой глине, состоит из двух букв «О» «Р» на стенке толстостенного сосуда (я.83, оп.109) (рис.2,16).

Небрежно процарапанный рисунок, который условно можно назвать «якорь», на стенке колхидской амфоры (я.99: оп.102) (рис.6,3), находит аналогии среди тамгообразных изображений (Драчук В.С., 1975, табл.IV,201–228; Емец И.А., Чевелев О.Д., 1995, № 33) и среди рисунков на кубанских плитках (Соломоник Э.И., 1959, рис.VIII).

Дважды зафиксированы изображения подковообразных линий: пометка, похожая на лунарную «сигму» или тамгообразное изображение (Драчук В.С., 1975, табл.II,119–120) на тулове красноглиняной амфоры (я.62) (рис.6,5) и в составе довольно сложного рисуночного изображения на горле боспорской амфоры (типа: Зеест И.Б., 1960, № 75) (я.83: оп.87) (процарапано глубоко), основу которого образуют две взаимопараллельные подковообразные линии (рис.6,6). Аналогии этим изображения можно найти среди тамгообразных знаков (Драчук В.С., 1975, табл.VIII, №№ 519–538) и на стоячих плитках Прикубанья, а также среди подобных находок на самом Мысхакском поселении (Вязкова О.Е. и др., 2001, рис.13,б).

Рисуночные (сюжетные) граффити на Мысхако, как и в регионе в целом, редки. Наиболее выразительный образец – изображение бегущей собаки или, скорее, волка в прыжке на плечике краснолакового кувшинчика из п.30 Мысхакского некрополя. Несмотря на неизбежный схематизм, рисунок не выглядит скованным, очень живо передано движение фигуры, – все говорит о том, что граффити выполнено умелой рукой. Учитывая северокавказский контекст находки, мы склоняемся к мысли что перед нами изображении почитаемого издревле волка – для адыгов, к примеру, «лесной собаки», образа хтонического и одновременно тесно связанного с понятием «военных союзов» (Вольная Г.Н., 2002, с.100–105) (рис.6,1).

Резительный контраст по количеству и пертурнуару дают синхронные материалы из культурных слоев Раевского городища: дважды зафиксировано – на внутренней поверхности

краснолаковой тарелки (кв.Б'0–5: оп.47) (рис.3,5) и на амфорной стенке – рисуночное граффити в виде вертикальных линий и косых крестов, отдаленно напоминающих обозначения римских цифр «I» «X».

Таким образом, в *архаическое–эллинистическое время* общее количество граффити невелико (7 экз.), их местонахождения явно тяготеют к побережью, они появляются с предметами античного импорта VI–IV в. до н.э. Почти все они буквенные и могут быть квалифицированы как знаки собственности или числительные. Традиция метить керамическую посуду среди местного населения не известна ни в классическую, ни в эллинистическую эпоху.

Ощутимые перемены происходят в *римское время*: район дает невиданное до этого количество граффити (145 экз.), которые происходят опять-таки с ограниченного количества памятников, расположенных в прибрежной полосе. Это обстоятельство, а также топография аналогичных граффити, которая тяготеет к боспорским городам и Ольвии, свидетельствует о значительном притоке населения, по-видимому, морским путем начиная со второй пол. I в. до н.э. Буквенные граффити составляют не больше 10%. Широко распространяется практика метить посуду, что, по-видимому, связано с массовым проникновением полиэтничного по своему составу боспорского населения в области, которые имеют непосредственный выход к морю. Встречаемость одних и тех же знаков на столовой краснолаковой, красноглиняной и сероглиняной, а также на тарной керамике, как с поселений, так и с могильников говорит о том, что эта графика появилась на керамике уже в исследуемом регионе, т.е. местным жителям была близка и понятна семантика этих изображений.

Наиболее многочисленный и разнообразный комплекс с поселения Мысхако. Материалы с Восточного холма свидетельствуют о торговой деятельности, они в значительной своей части, по-видимому, «прибыли» на поселение. Внутреннюю жизнь (этнический состав населения, культы и ритуалы) этого центра отражают материалы с Западного холма. Как своеобразие тамгообразных граффити с Западного холма Мысхаковского поселения, отметим обилие изображений, нетипичных для сарматских знаков, геометрических форм (прямоугольников, квадратов, ромбов с выделенными диагоналями или расчерченными на части, а также треугольни-

ков). Наиболее яркий пример – комплекс я.99. Формирование этого комплекса, по всей видимости, было связано с разгромом, которое перенесло поселение в первой пол. III в. н.э. Здесь зафиксировано 12 граффити, из них на колхидских амфорах (типа: Внуков С.Ю., 2003, рис.66,341–353) – 10 экз., среди них – практически все вариации геометрических тамгообразных типов (рис.5,6,7;6,4), что можно рассматривать как одну из характерных черт комплекса граффити данного района в римскую эпоху.

Об этом свидетельствуют и коллекции граффити из других памятников (Широкая Балка и Южная Озерейка). Отметим полное отсутствие подобных материалов в синхронном могильнике в Цемесской долине, принадлежавший, по всей видимости, военному отряду, который дислоцировался здесь и пополнялся выходцами из внутренних районов Прикубанья (Мальшев А.А., Медникова М.Б., 1995, с.125–135). Тамгообразные изображения в комплексах этого могильника присутствуют только на небольших зеркалах-подвесках.

С другой стороны, некоторые граффити («якорь», «полукольцо», «диагональный крест») имеют аналогии среди рисунков на керамических плитках с меотских городищ Среднего Прикубанья III в. до н.э. – III в. н.э., а также на плитках с самого Мысхаковского поселения (Прикубанье: Соломоник Э.И., 1959, с.40,41, рис.VII; ср. Мысхако: Онайко Н.А., 1969, с.3; Вязкова Е.В. и др., 2001, рис.13). Подобная «орнаментация» известна на горгиппийской черепице (Алексеева Е.М., 1997, табл.49,50). Э.И.Соломоник отметила отсутствие прикубанских плиток в погребальных комплексах и повторяемость изображений среди материалов разных городищ, что не позволяет считать их родовыми или семейными знаками. По мнению автора, они связаны с верованиями меотских племен и имели, по всей видимости, тотемный характер.

Не следует игнорировать и выявленные параллели из позднеантичных комплексов Цемельдинских могильников (Воронов Ю.Н., 2003). Они свидетельствуют о прочных этнокультурных контактах в этом районе понтийского региона в целом.

Таким образом, наши предположения о том, что коллекция граффити римского времени из этого региона является своеобразным и ярким источником для изучения этнической истории и культуры этого региона, полностью подтвердились. Среди обитателей побережья были

Таблица 1. Встречаемость изображений-граффити на памятниках Юго-Восточного Причерноморья (числитель на столовой посуде, знаменатель на амфорах)

Памятник	Буквы, монограммы	Числительные	Елочки	υ	Ромб, треугольник с крючками	Ромб/квадрат с диагоналями	Птичья лапа	z	Крест (прямой, косой, сложный)	Свастика	Π	Решетка, Лестница	«Тамга Динамии»	«Тамга Аспурга»
Торик									1/0					
Лобанова щель	2/0													
Юж. Озерейка					1/0									
Владимировка														13/0
Раевское г-ще		2/0							2/1					
Широкая балка	1/0		2/0	2/0			1/0	1/0	4/0	1/0	1/0		1/0	1/0
Мысхако Вост.	0/2			2/0	0/1	1/1	1/0		1/1		2/0	0/1		
Мысхако Зап.	1/6	1/1	0/5	1/0	1/4	2/4		1/1	1/8	0/1		0/7	0/5	

и достаточно образованные по тем временам греки, и выходцы из сармато-меотской среды, для которых был более понятен язык тамгообразных знаков и, наконец, представители автохтонного, керкетто-торетского населения.

Не вызывает сомнения, что часть зафиксированных граффити являются тамгами или изображениями, выполненными под непосредственным влиянием сарматских тамг. Семантическое поле сарматских тамг достаточно широко (Ольховский В.С., 2001, с.107), причем, как уже отмечалось выше, граница между различными понятийными сферами зачастую условна (Флерова В.С., 1997, с.80).

При использовании этих знаков на бытовых вещах, например на керамических сосудах, сферу значений представляется возможным сузить. Помимо главной, сигнально-опознавательной функции этих знаков (прежде всего как знак собственности или принадлежности к определенному сообществу), они выполняли и определенную ритуальную функцию⁶, прежде всего оберега или вотива. Встречаемость одних и тех же граффити в материалах не только могильника, но и в культурном слое (табл.1) свидетельствует о широком их использовании в повседневной жизни.

Литература

Алексеева Е.М., 1997. Античный город Горгииппия. М.

Алексеева Е.М., 2002. Центральная часть Горгииппии в первые века нашей эры // Древности Боспора. 5.

Амброс А.К., 1965. Раннеземледельческий культовый символ («ромб с крючками») // СА. № 3.

Блаватский В.Д., 1959. Исследования Раевского городища в 1954 году // КСИИМК. Вып.77.

⁶ Парность некоторых (зигзагообразных, типа «птичья лапа» и т.п.) изображений свидетельствует о подчинении некоторой (ритуальной?) системе.

Виноградов Ю.Г., Онайко Н.А., 1975. Об экономических связях Гераклеи Понтийской с Северным Причерноморьем в эллинистическое и римское время // СА. № 1.

Внуков С.Ю., 2003. Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. (морфология). М.

Вольная Г.Н., 2002. Прикладное искусство населения Причерноморья середины I тыс. до н.э. Владикавказ.

Воронов Ю.Н., 2003. Могилы апсиллов. Итоги исследований некрополя Цибилиума в 1977–1986 годах. М.

Вязкова О.Е., Дмитриев А.В., Малышев А.А., 2001. Поселение Мысхако – юго-восточный форпост Боспора // ПИФК. X.

- Гайдукевич В.Ф., 1949. Боспорское царство. М.—Л.
- Гей А.Н., Малышев А.А., Антипина Ек.Е., Богатенков Д.В., Вязкова О.Е., Гольева А.А., Дробышевский С.В., Козловская М.В., Лебедева Е.Ю., 2001. Палеоэкология Северо-Западного Кавказа (работы Северо-Кавказской археологической экспедиции в 2001 г.) // Историко-археологический альманах (Армавирского краеведческого музея).
- Граффити ..., 1978. Граффити античного Херсонеса. Киев.
- Дмитриев А.В., Малышев А.А., 1999. Могильник VI—II вв. до н.э. в устье Лобановой Щели // Историко-археологический альманах (Армавирского краеведческого музея). Вып.5.
- Драчук В.С., 1975. Системы знаков Северного Причерноморья. Тамгообразные знаки северопонтийской периферии античного мира первых веков нашей эры. Киев.
- Емец И.А., 1994. Магические надписи античного времени и Северного Причерноморья // Древности. 13.
- Емец И.А., Чевелев О.Д., 1995. Эпиграфические материалы с Керченского полуострова // Эпиграфический вестник. 1.
- Емец И.А., 1999. Эпиграфические материалы с Керченского полуострова. II // Эпиграфический вестник. 5.
- Емец И.А., 2000. Граффити и дипинти с античных поселений азиатского Боспора // Эпиграфический вестник. 6.
- Зеест И.Б., 1960. Керамическая тара Боспора // МИА, № 83.
- Зубарь В.М., 2001. Об одном типе боспорских керамических клейм // ВДИ. № 4.
- Иванчик А.И., 2002. 2001: Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. М.
- Кругликова И.Т., 1962. Сарматские знаки на амфорах с поселения у д.Семеновки // КСИА. Вып.89.
- Малышев А.А., Трейстер М.Ю., 1994. Погребение Зубовско-Воздвиженского типа в окрестностях Новороссийска // Боспорский сборник. № 5.
- Малышев А.А., Медникова М.Б., 1995. Население Цемесской долины в римское время по данным археологии и палеодемографии // РА. № 4.
- Масленников А.А., 1987. Граффити и дипинти с мыса Зюк // КСИА. Вып.207.
- Масленников А.А., 1990. Население Боспорского государства в первых веках н.э. М.
- Ольховский В.С., 2001. Тамга (к функции знака) // Историко-археологический альманах. 7. Армавир—М.
- Онайко Н.А., 1967. Эллинистическое здание Раевского городища и его место в архитектуре Боспора // СА. № 2.
- Онайко Н.А., 1969. Отчет о работе Новороссийского отряда в мае—июне 1969 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 4253.
- Онайко Н.А., 1970. Раскопки поселения на Малой Земле // КСИИМК. Вып.124.
- Онайко Н.А., 1979. Отчет о работе Новоросийско-Геленджикской экспедиции близ Новоросийска в 1979 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 7970.
- Онайко Н.А., 1980. Архаический Торик — античный город на северо-востоке Понта. М.
- Онайко Н.А., Дмитриев А.В., 1982. Сторожевые посты в окрестностях Бат и некоторые вопросы социально-экономической и политической истории юго-восточной окраины Боспора на рубеже н.э. // ВДИ. № 2.
- Онайко Н.А., 1984. Юго-восточная окраина Боспора // Античные государства Северного Причерноморья. М.
- Прокопенко Ю.А., 2002. Жилища населения Центрального Кавказа второй половины I тыс. до н.э. // Историко-археологический альманах. 8. Армавир—М.
- Сапрыкин С.Ю., 2002. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М.
- Соломоник Э.И., 1984. Граффити с хоры Херсонеса. Киев.
- Соломоник Э.И., 1959. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев.
- Соломоник Э.И., 1973. Из истории религиозной жизни в Северопонтийских городах позднеантичного времени // ВДИ. № 1.
- Соломоник Э.И., 1979. Кубанские керамические плитки // СА. № 4.
- Толстой И.И., 1953. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.—Л.
- Шишлов А.В., 1999. Могильник античного времени у с.Южная Озерейка // Исторические записки. Исследования и материалы. Вып.3. Новоросийск.
- Флерова В.Е., 1997. Граффити Хазарии. М.
- Яйленко В.П., 1980. Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ. № 2.
- Яценко С.А., 2001. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М.
- Robinson S., 1959. Pottery of the Roman Period. Chronology // Athenian Agora. Vol. V. Princeton. New Jersey.

ДВЕ ЛЮБОПЫТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТА «БОГИНИ, СИДЯЩЕЙ НА ТРОНЕ»

Данная заметка¹ посвящена двум весьма необычным чертам в ритуале почитания элевсинских богинь (см.: Завойкин А.А., 2002, с.259–266; 2003, с.104–119), которые были выявлены при исследовании святилища, расположенного в центральной, отрезанной двумя глубокими балками, части археологического памятника «Береговой 4» (юго-западный берег Фанталовского п-ова). Речь пойдет только об одном его контексте (объекты 12.1–7) – ступенчатом (?) алтаре, сложенном из сырцового кирпича впритык к восточной стене ограды центральной части святилища. А точнее, о трех однотипных терракотовых статуэтках, найденных в разных его местах.

Сначала, однако, необходимо сделать несколько предварительных замечаний, касаемо хронологии памятника. Стратиграфически алтарь (как и сырцовая стена, к которой он примыкает) относится к финальному периоду функционирования святилища, которое прекращается около середины I в. до н.э., судя по самым поздним материалам, найденным на святилище и «Береговом 4» в целом²: верхняя его часть по сути лежала на уровне современной дневной поверхности. Находки же на алтаре и рядом с ним, в том числе амфорные фрагменты³ и терракота, по крайней мере в подавляющей массе, датируются IV–III вв. до н.э. (для интересующего нас типа «богини, сидя-

щей на троне» предлагаются в некоторых случаях и более ранние даты – см. ниже). Но находки фрагментов «мегарских чаш» в подстилающем слое позволяют утверждать, что алтарь был построен не ранее II в. до н.э., а скорее всего (как и ограда), возведен в период правления на Боспоре Митридата VI Евпатора⁴.

Учитывая столь широкие хронологические дефиниции, следовало бы обсудить причины того, каким образом позднеклассический – раннеэллинистический тип «богини сидящей на троне» оказался в контексте позднеэллинистическом? Это тем более важно, что в данном случае мы имеем дело не с одной статуэткой (которая могла попасть сюда и случайно), а с тремя, использованными в ходе ритуала и зафиксированными *in situ*. Однако предпочту пока уклониться от рассуждений на данную тему, поскольку это потребовало бы довольно масштабного анализа, охватывающего не только все контексты изучаемого святилища, но и привлечения других хорошо датированных комплексов, содержащих терракоту как рассматриваемого типа, так и других (хотя бы родственных по содержанию). В силу сказанного ограничусь синхронизацией привлекаемых материалов в рамках относительного периода, определяемого бытованием самого типа «богини сидящей на троне», найденного на алтаре 12.1 (рис.1–3).

¹ Работа выполнена в рамках проекта, финансируемого РГНФ (грант № 02-01-00290а).

² Должен, однако, упомянуть находку тоже из самого верхнего горизонта – верхний щиток светильника, покрытого темно-бурым лаком, с косыми насечками по радиусу, того типа, который обычно датируется в пределах конца II – III вв. н.э. Объяснить присутствие здесь этой вещи, отстоящей по времени более, чем на два века от момента запустения святилища, весьма сложно, если не предполагать, что историческая память о нем сохранялась столь долгое время.

³ Подробнее см.: Завойкин А.А. Фрагменты амфор из раскопок святилища на «Береговом 4» // Тр.ГИМ (в печати).

⁴ Верхний пласт древностей синхронизуется в целом с периодом правления понтийского царя на том основании, что как раз на данный период приходятся заметные новации в культе, отправляемом на святилище, которые, с одной стороны, отражают несомненные малоазийские влияния, как в репертуаре культовой терракоты, так и ее типологии (например, маски Диониса, изображение Аттиса и др.), в ритуале (определенные типы многоярусных светильников?) и проч.; а с другой – именно в конце II – I-й половине I в. до н.э. на всем Боспоре получают распространение те же черты в религиозной практике, что в той или иной мере отмечены и на нашем святилище (прежде всего, в терракоте).

Рис. 1. Терракотовая статуэтка богини (Деметры), сидящей на троне, найденная у северного подножия сырцового алтаря 12.4-5 (оп. А-2/2001)

Как уже было сказано, в контексте 12.1–7 было найдено три терракотовые статуэтки богинь, сидящих на троне, интересующего нас типа, две из которых (А-2/01 и А-3/02) были оттиснуты в одной форме, а третья (А-1/01+2/02) – в другой. Терракоты изготовлены из красно-коричневой глины с темно-розовым оттенком (терракота А-1/01+2/02 имеет желто-коричневый оттенок), в тесте присутствуют частички известняка, шамота и слюды. В целом все характеристики глиняного теста несомненно указывают на местное (азиатского Боспора) производство.

Богиня представлена спокойно сидящей в кресле с вертикальной спинкой, в верхней части имеющей крестообразно пересекающиеся выступы вертикальных стоек и горизонтальной перекладины. Схематично переданы горизонтальные выступы на уровне сидения, ниже которых показано подтрапецевидное расширение. Подлокотников кресла не имеет.

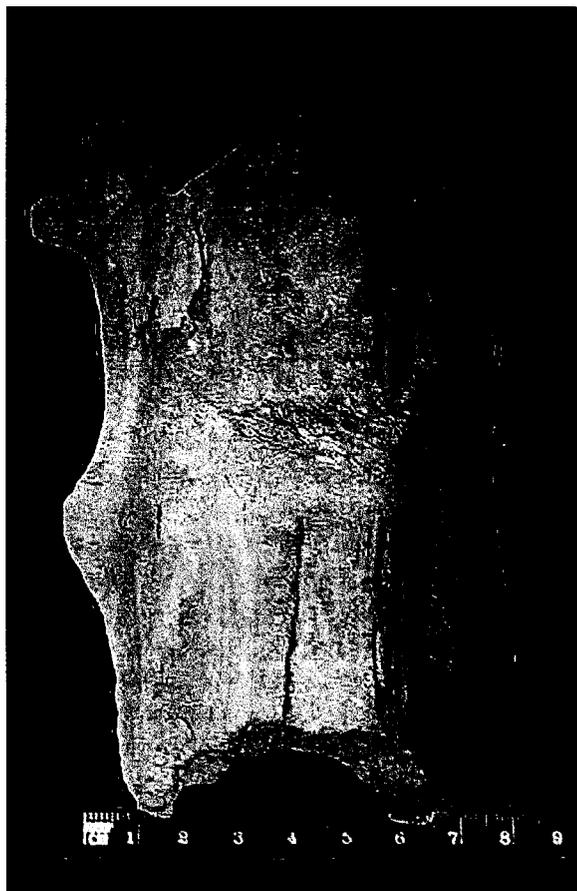

Рис. 2. Терракотовая статуэтка богини (Деметры), сидящей на троне, найденная у южного подножия сырцового алтаря 12.4-5 (оп. А-3/2002)

На голове богини высокий головной убор – калаф (или высокая стефана), ниже которого показаны пряди волос, валиком обрамляющие лицо. Судя по подмазке на подбородке, заметной на лучше сохранившейся статуэтке А-2/01, голова могла изготавливаться в отдельной форме, а затем состыкована с туловищем. Одета в длинный с треугольным вырезом (край выреза выделен невысоким валиком) пеплос, частыми вертикальными складками спускающийся вдоль груди и от колен до земли, богиня прислонилась спиной к вертикальной опоре кресла; обе руки спокойно лежат на коленях; голова чуть наклонена вперед. Ноги стоят на земле или на низкой подставке, насколько можно судить по А-1/02+2/02.

Статуэтки полые внутри. Две (из одной формы) имеют треугольные вырезы по центру с тыльной заглаженной стороны, а третья – подпрямоугольный до самого низа.

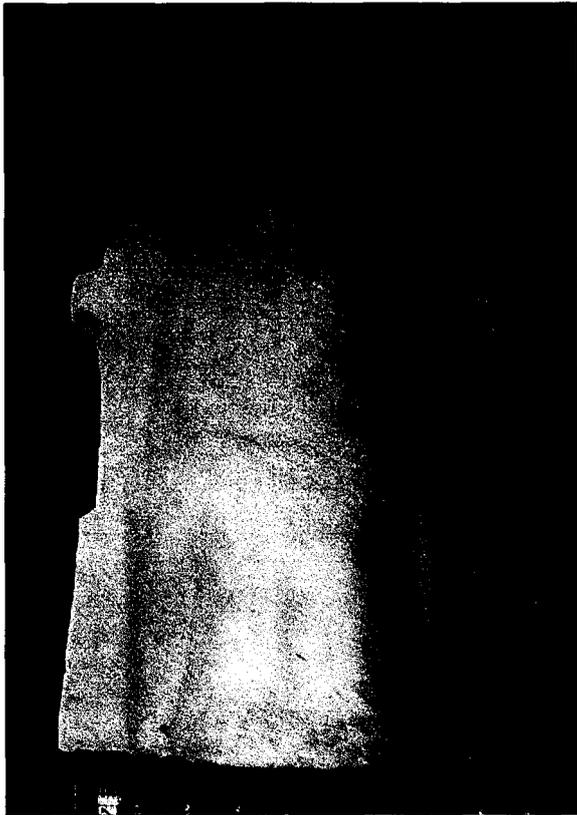

Рис. 3. Терракотовая статуэтка богини (Деметры), сидящей на троне, найденная на верхней площадке сырцового алтаря – 12.1 (оп. А-1/2001)

Сохранность статуэток различна. И имеются веские основания считать, что их состояние обусловлено не только случайными обстоятельствами (если не принимать в расчет отслоение боковых поверхностей статуэтки А-3/02 и затертость поверхности или забитость формы А-1/01+2/02).

Статуэтка А-1/01 лежала на верхней поверхности алтаря на спине, ориентированная на север (рис.3). Голова у нее отсутствовала. Исходя из того, что статуэтка лежала на том самом месте и так⁵, как она была положена в ходе священного действия, и, принимая во внимание другие примеры, наводящие на подозрение о намеренной, ритуальной порче культовых изображений на святилище, позволительно предположить, что и голова богини была отбита с

неким умыслом. (Первоначально, правда, я допускал и использование старой ущербной статуэтки за неимением целой.) Голова богини (А-2/02) нашлась на следующий год примерно в 5 м южнее, на пологом склоне холма. Если бы богиня была положена на алтарь целой, трудно представить, что потом кто-то, осквернив культовое изображение, голову отбросил в сторону, а остальную часть положил на исходное место.

Вторая «обезглавленная» статуэтка (А-3/02) была найдена в 0,7 м к югу от крайней южной ступени алтаря, в 0,40 м от небольшого грунтового «очажка» (12.7). Примечательнее всего, что она была положена строго лицевой стороной вниз, а ориентирована тоже на север (рис.2). У терракоты были отколоты также выступы кресла: правый (относительно сидящей фигуры) лежал здесь же, а левый – не найден. У статуэтки, кроме того, отбиты ступни ног, что, в отличие от выступа головы, с точки зрения механики требует значительно больших усилий.

Третья статуэтка (А-2/01) сохранилась лучше первых двух: как и у предыдущей, отбиты ступни ног и только (рис.1). Найдена статуэтка в 0,9 м к северу от алтаря, но, в отличие от названных, не одна, а в композиции с другой статуэткой богини, тоже сидящей на троне (рис.4,5). Голова второй богини покрыта накидкой; руки тоже лежат на коленях. Трон не имеет боковых выступов. Обе статуэтки были положены на спину (меньшая из них чуть повернута лицом в сторону большей, что в калафе), головами на север. Учитывая контекст, с полным основанием в этой паре можно видеть культовые изображения Деметры и Кору (см.: Завойкин А.А., 2002, с.259–266; 2003, с.106,107, рис.Ш,2) и, таким образом, позволительно рассматриваемый тип терракоты именовать «Деметрой» (с той, разумеется, оговоркой, что данное безатрибутное изображение богини в другом культовом контексте может подразумевать другую Великую богиню).

Если даже мы правы в том, что как в положении культовых статуэток (головой на север, лицом вверх или вниз), так и в намеренности их порчи⁶ («отсечение» головы и (или) ступней

⁵ Допустимо предположение, что эта статуэтка, как и статуэтки А-2 и 3/01, была поставлена вертикально и лишь позднее опрокинулась на спину. Но, бесспорно, что статуэтка А-3/02 была положена лицом вниз, поскольку, если бы она просто упала на поверхность, то лежала бы на боку, а не ниц

⁶ Пожалуй, стоит упомянуть другой статистически вероятный пример ритуальной порчи вотивов – двух керамических «пальметок» (*листья арацеи*) из того же контекста (объект 12.6, которому принадлежит парная находка богинь): у них было отбито по паре «зубчиков» снизу слева (см. Завойкин А.А., 2003, с.93–99, рис.1,2).

Рис. 4. Терракотовые статуэтки богинь (Деметры и Персефоны), сидящих на тронах, найденные в паре у северного подножия сырцового алтаря 12.4-5 (оп. А-2 и 3/2001)

ног) прослеживаются два элемента ритуала в честь элевсинских богинь, то и в этом случае объяснить суть их не представляется возможным. Однако обратить внимание коллег на эти любопытные черты обряда представляется не бесполезным хотя бы потому, что порча терракотовых статуэток *данного типа* может служить дополнительным основанием для определения культовой принадлежности.

Например, обратим внимание на статуэтку богини из ГМИИ (Кобылина М.М., 1961, с.32, табл.VI,4; Марченко И.Д. (Архив), табл.VIII,6; 1962, с.130, табл.IV,3), найденную в святилище на Майской горе, близ Фанагории. Она представляет собой полную аналогию двум статуэткам из нашего святилища и, судя по всему, даже оттиснута в той же форме (что дает основание и наши терракоты отнести к производству фанагорийских мастерских). И.Д.Марченко датировала статуэтку богини концом VI – началом V вв. до н.э., указывая на аналогии в погребениях Фанагории, в Олинфе и в Элевсине (Марченко И.Д., 1962, с.130, прим.38–40; Блаватский В.Д., 1951, с.215, рис.15,5; Кобылина М.М., 1956, с.16, рис.3; Robinson D., 1931, Pl.27,

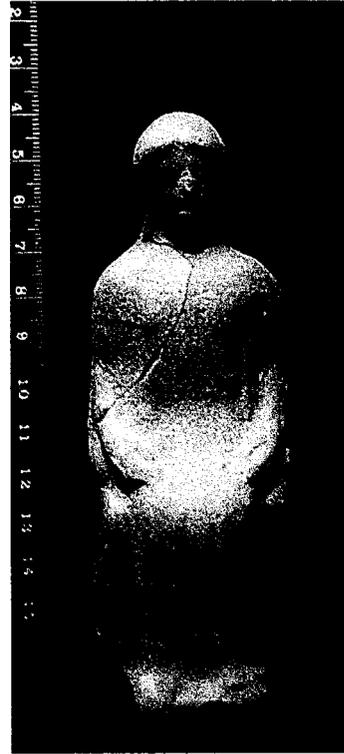

Рис. 5. Терракотовая статуэтка богини (Персефоны), сидящей на троне, найденная у северного подножия сырцового алтаря 12.4-5 (оп. А-3/2001)

№ 216,217⁷; Winter F., 1903, S.72, Abb.6). Примечательно, что у данной статуэтки на момент публикации в 1961 г. (М.М.Кобылиной) и 1962 г. (И.Д.Марченко) отсутствовала голова. Впоследствии она была найдена и приклеена. И.Д.Марченко в Своде терракот в 1974 г. так описывала ее: «Статуэтка сидящей богини (Деметры). Богиня, одетая в дорический пеплос, восседает на троне с боковыми выступами на спинке. Головной убор в виде калатоса, из-под которого видны волосы, окаймляющие лоб. Черты лица переданы суммарно. Руки лежат на коленях. Складки пеплоса видны на груди, на боковых сторонах и на ногах. Высота – 0,16 м. Глина фанагорийская. Оттиснута в односторонней форме, задняя сторона плоская, с большим треугольным отверстием для обжига, снизу статуэтка открыта. Голова приклеена, поверхность сильно стерта. Начало V в. до н.э. ГМИИ, инв. Мг. 1958, № 85. Фависса. М.М. Кобылина. 1961, с.32. табл.VI,4. Реплики от

⁷ Не являются точной аналогией нашему типу, ближе второй парной статуэтке из объекта 12.6, но стилистически более ранние.

подобных статуэток (инв. №№ 80, 166, 167, 310, 352, 373) найдены в фависсе» (Марченко И.Д., 1974, с.34,35, табл.40,1). Необходимо, однако, указать, что при полном сходстве изображений в публикациях 1961 и 1962 гг., в Своде 1974 г. у терракоты с приклеенной головой отбита нижняя часть «подставки», на которой стоят ноги.

Поскольку статуэтка происходит из «фависсы» (ботроса), трудно сказать, была ли голова отбита в ходе ритуала, или же она откололась случайно. Но в любом случае, более или менее тесная тематическая связь между двумя святилищами по элементу «богиня, сидящая на троне» (Деметра) несомненна.

Литература

Блаватский В.Д., 1951. Раскопки некрополя Фанагории в 1938–1940 годах // МИА. № 19.

Завойкин А.А., 2002. ΤΩ ΘΕΩ: образы и символы матери и дочери на святилище элевсинских богинь (Береговой 4) // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. Ч. I. СПб.

Завойкин А.А., 2003. ΘΘε: двойственность и троичность на святилище элевсинских богинь («Береговой 4») // Древности Боспора. Т. 6.

Завойкин А.А., 2003. Керамические вотивы на святилище «Береговой 4» // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы IV Боспорских чтений. Керчь.

Завойкин А.А. Фрагменты амфор из раскопок святилища на «Береговом 4» // Тр.ГИМ (в печати).

Кобылина М.М., 1956. Фанагория // МИА. № 57.

Кобылина М.М., 1961. Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М.

Марченко И.Д., 1962. Новые данные об античном святилище вблизи Фанагории // 50 лет ГМИИ им. А.С.Пушкина. М.

Марченко И.Д., 1974. Терракоты из святилища на Майской горе (Блеваке) // САИ. Вып.Г1-11. Ч.IV. М.

Марченко И.Д. Разведочные работы на Майской горе // Архив ГМИИ (рукопись).

Robinson D., 1931. Excavation at Olynthus. Vol.VII. L.

Winter F., 1903. Die Typen der figuralen Terrakotten. Bd.I. В. – Stuttgart.

РАСКОПКИ РАННЕХРИСТИАНСКОЙ БАЗИЛИКИ В Г.СУХУМЕ В 2001–2002 ГГ.

В 2001–2002 гг. Черноморская экспедиция ИА РАН совместно с Абхазским институтом гуманитарных исследований и Магнитогорским Государственным Университетом проводила раскопки на территории Сухумской крепости на средства гранта РФФИ (Исследовательский грант РФФИ «Палеогеографическая и историческая реконструкция Кавказского побережья в античную эпоху», проект № 010680158, экспедиционный грант РФФИ «Организация и проведение геоморфологических и археологических исследований Кавказского побережья в античную эпоху», проект № 020688000). Начальник экспедиции – Ю.В.Горлов. В ходе работ были обнаружены остатки раннехристианской базилики (рис.1,2). Район, в котором производились изыскания (раскоп «Центральный»), представляет собой центральную часть Сухумской крепости, к Западу от которого в 1987 году проводились раскопки под руководством Л.Г.Хрушковой. Там была обнаружена октагональная церковь, восточный придел которой, судя по всему, перекрывает западную стену базилики, раскопанной нашей экспедицией. Она представляет собой однонефную постройку, от которой сохранились нижние кладки стен, за исключением западной, и пятигранной снаружи и полуциркулярной внутри апсиды. С южной стороны к базилике пристроен придел, видимо, позднее, чем было сооружено основное здание. С северной стороны прослежены остатки сооружений (в том числе водостока), каким-то образом связанных с базиликой, но связь эта пока неясна. Правда, Л.Д.Хрушкова сообщила, что, скорее всего, эти стены относятся к турецкому времени. Действительно, техника их кладки разительно отличается от техники кладки стен базилики, а именно: они сложены из морской гальки на плотном известковом растворе, в то время как стены базилики – частично из обработанных известняковых блоков, а кое-где попадает и плинфа. О водостоке можно сказать с уверенностью, что никакого отношения к базилике он не имеет, поскольку покоится на слое земли до 0,4–0,5 м высотой, что абсолютно не

вяжется с общим достаточно фундаментальным обликом самой базилики.

Длина сохранившейся части базилики (по линии Запад–Восток) – 15,4 м, по линии Север–Юг – 9,5 м. Говорить о соотношении длины и ширины кажется преждевременным, поскольку западная её часть либо скрыта под развалом восточного придела октагональной церкви, либо – что более вероятно – им же и разрушена. Поэтому мы даже предположительно не можем сказать о наличии или отсутствии нартекса. По своей планировке церковь находит некоторые аналогии с церковью № 3 из Цибилиума (Воронов Ю.Н. и др., 1977, с.244–251). Более ранняя базилика, исходя из наличия полукруглой апсиды, была раскопана в 1980 г. экспедицией Абхазского института языка, литературы и истории им.Д.И.Гулиа под руководством С.М.Шамба в районе Гюэноса (совр. г.Очамчира). Она отличается полностью сохранившимися фундаментами, по которым прекрасно восстанавливается план постройки. Имеет развитый нартекс и два небольших придела с северной и южной стороны базилики. (Кобахия Б.С. и др., 1987, с.126–146).

Выявлены два входа в базилику, оба шириной 1,44 м, в северной и южной стенах, расположенных строго напротив друг друга. Стены нефов не примыкают к алтарной части, заканчиваясь означенными проходами. В северной стене прослеживается заложенный камнями проход. Стены базилики сложены из крупной гальки на известковом растворе, в некоторых местах использованы крупные известковые блоки, проходы обрамляют именно они. Стены сохранились в высоту на 1–4 ряда кладки. Южный придел шириной 0,8 м, его стена по характеру кладки несколько отличается от остальных: в ней в некоторых местах использована плинфа, и вообще она менее однородна.

Размеры плинфы: 0,38×0,24×0,055 м; 0,405×0,27×0,055 м; 0,41×0,06×0,02 м; 0,345×0,145×0,03 м.

Основание этой стены лежит несколько выше, чем южной стены нефа. Эти обстоятельства, а

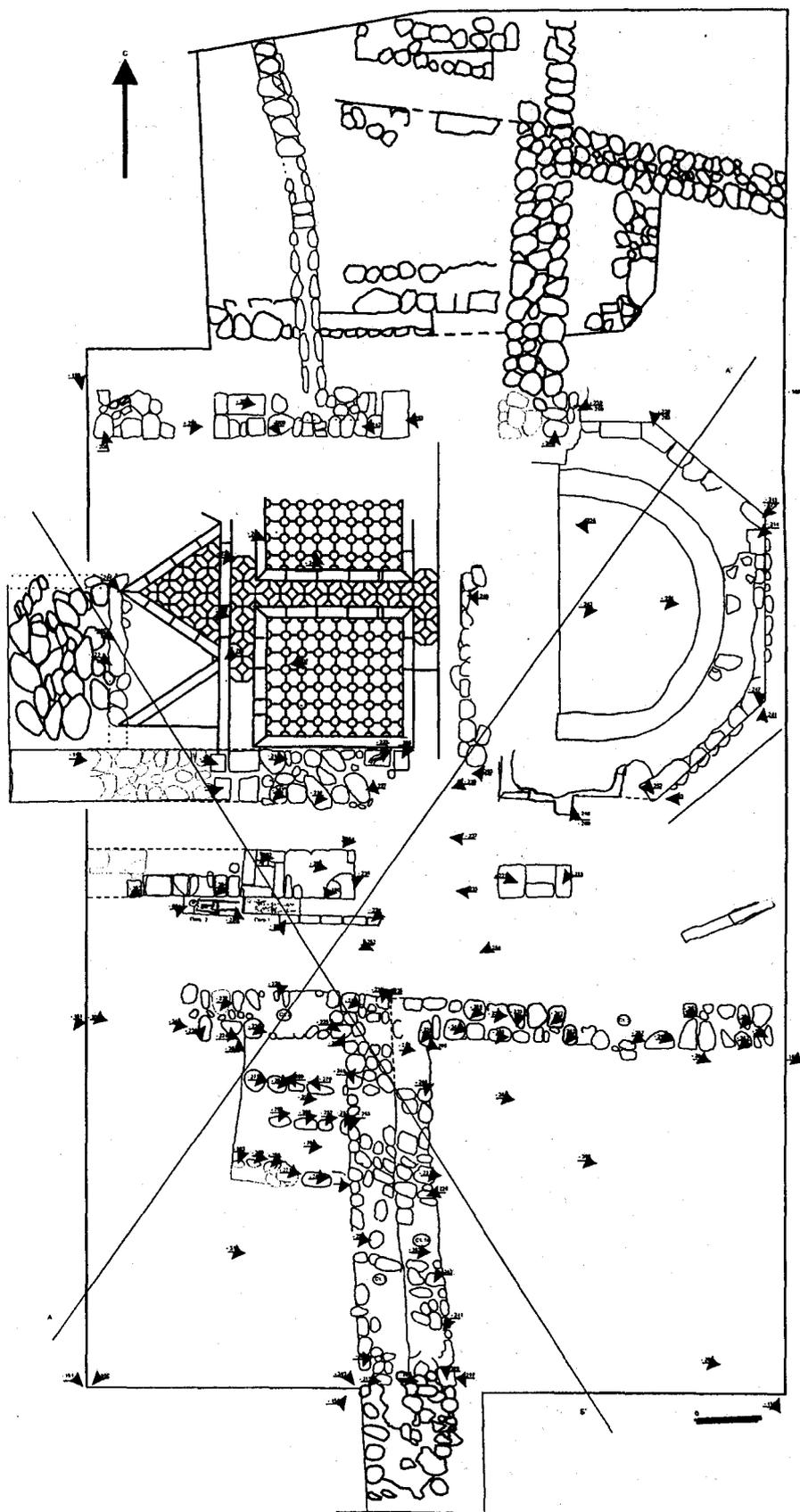

Рис. 1. План базилики с прилегающими конструкциями

Рис. 2. Базилика. Вид с Востока

также наличие заложённого прохода в северной стене позволяют предположить две фазы существования постройки. Толщина стен – 0,8 м, наличие отдельных случаев использования плинфы, при которых никак нельзя констатировать кладку *opus mixtum*, а также отдельных, очень хорошо обработанных известковых блоков – все это наводит на мысль, что при постройке базилики самым активным образом использовался материал более ранних сооружений, возможно, того же предназначения.

Апсида базилики – пятигранная с заплечиками, у оснований граней прослежен ряд камней (крупная галька), выступающих снаружи за линию граней. Насколько эти камни продолжают в глубину, являются ли они цоколем, либо фундаментом – пока сказать невозможно. Но, судя по характеру самого сооружения, основательности постройки, стены её должны были иметь, скорее всего, именно фундамент. Внутренние камни, составляющие апсиду, выложены не совсем правильным полукругом (искажение в южной части). Имеются остатки синтрона (0,4 м шириной) серовато-белой цемьянки. Алтарная часть также покрыта слоем красно-коричневой цемьянки и возвышается над уровнем пола нефа на 0,15–0,2 м. Отделена от нефа частично сохранившейся (в южной части)

каменной двухрядной выкладкой, имеющей в высоту один ряд камней. Трудно сказать, имеем ли мы дело с остатками алтарной преграды. Никаких остатков престола внутри алтарной части не сохранилось.

Самой примечательной деталью вскрытой части базилики является пол из фигурного кирпича, т.н. *opus sertile*, с белыми мраморными вставками – круглыми, квадратными и треугольными (рис.3). Изначально пол покрывал всю площадь нефа, в настоящий момент прослеживается только в восточной его части, причем вдоль северной стены он полностью разрушен.

В кладке пола использованы три вида кирпичей: прямоугольные, квадратные с секторальными выемками по углам. При стыковке четырёх кирпичей эти выемки образовывали полный круг, куда вставлялись мраморные кружки. При укладке шестиугольных – удлиненных и заостренных с двух сторон – кирпичей пустоты между ними также закладывались мраморными вставками, только квадратными. Причем четыре таких кирпича образуют фигуру в виде косоугольного креста. Пол выложен следующим орнаментом: к алтарной преграде с Запада примыкают два квадрата, обрамленных прямоугольными кирпичами и заполненных квадратными с круглыми мраморными вставками. Эти

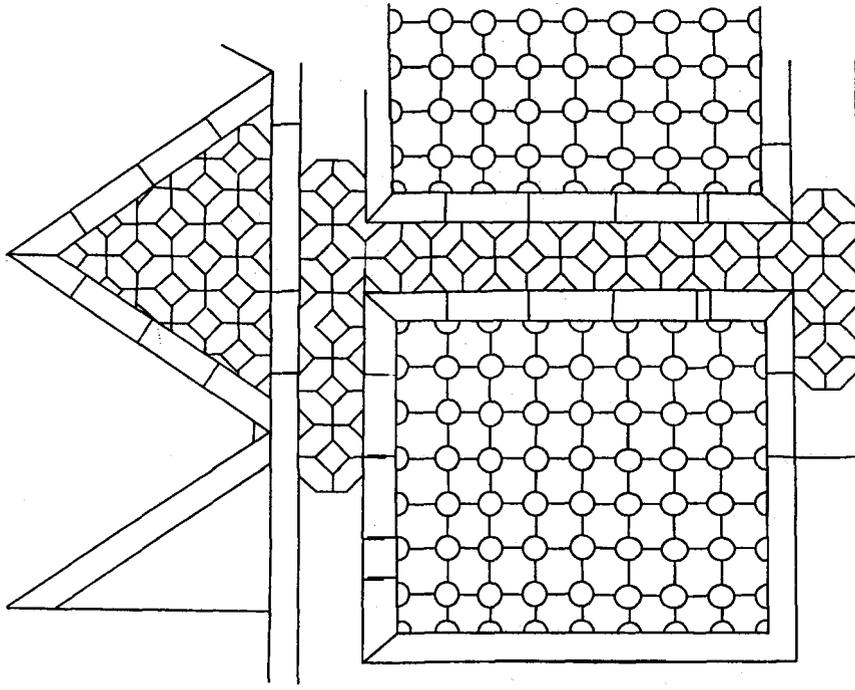

Рис. 3. Пол базилики из фигурного кирпича

квадраты со всех сторон окаймлены одним рядом косых крестов, образованных упомянутыми шестиугольными кирпичами с квадратными мраморными вставками. Далее к Западу пол был выложен тремя треугольниками, заполненными тем же орнаментом из косых крестов и окаймлёнными линиями из прямоугольных кирпичей. На сегодняшний день почти целиком сохранился только центральный треугольник; судя по его размерам, два других не могли полностью поместиться на площади нефа, но они не сохранились. Скорее всего, учитывая характер постройки, орнаментацию пола нельзя считать простым декором; естественно, она содержит в себе христианскую символику – кресты, прежде всего. Три треугольника, возможно, символизируют Святую Троицу, но утверждать это с полной уверенностью мы не берёмся.

По поводу пола можно сделать ещё одно достаточно важное замечание. Наличие в его кладке шестиугольных кирпичей позволяет судить о последовательности сооружения и существования описываемой базилики и соседней октогональной церкви. Именно такой кирпич был обнаружен в кладке стенки одного из погребений в мартирии октогона (Хрушкова Л.Г., 2002, с.214). Следовательно, базилика была построена раньше и, судя по всему, разрушена при строительстве упомянутой октого-

нальной церкви. Наличие гранёной апсиды указывает на её относительно поздний характер, а находка монеты Юстиниана I в непосредственной близости от базилики – на примерное время её существования.

Везде вокруг базилики прослежен слой трамбованной известковой крошки, к Северу от неё, в непосредственной близости (на расстоянии 1 м), выявлены следы ещё одной базилики, ось Запад–Восток расположения которой отклонена от подобной оси рассматриваемой базилики в сторону Северо-Востока, что не позволяет связать обе постройки в единое сооружение. От этой второй базилики сохранились частично южная и северная стены, а также часть трёхгранной апсиды. Раскопки не были доведены до оснований её стен, но вряд ли обе церкви существовали одновременно. Видимо, при строительстве первой базилики, вторая была разрушена.

Строительные остатки первой базилики были перекрыты плотным слоем известковой крошки с многочисленными фрагментами керамической черепицы, образовавшимся после обрушения кровли. В нём были выявлены погребения, все безынвентарные, одинаково ориентированные головой на запад (рис.4). В непосредственной близости от одного из них был обнаружен медный нательный крестик, что

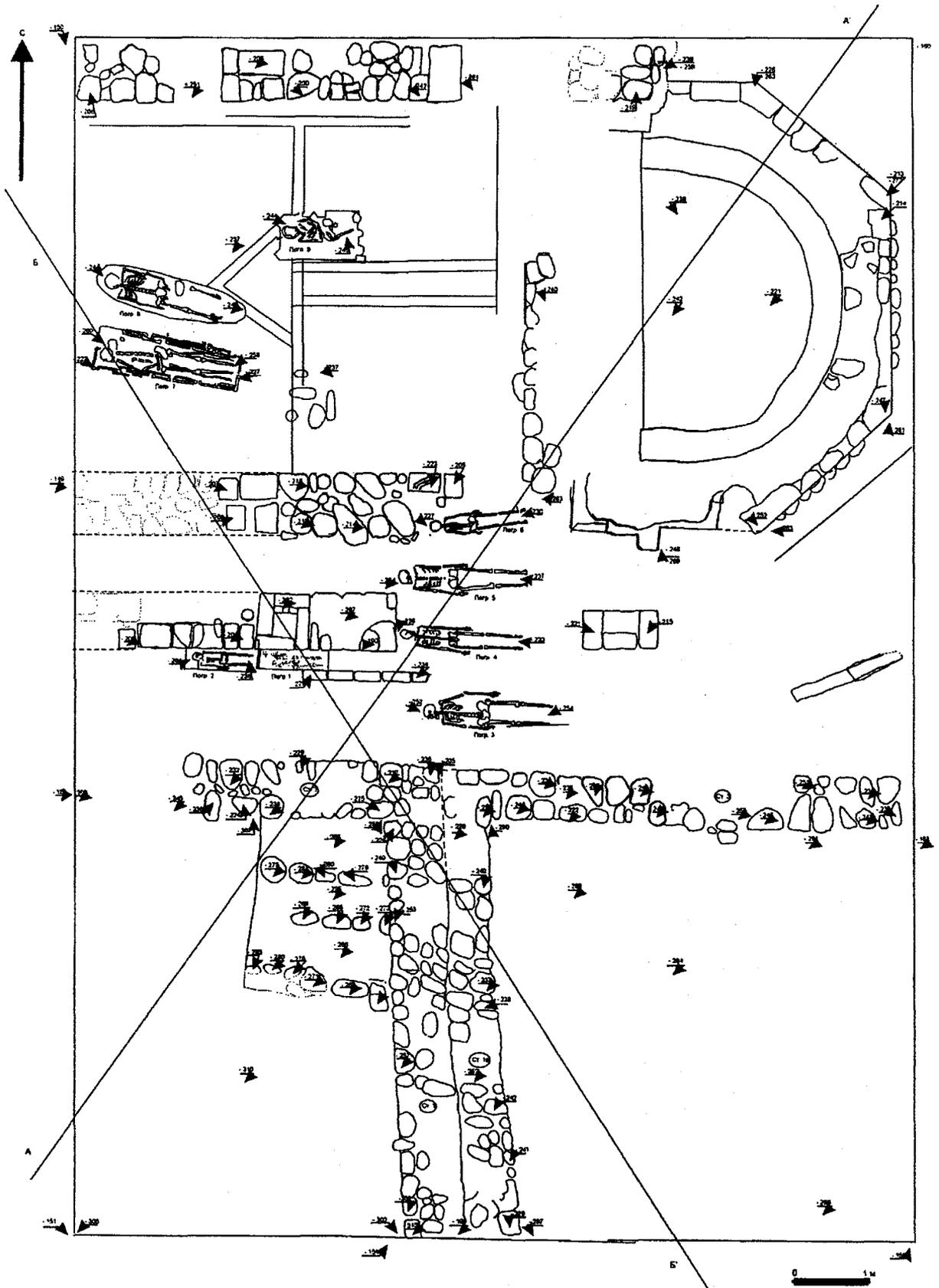

Рис. 4. План размещения погребений

Рис. 5. Двойное захоронение

недвусмысленно указывает на религиозную принадлежность погребённых. Из всех могил выделяется одно двойное захоронение в западной части нефа, образованное вертикально поставленными черепицами-соленами (рис.5). На то, что некрополь возник уже после разрушения базилики, указывает факт разрушения погребениями пола без всякого внимания к его орнаментике. Это же относится и к упомянутому двойному погребению. На его сооружение, возможно, и пошла черепица с кровли уже разрушенной базилики. Исследование и интерпретацию стратиграфии памятника затрудняет тот факт, что некрополь в значительной степени разрушен позднейшей строительной деятельностью на территории Сухумской крепости. От некоторых костяков остались только фрагменты.

К югу от базилики выявлены также и другие строительные остатки, а именно: две довольно толстые стены, сходящиеся под прямым углом. Техника кладки, такая же, как и у северных стен, позволяет говорить об их турецком происхождении, хотя материал у их основания – византийский и даже встречаются эллинистические фрагменты. Скорее всего, при строительстве этих подвалов – а именно подвальных помещениям принадлежат стены – они были заглублены в культурный слой, что для подобного рода построек вполне естественно.

Из находок в районе базилики и в достаточной близости от неё заслуживает упоминания бронзовый колокольчик в форме шапки Диоскуров, обнаруженный к Северу от описываемой постройки,

непосредственно над уровнем трамбованной известковой крошки (церковного двора?).

Остальной материал представлен крайне незначительно: встречаются фрагменты керамических сосудов, в значительной степени местного производства, а также фрагменты стеклянных сосудов. Целых форм не обнаружено. Но из находок других категорий можно выделить несколько мраморных фрагментов, относящихся, конечно, к декору церкви. В том числе фрагмент небольшой колонны.

Историческая интерпретация полученных в результате двух сезонов работ на территории Сухумской крепости выглядит следующим образом. Судя по всему, наши работы ведутся на территории соборной площади Севастополиса, то есть все постройки возникли в византийское время (необходимо учесть не только церкви, обнаруженные нашей экспедицией, но и октогонную церковь, раскопанную Л.Г.Хрушковой). Постройка первой базилики, скорее всего, относится к эпохе Юстиниана I – когда римские гарнизоны возвращаются в Апсилию в 555 году – и возобновлением в связи с этим активного строительства в городах и их расцветом (Proc. Caes. De aed., III, 7). Как будто, это согласуется с общим обликом базилики, не только с наличием уникального пола, но и вторичным использованием некоторых камней и плинфы в кладках стен, – всё это подтверждает тезис о городском расцвете. Смущает наличие двух

строительных фаз, прослеженных при раскопках этой базилики, датировать которые невозможно. Нами было высказано предположение, что строительство базилики можно было бы связать с христианизацией апсидов на официальном уровне в 20–30-е гг. VI в., а некоторое запустение – с оставлением византийским гарнизоном крепости в 544 г. (Proc. Caes. De b. Goth., VIII, 4, 6). Восстановление же и расширение – не только появление южного придела, но и пока непонятной пристройки с севера – с возвращением гарнизона через 13 лет, в 555 году. Но обнаружение к Северу второй базилики на расстоянии около 1 м от первой не даёт повода столь однозначно интерпретировать эти факты. Такая близость двух базилик настораживает и не позволяет – пока только теоретически – трактовать это иначе, как более раннее возникновение второй базилики, разрушенной при строительстве первой. Хотя, возможно, её-то и разрушили римляне при уходе в 544 году. Весь керамический материал более раннего происхождения, но он, по большей части, происходит из района подвалов, лежащих много ниже уровня самой базилики. Поэтому обе трактовки равно вероятны. Позднейшие пристройки к первой базилике могли возникнуть и без связи с громкими историческими событиями, а объясняться внутренними обстоятельствами городской жизни. Так что на сегодняшний день вопрос остаётся открытым.

Литература

Воронов Ю., Гунба М., Бгажба О., Хрушкова Л., 1981. Итоги работ Цебельдинской археологической экспедиции // ЦАИ в 1977 г. Тбилиси.

Кобахия Б.С., Хрушкова Л.Г., Шамба С.М., 1987. Новая раннехристианская цер-

ковь на городище Гюэнос (Абхазия) // ВДИ. № 1.

Хрушкова Л.Г., 2002. Раннехристианские памятники Северо-восточного Причерноморья. М.

КОМПЛЕКС КАМЕННЫХ НАДГРОБИЙ ИЗ СМОЛЕНСКОГО ПОДВИНЬЯ И ПРОБЛЕМА ИДЕНТИФИКАЦИИ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫЧЕСКИХ ИЗВАЯНИЙ

В 1987 г. нами был изучен курганный могильник у д.Горки (Демидовский р-н Смоленской обл.), занятый современным кладбищем. Кладбище имеет признаки длительного функционирования: теснота могил, наличие среди них человеческих костей на поверхности. На могилах находится большое количество специально положенных ледниковых валунов и целая серия грубо изготовленных из таких же валунов намогильных крестов.

Изготавливались кресты главным образом в несколько этапов: из камня путем раскалывания или выгесывания изготовлялась неровная плита, затем намечались лопасти, а после этого на некоторых экземплярах выбивались изображения и знаки. В некоторых случаях округлые сечения природного валуна сохранялись (крест 3, «изваяние»).

Местное название памятника – «Французские могилки». Он расположен в 1,5 км к востоку от д.Горки, на возвышенном месте в лесу. От кладбища в деревню Горки и пос.Подосинки идут лесные дороги, у развилки которых в 250 м к ССВ от памятника установлен деревянный крест. Могильник состоит из 10 округлых сегментовидных насыпей и одной удлиненной. Высота курганов – от 0,7 до 3 м при диаметре от 7 до 13,5 м. Высота удлиненного к.5 – 0,8–1,5 м, поперечники – 13,5 и 9 м. У подножия некоторых курганов заметны ровики. По внешнему облику курганы можно предположительно относить к древнерусскому времени.

Все найденные обработанные камни извлекались из земли, фотографировались и зарисовывались, а затем помещались на прежнее место. Графическая фиксация выполнена художниками А.В.Голиковой и Е.И.Телишевым.

Крест 1 (рис.1,1) расположен рядом с современным крестом на могиле. Лицевая сторона обработана сравнительно тщательно. На ней выбито изображение четырехконечного креста, верхняя и боковые (сохранилась одна) лопасти которого оканчиваются треугольниками, а

нижняя – короткой перекладной и кружком (возможно, стилизованное изображение Голгофы и головы Адама).

Крест 2 (рис.1,2) расположен рядом с современным крестом на могиле. Выгесан сравнительно тщательно. В некоторых местах заметны следы обработки орудием типа зубила (частые штрихи).

Крест 3 (рис.1,3) расположен под скамейкой рядом с современным крестом. Изготовлен из целого валуна путем минимальной, хотя и хорошо заметной, подтески. На верхней сужающейся лопасти выбита фигура из двух соединенных косых («андреевских») крестов (рис.2,3).

Крест 4 (рис.1,4) установлен на современной могиле. Грубыми сколами камню придана неправильная крестовидная форма.

Крест 5 (рис.1,5) расположен около угла ограды современной могилы. Из земли виднеется лишь один угол верхней лопасти. Видимо, крест засыпан при рытье могил. Одна сторона (лицевая) довольно ровная, в целом изготовлен грубо.

Крест 6 (рис.1,6) также засыпан землей, так что виднеется лишь часть верхней лопасти. Представляет собой неровную плиту, у которой выделены верхняя лопасть (отделенная от остальной части опоясывающей канавкой) и «плечики». На лицевой стороне канавка пересекается вертикальной чертой, образуя прямой крест.

Крест 7 (рис.2,7) лежал между курганами 5 и 6. Имеет неправильную ромбовидную форму; на торцах хорошо заметны следы обтески. Основание и одна лопасть отколоты. На лицевой стороне выбито изображение прямого креста с дополнительными перекладными, а рядом – буквы «X» и, вероятно, «С» под титлом (рис.2,1). На другой стороне – изображение креста, слегка повернутого относительно вертикали изображения на лицевой стороне (рис.2,2).

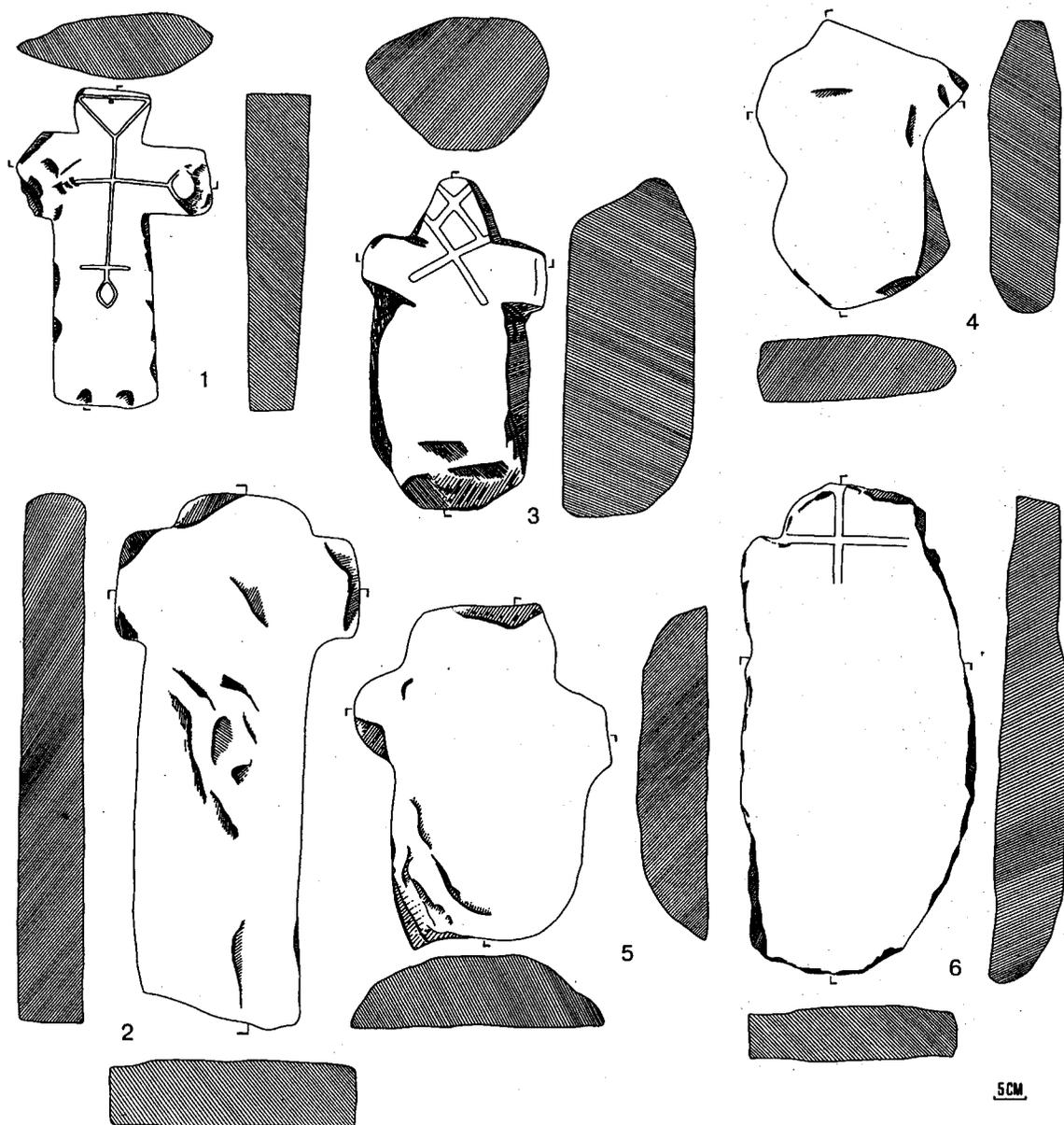

Рис. 1. Каменные кресты с кладбища у д.Горки

Стеловидное надгробие (рис.2,б) установлено на могиле. Вероятно, использована естественная форма камня, образовавшаяся в результате выветривания (уплощенная, с расширяющимся во все стороны основанием). На одной стороне выбит шестиконечный крест (рис.2,4), на другой – четырехконечный (рис.2,5).

Находки подобных каменных крестов, а также валунов со следами обработки для Смоленщины редки. На сопредельных территориях Белоруссии каменные кресты грубой работы обычно относят к XVII–XIX столетиям (Дучиц Л.В., 1985, с.54).

Благодаря грубости изготовления многие из вышеописанных надгробий можно принять за антропоморфные фигуры с намеченными руками и головой. Монументальный крест – вообще в определенном смысле фигура антропоморфная. Неслучайно некоторые старые каменные кресты иногда воспринимаются местным населением (Петров Н.И., 2001), а также интерпретируются в научной литературе в качестве языческих идолов (Александров А.А., 1983, рис.5,1).

Однако в Горках обнаружен также объект, предположительно обладающий антропоморфными чертами иного рода. Условно он именуется нами изваянием.

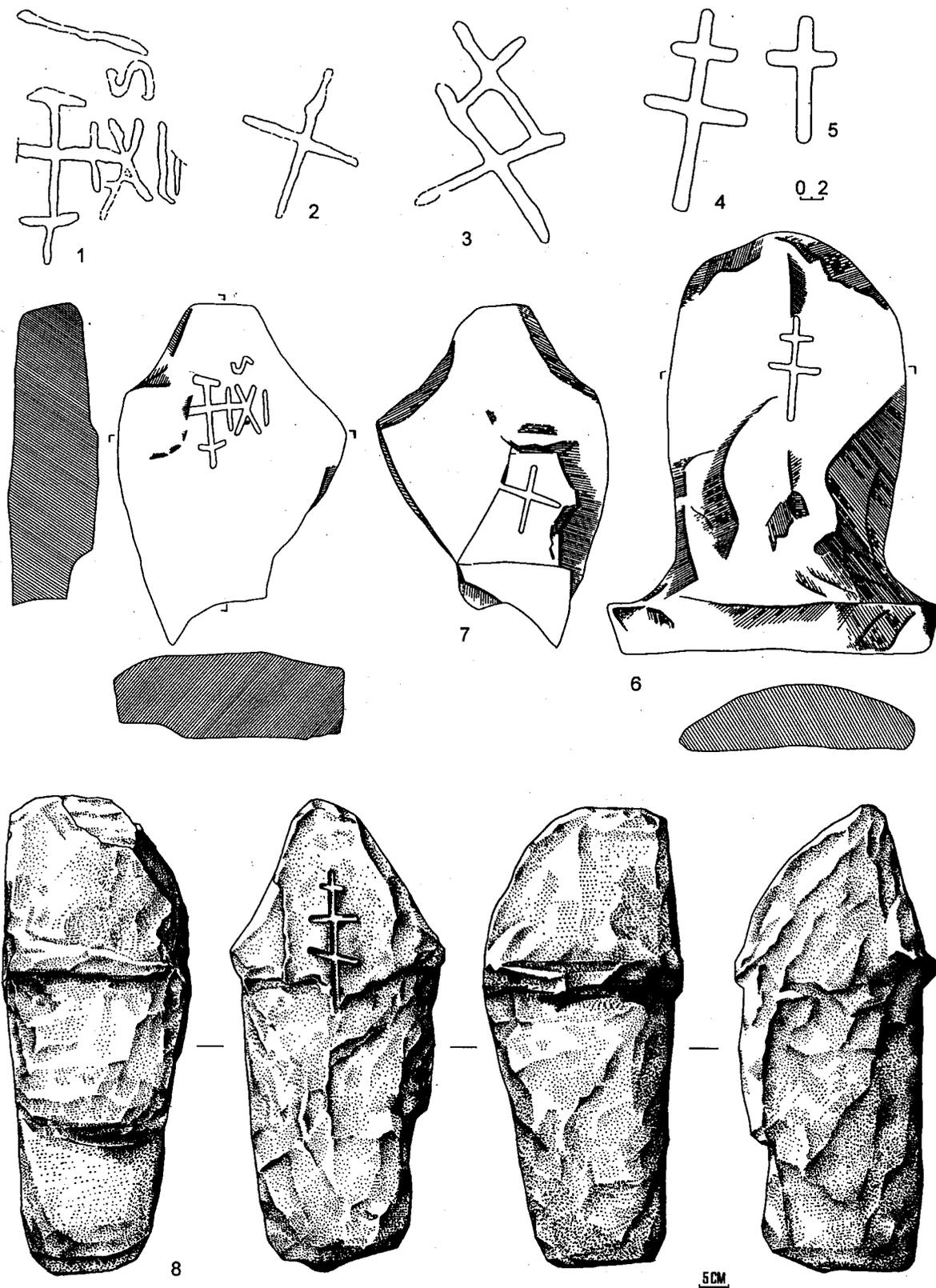

Рис. 2. Каменные объекты и знаки на них с кладбища у д. Горки. 1,2 – знаки на кресте 7; 3 – знак на кресте 3; 4,5 – кресты, выбитые на стеловидном надгробии; 6 – стеловидное надгробие; 7 – крест 7; 8 – изваяние

«Изваяние» (рис.2,8) лежало между курганами рядом с крестом 7. В очертаниях грубо обработанного со всех сторон крупного валуна допустимо усмотреть скульптурное изображение головы человека «в шапке». Подтеской выделены овал лица и шея. Верхней части головы (выше «ободка» шапки) придана подтреугольная форма. Из-за крупнозернистости данного гранитного валуна явные следы орудий на поверхности не прослеживаются. На боковой плоской стороне выбит восьмиконечный крест.

Данный объект уже анализировался в литературе (Петров Н.И., 2001) в контексте ряда других каменных изваяний с восточнославянской территории. Интерпретация всех этих объектов как восточнославянских языческих изваяний оспаривается автором статьи. Наша находка определена Н.И.Петровым как надгробная стела позднесредневекового времени. Однако представляется весьма вероятным, что общая обтеска и изображение креста на этом объекте разновременны. Иначе необъяснимы выделенные в нижней части камня «подбородок» и «шея», развернутые по отношению к плоскости, на которой выбит крест, на 90 градусов. Именно эти детали делают объект асимметричным, если рассматривать его в ракурсе со стороны креста (как он опубликован Н.И.Петровым). Заметим, что поздние изображения крестов известны и на изваяниях средневековых кочевников, например на одном из них, выставленном в экспозиции ГИМ (инв. 3645, Новочеркасск) (Плетнева С.А., 1974, с.198, табл.82,1302).

Полностью осознавая сложность анализа подобных предметов, мы, тем не менее, считаем целесообразными не только более подробную их публикацию, но и попытки обоснования различных их атрибуций. Необходимо указать, что в научной литературе, несмотря на наличие целого ряда обзоров этих загадочных объектов, а также обобщающих концепций (Винокур И.С., Забашта Р.В., 1981; Русанова И.П., Тимошук Б.А., 1993; Седов В.В., 1982 и др.), крайне слабо представлен историко-археологический аспект, начиная с отсутствия хороших прорисовок и обмеров многих изваяний.

Мнение Н.И.Петрова об отсутствии в анализируемом ряду каменных объектов повторяемости признаков не вполне верно. У двух изваяний – идола Себежского музея, найденно-

го в Идрицком районе, и у идола Новгородского музея – сходными приемами обозначены черты лица, важнейшим их атрибутом является шапка с околышем. В соответствии с предложением В.С.Ольховским классификацией антропоморфных скульптур, эти изваяния следует по морфологии отнести к антропоморфным столбам, а иконографически они являются бюстами (Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л., 1993).

К той же категории скульптур относится и публикуемый здесь антропоморфный истукан с территории курганного могильника у д.Горки. В отличие от идолов из Себежского и Новгородского музеев, у изваяния из Горок скульптурно переданы шея и овал лица, но не показаны черты лица – они могли изображаться другими способами (живопись, аппликация). Отсутствуют обозначенные черты лица и на искусственно выделенном полуовальном выступе стеловидного гранитного изваяния из дубовой рощи близ деревни Каменец Себежского района Псковской области. Это второй идол из Себежского музея, опубликованный Ф.Д.Гуревич (1954). Очевидно, отсутствие изображений глаз, носа и рта на этом изваянии побудило исследовательницу усмотреть в нем изображение женской груди (?!), хотя несколькими строками ниже она отмечает, что местным жителям идол был известен под именем Пестун. Согласно местной традиции, которая сохранялась и в 1980-е гг., много времени спустя после помещения идола в музей он обладал целительной силой и ему приносили жертвы мелкими деньгами и молочными продуктами (сообщение научного сотрудника Псковского музея-заповедника Т.Е.Ершовой).

Н.И.Петрову «остаётся неясным, почему в данном камне “можно видеть реликт древних языческих верований” и уж абсолютно некорректным видится его включение в сводные обзоры дохристианских славянских изваяний». Но желание автора резко обособить «реликты древних языческих верований» от объектов «вторичной ритуализации» вряд ли выполнимо. Во всех ли случаях можно доказать отсутствие глубоких, дохристианских, корней у тех или иных поздних языческих культов? Упрекая А.А.Александрова в том, что тот не различает «историко-археологические и фольклорные реалии», Н.И.Петров впадает в другую крайность, когда с легкостью различает эти два вида реалий, согласно своей концепции. Вме-

сто анализа всего комплекса источников Н.И.Петров предъявляет несколько примеров того, как в местной фольклорной традиции каменным крестам придавались черты сакральных антропоморфных изображений. Однако «замыкание» проблемы на каменные кресты как на заведомо поздние объекты, ставшие первоосновой для преданий о сакральных каменных антропоморфах, мы считаем ошибкой. Более правдоподобно, что обычай изготовления и почитания каменных крестов, а также связанные с ними «антропоморфические представления» восходят к традиции почитания культовых камней, в том числе и антропоморфных.

Необходима бережная инвентаризация всех уцелевших источников и рассмотрение разных групп объектов в их возможных взаимосвязях. Имеются в виду следующие группы: 1) дохристианские славянские изваяния (изготовленные из разных материалов) и сведения о них; 2) почитаемые культовые камни, особенно многочисленные в ряде регионов лесной зоны Восточной Европы; 3) камни с чертами антропоморфизма; 4) каменные кресты.

Отсутствие упоминаний каменных изваяний в русских летописях вряд ли можно считать, вопреки Н.И.Петрову, доказательством того, что их на самом деле не было. Можно указать, например, что у античных авторов не сохранилось никаких известий о скифской антропоморфной скульптуре, а опубликованный в 1994 г. В.С.Ольховским и Г.Л.Евдокимовым свод включает более 150 каменных изваяний. Историографическая традиция, относящая Збручский идол к неславянским, в том числе к кельтским, памятникам (см. об этом: Петров Н.И., 2001), весьма уязвима. Важнейшее основание для датировки Збручского идола – изображенное на нем оружие. Ф.Д.Гуревич совершенно справедливо определила его как саблю, по своим характеристикам близкую к «сабле Карла Великого» (Гуревич Ф.Д., 1941). Серия подобных клинков недавно была рассмотрена М.В.Гореликом в специальной статье (Горелик М.В., 2001, с.93–100). Общая их датировка – VIII – начало XI в. Такая датировка свидетельствует о том, что изваяние в «кельтской традиции» было изготовлено вне кельтского этноса. Кроме того, для кельтской скульптуры совершенно нехарактерны изображения головных уборов. Напротив, на памятниках Древней Руси и Скандинавии эпохи ви-

кингов хорошо известны скульптурные изображения «домовых» и «карманных божков» в шапках (Седов В.В., 1982, с.286, табл. LXXIII, 8; Мурашева В.В., в печати). Таким образом, более основательной нам представляется средневековая, древнерусская атрибуция Збручского идола. Именно этот памятник в ряду известных каменных изваяний с восточнославянской территории можно наиболее уверенно относить к эпохе крещения Руси. Упомянутые в летописях деревянные идолы того времени, вероятно, должны были быть изготовлены столь же тщательно и искусно.

Остальные каменные антропоморфы восточнославянских земель принадлежат к иной традиции. И.П.Русанова и Б.А.Тимошук справедливо отметили их общий стилистический признак – грубую выделку (Русанова И.П., Тимошук Б.А., 1993). Использовалась естественная форма камня, напоминавшая голову человека (иногда – всю его фигуру), причем в некоторых случаях – голову в шапке. Эту группу объектов можно рассматривать как результат сравнительно поздней контаминации древнего образа антропоморфного идола (типа Збручского) и традиции почитания культовых камней. Грубо изготовленные изваяния могут быть также не обязательно поздними, но провинциальными, деревенскими подражаниями выдающимся образцам.

Статья Н.И.Петрова со всей очевидностью демонстрирует бедственное положение, в котором пребывает источниковая база изучения такой интересной и важной категории древностей, как антропоморфные каменные изваяния восточнославянских земель. Несмотря на имеющийся ряд специальных публикаций (см. выше), до сих пор не существует сводной работы, в которой была бы предложена классификация этих истуканов, проанализирована их иконография, приведены качественные рисунки и фотографии. Подобного рода работы имеются для изваяний степных кочевников разных эпох (Плетнева С.А., 1974; Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л., 1994). Между тем количественно «славянские» изваяния далеко уступают степным антропоморфам: в восточнославянском ареале, согласно карте, приведенной в работе И.П.Русановой и Б.А.Тимошука, каменные идолы известны немногим более чем в 30 пунктах.

На наш взгляд, чрезвычайно актуальной является работа по источниковедческому анализу

и созданию свода каменных изваяний восточнославянской территории. Под источниковедческим анализом следует понимать не просто критическое рассмотрение имеющихся публикаций, но новое изучение самих объектов в музейных коллекциях с привлечением специали-

стов разного профиля – археологов, искусствоведов, геологов, художников. При разработке методологии такой работы, несомненно, нужно обратить самое пристальное внимание на труды В.С.Ольховского по изваяниям кочевников Евразии (Ольховский В.С., 2000).

Литература

Александров А.А., 1983. О следах язычества на Псковщине // КСИА. Вып.175.

Винокур И.С., Забашта Р.В., 1981. Монумен- тальна скульптура слов'ян // Археологія. № 1.

Горелик М.В., 2001. Парадные кабарские клинки // Материалы по изучению историко-куль- турного наследия Северного Кавказа. Вып.П. М.

Гуревич Ф.Д., 1941. Збручский идол // МИА. № 6.

Гуревич Ф.Д., 1954. Каменные идолы Се- бежского музея // КСИИМК. Вып.54.

Дучиц Л.В., 1985. Культовые валуны, ка- менные идолы и кресты на территории Бело- руссии // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тезисы. Псков.

Мурашева В.В., в печати. «Идол» из Гнез- дова // РА.

Ольховский В.С., 2000. Монументальная скульптура кочевников Евразии: проблемы ис- точниковедения // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М.

Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л., 1994. Скифские изваяния VII–III вв. до н.э. М.

Петров Н.И., 2001. Каменные идолы Вос- точной Европы: славянское язычество? // Ев- разия сквозь века. Сборник научных трудов, посвященных 60-летию Д.Г.Савинова. СПб., с.86–90.

Плетнева С.А., 1974. Половецкие каменные изваяния // САИ. Вып.Е4-2. М.

Русанова И.П., Тимощук Б.А., 1993. Языче- ские святилища древних славян. М.

Седов В.В., 1982. Восточные славяне в VI– XIII вв. М.

КУРГАННО-ЖАЛЬНИЧНЫЙ МОГИЛЬНИК КОНЦА XIII – XVI ВВ. ПОДДУБЬЕ-2 НА ВАЛДАЕ

Курганно-жальничный могильник Поддубье-2 расположен в междуречье рек Шлина и Граничная на Валдае, в 2,1 км к С-В от д.Поддубье, в сосновом бору. Он занимает пологий склон возвышенности рядом с лесной дорогой, ведущей на оз.Глыби. Первое упоминание о нем находим в сводке И.О.Романцева 1911 г.: «При озере Глыби – 12 сопок и жальник» (Романцев И.О., 1911, с.30). Памятник зафиксирован мною в 1988 г. ходе сплошной разведки и на основании опроса местных жителей. Конкретное местоположение могильника указал житель с.Рождество Н.С.Ефремов. Комплекс включает 22 курганные насыпи, расположенные скученно на участке 20×70 м, и жальник, примыкающий с юго-запада на площади примерно 80×100 м (рис.1).

Курганная группа вытянута с С-З на Ю-В. В ее составе две овальные насыпи (№ 9 и 14), остальные круглые в плане, все сегментовидной формы. Следов ровиков визуально не прослеживается. У четырех курганов в основании уложены камни (при курганах 4, 5 – по три камня, при курганах 15, 16 – по одному). Диаметр круглых курганов – 2,8–5,5 м, высота – 0,15–0,5 м. Размеры овальных насыпей – 3,4×4,4 и 4,5×5,5 м, высота – 0,2 и 0,35 м. Поверхность насыпей задернована. Грабительские ямы размером 1,1×1,1, 1,8×3, 1,8×2, 1,8×2 м и глубиной 0,4–1 м имеются на курганах 4, 9, 10, 17. Курганы 6, 15, 16 повреждены ямами диаметром 0,8–1,7 и глубиной 0,15–0,8 м.

Исследован к.1 в центре группы. Его диаметр – 4,6 м, высота – 0,4 м. Он целиком вошел в Раскоп 1 площадью 5,5×8,5 м, заложенный с целью проследить возможный кольцевой ровик и вероятные ямы рядом с насыпью. Такая методика раскопок себя полностью оправдала (рис.2).

Сразу под дерном по всей площади раскопа отмечена зольно-угольная прослойка толщиной 5–6 см от лесного пожара. Насыпь кургана оказалась неоднородная. Ее центральная часть сложена из желтого песка, а по краям основания проходит кольцевая полоса серого гумуса

шириной 0,7–1 м и толщиной до 0,2 м, налегающая на песок; это обкладка из дерна (рис.3). Таким образом, курган сооружался в два приема. В самом основании кургана погребенный дерн не прослежен. Видимо, дерн здесь был снят до начала возведения насыпи; впоследствии он пошел на обкладку склона. Вместо дерна под курганом поверх желтого материкового песка выявлено зольно-угольное пятно мощностью 3–4 см, которое указывает на специальное выжигание площадки вокруг могильной ямы 1; впрочем, не исключая, что перед нами просто россыпь углей из поминального очага. Ровика вокруг насыпи не оказалось.

Размеры погребальной ямы 1 – 3,3×1,3 м, глубина – 0,75–0,82 м. На дне ямы лежал костяк женщины возраста 55–60 лет (определение Т.В.Томашевич). Положение погребенной на спине вытянуто, руки на животе. Ориентировка головой на С-З, ближе к З. Рост – 1,66 м. Возле пальца правой руки найдены две свернутые в комок полоски из белого металла, очевидно, от сломанного перстня. Вдоль скелета прослежены контуры истлевших деревянных досок гробовины длиной 2,3 м и шириной 3–5 см. Перпендикулярно к ним крепились две короткие доски длиной 0,61 м у головы и 0,56 м у ног. Пространство между досками под погребением заполнено мельчайшей прослойкой истлевшей бересты – дно гробовины. Впереди и сзади конструкции выступают короткие торцы досок. Гробовины аналогичной конструкции в виде клетки из досок с пазами известны (Седова М.В., 1997, с.151,152, рис.47).

Раскопки кургана с охватом прилегающей к нему территории позволили обнаружить на уровне материка девять заплывших ям (№ 2–10), часть из которых, очевидно, была связана в той или иной степени с поминально-погребальным обрядом, тризной, добычей песка для насыпи. Три ямы размещались к Ю-В от кургана. Ямы 2 и 3 круглые, диаметром 0,23 и 0,24 м и глубиной 0,18 м; заполнение – тлен, зола, угольки. По размеру они подходят под горшки (см. ниже),

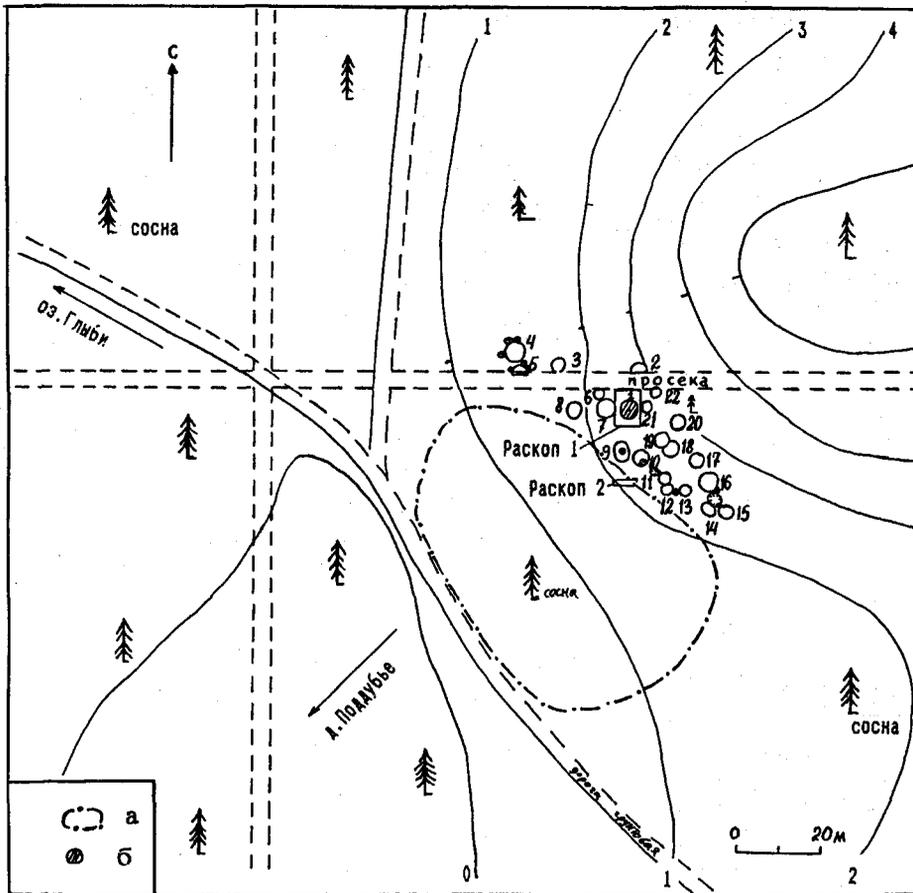

Рис. 1. Курганно-жальничный могильник Поддубье-2. План. а – примерные границы жальника; б – раскопанный к.1

которые могли принести на кладбище для поминальные усопшей. Яма 4 также круглая, диаметром 0,24 и глубиной 0,51 м. Она содержала трухлявый ствол дерева, возможно, столба. Яма 5 располагались в примыкании к юго-западной поле кургана. Форма ее неправильная, общая длина – более 2 м (уходит в западный борт раскопа), ширина – 0,3–0,8 и глубина – 0,15–0,4 м. Заполнение – зольно-угольный слой и пять камней, побывавших в огне. Это остатки очага для приготовления ритуальной пищи.

К северу от насыпи размещалось еще четыре ямы, заполненные желтым песком с включением редких углей, почвы. Яма 7 округлая, размером 1,95×2,3 м, глубиной 0,6 м; заполнена желтым песком с редкими угольками. В ее южной части найдено семь фрагментов кругового горшка. Яма 8 овальная, 1,4×1,95 м, глубина – 0,2 м. Заполнена серым песком с угольками. Яма 9 удлиненная овальная, 0,95×1,05 м, глубина – уступами в 0,2 м, 0,4 и 0,55 м. Яма 9 врезается в яму 7 и, следовательно, она позже.

Наконец, яма 10 уходит в западный борт раскопа. Форма ее округлая, диаметр – 1,5 м, глубина 0,18 м. Заполнение – желтый песок с запылами темно-коричневой земли. На дне поверх материка лежал развал гончарного сосуда из 31 фрагмента.

Для датировки комплекса и реконструкции поминального обряда первостепенное значение имеет керамика и ее топография. В толще песчаной насыпи, серого дерна и в ближайших к кургану ямах было выявлено 148 фрагментов круговых горшков. Им была сообщена единая нумерация. Полностью склеилось три сосуда. (табл.1). Их наибольший диаметр тулова – 20–20,5 см, высота – 17 и 18,5 см.

Горшок 1 (рис.4,1) украшен сочетанием тычкового, волнистого и линейного орнаментов. Его развал обнаружен в юго-восточном секторе кургана на расстоянии 0,7 м от края под серым дерном (фрагменты № 42–65,67–77,79–93). То есть его бросили после возведения песчаной насыпи, но до обкладки ее дерном.

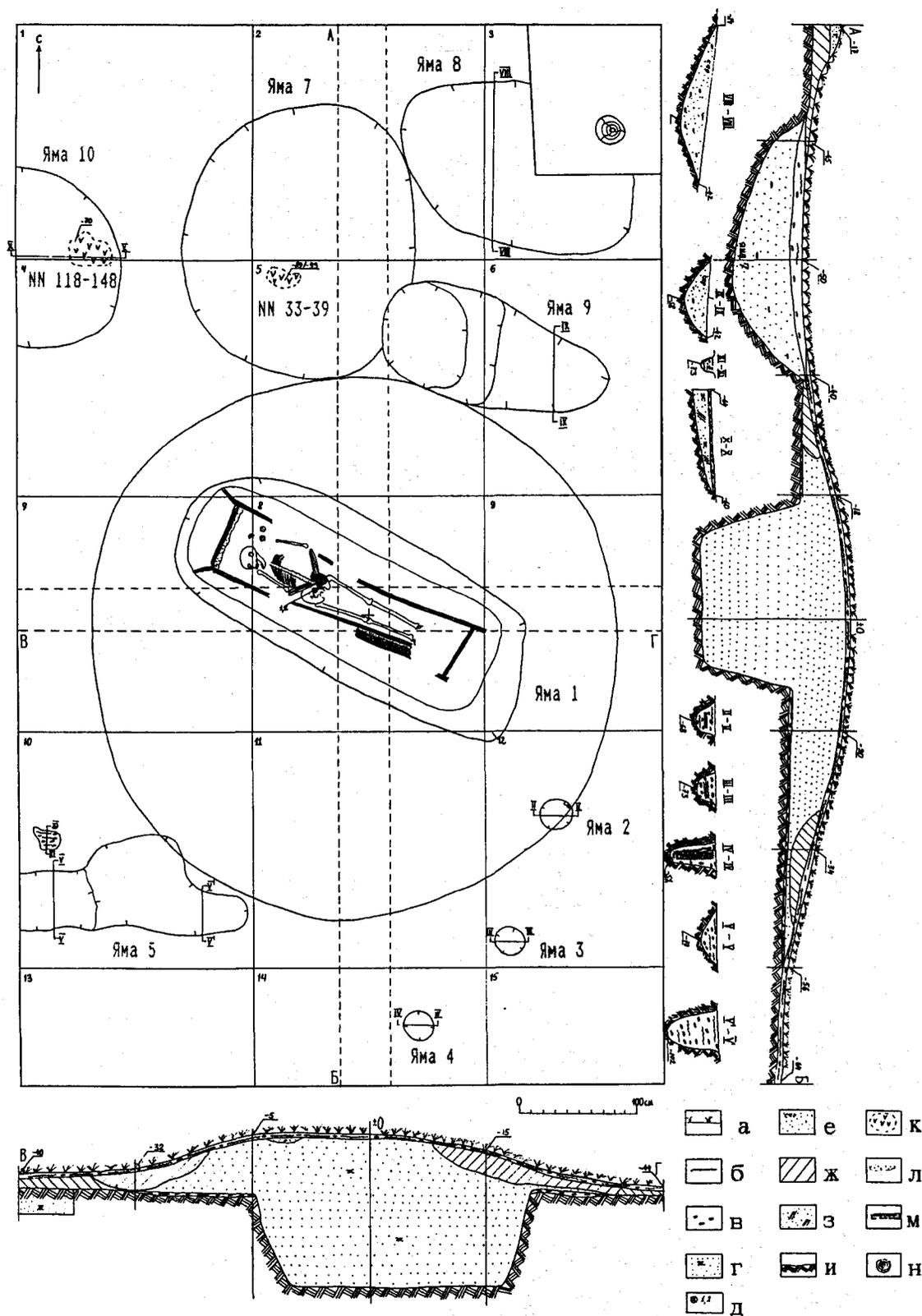

Рис. 2. Курганно-жальничный могильник Поддубье-2. Курган 1. Раскоп 1, зачистка по матерiku. а – мох; б – зола; в – угли; г – желтый песок; д – две полоски из белого металла в погребении; е – серый песок; ж – серый дерновый слой; з – песок с запыльями темно-коричневого слоя; и – материк, желтый песок; к – развал горшка; л – истлевшая береста; м – древесный тлен; н – растущее дерево

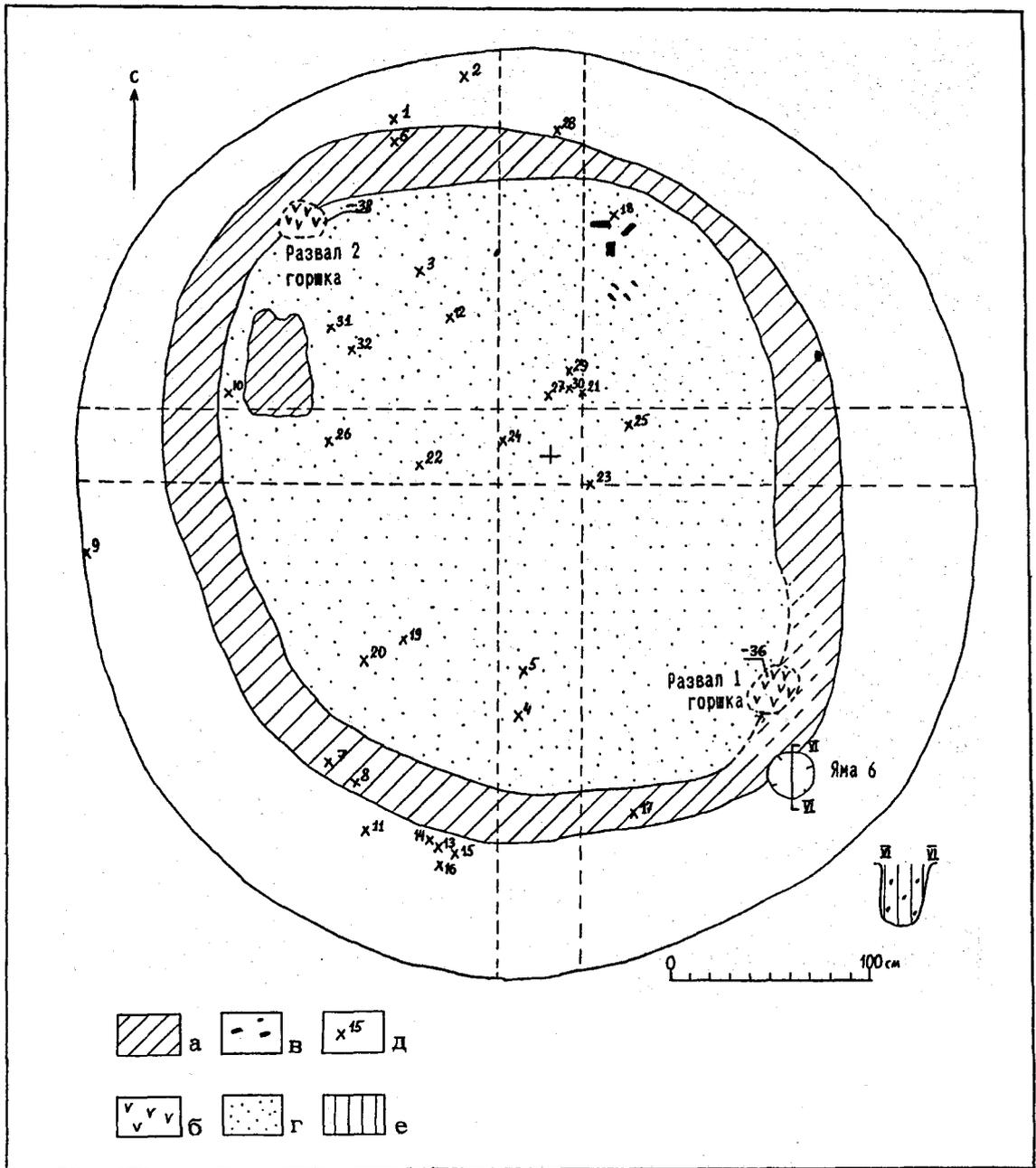

Рис. 3. План кургана 1. Зачистка на отметке -40 см от верха. а – дерновый слой серого цвета; б – скопление фрагментов керамики – развал горшка; в – угли; г – желтый песок; д – фрагмент керамики; е – темно-коричневая супесь

Горшок 2 (рис.4,III). Часть его развала (фрагменты № 94–117) выявлена в северо-западном секторе кургана на расстоянии 0,45 м от края в песке под серым дерновым слоем обкладки. Остальные фрагменты № 118–148 происходят из ямы 10. На стенках следы нагара. Этот сосуд также бросили после насыпки песчаного холма над могилой до обкладки насыпи дерном.

Горшок 3 (рис.4,Л). Данный сосуд специально раскололи. Затем его осколки с временным интервалом стали бросать сначала в основание кургана поверх угля, затем в толщу насыпи по мере насыпки, потом в дерновый слой обкладки и, наконец, на самый верх кургана после его завершения. Оставшиеся разбитые части горшка были свалены в яме 7, из которой, очевидно, до этого брали песок для кургана.

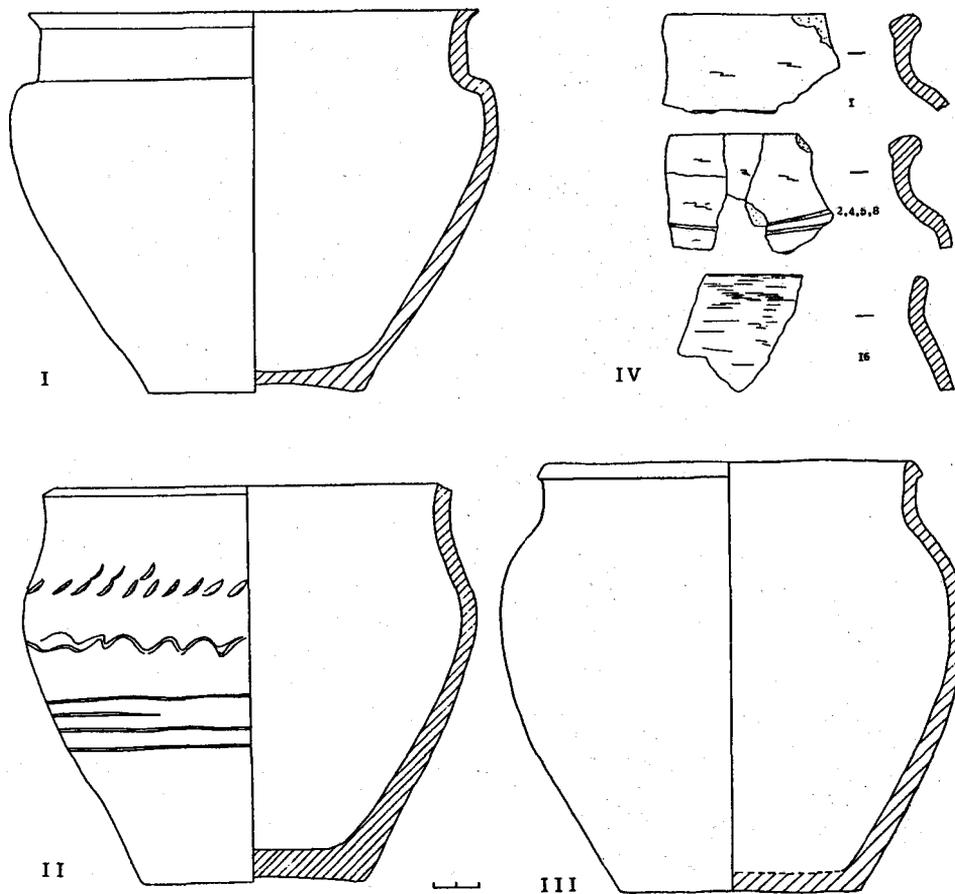

Рис. 4. Круговая керамика из к.1 (I–III) и жальника (IV)

Таблица. 1. Топография фрагментов круговых горшков из Раскопа 1

Горшок №	Фрагмент №	Место находки фрагментов горшка	Кол-во
1	42–65, 67–77, 79–93	Развал в юго-восточном секторе насыпи под серым дерном обкладки	50 шт.
2	94–117	Развал в С–З секторе насыпи под серым дерном обкладки	55 шт.
	118–148	Яма № 10 к С–З от кургана	
3	29, 30	Основание насыпи	26 шт.
	5, 18, 24–27	Засыпка песка насыпи	
	1, 4, 13–16, 28	Дерновая обкладка насыпи	
	22, 23	На поверхности насыпи	
	33–39	Яма № 7	
	40, 41	Выброс из раскопа	

По торжокско-новгородской керамической шкале П.Д.Мальгин датирует наши сосуды следующим образом. Горшок 1 – в Торжке аналогий нет; возможно тип IV, по Новгороду (930-1030 гг.). Горшок 2 – конец XIV–XVIII вв. (тип XII). Горшок 3 – середина XIV – XV вв. (тип VI-1a,

1б). Следовательно, данный курганный могильник XIV в. – один из самых поздних на Валдае.

Жальник, расположенный рядом с курганной группой, визуально не определяется. Его поверхность задернована. Лишь в отдельных местах из-под мха видны камни. По словам местных

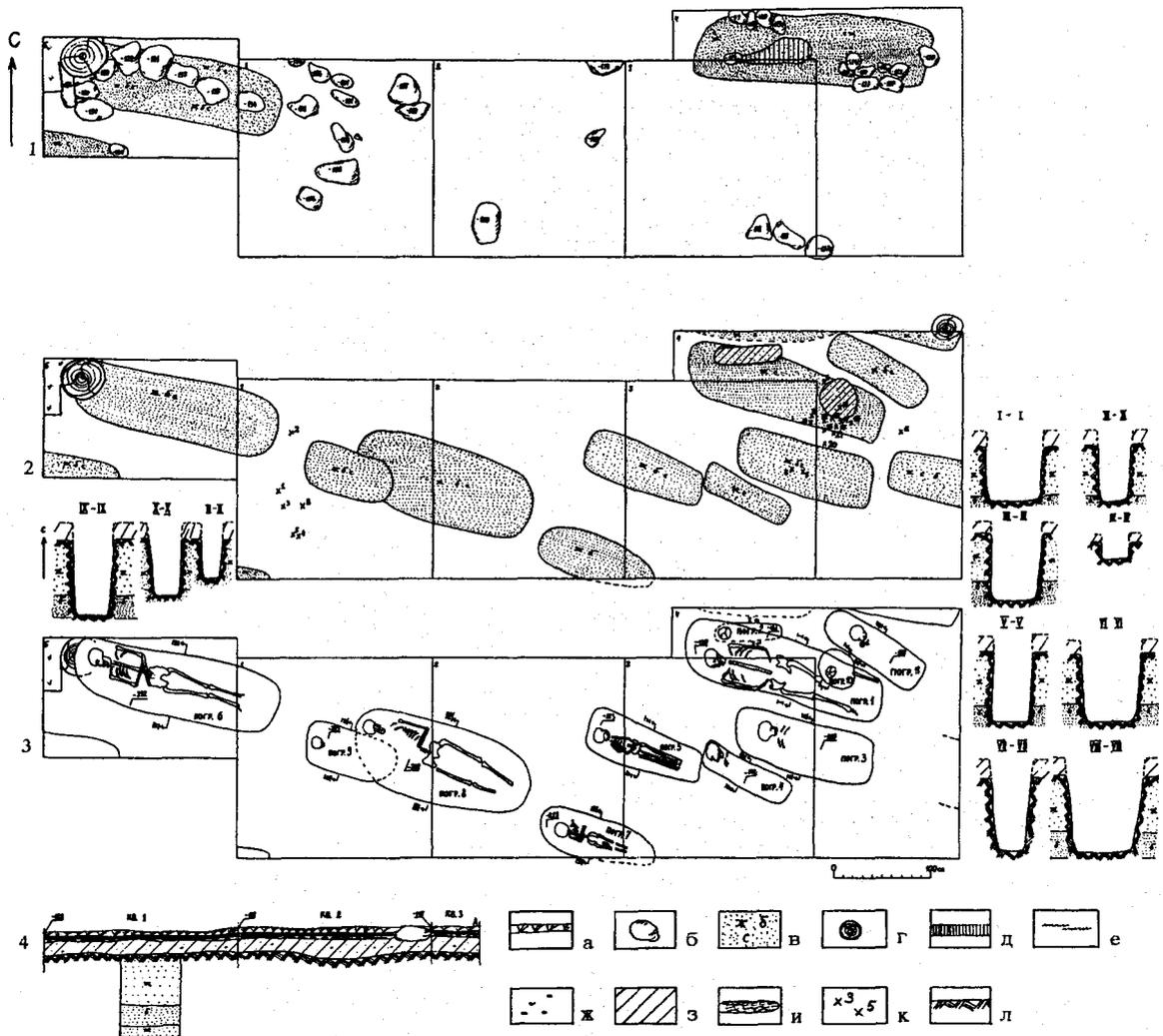

Рис. 5. Курганно-жальничный могильник Поддубье-2. Раскоп 2, план. 1 – зачистка на отметке -10 от верха после снятия дерна; 2 – могильные ямы на уровне материка (-30 от поверхности); 3 – погребения 1–11; 4 – фрагмент северного профиля раскопа. а – ковер мха; б – камень; в – песок с обозначением цвета (б – белый, жс – желтый, с – серый); г – растущее дерево; д – черный гумус; е – зола; жс – угольки; и – истлевшее дерево гробовины; к – фрагменты керамики; л – материк, желтый песок

жителей, многие камни с жальника были взяты на строительные нужды. Повсюду видны ямы. Судя по разбросу камней и грабительским ямам, размеры жальника 80×100 м (0,8 га). Количество отдельных могил не устанавливается.

На жальнике был заложен раскоп площадью около 15 м² (рис.5). Стратиграфия следующая. Верхний слой – из мха и торфообразной массы (перегнившего растительного покрова). Ниже – зольно-угольная прослойка лесного пожара, отмечаемая в междуречье Шлины и Граничной в районе могильника к югу от оз.Гльбы. Под ней – серый подзол с редкими угольками мощностью 12–15 см. Материк – желтый песок.

На глубине 0,1 м от поверхности по верху подзола зафиксированы камни в трех скоплениях (рис.5,2). В западной и северо-восточной частях они, как оказалось, располагались над могилами, являлись обрамлениями могильной ямы. Отсутствие системной выкладки свидетельствует о том, что камни сильно потревожены, конструкции разорены, части камней явно недостает. Их размер в поперечнике – 0,1–0,15 м, самые крупные – 0,3–0,35 м.

После зачистки на глубине 0,2 м от поверхности на фоне песка отчетливо проследились 11 ям (рис.5,3). В слое зачистки найден фрагменты белоглиняной керамики, датируемой

П.Д.Малыгиным, по торжокской шкале, серединой XII – рубежом XIV–XV вв., типы VIII, IX (рис.4,IV). XIV–XV вв. мы датировем погребения, которые оказались безынвентарными.

Раскопки показали, что данная местность в глубине водораздела на склоне возвышенности выбрана неслучайно. На глубине 0,7–0,9 м от поверхности начинается пласт белого мелкозернистого песка. Именно на нем и совершались захоронения. Погребение в белом песке – отличительная черта погребального обряда для населения, оставившего данный жальник. Исследовано три взрослых и восемь детских захоронений.

Погребение 1 размещалось в яме размером 2,18×0,6 и глубиной 0,7 м, азимут 291°. Костяк женщины лежал вытянуто на спине, голова повернута вправо, руки на животе. Рост – 1,65 м. Левая берцовая кость оказалась сдвинута к краю ямы впускным п.10 ребенка, который был похоронен вертикально в округлой яме диаметром 0,4 м и глубиной 0,65–0,7 м. От него остался лишь череп. Возраст ребенка 1,5 года.

Погребение 2 детское, впускное, совершено в ямке длиной 0,7 и шириной 0,2 м на глубину 0,52 м. Яма ориентирована строго по сторонам света. Ориентировка головой на запад. Сохранность черепа плохая. Кости младенца в возрасте 6 месяцев истлели.

Погребение 3 – в яме размером 1,46×0,53 и глубиной 0,8 м. Ориентировка к северо-западу. Кости ребенка 2–3 лет истлели полностью, за исключением нескольких ребрышек. Череп повернут влево. Погребение 4 совершено в яме размером 1×0,3 м и глубиной 0,28 м. Яма ориентирована по линии СЗ–ЮВ. Погребение детское в возрасте 4 лет, возможно, мальчика. Кости истлели, сохранность черепа удовлетворительная. Череп повернут вправо.

Погребение 5 девочки в возрасте 5–6 лет совершено в яме размером 1,28×0,45 и глубиной 0,85 м. Яма ориентирована по линии СЗ–ЮВ. Скелет – на спине, вытянуто, голова повернута

влево, руки на животе. Рост погребенной 1,16 м. Кости покоятся на истлевшей гробовине толщиной 1,5 см. Сохранность костей удовлетворительная.

Погребение 6 мужское, возраст 40–45 лет. Рост 158–160 см. Размеры ямы – 2,15×0,65 м, глубина – 0,83 м. Скелет лежит на спине вытянуто, голова влево, руки на животе. Ориентировка СЗ–ЮВ; азимут 282°. К северу от левой голени – фрагмент истлевшей гробовины толщиной 1 см.

Погребение 7 детское, мальчика 5,5–6 лет. Размеры ямы – 1,28×0,45, глубина – 0,9 м. Костяк лежит вытянуто на спине, руки скрещены на груди чуть выше живота. Азимут 287°. Рост 0,8 м. На дне ямы между берцовыми костями сохранился фрагмент истлевшего дерева гробовины.

Погребение 8 женское, возраст 35–40 лет, рост 165 см. Размеры ямы – 1,9×0,8, глубина – 0,94 м. Костяк лежит вытянуто на спине, голова влево. Руки сложены на животе. Азимут 295°.

Погребение 9 девочки, возраст 4 года. Рост не определен. Размеры ямы – 1×0,45 м, азимут 280°. Кости истлели, сохранился только череп. Погребение 11 детское, возраст ребенка 2–3 года. Возможно, это девочка, поскольку рядом с черепом найдена бусина. Кости истлели. Размеры ямы – 1,14×0,35 и глубина – 0,72 м.

Для XIV–XVI вв. курганно-жальничный могильник Поддубье-2 является единственным погребальным комплексом в пределах исторической территории Жаровского конца волости Жабна, топографированной нами на основании Новгородской писцовой книги Деревской пятины 1495 г. (Буров В.А., 1989, с.74–84). Это дает нам основание атрибутировать его как остатки сельского кладбища – группы конкретных деревень эпохи позднего средневековья: Иваньково, Жары, Поддубье, Еросимово, Машково, Попирачево, Кисляково, Михалково. На его примере явственно наблюдается смена курганного обряда погребения на бескурганый.

Литература

Романцев И.О., 1911. О курганах, городищах и жальниках Новгородской губернии. Новгород.

Седова М.В., 1997. Суздаль в X–XV веках. М.

Буров В.А., 1989. Жаровский конец Жабенской волости в VIII–XVI веках по историко-археологическим данным // Памятники железного века и средневековья на Верхней Волге и Верхнем Подвинье. Калинин.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АБИЯЛИ	– Абхазский Институт языка, литературы и истории
АВ	– Авеста
АН СССР	– Академия наук СССР
АН УССР	– Академия наук Украинской ССР
АО	– Археологические открытия. М.
АП	– Археологические памятники. Киев
АРИГИ	– Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований
АСГЭ	– Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВАА	– Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп
ВГМГ	– Вестник Государственного музея Грузии
ВДИ	– Вестник древней истории
ГМВ	– Государственный музей Востока
ГУ	– Государственный университет
ГЭ	– Государственный Эрмитаж
ДГС	– Древности Геродотовой Скифии. СПб.
ИА НАНУ	– Институт археологии Национальной Академии наук Украины
ИА РАН	– Институт археологии Российской Академии наук
ИАА	– Историко-археологический альманах. М.-Армавир
ИАК	– Известия Археологической комиссии
ИРАИМК	– Известия Российской академии истории материальной культуры
КГИАМЗ	– Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии. М.
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. М.-Л.
МАК	– Материалы по археологии Кавказа. М.
МАР	– Материалы по археологии России. СПб.-Пг.
МАЭ	– Музей археологии и этнографии им. Петра Великого
МГУ	– Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР. М.-Л.
МИДУ	– Музей исторических драгоценностей Украины
НАА	– Народы Азии и Африки
НИИ ЭЯЛИ	– Научно-исследовательский институт экономики, языка, литературы и истории
ОАК	– Отчет Археологической комиссии. СПб.-Пг.
ПАВ	– Петербургский археологический вестник. СПб.
ПАИ	– Полевые археологические исследования
ПСА	– Проблемы скифской археологии. М.
РА	– Российская археология

РВ	– Ригведа
СА	– Советская археология
САИ	– Свод археологических источников
СГЭ	– Сообщения Государственного Эрмитажа. Л.-СПб.
СЭ	– Советская этнография
Тр.ГИМ	– Труды Государственного Исторического музея. М.
УЗ	– Ученые записки
ЦАИ	– Центр археологических исследований
AMI	– Archologische Mitteilungen aus Iran. Berlin
BAVA	– Beiträge zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie
ESA	– Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki
MSROA	– Materiały i Sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego
PBF	– Prähistorische Bronzefunde
RGF	– Römische-Germanische Forschungen
RGZM	– Römisch-Germanisches Zentralmuseum, Mainz

Научное издание

ДРЕВНОСТИ ЕВРАЗИИ:
ОТ РАННЕЙ БРОНЗЫ ДО РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ.
ПАМЯТИ ВАЛЕРИЯ СЕРГЕЕВИЧА ОЛЬХОВСКОГО

Редакторы и составители:
В.И.Гуляев, С.В.Кузьминых, С.Б.Вальчак

Тех. редактор: Л.Б.Орловская
Верстка: В.Ю.Луньков

Подписано в печать 12.07.2005. Формат 60х90/8.
Усл. печ. л. 36,8. Уч.-изд. л. 57,8.
Тираж 400 экз. Заказ № 440.

Институт археологии РАН
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Отпечатано в ИПП «Гриф и К»,
г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а